

Софья Ролдугина

Моя рыжая проблема

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Её зовут Трикси Блани. Она псионик из благополучного мира, где нет места волшебству. Её принципы: рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего. Но всё летит кувырком, когда ритуал вытаскивает Трикси в странное место, где обитают самые настоящие колдуны, в подземельях прячутся химеры, а все пути ведут в Лагон — неприступную горную цитадель, единственное прибежище молодых адептов силы.

Трикси Блани уверена, что если будет следовать трём своим заповедям, то справится с чем угодно. Она ещё не знает, что у неё есть проблема.

Нахальная рыжая проблема по имени Танеси Тейт. Худший ученик за всю историю Лагона...

-
- [Глава 1. Фиктивная добыча](#)
 - [Глава 2. Сходства и различия](#)
 - [Глава 3. Худший ученик](#)
 - [Глава 4. Мастер Лагона](#)
 - [Глава 5. Знай своё место](#)
 - [Глава 6. Иллюзии](#)
 - [Глава 7. Экстремальный опыт](#)
 - [Глава 8. Ревность как паразитирующая форма жизни](#)
 - [Глава 9. Побег с препятствиями](#)
 - [Глава 10. Бегом по лабиринту, вниз по реке](#)
 - [Глава 11. Слабое место](#)
 - [Глава 12. Всегда возвращаются другие](#)
 - [Глава 13. Мастерская интрига](#)
 - [Глава 14. Правильный ответ](#)
 - [Глава 15. Точки опоры](#)
 - [Глава 16. Глубины и отмели](#)
 - [Глава 17. Влекомая течением](#)
 - [Глава 18. Ветер с запада](#)
 - [Глава 19. Столкновение интересов](#)
 - [Глава 20. Охота белого мастера](#)

- [Глава 21. Чёрный цвет, алый цвет](#)
 - [Глава 22. По касательной](#)
 - [Глава 23. Удар в спину](#)
 - [Глава 24. Беги или гори](#)
 - [Глава 25. Дрессировка](#)
 - [Глава 26. Идиотская ситуация](#)
 - [Глава 27. Катастрофа](#)
 - [Глава 28. Вопрос жизни](#)
 - [Глава 29. Невозможное](#)
 - [Глава 30. Учимся говорить](#)
 - [Глава 31. К истоку](#)
 - [Глава 32. Пространственный лабиринт](#)
 - [Глава 33. Изнанка](#)
 - [Глава 34. Опасно заинтересованный наблюдатель](#)
 - [Глава 35. Подобен дракону](#)
 - [Глава 36. Сделка по неведению](#)
 - [Глава 37. Простые удовольствия мастера лагона](#)
 - [Глава 38. Адаптация](#)
 - [Глава 39. Острова](#)
 - [Глава 40. Мимикрия](#)
 - [Глава 41. Перераспределение ролей](#)
 - [Глава 42. Убийственная токсичность сомнений](#)
 - [Глава 43. Чужаки](#)
 - [Глава 44. Всего лишь смерть](#)
 - [Глава 45. Обитель странников](#)
 - [Глава 46. Проявление любви](#)
-

Глава 1. Фиктивная добыча

*Рыжий, горячий, появляется внезапно
и причиняет множество разрушений.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Меня похитили прямо со свадьбы.

К счастью, не моей.

Факт прискорбный и позорный. Есть, правда, и приятная сторона: я испортила торжество ненаглядной кухне Лоран. Брызнувший во все стороны торт, оседающий кусками на лоснящихся физиономиях гостей, и череда лопнувших светильников наверняка на некоторое время займут её очаровательную белобрысую головку... Возможно, этой лицемерке придётся даже отложить свадебное путешествие из-за траура по мне.

Сомнительный повод для радости, но в текущей ситуации сойдёт и такой.

Выкрали меня в разгар поздравительной речи. Только отец уступил место у стола, между свежеиспечёнными супругами и таким же свеженьким главным свадебным десертом, как пространство вдруг взбесилось. Что-то затрещало, заискрило; через мгновение исчезли звуки и ощущение собственной тяжести. Участок пола под ногами помутнел, и я ухнула в это белесоватое пятно, даже пискнуть не успев — в дурацком красном платье, с прозрачным ободком усилителя и тоненьким усиком микрофона за ухом. Мучительную секунду молчали и чувства, и сверхчувства, даже вздохнуть было невозможно — и вдруг я свалилась на камни с пышным букетом в охапке. Ободранные локти саднили. Лепестки цветов щекотали повлажневшее лицо.

Первой мыслью было, что лучше б я не цветы на помост, а подарок взяла: в моей коробке был набор для выживания — идеальный тонкий намёк на желательный исход круиза кухни с мужем по Внутреннему морю. И это определённо более подходящее оружие для борьбы с неизвестными похитителями, чем лохматый веник из хрупких белых стеблей с золотистыми звёздами на концах. Приятная

сторона: кухне вожаденные элирии так и не достались, а ведь она засматривалась на них с самого моего появления в зале...

Впрочем, данную крайне успокоительную мысль можно посмаковать и потом. А сейчас лучше вернуться к похитителям.

Продолжая изображать испуганную жертву, я подтянула повыше букет, закрывая лицо, и снова из-под ресниц окинула взглядом место, куда меня занесло. Похоже, большая пещера: под ногами необработанный камень, стен и потолка не видно, сильный сквозняк. Всего освещения — несколько факелов на подставках...

...настоящие факелы, шрах побери, не имитация!

... и огромный костёр. Из знакомых запахов — только дым, горьковатый и щекочущий горло. Даже влажные камни пахнут как-то чудно. Вроде бы водорослями... или морем? Или плесенью? У костра столпились люди в чёрных балахонах и орут, воздевая руки. Вокруг меня — что-то вроде силовой клетки. Нежная элирия от прикосновения к прутьям скрючилась и почернела так, что трогать их пальцами сразу расхотелось. Лучше потрогаю одним из похитителей, если получится.

Что ж, улов с обычными чувствами не ахти.

Придётся задействовать козыри.

Не без труда я подогнула ноги, скрестив щиколотки — поза не совсем верная, но хотя бы энергетические узлы соприкасаются и юбка задирается не сильно. Вдоль позвоночника тут же потёк холодок, вверх, к голове — уже хорошо. Значит, способности тут работают.

Итак, начнём с анализа ситуации, как говорил дядя Эрнан.

Минусы: неизвестность и пять человек с возможностями, позволяющими перенести избранную жертву из помещения, защищённого не хуже, чем бункер премьер-министра, полное отсутствие связи и незнакомая местность.

Плюсы: девять лет псионической школы за плечами, пять лет стажировки в группе Эрнана, четвёртая ступень эмпатии, третья — конструирования и моделирования, зачатки телепатии... и первая ступень биокинеза, спасибо маме.

Сомнительные плюсы: двадцать четыре года выживания в семейке психов и интриганов.

Что ж, простейшие выкладки указывают на то, что шансы у меня почти нулевые. Но попробовать можно.

Очень, очень медленно и осторожно я начала раздвигать вокруг себя эмпатический купол. До похитителей шагов пятнадцать, не больше. Площадь покрытия в стандартных условиях у меня в десять раз шире, в стрессовых иногда достигала километра... Впрочем, надеюсь до настоящего стресса по шкале Эрнана дойдёт нескоро... Ну, как, заметят или нет?

...ох ты, грёбанный шрах!

Чудики в балахонах на мои действия не обратили ровным счётом никакого внимания — ни на шевеления, ни на купол. Похоже, они его просто не почувствовали. Значит, не псионики. Это приятная сторона. Плохо — то, что меня чуть не вышибло из транса от жуткого ощущения несовместимости.

Люди, определённо. Но с совершенно незнакомой культурой, языком и, что страшнее, с абсолютно чуждым мысленным шаблоном.

"Спокойно, Трикси, — подбодрила я себя, стараясь не цепляться за охапку элирий, как кузина Лоран — за надувной матрас в бассейне. — Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего. Принцип здорового пессимиста".

Помогло.

Уже готовая к самому неприятному, я расширила купол ещё на несколько шагов, поглощая всех похитителей разом. На сей раз было попроще. Чужие чувства и эмоции ощущались чётко: раздражение, страх, предвкушение какой-то награды или удовольствия, зависть... Думали и обо мне, причём намерения отнюдь не были благожелательными: образ колебался от насилия к убийству, а фантазии и готовность к реальному действию переплелись так плотно, что одно легко можно было подменить другим. Значит, у меня проблемы.

Что ж, как говорил Эрнан, если эмпат попадает в группу врагов — у него уже преимущество. Ведь их можно заставить драться друг с другом.

Теоретически.

В моём случае прибавляется ещё острая необходимость разобраться, на каком языке переругиваются похитители и где мы все, собственно, пребываем... Но пока начнём с первого пункта: посеять вражду между похитителями. Где там у нас слабое звено?

Я крепко зажмурилась, отсекая лишние чувства.

...Ага, вот этот, крайний, предполагает, что его могут обмануть. Ну, что ж, можно попробовать и с ним. Глубоко вдохнув, я мысленно "дунула" на искорку недоверия и агрессии, стараясь не погасить. Та вспыхнула неожиданно легко, без малейшего затруднения: кем бы ни были эти люди, защиты от психокинетических воздействий они не знали и поддавались влиянию с минимальным усилием. Тоже запишем в плюсы, хотя не факт, что это не простые исполнители и что настоящий устроитель похищения не бродит где-то рядом, зловеще посмеиваясь над моими потугами.

Остальные четверо уступили влиянию тоже сразу. Облако взаимного недоверия окутало группку так плотно, что, его можно было различить "голым оком", по меткому выражению сестрицы Нэсс. Я приготовилась наблюдать за грядущей сварой, слушать и потихоньку вникать в незнакомый язык, когда произошло непредвиденное.

Появился рыжий.

Он возник в поле действия купола, и меня сразу выбило из транса: таких ярких, чистых и позитивных эмоций с толикой страха, неуверенности в себе и предвкушения "полной задницы" я не ощущала уже давно. Забавно: "полная задница" было первым словосочетанием чужого языка, которое легко распозналось и легло на уже знакомую основу. Даже визуальный образ перед глазами вспыхнул. Пока я сидела и, роняя подвявшие элирии, приходила в себя от шока, тощий рыжий парень в тёмном костюме раскидал моих похитителей, как вентилятор — пенопластовые шарики. Что-то полыхнуло, взорвалось, загрохотало... Запахло палёной плотью, очень похоже на палёные волосы, но гаже, почти до рвоты. Купол схлопнулся до пары шагов в диаметре, и вовремя: не хватало ещё отхватить потрясающих ощущений обожженного и умирающего человека.

А в следующую секунду рыжий оказался у моей клетки.

— Ты в порядке? — спросил он. Голос оказался приятным, а смысл сказанного — понятным. Образы и эмоции ввинчивались в мою голову так, что на мгновение захотелось даже закрыться. Ментальное надругательство какое-то. Я кивнула, он недоумённо нахмурился: похоже, такая невербальная форма согласия была здесь не в ходу. Пришлось повторить, сопровождая пояснительным импульсом. Рыжий вспыхнул радостью: — Хорошо. Бежим!

Он двинул руками, как-то дико изгибая пальцы и запястья, и снова бабахнуло. Моя клетка развалилась на части, причём верхнюю решётку отшвырнуло шагов на тридцать. Рыжий ухватил меня за руку — меня, эмпата! — и вздёрнул на ноги.

А в следующий момент мы уже бежали, как сумасшедшие, а я могла только мысленно вознести хвалу умнице Нэсс за то, что она отговорила идти на свадьбу на каблуках.

Каменный пол оказался предательски влажным, ослизлым. Кое-где попадались здоровенные пятна то ли плесени, то ли водорослей, и там скользили даже шипованные подошвы. Рыжий перепархивал через них с жутковатой грацией и каждый раз так дёргал меня за руку, что плечо простреливало болью. Мы выскочили из пещеры и нырнули в туннель с низким потолком. Зеленоватый свет исходил откуда-то из-за спины, а наши тени, диспропорциональные, с троящимся контуром насмешливо неслись на шаг впереди: а ну-ка, догони, слабачка.

Вскоре дыхания стало не хватать. Рыжий скакал всё так же резво, без сомнений выбирая дорогу на развилках. Хватка у него была стальная. Я чувствовала себя так, словно меня пристегнули наручниками к роллеру на полном ходу.

— Подожди... Не могу больше...

Лёгкие, кажется, разрывались. Ноги отказывались сгибаться. Эмпатический купол давно развеялся, но рыжий меня понял. Затормозил, успел подхватить прямо у пола — и одним движением закинул на плечо.

От удара воздух вылетел из груди, и в глазах потемнело.

А мой спаситель опять ринулся вверх по скользкому подобию ступеней. Всё происходило ошеломительно быстро, и уже мерещилось, что грубо отёсанные камни сами задираются к потолку уступами, а тот испуганно отскакивает — так же рывками, дёрганно. Через две развилки он застыл... То есть застыл, конечно, рыжий, и ругнулся — это без эмпатии было ясно — а затем вдруг взвился в невероятном прыжке.

"Голову пробьёт о камень!" — промелькнуло в мыслях, но потолок куда-то исчез. И не только он.

Мы летели через расщелину, которая никак не кончалась.

Не кончалась.

Не кончалась!

Я не выдержала и заорала от ужаса. К шраму принципы дяди Эрнана, мы же сдохнем сейчас!

...не сдохли.

Рыжий приземлился на том краю и даже устоял. Покачнулся немного, резко отставил ногу назад — и всё. Я же беспомощно мотнулась, как кукла, цепляясь за его одежду, бросила взгляд на другую сторону пропасти — и едва удержалась от вопля снова. У обрыва замерли, переступая с лапы на лапу, две чудовищные химеры, не похожие ни на одно известное науке животное. Но полуметровые пасти с двумя рядами треугольных зубов наводили на исключительно печальные мысли о хищниках и месте беззащитной женщины в пищевой цепочке. Над тварями приплясывали в воздухе зеленоватые светящиеся шары.

— Айры, — ткнул рыжий пальцем в сторону химер; в голосе у него сквозили нотки неодобрения — ни страха, ни отвращения не было, что интересно. Затем взмахнул свободной рукой, и зеленоватые шары перелетели через пропасть вслед за нами.

— Айры, — задумчиво повторила я, пробуя слово на вкус. Парень одобрительно хлопнул меня пониже спины, перехватил поудобнее — и снова побежал по туннелю, постепенно увеличивая скорость.

Вскоре позади осталось несколько неправдоподобно больших пещер, где текли реки и росла настоящая трава, правда, белесоватая. Промелькнули вдаль даже кусты в мелкой россыпи красноватых ягод или низкие ветвистые деревья, но зелёные шары-фонари не позволили разглядеть яснее, что там было. Наконец мы выбрались на открытое пространство. Тут царилась ночь, безлунная и беззвёздная; густая темнота, немногим отличная от абсолютного мрака подземелий. Рыжий поставил меня на ноги и повёл к лесу, на ходу гася "светлячки". Затем спустился в овраг, завёл под естественный навес — переплетение корней, ветвей и сизоватых вьюнов под самым обрывом. И лишь там соизволил отпустить мою руку.

Я перевела дыхание. Сдерживать способности при таком близком контакте на протяжении почти что часа бешеной гонки... О, дядя бы мной гордился. А дорогая кузина Лоран наверняка выдала бы очередную гадость об эмпах и праве на неприкосновенность...

Рыжий что-то сказал — поинтересовался моим состоянием, судя по обеспокоенному выражению лица. Пришлось вновь разворачивать

эмпатический купол, не такой широкий, зато сразу на третьей ступени интенсивности. Парень вздрогнул — похоже, ощутил что-то — и настойчиво переспросил:

— Ты в порядке?

Общий смысл был ясен, затруднение возникло только с обращением. Вероятно, в ходу тут было три формы вежливости — по крайней мере, из такого количества выбирал рыжий. Для себя я сразу решила переводить всё в привычные категории, больше слушать и меньше говорить. И быть осторожнее с невербальными средствами общения — кивки и мотание головой парень явно не воспринимал.

Кстати, знаки для согласия и возражения лучше бы определить сразу.

— Да, — произнесла я чётко, наклоня голову и посылая соответствующий импульс. — Нет, — добавила, покачав головой.

Рыжий сообразил тут же. Оказалось, что согласие у них — склонить голову к плечу. Отрицание — вздёрнуть подбородок, как у нас делают иногда, если не слышат, хотят уточнить что-то или ленятся показать направление рукой.

Продолжая улыбаться и трещать без умолку, парень разложил костёр из подручного материала и поджёг его щелчком пальцев. Я делала вид, что рассматриваю заросшие склоны, а сама чутко вслушивалась в его мысли, соотнося образы со словами и запоминая как можно больше.

Только это меня и спасло.

Агрессивное намерение проскочило фоном, не успело созреть до готовности действовать. Но образ был точь-в-точь как у тех ублюдков из пещеры — насилие и ещё что-то очень неприятное.

"Рассуждай логически, поступай рационально, ожидай худшего", так?

Я поступила рационально — соединила руки, замыкая энергетические каналы, и рывком вывела напряжение эмпатического купола на максимум.

Четвёртая ступень, наибольшая из доступных мне. Воздействие на два порядка более интенсивное и в десять раз более энергозатратное, чем любые манипуляции на третьей.

Рыжего буквально придавило к земле. Он распластался у костра, осоловело глядя в тёмное небо. Мне тоже пришлось несладко,

нормально подняться я не смогла. На коленях проползла по мокрой траве и села ему на живот. Содранные от падения колени саднило, голова трещала — состояние хуже не придумаешь. Но выхода не было.

Чтобы не метаться от одной смертельной опасности до другой, надо прояснить ситуацию как можно быстрее и полнее. И способ только один: просканировать "спасителя" прямо сейчас. Если повезёт, и транс не развеется слишком быстро, то и язык немного подтяну... А извиниться за ментальное насилие можно и потом.

— Отнесись к этому как медицинской процедуре, — посоветовала я от души, хотя он, оглушённый, конечно, ничего не понял.

Второй раз за вечер выйти на четвёртую ступень оказалось ещё сложнее. Единственное, что облегчало задачу — нужно было делать не купол с равномерно рассеянным покрытием, а нечто вроде иглы. Концентрированной, тонкой, острой.

Её-то я и вонзила рыжему в лоб — и пропала.

...как это ни прискорбно признавать, но меня, очевидно, утащили в другой мир.

Пока рыжий пребывал без сознания и тихо лежал под боком, тёплый и безвредный, я размышляла и подводила итоги.

Те эксцентричные парни в балахонах, которые так феерически расстроили свадьбу кузины Лоран, считались тут кем-то вроде сектантов. Мысленный образ колебался от "служителей" до "отступников", нечто малопочтенное и пугающее одновременно. Ритуал переноса виделся явлением обыденным, хотя и сложным: можно сравнить с запуском нового космического корабля у нас. Выдернутых из другого мира, то есть людей вроде меня, рыжий воспринимал как нечто среднее между "подарком", "другом по несчастью" и "конкурентом" — алогичное сочетание. Себя он считал "магом". Что ж, вполне возможно, судя по тому, что рыжий вытворял — прыжки, полёты, парящие светильники-шары, сам по себе вспыхнувший костёр...

Шрах, это я сейчас признала существование магии? Я, псионик-рационал?

Дрова превратились в угли. Света от них было немного, но глазам, привыкшим к полумраку, хватало. Можно, конечно, использовать вторую ступень моделирования и соорудить что-то светящееся...

Ладно, обойдусь. Что ж, стоило уже признаться, что сканирование немного дало. Придётся расспрашивать вживую. Словарного запаса после нырка в сознание моего "спасителя" должно хватить — для понимания так точно, а речь натренирую в процессе.

В навесе над головой проشمыгнуло что-то неразумное — мышь или птица. Стало жутковато. Стараясь не шипеть от боли в перенапрягшихся мышцах, я заставила себя сесть, отряхнула платье и старательно вычесала пальцами из волос мелкие веточки и листья. Не удержалась и скосила глаза на парня, который, похоже, успел очнуться, но предпочитал не подавать пока признаков жизни.

Впечатление он производил неоднозначное.

Невысокий — судя по нашей беготне в подземелье, вровень со мной. Волосы рыжие, всклокоченные, но на ощупь, насколько помню, мягкие. Кожа очень хорошая, ухоженная — значит, гигиена и косметические средства в этом мире точно на уровне. Лицо узкое, нос островат, зато глаза большие. Скорее, красивый, чем нет.

Что ещё?

Тощий, но феноменально сильный и выносливый.

Ещё?

Младше меня биологически, но, похоже, с крайне разнообразным жизненным опытом... Впрочем, не стоит мерить обитателей чужого мира по себе.

Ещё...

Второй слой в сознании, скрытый плотным и толстым подобием щита из ярких и чистых эмоций, неагрессивных образов и понятных намерений. Вот это, пожалуй, опаснее всего. Проникнуть туда я не смогла даже с помощью иглы, только ощутила отзвук, отсвет, которого хватило, чтоб кожа покрылась мурашками животного ужаса. Если отдохну и помедитирую нормально, то сумею туда пробиться, скорее всего. Но не в ближайшее время: выдохнусь и останусь даже без подобия защиты. Значит, нужно быть очень, очень осторожной.

Пока я размышляла и взвешивала, рыжий приоткрыл один глаз и слабым голосом произнёс:

— У меня не выгорело, да?

— Не выгорело, — улыбнулась я, не размыкая губ. Если верить тому, что вертится в голове у этого парня, то демонстрация зубов здесь — агрессия. — А что ты хотел сделать?

— Завладеть добычей, — мрачно откликнулся он и сел, потирая затылок. До меня докатился отголосок головной боли. Да, сканирование — процедура неприятная. — Ты сильный маг, — добавил он.

— Может быть, — не стала я его разубеждать. Тем более что на объяснение разницы между псиониками и магами словарного запаса бы не хватило. — Что значит "добыча"?

Парень замешкался. Не до конца оборванная ментальная связь принесла новый образ — то же насилие, что и раньше, но смягчённое, с толикой вины. Уже что-то.

— Здесь рядом Лагон, — ответил он непонятно.

В мыслях промелькнуло несколько смутно знакомых понятий. Место, где учат магов; укреплённый бастион; резервация. Видимо, таинственный "Лагон" имел свойства и первого, и второго, и третьего.

Интересно.

— И что? Не понимаю.

Рыжий снова почесал в затылке и наморщил нос.

— Ну, Лагон... Тот, кто приводит в Лагон нового ученика, может на него претендовать. Добыча, — развёл он руками беспомощно.

На рабовладение не похоже... Местные традиции? Прелестно. Надо разобраться.

— А если "добыча" отбилась? — продолжила напирать я, постепенно наращивая интенсивность связи. Рыжий, похоже, не чувствует, а мне так легче понимать.

Он повёл рукой, и костёр вспыхнул ярче, хотя гореть там было нечему.

— Если отбилась от одного, то претендуют другие. Отбилась от всех — самостоятельная. Но так не бывает. Ты послушай, это не страшно, — повернулся он вдруг ко мне, состроив совершенно несчастное лицо. На бледной коже отчётливо проступили веснушки — прямо как у сестрички Нэсс. — Это, ну... взаимовыгодно, понимаешь? — с надеждой спросил он.

Я едва не кивнула, но вовремя спохватилась и склонила голову к плечу.

— А выгода-то в чём?

Парень замялся, явно намереваясь соврать. Ладно, пусть. Буду фильтровать.

— Я стану защищать тебя, дам одежду, еду, научу основам, — начал он, соблазнительно хлопая ресницами. — Всё объясню. Не отдам другим. А у меня будет репутация покруче. — Это сленговое "покруче" замечательно легло на образ — прямо родным миром повеяло. — Ну, и резонанс. Но резонанс можно потом, — добавил он и опасно глянул на меня — поняла, не поняла.

Я сделала вид, что не поняла, хотя образы были более чем яркие.

Значит, "резонанс". Назовём это так. Что-то вроде ритуала, к которому можно склонить как насильно, так и добровольно. Моей смертью это не закончится, но будет, очевидно, очень неприятно. "Резонанс" сделает рыжего сильнее, улучшит его социальный статус. "Выдернутые", вроде меня — идеальный материал, универсальный. Любой маг с руками отхватит. Значит, начнётся охота...

Что ж, похоже, выбора нет.

Мысленно повторив заветы дяди Эрнана, я, с полным ожиданием худшего, выбрала наиболее рациональный вариант:

— Уговорил. Буду добычей. Но, — повысила я голос, привлекая внимание прежде, чем парня от радости на месте подбросило, — фиктивно.

— Фиктивно? — осторожно переспросил он.

Сложноватое понятие, видимо.

— Понарошку. Ты меня учишь, объясняешь, что к чему, помогаешь. Если не обманешь — я в свою очередь помогу тебе.

Рыжий сощурился:

— Слово мага?

— Слово мага. Но и ты дай слово, что сперва сможешь, — легко пообещала я. Не маг, а псионик — небольшое лукавство во имя выживания.

А в одиночку у меня шансы нулевые, особенно если вспомнить жутковатых химер из подземелья. Как с такими бороться? И что может противопоставить сильным этого мира бесправная чужачка? Вряд ли стоит рассчитывать на справедливый суд или вмешательство местной полиции, если она вообще существует. А отбиться от всех притязаний силой... Наивно думать, что получится. Я ведь не специальный агент, не боец какого-нибудь "нулевого отряда". Просто недоучившийся псионик, заточенный под работу с людьми и сопровождение делегаций. Неплохой выбор профессии в условиях цивилизации, где

высоко котируется умение сглаживать конфликты и налаживать взаимопонимание между представителями разных культур. И где особенности не то что каждого народа — каждой семьи оберегаются, как драгоценность.

Сомневаюсь, что агрессивная силовая цивилизация высоко оценит мои таланты.

Слишком многое теперь зависит от ответа моего спасителя.

— Обещаю, — склонил рыжий голову к плечу. Поваяло торжественностью и тщательно скрываемым счастьем. — Танеси Тейт, — добавил он вдруг.

— Что?

— Танеси Тейт, — повторил рыжий, солнечно улыбаясь. — Или просто Тейт. Ты ведь моя добыча. А как тебя зовут?

Я сглотнула.

Один простой вопрос — и нахлынуло.

Несколько часов назад у меня было всё. Безумная семейка, включая вредную кузину-блондинку, хорошие карьерные перспективы в отделе дяди Эрнана, первая практика с обеспечением поддержки дипмиссии... Впереди маячили дополнительные курсы по конструированию и моделированию, которые, возможно, перетянули бы меня на ступень выше. Свой дом — маленький, зато с видом на озеро и берег, поросший дикими элириями, которые вообще-то в столице кучу денег стоят...

А сейчас осталось только имя.

Резко выдохнув, я сморгнула дурацкую пелену с глаз.

— Трикси Бланш.

Рыжий потянулся ко мне и погладил по щеке. Бережно, нежно, опасаясь спугнуть.

— Не бойся, Трикси Бланш. Всё будет хорошо. Добро пожаловать в Лагон.

Глава 2. Сходства и различия

*Розовые, шипящие, прыгающие, с клыками,
когтями, шипами, крыльями и вообще какие угодно.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

На ночлег остановились там же, в овраге, под навесом. Гигиенические процедуры пришлось сократить до минимума. Рыжий великодушно отвёл меня к ручью, позволил умыться и поплескаться холодной водой на руки и на ноги. После череды взрывов, падений и долгой беготни по пещерам — слабое утешение.

— Потерпи, — посоветовал он спокойно, сидя на камне и кое-как приглаживая собственную встрёпанную шевелюру, пока я, шипя от холода, оттирала предплечье. Царапины удалось с горем пополам затянуть биокинезом, но корочка запёкшейся крови осталась. — Домакупаешься. И поешь нормально тоже. Тут я бы не рискнул.

— Почему? — спросила я.

В мыслях крутилось, насколько прилично будет задрать юбку выше колен, чтобы хоть грязь смыть немного. У нас никто бы косо не посмотрел, особенно в экстремальной ситуации, но разные культуры — разные представления о дозволенном. Не хотелось бы по незнанию спровоцировать аборигена на домогательства...

— Айры, — беззаботно ответил Тейт, поглядывая на мои голые коленки с любопытством и одобрением — но не более того. Либо парень попался адекватный, либо платя здесь носили и покороче. — Они тут везде. В лесу, в реках и ручьях. Крылатых тоже полно. Мелкие, но противные, и половина из них — шпионы.

Стараясь не выглядеть слишком напуганной, я отдернула руку от воды — мало ли, что там, на глубине.

— Айры разве не те огромные звери, которые остались на другом краю пропасти?

— Они не звери, — уточнил рыжий и озадаченно сдвинул брови. — Они... ну, айры. Бездушные. Бывают разные — маленькие, большие.

Интересно как. Бездушные — что-то вроде роботов, только с приставкой био? Экзотика... Но объясняет, почему я не ощущала присутствия химер там, в пещерах. Наверное, куполом на третьей ступени засекала бы, но проверять версию в полевых, а тем более в боевых условиях не хочется.

— Ты сказал — шпионы. А чьи? — продолжила я. В устройство айров углубляться сейчас бессмысленно, лексики не хватит. И так даже с эмпатией и начатками телепатии ощущаю вместо цельного образа какое-то расплывчатое пятно.

— Свободных. Ну, тех, кто тебя выдернул, — крутанул он запястьем неопределённо. Гибкость суставов вызывала уважение и опаску одновременно. Если все аборигены такие, то мне на их фоне уготована роль неуклюжей коровы...

Отставить панику. Казаться красивой, ловкой, умной и желанной — нормальное желание каждой девушки, но в моём положении лучше выглядеть глуповатой дурнушкой. Меньше будет претендентов на мою шкуру. И так для беспокойства хватает одного уникального качества — "добыча".

— А свободные — это кто? Служители культа, изгнанники?

— Не совсем. Если коротко — маги. Они не плохие. Но против Лагона. И методы у них дикие, — добавил Тейт немного мечтательно, как будто втайне завидовал этим "свободным". — Если поймают нас и сумеют скрутить, то тебя используют и выбросят, а меня запытают до смерти, у них способов полно. Но ты не бойся. Я, наверно, отобьюсь.

— Наверно?! — Панические нотки в голосе плохо удалось скрыть. И с каких это пор люди так спокойно рассуждают о блестящей перспективе пыток до смерти?

— Я сильный, — скромно опустил взгляд рыжий. Судя по мысленному образу, напрашивалось какое-то продолжение, очень существенное "но". Нечто связанное со статусом.

Тенеси Тейт — сильный ученик, способный расправиться группой взрослых магов, но занимающий низкое социальное положение... Версия хорошая, но расспрашивать в лоб опасно — обидится, а мне пока нужно его благожелательное расположение.

— Вижу, что сильный. Ты здорово с ними разобрался там, внизу, — польстила я.

Он заулыбался, весь внутренне засиял, но почти сразу одёрнул самого себя и погнал меня от ручья — сказал, что почувал что-то ниже по течению. На берегу распылил мелкую желтоватую пыльцу и велел немедленно возвращаться к месту временной стоянки, если хочу немного поспать.

Интересно, вот это "почувал" было в буквальном смысле или фигуры речи в разных языках совпали?

Костёр в овраге всё ещё горел, но света не было видно, пока мы вплотную не подошли — вот новый один парадокс. То ли эффект от местной магии, то ли что-то другое, не менее загадочное и иррациональное. Спать Тейт предложил на земле. Ни жёсткие корни, ни холод, ни насекомые его, похоже, не беспокоили. Но я-то — изнеженное дитя цивилизации!

Видимо, на лице у меня все опасения проявились огромными буквами, потому что рыжий почти сразу предложил себя в качестве подушки и грелки. Очень велик был соблазн согласиться без раздумий, но в голове у него мелькали смутные надежды на нечто большее, чем просто совместный ночлег. И не поймёшь из-за разницы в менталитете и трудностей с языком, то ли это обычные мысли для парня с нормальным гормональным фоном, то ли реальное намерение.

Один плюс, и то сомнительный: теперь хотя бы понятно, что по местным меркам я вполне себе девушка и вероятный партнёр, а не полезный для магических целей зверёк женского пола.

— Ты такая осторожная, Трикси, — вздохнул Тейт, откровенно устав ждать моего ответа. — У вас там все такие? Мир опасный?

— Скорее, наоборот, — пожала я плечами. — Этот кажется куда опаснее. Может, потому что незнакомый. Не знаю, как реагировать на самые обычные вещи. И не знаю, как ты будешь реагировать. Помнишь, я тебе объясняла, как у нас говорят жестами "да" и "нет"?

Рыжий задумался — серьёзно так, прокрутил мысленно диалог пару раз, каждое слово пробуя на зуб. И понял всё правильно, умничка.

Кажется, начинаю ему симпатизировать.

— У вас нельзя ночевать рядом? Неприлично?

— Зависит от ситуации, — ответила я, чувствуя облегчение. Забавно получается — в разъяснении таких вот мелочей и заключается работа псионика-сопровождающего. С делегациями так же трудно? Судя по дядиным лекциям — нет. А тут — сплошные подводные

камни. Разница между мирами сказывается или банальная личная заинтересованность? — Если просто ночевать, когда выбора нет, то ничего такого. В моей стране, по крайней мере.

— У нас тоже, — заметно повеселел Тейт и похлопал по земле рядом с собой. — Иди сюда. Между мной и костром не замёрзнешь. И не подберётся к тебе никто. У меня реакции хорошие. Лучше, чем почти у всех, — похвастался он скромно.

Я думала, что не усну ещё долго, тем более что подушка из рыжего получилась костлявая и вертлявая. Но вырубилась почти сразу — сказалось напряжение. Два выхода на четвертую ступень эмпатии в день — не мой предел, но близко к тому. Холод ночью действительно не мучил, однако проснуться пришлось дважды. Сначала от жутких воюще-хлюпающих звуков невдалеке, словно кто-то огромный оглушительно стонал, захлёбываясь водой.

— Айры, — сонно пояснил Тейт, принялся к ночному воздуху, привстав на локте, и снова вытянулся, крепко обнимая меня под грудью. Жар от него шёл, как от электроодеяла. — Спи. Нас не найдут. Жрут кого-то другого.

Так себе успокоение, на самом деле.

Второй раз он разбудил меня сам. Хлопнул по ноге с силой, до синяка, и отшвырнул что-то визжащее за пределы светового круга от костра — всё это даже не просыпаясь. Вот уж действительно уникальные рефлексы.

Третье пробуждение пришлось на рассвет. Рыжий растолкал меня, погасил костёр и закидал его землёй, потом сбегал к ручью и принёс воды в хитро свёрнутом листе. Разрешил глотнуть немного, ополоснуть лицо и руки, отпустил на минуту за кусты под строгим контролем — и мы стали выбираться из оврага.

Теперь, при свете, я смогла хотя бы немного оценить окрестный рельеф и флору. То, что ночью показалось открытым пространством, было на самом деле колоссальной каверной, каменной чашей с сильно загнутыми внутрь краями-скалами. Небо почти как у нас — бледное, рассвет розовато-золотистый. Растительность экзотическая, но в целом узнаваемая — те же листья, иголки, ветви и корни. Правда, частая щётка кустов обратилась на заре в траву высотой в два человеческих роста, ещё и цветущую к тому же ярко-розовыми метёлками. Листва

была зелёная, но с отчётливым синим подтоном, некоторые растения вообще выглядели сизыми и лиловатыми.

— Нам туда, — сразу указал рыжий на противоположный край "чаши". — Там проход и транспорт. Идти надо сейчас, и причём быстро.

— Почему? — спросила я, чувствуя, что ответ мне не понравится.

— Погоня. Ты нужна свободным. Редкая добыча. Ну, как, бежим?

— Спрашиваешь!

И мы побежали.

Темп был ниже, чем вчера — уже хорошо. Биокинез поначалу выручал — позволял регулировать дыхание и усталость, минимизировать последствия перенапряжения для мышц и связок. Но с первой ступенью много не сделаешь, да и за пределы возможностей организма не выйдешь — отвратительно нетренированного организма, стыдно признать. Хотя Тейт явно вёл меня по лёгкой дороге, избегая участков с завалами, резкими подъёмами и высокой травой, а когда требовалось — сам переносил через трудные места, через два часа я была выжата. Своеобразный рекорд, дядя Эрнан бы оценил, но он, к сожалению, остался в другом мире.

Язва Лоран тоже, к счастью.

Надо было прояснить одну вещь, чем скорее, тем лучше.

— У вас тут... все такие? Выносливые?

Рыжий сел рядом со мной на корточки, сочувственно погладил по голове:

— Нет. Говорю же, я сильный. Почти самый. Хочешь, понесу? Мне не сложно.

— Хочу, — позорно сдалась я, уже не думая о культурных различиях, провокациях для аборигенов и прочей шелухе. Смотри пункт второй, про рациональные действия. Если не могу идти сама, а за нами погоня — надо довериться. — Только не головой вниз, как вчера. Мне нельзя, особенно если долго.

— Так никому нельзя, — искренне смутился Тейт. — Извини. Я тогда не подумал.

В итоге пришлось забраться ему на спину и обхватить руками за плечи. Он поддерживал меня под коленки и умудрялся бежать почти так же резво, как вчера. Несколько раз мы натыкались небольшие реки и провалы в земле. Рыжий, не снижая скорости, перескакивал и нёсся

дальше. Но только закралась мысль исследовать биокинезом такое неутомимое и выносливое чудо, как он повёл конопатым носом и скомандовал:

— Привал. Вроде оторвались, можно отдохнуть.

Сказал — и отдохнул. Сбросил меня на землю без всякой деликатности, сам повалился рядом и вытянулся минут на пятнадцать, закрыв глаза и глубоко дыша. Бледные щёки покрылись красноватыми пятнами, грудь резко вздымалась и опускалась.

Я решила воспользоваться временем и хоть немного привести себя в порядок. Волосы удалось кое-как разобрать пальцами. Заплетённая коса не держалась — связать конец было нечем. Платье испортилось безнадёжно; ярко-красными остались только несколько участков, остальное впитало грязь, едкий травяной сок и плесень из подземелий.

Тейт очнулся, когда я вертела в руках ободок усилителя и прозрачный усик микрофона, думая, куда бы их пристроить. Не на голове же носить постоянно, право слово. Хватило и того, что ночевать с ними пришлось. Выкинуть тоже жалко...

— Это что? — среагировал он мгновенно, гибко поднялся и подсел ко мне почти вплотную. — Техника?

— Вроде того, — склонила я голову к плечу в знак согласия.

— О, круто! А можно посмотреть? Что она делает?

— Звук речи усиливает. Там кнопка включения и колёсико, чтоб интенсивность регулировать...

— Пробовать тут не будем, — благоразумно рассудил Тейт, покрутил обруч и прикрепил себе на бок, под специальный ремешок. — А то все айры сбегутся со свободными вместе. Дома посмотрим. Если заработает, то продадим в ложу искусников. На выручку закупим тебе одежду и другое, что нужно. Иномирная техника редкая, она обычно взрывается от перехода. Вот бывает, что выдёргивают человека, а у него такая штука на шее или на груди. Рванёт — вот тебе и дыра. А вызыватель с пустыми руками и злющий, короче, всё кисло. С мертвецом никаких резонансов. Даже для извращенцев, — смешно наморщил он нос.

Но веселиться что-то расхотелось. Да, можно сказать, что мне повезло — и выжила, и попала к нормальному человеку. Больно мерзкими оказались оба образа, которые сопровождали речь — и

"выдернутые" с чудовищными ранами, явно воспоминание, а не воображаемая картинка... и те самые извращенцы.

Похоже, что с кем-то из них у маленького Тейта были свои счёты. Даже странно, что у него такая психика здоровая после этого. Или я что-то поняла не так?..

Ладно, лучше пока не закапываться глубоко. Есть вопросы и более насущные, бытовые.

— Слушай, а как у вас одеваются?

Он повернулся ко мне в упор и смерил внимательным взглядом, а затем ответил:

— Увидишь. Такое, как у тебя, не носят. Вроде моего — в принципе многие надевают, но это не одобряется. Хотя когда ты сильный, то можно хоть в двух верёвочках расхаживать, а если кто сделает замечание... — Тейт с тонким намёком улыбнулся, слегка показав безупречно белые зубы. И вдруг спросил: — А можно потрогать?

От неожиданности я как-то пропустила образ мимо, хотя купол был концентрированный, на второй ступени, и растерялась.

— Потрогать — что?

— Тебя, — ответил он с убийственной прямоотой.

Ворох образов на заднем плане был на редкость разнообразный, но любопытство откровенно превалировало. Вот и думай, на самом деле он такое дикое дитя природы или интриган, который лелеет коварные планы.

Ну да, коварные планы. По соблазнению окольными путями девушки из другого мира, которая де-факто в полной его власти.

— Зачем?

— Любопытство. Вчера темно было, а сейчас разглядеть хочется, — объяснил рыжий, нахально глядя из-под свесившихся прядей. Наполовину врал, между прочим — судя по мысленным образам, интересна ему была моя реакция на вопрос, а не только сама внешность.

Ну, что ж, в эту игру и вдвоём играть можно. Он наблюдает за мной, а я — за ним.

Чудесное времяпрепровождение. Самое то во время погони.

— Ну, давай, — вздохнула я.

Тейт с готовностью придвинулся ещё ближе, хотя куда уж там. Дыхание у него немного участилось, сердцебиение тоже — и не заметишь без сверхчувств. С минуту он просто сканировал меня взглядом — вниз-вверх, как робот, а потом с осторожностью протянул руку и дотронулся до волос. Отделил один локон, намотал на палец, несильно дёрнул, погладил, завёл за ухо.

— Тёмные, очень... Чёрные.

— Это редкость? — сразу напряглась я. Сильно выделяться не хотелось. — Здесь таких не бывает?

— Бывают, но такие тёмные — нечасто, — зачарованно вздохнул он и покачнулся из стороны в сторону всем корпусом, рассматривая с разных углов. Выглядело это диковато. — А тут что? — дотронулся он до металлического колечка в ухе.

— Серёжка. У нас их носят для красоты.

— Там дырка насквозь? — искренне удивился рыжий. — Странно как. И не больно?

— Нет. Прокалывают специальным аппаратом, не чувствуешь ничего...

Его интересовало всё. Отсутствие швов на платье, мелкие шипы на подошвах моих туфель, широкие золотистые узоры на запястьях с голографическими "капельками" — временных татуировок здесь не знали, и в то, что такая яркая штука через пару месяцев поблекнет и сойдёт, он сразу даже не поверил. Особенно рыжего заинтересовали кисти рук. Он каждый палец рассмотрел, а сверкающую инкрустацию на ногте безымянного даже лизнул.

Я тоже наблюдала — и не только за его мысленным фоном. Смотрела и... трогала, да.

Почему нет, в конце концов.

Вблизи и при ярком дневном свете Тейт показался ещё симпатичнее, чем вчера. Волосы были пронзительно рыжими — не как медь, а как апельсин, только с уклоном в густую красноту у корней, прямыми, глянцево блестящими и безбожно спутанными. А кожа под лёгким слоем пыли — очень гладкой и нежной, кузина Лорен бы от зависти отравилась своими чудо-сыворотками. Кисти рук и ступни были крупными, но аккуратными — вытянутыми, не слишком широкими. Подушечки пальцев — откровенно грубоватыми, скорее,

больше на мозоли похожими. Удлиненные ногти — твёрдыми, пластиковый усик микрофона такими легко процарапать насквозь.

Но поразило меня не это. Ну, невысокий, ну, жилистый и сильный, мало ли таких. Кожа хорошая тоже встречается, некоторым с данными от природы везёт...

— У нас глаза одинаковые, — сказала я тихо, отведя с его лица рыжие пряди.

Он резко дёрнул головой вбок — то ли в знак согласия, то ли уходя от контакта — и рефлекторно опустил ресницы.

— Угу.

Удивляться было чему. Мои глаза, как и большинство ярких черт и особенностей, являлись исключительно маминой заслугой — то есть опытного биокинетика пятой ступени. Я редко болела, у меня не было врождённых пороков и сколько-нибудь серьёзных проблем с кожей или волосами — как и у Нэсс с братьями, собственно. Но после троих светленьких детишек подряд мама решила побаловаться с моими данными и запрограммировала гладкие чёрные волосы... и синие глаза, очень тёмные, настолько, что оттенок можно было различить только на ярком свету.

Но я-то продукт биокинеза. А Тейт? У него это... естественно?

Спросить он не позволил. Подался вперёд с нечеловеческой резвостью, сгрёб меня в охапку, сдавил едва ли не до хруста костей — и вдруг лизнул в щёку, затем в другую и быстро прикусил голую ключицу.

У меня сердце чуть сквозь рёбра не выскочило. Концентрация слетела, сверхчувства умолкли. Я медленно сдвинула ноги, скрещивая щиколотки, замкнула энергетический контур, вышла на третью ступень эмпатии и заново развернула купол.

От рыжего — никакой агрессии. Зато сильное чувство вины, любопытство, симпатия, вполне понятно влечение ко мне... и беспомощная злость. На кого-то другого.

Оттуда, со второго слоя сознания, до которого я не добралась.

— Ты чего, Тейт?

Он, кажется, улыбнулся, и честно ответил:

— Пытаюсь сойти за дикаря. Вдруг прокатит, и мне что-нибудь обломится?

Я хихикнула против воли. "Прокатит", "обломится"... Образы шикарные. Чувствую, когда немного подучу язык, речь Тейта расцветёт невиданным богатством оттенков.

— Не обломится. — Не сейчас — точно, когда у меня от стресса ум за разум заходит, ужасно хочется наплевать на три правила Эрнана и положиться на сильного и вроде бы доброго чужака.

— Жаль. — От рыжего повеяло разочарованием.

А мне вдруг стало смешно. И я задала вопрос, который долго уже витал на границе сознания:

— Слушай, а сколько тебе лет?

— Двадцать! А тебе?

— Двадцать четыре. Но мне тут ещё одна мысль в голову пришла. А представления о времени у нас совпадают?

Он с любопытством отодвинулся, снова заглядывая мне в лицо, и мы углубились в подсчёты, сверяя часы. Я даже задействовала первую ступень конструирования и моделирования, чтобы создать визуальную таблицу с условными кружочками и палочками вместо цифр. На Тейта эти спецэффекты особого впечатления не произвели, кстати — неудивительно, учитывая, что здесь в ходу магия.

Вскоре выяснилось, что день делился тут на пятнадцать равных отрезков — десять на бодрствование, пять на сон. Один отрезок назывался "сет", и уже он дробился на сотню фрагментов поменьше — на "каты". Несложное сравнение показало, что их каты и наши минуты — примерно одно и то же. Значит, и сутки делятся столько же.

— Удобно, — вслух констатировала я. — Легче будет переучиваться. Но надо же, как совпадают мелочи в разных мирах...

— Пф, нашла чему удивляться, — фыркнул Тейт, с любопытством трогая пальцем полупрозрачную схему расчётов. Она дрогнула и расплылась, точно круги по воде пошли. — Ритуал вытягивает самых подходящих. Зачем свободным "выдернутый" вроде айра, с щупальцами и жвалами? Или тот, кто от нашей еды и воздуха в два счёта загнётся? Выбирают людей из похожих миров. Наверно, и всякое такое тоже совпадает.

Что ж, в логике ему не откажешь. Как незабвенным "ритуалам". Вот ещё важный пункт, магические заклинания обладают волей и интеллектом? Или это просто программы, вроде компьютерных и биокинетических?

Задать этот крайне любопытный вопрос не получилось.

Тейт внезапно схватил меня за плечи и отшвырнул себе за спину.

От удара воздух из лёгких вышибло. Я с трудом поднялась на колени, прокашливаясь — и позорно пискнула.

На том месте, где мы сидели мгновение назад, из земли торчала здоровенная гибкая змея с треугольной головой — бледно-зелёная с лиловыми размытыми полосами. Три алых глаза смотрели каждый в свою сторону. Рыжий стоял напротив неё, сцепив пальцы в замок, бледный и сосредоточенный.

Купол эмпатии ничего не регистрировал. Айр? Бездушный?

Видимо, так.

А потом змеюка вдруг растопырила на голове громадный веер из полупрозрачной розоватой кожи или плёнки, влажный и трепещущий. Тейт резко разомкнул руки — и пространство на десять шагов впереди него мгновенно обратилось в ревуший огненный кошмар. Змея буквально растаяла. От нахлынувшего жара меня опять скрутило в приступе кашля, а волосы затрещали.

Шрах, надеюсь, не вспыхнут!

— Дурак, ой, дурак, — застонал рыжий, закинул меня на спину, не позволяя даже продышаться толком, и ломанулся напрямик через заросли. — Отвлёкся. Засекли!

— И теперь что? — крикнула я ему в самое ухо, с трудом поймав равновесие.

— Теперь всё полный отстой!

Понятно было и без эмпатии, честно говоря.

Он резко свернул и ломанулся в заросли высокой травы с фиолетовыми метёлками. Я ойкнула — закрывайся не закрывайся, а узкие жёсткие листья резали, как бритва. Руки быстро покрылись мелкими порезами. Позади что-то взвыло и захлюпало, точь-в-точь, как ночью. Трава резко закончилась — обрывом под ногами, слепящим солнцем в лицо. Мимо что-то просвистело, шипя, как гаснущий фейерверк, и часть противоположного берега почернела, обваливаясь в ревущую реку вниз.

Я не орала по одной причине — воздуха не хватало.

На той стороне рыжий мгновенно развернулся на пятках, выпустил меня, освобождая руки, что-то сделал — и заросли

сизовой травы полыхнули гигантским костром. В ответ вылетел чёрный масляный шар, шипящий и искрящийся.

Тейт ругнулся — и с размаху отшвырнул его ногой обратно, по плавной дуге. Я только и успела заметить, как вокруг ботинка вспыхнул огнистый ореол.

— Подавитесь!

За обрывом раскинулся лес, утопающий в голубоватых мхах. Там пахло чем-то кислым и сырым, на грани тошноты. Чистого пространства без рыхлой голубой "губки" практически не было. Рыжий избегал наступать на неё и скакал с одного поваленного дерева на другое, с камня на камень. Две щетинистые химеры, которые ринулись за нами, отстали очень быстро — вляпались в одно такое голубоватое мшистое пятно, а выскочили обратно уже с оголёнными костями. Одна, похожая на ежа с жилистыми ножками, сразу завалилась набок и затихла, а другая, более массивная, сделала ещё несколько шагов и опрокинулась, конвульсивно дрыгая оплавленной лапой.

Меня перекосило от ужаса.

Если промахнёмся и рухнем в этот красивый мягкий мох...

За лесом была ещё одна расщелина, ещё шире и глубже, затянутая желтоватой паутиной. Тейт пересёк её по упавшему дереву, потом развернулся, двинул рукой — и ствол с чудовищным хрустом надломился посередине.

Надломился — но не упал, остался жалким подобие моста. А паутина предвкушающе зашевелилась, и кто-то внизу заклекотал и защёлкал.

Впереди высилась колоссальная скальная стена. Но до неё путь лежал через ровное, абсолютно открытое поле сплошь в сизых жёстких выюнах. Справа и слева наперерез нам скользили в полуметре над землёй люди в балахонах. И простейшие подсчёты говорили, что мы сойдёмся в одной точке, аккурат посередине...

Тейта это не смутило.

Они ринулся вперёд с удвоенным энтузиазмом, передвигаясь гигантскими прыжками, и оглушительно свистнул на ходу. Затем поднапрягся, взвился особенно высоко...

...и шлёпнулся на спину очередной химеры, прозрачной, как стекло, и шершавой на ощупь — то ли в жёстких перьях, то ли в

чешуе.

— Ну, ну! — заорал рыжий, с размаху ударяя кулаками по невидимой спине.

Существо вздрогнуло, встопорщило "пёрышки", стремительно темнея, и взмыло в небо неприлично оранжевой птицей о четырёх мощных крылах. Тейт слегка отъехал назад, к подобию седла, попал ногами в крепления, перехватил одной рукой какие-то ремни и ловко пристроил меня впереди себя, крепко обнимая поперёк живота.

Эмпатический купол к тому времени сжался до неприлично маленького диаметра. Но большего нам, похоже, и не нужно было. Я бессильно обмякла — слишком много впечатлений и усилий. Лицо щипало, от волос несло палёным.

Чучело по имени Трикси, да.

— Эй, взбодрись! — затормошил меня рыжий и требовательно прикусил за ухо. — Ну, не будь занудой! У нас получилось. Смотри!

Он потянул за ремни, заставляя свою птицу сделать широкий плавный круг. Пересилив дурноту, я повернула голову, глядя вниз.

Отсюда, с высоты, смертоносная долина напоминала фантастический каменный цветок с полураскрытыми лепестками. В стороны от неё тянулись горные цепи — как складки лоскутного одеяла, где-то зеленоватые, покрытые растительностью, а где-то белые от снега. И даже красные — от чего именно, ума не приложу. По левую руку от солнца скалы задирались выше, по правую — постепенно сходили на нет и упирались во что-то гладкое, синеватое, сверкающее... Озеро, море, океан?

Наверное, океан. Какой огромный...

От ощущения головокружительной высоты и простора дух захватывало.

— Красиво? — с гордостью спросил рыжий, точно всё вокруг было плодом его неустанных трудов или, по крайней мере, частной собственностью.

— Красиво, — признала я.

Пожалуй, кое в чём мы сходились, несмотря на культурные различия.

Глава 3. Худший ученик

*Снаружи камни, травы, дёрн, вьюны,
а внутри сплошные проблемы и хаос.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Единственное, из-за чего я всегда завидовала своей пустоголовой кузине, — это умение высыпаться в путешествиях и выглядеть блистательно после самой тяжёлой дороги.

Помню, два года назад, когда случилась какая-то путаница с билетами и нас посадили в конце салона, у самых туалетов, а полёт проходил от турбулентности до турбулентности, Лоран безмятежно продремала весь восьмичасовой рейс до Шерерских островов и потом спустилась по трапу такой же ослепительной стервой-блондинкой, какой и поднялась на борт. У неё даже локоны не развились. Ну, а меня даже тётя Глэм при встрече не узнала из-за вороньего гнезда на голове и шикарных синяков под глазами от недосыпа... Но стоит ли упоминать о таких мелочах?

Сейчас, после нелепо короткого ночного сна и безумного забега через долину-ловушку, самым рациональным решением было бы отдохнуть хотя бы в полёте, чтобы не представлять перед обитателями Лагона угрюмой дикаркой. Благо взмахи крыльев гигантской птицы вскоре перестали ощущаться, а держал меня Тейт крепко. Но стресс подействовал как хорошая инъекция кофеина. Все три с лишним часа — два сета или около того, по уверению рыжего — я только и делала, что вертела головой и задавала вопросы. Да и поглядеть было на что.

Ландшафт поражал воображение — как в хорошем смысле, так и в дурном. Путешествовать с группой Эрнана мне приходилось достаточно; десятую часть обитаемого мира мы объехали точно. Однако таких перепадов высоты у нас, думаю, нигде не было. Западная Арраска с её каньонами и пиками по сравнению со здешними пейзажами была всё равно что песчаные карьеры рядом с настоящими горами. К тому же рельеф менялся столь резко, что впору заподозрить — его сформировали искусственно; в общем, Тейт и подтвердил это

косвенно, сообщив, что в древности окрестными землями "много занимались".

Думать не хочу, что он подразумевал. Воздействие такой силы...

Первую горную гряду мы миновали по ущелью — грандиозному, глубиной километров двенадцать, не меньше. То был настоящий лабиринт: повороты, развилки, слияния, слепые "тоннели"-перемычки между разными "рукавами". Но рыжий ориентировался там вполне уверенно. Несколько раз мы пересекали тайные долины в обрамлении загнутых внутрь скальных "лепестков", и каждая следующая не была похожа на предыдущую. Одну из них я вообще издали приняла за море: она переливалась изумительными оттенками синего, от светлой бирюзы до насыщенного кобальта, от ультрамарина до нежного бледно-голубого, а на подлёте слышался низкий гул и ритмичный плеск. Запах йода и плесени там стал особенно сильным.

— Опасно, — качнул поводьями рыжий, когда заметил, как я засматриваюсь на это чудо. — Надо уходить выше.

— А что внизу?

— Ну... — растерялся он, не зная, как объяснить нечто очевидное с его точки зрения. — Помнишь такую голубую штуку в лесу, где за нами айры бежали?

Тут же ярко представилась химера с оголёнными костями. Захотелось поджать ноги, хотя до смертоносной синевы было километров пять или около того.

Ущелье вывело в долину, точно сшитую из клочков. За чередой сказочно-изумрудных холмов там мог вдруг разостлаться ковёр из алых и пурпурных цветов, а затем сразу, без намёка на переход, воздвигалась стена деревьев-великанов, обрамляющих глубокую воронку в земле или тёмно-синее озеро. Две широкие реки стекали с гор и ближе к краю долины сливались в одну, и в общем русле россыпью лежали мелкие островки, словно кто-то просыпал коробку с детскими карамельками. Здесь Тейт заставил свою оранжевую птицу спуститься и пролететь ниже; её тень скользила по водной глади, и кто-то в глубине, быстрый и едва различимый, гнался следом, так что иногда можно было разглядеть сверкающий гребень или гибкий хвост.

За долиной скалы опять начали задираться к небу. И стало ясно: то, что поначалу казалось скоплениями облаков, на самом деле горные

пики. По самым скромным подсчётам — километров пятнадцать высотой! А то и больше... Вершины терялись в тучах, словно нарочно согнанных в стаю вокруг каменных исполинов.

Мимо одного из таких колоссов мы как раз и пролетали, когда рыжий вдруг наклонился к моему уху и интимным тоном сообщил:

— Лагон — тайное место, цитадель. Но всё равно каждый маг может найти сюда дорогу. Только пускают не любого.

— Тебя-то, надеюсь, пустят? — поинтересовалась я осторожно.

Эмпатический купол к тому времени был свёрнут до минимума, чтобы сэкономить силы. Но если словарного запаса хватало для общения, то различать оттенки интонаций пока ещё получалось не слишком хорошо. И то, что вытворил Тейт вместо ответа, повергло меня в шок.

Рыжий цокнул языком и дёрнул за один из ремней. Птица встрепенулась... и резко сложила крылья.

Чёрно-алые скалы рванули навстречу с быстротой и неотвратимостью экспресса в подземке. Точно не мы на них падали, а они — на нас. Дыхание перехватило, из глаз брызнули слёзы. Склон оскалился бритвенно острыми сколами — и разбиться не успеешь, разрежет на подлёте, без боли.

А Тейт, сволочь, хохотал в голос!

"Он не самоубийца", — подумала я. А поверить не успела — и зажмурилась.

...на ощупь скалы были точно упругий поток тёплого воздуха в аттракционе типа аэротрубы. Слёзы мгновенно высохли. Падение сначала мягко замедлилось, а потом остановилось. Птица с металлическим скрежетом раскрыла крылья и начала упорно продираться сквозь преграду, когда я наконец открыла глаза. Вокруг висел плотный багровый туман. Через мгновение он сгустился ещё больше — и выплюнул нас на открытое пространство.

Точнее, на окраину секретной долины-чаши, близняшки той, где прятались свободные.

Фальшивый скальный купол изнутри был совершенно прозрачным и позволял разглядеть ясное небо и жизнерадостный блин солнца. Света более чем хватало. Химерическая птица, повинаясь сигналу, спланировала на ровную площадку. Тейт подхватил меня на руки и спрыгнул на землю.

— Отпустить тебя, Трикси? — спросил он коварно. — Или ноги пока не держат.

Честное слово, я такую жажду убийства не испытывала даже рядом с милой белобрысой кузиной.

— Послушай, тебе кто-нибудь говорил, что ты мелкое пакостное зло? — спросила я, стараясь с помощью купола донести смысл максимально ясно.

Однако рыжего это смутило не больше, чем проповедника из "Свидетелей Альтернативы" — закрытая перед носом дверь.

— Говорили, — признал он и с толикой гордости добавил: — Ты даже не представляешь, что и как часто мне говорят.

— Учту. А теперь убери руку из-под юбки. И поставь меня на землю.

Послушался рыжий беспрекословно — уже хорошо. А пока я приходила в себя и приводила в порядок платье, он снова засвистел, но в иной тональности, чем прежде. Крылатая химера вытянула шею, топорща жёсткие перья, и щёлкнула зубастой пастью, больше подобающей какому-нибудь древнему ящеру. И — начала стекленеть. Через несколько секунд она стала совершенно прозрачной и почти бесшумно побежала в сторону ближайших зарослей, оставляя на влажной почве заметные вмятины.

Злость из-да дурацкой выходки как-то испарилась; стало не по себе. Как-то сразу подумалось, что размеры размерами, но вообще-то летать такое диво не может чисто по законам физики. И уж тем более — носить на спине двух пассажиров.

— Слушай... А вот это был айр, да?

— Угу, — подтвердил рыжий.

— И откуда он у тебя?

Откровенно признаться, я не собиралась подкалывать Тейта или смущать. Но он вдруг стушевался и по-детски уткнулся взглядом в собственные ботинки.

— Ну... Может, мне его подарили, потому что я такой хороший?

"Подарили"? Ну-ну. Откуда тогда воспоминания о чудовищном нагоняе, интересно.

— Может, — не стала я спорить. — А мы сейчас где?

Рыжий встрепенулся.

— В Лагоне. И, кстати, чуть не забыл сообщить нашим.

Он торжественно воздел к небу ладонь, сжал в кулак — и высоко вверх, едва ли не до невидимого купола, ударил фонтан трескучих оранжевых искр. Длилось это всего несколько секунд, потом Тейт зашипел и принялся трясти рукой, словно обжёгшись.

— Вроде хватит. Пойдём, — на лице у него была написана смертельная решимость.

Мне это очень, очень не понравилось.

— Ты ничего не хочешь сказать? Может, мне надо переодеться? — Прикусив губу, я нервно попыталась одёрнуть юбку пониже середины икр, но платье, увы не тянулось. — Там какая-то опасность? Сначала надо подготовиться? — Шрах, трещу тут, как Лоран в бутике! Позорище... — Ты можешь ответить хотя бы? Понимаешь, что я говорю?

Рыжий развернулся, сгрёб меня в охапку и упёрся лбом в лоб.

Дыхание перехватило.

— Ты моя добыча, — произнёс он чётко, глядя в глаза. — Я тебя никому не отдам. Ничего не бойся. Поняла?

Я кивнула, потом спохватилась и склонила голову к плечу. Он усмехнулся и потрепал меня по волосам.

Ноги почему-то подгибались сильнее, чем после падения сквозь фальшивую скалу.

Долина оказалась больше, чем показалось поначалу. В отличие от убежища свободных, рельеф здесь был разнообразнее. Уже издали виднелось несколько больших холмов и по крайней мере четыре узкие высокие скалы, напоминающие то ли башни, то ли сталагмиты-переростки. Одну широкую расщелину мы обошли по дуге, другую пересекли по каменному мосту. В ближайшем лесу преобладали знакомые уже деревья-великаны с пронзительно зелёной листвой, но виднелись также и заросли травы с розовыми соцветиями-метёлками. Смертоносная голубая "губка" нигде не мелькала — и то славно.

Когда мы вышли на хорошую дорогу, вымощенную светлым камнем, то мне стало жутковато. По обочинам время от времени попадались небольшие шары из материала, напоминающего красно-зелёный мрамор, испещрённые полустёртыми белыми значками. Шаги порождали гулкое эхо, притом что отражаться звуку вроде было не от чего.

Ни дать ни взять фильм ужасов, где компания глуповатых подростков крадётся, нервно перешучиваясь, в какой-нибудь древний храм.

Я попросила остановиться ненадолго, уселась в любимую позу для концентрации потоков — со скрещёнными щиколотками — и развернула широкий, на сорок шагов, эмпатический купол второй ступени, как можно более рассеянный и незаметный.

"Ожидай худшего". Если первые два правила дяди Эрнана иногда бесполезны, то это подходит всегда.

Вскоре полоса из светлого камня упёрлась в подножье холма, высокого и пологого, со скошенной вершиной. Основание было по самым грубым прикидкам километра полтора в диаметре. В конце дороги высилось дерево в три обхвата с густой кроной, сильно прижатое к склону. Нижняя ветвь, с человеческий корпус толщиной, росла от основания под острым углом. С неё свешивались жёсткие вьюны, покрытые мелкими белыми цветами. Тейт сглотнул, крепче сжал мою руку, затем, упрямо склонив голову, отвёл в сторону эту естественную "занавеску" и шагнул в открывшуюся арку.

То, что я приняла за холм, оказалось кольцом высоких стен.

Внутреннее пространство было выложено тем же светлым камнем. В нагромождениях скальных обломков я не сразу опознала строения, но потом заметила окна... и почти сразу почувствовала присутствие других людей.

Они просто выходили из своих странных домов, но по ощущениям — выплывали, как призраки. Высокие — по большей части выше нас с Тейтом. Непривычно одетые... У одних — сильно облегающие трико, где между штанинами накручено множество лент, скрывающих силуэт, но не мешающих двигаться. У других — сочетание невероятно широких брюк, перетянутых у колен и у щиколоток, со свободной кофтой, подобранной у пояса, у локтей и запястий так, что казалось, точно фигура состоит из шаров. У многих головы закутаны лёгкими шарфами на манер рыхлого тюрбана, и у всех — такие же "шарфы" широкими кольцами лежат на плечах, в несколько слоёв.

Ни у кого нет длинных волос — стрижки короткие, самое большое, по плечо.

И, шрах, даже не понятно, кто женщина, а кто мужчина...

Я рефлекторно выпрямила спину и расправила плечи почти до боли.

Рыжий упрямо вздёрнул подбородок. Между бровей появилась едва заметная вертикальная складка. Многие из тех, кто попадал в мой купол, ощущались размытыми тенями, эмоции и мысли словно что-то глушило. Никакой прямой агрессии, но у некоторых ярое неодобрение, липкая зависть, злость, предвкушение неприятностей для кого-то другого. У других — наоборот, сочувствие. В двух или трёх местах мигнули тёплые чувства — симпатия, радость, восхищение.

Большинство же были как зрители в цирке, когда дрессировщик без хлыста выходит к хищнику.

— Я вернулся, — громко сказал Тейт. Тут же притихли те, кто до сих пор перешёптывался. — И не один.

Тут собралось примерно три десятка человек, и постепенно вокруг нас сжималось кольцо. После этих же слов точно волна разошлась — любопытство, недоверие, жадность.

Вскользь я ощутила уже знакомый образ: насилие-использование-выгода.

Резонанс.

Ох, мамочка и папочка, дядя Эрнан, дорогая Нэсс, заберите меня отсюда...

— Вижу, — произнёс кто-то красивым певучим голосом — оттуда, где было особенно густое пятно зависти и злости.

У меня мурашки по спине пробежали. Но продолжить незнакомцу не позволили. Вдали вдруг завопил кто-то — и с размаху врезался в толпу. Кто успел, тот сумел отступить в сторону.

Кто не успел — оказался на земле.

— Тейт, тварь рыжая! — заорал новоприбывший, расталкивая локтями последний, ближний ряд — и метнулся к нам чёрно-белой кометой. Он был высок и тощ, одет в белое трико с паутиной серых лент от бёдер до колена и в два чёрных "шарфа" — на голове и на плечах. От него разлило чистым восторгом, как новыми духами от сумочки Лоран на выходе из парфюмерного. — Тейт, ты тварюка, я тебя обожаю!

Он разом обнял нас двоих и крепко стиснул. Рыжий заржал, я с трудом выдохнула. Потом незнакомец отстранился и как следует дёрнул его за ухо.

— Ты вообще думал, что делал? — Дальше последовало какое-то малопонятное ругательство. Что-то связанное с совокуплением с айрами в неблагоприятных условиях вроде бы. — Но ты правда это сделал! Везучая тварь!

Тейт выпятил грудь:

— Это потому что я самый...

— Балда! — Долговязый несильно стукнул его по лбу и улыбнулся: — Это потому что ты дурак. А дураки так легко не дохнут.

А я наконец смогла рассмотреть его. Лицо у долговязого оказалось приятное, по моим меркам даже красивое. Широкий лоб, светло-серые миндалевидные глаза, прямой нос, на нижней губе — два аккуратных симметричных шрама. Украшение, что ли? Портило его только почти полное отсутствие бровей, от которых остались два тёмных кругляша у переносицы.

— Я вообще не дохну, — немного обиженно откликнулся Тейт, но долго дуться не смог и тут же затараторил: — Кого я поймал! Смотри, это Трикси Бланш, — крутанул он меня, как куклу. — Красивая, да? Скажи, красивая? Моя добыча!

— Застолбил? — улыбнулся одними губами долговязый.

— И она по-нашему понимает, — добавил рыжий.

Я склонила голову к плечу, подтверждая. Его приятеля это почему-то страшно смутило. Он явно предпочёл бы, чтобы экспрессивный пассаж насчёт айров прошёл мимо моих ушей.

— Значит, Трикси Бланш, — повторил он, слегка коверкая имя. У Тейта в своё время получилось ловчее. — Я Кагечи Ро, друг Тейта. Выходит, ты приняла его?

— А вот это ещё не решено, — вмешался тот, первый, сладкоголосый, выступая из толпы. Ростом он был пониже Кагечи, но ненамного, зато куда мощнее. "Шаровары" и безразмерная рубаша с целой горой из "шарфа" на плечах добавляла объёма. — Дуракам резонанс ни к чему. И вообще большой вопрос, осилит его ли худший ученик.

Тейт, до сих пор даже в самых опасных моментах погони весёлый и тёплый, разом заледенел и потемнел.

— Посмотрим, — тихо сказал он и, не глядя, пихнул меня в объятья к другу: — Ро, присмотри.

Мне никогда не нравились мужчины, предпочитающие яркие цвета. Это как-то... неестественно? А круглолицый громила с белыми волосами, который стоял напротив Тейта, был одет как раз жёлтое — того оттенка, на который и смотреть-то больно. Тёмно-красный шарф-накидка на этом фоне выглядел как запёкшаяся кровь.

— Посмотрим, — охотно повторил верзила и улыбнулся, показав кончики зубов. —

Кажется, подточенных.

Шрах, надо было оставаться в пещере...

Толпа раздалась, образуя широкий круг. Кагечи Ро изобретательно выругался — "выжженная долина между ушей" как метафора приобретённой глупости прозвучала особенно выразительно — и потащил меня к самой кромке, вплотную к какому-то строению, потом заставил сесть, наклонив голову.

— Не вставай, я прикрою, — прошептал он, не отводя глаз от напряжённой фигуры Тейта, который в своём чёрном костюме сейчас походил на обугленную спичку с язычком пламени. — Дурак, идиот, что же ты делаешь-то...

— У Тейта проблема? — вскинулась я. Эмпатический купол опять сжался — сказывалась общая усталость, голод и перенапряжение.

— У Боззы проблема, — отрицательно вздёрнул подбородок Кагечи. — И у нас. У всех. У Тейта — как следствие.

— Он вроде бы сильный, — произнесла я, вспомнив драку со свободными.

Выражение лица у Кагечи стало совсем кислым. И эмоции — тоже

— Сильный-то сильный. Но редкий придурок.

Я так и не поняла, кто начал первым. Вокруг здоровяка Боззы вспух жутковатый пронзительно-жёлтый туман, но в ту же секунду Тейт вытянул руку — и резко сжал пальцы в кулак.

Бабахнуло.

Нет, не так.

Взорвалось и заискрило столь громко, что на мгновение отказали и зрение, и слух. Потом до меня дошло, что вокруг нас с Кагечи появилась тонкая дрожащая плёнка вроде мыльного пузыря, которая отсекала все внешние воздействия... в том числе огненный хаос, который устроил рыжий. А когда схлынули пламя и дым, то на месте

ровной белой площадки остался оплавленный кратер — и небольшой холмик там, где раньше стоял Бозза. Его я узнала только по клубам жёлтого тумана, выполняющего, видимо, те же функции, что и плёнка у Кагечи.

Эмпатический купол, к счастью, не могло заблокировать ни то, ни другое.

— Ты спятил?! — заорал Бозза, выпрямляясь. Роскошная тёмно-красная накидка изрядно обгорела. Из носа у него капала кровь. — Ты рехнулся, такое творить?!

Для меня это выглядело, как будто он молча открывал и закрывал рот, но мысли оставались достаточно ясными.

— Не-а, — безмятежно ответил Тейт сверху. Совершив дикий прыжок, он соскочил с ближайшего дома-гриба прямо к противнику и поставил ему ногу на горло. — Я по-другому не умею, ты же знаешь. Сдавайся.

— Но мастер Оро-Ич запретил использовать...

От него веяло недоверием и ужасом. Рыжий виновато почесал в затылке:

— Говорю же, я не умею слабее. Я же дурак. Худший ученик, — сказал он и улыбнулся, показав слишком много зубов. Те из свидетелей, кто оставался на ногах, прыгнули в стороны, разбегаясь, как испуганные мыши. — Не умею по-другому. Ну, что повторим? Могу дать тебе фору в одно заклинание. Но ты же знаешь, если я устою...

— Да пошёл ты! — взвыл Бозза, извернулся, взмыл в воздух, теряя шарф на лету, и рванул с разрушенной площадки быстрее ракеты.

Тейт засмеялся, глядя ему вслед. Даже пополам согнулся — так весело было. Но Кагечи Ро почему-то не спешил радоваться лёгкой победе.

— Опять, — выдохнул он обречённо и убрал защитную плёнку. Сразу стало жарковато, хотя оплавленные камни остывали неправдоподобно быстро. — У Тейта нет шансов в обычном поединке, — пояснил он тихо, глядя на меня искоса. — Он не может учиться схемам и методам. Бьёт сырой силой. Если успевает ударить первым — победа за ним. Если нет... Я его шесть раз сшивал по кусочкам.

В горле у меня пересохло. Образ оказался пугающим до тошноты.
"По кусочкам" — это была не метафора.

— Он... проигрывал?

— Да, бывало, — склонил голову к плечу Кагечи. — Поначалу. В последние три года — ни разу. Но на него много лезет таких, как Бозза. Они искуснее, опытнее. Любой другой бы умер на месте после такого выброса от истощения. Но Тейт есть Тейт. И сейчас он перегнул палку, — нахмурился долговязый. От него повеяло трусливым желанием сбежать подальше, но чувство ответственности пересилило. — Скоро тут половина мастеров будет, и ему точно влетит. Но есть способ... Эй, Тейт! — закричал он и махнул рукой, привлекая внимание друга. — Мастер Оро-Ич на террасе наблюдения! Покажи ему Трикси Бланш! Ты ведь знаешь, что делать? — обернулся Кагечи ко мне.

— Понятия не имею, — честно призналась я. Долговязый досадливо цокнул языком:

— Как всегда, ничего не продумано... Положись на Тейта.

"Как будто мне ещё что-то остаётся", — мрачно подумала я, но в ответ только послушно склонила голову к плечу как хорошая девочка.

Рыжий благодарно хлопнул приятеля по спине, ухватил меня за руку — и потащил вглубь поселения.

— Балбес, оденься! — прокричал вслед Кагечи Ро. — Ты не в Диких Холмах!

Тейт резко остановился, едва не выдернув руку из плеча, и развернулся:

— Что я тебе тут надену, а? — Выражение лица у него было мученическое.

Долговязый оглянулся, сощурился на кратер — и плавно повёл рукой. Вверх взмыла потерянная накидка Боззы, местами прожжённая насквозь. Кагечи поймал её и пропустил между ладоней; она явно стала тоньше, и цвет с винно-красного сменился на ослепительно-алый, но проплешины заросли.

— Лови, дурак!

— О, подойдёт, — искренне обрадовался рыжий, подхватил подарок и тут же набросил ткань себе на плечи — в пять небрежных рыхлых витков. — Трофей!

И расхохотался.

"Прекрасно, — пронеслось у меня в голове. — Теперь мы ещё и одеты в одинаковых цветах".

А Тейт вдруг с силой оттолкнулся ногами от мостовой, взвился в прыжке и с грохотом приземлился на крышу соседнего дома-скалы. Поднёс руки ко рту и заорал во всю мощь лёгких:

— Эй, вы, все! Я докажу вам! Стану лучшим! Слышите? Я, Танеси Тейт, буду лучшим!

Светило солнце, ветер трепал алые концы его шарфа-накидки, дымилась разрушенная площадка. И я не знала, смеяться мне — или оплакивать собственный рассудок, потому что невысказанным образом эта картина вызывала не стыдливую неловкость, а... нравилась, что ли?

Никогда не любила парней в яркой одежде.

Но с Тейтом и его вкусами, похоже, придётся смириться.

Глава 4. Мастер Лагона

Синий, чешуйчатый, с щупальцами, близкий родственник стихийного бедствия.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Загадочная "терраса наблюдения", о которой упоминал Кагечи Ро, оказалась шишкообразным наростом на стене вокруг Лагона... или, вернее сказать, на том необычном барьере десятиметровой толщины из камней, земли и дёрна, который снаружи казался пологим склоном холма.

— Подняться сможешь? — деловито поинтересовался рыжий, подёргав за плети жёстких вьюнов, тянувшихся до пресловутой террасы, метров на тридцать вверх. В ней, кажется, могла бы поместиться средних размеров университетская аудитория или большой зал для переговоров. — Или тебя затащить?

Я сощурилась, прикидывая расстояние на глаз. Конечно, велик был соблазн согласиться, но мне уже порядком надоело чувствовать себя беспомощным грузом при Тейте. До стены мы добирались перебежками, прячась под деревьями и в тени домов-каменюк, и сердце теперь колотилось где-то в горле... Но подъём как-нибудь одолею, всё же тут главная нагрузка придётся не на ноги, а на руки и спину.

— Смогу.

— Угу, — согласился он и жизнерадостно добавил: — Упадёшь — поймаю. Не бойся! А если не поймаю, так Ро починит.

Утешил, называется.

Спустя минут пять стало ясно, что свои возможности я переоценила. Нет, на тренингах у Эрнана мы поднимались на двадцатиметровый стенд, иногда и дважды за занятие. Но, во-первых, там были страховочные тросы, что само по себе изрядно успокаивало и придавало сил. А во-вторых, все ячейки в искусственной сети одинаковы и все выступы на стене относительно надёжны, чего не скажешь о рыхлом склоне под полуметровой "подушкой" перевитых вьюнов. Тейт карабкался рядом, то обгоняя ненамного, чтобы

проверить путь, то подстраховывая меня снизу, и трещал без умолку. Со свёрнутым полностью эмпатическим куполом его болтовня звучала как бессмыслица, пересыпанная полужнакомыми словами вроде "налево", "направо", "падать" и "моя".

До входа на террасу я добралась, но выжатая как лимон. Платье повлажнело и теперь противно липло к спине. Перед глазами всё плыло, а мышцы рук мелко "дёргало" от перенапряжения.

Рыжий терпеливо сидел рядом и ждал, пока хотя бы дыхание у меня выровняется.

— Это... что? — спросила я позорно вялым голосом, с трудом оглядываясь по сторонам.

Мы находились в изогнутом чашеобразном отсеке с низким потолком. Резко пахло растёртой травой, немного — плесенью и терпкими, вяжущими ягодами. Попасть сюда снаружи можно было через дыру в полу, а переход наверх находился немного левее, наискосок от первого проёма. Вела туда такая же сетка из вьюнов, только более плотная.

Прелестно. О лестницах здесь, полагаю, не слышали?

— Терраса наблюдения, — повторил рыжий, пристально разглядывая меня. Какие мысли бродили у него в голове в это время — не представляю. Ослабленного купола едва хватало на общение. — Их сорок семь. Есть повыше, есть пониже. Побольше и поменьше. Тут несколько этажей, а смотреть можно из верхнего. Мастер Оро-Ич там, наверно.

— За чем отсюда наблюдают? За Лагоном?

— Ну, да. За учениками. И просто отдыхают. У каждого мастера своя терраса.

Ага. Вот и ответ на вопрос, как Тейт понял, куда идти, если террас несколько, а Кагечи не уточнил, на какой именно находится мастер.

— А из чего их делают? Это ведь не естественное образование, как понимаю. — Я провела рукой по неровному полу, на ощупь напоминающему смесь из камня, почвы и дёрна, прошитую для крепости металлическими жёсткими и упругими вьюнами.

Рыжий непонимающе сдвинул брови.

— Делают? А-а-а... Не делают. Выращивают. Отдохнула? Идём тогда, а то времени мало.

И пришлось опять карабкаться вверх. Шрах бы побрал местную архитектуру!

Два следующих отсека пустовали. В третьем по счёту пол был выстлан тонким слоем мягкого золотистого мха. Поодаль от дыры-входа лежали вокруг пышные овальные подушки, между ними высилась многоярусная подставка для еды и напитков. Тейт тут же сунул нос в один из сосудов, довольно зажмурился и сделал несколько глотков. Затем сцапал подозрительный зелёный колобок и предложил мне:

— Хочешь? Вкусно. Слеплено из перемолотых семян, внутри сладкие ягоды, — соблазнительно разломил он "колобок", обнажая оранжевую сердцевину.

По виду кушанье было как марципан с вареньем, да и пахло так же. То ещё искушение на голодный желудок... Я мотнула головой, потом спохватилась и вслух повторила:

— Нет, спасибо. Надо сначала разобраться, не вредно ли это для меня.

— Ну, да, — погрустнел Тейт. — Потом Ро попрошу, он в таких штуках сечёт. Ну, а я поем. Жрать хочется — сил нет.

— Да?

— Перемагичил, — пристыженно ответил он и впился зубами в зелёный колобок.

Я сглотнула голодную слюну.

Следующая секция снова была пуста. Но к дыре, ведущей из неё наверх, рыжий подступился не сразу. Сперва перемотал на плечах шарф-накидку поаккуратнее, затем тщательно отряхнулся и вытер крошки вокруг рта. Попробовал даже волосы пригладить — без особых результатов, на затылке всё равно красовалось натуральное птичье гнездо. Сначала он влез сам и пропал на несколько секунд, потом вынырнул из переплетения выюнов и подал мне руку.

Рывок — и я оказалась в верхней секции террасы. Ноги утопали в пышном тёмно-красном мхе. Отсутствовала значительная часть стены и потолка для лучшего обзора, повсюду были разбросаны подушки разной величины. Кое-где пространство разбивали перегородки с "карманами", из которых торчали тубы, маленькие и большие.

А ещё здесь ожидал мастер, и с первого взгляда я приняла его за айра.

Нет, объёмные штаны, в трёх местах перехваченные лентами, рубаха и дынно-жёлтая накидка ясно говорили о том, что передо мной существо разумное. Ну, или по крайней мере следующее местной моде. Но, во-первых, у него была ярко-синяя кожа в мелких чешуйках. Во-вторых, кроме рук и ног, мастер обладал ещё шестью парами конечностей — толстенных щупалец, идущих откуда-то из-за спины. На четыре из них он опирался, ещё одним цеплялся за потолок, а последним держал полуразвёрнутый свиток. Голова у мастера была ровно в два раза больше моей. Белые волосы, слегка прикрытые на затылке рыхлым тюрбаном цвета охры, топорщились десятисантиметровым "ёжиком"... или лучше назвать это одуванчиком? Черты лица казались кукольными, тип внешности ассоциировался с чем-то восточным: раскосые жёлтые глаза, правда, очень крупные, небольшой вздёрнутый нос, безупречно очерченные чёрные губы. Можно было бы даже назвать его красивым...

...но синяя чешуя и щупальца, шрах!

Я-то думала, что готова ко всему.

А ещё — он совершенно не ощущался. Этаким провал в пространстве. Но не как бездушные айры, а как мощнейший природный псионик, с лёгкой небрежностью скрывающий своё присутствие. Вот только этого не хватало... Если он может прятаться от эмпата моего уровня силы и подготовки, то его ступень в пересчёте на привычные величины где-то в районе шестой. А, возможно, и седьмая, высшая.

Мастер наблюдал за нами секунд десять, слегка откинув голову, а затем улыбнулся и произнёс низким певучим голосом, от которого у меня по спине пробежали сладостные мурашки:

— Здравствуй, Танеси Тейт. Я воистину рад, что твоё приключение принесло столь прекрасные плоды. — Смысл каждого слова так мягко и чётко впечатывался в сознание, что всякие сомнения отпали: передо мной был псионик высочайшего класса или его аналог среди магов. — Где ты нашёл её?

Рыжий стусевался и уткнулся взглядом в пол, крепче сжимая мою руку.

— Ну... в долине свободных. На полпути к океану.

Мастер расширил глаза; словно две лампы вспыхнули или два ярко-золотистых угля. Между полуразомкнутых губ на мгновение

померещилось что-то раздвоенное, чёрное.

— Ты их выследил сам.

— Да, мастер.

— И охотился на них, скрываясь в тени.

— Да, мастер.

— Ты выждал момент и забрал их добычу.

— Да... мастер? — ответил Тейт уж слишком неуверенно. От него веяло предчувствием нагоняя.

Синее — чудо, чудовище? — прикрыло изумительные глаза и испустило долгий вздох, скупым движением щупальца сворачивая свиток.

— Ты ведь понимаешь, что это строго запрещено? Ты нарушил правила, уже покинув пределы Лагона без разрешения. Ввязаться же в охоту на свободных... Немыслимое безрассудство. Ты мог дать им в руки оружие, способное обрушить мои стены, Танеси Тейт, и всё из-за твоей беспечности и жадности. Ты осознаёшь глубину своего падения?

Рыжий беспокойно поёжился.

— Ну... да. Наказывать будете? — добавил он обречённо.

Мастер разомкнул веки, завораживающе плавно, как он делал всё. Чёрные губы снова изогнулись в улыбке.

— Да. Но не я... — он сделал паузу и усмехнулся. — И не за своевольный побег. Я признаю твоё право собственности на добычу, Танеси Тейт, и хвалю за успех.

— Спа... — Рыжий прерывисто выдохнул и украдкой смахнул капельки пота на виске. — Спасибо. Вы очень добры, мастер Оро-Ич.

— Мне нравится твоя дерзость. Но только до тех пор, пока ты побеждаешь — помни об этом, глупый ученик, — улыбнулся тот. — А теперь ступай к мастеру Аринге и получи наказание за разрушение площадки. Добычу свою оставь здесь, я позабочусь о ней... со всем тщанием.

Конец фразы прозвучал по-змеиному шипяще и, признаться, пугающе. Мастер быстро и плавно развернул кольца одного из щупалец и шлёпнул рыжего по виску. На месте удара вспыхнул символ. Тейт цокнул языком и угрюмо скосил глаза, хотя, конечно, разглядеть собственный висок никак не мог.

— А...

— Ступай, — улыбнулся мастер. — Знак пропадёт, когда милейшая Аринга сочтёт искупление свершённым. Тогда возвращайся.

Рыжий стиснул мою руку так, что пальцы хрустнули, и волна боли докатилась до самого плеча. Он сместился, загораживая меня от взгляда мастера, и одновременно слегка наклонился. Поза выглядела откровенно угрожающей.

— Я не оставлю Трикси. Она пока ничего не знает. Я обещал её защищать.

Мастер красиво изогнул бровь. Свободные щупальца у него за спиной шевельнулись, свиваясь в спирали и кольца.

— Неужели и от меня тоже?

На висках выступили мелкие капельки холодного пота.

Может, в местных реалиях я не очень-то разбиралась, но зато хорошо представляла, чем может обернуться для нас двоих гнев псионика высшей ступени, к тому же не отягощённого правилами и моральными запретами моего мира.

Решение надо было принимать быстро.

...шрах, почему дядя Эрнан никогда не упоминал о том, что от самого рационального выбора могут так коленки подгибаться?

— Тейт, не надо, — сказала я тихо, успокаивающе заглядывая ему в глаза. — Всё будет хорошо, думаю. Иди и разберись со своим наказанием.

Взгляд у него стал угрюмым.

— Я обещал защищать.

— Знаю. И у тебя уже получается очень хорошо. Но ведь от тебя я как-то сама защитилась, верно?

Как ни странно, аргумент подействовал. Тейт выпрямился, глядя на мастера, приложил руку к груди на секунду — и, разбежавшись, прыгнул в дыру. Только и мелькнули концы алого шарфа. Я была теперь наедине... наверное, всё-таки с чудовищем, а не с чудом, потому что рыжий никак не походил на парня, который беспокоится по пустякам, а с мастером он категорически не хотел меня оставлять.

— Значит, Трикси Бланш.

Моё имя не напевное. Оно шипящее и колючее, как сердитая кошка. Но этот чешуйчатый Оро-Ич умудрился произнести его так тягуче, плавно и мягко, что оно прозвучало строкой языческого гимна. В голове приятно зазвенело.

Плохо.

Уже не говоря о том, что Тейт ни разу не упоминал мою фамилию.

— Да, мастер, — ответила я, стараясь копировать произношение рыжего.

Чешуйчатую помесь осьминога с пауком это изрядно позабавило. Знать бы ещё, почему.

— Приложи руку к груди, у сердца — так будет вежливей. Голову можешь склонить к плечу, если хочешь проявить высокую степень уважения. Когда-то давно такой жест означал, что ты готов подставить свою шею под удар господина, но, к счастью, немногие помнят эти времена. Подойди ближе, Трикси Бланш. Мы будем говорить.

Говорить? Очень хорошо. Поговорить я совсем не против.

Похоже, само понятие о приватности и о праве личности на неприкосновенность здесь отсутствовало, потому что стоило сделать пару шагов, как мастер выкатил одно из щупалец и, обхватив меня под грудью, поднял на добрых два метра. Чешуйки оказались шелковистыми и горячими, да и пахло от него не по-змеиному кисло, а чем-то пряным и дурманящим, вроде благовоний. Но всё равно стало не по себе. Он бесцеремонно повертел меня, разглядывая с разных сторон, затем пересёк террасу, выбирая более светлое место.

Я продолжала болтаться в чешуйчатой петле, и это начинало нервировать.

Он словно подслушал последнюю мысль и усмехнулся.

— Мы похожи, Трикси Бланш, — сказал мастер, усаживая меня на одно из своих щупалец так, что мы оказались почти на одном уровне. Получалась беседа лицом к лицу, глаза в глаза; весьма опасно, учитывая, какое гипнотическое действие оказывал его взгляд. — Ты сильный маг. Но прискорбно неумелый.

Так. А вот подобного рода недоразумения следует устранять как можно скорее.

— Не маг, а псионик, — поправила я тихо. Надеюсь, он это не сочтёт за дерзость.

Мастер заинтересованно улыбнулся. С такого близкого расстояния было видно, что зубы у него острые и длинные, чем-то напоминающие острые иглы. Наверняка и ядовитые... Жуть какая.

— Покажи, что ты имеешь в виду.

Занять правильную позу для концентрации на гладком щупальце — всё равно что медитировать на автомобильной крыше, балансирующей на ребре. Щиколотки я кое-как скрестила, но равновесие позорно потеряла. Если б не упругая петля, сомкнувшаяся на талии — точно полетела бы на пол.

Который это по счёту переход на сверхчувства за последнее время? Без отдыха и нормального питания?

"Соберись, Трикси", — приказала я себе сурово. На околице сознания мелькал то образ дяди Эрнана, почему-то в камуфляже и с тугой повязкой на светлых волосах, то личико дорогой кузины с презрительной гримаской.

Интересно, как бы они себя вели на моём месте?

Так, отставить глупые мысли.

Сосредоточиться...

Заморачиваться со второй и третьей ступенью я не стала, сразу вышла на четвёртую. Сперва сформировала жёсткий, плотный купол, внутри которого воздух едва ли не потрескивал от напряжения. Затем спрессовала его в нечто вроде буравчика — и осторожно направила на мастера.

Тот ободряюще склонил голову к плечу.

Ну, сам виноват.

Несколько секунд всё шло прекрасно. Импровизированный буравчик уткнулся в невидимый щит, начал углубляться. Я почти воочию видела сетку из трещин на чужом экране, ощущала колючие электрические разряды за ним... а потом вдруг поняла, что валяюсь на мягком полу, и голова у меня гудит, точно ведро, по которому ударили разводным ключом.

Мастер Лагона улыбался, как древний идол, и ласково поглаживал меня щупальцем — по плечам, по коленям и щиколоткам. Золотистые глаза пламенели.

— Прекрасно, — констатировал он, заметив, что я пришла в себя. — Но ведь это не все твои дары, верно? Покажи мне.

"Издеваетесь?!" — захотелось крикнуть.

На губах у меня что-то хрустнуло. Да уж, контроль ни к шраму... Но дилемма та ещё: рассказать о своих способностях или придержать козырь в рукаве?

Есть ли вообще такое понятие, как "козырь в рукаве", когда мы говорим об общении с эмпатом и, скорее всего, телепатом высшей ступени?

Чешуйчатый выгнул брови — на сей раз обе, уже достижение — и мелодично рассмеялся. По спине опять забегали сладкие мурашки.

— Разумеется, нет, — бессовестно ответил он прямо на мысли. Лиги защиты приватности на него нет. — Будь благоразумной, Трикси Бланш. Я не враг тебе хотя бы потому, что вражда подразумевает относительное равенство. Покажи мне то, что я хочу видеть.

Я только вздохнула.

Похоже, выбора у меня нет.

— Слушаюсь.

— Вот и правильно, — проникновенным голосом похвалил мастер Лагона.

Свой неуклюжий биокинез я продемонстрировала, затянув несколько полузаживших порезов на руках. На то, чтобы избавиться от солидной гематомы на локте, сил уже не хватило. Из теоретически доступных трёх ступеней конструирования и моделирования удалось выйти лишь на вторую: кое-как я воссоздала объёмный портрет рыжего и заставила его подмигнуть.

Мастера это рассмешило не хуже воскресного выступления "Бингл и Баттлз" на четвёртом канале. Он расхохотался, обхватив себя руками, и снова усадил к себе на щупальце, бережно поддерживая за плечи.

— Ты знаешь, чем маг отличается от простого человека? — спросил вдруг мастер.

Меня дрожью пробрало.

Секунду назад он заливисто смеялся, а теперь опять глядел в упор дивными золотистыми глазами. Любопытно всё-таки, в нём больше от осьминога, паука или змеи?

— Гм... маг умеет творить заклинания? — предположила я осторожно и тряхнула головой, отгоняя мысли, совершенно лишние в присутствии мощного псионика.

Кыш, кыш. А то ещё обидится.

— Неверный ответ, — и мне достался несильный шлепок по виску, почти как Тейту раньше. — Человек — тот, кто следует за изменениями мира. Маг — тот, кто их направляет и создаёт. И не

всегда с помощью заклинаний. В стародавние времена, милая Трикси, в Лагон допускали только тех, кто мог сдвинуть с места гору. Любым способом, не обязательно одним из самых очевидных.

"Любым способом", о, да. Чем-то напоминает выпускной экзамен в школе эсперов. Согни ложку взглядом. Или смоделируй иллюзию, которая выразительно согнётся. Или заставь зрителей поверить, что черенок искривляется. Или вызови у всех приступ головной боли, отвлеку и незаметно согни ложку руками.

— Совершенно верно, — одарил меня мастер очередной обворожительной улыбкой. В районе желудка поселилось приятное тепло. Готова спорить, что если б я стояла, то ноги бы подломились. — Соискатели бывали весьма изобретательными.

— А сейчас? — В голосе проскользнула кокетливая хрипотца. Я мысленно вlepила себе оплеуху и перевела взгляд так, чтобы смотреть на стену за плечом у мастера, а не в его змеиные очи.

— А ныне единственное условие — умение войти в Лагон. Любым способом, — произнёс он мягко. — Тебя провёл Танеси Тейт как добычу. Я же предлагаю тебе стать ученицей. Но не в мастерской внимающих и поющих, ибо слушать и говорить ты научишься сама. И не среди созидающих совершенство — слишком многое нужно тебе изучить прежде, чем какой-либо мастер допустит тебя к преобразованию живого организма и к таинству исцеления. Но в мастерской овеществлённого ничто тебе будет самое место.

Так. Слишком много новой информации. Но, похоже, с эмпатией и биокинезом — то есть "внимающими-поющими" и "созидающими совершенство" — я пролетаю. А вот конструирование и моделирование вполне сошло за "магический" навык. Даже термин, "овеществлённое ничто", оказался близок к нашему "структурированная иллюзия".

Но подвох таится в другом.

Думай, Трикси, думай...

"Тебя провёл Тейт как добычу. Я же предлагаю стать ученицей..."

Ага. Вот оно. Огромный такой подводный камень, на который я чуть не налетела со всего маху из-за усталости и колдовского блеска золотых очей. Мастер Лагона предлагал мне относительное равноправие с другими учениками, статус и — косвенно — своё покровительство.

Главный вопрос — почему, ведь вряд ли из чистой благотворительности.

Его я и озвучила.

— Потому что таково моё желание, — ответил невозмутимо чешуйчатый и скользнул щупальцем по моим плечам. Снова пахло благовониями, голову повело... — Случайный каприз по имени Трикси Бланш.

Я стиснула зубы.

— Прошу прощения, но подобный ответ не подойдёт. К сожалению.

Чёрные губы дрогнули в усмешке.

— Упрямица.

Так. Рассуждать логически, действовать рационально, ожидать худшего.

Собрав всю волю в кулак, я посмотрела ему в глаза и произнесла, стараясь излучать почтение и твёрдую уверенность:

— В нашем мире подобное называется "сделка по неведению". Одна из сторон предлагает большое благо, в обмен просит якобы незначительную уступку. Или вовсе не просит ни о чём, а затем предъявляет счёт. Если вам нужно что-то от меня, то, прошу, скажите сейчас. Моё положение нельзя назвать безвыходным, но только благодаря защите Тейта. Статус ученицы обеспечит, насколько понимаю, большую самостоятельность. В текущих условиях я буду более эффективно действовать в ваших интересах, если пойму, что конкретно от меня требуется.

Глаза у него немного потускнели, сменили цвет с пылающего золота на приглушённую змеиную желтизну.

— Что ж, возможно, так действительно будет лучше. Трикси Бланш, знаешь ли ты, что такое резонанс?

В горле образовался комок.

— Гм... В общих чертах.

— О, полагаю, свободные были не лучшими учителями, — с непередаваемой иронией отозвался мастер Лагона. — Тот, кто переходит границу между мирами, становится чистым, как свет. И первый, кто завладеет таким странником, получит идеально настроенный инструмент, донора силы с безупречным ритмом, который увеличит отдачу в десятки раз. И самый простой способ

настроить странника под себя — провести некий ритуал. — Два щупальца незаметно вынырнули откуда-то снизу и с мягкой, но неодолимой силой развели мои колени в сторону. Я постыдно пискнула и залилась румянцем. Кажется, до ушей. Более чем красноречивый намёк... — Да, ты правильно поняла. Это грубо, но действительно. И, что ещё печальней, способ универсален. Поэтому странники из-за черты настолько желанны, и за тобой будут охотиться многие и многие. В последний раз подобный тебе появлялся в Лагоне три года назад, и ныне учениками успела овладеть жажда... Но смысл настоящего резонанса заключается в ином.

Я сдвинула колени и рефлекторно натянула платье пониже, едва не потеряв равновесие. Щупальце подо мной упруго покачнулось.

В голове не укладывалось, что Тейт с самого начала вытащил меня ради... такого.

— И в чём же?

— Позволь показать тебе, — вкрадчиво произнёс мастер и, обхватив меня за талию, в одно мгновение переместился к краю обзорной площадки. Я даже взвизгнуть не успела. — Смотри, Трикси Бланш. Как ты думаешь, что там происходит?

Я заглянула через парапет — и на несколько секунд растеряла все слова.

Перед нами расстилался Лагон.

Не знаю, магия ли мастера Оро-как-его-там приподняла туманную пелену перед моими глазами или терраса была сама по себе сконструирована особым образом, но потайная долина развернулась, как бумажный цветок на ладони, и обрела новые краски. Я видела холмы, которые скрывали вход в подземные чертоги, и причудливые дома, больше похожие на груды камней, затянутых мхом и вьюнами; леса и рощи, бездны и скалы, безупречно ровные луга, покрытые цветами, и площадки, вымощенные белёсым камнем...

Лагон благоухал тысячью запахов, переливался тысячью оттенков, и магия пылала над ним, как призрачное пламя. А одно из самых ярких мест было там, у входа, где Тейт ранее сражался с толстяком Баззом, — непрерывная череда слепящих вспышек.

— Смотри моими глазами, Трикси Бланш, — голосом искусителя пропел мастер. Его лицо было совсем рядом с моим, пугающе большое и одновременно красивое, безупречное, а золотые очи горели

невыносимо и чарующе... Помесь не паука с осьминогом, а змея с инкубом, беру свои слова обратно. — То, что ты видишь, прекрасно?

Я сглотнула.

— Д-да.

— Там, — он указал на место, где загорались вспышки, — Танеси Тейт пытается починить брусчатку. Простое действие. Как ты думаешь, что у него выходит?

Неожиданный вопрос.

Если представить хорошенько...

— Взрывы и разрушения? — осторожно предположила я.

— Совершенно верно, — вздохнул он и откачнулся от края. Дивное видение погасло. Теперь мы снова сидели друг напротив друга и просто разговаривали. Щупальце обвивало мою щиколотку, но, кажется, я уже начала привыкать к регулярным вторжениям в личное пространство. — Я заинтересован в Танеси Тейте. Но среди мастеров Лагона нет такого, кто смог бы его обучить. Голоса внимающих и поющих не достигают его. Для обучения необходимо полное доверие. Я могу вложить знания в его голову, но применять их он не сможет. Однако ты иная. Ты можешь сделать Танеси Тейта сильнее, сохранив себя в неприкосновенности. А он сделает сильнее тебя. Таков резонанс высшего порядка, истинный резонанс... Что ты решишь, Трикси Бланш?

Шрах, час от часу не легче... Псионик должен научить мага магии? Бред какой-то.

Но выбора у меня нет. В очередной раз, если задуматься.

— Я стану ученицей и сделаю всё, что будет в моих силах, чтобы помочь Тейту, — пообещала я. И не выдержала, сорвалась на унижительную просьбу: — Только расскажите, с чего лучше начать, пожалуйста.

Чешуйчатый гад усмехнулся и погладил меня по подбородку.

— А это ты должна определить сама, милая девочка. Теперь иди. Этажом ниже тебя будет ожидать проводник на то время, пока Танеси Тейт отбывает наказание. И, разумеется, небольшая трапеза. Проводник тебе понравится, я уверен.

Он поставил меня на пол. На подгибающихся ногах я сделала несколько шагов, затем приложила руку к груди, прощаясь, и почти без сил начала спускаться по сети из вьюнов. В голове звенело. Если

зажмуриться, то сразу представлялись пылающие золотистые глаза, а дыхание перехватывало от запаха благовоний.

Кажется, я опять колеблюсь между "чудом" и "чудовищем".

— Ах, да, — донеслось мелодичное восклицание, когда пол уже маячил на уровне глаз. — Чуть не забыл. У Танеси Тейта сейчас восемнадцать любовниц. Думаю, тебе стоит об этом знать, Трикси Бланш.

Руки у меня разжались сами собой.

Я едва успела сгруппироваться в воздухе и приземлилась относительно мягко — спружинила ногами и почти сразу распрямилась. В ушах звучало эхом: "Восемнадцать, восемнадцать, восемнадцать..."

Он что, шутит?

Не похоже...

Но все мысли о девушках Тейта вылетели у меня из головы, когда я увидела, что за проводник меня ждёт.

Шрах, это была почти копия дорогой кузины Лоран — светлые прямые волосы, разве что коротко остриженные, до ушей, тонкие розовые губы, острый лисий нос, ярко-голубые глаза вечного ребёнка, игривая родинка на правой щеке. Незнакомка была облачена в белый свободный костюм с накидкой цвета бледной бирюзы на плечах и рыхлым тюрбаном в тон.

И — глухая стена на месте эмоций.

По ощущениям эта "проводница", конечно, не дотягивала до мастера Лагона, однако мне была примерно ровней. Думаю, при желании я могла бы пробить её защиту... Как и она — мою.

— Здравствуй, новенькая, — со сладчайшей улыбкой поприветствовала она меня. Для того чтобы понимать речь, приходилось порядком напрягаться — полузабытое ощущение после долгого общения с чешуйчатым инкубом. — Мастер поручил мне на сегодня заботу о тебе. Не скажу, что рада этому. Зови меня Исэ Лиора.

Я едва не поперхнулась воздухом.

Да у неё даже имя почти такое же! Сильно сомневаюсь, что это совпадение — псионику высшей ступени ничего не стоило выпотрошить мою память, пока я демонстрировала свои навыки. Если ещё и характер у Лиоры похож... Тогда меня ждёт весёлый денёк.

Что ж, одно теперь ясно: чувство юмора у синего и чешуйчатого мастера Лагона есть.

Только до ужаса извращённое.

Глава 5. Знай своё место

*Тёмная, экзотическая, бодрит, может довести до покоев лекаря.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Исэ Лиора училась в мастерской внимающих и поющих, но уже очень скоро стало понятно, что её истинное призвание — бесконечно терпеливые вздохи и взгляды, полные кроткой укоризны.

А ещё поучения.

— Не так, — мягко поправила меня блондинка, когда я села на подушку, чтобы приступить к трапезе. — Ноги нужно сложить по одну сторону, вместе. Под себя их подворачивают дикари и разбойники.

— Не так, — раздался вздох, когда я взяла в руки чашку. — Держи тремя пальцами, тёмной стороной к себе. С той стороны, где светлая полоса, пьют те, с кем ты желаешь разделить напиток.

— Не так, — укоризненно обронила она, когда я потянулась к щипчикам, заменяющим здесь столовые приборы. — Посередине только дети берут, положи пальцы на выемки. И, кстати, печёные овощи едят более плоскими щипцами.

У Лиоры был изумительный способ учить других: сперва она позволяла совершить ошибку, а затем поправляла с выражением вселенского терпения в глазах. Я уже думала, что исчерпала свой лимит на приступы раздражения и злости, но передо мной стремительно открывались новые горизонты.

Ох, Нэсс, как же мне тебя здесь не хватает...

Впрочем, надо отдать блондинке должное: инструкции у неё получались краткими и понятными, а в особо сложных случаях сопровождались мысленным образом-пояснением. Лиора быстро поделила продукты на три категории: безусловно безопасные, экзотические и потенциально вредные. В первую категорию входило то, что ели даже местные младенцы и что раньше уже было опробовано на других странниках между мирами. Сюда относилось вываренное и перетёртое в паштет мясо птицы, лепёшки из толстых волокнистых листьев, что-то типа стейка из морского животного с говорящим названием "фуубе" и два вида сырых фруктов.

— Всё равно лучше посоветоваться с кем-то из логи созидающих совершенство, — добавила блондинка, придвинув ко мне несколько полных чашек. — Пусть кто-то осмотрит тебя и скажет, какая еда безвредная.

Что ж, логично. Всё-таки я гостя из другого мира. Даже у нас в соседней стране аборигены могут наслаждаться кушаньями, совершенно несъедобными для приезжих. Взять хоть огненно-острое рагу Шерерских островов с креветками.

К экзотическим Лиора отнесла все продукты первой категории, но приготовленные с использованием специй и соусов. Например, густой тёмно-красный суп из кислого фрукта кижу с мясом фуубе и какими-то местными стручками я попробовала на свой страх и риск — и только потому, что стручки на вид были точь-в-точь как наш перец.

В потенциально вредные она записала почти все продукты из океана, начиная с живности и заканчивая водорослями, мясо некоторых наземных зверюшек, а также грибы и значительную часть овощей и фруктов. Из напитков мне позволили попробовать только горячую воду, подкислённую и подкрашенную соком кижу, и бодрящий отвар из коры дерева — того самого, из листьев которого делали лепёшки.

— Шерга, — пояснила Лиора, предлагая мне чашу с тёмной,пряно пахнущей жидкостью, немного похожей на крепкий чай с убойной дозой корицы и имбиря. — Пригуби, у нас его все пьют. Вроде бы никому плохо не было.

Сердцебиение от этой шерги почти тут же участилось. Я собралась с силами и задействовала биокинез. Выяснилось, что в коре содержится вещество, похожее по воздействию на танин и кофеин, однако более сильное. Лиора осушила несколько чаш без видимого результата, только глаза у неё заблестели сильнее; вероятно, местные привыкли к большим дозам этого "энергетика".

Мне же пришлось ограничиться парой глотков.

Самым вкусным оказался суп-пюре, на втором месте — паштет; жаль, что его не принято было намазывать на лепёшки. Жёлтый фрукт с непривычным названием невыносимо горчил, а красный кижу слишком напоминал лимоны — такого много не съешь, так что растительной пищи не хватало.

— Ты сказала, что нужно посоветоваться с кем-то из сотворяющих совершенство...

— Не так. Созидающих совершенство, Трикси.

— Созидающих, — послушно повторила я, сдержав очередного шраха, рвущегося с кончика языка. Мир другой, а раздражающая блондинка почти такая же, подумать только. — Ты знаешь человека по имени Кагечи Ро? Он подойдёт?

Её взгляд ощутимо похолодел.

— У него достаточно опыта и сил. Однако он печально известен своими... экспериментами.

— Экспериментами?

— Именно, — склонила голову к плечу Лиора. Светлые глаза неприятно потемнели. — И подопытных он обычно не спрашивает, желают ли они пожертвовать собой во благо его искусства.

Занятная информация. И, кстати, он сам упоминал, что сколько-то там раз сшивал по кускам рыжего...

— Тейт — один из его подопытных?

— Айе, — откликнулась Лиора немного удивлённо, с толикой одобрения. Я запнулась: незнакомое слово, к тому же непере译имое. Судя по размытому образу, это было междометие, бессмысленное само по себе, но способное выражать целый спектр эмоций. — Надо же, сообразила. Да, Танеси Тейт изменён настолько, что в нём больше от айра, чем от человека. Кожа, мышцы, кости и часть внутренних органов — и это лишь часть модификаций.

Вот так заявление. Интересно, а только ли он?..

— Гм, а другие изменённые есть? — осторожно поинтересовалась я и, не удержавшись, взглянула на потолок — в ту сторону, где этажом выше находилась смотровая площадка мастера Лагона.

Лиора усмехнулась, и нос у неё ещё больше заострился. Да это вылитая Лоран! Только запаха "Медового экстаза" не хватает и серёжек в тон глазам.

— Есть, — негромко ответила она и указала пальцем вверх.

Оу. Красноречиво. Впрочем, следовало догадаться, что щупальца с чешуёй имеют противоестественное происхождение.

— А это всё здесь... обыденно? — спросила я, понизив голос, хотя псионик высшего уровня наверняка мог слышать нас за несколько километров, было бы желание.

— Не совсем, — задумчиво сказала блондинка. — Но очень, очень давно подобное было нормой.

— Когда?

— На заре Лагона.

Весёлые новости. Выходит, что мастер Оро-Ич — ровесник окрестных холмов. Или даже постарше, учитывая страсть местных магов к капитальным перестановкам в ландшафте.

— Спасибо, очень познавательно, — искренне поблагодарила я Лиору, отставляя стакан с двумя "носиками", в котором раньше находился суп. Она подозрительно свела брови:

— Больше ничего не хочешь спросить?

— О чём? — непонимающе моргнула я.

Нет, конечно, мне многое было интересно. Например, что за вид воздействия применял мастер Лагона — ведь не инкуб же он на самом деле? Или насчёт любовниц Тейта... Но последнее уточнять рискованно. Во-первых, я могу поставить рыжего в неудобное положение, если он не афиширует количество связей. Мастер не в счёт, не удивлюсь, если он в курсе вообще всего, что происходит здесь. Во-вторых, такая тема запросто может оказаться табу. Не хотелось бы прослыть дикаркой, и так хватает неправильно подвёрнутых ног и сложностей со столовыми приборами. В-третьих... Рыжий, конечно, на обманщика не похож, но женщины любого мира, готова спорить, мастерицы самообмана. Если пресловутые восемнадцать любовниц не подозревают о существовании друг друга, или каждая считает себя особенной, а правда вдруг выплывет наружу — дело может закончиться катастрофой. И для самого Тейта, и, учитывая его темперамент и буйство силы, для ревнивых женщин тоже.

Но Лиора, предлагая задать вопрос, явно намекала на что-то другое, вполне конкретное... И явно предполагала, что я в курсе. Может, изобразить непонимание, чтобы вытянуть побольше информации?

Мы с блондинкой обменивались невинно-выжидающими взглядами. И, спасибо дорогой Лоран за годы тренировок, моя визави не выдержала первой.

— Может, ты хочешь спросить о том, что тебя очень беспокоит? — предположила она, так тщательно скрывая мысли, что

появилось даже подозрение: щиты-то стоят не от меня. — Может, у тебя возникли какие-то необычные желания?

Я следила за ней очень внимательно и — о, счастье — была вознаграждена. Между словами проскользнул образ сияющих жёлтых глаз мастера Лагона. Значит, "необычные желания" и "беспокойство" должны быть, по мнению Лиоры, связаны с ним.

Но уточнять что-то в нескольких метрах от, собственно, предмета разговора, было бы крайне неразумно. Отложу на неопределённое время.

— Из всех желаний у меня осталось только два — выспаться наконец и искупаться где-нибудь, — честно призналась я, игнорируя таинственные намёки блондинки. К тому же самое время прояснить более насущные вопросы. — А беспокойство... На меня очень странно смотрели, когда я только появилась. Одна из причин — моё происхождение, это понятно. Но ещё я заметила, что здесь все одеты совершенно по-другому, чем принято у нас. Моё платье не нарушает правила приличия?

Лиора сползла со своей подушки и пощупала край моей юбки.

— Платье, — протянула она зачарованно, невольно выдавая любопытство. Но быстро справилась с собой и нацепила обычное выражение бесконечного терпения: — Нет, так не одеваются. Только некоторые народы в южных землях, на островах, кажется. Но открывать ноги допустимо вот так, — изящные пальцы чиркнули мне по ноге сантиметров на двадцать выше колена. — Когда тепло, разумеется. Сейчас холодно, все в длинном.

— А волосы? — задала я второй из беспокоивших меня вопросов.

Стричься не очень-то хотелось, но если это потребуется, чтобы не слишком выделяться и соответствовать местным канонам красоты... В конце концов, мужчины из Альбеды ведь сбрасывали косматые бороды и усы, когда надолго задерживались у нас. Это куда как менее обременительно, чем всё время становиться мишенью для заинтересованных взглядов.

Лиора оглядела меня задумчиво, даже руку протянула, чтобы дотронуться до моих волос, но тут же отдернула её, заметив мой взгляд.

Ага, значит, без конца щупать друг друга тут всё же не принято.

— Выглядят необычно, — признала она спустя некоторое время. — Такого тёмного цвета. И длинные вдобавок... Но не делай с ними ничего, мой тебе совет. Ты так или иначе будешь выделяться. У тебя кожа непривычного оттенка, черты лица другие, рост, фигура. Более чуткие, вроде Танеси Тейта, скорее всего, отметят и необычный запах. Ты не спрячешься. Значит, будь диковинкой и делай вид, что так и надо. Это же не синяя чешуя, в конце концов, — добавила она и прикусила язык.

На потолок мы посмотрели синхронно.

— Всё было очень вкусно, давай договорим в другом месте? — быстро предложила я, стараясь не выдавать беспокойство. Учащённое сердцебиение можно списать на эффект от лишнего глотка крепкой шерги или как там назывался "чай" из коры.

— Давай, — как-то слишком покладисто согласилась Лиора. Похоже, мастера она побаивалась, как и Тейт. Хороший повод задуматься, на самом деле. — Я покажу тебе округу и одолжу кое-что из своих вещей. Переодеться ведь не помешает. И немного освежиться — ты ведь с дороги, — защебетала она, переключаясь из режима "блондинка скорбная, бесконечно терпеливая к идиотам" в "блондинка легкомысленная и добрая".

Знаем, проходили с Лоран.

Интересно, это мне так везёт — или есть типаж, который клонируют и распространяют по разным мирам, чтобы жизнь мёдом не казалась?

Впрочем, не могу не признать: передвигаться по Лагону в её компании оказалось куда удобней, чем с Тейтом. Хотя Лиора и принадлежала к ложе внимающих и поющих, но обладала и множеством полезных бытовых навыков. Например, она легко преобразовала вьюны в подобие крутой, однако вполне удобной лестницы. И поспевать за неторопливыми шагами Лиоры было намного проще. На меня почти не засматривались, только изредка провожали заинтересованными взглядами. Я же внимательно изучала шевелюры прохожих и вскоре с прискорбием убедилась, что самый тёмный цвет — кофе с молоком или серый средней насыщенности. Преобладали же блондины и блондинки всех оттенков — золотистые, рыжеватые, поганочно-белые. Нередки были и дикие цвета явно искусственного происхождения — алый, кислотно-зелёный, синий,

фиолетовый. Кожу чаще всего покрывал лёгкий загар, даже Лиора при более интенсивном освещении стала больше похожа на частую гостью пляжей.

Тейт на фоне обитателей Лагона выглядел бледновато — в прямом смысле.

Идти же пришлось не так долго, около двадцати минут... то есть "катов", надо уже привыкать к местной терминологии. Исэ Лиора приблизилась к одному из холмов, раздвинула заросли вьюна и пустила меня в небольшую комнатку пять на пять шагов. Отсюда вглубь вёл наклонный туннель с лестницей.

— У вас этажи отсчитываются вниз, а не вверх? — полюбопытствовала я, и блондинка неопределённо повела рукой:

— Внизу безопаснее. Меньше шансы, что кто-то проникнет.

— А высокие здания вообще не строят?

— Почему же. Террасы наблюдения ты уже видела, к примеру. А ещё есть четыре скалы, где располагаются покои мастеров, — ответила она таким тоном, как у нас могли бы сообщить о тайной подземной лаборатории. Вроде как место, скрытое благодаря одному своему расположению — никому не придёт в голову там искать.

Подземные апартаменты Лиоры оказались весьма удобными. Правда, мы там не задержались. Щедрая блондинка выдала мне два костюма. Про тёмно-красное трико, опутанное до колена чёрными лентами разной ширины, она сказала: "Фатально ошиблась цветом, всё равно не ношу". Второе, светло-голубое и чуть более свободное, было, по её выражению, "допустимой степени поношенности".

В переводе на нормальный язык это, полагаю, означало, что вещь застиранная, немодная и едва ли годная для того, чтобы показаться в приличном обществе, но безденежной дикарке вроде меня сойдёт.

В дополнение она вручила два чёрных шарфа разной ширины — один на плечи, другой на голову. Волосы прикрывали тканью по желанию, особым шиком считались рыхлые тюрбанообразные конструкции. А вот накидку следовало обязательно надевать перед встречей с мастерами или перед выходом "в свет". Как следовало из объяснений, она приравнивалась к пиджаку или жилету в составе офисно-делового костюма у нас. И наконец прояснилась разница между двумя типами кроя одежды: облегающий считался более

старомодным и формальным, а свободный — повседневным, как джинсы с футболкой.

Забавно. Получается, что Тейт рассказывает в местном аналоге чёрного брючного костюма а-ля мафиози?

В качестве нижнего белья здесь использовали почти прозрачные лосины и "водолазку" без горлышка из такой же ткани, но я предпочла пока остаться в своём. Мы с Лиорой сошлись на том, что, когда рыжий принесёт деньги за мой микрофон и усилитель, надо прогуляться до торговых рядов.

На стандартные банные процедуры времени, увы, не было. Пришлось довольствоваться сокращённым вариантом — одной губкой смоченной в специальном растворе, и другой, напитанной чистой водой. Затем я переделалась в тёмно-красное трико, памятуя о том, что яркие цвета здесь в чести, а светлая одежда вроде той, что носил Кагечи Ро или сама Лиора, выделялась куда сильнее кислотно-жёлтых шаровар Боззы. Тюрбан накрутила сама, хоть и с третьего раза. А вот складки покрывала на плечах блондинка поправляла долго и придиричиво, сопровождая процесс бесконечными "не так" и укоризненными вздохами в десятках вариаций.

— Идём наверх, — сказала она наконец, удовлетворённо склонив голову. — Надо успеть показать тебе немного округу и рассказать об основных правилах, пока не стемнело.

Последние слова прозвучали зловеще.

— А с приходом темноты многое изменяется? — поинтересовалась я настороженно.

— Становится меньше правил, — туманно пояснила Лиора и скорбно округлила глаза: — Ты ведь не хочешь неприятностей, Трикси?

Я не хотела, потому согласилась, что стоит поторопиться.

Мы начали осмотр с так называемых "общих пространств" — тех мест, где встречались ученики из разных мастерских. Поляны с красными, розовым, оранжевыми, бордовыми цветами символизировали полнокровную жизнь и покой. Здесь принято было отдыхать, драки запрещались, кроме случаев самозащиты.

— Но попробуй докажи мастеру потом, что это была именно защита, — вздохнула Лиора и, обернувшись к группке девушек, ритмично кружащихся по щиколотку в пурпурных цветах, приложила

руку к груди — видимо, поздоровалась. Одна из незнакомок ответила ей тем же, не останавливаясь.

Холмы и то, что с виду напоминало груды камней, обычно служили входом в обширные подземные чертоги, где располагались мастерские, дома, залы отдыха, личные "рабочие кабинеты", библиотеки, склады, горячие источники, торговые лавки, бесплатные столовые, где каждый ученик мог рассчитывать на тарелку похлёбки в сутки и кусок мяса каждые два дня. Были тут и частные заведения, где подавались более экзотические блюда по разным расценкам, от скромных до заоблачных.

Вообще я поймала себя на забавной мысли, что поверхность земли — своеобразная "крыша" настоящего Лагона. И сейчас мы гуляли по ней, как две кошки, распушая друг перед другом хвосты. Лиора строила из себя паиньку, я — тоже, но по-своему. Такая идиллия вряд ли могла продлиться долго...

Увы, пессимистические прогнозы имеют неприятное свойство сбываться, и очень быстро.

Начиналось всё относительно мирно. Мы по широкой дуге обогнули очередной "лужок отдохновения", усыпанный крупными розетками алых и жёлтых цветов. Честно признаться, издали он напоминал филиал дурдома. Полтора десятка учеников, одетых почти одинаково, во всё оранжевое, с идиотскими жизнерадостными улыбками перебрасывались невидимым мячом. Время от времени они останавливались и начинали ритмично хлопать в ладоши, причём синхронно и без сигнала к началу. Лиора пояснила, что они начинают осваивать искусство внимать и петь. Я немного расширила купол и расслышала, как долговязый парень, видимо, самый опытный, руководит игрой:

"Шар у Мики. Мика кидает... Локен уронил, позор!"

И оранжевые снова захлопали, видимо, выражая неодобрение.

Я поспешно свернула купол, чтобы не мешать.

На другом краю луга толстушка в тёмно-сером костюме дремала в объятиях чудовищной химеры, помеси двухголовой мохнатой змеи с обезьяной. При виде этой чудной парочки Лиора сморщилась, точно откусила что-то гнилое, и ускорила шаг. Ещё двое, парень и девушка, похожие как близнецы, вращались вокруг невидимого центра, подобно двойной звезде. Сходство изрядно усугублялось неярким свечением.

— Не так, — поджала губы Лиора, глядя на них. — Это нарушение правил, Трикси. Нельзя творить опасную магию в местах отдохновения.

Дальше она собиралась показать ложу, куда меня определил синий чешуйчатый гад, и помочь с выбором конкретной мастерской, но до места мы так и не дошли. Продравшись вслед за Лиорой сквозь густую щётку гибкого кустарника с бархатистыми лиловыми листьями, я выскочила обширную площадку, мощённую белым камнем. Блондинка замерла на самом краю, насторожённая, и её беспокойство тут же передалось мне.

Путь через площадку преграждали четверо.

Мощного Боззу, на сей раз облачённого в свободные одеяния цвета фуксии, не узнать было трудно, хотя цвет опалённых волос и закопчённой физиономии опознавался с трудом. Трое других раньше, кажется, на глаза не попадались... Или нет, одного я точно видела в толпе, которая вышла навстречу нам с Тейтом — невысокого, плотно сбитого мужчину лет сорока с виду, обритого налысо и с тёмно-зелёным орнаментом на щеках и шее. Эти двое вооружены не были. Ещё одна, высокая широкоплечая женщина со светло-рыжими волосами, стриженными до мочек ушей, похлопывала по ладони металлической штукой, похожей на ракетку для пинг-понга.

Оружие? Возможно...

Последний из агрессоров, парень немногим старше меня, одетый во всё зелёное, держался немного позади остальных. В его лице проскакивало нечто восточное, как у мастера Лагона, только гораздо мягче, со слабым намёком на экзотику. Волосы цвета янтаря были с одной стороны обрезаны совсем коротко, а с другой — достигали линии подбородка. Нос безупречный, как у кинозвезды после пластической операции, зато губ почти не видно — белёдые, тонкие. А вот глаза яркие, зелёно-голубые.

Он заметил мой взгляд и облизнулся.

Меня передёрнуло.

— Короткой дороги, Исэ-кан, — поздоровался блондин первым, добавляя после имени короткий "суффикс почтения". Как я поняла из объяснений Лиоры, это был аналог уважительного "ты".

Забавно, что до сих пор ко мне обращались только на "ты простое".

— Короткой дороги, Маронг, — сухо откликнулась моя провожатая.

От неё повеяло колючим ощущением неудовольствия. Ни о каком "уважительном ты" речи не шло — она явно давала понять, что предпочитала бы не встречаться с этим Маронгом и его компанией. Причём не ему, а мне, судя по мысленным образам.

Предупреждает об опасности? Поздновато, да и перекошенная физиономия Боззы — индикатор не хуже пожарной сирены или залпа сигнальных ракет.

— У кого-то она короче, у кого-то длиннее, — вкрадчиво произнёс Маронг и улыбнулся, показав краешек безупречно белых зубов. Тоже мне, опасный красавчик... — Ты пойдёшь дальше, Исэ-кан, а кое-кто здесь останется.

"Кое-кто" — это я, вероятно. Чудненько, просто распрекрасно. Будет новая драка, наверняка. Выждали же момент, когда Тейта нет рядом... Стервятники.

Впрочем, вопрос ещё, кто здесь труп, а кто голодная птичка.

Я скосила глаза на Лиору. Она стояла неподвижно, полностью закрытая — ни единого образа не проскальзывало. Так, понятно, от неё помощи ждать не стоит. Логично, чего ей впрягаться за навязанную спутницу из другого мира. Спасибо, что хотя бы сама не ввязалась в драку за мою драгоценную особу.

Так. Действовать рационально, не забывай, Трикси. В первую очередь надо понять, псионики передо мной или нет. Я повернулась к Лиоре и спросила негромко и безмятежно:

— Твои коллеги по ложе внимающих и поющих? Не представишь нас?

Она перевела взгляд на меня. Оценивающий такой, раздумчивый. И выбирала, кого поддержать, целых пять секунд, стерва!

— Не мои. Твои будущие, если я правильно поняла мастера, — проговорила наконец Лиора. У меня словно тяжесть с плеч свалилась — похоже, блондинка всё же решила сыграть на моей стороне.

— Добыча Танеси встречалась с кем-то из мастеров? — поинтересовался Маронг и обменялся взглядами с сообщниками. Те перегруппировались, выстраиваясь напротив нас широкой дугой. — Хочет стать ученицей? А не слишком ли высоко для расходного материала, м-м-м? Мне кажется, своё место надо знать.

У Лиоры дёрнулся уголок губ. Похоже, такое грубое давление ей совсем не нравилось. Может, это в мою пользу сыграет? Если она не станет меня защищать, то пускай мешать самостоятельно отбиваться не будет.

— Верно, добыча Танеси Тейта, а с завтрашнего дня ещё и ученица. Мастер Оро-Ич решил, что она будет постигать искусство овеществлённого ничто. Айе, Маронг, не глупи. Они проговорили почти целый сет, — обронила блондинка вроде бы ничего не значащую фразу, но взгляды всех агрессоров тут же скрестились на мне.

У шкафоподобной девицы в мысленном фоне промелькнула тень страха.

Так. Ясно, здесь какая-то зацепка. Не зря же Лиора сама пыталась прояснить что-то связанное с мастером Оро-Ичем и мной...

Я закусила губу.

Ладно. Это пока не столь важно. Главное, что те ребята — не эмпапы и не телепапы. Значит, у меня есть небольшие шансы справиться. Уголовный кодекс моего мира здесь не работает. Никто не станет арестовывать эмпапа за несанкционированное деструктивное воздействие высокого порядка. Ломать проще, чем создавать что-то... Теоретически.

А смогу ли я? Раньше никогда не пробовала... Даже Тейта всего лишь оглушила. А тогда сил и уверенности у меня было побольше.

— Целый сет, — вдумчиво повторил Маронг, не сводя с меня взгляда. Я передвинула ноги, скрещивая лодыжки, и сложила руки на груди. Вроде бы Лиора тоже так делала в минуты растерянности, значит, он ничего не должен заподозрить. — И долго она приходила в себя?

Купол развернулся с натугой, неохотно. Так, четвертую ступень не вытяну. Но раз они не эмпапы, то хватит и третьей, если спрессовать купол в четыре иглы. Я же не хочу задеть Лиору, верно?

Шрах, надо перестать трястись, это уже заметно со стороны.

Спокойно, Трикси. Подумаешь, придётся пытаться малознакомых людей. Они тоже пришли не самыми мирными целями.

— В себя? — донёсся откуда-то издали голос Лиоры. Я чутко прислушивалась к малейшим изменениям в сознаниях Маронга и компании. Действительно, не эмпапы и не телепапы, открытые, как Тейт... Но пугающе агрессивные, и про истинный смысл резонанса,

похоже, не знают, зато насилием упиваются. — О, нет, она спустилась нормальной.

Всё-таки Бозза из всей этой четвёрки обладал самой отточенной интуицией. Не знаю, почуял ли он опасность или первым считал потайной смысл слов Лиоры, но, когда Маронг сделал знак атаковать, толстяк единственный развернулся и драпанул в обратную сторону.

Чем там меня собирались оглушить, я так и не узнала. Пытать людей оказалось на деле проще, чем представлялось.

Ощущение боли, приумноженное в несколько раз, прокатилось по длинным иглам, пронзающим всех четверых. Труднее всего пришлось с Боззой — похоже, зачатками эмпатии он обладал, но не третьей ступенью, разумеется. Его хрупкая поверхностная защита разлетелась ровно секунду спустя после того, как заорал Маронг.

Губы у меня были солёными и липкими. Перед глазами плыл золотистый туман. Удар сердца, другой, третий...

Всё.

Я стремительно свернула купол до минимума за мгновение до того, как обессилела. Маронг валялся на земле, мелко дыша сквозь стиснутые зубы, и эхо чужой боли бродило у него в голове. Шкафоподобная дамочка пребывала в глубоком обмороке, Бозза шевельнуться боялся, чтобы не схлопотать удар вдогонку. Последний из четвёрки, бритый мужчина, перекатывался с бока на бок и тихо постанывал.

— Если я правильно поняла объяснения Лиоры, то место тут можно завоевать, — негромко произнесла я, стараясь устоять на своих двоих и не завалиться рядышком с Маронгом. Вот позорище будет... — И если вы считаете, что без Тейта мне вам нечего противопоставить, то давайте повторим. Кстати, то, что вы сейчас почувствовали — всего лишь воспоминание о боли. Вчера утром торопилась на свадьбу к кузине и стукнулась мизинцем об угол стола. Нравятся ощущения? Можем повторить. У меня ещё в запасе воспоминания о вывихе лодыжки и о мигренях бабушки Агаты.

Надеюсь, блеф удастся. Потому что на второй раунд меня точно не хватит, а Лиора не поможет, она и так наверняка жалеет, что мастер навязал ей такую ношу...

Или нет.

В блондинке я ошиблась, надо признать. Потому что в следующую секунду она подошла к Маронгу и чувствительно пнула его под дых.

— Идиот. — Голосок звенел натуральнейшим сочувствием высшей пробы. — Я же сказала, что Трикси Бланш вышла от мастера Лагона невредимой. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, что добыча у меня такая же крутая, как я сам, — послышалось скромное. — Она сама кому хочешь может голову задурить... Ну, кто хочет добавки от меня?

— Тейт! — выдохнула я, оборачиваясь. От напряжения ноги подломились, однако он успел поймать меня на руки и прижать к себе, как принцессу. — Как там твоё наказание?

— Я слишком крут для каких-то там наказаний, — гордо заявил он, улыбаясь. От него веяло солнцем, хотя небо над Лагоном уже потемнело. — Мастер Аринга сказала, что ей надоело заделывать лишние дыры, и я могу валить, куда хочу. А я хочу к тебе. Эй, вы ещё здесь? — добавил он угрожающе, обводя компанию Маронга долгим взглядом, и оскалил зубы.

Через полминуты на площадке остались только мы втроём. Обморочную даму сообщники бесцеремонно уволокли за руки и за ноги, как труп.

Моё состояние было немногим лучше, чем у поверженных агрессоров. Голова кружилась, купол съёжился до жалких полутора шагов. Но Тейта я, кажется, понимала и без эмпатии.

Как и он меня.

— Пойдём домой? — тихо спросил рыжий. И обернулся к блондинке: — Спасибо, Лиора. Ты лучшая.

— Сочтёмся, — махнула рукой она. Высокие скулы порозовели. — И ты мне должен ещё за одежду для Трикси.

— Эти-то тряпки? — смешно задрал брови Тейт. — Да ну тебя. Не мелочись.

Лиора фыркнула и, не прощаясь, скрылась в зарослях кустарника. Рыжий же переступил с одной ноги на другую — и побежал по Лагону в стремительно густеющих сумерках, быстро и пружинисто.

— Очень устала? — Его дыхание опалило мой висок.

— Угу.

Он ничего не ответил, только припустил ещё шустрее, едва ли не взлетая над землёй. Через четверть часа мы оказались у подножья огромного дерева в шесть обхватов толщиной. Между корней виднелась широкая нора, едва прикрытая вьюнами. Рыжий отвёл плети ногой — и прыгнул.

— У вас, что, дверей не бывает? — заплетающимся языком поинтересовалась я.

Тейт аккуратно поставил меня на пол и улыбнулся:

— Дерево сторожит лучше дверей. Чужаков просто задушит. А на вход сверху для верности ляжет Шекки.

— Шекки?

— Мой айр, — пояснил он довольно. — Крылатый, помнишь?

Я помнила, разумеется. Но очень, очень хотела прилечь.

Через некоторое время дурнота схлынула. Тейт суетился вокруг, то воду подносил, то лепёшки из листьев... Кстати, он всё-таки намазывал на них паштет, потому что так удобнее, и плевать на всякие "принято" и "прилично".

Это вызывало улыбку.

Когда комната перестала вращаться перед глазами, рыжий отвёл меня на самый нижний этаж, где располагались удобства и "банный" комплекс. Перспектива наконец-то вымыться нормально взбодрила не хуже местного чая из коры.

Сама "ванна" выглядела диковато, на мой вкус. Начать с того, что их было две. Выглядели они как бочки около метра диаметром и ровно вдвое больше по высоте. Туда полагалось забираться по лесенке и, сидя на первой ступени, примерно по пояс в воде, оттираться комком жёстких ниток. При необходимости можно было спуститься на вторую или третью ступеньку, погружаясь в итоге по шею. В первой бочке находился очищающий раствор, во второй — вода с небольшим добавлением смягчающего отвара. Мыть голову полагалось у стены, с помощью кадки и ковшика. Вместо шампуня использовался сухой, сильно пенящийся порошок и масло для разглаживания.

Голову Тейт мне вымыл сам, не слушая возражений. И, честно говоря, я была ему благодарна — слишком уж устала, где там возиться с разведением порошка в нужных пропорциях! Масло смылось не сразу, хорошо, что горячая вода не иссякала. Затем рыжий помог мне забраться на бочку, принёс отрез мягкой толстой ткани вроде флиса,

чтобы завернуться после купания, и вышел. Подсматривал или нет — не знаю, но вернулся только тогда, когда я уже перебралась во вторую бочку, смывая чистящий раствор и отогреваясь, и надолго замерла на нижней ступеньке. Тейт собрал мою разбросанную одежду, аккуратно сложил на скамье, сам разделся и сел у стены — отмываться.

Я наблюдала за ним из-под полуприкрытых век. В висках стучало от горячей воды и крайней степени усталости. Он поливался, отфыркивался и, кажется, совершенно не стеснялся своей наготы.

"Неужели мастер не солгал? — пронеслось в мыслях. — Правда — восемнадцать?"

Пришлось ущипнуть себя за ногу, чтобы не думать об всяких глупостях. И без того хватало забот. Взять хоть сегодняшнюю компанию уродов с Маронгом во главе. Вряд ли это последние, кто возжаждет чужую добычу. Слишком многие гонятся за дармовой силой. А мне по большому счёту не на кого положиться. Тейта могут завтра точно так же отправить на отработку. Или он сам пойдёт в свою ложу и застрянет на целый день.

Стервятники только того и поджидают...

Здесь у меня нет семьи. Нет опасной и слегка безумной мамы, двух братьев и умной сестрёнки Нэсс, нет папы с его связями на уровне замминистра. Нет дяди Эрнана, который со своей шестой ступенью в эмпатии и телепатии раскатает в лапшу любого из местных, кроме разве что мастера Лагона. Нет даже зловредной кузины Лоран, неистощимой на пакости, но зато способной одним взмахом ресниц приструнить банду хулиганов.

Я одна. Шрах, что я здесь делаю?..

— Трикси?

Рыжий прикоснулся к моему лицу, заставляя открыть глаза. Он стоял на лестнице, облокотившись на край бочки. Нас разделяла только зеленоватая вода и пять сантиметров дерева.

Вот бесстыжий.

— Где моё место, Тейт? — спросила я вслух. — Здесь, в вашем непонятном мире, шрах его побери, где моё место?

Он недоумённо нахмурился. А у меня закончились силы — разом, словно их и не было. Я изнеможённо ткнулась лбом ему в плечо, цепляясь пальцами за кромку бочки. Рыжий сперва растерянно поглаживал меня по спине, потом бережно поцеловал.

— Не надо.

— Почему?

Ведь правда не понимает, кажется.

Восемнадцать любовниц или нет, а очередной девочкой-с-порядковым-номером я становиться не хочу. Даже если страшно устала, запуталась и вообще всё плохо. Прорвусь, обязательно. Наизнанку вывернусь. И если уж не сумею вернуться домой, то найду себе место здесь. Не за чужим плечом.

Такое, где буду чувствовать себя... правильно.

— Потому что.

— Тогда поплачь, — посоветовал рыжий тихо. — Тоже помогает.

А, может, и понимает.

Пока я тихо сопела ему в плечо, пытаюсь не думать ни о чём, он переминался с ноги на ногу, покрываясь мурашками от сквозняка, и не задавал вопросов. Потом дождался молчаливого разрешения, спрыгнул на пол и ушёл в свой угол, вымывать остатки пенного порошка из волос, которые из-за влаги казались насыщенно-красными и облепляли шею, как кровавые подтёки.

— Спасибо, — пробормотала я под нос.

Но рыжий, конечно, не услышал.

Наверное, и к лучшему.

Глава 6. Иллюзии

То, чего нет, но что всё-таки есть. Но на самом деле нет. Или есть.

В общем, как условитесь.

(Из свитка "Загадки Лагона")

На следующий день у меня были грандиозные планы — заглянуть в ложу овеществлённого ничто, познакомиться со своим будущим мастером и соучениками, а вечером, если позволит время, навестить торговые ряды и приобрести одежду на смену. Всё-таки один комплект нижнего белья — намного меньше, чем нужно для нормальной жизни.

Но не вышло.

А всё потому, что я свалилась с жуткой, выматывающей лихорадкой. Почти трое суток не могла ни есть, ни пить, ни спать толком, постоянно пребывая в полузабытьи. Мне мерещилось то безбровое лицо Кагечи Ро, то испуганная физиономия Тейта, а потом выкатились откуда-то из глубин подсознания синие чешуйчатые кольца щупалец. После этого жар спал, и сознание вернулось, хотя слабость и осталась.

— Руки убери.

Такая вот первая осмысленная фраза, которую я произнесла после пробуждения. Рыжий, которому эти самые наглые руки принадлежали, отпрянул и быстро прикрыл меня одеялом, словно так и было. Слабое утешение, учитывая, что вся моя одежда, включая нижнее бельё, находилась в изголовье, отстиранная и аккуратно сложенная в стопку.

— Ничего такого, — таким тоном произнёс Тейт, что сразу стало ясно: как раз очень даже "чего"! — Я за тобой три дня ухаживал, мыл, кормил... и всё остальное, — деликатно закруглил он.

— Спасибо, — сухо отозвалась я, пытаюсь одновременно сесть и удержать сползающее одеяло на груди. Постель представляла собой настоящее гнездо из пышных перин и достаточно жёстких одеял разной толщины, расположенное прямо на полу, у стены. С одной стороны, хорошо — не упадёшь во сне. А с другой — вставать не

слишком-то удобно, особенно с непривычки. — Кстати, сейчас какой день?

— Сейчас ночь! — жизнерадостно улыбнулся рыжий, извернулся и подполз ко мне вплотную. Понял, кажется, что на него особо не сердятся, а значит, можно хулиганить дальше. — Ты как себя чувствуешь? Я вот, когда ты болела, вообще не мог понять, что ты говоришь! Вроде слова знакомые, а вот вообще ни финта не ясно. Просишь чего-то, и, хоть убейся, не понятно — пить тебе или наоборот...

Я почувствовала, что заливаюсь краской. Нет, понятно, что без купола считать образы он не мог, и наверняка возникали сложные ситуации. Но неужели нельзя просто деликатно обойти всякие физиологические подробности?

Никак не пойму, помесь он бесчувственного бревна с дикарём или тонко чувствующий манипулятор. Или культурные различия мешают?

— Хватит, сказала же — спасибо, — с трудом выдавила я и машинально притронулась ладонями к горящим щекам. Благие цели у Тейта или нет, а углубляться в детали ухода за больными совсем не хотелось. — Я поняла уже, что ты обо мне заботился. Молодец, хвалю, и так далее. Но сейчас лучше скажи, что это вообще было?

Тейт вытянулся бок о бок со мной, заложив руки за голову. Осветительные шары вроде тех, что сопровождали нас в подземелье, кружились под низким потолком. Стены утопали во мраке, можно было разглядеть только несколько больших ларей по правому краю комнаты и вазу в половину человеческого роста, из которой выпирала волна белых цветов со слабым пыльно-сладковатым запахом.

Романтическая атмосфера, ничего не скажешь... Я скосила глаза, рассматривая из-под ресниц Тейта, наполовину укрытого отрезом плотной ткани. Интересно, а он-то одет? Рыжий, точно уловив мои мысли, рефлексивно провёл ладонью по прессу, спуская тонкое одеяло ещё ниже, и улыбнулся, глядя из-под прикрытых ресниц.

Позёр.

— Ну, сначала вроде как лихорадка началась. Но ты ещё задыхалась, причём странно как-то — воздух хватала ртом и всё никак успокоиться не могла. Ро приходил и осмотрел тебя, но понял только, что лучше бы ты кижу не ела, от этого горло отекло... и так далее, я не вникал. Мы напоили тебя таким специальным лекарством, которое всю

гадость выводит, Ро жар сбил. А на следующий день — по новой, — нахмурился он. — Ещё хуже, чем накануне. Мы уже думали, что всё, но тут заползает мастер Оро-Ич и такой говорит... Ну, это неважно, что он сказал, — ловко выкрутил с темы рыжий. В мыслях у него промелькнуло воспоминание о нагоняе и что-то насчёт маленьких поганцев, которые не зовут старших, когда надо, а когда не надо — их из зала не выпроводишь. — В общем, он тебя по-своему полечил и сказал, что ты голову перенапрягла. Но и отравилась тоже. Там целый свиток лежит, что можно есть, а что нельзя. Потом считаешь сама...

А вот теперь я покраснела до ушей. Почему-то безграмотность — относительная, дома-то у меня в активе было четыре иностранных языка на том же уровне, что родной — смущала больше наготы. Как-то не хотелось прослыть в глазах Тейта дурой.

— Не умею.

— Ну, естественно, — отмахнулся он, переворачиваясь на бок. И стало заметно, что лицо у рыжего осунулось, а губы растрескались, как будто не только я болела всё это время. Волосы спутались так, что больше напоминали паклю — у нас обоих. — Слушай, Трикси, может, поспим немного? Хотя бы пока рассветёт.

В груди у меня что-то дрогнуло. Он что, правда все три дня от меня не отходил? В буквальном смысле?

— Устал? — Голос прозвучал хрипловато.

— Нет, — гордо ответил рыжий, но быстро сдулся: — Но спать хочу.

— Давай поспим, — согласилась я, но потом добавила, подумав: — Но сначала мне надо пить. И наоборот.

В итоге засыпали мы, хихикая и толкаясь. А проснулись, как молодожёны: я на груди у рыжего, завёрнутая в одеяло, как гусеница. Он пытался встать, не потревожив меня, но, конечно, не преуспел.

Утро получилось торопливым и беспорядочным. Тейт хаотически носился из кладовки в комнату, от жаровни к столу, сверяясь со свитком безопасных продуктов. Я, шипя и ругаясь себе под нос, пыталась одновременно привести в порядок мокрые после купания волосы и правильно обмотаться злополучными шарфами. Воспроизвести рыхлый, сбитый набок тюрбан ещё более-менее получилось, но волны мягкой ткани на плечах не держались и сползали. И так продолжалось, пока рыжему не надоело смотреть на

мои мучения, и он не принёс несколько булавок из прозрачного материала, чтоб закрепить накидку.

После этого мы наконец взгромоздились на подушки и приступили к завтраку.

Вот интересно, почему почти в любой культуре "правильная и приличная" поза — самая неудобная? Заберись на высокую подушку, спусти ноги с одной стороны, да ещё чтоб это со стороны красиво выглядело... У нас сидеть с прямой спиной, сведя колени, тоже не слишком комфортно, но лагонские правила этикета побили все рекорды.

— Аппетита нет? — сочувственно поинтересовался Тейт и, запрокинув голову, допил остатки густого супа из миски.

Я посмотрела в свою плошку, где лежала рассыпчатая красноватая каша, сухая и безвкусная, затем перевела взгляд на горку из натёртого стружкой вяленого мяса фуубе и крупитчатые ломтики какого-то зеленоватого овоща с фиолетовыми семечками. Запивать всё это богатство полагалось шергой или простой водой.

Да уж...

— Не то чтобы нет, — деликатно ответила я, стараясь не показывать недовольствия. Всё-таки Тейт старался для меня. Конечно, ради собственной выгоды в конечном итоге, но мало кто станет так заботиться о фактически незнакомом человеке, который к тому же находится в полной зависимости. — Просто не привыкла ещё.

— Ничего, вот скоро рванём на заготовки, я подзаработаю немного и свожу тебя в одно классное место, — затараторил рыжий и, перегнувшись через стол, погладил меня по щеке. Пальцы были жёсткими и горячими, словно теперь у него разыгралась лихорадка. — Митчи вообще круто готовит, я ей дам твой свиток, она что-нибудь придумает. Кстати, я всё-таки толкнул твои механизмы ребятам из ложи искусников, сотню дали сейчас, ещё две обещали потом, когда с устройством разберутся...

Тейт трещал без умолку, умудряясь периодически тянуться через стол и прикасаться то к моему лицу, то к коленям. Эмпатический купол был свёрнут до минимума, но между нами словно протянулась тонкая нить глубокой иррациональной связи. И сейчас я чувствовала, что, хотя рыжий изображает жизнерадостность, но на самом деле чувствует себя виноватым. Он снова был в чёрном трико, огненно-рыжие волосы

стояли дыбом — нет, правда, прямо как обгорелая спичка с языком пламени.

И подумалось вдруг, что я очень-очень не хочу, чтобы он погас.

— Всё в порядке, — вырвалось у меня. Тейт удивлённо округлил глаза. — Нет, серьёзно. Ты не виноват.

— Читала мысли? — насупился он. — Как мастер Оро-Ич?

— Нет. И мне до него очень далеко, кстати. Но ты сейчас фонишь на всю комнату, — солгала я и уткнулась в свою плошку, глотая сухую кашу. Не говорить же, что чувствую его, как раньше чувствовала на расстоянии смену настроения у Тони с Кевином и у Нэсс. Одно дело — братья и сестра, и совсем другое — полужнакомый парень.

— Если бы я вернулся пораньше, то эти уроды бы к тебе не полезли, и ты бы не пострадала, — проронил он и стиснул зубы. На долю мгновения тот второй, тёмный и жуткий уровень сознания приоткрылся, и на меня словно дохнуло мертвенным холодом, но почти сразу этот кошмар заглушили привычно яркие и чистые эмоции. — Ну, Маронг Игамина с компанией. Думал, если Боззу хорошо отделаю, они не сунутся...

— Не бери в голову, — улыбнулась я уже по-настоящему, стараясь не думать о бездне, скрытой в глубинах разума Тейта. Разберусь потом... Если захочу. — Я сама могу за себя постоять. А с тобой я тем более в безопасности.

— Это иллюзия, — ответил рыжий неожиданно серьёзно и уставился на меня в упор. Синий цвет глаз в полумраке превратился в чёрный. — Абсолютной безопасности не бывает... Айе, ладно. Пойдём, познакомлю тебя с мастерами из твоей ложи.

Посуду он быстро перемыл в большом чане, затем укутал шею и плечи отрезом сочно-алой ткани — я успела разглядеть, что один из ларей был доверху набит почти одинаковыми шарфами-накидками — и мы в буквальном смысле понесли к мастерским. Тейт, похоже, в принципе не умел ходить медленно, только бегать или скакать с горки на горку. А по пути ещё и умудрялся рассказывать об обычаях Лагона, не сбиваясь с дыхания.

Вообще-то в каждой ложе был не один мастер, а несколько. Считались они абсолютно равноправными, но кто-то, как и у нас, пользовался большим уважением и популярностью, а кто-то имел не слишком хорошую репутацию. Каждому прислуживали до пяти

подмастерьев, в чьи обязанности входило обучение новичков. Словом, попасть в личные ученики к именитому мастеру сразу мне не грозило.

— Может, оно и к лучшему?

— Вообще сейчас из ложи овеществлённого ничто у нас только четыре мастера на месте, остальные странствуют, — пояснил Тейт. Он бежал спиной вперёд на приличной скорости и сильно жестикулировал; от энергии и сил его буквально распирало, и я невольно заразилась этой бодростью. — Аринга Китасса, ты про неё слышала. В принципе, вариант. Потом мастер Ао, но к нему лучше не соваться, он жёсткий — жуть, а ты неженка. Часто бьёт учеников, хотя и силён в овеществлении. Потом Сафира Акка, — продолжил он и мечтательно зажмурился. — Она красотка и вообще крутая, но к ней тоже лучше не надо, женщин не любит, особенно симпатичных. Остаётся мастер Ригуми Шаа, вот с ним можно попробовать. Его сам Оро-Ич учил.

— Мастер Лагона? — удивилась я. — А разве он не из этих, как их... внимающих и поющих?

Рыжий расхохотался и заложил вокруг меня петлю:

— Ну ты даёшь! Мастер Лагона — значит, лучший во всех ложах. А у вас не так?

Я вспомнила директора школы эсперов — беспомощного псионика, зато неплохого юриста с широкими связями. Высокого, атлетически сложенного, с модной бородкой... А когда дядя Эрнан пришёл к нему разбираться из-за приставаний к Лоран, этот блестящий красавчик затрясся, как желе, и позеленел.

М-да...

— У нас по-разному, — уклончиво ответила я, хотя за родину стало немного обидно.

Впрочем, логично, что местных безбашенных магов может держать в узде только сильнейший. У нас для давления на самых могущественных эсперов есть полиция, тюрьмы, армия, в конце концов. Попробуй я провернуть что-то подобное недавнему фокусу с Маронгом у себя, то будь пострадавшие даже опасными преступниками — насильниками и убийцами, меня бы закрыли лет на десять и исправительных учреждениях. Или купировали бы способности до второй ступени, медикаментозно и необратимо.

— Ага, оно! — воскликнул вдруг Тейт, резко остановился и схватил меня за локоть, едва плечо не выбив из сустава. — Чуть не пробежал мимо.

Я недоумённо оглянулась по сторонам, отыскивая вход в мастерские. Вокруг метров на тридцать во все стороны расстился луг с лиловато-голубыми цветами, затем виднелась череда невысоких холмов, белые площадки, живописные груды камней. Остальное терялось в тумане, однако конкретно на лугу ничего особенно выделяющегося не было.

Или было?

Сощурившись, я повернула голову, нарочно рассматривая ближайший участок боковым зрением. И цветы, прежде бледно-голубые, приняли насыщенный пурпурный оттенок, образуя двухметровый круг.

— Там? — неуверенно спросила я, указывая на него.

Рыжий просиял и энергично мотнул головой:

— Угу. Как заметила?

Действительно, как? Хороший вопрос...

— Почувствовала, наверное.

— Значит, мастер Оро-Ич не ошибся, — подытожил Тейт. — Ну, идём, я тебя представлю. К кому напросишься, решила уже?

Я только вздохнула, прокручивая в голове информацию. Ао точно не подходит, если он любитель распускать руки. Ревнивая дамочка, как там её, Сафира — тоже не вариант. К Аринге рыжего отправляли, чтоб он под её началом отбыл наказание и восстановил мостовую. Представляю, что из этого вышло... Значит, не стоит.

Оставался один кандидат.

— Ригуми Шаа.

— Отлично! — обрадовался рыжий. — Там, правда, небольшая проблема, но ты справишься, думаю. К тому же идти совсем недалеко! — добавил он и, не позволив опомниться, толкнул прямо в пурпурную куртину цветов.

"Какая проблема?" — хотела спросить я, но в следующую секунду земля под ногами исчезла, и все вопросы вылетели из головы.

Шрах, кажется, знаю теперь, кто создавал купол над Лагоном!

Надолго аттракцион не затянулся. Перед самым концом вертикального туннеля что-то вроде восходящего потока тёплого

воздуха замедлило падение, и я плавно приземлилась. Рядом с воплем спланировал Тейт, с ходу делая стойку на руках, и через кувырок принял нормальное положение.

— У тебя с головой всё в порядке? — мрачно поинтересовалась я, пытаюсь унять бешеное сердцебиение.

Тейт невозмутимо откинул концы накидки за спину:

— Угу, Ро только вчера проверил. Он вообще часто у меня голову проверяет... почему-то.

— Предупреждать заранее можно?

— В следующий раз — обязательно, — с невероятным обаянием улыбнулся он, и у меня вырвался обречённый вздох: врёт ведь.

Рыжая зараза.

Мастерские овеществлённого ничто изрядно напоминали убежище свободных. Минут десять мы брели по широким туннелям, ветвящимся и то и дело упирающимся в пропасти. Точно так же пахло морем и сыростью, правда, несколько слабее. Стены и потолок были укреплены полупрозрачным тёмно-зелёным камнем, похожим на кварц, и представляли собой весьма опасную поверхность со множеством выступающих кристаллов и бритвенно острых кромок. Для пола использовали другую породу, вроде золотистой пемзы, но потвёрже. Через каждые двадцать шагов с потолка свисала гроздь светящихся розоватых шаров. До одной, болтающейся почти на уровне глаз, я рискнула дотронуться: тугие пузыри, в которые накачана горячая жидкость. От грозди ощутимо несло гнильцой.

Бр-р-р.

Дважды навстречу попадались ученики. Первая пара, мужчина в свободном жёлтом костюме и невысокая пухлая женщина в трико с необъятным голубым шарфом, нас проигнорировала. А вот высокий худощавый парень, беловолосый и красноглазый, угрожающе оскалился. У меня по спине мурашки пробежали.

Сразу вспомнились слова Тейта об иллюзии абсолютной безопасности.

— Слушай, — спросила я, когда патлатый блондин скрылся из виду. — А ты просто доведёшь меня до мастерской, а потом уйдёшь?

— Ага, — склонил голову к плечу рыжий. И подозрительно скопил глаза: — Ты что, трусишь?

— Ну...

— Я тебя потом заберу, вечером, после своих занятий. Буду ждать на закате там, наверху, — ткнул он пальцем в потолок. — А в мастерских обычно не принято нападать.

"Обычно не принято"? Хорошее успокоение.

Туннель вывел к очередной пропасти. Здесь, к счастью, в отличие от убежища свободных, сигать никуда не понадобилось — с края на край был перекинут широкий мост без перил. Мы миновали его и упёрлись в высокую и длинную арку, резко поворачивающую в толще камня. Я шагнула за Тейтом... и едва поборолла желание хорошенько протереть глаза.

По моим расчётам, это место находилось на глубине примерно десять-пятнадцать метров, но потолок испещряло множество окон причудливой формы, через которые лился яркий солнечный свет. Сама пещера оказалась многоуровневой, с выступами и ямами, и дополнительно пространство разделяли каменные столбы, покрытые резьбой. В стенах располагались на разных уровнях комнаты-ниши. Запах сырости и моря исчез, зато повеяло сухой листвой и чем-то кисловатым.

А ещё здесь находилось одновременно больше учеников, чем я уже успела увидеть за все предыдущие дни. Они не толпились, собирались максимум по трое-четверо. Каждая группка работала над каким-то заданием. Те двое, что сидели ближе к выходу, прямо из воздуха выплетали длинные светящиеся гирлянды. В первой нише по правую руку несколько учеников буквально месили спину какого-то корчащегося существа с кучей клешней. Айр? Следом две девушки просто сидели, взявшись за руки, но камень под ними непрерывно менял цвет: синий, алый, золотой...

— У мастера Ригуми больше семисот учеников, — шепнул Тейт на ухо, приобняв меня за талию. — Тут сейчас триста примерно. Круто выглядит, да?

— Очень, — согласилась я.

Масштаб обескураживал. У нас были небольшие группы, по пятнадцать-двадцать человек. Некоторые лекции в старших классах читали всему потоку, но даже в самой просторной аудитории помещалось сто-сто десять учеников. А тут... Интересно, как мастер умудряется контролировать каждого? Или он не контролирует? Тут самостоятельные занятия или...

С запозданием дом меня дошло, что в Лагоне можно забыть о привычных лекциях, семинарах, лабораторных и курсовых. Вряд ли здесь будут отмечать отсутствующих или принимать экзамены... И местные "студенты" такие разные — от квадратных дяденек до хрупких мальчишек младше меня вдвое.

— Тейт, — позвала я тихо. — Слушай, а как долго обычно учатся в Лагоне?

— Ну... — Он задумался. — По-разному. От двадцати лет и дольше. Кто-то числится учеником, но на несколько лет уходит в свободный поиск. Кто-то занимается у разных мастеров. У вас не так?

Двадцать лет! У меня внутри всё похолодело.

— Нет, не так.

— Ничего, освоишься, — хмыкнул он и хлопнул меня по плечу. — Ну, я пошёл... Айе, чуть не забыл! Мастер Ригуми-и-и!

Крик эхом отразился от стен. Я невольно сжалась, хотя никто из студентов на шум внимания не обратил. А через секунду с потолка сорвалась сверкающая капля, упала рядом с нами — и приняла форму высокого молодого человека в тёмно-синем трико с серебристой накидкой.

— Звал, Тейт-кан? — дружелюбно спросил... очевидно, мастер Ригуми Шаа.

Ничего особенно странного или жуткого в его облике не было. Лицо — правильный овал, широкие скулы, прямой нос, голубые глаза. Волосы — приятного медового оттенка, совсем короткие, брови — потемнее на тон, выщипаны кружочками и подведены. Губы подведены тоже — ярко-алым. Ничего такого, Лоран одно время встречалось с музыкантом-неформалом, он вообще красился как девчонка. Но почему-то при взгляде на мастера меня пробрала дрожь.

— Ага, — откликнулся рыжий и пихнул меня в бок: — Это Трикси, моя добыча. Мастер Оро-Ич сказал, что она будет учиться в ложе овеществлённого ничто. Я её к вам привёл, ничего?

Ригуми Шаа выгнул брови, что с их формой смотрелось диковато:

— Нет, напротив, — посмотрел он на меня и шагнул ближе, явно чтобы попасть в область действия эмпатического купола. Значит, способности внимающих и поющих у него тоже есть. — Мне льстит твоё доверие. О распоряжении мастера Лагона я слышал. Иди, я позабочусь о твоей девочке.

"Твоя девочка"!

Меня вдруг в жар бросило, и отнюдь не от возмущения.

А рыжий, зараза, улучил момент — обнял, поцеловал в шею, потом махнул рукой — и сбежал. Я осталась в полнейшей растерянности и с опозданием поняла, что о вещах по-настоящему важных не успела спросить.

Двадцать лет обучения! И наверняка это не последний подводный камень. А как здесь принято общаться с мастерами? Некоторые мои одноклассники уезжали учиться за границей, и рассказывали, что даже там везде свои традиции. В восточных институтах всё строится на почтении студента к наставнику: никакой инициативы, строгое следование заданному курсу. В западных, наоборот, без инициативы и настойчивости рискуешь вообще не написать работу, потому что никто из старших сотрудников возиться с тобой и направлять усилия в нужное русло не будет. Разве что ответит на конкретные вопросы и поможет разработать уже выбранную тему. Ли Фо, кажется, чуть не вылетела у нас из-за этого, потому что до последнего протянула, не решаясь подойти к своему куратору во внеурочное время за заданием.

А здесь-то как действовать, чтобы никого не оскорбить и себя не обидеть?

Мастер Ригуми мелодично рассмеялся и, взяв меня за руку, повёл в сторону от входа. Я послушно шла, стараясь не особо заглядываться на то, что творится вокруг, и не задумываться, зачем и как хрупкая девушка закручивает в узлы металлическую трубу двадцатисантиметровой толщины и с какой стати парень в зелёном выращивает цветы на спине у своего партнёра, бессильно раскинувшегося на полу.

— Тебе ничего не понятно. Всё пугает, такое жуткое и необычное. Верно, Трикси-кан? — спросил через плечо мастер Ригуми. — Не бойся. Я уже обучал странников из другого мира. Последнего — пятнадцать лет назад. Можешь звать меня Шаа-кан, кстати.

Не знаю, как в этом мире, а у всех нормальных людей "можешь сделать то-то" в устах преподавателя — мягкий приказ, читай, "сделай то-то немедленно". Поэтому я послушно повторила:

— Спасибо, Шаа-кан. Это большая часть для меня.

Похоже, и правильно, так как мастер Ригуми расцвёл улыбкой:

— Умница, Трикси-кан. Сегодня я сделаю исключение и поговорю с тобой сам. Затем вы будете заниматься с подмастерьем. Хороший мальчик, его зовут Итасэ Ран. Думаю, вы подружитесь.

Я невольно сглотнула. Обычно когда кто-то предполагает, что вы с кем-то подружитесь, на практике бывает ровно наоборот.

— Надеюсь на это, — осторожно заметила я. — Простите, а мне можно задавать вопросы? Или я должна только слушать?

Глаза мастера Ригуми стали на тон холоднее.

— Ах, Тейт ничего не объяснил? Как на него похоже. Ничего, ты быстро освоишься Трикси-кан. И — нет, несколько вопросов сегодня задам я, а ты станешь отвечать. Вот с Итасэ сможете поболтать вволю, — с обманчивой мягкостью добавил он.

Опять завуалированный приказ: "Вопросы будешь задавать равным по положению, а со мной, будь любезна, помалкивай, пока к тебе не обратятся". Купол у меня рефлекторно перескочил аж на третью ступень и переориентировался на защиту. Похоже, характер у этого Ригуми при всей внешней податливости — тот ещё лёд. Обжигающе холодный и режется к тому же.

Тем временем мы добрались до пустой ниши в стене. Мастер Ригуми повёл рукой. Воздух задрожал, словно поплыл от жара. Потолок тут же выплюнул осветительную гроздь, а из марева соткались две плотно набитые подушки. На одну из них мастер и сел, указав мне на вторую.

Шрах, как там ноги положено загибать?

Минут пять он меня просто разглядывал. Попытался прощупать защитный купол, но понял, что я заметила, и отступил. Улыбка его стала ещё ласковей и слаще. Затем он приказал коротко:

— Создай что-нибудь.

"Что именно?" — хотела уточнить я, но вовремя прикусила язык и задумалась. Первые две ступени, наверно, не подойдут — это фактически гипноз, заставляющий ограниченное число людей видеть несуществующий образ, причём желательно накладывать его на что-то реальное. Полезно, например, когда учитель идёт между рядами, а у тебя шпаргалка лежит на самом заметном месте. Можно тихонько превратить её в чистый лист. Или, к примеру, нацепить другое лицо, чтобы избежать встречи с бывшим на вечеринке.

Третья ступень — уже ближе. Создание визуального образа, который фиксируют даже камеры. Особенно прочные образы могут просуществовать долгое время после смерти создателя. Говорят, что легендарная призрачная шхуна "Бродяга", которая является кораблям, обречённым на смерть, это работа какого-то древнего моряка-псионика. Может, обезумевшего капитана, который в разгар бури понял, что его шхуна обречена...

Я так сконцентрировалась на кораблях, что сама не заметила, как на свободном пространстве между нашими подушками заплескались иллюзорные волны, а из них вынырнул мрачный трёхмачтовик в обрывках парусов. Образ был хрупким, дунь — и рассыплется. Над кораблём сгустились тучи, и из них проглянула жёлтая луна.

— Красиво, Трикси-кан, — сдержанно похвалил мастер Ригуми. И безжалостно добавил: — Но непрочно.

Не знаю, что он сделал, но за какие-то мгновения контроль над иллюзией уплыл к нему. Я ощутила это, как если бы у меня в руках было что-то тяжёлое и дорогое, а потом оно вдруг исчезло. Чувство лёгкости и потери... Хотя глупо, наверно, сожалеть о потере чего-то несуществующего.

Мастер снова повёл рукой, и иллюзия изменилась. Появились звуки — плеск волн, скрип дерева в напряжённых от ветра мачтах, запахи — затхлая морская вода и гнилые доски. Повеяло прохладой.

— Дотронься, — приказал он.

Я подчинилась. Вода на ощупь оказалась маслянистой и чуть липкой, палуба корабля — шершавой, занозистой. А ещё он нырлял в волны от каждого прикосновения, как игрушечный. До меня не сразу дошло, что случилось. Нет, осязаемые иллюзии псионики создавали где-то начиная с пятой ступени. Сложно, однако вполне реально. Фальшивый огонь обжигал человека, но бумага в нём не горела; фальшивое яблоко можно было надкусить, ощутив вкус, но не насытиться. Кислота обжигала, яд травил. Под микроскопом и капля иллюзорной воды, и цветочный лепесток выглядели одинаково — хаотически перемещающиеся частицы неизвестной природы, чьё поведение и свойства невозможно изучить по одной причине: они всё время изменяются, зачастую подстраиваясь под представления того, кто на них смотрит. Компьютеры в половине случаев вообще не фиксировали ничего.

Сплошные загадки... Однако занимались конструированием и моделированием повсеместно. Это как с человеческим мозгом: мы что-то знаем о нём, о чём-то догадываемся, но использовать мозг может каждый...

Ну, почти каждый.

Но один закон действовал для всех псиоников, даже высочайшей ступени: нельзя создать то, чего ты не знаешь. Нет, можно придумать любую химеру, но воссоздать, скажем, запах апельсина по картинке невозможно. А мастер Ригуми совершенно точно не нюхал моря из моего воображения, не трогал плохо оструганных досок. На сознание он не воздействовал, считать образы из памяти не мог.

— Как, — прошептала я, оглаживая маленький кораблик. Паруса липли к пальцам. — Не понимаю... Нельзя создать то, что раньше не ощущал. Но он абсолютно такой, как мне представлялось. Так как же... — я осеклась, вспомнив указание насчёт вопросов.

Мастер Ригуми улыбнулся ласково, но глаза у него стали совсем ледяными. Даже море в образе-иллюзии подёрнулось тонкой корочкой, и корабль застыл, как вмёрзшая в лужу бутылка.

— В качестве исключения, Трикси-кан, я отвечу на этот вопрос прежде чем передать тебя Итасэ. А пока займись делом. Представь, что за тобой гонится враг, который неспособен распознать овеществлённое ничто. Что ты ему покажешь?

Я без тени сомнения изобразила жуткую хохлатую змею, которая спугнула нас с Тейтом в долине свободных. После этого мастер дал мне ещё десятка два заданий. Последнее вообще походило на марафон по конструированию и моделированию: он называл предметы, я должна была мгновенно их воссоздать. Иногда случались запинки. Например, изобразить загадочное фуубе удалось только в виде бифштекса. Но когда мастер Ригуми понял, что мне просто-напросто неизвестны значения многих слов, то стал использовать только самые простые.

— Прекрасно, Трикси-кан, — подвёл он итог наконец. Я в изнеможении откинулась на подушке, упираясь на локоть. Пот тёк ручьём, голова болела, и на правила приличия было уже плевать с самой высокой террасы наблюдения. — А теперь я вызову помощника, и ты ответишь на два вопроса: каков главный недостаток твоего овеществлённого ничто и каково самое большое достоинство.

Игамина-кан, подойди! — позвал он ласковым голосом и слегка откинул голову назад.

Я наблюдала за ним, тяжело дыша. Нет, красивый, конечно, глаза голубые, прямо как у Лоран, и нос аристократический. Просто принц из детских мультиков... если о характере не знать. Загонял меня почти до беспамятства. Если это — приемлемый вариант, то насколько же строг Ао, к которому Тейт отговаривал идти?

Кстати, об именах. Игамина... как-то знакомо звучит.

— Звали, Шаа-кан? — услужливо отозвались у края ниши.

Меня передёрнуло. Уже догадываясь, кто там стоит, я медленно обернулась.

Маронг. Тот парень в зелёном трико. Сегодня без группы поддержки, но одет так же, только шарфа на голове нет, и можно оценить экстравагантную стрижку. Ничего себе, встреча! Зато хоть понятно, откуда он подцепил это странное "кан", которое тут почти никто не использует...

И тут он тоже меня узнал.

— Ты?!

— Ты?!

Не знаю, кто это подумал, а кто подхватил, но заорали мы одновременно, и глаза округлили тоже одинаково. Мастер Ригуми перевёл взгляд на него, потом на меня — и расхохотался, впервые от чистого сердца за весь сегодняшний день.

— Так вы знакомы, — произнёс он мягко и вкрадчиво, оборвав смех. — Прекрасно, замечательно. Тогда, думаю, не стоит отвлекать от занятий Итасэ Рана. Игамина-кан вполне может объяснить основы. Учиться ведь лучше у друзей, верно?

Я-то своё лицо контролировала даже в полудохлом состоянии, но беднягу Маронга перекосило, словно ему уронили на мизинец сейф и одновременно заставили улыбаться. Впрочем, примерно так и было, учитывая, какой образ я транслировала бедняге во время недавнего столкновения.

Вот повезло-то...

— Да, Шаа-кан, — приложила я руку к груди, как учил мастер Лагона. — Вы очень добры, большое спасибо.

— Благодарю за доброту, — отзеркалил моё движение Маронг Игамина. Кажется, он сумел справиться с удивлением. — Шаа-кан, что

я должен сделать?

Мастер Ригуми одним движением создал третью подушку и пригласил его присесть. Затем приказал:

— Я буду говорить слова, ты — создавать образы. Тут же, без промедления.

Лицо у Маронга стало озабоченно-сосредоточенным. На меня он больше уже не косился и ноги подвернул, как ему удобно, а не как по этикету положено. А через секунду мастер Ригуми принялся бомбардировать его словами: кижу, фуубе, подушка, дерево, холм, айр, пиала, щипцы, цветок...

Что подразумевалось под недостатком моих образов-моделей, было ясно с самого начала: непрочные, нельзя потрогать, запаха нет. А вот достоинство я распознала не сразу.

— Довольно, — произнёс мастер, поднимая ладонь. — Трикси-кан так прелестно улыбается. Похоже, она знает ответ на вопрос. Итак?

Уверенности у меня резко поубавилось. Однако я выпрямила спину, насколько усталость позволяла, и спокойно сказала:

— Непрочность и недостаточный уровень овеществления — это мой недостаток. У меня получаются действительно иллюзии, ничто в буквальном смысле — визуальный неосязаемый образ, который легко разрушается. А достоинство... — Я намеренно сделала паузу, потому что Маронг тоже заинтересованно прислушивался. — Скорость. Мои иллюзии появляются почти мгновенно. В среднем от замысла до воплощения проходит около двух десятых секунды, — припомнила я результаты измерений в лаборатории дяди Эрнана. — У Игамины-кана — от двенадцати до пятнадцати секунд.

— Секунд? — выгнул брови мастер Ригуми.

Шрах! Опять забыла.

— Шестидесятая часть ката. Единица измерения времени у нас дома, — пояснила я непринуждённо. Расслабилась, называется! Ещё бы, купол, настроенный на защиту, а не на общение, таких нюансов не передаёт.

Он замер, видимо, производя расчёты.

— Прекрасно, Трикси-кан. А как ты оценишь мою скорость?

Коварный вопрос, на самом деле. Ответишь недостаточно почтительно, занизишь по незнанию скорость реакции — заработаешь

врага. Отмолчишься — опять-таки мастер будет недоволен. Расплывчатое "очень быстро" тоже не пойдёт.

— Полторы секунды для создания подушек от начала движения руки до явления зримого результата, — осторожно сформулировала я. — Перехват контроля над образом — точное время отследить не удалось, но около половины секунды. Полагаю, Шаа-кан, что ваша зона комфорта при создании образа в среднем меньше секунды.

Взгляд его смягчился. Так, вроде бы пронесло.

— Со скоростью мысли, — ответил мастер Ригуми. Вот и пойми, согласился он или поправил меня. Но хотя бы не сердится — уже хорошо. — И в качестве вознаграждения я отвечу на твой вопрос. Запахи, звуки, прочность — всё это уже было в твоём образе. Это не ничто, но действительно овеществлённое ничто. Если ты будешь усердно работать, то через тридцать дней сумеешь воплотить его по-настоящему. А теперь ступай. До конца дня ты в распоряжении Игамины-кана.

Это "в распоряжении" мне не понравилось, но Маронг, похоже, и не думал понимать слова буквально. Вообще первое, что он спросил, когда мы отошли на приличное расстояние от мастера Ригуми, было: "Сильно он тебя загонял?". Я, не раздумывая, провела пальцем по горлу, закатив глаза.

Жест оказался универсальный, межмировой, потому что Маронг меня понял и без пояснений. Проглотил смешок и — великий человек! — предложил сперва отдохнуть, а потом уже продолжать. Он отвёл меня к источнику, где можно было ополоснуть лицо и попить, и угостил безопасной для здоровья лепёшкой из листьев шерги. Пока я ела, пытаясь сохранить независимый вид, Маронг рассказал кое-что об особенностях местных воплощённых иллюзий... то есть овеществлённого ничто.

Почти сразу всплыли фатальные различия с псионикой.

Здесьние маги не пытались разложить воплощённую модель на составляющие и ни о каких частицах не слышали. Зато использовали для создания своих иллюзий какое-то загадочное поле, к которому у меня доступа не было. Что-то вроде второго слоя реальности. Маронг даже разрешил взглянуть на него своими глазами, через телепатию.

Этот слой выглядел абсолютно реальным — всё то же самое, что существует в действительности, но окружённое зыбким маревом,

которое можно мысленным усилием спрессовать в любой образ. Получалось, что я как бы делала свои иллюзии вслепую. И, возможно, вовсе не была способна выходить на другой уровень... Но кое-что обнадеживало: когда мастер Ригуми в первый раз создавал подушки, то мне померещилось какое-то дрожание воздуха.

Значит, положение не такое уж безнадёжное?

Когда я покончила с жестковатой лепёшкой и в изнеможении привалилась к стене, Маронг внимательно посмотрел, дёргая себя за длинные пряди волос, и произнёс задумчиво:

— Выходит, ты правда маг, Трикси-кан.

— Псионик.

— Всё равно, — ответил он неопределённо, то ли соглашаясь, то ли отмахиваясь. — Можно дать тебе совет, как враг врагу?

Вот это честное "враг врагу" меня так подкупило, что я благосклонно склонила голову к плечу. К тому же лепёшка, если подумать, была очень вкусной, да и сам Маронг оказался не таким плохим человеком...

— Давай.

Он опустил взгляд, как-то слишком внимательно рассматривая собственные руки. От него веяло неловкостью и досадой. А ещё — ревностью.

— Знаешь, Трикси-кан, чужую добычу не обязательно отбирать силой, в драке. Есть и другие способы. Например, соблазнить, завоевать доверие, переманить к себе... — перечислил он глухим голосом, а в мысленном фоне промелькнул образ чего-то красивого, серебристого, но неприятного. — А в охоту могут включиться не только ученики, но и мастера. Такое редко происходит, правда. А мастер Оро-Ич никогда ни с кем просто так не возится.

— Это я уже поняла, — ответила я холодно, хотя уверена была, что резонанс в его "неправильном" понимании мастеру Лагона ни к шраму не нужен, а против "правильного", обогащающего обе стороны, возражать в принципе глупо. — Но чем обязана такому любезному предупреждению?

Маронг вдруг уставился на меня в упор. Глаза с такого расстояния казались яркими, как в мультике — насыщенный и одновременно прозрачный зелёно-голубой цвет, как в чистом-чистом море. Я

рефлекторно сглотнула — правда ведь симпатичный, пока не пытается драться, похищать и вообще творить насилие.

— Не хочу, чтоб ты досталась кому-то другому. А Танеси про такие вещи даже не задумывается, поэтому предупредить тебя не будет, — ответил он честно и вдруг смутился. — А волосы у тебя не крашенные, правда чёрные?

— Правда.

— И ресницы?

— И ресницы.

— А глаза?

Я невольно улыбнулась. Вот ведь любопытный.

— А глаза тёмно-синие.

Мы проболтали ещё с полчаса, потом спохватились. Маронг справедливо оценил моё физическое состояние и посоветовал просто понаблюдать за ним, чтобы не перетруждаться. А так и ему польза, и мне... Правда, выйти на загадочный второй уровень до конца урока так и не удалось. Зато я совершенно точно прояснила две вещи: во-первых, надо плотнее завтракать перед занятия у мастера Ригуми, и суп — самое то, а во-вторых, лучше приносить с собой фляжку воды. Обьедать вчерашнего врага было, конечно, забавно, но только до определённого предела.

На поверхность я выползла уже на закате, обогатив свой арсенал новым трюком: оказывается, если сделать достаточно реалистичную иллюзию источника света, то работать она будет примерно как зеленоватые сияющие пузыри, которые создавал Тейт. Забавно, никогда не задумывалась раньше о таком использовании конструирования и моделирования, а здесь это считалось азами мастерства...

Рыжий подждал, беспечно валяясь посреди луга. Цветы изменились. Если утром это были крупные лилово-голубые "ромашки", то теперь — насыщенно-красные сухопутные "кувшинки" сантиметров десять в диаметре, на толстых хрупких стеблях. Пятно входа в мастерскую стало фиолетовым. Интересно, это кто-то из местных магов постарался, или пейзаж сам по себе меняется время от времени?

— Трикси! — радостно заорал рыжий, завидев меня и в несколько прыжков нагнал. — Как первый день в мастерской? Мастер

понравился? Он крутой, правда?

— Правда, правда. — А ничего, что рискованно обсуждать мастера за глаза? Или тут так принято?

— А с Маронгом нормально потрепались? От тебя пахнет немного им. От рук. Хватался за тебя, что ли?

— Вроде того. Вменяемый парень...

И тут до меня дошло.

— Тейт, ты что, знал, что там он будет? Тот урод, что на меня напал с целой компанией подпевал? То есть он, конечно, не таким уродом оказался, но...

— Ну, да, — невозмутимо кивнул он, взъерошив волосы. — Говорил же, что там есть маленькая проблема. Интересно было, как справишься.

— Моя единственная проблема — это ты! — рявкнула я, вне себя от гнева. Что это за эксперименты, к шраху?! Нельзя было предупредить, что ли?

А рыжий — мерзавец! — схватил меня в охапку и закружился по лугу, сбивая тёмно-красные чашечки цветов. Потом поставил на ноги, приблизил своё лицо вплотную к моему и произнёс интимным шёпотом:

— Пойдём домой. Я приготовил офигенный ужин. Сам. Ты ведь голодная?

И я поняла, что не злюсь. Просто не могу. А вот стоять в обнимку с ним, как дура, и пялиться на него, пока мимо идут ученики с отвратительно понимающими ухмылочками, вполне могу.

Вот уж действительно проблема.

Глава 7. Экстремальный опыт

*То, что обычно начинается у порога и заканчивается там,
куда бы вы в здравом уме никогда не отправились.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Лучшей ученицей в школе я не была, но и аутсайдером тоже — скромно рысила в конце первого десятка, стараясь равняться на лидеров. В группе Эрнана все примерно совпадали по способностям, а занимались по индивидуальным программам; моя в частности позволила быстро, лишь за четыре года, поднять уровень эмпатии на целую ступень и освоить почти полсотни техник.

Числиться в Лагоне среди отстающих оказалось новым и, мягко говоря, волнующим опытом.

И мне как-то не хотелось, чтобы он затягивался. Поэтому через пять дней упорных трудов, не увенчавшихся хоть сколько-нибудь заметным успехом, я наступила на горло инстинкту самосохранения и попросила аудиенции у мастера Лагона. В конце концов, синий чешуйчатый философ был единственным, кто с удовольствием отвечал на мои вопросы. Разрекламированный и расхваленный подмастерье, Итасэ Ран, до сих пор даже на глаза не показался; Маронг, хоть и старался демонстрировать теперь свои лучшие стороны, однако слишком многого попросту не знал, так как сам начал учиться не так давно. Мастер Ригуми же ясно дал понять, что к нему с моим уровнем лучше не соваться.

Однако легко решить — трудно исполнить.

Оро-Ич оказался воистину неуловим.

Начать с того, что никто не знал, где он. Терраса наблюдения по большей части пустовала. Курсов он никаких не вёл, в мастерские пока не спускался. А соваться в личные покои, как посоветовал рыжий... я же не самоубийца, в конце концов. Теоретически в Лагоне существовали "приёмные дни", когда можно было встретиться с определённым мастером, заранее написав прошение и оставив его в корзине на первом "этаже" террасы наблюдения. Маронг даже помог мне составить нужную записку, в процессе изрядно потрепав

собственную шевелюру и истратив на черновики две ладони материала — плотной, гладкой ткани, которую тут использовали вместо бумаги. Но ближайший "приём" маячил через семьдесят два дня.

Больше двух месяцев! Да за это время либо шах помрёт, либо ишак... то есть либо я мозги себе вскипачу, пытаюсь разобраться со вторым слоем восприятия, либо мастер Ригуми выгонит меня за профнепригодность.

— Расслабься, — посоветовал Тейт, узнав о моих терзаниях. Мы как раз только-только поужинали и теперь валялись на травке под тёплым боком у крылатой химеры, любуясь на темнеющее небо. — Я за десять лет вообще ничему почти не научился, ну, из настоящих заклинаний. Но всё равно крутой! Видела, как меня боятся?

— Это не совсем то, к чему хочется стремиться, — дипломатично ответила я. Как раз накануне Маронг совершенно искренне, с глубочайшим сочувствием полюбопытствовал, трудно ли жить с идиотом. Н-да, репутация... — Кстати, где ты-то сам занимаешься?

Тейт перекатился ко мне поближе, нагло пристраивая бедовую рыжую голову на плече. Потом опять рука онемевает... А, ладно.

— Сейчас — у Таппы, в ложе направляющих удар. До этого — в низвергающих небо и у испепелителей. Часто хожу слушать рассказы путешественников, про дальние края, традиции и прочее. И к мастеру тварей бегал, целый год, но тоже послушать, — принялся он сонно загибать пальцы. — К созидающим совершенство часто заглядываю... как пособие.

Я раскашлялась, скрывая приступ нервного смеха. Регулярно ложиться под нож "безумного учёного" ради усовершенствования тела — это теперь считается учёбой?

А вообще программа у рыжего оказалась на удивление обширная. Если правильно помню лекции Маронга, то "направляющие удар" — попросту мастера рукопашного боя, которые магией или иными путями укрепляют тело. Для Тейта с его неспособностью творить заклинания — самое то. Низвергающие небо способны управлять погодными явлениями, испепелители — что-то вроде наших пирокинетиков, к ним бы сестрицу Нэсс на учёбу. Мастера тварей — зоологи либо ботаники, которые балуются на досуге созданием айров.

"А рыжий-то не дурак", — дошло до меня вдруг.

На первый взгляд выбор лож был случайным, но если задуматься... Тейт обращал внимание на те виды магии, которые мог использовать с максимальной вероятностью успеха даже с учётом своих особенностей. Огрызки заклинаний испепелителей и низвергающих небо, что он сумел освоить, позволяли высвободить часть силы — хотя бы в виде взрывов, искр, направленных огневых залпов. С овеществлённым ничто такой фокус бы не прошёл, там требовалось полное сосредоточение и кропотливая подготовительная работа. Другие, дополнительные занятия относились к области выживания в дикой и не очень природе. Если хорошо знать растительный и животный мир, повадки айров, разбираться в сути природных явлений — шансы на спокойную старость вырастают даже у самого слабого мага.

Ну, и рукопашный бой — как вишенка на пирожном. С модифицированными тканями и органами Тейт настолько отточил рефлексy, что уже за счёт скорости уделявал половину противников чисто физически, а другую половину сносил волной концентрированной силы...

По спине пробежали мурашки.

Если он ещё овладеет заклинаниями и научится облекать свою мощь в более эффективную форму, то по уровню он запросто сравняется с сильнейшими псиониками. Кроме разве что эмпатов и телепатов высокого уровня. Тут уж кто первый ударил, тот и победил.

Пока я размышляла об этом, романтически уставившись в звёздное небо, снова всплыл вопрос, который тревожил меня ещё с первого дня в Лагоне.

— Слушай, Тейт... А зачем тебе вообще становиться самым сильным?

— Чтобы все боялись, — без запинки ответил он. — И никто не смел тронуть.

Банальный, неискренний ответ, плавающий на поверхности. Видно, что не в первый раз звучит; отработан, как мантра. Но вопрос опять всколыхнул столь пугающую меня бездну в подсознании Тейта. Чёрную, холодную, перечёркивающую все яркие и сильные чувства на поверхности, которые так привлекали с первого взгляда. Как будто наклоняешься вдохнуть аромат восхитительного тропического цветка,

а потом замечаешь в листве чёрный змеиный хвост. И леденеешь на секунду от ужаса: ядовитая или нет, бросится или проползёт мимо?

Бр-р-р.

В итоге мы проболтали до середины ночи, а утром я бессовестно проспала и в мастерские неслась потом сломя голову, с жуткими угрызениями совести. Накануне ведь сама просила Маронга прийти пораньше, чтоб отработать вместе задание мастера Ригуми... И теперь опаздываю.

Лужок над спуском сегодня покрылся мелкими розетками ярко-жёлтых цветов. Вокруг самого входа лепестки имели более насыщенный оттенок. Я заметила их ещё издали, не пришлось даже головой вертеть, как обычно. Тратить на поиски ступеней не стала — просто сиганула сквозь иллюзию. Если что, скажу, что заразилась от Тейта дурной привычкой...

...и, кажется, паранойей.

Подземный лабиринт выглядел не так, как обычно. Сразу так и не скажешь, в чём это выразалось. Может, запах воздуха изменился или оттенок света стал чуть холоднее.

"Ловушка?" — пронеслось в голове мгновенно.

Если да, то главное — не показывать вида, что я что-то заподозрила. Может, хоть так останусь на полшага впереди противника...

А если его — или их? — это полностью устраивает? В смысле, ловушка пока не захлопнулась, она впереди; пойду, как обычно — попаду в сети. Что тогда? Ломануться назад, рискуя получить потом нагоняй от мастера Ригуми из-за пропуска, подвести Маронга — и, в худшем случае, нарваться на удар в спину, если враг поймёт, что добыча уходит?

Пока раздумывала, успела отряхнуть колени от грязи и поправить шарф-накидку на плечах. В голову ничего путного не шло. Может, вообще померещилось?

Максимально скрыто я перешла с третьей ступени на четвёртую, подключая эмпатию, и неторопливо двинулась по коридору. Миновала первую пропасть по мосту, свернула в более узкий туннель направо... и тогда усекла, что было не так.

Коридоры расходились под немного другим углом. Едва заметно... но как вообще такое возможно?

"Значит, всё-таки ловушка", — успела подумать я — и в следующую секунду воздух из лёгких буквально вышибло. Что-то обхватило прямо под грудью, стиснуло, прижимая руки к туловищу...

Но собственные действия, агрессивные и одновременно расчётливые, напугали даже больше.

Эмпатический купол мгновенно ошетинился иглами — и выстрелил во все стороны разом, проецируя ощущение боли и ужаса. Хватка ослабла, и я резко перекатилась по полу, одновременно создавая две иллюзии — свой образ, бодро удирающий обратно по коридору с визгом, и призрачный каменный выступ, прикрывающий меня настоящую. Замерла, затаила дыхание...

— И это называется — "никакого прогресса"? Воистину, ты слишком строга к себе.

Меня осторожно перевернули, подцепили под коленки и под лопатки, затем приподняли. Часть ближайшей стены покрылась синей чешуёй, растопырила щупальца и обзавелась парой сияющих жёлтых глаз.

Зрелище не для слабонервных.

— Мастер Оро-Ич, — пролепетала я, судорожно вспоминая, в каких случаях тут принято говорить "здравствуйте", а в каких — желать короткого пути. Местный этикет задерживался в голове ещё неохотнее, чем грамота.

— Здравствуй, Трикси, — дружелюбно улыбнулась стена. — Ты хотела поговорить? Что же, поговорим. Но не здесь.

Мне оставалось только зажмуриться и позволить утянуть себя в толщу скал. Кажется, мы в буквальном смысле просачивались сквозь камень. По крайней мере, ощущения были иными, чем от погружения в иллюзию. Воздуха не хватало по-настоящему, но, к счастью, путешествие не затянулось. Мастер Лагона вынырнул в просторную пещеру без пола, цепляясь четырьмя щупальцами за слабо светящийся потолок. На секунду захотелось даже поинтересоваться, не отрастил ли он себе присоски, но, видимо, дело было в другом...

— Магия, Трикси, — лукаво ответил синий и чешуйчатый, проследив направление моего взгляда.

Я с трудом подавила вздох.

Ага, магия. Стандартное лагонское объяснение для любых странностей. Уже начинаю втягиваться.

Приготовленный завтрак пропал со стола? Магия! Новые ботинки протёрлись за один день? Магия! Парень внезапно ушёл к другой? Магия! Исчез вход в мастерские, в соседнюю долину упал метеорит, случилось-что-угодно-вообще?

Не сомневайтесь — магия! А что это такое и как оно работает — догадывайся сама.

— Было бы разумно придержать свою язвительность даже в мыслях, — деликатно заметил мастер Лагона, перекидывая меня с одного щупальца на другое, а затем почти уронил, успев в последний момент схватить за щиколотки. Я только и смогла, что ойкнуть, придерживая сваливающийся с головы шарф, и зажмуриться. — Ты сегодня излишне сердита. Остынь, — добавил он — и резко опустил щупальце, макая меня в ледяную воду почти до пояса.

"Откуда здесь вода?" — мелькнула паническая мысль.

Когда я отфыркалась и отплевалась, то вполне закономерно обнаружила прямо под нами озеро. В спокойном состоянии его вообще не было видно, что мастер и продемонстрировал, одним щелчком разгладив поверхность...

Или он убрал озеро насовсем?

Ничего не понимаю.

— Овеществлённое ничто, — произнёс мастер певуче и наконец вернул меня в вертикальное положение. Сидеть в мокром трико на чешуйчатых кольцах — то ещё удовольствие, но я предпочла промолчать и затуманить мысли уважительно-восхищённым образом. Мало ли что. — Один из самых могущественных видов магии. В умелых руках, разумеется... В коридоре, пытаясь скрыться от меня, ты создала иллюзию, которую не только было видно и слышно. Я ощутил твой запах, Трикси.

— На занятиях не выходит. Зрительный образ, максимум — звук, — чуть слышно призналась я.

Вот ведь идиотизм. Дома заготовила кучу умных вопросов — про слои реальности, про особое восприятие магов, про частицы, из которых это овеществлённое ничто состоит... А хочется плюнуть на всё и просто поинтересоваться: что нужно делать, чтобы все сразу получилось?

— Ты торопишься, Трикси. — На губах мастера появилась уже знакомая улыбка языческого идола, но теперь мне почудилось в ней

сочувствие. — Записку сама составила?

— Маронг помог. Сложные символы не получается пока запоминать.

— Что ж, разумно, — медленно опустил он ресницы и вдруг попросил: — А теперь перечисли все известные фрукты.

Я уставилась в бездну, над которой болталась. Мысли куда-то исчезли, как вода из иллюзорного озера. Так, кижу помню... а что ещё? То странное, зелёное, которое Тейт на завтрак нарезал, как называлось?

— Ну...

— Достаточно, — не позволил мне даже начать мастер. — Повторю, ты воистину спешишь, Трикси. Ригуми не станет учить тебя, пока твои иллюзии не обретут прочность, и он прав. Даже подмастерье считает, что ты недостойна его внимания. Ты как дитя, которое, едва поднявшись на ноги, желает бегать наперегонки со своим отцом.

У меня в горле комок образовался. Конечно, пытаюсь прыгнуть выше головы — а что ещё делать? Как пробить эту шрахову стену? Запах, вес, тактильные ощущения — не третья ступень, а куда выше...

— И что же мне делать?

Я не хотела спрашивать, правда. Само вырвалось.

— Ходить. Бегать. Падать, — непонятно ответил мастер Оро-Ич и вдруг открыл глаза. Я не успела отвести взгляд, и меня словно жаркой волной окатило — вот-вот от мокрой одежды пар повалит. Колени превратились в желе. — Жаловаться и плакать, как делает любое дитя. И не торопиться.

Его голос звучал словно бы издалека; розоватый светящийся камень потолка то угасал почти полностью, и тогда глаза мастера будто разгорались, то вспыхивал ярче. Гипнотический ритм, расслабляющий и будоражащий одновременно.

Интересно, об этом "особом эффекте" от общения с мастером говорила Лиора? Непсионнику, наверно, может сильно по мозгам ударить...

Так, не думать. Точнее, думать в другом, полезном направлении.

— Падать я согласна. Просто хотелось бы узнать, в какую сторону, — попыталась я пошутить, но прозвучала реплика опять как жалоба. — Второй слой восприятия с дрожащим маревом — что это

такое? Я спрашивала у Маронга, он не знает. И как натренироваться, чтобы видеть его — тоже.

Мастер Оро-Ич вздохнул, подворачивая под себя ноги, и двинул щупальцами. Я перекатилась по кольцам, оказавшись почти вплотную к нему. Он склонился к моему лицу, и бесцеремонно раздвинул пальцами нижнее и верхнее веко. Некоторое время просто смотрел, пока я пыталась совладать с ритмом дыхания и с бешеным сердцебиением, а потом вдруг лизнул глазное яблоко чёрным змеиным раздвоенным языком.

Чёрным. Змеиным. Раздвоенным. Языком.

Несколько секунд я могла думать только восклицательными знаками. И ладно бы ещё от ужаса или отвращения, так нет же. В голове, видимо, что-то перемкнуло, потому что на какой-то невероятно долгий миг мастер Оро-Ич, синий и чешуйчатый, показался мне самым красивым, желанным, удивительным... в общем, самым-самым.

А потом этот "самый-самый" рассмеялся, мелодично и чарующе.

— Наконец-то. Всё-таки твоя устойчивость не безгранична, — произнёс он, пока я спешно стягивала остатки биокинеза, приводя организм в порядок. Инкуб шрахов... Сердцебиение и жар уняла, а вот сладкое головокружение осталось, хотя мысли и прояснились. — Хотелось бы в награду тебя утешить, но, увы, новости плохие. Ты никогда не сможешь видеть иную реальность этими глазами, Трикси Бланш. Смирись.

"Никогда не сможешь" — как холодный душ. Приводит в себя лучше любого биокинеза.

— Понимаю. Большое спасибо за ответ, — произнесла я очень вежливо, стараясь дышать размеренно. — Простите, что потратила ваше время...

От разочарования слёзы подкатывали. Не думала, что оно будет таким острым. Называется, размечталась — стану магом, смогу сама себя защитить, оправдаю возложенные ожидания... Как мне Тейта-то учить, если со своими трудностями справиться не могу?

— Ты рано отчаялась, — улыбнулся мастер. — Озеро под нами ты не видишь тоже. Помешает ли это тебе черпать из него воду, если я прикажу?

— Нет, наверно, — подумав, ответила я. — Можно ведь на ощупь найти.

— Совершенно верно, — склонил голову к плечу он. — Использовать другие чувства или другие глаза — вот два самых простых выхода. На самом деле их много больше, Трикси. Используй свои преимущества, прислушивайся к ощущениям и иногда позволяй себе творить, не размышляя, что и как именно ты делаешь. Как сегодня, в коридоре, когда ты заставила иллюзию пахнуть по-настоящему. Но в мастерской тебе прорыва не совершить, да, — тише произнёс он и прикрыл изумительные глаза. — Через два дня отряд Аринги уходит на заготовки к океану. Иди с ними. Танеси Тейт уже выразил желание присоединиться, оставлять тебя одну будет неразумно вдвойне.

Что ж, логично. Сегодня ведь получилось создать более совершенную иллюзию — и именно в стрессовой ситуации. В экстремальных условиях вроде той долины с голубым мхом действительно придётся либо осваивать новые умения, либо подышать.

— Благодарю за совет, мастер Оро-Ич. Так и поступлю.

— Путешествие же поможет тебе в обучении, — произнёс он и снова уставился мне в глаза, прожигая взглядом. Я сглотнула, зачарованная. Эффект был не такой сногшибательный, однако понимало меня на каком-то физиологическом уровне. На внушение не похоже... — Но прежде чем вернуться в мастерскую и доложить Ригуми, что ты пойдёшь с Арингой, ответь: зачем ты так отчаянно хочешь научиться магии как можно скорее? Маг не боится ни старости, ни болезней. Созидающие совершенство избавят тебя от любой немощи. Так в чём же дело?

Я зажмурилась и закрылась куполом наглухо прежде, чем сообщила, что это невежливо. Но слишком уж много эмоций и воспоминаний пробудил один вопрос. Тогда, после стычки с Маронгом, всхлипывая в ванне на плече у Тейта, я ответила на него — для себя.

— Хочу... хочу найти своё место здесь. Правильное место, где мне будет хорошо. Не хочу, чтобы меня считали чужой, странной, глупой... — Горло сдавило спазмом, и я умолкла.

— Айе, айе, — прошептал мастер, проводя по моей щеке пальцами. И когда успел подобраться так близко? — За что ты так с собой, Трикси? Женщины, которые живут рядом с Танеси Тейтом, быстро становятся гибкими и тёплыми, а ты всё холоднее.

Я поперхнулась воздухом — и невольно улыбнулась.

— Это была ужасно двусмысленная фраза, мастер, — Во всех стоящих фразах больше одного смысла, — согласился он. Светящийся потолок почти погас. — Чего ты хочешь на самом деле? Какое место желаешь найти?

Какое? Уютное. Безопасное. Моё... Я сглотнула и предположила осторожно, как будто слово могло укусить:

— Дом?

Мастер медленно распрямлял щупальца; мы висели уже над самой невидимой водой. Если бы я спустила ногу, то наверняка бы коснулась поверхности.

— Но разве у тебя не было дома там, откуда ты пришла?

У меня там всё было. Может, кроме парня, тут кузина Лоран меня обскакала. Но напоминать об этом немного... жестоко.

— Был.

— Не хочешь вернуться?

Он произнёс это так просто, словно говорил о чём-то реальном. Шрах! Меня подкинуло на месте, и я едва не сверзилась в озеро.

— А можно вернуться?

— Можно. Если соберёшь воедино тех, кто тебя призвал, и заставишь выполнить обряд в обратном порядке, — усмехнулся мастер. — О, как ярко загорелись твои глаза, как горячо. Мне нравится, Трикси Бланш. Но теперь пора возвращаться в мастерскую. Ограни свои таланты. Недоучке никогда не совладать со свободными и не принудить их ни к чему.

Вот тут-то меня проняло по-настоящему. Это ведь был шанс, действительно шанс, без шуток. Призрачный, конечно — поди найди тех, в балахонах. А если Тейт кого-то убил, когда вызволял меня, то даже зыбкая возможность для возвращения уплывала из рук.

Но попытаться стоило.

— Я... я правда очень признательна за советы, мастер.

— Не стоит, — лукаво сузил он глаза. Их свечение, то более яркое, то меркнувшее, гипнотизировало. — В конце концов, этот разговор — всего лишь моя прихоть, а не благородный порыв. И, Трикси... зажмурься и удержи дыхание.

С крайне скверными предчувствиями я посмотрела вниз, в бездну, где должно было плескаться невидимое озеро, и подумала растерянно:

"Он же не собирается..."

— Собираюсь, — ответил на мысли синий и чешуйчатый гад, стиснул меня в кольцо щупалец — и отцепился от потолка.

Я говорила, что вода была холодная? Так вот, теперь она показалась мне ледяной!

В озере мастер передвигался ещё быстрее, чем на поверхности. Сердце только раз трепыхнулось в груди — а мы уже юркнули в боковой туннель. Уши заложило, шарф-тюрган едва не смыло с головы... Но через несколько мгновений всё закончилось. Вода резко потеплела, а потом и вовсе исчезла. Всюду был только слепящий свет. Оро-Ич блаженно понежился в нём целую секунду, а затем плавно опустился на каменный пол и поставил меня рядом.

Мы стояли посреди гигантской пещеры Ригуми. Сам он, кстати, неудачно попал под одно из щупалец и теперь валялся, придавленный им, и делал вид, что так и задумано. Ученики пялились на нас с безопасного расстояния. Кое-кто, судя по мелькающим у выхода ярким шарфам, решил ретироваться. Некоторые мимикрировали под окружающую среду — кто-то более или менее успешно. Сталагмит с белобрисой шевелюрой и в оранжевом тюргане запомнился мне надолго.

— Мастер Оро-Ич, — приветливо улыбнулся Ригуми и попытался вылезти из-под щупальца — безуспешно. — Очень любезно с вашей стороны заглянуть к нам.

Он ещё немного поёрзал и замер. В его движениях скользило опасение, как в присутствии опасного психа или крупного дикого зверя. До меня с некоторым опасением дошло, что грозную репутацию синий и чешуйчатый вряд ли заработал, атакуя беспомощных учеников. Скорее всего, он и с мастерами обращался не лучше.

Оро-Ич быстро посмотрел на меня, и уголки губ у него странно дёрнулись. Неужели улыбается?

— Шаа, здравствуй. — Ага, и ни следа почтительных суффиксов. — Воистину прекрасная у тебя мастерская. И ученики, — неспешно обвёл он взглядом пещеру, потом добавил: — Надо бывать здесь чаще, — и неторопливо уполз к выходу. И свободный светлый костюм, и шарфы мастера Лагона выглядели абсолютно сухими, а волосы так и топорщились вокруг головы белоснежным одуванчиком.

Шаа Ригуми некоторое время лежал неподвижно с крайне задумчивым выражением лица. Затем ощупал собственную грудную клетку и медленно сел.

— Трикси-кан, ты цела? — спросил он первым делом.

Кажется, действительно беспокоится обо мне. Может, и правда не так уж он суров?

— Д-да, — откликнулась я, заикаясь. После купания в ледяном подземном озере зуб на зуб не попадал. Вода стекала с одежды ручьём. — Т-только замёрзла.

— Подойди ближе.

— Д-да...

Ригуми быстро высушил моё трико и шарфы, но с волосами ничего делать почему-то не стал. В процессе он ненавязчиво расспросил, как мы вообще встретились с мастером Лагона и о чём беседовали. Врать в такой ситуации — не лучший выход, однако и откровенничать что-то не хотелось, поэтому я рассказала полуправду: Оро-Ич устроил ловушку, проверил мои новые навыки, поинтересовался ходом обучения и посоветовал отправиться на заготовки вместе с группой Аринги.

По тому, как спокойно Ригуми внимал рассказу о ловушке, можно было сделать неутешительный вывод — подобное поведение здесь норма. Интересно только, для кого — лишь для синих чешуйчатых гадов или для всех в принципе?

— Можешь отдохнуть, — милостиво разрешил он наконец. — Затем приступишь к упражнениям.

Маронг уже дожидался в нише, которую мы облюбовали для занятий ещё три дня назад, — с отрезом сухой ткани и пиалой горячей шерги.

— Сочувствую, — мрачно произнёс он. — Что, прошение нашло адресата? На, вытрись. Тут сквозняки те ещё.

— Спасибо, — от всей души поблагодарила я и, размотав самодельный тюрбан, начала промокать волосы. Голова гудела от подводного заплыва и обилия новой информации. Можно вернуться домой, подумать только! Причём шанс реальный... Надо только поднакопить силы или обзавестись могущественными союзниками. — Ты меня просто выручаешь в последнее время.

Он почему-то ступешался и завесил половину лица волосами. Подозреваю, весь бы спрятался с удовольствием, но справа шевелюра у него была острижена совсем коротко.

— В одной ложе всё-таки учимся, и Шаа-кан велел приглядеть, — неубедительно объяснил Маронг. Как будто от него оправданий кто-то требовал.

Я вспомнила, как Ригуми лежал под щупальцем, боясь двинуться с места, и хихикнула.

— Слушай, а почему мастера Лагона сторонятся?

Вопрос рискованный, но мне почему-то казалось, что Маронг ответит на него честно и не станет вилять и многозначительно намекать, в отличие от Лиоры.

Блондин поперхнулся вдохом и мучительно покраснел.

— Ну, во-первых, с сильными магами до поры лучше не сталкиваться, всякое может быть. Они в основном очень жёсткие, авторитарные, а если делают что-то хорошее, то обычно и взамен много требуют. Но это вообще всех касается, а конкретно с мастером Оро-Ичем ещё и в кое-чём другом проблема, — понизил он голос. — У него запах и аура такие, что голову просто отрывает. Ненадолго, к счастью, на сет или около того. Говорят, можно запасть так, что больше ни с кем спать не сможешь, будешь думать только о нём. Как наваждение. А ему почему-то это нравится.

Ошарашенная, я слишком резко двинула "полотенцем" и едва не выдернула у себя клочок волос. Так вот о чём говорила Лиора! Действительно, инкуб, синий и чешуйчатый. Только не гламурный, из популярных сериалов, а демоноподобный, как в легендах.

Да уж, слишком экзотично даже для ксенофилов и экстремалов.

Оставалась одна деталька.

— А эта его аура действует только на женщин?

Вид у Маронга стал откровенно несчастным.

— На всех. На мастеров тоже, кстати. Поэтому к нему никто без крайней необходимости не суётся, — подытожил он. И резко сменил тему: — Знаешь, ты можешь отказаться от этого похода.

"Лучше откажись", — сквозило в подтексте, в мыслях... да везде! И эмпатии с телепатией не надо, чтобы уловить предостережение.

— Почему? — насторожилась я.

— Обычно в первые полгода или даже год ученики не покидают Лагон.

— Традиции? Или реальная опасность?

— Ещё какая реальная, — вздохнул Маронг и подвинул ко мне пиалу: — Пей, пока горячее... И не бойся, я развёл, помню же, что тебе крепкую нельзя. Понимаешь, снаружи Лагон не очень-то любят. Причём почти все. Он же не подчиняется никаким правителям. Но ученики часто участвуют в войнах. Представляешь, что один маг может на поле боя натворить?

Я вообразила псионика, скажем, пятой ступени, пирокинетика или телепата, не связанного никакими моральными обязательствами или законами, который вмешивается в наземный вооружённый конфликт...

Впечатлилась.

— И мастер Лагона это допускает?

— Думаю, то, что ему не выгодно, не допускает, — понизил голос Маронг, наклонившись так близко, что его светлые волосы пощекотали мне щёку. — Но прибрежные князьки на нас злы. Островные тоже. К тому же в горах полно свободных. Я уже не говорю об опасной флоре и фауне. Гаюс видела уже? Синий мох такой. Хищный.

Перед глазами встала картинка — айр с оголёнными костями, беспомощно дрыгающий конечностями. Тошнота подкатила к горлу, и я поспешила сделать глоток горьковатой шерги.

— Видела, и даже в действии.

— Так вот, это не худший вариант. Он хотя бы на месте сидит, в отличие от нассовой травы, — тоскливо заключил Маронг и забрал у меня пиалу. Пригубил — и вернул, как ни в чём не бывало. — Диких айров опять же полно... Вы с Танеси сумели пересечь горы только потому, что у него есть летающий айр. Это большая редкость.

Я представила себя и рыжего карабкающимся по отвесному склону мимо синего мха — и вынужденно согласилась. Повезло, что у нас был транспорт.

— Да уж... Кстати, откуда у Тейта такое крылатое чудо?

Маронг неожиданно улыбнулся:

— Украл. Причём у мастера Лагона. А тот ему сказал: сможешь приручить — забирай. Я не знаю, что Танеси с айром сделал, но сейчас они друг друга даже на расстоянии чуют... Ну, тогда все про это говорили, не каждый же день у мастера воруют личного айра.

Ого, занимательная история. Только за кадром осталось, зачем Оро-Ичу вообще понадобился летающий айр. Сомневаюсь, что огненная птичка поднимет такую ношу.

— Тейт у вас знаменитость, я смотрю.

— Как сказать, — уклончиво ответил Маронг и что-то совсем приуныл: — А он тебе сильно нравится?

— Иногда, — честно ответила я, стараясь не думать о том, что в последнее время это "иногда" стало приключаться уж слишком часто.

— Не полагайся на него во всём, — вырвалось вдруг у Маронга, и он поспешил замять неловкость: — Не то чтобы я не признавал его силу, просто всякое бывает, и Танеси уже один раз... — Тут в мыслях у него промелькнул какой-то жутковатый образ тотального разрушения. — Ладно, забудь. А знаешь, что, Трикси? Я пойду с вами! — оживился вдруг он. — У меня уже второй год обучения, я дважды отправлялся на заготовки. Один раз к океану, другой — во внутренние долины. К тому же мне пора снова сходить, а то кормить перестанут.

От такого напора я даже растерялась. Чего это с ним, правда?

— Ты так говоришь, как будто тебе кто-то запретить может, — принуждённо засмеялась я. — Здесь вроде бы свободный набор в группу?

— Ну да, — повеселел он.

Остаток урока он отрабатывал овеществление тёплых, мягких и к тому же светящихся спиралей, а я внимательно прислушивалась к его ощущениям через купол и пыталась повторить. Но ничего не получалось, пока под самый вечер за плечом у Маронга вдруг не материализовался незнакомец — среднего роста, худощавый, с острым, почти треугольным подбородком и серыми глазами необыкновенной красоты. Волосы цвета мокрого пепла, самые тёмные из всех, что я видела прежде в Лагоне, были коротко острижены сзади, а вот по обеим сторонам лица длинные пряди спускались едва ли не до плеч. Голову он ничем не прикрывал и носил чёрное трико с очень узким и длинным серебристым шарфом.

— Сильнее, Игамина-кан, — произнёс незнакомец бесцветным голосом и безжалостно выкрутил у Маронга светлые пряди, намотав их на пальцы.

В следующую секунду спирали вдруг завращались с невероятной скоростью и вспыхнули очень ярко. А я нащупала то самое ощущение, точку контроля — не у Маронга, а у серого типа.

Чувство невесомости за миг до того, как создаёшь иллюзию.

Вот оно.

— Кто это был? — тихо спросила я, когда незнакомец ушёл.

Блондин старательно заправил волосы за ухо, а затем и вовсе спрятал под шарф — от греха подальше, видимо.

— Ран. Итасэ Ран, подмастерье, — уточнил он и поёжился. От него повеяло холодом и тщательно запрятанным страхом.

А я осознала внезапно, что Маронг — неплохой парень... даже очень хороший, ответственный и добрый — покушался на мою честь не от хорошей жизни. То, что мне пока довелось отхватить от мастера Лагона — так, безобидные розыгрыши. Возможно, потому что я была ему нужна для каких-то загадочных целей. Ученики держались в стороне, но только благодаря заступничеству Тейта. Но слишком от многих тянуло чернотой безысходности и затаённой злостью.

Похоже, к младшим здесь относились жёстко.

Значит, надо учиться как можно усерднее, чтобы уметь за себя постоять.

Создать что-то путное до вечера у меня так и не получилось, но нужный путь я нащупала — то самое состояние невесомости. Сионические техники его игнорировали, нигде ни о чём подобном не упоминалось. Моделирование и конструирование развивало навыки, но только в рамках конкретной ступени. Экзамены были стандартные, задания — одинаковые для всех. Считалось, что выше своей головы не прыгнешь. Сумел в детстве найти верный способ создания иллюзий, скажем, второй ступени — значит, третья и есть твой предел даже после получения диплома, хоть тресни.

Обучение у магов — нелогичное, странное, непонятное — давало шанс перешагнуть на следующую ступень. И идти так долго, сколько тебе позволит упорство.

Тейт, как обычно, встретил меня на лужке и привёл домой. Выглядел он изрядно побитым и закопчённым, но жизнерадостным, как обычно.

— У Таппы было плохое настроение, там все огребли по самые уши и хвост. А у тебя как всё прошло?

— Встретилась с мастером Оро-Ичем, — с ходу выложила я козырь на стол.

Рыжий аж подпрыгнул на месте:

— И как? Он тебе помог?

— Что-то вроде. Мотивировал — так точно, — ответила я, решив пока умолчать о том, что буду пытаться вернуться домой. Тейту это вряд ли понравится. — И посоветовал записаться в отряд, который пополняет запасы. Так что теперь иду с вами.

— Круто, — непосредственно отреагировал он и заулыбался. — Я люблю бывать снаружи. Там красиво. Тут тоже, но как-то слишком безопасно.

— А разве опасность — хорошо?

— Ну да!

И ни тени сомнения. Адреналиновый маньяк какой-то.

Я подавила смешок и машинально взъерошила рыжему шевелюру, лаская, как огромного кота. С ним было легко. Мы шли по извилистым белым дорожкам, огибая холмы и луга; цветы уже сомкнули лепестки, а небо потемнело. До дома оставалось всего ничего... Странно, конечно, звать домом дыру в земле, но ко всему привыкаешь.

— Трикси? — позвал вдруг Тейт у самого порога, а когда я обернулась — сграбастал вдруг в объятия, бесцеремонно, как всегда, и поцеловал в губы. Очень долго и очень умело; мозги не отключились начисто, как от прикосновения мастера Лагона, но голову повело.

Пришлось напомнить себе о восемнадцати любовницах... Помогло со второго раза.

Шрах, кажется, начинаю понимать, откуда взялось такое количество.

Мы стояли, соприкасаясь лбами. Рыжий тяжело дышал, и глаза у него в темноте казались чёрными и диковатыми.

— Что? — негромко спросила я. Щёки горели.

— Я по тебе скучаю, — ответил он так же искренне и прямо. — Когда мы убегали от свободных, то всё время были вместе. И потом, когда ты болела. А теперь ты все дни в мастерской. Думал, придётся тебя оставить тут, пока буду на заготовках... И очень рад, что мы идём вместе. По одной дороге.

Что-то важное за этим стояло, словно он имел в виду нечто большее, чем совместный поход. Но от размышлений на тему, что

именно, становилось неловко. Слишком интимный тон — и слишком тесная эмоциональная связь после всего-то недели знакомства.

— Я... тоже рада, — вырвалось само.

Рыжий как-то напрягся разом, потом прерывисто выдохнул — и поцеловал меня снова, дольше, чем в первый раз. А потом схватил за руку, утянул в дом, не давая опомниться, и весь вечер трепался о пустяках.

И я поступила так, как никогда не позволяла себе делать прежде — забила на три основных принципа: рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего. Отбросила сомнения, все неприятно царапающие мысли и опасения. Понадеялась на лучшее — что Тейт защитит меня в любом случае, вытащит из беды, если придётся.

Путешествие с группой магов через смертельно опасные горы? Что ж, это всего лишь новый опыт. Возможно, экстремальный, но, без сомнения полезный. Не зря же мастер Лагона так настаивал...

Из головы почему-то совершенно вылетело, что советы от подобных ему людей, как правило, имеют второе, весьма неприятное дно.

Глава 8. Ревность как паразитирующая форма жизни

*Имеет небольшое вытянутое тело, не обнаруживается обычными органами чувств, агрессивно и очень ядовито.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

В надежде выспаться перед походом, накануне я легла пораньше, но все благие намерения потерпели полнейший крах. Ровно посередине ночи Тейт бессовестно растолкал меня.

— Я тут подумал... — страстно зашептал он на ухо, забираясь под одеяло. Тёплый, нежный, настойчивый... Точь-в-точь кошка, которого с вечера покормить забыли.

— Молодец, думать полезно, — сонно огрызнулась я и откатилась к стене, пресекая запрещённые манёвры.

Если б его можно было так легко заткнуть!

— Нет, я правда подумал, — ничуть не обидевшись, продолжил рыжий посягательства на чужой покой. В процессе одеяло сползло, подло обнажая плечи и спину. Сон, явно возмущённый такой наглостью, тоже испарился. — Припасы мы собрали, ну, лекарства тоже, оружие кое-какое... А нормальную одежду для тебя — нет!

— Какую нормальную? — пробормотала я, машинально пытаюсь зарыться в перины и одновременно пнуть Тейта побольней. — Как у тебя, что ли?

— Если как у меня, то у тебя грудь не влезет, — фыркнул он и бесстыже запустил руку в вырез моей "ночной сорочки" — верхней части от старого, сильно растянутого комплекта одежды.

Я взвизгнула, двинула локтем Тейту по носу — и окончательно проснулась. Переосмыслила сказанное...

— А теперь, пожалуйста, заново, по порядку и поподробнее.

Рыжий, которому все мои пинки и тычки были что кошачья возня — только в удовольствие, уселся, подвернув ноги, и принялся тараторить. Смысл его проникновенных речей сводился к тому, что подаренные Лиорой костюмы совершенно не годятся для дикой и

непредсказуемой природы, а ботинки из укрепленной ткани так и вовсе порвутся на первом же склоне.

Вывод: нам надо срочно, ну вот прямо сейчас бежать и запасаться одеждой.

— А ещё попозже ты об этом подумать не мог? — поинтересовалась я, стараясь вложить в одно предложение все свои немаленькие запасы сарказма.

Тщетно.

— Ну, сначала я решил, что можно утром быстро смотаться, — солнечно улыбнулся Тейт, прямо-таки излучая оптимизм, и отмахнулся от слишком близко подлетевшего светильника. — Но ты ведь такая беспокойная, Трикси. Наверняка обиделась бы, что я промолчал.

Что ж, в логике ему не откажешь, хотя и несколько извращённой.

— И как теперь поступим? — спросила я мрачно. — Или в Лагоне есть круглосуточные бутики?

Рыжий непонимающе хлопнул ресницами, а затем милостиво решил не обращать внимание на странную лексику.

— Лагон вообще никогда не спит, Трикси, — фыркнул он и взерошил мне и без того растрёпанные волосы. — Я знаю хорошее место. Прогуляемся?

Как там гласит правило? "Действуй рационально", кажется... Надо хотя бы себе признаться: до утра ведь теперь не усну и вскочу ни свет ни заря, чтобы успеть раздобыть подходящую для вылазки одежду. Значит, нет никакого смысла тратить ночь на бессонницу, а потом торопливо метаться.

— Идём, — вздохнула я. — Но ты правда зло. Тебя надо заслать к врагам и ждать, пока они сами взвоют.

А этот поганец вместо того, чтобы хоть немного устыдиться, смущённо улыбнулся. Как будто ему комплимент сделали, а не обругали.

Клинический случай.

Собрались мы быстро, благо для завтрака было ещё рановато, и тратить время ни на готовку, ни на уборку потом не пришлось. Забавно, но вспомнились отчего-то рассуждения Лоран, что она-де всегда искала парня, который сам станет её кормить, а не, требовать на обед первое, второе и третье по замшелым бабушкиным рецептам. Рыжий-то как раз под эти требования подходил. До сих пор он мне

даже сушёное фуубе не позволил ножиком наскоблить к завтраку или миску ополоснуть, не говоря уже о чём-то более сложном. И, самое главное, не поймёшь, то ли у них в принципе не делят обязанности на женские и мужские, то ли я для него особенный человек...

На этом пункте я поняла, что уплываю куда-то не туда, и вlepила себе мысленно оплеуху.

"Соберись, Трикси. Конечно, особенная — ты же добыча".

Звучит обидно, однако честно.

— Ты что там застряла? — свесился рыжий из дыры и, не давая мне подняться по лестнице самостоятельно, выдернул наружу, как морковь из грядки.

Вот и вся галантность.

Ночной Лагон ни капли не напоминал наши города. Если жизнь в нём и кипела, то где-то глубоко внутри. А на поверхности царили непроглядный мрак и абсолютная тишина. В ложбинах скапливался туман, а рощи в безветрии казались сплошными кусками тьмы, неотёсанными каменными глыбами. Слабого сияния зеленоватых светильников хватало только на то, чтобы разбирать дорогу под ногами. Местная луна уже перевалила за край стены и спряталась; из-за движения облаков чудилось, что созвездия тоже клонятся к горизонту. Запах моря стал сильнее, и немного похолодало.

— Идти далеко? — тихо поинтересовалась я. Почему-то привычные окрестности в темноте вызвали тревожное, неприятное чувство.

— Угу, — подтвердил Тейт худшие опасения. — Может, понести тебя?

— Нет, спасибо.

Через двадцать минут я успела проклясть свою гордость. Ясно же, что рыжий преодолел бы это же расстояние минимум в четыре раза быстрее, даже с ношей. Сэкономили бы время и силы... и нервы тоже, так как дорога оказалась неровная, опасная в темноте. Один раз даже пришлось перебраться по тонкому, почти прозрачному мосту через трещину в земле; там, в глубине, что-то зеленовато светилось и щёлкало. Мне стало жутковато, и я рефлекторно придвинулась к Тейту. Он обнял меня за талию и не отпускал, пока мы не вышли к зарослям высокой, в два человеческих роста, сизовой травы с метёлками лиловатых соцветий. Пахли они вблизи сладковато и неприятно.

Рыжий там замедлил шаг и немного обогнал меня, жестом попросив держаться позади.

— Только не говори, что здесь тоже опасно, — вырвалось само. Язык прикусить я не успела.

Вот что значит недосып.

— Угу, по врагу под каждым кустом и ловушки поперёк дороги растянуты, — фыркнул Тейт. Кажется, это предположение его действительно рассмешило.

В зарослях обнаружилась тропинка. Она петляла, словно была проложена по минному полю в обход заложенных бомб. Шары-светлячки выстроились цепочкой и парили над нами, то слегка обгоняя, то притормаживая. Я шла второй, невольно пялясь рыжему в спину, и только поэтому заметила, что постепенно его походка изменилась. Если раньше он шагал так, словно в любой момент мог сорваться на бег или встать на руки, то теперь движения стали плавными, завораживающими. Даже со стороны чувствовалось, сколько в нём физической, животной силы, как слаженно работают мышцы. Но эта мощь не пугала, а... притягивала?

По спине у меня мурашки пробежали.

Я поймала себя на том, что пялюсь на его ноги, отвела взгляд и сглотнула.

Почему-то стало жарко.

— Пришли, — сказал вдруг Тейт. В голосе появилась хрипотца, как случалось иногда ночью спросонья, но вместе с новыми движениями впечатление складывалось совсем иное. Не уязвимость, а чувственность. — Познакомлю тебя с интересным человеком.

Тропинка нырнула под землю и уже в туннеле начинала горбиться кривыми ступенями. Через некоторое время ход повернул, затем раздался вширь и ввысь. Образовавшуюся пещеру перегораживал целый водопад из бусин, нанизанных на нити — тысячи маленьких полупрозрачных шариков из материала, похожего на цветное стекло. По ту сторону занавеса что-то светилось, и это сияние радугой дробилось в острых гранях и сколах бусин.

Тейт остановился.

— Нэккен! — крикнул он всё тем же новым, будоражащим воображение голосом. — Я пришёл, можно?

Свет стал ярче; бусины с мелодичным звоном раздались в стороны, открывая проход.

— Тебе — всегда, — ответил из глубины помещения женский голос.

Рыжий рассмеялся, слегка откинув голову назад. Кожа у меня снова покрылась мурашками, и очень захотелось пить; я отвернулась и ущипнула себя за руку.

Наверняка завтра синяк будет.

— Даже если я не один и по делу?

От невидимой хозяйки пещеры отчётливо повеяло разочарованием. А я с каждой секундой чувствовала себя всё неудобнее. Что, рыжий додумался привести меня к одной из своих... одной из восемнадцати? Серьёзно?

— Проходите, — наконец ответила она, и бусины разошлись ещё шире.

Сверкающий занавес оказался широким, почти полметра толщиной. На некоторых стекляшках были такие сколы, что неосторожный человек мог порезаться от одного прикосновения. На Тейта бусины не реагировали, а ко мне настороженно поворачивались остриями.

Красноречиво, да уж.

Жилище Нэккен представляло собой анфиладу просторных комнат под высокими сводами. И везде, насколько хватало глаз, лежали россыпью и аккуратными горками цветные бусины с режущими сколами. В первом помещении, видимо, выполняющем функции холла, преобладали синие и фиолетовые цвета. А в следующем, где и поджидала хозяйка, бусины были гранатовыми — того пугающего оттенка, который напоминает густую кровь на просвет. У стен в несколько рядов стояли двухметровые округлые вазы с узкими горловинами, с потолка свисала гроздь огневещущих шаров.

Нэккен оказалась под стать своему дому. Не слишком высокая, с тонкой талией и широкими бёдрами; лицо сердечком, тёмно-красные волосы мелко вьются, глаза напоминают сине-зелёное прозрачное стекло, губы и веки зачернены. Свободный костюм цвета морской волны дополнен широким тёмным поясом. Надо лбом вместо шарфа — причудливое приспособление вроде очков в массивной кожаной оправе, только линзы цветные и в три ряда.

— Долго ты не заглядывал, — деланно скучающим голосом сказала она.

— Дела, — по-взрослому цинично улыбнулся Тейт, а затем подтолкнул меня вперёд. — Вот какие. Ты слышала про Трикси? Мою добычу?

Я на всякий случай держала купол свёрнутым, в режиме защиты, но всё равно ощутила, как расслабилась хозяйка дома. Похоже, перевела меня из разряда соперниц в имущество, прилегающее к Тейту по умолчанию.

— Слышала, конечно, — склонила она голову к плечу.

— Она учится у мастера Ригуми. Делает успехи, — с гордостью произнёс рыжий, глянув через плечо, но почти сразу же повернулся к Нэкен. — Здорово, конечно, только завтра я на заготовки. Одну я её не оставлю. Ты ведь понимаешь, почему. Сообразишь для неё чего-нибудь в дорогу? Надёжное, чтобы мне лишний раз не отвлекаться на мелких айров или насову траву. И ещё... — Тейт запнулся, будто в сомнении; я чувствовала, что он лукавит, но хозяйка дома, кажется, принимала этот спектакль за чистую монету. — В общем, там будут неприятные люди. Ты понимаешь, о ком я. И мне хотелось бы, чтобы всё выглядело хорошо. Деньги есть, не волнуйся.

Нэкен уставилась на меня снова, теперь задумчиво и оценивающе, как скульптор разглядывает необработанную мраморную глыбу. Я видела своё отражение в её зрачках — фарфорово-белое лицо, чёрные, ничего не выражающие глаза, слишком тёмные и длинные по меркам Лагона волосы. Нечто среднее между красивым имуществом и диким зверьком.

Незавидная роль.

— Ты хочешь произвести впечатление? — прямо спросила Нэкен, обращаясь, разумеется, не ко мне.

— Да, — уверенно ответил Тейт. — Ты нужна как художник и творец. Никто другой не справится. Ты такая единственная.

Мне захотелось рассмеяться. Настолько по-идиотски я себя не чувствовала давно. Самое глупое, что рыжий почти не врал, а хвалил Нэкен и вообще с искренним жаром, такое не подделаешь. Но она велась — глупо, как может только по уши влюблённая женщина.

— Что именно нужно?

Он сдержал торжествующую улыбку, но мысленно буквально завопил от восторга. Ему хотелось развернуться и обнять меня — это грело душу... И поцеловать Нэккен — вот уж без чего можно было бы и обойтись.

— Два костюма, сапоги. И бельё, три пары. А потом, когда вернёмся, сделаем что-то по-настоящему впечатляющее, — произнёс Тейт, склонившись ней мягко и текуче.

Нэккен рефлекторно облизнула губы.

— Впечатляющее... О, да. Представляю. Они на зависть изойдут, Тейт, я обещаю. Такой добычи Лагон ещё не видел.

— И не увидит. Я лучший, — произнёс он небрежно. И теперь уже Нэккен рассмеялась, тихо и с тщательно скрываемой нежностью.

Я держалась исключительно на биокинезе, умиряющем бешеное сердцебиение, и на жёстком самоконтроле псионика, воспитанного самим Эрнаном Даймондом. До кузины Лоран с её кукольно-невозмутимым личиком не дотягивала, но и этого хватало. К счастью, во время работы Нэккен, как и все талантливые профессионалы, погружалась целиком в дело и не отвлекалась на личные — и лишние — чувства. Она поставила меня на постамент, заставила раздеться до белья и осмотрела со всех сторон. Затем сделала призрачный слепок с моего тела — и отпустила.

Жутковато было смотреть на собственную полупрозрачную копию, которую странная красноволосая женщина безжалостно мяла пальцами, вдавливая в "тело" мелкие бусины цвета граната и морской волны.

Рыжий стоял за плечом у Нэккен, наблюдая за каждым её движением. Я сидела на постаменте, наспех одетая, в перекосившемся шарфе, и чувствовала себя преданной и брошенной, хотя и осознавала прекрасно, что Тейт делает всё правильно. Если эта женщина действительно один из лучших портных и, вероятно, неплохой маг, то лучше не провоцировать конфликт. А так она мало того что не стала ревновать, но ещё и загорелась искренним желанием утереть нос мнимым противникам рыжего и одеть "добычу" на зависть всем.

"Он хитрый, — витали угрюмые мысли. Я отмахивалась, но куда там. — Хитрый, умный и хорошо знает природу женщин. Мной он тоже манипулирует?"

Вспомнилось некстати, что Тейт никогда не лгал напрямую. Но ведь телепата и эмпата обмануть можно только правдой, искренностью без грана сомнения. К тому же манипулировать рыжий может и не осознанно, по привычке, добиваясь поставленной цели любыми методами. Как сейчас, с Нэккен... Такую модель поведения нельзя распознать с помощью сверхчувств, нужно обращать внимание на объект — то есть на себя в данном случае. И на последствия.

Внезапно Тейт повёл носом и нахмурился.

— Там на улице кто-то. Пойду гляну. Присмотрите тут друг за другом?

— Пусть только попробуют сунуться в мой дом, — безмятежно откликнулась Нэккен. Бусины в ближайшей к выходу вазе стеклянно зашелестели; было такое чувство, точно они поднялись плотной волной к горловине и хищно замерли.

Рыжий обернулся ко мне вопросительно. Я замешкалась с ответом — не ожидала, что придётся так быстро выйти из роли живого имущества.

— Буду поглядывать по сторонам. У вас, к счастью, не так много сильных эмпатов и телепатов, способных спрятаться от купола четвёртой ступени.

— Ничего не понял, если честно, — улыбнулся он. — Но звучит убедительно. Я быстро вернусь.

Я только успела моргнуть, как его силуэт смазался — не магия, просто очень быстрое движение. Сверкнули бусины у входа, смыкаясь. Мы с портнихой остались наедине. Та ещё ситуация, если задуматься... Впрочем, размышлять как раз некогда, если Тейт действительно кого-то учуял. Сперва надо сделать рассеянный купол четвёртой ступени, чтобы покрыть всё пространство до самого туннеля, и заодно проверить, не спрятался ли кто-то в жилище.

Это получилось на удивление легко. Не пришлось даже скрещивать щиколотки, чтобы соединить энергетические каналы, и сосредотачиваться. Купол развернулся мгновенно, стоило принять волевое решение. Раньше такое проходило только с первой и редко второй ступенью, но теперь... Результат вынужденных тренировок сказался, может? Мне ведь поначалу приходилось выкладываться круглые сутки, причём по максимуму. Да и сейчас рискую сворачивать эмпатию, только когда остаюсь наедине с Тейтом.

— Значит, ты тоже кое-что умеешь? — внезапно спросила Нэккен. Откровенной недоброжелательности она не излучала. Так, всего понемножку — любопытство, опаска, подозрительность, зависть. И, что самое смешное, прикидывала, пойдёт ли ей чёрный цвет волос и понравятся ли перемены в имидже Тейту.

Тут мысли её словно споткнулись — и начали ходить по кругу. Понравится или не понравится, что скажут ребята в мастерской, не посмеётся ли сам рыжий, одобрит ли учитель, а вот Ниса говорила, что тёмные волосы не пойдут...

"Да она же ещё совсем девчонка, — дошло до меня с запозданием. — Ровесница Тейта или даже младше. Лет семнадцать-восемнадцать, не больше".

Я обвела взглядом сверкающие подземные покои, по-новому воспринимая обстановку. Да-а, это не драгоценная сеть паучихи-соблазнительницы, а убежище девушки, только-только вышедшей из подросткового возраста. Бусины, которые горками лежат повсюду — не элемент продуманного интерьера, а творческий беспорядок. Из них она и создаёт костюмы, потому и разбрасывает, где попало. А защищается от врагов, как может — с помощью того же податливого материала, с которым привыкла иметь дело.

Если подумать, это ужасно мило.

— Кое-что умею, — с улыбкой подтвердила я. Купол был спокоен и прозрачен, как озерцо в безветренный день. И в глубине плавали только две рыбы — мы с Нэккен. — Достаточно, чтобы защитить себя даже тогда, когда Тейта рядом нет.

Девчонке не понравилось, как непринуждённо прозвучало его имя, и она взялась за работу с удвоенной силой. Полупрозрачный "манекен" уже был покрыт бусинами почти целиком — густо-алыми и гранитно-серыми, неброскими.

Через полторы минуты любопытство одолело неприязнь, и Нэккен снова обратилась ко мне:

— А правда, что ты раскатала в пыль компанию Маронга? И он у тебя теперь на побегушках?

— Не совсем. Сначала действительно мы не совсем поладили. Но затем оказались в одной мастерской, и Шаа-кан назначил его моим куратором. Так что Маронг меня в некотором роде опекает.

Нэккен задумчиво перевернула "манекен" и подпёрла голову кулаком, разглядывая своё незаконченное творение.

— Радуйся, что к Тейту попала. Повезло так повезло. Другие бы с тобой не церемонились.

— Я ценю его отношение, поверь.

— Ты так говоришь, словно у тебя выбор был — остаться с ним или нет.

Я вспомнила предложение Оро-Ича, превратившее меня в глазах мастеров из бесправной "добычи" в ученицу... и промолчала. Незачем девочке знать такие подробности.

Тем временем Нэккен приступила к финальной части работы. От прикосновений загорелых, намозоленных пальцев бусины медленно размягчались, а затем превращались в жидкость. Поверхность покрывалась рябью, как вода от сильного ветра, загибалась в складки — и застывала плотным и мягким материалом с сатиновым блеском.

Дизайн производил впечатление, ничего не скажешь.

Жёсткий широкий пояс, сложная драпировка на груди и плечах, имитирующая шарф-накидку, узкие брюки, а на бёдрах — несколько причудливо свёрнутых и перевитых между собою полос ткани разной ширины, имитирующих очень короткую асимметричную юбку.

— Как тебе? — спросила Нэккен таким тоном, словно ожидала в ответ услышать восторженные стоны на грани экстаза.

"Поступать рационально", — напомнила я себе и, излучая в пространство восхищение, разразилась пышными похвалами, задействуя весь доступный лексикон:

— Прекрасно, восхитительно, изумительно, ошеломительно, уникальный дизайн, наверняка потрясающе мне идёт, в жизни не видела ничего подобного! — М-да, маловат у меня запас комплиментов. Но девчонке, кажется, хватило, поэтому я рискнула добавить: — Кстати, а там есть застёжки? Как его надевать?

Нэккен послала мне убийственный взгляд, но всё-таки показала потайную "липучку", которая цеплялась намертво, а раскрывалась только если потянуть за ниточку изнутри, под горловиной.

На второй костюм красивого чёрно-зелёного оттенка с кучей столь же непрактичных драпировок ушло чуть больше часа. Нэккен явно устала, а я, честно признаться, заволновалась. Тейт как сквозь землю провалился. Один раз купол среагировал на кого-то у самого входа в

подземелье, но это оказалась ложная тревога. Ближе к утру, когда заказ был уже готов, а мы с хозяйкой, утомлённые ожиданием и сонные, валялись на одной перине и пили сильно разведённую шергу. Нэккен жаловалась на подмастерьев, которым приходилось отдавать десятую часть заработка, и на дороговизну материала. Я внимала и сочувственно кивала.

Тейт замер у входа, разглядывая нас, и поспешно задавил непристойную фантазию, когда столкнулся со мной взглядами.

Правильный выбор. Купол-то ещё не свёрнут.

— Там кто-то был, — объяснил он, уже расплатившись с Нэккен за два костюма, бельё и обувь. — Похоже, что из мастерской Аринги. Я уловил её запах, очень слабый, и ещё парочку незнакомых. Пытался преследовать, но они оказались слишком ловкие. У вас всё спокойно прошло?

Я вспомнила незнакомца, так и не решившегося спуститься в убежище Нэккен, и промолчала. В конце концов, это могло и померещиться с недосыпа.

— Ну как тебе она? — поинтересовался Тейт жадно, когда мы выбрались из зарослей травы и под светлеющим небом направились к дому. Походка у рыжего снова стала неровной, пружинящей, а движения резкими.

— Милая девочка. Делает красивые вещи.

— И всё? — коварно сощурил он тёмные глаза. — Ничего спросить не хочешь?

О, я хотела. О том, правда ли они любовники — хотя ответ очевиден. И сколько у него таких подружек в Лагоне, собирается ли он знакомить меня со всеми, зачем ему, шрах побери, такой гарем...

Но я промолчала. И даже купол почему-то свернула до минимума, чтобы не подслушать случайно мысли.

Домой мы вернулись часа за три до того, как надо было выходить. Вроде и спать некогда, и ждать долго. Мне удалось немного подремать, пока неугомонный Тейт метался по всем этажам в поисках полезных мелочей, упущенных раньше. Голова после короткого сна стала тяжёлая, но чашка шерги крепче взбудрила не хуже кофе. Уплетая пасту из фуубе, намазанную на хлебцы, я машинально отметила, что почти не скушаю по привычной еде. Мелькнула мысль о шоколаде, но исчезла так же быстро.

Забавно. Выходит, когда на первом месте стоит проблема выживания и адаптации, на вкус пищи становится если не плевать, то что-то вроде того.

Место сбора находилось за пределами холма, на дороге из светлого камня. Примерно двадцать человек — в основном постарше, хотя затесалась среди них и одна мелкая шкодливая девчонка лет пятнадцати, восторженно завопившая при виде Тейта. Выяснилось, что они вместе учились у одного мастера, в ложе направляющих удар... Что ж, вероятно, с ней лучше не связываться, если там все в равной степени буйные.

А вот мастер Аринга понравилась мне с первого взгляда.

На полголовы выше Тейта, стройная, в строгом тёмно-сером костюме она немного напоминала тётю Глэм восточным разрезом глаз в сочетании с чувственными губами. Даже мысленный фон казался отдалённо знакомым... или где-то мы уже сталкивались? Единственное серьёзное различие — папина сестра никогда не стригла волосы настолько коротко, оставляя только серебристый "ёжик". Из-за такой причёски сильно выделялись скулы. Глаза Аринга так густо обводила синим, что верхние веки выглядели опухшими, а светло-серая радужка становилась голубоватой.

— Новенькая, значит, — улыбнулась мастер приветливо, не показывая зубов. Мысли её были защищены, но не слишком хорошо — навскидку среднее между третьей и четвёртой ступенью. — Что ж, добро пожаловать. Пока держись рядом с Тейтом, запоминай, что он рассказывает о живности и травках. Голова у этого парня варит, что бы в Лагоне не говорили, — добавила она, с одобрением глянув на рыжего, а затем спросила вдруг: — А как в вашем мире принято здороваться? На побережье кланяются, поджав ногу.

Я попыталась представить себе это, но воображаемый человечек всё время падал.

— У нас пожимают руку. Не вяло, чтобы не обидеть и не выказать пренебрежения, но и не слишком крепко.

Ладонь у Аринги оказалась жёсткой, натруженной, как и у многих магов здесь. Совсем не похоже на псиоников-неженков. От пожатия по спине у меня пробежали мурашки, а затылок странно защекотало. Магия или паранойя?

Узнаю позже, так или иначе.

За несколько минут до отправления к группе присоединились ещё двое. И если первого, Игамину Маронга, я ждала, то вторая стала полной неожиданностью.

— Лиора!

— И тебе короткого пути, Трикси, — усмехнулась блондинка, для разнообразия облачённая в жемчужно-серое. — Даже не спрашивай, что я здесь делаю.

— Мастер Оро-Ич? — предположила я.

Лиора скривилась, Тейт беспардонно расхохотался, а Маронг надменно вздёрнул подбородок, пряча неуверенность.

Что ж, хоть что-то в этом безумном мире не меняется.

Светило к тому времени уже выплыло из-за кромки гор, окружающих долину Лагона. Мастер Аринга дала сигнал выдвигаться и сама побежала первая вскочила на летучую платформу вроде тех, на которых передвигались свободные. Ученики справлялись кто как мог. Некоторые создавали такие же "ковры-самолёты", другие, в том числе непоседливая мелкая девчонка из ложи направляющих удар, с завидной скоростью рванули к горам бегом, обгоняя летунов. У нескольких магов были айры, страшноватая смесь когтистых ящеров и кошек с вытянутыми мордами. Один парень отрастил крылья и воспарил сам. Мы с Тейтом забрались на Шекки, его летающую химеру. Маронг не без труда создал парящую платформу и пригласил на неё Лиору.

Так началось наше путешествие.

Наш айр летел медленнее обычного, чтобы не обгонять остальных. Иногда мы закладывали пару кругов в вышине, чтобы другие успели подтянуться. У первой точки сбора, примерно через десять километров от Лагона, Аринга приказала остановиться и дожидаться отстающих.

— Дальше идём пешком. Следы затираем, общую маскировку держу я. Привал через три сета, — коротко приказала она.

А потом Тейт сделал ужасную вещь.

Он отпустил Шекки и приказал ему возвращаться к Лагону.

Я была в шоке, честное слово.

— А чего ты хочешь? Всю дорогу медленно лететь нельзя, маскировка. А если быстро — доберёмся до побережья за день, пока остальные ползти будут. И какой толк с такого путешествия? Что ты

увидишь с высоты? — урезонил рыжий меня, когда я робко заикнулась о том, что, может, стоило бы оставить химеру. — Ты же за опытом пришла? Вот и впитывай.

Пришлось согласиться.

Лиора посмеивалась в рукава, наблюдая за нами. Маронг стыдливо отводил взгляд.

Первый переход превратился в ад.

Маршрут пролегал по склону одной из гигантских гор. Дороги и в помине не было. Условно проходима местность — травы нет, камни под ногами не осыпаются. Но спуск сменялся подъёмом, подъём — спуском. Под предводительством Аринги, в самых сложных местах создающей временные мосты и настилы, мы огибали подозрительные заросли и смело ныряли под своды древнего леса, где водились риизы, мелкие зверьки, похожие на шерстистых восьмипалых ящериц — не слишком опасные, но кусачие. Темп держали не слишком высокий — примерно восемь километров в час. Вполне терпимо для меня, учитывая, что биокинез позволяет устраивать марафонские забеги, когда передвигаешься не очень быстро. Но если поначалу новые впечатления даже придавали сил, то затем я начала медленно, но верно уставать от потока информации. Восприятие сузилось на одной цели: не отстать от группы. Болтовня с Лиорой отошла на второй план, тем более что блондинка выдохлась ещё раньше и приказала Маронгу создать платформу, чтоб передохнуть на ходу.

Но мне сдаваться сразу не хотелось. Крайне глупая позиция — и она стоила мне обморока перед самым привалом.

— Не перетруждайся, — посоветовал Тейт, отпаивая меня подкислённой водой. Из еды ничего в горло не лезло, хотя запахи от походной кухни доносились аппетитные. — В походе обычно оттачивают бытовые навыки. Вон, Маронг часть пути пролетел на своём листе. А Лиора к нему навязалась, и никто её не ругает. Даже мастер Аринга кое-где не бежала, а перелетала. Ты перед кем выпендриваешься?

— Перед собой? — задумчиво предположила я. Небо вращалось по часовой стрелке, застенчиво проглядывая через переплетение ветвей.

"Дерево, долгоживущее, безопасное, плоды условно съедобны", — всплыло в голове.

Тейт фыркнул и поцеловал меня в лоб.

Вторую часть пути, до ночного привала, я преодолела на спине у рыжего. Его ноша несколько не тяготила, а у меня появилась наконец возможность разглядеть остальную группу. Многие бежали за Арингой, лишь изредка пользуясь магией, чтобы обеспечить себе отдых. Другие большую часть времени использовали платформы или верховых химер, лишь изредка прохаживаясь на своих двоих. Шкодливая девчонка умудрялась доставать сразу всех, дёргая учеников то в конце колонны, то во главе. К нам она периодически возвращалась, чтобы гордо доложить Тейту о проделанных пакостях. Например, о брошенном в кого-то риизе или об удачной подножке.

Не сразу я выделила среди остальных престранную парочку — двое на коричневом чешуйчатом айре с совершенно кошачьей мордой.

Главной была, похоже, молодая женщина с грубоватыми чертами лица, непроницаемая для эмпатического купола третьей ступени. Спутник, невысокий худощавый мужчина с тёмной кожей странного оранжевого оттенка, молча слушался любой её команды. Большую часть времени он ни о чём не думал и по фону мало чем отличался от айра, на котором ехал.

— Кто это? — тихо спросила я наконец, устав гадать.

От Тейта отчётливо повеяло холодком.

— Я не помню, из какой мастерской женщина, но она из нашей логи, — едва слышно ответила вместо рыжего Лиора, поравнявшись с нами. Маронг также смотрел в сторону, делая вид, что он полностью сосредоточен на управлении летучей платформой. — А вот парень... Можешь полюбоваться, Трикси, как обычно выглядит добыча. Он дикарь, маг из другого мира. Появился сам, из естественного портала и тут же попался кому-то из наших. Сначала переходил из рук в руки, пытался сбежать... В итоге осел у неё, — указала Лиора на невозмутимую женщину.

Мне стало дурно. Я рефлекторно обняла Тейта крепче, утыкаясь лицом ему в шею.

Больше пояснений не требовалось. Кем бы ни был этот мужчина с медной кожей до попадания в Лагон, теперь от него осталась только кукла, которая дышала и двигалась в соответствии с желаниями хозяйки.

Этого я избежала... или ещё нет? Что со мной будет, если кто-то вроде Маронга, только более сильный, преуспеет и отобьёт у Тейта добычу?

— Я тебя защищу, — упрямо прошептал он, словно угадал мысли. — Ты просто верь мне. Всегда.

Собственно, больше мне ничего не оставалось делать. Верить — и постепенно становиться сильнее.

Кажется, потом я задремала и отключилась от переутомления. Очнулась уже на привале, ближе к ночи. Лагерь был обустроен; рыжий возился с местом для сна, сгребая в кучу какую-то траву, напоминающую серебристые хвощи, только гораздо мягче. Маронг возводил навес и четыре стены. Похоже, спать нам предстояло вчетвером. Остальные тоже группировались по несколько человек, и только Аринга как мастер осталась одна.

— Там, внизу, есть роскошная купальня. Мальчики запрудили ручей и нагрели воду, — с зевком произнесла Лиора, которая хранила мой покой. — Если хочешь, можем спуститься и искупаться. Бельё на смену только захвати, у меня есть стиральный камень.

Я согласилась — дезодорантов в Лагоне, увы, не придумали, и благоухать на следующий день ковриком из фитнес-клуба как-то не хотелось.

С "роскошной купальней" Лиора, конечно, перестаралась. Тейт с Маронгом просто устроили крохотный, но глубокий пруд, почему-то квадратный, выстлав дно странными нескользкими плитами — подозреваю, это было овеществлённое ничто, магия в чистом виде. Где-то неподалёку галдели и смеялись другие участники похода. Мы с грехом пополам отгородили место для купания иллюзорной ширмой. Затем я воспользовалась новым фокусом и создала несколько фонарей. Фальшивый свет разгонял сумрак не хуже настоящего.

Когда выстиранное бельё уже сохло на ближайших кустах, а мы с Лиорой нежились в разных углах запруды, наверху, в начале спуска, показался Маронг.

— Исэ-кан, Трикси-кан, простите, но можно к вам? — крикнул он, глядя себе под ноги. От походного костюма у него остались только узкие тёмные штаны до колена, остальное болталось под мышкой. — Хочу окунуться перед сном. Купальня вряд ли ещё долго протянет, а я устал ужасно. Может, отгородитесь чем-нибудь и потерпите меня?

— Спускайся так, — вяло откликнулась Лиора. Похоже, первый этап похода утомил её немногим меньше моего. — Трикси уже уснула, кажется, на своём камешке, а мне всё равно... Где Тейт, кстати?

Маронг, бодро преодолевший половину спуска, запнулся и съехал в купальню с руганью, подняв ворохи брызг. Сухой осталась только верхняя одежда, выпавшая из хватки и застрявшая на склоне, в траве. Лично у меня появление полуобнажённого парня в нашем узком девичьем круге вызвало только слабый приступ раздражения — ни стыда, ни активного недовольства, ни даже интереса. Слишком трудный день выдался. Мышцы ощутимо "дёргало", словно тикали внутри невидимые часы.

— Ушёл куда-то, — ответил наконец Маронг, устроившись на максимально возможном расстоянии от нас обеих, на мелководье. — С мастером Арингой, кажется... Трикси-кан, ты не тонешь?

— Нет, — ответила я, с неохотой выныривая. — И спрашивать нечего, он вернётся, никуда не денется.

— Да, да, — склонила Лиора голову к плечу и закрыла глаза. — Завидую ему, признаться. И откуда столько сил...

Это невинное замечание вызвало цепь исключительно гадких ассоциаций. Может, сказалось недолгое, но яркое знакомство с одной-из-восемнадцати, Нэккен. Но сама мысль о том, что Тейт на ночь глядя пошёл куда-то с красивой и благоволящей ему Арингой, была неприятна. Такое чувство, словно в затылке поселился червячок — не кусачий, но противный, хуже ящерок-риизов.

— Брысь, — пробормотала я, сомкнув веки. От усталости чудилось, что можно ощутить вращение планеты и полёт сквозь космическое пространство. — Брысь, дурные мысли...

Но гадкий червячок, разумеется, никуда не делся.

Глава 9. Побег с препятствиями

Резкая перемена места дислокации, основанная на проявлении здравого смысла.

(Из свитка "Загадки Лагона")

На второй день похода я стала постепенно привыкать к темпу. Рыжий по-прежнему тащил обе сумки, а иногда и меня саму. Чередование бега, ходьбы и отдыха напрягало куда меньше вчерашнего идиотского марш-броска. Биокинез помогал следить за дыханием, сердцебиением и образованием молочной кислоты в мышцах. Пока вроде удавалось держать себя в форме — никаких проблем и аномалий... Почти.

Одно казалось странным: уровень дофамина. Сам гормон я, конечно, с моей ступенью отслеживать не могла, только его воздействие на организм, но опыт бега под биокинезом у меня имелся. Во время "учебных марафонов" у дяди Эрнана ощущения были... более позитивными, что ли? Настроение становилось приподнятым, как после визита в кондитерскую или поцелуев на задворках школы. А сейчас периодически накатывали волны тревоги и уныния, да такие, что слёзы на глаза наворачивались... Определённо что-то не то.

— Когда ты погружаешься в мысли, то становишься непроницаемой. Это неприятно, — аристократически сморщила носик Лиора. Она бежала очень смешно, слишком сильно поднимая колени, но ей это нисколько не мешало, кажется. Мальчики сейчас трусили где-то впереди, а мы поотстали, сместившись к хвосту процессии.

— Извини. Привычка, — вздохнула я. — Эмпаты и телепаты моего уровня у нас не так уж редко встречаются, вот и приучилась отгораживаться ещё со школы. Дядя у меня вообще по уровню примерно как мастер Лагона. Специально вскрывать голову не станет, это уголовное преступление, но если забудешься и начнёшь транслировать мысли, то может и подловить.

— Уголовное преступление? — искренне заинтересовалась блондинка. И потребовала: — Покажи.

Шрах, как приятно общаться с опытным телепатом! Экономит силы, время и, что важно на бегу, дыхание.

В благодарность на краткий экскурс в основы права, Лиора немного рассказала о местном кодексе. Точнее, о его фактическом отсутствии. Какие-то законы здесь были, разумеется, но придерживались их слабые маги и люди. Для всех остальных процесс сводился к увлекательной игре в догонялки и прятки: не пойман — не вор.

Да уж, обнадёживает...

Так и подмывало расспросить о морали, нравственности и брачных обычаях, но, к сожалению, блондинка была не лучшей кандидатурой для беседы на подобные темы. Слишком наблюдательная — наверняка сразу просечёт, что интерес у меня не праздный. А демонстрировать резко возросшую зависимость от рыжего ловеласа как-то не хотелось.

— Может, отдохнём? — предложила Лиора.

Мы как раз выбежали в ущелье. Вокруг был один камень, правда, красивый — серо-голубой, с синими прожилками. Справа и слева высились крутые, почти вертикальные склоны. Пасмурное небо лентой вилось между ними, как между берегами — точь-в-точь холодная река, только опрокинутая. Иногда начинал накрапывать дождь...

Горло опять сжалось без видимой причины. Стало тошно.

Сейчас бы не в большой компании забег устраивать, а забиться куда-нибудь.

— Нет, пока ещё силы есть, — вежливо отказалась я. Надеюсь, Лиора не заметит, что со мной что-то не так. — Да и не хочется Тейта лишний раз напрягать.

— Ты совсем не умеешь обращаться с мужчинами, Трикси, — сочувственно, тщательно скрывая снисходительность, произнесла блондинка. — Чем чаще ты просишь их о маленьких одолжениях, тем сильнее они привязываются.

— Конечно, именно так всё обстоит.

Если б можно было поднять табличку "сарказм" и помахать перед носом у Лиоры, я бы так и сделала.

— Тебе просто не хватает мудрости. Я покажу на примере Маронга, как это работает.

— Осторожнее с такими заявлениями, — сочла нужным я предупредить блондинку. — Когда-то моя кузина пыталась показать, как правильно знакомиться с парнями...

— И?

— В итоге она вышла замуж за своего подопытного кролика.

— Что такое "кролик"? — снова загорелась любопытством она, а я мысленно перевела дыхание: если "замуж" не вызвал никаких вопросов, значит институт брака здесь существует... Шрах, о чём я думаю?!

К тому моменту, когда группа подобралась к выходу из ущелья, зарядил дождь. Да такой, что на расстоянии вытянутой руки ничего видно не было. Аринга оценила обстановку и предложила сделать привал на пару часов, чтобы переждать непогоду. Самое время, потому что ноги я уже еле переставляла, а передвигаться на спине Тейта а-ля рюкзак по-прежнему не хотелось из-за приступов тоски вкупе с непрошеными слезами.

Лагерь мы разбили в небольшой долине, у подножья холма. Более продвинутые маги быстро растянули навес, но не сплошной, а похожий на множество зонтиков, составленных вместе. Дождь не проникал в места для отдыха, в полевую кухню и в узкие "коридоры" между этими локациями. Мы с Маронгом и Лиорой сидели в своём "гнездышке", без возможности увидеть и услышать, что происходит в соседних. Рыжий смылся куда-то сразу после вводной лекции Аринги об опасностях долины и до сих пор не вернулся.

Настроение было на нуле.

— Ты сегодня какая-то странная, Трикси-кан, — заметил Маронг, передавая мне пиалу с разведённой шергой. — Не заболела?

— Надеюсь, что нет, — откликнулась я мрачно, припоминая, как провалялась три дня в беспамятстве. — Наверное, дождь навевает меланхолию. Пройдусь немного, может, станет лучше.

— Да ты и так целый день бегаешь... — поднялся было он следом за мной, но Лиора дёрнула его обратно и шикнула вдовавок.

Вот спасибо огромное.

Уже отдалившись на приличное расстояние, я сообразила, что поступила не слишком разумно. Заходить в чужие "гнездышки" опасно — велик риск напороться на кого-то вроде шкодливой девчонки из

ложи направляющих удар, Айки, или телепатки с её добычей-овощем. Нет, как-нибудь обойдусь...

Некоторое время я слонялась по "коридорам", не особенно запоминая дорогу — всё равно потом смогу найти путь назад, если раскину купол. Навес маги-недоучки установили не особенно прочный: несколько раз прямо на пути исчезали крупные фрагменты невидимого "потолка", и приходилось сворачивать в другую сторону. Холм остался достаточно далеко позади, когда снова нахлынуло беспокойство, на сей раз самое что ни есть обоснованное и нормальное. Слишком длинным был последний "коридор". Он вёл куда-то в уединённое место, на отшибе от лагеря.

"Надо вернуться", — промелькнула последняя разумная мысль.

А потом голова опустела, потому что "коридор" закончился. И дождь здесь закончился тоже, или же навес вдруг стал очень высоким и широким. Кажется, даже солнце показалось... Трава, ярко-зелёная, густая и мягкая, была совершенно сухой. Ветви деревьев клонились, образуя полог, расчерченный вытянутыми гроздьями багровых цветов. Сперва я увидела чёрную одежду, смятую и вывернутую наизнанку, и лишь затем перевела взгляд дальше.

Там был Тейт. И не один.

Под ним лежала Аринга, и я узнала её тотчас, хотя лицо её было накрыто алым шарфом. Она выдыхала резко, с каким-то жалобным звуком, и тонкая повлажневшая ткань то облепляла рот, то приподнималась. Тейт двигался неритмично, медленно, опираясь на полусогнутые руки; мышцы его были напряжены так, что побелел едва заметный шрам — рваный пунктир от плеча к животу. От сплетённых тел веяло жаром и тем особенным запахом, сладковатым и солёным, наркотическим и неприятным одновременно, от которого в горле сразу пересохло.

Аринга выгнулась и скрестила щиколотки за спиной у Тейта. А он вскинул голову — и вдруг посмотрел на меня в упор.

Глаза у него были чёрные-чёрные.

— Трикси, — выдохнул он хрипло... и улыбнулся.

Я перегорела. Так, кажется, это называется.

Почти наяву увидела, что становлюсь изнутри чёрной, мёртвой. Как шелестящая оболочка, марионетка из кожи в красивом костюме, сделала шаг назад, другой... Развернулась и бросилась бежать, не

разбирая дороги — наискосок, через проливной дождь. И — почти сразу — поскользнулась, резко взмахнула руками, едва не выбив плечо — и упала навзничь. Воздух из лёгких вышибло.

Это меня и спасло.

К горлу подступали рыдания, грудь сдавливало, от навалившейся тоски я едва соображала, но короткий приступ страха из-за падения на секунду отрезвил меня. Что-то было серьёзно не так. Капитально. Фальшивая нота...

"Запах, — дошло с запозданием. — На расстоянии в десять шагов я просто не могла ощутить запах. Тейт мог бы, а я — нет".

Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего.

Я знала, что у рыжего восемнадцать любовниц? Да, спасибо мастеру Лагона.

После знакомства с Нэккен ожидала, что однажды наткнусь на нечто подобное? Снова "да".

Мне свойственны истерики, ревность, подавленно-беспокойное состояние? Нет.

"И фон, — пронеслось в голове. — Там, на поляне, отсутствовал ментальный фон, хотя купол должен был их задеть. И Тейта, и Арингу. Значит, кто-то нарочно воссоздал эту сцену и показал её. Но зачем?"

Грудь снова сдавило. Я с трудом заставила себя вздохнуть и перевернулась на бок, с трудом сдерживая рыдания. Никакие логические выкладки не помогали. Мне было плохо, тошно на самом примитивном, физиологическом уровне. От удушающей тоски даже мысли путались. Больше всего хотелось уйти подальше от лагеря, где никто не видит и не слышит, и там выплакаться... Нет, так нельзя. Здесь опасно. Незнакомая флора и фауна. И вдобавок полно желающих заполучить добычу...

Вот оно.

Добыча.

Если бы я поддалась чувствам и убежала от лагеря, то стала бы лёгкодоступной жертвой. И главное моё оружие, ясный разум и способности псионика, не помогло бы. Шрах, да мне и сейчас-то сосредоточиться трудно... И это явно ненормальная реакция.

Со моим восприятием... нет, с самим организмом что-то сделали. На биологическом уровне.

Для того чтобы просто подняться, усилия потребовались колоссальные. Меня шатало из стороны в сторону, горло сжимало спазмами, из глаз слёзы текли. От мысли, чтобы вернуться к Маронгу и Лиоре, мутило. Я заставила себя — с биокинезом вместо антидепрессантов и энергетиков в одном флаконе, но ненадолго сил не хватило. Успела только доползти до нашего "гнезда", ориентируясь больше на интуицию, чем на эмпатию.

Когда Маронг увидел меня, то его буквально на месте подбросило.

— Со мной что-то сделали, — произнесла я, и голос прозвучал странно спокойным. — Внешнее воздействие, не на разум. Что-то вроде наркотика. Кто-то из группы охотится за добычей. И... думаю, Тейта выманили специально. Чтобы он не был рядом. Чтобы не мог...

Ноги подкосились. Маронг едва успел поймать меня. Руки у него были не просто горячие — обжигающие. Лиора, побледневшая и сосредоточенная, подскочила к нам и склонилась над моим лицом, поглаживая ладонями по щекам.

А... она телепат. Как удобно...

— Сосредоточься, Трикси, — тихо попросила Лиора. В голове у меня чуть прояснилось. — Говори, что с тобой. Нужны подробности. Я вижу, что это не дело рук внимающих и поющих. Не могу помочь. Ты права, тут какой-то яд. Что с тобой происходит?

— Серотонин и норадреналин, — пробормотала я с трудом. Обрывки лекций дяди Эрнана мешались в голове с воспоминаниями о Тейте и Аринге... С фальшивыми воспоминаниями. С подделкой. — Такое чувство, что уровень серотонина и норадреналина упал до критического... что-то блокирует. Не могу соображать, хочется плакать. Как депрессия, только... хуже.

— Ничего не понимаю. — Лиора поджала губы и обменялась тревожными взглядами с Маронгом. — Странные слова, незнакомые. Когда это началось?

— Сегодня, — откликнулась я механически, но тут же одумалась. — Нет, раньше. В первый день похода. Сегодня усилилось.

— Это не еда и не питьё, — быстро сказал Маронг и резко завёл за ухо мешающую прядь. — Одна ты не оставалась. И мы следили хорошо, ты не приближалась к опасным растениям и животным. Ни разу.

"Ни разу".

Два слова — и в голове точно замыкание произошло. Пазл сложился.

— Воздействие не разовое, — прошептала я. — Оно периодическое. Что-то травит меня постоянно. Триггер — шокирующая сцена с Тейтом. Ненастоящая. Скорее всего, овеществлённое ничто. Я поняла, потому что почувствовала запах. Иллюзию делал кто-то из сильных магов... с тонким обонянием. До перелома была ревность, тоска, обида... немотивированная.

Снова накатило — до тошноты. Я беспомощно зажмурилась. Никакой силы воли не хватало уже. Сознание будто распадалось.

— А потом?

Лиора. Шрах, настырная...

Веки поднимались тяжело, точно свинцовые.

— Потом истерика. Я бежала, упала... Адреналин прочистил мозги. Я смогла подлечиться, дойти сюда, но потом опять... Что-то на мне... отравляет...

Блондинка, похоже, хотела задать ещё вопрос, но Маронг прижал ей пальцы к губам.

— Ревность и обида, — повторил он вполголоса. Взгляд у него стал отрешённый. — Действует постоянно. Травит, как яд... Исэ-кан, а если ей паразита подсадили?

— Червь сомнения, — охнула она и рефлекторно отшатнулась от меня. — Да, да, похоже — ревность, обида, тоска. Но какой же сильный! И созидующих совершенство рядом нет... То есть надёжных нет. Игамина, ты его найти сможешь?

— И найти, и выдрать, — нахмурился он. — Наверное. Попробуем вместе.

Слово Маронг сдержал. Они с Лиорой напоили меня какой-то горькой гадостью, от которой тело онемело, а затем тщательно осмотрели суставы и сгибы. Червей обнаружилось два — один на запястье, маленький комочек прямо под косточкой, а другой — над верхним позвонком. Их пришлось выжечь в прямом смысле. Только использовал Маронг, к счастью, не раскалённые щипцы, а свой вариант овеществлённого ничто. Повреждённые места Лиора аккуратно перебинтовала, наложив повязку с беловатой мазью.

Всё это было как в бреду. Словно происходило не со мной, а с какой-то фарфоровой куклой. Даже боль ощущалась приглушённо,

тупо.

Через час я была адекватной... Относительно, конечно, потому что после такого отравления восстанавливать баланс придётся несколько недель. Кое-как удалось подменить лекарства биокинезом. Я, как сумела, привела гормоны в относительную норму, помедитировала немного и теперь пила крепкую горячую шергу, чтобы простимулировать мозги. И мысли в просветлённую голову лезли безрадостные, потому что подсадить этих червячков ревности — или как их там — имел возможность только один человек.

— Мастер Аринга, — процедила я, стукнувшись зубами о край пиалы. — Больше некому. Тейт чувствовал её запах, когда мы были у Нэккен. Она хватала меня за руку, когда здоровалась. В первый день ещё. Но, видимо, одного червяка было мало — от бега повышался уровень дофамина, а я к тому же контролировала своё состояние биокинезом. Сегодня утром она подсадила второго, когда хлопнула меня по спине. К тому же иллюзия была с её участием. И Тейта постоянно вызывала именно она.

— Танеси-кан мог почуять червя, — согласился Маронг задумчиво. Свою порцию шерги он уже выпил и теперь вертел в пальцах опустевшую пиалу. — Поэтому ему и не позволили ночевать с нами. Он же постоянно тянется щупать и нюхать. Особенно тех, кто ему нравится. Но если ты права, то у нас большие проблемы.

— Слабо сказано, — согласно склонила голову к плечу Лиора. — Это всё до отвращения похоже на правду. Видимо, она хотела действовать незаметно, представить всё естественным течением событий. Девочка расстроилась, убежала из лагеря — ах, печаль, но никто ведь не виноват, верно? А теперь Аринга может перейти к запасному плану. И как бы он не оказался более жёстким, — скривилась она. — Надо срочно возвращаться в Лагон. Я найду Тейта, — обернулась она к Маронгу. — А ты пока собери вещи. Часть оставь здесь, она не должна понять, что мы уходим.

— Ничего, что мы это открыто обсуждаем? А если Аринга подслушивает? — предположила я, машинально осматриваясь и оценивая обстановку. Дождь уже почти прекратился. Постепенно лагерь из разрозненных отсеков превращался в единое целое.

Если бежать, то сейчас, пока нас не видно.

— Вряд ли. Я бы заметила, — улыбнулась Лиора, показав слишком много зубов.

Мы с Маронгом остались наедине. Он хмурился, в уме перебирая, какие вещи забрать, а какие оставить, и машинально вертел пиалу... Я раньше не замечала, насколько красивые у него руки — ровные удлиненные пальцы, коротко остриженные вытянутые ногти, безупречная кожа. Но теперь, когда он всего одним прикосновением выжег паразита, несоответствие между формой и тем, что таилось под ней, пробирало до дрожи. Как если бы пианист вдруг пробил указательным пальцем крышку фортепиано или хирург раздавил бы череп в ладони.

А ведь Маронг — новичок. Насколько же опасна мастер Аринга?

— Трикси-кан, ты сможешь быстро передвигаться? — спросил он внезапно.

— Нет, — с сожалением признала я. — Слишком большой стресс для организма. И эмпатию с телепатией использовать в полной мере тоже не смогу... некоторое время. Нужно хотя бы отоспаться.

— Плохо, — поморщился он. И снова отвёл за ухо прядь волос нервным жестом. — Она очень быстро передвигается. Мы просто не сможем оторваться. А сделать это надо. В Лагоне ты можешь потребовать от мастера Оро-Ича расследования и защиты. Ведь формально ты ученица. Тебя нельзя убивать и мучить совсем нагло. Выживешь и сможешь доказать, что Аринга причастна — будешь в безопасности.

— Значит, будем выбираться отсюда и бежать под крылышко к мастеру Оро-Ичу... Под щупальце то есть.

"Нельзя убивать и мучить совсем нагло".

Надо запомнить формулировку. Пригодится.

— Ты уже улыбаешься, Трикси-кан, — сказал Маронг и сам улыбнулся. Глаза у него сейчас казались изумрудно-прозрачными, потому что вокруг был только дождь и сизоватая зелень травы.

Как-то даже не верится, что этот симпатичный блондин с красивым лицом и руками музыканта пытался меня уничтожить.

Из вещей мы сразу оставили два одеяла, на которых сидели у костра, большую часть посуды. Мою сумку, набитую травой для маскировки, положили на самом видном месте. Больше похоже на детские шалости в школьной поездке, чем на попытки реально

обмануть Арингу. Ну не может же опытный мастер повестись на такую ерунду?

— Совсем без вещей уходить нельзя, — нехотя ответил Маронг, когда я озвучила свои сомнения. — Но если забрать вообще всё, то бегство могут обнаружить на сет раньше. А для нас это критично. Вот бы ещё придумать, как отвлечь дозорных...

Он сказал что-то ещё, но я не услышала, потому что в зону действия моего слабенького купола ворвался рыжий. Тридцать метров он преодолел за три с половиной секунды — и в прыжке повалил меня на землю. Глаза у него были сумасшедшие, тёмные, но не такие, как в иллюзии Аринги, а очень злые.

А горел он так, что, кажется, обжечь мог.

— Ты в порядке? — выдохнул рыжий мне в лицо.

Шрах, слишком близко!

— Нет, — ответила я честно, боясь пошевелиться, хотя Тейт меня не удерживал — всего лишь упирался руками в землю по обе стороны от головы и смотрел. В его разуме бурлило что-то, чего я не хотела бы видеть и знать никогда. — Отпусти, пожалуйста.

Рыжий помедлил ещё секунды две — и поднялся на ноги.

— Мы уходим, — обернулся он к Маронгу. — Лиора сейчас вырубает дозорных. Через четыре ката будет здесь. Я попросил Айку устроить большой переполох, так что ненадолго все отвлекутся. Рванём, когда всё начнётся. Вообще я бы предпочёл вас не брать, только Трикси, — признался он. Голос, обычно мягкий и жизнерадостный, отдавал холодным металлом. — Но мы всё время вчетвером были. Если двое исчезнут, то других двух Аринга будет спрашивать.

Он сказал — "спрашивать". Но подразумевал кое-что другое, и Маронг понял без всякой телепатии:

— Если у Исэ-кан есть шансы сохранить тайну, то я выдам всё, что знаю. И стану опасным свидетелем на случай, если Трикси-кан доберётся до мастера Оро-Ича.

— Вот-вот, — хмыкнул Тейт недобро. — В лучшем случае вас Ро потом соберёт по кусочкам. Но вообще Аринга очень горячая, следов оставлять не любит... ты что, Трикси?

— Ничего.

Рыжий заметил, как я дёрнулась при слове "горячая", но, к счастью, не понял, почему. Шрах, лучше отформатировать себе память, чем позволить ему узнать о той иллюзии! И о том, как я себя чувствовала из-за неё.

Лиора впорхнула под купол через полминуты. Успела подхватить свою суму и сказать, что дозорный сладко спит, а потом начался хаос.

К заданию устроить переполох Айка подошла с фантазией. Не знаю, что сделала эта мелкая шкодливая девчонка, но в центре лагеря словно бомба взорвалась. Во все стороны брызнула жидкая грязь; часть холма исчезла, как не бывало. От ударной волны развеялась часть иллюзорных навесов, и хлынул дождь. Кто-то пронзительно закричал. Верховая химера, которая мирно ждала на привязи в соседнем "гнёздышке", вдруг ринулась к лесу гигантскими прыжками.

А я и опомниться не успела, как Тейт сгрёб меня в охапку, вскочил на платформу — когда Маронг успел её создать?! — и мы все вчетвером взмыли в небо. Края платформы изогнулись, смыкаясь в полупрозрачный шар.

"Похоже на мыльный пузырь", — пронеслось в голове.

— Сколько продержишься на максимальной скорости? — крикнул рыжий. Хватка у него стала сильнее, почти до боли.

— Семнадцать катов, — откликнулся Маронг, бледнея на глазах.

— До той скалы дотянешь? — ткнул пальцем Тейт в сторону дальнего склона. — Там лабиринты. Я был с мастером Оро-Ичем, запомнил дорогу. Можно срезать путь под землёй и через долину, чтобы нас не перехватили в ущелье. Сможешь?

— Ну... наверное. — Ответ прозвучал не слишком уверенно. — Должен уложиться по времени. Если дольше, то потом меня нести придётся.

— Донесу, — усмехнулся Тейт жёстко. — Всех троих, если придётся. Выберемся. Сдохнем, но выберемся.

Звучало это ужасно парадоксально... но странным образом оптимистично. Поэтому я заткнула своего внутреннего скептика и просто пообещала себе, что обязательно выживу. И ни за что, ни за что не позволю умереть никому из нас.

Догоняй, Аринга. Посмотрим, кто кого.

Глава 10. Бегом по лабиринту, вниз по реке

Обширные пустоты под горой, где слегка безопаснее, чем в покоех мастера Лагона.

(Из свитка "Загадки Лагона")

До спуска в подземелья мы не дотянули.

Уже на подлёте, буквально в трёх метрах от земли, пузырь вдруг завибрировал, помутнел — и лопнул. Я была не в лучшем состоянии, поэтому даже сгруппироваться не успела. Так бы и расшиблась, если б Лиора не задействовала свою бытовую магию и не смягчила падение: желтоватые вьюны, которые в изобилии покрывали склон, вспучились нам навстречу, формируя упругую подушку. Но самое мягкое приземление получилось у Маронга — Тейт еще в воздухе подхватил его на руки.

— Отрубился, — прокомментировал рыжий, переступая с ноги на ногу и поглядывая в сторону лагеря. — Не выдержал.

— Оценка неверная, — невозмутимо поправила его Лиора. Повинуясь мановению руки, вьюны расползлись обратно по склону, точно и не было никакой подушки. — Удивительно, что он вообще так долго смог удерживать сферу на четверых. Ты мог быть немного благодарнее.

Рыжий фыркнул:

— Вот когда очнёшься, тогда и похвалишь его сама. Ну, вообще скорость впечатляющая. Ещё сет в том же духе — и Аринга нас не догнала бы. Трикси, идти пока можешь?

Я прислушалась к своему состоянию. Слабость никуда не делась... Но пока вроде терпимо.

— Да. Какое-то время.

— Вот и хорошо, — подытожил Тейт и, взвесив ещё разок Маронга, легко закинул его себе на плечо, как куклу. Белобрысая голова бессильно мотнулась. — Начнёшь уставать — скажешь.

Вход в пещеру скрывался между корнями большого дерева. Рыжий сунулся внутрь, осмотрелся, затем велел нам отойти подальше

от входа и подождать. Потом осторожно сгрузил Маронга на пол и зарылся в свою сумку.

— Что собираешься делать? — спросила Лиора. Голос у неё был напряжённый.

— Капнуть кое-что на порог, — ответил Тейт и продемонстрировал крохотный пузырьёк из тёмного матового стекла. — Чтоб сюда изо всех щелей нассова трава сползлась катов через сорок. Аринга, конечно, разорвись какая крутая, но это даже её задержит. Если повезёт.

— А если не повезёт? — поинтересовалась я. Мда, мрачновато как-то прозвучало...

— Ну, тут разные варианты, — весело откликнулся рыжий. Глаза у него красновато блестели в полумраке, отражая свет, падающий из проёма. — Скажем, капну случайно раствор на себя, и тогда нассова трава увяжется за нами. Или Аринга пройдёт здесь раньше, чем всё хорошенько зарастёт... Лиора, я шучу, успокойся, — потрепал он блондинку по голове. — Я этой дрянью балуюсь уже лет шесть, осечек не было. Вы пока лучше снимите с себя лишнее.

Лиора промолчала и начала разматывать шарфы. Я последовала её примеру и сняла "тюрбан". Мы как раз упихали вещи по сумкам, когда Тейт вернулся, снова закинул Маронга на плечо и сразу побежал вниз, на ходу раздавая указания.

— Трикси, свет сделай, там внизу вообще темно. Смотрите под ноги, здесь куча мелких хищных айров. И насекомые тоже встречаются. Бывает нассова трава и гаюс, но насчёт них я заранее предупрежу, так что пока не дёргайтесь. Если говорю "стоять" или "падать" — слушаетесь без вопросов, хорошо?

— Ты опытнее, значит, будешь вести, — согласилась Лиора. Под моими кривоватыми светильниками она казалась бледной до синевы. — Да, Трикси?

— Ну вот и распрекрасно, — подытожил Тейт, не дожидаясь моего ответа, и ускорился. — Примерно тридцать катов просто бежим, потом будет река. Я скажу, что делать.

Подземелье чем-то напоминало убежище свободных. Только ходов здесь оказалось гораздо больше. Настоящий лабиринт; туннель раздваивался примерно через каждые сорок-пятьдесят шагов. Ступать приходилось с осторожностью, потому что под ногами была не ровная

поверхность, а дикое нагромождение камней, рассечённое множеством глубоких трещин. Провалится в такую нога — и привет, вывих. Из обещанных хищных пещерных обитателей, к счастью, не встретился никто. Я чутко прислушивалась к мыслям рыжего, но тот ощущал только уверенность, азарт и, пожалуй, удовольствие. Так, словно хорошо знал, что делал.

Это успокаивало.

На очередной развилке он, не глядя, выставил руку вперёд — и один из туннелей опалила вспышка огня. Что-то заверещало, удирая прочь. Судя по гулкому звуку от прыжков, оно было огромным. Мы свернули в соседнее ответвление, где приходилось бежать, пригибая голову, а кое-где даже боком протискиваться. Ноги у меня начали наливать свинцом, а лёгкие покалывало от нехватки воздуха.

Мелькнула мысль, что, может, пора и попроситься на ручки...

— Стоять, — приказал наконец Тейт. Мы застыли, как вкопанные, едва не врезавшись друг в друга, и вовремя: у самых мысков плескалась вода. — Посторожите Игамину, ладно? Чтоб он не убежал... и его не убежали. Я пока раздобуду лодку.

— Лодку? — недоверчиво выгнула брови Лиора. После кросса через подземелья она уже не выглядела безупречной светской красоткой. Светлый костюм запачкался, взмокшие от пота волосы прилипли к шее, а на переносице маячило зеленоватое пятно.

Рыжий ухмыльнулся:

— Ну, что-то типа, — и начал раздеваться.

Я машинально отвела глаза и пригасила иллюзорные светильники. После того, что показала Аринга, смотреть на его обнажённое тело было ещё слишком сложно.

"Соберись, Трикси. Это для дела. Глупо мочить единственный сухой костюм".

Логичные рассуждения помогали унизительно мало. Спокойствие никак не возвращалось. Чтобы хоть как-то отвлечься, я села рядом с Маронгом и попыталась прощупать его биокинезом. Глупая трата сил, с одной стороны. А с другой — хорошая практика.

Шрах, кого я обманываю...

Послышался плеск воды; Тейт, кажется, вошёл в воду.

Лиора опустила на корточки рядом со мной:

— Как он там?

— Без сознания, — вздохнула я и обхватила колени, притягивая их к подбородку. Сыроватые камни холодили даже сквозь ткань костюма. — Можно привести его в чувство, но не уверена, что это пойдёт ему на пользу. Он же сейчас накапливает магическую энергию или что-то вроде, да?

— Баланс восстанавливает, — подтвердила Лиора и медленно обвела пальцем губы Маронга, припухшие и покрасневшие. — Он до последнего держался. Видишь, сам себя искусал... До крови, надо же. Но почти справился ведь. А мне раньше казалось, что он силён только своей бандой.

— Насколько понимаю, он сам эту банду и сколотил, — вздохнула я. Грудь у него едва вздымалась от слабого дыхания. — Значит, был лидером. А маги ведь следуют только за тем, кто сильнее, верно?

— Или хитрее, — неохотно возразила Лиора и скосила на меня взгляд. — Ты за окрестностями следишь?

Я попробовала раздвинуть купол пошире и поморщилась:

— Нет. Могу охватить шагов на десять, и только. Слишком устала.

— Тогда я послежу, — тихо ответила блондинка и привалилась боком ко мне. Я обняла её по привычке, как вредную Лоран в детстве, и только тогда заметила, что она дрожит. — Отдыхай пока.

Кажется, ей было страшно.

Ох...

Слюна у меня стала вязкой, и я с трудом сглотнула. Присутствие Тейта ощущалось где-то на периферии — яркий и тёплый огонёк под толщей воды, который слишком легко может погаснуть. Высокий свод пещеры всего через несколько метров вниз по течению опускался почти вплотную к поверхности реки, оставляя просвет не более полуметра. Если тут каким-то чудом и отыщется лодка, то плыть придётся лёжа.

Плеск и журчание воды порождали гулкое эхо, а на том берегу, невидимом отсюда, что-то ритмично плюхало, словно огромная лягушка била растопыренной лапой по камню. И весь колоссальный горный массив над головой не давил так, как непроглядная темнота.

— Ну мы и попали, — пробормотала я.

Лиора шевельнулась, но ответить ничего не успела, потому что река вдруг взбурлила. От Тейта плеснуло такой концентрированной боевой яростью, что меня парализовало на мгновение. А затем на

поверхности воды вспух огромный горб, раскрылся, как кокон, и в зеленоватом свете блеснул округлый панцирь диаметром метра три с половиной.

Не завизжала я по одной причине: дыхание перехватило. И почти сразу ж с чудовищем вынырнул Тейт, замёрзший, но очень довольный.

— Глубинный айр, — пояснил он невнятно, сплёвывая воду через плечо, и скользнул на берег. По-собачьи отряхнул голову, обтёрся шарфом и натянул слегка отсыревший костюм. — Я его прибил, удалил лапы и нижнюю часть панциря, а воздушные пузыри оставил. В общем, на этой штуке можно плавать, по весу должна выдержать. Других водных айров отпугнёт вонючка, ну, то есть одна железа. Надрезанная. Заодно и Аринге будет сложнее нас выследить... Наверно, — добавил он с сомнением, смыкая липучку на плече.

Лиора выпрямилась. Вид у неё был непроницаемый, доброжелательно-вежливый. Просто советник-посланник на дипломатическом приёме.

— Ты хочешь сказать, что вот так просто нырнул на самое дно подземной реки...

— В подводную пещеру заплыл, — скромно поправил её Тейт.

— ...в подводную пещеру, там отыскал глубинного айра, убил его голыми руками и разделал. И всё это в течение десяти катов. Я ничего не упустила?

— Ну, так мы торопимся, чего размусоливать, — дёрнул рыжий плечом. — Игамина там не очнулся? Нет? Давайте я его тогда первого погружу. И сами в воду не суйтесь, а то промокнете, а нам ещё долго плыть.

— Чокнутый, — прошептала Лиора, с трудом поднимаясь. Ноги у неё, похоже, затекли. — Точно, чокнутый, двинутый на риск...

— Ну ты сейчас меня совсем захвалишь, — насмешливо откликнулся Тейт и подхватил Маронга на руки, как принцессу. — Панцирь лучше поддержи поближе к берегу, чтоб не опрокинулся.

Удивительно, но блондинка послушалась беспрекословно.

Когда мы все забрались в импровизированную лодку, рыжий велел лечь, наклонить голову, держаться друг за друга и за выступы на панцире. Маронга мы с Лиорой на всякий случай уложили между собой и обняли с двух сторон, чтобы не соскользнул ненароком и не

замёрз: когда люди без сознания, то температура тела и так понижается. Бедолага, вот ведь ему досталось...

— Огоньки погаси, — попросил Тейт, вытягиваясь у меня под боком. — Реку я помню хорошо. Если ничего не завалило, и русло не изменилось — это хороший шанс оторваться от Аринги. Там два раза будут пороги, но небольшие. Побрызгает, может, но пройдем без проблем. А вот дальше — водопад. Придётся кое-куда поднырнуть. Зато, если получится, сможем просушить вещи. И поесть, — добавил он мечтательно. — Лиора, отпускай, а?

Блондинка приглушённо выдохнула, и панцирь отцепился от берега с тем же звуком, с которым переспелая винограда отделяется от ветки. Что-то плюхнулось в воду, а затем с краёв нашей "лодки" взметнулись верёвки — водоросли? — и слегка прижали нас, как ремни безопасности.

— На всякий случай, — тихо пояснила Лиора и неловко двинулась.

Панцирь отчалил и поплыл — сперва очень медленно, а затем быстрее. В темноте не было видно ужасающе низкого потолка. Я лежала, закрыв глаза, и представляла, что сплавляюсь по речке вместе с дядей Эрнаном, братьями и кузиной Лоран. Стоит поздняя ночь, где-то вдали едва слышно поёт птица, ветер доносит слабый аромат элирий... Мы в безопасности. Всё хорошо.

Всё хорошо...

Я сама не заметила, как задремала. А очнулась совершенно потерянная — сколько времени прошло, где мы? Маронг уже пришёл в себя, но лежал по-прежнему тихо, не двигаясь; судя по мысленному фону, он был голоден и слегка замёрз. Лиора почти беззвучно напевала песню без слов, одним голосом, и этот звук сливался с шумом воды. Тейт крепко прижимал меня к себе за талию.

— Проснулась? — хрипло спросил он и, кажется улыбнулся. — Как себя чувствуешь?

— Вроде бы получше, — ответила я осторожно. Действительно, навязанная тоска отступила ещё дальше, и разум окончательно прояснился. Осталась глухая тревога, но и немудрено, в нашем-то положении. Тур на зависть экстремалам, ага... — Где мы? Я долго спала?

— Первые пороги прошли, — откликнулась Лиора, оборвав песню. В груди у меня кольнуло от сожаления — быстро тающего, но острого. Странная, переливчатая мелодия удивительно подходила этому месту и состоянию — подземной реке, пещерам и смутному ощущению надвигающейся опасности. — Ты даже не проснулась. Так устала?

— Вроде того, — уклончиво ответила я. Не говорить же, что червяки Аринги долго аукаться будут. Например, быстрой утомляемостью.

Маронг под боком шевельнулся:

— Зато я очнулся не вовремя. Представь ощущения, Трикси-кан: проснуться в темноте, на спине у кого-то существа, связанным по рукам и ногам. Да ещё вокруг вода плещет и грохочет.

Я представила и содрогнулась. А Тейт рассмеялся и, высвободив руку, то ли пихнул Маронга, то ли потрепал ободряюще.

— Терпите, недолго ещё осталось, — пообещал рыжий. — Нам вообще охрененно везёт. Чудеса прямо.

— Будем надеяться на лучшее, — заключила Лиора тихо.

Я попыталась снова задремать, но не смогла — слишком холодно было, да и одежда отсырела от брызг. К тому же пороги начались раньше, чем ожидалось. Панцирь толкался между камнями и подпрыгивал, а в одном месте едва не застрял. Волны плескали внахлест, и спасал только прозрачный купол, поставленный Маронгом. Когда мы вновь выплыли на спокойное место, рыжий вдруг сам развесил в воздухе фонари и привстал, озираясь.

— Почти на месте, — сказал он наконец. — Через десять-пятнадцать катов нужно будет застопорить панцирь. Кто возьмётся?

— Я, — вызвалась Лиора, близоруко щурясь на свет. Лицо у неё стало совершенно беспомощным. У меня, подозреваю, не лучше было. — Бытовая магия у меня неплохо выходит, к тому же тут есть водоросли, — и она выразительно дёрнула за одну из "верёвок", удерживающих нас на панцире.

— И устала ты меньше всех, — задумчиво склонил голову к плечу Тейт. — Ну, хорошо. Кстати, кто сколько под водой протянет? С учётом, что я тащу, плыть не надо.

— Пять с половиной катов, — небрежно откликнулась блондинка.

— Около трети сета, если пузырь вокруг головы сделаю, — ответил Маронг. — Если просто так, то шесть катов.

Мне взвыть захотелось. Они что, рекордсмены тут все? Или водоплавающие от рождения?

— Трикси? — вопросительно посмотрел Тейт.

— Полтора ката, — нехотя призналась я. — И это с учётом биокинеза. И если не психану в самый ответственный момент.

Рыжий перевёл задумчивый взгляд на Маронга:

— Сможешь держать пузырь на расстоянии?

— Вряд ли, — с сожалением откликнулся тот.

— Трое там не пройдут, а сам ты дорогу не найдёшь, — пробормотал Тейт, затем глянул на меня и улыбнулся: — Не дрейфь, выкрутимся.

— А сколько нужно плыть? — поинтересовалась я мрачно.

Рыжий не ответил, только улыбнулся солнечно, и живот у меня скрутило от дурных предчувствий. Вот страх!

Тем временем журчание воды почти стихло. Река неторопливо вынесла нас в большую пещеру. Своды терялись во тьме, а по краям наконец-то показались берега — очень далеко, но всё же. Впереди река опять сужалась и ныряла в туннель, и оттуда доносился зловещий грохот. Пресловутые водопады?

— Здесь, — коротко скомандовал Тейт и указал пальцем на высокий берег. Наша "лодка" тут же вильнула влево. Водорослевые верёвки взметнулись и впились в скалы, надёжно фиксируя её. — Раз ты держишь, то придётся тебе идти последней. Потерпишь?

— Разумеется, — с достоинством ответила блондинка, хотя уверенной она вовсе не выглядела.

Естественно, кому захочется сидеть в одиночку в подземелье, когда по пятам идёт кровожадный мастер, а кругом полно хищных тварей. Разве что адреналиновым маньякам вроде Тейта, но это не в счёт.

— Значит, решили, — резюмировал Тейт. — Сначала я переправлю сумки, потом Игамину, чтоб он вещи охранял, потом Трикси, потому что её нельзя одну. По-моему, превосходный план. Главное, чтоб под водой ни на кого не натолкнуться.

Да уж, чудесные перспективы.

Первая часть плана, впрочем, прошла без сучка без задоринки. Рыжий запаковал сумки так, чтоб внутрь вода не попадала, и нырнул, напоследок сунув нам троим свой шарф со словами: "Делайте, что хотите, хоть жуйте его, хоть вытирайтесь, но чтоб он пах вами". Отсутствовал минут пятнадцать по объективному времени, и целую вечность — по субъективному. Выплыл довольный и сообщил, что подводный туннель в порядке, а на другом конце всё вроде бы тихо.

— Ты следующий, — весело заявил он Маронгу. — Раздеваться будешь или как?

Маронг оглянулся на нас с Лиорой, дёрнул себя за прядь волос и безразлично откликнулся:

— Или как. Всё равно уже промок. Легче на месте высушиться.

Когда оба парня оказались под водой, я выдохнула с облегчением. Судя по тому, что никаких "пузырей" вокруг головы Тейт создавать не попросил, плыть было всё-таки меньше шести минут. В принципе, даже если я захлебнусь, то меня потом могут откачать... Но как-то хочется без крайностей обойтись, что бы там ни говорил мастер Оро-Ич о пользе экстремального опыта.

На сей раз рыжий обернулся быстро, и десяти минут не прошло.

— Теперь ты, — подплыл он ко мне и положил холодную руку на плечо. — Сначала ляг и немного подыши глубоко. Успокойся абсолютно и доверься мне, всё будет хорошо, я обещаю. Когда будешь готова, набери воздуха и махни рукой. Я сдёрну тебя с панциря, и мы поплывём. Если воздуха всё-таки не хватит, не пугайся, у меня есть план.

Если исходить из принципов логики и рационализма, то следовало бы хорошенько расспросить рыжего, что он задумал, обговорить варианты действий на случай, если что-то пойдёт не так, и так далее. Но я представила воочию заплыв в абсолютной темноте по длинному-длинному подводному туннелю... И трусливо решила положиться на Тейта. Не угробит же он свою добычу? Только напонила напоследок:

— Два ката — самое большое. Дальше не смогу.

— Да я понял уже, — нетерпеливо улыбнулся он. И спохватился: — С шарфом-то что-то сделала? Запах подсадила? Или забыла?

— Плюнула на него, — честно призналась я.

Прикасаюсь к алому куску ткани после того, как в иллюзии он сыграл такую роль... Нет, увольте.

Тейт почему-то рассмеялся:

— Сойдёт.

Медлить дальше было нельзя.

Я глубоко и спокойно вздохнула семь раз, на восьмой задержала дыхание и сделала знак Тейту. Рыжий одним движением сдёрнул меня с панциря. Ледяная вода обожгла, но только на несколько секунд.

"Никаких волнений, Трикси, — пронеслось в голове. — Негативные эмоции мешают задерживать дыхание. Никаких волнений..."

Бесполезно. Бронежилет, вручённый перед бомбардировкой, и то успокоил бы больше. Сердцебиение ускорилось, биокинез почти не действовал. А ведь всего несколько секунд прошло!

Тейт бесцеремонно обхватил меня под грудью, а затем вода вокруг нас словно вскипела. Я едва не закашлялась от испуга, а затем сообразила, что мы просто сдвинулись с места, но очень быстро. С зажмуренными глазами было не различить, что происходит вокруг. В туннеле мы, плывём прямо или сворачиваем? Я до боли цеплялась пальцами за одежду рыжего и отсчитывала про себя секунды.

...семьдесят, семьдесят один, семьдесят два...

Температура воды немного изменилась, словно здесь били горячие источники. Что-то вспыхнуло очень ярко и тут же угасло. Тейт крутанул меня, точно отгораживая от опасности, и напрягся. Уши на мгновение заложило, как от взрыва. Шрах, на нас ведь никто не напал?!

...девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь...

Стало холоднее, но ненадолго. Предельные две минуты давно закончились. И в какой-то момент я поняла, что если не выдохну сейчас, то просто отключусь. Сделала плотательное движение, но продлила агонию только на несколько секунд.

Из горла вырвался воздух. Но вода не хлынула, потому что Тейт извернулся и притиснул свои губы к моим, до боли. Зажал мне нос — и выдохнул.

...я ведь уже целовалась раньше. С разными людьми. И с ним — тоже. Но так — никогда. И, кажется, запомню этот глоток воздуха, один на двоих, на всю жизнь.

"Держись", — отчётливо подумал рыжий.

Я успела ещё раз досчитать до пятидесяти, когда пытка вдруг закончилась. Мы вынырнули на поверхность. Воздух был невозможно, невероятно сладким. Забыв обо всех техниках, я ловила его ртом, пока Тейт удерживал меня. А потом, когда успокоилась, спросил:

— Как ты?

Горло саднило, поэтому голос был хриплым. Вокруг царила абсолютная темнота, ни искры света. Так, словно глаза остались на той стороне подводного туннеля. Вода теперь казалась тёплой. И откуда-то дул ветер, слабый, но ощутимый.

— Вроде бы живая.

— Я чувствую, — снова засмеялся он, и этот звук далеко разнёсся над поверхностью воды. Похоже, мы вынырнули в озере. — Четыре ката. Я нарочно не сказал.

В груди поселился комок боли — наверное, слишком долго дыхание задерживала. Да, наверняка...

— Зачем?

Мысли его я не читала, но готова была услышать что-то вроде: "Чтобы ты не пугалась заранее". А рыжий, мелкая зараза, произнёс спокойно:

— Чтобы ты запомнила это чувство. Как сейчас. И верила мне, понимаешь? Даже если у тебя не хватит воздуха, пока я рядом, бояться нечего.

— Ты ведь не о подводном плавании говоришь.

— Нет.

— Сволочь.

Он фыркнул — и обнял меня прямо в воде, лбом прижимаясь ко лбу, удерживая нас двоих на плаву лишь ногами.

— Ты веришь, Трикси?

"Да", — подумала я. О, да.

А вслух сказала:

— Посмотрим на твоё поведение.

Пусть не думает, что женщины семьи Бланш могут растаять так легко.

Но рыжий ничуть не обиделся — хмыкнул, перехватил меня поудобнее и шустро погрёб к невидимому берегу. И появилась жутковатая идея: а не читает ли мысли эта зараза случайно?

Вот ужас был бы.

Плыть, к счастью, пришлось недолго. Берег оказался песчаным и пологим. Тейт ещё немного меня помучил неведением, а потом громко приказал Маронгу вылезать из укрытия и разводить огонь.

— Это безопасно? — сипловато поинтересовался парень из темноты. Похоже, ему тоже досталось во время заплыва, хотя и не в том смысле, как мне.

— Не-а, — коварно протянул рыжий. — Но зато согреемся и поедим нормально. Я притащу Лиору и нырну ещё раз. Кое-что съедобное заметил по дороге.

— Не ту скользкую штуку, которая схватила меня за ногу? — мрачно поинтересовался Маронг.

Я подавилась вдохом. Ничего себе, приключения!

— Именно её, — ответил Тейт невозмутимо — и нырнул, уходя от дальнейших расспросов.

— Зараза, — меланхолично прокомментировал это Маронг и наконец зажёл светильники. Я сощурилась рефлекторно; после заплыва он выглядел слегка пожёванным. Подозреваю, у меня видок был не лучше. — Впрочем, как ни грустно признавать, Танеси-кан прав. Надо обустроить лагерь.

Мы успели только найти местечко почище, когда вынырнул Тейт с Лиорой вместе. Она тут же отпихнула его и сама поплыла к берегу. Рыжий хмыкнул и направился за ней, нарочно не догоняя и держась поодаль. Под мышкой у него была зажата какая-то дохлая зверюшка, вроде выдры, только побольше раза в два, с гребнем вдоль позвоночника и не с одним, а с тремя хвостами.

— Он приставал к тебе, Исэ-кан? — с намёком на сочувствие поинтересовался Маронг, наблюдая с взбешённой блондинкой, кое-как отжимающей одежду, с безопасного расстояния.

— Хуже, — откликнулась Лиора. — Он свернул, чтобы поохотиться. И бросил меня посреди туннеля.

— Я же вернулся через полката, — возразил Тейт, помахивая дохлой зверушкой с видом оскорблённой невинности. Намокшие волосы издали казались не рыжими, а красными. — Так что не считается.

— Подойди ближе, и недосчитаешься чего-нибудь, — очень вежливо сообщила Лиора.

— Обойдусь как-нибудь. Кстати, у тебя там айр около ноги. Вроде бы ядовитый...

Блондинка взвизгнула и совершила такой прыжок, которому позавидовали бы герои эпических саг. Маронг умудрился создать в воздухе что-то вроде полупрозрачного гамака и поймал её, не позволив рухнуть обратно в воду. Тейт же, насвистывая, прошлёпал по берегу, сунул мне в руки убитого зверька и удалился в темноту, крикнув напоследок:

— Я за дровами. И айр не ядовитый, я пошутил.

— У него кошмарное чувство юмора, — задумчиво произнёс Маронг, помогая Лиоре спуститься на землю.

— На самом деле хорошее, — со вздохом возразила я. — Наверняка со стороны наблюдать смешно. Готова спорить, что мастер Оро-Ич, когда снисходит до наблюдения, просто покатывается.

— Спасибо, ты очень меня утетила, — язвительно отозвалась блондинка.

— Может, тебя больше утешит, что я вообще с Тейтом живу круглые сутки?

Маронг с Лиорой уважительно замолчали. Выражения лиц у них были дивные — смесь сочувствия и ужаса.

Место для лагеря рыжий, надо признать, выбрал что надо. Огромная пещера — светильники, запущенные в стороны, погасли прежде, чем добрались до дальних стен. Своды терялись примерно на высоте тридцатого этажа. Не верилось даже, что мы так глубоко спустились... Но, что самое удивительное, здесь хватало растительности. Из вялых хвощей получились отличные лежанки, тёплые и мягкие. Вокруг стоянки Маронг тщательно рассыпал какие-то порошки из своей сумки, которые вроде бы отпугивали насекомых и насову траву. Лиора в это время освежевала и распотрошила убитую зверушку, ловко и хладнокровно. Я на правах изнеженного жителя цивилизованного мира старалась не смотреть, чтобы не портить аппетит.

Кое-какой хворост мы насобирали поблизости и к возвращению Тейта не только разложили костёр, но и успели запечь мясо, натёртое солью и специями. Меня мучило подозрение, что загадочная дичь никак не входит в список безопасных для иномирянки продуктов, но

Лиора успокоила, уверив, что звери, обитающие в пресной воде, обычно мало чем отличаются от привычного фуубе.

Но кое-что беспокоило гораздо сильнее изменений в диете.

Улучив момент, когда Лиора с Маронгом были заняты только друг другом и ужином, я отозвала Тейта в сторону и тихо спросила:

— Как думаешь, Аринга нас не преследует?

— Отстала, но вряд ли потеряла насовсем, — едва слышно шепнул рыжий, отводя взгляд. — Я, конечно, путаю следы, чтоб ей труднее было, но общее направление она чует. Из-за этого, — и он прикоснулся к повязке у меня на шее. — Там был червь сомнения, её творение. Его можно выдрать, но что-то всё равно останется. А свою магию Аринга почувствует с любого расстояния... Только остальным не говори. Девять-десять спокойных сетов у нас есть. Нужно хорошо отдохнуть и составить план.

— План чего? — придушенно спросила я, хотя ответ знать не желала.

— Убийства, — жутковато улыбнулся Тейт. — Ты же не думаешь, что мастера можно остановить как-то по-другому? Наивная ты, Трикси.

Мы стояли на влажном песке, босые и полуголые, потому что одежда сушилась у костра. Пахло морем и запечённым мясом. Вода лизала берег у самых ступней. Лиора смеялась; кажется, шутки Маронга имели у неё успех...

А мне ещё никогда, с самого первого момента в этом мире, не хотелось оказаться дома сильнее.

Глава 11. Слабое место

*Агрессивно выраженный отказ немедленно сдаться и умереть.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Под землёй не различить было, день стоит или ночь. Но спали мы как убитые. Моё дежурство выпало на третью очередь. Я около двух часов держала рассеянный купол метров на триста. Ещё недавно это стало бы поводом для гордости, но не теперь. Как-то незаметно у меня вошло в привычку перешагивать через "не могу", и обнаружилось внезапно, что многие барьеры надуманные.

Некоторые из давно известных фактов представляли в новом свете.

Например, то, что в особом отряде полиции у нас служили псионики максимум третьей ступени. Однако они легко скручивали преступников вдвое сильнее. Раньше с трудом верилось, что такое возможно. Но потихоньку я начала осознавать пропасть, которая лежала между очень талантливыми обывателями и специалистами, оттачивающими навыки до совершенства, причём зачастую в боевых условиях. Псионические способности можно сравнить с холодным оружием. Из двух оперативников с ножами победит более опытный, но дайте здоровенный тесак ленивой девчонке — и её скрутит даже курсант.

Интересно, насколько велика разница между начинающими магами и теми, кто дрессирует свою силу столетиями? Есть ли какой-то шанс на победу, хоть призрачный?

Поначалу не верилось, что нас вообще реально найти. Нет, ну действительно — полёт, затем бег по лабиринтам и долгий сплав по извилистой реке, наконец заплыв через подводный туннель. Никакой нюх не поможет пройти по следу. Тейт утверждал, что Аринга чувствует моё месторасположение с точностью "до сета пешим ходом". То есть разброс пять-десять километров! И не в долине, на открытом месте, а в недрах под горным хребтом.

В конце концов, не проплавит же она круговой туннель, чтобы вычислить, где мы скрываемся?

Или для магии нет ничего невозможного?

Я покосилась на костёр. Последнюю охапку хвороста кинула Лиора в конце своего дежурства. И вот уже два часа деревяшки горели ровным пламенем, лишь слегка обугливаясь. Жара между тем вполне хватало, чтобы обогреть лагерь, временами хотелось даже отодвинуться подальше. Что это: особый огонь, супер-ультра-волшебные дрова или вообще незнакомый процесс с выделением тепла, замаскированный под примитивное горение?

Шрах его знает.

Магия, магия... Я в Лагоне — как дикарка, попавшая в мегаполис. Таращусь на злых железных зверей и пытаюсь молиться выключателям, потому что не понимаю, как это всё работает. И в союзниках у меня — три школьника, а охотится за нами пресловутый оперативник.

С тесаком, ага.

Я с трудом сдержала стон и уткнулась подбородком в колени.

— Устала? — мгновенно отреагировал рыжий, приподнимаясь на локтях. Вот только что спал как младенец, а в следующую секунду — сознание кристально ясное. Чудеса... — Давай, поменяю тебя, а ты отдохни. Я уже выспался.

Гм. Ну, может, два школьника и один мелкий оперативник.

"Как думаешь, у нас есть шансы?" — хотела спросить я, но вопрос застрял в горле.

Лиора и Маронг спали по ту сторону костра, на одной лежанке. Их лица даже в забытьи сохраняли тревожно-сосредоточенное выражение, а ноги были сплетены, как у любовников. Единственное на весь лагерь тёплое покрывало, отрез тёмно-красной плотной ткани, задралось почти до колен. У Маронга длинные пряди волос пересекали скулу и щёку, наискосок, щекоча кончиками губы. Лиора прижималась к нему, прикусив бессознательно его воротник, и её светлые волосы топорщились иголками почти как у мастера Лагона.

— Трикси?

В завораживающей тишине, которую лишь изредка нарушал плеск воды или шорох в траве, шёпот Тейта показался оглушительным.

— Всё в порядке, — улыбнулась я. Лицевые мышцы свело — до того ненатурально получилось. — Задумалась просто.

— Про Арингу? — понимающе склонил голову к плечу рыжий.

Красноватые отблески огня превращали его глаза из тёмно-синих в чёрные. Слегка пахло горьковатым дымом, как на старом пожарище.

— Вроде того, — признала я нехотя. — И мысли все какие-то неутешительные.

— Отдыхай, — коротко посоветовал Тейт, глядя исподлобья. — Ты — наше секретное оружие. Поэтому набирайся сил.

"Секретное оружие", ну конечно.

А что, если...

Мысли покатались по накатанным рельсам прямоком к неприятным выводам.

Аринге я нужна как добыча, как "чистый лист" для резонанса. Исчезнет желанный приз — прекратит ли она преследование? Или из принципа завершит охоту и добьёт свидетелей?

Лиора шевельнулась во сне и сползла ниже, утыкаясь Маронгу в ключицу.

В горле у меня появился комок.

Если промолчу сейчас из трусости, а потом этих двоих хоронить придётся, никогда себя не прощу.

— Тейт, — тихо позвала я. Он заинтересованно поднял голову. — Слушай, а если устроить резонанс сейчас, Аринга отстанет?

Рыжий вздрогнул как от пощёчины. Из глубины его существа поднялась тёмная волна злости, смешанной с предвкушением и чувством вины. Дикий, обжигающий коктейль... Наверное, так и выглядит искушение.

— Не-а.

Голос был абсолютно безмятежным, несмотря на бушующую внутри бурю. Я сглотнула и заставила себя продолжить:

— А ты бы стал сильнее? Это увеличило бы наши шансы на спасение?

Тейт улыбнулся — и плавным движением обтёк костёр, быстро и совершенно беззвучно. Я рефлексивно отшатнулась. А он придвинулся почти вплотную, так, что жар тела ощущался яснее, чем тепло от огня.

— Что-то я не совсем понимаю, Трикси, — произнёс рыжий бесчувственно. Тёмные глаза были сощурены. — Ты что, предлагаешь мне отвести тебя на пляж, разложить там и отыметь? Пропустить через тебя всю свою силу? Может, случайно слететь с катушек. — Он опустил взгляд на мою шею, затем ниже. Меня как электрическим

разрядом прошибло. — Что-то слишком сильно сжать, где-то перегнуть... Не нарочно. Пару костей сломать. Порвать что-нибудь. — Он улыбнулся, показывая ровные белые зубы, и я поняла, что трясусь так, что даже ровно сидеть не могу. — Ты, правда, не почувствуешь, потому что когда через тело проходит такой поток магии, как у меня, то крышу срывает. Может, очень хорошо будет, а может, жутко больно. Тут не угадаешь, Трикси.

У меня в горле пересохло. Я с трудом сглотнула и облизнула саднящие губы.

— Ты... ты ведь с самого начала собирался это сделать.

— Ну да.

У Тейта внутри бесновалась такая буря, что я уже не различала отдельных оттенков эмоций или фрагментов мыслей. А лицо — спокойное, безмятежное, даже светлое, словно у дочерей воздуха на гравюрах.

— И... поменялось что-то?

Он смотрел на меня некоторое время — такой же нечитаемый и непознаваемый. А затем бездна в его разуме начала медленно смыкаться. Оскудевший поток ярких и чистых эмоций постепенно оживал.

— Извини, — ответил Тейт, отводя взгляд, и отсел. Я с трудом перевела дыхание, ошеломлённая напором. Руки подгибались и дрожали. — Можно рискнуть, конечно. Я постараюсь быть осторожным и ласковым. Игамина с Лиорой сделают вид, что ничего не слышат. Сил у меня станет очень много, а ты проваляешься без сознания несколько сетов... Ну, в лучшем случае. Только вот вряд ли получится справиться с Арингой тупым напором. Возможности... — он сжал кулаки и осёкся. — Ну, возможности у меня и так больше, чем у неё. Дело в опыте. Нужно встретить её чем-то неожиданным, с чем она никогда не сталкивалась. Вы моё оружие — ты и Игамина. То, что можете делать только вы, и то, о чём Аринга не знает.

"А что особенного в Маронге?" — пронеслось в голове, но сказала я почему-то:

— Спасибо.

Рыжий улыбнулся, тепло и солнечно. От него повеяло нежностью и спокойным обещанием защиты.

— Не бойся, Трикси. Я бы сделал резонанс, если б знал, что это поможет. Но не поможет ведь. Не теперь. Будем справляться так. — Он снова прынул ко мне, быстро и влажно поцеловал, мазанув языком по губам напоследок. — Иди и поспи. Ты должна набраться сил. Время ещё есть.

Я растерянно оглянулась. Голова кружилась похлеще, чем после иллюзии Аринги.

— А... Маронг как же? Вроде его очередь сторожить?

— Пусть тоже отдыхает, — махнул рукой Тейт. — Я всё равно уже выспался, а ему силы не помешают.

Лечь и отключиться после такого разговора было нереально. И всё же я так и поступила. Уняла бешеное сердцебиение, выровняла дыхание, свернулась клубком на лежанке, ещё тёплой после Тейта, и отключилась.

Мне приснился кошмар. Первый настоящий, сюжетный кошмар в этом мире. Будто бы мы с рыжим сидим в обнимку на полу холодной белой комнаты, где одна стена стеклянная. А за ней ожесточённо спорят двое, мужчина и женщина. Эрнан Даймонд, высокий и пугающий, как в детских воспоминаниях, с чёрным ободком наушников поверх непослушных золотистых волос, и почему-то Аринга, едва покрашенная и с аккуратной стрижкой бизнес-леди. Они в медицинских халатах с гнилостно-багровыми бейджами на груди, слева; руки движутся точно сами по себе, рты беззвучно раскрываются. И я понимаю, что мы ещё совсем маленькие, и всё это какая-то чудовищная ошибка — белая комната, стекло, холодный пол. Хочу закричать, кажется, но рыжий дёргает меня за рукав и молча указывает вверх. Там, в потолке, отверстия, крошечные, едва заметные. А потом дядя Эрнан с Арингой вдруг успокаиваются и одновременно смотрят на нас. И я понимаю с ужасом, что сейчас через эти самые отверстия пойдёт газ. И никуда от него не деться.

"Даже если у тебя не хватит воздуха, пока я рядом, бояться нечего".

Очнулась я с голосом Тейта в голове — взмокшая от страха, с колотящимся сердцем.

Костёр горел немного жарче. Над ним парили, проворачиваясь, маленькие кусочки мяса. Аромат стоял умопомрачительный, а на языке чувствовалась едва заметная горчинка шерги.

Лиора и Маронг шептались с другой стороны костра. Тейта и след простыл.

— Где? — мрачно спросонья поинтересовалась я.

— Осматривает пещеру, — с запинкой откликнулась блондинка. — М-м... Завтракать будешь? У нас довольно неплохой...

— Тоже кошмары? — перебил её Маронг, глядя исподлобья. Из-за освещения глаза у него были сейчас болезненно-зелёного оттенка.

Я не ожидала вопроса, поэтому сглотнула и отвернулась.

— Всем что-то снилось, — подала голос Лиора. — Почему, интересно...

— Думать надо меньше, — весело посоветовал Тейт, выныривая из узколистых кустов. — Я вот не думаю, и никаких кошмаров. Круто, да? Кстати, о крутых штуках. У нас четыре пути отхода. И нигде пока Аринги не видно. Так что завтракаем спокойно. Потом надо заглянуть подальше. Лиора? — спросил он неожиданно серьёзно.

Блондинка согласно склонила голову к плечу.

Завтракали торопливо, нервно, с натужным весельем. Я наступила на горло своей гордости и выклянчила у Тейта его порцию сладостей, чтобы способности не подвели в нужный момент. Отчего-то эмпатия и телепатия требуют куда больше быстрых углеводов, чем все остальные псионические таланты вместе взятые... Когда от мяса и шерги одни воспоминания остались, рыжий оглянулся на Лиору:

— В общем, прежде, чем что-то планировать, нужно выяснить, где сейчас вообще Аринга. Сможешь прямо сейчас?

— Разумеется, — с достоинством ответила она и оглянулась. — Место вроде бы подходящее.

Причём тут место, я поняла не сразу. Лиора неторопливо разулась, поставила сапожки под бок к Маронгу и отошла поодаль от костра. Затем подняла руки над головой, скрещивая запястья и запрокидывая голову... и закружилась, медленно и плавно.

Больше всего это походило на танец.

Не знаю, что видели мальчики, кроме чувственных движений, и почему сидели в таком напряжении, но я была заморожена и покорена. Лиора медленно выплетала вокруг своего тела оболочки, одну за другой, и отталкивала их от себя. Оболочки раздувались, как мыльные пузыри, и каждая следующая отбрасывала предыдущую чуть дальше.

Сперва это происходило беззвучно. Но, когда их число перевалило за несколько десятков, послышался нежный звон.

Множество тончайших, нежных коконов заполнили пещеру целиком, пронизали тьму — слой за слоем, каждый со своим тембром и частотой, а всё вместе складывалось в отрывистую джазовую мелодию. Если только бывает джаз, который играют на колокольчиках...

Кажется, я начинала понимать, почему магов ложи называют внимающими и поющими.

Звук усложнялся, эхо разносилось всё дальше — через толщу камня, через воду и громадные пустоты. Крещендо без пределов; концерт для эмпатии с оркестром. Но, когда мелодия достигла кульминации, Лиора вдруг замерла.

И — прислушалась.

Оболочки начали съёживаться и смыкаться, всё быстрее, сливаясь в шелестящий поток. И лишь потому, что мои чувства были до предела обострены, а нервы — оголены, я различила тот образ, который мелодия принесла обратно.

...Аринга?..

Лиора вскрикнула вдруг и бросилась бежать. Тейт среагировал вовремя — подсёк её, сгрёб в охапку и швырнул Маронгу, крикнув:

— Держи крепче!

Я сработала на чистых рефлексах — учуяла панику и ударила в Лиору густой, душной волной спокойствия. Блондинка задышала чаще, потом перестала извиваться в руках у Маронга — и постепенно утихомирилась.

— Так плохо? — спросил Тейт, улыбаясь. — Она близко?

Похоже, чем хуже ситуация, тем шире у него ухмылка. Бр-р-р, не хочу увидеть, как он рассмеётся.

Лиора дёрнула головой — то ли выражение согласия, то ли конвульсия.

— Она спустилась вниз по реке, за водопады, и попала в грот с гаюсом. Была ранена, но ушла на несколько уровней ниже. Но... — Блондинка запнулась. — Но она отчего-то почти уверена, где мы. Хочет немного отдохнуть и затем ударить. Она... — Голос сорвался. — Она не будет убивать сразу. Я никогда не...

— Тс-с-с, — прижал Маронг палец к её губам и качнулся из стороны в сторону, не размыкая объятий. — Т-с-с. Мы ещё живы, и она не поймала нас. Никто никого не мучает. Это просто мысли.

— И лучше бы им просто мыслями и оставаться, потому что воображение у Аринги что надо, — хмыкнул Тейт, едва сдерживая ликование, хотя веселиться, по-моему, поводов не было. Даже у адреналинового маньяка.

Впрочем, что я знаю об адреналиновых маньяках? В моей семейке таких не водилось.

— Спасибо за ободрение, — с сарказмом отозвалась Лиора и попыталась сесть, оттолкнув Маронга.

В голове у рыжего промелькнула тень ярости, но только на долю мгновения. Он взвился на ноги и сиганул через костёр, а потом рывкнул на всю пещеру:

— Идиоты! — Лиора испуганно прынула обратно в объятия к Маронгу, тот сжал её, бледнея, и застыл. Я тоже не рисковала шевелиться. Тейт обвёл нас пылающим взглядом. — Вы, придурки унылые. Не поняли, что ли? Аринга попалась. В нашу дурацкую ловушку. В тупую, прямолинейную, наивную ловушку с шарфом. И не просто попалась, а едва не сдохла в пещере с голубым мхом, так спешила нас догнать. И понимаете, что это значит? — Тейт присел, щурясь. Языки пламени подсвечивали его силуэт из-за спины. — Её можно обмануть. Она нас недооценивает, даже сейчас. Иначе не давала бы дополнительное время и не развлекала себя мыслями о пытках, а сразу снесла бы половину горы, чтоб наверняка. Хотя что я говорю, — фыркнул он заговорщически. — Аринга не потянет полгоры снести. Теперь особенно.

— А ты сможешь? — хрипло спросил Маронг.

— Я и гору снесу, — скромно ответил Тейт, потупившись. Рыжие волосы буквально пламенели, неукротимо и бесстыже. — Но только вместе с нами. Так что, наверное, лучше не надо, да?

Тут я не выдержала — и рассмеялась самым позорным образом, неудержимо, почти до слёз. Лиора с Маронгом смотрели на меня, как на душевнобольную... Нет, как на солдата на торжественном параде, вдруг выбежавшего из колонны и сплясавшего задорный степ под носом у премьер-министра.

— Беру свои слова обратно, — выдавила я из себя, отсмеявшись. — Ты не проблема. Ты самый настоящий шрах.

— Кто-кто? — искренне заинтересовался Тейт.

— Шрах. Мифическое существо, — пояснила я охотно. — Выглядит, как маленький пустынный лисёнок с большими ушами, только у него ещё рожки есть и лапки похожи на человеческие ладони, а хвостов бывает от трёх до семи... — Взгляд у рыжего стал стеклянно-непонимающим, да и Лиора с Маронгом выглядели не более интеллектуально. — Э-э... Вы же не знаете, что такое лисица, — вздохнула я и, сосредоточившись, воссоздала изображение маленького шраха. Он получился почему-то не белый, а рыжий, страшно лохматый и подвижный, как ртуть. — Ну, вот примерно так.

Мальчишки заинтересованно уставились на мифического пакостника, а Лиора наоборот отпрянула. Тейт склонился к нему и осторожно тыкнул пальцем. Простенькая иллюзия почему-то не развеялась, а мех смялся, как настоящий. Шрах почесал задней лапкой за ухом, потом злодейски ухмыльнулся, хихикнул и стреканул в темноту.

Я ойкнула и развеяла образ... кажется, развеяла, потому что шлепки маленьких лап по мелководью слышались ещё долго.

— Крутой, — резюмировал Тейт, довольно щурясь. — Хочу такого. Сделаешь ещё?

— Как-нибудь потом, — откликнулась я растерянно. Это что же, иллюзия из-под контроля вышла? Или так должен выглядеть прогресс, о котором мне мастер Ригуми все уши прожужжал? — Но учти, что шрах — мелкий пакостник. Он способен испортить любой механизм, кулинарный рецепт или даже абзацы в книге местами поменять. Там, где прошёл шрах, всё путается. Автомобили глохнут на подъёме... э-э, средства передвижения останавливаются, поданные десерты оказываются солёными, а штаны лопаются по шву в самый неудобный момент. В общем, квинтэссенция хаоса и разрушений.

— Теперь точно хочу, — заломил брови Тейт. — Жаль, его к Аринге нельзя подослать...

— Он мифическое существо, — мягко напомнила я, уже ни в чём не уверенная.

— Тоже скажешь, проблема, — отмахнулся рыжий беспечно. Глубоко вздохнул, прикрыв глаза, а затем посмотрел на меня уже

серьёзно. — А теперь, когда все успокоились, можно поговорить серьёзно. Думаю, у нас есть сет или около того. Сможешь послушать ещё разок? — обернулся он к Лиоре. Та склонила голову к плечу. — Давай, катов через двадцать. Нужно решить, чем мы можем встретить Арингу. Трикси, что ты умеешь из того, о чём она не догадывается?

Я задумалась. Казалось бы, ответ лежал на поверхности...

— Гм, напрашивается биокинез. Что-то вроде вашего созидания совершенства, но очень слабое... Только себя подлечить. А на других людей воздействие через прикосновение, так что это отпадает, — нахмурилась я, и тут меня осенило: — Шрах, ну что я горожу! Не надо ничего усложнять. Телепатия и эмпатия — вот мой козырь. — Тейт хмыкнул, Маронг нахмурился, и только Лиора понимающе улыбнулась. — Это то самое, благодаря чему вы сейчас поняли, что такое "эмпатия", "телепатия" и "козырь", хотя слова вам не знакомы. Дело не в направлении... то есть, гм, не в типе магии, — выдержала я паузу и, когда рыжий нетерпеливо подался вперёд, продолжила: — Дело в ступени. У меня четвёртая, и очень неплохо развитая. Если принять уровень мастера Лагона за седьмой... В общем, когда он меня испытывал, я почти смогла сломать его защиту. Аринга слабее.

Особого энтузиазма моё заявление не вызвало. Лиора так и вовсе скривилась разочарованно.

— Это не универсальное оружие, — заговорил Маронг, кинув на неё быстрый взгляд. — Внимающие и поющие не считаются сильнейшими. И даже просто сильными. Во-первых, воплощение ничто занимает меньше времени, чем воздействие на разум, не говоря уже о прямых атаках...

Ха! Они говорят о псиониках или о магах?

— Взломать голову я могу быстрее, чем создать иллюзию.

— ...поэтому опередить в схватке опытного мастера... Что? — осёкся Маронг. Глаза у него стали круглые от удивления.

— Скорость, — улыбнулась я сдержанно. Невежливо показывать своё превосходство. — Помнишь, что сказал мастер Ригуми? О преимуществах и недостатках моих иллюзий? Может, у меня не столь яркие и сложные техники, как у Лиоры, но если говорить о грубом, интенсивном и эффективном воздействии, то "внимающие и поющие" и рядом не стоят с псиониками. С четвёртой ступенью мне и секунды

не понадобится, чтобы вскрыть... Ну, например, Лиору. Вырубить её, а уже потом обрабатывать, когда она без сознания будет, — пояснила я.

Блондинка снова поморщилась, и мне стало стыдно. Конечно, удобно рассказывать о чём-то новом, сравнивая с известным. Но использовать для примера собеседников немного безнравственно.

— А область покрытия? — сощурился Тейт.

Да уж, он единственный, кто всерьёз заинтересовался моими возможностями.

— Когда мы только встретились, купол был сто пятьдесят-двадцать шагов. Теперь спокойно накрою рассеянным метров триста, — уверенно ответила я. — А внутри купола превратить рассеянное действие в точечное — вопрос намерения. Если говорить о скорости мысли, то это как раз тот случай.

— Есть ещё один недостаток, — качнула головой Лиора. — Наша с тобой сила воздействует на разум. Но мастер, тем более мастер воплощённого ничто, может атаковать и защищаться без разума.

Без разума? Интересно, это как? Нет намерения — нет действия... если только речь не идёт о механизме с заданной программой. Если у Аринги в мозги встроена программа, которая срабатывает после эмпатического или телепатического вмешательства, то у меня проблемы.

Точнее, у нас всех.

— Не огорчайся, Трикси, — хмыкнул Тейт и погладил меня по плечу. — Ты же не одна с ней бодаться будешь... Теперь Игамина. Давай, выкладывай свои грязные секреты.

Просьба прозвучала весело, даже несерьёзно. Однако Маронг напрягся так, будто национал-экологическая партия обвинила его в опытах над новорождёнными котятками. Я машинально потянулась к нему телепатически, выискивая страшные тайны, и с удивлением споткнулась о пассивный блок. Весьма занятный — он не запечатывал знание наглухо, а рассеивал внимание, не позволяя сосредоточиться на образе. Можно сравнить с условной невидимостью шпиона: мастера маскировки сложно заметить не потому, что он буквально становится прозрачным или под средой мимикрирует, а потому что внешность у него самая банальная и манеры не выделяются.

— Никаких секретов. — Маронг уткнулся взглядом в плечо Лиоры. — То есть Шаа-кан, конечно, меня ценит, и у меня есть

несколько особенных приёмов...

Тейт обратил на его слова не больше внимания, чем на писк какого-нибудь безмозглого айра.

— Игамина, Игамина, — протянул он пугающе ласковым голосом, подкрадываясь к Маронгу. Тот попытался заслониться Лиорой, но она благоразумно вывернулась из объятий и перебралась на относительно безопасное место, с другой стороны костра. — Только идиот рискнул бы выкрасть у меня добычу. Бозза на идиота тянет, а ты — нет. Я наблюдал за тобой. — Рыжий очень, очень медленно обхватил ладонью шею Маронга и улыбнулся. — Ну, что, сам скажешь?

На висках у бедного парня выступили капельки пота.

— Я не...

Рука легонько сжалась. Тейт облизнул губы, придвигаясь ближе.

— Подумай об этом по-другому, Игамина. Представь, что стычку с Арингой переживут не все, — продолжил он, словно искушая. — А, скажем, половина. Если ты войдёшь в число счастливиц, то убедить второго хранить тайну будет не так сложно. А если не войдёшь, то и беспокоиться не о чем.

— Я вообще-то жить хочу! — дёрнулся Маронг, но тщетно. Рыжий держал крепко. — Я... Вы поклянетесь, что не убьёте меня? Не замыслите зла? Никому не скажете?

— Зависит от обстоятельств, — честно ответила Лиора. — Но у меня нет намерения причинять тебе вред. Кроме того, я ведь следующая с секретами? — обернулась она к Тейту. Тот склонил голову к плечу. — Значит, мы будем в равных условиях.

Взгляды обратились на меня.

Нападать на Маронга из-за каких-то местных заморочек я не собиралась, поэтому с лёгким сердцем ответила:

— Клянусь... э-э, страхом. Хуже, чем ты уже себя зарекомендовал, и быть не может. Я знакомство имею в виду. Но мы ведь как-то уживаемся.

— Жестокая ты, — фыркнул Тейт и наконец отпустил шею Маронга. На светлой коже остался чёткий отпечаток, скорее, похожий на ожог, чем на след от сжатия. — Давай, говори. Обещаю тебя прикрыть, если эта, — он кивнул на Лиору, — вдруг передумает и решит, что ты опасней Аринги. Кстати, Оро-Ич наверняка знает твою тайну, и раз позволяет тебе находиться в Лагоне и заниматься у своего

любимчика, Шаа, значит, ты не такой жуткий тип, каким себя считаешь.

"А мастер Ригуми, выходит, любимчик у Оро-Ича?" — успела подумать я, но тут Маронг наконец решился:

— До прихода в Лагон я обучался в семье. Я... Они... Мы свободные.

Удерживать Лиору, конечно, не пришлось, но атмосфера ощутимо изменилась. Я вздохнула и подняла руку, как на лекции:

— Поясните для невежественных дикарок из других миров, пожалуйста. Свободные — это те маги в балахонах вместо трико, которые призвали меня сюда?

— Ну да, — легко ответил Тейт за всех. — А ещё они последние лет пятьсот пытаются сравнить Лагон с землёй, потому что здесь обучают магии всех.

О. Интересно.

— Лагон посягает на монополию? Ставит обучение на поток?

Лиора недоумённо нахмурилась, а вот рыжий, как ни странно, понял сразу, словно речь шла о знакомых вещах:

— Вроде того. Но больше похоже на то, как стая мелких айров пытается выпихнуть одного крупного со своей территории. Чисто теоретически, — глумливо ухмыльнулся он, всем видом показывая, где он видел ту теорию, — свободных, проникших в тайны Лагона, казнят на месте.

Взгляд у Маронга стал совсем несчастным. Блондинка источала напряжение...

Шрах, начинается.

— А ещё теоретически я добыча, а Аринга — наш мастер, который обязан защищать и наставлять, — не удержалась я от сарказма. Отведённый Тейтом сет на подготовку таял на глазах, а тут кое-кто решил разыграть трагедию чужака в пяти действиях. — Трогательную историю поисков и страданий потом поведаешь, а сейчас лучше выложи свой козырь. Если помнишь, что это такое.

— Неизвестная сильная сторона! — с улыбкой счастливого психа выпалил Тейт.

Мне захотелось обнять его, честное слово.

Дурдом, а не военный совет.

Но, к счастью, Маронг не стал хотя бы держать трагическую паузу.

— Отрицание. Это семейная техника.

Одно слово произвело эффект взорвавшегося на свадьбе торта. Я сидела, хлопая глазами, и ничего не понимала. Но Лиора тихо ахнула, а Тейт взвился на месте с невнятным торжествующим воплем. Маронг вскинул руки, точно защищаясь:

— Я младший! И не очень хорош в этом. Может, половину ката сумею отрицать, и то почти вплотную, шагов с пятнадцати, не больше... У меня двенадцать братьев и сестёр, меня учить вообще не хотели! Почему я в Лагон сбежал, думаете?

— Потому что Оро-Ич так захотел, — обернулся рыжий, сияя от восторга. — И наверняка он тебя потом в ученики сграбастает. Не вздумай сопротивляться, кстати. Он всё равно своё получит. Отрицание, Трикси, — обернулся он ко мне. — Маронг может уничтожить любую магию вокруг себя.

— Уже догадалась, — откликнулась я сдержанно, всё ещё не понимая, почему Тейт так обрадовался. На моё признание он отреагировал куда спокойней. Даже обидно немного. — Отрицание любой магии. Но меньше, чем на кат, и в радиусе пятнадцати шагов. — Улыбка Лиоры поблёкла, Маронг и вовсе сник. — Не тянет на козырь. Во-первых, к Аринге вряд ли так уж легко подойти вплотную. Во-вторых, если нейтрализуется вся магия, то ударить её издали не получится, придётся бить голыми руками... Вся надежда на тебя, Тейт.

Рыжий только фыркнул в ответ.

— Бить не обязательно. Вы поймёте сейчас, почему. Да, кстати, я не могу драться с Арингой, — просто сказал он. — Ну, напрямую. Я к ней уже лет пять таскаюсь, она меня изучила до печёнок. Но и я её тоже неплохо знаю... У Аринги на самом деле нет половины тела. Нижней. Я сам догадался, а потом Оро-Ича расспросил, — небрежно признался рыжий. — Последствия очень глупой встречи с нассовой травой. Аринга потеряла полностью одну ногу и часть внутренних органов. Но она тогда была уже подмастерьем и смогла воплотить из ничто недостающие части. И если они вдруг исчезнут... Вы ведь понимаете?

О, да. Я поняла — и прочувствовала.

Маронг действительно оказался козырем, но с изъясном. И главная проблема заключалась в том, чтобы дать ему возможность подобраться к Аринге.

— Ну, теперь ты, — обернулся Тейт к Лиоре, которая с самым что ни есть независимым видом подтачивала ногти, сидя с другой стороны костра. — Я-то в курсе, но и остальным узнать не помешает.

Блондинка угрожающе сощурила глаза.

— Попробуй рассказать, если действительно знаешь. Но, полагаю, что мои способности не принесут никакой пользы.

— Ну, это как посмотреть, — почему-то развеселился рыжий. — Вообще это будет честно. Трикси ведь всё выложила, Игамина тоже. А ты упираешься.

Любопытство сгубило не одного псионика, поэтому я даже не чувствовала особых угрызений совести, когда потянулась к разуму Тейта, чтобы посмотреть на секрет нашей образцовой блондинки...

Зря.

Фатально поперхнуться воздухом ещё до прихода Аринги — крайне глупая смерть.

— Трикси-кан, ты в порядке? — встревоженно крутился вокруг Маронг, пока я кашляла. — Что-то в рот попало? Тейт-кан, проверь, пожалуйста, нет ли здесь опасных спор. Пыль от гаюса далеко разлетается.

— Всё хорошо, — с трудом пробормотала я, отстраняясь. В горле саднило. — Не обращайтесь внимания, продолжайте.

Голова шла кругом. И не из-за талантов Лиоры, а из-за её родственных связей.

— Если правда стесняешься, то я скажу, — коварно улыбнулся рыжий, бросив на меня заговорщический взгляд. — Лиора — искусница, у неё тоже было домашнее обучение. Но не у свободных, а у родного папочки. То есть у внука мастера Оро-Ича.

Воцарилась тишина. Мёртвая — несколько секунд никто даже не думал. Головы были блаженно чистые, как на следующий день после экзамена. А воздух пронизывало такое напряжение, что, кажется, телефон бы тут зарядился без розетки и кабеля.

Положение спас, как ни странно, Маронг.

— Я так и думал, — произнёс он спокойно и сосредоточенно. Глаза его напоминали зеленовато-прозрачную воду северного моря. —

Правнучка мастера, конечно. Поэтому меня так и тянет к тебе.

Лиора встрепенулась и откликнулась растерянно:

— Нет, этот признак не наследуется. После того как из-за очарования погибла моя бабка, его купировали, и потомкам он не передаётся.

— Тогда почему...

Они встретились взглядами и синхронно заалели. Маронг — смешно, пятнами, а Лиора — аристократически и прелестно.

— Всё с вами ясно, — фыркнул Тейт, хлопнув себя по коленке. — Но развлекаться будете, когда избавимся от Аринги. Поверьте, она не проникнется и не оценит. У неё вообще жуткие завихрения в голове насчёт секса.

— Это ты говоришь? — не удержалась я от сарказма и запоздало прикусила язык. Восемнадцать любовниц по информации от мастера Оро-Ича — совсем не то что общеизвестные и признанные восемнадцать любовниц.

— И у меня тоже жуткие завихрения, — согласился Тейт неожиданно покладисто. — Но в другом смысле. А у Аринги — в прямом, потому что у неё не хватает именно тех органов, которые для этого нужны. А ещё желудка, селезёнки, половины печени и так далее. Так что если Игамина развоплотит её ничто, мы победим. И, кстати, у меня есть план.

На обсуждение стратегии и тактики ушли следующие двадцать минут, а затем Лиора снова "прослушала" окрестности. Новости оказались неутешительными — Аринга начала движение вверх по реке и через тридцать-сорок минут должна была достичь пещеры. Мы располагали силой псионика четвёртой ступени, мощью худшего ученика в Лагоне, редким даром отрицания магии и отточенными навыками искусницы, способной конструировать магические механизмы, и гибким планом с шестнадцатью вариантами развития... И всё это — против мастера, способного воплотить что угодно из пустоты.

На козырь не тянет, да поможет нам страх.

Сначала у меня промелькнула мысль, что мы сглупили, и нужно было готовиться заранее — хотя бы часа на два пораньше. Но Тейт сумел на удивление быстро сколотить из нас эффективную и слаженную команду. Дефицит времени из недостатка превратился в

хороший стимул. На запутанные схемы попросту не хватало ресурсов, но это и к лучшему: план как механизм, чем меньше деталей — тем ниже вероятность фиаско. А когда Маронга в буквальном смысле затрясло от волнения, я осознала всю губительность длительного ожидания... да что там, просто ожидания.

— Бежать надо было, а не дрыхнуть всю ночь, — простонал он, запрокинув голову. Пряди, слипшиеся от грязи, мотнулись, чиркнув вдоль подбородка. — Тогда между нами было бы не двадцать катов, а шесть сетов.

— Придурок, — беззлобно щёлкнул его по затылку Тейт. — Горы — наше единственное преимущество. На открытом пространстве Аринга бы нас за сет догнала. Одно дело, когда гончего айра запускают в лабиринт, и совсем другое — когда он по долине бежит. Сечёшь? Эти шесть сетов появились потому, что мы не вынырнули с другой стороны горы, а спрятались в самой середине. Если не знать правильный путь, то здесь легко налететь на заросли нассовой травы. Или ещё куда похуже. Например, в пещеру над каверной с гаюсом. Два вдоха — и у тебя полная грудь спор.

Маронг заткнулся и вернулся к работе. Больше он уже не жаловался.

План был простой: отвлечь Арингу, чтобы подобраться к ней с отрицанием, а если не получится — бежать. Мы с Лиорой собирались затормозить её; стиль внимающих и поющих неплохо сочетался с псионикой. Сражаться против "программы", которая включается в экстренном случае, всё же легче, чем с самим мастером. В подводном туннеле Тейт не без помощи блондинки соорудил ловушку, которая выпускала яд в воду, стоило приблизиться. У двух самых очевидных путей отхода поставили по миниатюрной шумовой "бомбе". Если будем убегать — эти штуки рванут, отвлекая внимание. Затем нам с Лиорой пришлось разойтись так, чтобы максимально перекрыть сектор, где должна была появиться Аринга. Тейт осыпал нас подозрительным голубым порошком, который-де отбивал любой запах, и замаскировал растениями. Иллюзии мы решили не использовать, потому что мастер воплощённого ничто ученические поделки разглядит издали — это не маскировка будет, а маяк.

— Когда она появится, я начну очень быстро передвигаться и атаковать её с разных углов, чтобы не выпускать из вашей зоны, —

сосредоточенно объяснял Тейт напоследок. Руки и лицо он натёр красноватой жидкостью с рыбным запахом, до отвращения напоминающей маслянистую кровь. Маронгу тоже перепало несколько капель на затылок. — Если повезёт, она на меня отвлечётся. Пока Лиора или Трикси не дадут сигнал, ты не высываешься. Понял, Игамина? У тебя один шанс, выскочишь слишком рано — Аринга тебя размажет. Больше ката всё это не продлится в любом случае, так что намучиться не успеем. И ещё... — Тейт ухмыльнулся, но выглядело это, скорее, жутко, чем весело. — Если пойму, что нам не выбраться, то просто шарахну по площади всем, что у меня есть. Аринга вас не получит. Ни для мести, ни для пыток, ни для развлечения. Я обещаю.

За шиворот словно ледяной воды плеснули. Меня передёрнуло. Но — парадокс — отчего-то стало спокойнее.

Я раскинула купол на четвёртой ступени — широкий, рассеянный, однако способный в одно мгновение обернуться оружием — и приготовилась ждать, когда в зоне действия появится враг. Первый ход был за Арингой... и она сделала то, чего никто не ожидал.

Сперва с пляжа послышался шелест — так, словно ветер шевелил жёсткие листья. А потом из темноты сплошным потоком хлынули мелкие твари в панцирях, похожие на крабов или тараканов с клешнями, но страшно вёрткие и быстрые. Не животные — айры, едва ощутимые даже с четвёртой ступенью. Я не могла их видеть сама — только глазами Тейта, застывшего на скале. Над подземным озером метались из стороны в сторону светящиеся шары. Вода бурлила, извергая всё новых тварей...

Шрах, они же скоро сюда доберутся!

Под боком у меня пискнуло что-то мохнатое; померещился смешок. Волна панцирных айров нахлынула — и разделилась на два потока, обтекая моё убежище. Лиора тоже была в безопасности, как и Маронг.

"Порошки и капли Тейта подействовали?" — успела подумать я, но в ту же секунду над озером полыхнуло зарево.

Пахнуло жаром.

Аринга влетела в зону действия купола, злая и сосредоточенная.

А потом воздух превратился в стекло — в буквальном смысле.

В глаза мне словно горсть песка швырнули. Тело застыло, сдавленное со всех сторон. Невозможно было ни моргнуть, ни

сглотнуть. Лёгкие разрывались от боли.

"Вот так, — промелькнуло в голове. — Никаких изысков. Зачем, если можно просто запечатать всех, как муравьёв в янтаре?"

Паника затопила сознание.

Не вздохнуть.

Не двинуться.

Взрыв, опаляющий жар — рыжий пытается что-то сделать?

Еле слышная музыка — Лиора ещё держится на плаву?

Мы все здесь...

В глазах потемнело.

...мы все здесь сдохнем, так?

Едва зажившие раны на запястье и на шее, следы от червей сомнения, пылали. Я хотела кричать — и не могла. Это магия? Связь между творением и создателем? Шрах, даже в ночном кошмаре мне...

Стоп.

Кошмары. Жуткие сны, которые приснились всем одновременно.

...тоже связь? Попытка добраться до меня на расстоянии?

...снова взрыв. Тейт ещё борется. Долго ли? Не чувствую его...

Купол сжался, но не схлопнулся. Аринга ускользала от него. В таких условиях её простенькой защиты хватало, чтобы избежать воздействия...

Однако я чувствовала её. Не Маронга, не Лиору, даже не рыжего. Только её.

...мы правда связаны? Иллюзии и сны, сны и иллюзии, две стороны монеты...

Боль в груди стала невыносимой.

Я отпустила купол, собрала всю силу в одной-единственной нити — и позволила ей пасть туда, куда она стремилась.

...Защита Аринги оказалась мягкой, как масло, липкой и мерзкой. И — абсолютно бесполезной. До того, как навалилось беспомощное, я сумела собрать всю свою боль, беспомощность — и ударить Арингу. Почувствовала, как затухает её сознание, и мысленно заорала Маронгу, не надеясь на ответ:

"Давай!"

Он был жив. Всё-таки жив.

От Аринги его отделяло сорок шагов — и Маронг преодолел их в искрящем облаке, от которого хрупкое стекло вновь становилось

воздухом, пригодным для дыхания. Сорок шагов, почти тридцать метров; по камням, через ямы, через волну панцирных айров — ему понадобилось чуть меньше десяти секунд. Рядом с Арингой Маронг замер, и почти сразу же она превратилась в чистую боль.

А я отключилась.

Мне и своих мук хватило, покорно благодарю.

Первое, что я ощутила, когда пришла в себя — тревогу Тейта, густую, обволакивающую сознание. Купол четвёртой ступени, которому полагалось развеяться, обратился рассеянным облаком, но никуда не делся.

— Хочу пить.

— Сейчас, — встрепенулся рыжий и зашуршал сумками. — Тут с водой плохо, но была же фляга...

Я с трудом разомкнула веки. Тело болело, словно меня спустили с лестницы в пятьсот ступеней. Чуть поодаль горел костёр, пахло жареным мясом и чем-то острым. Отчётливо виднелся потолок пещеры и ближняя стена, а также череда расходящихся туннелей. На наше последнее убежище это нисколько не походило.

— А... Аринга? — Губы растрескались до открытых ранок. Говорить было неприятно, общаться мысленно — страшно.

Звук собственного голоса успокаивал. Легче верилось в то, что я жива.

— Похоже, убита, — ровно откликнулся Тейт. — Точно не скажу. Там потолок обрушился. Лиора вас двоих спасла, прикрыла. Я прожёл дыру вверх, на пару уровней, но там была пещера с кучей айров... Неудачно. Но вроде бы нашли спокойное местечко. Арингу не слышно, Лиора дважды проверяла.

— Значит... все живы?

— Угу. — Он помог мне сесть и поднёс ко рту тёплую фляжку. Зубы лязгнули о горлышко. — Пей. Ты долго не просыпалась. Мы думали, что тебя сильно задело.

— Шок, — коротко ответила я, не вдаваясь в подробности. Вода была изумительно вкусная, просто блаженство. — А Маронг и Лиора... Где они?

— Рядом. Но мы там сейчас лишние, — улыбнулся рыжий мягко. Одна рука у него была подвязана к телу, и от верхней части трико

остались одни лохмотья. — Им сейчас хорошо.

Отвечать я не стала — молча улеглась головой к нему на колени и закрыла глаза. Сознание пребывало в каком-то отупении, не было даже сил порадоваться победе. Или тому, что мы выжили, и никто почти не пострадал.

Чудо, если задуматься.

Аринга едва не достала нас. Её подвело то, что она не стала брать наскоком, а попыталась добраться до меня ночью через червя. Глупо — я куда более сильный эмпат и телепат. Зато связь между нами упрочилась. Это обоюдоострый меч, и именно он и нанёс Аринге первую рану. Вторая и смертельная... Сколько там длились их с Тейтом отношения, пять лет? И рыжий, ещё ни в чём не подозревая свою любовницу, уже начал искать уязвимые точки...

О, нет. Слабым местом Аринги была не старая травма, а сам Тейт. Точнее, наивное суждение, что только многоопытный мастер может наблюдать и собирать козыри на случай будущей стычки, а сопливый ученик — нет.

А ведь я ещё глупее. Разбрасываюсь информацией о себе и своих возможностях, даже мысли не допускаю, что это потом могут использовать. И, главное, рыжему доверяю всецело.

— Ты моё слабое место, — произнесла я тихо, не переводя на местный язык и не дублируя сказанное телепатически.

Рыжий напрягся.

— Что?

— Неважно.

Действительно, неважно. Он мне нужен. Даже если потом это изменится, сейчас мне необходимо верить. Иначе можно сойти с ума.

Слабое место — или точка опоры?

Разберусь.

Но вот кто я для него?

Глава 12. Всегда возвращаются другие

Атмосферное явление необыкновенной красоты, а также предчувствие беды.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Несмотря на то, что травм ни у кого, к счастью, не было, одну серьёзную потерю мы понесли. В пещере, под завалами, осталось всё наше снаряжение и провиант, за исключением сумки Тейта, которую он не удосужился снять перед сражением. Но лежали там только чудопорошки и второй комплект одежды для меня. Ни посуды, ни лекарств, ни оружия... Даже смена белья — и та сгинула.

— Прорвёмся, — мурлыкнул рыжий, разобрав скудные запасы. Лиора, грязная, в изодранном костюме, с багровеющим синяком на скуле, наблюдала за ним с мрачной обречённостью. — Тут идти-то осталось всего два дня, если по безопасным местам.

Маронг попытался подбодрить её:

— Ничего страшного. Опытный маг — это одновременно кинжал, горячий камень, карта...

— ...одеяло и ужин, — закончила я за него вполголоса. Лиора издала странный хрюкающий звук, уткнувшись в ладонь. М-да, с ужином как-то двусмысленно получилось. — Оптимизм — это очень здорово, но лучше давайте подумаем, что делать.

— Не надо думать, — от души посоветовал Тейт. — Лучше доедайте эту штуку и будем выбираться отсюда.

Маронг перевёл взгляд на кусочки мяса — обгорелые, несолёные, странного серо-чёрного цвета — и отстранённо произнёс:

— Кстати, ты так и не сказал, кто это был.

Выражение лица у рыжего стало невинным.

— Не спрашивай. А если есть куча времени и сил — лучше иди и собери вещи, уходить уже пора.

Вообще-то вопрос, где Тейт раздобыл топливо и еду, был отнюдь не праздный, потому что никаких условно съедобных тварей на здешних пустынных уровнях подгорного лабиринта не водилось. Насколько я поняла из путаного рассказа, сматываться из пещеры

после обвала пришлось в темпе. "Стеклянной" атаки мастера Аринги избежал только Тейт: мгновенно ударил потоком огня и оттолкнулся от стремительно твердеющего воздуха, оказываясь таким образом на безопасном расстоянии. Как ракета какая-то, честное слово. А когда колдовство рассеялось, и своды начали обрушаться — прикрывлся колоссальным выбросом энергии, проплавив "колодец" на несколько уровней вверх. Неудачно, потому что оттуда свалилось десятка три айров — крупных как на подбор, живучих и запрограммированных на уничтожение нарушителей границ.

Я валялась без сознания, Маронг тоже балансировал на грани отнюдь не блаженного забытья, Лиора после всех потрясений осталась почти без сил... Словом, Тейту пришлось хватать в охапку всех троих и убежать, куда интуиция подскажет.

Так мы оказались в безжизненном лабиринте на несколько километров выше подземной реки. Воздух здесь был неприятный, очень сухой, вдобавок откуда-то периодически начинало тянуть жаром, как из печи, и тогда туннели наполнялись горячим ветром. От этого становилось не по себе, сразу вспоминались всякие там спящие вулканы, однако рыжий развеял мои страхи:

— Тут есть огненные озёра и источники. Там не лава, именно огонь. Но не передвигаются, а обойти их несложно. Вот айры их не чувствуют и рано или поздно попадают в огонь. Поэтому здесь ничего крупного не водится.

— Утешительные новости, — вздохнула я, складывая в сумку свой запасной костюм, на котором спала, дожидаясь, пока новоиспечённая сладкая парочка закончит приводить нервы в порядок и снизойдёт до нас. — Слушай, а все эти айры, огненные озёра, гаюс, насова трава — естественного происхождения?

Тейт нахмурился.

— В смысле?

Я закусила губу, пытаюсь точнее сформулировать вопрос. Шрах, почему мне дома не пришло в голову взять дополнительным курсом биологию, ну, не знаю, какие-нибудь там экосистемы... Что там изучает окружающую среду, включая её клыкастые и когтистые составляющие?

— Гм... Просто подумалось, что ваш мир очень агрессивный. Мох, который разъедает человека до костей за секунды, ядовитые

споры, огненные источники, хищные айры... Слишком много всего. Я понимаю, у магов есть особые возможности, но простые-то люди как выживают?

Выражение лица у рыжего стало несчастным. Он потерянно оглянулся в сторону туннеля, где блондинка с Маронгом сворачивали свою часть лагеря.

— Слушай, а давай ты у Лиоры спросишь, когда мы в безопасном месте остановимся? — ответил он виновато. — Я мало в этом разбираюсь. Но вообще в горах люди не живут. В долинах есть общины, но мало. А вот на побережье и островах даже города бывают. — Он помолчал и добавил тихо: — Вообще, по-моему, сложнее выжить в городе. Там нельзя просто снести проблему взрывом. За каждым чихом следить надо.

Накатили вдруг болезненно яркие воспоминания. Ясный день, центральный проспект, квартал небоскрёбов вдали, голубое небо расчерчено следами от самолётов, заходящих на посадку в аэропорт, вереница сияющих витрин — блаженно короткие летние платья, карамельно-алые туфли на прозрачных каблуках, вдали — коричневые зонтики кафе "Элирия", и кухня Лоран рядом — с ворохом хрустящих пакетов.

Горло на секунду перехватило. Я сморгнула слёзы, отворачиваясь. Как же домой хочется...

Продолжить беседу не получилось — из-за поворота туннеля наконец показалась наша парочка. Вообще после сражения с Арингой они почти не разговаривали друг с другом, хотя и постоянно находились вместе. От Маронга вообще временами начинало фонить неловкостью и кислой тоской, да так, что я и с полусвёрнутым куполом ощущала его эмоции. Блоков в голове у него ощутимо прибавилось. Лиора же наглухо отгородилась щитами, и это говорило о её неустойчивом состоянии больше, чем могла бы любая случайно просочившаяся мысль.

Всё-таки рефлекс у эмпатов и телепатов в разных мирах совершенно одинаковые.

Затосковать никому Тейт, разумеется, не позволил — насколько я уже успела понять, он не переносил даже намёка на уныние, особенно когда считал, что грузится человек на пустом месте.

— Ну, а теперь, когда все кислые физиономии на месте, будем выдвигаться! — жизнерадостно объявил рыжий и, проскользнув между Маронгом и Лиорой, одновременно хлопнул их по лопаткам — да так, что едва не повалил. — Надо поторопиться.

— Плохо понимаю, куда и зачем нам спешить, — сумрачно откликнулся Маронг, потирая ушибленное место. — Если Аринга мертва, то в Лагоне нас ждут допросы. Приятного мало.

Тейт замер и оглянулся через плечо. В свете парящих под потолком зеленоватых шаров лицо его казалось мертвенно-бледным.

— Если, — повторил он со значением. — Лично я не видел тела, это во-первых. А во-вторых... Вот вы как думаете, почему Оро-Ич подсунул Аринге нас с Трикси? И зачем он отправил свою правнучку за нами приглядывать? Я вообще-то собирался идти в поход один, Трикси рановато. Оро-Ич сказал, что это будет полезно. Вот для кого только?

Я опешила.

И правда, не ожидала как-то услышать от рыжего такое, хотя и убедилась уже, что с логическим мышлением у него не хуже, чем у меня.

А может, даже и лучше.

Лиора, похоже, тоже некоторое время пребывала в состоянии "шрах-меня-побери", но почти сразу пришла в себя и переключилась с подавления эмоций на решение задачи. А Тейт, не давая опомниться, погнал нас вверх по туннелю.

— Не понимаю, — пробормотал Маронг на бегу, еле слышно, точно вслух размышляя. — Как он вообще удерживает репутацию идиота...

Я была в цепочке предпоследней, со слегка развёрнутым куполом, и только потому разобрала отдельные слова. Но Тейт, который бодро скакал первым, метрах в пятнадцати впереди нас, расслышал всё прекрасно.

— Очень просто, — хмыкнул он, разворачиваясь и продолжая бежать уже спиной вперёд. — Я громко кричу, много дерусь, постоянно отбываю наказания у разных мастеров... А, ещё делаю вид, что у меня денег мало. Люди считают, что это признаки идиота. Странно, правда?

Маронг закашлялся и сбился с шага.

Вскоре туннель сузился так, что пришлось продираться через него боком. В один момент Тейт даже приказал остановиться и шарахнул взрывной магией. Всё вокруг ошутимо затряслось, даже стало страшно, что нас завалит. Но пронесло. Мы выждали некоторое время и пошли дальше. Точнее, стали карабкаться — после взрыва образовалось что-то вроде осыпающегося каменистого склона, за которым следовал спуск.

Через несколько часов рыжий объявил привал и разделил последнюю порцию воды из фляги между мной, Маронгом и Лиорой.

— Поесть пока нечего, попить тоже, — с лёгкой грустью пояснил он, таращась в темноту за поворотом. — Но ничего. Меньше чем через сет выйдем на поверхность. Там долина будет, не очень большая... Но добыть чего-нибудь съедобное там можно. Потерпите пока?

— Конечно, — уверенно откликнулась Лиора. — Несколько сетов — не срок даже для Трикси.

Это замечание меня укололо. Интересно выходит — я теперь считаюсь самым слабым звеном только потому, что не могу надолго задерживать дыхание. Глупо. Дыхание контролировать сложнее всего, тут ещё психологический фактор сказывается. С едой и питьём проще. Биокинетику даже первой ступени несложно выдержать несколько суток без пищи, причём особого вреда организму или даже ошутимого дискомфорта это не принесёт. С водой сложнее — предел, как правило, двадцать шесть часов, потом начинаются обычные для человека проблемы. Если большую часть времени спать, а не активно передвигаться по пересечённой местности, можно и дольше протянуть за счёт глубокого забытья, когда все ресурсы экономятся...

Я провертела это в голове, открыла рот... да так ничего не сказала. Шрах с ней, с репутацией. Может, когда-нибудь слава редкостной слабачки сыграет мне на руку.

Лагон — не мой безопасный мир, где за достижения полагается награда. Здесь выгодней прятать козырь в рукаве.

— Для Трикси — может, — легко согласился Тейт тем временем, бросив на меня загадочный взгляд искоса. — Но я не люблю голод терпеть. Хотя и могу.

Долго он отдыхать не позволил. Сперва поднял Лиору и заставил её ещё раз "прослушать" окрестности, удостоверился, что Аринга не появилась, и снова погнал нас вперёд, ещё более сосредоточенный,

чем прежде. Мне показалось даже, что рыжий стал торопиться и срезать дорогу по менее безопасным местам, выводя нас из-под горы кратчайшим путём. Сначала я гнала от себя тревожные мысли, затем сообразила, что в этом мире лёгкая паранойя лучше беспечности.

Прощупывать мысли на поверхностном уровне было бесполезно, это я уже усвоила. У рыжего оказались слишком необычные реакции. Если надвигалось что-то жуткое, он не впадал в панику, даже лёгкую тревожность не проявлял — наоборот, становился сосредоточенным и спокойным. А в преддверии заварушки и вовсе ощущал моральный подъём и предвкушал развлечение. Копаться же в глубинных слоях... Это насилие, в конце концов. Есть способы и честнее.

Поэтому я улучила минуту, когда Тейт вывел нас к расщелине, на дне которой текло что-то ярче и жарче лавы, и отвела его в сторону.

— Что происходит? Мы в опасности?

Он быстро взглянул в сторону ребят, которые на летающей платформе уже почти переправились через широкую расщелину.

— Как догадалась?

Шрах! Меньше всего я хотела услышать такой ответ!

— Ты слишком спокойный и думаешь только о том, как выбраться наружу, по какому маршруту пройти и так далее, — призналась я тихо. — И ещё бежишь слишком быстро, хотя у меня явно сил не хватает, да и Лиора несколько раз упала почти на ровном месте.

Он цокнул языком и отвернулся, явно раздосадованный. Но всё же признался:

— Айры. Я их чувствую... ну, как они друг друга чувствуют. Там не только обоняние, но и всякое другое тоже. Наверно, потому что у меня много чего улучшенного в теле, почти как у айров. — Тейт рассеянно смотрел на свою руку, сжимая и разжимая пальцы. — Айры очень разные, но когда их много, они как зуд. Будто что-то чешется изнутри, и сейчас тоже. Они вон там, — ткнул он пальцем мне за спину. — Очень далеко. Разные. Много.

Я сглотнула, скорее, догадываясь, чем считывая правду из его разума.

— Там, где мы столкнулись с Арингой?

Он склонил голову к плечу.

— Угу. Она очень хорошо управлялась с айрами, это её конёк. Воплощала из ничто звуки и запахи, чтоб её слушались.

— Думаешь, она жива? — В груди у меня ёкнуло.

Лиора с того края тревожно оглянулась в нашу сторону. Неужели слушает? Или интуиция?

— Не знаю, — честно признался Тейт. — Даже если и так, она сильно ранена. Тяжело воплотить иллюзию, которая заменит настоящие органы. А Игамина ещё умудрился придавить её воплощённым камнем, да и обвал потом был... Но передвижения айров странные. Очень. И Лиора ничего не почувствовала. Может, Аринга мертва. А может, у неё есть сообщник из внимающих и поющих. Поэтому я хочу уйти подальше. В Лагоне обязательно пойдём к Ро, он твои раны подчистит, — виновато улыбнулся рыжий и осторожно прикоснулся к повязке у меня на шее.

Я вздрогнула. Почему-то вдруг стало жарко.

— Почему остальным не скажешь?

— А нечего говорить, — дёрнул он плечом. — Ну, айры, ну собрались большой кучей. Может быть. Где-то далеко. К тому же есть шанс, что снаружи мы оторвёмся от слезки, даже если она есть.

— Да? — только и сумела ответить я. Сердце продолжало колотиться в ускоренном темпе. Понять бы ещё, отчего.

— Гроза, — коротко и непонятно ответил Тейт. А потом вдруг подхватил меня на руки, разбежался — и одним прыжком перемахнул расщелину.

Маронг, глядя на это, почему-то поник и быстро развеял свою летучую платформу. Лиора на мгновение закатила глаза, потом обернулась к нему и негромко произнесла:

— Предпочитаю надёжность и плавное движение.

— Ты это о чём? — встрепнулся он.

— О тебе, разумеется, — ответила блондинка непререкаемым тоном и направилась к тому краю пещеры, где виднелся туннель. Замедлила шаг, обернулась к Тейту:

— Нам ведь туда?

Рыжий утвердительно дёрнул головой.

— Мне кажется, или Маронг слегка не уверен в себе? — шепнула я, склонившись к нему. Тейт хмыкнул.

— Не слегка, а очень даже. Ты же слышала, что он говорил? Двенадцать старших братьев и сестёр. Не знаю, как у вас там, а у магов, кто раньше родился, тому и повезло. Тем более у свободных,

которые вечно в состоянии войны друг с другом, с Лагоном и с людьми.

Я прокрутила в голове информацию. Тринадцать детей-магов, когда семья находится в состоянии войны... Выводы наклеивались неутешительные.

— Свободным нужны бойцы, да? Личная армия? Поэтому старшего воспитывают как наследника, передают ему всю мудрость, а остальные как бы на подхвате? — предположила я осторожно, косясь в сторону Маронга, который как раз кинулся догонять Лиору.

— Расходный материал, — так же негромко ответил Тейт, сощурившись. Зеленоватые осветительные шары дрогнули и полетели вдогонку за Лиорой. — Конечно, понемногу их обучают, чтоб они полезнее были. Но никто особенно не усердствует, если, конечно, ребёнок не показывает какие-то нереальные таланты. То же самое с побочными ветвями семей. Но Игамина, думаю, из основной. Отрицание — не та штука, которой будут учить тринадцатого ребёнка в побочной ветви.

— Понятно, — откликнулась я с деланным равнодушием.

Дома у меня остались два старших брата и сестра. И я, младшая, была самой избалованной. И получала больше внимания и восторгов, чем другие. В духе "как рано наша маленькая научилась раскрывать купол, мы такими не были". Так, словно мне досталось не двое родителей, а пятеро.

Маронгу повезло меньше.

Если задуматься, то, что он сумел сбежать и добраться до Лагона — из ряда вон выходящий поступок, признак сильной личности. А его ощущение постоянной неуверенности в себе — всего лишь следствие воспитания, которое так сразу из себя и не вытравишь. Я ведь тоже здесь боюсь лишний раз залезть в голову к собеседнику. А если бы незаметно вскрыла Арингу в лагере, не полагаясь на дурацкие ассоциации с тётёй Глэм — может, удалось бы избежать прямого столкновения.

Простая логика подсказывает, что пора избавляться от излишней щепетильности... Но почему-то кажется, что это будет поражением. "Трикси Бланш" окончательно исчезнет или превратится во что-то такое, чем я быть не хочу.

"Нужно стать сильнее, — пронеслось в голове. — Чтоб никто не рискнул выступить против меня..."

Я поймала себя на мысли — и похолодела. Слишком похоже получалось на заявления Тейта.

Может, и он тоже?..

Нет, не может быть.

— Эй, Трикси! — замахал рыжий издали. Я опомнилась и наконец-то сдвинулась с места. — Не отставай! Устала, что ли?

Долго нам идти не пришлось. Примерно через полчаса, в широком туннеле, Тейт вдруг попросил остановиться и отойти за поворот. Затем велел Маронгу как-нибудь прикрыть нас — и со всей силы шарахнул по стене. Сначала мне показалось, что просто кулаком, но от места удара по камню прыснули во все стороны яркие искры. Стена дрогнула — и пошла трещинами, затем начала обваливаться целыми кусками, пока не образовался проход высотой чуть меньше человеческого роста.

Оттуда хлынул свет. Вот так внезапно выяснилось, что от выхода наружу нас отделял слой камня толщиной всего в сорок сантиметров.

Тейт задрал голову, озадаченно глядя вверх:

— Надо же, а я думал, что обвалится. Такие-то трещины... Ну что, выбираемся?

Честно говоря, нам всем так надоело таскаться под землёй, что к свежеобразовавшемуся выходу мы рванули, не раздумывая. Выползли наружу, порядочно съехали вниз по крутому склону, кое-как закрепились на площадке, сплошь покрытой мягкими "ёлочками", вроде хвощей... и в ту же минуту часть горы ровнёхонько над местом импровизированного прохода ощутимо просела.

Лиора молча отвесила Тейту оплеуху.

— А что? — обиженно задрал он брови, потирая голову. — Мы же успели выйти?

— Зато там точно теперь никто не пройдёт, — неожиданно поддержал рыжего Маронг и оглянулся по сторонам. — Куда теперь, Танеси-кан?

Эти слова немного приглушили эйфорию, нахлынувшую после того как удалось выбраться из подземелий, и я наконец осмотрелась.

Только одно стало ясно сразу — был день. Возможно даже, ближе к утру... Сколько же времени прошло после побега? Мы скрылись из лагеря чуть за полдень. Затем долго спускались по реке. Потом

разбили лагерь часов на девять. Плюс два часа на битву с Арингой и примерно полдня на отдых. По всему выходило, что сейчас полагалось наступить вечеру, но солнце только показалось над горами.

Получается, мы скитались дня два. И в забытьи я провела куда больше, чем полагала.

Да уж, как-то не до любования пейзажем. Хотя вокруг очень красиво. Контраст чёрно-серого и ярко-голубого — скалы и небо, а кое-где выбеленные снегом вершины. Горные цепи до небес, абсурдно яркие пятна долин... Местность неузнаваемая. Может, вместе с отрядом нам случалось пробегать где-то там, внизу, по ущелью — или нет. Пожалуй, только Аринга могла бы сказать наверняка.

Выше по склону метров на пятьсот-семьсот начиналась полоса снегов, но холод почти не ощущался. Точнее, лицо немного пощипывало, особенно после жарких туннелей, но терпимо. Костюм согревал вполне прилично.

Надо будет поблагодарить Нэккен потом.

— Нам туда, — указал рыжий на неглубокую долину, "лодочку" длиной километров пятнадцать. Располагалась она прямо посреди перешейка между двумя колоссальными горными пиками по соседству. — Самое безопасное место отсюда и до Лагона. Но добираться туда надо быстро и только по верху. Игамина, ты как, отдохнул? Потянешь?

Маронг нахмурился, подсчитывая в уме.

— Если не на максимальной скорости, то половину сета выдержу... Вполне хватит, чтобы добраться.

Тейт понюхал воздух, сморщился. Сейчас он напоминал мелкого зверька, чуткого и подвижного. Рыжего шраха, только без хвостов.

— А быстрее? За двадцать катов?

— Могу, наверно, — неуверенно наклонил голову Маронг. И добавил встревоженно: — А зачем тебе?

— Потому что катов через тридцать-сорок всё это, — Тейт обвёл горы широким жестом, — накроет большая гроза. Надо успеть долететь до долины и устроить себе убежище. Дырку в склоне, которую я проделал, засыпало, так что обратно нам ходу нет.

Лиора, которая до сих пор безмятежно любовалась пейзажем, подскочила на месте:

— Откуда ты знаешь, что идёт гроза?

— Ну, я же учился у низвергающих небо, — не смутился рыжий. — Делать что-то особо не умею, а вот чувствовать — да. Так что, Игамина?

— Справлюсь, — откликнулся изрядно побледневший блондин.

Тут стало не по себе уже мне.

— Что здесь происходит? — поднялась я, оглядываясь. Ни тучки на горизонте, сплошное зеленовато-голубое стекло, такое яркое, что глаза болят. И воздух свежий, ни следа предгрозовой затхлости. — Бури тут настолько опасны?

— Не бури, — откликнулась Лиора немного охрипшим голосом. — Гроза. Увидишь, Трикси. Это эхо катастрофы. Лагон защищён, но если встретиться с ней на открытом склоне... Тейт, а там точно есть убежище?

— Сделаем, — коротко ответил рыжий. — Игамина, старайся ближе к середине править, ладно?

Больше указаний не понадобилось.

Маронг быстро согнал нас всех на летучую платформу, сделал что-то вроде защитного "лобового стекла" — и рванул с места так, что я едва не упала. Спасибо, Тейт удержал. Судя по проносящимся под ногами склонам, скорость приближалась к шестидесяти километрам в час — солидно. При побеге из лагеря сфера летела втрое быстрее, но и последствия оказались слишком тяжёлые. Вряд ли ему захочется второй раз за несколько дней вырубаться от истощения.

Заметив, как я нервно дёргаюсь при взгляде вниз, на прозрачную пластину под ногами, Маронг что-то сделал, и она потемнела, а по периметру выросли бортики. Но скорость немного упала, поэтому до долины мы добрались примерно за двадцать пять минут вместо обещанных двадцати, как не преминул заметить Тейт.

— Снижайся, заботливый наш, — хмыкнул он насмешливо и ткнул пальцем в фиолетовые заросли. — Вон туда. Только сразу не садись, я спрыгну и проверю, безопасно ли внизу.

Платформа, облагороженная бортиками, послушно зависла над пышными кустами. Рыжий легко перемахнул через край, скрылся среди продолговатых листьев и хлёстких ветвей, пошуршал немного — и крикнул:

— Давайте сюда!

То, что я сверху приняла за кустарник, оказалось деревом с очень толстым, но коротким стволом и множеством ветвистых побегов. Оно хищно приподнималось над землёй на корнях, как паук на растопыренных лапах. Вот там-то и сидел Тейт, по уши перемазанный в грязи и довольный.

— Ты копай нору, — ткнул он пальцем в Маронга. — Глубиной в пару моих ростов, и чтоб все внутри разместились. Вверх выведешь что-то типа трубы, прямо под дерево, чтоб вода не затекала. Ты стенки утрамбуй, чтоб не сыпались, — приказал он Лиоре. — Я пока раздобуду еды и воды, потому что больше никто не умеет.

Я, признаться, немного растерялась.

— А мне что делать?

Рыжий коварно сощурился:

— А ты залезай на дерево и смотри, как подступает гроза. Оро-Ич тебе ведь велел набираться впечатлений? Ну и набирайся.

В переводе на человеческий это значило: "Украшай собой пейзаж, раз не умеешь делать ничего полезного". Немного обидно, бьёт по самооценке... зато экономит силы. Поэтому, послушавшись совета, я влезла на дерево, немного раздвинула ветви и приготовилась наблюдать. Сначала ничего не происходило. Ветер стих, но и сама долина располагалась как бы в чаше, естественным образом гася потоки воздуха. Но затем я заметила, что горы стали выше. Присмотрелась...

Ох, шрах!

Таких чёрных туч видеть мне ещё не приходилось. С полминуты они незаметно наплывали над кромкой гор, словно поверх силуэта, прорисованного маслом, плеснули густую-густую тушь. Нечто, лишь слегка отличающееся по оттенку от скал, медленно растекалось по яркому зеленовато-голубому небу. Край недолго оставался ровным. Сперва появились вытянутые язычки. Некоторые из них закручивались в спирали, другие размазывались кляксой. А потом вся эта чернильная масса вдруг вспучилась, точно изнутри взорвалось что-то, и стала заволакивать пространство с такой скоростью, что во рту у меня пересохло.

Свет померк — и почти сразу вспыхнул вдруг необыкновенно ярко. Всё пространство от горной гряды и края тучи загорелось молниями, серебристыми и зеленоватыми. Это продолжалось

несколько секунд, а затем инфернальный фейерверк угас. По контрасту тучи казались теперь матово-чёрными. С учащающимся пульсом я наблюдала, как всё уже становится прозрачно-голубая полоса неба, и машинально отсчитывала про себя секунды.

Шестьдесят семь, шестьдесят восемь, шестьдесят девять...

Гроыхнуло со всех сторон разом, чудовищный звук — как череда взрывов над самым ухом. Верхушки деревьев зашевелились, сначала вдали, потом ближе, ближе — и в грудь ударило тугим воздушным кулаком.

С дерева я буквально свалилась, обламывая гибкие побеги, и не узнала место, где мы приземлились. По обе стороны от ствола выросли груды земли. За какие-то минуты Маронг успел вырыть пятиметровый туннель, ведущий в небольшую пещеру, где легко можно было разместиться вчетвером. По центру свода была пробита дыра, выходящая аккурат под переплетение корней. Небо снова засверкало, и я, не отдавая себе отчёта в своих действиях, забилась в подземный ход и по устилающим его вьюнам доползла до пещеры.

Лиора и Маронг уже сидели там, в разных краях, совершенно одинаково обхватывая колени руками.

— Посмотрела? — сочувственно улыбнулась блондинка. — Извини, что не предупредила. Но такое правда лучше один раз увидеть.

Я кивнула, но на ошибку с жестом согласия никто даже внимания не обратил. Воцарилось неуютное, колючее молчание. Затем снова гроыхнуло, но под землёй звук не так сильно пугал.

И где там Тейта носит? Он ведь не попадёт в эту кошмарную грозу?

— Быстро у вас получилось вырыть убежище, — проговорила я, только чтобы как-то забить мучительную тишину до следующего залпа.

— Летать, рыть землю и делать лодку — первое, чему учат, когда иллюзии обретают прочность, — кисло откликнулся Маронг. Он явно не был настроен читать лекции. — Это основы выживания. Иначе однажды попадёшь под такую грозу... -

Фраза так и повисла в воздухе, незаконченная.

— Кстати, — ухватила я за возможность. — Давно хочу узнать кое-что. Мы с Тейтом недавно говорили о том, что мир вокруг

слишком агрессивный. Мох этот голубой, огненные реки, айры... И вот ещё. Лиора, ты раньше казалась, что гроза — это эхо катастрофы. Я правильно понимаю, что всё перечисленное — явления одного порядка? И происхождение у них не слишком естественное?

Блондинка глянула поверх собственных коленок.

— Раньше ты историей не интересовалась.

Загрохотало опять, сильнее прежнего. Я переждала оглушительную канонаду и продолжила:

— Чтобы интересоваться, нужно иметь отправную точку. Нельзя же прийти и спросить: а расскажите мне свою историю вкратце, самые важные даты. А ещё основы местной политики, экономики и этикета. Представь, что ты почувствуешь, если тебя об этом попросят.

— Твоя правда, — вынужденно согласилась Лиора. — Насчёт грозы и гаюса... Тут никакого секрета, в общем. Хотя и достоверных сведений мало. Когда-то мир был совсем иным. До сих пор на побережье и на островах глубоко под землёй находят остатки огромных странных машин. И городов — размером с целый остров. И ещё хроники говорят, что там, где сейчас дикие горы, раньше были спокойные плодородные земли. Мир дробился на множество городов-государств. Маги правили обычными людьми и воевали между собой. И однажды довоевались до того, что получились горы и всё, что к ним прилагается. — Громыкнуло. Она сгорбилась, пережидая, пока гром стихнет. — Сила у всех разная. Кто-то виртуозно создавал айров, причём если стаю не уничтожить целиком, то со временем она восстановится ровно до прежней численности. Другие воплощали из ничто смертельные ловушки, вроде огненной реки или грозы. Мастера тварей и созидатели совершенства... О, они во все времена были самыми страшными противниками. Гаюс и нассова трава — не худшие их изобретения. — Лиора посмотрела на меня в упор и спросила вдруг: — Трикси, слышала ли ты о болезнях, которые передаются через взгляд?

Я дёрнулась и только усилием воли заставила себя удержаться и не отвернуться.

— Нет.

— До той войны о них тоже не слышали, — усмехнулась Лиора недобро. Её слегка раскосые глаза сейчас как никогда напоминали о мастере Оро-Иче. — Война изменила сам облик мира. Меньший из

континентов утонул в море. Другой почти целиком выкосили болезни, и до сих пор никто не отваживается исследовать его. Нам повезло, можно сказать. Маги здесь были более разумны, пожалуй. Они всего лишь создали этот огромный горный массив, и за его пределы почти никакие твари не выходят. Даже нассова трава не спускается на побережье, хотя там полно беспечной неповоротливой пищи. Побережье на юге — благословенный уголок. Ещё много людских поселений на северо-западе и северо-востоке, где великие равнины и леса. На севере — ледяные пустыни. Некоторые мастера уходили туда в странствие, но мало кто возвращался... Думаю, там свои твари и ловушки. Когда-то маги едва не истребили род людской, Трикси, — вздохнула Лиора. — Потомки выживших помнят это время. Во многих общинах и государствах религиозные и иные законы предписывают истреблять детей, если они рождаются магами. Хотя каждый правитель, конечно, держит наёмников и врачей из магов, но об этом вслух не говорят. Те потомки магов, которые желали соблюдать законы, ушли в горы, недоступные для людей. Так появился Лагон.

Она замолчала.

Прогрохотал гром; что-то зашелестело — дождь?

— А свободные?

Лиора промолчала. Маронг поёрзал, глядя то на неё, то на меня, а затем откликнулся очень тихо:

— В Лагоне знаниями делятся — все со всеми. Нет, тайные силы есть у каждого, но от лучших учеников у мастера секретов нет. Были семьи, которые не желали делиться своими тайнами. И соблюдать законы — тоже. "Свободные" — значит "свободные использовать магию так, как пожелают". Нас... — он запнулся. — Их очень много. Если бы мы... они не убивали друг друга, то было бы ещё больше.

— Обучение в Лагоне имеет свою цену, — вновь подала голос Лиора, когда умолк Маронг. — Об этом мало кто знает, кроме мастеров и подмастерьев, конечно... Те, кто проходит обучение больше пяти лет, теряют интерес к власти. Абсолютно. Я сама толком не знаю, как это получается. Может, ложа внимающих и поющих делает что-то такое. Может, мастер Оро-Ич создал огромную иллюзию, которая пожирает жажду власти, как червь сомнения выжирает любовь и уверенность. Зато вот здесь, — она прикоснулась к своему животу, по нижнему краю рёбер, — появляется что-то, что гонит тебя к новым знаниям. В

мир. Все подмастерья рано или поздно уходят в странствие. Отец говорил, что Лагон просто обнажает истинную сущность мага, и она именно знание, а не власть. Не знаю. Может, однажды люди забудут катастрофу, и маги смогут жить на богатом и спокойном побережье. Или свободные раньше уничтожат нас, а затем и людей, расплодятся везде и устроят новую войну.

Сказать, что я была удивлена... Слишком слабо. Нет, мне и раньше приходило в голову, что мир вокруг изрядно напоминает этаким магический постапокалипсис, минное поле, где вместо взрывчатки — сюрреалистические ловушки и химеры. Но реальность превзошла все догадки.

В моём мире примерно живёт четырнадцать миллиардов человек. А здесь сколько, интересно? Хотя бы пятьдесят миллионов наберётся? Или нет, учитывая, что из трёх известных материков один затоплен, другой отравлен, а значительную часть третьего занимают горы? Тридцать миллионов?

Десять?

Может статься, что у нас в столице больше население, чем здесь на всей планете.

И к тому же выясняется, что свободные постоянно ведут войну с целым миром и друг с другом. Вероятность, что кто-то из моих призывателей останется в живых к тому времени, когда я обзаведусь достаточной силой, теперь кажется вообще призрачной.

Мастер Оро-Ич наверняка знал об этом. Но выглядел вполне серьёзным, когда рассказывал о шансе вернуться домой... Не похоже, что он просто дурил мне голову ложными надеждами. Так где здесь подвох?

И, если уж на то пошло, то какого шраха он подсунул меня Аринге?

— Что молчите? Перепугались? — Тейт появился внезапно, мокрый, грязный, но зато с охапкой дров и с увесистым свёртком. — Чья лампа горит? Погасите, пока молнией не шархнуло.

— Мы же под землёй, — вяло откликнулся Маронг, но всё же послушался.

Шарик погас, и стало темно.

— Ну, многие так думают. А молнии бьют. Их любая магия притягивает, даже под землёй. Если только на шесть ростов не

зарыться, — жизнерадостно объявил Тейт. Потом загремел чем-то, зашуршал сумкой. Звякнули склянки, и на дровах вспыхнуло пламя. Деревяшки были щедро присыпаны жёлтым порошком. — Почему, думаешь, столько наших от грозы погибает? Со склона не успевают уйти? — Он презрительно фыркнул. — Хорошая новость, кстати. Дождь не кислый, можно пить. Я раздобыл кое-каких фруктов, а ещё листья шерги, ну, на лепёшки, и такого же водного зверя, какого мы в пещерах ели, — перечислял он, выкладывая из травяного свёртка добычу. — Раз Трикси плохо не стало, значит, ей его точно можно. Нарезем тонкими полосками и поджарим. А воду можно кипятить вот в этом, — и он водрузил сверху горки припасов небольшую, с два кулака, скорлупку. — Совсем закаменела, повезло. Видимо, прошлогодняя.

— О, тут и кора шерги есть! — оживилась Лиора, разбирая припасы. Глаза у неё заблестели. Так соскучилась по бодрящему питью, что ли? — Тейт, ты чудо!

Маронг странно дёрнулся, а затем потихоньку оттеснил рыжего и сам стал заниматься готовкой. Поразительно, как много может сделать опытный человек всего лишь одним коротким ножом! И фрукты почистить от мелких косточек, и распотрошить зверька, нарезая мясо тонкими полосками, и даже настрогать мясистые листья шерги, чтоб нашлёпать из них лепёшки. Запекали их тут же, на небольшом плоском камешке. А мясо — на прутиках, очень быстро. Буквально сунул на полминуты в самый жар, и можно уже вынимать.

Без пряностей, едва сдобренное солоноватым соком, под слишком крепкую шергу в скорлупке, передаваемой по кругу... каким же вкусным всё это мне показалось!

Когда гроза минула, уже почти стемнело. Тейт отвёл нас к небольшому озерцу, где можно было искупаться, и предложил заночевать в подземном убежище — до Лагона оставалось не так много, но идти по горам лучше было при свете.

— К тому же гроза стирает любые следы, так что на некоторое время мы почти в полной безопасности, — весело сообщил он. — Даже если бы Аринга вдруг осталась жива, то сейчас бы она потеряла нас.

Я про себя уточнила: "Если только никто до грозы не видел, как мы подлетаем к этой долине".

Но озвучивать свои крайне ценные мысли не стала. Рыжий явно сам всё понимает, и если считает, что по ночам передвигаться опаснее, чем оставаться на месте с риском попасться гипотетическим преследователям — значит, так оно и есть.

Спать легли без промедления. Долгий переход и гроза всех вымотали. Я вообще думала, что после всего, что случилось, буду в безопасном месте отсыпаться сутки, не меньше. Остальные придерживались того же мнения — может, кроме Тейта, неутомимого, как тот парень с промо фитнес-клуба, который на видеоролике уличной рекламы круглые сутки тягает гантели и улыбается...

Сон не шёл, против ожиданий.

Мысли блуждали хаотически: от рассказа Лиоры через дурацкую рекламу к тому, чем пахнут волосы рыжего после купания в озере. Мне упорно мерещился шоколад, и это потихоньку сводило с ума. Наверно, поэтому я не сразу заметила очевидное — блондинка и Маронг легли на максимально возможном расстоянии. Она у меня под боком, он за Тейтом, у стенки. Это засело в голове, как заноза. Пытаясь уснуть, я ворочалась с бок на бок так, что наконец разбудила рыжего.

— Ну что такое? — вздохнул он, сгребая меня в охапку. — Замёрзла, что ли?

Я настороженно замерла, прислушиваясь. Остальные крепко спали. У блондинки даже щиты во сне съехали.

— Нет, не замёрзла. Думаю, — наконец призналась я.

— О чём же? — с любопытством приподнялся он на локте.

В душе недолго боролось любопытство и страх показаться идиоткой, который и проиграл с разгромным счётом.

— О Лиоре с Маронгом. В подземельях они были не разлей вода, держались всё время вместе, просто сладкая парочка. А как оказались в долине — держатся поодаль.

— Я не все слова понял, но суть уловил, — признался рыжий шёпотом. — Тут дело простое. Считается, что всё, что случилось в дороге, не по-настоящему. Бывает, что угодишь с кем-то в ловушку, думаешь, теперь друзья навсегда, лгать друг другу не можете и так далее. А дома как-то спадает всё. И как-то даже стыдно за себя становится. Поэтому и говорят, что странствие не в счёт. Когда возвращаешься, приходится заново создавать доверие, — заключил он тихо.

Мне стало не по себе.

— А мы? Ты говорил, чтобы я всегда тебе доверяла.

Рыжий усмехнулся. Я не увидела и не услышала это — кожей ощутила.

— Мы — другое дело, Трикси. В странствии, в Лагоне, где угодно я повторю: верь мне, — обжѐг его шѐпот мою шею. — Верь мне. Я никогда не предаю. Я смогу защитить. Больше ничего не могу обещать... пока. Спи, Трикси. Завтра последний рывок.

Он повернул меня так, что я теперь фактически лежала на нём, обнял крепче и почти сразу отключился. От тепла вскоре накатила дремота. Но одна мысль по-прежнему крутилась на периферии сознания: странствие не в счёт.

То, что случилось в дороге, не по-настоящему.

Глупость какая, думала я наутро, завтракая остывшим мясом и подсохшими лепёшками. Это что, получается, схватка с Арингой не в счёт? Или то, как Лиора из последних сил прикрыла нас, когда пещера обвалилась? Или то, как Маронг всецело доверился мне и побежал навстречу мастеру, не зная наверняка, что я её обезвредила?

И гроза — не считается?

И рассказ Лиоры о катастрофе? Выкинуть из головы — и всё?

Последняя часть пути оказалась самой лёгкой. Поэтому я мало наблюдала за окрестностями, полностью сосредоточившись на спутниках. И чем ближе становился Лагон, тем сильнее разило от Маронга тоской и сожалением об упущенных шансах. А защита Лиоры становилась всё глуше и плотнее, пока не сравнялась с моей. Когда показался знакомый склон, за которым скрывался спуск в долину, напряжение достигло предела.

— Идите сначала вы, — сказала Лиора, остановившись вдруг. Щиты у неё держались безупречно, но между бровей залегла морщинка, а кулаки сжались до посеребривших костяшек. — Я... потом, — добавила она и попятилась.

Маронг деревянно кивнул.

— Как хочешь, конечно. М-м... — Он опустил голову, пряча выражение глаз за длинными прядями. — До встречи.

Больше всего он сейчас хотел подойти, взять её за руку и поцеловать — между шеей и плечом, так, чтобы мурашки по коже

побежали. А Лиора, эмпат и телепат, отворачивалась и старательно делала вид, что не чувствует этого.

И что сама не хочет того же.

Шрах, что за мелодрама?

— У вас идиотские поверья!

Не знаю, как у меня вообще это вырвалось, но услышали все. Даже Маронг, который мысленно был не здесь.

— Что?.. — растерянно переспросила Лиора.

Я медленно выдохнула, успокаиваясь.

— Ваши приметы про дорогу. Про странствие. Что это не в счёт. Спешу вас огорчить — всё считается, — ответила я, чувствуя, что ещё немного — и начну шипеть, как кошка. Тейт успокаивающе сжал мою руку. — У нас, знаете ли, говорили по-другому. Что уходят в путешествие всегда одни, а возвращаются другие. Люди с нашими лицами — и такие непохожие. И знаете, что? С этим как-то жить придётся.

Лиора странно всхлипнула, прижимая пальцы к губам — и опрометью кинулась вниз по склону, к лесу из камней. Упала, поднялась, не отряхиваясь, побежала дальше, кажется, всхлипывая на ходу.

— Что стоишь? — коварно спросил Тейт, заглядывая в лицо Маронгу. — Убегание у женщин — любимая игра, они просто обожают ускользать и всё такое. Но штука в том, что ускользать им надо от кого-то. Если просто так, то им потом очень плохо. И вообще нет ничего лучше, чем дать им возможность послать тебя. Желательно несколько раз, пока не дойдёт, что уходить никуда не надо, — ухмыльнулся он.

— Я... — Маронг запнулся, потом оглянулся на Лиору. — Спасибо, Тейт-кан. И Трикси-кан тоже, — приложил он на секунду руку к груди и кинулся догонять блондинку, которая уже почти скрылась в каменном лесу.

Мы с рыжим остались одни.

— Не ожидал от тебя, — произнёс он внезапно, улыбнувшись.

— А я — от тебя, — не осталась я в долгу и вздохнула: — Это очень жалко выглядело? Я имею в виду, своё выступление.

— Сработало же, — погладил он меня по голове ободряюще и зашагал вверх по склону. — Идём. Они без нас разберутся.

Я поспешила следом.

Не знаю, кто там вернулся из путешествия вместо меня, но на душе у этой незнакомки было гораздо легче.

Глава 13. Мастерская интрига

*Универсальная награда, универсальная валюта,
а также универсальный источник неприятностей.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Что сделает нормальный человек в первую очередь, когда вернётся из смертельно опасного путешествия — грязный, голодный, измотанный?

Дома, возвратившись из долгого похода, я бы сразу кинулась к маме. Её почти всегда можно застать или в библиотеке на втором этаже, или в кабинете при лаборатории. Наверху есть очень уютное кресло-качалка с мягкими подлокотниками, внизу — кожаный диван, чтоб вздремнуть, не сильно отвлекаясь от опытов.

За работой Дейдра Бланш вовсе не образец доброй мамочки. Хорошо, если она соизволит отвлечься от своих записей и кивнуть в знак приветствия, но, как правило, и до этого не доходит. Поэтому я просто устраиваюсь поудобнее в кресле или на диване, как была — в дорожной одежде, неумытая; сбрасываю рюкзак под ноги — и наблюдаю за мамой, постепенно засыпая, пока её белая домашняя водолазка и безупречно уложенное каре не сольются в одно сияющее пятно. И уже через несколько часов пробуждаюсь от ворчания: нанесла грязи, со штанов пыль осыпается, все документы-де на расстоянии трёх метров теперь пропахли дымом и смолой.

Мама никогда не спросит про поход, равнодушно примет приветы от своего ненаглядного братца Эрнана. Но, когда я проснусь, у меня не останется ни одной царапины или синяка, давящая усталость испарится без следа, а виски будет слегка покалывать от чужого биокинетического вмешательства. Может, это дело привычки, но такой вид заботы казался мне всегда самым правильным. Подлинным, пожалуй.

В Лагоне на подобное и рассчитывать не стоило.

Горная цитадель встретила блудных учеников равнодушно.

Мы с Тейтом, как два горных козла, проскакали по горной тропинке сначала вверх, потом вниз. Потайная долина за время нашего

отсутствия нисколько не изменилась. Всё то же буйство цветов, экзотические рощи, зловещие трещины в земле, идиллические озера и дорога из белого камня, упирающаяся в фальшивый холм.

— Не будешь запускать искры в небо, как в прошлый раз? — поинтересовалась я. В голову лезли дурацкие мысли. А что, если Аринга выжила, вернулась первой и обвинила нас в нападении? А что, если у неё сообщники были?

— Не-а. — Тейт слегка замедлил шаг и скосил на меня взгляд. — Тогда я кое с кем условился, чтоб меня подстраховали. Тебя же не спрячешь, сразу ясно, что добыча. Ну, и заявить права с нахрапа мог кто-то покрупнее Боззы. А теперь к тебе привыкли и поняли, что в лоб соваться бесполезно.

Да уж, Маронг, сам того не желая, стал хорошим примером.

— А с кем ты условился? Со своим другом, как его... Кагечи Ро?

— Не только, — уклончиво ответил рыжий. — Там ещё Айка была, ну, и подмастерье из направляющих удар, у которого я учусь, Ренгиса Лао.

Образ был смазанным, и я решила уточнить:

— Парень или девушка?

Рыжий досадливо дёрнул себя за ухо:

— Вот если б я знал. Даже по запаху не поймёшь. Я к нему как к парню обращаюсь, но многие — как девушке, а он никому не возражает. Я спросил у Оро-Ича, он такой говорит: "Ты ведь знаешь надёжный способ это узнать, Тейт". Но я как-то не рискнул. А вообще ерунда это всё, а Лао крут, — добавил он с энтузиазмом. — Я вас познакомлю. Вот как к Митчи пойдём, я его тоже позову. Спорим, офигеешь?

— Даже не сомневаюсь, — согласилась я. Потом вспомнила шкодливую Айку, которая не побоялась ради Тейта устроить переполох под носом у Аринги, и осторожно продолжила: — Ложа направляющих удар немного отличается от других, мне кажется. Я имею в виду, если судить по тебе и Айке. Вы более открытые, рискованные... и у вас что-то вроде клановой общности.

Он нахмурился, потом рукой махнул:

— Да ну, не знаю даже. У всех секретов хватает, иначе тебя тут быстро завалят, так что какая там открытость... Но магия влияет на поведение, это да. Вон, внимающие и поющие могут сделать чего-

нибудь исподтишка или замутишь интригу. Лиора, если будет мстить, стравит тебя с кем-нибудь и будет со скалы на вас поплёвывать, пока вы грызётесь. А Айка лучше врежет по зубам, так быстрее и надёжнее. Или если вот сравнить искусников с нашими... Одно дело, когда ты привык всё время двигаться, бегать, прыгать, не рассуждать особо перед ударом. Замешкался? Получи по башке! — Он коротко рассмеялся, хотя глаза оставались невесёлыми. — Вот адрессируешь себя в драке не тормозить, а потом точно так же будешь вести себя каждый день. Ну, а когда сидишь-сидишь, думаешь, собираешь машину, весь такой внимательный и сосредоточенный, Привычка делает характер или как-то так, — развёл руками рыжий. — Наши не честнее, ты не думай. Лао вообще хитрюга. Но есть правило, Таппа его прям в голову вбивает: сначала разбираться с чужаками, потом между собой. Поэтому если я буду неправ, то Лао сначала отфигачит тех, кто на меня полез, а потом уже меня.

— И бывало такое? — не удержалась я.

— Бывало, — мрачно ответил Тейт и рефлексивно потёр поясницу.

На подходе к холму мы умолкли. На сей раз нас никто не встречал. Точнее, за нами явно наблюдали, но издали, с безопасного расстояния. Тейт, впрочем, судьбу испытывать не стал и почти сразу свернул с открытого пространства в заросли, ближе к высоким "крепостным стенам". Здесь даже подобия тропинки не было; гибкие ветки, точно покрытые встопорщенной чешуёй, цеплялись за одежду, а круглые желтоватые листья-монетки пахли резко и неприятно, чем-то кисловатым, солёным, животным.

— Короткий путь, — пояснил рыжий, неумоимо продираясь через заросли. Я едва поспевала за ним. — Надо поскорее найти мастера Оро-Ича.

Желудок у меня сжался — не от голода уже, а от дурных предчувствий.

— Всё-таки будут проблемы из-за Аринги?

— Гм, — ответил Тейт глубокомысленно и ускорил шаг.

Мне это совсем, совсем не понравилось.

Я мало что знала ещё о законах Лагона. На первый взгляд, здесь царили хаос и безнаказанность. Если противник погибал на дуэли или загадочным образом пропадал, то обычно дело так и оставляли.

Проиграл — сам виноват, этакое право сильнейшего. С другой стороны, ученики находились под защитой своего мастера. То есть я в случае угрозы могла обратиться к Ригуми Шаа, а Тейт — к Таппе... И, в теории, мы оба могли заявиться к Оро-Ичу, потому что он как бы "всеобщий папочка", то есть мастер.

Аринга была слишком крупной фигурой. Её исчезновение не может пройти незамеченным, даже если местные правила — на нашей стороне. Значит, будет... что? Разбирательство? Наказание?

— Тейт? — позвала я негромко.

— Да не знаю я точно, что происходит! — откликнулся он с искренней горячностью и бросил тёмный взгляд через плечо. — Сам всю голову сломал уже. Но у меня есть чутьё, и чутьё говорит, что Аринге нас подсунул Оро-Ич. Значит, надо к нему.

В душе у меня шевельнулась надежда.

— Думаешь, он разрулит эту ситуацию?

— Нет, конечно, — вздохнул Тейт. — Запутает ещё больше. Но зато скажет чего-нибудь умное и не даст нас убить в крайнем случае! Круто, правда?

Да уж, и не поспоришь.

— А куда мы идём?

Вопрос был своевременный, потому что заросли как раз закончились, и под ногами захлюпала вода. Мелкий быстрый ручей с песчаным дном извивался в траве, как агонизирующая змея. На другом берегу начинался лес. Деревья выглядели чудовищно: необхватные шишковатые стволы болезненно-красного цвета, серые иголки, корявые ветки и корни, растопыренные, как паучьи лапы. Хотя издали кроны казались редкими, плешивыми, небо почти не просматривалось, только изредка мелькали в разрывах клочья облаков и зеленовато-голубые лоскуты. Каменистая почва явно была влажной, а кое-где виднелись розетки лишайника цвета индиго.

Я сглотнула. Тейт проследил за моим взглядом и усмехнулся:

— Это не гаус, ногу до колена не проест, но всё равно лучше не наступать. Нам в лабораторию Оро-Ича, а это вот прямо там, — ткнул он пальцем в жутковатые деревья. — Не бойся, я дорогу знаю.

— А если мастер не на месте?

— Подождём, в первый раз, что ли, — беспечно пожал плечами Тейт.

Чувствовала же, что тут какой-то подвох!

До спуска в лабораторию, слегка прикрытого гибкими гроздьями пурпурных цветов, мы добрались без проблем. Внутри тоже прошли спокойно и даже успели дойти до середины холла, большой пещеры, кажется, вырезанной внутри огромного прозрачно-синего камня. Свет исходил словно со всех сторон; не понять было, источают стены и пол мягкое сияние или же отражают его.

"Красиво", — успела подумать я, а потом сознание на долю секунды помутилось. Полная дезориентация, как если проснуться от красочного сна; видения путаются с реальностью, а тело невесомо и будто бы не имеет очертаний, как туман.

С невероятным усилием я моргнула раз, другой, попыталась двинуться — и осознала, что завораживающая кристальная пещера исчезла; мы с Тейтом болтались над зловещей чёрной пропастью, лицом к лицу, плотно опутанные щупальцами. Они были твёрдыми и шероховатыми, точно базальтовыми, но источали слабое тепло, как живые. Голова кружилась, и откуда-то доносился слабый запах дыма и молочной сладости. С потолка свисали метрах в пятнадцати от нас две грозди красноватых светильников, давая возможность в полной мере оценить хищную пустоту под ногами.

Рыжий дёрнулся, поёрзал, испытывая пути на прочность.

Сердце ёкнуло и подскочило куда-то к горлу.

Мне, озябшей и ослабшей после скудного завтрака и финального перехода, больше похожего на неторопливую прогулку, Тейт казался не просто тёплым — огненным. И облегающий костюм — даже два костюма, его и мой — нисколько не скрывал ни температуру, ни рельеф тела.

Щёки вспыхнули, как папиросная бумага; пульс участился.

Не мой пульс.

Я сглотнула насухо и отвернулась, насколько могла, так, что даже шея заболела. Скулу щекотали рыжие вихры, слабо пахнувшие костром и сухой травой.

— Мастера нет, — пояснил Тейт жизнерадостно, успокаиваясь наконец и расслабленно обвисая в каменных щупальцах. Я украдкой перевела дыхание, по-прежнему опасаясь соваться в его мысли. Слишком маленькая дистанция... точнее, совсем никакой нет. — Будем ждать. Тут нас никто не достанет, так что всё в порядке. Только жаль,

что моя магия не работает, я попробовал шарахнуть — и ничего. Ладно, потерпим. Или ты чего-нибудь срочно хочешь? Попить, например? Мастера, может, целый сет не будет...

Дурацкое смущение схлынуло, но меня тут же обуяла страшная жажда.

Удружил, называется!

— Тейт... — начала было я очень тихо, но сама себя оборвала. Глупо читать нотации, когда мы уже вляпались.

Рыжий, очевидно, почувал настроение и опасно поёжился; несколько минут прошло в полной тишине. Потом он вздохнул, пробурчал что-то насчёт расслабления и отдыха.

— ...и ты напряжённая, как я не знаю кто. Отпусти себя уже, а?

— Что?

То ли от нашей возни, то ли просто из вредности толстенное щупальце, которое выросло из потолка и скрепляло все остальные, начало раскачиваться; мы описывали неширокий круг — сначала по часовой стрелке, потом против, и так до бесконечности.

Появилось ощущение ирреальности.

— Ничего, — коротко ответил Тейт, а потом вдруг поцеловал меня в шею; прикусил кожу слегка, подул... Одновременно он шевелил пальцами, поглаживая где-то в районе лопаток. Даже немного сдвинуть руку не получалось из-за каменных щупалец, не говоря уже о чём-то большем. Это расстраивало и успокаивало одновременно. — Расслабься, говорю. Будешь такая напряжённая — синяки останутся.

— Да, хорошо, — откликнулась я растерянно. Пульс — и его, и мой — постепенно выравнивался, чувство неловкости отступало.

Дурацкая ситуация, на самом деле. И прониимает так, потому что всё случилось внезапно. Когда ложишься спать на привале, то даже если и просыпаешься потом на чужом плече — не видишь в этом ничего такого. Естественный ход событий.

А тут — как тяжелой подушкой по голове огрели...

Хотя расслабиться мне так и не удалось, ожидание тянулось не так тягостно, как я боялась. Псионические способности, в отличие от магии, прекрасно работали. Можно было развлекаться — создавать купол, увеличивать его интенсивность или наоборот развеивать в незаметный дым, сжимать в "иглы" и "копья", распаивать до предела возможностей... Сперва это напоминало бессмысленные школьные

упражнения, зарядку для мозга. А затем, спустя минут двадцать или около того, в зоне воздействия появилось слепое пятно. Нет, я не ощутила и намёка на чужое присутствие; но эмпатическое поле неуловимо изменилось, словно образовался онемевший, бесчувственный участок. Тейт безмятежно дремал, уткнувшись мне в плечо лбом, так, что волосы слегка щекотали мой подбородок и шею.

...померещилось или нет?

— Здравствуйте, мастер, — прошептала я, чувствуя себя идиоткой.

Бездна под нашими ногами чарующе рассмеялась. Темнота сгустилась так, что стала похожа, скорее, на иссиня-чёрный туман, и в глубине её вспыхнули жёлтые огоньки — пара, поодаль другая, покрупнее, потом ещё... Вскоре бездна откровенно паялилась целой сотней глаз, как будто там, внизу, притаилась стая чудовищ. Но затем все огни погасли, кроме двух.

Тёплый янтарь; жутковатые очи инкуба или огромной змеи.

— Здравствуй, Трикси.

— Мастер! — радостно вскинулся Тейт и задёргался, едва не двинув мне по подбородку. — У, круто, а я не заметил! Вы тут давно?

— Тут — не больше ката, — ответил он, плавно выплывая из тьмы. Широкие белые штаны были перехвачены чёрными лентами у щиколоток и у колен, а верх отсутствовал — только длиннющий шарф охапкой снега лежал на плечах и груди. — Издали наблюдал с самого начала.

— Да? — непосредственно поинтересовался Тейт и, крутанувшись, оказался с мастером лицом к лицу, а я, к огромному своему облегчению, была избавлена от необходимости выдерживать пробирающий до костей взгляд.

Рано расслабилась. Мастер не даст заскучать.

— Да, — усмехнулся чешуйчатый инкуб. — Размышлял о селекции и скрещивании.

И лишь когда Тейт недоумённо фыркнул, я осознала, что последняя фраза прозвучала на неизвестном языке. Так, что рыжий ничего не понял, а до меня благодаря телепатии смысл дошёл.

Вот и думай теперь — это шутка такая, в местном стиле, или многозначительный намёк.

Освободил нас мастер так же легко и непринуждённо, как поймал. Реальность снова затуманилась, а затем мы с Тейтом вповалку попадали на мягкий желтоватый мох в небольшой пещере с прозрачным потолком, сквозь который виднелись корни деревьев и шишковатые ветки. У скруглённых стен высились аккуратные пирамиды из подушек, а в нише покоился, как гимнастический мяч, огненный шар диаметром почти в метр, и оттуда веяло сухим жаром.

— Поговорим здесь, — улыбнулся мастер и сел прямо на пол, оборачивая вокруг себя щупальца.

Рыжий подсуетился, притащил мне несколько подушек и сам плюхнулся рядышком. Тянуть шраха за хвост не стал — рациональное решение, на мой взгляд — и сразу объявил:

— Мастер Аринга пыталась отобрать Трикси. По-подлому, обманом, права не заявила.

Удивлённым Оро-Ич не выглядел; он поощрительно склонил голову к плечу:

— Слушаю.

Прервал он Тейта лишь однажды, в самом начале, когда в рассказе всплыл червь сомнения. Я и пискнуть не успела, как меня выдернули из уютного подушечного гнезда, разложили на полу и прочно зафиксировали. По спине прокатилась волна мурашек — от беспомощности и инстинктивного, неодолимого страха. Сохранять спокойствие и не двигаться — немыслимо, невозможно... однако вырываться, пожалуй, было бы ещё глупее. Мне только и оставалось, что лежать, как послушная девочка, и тихо сопеть в желтоватый мох. Впрочем, ничего дурного мастер не сделал. Он осторожно погладил едва поджившие раны на шее и на запястье, причём голыми руками, а не щупальцами, как обычно, затем провёл ладонями вдоль всего тела, от макушки до пяток, и констатировал:

— Следы остались, но не более того. Влияние Аринга утратила. Маронг воистину хорошо показал себя.

— Загляну потом к Кагечи Ро, он вычистит остатки, — откликнулся Тейт невозмутимо и мимоходом притронулся к моему лбу, точно успокаивая.

— Это будет разумно, — одобрил Оро-Ич, отпуская меня.

Я вернулась на своё место, украдкой потирая ушибленное плечо. С запозданием пришло понимание: просто так мастер бы не

набросился. И, скажем так, только ради моей безопасности торопиться тоже не стал бы. Значит, была вероятность, что вместе с червём сомнения Аринга подсадила ещё какой-то сюрприз. Уже не столько для меня, сколько для моих "лекарей" и "спасителей" — начнёшь ковыряться, а оно рванёт. Или магический часовой механизм сработает. Или "сюрприз" отреагирует на лицо избранной жертвы.

Ох... Жутковато ощущать себя ходячей бомбой.

И, кстати, всё это косвенно подтверждает, что у Аринги разногласия были именно с мастером Лагона. Не в него ли она метила? Через меня — в Тейта, через Тейта...

— Разумно, — повторил мастер уже с заметной иронией и... одобрительно?

Будем считать, что плюс от него я заслужила. Надеюсь, зачтётся мне в дальнейшем.

Когда рыжий дошёл, собственно, до стычки с Арингой, перед глазами замелькали картинки, как диафильм — склеенные в произвольном порядке образы из того дня. Похоже, Оро-Ич перетряхивал воспоминания. И вряд ли только мои, потому что Тейт вдруг запнулся на полуслове, а продолжил потом без энтузиазма. Когда он умолк, мастер взглянул на него, улыбаясь, как языческий истукан.

— Как по-твоему, Танеси Тейт, жива ли Аринга?

— Не знаю, — честно ответил рыжий. — Нормальные люди, даже маги, не выживают, если у них отнять половину тела и прижать камнем. Но мастера ни в каком месте не нормальные. И потом, ну, столько айров в одном месте — это странно.

Оро-Ич на мгновение склонил голову к плечу, затем обернулся ко мне:

— А что скажешь ты, Бланш Трикси?

Я коротко вздохнула, прижала хвост своей гордости и с сожалением констатировала:

— Исходя из того, что мне уже довелось увидеть, четыре ученика просто физически не могут уничтожить мастера. В лучшем случае — отвлечь, задержать и убежать. Исключение — если сам мастер захочет умереть, а Аринга явно такого желания не выказывала. Значит, нам просто повезло, что мы выиграли достаточно времени, чтобы отступить, — заключила я, затем вспомнила недавние размышления о бомбах замедленного действия и добавила: — Возможно, Тейт

правильно поступил, когда сразу увёл нас на несколько уровней выше. Возвращаться, чтобы добить её, было бы слишком... опасно.

Договаривая фразу, я запнулась, а потом слишком сильно увела интонацию вверх. Получился вопрос вместо утверждения. Мастер наверняка понял это, но всё же ответил:

— Ты воистину верно оценила свои силы, Трикси. С той разницей, что возможно всё, и даже величайший из мастеров может пасть от руки худшего ученика. Тот, кто забывает об этом, гордыней своей обречён на смерть. Тот же, кто помнит, однако делает неверные выводы, проживёт не дольше.

В ушах у меня зазвенело. Эти слова показались вдруг очень-очень важными, причём не для мастера Оро-Ича и не в абстрактном смысле, а в самом прямом, насущном.

— Неверные?..

Взгляд желтоглазого инкуба стал лукавым.

— Да, Трикси. Например, такой: раз нет совершенной безопасности и абсолютной силы, то и доверять нельзя никому и никогда. Долго ли ты простоишь на одной ноге? А далеко ли уйдёшь?

Тейт бросил на меня странный взгляд; если бы не эмоциональный фон, пропитанный чистым беспокойством и заботой, можно было бы принять это за выражение ревности. А потом подался вперёд, втиснулся между мной и Оро-Ичем, и ткнул пальцем в синее щупальце:

— Вы потому столько ног отрастили, мастер?

Честно говоря, я успела мысленно перебрать с десяток страшных кар за дерзость и перепугаться, но этот змей чешуйчатый лишь усмехнулся и хорошенько щёлкнул рыжего щупальцем по лбу, возвращая в гнёздышко из подушек:

— Неверно, Танеси Тейт. Поэтому я набрал столько глупых учеников.

Ох...

Как удар под дых.

Не знаю, что там понял и почувствовал рыжий, а у меня от одной шутильной фразы к горлу подкатил комок, а голову повело сильнее, чем от всех прежних инкубовских штук мастера. Я очень, очень хотела бы... Нет, не броситься ему на шею, конечно — мы и с мамой-то обнимались очень редко, среди псиоников-эмпатов прикосновения

если не табу, то очень редкое исключение из правил — но хотя бы сесть рядом, как с Эрнаном, чувствовать тепло тела и знать: меня поддержат. Что бы ни случилось, меня не используют и не обманут.

Но после бегства от свободных, после охоты на меня, предательства Аринги, того жуткого видения с Тейтом... Боюсь, даже если бы я каким-то чудом вернулась домой, то больше не смогла бы ощущать себя в полной безопасности даже с родным дядей. Вела бы себя, как прежде, но за всеми щитами и куполами думала бы о чём-нибудь неприятном.

Например, вспоминала бы насланный сон о лаборатории с отравляющим газом и думала бы, может ли он воплотиться в реальность.

— Но у вас же нет учеников, — ворчливо откликнулся рыжий; я осознала, что погрузилась в мысли совсем ненадолго, на секунду, не больше. — Я имею в виду, личных.

— Не дерзи, Танеси Тейт, — мягко произнёс Оро-Ич, сужая глаза. Между губ промелькнул чёрный змеиный язык. — Не трать моё время и задавай правильные вопросы.

Рыжий замешкался почему-то, и я рискнула встрянуть:

— Скажите, мы поступили с Арингой законно? То есть нам не полагается никакое наказание?

— Вы поступили по праву, — ответил мастер. — Вы достойны не порицания, но награды.

Тейт мрачно глянул исподлобья:

— Но фиг нам её дадут, да?

Оро-Ич медленно сомкнул веки и мягко произнёс.

— Я не могу открыто благоволить никому из вас. Особенно в миг опасности и горя.

Рыжий что-то понял — куда быстрее, чем я со своей телепатией, куда полнее. Что-то жестокое, кровавое; взрывы, люди в чёрных балахонах — свободные. И поверх этого — сожаление, чувство вины, гнев.

Бездна в глубине его разума на сей раз не распахнулась, нодохнула на меня холодом.

— Что с остальными? — резко спросил он. — С теми, кого бросила Аринга?

Густые белые ресницы дрогнули, и между разомкнутых век сверкнуло нечто изжелта-оранжевое, как пламя в ночи, только ярче и страшнее.

— На лагерь напала семья свободных. Либо он был плохо сокрыт, либо некто провёл врага.

В груди похолодело. Я вспомнила, что Тейт рассказывал о свободных, когда только-только выдернул меня из их лап: если поймают, то запытают. Бессмысленная жестокость дикого мира, как тогда показалось. Теперь это виделось по-другому: терроризм, акт устрашения.

— Кто-то выжил? — хрипло спросил рыжий.

Мастер открыл глаза; выражение его лица было нечитаемым.

— Хатани Тикка, подмастерье, явила высокое искусство и сумела бежать, забрав с собой троих учеников. Направляющая удар, Атекки Айка, впала в ярость и убила двоих свободных, была ранена, однако сумела добраться до Лагона. Её преследовали трое. Мастер Эфанга допрашивает их.

Я онемела.

Больше двух десятков жертв. И хорошо, если они умерли быстро, в бою. Айка, мелкая вредная девчонка, сражалась как взрослая, убивала... Через что она прошла?

— Хатани, Хатани, — нахмурился Тейт. От него буквально фонило облегчением из-за новости, что Айка выжила. — Она же из мастерской Эфанги? Внимающих и поющих? Та, что с добычей?

— Истинно так, — подтвердил мастер Лагона.

Перед глазами всплыла картинка-воспоминание: молодая равнодушная женщина на айре и её спутник, больше похожий на неразумное животное, чем на человека. А он выжил, интересно...

Так, прочь, эмоции.

Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего. Итак, что там говорил Оро-Ич...

— Вслух, Трикси, — коротко приказал мастер Лагона. Я ойкнула от неожиданности, однако подчинилась и начала озвучивать свои размышления. Поначалу было неловко, но постепенно смущение ушло.

— Вы сказали: либо лагерь был плохо сокрыт, либо кто-то провёл внутрь врага. И в том, и в другом случае тень падает на Арингу.

Мастер такого уровня не смогла защититься? Сомнительно. В команду затесался предатель? Вариант, конечно, но маловероятный. Если бы свободным удалось внедрить в Лагон своего человека, как я понимаю, такой ценный ресурс не потратили бы, чтобы вырезать горстку учеников... — Я выдохлась и, кажется, зашла в тупик, поэтому просто спросила: — Так ведь?

Уголки губ мастера дрогнули в намёке на улыбку.

— Не лишено искры истины. Тейт?

— Ну-у-у... — протянул рыжий, опуская взгляд.

— Танеси Тейт. — Голос мастера отдавал металлом. Такой звук бывает не от встречи тонких-звонких лезвий, а от столкновения многотонных металлических блоков, способных очень некрасиво сделать трёхмерного человека двухмерным.

Рыжий расслабился, по-прежнему глядя из-под ресниц. Скулы у него сейчас казались очерченными резче, а губы побелели. И та жуткая бездна в глубине разума медленно раскрывалась.

Я заледенела, чувствуя себя маленьким пушистым ушастым зверьком рядом с двумя змеями.

— Как давно напали на лагерь, мастер?

— Три дня назад.

Разум Тейта был распахнут, но я не могла считать ни одной мысли, ни одной эмоции. Просто потому, что никогда не испытывала подобного, и моё сознание рефлекторно отторгало чуждые образы.

Я его не понимала.

Совсем.

— Полных три дня прошло после побега из лагеря, — произнёс рыжий таким знакомым голосом, который казался сейчас совершенно чужим. — На них напали сразу после этого. После того, как ушла мастер Аринга. Её сеть айров велика. Свободные не могли бы подобраться незамеченными. Она не могла упустить их из виду. Значит, либо видела, либо призвала. Это не ошибка и не случайность. Так устраняют свидетелей. Если бы ей удалось избавиться и от нас, то во всеобщем хаосе этого бы просто не заметили. Когда мастер Аринга не смогла добраться до Трикси незаметно, она решила утопить свои следы в крови. Так не охотятся за добычей. Так прокладывают путь. Она за вами охотилась, мастер Оро-Ич? Через Трикси. Через меня. Так?

...страх, кажется, я вот-вот в обморок свалюсь.

Можно закрыться от его чувств и разума... Нет. Это будет неправильно.

Зачем они показывают мне всё это?

Я прикусила губу; во рту стало солоно.

— Ты знаешь ответ, Танеси Тейт, — произнёс Оро-Ич. От него веяло сухим жаром, почти как от огненного шара в стенной нише. — Завтра мастера соберутся, чтобы говорить с вами. Повод — желание постичь истину о схватке с Арингой. Причина — желание понять, покушался ли я вашими руками на Арингу, что угрожала моей власти, или же Аринга предала Лагон.

Тейт растянул губы в подобии улыбки:

— А что верно? Первое или второе?

— Ты знаешь ответ, — повторил мастер негромко. — У любого значимого деяния всегда больше одной причины. Теперь ступай. Бланш Трикси задержится. Я доставлю её к твоему порогу. Отдохните перед собранием.

Рыжий оглянулся на меня, всё такой же знакомый-незнакомый... а потом вдруг закрылся. Точнее, закрылась ледяная бездна в его разуме; эмоции снова стали простыми, чистыми, яркими.

Я пила их, как воду после пробуждения от ночного кошмара. Даже, кажется, подалась к нему бессознательно. И вряд ли синий чешуйчатый змей это не заметил.

— Мастер, — выполз Тейт передо мной, словно отгораживая от опасности, а затем внезапно перехватил руку Оро-Ича и прижал её к своей щеке. Жест выглядел одновременно жутко личным и формальным, как поклон в пол, только с непонятным подтекстом. — Мастер, пожалуйста, дайте мне и Трикси убежище до завтра. Прошу!

Оро-Ич выглядел и позабавленным, и озадаченным, точно не мог определиться со своим отношением к происходящему.

— Проси Таппу.

Тейт поднял на него взгляд. Глаза стали чёрными-чёрными и слегка сумасшедшими.

— Он не мой мастер.

— О, — сказал Оро-Ич и слегка шевельнул пальцами, проводя по щеке рыжего. — Если так... Конечно, я не могу отказать. А теперь прояви терпение и подожди. Я не буду долго говорить с Трикси.

Он переместил ладонь на макушку Тейта, надавил — и тот ухнул сквозь желтоватый мох.

И, похоже, сквозь пол.

Я моргнула.

Магия.

Никогда не привыкну.

Некоторое время мастер Оро-Ич наблюдал за мной, затем спросил с трудноуловимым оттенком иронии:

— Неужели не боишься, Трикси?

— Устала, — честно призналась я. — Это защитный рефлекс, чтобы не свихнуться. Когда непонятного и страшного слишком много, сознание назначает какой-то фрагмент реальности островком спокойствия. В данном случае — вас.

— Отрадно слышать, что ты это понимаешь, — благосклонно качнул он головой. Мне померещился лёгкий намёк на сожаление... О чём вот только? О том, что случилось когда-то — или же наоборот, о том, что не свершилось? — Страх — полезное чувство. Он парадоксальным образом делает жизнь безопаснее, заставляет думать и отвращает от тонких мест. Однако иногда следует отдыхать и от него... — Белёсые ресницы дрогнули, а цвет глаз поблёл, делаясь мягче. — Мне нравится твой ум, Бланш Трикси. И цепкая память тоже. Но кое-что завтра, перед мастерами, следовало бы сокрыть.

На что он намекает, интересно? Хотя... Вариантов не так много, в принципе.

— Вы имеете в виду ваше родство с Лиорой?

Он усмехнулся и с нажимом провёл пальцем, очерчивая контур моего лица — от виска до подбородка. След от прикосновения горел и саднил, но слабо, как уже поджившая царапина на солёном ветру.

— Я имею в виду всё, кроме сражения с Арингой. Ты ведь не желаешь смерти Маронгу Игамине?

— Ох, шрах! — вырвалось у меня. Я с запозданием прижала пальцы к губам, но Оро-Ича иномирное ругательство, похоже, только позабавило.

Но насчёт Маронга — это серьёзно. Совсем забыла, что он из свободных. За такое по головке не погладят. Особенно через три дня после того, как свободные перебили два десятка учеников.

— Понимаю, мастер. Постараюсь учесть. — Голос у меня прозвучал хрипловато.

Оро-Ич длинно выдохнул, глядя в сторону. Получилось нечто среднее между укоризненным шипением и бесконечно терпеливым "ах" Лиоры.

— На сходке будут мастера, Бланш Трикси. Не только из ложи направляющих удар или низвергающих удар, но также из внимающих и поющих. Эфанга весьма искусен и очень, очень любопытен. Исэ Лиора сумеет защитить себя. Маронг Игамина был защищён ещё своей семьёй. Тейт натренировал свой разум; нет нужды скрывать, когда можно просто не думать.

Мастер был безупречно доброжелателен, отчасти ироничен и, пожалуй, даже дружелюбен. Но давно я не чувствовала себя такой идиоткой. Сначала одна из лучших в своём выпуске, потом — часть элитной команды Эрнана. Пробитая в бою защита Аринги — туда же, в копилку достижений.

И тут выясняется, что даже Тейт распрекрасно может обойтись без дополнительного инструктажа, а вот меня, как ребёнка неразумного, надо учить.

Причём тому, что вообще-то считается моим коньком.

— Полагаете, что я не смогу удержать щиты?

Вопрос прозвучал сухо, едва ли не с вызовом. Ох, что же я творю...

— Трикси, — начал мастер опасно низким голосом.

И вдруг — рассмеялся на полуслове. Синие чешуйчатые щупальца всколыхнулись волной. Я уткнулась взглядом в пол. Щёки горели. А потом смех оборвался, и на затылок мне легла жёсткая горячая ладонь.

— Благоразумные и почтительные дети воистину неотразимы, — мягко произнёс мастер. — Особенно если в них есть нечто кроме благоразумия и почтения. Нет, прерывать твою песню никто не станет. Но мастер Эфанга умён, он может услышать в ней те ноты, которые ты желала бы скрыть. Именно потому, что ты будешь скрывать их. Тайные мысли и желания — как рябь на поверхности воды. Мудрец может читать её, как книгу.

Я совершенно растерялась.

— И что же мне делать?

Оро-Ич не был бы Оро-Ичем, если б не прищурился и не предложил лукаво:

— Попробуй прислушаться ко мне, Трикси. Ты теперь достаточно сильна, чтобы понять.

Гм...

Он что, предлагает взломать его щиты? Чудесно. Однако деваться мне некуда.

Сосредоточиться и раскинуть купол четвёртой ступени оказалось совсем просто. Он был каким-то странным, слишком пластичным; не требовалось даже чётко оформлять намерение — купол следовал за тенью желания, обращаясь в острые, прочные иглы.

Марево щита вокруг мастера просматривалось ясно, как никогда прежде.

Помня о своём фиаско в первый раз, я подвела иглы к границе и начала медленно погружать. Как и тогда, на экране первого слоя появилась сетка трещин, а потом...

...я едва успела отпрянуть, и только поэтому осталась в сознании.

За внешним неброским щитом у мастера Оро-Ича скрывался воплощённый хаос — густое и бессистемное сплетение взаимопроникающих потоков. Каждый чем-то похож на "контуры", которые создавала Лиора в пещере, но жёстче, острее.

Смогу ли я создать подобное?

Возможно...

— Ты поняла, — отметил мастер. Взгляд у него был удовлетворённым, томным, сытым, словно я только что не щиты ломала, а расслабляющий массаж делала и клубникой кормила из рук.

— Вполне, — откликнулась я, ошарашенная.

Да-а, у нас до подобного никто не додумывался, кажется. За дядю Эрнана, конечно, не скажу, у него вообще подход нестандартный, но обычно купол для защиты просто уплотняли до бесконечности. Точнее, кто насколько мог. Мне и в голову не приходило, что можно создать... такое вот.

Надо ещё потренироваться. Перед сном и завтра с утра — обязательно. Совершенства, разумеется, не добьюсь, но лишний слой защиты не помешает.

Не успела я додумать эту мысль, как на макушку мне снова легла тёплая ладонь. В голове тут же промелькнули образы того, что

наверняка случится дальше. Бесцеремонный толчок, полёт сквозь камень неизвестно куда, жёсткое приземление...

"Шрах, только не опять! Неужели нельзя как-нибудь понежнее?"

Клянусь, с моих губ ни звука не слетело, ни намёка на непочтительное желание. Но разве такая мелочь может смутить мастера? Он свистяще рассмеялся и произнёс:

— Разумеется, можно, милая Трикси.

Мастер уже ронял меня в пропасть, макал в ледяное озеро, опутывал щупальцами, сбивал с ног, протаскивал сквозь стену... Но вот на руках, как принцессу, ещё не носил.

— Ой...

— Ты ведь просила нежнее, — коварно улыбнулся мастер. Я замерла, стараясь даже не дышать. Одно щупальце было просунуто у меня под коленями, другое — под шеей. Правой рукой он поддерживал под лопатками, а левой — ласково-ласково оглаживал то плечо, то грудь.

Меня не отпускала мысль о чёрном змеином языке и чешуйчатых конечностях. И, вместо того чтобы сладко томиться и дрожать в объятиях инкуба, я по-дурацки стучала зубами от нервов.

"Хаотическая" прослойка между двумя щитами возникла словно бы сама по себе.

Наверное, со стороны это было страшно смешно.

Из-за глупых переживаний мимо сознания прошёл момент, когда Оро-Ич покачнулся и нырнул в желтоватый мох. Толстый слой синеватого камня промелькнул зыбким маревом, мы вильнули влево — и оказались посреди очередной слабо освещённой пещеры. Мастер бережно сгрузил меня на пол и ретировался.

Я покачнулась — и села там, где стояла.

Надо мной недовольно засопели.

— Трикси, давно хочу тебе сказать, — с обманчивой мягкостью произнёс Тейт, наклонившись. — Когда ты вот так трясешься и ожидаешь худшего, жутко хочется тебе это самое худшее устроить. Может, ты думаешь, что со стороны не видно?

— А видно? — мрачно поинтересовалась я.

— Мужское чутьё, — фыркнул рыжий — и протянул руку, помогая подняться. — Пойдём. Я устал ужасно, хочется хоть на один вечер расслабиться и не думать, кто там за нами охотится.

Спрашивать: "А что, правда охотятся?" — было бы крайне глупо, а потому я промолчала, стараясь сохранять невозмутимость. Надо же, один из принципов дяди Эрнана только что развенчали, а мне почему-то даже не обидно... Почти.

— Он мне показал, как по-новому щиты делать. Эмпатические.

— Ну вот, а говорил, что никакой награды не будет, — проворчал Тейт, но сознание у него подёрнулось искрами — кажется, он действительно обрадовался за меня. В груди от этого стало тепло.

— Да, пожалуй, новые знания — неплохая награда, — откликнулась я. А рыжий вдруг обернулся и взъерошил мне волосы, словно стирая прикосновения мастера:

— Улыбнись, Трикси! Тут есть купальни, здоровенные, не то, что у меня. И еда. И постели, очень мягкие. Круто, да?

— Круто, — согласилась я.

Губы сами разъезжались в улыбке.

Кажется, я начала привыкать к этому безумному месту.

Глава 14. Правильный ответ

*Мудрецы собираются вместе, чтобы развлечь одно чудовище
и испытать терпение другого.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Каюсь, долгое время я заблуждалась насчёт Лагона... точнее, насчёт местной культуры. Местные жители мне представлялись такими варварами-параноиками, которые на первое место ставят безопасность и утилитарность.

Очень глупое предубеждение, на самом деле.

Яркая, часто непрактичная одежда, сюрреалистичное парикмахерское искусство и макияж уже должны были наводить на мысли о том, что чувство прекрасного магам не чуждо. Просто их представления, например, об идеальном жилище настолько отличаются от наших, что распознать модные элементы и произведения искусства в интерьере получается далеко не сразу. Да и много ли я видела до сих пор? По пальцам пересчитать можно: дома Тейта и Лиоры, терраса наблюдения и мастерская Ригуми, где меня удивляло решительно всё.

Гостевые покои Оро-Ича, мягко говоря, перевернули моё представление о здешней культуре.

Комната, отведённая под раздевалку, сначала показалась слишком тёмной. По вогнутому потолку бродили бледные отсветы. Доведённым до автоматизма жестом я смоделировала иллюзорную "лампу" и подвесила её повыше, а сама начала снимать одежду. Вместо халата и купального костюма здесь полагалось заматываться в длинную широкую полосу ткани и подвязываться поясом. Кто бы ещё объяснил, как всё это правильно на себя нацепить...

Не сразу я осознала, что яркий изменчивый свет мог исходить от праздничной гирлянды, но не от моей скромной "лампы".

Над головой у меня как будто полыхало северное сияние, но только более яркое и сложное. Бирюзовый и фиолетовый, насыщенно-зелёный и индиго, малиновый и золотой, нежнейший розовый и лимонный — цвета переходили из одного в другой то медленно и

плавно, то резко, словно били наотмашь. Из чернильной глубины вогнутого потолка наплывали и истаивали уже у самого лица фантазмагорические фигуры. Спирали, кружащиеся друг вокруг друга, превратились в пару, танцующую чувственно и быстро, затем поверх всего распустились цветы — пышное трёхмерное облако из переплетающихся стеблей и дрожащих бутонов, огневое, ало-оранжевое... И — сразу же — накатила непроглядная чернота, из которой выступил серебристо-голубоватый орнамент, едва уловимый, как иней дыхания на стекле.

Пол и потолок словно поменялись местами. В затылке слегка зазвенело, виски закололо потусторонним холодком. Появилось странное тянущее чувство в суставах, точно я не стояла на ногах, а была подвешена за ступни над пропастью...

...или приподнималась на цыпочках, стараясь оказаться ближе к завораживающему сиянию?

— Трикси, ты идёшь? — Тейт бесцеремонно сунулся в дверной проём, отодвинув стеклянные нитки.

По логике вещей, мне следовало бы вскрикнуть, стыдливо поддёргивая тонкое светлое полотно. Но я была так зачарована, что неопределённо пожала плечами и только через несколько секунд смогла выжать из себя полноценный ответ:

— Да... наверное. — И добавила, указав пальцем на потолок: — Слушай, а что это такое?

Рыжий задрал голову и вздохнул. Потом проскользнул в комнату, обнял меня со спины и начал объяснять, параллельно что-то делая с размотавшейся тканью и с поясом:

— Это для красоты. Мастер Оро-Ич сам не очень умеет делать такие штуки, там нужен особый талант, но он их собирает. Они сами по себе тёмные, но если впитают простую магию, то включатся. Ты что-то сделала?

— Да, — склонила я голову к плечу и с усилием отвела взгляд. — Слушай, а это... произведение искусства?

Тейт замялся. В мыслях у него промелькнул сложный образ, и я не сразу сообразила, как "перевести" его для себя — нечто среднее между живописью и овеществлением ничто.

— Да. Это живая картина. Обычно сюжеты попроще, но здесь, наверно, какой-то знаменитый художник поработал. Я не очень

разбираюсь в таких штуках, — виновато добавил он и развернул меня.

Я с некоторым удивлением обнаружила, что правильно замотанное и подвязанное полотно действительно стало напоминать халат, объёмный, но очень удобный. Вот что значит привычка! А мне бы сколько ещё мучиться пришлось...

— Слушай, а обычная живопись у вас есть? А музыка? А литература?

— Литература? — Рыжий выглядел уже не просто озадаченным, а откровенно несчастным.

— Это когда читают, — ответила я, сопровождая неуклюжее пояснение соответствующим образом.

Тейт расцвёл.

— А! Такое есть. Но ты лучше спроси потом у Игамины. Я только свитки с картинками читаю, ну, всякие занимательные истории про путешественников, а он это дело любит. А теперь пойдём, а? Там купальни, — соблазнительно шепнул он на ухо.

— Ну... — протянула я, покосившись на меркнувший узор на потолке.

— Там тоже есть такое, — пообещал Тейт, увлекая меня в переход. — попроще, но красивое.

— Уговорил. Заодно посмотрю, чем купальня отличается от ванны.

Как выяснилось в первую очередь — размерами. Основной принцип оставался таким же: сначала смыть основную грязь, а потом уже нежиться в тёплой ароматной воде, сколько душе угодно. Только вместо продвинутой системы тазиков и ковшиков здесь были фонтаны тёплой воды, бьющие прямо из стены. Моющих порошков и увлажняющих масел у мастера Оро-Ича оказалась целая коллекция. Я выбирала по запаху, консультируясь у Тейта, чтобы случайно не намазать на себя какой-нибудь депилятор или афродизиак.

А что? С синего и чешуйчатого станется оставить на полочке что-то в этом роде.

Единственным неприятным сюрпризом оказалось то, что мыться полагалось прямо в халате, только слегка распустив пояс. Тейт с этим справился легко, а вот я промучилась долго, и поэтому в саму купальню нырнула уже совершенно вымотанная и неспособная в полной мере оценить ни детали интерьера, ни даже пресловутую

живую картину. Сначала злилась на дурацкие лагонские традиции, а потом вспомнила любимый офисный костюм сестрички Нэсс...

Готова поспорить, местным модницам наши восьмисантиметровые шпильки и юбка-карандаш с узким пиджаком тоже показались бы пыточными инструментами.

Я лежала в тёплой зеленовато-прозрачной воде, по консистенции больше похожей на нежирные сливки, и смотрела, как под потолком проплывают сияющие силуэты морских обитателей и колышутся светящиеся водоросли... или не водоросли. Вдаваться в рассуждения мне не хотелось. Блики скользили по льдисто-синему камню стен и проваливались в матовую черноту плит, которыми был вымощен пол. Неумолимо тянуло в сон.

"Щит, — подумала вдруг я. — Завтра мне понадобится полноценный щит. Нужно потренироваться".

— Тейт...

— М-м-м? — протянул рыжий, выныривая. Он нежился на противоположной стороне купальни, клубком свернувшись в нише, и лишь время от времени показывался на поверхности, чтобы набрать воздуха.

— Как думаешь, завтра нас потащат на суд прямо с утра?

Может, мастер и говорил что-то о времени, но у меня это благополучно вылетело из головы.

— Ну, вряд ли, — глубокомысленно откликнулся Тейт и стрельнул в меня взглядом. — Боишься? Не надо. Меня уже таскали на такие сборища. Просто стой на своём, и всё. Мы ничего плохого не сделали.

— Да, пожалуй, — согласилась я, умолчав о том, что больше боюсь выдать секрет Маронга или неправильным ответом подставить мастера Лагона. — Разбуди меня пораньше, ладно? Хочу кое-что попробовать.

— Угу, — невнятно ответил рыжий.

Я прикрыла глаза. С внутренней стороны век отпечатались колышущиеся спирали и водоросли. Не помню, как мне удалось вылезти из купальни, стащить с себя мокрую, липнущую к телу ткань и завернуться в такую же, но сухую. Может, рыжий помог — скорее всего, так и было. Но почти полночи мне снились всё те же светящиеся узоры. И, наверное, потому я проснулась с совершенно чёткой идеей,

как улучшить свои щиты, совмещая школьные уроки геометрии с тем, что показал Оро-Ич.

Мне нужна была неориентируемая поверхность, иначе говоря — односторонняя.

Простейшая неориентируемая поверхность с краем получалась, если вырезать из бумаги полосу, перекрутить один раз и склеить. Если провести карандашом линию от места склейки, то она пройдёт через всю ленту — и "сверху", и "снизу". Более сложная в трёхмерной развёртке могла напоминать сосуд или "восьмёрку", но при рассечении получалась та же простейшая односторонняя поверхность.

Представить что-то такое не так уж сложно. Но если придать щиту подобную форму, заставить поверхность "двигаться", то получится волна без начала и конца. Добавлю шумов по принципу хаоса Оро-Ича, и выйдет... что, собственно?

Не попробую — не узнаю.

Я скосила глаза.

Тейт всё ещё сопел у меня под боком, игнорируя собственное ложе — рыжий, тёплый, разнеженный. Похоже, было ещё слишком рано для подъёма. Возможно, снаружи только-только рассвело.

Самое время, чтобы в глубинах неприступной лаборатории устроить секретную тренировку.

Осторожно скрестив ноги в щиколотках, я сконцентрировалась и разом шагнула со второй ступени на четвёртую. Развернула обычный купол, затем, с некоторым усилием — ещё два.

Так. Что теперь?

По идее, самый маленький, внутренний, можно разместить вплотную к телу — будет одновременно и последний бастион обороны, и защита от моей собственной криворукости. Всё-таки "хаотическую" прослойку второй раз в жизни создаю, как бы себе не навредить случайно... Внешний купол стоит сделать попрочнее. Вдруг его хватит? Оро-Ич сказал, что перебивать мою песню — то есть ломать защиту — уж слишком откровенно не будут.

Я придала внешнему куполу шарообразную форму и укрепила его, затем на пробу слегка крутанула. Вроде бы получилось неплохо, держится... Теперь на очереди самое трудное — неориентируемая поверхность.

Свернуть щит правильно оказалось куда труднее, чем мне представлялось. Сперва воображение попросту пасовало перед незнакомой задачей. Потом худо-бедно я привыкла к мысли о том, что придётся сидеть в "бутылке", у которой только одна сторона и нет никакой изнанки. Но когда создала более-менее приемлемую модель — "бутылка" задела внутренний купол и намертво слиплась с ним.

Пришлось начинать заново.

Через полчаса я уже чувствовала себя так, словно пробежала кросс, потом переплыла реку и начала отжиматься на другом берегу. Дыхание не сбилось, но вот мышцы словно закаменели, и усталость навалилась неодолимая, хоть развеивай защиту и засыпай снова, прямо до вечера. Опыт подсказывал, что лучше перетерпеть — на самом деле не настолько я устала, это просто сознание паникует. Нужно просто расслабиться, подышать глубоко, затем попробовать опять...

— Трикси? — сонно протянул Тейт, приподнимаясь на локтях. Халат у него съехал с одного плеча, а волосы так примялись от подушки, как если бы их с одной стороны намазали гелем и так засушили. — Уже не спишь?

Вот страх! Только сосредоточилась!

— Полежи ещё пять минут... пять катов. И пока не спрашивай ничего.

Рыжий даже не удивился. Подумал что-то невнятное про магию — и опять свернулся клубком.

Умница.

Его пробуждение явно подействовало благотворно на мои способности, потому что правильная неориентируемая поверхность у меня всё-таки получилась. Теперь надо было заставить конструкцию двигаться, но тут я справилась быстро: представила, что "прокручиваю" её, как велосипедную цепь. Как ни странно, помогло. Осталось добавить "хлопья" в пустое пространство, создавая шумы — не такие опасные, колючие, как у мастера Оро-Ича, но тоже надоедливые.

Итак, что имеем в итоге?

Странное сооружение вместо обычного плотного купола. Насколько устойчивое — время покажет. В худшем случае всё это благополучно схлопнется, и я останусь "голышом" перед мастерами...

Бр-р-р.

Нет уж, обойдусь без такого экстрима.

— Трикси, ты уже всё, м-м-м? — подал голос Тейт из вороха подушек — ни капли не сердитый, разве что любопытный немного. — Ты колдовала, да?

"Занималась ментальной эквилибристикой", — мрачно подумала я, но вслух просто согласилась.

Мы успели позавтракать, облачиться в отчистившуюся за ночь одежду и даже немного заскучать, когда потолок вдруг распахнулся, и появилась лестница из жёлтого мха. Наверху поджидали двое незнакомцев в алом, мужчина и женщина; впрочем, за их спинами маячили синие щупальца, так что паниковать я не стала. Если хитроумный инкуб спокоен — значит, пока всё идёт по плану.

Похоже, за нами наконец-то пришли.

Отчего-то я думала, что суд будет проходить в специально отстроенном здании. Ну, или хотя бы в особой пещере. Но ничего подобного. В сопровождении мастера Оро-Ича и парочки в красном — кстати, так и не удосужившейся представиться — мы покинули внутренние пределы Лагона, отделились на достаточно приличное расстояние от стен и остановились на безопасной с виду поляне, окружённой практически безлистным кустарником, столь плотно растущим, что между пурпурными стеблями нельзя было даже ладонь просунуть. Пахло здесь очень сильно — чем-то кондитерским, сладковатым, но источник отследить не получалось. Оро-Ич мягко откатился к пурпурному частоколу, свил гнёздышко из щупалец и, кажется, в нём заснул.

Парочка в красном разделилась. Мужчина встал в том проходе, через который мы попали на поляну, а женщина — у гораздо более узкой щели с противоположной стороны. Тейт поглазел на них — и плюхнулся на землю, где стоял.

Я же замерла, глупо хлопая глазами.

Неужели тут и будут проводить суд? Прямо под открытым небом?

Судя по безмятежной физиономии рыжего, так и есть.

— Ты присядь, Трикси, — посоветовал он, словно почувствовав мои сомнения. — Не знаю, как там в вашем мире, а у нас обычно важные вещи обсуждают сидя.

— Да? А почему? — искренне заинтересовалась я, присаживаясь рядом с ним. Красные ни на какие передвижения внимания не

обращали, их разумы были обращены к чему-то, происходящему снаружи, а о чём думал Оро-Ич... Пусть это лучше останется тайной. Нервы крепче будут.

— Ну, когда стоишь, ноги устают. Тут уже не до важных разговоров.

Что ж, в логике местным обычаям не откажешь.

Ещё с четверть часа ничего не происходило. Красные пялились каждый в свою сторону, мастер загадочно улыбался, ветер гонял в небе облака. Я успела выяснить кучу бесполезных вещей. Например, что сладкий запах исходил от жёсткой травы, на которой мы сидели, и что она использовалась в местном варианте парфюма для торжественных случаев, ароматном масле. А жутковатый на вид кустарник назывался орран, цвёл трижды в год и приносил мелкие жёлтые плоды, употребление которых в сушёном виде вызывало лёгкое наркотическое опьянение. Самое забавное, что орран при этом считался символом мира, правды и добрых намерений.

Теперь мастер Оро-Ич представлялся мне исключительно в венке из цветущих ветвей, украшенном гроздьями тех самых жёлтых ягод. Интересно, почему?

Впрочем, скоро стало не до дурацких мысленных картинок.

Когда первый из мастеров появился в зоне восприятия, щиты у меня мгновенно уплотнились, а волна неориентируемой поверхности потекла раз в пять быстрее. Это была инстинктивная, неосознанная реакция на опасность — как отдернуть руку от раскалённой докрасна плиты или отшатнуться от пропасти. И если раньше я ещё сомневалась, что смогу долго удерживать щиты нового типа, то теперь успокоилась: смогу.

Или сдохну, пытаюсь, но читать себя этому существу не позволю.

Выглядел новоприбывший мастер как обычный человек. Высокий, немолодой, но с развитой мускулатурой, хорошо заметной под обтягивающим трико. Разноцветных накидок у него хватило бы на дюжину местных модников. Круглая голова почти полностью была укрыта рыхлым ворохом ткани. Жёлтые, малиновые, синие и зелёные "хвосты" шарфов болтались за спиной или плотно обвивали шею. Ни бровей, ни ресниц не наблюдалось, зато по векам шли толстые чёрные линии, очерчивающие контур глаз. Радужки оказались светло-

голубыми. С висков спускались жгута из соломенно-белых волос — то ли остатки собственной шевелюры, то ли украшения.

От него шла такая волна жуткой, давящей психической энергии, что у меня кожа покрылась мурашками, а на спине, кажется, выступил пот.

— Мастер Эфанга, — ласково поприветствовал его синий и чешуйчатый.

— Мастер Оро-Ич, — хриловато ответил новоприбывший.

Эфанга, Эфанга... Где-то я уже слышала это имя... Да, точно же, ложа внимающих и поющих. Наставник то ли Лиоры, то ли Хатани Тикки, той женщины-подмастерья с добычей.

Если подумать, он мой естественный враг — хотя бы потому, что может, в отличие от большинства местных, легко вскрыть мои щиты.

Обдумать линию поведения с Эфангой я не успела. Появилось новое действующее лицо — потрясающая женщина с ярко-зелёными восточными глазами и волосами цвета мёда. Контур её тела немного расплывался.

Ритуал приветствия повторился:

— Мастер Сафира Акка.

— Мастер Оро-Ич.

От этой дамы ничем потусторонне-опасным не веяло. Но стоило вспомнить, что именно к ней отсоветовал идти в ученики Тейт, упирая на то, что она-де не любит красивых женщин, как в груди у меня шевельнулось что-то скользкое. Некстати пришла на ум история с Арингой. К тому же слишком заинтересованно посмотрела красивая мастер Сафира на моего рыжего...

"Логика и рациональность", — отвесила я себе мысленно затрещину.

Конечно, велика вероятность, что у Тейта есть ещё любовницы в Лагоне, но вряд ли он упорно и последовательно спит со всеми мастерами овеществлённого ничто.

Следом за прекрасной блондинкой явился высоченный жилистый мужик с умными серыми глазами, мастер направляющих удар, Кан Лан Таппа. Потом — загорелый пижон в свободных голубых одеждах, подпоясанный чёрным шарфом. Никогда бы не подумала, что мастер ложи испепеляющих будет выглядеть именно так! Звали этого красавчика Чирерори. Затем явились сразу два искусника, мужчина и

женщина, похожие, как близнецы: оба невысокие, с коротко стриженными русыми волосами, квадратными подбородками и ярчайшим макияжем в огневеще-красных тонах.

После этих двоих, признаться, я уже начала путаться, кто из какой ложи. Но, к счастью, запомнить осталось не столь много. Предпоследним явился мастер тварей, коренастый мужчина с лицом варвара-северянина — и руками изнеженного пианиста. Его звали Гобора Гаро, он сразу подсел к Таппе и завязал беседу. Видимо, они были приятелями. Я очень ждала представителя низвергающих небо, ни одного мага этой направленности мне до сих пор не встречалось. Но, видимо, они решили проигнорировать наше маленькое собрание — как и мастера других лож, сколько бы их ни было в Лагоне.

Последним же пришёл, к моему огромному удивлению, мастер Ригуми, и не один, а в сопровождении подмастерья, жутковатого серого парня Итасэ. И, сразу после обмена приветствиями с Оро-Ичем, Ригуми обернулся ко мне:

— Трикси-кан, рад видеть тебя. Даже в таких обстоятельствах, — холодно улыбнулся он.

От неожиданности я едва не раскашлялась, но вовремя взяла себя в руки. И даже обращение правильное вспомнила, какая умница:

— Шаа-кан, и я тоже рада. Э-э... Здравствуйте?

Тейт неприлично фыркнул. Похоже, ему смешно было.

Ведение допроса на себя взял волоокый красавчик Чирерори. Говорил он странно высоким голосом; может, в другой ситуации это бы показалось забавным, но я слишком хорошо представляла, на что способен мощный пирокинетик. А мастер ложи испепеляющих даже поопаснее будет.

— Бланш Трикси ответит, как именно она поняла, что мастер Аринга замыслила зло против неё, — произнёс Чирерори ровно, без интонаций. Словно не вопрос задавал, а утверждал некую истину.

Тейт стиснул зубы. Я тоже внутренне напряглась. Как-то даже и не пришло в голову, что начать дознание могут не с опытного ученика, а с добычи, новичка в Лагоне.

Но не отмалчиваться же. Значит, придётся отвечать — предельно аккуратно, оставляя рыжему максимум пространства для манёвра.

— Мастер Аринга подсадила мне червей сомнения, — пошла я с козыря. И, не удержавшись, добавила, сделав непроницаемо-вежливое

лицо: — Традиции и обычаи Лагона, которые мне уже довелось изучить, однозначно трактуют такое действие как агрессивное. Если я заблуждаюсь, то смиренно прошу указать мне на ошибку.

Таппа беззвучно засмеялся. Остальные хранили абсолютное спокойствие, только Сафира Акка сузила глаза. Я же продолжала молчать, как будто действительно ожидала, что меня поправят.

— Твоё суждение верно, — неожиданно произнесла одна из искусников, женщина, чьё имя у меня вылетело из головы. — Червь сомнения всегда причиняет зло, — и она обменялась взглядами с Чирерори. Тот слегка склонил голову к плечу и продолжил:

— Бланш Трикси ответит, как она поняла, что это именно черви сомнения и что их создала именно мастер Аринга. Тварей и айров великое множество, неискущённому сложно отличать одно от другого.

Действительно.

А этот Чирерори совсем не прост. Логично, он ведь мастер... Так, что теперь говорить? Правду — про наши размышления в лагере, про иллюзию, про умозаключения Маронга и мучительное выжигание червей? Нет, это опасно. Во-первых, могу сболтнуть лишнее. Во-вторых, только больше вопросов спровоцирую. Значит, нужно ответить максимально однозначно, даже наглядно...

Так. Стоп. "Наглядно" — ключевое слово.

Я неторопливо закатала рукав, затем сдёрнула повязку с запястья. Уродливая рана уже не расходилась от каждого движения, но только благодаря биокинезу.

— Вот, — протянула я руку Чирерори, доверчиво глядя ему в глаза. — Червей удаляли наспех, наверняка там остались следы мастера Аринги. Все желающие могут убедиться.

Мои слова вызвали оживление среди мастеров. Обострённое чутьё улавливало дикую смесь эмоций — любопытство, раздражение, недоверие, симпатию, даже гнев. Злилась красавица Сафира Акка, а вот искусникам, похоже, моё поведение пришлось по вкусу.

— Деточка, ты не боишься, что при осмотре что-нибудь лишнее подсадят? — ласково поинтересовался похожий на варвара Гобора Гаро.

Ему происходящее было до шраха — скорей бы закончить "суд", принять решение и вернуться к какому-то занимательному

эксперименту. В мысленном образе фигурировали синие щупальца... Бр-р-р. Надеюсь, это какой-нибудь приبلудный айр, а не Оро-Ич.

— Бланш Трикси отвечает на мои вопросы, — едко вставил мастер Чирерори, и глаза у него нехорошо потемнели.

Гобора откинулся назад, разводя руками — мол, хочешь играть первую скрипку, так играй. Я же предпочла за лучшее обернуться к Тейту, изображая неопытную, наивную, зависимую девицу:

— Можно им посмотреть?

Тейт скосил на меня один глаз:

— Ну да.

Уф. Значит, пока всё делаю правильно. Или, по крайней мере, в рамках допустимого.

В стане мастеров произошло некоторое брожение. Они советовались — быстро, эффективно, без слов. Я улавливала отдельные жесты, дрожь ресниц и губ, но не более того. Со стороны процесс переговоров выглядел как простой обмен взглядами, но был так насыщен информацией, что дыхание перехватывало.

Да, вот такие мелочи и показывают разницу в традициях, культуре... возрасте и опыте, надо это признать.

Через полминуты выбор был сделан. Искать следы Аринги в моём запястье отрядили Сафиру и, как ни странно, Таппу. Вот уж кого не ожидала увидеть в числе экспертов! Честно признаться, протягивать ему руку почему-то не казалось хорошей идеей. Если мелкая Айка могла кулаком раздробить небольшую скалу, то на что способен её учитель?

Тейт скосил на меня взгляд, фыркнул и очень отчётливо подумал: "Трусиска".

Я рефлекторно выпрямила спину, вздёрнула подбородок и протянула руку Таппе так резко, что это, наверно, со стороны выглядело грубо.

Вблизи мастер Кан Лан Таппа показался просто огромным, почти как Оро-Ич. На расстоянии даже в несколько шагов рост чудесным образом скрадывался, но сейчас точно иллюзия развеялась. Если встанет и распрямится — будет под метр девяносто, а то и выше. Голова — как полторы мои... Уф.

Мастер Таппа встретился со мной взглядами и улыбнулся. Разум у него был открытым, ясным, приглашающе распахнутым — ну,

насколько это возможно, когда собеседник намного старше и, соответственно, мыслит иными категориями.

— Вот и познакомились, Бланш Трикси, — произнёс он.

Я замешкалась, не зная, как на это отвечать. А Таппа сжал моё запястье двумя пальцами — хватка у него оказалась, как базальтовые тиски — и поднёс к своему лицу. Втянул воздух, ощерил зубы...

"Сейчас укусит", — пронеслось в голове паническое.

— Пахнет Арингой. Её искусство, истинно вам говорю, — сердито сказал Таппа и вдруг обернулся к Тейту: — А ты что медлишь, дурень? Ташил бы её, куда следует. Не знаешь, как — так я покажу.

— Не твоё дело, — хмыкнул рыжий, вроде бы весело, но от него такой жутью повеяло, что у меня пальцы на ногах поджались. — Отпусти её, что ли, хватит нюхать. А то вдруг кто подумает, что у тебя своей женщины нет, м-м-м?

Мастер Таппа разозлился. От оплеухи или чего похуже Тейта спас лишь кроткий, полный терпения вздох Оро-Ича. А я сидела, обнимая себя за плечи, и пыталась побороть приступ тошноты.

Они ведь говорили о резонансе. Точнее, Таппа, такой простой и открытый, с умными серыми глазами, почти прямым текстом приказал рыжему воспользоваться мной, а то "добрый учитель" подоспеет с помощью.

Что б его страх покусал.

— Руку, Трикси.

А это была уже Сафира Акка.

Я сглотнула и протянула ей руку. Вот ведь правда, дивно красивая женщина... Лицо слишком круглое по нашим меркам, но в остальном — как кукла. Кожа безупречная — влажный шёлк, зелёные глаза кажутся тем темнее, чем дальше в них всматриваешься. До ямочек на щеках дотронуться хочется...

Интересно, это всё иллюзия или дар природы?

Мастер точно почуяла неудобный вопрос и сердито глянула на меня. Впрочем, говорить гадостей, в отличие от Таппы, она не стала, да и в целом, похоже, воспринимала меня как ученицу, а не как чью-то собственность. Лаконично подтвердила, что червь был, создала его именно Аринга — и, более того, её магия нанесла мне существенный вред. Который она, мастер Сафира, настоятельно рекомендует

поскорее исправить. Затем все вернулись на места, и пижон в голубом, Чирерори, снова приступил к допросу.

— Бланш Трикси расскажет, как именно мастер Аринга преследовала её, как атаковала и как была убита. А также — что чувствовала Бланш Трикси, когда...

Дослушать я его не смогла.

На меня ментально воздействовали — изощрённо и безжалостно.

Всё произошло за какие-то доли секунды. В мой внешний щит врезалось нечто вроде крошечной вибрирующей пули. Она почти мгновенно пробуравила толстый внешний купол и слегка затормозила в слое хаотически перемещающихся фрагментов. Это-то меня и спасло. Я сосредоточила все ресурсы на втором щите, той самой неориентируемой поверхности, но не усилила её, а всего лишь ускорила. Правильное решение, как выяснилось: пуля погрузилась в неё, проела себе путь и понеслась дальше... однако не к моему разуму, а обратно, наружу, сквозь намеренно истончённый внешний купол.

Новая система щитов сработала. Удивительно, но факт. Возгордиться, что ли?

Я заставила себя медленно перевести дыхание — и только тут осознала, что на нас все смотрят. На меня — и на мастера Эфангу, утопающего в разноцветных шарфах. Даже Оро-Ич перестал изображать дрему и заинтересованно распахнул глаза. Наверное, именно его взгляд, любопытный и подначивающий, придал мне уверенности.

— Мастер Эфанга, — тихо произнесла я, стараясь не замечать, как Чирерори с предвкушением облизывает губы. — Может быть, меня неверно информировали, но вроде бы разрушать чужие щиты здесь не принято.

Светлые глаза Эфанги сейчас казались почти прозрачными, особенно по контрасту с чёрной подводкой. Он не боялся и не чувствовал стыда за то, что сделал, явно давая мне это понять.

— У тебя беззвучная песня, Бланш Трикси, и очень любопытная. Я прежде не видел такого, — сказал он негромко. Затем добавил: — Покажи больше, — и потянулся ко мне своими грязными ментальными лапами уже открыто.

За те полторы секунды, пока эти "лапы" сминали внешний щит, я успела обречённо осознать, что жить моей неориентируемой

поверхности осталось недолго. И вмешиваться никто, кажется, не собирается. Остановить мастера я, разумеется, не смогу...

А если не остановить, но удивить?

Он сказал, что не видел ничего подобного. Речь о форме, о чём ещё. Значит, новый щит надо делать в том же духе.

Трикси, дурочка, быстро вспоминай, что там ещё занимательного было в курсе геометрии...

Не знаю, что ожидал "увидеть" мастер Эфанга, когда наконец разодрал мою драгоценную, выстраданную одностороннюю поверхность, но следующим этапом его поджидал тессеракт. Точнее, та самая знаменитая вращающаяся модель из научно-развлекательного фильма, показывающая, что грани тессеракта — равные кубы.

Гипнотическая штука.

Я сама надолго залипла, когда увидела её впервые.

— Снова будете ломать? — мрачно спросила я, пользуясь тем, что мастер внимающих и поющих заинтересованно притормозил.

Думать не желаю, чем бы всё это кончилось, если бы не вмешался Оро-Ич.

— Воистину довольно, Эфанга, — произнёс он. В голосе его прозвучали опасные тягучие нотки — предупреждение. — Нежный цветок оррана можно погубить, если прикоснуться слишком грубо, — добавил он и глянул на меня с насмешкой, вполне предсказуемо провоцируя волны мурашек, приятное тепло во всём теле и прочие неуместные реакции.

Шрахов инкуб.

Или это щелчок по носу — за излишне богатое воображение и образ мастера в венке?

Не буду думать.

— Цветок можно погубить и дурным уходом, — откликнулся Эфанга, но ментальные лапы убрал. А затем обернулся ко мне: — Бланш Трикси, твоя песня прекрасна, но беззвучна. Если ты придёшь в мою мастерскую, то запоёшь громко и ясно.

Воцарилась полнейшая тишина.

Мастера закрылись, кто как мог, но каждый применил не меньше третьей ступени. Кроме Таппы — тот попросту перестал думать. А я поняла, что ступаю на очень-очень тонкий лёд. Рефлекторно оглянулась в поисках поддержки от рыжего... и краем глаза заметила,

как подрагивают веки у Ригуми Шаа. Вспомнилось отчего-то, как он поприветствовал меня здесь, на суде — единственный из всех мастеров. И ещё один случай, раньше, когда Оро-Ич ворвался на его урок, привёл всё в состояние хаоса и исчез. Первое, что Ригуми сделал тогда — спросил, как я себя чувствую.

От сердца отлегло. Не знаю, почему — совершенно иррациональное чувство, но очень сильное... и правильное, что ли?

— Благодарю за щедрое предложение, мастер Эфанга, — ответила я, вкладывая в эту фразу всю вежливость и почтение, какие смогла наскрести по задворкам души. — Но вынуждена отказать. Мой мастер — Ригуми Шаа, и всё, чего я хочу сейчас от магии — оправдать его доверие.

Тут словно какая-то ниточка оборвалась.

Мастер Ригуми резко выдохнул. А Эфанга досадливо цокнул языком и отвернулся. Из меня будто разом все силы выпили. Я, уже не стесняясь, обняла Тейта и уткнулась ему в плечо, позволила обнять и поцеловать в висок, и невнятно проговорила:

— Прошу прощения, мастер Чирерори. Я, кажется, не могу ответить на ваш вопрос. Очень голова болит.

— Бланш Трикси обязана... — начал было пижон в голубом напыщенно, однако его прервали.

— Не обязана, и все это знают, Чирерори-кан, — вкрадчиво произнёс Ригуми. — Есть другой свидетель. Следует расспросить его.

— Давайте, я готов, — весело поддержал его Тейт.

Неизвестно, сработало ли заступничество мастера Ригуми или этот Чирерори просто понял, что я действительно не в форме, но от меня отстали. Дальше отдувался один рыжий. Впрочем, не похоже, что его допрос напрягал. Отвечал он без промедления, словно по заранее отработанному шаблону. Может, так и было... Так или иначе, но закончили мы минут через сорок, не позже. Я только подтвердила в конце, что-де согласна со всем сказанным. Затем мастера снова устроили безмолвный обмен мнениями, а после стали расходиться — ни тебе вердикта, ни приговора.

Шрах знает что.

Последним ушёл Ригуми. Отправив подмастерье вперёд, он подошёл ко мне и заглянул в глаза, сверху вниз, пристально, но без прежнего холода.

— Скажи, Трикси-кан, — попросил мастер негромко. — Есть ли что-то, о чём ты жалеешь после победы над Арингой?

Сил врать и выкрутиться после суда у меня не осталось, поэтому я честно призналась:

— Море. То есть побережье. Очень хотелось там побывать.

Ригуми Шаа склонил голову к плечу. Глаза у него странно потемнели.

— Ты побываешь там. Через пятьдесят дней покажи мне иллюзию, к которой можно прикоснуться, и я отведу тебя к побережью вместе с Танеси Тейтом и теми, кого ты пожелаешь взять. А пока пребывай в спокойствии.

С этим непонятным пожеланием он развернулся и покинул поляну. Мы с Тейтом остались наедине.

— Как я держалась?

Вопрос прозвучал вяло. Тейт успокоительно поцеловал меня в щёку и обнял крепче.

— Хорошо. Зря только испугалась Эфангу. Мастер Оро-Ич бы не позволил ничего с тобой сделать. И не злился на Таппу, — попросил он внезапно. — Во-первых, уже я на него злюсь. Во-вторых, он правда считает, что так лучше.

Отвечать сразу я не стала. Повозилась немного, устраиваясь поудобнее в объятьях, прикрыла глаза. И сказала вдруг совсем не то, что собиралась.

— Интересно, почему мастер Ригуми такой добренький.

Улыбку Тейта я не увидела — почувствовала.

— Ну, если совсем просто... Крутой мастер предложил тебе личное ученичество. А ты сказала, что нетушки, Ригуми Шаа круче. Конечно, ему приятно. Доверие, опять-таки. И ты признала, что только он твой мастер. Думаешь, часто такое происходит?

— Но я же вовсе не имела в виду ничего такого! — запротестовала я, и рыжий засмеялся:

— И понятно! Вот потому он так и обрадовался — ты ничегошеньки не знала, но сказала то, что сказала. И вообще, мастеру Оро-Ичу было очень весело.

— Ты так говоришь, словно это главное.

— А разве нет? — искренне удивился Тейт.

Я только фыркнула.

Что ж, резон в его словах был. Вот если бы мастер Оро-Ич расстроился — думаю, вышло бы гораздо, гораздо хуже.

Глава 15. Точки опоры

*Почти бескорыстно симпатизирующие вам люди,
способные уберечь вас от неверного шага или,
если нужно, убить наименее болезненным способом.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Иногда мне казалось, что рыжий поддерживает репутацию шумного идиота не во имя каких-то туманных стратегических целей, а исключительно ради удовольствия.

Я только-только выбралась из подземелий мастера Ригуми после особенно трудного дня, выжатая, как апельсин из фреш-бара, и Тейта на поляне заметила не сразу. Но вовсе не из-за отупляющей усталости, а потому что он валялся на земле, раскинув руки, и не шевелился. Выдавало его только яркое пятно алого шарфа, просвечивающее даже сквозь траву. Мысленный фон присутствовал, но какой-то вялый.

— Тейт? — осторожно позвала я, подозревая худшее.

Несколько секунд он не реагировал, хотя точно услышал оклик, а потом красно-чёрной колбаской перекатился к моим ногам, приминая траву. Резко, свежо и сладко запахло зелёным соком. Тейт вытянул руку, вслепую ткнул меня пальцем несколько раз — в щиколотки, в голень, под колени... И — я даже не поняла, как это получилось — небо вдруг резко завалилось вбок, земля врезалась в плечо.

Рыжий нависал надо мной, упираясь руками по обе стороны от головы. Бедром я чувствовала жар, исходящий от его ноги. Свесившийся алый шарф щекотал горло.

Дыхание перехватывало.

— Трикси, — хрипловато протянул Тейт, склоняясь всё ниже, ниже... Пульс зачастил. — Я задолбался. Учусь, весь такой хороший, послушный. Противно. Давай оторвёмся, а?

К концу этой страшно длинной фразы я вообще перестала понимать, о чём это он. Только старалась дышать ровней и не смотреть в его тёмные глаза. Где-то в вышине полыхало закатом небо, и волосы ловили последние отсветы — золотисто-оранжево-алые. Интересно, а

если немного приподняться на локтях и прихватить губами прядку, что будет?..

Так, Трикси, соберись.

— Оторвёмся... куда? — О, да. Попытка собраться откровенно провальная... Добрый братик биокинез, приструни гормоны, пожалуйста, они мне думать мешают. — Тейт, тебе чего надо?

Рыжий посмотрел на меня бездумно, а затем встряхнулся, как кот, влажно и горячо поцеловал в щёку, как будто лизнул, и свернулся рядышком, обнимая.

Иллюзия, прикрывающая вход в мастерские, затуманилась. Появился смутно знакомый ученик, полноватый и белёсый, как из теста вылепленный. Глянул на нас диковато — и припустил по тропинке.

— Я хочу познакомить тебя со своими друзьями, — сказал Тейт, как ни в чём не бывало. Он возлежал, подпирая голову, и щурился на заходящее солнце. Последние лучи огненными пятнами ложились на скулу и висок. — Они крутые, правда. Ну что, идём?

— Прямо сейчас? — растерянно откликнулась я.

— Прямо сейчас! — засмеялся он.

Из подземелий выпорхнули ещё две девушки в морозно-синих трико, одна с золотистым шарфом, другая — с малиновым. Когда они заметили огневеющую шевелюру Тейта в траве, то сначала заинтересованно присмотрелись. А потом, видимо, разглядели меня и торопливо зашагали прочь, перешёптываясь. От них веяло опасливым любопытством.

Рыжий терпеливо ждал, не обращая внимания на окружающий мир.

У меня вырвался вздох.

— Хорошо, — сдалась я.

Почему нет, в конце концов?

Разумеется, "прямо сейчас" мы никуда не пошли. Тейт погнал меня домой — переодеваться. Видите ли, его не устраивал простой повседневный костюм, подаренный Лиорой. Иногда казалось, что рыжего мой внешний вид волнует куда больше, чем меня саму. Возможно, потому что я до сих пор не привыкла к местной моде, всё было одинаково неудобным и нелепым. А для аборигена мои

повседневные наряды могли выглядеть как вылинявшие, растянутые тренировочные штаны с плюшевым верхом от пижамы.

— Чего грустишь? — свесился Тейт из люка в потолке.

— Так, задумалась, — отмахнулась я и отступила от стены, где болталось смоделированное зеркало. Неосязаемое, к сожалению — овеществление ничто мне по-прежнему не давалось, но свои функции иллюзия выполняла. — Забрать волосы наверх, под шарф, или так оставить?

— Какой шарф? — хмыкнул он, извернулся и спрыгнул на пол. — Ну мы же не в мастерскую идём, м-м? Оставь здесь. И стой.

Я и пискнуть не успела, как Тейт подскочил ко мне, приподнял волосы — и мазнул по шее чем-то масляным, холодным. Затем отступил, полюбовался и зажмурился, вдыхая всей грудью.

— Это что? — подозрительно осведомилась я. Потёрла пострадавшее место, принюхалась к пальцам... Пахло странно: молоком, сухими ореховыми плёночками, перцем и старым деревом, пропитанным нектаром. И ещё чем-то незнакомым, слегка неприятным. Ассоциация была с каким-нибудь ночным насекомым, толстой бабочкой в ворохе пыльцы. В ушах слегка зазвенело, но мысли прояснились. — Духи?

— Аромат, — уклончиво откликнулся рыжий, пряча за спину шарик из тёмного стекла или камня с выступом-пробкой. — Чтобы приятно пахнуть. И не спать всю ночь, а то свалишься посередине, скучно же.

Я почувствовала, что зверею.

— Танеси Тейт... — Прозвучало это так похоже на интонации мастера Оро-Ича, что я сама вздрогнула. — Ты что, намазал на меня какой-то наркотик? Без предупреждения? Не помнишь, что было всего лишь из-за порции экзотических фруктов? Хочешь повторения?

— Да ну, — отмахнулся он, откровенно веселясь, и отступил к висячей лестнице. Ему было смешно — и любопытно. — Ни у кого ничего такого никогда не бывает от аромата. И вообще, там Ро будет, он тебя починит, если что. Подумаешь, проблема.

— Моя проблема — это ты! — рявкнула я.

Рыжий бессовестно расхохотался.

Я, спустя несколько секунд, тоже. Невозможно ведь злиться, тем более что ничего страшного действительно пока не произошло.

Но смех смехом, а заноза в памяти осталась. Пока, к счастью, никакого особого влияния от "аромата" не ощущалось, только продолжал витать вокруг странноватый запах и сердцебиение слегка участилось...

Ладно, буду следить за своим состоянием. Надеюсь, ничего фатального не случится.

Поднялись на поверхность мы уже в полной темноте. Если и горел ещё на западе край неба, от нас его загораживала горная гряда. Небо казалось высоким, чёрно-прозрачным. Дул слабый ветер, откуда-то тянуло морем. Впрочем, к местным солоновато-йодистым ветрам я, похоже, начала уже привыкать.

Оказавшись наверху, Тейт развесил еле мерцающие светильники и почти сразу потянул меня в сторону выхода из внутреннего кольца Лагона.

— Нам далеко идти? — насторожилась я, вспомнив о своём фиаско с Нэккен.

— Не устанешь, — ухмыльнулся рыжий.

Слукавил, конечно. Нет, я не устала, но разве что чудом, потому что идти пришлось далеко. В итоге получилось больше получаса быстрым шагом; открытые широкие поляны мы пересекали перебежками и почти всё время молчали. Только раз я спросила:

— А Лиора и Маронг там будут?

— Вряд ли, — отрицательно вздёрнул он подбородок. — Им пока не до того.

Развивать эту тему не хотелось. "Суд мастеров" гораздо дороже обошёлся им, чем нам. Тейт ничего не рассказывал, хотя наверняка был в курсе всей истории. Но с Маронгом мне удалось один раз поговорить. Мы столкнулись у мастерских. Он был жутко бледен, с синяками под глазами; коротко сообщил, что в ближайшие пятнадцать дней не появится на занятиях. На вопрос "почему" скривился невольно и ответил, что его поймали на лжи и едва не вскрыли голову. Спасло только заступничество Ригуми Шаа — и, частично, филигранные блоки Лиоры.

С тех пор я ни с Маронгом, ни с ней не встречалась, а интересоваться у Тейта побаивалась.

— Пришли, — внезапно сказал рыжий и обернулся ко мне, одновременно гася светильники. — Слушай, там сначала страшновато

будет, но ты не пугайся, они ручные.

"Кто?" — хотела спросить я, но не успела.

Ещё шаг — и мы провалились в подземелье. Поток силы, ощущающийся как тёплый ветер, смягчил падение. Пещера оказалась не слишком большой, шагов двадцать в диаметре, и зловещей. По потолку и стенам змеились багровые светящиеся жилы, а по краю, на полу, лежало что-то большое...

...живое?

Оно шевельнулось, плавно и мощно, словно долгая океанская волна прокатилась, а в следующую секунду выбросило к нам сотню извивающихся отростков. Каждый оканчивался либо пастью, либо опалесцирующим желтоватым глазом.

— Митчи, это я, — невозмутимо произнёс Тейт и протянул мне руку, помогая подняться.

Забавно. Я даже не поняла, как и когда оказалась на полу.

Жутковатое существо снова шевельнулось и втянуло отростки, а затем выгнулось, освобождая проход. Пройти там можно было только пригнувшись.

— Только не говори, что ту штуку зовут Митчи, — шепнула я.

— Нет, ты что, — удивился рыжий. — Митчи — хозяйка. А это охранный айр. Ребята из мастерской Гоборы Гаро сделали. Типа в благодарность. Ну, пойдём! Ты чего тормозишь?

Признаваться, что я остерегаюсь той противной штуковины, было как-то неловко, поэтому пришлось немного придушить свой инстинкт самосохранения. Не съедят же меня, в самом деле.

Конечный пункт нашего путешествия располагался даже глубже, чем учебные залы Ригуми Шаа. По самым приблизительным расчётам мы спустились этажей на десять. Причём не по ступеням — их в Лагоне, похоже, не признавали в принципе — а по гибкой лестнице из плотно переплетённого плюща, которая вилась по стенам четырёхметрового вертикального туннеля. Я заикнулась было о том, как же потом подниматься, но тут как раз навстречу взмыл белобрысый парень на платформе.

Магия, ну конечно.

Развить эту мысль не получилось, потому что рыжему надоело смотреть на мои страдания. Он прицокнул языком — и сгрёб меня в охапку, а уже в следующую секунду мы полетели вниз. Несколько раз

труба крутанулась вокруг невидимого центра... то есть, разумеется, сам Тейт крутанулся, отталкиваясь ногами от стен. Воздух выбило из лёгких, но толком перепугаться я не успела — мы приземлились.

— Испугалась? — лукаво поинтересовался рыжий, поставив меня на ноги.

Колени почти не подгибались. Храбрая, храбрая я.

Но уже через полминуты мысли о своеобразном чувстве юмора Тейта вылетели из головы, потому что место, где мы оказались, превзошло все ожидания.

Больше всего эта пещера напоминала зеркальный шар изнутри, что-то вроде тех штук, которые лет сто назад на дискотеках вращались под потолком. Шум и свет накатывали постепенно, издали, ещё в поводящем туннеле; множество голосов, металлический звон, разноцветные отсветы в холодной гамме — всё спаяно музыкой в текучий изменчивый монолит сюрреалистического пространства. Стоило попасть внутрь этого шара — и мгновенно наступила дезориентация. Фрактальная зеркальная поверхность стен медленно вращалась, а под самым куполом расплывались световые облака и то гасли, то разгорались. Ритм был плавный, завораживающий — ничего общего с хаосом ночных клубов, который мог спровоцировать приступ эпилепсии у особо впечатлительных.

Здесь пахло солоно и одновременно сладко, как от чистой кожи после океана, и ещё немного — незнакомой едой, дымом и листьями шерги.

— Хочу есть, — неожиданно для себя произнесла я. — И танцевать. Тут у вас танцуют?

Тейт расхохотался, а потом подхватил меня и закружил, не позволяя даже мысками коснуться пола. Накатила восхитительная лёгкость. Купол распахнулся на необыкновенную ширину, впитывая мысли... нет, не десятков, а сотен людей.

Шрах, сколько здесь народу!

Когда Тейт поставил меня, я огляделась, с трудом переводя дыхание.

Посреди пещеры росло огромное дерево с мощными ветвями. Оно давало густую тень, а его корни переплетались, вгрызались в камень, образуя множество естественных лож. Кто-то отдыхал там, кто-то прямо на ветвях. В правой части, в особенно протяжённой ложе,

горели костры. Слева было расчищено широкое пространство, что-то вроде арены диаметром почти в сотню шагов.

Она пустовала.

— Сначала есть, — скомандовал Тейт, мягко разворачивая меня и подталкивая в ту сторону, где виднелись костры. — Потом объяснишь, как танцевать.

— Вы не танцуете? — удивилась я и на всякий случай послала ему несколько образов. Он нахмурился и ответил непонятно:

— Не-а. Мы играем.

Вскоре запах еды стал сильнее, обнаружился и его источник. Над кострами парили полутораметровые металлические блюда. Между ними сновали... наверное, поварихи — поджарые, коротко стриженные девчонки в одинаковых тёмных трико. Заправляла ими высокая круглолицая девушка. Волосы у неё были выкрашены в яркие цвета, прядки торчали вразнобой, как взъерошенные пёрышки. Завидев Тейта, она замахала руками:

— Айе! Рыжий! — и тепло улыбнулась.

В груди у меня заворчалось что-то подозрительно похожее на червя сомнения.

— Митчи! — просиял Тейт и, выпустив мою руку, перемахнул через корень. Обнял хозяйку, встрепав и без того дыбом торчащие волосы, коротко поцеловал в щёку. — Давно не виделись. Как младшие?

— Не скучают, как видишь, — хмыкнула Митчи, подбородком указывая на помощниц. Одна из девчонок захихикала. — Останешься сегодня?

— Не-а, — протянул рыжий, задумчиво глянув на меня. — Кстати, знакомься. Это Бланш Трикси.

Я и ойкнуть не успела, как очутилась прямо перед хозяйкой. Такое чувство, будто корни огромного дерева подались в стороны, а затем подтолкнули меня к ней. Митчи покачнулась на пятках, рассматривая меня с разных углов, затем протянула руку, чтобы дотронуться — и отдёрнула.

— Красивая... Твоя добыча, да?

— Ну... — Рыжий сделал многозначительно долгую паузу. — Ну, типа да.

— Типа? — Уголки губ у Митчи дрогнули.

Разговор принимал малопонятный для меня оборот.

— Я её защищаю.

— А почему?

— Хочу, — ответил Тейт со смертельной серьёзностью, и прозвучало это жутко двусмысленно. Меня в жар бросило. — Айе, поболтайте, я пока Лао поищу. Он ведь тут?

— И Айка, — подтвердила Митчи. — Кагечи Ро не видела...

— Он тут, — уверенно откликнулся рыжий, поведя носом. — Я побегу. А, чуть не забыл. Вот свиток, — сунул он хозяйке в руки слегка погнутый цилиндр. — Там написано, что Трикси можно, что нельзя.

— Заплатишь или отработаешь? — крикнула ему вдогонку Митчи.

— Лао тут — отработаем вместе!

Он передвигался в толпе едва ли не быстрее, чем спринтер на дистанции, и всего за несколько секунд пропал из виду.

— Всегда в движении, — вздохнула хозяйка, потом скосила на меня глаза. — Подойди ближе, Трикси. Буду тебя угощать. Не бойся, в приютах не травят, — добавила она, заметив моё замешательство. — Иначе бы сюда никто не ходил. Или ты не веришь рыжему?

"В приютах"? Любопытное определение.

— Верю, — призналась я и наконец последовала за Митчи.

Шрах. Она тоже зовёт его "рыжим". Почему я чувствую себя так, словно у меня украли что-то сокровенное?

Мы прошли за крупный выгнутый корень. Хозяйка разожгла огонь, а потом провела ладонями по шершавой коре — и та раскрылась; под ней оказалась сияющая световая труба. Митчи выловила оттуда очередное блюдо, правда, поменьше, несколько крупных плодов, флягу и связку сушёных полосок. Девчонки-поварихи посматривали на нас с любопытством, но не вмешивались. Похоже, Митчи приходилась им родственницей, если не старшей сестрой, то кузиной точно...

Занятно. Это, наверное, первое счастливое семейство, которое я встретила в Лагоне.

— Я любовница Тейта, — сказала вдруг хозяйка, устанавливая блюдо над огнём. — И моя сестра Котарэ — тоже. Точнее, уже нет, но была. Но не переживай, мы всего лишь друзья. Просто так удобнее. Я

не ревную, а Котарэ сейчас вообще влюблена в другого человека. Ты мне нравишься. Вы с рыжим занимались любовью?

— Э-э... — Язык у меня присох к гортани.

А я-то думала, что меня нелегко застать врасплох.

Самое поразительное, что эта Митчи действительно не лгала, ни единой мыслью, ни единым чувством. И работать ей откровенные разговоры не мешали. Она спокойно выливали в блюдо жидкость из фляги, крошила туда синеватые плоды, добавляла странные порошки — спереди у неё было повязано что-то вроде фартука со множеством карманов, где хранились ингредиенты.

Наверно, поэтому и мне становилось спокойнее, точно чужая уверенность передавалась по воздуху, как вирус.

— Я так и думала, — спокойно продолжила она и улыбнулась мне ободряюще. — Я намного старше Тейта, мне почти семьдесят лет. В Лагон я попала восемнадцать лет назад, уже старухой. Созидающие совершенство сделали моё тело молодым и красивым, но разум — нет. Я помню, как погибли мои сыновья, когда свободные пришли на побережье. Те девочки — дочери младшей жены моего отца, но и они на треть старше Тейта. Меня и рыжего ничего не связывало. Вас слишком много связывает с самого начала. Вам сложнее. Верь ему, он хороший мальчик. Ты дурно думаешь обо мне?

— Нет, — с облегчением выдохнула я. Хоть что-то можно сказать совершенно искренне.

— Хорошо, — улыбнулась Митчи. — Ты славная девочка. Сколько лет?

— Двадцать четыре.

Вот тут она удивилась.

— Надо же. Я думала, что семнадцать.

От неожиданности я рассмеялась, но быстро осеклась.

— А почему?

Митчи склонилась над блюдом, в котором уже булькало что-то вроде ароматного гуляша, и бросила туда несколько красноватых полосок из приготовленной связки.

— Глаза хорошие, чистые. Обманывать не умеешь, а думаешь, что умеешь. Любишь сладкое, Трикси? Все молодые любят сладкое. Сиди, я сделаю что-то вкусное.

Я послушно опустилась на ближайший корень. В голове вертелась неприятная мысль: Тейт что, любит женщин постарше?

Нет, быть не может. Нэккен же младше меня. И эта, Котарэ, тоже почти ровесница... Шрах, я не должна думать о такой ерунде! Тем более что в кои-то веки новая знакомая не кажется опасной...

Впрочем, и Аринга сначала вызывала у меня симпатию. Даже тётю Глэм чем-то напомнила. А в итоге всё это обернулось кошмаром предательства. Стоит подумать, что в будущем может случиться нечто подобное — и дрожь пробирает. Бр-р-р. И первый порыв — закрыться, полностью отсечь любые контакты, но изоляция отсекает пути к развитию. Нет развития — нет шанса вернуться домой или хотя бы найти своё место здесь, в Лагоне.

Замкнутый круг.

— Мне было очень плохо сначала, — внезапно заговорила Митчи, наклоняясь над блюдом. Пряди волос у неё надо лбом повлажнели и слиплись. — В Лагоне. Я шла, чтобы найти мать. Она была низвергающей небо, но скрывала это. Побережье не для магов. Она знала о том, что я могу, научила простым вещам — разжигать огонь, уходить под землю, топить лодки врагов. Ушла рано, я думала, что вернулась в Лагон.

Митчи замолчала и начала рыться в карманах. Достала связку сухих цветков, понюхала, затем, видимо, раздумала и снова спрятала. Мысленный фон у неё оставался ровным, прозрачным — ни щитов, ни подозрительных лакун. Образы из воспоминаний были расплывчатыми, словно пеплом присыпанными.

— А что потом?

— Оказалось, нет. Мастер Оро-Ич сказал, что если она не дошла, то, значит, погибла. Я осталась здесь, одна, только пять сестёр на руках. Всех кормить надо, учиться некогда. Денег нет, дома нет, кровителя нет. Засыпаю — снятся кости. Думала, убьют. Но нет, не убили. Стала делать, что умею: готовить, слушать. Тут старух не было, сперва ко мне из любопытства ходили. Потом пришла женщина из созидающих совершенство. Сказала, что хочет удивить своего мастера и что ей нужен человек для изменения. Уговорились, что если не выйдет, и она меня убьёт, то девочек она воспитает. Обошлось, — улыбнулась Митчи краешками губ. — Так и живу.

Безыскусный рассказ одновременно завораживал и наводил жуть. Мне было не по себе, потому что я не могла представить себе ситуацию, когда соглашусь лечь под нож экспериментатора в надежде на призрачный результат. Даже если на кону вечная молодость. А Митчи рискнула — значит, ей действительно нечего было терять, и это по-настоящему страшно.

Но если местные нравы ужасали, то уровень медицины откровенно восхищал. Настоящее волшебство, которое у нас, наверное, даже толком осознать не смогут, не то что повторить. Как бы отреагировала мама, если бы попала сюда? Застряла бы в мастерских на неопределённый срок, пока не освоила хотя бы часть приёмов?

Наверное.

Мне пока везёт только на неприятности, а вот в учёбе успехи более чем скромные. Если так пойдёт и дальше, то обещание мастера Ригуми останется просто обещанием — награждать-то пока не за что.

Я непростительно отвлеклась на дурную рефлексю и как-то совершенно упустила из виду Митчи. И осознала собственный промах, только когда передо мной появилась тонкая каменная доска, на которой лежал изящный букет тёмно-розовых цветов с сочными округлыми бутонами.

— Что... — начала было я и запнулась, соображая. От "цветов" исходил изумительный запах поджаренного теста, мясного сока и пряностей. Я невольно сглотнула. — Это ты сейчас сделала?

Шрах, редкостно идиотский вопрос!

— Да, — не смутилась Митчи. — Девочки приготовили маленькие лепёшки из листьев шерги на масле и красном соке. Если свернуть особым образом, получатся кульки, а внутри — соус, орехи и мясо. В тех, что светлее, овощи. Не бойся, я брала только то, что было в списке. И попробуй вот это, — добавила она протягивая мне чашу. — Шерга, но иначе заваренная. Больше специй, орех цекко и нектар.

Честно говоря, понимала я её через слово. И даже то, что перевела для себя как "нектар", на самом деле означало что-то вроде сгущённого сока из цветов. Но пахло всё это изумительно — что поджаристые сочные кулёчки из теста, что напиток, который слегка отдавал корицей. Точнее, чем-то ужасно похожим на неё...

"Шрах, как я соскучилась по кофе!" — проскользнула вдруг совершенно отчётливая мысль.

На вкус "букет" оказался даже лучше, чем можно было себе представить. Всё это время Тейт кормил меня не то чтобы плохо, скорее, аскетично. Несолёный жидкий суп и струганное фуубе в качестве заправки, пресные лепёшки, твёрдые кисловатые фрукты — вот и всё. Я, кажется, успела забыть, что бывает и такая еда — хрустящее тесто с неуловимым сливочным привкусом, соус, который переливается оттенками вкуса от кисловато-острого до солоноватого, слегка крупитчатое овощное пюре...

Шерга оказалась горьковатой. Не слишком, ровно настолько, чтобы оттенить основное блюдо.

— Нравится? — спросила Митчи. Глаза у неё были весёлые.

— Очень, — ответила я искренне. Даже дурацкие столовые приборы — щипцы и крючки — не могли испортить аппетита. Только одна мысль слегка омрачила удовольствие: — Это дорого?

— Весьма, — признала хозяйка. — Но Тейт обещал заплатить услугой.

На горизонте замаячило нехорошее подозрение, но я отогнала его.

Кыш, кыш.

— То есть?

Митчи посмотрела на меня — и рассмеялась. Наверно, потому что догадывалась, о чём можно подумать после нашего разговора.

— Развлечёт гостей. Увидишь.

Заскучать я не успела. Только прикончила последний кусочек, омыла руки в чаше — и вернулся рыжий, причём не один. И если Айку по мысленному фону получилось узнать ещё издали, Кагечи Ро — тоже, пусть и с некоторым трудом, то третий спутник — спутница? — поверг меня в замешательство.

— Трикси! Айе, Трикси! — замахал Тейт рукой, перемахнув через корень. — Я их привёл! Айку и Ро ты знаешь, а это Ренгиса Лао, я говорил, ну, помнишь? Он подмастерье и вообще крутой!

На меня некстати напал столбняк. Я начала понимать, почему Тейт затруднялся определить пол своего приятеля... Ренгиса Лао не воспринимал себя ни мужчиной, ни женщиной, ни даже андрогином. Кажется, у него в голове вообще отсутствовали гендерные категории.

А ещё он был красивым. Невероятно, удивительно красивым — высоким, гибким, светлокожим, с прямыми пепельно-русыми волосами, подстриженными аккуратным каре.

— Значит, Трикси, — пропел Лао, сощутив изумительные глаза — не серые, а будто бы серебряные, с тёмно-зелёным ободком вокруг радужки. Брови у него оказались почти чёрными, контрастными, и этот лёгкий диссонанс несовершенства делал красоту живой, настоящей. — Твоя Трикси, да, Тейт?

Он произнёс это как-то по-особенному тепло, необходимо. Точно мог бы сказать "твоя сестра" или "твоя невеста", но просто слова нужного не нашёл... Надо же, первый человек здесь, который не заинтересовался моим статусом добычи.

— Ну-у, — польщённо протянул Тейт, потупившись, но Лао вдруг добавил также певуче, с неуловимой иронией:

— Твоя Трикси... Или это ты — её?

Внутри у меня словно оркестр грянул и цветы расцвели — идиотское, но такое приятное чувство. Я поняла, что обожаю Лао. И буду обожать, даже если он окажется хуже Аринги, и мы его в конце концов прибьём.

Просто потому что у каждого в жизни должен быть прекрасный принц. Или принцесса. Или дракон.

Неважно, в общем-то.

— Тейт мой, — подтвердила я с лёгким сердцем. И рыжий почему-то застыл на секунду, а потом расхохотался и полез обниматься. Айка любопытно вертелась вокруг нас, Кагечи Ро деликатно отводил глаза...

А Ренгиса Лао наблюдал. Ему было интересно и — это почему-то купило меня окончательно, со всеми потрохами — хотелось включиться в игру.

Долгая, весёлая игра ко всеобщему удовольствию — так он воспринимал происходящее.

— Вот и познакомились, — подытожил рыжий, обнимая меня со спины, потом обернулся к Митчи: — Вы подружились?

Она протянула руку прямо над моим плечом и ласково взъерошила волосы Тейта.

— Мы присмотрелись друг к другу, и пока этого довольно. Ты пойдёшь наверх?

Загадочный вопрос. Но, кажется, сбил с толку он одну меня.

— Ага, — просто ответил рыжий. Потом обернулся к друзьям: — Кто возьмёт поднос, а кто Трикси?

— А сама она не пыртычит? — встряла Айка. — Ну, она ж из ложи овеществлённого ничто.

Незнакомое слово сперва сбilo меня с толку, тем более что образ за ним стоял размытый. То есть примерно понятно, что имеется в виду — "не умеет", "не может", но вот оттенок какой-то странный... Пренебрежительный?

Да уж, как-то неловко получилось. Выгляжу двоечницей. Ещё и от Кагечи Ро сочувствием фонит.

— Ну, а ты что, в первый год по скале вверх побежала? — фыркнул Тейт, ни капельки не смущённый. — Так что насчёт...

Договорить он не успел — появились две девчонки-поварихи с огромным, почти метровым блюдом, на котором аккуратными горками лежала еда. Я опознала только опостылевшие лепёшки из листьев шерги, остальное было незнакомым. В центре возвышался немаленький кувшин, литра на четыре, и стопка из чистых пиал. Рыжий отпустил меня и скользнул к блюду, заинтересованно принохиваясь.

— Слушай, Митчи, за столько мы с Лао не расплатимся... — начал было он, однако хозяйка с улыбкой покачала головой:

— На побережье принято накрывать стол в знак добрых намерений, когда знакомишься с хорошим человеком. Это не для тебя, но для Трикси.

— А, тогда хорошо! — повеселел рыжий. — Тогда скажи, когда нам с Лао надо будет на сцену.

— Пошлю Карон, — пообещала Митчи и добавила: — Ваша ветвь свободна.

Сияющие облака вспыхнули отчего-то особенно ярко, неприятным красноватым светом, и это меня слегка дезориентировало. Всего на долю секунды, но хватило, чтобы упустить и виду кое-что важное.

Только что я стояла на земле, и вдруг оказалась у кого-то на руках, окутанная пыльно-свежим ароматом, похожим на запах камня после грозы.

— Я понесу её, — раздался певучий голос Лао у меня над ухом. — Можно?

— У Трикси и спрашивай, — непоследовательно ответил Тейт, который только что распределял обязанности без оглядки на моё

мнение. — Ух, тяжёлый! — добавил он, принимая поднос. — Митчи, спасибо!

— Ты не против? — улыбнулся Лао и подул мне на волосы.

Свежий аромат стал сильнее. У него что, дыхание такое? Действительно, как персонаж из сказки... Только чувствую я себя почему-то не пастушкой в объятьях принца, а принцессой, которую впервые в жизни усадили на Настоящего Белого Пони с Розовой Лентой.

— Я очень даже "за".

Прозвучало это по-дурацки кокетливо, и от Тейта на мгновение повеяло кислотовато-острым чувством. Не ревностью, но чем-то вроде того, что ощутила я сама, когда Митчи назвала его "рыжим". Неожиданно — и приятно, как будто сбылось глупое желание стать для него кем-то особенным.

Главный сюрприз оказался впереди. Когда Лао начал двигаться, мне стало понятно, какая пропасть лежит между учеником, пусть и выделяющимся в общей массе, и подмастерьем. Тейт передвигался сверхъестественно быстро, но урывками, по-человечески. Прыжки, пробеги, безумная акробатика... Повторить хоть один элемент нереально, но можно хотя бы понять, что именно происходит.

А Ренгиса Лао был совсем другим. У него было не различить отдельных действий; всё слилось в одно быстрое и плавное, почти танцевальное движение. Он не сделал шаг, а сместился, скользнул, наклоняясь корпусом и отталкиваясь ногой, как на невидимых коньках.

Секунда — и "кухня" Митчи оказалась в двух десятках метров позади; другая — и зеркально-фрактальный мир опрокинулся, пол задрался под углом в девяносто градусов, а под ногами оказался рельефный ствол чёрного дерева; третья — и мы на высоте третьего этажа, на ветке метровой ширины.

Я резко выдохнула. Голова кружилась.

— А... Тейт так умеет?

— Он будет польщён, если узнает, каким оказался твой первый вопрос, — мелодично рассмеялся Лао и поставил меня на ноги. — Равновесие не потеряешь?

— Нет, наверное, — рассеянно ответила я и мысленно залепила себе оплеуху: глупо строить из себя железную леди на такой высоте. — Но лучше присесть.

— Лучше сюда, — посоветовал Лао, указывая на развилку чуть дальше.

Основная ветка шла вверх под небольшим уклоном, затем раздваивалась, а уже чуть дальше вверх отходило ответвление толщиной чуть больше четверти метра. Там можно было присесть с относительным удобством, упираясь спиной в один сучок и придерживаясь за другой. И захочешь — не свалишься.

— Хорошая идея, — пробормотала я.

Лао с какой-то совершенно несвойственной Лагону галантностью предложил мне руку и, едва ощутимо придерживая за пальцы, подвёл к нужному месту. Помог устроиться, сам сел у ног, на самом краю, и запрокинул голову, чтобы удержать зрительный контакт.

Стройный, гибкий андрогин в зеленовато-серебристом трико с графитово-серым шарфом на плечах — как картинка. И ещё этот запах мокрого камня... По отдельности всё экзотичное, чужое. А вместе — невероятно близкое.

— У меня такое ощущение, что я тебя знаю уже очень давно, — призналась я неожиданно для самой себя.

Лао улыбнулся краешками губ.

— У многих такое же ощущение при встрече с тобой, Трикси.

— Правда? — растерялась я. — А почему?

— А ты подумай, — ответил-пропел он.

И я, честное слово, уже почти задумалась, но тут снизу послышалась замысловатая ругань Кагечи Ро и взвизг Айки. Потом на ветку вскарабкался Тейт с подносом, на котором почему-то отсутствовал кувшин с шергой.

Стало шумно и весело.

Пропажа кувшина и ругань объяснились просто: он всё-таки свалился с блюда едва ли не на голову Кагечи Ро. Но, спасибо магии, ничего не разлилось и не разбилось. Подарок Митчи оказался воистину королевским. Особенно мне понравились крохотные рулеты из блинов, похожих на застывшее, слегка резиновое сливочное суфле, с ореховой пастой внутри. Когда рука сама потянулась за третьей порцией, я наконец осознала, как же всё это время мне не хватало нормальных десертов.

И кофе.

Шрах, уже второй раз за вечер чувствую призрачный вкус на языке...

Когда блюдо почти опустело, и Лао разлил по пиалам шергу, атмосфера неуловимо изменилась. Тейт многозначительно переглянулся с Кагечи Ро, и вокруг нас возникла мыльно-радужная сфера. Как тогда, в первый мой день в Лагоне.

— Ты ведь уже залечила раны, Айка? — вкрадчиво спросил андрогин, сощутив глаза. Девчонка склонила голову к плечу. — А теперь расскажи, как ты их получила. То, что уже рассказывала мне.

— Да ну, полный фаркан, — сморщила она нос и вздохнула. — Я, как договорились, ширбанула по скале, ну типа айра почуяла, а там прям баштар-моштар, целое гнездо. Все бегают, орут, ни пырта не делают, потом бац Аринга. Злющая, ну вообще фаркан. Айров того, меня заскричала, а я такая как будто вообще не улю. Вроде выкрутилась. Но пока то, пока сё — баштар-моштар, почти сет прошёл. Потом она сцимтнула, что вы не улю, ну и ширбанула за вами...

Я с ужасом поняла, что уплываю, потому что рассказ понимаю только в общих чертах. Образы угадывались, но только примерно. Видимо, растерянность отразилась на моём лице, потому что Тейт, глянув на меня, перебил Айку:

— Слушай, а можно нормально говорить? Ну, без твоих словечек.

— Ты не сцимтаешь, в чём фаркан, — искренне обиделась она.

— Он, может, и сцимтает, — мрачно откликнулась я. — А вот я вообще не улю.

Эта фраза почему-то вызвала дикий хохот у рыжего и виноватую улыбку у Кагечи Ро. Лао наблюдал с любопытством, но не вмешивался.

Айка вздохнула и продолжила рассказ уже без своего безумного сленга. Точнее, "фырканами" и "пыртами" она по-прежнему расцвечивала речь, но эти слова, кажется, не имели постоянного смыслового наполнения, только эмоциональное, потому понимать было легче.

В целом же картина вырисовывалась неприятная.

Свободные в чёрных балахонах напали не сразу после ухода Аринги, а спустя сет с небольшим. Подобрались незаметно, атаковали со всех сторон. Если бы не Хатани, та ледяная женщина-телепат с

добычей, то жертв было бы куда больше. Она "устроила звон", и многие из свободных оказались дезориентированы. Это позволило Айке пробиться за оцепление. С ней было ещё два ученика, но их убили. Айку тоже почти схватили, но она удачно обрушила скалу — сама спаслась, хоть и заработала несколько переломов и пробитую голову, а преследователя завалила.

— Что думаете? — певуче поинтересовался Лао, когда девчонка закончила рассказ.

— Аринга, — скривился Тейт и бессознательно сделал жест, словно стирал грязь с ладоней. Ему было противно.

— Мастер Аринга, — задумчиво откликнулся Кагечи Ро. — Больше никому. И время совпадает, и слишком хорошо свободные знали, где лагерь.

— Мастера решили так же, — подтвердил Лао и досадливо прикусил губу. — Плохая игра. Кто бы мог подумать, что найдутся ещё такие, как Ингиза.

Имя было незнакомым — но только для меня. А от Тейта плескануло таким негативом, что в глазах потемнело. Все остальные сделали вид, что ничего такого не происходит, и я не рискнула спрашивать.

Но запомнила. Ингиза, гм...

— Мастера будут мстить? — тихо спросил рыжий, старательно подавляя воспоминания. — Оро-Ич молчит.

— Они ищут след, — встряла Айка. — Меня заставили вспомнить запах, я ж чую, как фаркан.

— И как, есть что-то знакомое? — с любопытством дёрнул Кагечи Ро бровью-кружочком. Я проглотила неуместный смешок.

— А пырт его знает, — хмыкнула она и потянулась к блюду за последним сладким рулетиком.

Надо же, и аппетит не пропал — даже после обстоятельного рассказа о терроре, который учинили свободные. Мне одного "размазал ему руку" хватило, чтобы отставить чашку с шергой.

— Трикси, а ты можешь показать мне запах, который Айка почувствовала? — спросил вдруг Тейт.

Я от неожиданности кивнула вместо того, чтобы склонить голову к плечу.

— Да, наверное... Можно попробовать!

Передавать воспоминания о запахах от одного человека к другому мне ещё не приходилось. Но оказалось, что это совсем несложно. У Айки оказалось не только тонкое обоняние, но и ясный, цепкий разум. Похоже, всех направляющих удар учили контролировать мысли — по крайней мере, такой вывод напрашивался после встречи с мастером Таппой и знакомством с двумя учениками и одним подмастерьем из его ложи.

А вот результат стал неожиданностью для всех.

— Это они, — решительно заявил Тейт. — Те, которые призвали Трикси. Я ещё из-за чёрных балахонов про них вспомнил.

— И что нам это даёт? — спросил Кагечи Ро. Ему разговор явно не нравился.

— Ничего, — по-кошачьи улыбнулся Лао. — Доложи мастеру, Тейт. А нам нужно быть осторожнее. Если Аринга жива, она вернётся за вами. Такое оскорбление не прощают.

Радужный купол дрогнул. С той стороны махала руками девчонка в тёмном трико, одна из сестриц Митчи.

— А, пора, — мгновенно переключился с серьёзного на азартное настроение рыжий. — Лао, идёшь?

Андрогин гибко поднялся и потянулся:

— С удовольствием. Как обычно?

— Ну, можно и посерьёзнее, чем в прошлый раз. Таппа сказал, что я могу на вертикаль переходить, но скорости не хватает, надо тренировать... Трикси, посмотришь? — спросил Тейт. В эмоциональном фоне проскользнули две противоположных надежды: что я откажусь и что я соглашусь.

Так, словно он очень хотел показаться с лучшей стороны, однако боялся... разочаровать?

Я смотрела в его глаза — тёмно-синие, как у меня, но сейчас из-за странного света скорее чёрные. И меня точно что-то под локоть толкнуло. Шаг, два, три — и мы оказались лицом к лицу, так, что если один слегка повернёт голову, то заденет другого.

— Ты лучший. Сильнейший ученик в Лагоне, — сказала я чётко. — Разумеется, посмотрю. Откуда здесь лучше видно?

Тейт глубоко и прерывисто вздохнул, потом отстранился. Взгляд у него поплыл.

— Ро покажет.

Не дожидаясь ответа, он сиганул с ветки, следом за ним — Лао. Девчонка в тёмном трико мыском очертила по воздуху круг; движение оставило серебристый "хвост", словно у невидимой кометы, который начал медленно стекать вниз плавной спиралью.

— Карон идёт! — звонко возвестила повариха и соскользнула по этой спирали.

Я ощутила укол зависти. Интересно, когда-нибудь у меня так получится?

— Нам надо спуститься, — прикоснулся Кагечи Ро к моему запястью. — Я помогу.

— А я место зафыртачу! — радостно объявила Айка и дёрнула к основанию ветки. Там, не снижая скорости, свернула и побежала вниз по стволу.

Мы едва-едва успели к началу действия. Лучшие зрительские места располагались на два яруса ниже, на толстой кривой ветке, которая почти вплотную подходила к тому, что мне сперва показалось ареной и что Митчи назвала сценой. Большая разница, если задуматься. Арена бывает гладиаторская и цирковая, то есть всегда присутствует доля риска, звериное начало — только где-то львы дикие, а где-то дрессированные. Но сцена означает шоу.

И к выступлению сейчас готовились трое — двое участников и судья. У края сцены стояли несколько зрителей, четверо или пятеро.

— ...вручаю ветвь ягод оррана, — торжественно произнесла Митчи, передавая колючую веточку с гроздью чего-то жёлтого Лао. Похоже, это тот самый наркотический символ добрых намерений, который рос вокруг судебной поляны... забавно. — Пусть Танеси Тейт попробует отобрать её. Условие: ягоды должны остаться целыми.

Фрактально-зеркальные стены сместились, отдельные фрагменты изменили угол наклона так, что сцена оказалась расчерченной столбами света. Те, кого я сначала приняла за зрителей, девчонки-поварихи, одновременно подняли руки — и медленно, плавно опустили, оставляя в воздухе серебристые следы, как самолётные дорожки в небе. Эти сияюще-дымные полосы мелко завибрировали, издавая металлический звон, сперва высокий, затем всё более низкий... И — вдруг раздались, туманной волной захлёстывая всю сцену. Световые столбы теперь казались физически ощутимыми,

жесткими, точно вырезанными из хрусталя. А две фигуры, тёмная и белёсая, Тейт и Лао, выглядели сюрреалистично-ненастоящими.

В тишине послышался одинокий удар, как если плашмя стукнуть ладонью по чему-нибудь плоскому. Затем другой, третий... К отбивающим ритм присоединялись новые и новые люди. Даже Айка начала прихлопывать рукой по дереву.

Тейт и Лао неторопливо расходились в стороны, пока не очутились в противоположных концах сцены, а потом сорвались навстречу друг другу.

Хлопки замолкли.

В точке столкновения, кажется, ничего не произошло, но серебристый туман резко отхлынул, выплеснулся на зрителей, оставляя пустое пространство. И в этой пустоте, расчерченной световыми столбами, кружили друг вокруг друга Тейт и Лао. Первый передвигался мощными рывками, как будто бы низкими прыжками над самой землёй. Второй — плавно, словно по льду скользил.

Темп нарастал, траектория движения превращалась в спираль... А потом они просто-напросто пропали из виду.

Я глухо вскрикнула и тут же прикусила губу.

Где?..

Ни Кагечи Ро, ни Айка не выглядели удивлёнными. Девчонка даже улыбалась, а зрочки её подрагивали, точно отслеживая чужие перемещения. Я поколебалась секунду и сделала то, на что никогда не пошёл бы цивилизованный эмпат — подключилась к её восприятию.

И — словно провалилась в другой мир.

Айка видела сцену чётко, как если бы стояла у самого края. И там, в центре площадки, огибая световые столбы, плясали двое. Точнее сказать, Тейт пытался задеть противника хотя бы кончиком ногтя — подпрыгивал, бил с разворота, подкатывался под ноги, делал мощные, экономные выпады. А Лао уклонялся, выскользывал из-под каждой атаки, и можно было бы подумать, что это даётся ему легко, если бы не бисеринки пота на висках и ощущение запредельного напряжения.

А ещё они оба смеялись.

Нет, не вслух — глупо, нерационально тратить на это дыхание. Но где-то глубоко внутри, там, где находится не признанная никакими учёными душа — они хохотали. Так, что даже я заражалась азартным весельем и не могла сдержать улыбку.

...он всё-таки задел Лао. Немного, мыском, на излёте движения, но этого хватило, чтоб отбросить противника почти на полтора десятка метров. По сцене разбежались змейки трещин. Тейт извернулся немислимым образом, взвился в воздух — и вовремя, чтобы уйти от ответного удара.

У меня перехватило дыхание. А затем губы у Лао зашевелились; я не слышала слов, только едва оформленные мысли:

"Ты подрост. Заканчиваем?"

"Ага".

"Давай поярче. Я увернусь".

Азарт сменился сосредоточенностью — и с той, и с другой стороны. Движения замедлились ровно настолько, чтобы за ними можно было уследить. А потом рыжий вдруг шарахнулся в сторону, выставляя руки с зажатými кулаками перед собой. И — резко разжал их. Я едва успела зажмуриться и разорвать контакт. Вспыхнуло так, что даже сквозь веки просочилось огненное зарево, а лицо опалило сухим теплом.

Стало абсолютно тихо. Потом кто-то в задних рядах оглушительно чихнул.

— Я победил! — громко заявил Тейт. И добавил виновато: — Правда, ягоды поджарились...

Айка заржала совершенно неприлично, с подвываниями, перекатываясь по ветке и колотя ладонями. Многие тоже смеялись, хотя и не так бурно. А я наконец рискнула открыть глаза.

Сцена приобрела ровный чёрно-прокопчённый оттенок. Рыжий и Лао стояли плечом к плечу, оба чистенькие, весёлые. Как будто не дрались только что, а в шахматы играли.

— Надо вернуться, Трикси, — окликнул меня Кагечи Ро. — Пойдём на наше место.

— А как же Тейт? — зачарованно отозвалась я.

Отвести взгляд от сцены было невероятно сложно.

— Догонят, — фыркнула Айка. — У них, это, до пырта поклонников сейчас будет. Соберут подарки и придут.

"Каких ещё поклонников?" — хотела я спросить, но прикусила язык, потому что разглядела у края сцены блюдо. К нему как раз подошёл высокий мужчина в красном и молча положил какой-то свёрток.

Значит, вот что здесь преподносят звёздам вместо букетов...

Лао с Тейтом задержались. Когда они добрались до нашей уютной развилки на высоте третьего этажа, шерга закончилась, а я как раз дозрела до того, чтобы сесть на краю и свесить ноги. Голова уже не кружилась, точнее, её вело, но по-другому.

Сначала появился здоровенный поднос, гружённый свёртками. Потом — голова Лао. Наконец вынырнул, как шрах из шкатулки, рыжий, и жизнерадостно объявил:

— Разбираем, кто что хочет! Но вот это, это и то — мне. Митчи сверила со списком и сказала, что морских гадов Трикси можно. Буду дома готовить!

Айка завистливо присвистнула и дёрнула меня за волосы — не больно, но обидно. Дурных намерений я в ней не чувствовала, поэтому задавила негативные чувства. Глупо дуться на пятнадцатилетнюю девчонку, которая недавно выжила в чудовищной мясорубке и едва-едва залечила травмы.

И, хотя Тейт и предложил ребятам разобрать подарки, каждый взял понемногу. Правда, Лао скрупулёзно выбрал почти все сладости. Я почувствовала прямо-таки родственную близость с ним, потому что остальные на десерты мало обращали внимание. Суровые маги, чтоб их... Затем появилась новая порция крепкой шерги и ещё какие-то сушёные фрукты, но мне уже было не до них. Неудержимо клонило в сон.

— Ну как тебе? Офигенно? — в десятый раз уже, наверное, спросил рыжий.

— Офигенно, — вяло откликнулась я и уткнулась ему в плечо.

— Слуксилась? — живо поинтересовалась Айка. — Может, орран зажевать? Он и жареный ничего.

— Лучше не надо, — быстро произнёс Кагечи Ро и даже немного подвинулся, чтобы заслонить меня от излишне активной девчонки. — Если ей от кижу было плохо...

— Сюда бы кофе... — пробормотала я и поджала губы.

Шрах, это уже в который раз за вечер? Надо держать себя в руках. Если начну перебирать в памяти всё, что было дома и чего здесь нет, то быстро сорвусь в депрессию. Большие проблемы начинаются с таких вот мелочей, с ментальной неряшливости.

— Кофе? — с любопытством уткнулся мне в затылок Тейт. — М-м-м... Это из твоего мира, да?

— Угу. Здесь не растёт, — подтвердила я и прикрыла глаза. Видимо, начался откат у той бодрящей штуки, которой рыжий мазанул меня перед уходом.

Так и знала, что от стимуляторов одни неприятности.

— В чём же беда? — певуче произнёс Лао. — Ты ведь из овеществляющих ничто. Овеществи себе кофе.

Щёки у меня вспыхнули.

— Не умею. Да и невозможно это...

— Возможно, Трикси, — мягко возразил андрогин. — Если ты достаточно хочешь — возможно. В Лагоне бродит одна овеществлённая мечта. Говорят, её не отличить от человека.

— Айе, ты гонишь! — возмутилась Айка.

Кагечи Ро тоже попытался что-то вставить, и Тейт влез со своей оптимистичной точкой зрения, что, мол "возможно всё". В этом хаосе меня срубило окончательно. И где-то на границе между сном и явью воздух вдруг наполнился ароматом камня и грозы, а в раскрытую ладонь ткнулась влажная ягода.

Орран.

Я с трудом разомкнула веки — и едва не вскрикнула. Лицо Лао было совсем-совсем близко; серебристо-серые глаза с зелёным ободком по краю напоминали странный камень, какую-нибудь вулканическую породу, которая помнит себя раскалённой лавой. Если присмотришься, то различишь микротрещины, разрывы в ткани реальности, через которые проглядывает нестерпимый белый жар.

— Попробуй, Трикси, — шёпотом попросил Лао и отстранился.

И мне прекрасно было ясно, что он вовсе не предлагает положить дурацкую ягоду на зуб.

Наверное, потом я всё-таки уснула, потому что мир стал слишком ярким и сюрреалистичным даже для Лагона. Снилось мне мечта, разгуливающая по подземельям. У неё почему-то были тёмно-серые волосы и глаза, и выглядела она смутно знакомой, хотя и жутковатой. А ещё издали тянуло кофе: то свежемолотым, то кисловато-горькой подделкой из вокзальных автоматов, то растворимым, то сливочно-нежным, как любила готовить для себя ненаглядная кузина Лоран. И, под самый конец, привиделись дядя Эрнан и чешуйчатый Оро-Ич в

бейсболке, которые сидели под раскидистым кофейным кустом и обсуждали, чем надо кормить маленьких шрахов.

Очнулась я дома. Под потолком вращались светильники. Тейт привычно сопел под боком, свернувшись в клубок, и влажные после мытья волосы оставляли отчётливый след на подушках и на моей "ночной сорочке".

В кулаке у меня была зажата ягода... ярко-красная, слегка высохшая ягода кофе.

Кажется, мастеру Ригуми всё-таки придётся выполнить обещание и отвести нас к морю.

Глава 16. Глубины и отмели

*Всепоглощающая жадная стихия с коварными течениями,
особенно опасная для недовольных, обделённых и обиженных.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Лагон приучил меня любить зарядку и следить за собой.

Правда, комплекс упражнений и утренний туалет несколько отличались от того, что пропагандировали загорелые подтянутые девицы в семичасовых программах по нет-сети. Первое, что я делала, даже глаза не открыв — увеличивала интенсивность купола в несколько раз. Он давно уже не схлопывался по ночам, даже если мне снилось что-то совершенно невинное, но интенсивности "по умолчанию" слегка не хватало, чтобы проверить ближайшие помещения. Вторым пунктом шло восстановление щитов.

Ну, а третий, завершающий этап — спихнуть пинками рыжего со своей части постели и избежать ответных тычков... Последнее, надо признаться, не удавалось почти никогда.

— Тебе нужно походить к направляющим удар, Трикси, — нахально посоветовал он, пока я ощупывала собственное запястье, пытаюсь понять, что там хрустнуло. — Давай, я тебя поучу?

— Нет, спасибо, — очень вежливо ответила я.

При одной мысли о том, что придётся взвалить на себя дополнительную нагрузку, в затылке начинало противно ныть. Прошло около двух недель с той знаменательной ночи, когда мне удалось создать кофейную ягоду. Но мастер Ригуми тогда отреагировал на моё достижение, мягко говоря, странно:

— Ты пошла по трудному пути, Трикси-кан. — Подведённые ярко-алым губы слегка изогнулись, намечая одобрительную улыбку, но тяжёлый, пронизывающий взгляд откровенно пугал. — Ты здесь не одинока. Горячее желание обладать чем-либо очень скоро приносит результаты. Но для мага жадность губительна. Магия должна проистекать из желания сотворить нечто новое. Не из гордости, не из жажды обладания, не из ненасытности. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Да, — соврала я, хотя совершенно не понимала, чего общего между гордостью, жадностью и стремлением обладать.

— Однажды поймёшь, — ответил Ригуми Шаа туманно. — Жадность требует всё больше, гордость требует всё больше. И быстрее. Ты не заметишь, как начнёшь отбрасывать то, что покажется тебе лишним, замедляющим движение. Но когда ты овеществляешь ничто — лишнего не бывает. Как ты думаешь, Трикси-кан, почему в Лагоне так мало запретов для учеников и подмастерьев? — вдруг резко сменил он тему.

— М-м-м... Традиции? — осторожно предположила я.

— У всякой традиции есть причины, пусть иногда их забывают, — неодобрительно сузил глаза мастер. Я почувствовала себя идиоткой и варваркой, которой, без сомнений, и являлась. — У этой всего две. Первая: запретное влечёт. Вторая: крепче всего те правила, что ты сама для себя устанавливаешь. Подумай об этом, Трикси-кан. И о том, почему овеществить страстно желаемое — трудный путь.

Разумеется, я пообещала. Но сдержать слово не смогла — потому что попросту некогда было думать. Маронг продолжал отлёживаться, и мной вплотную занялся Итасэ Ран. И сразу же вспомнились рассказы о воплощённой мечте... по ассоциации, ведь этот человек оказался, скорее, овеществлённым кошмаром. Требовательный, как дорогая кузина Лоран в поисках идеальной красной помады; неутомимый, как Тейт в худшие — лучшие? — свои дни; беспощадный к ученикам, как моя обожаемая мамочка — к неудачным образцам.

Разговор с мастером произошёл около десяти дней назад. И с тех пор я вкалывала, как проклятая, с утра до поздней ночи. Итасэ заставлял меня приходить в мастерскую одной из первых и сразу же создавать иллюзию яркого солнечного света в той части пещеры, где мы посадили кофейное зерно. Затем он усаживался напротив и начинались истязания. Итасэ показывал какой-нибудь образ, затем развеивал, а я должна была воспроизвести увиденное, но не сразу, а постепенно, послойно... И тут начинался ад.

Если это было цветущее дерево, то сначала требовалось изобразить семечко, затем росток, постепенно крепнущий побег, набухающие почки, листья растущие и опадающие и только затем цветы. Орнамент приходилось рисовать с нуля — белое поле, контур, каждый цвет по отдельности. Животные... О, тут Итасэ извращался

по-разному! Иногда приходилось в буквальном смысле одевать скелет, иногда — растить питомца.

И так — в медленном, мучительном темпе, много-много часов подряд.

Домой я приползала никакая. Ела, не чувствуя вкуса. В ванну ныряла раз в два дня в лучшем случае и обычно с утра. Какие тут дополнительные занятия, тем более рукопашным боем?

— Такое чувство, что он меня просто не хочет никуда вести, — пробормотала я, сгибая ноги и утыкаясь лицо в колени.

Тейт извернулся в одеялах и шустро подполз ко мне.

— Сильно устала?

— Угу. А ещё в подробностях изучила анатомию этих, как их... инципов. Ну, панцирных слизней с глазками. Как бы теперь это всё забыть, чтоб не снилось?

— Есть способ, — соблазнительно протянул Тейт, но я даже разозлиться не успела из-за несвоевременных приставаний, потому что он продолжил: — Подойди к мастеру Ригуми и скажи, что хочешь на побережье прямо сейчас.

Змея скепсиса подняла голову и зашипела — с явным таким сомнением.

— И он согласится?

— Обещал же! — Рыжий боднул меня в плечо, потёрся виском. — Хуже не будет.

Что ж, определённая логика в этом есть.

В мастерскую я шла как на заклятие. Даже перед защитой проекта не было такого чувства обречённости и, как выражался Тейт, грядущей задницы. Но выходных и праздников в Лагоне не знали, так что свет на горизонте не брезжил... Тут либо надо взять всё в свои руки и самолично устроить передышку, либо смириться и тихо сдохнуть где-нибудь в нише.

Последнее точно в мои планы не входило.

Как ни странно, мастер Ригуми вовсе не разозлился, услышав наглую просьбу. Он внимательно выслушал меня, затем жестом отослал Итасэ Рана и воздвиг ширму, отделяющую нас от остальной пещеры. Мысленные голоса как отрезало; возникло чёткое ощущение, что тонкая, словно бумажная стенка — нечто большее, чем можно разглядеть невооружённым глазом.

— Трикси-кан, сядь, — приказал он. Я оглянулась в поисках подушек, не нашла и просто подогнула под себя ноги. — Вижу, губительность спешки ты осознала. Наглядный урок?

Я почувствовала, что закипаю. Хорошенький эксперимент, ничего не скажешь. И вполне согласуется с бытующим в Лагоне мнением, что глупые ученики лучше усваивают правила на своей шкуре.

— Да, вполне.

— Гнев — плохой спутник для мага. — Ригуми Шаа и бровью не повёл. — Но желание показать, сколь губительна спешка — не единственная причина. Ты привлекла внимание мастера Эфанги. И он не самый терпеливый человек.

Горло у меня мгновенно пересохло.

— Это... опасно?

Ригуми Шаа сузил глаза. Разум его сейчас точно источал холод.

— Не для тебя.

"Думай, Трикси" — приказ так и не прозвучал, но он подразумевался.

Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего... Итак, если Эфангу заинтересовали мои псионические способности, то, действительно, мне самой вряд ли что-то угрожает. На любезное предложение сменить мастера я ответила отказом. Значит, нужно либо похитить меня — не лучшее решение после инцидента с Арингой, — либо заставить передумать. И слабое место, рычаг для шантажа просматривается только один.

Рыжий.

— Он может сделать что-то плохое Тейту? — спросила я, понизив голос. Пульс зачастил.

Мастер Ригуми задумчиво прикусил губу; яркая алая краска смазалась.

— У тебя двойственное положение, Трикси-кан. Ты ученица, но ты же и добыча. И останешься ею, пока кто-то не настроит тебя под себя, — произнёс он так же холодно и отстранённо, как всегда. Но если раньше это раздражало, то теперь обезличенность словно бы смягчала жёсткий смысл. — И Танеси Тейт сейчас на это не пойдёт. Значит, у мастера Эфанги остаётся удобный путь, чтобы забрать тебя.

— Отобратить у Тейта?

— Да, — не стал отрицать Ригуми Шаа. — Но не своими руками. У него много учеников. И когда история мастера Аринги немного забудется, он начнёт действовать. Путешествие к побережью и обратно займёт два десятка дней. Скорее всего, один из учеников или подмастерьев бросит вызов Танеси Тейту после возвращения. Ты готова к этому, Трикси-кан?

Теперь я, кажется, поняла, что значить быть выбитой из колеи: мысли едут, едут по намеченному пути, а потом бац и обрыв. И за ним пустота. Звонящая такая, красивая.

— Нет.

— Честный ответ, — улыбнулся Ригуми Шаа — не формально, а по-настоящему ободряюще.

— Я не пущу Тейта одного!

Не знаю, как у меня это вырвалось. Смешались в кучу воспоминания о псиониках моего мира, давящая атака Эфанги, ощущение тепла чужого тела, такое знакомое, жизненно необходимое...

— Вы можете принять вызов и вдвоём, — заметил мастер, никак не отреагировав на мою вспышку. Стало стыдно. — Но подмастерью или талантливому ученику проиграете оба. Я могу ошибаться, Трикси-кан. Но если я прав, то очень скоро тебе понадобится магия — и такая, которой ничего не сможет противопоставить внимающий и поющий.

Я с усилием потёрла виски. Наваливалась головная боль. А ведь как хорошо утро начиналось!

— У меня пока ничего не получается.

— Неужели? — Алые губы снова изогнулись, на сей раз насмешливо. — Встань, Трикси-кан. Мы немного пройдемся и на кое-что посмотрим.

Идти пришлось не далеко — в ту самую шрахову нишу, где Итасэ Ран ежедневно проводил экзекуции. Она была освещена яркими солнечными лучами, которые лились из ниоткуда; созданная накануне иллюзия всё ещё держалась. Ригуми Шаа элегантно откинул за спину серебристые концы длинного шарфа — и по-простому присел на корточки.

— Смотри.

Он прижал ладонь к земле, слегка раздвинув пальцы. И не сразу я разглядела между ними что-то бледно-зелёное, изогнутое...

Росток?

— Это...

— То, чему учил тебя Итасэ Ран, — спокойно ответил Ригуми Шаа и поднялся, отряхивая руки. — Образ прорастает из зерна. Жажда немедленного результата — путь трудный и полный соблазнов. Овеществление ничто есть искусство. И оно может не сразу приносить плоды. Но если этот деревце вырастет и окрепнет, Триксикан, — продолжил он вкрадчиво, — то его ягоды уже будут настоящими. Не овеществлёнными, но рождёнными. Что же до побережья... Через два сета будь у выхода из мастерской с теми, кого хочешь взять с собой. Мы выдвинемся немедленно. Океан сейчас особенно прекрасен.

Зашумели сладостно волны, зашелестел песок. В голове у меня зажглись воображаемые электронные часы и начали обратный отсчёт. Как на бомбе, которая готова взорваться...

...от счастья.

Я резко развернулась, едва не потеряв равновесие, и ломанулась через пещеру. Неслась сломя голову в лучших традициях Тейта, лавировала между учеников, стараясь не вляпаться в чужие иллюзии, даже перемахнула широкую трещину в полу, но осознала это уже на полпути к выходу. В памяти осталось призрачное ощущение иллюзорной ступени, спружинившей под ногой.

Показалось или?..

Неважно.

"Рыжий! Ты где?"

Купол расплескался шире обычного, покрывая максимально возможное пространство. С севера пришёл слабый отклик — любопытство, беспокойство, недоверие, именно в таком порядке. Это меня слегка отрезвило. Бомба счастья пшикнула, сдуваясь. Волны пристыженно замолчали и спрятались в песке. Я перешла с бега на шаг, выравнивая дыхание после незапланированного спринта.

Отклик сознания Тейта вывел меня из безопасной зоны, обозначенной алыми цветущими лугами. Здесь, ближе к северному краю, царствовали жутковатые безлистные кустарники, исполинские деревья с сероватой корой и стелющийся плющ. Встречались и островки голубоватого лишайника — не гаюс, но нечто похожее. Их я обходила особенно старательно.

И всё же даже в таком диком месте отчётливо просматривалась тропа; она вела к стометровому кратеру, примыкающему к северной границе внутреннего круга Лагона. Где-то там смутно ощущались люди, около трёх десятков; они передвигались очень быстро и почти не думали. Ясно можно было различить только нескольких наблюдателей. Одним из них был Кан Лан Таппа, мастер направляющих удар.

Я что, случайно забрела на тренировку? Ох, шрах...

До кратера оставалось метров пятнадцать. Самое время развернуться и отойти на безопасное расстояние, и уже оттуда позвать Тейта, благо интенсивности купола вполне хватит. Но давно известно, что мудрые мысли приходят с опозданием.

В моём случае — на две с половиной секунды.

Именно столько потребовалось неизвестно кому, чтобы выпрыгнуть из кратера, врезаться в землю рядом со мной — ошмётки дёрна брызнули во все стороны — и нанести три точных удара, полностью блокируя мои двигательные функции. Так, что даже язык не шевелился... Впрочем, оружие эмпата — отнюдь не его язык.

Агрессии нападающий не излучал, поэтому я позволила себе немного расслабиться. Он был высокий, под два метра ростом, и широкоплечий; настоящий громила. Подобный тип мужчин ненаглядная кузина Лоран обзывала "цельнометаллическими шкафами". Разница была в том, что обычно внутри такого шкафа лежал в лучшем случае засохший яблочный огрызок, но конкретно в этот завезли неплохие мозги. По крайней мере, он понимал, чем рискует сейчас.

А ещё от него несло потом с отчётливой рыбной ноткой.

— Эй, шлендель! — заорал громила, выворачивая шею. — Иди, отбери! Твоё? — и он похабно шлёпнул меня по заднице.

Ох, ну ты за это ответишь, бритая обезьяна... попозже.

Из одежды на нём были только плотные чёрные штаны прямого покроя и шарф, больше напоминающий полосу брезента на ощупь. Цвет кожи напоминал разбелённую бронзу — вылинявший загар, охра с розоватым оттенком. Разглядеть остальное, болтаясь на чужом плече, я, разумеется, не могла, но и этого хватило, чтобы понять, что он как минимум втрое тяжелее Тейта.

Лёгок на помине — стоило вспомнить о рыжем, и всклокоченная башка появилась над краем кратера.

— Рехнулся? — очень тихо спросил Тейт.

Громила беззлобно заржал.

Я призвала на помощь бессмертные заветы дяди Эрнана и вместо того, чтобы сию секунду проутюжить нахала псионическим катком, осторожно прощупала его разум в поисках блоков. Ничего подозрительного не нашла и мысленно окликнула рыжего, старясь не напугать и не насторожить его:

"Подыграешь?"

Тейт, умница, сразу сообразил, что к чему. Чёрная жуткая злость рассосалась, уступая место сосредоточенности. Он шмыгнул к громиле, делая вид, что поддаётся на провокацию, а сам нарочно забрал влево, давая ему пространство для манёвра.

Противник, естественно, попался — откатился, избегая удара, аккурат к кратеру, где нас троих уже прекрасно было видно. Последовал короткий обмен ударами, ни один из которых не достиг цели — Тейт юрко уворачивался, громила скакал зайцем-переростком, всё больше смещаясь к центру кратера. Когда я почувствовала, что все взгляды следуют за нами, то подала Тейту сигнал — и старательно прошлась по мозгу громилы, впечатывая приказ:

"Не двигаться, не сопротивляться, чувствовать, помнить".

Он так и застыл, полуприсев.

Теперь можно было выбирать. Биокинез помог слабо; возможность передвигаться вроде бы восстановилась, но сама я спуститься так и не сумела. Пришлось воспользоваться помощью Тейта.

— Ты как? — поинтересовался он еле слышно, обнимая меня — тёплый, знакомый, уютный... Очень хотелось прикоснуться губами к его шее, под ухом, где прилипла к коже рыжая прядка. Но я держалась.

Ну... почти. Можно ведь обнять его в ответ?

— В порядке. — Голос у меня был хриплый, дыхание сбившееся. — Ну, а теперь... — я обернулась к громиле; лицо у него оказалось не квадратное, с мощными надбровными дугами, как мне рисовалось в воображении, а вытянутое, с рваным шрамом поперёк щеки. Золотистые волосы, даже на взгляд жёсткие, топорщились

ёжиком. Глаза закатились, только веки подрагивали от бессилия. — Врежь ему, пожалуйста.

— Куда? — живо заинтересовался Тейт.

— По заднице, — мстительно откликнулась я.

Место шлепка ещё побаливало.

— Я посторожу твоё сокровище, — пропели над ухом, и повеяло ароматом камня, ошпаренного грозой.

Рыжий фыркнул и легонько оттолкнул меня — прямо в объятья Лао, и правильно, потому что ноги до сих пор подгибались. Одно скользящее движение — и мы отделились метров на пять, прямо к импровизированным зрительским рядам. Поблизости ошивалась Айка, но я её пока не видела.

Тейт обошёл громилу по кругу, бросая зловещие взгляды, затем зачем-то хлопнул его по бокам, чуть отошёл, размахнулся... и отвесил смачного пинка.

Громила подлетел, рухнул и, кувыркаясь, покатился по кратеру, вздымая облака пыли.

Чёрные "брезентовые" штаны остались стоять на месте, не шелохнувшись. Тейт скромно потупился, приглаживая вихры у себя на затылке.

— Мастер Таппа, я ведь крут?

Я скосила глаза. Мастер, конечно, не улыбался, но определённо выглядел позабавленным.

— А то. Вынимать из штанов — это по твоей части, — грубовато откликнулся он. То там, то здесь слышались глумливые хохотки, но смеялись, похоже, не над Тейтом. Я перевела дыхание. Тем временем мастер обратился ко мне: — Отпустишь Худаму? Хватит ему уже задом в небо светить. И с кем поговорить хотела?

Таппа не спросил, какого шраха я делаю на тренировке в его мастерской, но в душе всё равно зашевелилась вина. В конце концов, вся эта неразбериха из-за моей небрежности.

— С Тейтом, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Худаму, освобождённый от моего приказа, сперва взвыл, потом перекатился — и заржал, как вымершая лошадь из Бурбуды. — А ещё с Лао и с Айкой, если можно.

— Можно, — склонил голову к плечу Таппа. И почти сразу обернулся к Худаме: — А ты лучше подумай о том, что эта пигалица

ещё с самого начала могла твою башку прожарить. Дошло?

— Да, мастер, — донеслось унылое.

Очень хотелось получше рассмотреть учеников Таппы, но задерживаться на тренировочной площадке дольше я не рискнула. Конечно, этот Худама не желал мне зла, просто шутки у него были дурацкие. Однако ноги до сих пор подгибались, а в голове звенело, и я как-то не горела желанием повторить опыт.

— Он новенький, — сказал вдруг Лао, когда мы перевалили за край кратера. — Недавно появился, ещё не привык, что для направляющих удар не так важно быть большим. Тейт его всё время валяет, вот он и решил, что с заложником сможет хоть раз отыграться. Ты не будешь на него сердиться?

— Нет, — ответила я почти искренне. Конечно, хотелось отплатить за дивные ощущения в первые секунды после атаки, но наживать врага определённо не стоило, лучше обратить всё в шутку. — Слушайте, у меня есть одно предложение, я даже не знаю, как вы отнесётесь... Мастер Ригуми после суда обещал отвести меня на побережье, ну, отдохнуть, если я выполню одно учебное задание... — Я замялась. Идея позвать Лао и Айку уже не казалась такой замечательной. Не факт, что они вообще считают прогулку к океану бонусом, может, это занудная обязанность, рутина или помеха для занятий. — В общем, я справилась, и он разрешил позвать кого-нибудь с собой к океану. И если вы не против...

— Пойдём, — быстро вклинился Тейт, юркнув между мной и Лао. — А что, здорово будет. Ригуми нас точно не кинет. Можно поплескаться подольше. Ну, и еды запasti. Я Шекки возьму, нагрузим его. М-м-м?

— Айе! — взвизгнула Айка, подпрыгнув метра на полтора и резко развернулась ко мне: — Ну я сцимтаю, будет круто? Иду!

— Мне нравится твоё приглашение, — задумчиво откликнулся Лао, опустив ресницы. На поверхности сознания у него промелькнул странный серо-туманный образ, привлекательный и пугающий одновременно. — Ригуми Шаа — хороший мастер, пусть и молодой. Он идёт один? Без подмастерьев?

— Не знаю, — насторожилась я. — Это важно?

— Не очень, — улыбнулся Лао. — Я иду. Когда выступаем?

— Через два сета... Нет, уже через полтора, — скорректировала я мысленно время. — Собираемся у входа в мастерскую Ригуми.

Айка молча рванула в сторону, напрямую сквозь заросли. Лао немного задержался, решая с Тейтом, кто какие запасы возьмёт. Насколько я поняла из мысленных образов, речь шла о вспомогательных средствах, вроде порошка, который приманивал нассову траву, и вонючей жидкости, отпугивающей мелких айров. Затем Лао вернулся в кратер, чтобы предупредить мастера. Мы с рыжим припустили обратно по тропинке. Времени на сборы оставалось не так много.

— Игамину с Лиорой позовёшь? — спросил он через плечо.

Я сбилась с шага.

— А можно? Они согласятся?

— Ну, Лиора любит океан, она выросла около побережья, — задумчиво откликнулся рыжий. — Игамина — не знаю, но куда он теперь без неё? Наверное, согласится. И вообще я не хочу оставлять их тут, мало ли что.

Не нужно было объяснять, что он имел в виду. После суда Маронг оказался в уязвимом положении из-за того, что его поймали на лжи. Лиора затаилась; Тейт упоминал, что она тоже перестала посещать мастерскую.

"А ведь Эфанга — её учитель", — пронеслось в голове.

Да уж... В свете того, что сообщил сегодня Ригуми Шаа — не лучший вариант. Конечно, сомневаюсь, что блондинка вызовет Тейта на поединок, но дружба с "трофеем", то есть со мной, вряд ли пошла ей на пользу. Эфанга выглядел как человек, который использует все доступные ресурсы, и вряд ли он пощадил ученицу, возможно, обладающую полезными сведениями...

Получается, если уведу Лиору из-под крыла её мастера — сделаю жизнь безопаснее и для себя, и для неё. По крайней мере на полмесяца.

— Надо их пригласить, — подтвердила я вслух. Тейт дёрнул головой — видимо, это означало согласие. — Ещё кого-нибудь посоветуешь взять?

— Кагечи Ро, — без сомнений откликнулся рыжий. — Лао его не любит, Лиора тоже, но они не будут возражать. Созидающий совершенство в походе полезен. И вообще Ро крут!

Последнюю фразу я пропустила мимо ушей, а вот за кое-что другое зацепилась.

— А почему его не любит Лао?

— Лао? Не Лиора? — Тейт поравнялся со мной и ухмыльнулся. В мысленном фоне у него сверкнуло что-то яркое и острое, жадный выдох "моё!" вместе с едва ощутимым чувством вины. И что это было, интересно? — Ну, тут всё просто. Ро не особо честный. Он не будет просить, если ему надо. Сам провернёт так, что ты придёшь и сделаешь. Я у него сначала делал ноги, давно, лет шесть назад. Ну, кости типа легче и крепче, мышцы усилить... Долго решиться не мог, ну, страшно и всё такое. В общем, он сделал так, что я вляпался в гаюс. Не очень сильно, только ступню повредил. И Ро сказал, что поправит её, если я разрешу покопаться в моих ногах и кое-что интересное попробовать... Эй, ты чего?

Меня прошиб холодный пот. Я остановилась и согнулась, упираясь руками в колени и тяжело дыша.

Тошнило. Не то от страха, не то от омерзения — сама не пойму. Покалечить человека, чтобы получить благодатный материал для экспериментов — это теперь называется дружбой? И Тейт до сих пор с ним общается, сам, по своей воле? Ложится под нож?

— А как ты... понял, что это он?

Рыжий осторожно погладил меня по голове. Пальцы у него были горячие.

— Догадался через полгода, — сдержанно ответил он. — Когда посмотрел, как Ро с другими проворачивает эти штуки... Не надо, Трикси. Не злись. Он же не делает плохого. И ступню починил, и мышцы правда лучше стали. И кости почти не ломаются. Видела, как я прыгаю?

— Но... — я с трудом подбирала слова — ... ты же ему не веришь?

Тейт дёрнул плечом:

— Ну, я знаю, какой Ро. И просто не жду слишком много. И стараюсь быть осторожнее, — кривовато улыбнулся он. — Ро хороший, надёжный. Если драка, он не станет отсиживаться. И со свободными не снюхается. И он талантливый. Не переживай, Трикси. Вон, даже я не идеал, — и рыжий скромно отвёл взгляд в сторону.

Я прыснула со смеху.

— Даже не знаю, надо подумать.

Зря похвалила, конечно. Тейт тут же воодушевился, уронил меня на землю, обнял, перекатился, потискал и облапал, поцеловал в подбородок — и сразу же вскочил на ноги, протягивая руку. Как ни в чём не бывало. А я едва смогла справиться с колотящимся сердцем и сбитым дыханием. Вообще мне уже начинало казаться, что для рыжего что секс, что такая вот кошачья возня — явления одного порядка, просто в каких-то обстоятельствах уместней одно и в каких-то — другое.

И это, пожалуй, останавливало меня, когда появлялся соблазн перейти границу. Хотелось чего-то... особенного?

Рефлексовать Тейт, как всегда, не позволил — утянул по тропинке, благополучно довёл до дома, где велел переодеться и взять смену белья, а сам убежал искать Лиору с Маронгом.

— Остальное я сам возьму. Встретимся у мастерской. Иди первой, меня не жди, — махнул он рукой напоследок.

Вещами я до сих пор не обросла, поэтому на сборы ушло не особенно много времени. Завернула в тонкую шелковистую ткань чистое бельё, плоскую щётку-расчёску из тёплого камня и круглую баночку с маслом для волос, переложила свёрток в сумку — и неторопливо направилась к месту встречи. Если Тейт обещал позаботиться о снаряжении для путешествия — значит, позаботится. В этом на него можно было положиться.

Первой к спуску в мастерскую Ригуми прискакала Айка в походном костюме-хамелеоне, который казался то тёмно-серым, то невзрачно-коричневым, то сизо-зелёным. Она тащила немаленькую сумку-цилиндр с широкой лямкой поперёк груди. В приюте у Митчи с общением как-то не сложилось, и я думала, здесь мы тоже будем ждать молча, но на меня обрушился целый поток — какой-то дикий ворох сплетен и предвкушение путешествия к океану, всё щедро пересыпано непонятными словечками. И попробуй-ка, вставь реплику в ответ... Невыполнимая миссия. Хуже, чем когда Тони с Кевином по-братски выясняют, кто на поле круче, "Кемпские львы" или "Громилы Барна". В общем, можно только хмыкать в ответ и запоминать новую лексику.

Лао также не заставил себя долго ждать. Появился незаметно, как призрак. Просто в один момент он обнаружился рядом, бестрепетно внимающий цветистому Айкиному рассказу. Затем подошли Лиора и

Маронг — вместе, словно жили они в одном доме. Поговорить толком мы не успели. Я только спросила Маронга, как он себя чувствует.

— Сносно, — ответил тот, пряча взгляд за свисающими прядями.

Соврал, разумеется.

Кагечи Ро привёл с собой небольшого ездового айра, похожего на чешуйчатую рогатую собаку с шестью лапами. Лао солнечно улыбнулся, но мысли у него подёрнулись лёгкой дымкой, сбивающей с толку и прячущей истинные намерения. Ничто другое не выдавало его неприязни. Айка фыркнула и нагло втиснулась между Лиорой и Маронгом, всем своим видом выражая недовольство.

Последним прибежал Тейт, ведя Шекки за пучок перьев под мордой. К бокам айра были приторочены две объёмистые сумки. Айка и Кагечи Ро шагнули навстречу рыжему с разных сторон и одновременно заговорили, айр захлопал крыльями...

Именно этот момент выбрал мастер Ригуми, чтобы подняться из глубин.

Выражение лица у него стало... сложным, мягко говоря.

— Хороший выбор спутников, Трикси-кан, — очень мягко произнёс мастер, машинально расправляя складки ярко-синего шарфа. — Это всё твои друзья?

— Айе, да! — завопила Айка, подпрыгивая на месте. На Ригуми она откровенно пялилась, особенно на его губы, что нервировало даже меня, не говоря уже о самом мастере. — Друзья!

— Некоторых из вас я ожидал увидеть. — Ригуми обменялся взглядами с Маронгом, который при виде учителя вскочил на ноги и почтительно прижал руку к груди, и с невозмутимой Лиорой. — А некоторых вижу впервые.

Лао плавно поднялся и скользнул передо мной, приветствуя мастера с максимальной вежливостью — приложив ладонь к сердцу и слегка откинув голову.

— Приветствую, мастер. Для меня счастьем будет вверить себя вашей заботе, — пропел он. — Моё имя Ренгиса Лао.

— Можешь обращаться ко мне Шаа-кан, — улыбнулся мастер в ответ, изучая его взглядом. — Я о тебе слышан, Лао-кан. Если ты идёшь с нами, то нам не стоит опасаться даже свободных.

— Если они отважатся атаковать Шаа-кана, воистину их стоит переименовать в безумных, — серебристо рассмеялся Лао и вдруг

подмигнул мне. — Тейт мой друг, но и Трикси тоже.

— Вижу, — коротко откликнулся мастер Ригуми и обернулся к Кагечи Ро: — И, безусловно, я рад видеть среди нас созидającego совершенство.

Тот отвёл взгляд в сторону и пробормотал:

— Ну, надеюсь, что мои способности не понадобятся.

— Круто! — с энтузиазмом отреагировал рыжий и потянул айра за пёрышки, заставляя попятиться с поляны. — Выходим?

— Сперва подождём ещё кое-кого, Тейт-кан, — с улыбкой ответил Ригуми Шаа. Взгляд у него оставался напряжённым и холодным; впрочем, к этому я уже привыкла. На то он и мастер, чтобы всё время быть начеку.

Я перевела дыхание. Пусть подобравшаяся команда и удивила мастера, но рассерженным он не выглядел. Скорее, действительно не ожидал, что на моё приглашение откликнется столько народу. Друзья... на самом деле, почти никого из них не назовёшь другом в полном смысле. Только если Маронга и, пожалуй, Лиору. Слишком много мы с ними испытали вместе. И пусть то, что случается в дороге, по лагонским поверьям не в счёт — я лучше спишу со счетов дурацкие поверья. Айка... Чувства к ней можно описать двумя словами: жалость и вина. Если бы мы не ушли тогда в горы, вероятно, Аринга бы не натравила на лагерь свободных. Кагечи Ро — загадка, чёрное пятно. Доверие к нему держалось исключительно на словах Тейта.

Отношение к Лао попросту не хотелось анализировать. Никогда не верила в интуицию и прочие мистические штуки, но сейчас всё во мне в голос кричало, что этому существу надо верить. Предчувствие было настолько сильным, что перекрывало даже новоприобретённую в Лагоне паранойю...

Размышляя о Лао, я невольно скосила на него взгляд. И лишь потому заметила, как он вдруг застыл, а затем необыкновенно грациозно полуобернулся, потянулся к чему-то ещё невидимому. Затем опомнился, почти мгновенно, и вернулся к разговору с Тейтом. А через несколько секунд воздух над входом в мастерскую задрожал, и явился последний участник похода — Итасэ Ран. Бледный, с волосами цвета мокрого пепла и тёмными глазами, в чёрном трико и с дымчато-серым, почти прозрачным шарфом, он напоминал тень, которой приспичило прогуляться по солнцепёку. Сощурившись на пронзительно голубое

небо, Итасэ шевельнул пальцами, и край шарфа поднялся над его плечами и головой, словно капюшон у кобры. Следом по воздуху выплыла здоровенная сумка, сильно напоминающая потрёпанный дамский саквояж из крокодиловой кожи.

— Теперь можно выступать, — удовлетворённо подытожил мастер.

Путешествие в команде Ригуми Шаа разительно отличалось от изматывающего забега с Арингой во главе. Если в прошлый раз ставка явно делалась на физическое развитие, выносливость и умение приспособливаться, то теперь, как это ни парадоксально, на красоту. Передвигались мы быстрым шагом, но земли не касались — под ногами вилась туманная лента искусственной дороги. Разворачивал её сам мастер, который и шёл первым, замыкал цепочку Итасэ Ран. Тейт шёл рядом со мной, отпустив свою трофейную химеру; она парила над нашими головами, невидимая. Сумки тоже пропали из виду, как ни странно. Остальные тоже разбились на пары, только непоседливая Айка постоянно убегала в начало колонны и приставала к Ригуми Шаа то с вопросами, то с подарками. Мы с рыжим вполголоса держали пари, что девчонка притащит в следующий раз: очередную охалку цветов, гроздь ягод, красивый камень? Лидировала в маленьком соревновании я, но исключительно за счёт телепатии.

После увесистой тушки какого-то синего и чешуйчатого зверька терпение у мастера лопнуло, и он молча отгородился упругим барьером. Лао посмеялся, поглядев на попытки Айки пробить неожиданное препятствие, а потом отозвал девчонку и отвлёк её рассказом о хищных морских химерах. Я тоже заслушалась, если честно.

Так вдохновенно врать на ходу — особый талант.

Первый привал объявили уже ближе к вечеру, когда мы по самому краю миновали сухую каменистую долину и немного поднялись в горы. Ригуми Шаа вдруг замедлил шаг и указал на высокое дерево, широко распростёршее ветви над естественной площадкой:

— Остановимся там.

Листья издали казались почти чёрными, словно обгорелыми, а ствол — насыщенно красным. Меня от одного вида пробрало холодком, но мастер уверенно направился к этому чудовищному исполину. Скала, изрытая мощными корнями, издали отсвечивала

голубоватым и выглядела... рыхловатой, что ли? Потом ветер сменился, и повеяло чем-то сладким и пьяным; так могли бы пахнуть орехи и спелые фрукты, вымоченные в хорошем ликёре.

Что за?..

Вся площадка под деревом была сплошь покрыта высохшими лепестками того нежного оттенка, какой принимает летнее небо у самого горизонта. А страшная, словно бы обгоревшая крона изнутри походила на чашу, устланную цветами — тёмно-синими, бархатистыми, собранными в длинные гроздь. Сладкий, опьяняющий аромат стал сильнее.

Ригуми Шаа поднял руку, и на ладонь ему опустилась мягкой петлёй гроздь полураспустившихся цветов.

— Инлао распускается в холодный сезон, — сообщил он так же спокойно, как и всегда, но в мысленном фоне проскользнуло что-то провокационное, предвкушающее. А затем обратился к рыжему: — Тейт-кан, тебе не кажется, что эти цветы похожи на оттенок глаз Трикси-кан? — и повёл рукой так, что гроздь оказалась на свету.

Пыльца вспыхнула в солнечных лучах, как слюда.

— Очень похоже, — хмыкнул Тейт и, забрав у мастера цветы, приложил их к своей огневеющей гриве, как венок. — И на мои глаза тоже похоже. Только ты так не делай, ладно, Трикси? Сок жжётся.

— Жаль, — откликнулась я зачарованно и отдернула пальцы. Надо же, сама не поняла, когда потянулась... Хотелось прикоснуться, но рисковать я не стала. Вот только ожогов не хватало. — Очень красиво.

— Но ты можешь сделать такие же, — тоном искусителя заметил мастер Ригуми и почти сразу отвернулся к Итасэ, рассуждая вслух, где можно сделать очаг, а где — развесить гамаки.

Второй намёк не понадобился.

Я села чуть поодаль, на большом нагретом камне, положила перед собой цветок инлао и попыталась сделать такой же. Работа с Итасэ научила меня по крайней мере двум вещам: терпению и умению работать с деталями. Теперь, когда не нужно было никуда спешить, сам процесс доставлял огромное удовольствие. Честно признаться, я и не надеялась вылепить цветок даже до конца путешествия, не говоря уже о привале, и просто вылепливала из ничто каждый лепесток,

каждую сверкающую пылинку — так бережно, как могла, впервые ощущая себя не ученицей, а... творцом?

Потрясающее чувство, на самом деле.

Обед не отложился в памяти. Если не ошибаюсь, Лао приготовил похлёбку из того самого синего чешуйчатого зверька, которого Кагечи Ро признал безопасным даже для меня. Айка скакала вокруг и лезла под руку, затем стянула увядшую гроздь цветов и удовлетворилась этим. А я наскоро перекусила — одной из последних, не ощущая вкуса еды — и вернулась к своему цветку.

Затем мы снова тронулись в путь.

Вскоре выяснилось, что у магов и детективов есть кое-что общее — и те, и другие лучше соображают на ходу. То сползая к хвосту колонны, то нагоняя Тейта, я наконец поймала то странное чувство невесомости и правильности — и сумела воспроизвести пьяный аромат. Потом концентрация, конечно, ушла, но память о том, что и как делать, осталась.

Заночевали в долине, под открытым небом. Относительно, разумеется, потому что Итасэ Ран возвёл прозрачный купол, полностью отгораживающий нас от внешнего мира. Незадолго перед сном мастер Ригуми подозвал меня к костру и жестом пригласил сесть рядом с собой.

— Ты чему-нибудь научилась сегодня, Трикси-кан? — спросил он ровно, с лёгким любопытством. А я растерялась, потому что вопрос отчего-то показался мне крайне важным.

— Да... Теперь пытаюсь понять, чему именно.

Ригуми опустил ресницы и коротко вздохнул. Рыжеватые отсветы костра бродили у него по лицу; съехавший шарф скрывал брови; полустёртая краска на губах походила на запёкшуюся кровь. Странно, что при этом он не выглядел ни пугающим, ни смешным, но отчётливо напоминал другого мастера, Оро-Ича.

"Тейт вроде бы говорил, что именно у него Ригуми Шаа и учился", — пронеслась мысль.

Мастер поднял с земли кривоватую тень, как дядя Эрнан в походе мог бы подобрать прут, и поворошил угли в костре, а потом задал следующий вопрос:

— Ты никогда не составляла гармоничных прекраснозвучащих строк, наполненных смыслом и опытом?

Я замерла, пытаюсь переварить незнакомый образ. Больше всего это походило на "стихи", но совершенно не в том смысле, в каком привыкли употреблять слово у нас. Стихи, заклинание, откровение? Нет, не то...

Впрочем, неважно. Ответ-то всё равно один.

— Нет. У меня, м-м-м, нет способностей, — неловко призналась я, склонив голову.

— Жизнь долгая. Никогда не знаешь, что скрывается у тебя внутри, — философски заметил Ригуми, не особенно впечатлённый актом самоуничтожения. — Но, может быть, рисуешь? Поёшь? Длишь гармонию музыки?

— Эм... — Я лихорадочно пыталась вспомнить хоть какое-нибудь благородное хобби из своего арсенала. Вирт-игры, чтение детективов и походы с небольшим уровнем экстрима в нужную категорию явно не попадали. — Увлечений, связанных с творчеством, у меня нет.

Никогда раньше не задумывалась о подобном, но сейчас мне почему-то стало за это стыдно.

— Неважно, — качнул головой Ригуми Шаа; он выглядел задумчивым. Мимо любопытной тенью проскользнул Тейт, потоптался немного на границе светового круга и исчез в темноте. Остальных не было не то что видно, но даже и слышно, даже непоседу Айку. — Овеществление ничто — почти то же самое. Важно, разумеется, что получится в итоге. Но куда важнее другое. Ты поняла сегодня, что именно?

— Да, — тихо ответила я, машинально обнимая себя.

Эта погружённость в процесс, в созидание... Нечто подобное я ощущала, когда экспериментировала с эмпатическим куполом. Не ради результата, а просто потому что мне было интересно и приятно узнавать границы своих возможностей и создавать новое.

Суть магии в этом?

— Большинство свободных отрицают радость творения, — негромко произнёс Ригуми Шаа. — В том и лежит корень разногласий. Спор о судьбе людей побережья — всего лишь предлог. Магия не должна превращаться в инструмент, помогающий заполучить власть или богатство. Магия, сотворённая из гордости, только ради результата, без радости — то, что сотворило горы вокруг Трикси-кан, и то, что населило их чудовищами и смертью. Путь тщеславия или

жадности — трудный путь, потому что он превращает магию в силу. Магию — в силу. И это страшно. Ты понимаешь?

— Не совсем, — ответила я неуверенно. — Но, кажется, чувствую.

Ригуми улыбнулся:

— Это хорошо, Трикси-кан. А теперь ступай. Кое-кому не терпится затащить тебя в купальню.

Он был прав — Тейт уже извёлся, его нетерпение даже на расстоянии чувствовалось. Чуть поодаль, у самой границы купола обнаружили и все остальные, кроме Итасэ Рана. Там горел костёр, грелась в прозрачной чаше крепкая шерга со специями. Айка, разомлевшая от тепла и рассказов, дремала, положив голову Лао на колени. Маронг и Лиора сидели молча, спиной к спине; руки у них соприкасались, и пальцы были переплетены так же, как и мысли — неосознанно, из одной только голодной потребности друг в друге. Кагечи Ро смотрел в огонь и думал об океане, о жарком песке и бирюзовых волнах.

— Давай не пойдём туда, — шёпотом попросил Тейт, обнимая меня и утыкаясь лицом в шею. — Побудем вдвоём. Можно?

А меня подхватил вдруг странный порыв; я обернулась, собирая воедино всё, чему научилась за сегодня, что прочувствовала и запомнила — и протянула руку, укрепляя в спутанных рыжих волосах синий цветок, усыпанный слюдой нежной пыльцы. Повеяло пьяным и сладким ароматом.

Тейт вздрогнул и резко вздохнул. Он бережно накрыл мою ладонь своей, сминая хрупкие лепестки.

И в этот момент мы почувствовали нечто очень важное; то, что ещё только предстояло осознать.

Но я уже никуда не торопилась.

Глава 17. Влекомая течением

*Губительная этическая концепция,
понуждающая причинять боль в ответ на боль;
у повзрослевшего мага трансформируется в чувство
справедливости.*

(Из свитка "Загадки Лагона")

Путешествие к океану длилось почти двенадцать дней.

Ригуми Шаа словно бы нарочно избегал простых и скучных путей, но, с другой стороны, не особенно усложнял нам жизнь в бытовом плане. По крайней мере, через заросли, кишачие мелкими хищными айрами, продирается не приходилось, а место для ночёвки Итасэ Ран вообще превращал каждый раз в подобие курорта — с купальнями, уютными спальными местами и надёжной защитой по периметру.

Зато во время перехода впечатлений было выше крыши, и не всегда исключительно эстетических.

На седьмой день мы прошли над голубой долиной по совершенно прозрачному мосту — или, точнее сказать, по трубе. На дневной привал остановились аккуратно на полпути, в пузыре, парящем над самыми верхушками "деревьев". Итасэ занялся обедом, а остальным Ригуми предложил скрасить ожидание, наблюдая за тем, что происходило внизу.

— А это... кхм... оно? — с трудом выдавила я из себя малоосмысленный вопрос, отчаянно цепляясь за руку Тейта. Если бы могла, наверное, на плечи бы ему взгромоздилась. Голову вело, как в суперсовременном лифте, который быстро-быстро поднимается вверх, а потом резко останавливается.

Опустить взгляд было превыше моих сил.

— Гаюс, — с любезной улыбкой подтвердил мастер. — Наблюдай, Трикси-кан. Очень полезно... Это и других касается. Да, и тебя, Айка-кан.

Девчонка застонала и сжалась в комочек, пряча голову между коленей. Похоже, напряжена была не только я; Кагечи Ро так вообще

побледнел аж в прозелень.

— Я слышал, что воплощённое ничто не всегда может защитить от спор гаюса, — сдавленно произнёс он, стараясь сохранить достоинство.

— Совершенно верно, — ответил Ригуми и возлёг на невидимых подушках, созерцая синее море смерти. Глаза, всегда холодные и прозрачные, приобрели насыщенный ультрамариновый оттенок, и это выглядело жутковато. — И я не помню, чтобы разрешал сейчас задавать вопросы, — добавил он спокойно, ставя точку в разговоре.

Тейт успокаивающе погладил меня по голове и мягко потянул за собой к краю "пузыря":

— Там приляжем, — шепнул он. Я рефлекторно прильнула к его разуму; рыжий был единственным из учеников, кто сохранял спокойствие. Точнее, вторым был Лао, но перед ним мне настолько не хотелось позориться, показывая дурноту, что эмпатический купол сам выгибался, обтекая его. Глупо, на самом деле — фактически так я просто отгораживаюсь, чтобы случайно не словить какую-нибудь снисходительную или разочарованную мысль о себе. — И не бойся. Ты же Ригуми веришь?

Я вспомнила Арингу и сглотнула.

— Ну...

Тейт нетерпеливо вздохнул, переминаясь с ноги на ногу:

— Ладно, по-другому спрошу. Ты думаешь, он тебя вот прямо сейчас хочет угробить гаюсом?

— Нет.

Кожа покрылась мурашками.

— Тогда делай, как он скажет, — посоветовал рыжий. — Хочешь, обниму, чтоб не страшно было?

Гордость и чувство собственного достоинства опомнились и отвесили хорошего пинка необъяснимому страху. Я выпрямила спину, скопировала рекламную "улыбку победительницы" и уверенно ответила:

— Ну... да... наверное.

Не быть мне крутой героиней, видимо.

Только мы устроились поудобнее, как "пузырь" начал медленно вращаться, создавая панорамный обзор. Я рефлекторно подалась назад, спиной вжимаясь в Тейта, и он фыркнул мне в шею. Наверное, с

высоты мы выглядели, как чёрный котёнок и рыжий шрах, которые пытаются уместиться в одной тесной корзинке... Но вскоре я и думать об этом забыла.

Долина смерти завораживала.

Сверху, с высоты полёта Шекки, она выглядела как дышащее море, влажная подвижная масса. С расстояния в пятнадцать метров до ближайшей вершины всё смотрелось совершенно иначе. Под ажурно-мшистым покровом просвечивали чёрные скалы, сплошь в кавернах и дырах. Гаус был разным. В низинах он напоминал плотную тёмно-синюю губку или очень-очень толстый слой плесени, в которой человек запросто мог бы утонуть. На холмах смертоносный слой редел и светлел, превращаясь в бирюзовый "лишайник" — искусно вырезанные розетки, сюрреалистические цветы, покрытые аквамаариновой росой. Кое-где высились "деревья" — каменные колонны и "зонтики", изъеденные эрозией, словно "розы пустыни". Гаус покрывал их тонким слоем, выпуская длинные ловчие нити, бледно-голубые, похожие на русалочьи волосы.

Время от времени долина вздыхала; от края к краю перекатывалась упругая волна, наизнанку выворачивающая смертоносную синеву, и обнажался нижний слой — сплетение непрерывно движущихся червей-корней, гладкие чёрные шишки. Когда такая шишка трескалась, то в воздух взмывало облако радужной пыли, невероятно красивой, полупрозрачной, как бензиновые разводы на льду. Это были споры. К счастью, они далеко не улетали, опускаясь тут же, на скалы.

Человеческую кожу споры превращали в одну сплошную уродливую язву; неосторожный вдох мог стоить жизни.

Я наблюдала, не отрываясь, и, кажется, забывала моргать; в глазах появилась резь от сухости.

— ...О, обед уже готов? А могу я попробовать? — слышался вдруг мелодичный голос Лао. — Не хмурься, Итасэ... Можно звать тебя просто Ран?

— Не трогай.

"Пузырь" вздрогнул — и вниз, навстречу облаку радужной пыли кто-то упал, раскинув руки крестом.

Лао.

Всё длилось несколько секунд, но растянулось на часы.

Я видела, как споры окутали его, прожигая кожу, но не одежду; как расцвели багровые язвы на лице и руках; как побелели глаза и в дым истончились волосы; как с чмоканьем подалась вверх сырая синяя губка, обволакивая тело, как оголились кости, и...

...это не он. Разумеется, не он.

Купол развернулся во всю ширь и мощь, показывая мне то, что я не могла увидеть, зато прекрасно видел Тейт, вывернувший шею.

Лао, живой и невредимый, засмеялся, на полшага отступив от Итасэ, который, морщась, ощупывал своё плечо — так, словно чужое прикосновение, мимолётное и дружеское, по-настоящему обожгло.

— Ран-кан, — произнёс Ригуми Шаа, вроде бы спокойно, но с отчётливой угрозой.

Итасэ дёрнул головой, кривясь. Лао примирительно прижал руку к груди, улыбаясь:

— Не стоит беспокойства, Шаа-кан. Это моя вина, Итасэ Ран был очень добр, когда показал своё искусство... — Голос его вдруг стал ниже, не теряя мелодичности. — Я учту ошибку.

— Ран-кан, — повторил мастер ещё мягче.

Итасэ замер, а потом отвернулся, кутаясь в дымно-серый шарф.

— Прости, Лао-кан. Это вышло случайно.

Раскаяния в его словах не было ни на гран.

Голова кружилась; дыхание было поверхностным и мелким, спина взмокла. Хорошенький дневной привал, ничего не скажешь...

Тейт поёрзал, повздыхал — а потом вдруг цапнул меня за загривок, да так, что наверняка остались следы от зубов.

— Забей волноваться за Лао, — отчётливо сказал рыжий. — Его так просто не убьёшь.

Полегчало.

После этого случая я невольно стала присматриваться к Итасэ. Не к лицу, разумеется, после индивидуальных занятий оно и так впечаталось в мою память, как фотография. Но вот манеры и мысли... Вроде бы ничего особенного, однако что-то напрягало.

И на одиннадцатый день я наконец осознала, что именно.

На одиннадцатый... великий мастер-детектив, да.

Во-первых, Итасэ слишком походил на мастера Ригуми. Но не как отражение, а как идеализированный вариант. Думаю, почти каждая девушка хоть раз в жизни пыталась изобразить угрожающий взгляд

перед зеркалом — ну, или соблазнительный. И если результат в воображении всегда был впечатляющим, то в реальности, мягко говоря, разочаровывал. Лично я зареклась строить из себя кого-то, когда вместо пылкой штучки увидела в затемнённом оконном стекле жертву генетических расстройств с приоткрытым ртом. Итасэ выгибал брови, хмурился и поджимал губы точно так же, как Ригуми; но если мастер иногда выглядел забавно, то каждое проявление эмоций у подмастерья было исключительно выразительным. От ледяных взглядов действительно бросало в дрожь, презрительная усмешка заставляла меня почувствовать себя ничтожеством. Касалось это и других привычек. Ригуми утром, после пробуждения, потягивался демонстративно и одновременно неловко, как человек, который когда-то сильно стеснялся своего тела и не до конца поборол комплексы; Итасэ точно так же закидывал одну руку за другую над головой, но им хотелось любоваться.

Во-вторых, мысленный голос у него оказался точь-в-точь как у Ригуми, только более мелодичный.

В-третьих, Итасэ не выносил прикосновений. Причём сам он с удовольствием раздавал подзатыльники и тычки, то есть дело было не в самом физическом контакте, а в том, кто являлся инициатором. Я интуитивно чувствовала связь с первыми двумя странностями, но описать её словами не могла.

— Что-то не так, Трикси?

Лао, как обычно, подкрался незамеченным. Похоже, его это развлекало... хотя сложно сказать, что его не развлекало.

На ночлег мы сегодня остановились на широкой террасе прямо над угольно-чёрной долиной. Небо уже потемнело; у нас над головами мерцали звёзды, голубоватые и розоватые, и неспешно струились потоки сияющей космической пыли; дальний же, северный край полыхал от вспышек молний. Там бушевала гроза, но Ригуми сказал, что беспокоиться не о чем: так близко к побережью губительные тучи не подходили.

На юге высились горы — зубчатая гребёнка вершин, почти отвесные склоны. Там, за последним рубежом, плескался океан, и ветер доносил сквозь ночную тьму слабый запах соли и свежести.

— Всё в порядке, — вздохнула я и уткнулась лицом в колени. Лао сел рядом и положил руку на плечо — невесомое прикосновение, от

которого разом стало очень спокойно. — Как думаешь, Ран странный?

Лао фыркнул:

— Если ты назовёшь мне кого-нибудь не странного, я отвечу. А пока даже не знаю, что сказать.

Я скосила взгляд туда, где террасой ниже горел костёр. Звуки лагеря доносились приглушённо — особенность чёрной долины внизу, которая поглощала всякий шум и свет.

В голову пришла неожиданная мысль.

— А Ран случайно не сын мастера Ригуми?

От Лао внезапно нахлынула волна печали, приглушённой и изысканной. Я попыталась считать образы — и не смогла, словно в руках у меня распадалось холодным пеплом письмо с каким-то болезненным секретом, брошенное в камин; отдельные слова ещё можно различить, но смысл покрыт мраком.

— Нет, Трикси. Сын Ригуми Шаа был убит тридцать лет назад. И та, что дала рождение этому ребёнку, тоже.

Меня аж подбросило.

— Ничего себе! — откликнулась я горячо, но быстро спохватилась и понизила голос, машинально оборачивая нас непроницаемым эмпатическим куполом. — А как это случилось?

— Не знаю, — мягко улыбнулся Лао и снова погладил меня по голове. — Слышал только, что Ригуми Шаа тогда удалился из Лагона и жил где-то в горах близ побережья. Наверняка свободные искали его...

— И нашли, — мрачно закончила я. — А куда вообще деваются маги после Лагона? Понятно, что здесь учатся и двадцать, и тридцать, и сорок лет. Но у одного Ригуми Шаа больше семисот учеников.

— У него одна из самых больших мастерских, — ответил Лао задумчиво. — У Таппы, например, и ста не наберётся. Каждый год из Лагона уходит несколько десятков человек, приходит больше. Кто-то погибает. Те, кто считает своё обучение оконченным, отправляются изучать мир. Затем каждый живёт как знает. Говорят, что многих учеников отсылают к людям — тайно, разумеется. Но мне это не интересно.

В его мыслях промелькнул знакомый образ — политика, и тут же повеяло искренней неприязнью.

Что ж, видимо, я всё-таки нашла то, что не развлекает Лао.

Сомнительное достижение, конечно.

— А как ты думаешь... — начала было я и тут же забыла, что хотела сказать, потому что Лао меня обнял, пристроив голову на плече.

— Т-с-с, — произнёс он тихо и засмеялся. — Тейт смотрит на тебя и на меня. Как ты думаешь, Трикси, насколько долго он выдержит и когда поднимется к нам?

— Как только придумает подходящий предлог, — вздохнула я. Тоже хотелось улыбаться; почему-то в груди появилось очень приятное ощущение, не то тепло, не то щекотка. — То есть почти сразу.

Разумеется, я оказалась права.

За что ещё следовало поставить Ригуми памятник при жизни, так это за то, что он не поднимал нас рано утром, а позволял выспаться. Впрочем, рыжий всё равно подскакивал ни свет ни заря, выдёргивал из постели Лао с Айкой, и вся троица бодро учёсывала выше по скале, тренироваться. Сквозь защитные барьеры они просачивались, как дурно воспитанные призраки. Итасэ, на чьих хрупких и нервных плечах лежали заботы об обустройстве лагеря, скрежетал зубами, но поделаться ничего не мог.

Вторым, как ни странно, поднимался Маронг, прятался в каком-нибудь уединённом местечке, за деревом или за камнем, и там подолгу сидел в странной позе, уставившись в одну точку и напряжённо сопя. Это у него называлось медитацией. Возвращался он к завтраку, взмокший и страшно довольный. Вообще вдали от Лагона Маронг немного ожил, и, хотя по-прежнему скупно отвечал на вопросы и сам первым не заговаривал, стал иногда улыбаться. Ригуми чередовал вечера, занимаясь по очереди то со мной, то с ним. Я никогда не лезла подглядывать, пусть и сгорала от любопытства.

Затем просыпался Итасэ, вершил в одиночестве гигиенические процедуры и шёл готовить завтрак, транслируя на весь лагерь убийственное недовольство. Дивный мысленный фон гарантированно будил нас Лиорой, а пока мы умывались или сушили волосы, наконец поднимался Кагечи Ро — глубоко несчастный и хронически сонный до полудня...

Точнее сказать, так продолжалось одиннадцать дней, потому что на двенадцатый Ригуми Шаа безжалостно растолкал нас до рассвета и заставил совершить марш-бросок, которому позавидовала бы и Аринга. Мы бежали, и бежала прозрачная дорожка у нас под ногами —

долго, в напряжённом темпе. Небо, поначалу чернильно-чёрное, начало сереть и синеть. Силуэт гор приближался, становясь графически чётким на фоне востока.

У мастера было потрясающее чувство времени.

На перевал мы поднялись ровно за минуту до того, как огненная корона солнца показалась над бесконечным океаном.

Над водой стелился молочно-лиловый туман; волны перекатывались под ним, с огромной высоты скорее похожие на дрожь предвкушения. Терпеливо и безмолвно ждал рассвета изрезанный лагунами берег — тёмно-зелёный, с рыжей кромкой песка. Когда солнце вынырнуло из океана и ткнулось макушкой в раскалённое добела небо, то по воде выстрелила золотистая дорожка.

— Сейчас, — тихо произнёс Ригуми Шаа.

И, словно откликаясь на его слова, под самой поверхностью океана показались вдруг тени, вытянутые округлые пятна. Они перемещались очень быстро — от горизонта к берегу, наискосок, целеустремлённо и легко. Водная гладь напряглась — и вверх выстрелили фонтаны, отсюда кажущиеся крошечными, но вблизи, наверное, огромные. Солнце бледным золотом дробилось в них и стекало в океан.

Одна из теней напряглась — и вынырнула, на несколько мгновений целиком очутившись в воздухе. Гладкое иссиня-чёрное тело, сдвоенные плавники, гибкий хвост...

...неужели киты?

Они давно уже скрылись в прозрачных водах, когда до слуха донеслась тягучая, пронзительная песня, похожая на звук огромной небесной трубы. В груди у меня что-то ёкнуло.

— Кто это? — хрипло спросила я. Голос отказывал.

— Глубинное диво, сойнар, — улыбнулся Ригуми. — Он отрицает любую магию, ибо сам является ею... Говорят, что сойнары — айры древности. Но я думаю, что у них есть души.

— Мне тоже так кажется, — тихо ответила я.

"...морские драконы", — пронеслась полуоформленная мысль-образ, такая рассеянная, прозрачная, незаметная, что сначала я даже приняла её за свою. И только потом осознала, кому она принадлежит.

Лао.

А ещё — образ был безусловно узнаваемым, но сами слова прозвучали на незнакомом языке, и ощущалось в них тайная печаль... Или показалось? Телепатия — штука субъективная, слишком многое зависит от исходных данных. Мизантропы видят в чужих головах только подтверждение того, что все люди отвратительны, а вот дядя Эрнан, несмотря на всю его жёсткость, всегда находил в бездне чужого сознания то, что он называл "точкой сочувствия" — деталь, от которой можно оттолкнуться и, поняв, принять.

Словно откликаясь на моё внимание, Лао повернул голову и вопросительно приподнял брови. Я рефлекторно улыбнулась в ответ и пригладила волосы.

Тейт заметил наши переглядывания и нахмурился.

— Мастер Ригуми, а тут ведь никого опасного нет рядом, м-м?

— Шаа-кан, — мягко поправил мастер. — Опасности остались по ту сторону гор. Но всё же лучше не забывать об осторожности.

— Ага, — откликнулся Тейт и скосил глаза на Шекки, размышляя, не оседлать ли химеру и не кинуться вниз, к манящему берегу. — А куда мы спустимся?

— Полагаю, лучше выбрать небольшую лагуну, — сощурился Ригуми. — Например, ту, — и полоска берега внизу полыхнула золотистым светом.

Гхм, неплохой способ. Не то что вульгарное тыканье пальцем.

— О, я её знаю, — оживился Тейт и свистнул айру, подзывая его.

— Я могу сделать дорожку до самой воды, — предложил неожиданно Маронг, бледноватый от ранней побудки, но весьма бодрый. В голове у него крутилось что-то насчёт вчерашнего урока и новых идей. — Шаа-кан, могу я?..

Мастер благосклонно склонил голову к плечу. И тут меня словно дёрнуло что-то.

— Если сделать дорожку отсюда к воде, то получится горка, как в аквапарке.

— Горка? — вспыхнул азартом рыжий.

— Аквапарк? — любопытно улыбнулся Лао.

Айка ничего не сказала, но выражение лица у неё стало жадным и хищным.

Я едва по лбу себе не хлопнула. Ну что стоило держать рот на замке!

— Поясни, Трикси-кан, — с деланным равнодушием попросил Итасэ Ран, тщательно пряча садистское удовольствие под слоем отстранённой доброжелательности. Шрах, он знал! Не представляю, откуда, но знал... или догадывался! — А ещё лучше покажи.

Я тяжело вздохнула — и воссоздала иллюзорный образ самой высокой горки из аквапарка в Эсме-Пейр. Разлила вокруг подкрашенную водичку, запустила купальщиков на резиновых кругах, визжащих детей с мизинец ростом — и только потом осознала, что легче было транслировать понятие напрямую, телепатией.

Интересно.

Как будто раньше по умолчанию стояло использование псионических способностей, но теперь меня "перепрошили" на магию. Эмпатия казалась сейчас слишком лёгким выходом, а значит... скучным и некрасивым?

— Игамина, — попросил тем временем Тейт с горящими глазами. — Сделай. Прямо отсюда. Сможешь?

Маронг сглотнул, дёрганным жестом откинул с лица длинную прядь — и, оглянувшись на мастера, ответил:

— Да. Как раз думал о чём-то масштабном. Шаа-кан, дозволено ли мне...

— Действуй, — усмехнулся Ригуми. Его это забавляло. — Ран-кан, проследи.

"Подстраховывай" — читалось в подтексте.

И понеслось.

Меньше чем через минуту Маронг соорудил чудовищное подобие водяной горки — без воды, но безумно скользкой — и растянул её до самого пляжа, километров на десять. Мне от одного вида стало дурно. Итасэ пофыркал, покривился и креативным методом тычков и пинков заставил гордого "строителя" внести несколько принципиальных изменений — добавить витки, чтобы снизить скорость, соорудить через каждые пятьсот метров "бассейны" для той же цели и нахлобучить сверху на прозрачный жёлоб такую же крышку, чтоб случайно не вылететь на повороте.

— Первый! — подскочил к аттракциону Тейт. И обернулся: — Трикси?

Я инстинктивно сделала шаг назад.

Жёлоб горки вился над склоном — над острыми скалами, над верхушками деревьев, над расщелинами... И так — долго-долго. У меня сердце успевало выпрыгнуть из груди и за трёхсотметровый спуск в аквапарке, а тут?..

— Круто! — оттеснила меня Айка, сияющая, как неоновая реклама. — Ширбанём?

Тейт ничего не ответил — он разбежался, сиганул в жёлоб и съехал, стремительно набирая скорость. Следом за ним прыгнула и Айка.

— Не проверил... — простонал Маронг, трогая скользкую стенку и опасно заглядывая вниз. Девчонка визжала, и звук эхом отдавался в горах; рыжий фонил восторгом, но это слышала только я — и Лиора в лучшем случае. — Ну что стоило подождать, пока я...

И тут Итасэ Ран сделал то, что я от него не ожидала.

Он пинком спихнул Маронга в злополучный жёлоб.

— Йа-а-а-а... — донеслось жалобное и вскоре затихло: видимо, кое-кто героически стиснул зубы, чтобы не визжать на поворотах.

Лиора обернулась. Взгляд у неё был воистину испепеляющий, куда там моей кузине-тихоне.

— Переживаешь — догоняй, — с изысканной жестокостью посоветовал Итасэ. Глаза у него блестели, как от алкоголя.

Блондинка подтянула ремень, закрепляя сумку на талии, сняла и убрала шарф и, изящно присев на край горки, произнесла спокойно:

— Игамина забыл свои вещи. Возьмите кто-нибудь, — и, откинувшись, съехала по скользкому жёлобу.

Кагечи Ро прикрутил лишнюю сумку к боку своего ездового айра и шлепком отправил его вниз по склону, а затем сам съехал с горки, не дожидаясь мотивирующего тычка от Итасэ.

Так, осталось двое... Точнее, четверо, но мастер с подмастерьем не считаются.

В горле у меня пересохло, и коленки позорно ослабели.

— Не трусь, Трикси, — подмигнул мне Лао и рыбкой нырнул в жёлоб.

Я сглотнула и отступила за спину мастера Ригуми.

— Трикси-кан? — вкрадчиво позвал Итасэ. Серый полупрозрачный шарф, который прежде топорщился над ним, как змеиный капюшон, начал обвиваться тесными кольцами вокруг плеч.

Логично — так меньше вероятность, что в процессе ткань за что-нибудь зацепится. — Твоя очередь.

— Спасибо, лучше тут постою, — вежливо ответила я, не торопясь выглядывать лишний раз из-за плеча мастера. — Э-э... не очень люблю аквапарки.

Несколько секунд Ригуми Шаа выдерживал театральную паузу, но затем смилился:

— Позаботься о том, чтобы все благополучно спустились, Ран-кан.

У меня отлегло от сердца.

Итасэ наградил меня странным сочувственным взглядом и забрался в жёлоб, прижимая к животу сумку. Он не сорвался вниз со свистом, как другие, а плавно тронулся, точно мультяшная ракета, постепенно ускоряясь. Длинные пряди вокруг лица у него красиво развевались, край шарфа трепетал, профиль был исполнен достоинства, а в голове звучало всё то же придушенное "Йа-а-а-а..." — и никаких связных мыслей.

Что ж, надеюсь, что за безопасностью горки он всё-таки проследит.

Наверное, Итасэ не до конца отключился, потому что жёлоб за его спиной начал аккуратно сворачиваться. Шекки, флегматичная химера Тейта, дёрнул головой, встряхнулся, взмыл в воздух — и, постепенно становясь прозрачным, полетел за хозяином, к лагуне.

— Пора и нам, Трикси-кан, — заметил Ригуми Шаа и обнял меня одной рукой, притискивая к плечу. Слабо запахло пьяными синими цветами инлао; наверно, это был любимый аромат мастера.

Хватка, кстати, оказалась железная.

Под ногами у нас распустились полупрозрачные лепестки — и вокруг сомкнулся пузырь вроде мыльного. Тонкая радужная плёнка выглядела трагически ненадёжной.

Секунда — и пузырь сорвался с места... с такой скоростью и по такой траектории, что шраховы горки Маронга в сравнении с этим выглядели детским развлечением!

Я взвизгнула и повисла на мастере, цепляясь руками и ногами.

Ригуми Шаа, взрослый человек, серьёзный маг, хладнокровная сволочь и так далее только расхохотался, и летучий пузырь, заложив плавную петлю, рухнул в бездну.

Рывок — мы зависли над острыми скалами, в сантиметрах от поверхности.

Ещё рывок — и чудом вписались в расщелину.

Когда пузырь заметался между вековых деревьев, я обречённо зажмурилась.

Естественно, в лагуну мы прибыли первыми. Осталось даже время, чтобы уютно устроиться на тёплом песочке, вытягивая дрожащие ноги — мастера это, разумеется, не касалось, только меня — и дожидаться, когда жёлоб выплюнет в бездну морскую восторженно орущего Тейта.

Волна брызг окатила даже Ригуми Шаа, и я почувствовала некоторое удовлетворение.

— Круто! — пробулькал рыжий и, отфыркиваясь, погрёб к берегу. Окончание жёлоба выходило достаточно далеко. Судя по цвету воды, глубина воды там была приличная. — Надо сказать Игамине, чтоб потом ещё такую сделал... Айе!

Тейт едва успел шарахнуть в сторону, когда с горки вылетела Айка. В воду она вошла беззвучно и потом долго не выныривала; появилась уже под самым берегом, аккуратно когда в волны разрывным снарядом влетел Маронг, окружённый чем-то вроде защитной оболочки.

Нас накрыло брызгами во второй раз. Рыжий счастливо рассмеялся и распластался на песке.

Затем должна была появиться Лиора. Начал нарастать гул; я рефлекторно расправила купол, отыскивая блондинку — и не нашла.

Какого шраха?!

Шум приближался. По жёлобу определённо что-то спускалось.

И тут до меня дошло.

— Лиора без сознания! — От волнения голос у меня стал пудрачки высоким. Шрах, на такой скорости человек в обмороке может не просто удариться о воду и нахлебаться... — Отключилась! И это она! — и я ткнула пальцем в сторону горки, но договорить и объяснить, чем это опасно, не успела.

Нас внизу было четверо. И первым среагировал не мастер и даже не Маронг, который и создал горку, а рыжий.

Я едва успевала осознавать, что происходит.

Взметнулся песок из-под ног. Шаг, два, три, шлепок по воде — и Тейт, оттолкнувшись, кажется, прямо от волны, взмыл в воздух в невероятном прыжке. Уцепился за жёлоб, вскочил на него, пробежал на десять метров вверх, рубанул рубанул по крышке — и, похоже, пробил. Юркнул внутрь — в тот самый момент, когда Лиора пронеслась под ним, каким-то чудом догнал, обнял, оберегая от ударов и фиксируя шею в безопасном положении...

У меня дыхание перехватило.

А через мгновение они выскочили из жёлоба и вошли в воду, почти без плеска и брызг. Рыжий вынырнул и, удерживая Лиору на поверхности, быстро поплыл к пляжу.

На всё ушло секунд пять, не больше.

Фонем клубилось чудовищное чувство вины Маронга, ровно горело беспокойство Ригуми Шаа; последнее, впрочем, немного поугасло, когда Тейт вытащил девушку на тёплый песок. Айка с любопытством косилась из воды, ничего не предпринимая... Шрах, это ей не аттракцион! Нельзя быть серьёзнее, что ли?

— Она в порядке, — негромко сказал Тейт, проведя ладонями вдоль тела Лиоры и на мгновение прижав их к её горлу. Вроде бы незначительные манипуляции, но он сумел не только прощупать пульс, но также считать температуру тела и даже давление, которое, правда, про себя обозвал "напряжением". И всё это — без намёка на биокинез, на одном чутье. — Голову я посмотрел, ссадин нет, значит, не ударилась. Просто обморок.

— Пустишь меня? — наконец отмерла я и на коленях подползла к блондинке. Тейт отодвинулся.

Первая ступень биокинеза много не дала, но первый диагноз подтвердился. По крайней мере, ни сотрясения мозга, ни переломов у Лиоры не было — вероятно, она действительно всего лишь потеряла сознание от высоты или от скорости. Последний отрезок жёлоба получился не особенно извилистым, явно не хватало поворотов, чтобы затормозить скольжение... М-да, безопасность в нашем аквапарке подкачала.

— Как она? — тихо спросил Маронг, присаживаясь рядом.

От него уже не так сильно несло чувством вины; оно слегка утихло, ушло частично в подсознание, а на первый план вышла тревога, пропитанная нежностью.

— Сейчас придёт в себя... — начала я и запнулась, потому что из жёлоба вылетел Кагечи Ро. Сгруппироваться не успел и здорово ударился, но, судя по мысленному фону, не пострадал.

С опозданием появилась догадка, что, возможно, созидающие совершенство экспериментируют не только на добровольно-подневольных жертвах, но и на себе.

На горке что-то свистнуло. Звук был куда тише, чем во время всех предыдущих спусков. Я попыталась вспомнить, кто там шёл следующим, но не успела. Над головой Кагечи Ро, никак не успевающего отгрести в сторону, промелькнул изящный силуэт, дохнуло весельем ощущением свободы...

Лао не нырнул в воду, единственный из всех — он пробежал по волнам, быстро, так что едва можно было за ним уследить, затем взвился в прыжке и приземлился в двух шагах от нас.

— Что с Лиорой? — тихо спросил он, мгновенно становясь серьезней.

— Со мной ничего, — раздался придушенный ответ, и ресницы у блондинки наконец дрогнули. — Я хочу пить. Что-нибудь кислое. Меня тошнит. И сделайте уже тень. Песок жёсткий. И не толпитесь вокруг.

Рыжий поймал мой взгляд и проказливо усмехнулся. Я невольно отзеркалила; да, пожалуй, Лиора и впрямь в порядке, если может так придираться.

— Что с тобой случилось? — вытянул шею Кагечи Ро, выбираясь из воды на четвереньках. — Могу я тебя осмотреть?

— Будь так любезен, — не очень-то любезно откликнулась она и поморщилась. Её действительно подташнивало. — Там было... высоко и быстро. Не ожидала. Трикси, у вас там правда любят подобные развлечения?

— Правда, хотя и не все поголовно. Но горки у нас пониже, — призналась я честно.

Пока Ро возился с Лиорой, появился Итасэ. Нырнул он столь же аккуратно и тихо, как Айка, и на берег выбрался с кислой физиономией, тщательно скрывая удовлетворение и желание когда-нибудь повторить спуск. Жёлоб свернулся в сияющую точку, которая угасла через несколько секунд, и от аттракциона не осталось и следа. Самое удивительное, что первым делом Итасэ поискал взглядом меня,

убедился, что я бледна, однако цела и невредима, и лишь затем изволил поинтересоваться, почему мы все столпились на одном пятачке.

— Небольшое неудобство, — улыбнулся Ригуми Шаа, явно не собираясь развивать тему, и добавил: — Лиора-кан, тебе следует плотнее завтракать. Ты боишься высоты? Скорости?

— Нет, Шаа-кан, — опустила она глаза. Ей было немного стыдно.

— Это утомление, — вмешался Кагечи Ро. — Ты ведь не спала ночью, да?

— Иногда случается, — уклончиво ответила Лиора и быстро взглянула в мою сторону.

В мысленном фоне у неё проскользнула тревога, и я вздрогнула: невнятный образ, пропитанный опасностью, как-то соотносился со мной и с рыжим.

— Отдохни тогда, — посоветовал мастер. — Лагерем займутся другие. Тейт-кан, хорошая реакция, — обернулся он к рыжему. — Ты быстро и ясно мыслишь, действуешь без сомнения. Некоторым следовало бы у тебя поучиться... Игамина-кан, это было очень прочное воплощение, я не увидел изъянов, — смягчил он упрёк похвалой, и Маронг немного воспрянул духом.

Ригуми Шаа распределил обязанности, кажется, нарочно разбивая сложившиеся пары. Лиору он оставил отдыхать в тенишке вместе с Кагечи Ро. Итасэ обустроивал лагерь в скале, расположенной примерно в тридцати метрах от берега, в небольшой роще, и в помощницы к нему отрядили непоседливую Айку, которая собирала хворост и фрукты поблизости. Филиал лагеря на пляже возводил Маронг, а Тейт рядом, на глубоководье, ловил съедобных морских обитателей и стаскивал добычу под навес. Лао отрядили осматривать окрестности — вдруг где-то притаилась опасность? Меня Ригуми отправил вместе с ним, попросив заодно собрать лууши на ужин.

Знать бы ещё, что это такое.

Побережье выглядело... обычно.

Диво дивное для Лагона.

Песок был мелким, красновато-рыжим, хотя кое-где попадались золотистые или белые отмели. Лао объяснил, что они появлялись из-за течений. Горы подступали довольно близко к воде, на три-четыре километра, но ничего опасного там не водилось. Ни гаюс, ни айры

никогда не пересекали невидимую границу, которая проходила с северной стороны по подножью последней высоченной гряды, с вершины которой мы сегодня любовались восходом. Дальше к западу и востоку скалы находились в пять-шесть раз дальше от океана, чем здесь. Череда каменистых островов служила естественным волнорезом и немного затрудняла выход в открытую воду, однако местные научились с этим справляться. Самые крупные города находились примерно в дне пути отсюда, но мелкие деревушки встречались и ближе.

Густая зелёная трава стелилась в рощах, деревья привольно раскидывали ветви, покрытые широкими листьями или пучками мягких синеватых иголок, гроздья цветов источали сладкие ароматы, а птицы... шрах, я впервые за несколько месяцев услышала пение птиц! На мелководье сверкали чешуёй мелкие рыбки, на камнях грелись панцирные существа, нечто среднее между длинноногими ящерицами и шустрыми черепахами, а их более крупные сородичи, частично покрытые роговой бронёй, дремали на песке, свернувшись клубками. Никто не дёргался и не пытался убежать при виде нас, словно тут в принципе не могло произойти ничего плохого, и звери это знали.

Звери. Не айры — я ощущала тень мысли, тень чувства вокруг всякий раз, когда напрягала купол.

— Вот они, лууши. — Лао присел на корточки и, раскопав песок, извлёк яркую раковину в ладонь величиной. — Их запекают с дольками фруктов и пряными травами. Очень вкусно. Только искать нелегко, они далеко закапываются... Но я помогу.

— А как же задание мастера? — растерялась я.

— Одно другому не мешает, — улыбнулся Лао, передавая мне синевато-розовую раковину. На солнце глаза у него стали совсем светлыми, как расплавленное серебро, и ободок вокруг радужки отсвечивал яркой зеленью. — Я слушаю, чувствую, смотрю. Кстати, как ты думаешь, Трикси, почему тебя отправили со мной?

На языке вертелось "чтобы позлить Тейта", но вряд ли Ригуми стал бы так поступать. В отличие от Оро-Ича он вообще не любил провоцировать людей и с уважением относился к личному пространству, как физическому, так и эмоциональному.

Так, что Лао не умеет делать, но зато умею я? И как это увязать с разведкой?

Ответ сам напрашивается.

— Прощупать местность эмпатически и телепатически? — предположила я. — Ну, гм... Искусством внимающих и поющих?

— Думаю, да, — подтвердил он мою догадку. — У мастера свои способы приглядеть за окрестностями, но мы ведь здесь для того, чтобы учиться. Я много раз бывал на побережье. Обычно за припасами ходят восточнее, туда, где кончаются города и начинаются пустыри. Здесь хорошее место, красивое и спокойное, но сюда иногда забредают люди из деревни или причаливают корабли морских охотников. Угрозы от них никакой, но лучше бы нам ни с кем не встречаться.

Я склонила голову к плечу, соглашаясь, и машинально перекинула тяжёлую раковину лууши из руки в руку. Надо присмотреть — значит, присмотрю. Купол у меня сейчас гораздо шире, плотнее и чувствительней, чем был полгода назад, и ночью он не схлопывается. Может, у меня уже не четвёртая ступень, а пятая? Кто подскажет теперь, эх... Да и какая разница по большому счёту. Я меняюсь, расту — и чувствую это, а насколько именно — не так важно.

— Трикси! — позвал Лао издалека и указал на песок. — Здесь тоже лууши. Раскопаешь сама?

Ох, шрах! Ничего себе, куда он успел уйти.

Вот мне урок — надо меньше задумываться о ступенях и больше следить за окружающим миром.

Мы бродили по берегу несколько часов. Я постепенно наловчилась сама отыскивать лууши по небольшим холмикам влажного песка и откапывать совком, воплощённым из ничто. Получалось удобно и быстро, хотя подолгу мои иллюзии не жили. Ветер, поначалу слабый, усилился к полудню. Он дул с океана, разбавляя сладкие ароматы цветов, и от него почему-то клонило в сон. Но Ригуми Шаа, к счастью, и не требовал от нас ничего, предоставив после обеда полную свободу. Единственное, что он запретил, так это далеко уходить от лагеря, а ещё посоветовал не расслабляться и поглядывать по сторонам.

То есть в случае Тейта — приноживаться, а в моём — не распускать купол.

— А если вы собираетесь купаться, у меня есть для вас небольшой подарок, — улыбнулся мастер, глядя из-под ресниц. — Раздевайтесь, — добавил он вдруг.

Я, честно признаться, впала в ступор. Плохо быть телепатом — не надо уточнять "А совсем?" или "До конца?". К сожалению, всё с первого раза ясно.

Лиора тоже прекрасно поняла Ригуми, но её это, в отличие от меня, нисколько не смутило.

— Можно встать спиной, Трикси, — заметила она, проходя мимо и разуваясь на ходу. Один мягкий ботинок остался лежать под навесом, другой — ближе к линии приборя. — А все остальные закроют глаза, если понадобится. Так?

— Разумеется, Лиора-кан, — усмехнулся Ригуми. — Никто здесь не угрожает твоей стыдливости, Трикси-кан.

Тейт фыркнул и уткнулся в моё плечо.

— У тебя такое лицо было, — доверительно сообщил он.

Тем временем Лиора скинула одежду, отвернувшись к океану, и развела руки в стороны. Воздух вокруг неё сгустился, налился холодным цветом аквамарина — и облёк тело, словно подобие купального халата из гостевых покоев Оро-Ича, только тут внизу были не расходящиеся полы, а широкие штаны.

Я по-прежнему ничего не понимала.

Костюм, да. Очень красивый, ничего не скажешь. Но слишком свободный, плавать неудобно, такая одежда будет тянуть на дно...

Лиора на мой вопросительный импульс ответила бесконечно терпеливым вздохом:

— Невежество всё-таки должно иметь пределы, — и почтительно приложила руку к груди, глядя на мастера: — Благодарю за удивительный подарок, Шаа-кан.

Затем она стремительно вошла в воду, обмакнула расклешённый рукав... И ничего.

То есть ничего не произошло с тканью. Она не намокла, не обвисла, осталась такой же лёгкой.

— Иди следующей, Трикси-кан, — с улыбкой приказал мастер.

И, хотя светило жаркое солнце и дул приятный ветер, кожа у меня покрылась мурашками. Конечно, не смотрел никто, кроме Ригуми Шаа — в частности, Маронг отвернулся потому, что боялся отхватить оплеуху и от рыжего, и от Лиоры. Но как-то слишком отчётливым стало знание, что мастер тоже мужчина... Причём взрослый и весьма красивый.

Ох. Только этого не хватало.

"Надо купол свернуть, чтобы не слышать, что он про меня подумает... Если подумает", — пронеслось в голове.

Я как раз стянула трико, оставшись в одном белье, когда на песок за моей спиной кто-то плюхнулся.

— Побуду тут, — заявил Тейт безмятежно.

Естественно, кто это ещё мог оказаться. Он сидел лицом к мастеру и смотреть на меня никак не мог. Отчего-то стало спокойнее, словно фокус внимания сместился на него — парадокс.

Ригуми едва слышно усмехнулся.

Стоять нагишом, к счастью, долго не пришлось. Воздух вокруг потемнел — и меня окутало одеяние. На ощупь ткань напоминала легчайший шёлк, по ощущениям — нежнее ветра. Передвигаться в таком костюме — одно удовольствие, но...

...шрах, почему опять ярко-алого цвета? Что Лиора, что Нэкен, что мастер — все норовят засунуть меня во что-нибудь красное! Почти как дорогая кузина Лоран, мир праху её свадебного торта.

— Красиво, — сказал рыжий.

Глаза у него были такими довольными, такими шкодливыми, что мне сразу стало ясно — он смотрел. Не знаю, как, правда.

— Утоплю, — ласково ответила я.

Отвечать он не стал, зараза — подхватил меня на руки, в два прыжка добрался до кромки воды и торжественно уронил меня в воду. Я взвизгнула от неожиданности, а смеялись, кажется, все, включая Итасэ. За последнее, впрочем, не поручусь — вполне может быть, что у меня просто в ухе зазвенело.

Остальные переодевания прошли без эксцессов. Честно признаюсь, хотелось посмотреть на Лао и решить раз и навсегда проблему его гендерной идентификации, но не получилось: разоблачаться он не стал, от подарка вежливо отказался и извлёк из своей дорожной сумки укороченные штаны и свободную рубашку из такой же лёгкой ткани.

— Запасливый и предусмотрительный, — разочарованно вздохнул Тейт, нежась на мелководье в новом травянисто-зелёном наряде.

Мы купались и дурачились до самого вечера. Когда солнце село — развели костры у самой линии прибоя и запекли на углях цветные раковины лууши, комки резковато пахнущих, но очень вкусных

водорослей, фрукты и рыбу. Мастер лично заварил шергу по своему рецепту и разлил по красивым прозрачным чашам. Я пила, обжигаясь, неразбавленную, и почти не вспоминала о том, как в первые дни в Лагоне у меня учащался пульс даже от запаха.

Когда трапеза подходила к концу, Ригуми Шаа заговорил, не обращаясь ни к кому конкретно. Он спросил, в чём состоит величайшая ответственность мага.

"Неудачное время для философских бесед", — подумала я, разомлевшая от сытости, сонная от ритмичного шелеста волн. И так казалось не только мне. Айка вообще задремала, на сей раз в ногах у Кагечи Ро, и он рассеянно гладил её по волосам. Лао наблюдал из-под приопущенных ресниц за Итасэ и отвечать не собирался.

— В том, что мы делаем, — ответил внезапно Маронг. — Что создаём.

В голове у него крутились мысли о том, как Лиора неудачно съехала с горки, и фоном шло перманентное чувство вины.

— Создаём? — забавно выгнул щипаную бровь мастер. — Гордые слова. Пожалуй, даже слишком... Создаём ли?

Не знаю, отчего, но я вспомнила ягоду кофе, которая оказалась у меня в руке однажды утром. По спине прокатился холодок.

Та ягода проросла.

Но из ничего не может получиться нечто. Это закон сохранения энергии. Если думаешь, что обошёл его — значит, просто используешь энергию, которую не видишь и не ощущаешь. Как сделка по неведению: купец на дороге встречает незнакомца и получает от него гору золота словно бы ниоткуда, а затем выясняет, что за богатство должен отдать свою нерождённую дочь. Так и с псионикой: ты совершаешь некое сверхчеловеческое действие, но расплачиваешься чем-то. Пока это что-то не научились измерять и условно окрестили психической энергией. Слово не прижилось в обиходе, но, тем не менее, любой псионик знал, что у него есть предел — не только по ступеням, но и по ресурсам.

А что с магами?

— Шаа-кан, — осторожно позвала я, приподнимаясь на локтях. Тейт, потревоженный, недовольно встряхнул головой, сползая с моего плеча. — Можно задать вопрос?

— Попробуй, — сузил глаза мастер.

— Настоящие вещи, которые воплощаются из ничто... откуда они приходят?

Ригуми Шаа сомкнул ресницы и слегка отклонился. В тени его лицо выглядело более юным, почти мальчишеским.

— "Приходит" — более правильное слово, Трикси-кан. Можно ли создать из ничего семя, которое прорастёт, окрепнет и даст плоды? Мастер Аринга считала, что да. Но её твари оставались бездушными айрами, а деревья не цвели. Там, за гранью, — голос его стал тише, — обретается то, у чего нет ни имени, ни формы. Но есть огромное желание существовать. И я всегда думаю... Создаю ли я нечто новое? Или приглашаю что-то явиться в этот мир и обрести форму?

Я не нашлась, что ответить. А Итасэ вдруг дёрнул плечом и отвернулся:

— Пустой вопрос, Шаа-кан. Никто и никогда не даст верный ответ. Никто не знает наверняка.

— Наверняка — нет, — согласился мастер, по-прежнему не размыкая век. — Но если ответить хотя бы для себя, кое-что изменится. Сегодня красивые звёзды и спокойный океан, — добавил он мягко. — Сон будет добрым.

Ригуми Шаа ошибся.

Через несколько часов после полуночи меня разбудила боль — сильная, тягучая... не моя.

— Что? — встрепенулся рыжий, как только я сжалась в комок, стиснув зубы. — Тебе плохо?

Голова спросонья работала скверно, отделить свои ощущения от чужих получилось с третьей попытки, не меньше. Я сделала купол более рассеянным, не уменьшая радиус...

— Там... в море. Девушка умирает. — Горло у меня точно удавкой перехватило. — Тейт, что делать?

Он не размышлял ни секунды.

— Лежи, я пока разбужу Ригуми, — распорядился он и выполз из-под одеял.

Мастер проснулся быстро и, к моему удивлению, вовсе не разозлился. Только спросил меня, хочу ли я оставить всё как есть — или попытаться спасти девушку.

Как будто здесь вообще можно выбирать.

Умирающая находилась в полутора километрах от берега; её уносило течением, причём довольно быстро. Мне пришлось приглушить купол; это была уже не просто боль, а агония. На помощь отправились Лао и Маронг на летающей платформе.

Они передвигались быстро, но всё-таки не успели.
Искра сознания угасла.

Глава 18. Ветер с запада

*Губительная этическая концепция,
понуждающая причинять боль в ответ на боль;
у повзрослевшего мага трансформируется в чувство
справедливости.*

(Из свитка "Загадки Лагона")

Чёрные волны накатывали на чёрный берег.

То есть, конечно, вода была прозрачной, а песок — красно-оранжевым, но в темноте цвета воспринимались иначе. Особенно сейчас, когда я изнывала от неизвестности и мрачных предчувствий. Спасательный отряд немного задержался: Лао нырнул за утопленницей и почему-то не сразу сумел её вытащить. В голове у него промелькнул образ чего-то неприятного, но преодолимого.

Маронга это "что-то", впрочем, изрядно напугало.

— Жалеешь, что не пошла с ними, Трикси-кан?

Лучи иллюзорного солнца раскрасили песок и волны — и точно вдохнули в них жизнь. Я на мгновение прикусила губу от переизбытка эмоций.

Спокойно, Трикси. Ожидание сейчас — не просто самый логичный выход, а единственно возможный.

— Нет, Шаа-кан. Вряд ли от меня была бы там польза...

— Верно, — согласился мастер и, поведя рукой, проложил световую дорожку от кромки воды и до самого лагеря. — Возвращайся, я их встречу. И проследи, чтобы Кагечи Ро выпил крепкой шерги. Его таланты мне скоро понадобятся.

В душе робко шевельнулась надежда.

Во-первых, если он так говорил — значит, оставался шанс спасти девушку. Во-вторых, "мне" вместо "нам" означало, что создающий совершенство обязательно поможет, потому что от просьб мастера не отмахиваются.

Видимо, Кагечи Ро предчувствовал нечто подобное, потому что без лишних напоминаний разогрел вчерашнюю шергу, добавил в неё пару капель подозрительной синей жидкости и теперь цедил напиток,

кутаясь в одеяло. Айка мелким шрамом скакала вокруг, доставая идиотскими вопросами. Тейт, который тоже не отличался долготерпением, и вовсе сбежал — как он сказал, "на разведку", но, думаю, просто размяться.

Немного поразмыслив, я подседа к Лиоре. Не к Итасэ же в компанию набиваться... Где он, кстати? Не видно...

— Проверяет окрестности, — ответила Лиора на невысказанный вопрос и зябко передёрнула плечами. Без шарфа, одетая во всё тёмное, она казалась хрупкой и уязвимой. Темнота плескалась вокруг костра, то наступая, то отползая; она казалась живой и дышащей — этакий огромный айр, бездушное существо с агрессией, забитой в подкорку.

Вдоль позвоночника холодок пробежал.

— Думаешь, это может быть ловушка? — указала я на тёмный океан вдалеке.

— Вполне возможно. — Блондинка прищурилась на огонь. — Но тогда выходит, что кто-то знал, что среди нас есть внимающие и поющие. И был уверен, что мы не пройдем мимо, а бросимся спасать незнакомую девчонку.

На душе заскребли кошки. Неужели я со своей цивилизованной сострадательностью втравила всех в неприятности...

— А без моей просьбы не бросились бы?

— Мастер Эфанга бы этого делать не стал, — нейтральным голосом произнесла она, однако не сдержалась и поморщилась. — И своим подопечным бы не позволил. Другие... Не знаю.

— А ты? — не удержалась я от вопроса.

— Разумеется, осталась бы на берегу, — высокомерно солгала Лиора.

Губы у меня против воли растянулись в улыбке.

Айка вдруг замерла, втягивая солёный воздух. Узкие ноздри хищно затрепетали.

— Идут!

Вдали, над самой кромкой воды, снова разлилось золотистое солнечное сияние. Этот островок полдня в ночи сначала немного повисел, покачиваясь из стороны в сторону, а затем двинулся к лагерю. Не сразу стало ясно, что возвращаются только двое.

— Где Лао? — резко спросила Лиора, когда они приблизились.

Вот спасибо...

Самой мне было слишком страшно спрашивать.

— Обследует глубины, — ответил Маронг негромко. Между ним и мастером Ригуми колыхался белесоватый кокон. — Ты можешь проверить окрестности по-своему? И ты, Трикси-кан, — обратился он ко мне вдруг.

— Прямо сейчас, — вмешался Ригуми. Взгляд у него был острым, сосредоточенным. — Мне не понравилось тело. Я хочу поговорить с этой женщиной, Ро-кан, — добавил он, указывая на кокон.

Кагечи Ро вскочил на ноги, прижимая руку к груди:

— Для меня будет удовольствием показать вам своё искусство, Шаа-кан.

"Удовольствие", — механически отметила я, удаляясь от костра к самой границе лагеря. У нас бы сказали: "Почту за честь".

Всё-таки в Лагоне странный способ показывать уважение.

Памятуя о дальности обследования у Лиоры, я решила сосредоточиться на интенсивности и раскрыла купол два километра — пока мой предел для тщательного прослушивания. Мощь наращивала постепенно, стараясь действовать так же, как у Оро-Ича в лаборатории. Но то ли поблизости действительно никого не было, то ли прятались они слишком умело — эмпатия не засекала никого подозрительного. Вся жизнь словно притихла; слегка напрягало, что фон, исходящий от зверей и птиц, напоминал тревожный гул насекомых летом на дальнем лугу — такой же слитный, тихий и неумолчный.

Те трое, что ушли на разведку, видимо, оставили лагерь далеко позади — до меня не долетало даже эхо чужих мыслей. И только в последний момент перед тем, как свернулся купол, зазвенел в океанских глубинах слабый отклик сознания Лао, больше похожий на тихую мелодию флейты или дыхание какого-то волшебного существа.

Лао с кем-то разговаривал, и это были не люди.

Оглушённая прикосновением к чему-то прекрасному, я вернулась в лагерь. У границы светового круга столкнулась с Лиорой, вымотанной и замёрзшей, а потому сердитой.

— Наконец-то, — произнесла она, скрестив руки на груди. — Почему так долго?

— А долго? — удивилась я. Внутренние часы, гордость любого псионика от второй ступени и выше, говорили, что прошло две-три

минуты. Но прежде ощущение времени уже подводило меня — там, в горах, после сражения с Арингой.

— Двадцать катов, — нахмурилась блондинка. У меня вырвалось удивлённое "Ох!". Да уж, задумалась... — Мастер Ригуми выразил беспокойство, — и она комично заломила брови, показывая, как относится к этому самому "беспокойству". — Нашла что-нибудь?

— Нет, — откликнулась я, умалчивая о подслушанном разговоре там, под водой... или песне? — Даже странно, потому что всё вокруг как-то... напряжено, что ли.

— Всё? — слегка растерянно спросила она.

— Животные, птицы. Что-то в океане.

— Ты... слышишь зверей? — переспросила неуверенно Лиора. Глаза у неё округлились.

Забавная реакция.

— Ничего особенного. Все эмпаты четвёртой ступени и выше так могут, — пожалала я плечами. Почему-то признаваться в этом было неловко. — Но некоторые аспекты чувствуются очень ярко — боль, например, весьма близка по ощущениям к человеческой. И ощущение опасности... Его трудно описать, но ещё труднее с чем-то перепутать.

Блондинка задумчиво опустила голову, обхватывая себя руками. Свет и тени на границе делали силуэт контрастным, ирреальным.

Статуэтка из чёрного и белого стекла, с виду хрупкая — а разбить невозможно.

— Кажется, я понимаю, о чём ты говоришь, — ответила она наконец. — Мы называем это сбоем в мелодии. Трикси, скажи, а ты никогда не слышала, как поют скалы?

Я вдруг почувствовала себя так же, как в тот момент, когда цветок инлао распустился у меня на ладони. Голова слегка закружилась.

— Нет.

— Мой отец слышал, — тихо ответила Лиора, словно сама себе. — А Оро-Ич... Мастер Эфанга говорит, что Оро-Ич слышит песню мира.

Она не спросила: "Может, когда-нибудь мы тоже?..". Я не ответила: "Надеюсь".

Не было нужды.

После первого же взгляда на Ригуми Шаа стало ясно: "беспокойство" не было преувеличением. Ему явно не нравилось

происходящее, и больше всего потому, что он не понимал, где подвох.

— Совсем забыла сказать... Я услышала очаг страха на западе, — шепнула Лиора по дороге. — Там деревня. И тоже никого вокруг, кроме наших.

Я склонила голову к плечу, показывая, что приняла это к сведению, и невольно ускорила шаг. Ригуми Шаа выслушал мой отчёт молча, затем резко повёл рукой, отсылая нас обеих. И — задумчиво присел на воздух, машинально отталкиваясь ногами от земли.

Этакие невидимые качели.

— Идём, — тронула меня за локоть Лиора. — Посмотришь хотя бы, кого спасла.

— Спасла? — Я вздрогнула.

Значит, она всё-таки жива?

Вместо ответа блондинка потащила меня в центр лагеря — туда, где вырос огромный круглый шатёр с плоской крышей, без дверей и окон. Мы шагнули внутрь прямо сквозь стенку, преодолевая слабое сопротивление...

В глаза ударил безжалостно-яркий свет. Холодный воздух с привкусом металла царапал горло. С непривычки я раскашлялась и близоруко сощурилась, а потому не сразу разглядела, что происходит посреди шатра.

Кагечи Ро работал. Но узнать его было невозможно.

Из одежды на нём остались только короткие светлые штаны, по цвету сливающиеся с кожей. На лбу, по линии выщипанных бровей и вдоль ключиц развезлись жутковатые щели, из которых проглядывало ледяное фиолетовое свечение. А из спины тянулись подвижные гибкие отростки с палец толщиной. Они были того же страшноватого цвета; на концах виднелись острия или "манипуляторы".

Мне стало дурно. У биокинетиков более эстетичные методы... хотя и результаты менее впечатляющие, надо признать.

А спасённая девушка...

"Девочка", — поправила я себя мысленно, потому что она тянула самое большее на ровесницу Айки. Слегка полноватая, но той здоровой полнотой, которая встречается на фотографиях красавиц прошлого и позапрошлого века — и той, которую яростно отрицает современная культура. Волосы мокрые и спутанные, но если высушить и расчесать — наверно, будут цвета светлого янтаря. На лице —

полустёршиеся охряные и зелёные узоры на висках и по верхнему краю лба.

Она была раздета донага — и чудовищно искалечена. Особенно пострадали ноги и живот, а ещё — кисти рук; создавалось впечатление, что она продиралась через колючую проволоку, оставляя клочья себя на шипах. Правое колено — разбито, как яйцо всмятку... Но девочка дышала.

Кагечи Ро не шевелился, даже головы не поворачивал, двигались только фиолетовые отростки — набирали белёдые нити из контейнера справа, штопали разрезы. Другие ковырялись в животе или замешивали "лепёшки" из неизвестного материал на парящих в воздухе пластинах. Судя по напряжённому лицу Маронга, это он ассистировал.

— Выйдем? — предложила Лиора вполголоса. Её тоже мутило — в отличие от Айки, которая наблюдала за процессом лечения с явным интересом. — Если девчонка очнётся, это может ударить по нам.

Я дёрнула головой, соглашаясь, и боком шагнула в стену.

Снаружи стало полегче.

— Кто она? — Голос у меня дрогнул. — Почему в таком состоянии? Мне казалось, что побережье считается безопасным.

— Так и есть, Трикси-кан, — ответил мастер Ригуми. Он проступил из темноты, как проступает отпечаток руки, прижатой с той стороны заиндевевшего стекла. Мы с Лиорой синхронно дёрнулись, едва не столкнувшись. — Лао сказал, что её принесло течением с запада. Её долго влекло течением. Она не тонула, потому что держалась за кожаную подушку для сидения, пока та не промокла. Следом плыли твари, которым не место в океане.

— Айры? — скривилась Лиора и отвернулась. — Да, я видела укусы.

— Странно не это, — поджал губы мастер, откидываясь спиной на стенку шатра; она спружинила неохотно, как туго натянутое полотно. — Свободные спускаются на побережье. Кто-то вполне мог натравить айров на жертву... Девочка должна была умереть от потери крови несколько сетов назад. Но она держалась, а когда Лао истребил айров и вытащил её, смерть всё ещё была обратимой. Её изменили созидющие совершенство.

Интересный вывод. Ригуми пришёл к такому заключению лишь потому, что девочку смогли откачать? Двенадцать минут в нормальных условиях, до получаса в холодной воде... В принципе, сопоставимо с нашей медициной. Клиническая смерть и реанимация. Поразительно, что для этого Кагечи Ро не понадобилось никаких дополнительных устройств, но магия может компенсировать недостаток оборудования.

Или "изменённая" — это диагноз Кагечи Ро?

— Я добавлю кое-что, — продолжил тем временем Ригуми Шаа, полуприкрыв глаза. Странно было видеть его с бледными губами, без алой краски... Надо признать, она ему шла. — Эта девочка из богатой семьи. Нежные руки — значит, никогда не работала. На щиколотках нет следов от браслетов, мужчины она не знала — значит, не жена и не наложница. Однако изменённая. Как же странно... Люди побережья никогда не прибегают к услугам магов, особенно выходцы из богатых семей.

— Может, её изменили против воли? — предположила я.

— Разумеется, — откликнулась Лиора, выбрав самый что ни есть уничижительный тон. Как будто я лягнула что-то несусветно глупое... Нервничает она, что ли? — Более чем очевидно. Только зачем? И кто это сделал?

Мастер повёл рукой, приказывая замолчать.

— Не обязательно, Лиора-кан. На жертву опыта девчонка не похожа. Вопрос, скорее, в том, сознавала ли она, насколько глубоки изменения. И я хочу знать, бросилась ли она в воду сама или её скинули, кто её преследовал, как долго и зачем... — Ригуми вроде бы не выставил никакой ментальной защиты, но сам образ его мышления вдруг так усложнился, что я перестала успевать с расшифровкой. Слишком много встречалось чуждых, незнакомых понятий. — Она приплыла сюда, к нам — изменённая, обречённая на смерть больше сета назад, с айрами на хвосте; приплыла с запада — из деревни, откуда веет страхом. Совокупность событий и фактов, что может быть случайностью, а может и не быть. Когда Лао вернётся, мы вместе отправимся в ту деревню. И тогда я уже решу, что делать. Но сперва нужно выслушать рассказ жертвы, — добавил он задумчиво. — Если она сможет что-то вспомнить.

В мыслях Ригуми промелькнули смазанные образы — Аринга, чёрный балахон, дом на сваях, сады с золотистыми фруктами. И

впервые с самого начала путешествия у меня появилось подозрение, что это место он выбрал не просто за красоту. В конце концов ученик Оро-Ича, даже бывший, не может сделать что-то лишь по одной причине.

Аринга... Шрах, а ведь на какое-то время я поверила, что она мертва. Даже, страшно подумать, зародилась в глубине души гордость — мы справились, сумели, оказались сильнее! Вообще гордиться убийством, пусть бы и совершённым в целях самообороны — дикость, но и в самом цивилизованно-утончённом человеке живы первобытные инстинкты. И здесь, в Лагоне, где безобидный с виду голубой мох способен за несколько секунд обглодать жертву до костей, а любой спор решается с позиции силы, они выходят на первый план...

...ледяная ладонь коварно проникла под вырез.

— О чём задумалась, Трикси?

Шрах! Так и знала — меньше надо философствовать, меньше! И купол держать.

Пока я судорожно пыталась стянуть ткань на груди, Лиора поглядывала сочувственно, а мастер Ригуми почти безупречно делал вид, что погружён в хитроумные, недоступные простому смертному размышления. А рыжий нахально ухмылялся — мокрый до нитки, взъерошенный и довольный.

— Ты где бродил, на леднике? — спросила я резко, хотя почти не сердилась из-за дурацкого розыгрыша. Сама виновата — отвлеклась.

И главное, что он вернулся живой и невредимый. Похоже, мы влипли в какую-то редкостно неприятную ситуацию, и риски тут же взлетели.

— Вроде того. Я тут нашёл кое-что любопытное, — и Тейт вдруг бросил мастеру Ригуми что-то металлическое, звонкое.

Тот мгновенно вышел из фальшивой задумчивости и поймал подачу с ловкостью заправского игрока в бинг-банг.

— И что это? — спросила я тихо, уставившись на серебристую металлическую ленту, загнутую спиралью и сплошь покрытую затейливой гравировкой. В желобках виднелись зеленоватые капли, похожие на старую медь.

— Обещание, Трикси-кан, — ответил вместо рыжего Ригуми Шаа. — И сколько озёр ты обыскал прежде, чем нашёл его, Тейт-кан? Не верю, что ты наткнулся на такую вещь случайно.

— Два, — не моргнув глазом, признался он. — Но я бы это озёрами не назвал. Так, озёрца в соседних пещерах. Ключи там ледяные, бр-р-р. Вот и прогулялся у деревни, называется... Вы ведь заметили, да?

Скосив глаза на шатёр, где Кагечи Ро проводил операцию, я всё же рискнула раскрыть более плотный купол. К страху предосторожности, надоело понимать разговор через слово.

Мастер затянул с ответом, и я рискнула шепнуть Лиоре:

— Что за "обещание"?

— Браслет, — пояснила она так же тихо, сопровождая слова мысленным образом. — На побережье есть одна традиция. Мужчина делает красивый браслет в форме спирали и надевает его женщине. Потом они могут спать вместе, приглядываться друг к другу, но жить полагается в разных домах. Если через какое-то время женщина возвращает подарок, то пара расходится. Если же она согласна провести с ним жизнь, то браслет-обещание прячут в укромном месте, обычно там, где есть вода и куда не проникает свет солнца. Чаще всего — в источнике, укрытом в неглубокой пещере. Мужчина какое-то время ищет её обещание...

— Но она, конечно, ему намекает тайком, где оно спрятано, а то можно до отупения искать, — неромантично встрял Тейт. — Ну, или не намекает, если подходящее место в округе всего одно, и его сто раз до неё использовали.

— ...затем торжественно возвращает и кладёт в новом общем доме где-нибудь на видное место, — невозмутимо закончила блондинка. — Это символ, залог долгой любви.

Ага, вот, наконец, и свадебно-сватовские обычаи. Интересно, а у магов есть что-то подобное?..

Ох, не о том думаю.

— Браслет принадлежал девушке из океана? — задала я вопрос вслух, чтобы переключиться с неуместных размышлений о брачных традициях на что-то сугубо практическое.

— Угу, — мотнул головой к плечу рыжий. — Я сразу заметил — на руке белая полоска, ну, в форме обещания. Но Ро-то сказал, что она не жена и не любовница... Ну, я и подумал, что, может, парень, который ей это дал, был как бы негодным кандидатом. Она ведь изменённая, — многозначительно добавил он.

Тут сообразила даже я.

— Ей дал обещание маг.

— Верно, — подтвердил Ригуми Шаа, как мне показалось, одобрительно. — Таковую вещь способен сделать только маг. — Он выразительно ковырнул длинным ногтем зеленоватый материал в желобке гравировки. — Расплавить камень, сохранив его свойства, людям не под силу... Как ты его нашёл?

Рыжий скромно потупился.

— По руке видно, что обещание недавно сняли. Причём аккуратно, никаких царапин — значит, сама девчонка постаралась. Но искать его я не собирался, если честно. Так, отметил про себя. А потом решил разнюхать, что тут поблизости творится. — Что-то мне подсказывает, что "разнюхать" он сказал в буквальном смысле. — Взял Шекки, отлетел подальше, ну, к западу, откуда течение принесло девчонку. Добрался почти до самой деревни, но соваться не стал. Зато пошнырял по окрестностям и наткнулся на пещеры. Там красиво. И видно, что люди бывают, — улыбнулся он. — Вокруг место расчищено, очаг обустроен, у самого входа — каменная ваза, а в ней водяные цветы... Были, потому что вазу кто-то кокнул. Кем надо быть, чтобы разнести каменную вазу?

— Магом? — мрачно предположила я. Он только фыркнул.

— В общем, мне стало любопытно. Я сунулся в одну пещеру, в другую, а потом почувствовал её запах. Ну, этой девчонки. Слабый, но стойкий — она там два дня назад была и проспала полдня внутри — на песке в углу ямка осталась, как раз по размеру. И прорыдала столько же, похоже, потому что истерикой до сих пор пахнет. Я обыскал пещеру получше, нашёл эту штуку, а когда присмотрелся — понял, что это кто-то из наших делал. Ну, и притащил. Больше там ничего интересного не было... По крайней мере такого, из-за чего можно рыдать на песке, — уточнил рыжий.

— Девчонку поймали там? Пещеры далеко от моря? — тут же спросил Ригуми.

— Не-а, — задумчиво вздёрнул подбородок Тейт. — Не похоже. Я глянул следы. Похоже, она ушла обратно в деревню, а туда я соваться не стал.

— Почему? — задал мастер резонный вопрос.

Рыжий помедлил с ответом, неопределённо дёрнул плечом... Сомневается, что ли?

— Ну, вообще я увидел огни. Чудно как-то, потому что деревня маленькая, в таких ночью спят обычно, а не бегают с фонарями. Но вернулся не поэтому, — признался он честно. — Просто почувствовал что-то... Ну, как у низвергающие небо чуют грозу издалека. У меня не всегда так получается, но сейчас прямо прошибло.

Мы с Лиорой переглянулись, думая примерно об одном и том же. Я — о спонтанной телепатии, а она — о чуткости к миру. Тейт не знал о том, что услышала блондинка, но ощутил нечто подобное, косвенно подтверждая её слова.

Мастер Ригуми, видимо, тоже отметил про себя неслучайное совпадение и сделал какие-то выводы, судя по тому что хаос у него в голове прекратился и появилось ощущение спокойной решимости.

— Что ж, осталось дожидаться... — начал он фразу и вдруг резко оборвал себя.

И — шарахнулся в сторону, сгребая в охапку Лиору.

Я даже испугаться не успела — в ту же секунду рыжий стиснул меня поперёк живота и отпрыгнул назад метра на четыре.

Полотно шатра с треском разъехалось. Наружу выскочило что-то белое, дикое, хрипящее... Замерло на долю мгновения — и рвануло в сторону пляжа, сначала на четырёх лапах, потом на двух... ногах?

Что за шрах?!

Шатёр подёрнулся туманом и с шелестом просел. Из-под полотна вынырнул Кагечи Ро, по-прежнему полуобнажённый; от плеча до живота багровела рваная рана.

— Что стоишь? — рявкнул он Тейту, непривычно бледный и агрессивный. Холодный фиолетовый свет из надрезов стекался к ране, заволакивая её. — Лови давай!

Ещё двое, судя по фону, барахтались под рухнувшим шатром. Айка и Маронг? Как это возможно, если полотно — воплощённая иллюзия, по свойствам близкая к туману или голограмме?

Так. Стоп. Если трое здесь, значит, сбежала девчонка?

Я сообразила, что меня сейчас скинут мастеру под ноги, и едва-едва успела впечатать рыжему в голову внушение: "Идём вместе!". В последний момент сумела смягчить приказ до просьбы... ну, почти.

— Да понял я! — взвыл рыжий, обращаясь, кажется, к нам обоим — и к Кагечи Ро, и ко мне, а потом взвился в прыжке, разом преодолевая метров десять.

Твёрдое, как металлический поручень, плечо впилося в живот, к горлу подкатила тошнота... Я и забыла, каково путешествовать на манер мешка с поклажей. Впрочем, и вспоминать не буду, потому что бесполезной ношей сейчас меня уже не назовёшь.

Эмпатический купол растёкся, накрыл сбежавшую девчонку...

Так, разум есть — хорошо. Плохо, что там сплошная паника и никакого контроля.

Внезапно Тейт затормозил, вздымая пятками фонтаны песка.

— Что? — вскинулась я — и тут же умолкла, потому что ощутила под куполом чужое присутствие, спокойное и светлое.

Лао.

Кажется, не понадобится ни моё вмешательство, ни Тейта.

— Ну, всё. — Рыжий считал точно так же, потому что аккуратно спустил меня на землю и помог привести в порядок съехавший с плеча костюм. — Можно куда не спешить.

— Похоже на то, — подтвердила я, прислушавшись к мысленному фону. И только теперь с запозданием поняла, что до сих пор расхаживала по лагерю в купальном костюме, в котором так и уснула. Да уж, подарок Ригуми оказался весьма практичным... — Слушай, я до сих пор считала, что девчонка — самый обычный человек.

Мы медленно побрели по пляжу к Лао, который прижимал девчонку к влажному песку и тихо уговаривал.

— Как сказать... — Тейт скопил на меня глаза. — Она изменена, а с изменёнными никогда не понятно, где пролегает грань. Можешь на ровном месте налететь на такую хрень, что потом не выберешься.

Я сбилась с шага.

— Ты случайно не про себя говоришь?

— Случайно нет, — осклабился он.

Солгал, естественно. Причём даже не особенно скрывая это.

Тем временем Лао, похоже, привёл девушку в чувство, потому что отпустил её. Она села, обхватив себя руками; от неё сильно фонило стыдом. Я с сожалением обернулась на рыжего, но он, как назло, был без своего неизменного алого шарфа.

— Сделай что-нибудь. Накидку, например, — посоветовал Тейт, глядя в сторону. — Раз настоящий цветок с запахом получился, и тут справишься.

— Моё воплощённое ничто как-то слишком быстро превращается в простое ничто, — призналась я нехотя. — Пока только кофейное зерно выдержало испытание временем.

— Да ну, — отмахнулся он. — Нам же только до лагеря дойти, а там Ригуми поможет.

Действительно.

Накидка у меня получилась с первого раза — мягкая, похожая на флис и почему-то красная. Девчонка сама вырвала её у меня из рук, не дожидаясь, пока ей что-то предложат.

Завернулась до самого носа, нахохлилась, отвернулась.

Теперь к смущению примешивался страх — не такой сильный, как прежде, но какой-то особенно противный, брезгливо-беспомощный. Это отношение к магам? Если да, то ко всем или к кому-то конкретному, спроецированное на нас? Интересно...

— Диккери испугалась Кагечи Ро, — примирительно улыбнулся Лао, поглядывая то на девчонку, то на нас; с его волос капала вода, а светлая кожа в холодном лунном свете напоминала полупрозрачное стекло. Глаза мягко сияли, как далёкие звёзды — с каждой секундой всё слабее. — Не то чтобы я стал её за это осуждать. Мне самому немного не по себе, когда он работает.

Рыжий первым сообразил, что делать.

— Так тебя зовут Диккери? — повернулся он к девчонке. — Я Тейт, а это Трикси. Скажи ей спасибо, это она тебя заметила и спасла.

— Спасибо, — буркнула девчонка, опустив глаза. С одной стороны, ей было неловко и жутковато, а с другой — она привыкла к почитанию и повиновению. Маленькая принцесса какая-то. — Я... я очень благодарна.

Сейчас, в полутьме, рядом с живым и дышащим морем накануне рассвета, Диккери казалась очень красивой — и нежной, как рисунок по шёлку. От травм не осталось и следа, исчезли даже маленькие укусы-синячки на запястьях.

От сердца отлегло.

Не зря я всех переполошила.

— Если уж говорить о благодарности, то не меньше её достойны и Лао с Маронгом, которые вытащили тебя из океана, — улыбнулась я, стараясь проецировать на девчонку ощущение спокойствия и желание доверять. Она подозрительно глянула на меня. — И Кагечи Ро, который тебя вылечил.

Диккери опять уставилась вниз и пошевелила ступнёй, зарываясь пальцами в рыхлый сырой песок.

— Было очень больно.

— Конечно, больно, ты же умерла — согласился Тейт легко и погладил её по голове — ласковым и привычным жестом. Девчонка невольно подалась вслед за ним, продлевая мимолётное прикосновение, но почти сразу опомнилась и вновь зажалась. — Есть хочешь?

Она рефлекторно прижала руку к животу, затем резко склонила голову к плечу.

— Тогда возвращаемся, — подвёл итог Лао и осторожно взял её под левую руку, увлекая к лагерю. — Ты расскажешь нам, что с тобой случилось. Идём сейчас.

Вот так. Не вопрос, даже не просьба, но завуалированный приказ. Даже Лао, мягкий и невесомый, как тёплый летний ветер, всё-таки настоящий маг. Здравый смысл подсказывает, что с ним надо быть начеку, но почему-то так не хочется...

Диккери, к слову, безропотно подчинилась. Мы пошли следом, причём Тейт отпустил меня и занял место справа от неё. Таким образом получалось, что девчонку контролируют со всех сторон — разумная предосторожность после феерического побега из шатра.

Как это получилось, кстати? Уверена, что тогда видела когти и клыки — а теперь и следа нет.

Когда мы триумфально вернулись в лагерь, шатёр уже убрали, а на его месте воздвигли ажурный навес, весь заплетённый белыми и розовыми цветами. Посередине горел костёр, вокруг которого были разложены подушки для сидения. Завидев нас, Ригуми Шаа даже не стал спрашивать ни о чём; красное покрывало, в которое куталась Диккери, приобрело нежный лавандовый оттенок, утончилось, покрылось золотистыми растительными узорами, а затем извернулось как-то особенно хитро и превратилось в широкие штаны-юбку и блузу.

Пока девчонка хлопала глазами, на плечи ей опустился широкий отрез ткани густо-лилового цвета.

— Полагаю, это больше соответствует твоему статусу, — вскользь заметил мастер и отвернулся к огню.

Диккери прерывисто вдохнула, а потом так резко приложила руку к груди, что это, скорее, напоминало удар, и слегка откинула голову, обнажая шею. И — замерла трепетной ланью.

Тейт еле слышно хмыкнул:

— Перед нами она так не фыртачила.

Странно было слышать от него Айкины словечки, но я с готовностью согласилась: такое определение подходило лучше всего.

— Мастера всегда видно, — улыбнулся одними губами Лао. Он говорил едва слышно, чтобы различить его речь могли только мы с Тейтом — телепатия вполне заменяла мне сверхострый слух.

Мы церемонно расселись вокруг костра. Честное слово, более формальная трапеза на моей памяти была только в первый день в Лагоне, когда Лиора вовсю отрывалась, обучая "дикарку" и "добычу" местному этикету. Диккери, впрочем, хоть и держалась с достоинством, но вот наши припасы прикончила буквально за полчаса, включая остывшие с вечера лууши. На Кагечи Ро, который уже привёл себя в порядок и занял насколько отдалённое место, насколько это было возможно, девчонка поглядывала с опаской. Тем не менее, именно он заговорил первым.

— Прежде всего я хотел бы уточнить кое-что. Ты не контролируешь свои защитные механизмы? Их сотворил талантливый маг, — произнёс Кагечи Ро и добавил чуть тише: — Они близки к совершенству.

Диккери вцепилась пальцами в подушку — единственный жест, выдающий напряжение. Взгляда она не отвела.

— Нет. Он сказал, что я глупая и не смогу правильно распорядиться этой силой. Сила сама решает.

— Он? — подал голос Ригуми Шаа, вскользь глянув на Диккери.

Девчонка вздрогнула. На секунду ей захотелось обмануть нас, скрыть того, кто о ней позаботился... Но она побоялась обманывать магов.

— Маг по имени Пайн. Точнее, его имя Уэッカ, но он просил называть его Пайн.

Возникла небольшая заминка. Кагечи Ро удивлённо вздёрнул брови, Тейт посмотрел на него и нахмурился. И без телепатии ясно, что имя им незнакомо.

Моя старая школа, конечно, поменьше Лагона, однако фамилии самых способных учеников были у всех на слуху.

— Он из Лагона? — задал мастер следующий вопрос. Исключительно формальный — ответ лежал на поверхности.

— Нет, — тихо ответила Диккери. — Пайн никогда не говорил о Лагоне. Он жил в горах один.

Я невольно оглянулась на Тейта, почти беззвучно спросила: "Свободный?".

— Не обязательно, — выдохнул рыжий, прищуриваясь. — Бывший ученик, может.

Ох... Что-то мне подсказывает, что это слишком оптимистичная версия.

— Уэッカ или Пайн, — задумчиво повторил Кагечи Ро. — Любопытно... Я хотел бы с ним поговорить. Он сумел сделать то, над чем я работаю уже долго. У тебя интересное тело, Диккери. Кости и мышцы слегка изменены, они стали легче и прочнее. Тебе нужно меньше воздуха. Раны быстро покрываются плёнкой, которая временно замещает кожу и не пропускает ничего опасного в кровь.

— У меня так же, — безмятежно встрял Тейт, слегка откинувшись назад.

— Это не всё. — Ро повёл круглой бровью. Я едва подавила смехок. — В твой живот и спину, Диккери, вшиты капсулы, в которых живёт то, что я назвал бы жидким айром. Когда ты испытываешь сильный страх или боль, он выходит наружу по каналам и образует вокруг тебя плотное газовое облако. Оно способно повреждать магию и обострять твои чувства, а уже чувства ведут тебя помимо воли в безопасное место.

Из всей долгой речи я поняла только, что у девчонки есть нечто вроде полумрачного симбионта — и что Кагечи Ро хотел бы тоже создать такого.

— Тебе знакома эта вещь? — произнёс внезапно Ригуми Шаа и протянул Диккери браслет-обещание.

Она недоверчиво моргнула, тронула тёплый металл... и вдруг свернулась в клубок, давя всхлипы.

Ответа не потребовалось.

Самое удивительное, что успокаивать девчонку никто не стал. Мастер и Кагечи Ро вполголоса обсуждали изменения в её теле — какие ещё могут быть сюрпризы, насколько они опасны, как трудно сделать "жидкого айра" и так далее. Лиора и вовсе прилегла поспать, пристроив голову у Маронга на коленях. Айка, зевая, разлеглась у самого костра и молчала, щурясь на огонь.

Когда Диккери пришла в норму, то заговорила сама — Ригуми лишь изредка направлял её рассказ в нужную сторону. Постепенно рассветало; донеслась издали звенящая песня сойнаров, серый песок стал красно-оранжевым. Я начинала подозревать, что сон в ближайшее время мне не грозит, и налила себе порцию шерги.

Полное имя у Диккери оказалось длинным, из трёх или четырёх слов. Ей было шестнадцать; родилась она в семье почтенного хакка — что-то вроде правителя в крупной деревне, совмещающего ритуальные и управленческие функции. Росла Диккери в окружении трёх сестёр и двух братьев. Её баловали больше других из-за красоты и музыкальных способностей... Их оценила даже я, к слову — пела она изумительно. Примерно год назад Диккери наткнулась на дальнем пляже на странного человека.

— Я сразу поняла, что он маг, — призналась она и плотнее закуталась в накидку, словно пытаясь бессознательно отгородиться от опасности. — У него такое лицо было... вроде и жуткое, а хочется смотреть и смотреть. И руки очень изящные, не как у наших в деревне. С ним было какое-то существо с белым мехом, гладкое, тоже красивое, оно ныряло в океан и приносило ему рыбу. Я хотела окликнуть его, но потом испугалась. Убежала за скалу, села на камень, волосы расчесала и стала петь. Возвращалась каждое утро... Наблюдать за мной он стал почти сразу, но подошёл на шестой день.

Дальше эти странные отношения развивались так нежно и романтично, что тронули бы даже мою дорогую кузину Лоран в худшие времена. Диккери пела и приносила из деревни угощение, а маг, назвавшийся Пайном, сидел у её ног, зачарованный, и бросал жаркие и робкие взгляды. Затем парочка стала выбираться в горы... Одно из таких путешествий затянулось, и дома почтенный хакк устроил прелестной и легкомысленной дочери неслабую порку.

Пайн отреагировал на это как маг — мстить не стал, но зато предложил Диккери сделать её тело лучше.

Она согласилась.

— Я знаю, что такое хорошо не кончается, — смутилась девчонка, когда Лао растерянно покачал головой, выражая лёгкое удивление. — Но он маг, а я обычная. Меня же сразу рядом с ним убьют, если что. И ещё... я думала, что если Пайн такой... такой... — Диккери мучительно покраснела. — В общем, значит, и его магия... особенная. И я хочу, чтобы во мне была его магия, всегда.

Если бы кто-то сейчас воплотил из ничто индикатор скепсиса, то прибор бы зашкалило, наверное. Выражения лиц у Ригуми и у Лао можно было в музей помещать как образцы вежливого недоуменного сочувствия.

Не все разделяли это мнение, впрочем. Маронг с Лиорой обменялись нежными взглядами, но им простительно — влюблённые, конфетная стадия, или как это в Лагоне называется.

На одном опыте Пайн, разумеется, не остановился — постоянно совершенствовал свою модель, последнее изменение было сделано буквально месяц назад. Но ещё после первой же операции Диггери обнаружила у себя на руке браслет-обещание.

— Отец понял, конечно, — дёрнула она плечом. — Но ничего не сказал. Боялся, что я вообще уйду. Он меня любит. Ходили все вместе советоваться к старухе... Она сказала оставить меня в покое.

— Старуха? — Мне стало любопытно. Образ был расплывчатым, и женщина вовсе не казалась старой.

— Прабабка, — нехотя откликнулась Диккери и склонила голову так, что волосы скрыли выражение глаз. — Живёт у моря, умирать вообще не собирается. У нас её уважают. Я... в общем, она меня пять учила.

— Значит, конфликт с семьёй вы уладили, с Пайном общий язык нашли, — подытожил Ригуми Шаа. — Когда отец принял твоё решение.

Диккери сдвинула брови, напряжённо подсчитывая в уме.

— Полгода назад.

— И тем не менее, ты оказалась в море, преследуемая айрами.

— Это не Пайн, — быстро сказала она, выпрямляя спину. — Это другие. Появились двадцать дней назад. Пришли с моря, притворялись

морскими охотниками, но старуха сказала, что они с гор. С тех гор, — повторила Диккери и поёжилась. — Я и сама почувствовала. Они пахли... странно. Ходили по деревне, расспрашивали всех подряд, искали одного человека.

— Пайна? — предположил Ригуми Шаа. В мыслях у него снова промелькнули чёрные балахоны.

— Описывали его, — подтвердила девчонка. — Но называли по-другому — Уэка. Я сразу всё поняла, и когда они ушли, нашла Пайна и рассказала ему всё. Он хотел сразу меня забрать, но я попросила подождать немного, хотя бы пока у моей сестры не родится ребёнок. Пайн согласился, но сказал, что если те, фальшивые охотники опять вернуться, я должна оставить обещание в пещере, а потом бежать в наше место. Четыре дня назад они вернулись, — совсем тихо произнесла Диккери. — Меня тогда не было. Они забрали старуху, а ещё один из них остался сторожить меня. Я спряталась в доме, но кто-то вошёл, а потом... потом стало больно, и проснулась умная сила. Кажется, я сбежала в океан, долго плыла, но кто-то меня догнал... Стало совсем плохо. Дальше я снова уснула, а когда проснулась, то вокруг было много света, и... и я испугалась, — скомканно заключила она, проглотив чрезвычайно живое описание монстра с жуткими фиолетовыми язвами на теле и целым пучком конечностей.

Да-а, представляю, какое впечатление произвёл на неокрепшую психику вид Кагечи Ро за работой.

Некоторое время царило молчание. Наконец заговорил Ригуми Шаа:

— Твоя история меня заинтересовала, Диккери. Но теперь скажи: чего ты хочешь?

Она растерялась. И я, признаться, тоже — непонятно было, к чему клонит мастер. Но размышлять никому из нас не позволили.

Пришёл чёрный ветер.

К тому времени солнце уже поднялось достаточно высоко над горизонтом, поэтому что-то тёмное, похожее на размазанный клоч тумана, заметила даже я, причём метров за пятьсот. Оно передвигалось фантастически быстро: моргнёшь — и расстояние уже вдвое меньше. Откуда-то потянуло сладковато-пряным дымом и обжигающим холодом...

За мгновение до того как ветер накрыл нас, Лао взвился ему навстречу в лёгком прыжке — и приземлился уже с Итасэ на руках, которому в этот раз явно было не до возражений. Тёмно-серые волосы стояли дыбом, губы растрескались, дыхание сбилось, а глаза посветлели до оттенка грязного весеннего льда.

— Мастер, Шаа-кан... — позвал Итасэ и захлебнулся вдохом. Смежил на секунду веки, а затем продолжил тише, но чётче: — Прошу прощения, я тебя ослушался. Я был в деревне. И отпусти меня сейчас же, — слабо прошипел он, обращаясь, очевидно, уже к Лао.

Тот и ухом не повёл.

— Ты вступил в бой, — очень спокойно произнёс Ригуми Шаа.

В мире вокруг вроде бы ничего не изменилось — он просто словно бы мигнул, исказился на долю секунды, как если бы кто-то решил стереть пространство вокруг, но вовремя передумал.

Я рефлекторно прижалась боком к Тейту.

— Да, — на выдохе откликнулся Итасэ. — Там было двое. Одного я убил сразу. Другой... очень сильный. Он растворил обломок скалы, за которым я был... и меня тоже.

У меня язык к нёбу присох.

Но о шрахе я подумала достаточно громко, чтобы на меня обернулись почти все, а в кустах промелькнуло что-то рыжее, с тремя хвостами.

— Я согласен, Трикси-кан, — обманчиво мягким голосом откликнулся Ригуми Шаа и вскользь провёл большим пальцем по губам; прикосновение отставляло чёрный след с лёгким красным отливом. На щеке, под скулой, проступил какой-то вытянутый значок, элемент местной письменности, но опознать его я не смогла. — Что ж, по меньшей мере один из них теперь знает о нас. Не будем же мешкать. И я передумал: пойдём все вместе. Диккери-кан, — позвал он девчонку негромко, и та ссутулилась, словно пытаясь стать меньше. — Есть вероятность, что Пайна уже схватили, потому он и не пришёл за тобой, когда ты оставила обещание в источнике. Я же собираюсь немного поохотиться на тех, кто это сделал. Быть может, ты захочешь разделить с нами путь?

Диккери уставилась на него исподлобья — маленькая дикарская принцесса с волосами цвета янтаря, с нежными округлыми плечами,

укутанная в лёгкие шелковистые ткани светлых оттенков — и сказала неожиданно хриплым, низким голосом:

— А мне дадут какое-нибудь оружие, чтобы убивать?

Чёрные губы Ригуми Шаа дрогнули, намечая улыбку:

— Разумеется, Диккери-кан. Я люблю справедливость.

Честно признаться, я тоже всегда считала, что люблю справедливость. Но что-то мне подсказывало, что мы с Ригуми Шаа подразумеваем под этим разные вещи.

Глава 19. Столкновение интересов

*Единственный социально приемлемый способ разрешить этический конфликт между магами.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Вскоре выяснилось, что насчёт оружия мастер не шутил. Но вот разбираться с экипировкой Диккери сам не стал и переложил это дело на хрупкие женские плечи... не мои, счастью.

Лиора счастливой не выглядела, но от споров воздержалась.

— Идём, — приказала она коротко. — Я захватила кое-что, с чем и обычный человек справится. У тебя нож был?

— Был, мать подарила...

Девушки ушли к навесу, под которым Лиора ночевала с Маронгом, а меня потянул за рукав Тейт:

— Нам тоже лучше бы подготовиться. Я отойду катов на десять, разомнусь там... ну, и Шекки проверю. Тебе много надо времени?

Я на пробу завернула купол в одностороннюю поверхность и крутанула. Вроде бы держится... Но короткая медитация явно не помешает, особенно в преддверии настоящей стычки. Да и переодеться стоило бы, желательно во что-нибудь менее заметное и более практичное, чем красный купальный костюм.

— Двадцать катов, наверное... Или тридцать, — предположила я с сомнением.

— Пятнадцать, — припечатал Итасэ, проскальзывая мимо и обдавая нас с рыжим ощущением прохлады. Лицо у него по-прежнему оставалось бледным, на висках блестели капельки пота, но печать слабости ушла. — Меня могли преследовать.

Вот шрах! Ожидаемо, конечно, только от этого не легче...

— Эй! Думаешь, они сюда заявятся? — крикнул ему вдогонку Тейт, сузив глаза. Итасэ запнулся и прошипел что-то нечленораздельное, но явно неприятное.

— А мне откуда знать? Уроды. — Он странно дёрнул головой и ускорил шаг. Мысленный фон у него потемнел от попытки подавить какие-то болезненные воспоминания. — Честное слово, когда это

закончится, я нырну на дно океана и буду долго-долго лежать там в темноте, пока вода не вымоет всю дрянь...

Я не была уверена, подумал Итасэ последнюю фразу или произнёс, и потому не подала виду, что услышала. В одном он был прав: времени у нас не так много. На полноценную медитацию точно не хватит, так что оптимальный вариант — отрегулировать биохимию тела, чтобы приглушить волнение. Сам страх убирать нельзя, это важный регулятор поведения, кроме прочего обостряющий чувства. А вот устранить побочные эффекты вроде подрагивающих рук, сбитого дыхания и рассеянного внимания стоит.

И ещё — одежда.

Итасэ, Ригуми и Лиора, похоже, собираются идти в тёмных однотонных костюмах — то есть в том же, в чём и спали. Кагечи Ро, Лао, Айка и Маронг — в светлом, причём серые и молочные оттенки очень близки, издали даже сливаются. Тейт носит только чёрное, любимый красный шарф в драку он надевать не станет. На таком фоне я буду светиться, как праздничная иллюминация — что в ярко-зелёном, что в алом. И почти наверняка стану отличной мишенью для вражеских магов. Хотя бы по тому принципу, что обычно человек выбирает цель, отличную от фона.

Дядя Эрнан рассказывал, как он ловил маньяка пару лет назад — пирокINETика, который беспричинно поджигал людей на железнодорожных станциях. В восьми случаях из десяти жертва была одета ярче окружающих — в жёлтое пальто, в фиолетовое платье... в форму охранника, что, по сути, тоже выделяет из толпы. Яркие краски, скрывавшие меня в буйном цветнике Лагона, оказались не слишком подходящими для вылазки в деревню.

Значит, опять придётся просить у Лиоры что-нибудь поносить.

Блондинка немного поворчала, выговорила мне за скудный и неподходящий гардероб, но всё-таки выделила одно трико из плотной ткани светло-серого цвета — настолько свободное, что впору было называть его комбинезоном.

— Только верни потом, — попросила она, отводя взгляд. — Я надеваю его в лаборатории.

— Разумеется, — рассеянно склонила я голову к плечу, разглядывая себя в иллюзорном зеркале и радуясь, что у нас похожие фигуры. Так, волосы тоже надо подобрать, а то слишком в глаза

бросаются... Даже у Диккери локоны только до плеч. — Послушай, тут пятно какое-то или мне кажется?

— Где? — обернулась Лиора. Сощурилась, провела рукой мне по плечу и вздохнула: — Не вижу ничего.

— Да? — искренне удивилась я. Готова поклясться, там было что-то красноватое... может, показалось? — Спасибо.

— Сочтёмся, — махнула она рукой.

Почти сразу же меня отловил Ригуми и велел приглядеть за Диккери. Ранее на посту стоял Маронг, а до него — Кагечи Ро. Таким образом, и дикарку не оставляли без присмотра, и не лишали никого времени на подготовку.

Сама девчонка, впрочем, тоже без дела не маялась: она осваивала новое оружие, то взмахивая небольшой "ракеткой", то делая выпад рукоятью без клинка. Я даже не сразу сообразила, как всё это действует. Секрет рукояти раскрылся, когда Диккери приблизилась к скале на расстояние в шесть шагов.

Выпад — и каменная крошка брызнула в сторону. У девчонки от удара кисть повело; на земле от замаха остался глубокий выжженный след.

Невидимый клинок? Похоже на то.

"Ракетка" же мне что-то напоминала. Я уже видела её прежде... Но вот где?

— Трикси-кан, несколько шагов назад, — тихо попросил Маронг, оставаясь у границы лагеря.

Уже собрался, судя по дорожной сумке... Шустрый.

Я бросила взгляд в сторону Диккери, которая как раз замахивалась "ракеткой", и послушно отступила. В памяти всплыла картинка — высокая рыжеволосая женщина с квадратными плечами похлопывает по ладони металлическим кругляшом с рукоятью.

Ах, да, точно. Когда Маронг очень мило пытался меня присвоить, у одной из его шавок было такое же оружие, как у Лиоры. Что ж, значит, он знает, что это такое.

— Думаешь, ближе стоять опасно?

— Она делает воздух тяжёлым, как камень, — ответил Маронг, глядя исподлобья виновато. Видимо, тоже вспомнил нашу первую встречу. — И не только воздух. Подойдёшь ближе чем на четыре шага

— тебя придавит к песку. Кости не ломает, но дышать ты не сможешь, пока она тебя не отпустит.

Я сглотнула.

— Надеюсь, мастер Ригуми знал, что делал, когда вручал подозрительной дикарке опасное оружие.

Маронг отвернулся.

— А я надеюсь, что Лиора знала, что делала, когда согласилась выполнить его просьбу. Это простое, но быстрое и мощное оружие. Можно даже мага заставить врасплох, если действовать с умом. И зачем она только... — начал он и вдруг осёкся.

В голове у него завертелись смазанные образы: шкатулка-восьмигранник; набитый под завязку бархатистый чехол; шар с мужской кулак — множество тоненьких дуг то ли из кости, то ли из белого металла, плотно прилегающих друг к другу. Выглядели эти предметы зловеще, как надтреснутая колба с болезнетворным раствором или сжиженным ядовитым газом: не трясги, хрупко!

Меня пробрало дрожью.

Любопытный расклад вырисовывается. Лиора — искусница. Наверняка те убойные штуки она сконструировала сама — и вряд ли отдала девчонке самые мощные экземпляры из своей коллекции. Значит, в запасе есть кое-что помощней... Возможно, именно то, о чём вспомнил Маронг. А ведь в горах, когда нас преследовала Аринга, ничего подобного среди вещей Лиоры не нашлось.

Видимо, наша прекрасная блондинка умеет не только язвить и капризничать, но и в ускоренном темпе учиться на ошибках...

Пока я размышляла, наблюдая за всё более ловкими и продуманными атаками Диккери, Ригуми свернул лагерь — одним мановением руки.

Подходить к деревне решили с воздуха. Разумно — обзор лучше, правда, и нас тоже заметить легче. Вообще любое действие такого рода — обоюдоострый клинок. Да, мастер может нас замаскировать, но кто сказал, что враг не может поступить так же?

— Наивная, — фыркнул рыжий, когда я высказала свои сомнения. Поздновато, конечно — мы уже летели, оседлав Шекки, на высоте в несколько километров; я зябко ёжилась, вдыхая прохладный воздух, и радовалась, что воплощённые из ничто заслонки спасают от встречных потоков. — Мы откуда летим?

— С побережья...

— Нет, я не о том, — ухмыльнулся он. — Что у тебя за спиной?

"Диккери", — хотела я сказать, потому что девчонка как раз поёрзала, до боли сжимая меня поперёк живота. Но раздумала — и обернулась.

И сразу же зажмурилась.

— Солнце.

— Ну да, — беспечно склонил голову к плечу Тейт. — Деревня на западе, мы летим с востока. И ветер в лицо. Нам легче и разглядеть, и почуять их издали. А с магией разберётся мастер.

Я только подавила досадливый вздох.

Да, Трикси Бланш, не быть тебе стратегом.

Линия берега внизу светлела, как и океан. Красно-оранжевый песок сменялся белёсым, горы отступали всё дальше от воды. Глубина становилась меньше; теперь она постепенно нарастала, а не обрывалась бездной в трёх шагах от линии прибоя. В одной крохотной бухточке на берегу виднелось что-то похожее на перевёрнутые лодки, в другой — причал. На склонах холмов раскинулись сады — сперва отдельные небольшие участки, которые затем постепенно расширялись и сливались. От вида аккуратных террас-гребешков, где рядами были высажены небольшие деревца и кусты, в груди начинало щемить. Так, словно приоткрылось окно в мой мир — крошечное такое, как иллюминатор в самолёте.

Хочешь — смотри, прикоснуться нельзя.

— Уже почти, — то ли пробормотал, то ли подумал рыжий, и напрягся; чувства его мгновенно обострились, и это меня встряхнуло.

Деревня отступала от моря примерно на километр и находилась на возвышении. Некоторые дома, правда, стояли на сваях прямо над водой, но жилыми они не выглядели. Большинство строений располагалось компактно, их разделяли улицы и стены, кое-где росли высокие деревья с широкими кронами и мелькали цветы — с высоты не понять, какие. Несколько зданий, вероятно, общественного назначения, выделялись: одно без крыши, зато с подобием трибун, другое — выкрашенное в синий цвет и украшенное чем-то блестящим, и ещё два или три больших круглых дома.

Ощущение ужаса и боли, густое и горькое, как дым от горелой пластмассы, стояло над деревней плотным облаком.

— Снижаемся, — приказал Ригуми, и Лиора мысленно передала его слова остальным. — Магов я не чувствую. Возможно, там ловушка. Не отходите от меня дальше чем на двадцать шагов. Лао-кан, тебя это не касается. Осмотрись, как посчитаешь нужным.

Повеяло ощущением азартного предвкушения, и запах боли на мгновение перекрыло ароматом горячего камня после грозы — как если бы в скалу молния ударила. Лао покачнулся вперёд, прижался к стенке прозрачного пузыря, в котором летел вместе с Маронгом и Лиорой... и просочился сквозь него. Оттолкнулся — и спрыгнул головой вниз. Несколько секунд я ещё его видела, но затем потеряла; он словно растворился на полпути к земле.

Мы же опустились ближе к деревне, на площадке перед тяжёлыми створками. Окружающая её стена оказалась больше и прочнее, чем виделось сверху — высотой метра четыре, сложенная из гладкого розоватого камня, с башенкой над воротами. Правда, страж оттуда смотался даже быстрее, чем когтистые лапы Шекки коснулись утоптанной почвы. Встречать нас, похоже, никто не собирался.

Ригуми это несколько не смутило. Ну, естественно.

Вступили мы в деревню молча, под заунывный скрип медленно распахивающихся ворот, причём не ржаво-металлический, а каменный. Вместо привычных петель я заметила какие-то массивные цилиндры, но разобраться в их устройстве сходу не смогла. Мы с Тейтом шли в центре небольшой колонны и вели айра, на котором восседала Диккери, напряжённая до оцепенения, до железного привкуса во рту. Возглавлял процессию мастер, за ним следовала, пританцовывая, Лиора, потом Айка. Кагечи Ро со всей поклажей тащился в хвосте, на одном уровне с ним вышагивал Маронг, а прикрывал нас Итасэ Ран, потемневший от холодного, расчётливого гнева.

Неудивительно, что местные не спешили выходить навстречу.

— Пахнет кровью, — процедил рыжий сквозь зубы. — И палёными кишками.

Взгляд зацепился на обгорелое пятно у ворот и ещё одно, тёмно-красное, влажное, у входа в ближайший дом.

— Догадываюсь, почему...

Деревня изнутри напоминала одно огромное строение, разбитое на несколько корпусов. Многие дома соединялись мостиками-

перемычками или срастались поверху этажами. Вместо мостовой от ворот вёл отполированный множеством шагов деревянный настил — такой чистый, словно его недавно вымыли. Иногда он огибал высоченные деревья или расплёскивался вширь, как небольшая площадь. Дважды нам встретились навесы, под которыми сильно пахло сыростью, причём пресной.

— Там спуск к воде, — тихо пояснил Тейт, проследив за моим взглядом. — Видишь крышку? Наверное, подземный источник обустроили. Если морские охотники возьмут деревню в осаду, сразу она не сдастся.

Я стиснула зубы. Да, к нападению обычных людей поселение подготовилось. Но магам им нечего было противопоставить...

— Наш дом там, — указала направление Диккери на развилке. — Налево. До старого аламата с обломанной ветвью. Там может быть кто-то... с кем... поговорить.

"Кто-то живой" — это она произнести не смогла.

Ригуми ничего не ответил, но свернул влево. Я последовала за ним механически, одновременно начиная осторожно растягивать купол. Почти сразу накатило облегчение. Выжившие были, и много. Просто прятались они хорошо — в подвалах и сундуках, под крышами, даже на деревьях. За нами следили десятки глаз, каждое движение ловили, анализировали... И поверх всего флёр — страх и одна мысль:

"Они вернулись?"

Сопровождал её образ, размытый, но очень насыщенный — такой сложно не узнать.

— Тейт, — шепнула я почти беззвучно. Он скосил на меня взгляд, подтверждая, что слышит. — Тут были свободные. Но не в чёрных балахонах. Они носили яркое — жёлтое, малиновое, зелёное... Не прятались.

— Убивали? — так же тихо спросил рыжий.

Я сосредоточилась, вылавливая ускользающие образы.

— Нет... похоже, нет. Но уводили.

Он запнулся на ровном месте.

— Что?

— Забирали подростков... Слушай, а что такое аламат?

Тейт молча указал вперёд; за поворотом как раз показалось высоченное дерево с широкой, сплюснутой кроной и светло-коричневым стволом. Вместо листвы оно было покрыто мягкими тёмно-зелёными иголочками. На верхних ветках гроздьями висели крупные, с детскую голову орехи. Под ним, прямо на дощатом настиле, сидел коротко стриженный седой мужчина в пышных одеждах, за плечом у которого подпирал ствол молодой человек в безрукавке и широких штанах, перехваченных под коленями и у щиколоток.

— Наророки!

Диккери скатилась с айра быстрее, чем я успела отреагировать, и с разбегу обняла молодого мужчину. Второй, постарше, даже не пошевелился, хотя от него дохнуло одновременно страхом, нежностью и облегчением.

Мастер Ригуми остановился, складывая руки на груди так, что кисти полностью скрылись в рукавах. Менее угрожающим это его не сделало, скорее наоборот.

— Хакк, я полагаю? — спросил он, глядя на старшего из двух мужчин. Диккери замерла робкой мышкой. — Не бойся. Я не причиню вреда никому в деревне. Сперва поговорим.

Меня бы такое "сперва" изрядно напрягло, но хакк наоборот успокоился. После обмена приветствиями нас пригласили во внутренний двор. Тот, кого Диккери назвала "Наророки", оказался её старшим братом. Ещё один лежал в доме, раненный, и вокруг него хлопотали младшие сёстры. Остальные трое не вернулись с океанской охоты — я так поняла, к счастью, потому что пятнадцать или шестнадцать молодых мужчин и женщин погибли вчера, пытаясь защитить своих родичей и друзей от магов.

Полтора десятка убитых... А с собой маги забрали около пятидесяти подростков. Деревня за один день лишилась примерно десятой части населения, причём именно юных, сильных, красивых. И не в нашем четырнадцатимиллиардном мире, а здесь, где на всей планете обитает от десяти до тридцати миллионов человек, и для жизни пригодна лишь небольшая часть территории.

Дома я никогда не задумывалась о выживании людей как вида, а сейчас не могу отогнать эту мысль.

Вскоре и мы, и деревенские расселись на подушках, разложенных кругом во внутреннем дворе, под старым искривлённым аламатом.

Кроме хакка и его сына, местных представляли ещё шесть человек, мужчины и женщины средних лет. Диккери, что интересно, устроилась рядом с Лиорой, а не с отцом. Немного поодаль, на деревянном настиле, окружающем дом, сидел мальчик лет одиннадцати с завязанными глазами. У него было странное сознание — очень быстрый поток размытых образов, насыщенных запахами и звуками, и с непривычки я даже не могла его сначала расслышать... Однако мальчик не выглядел сломанным, как добыча Хатани Тикки, или слабоумным от рождения — скорее, пугающе иным.

Прислуживала нам не какая-нибудь прекрасная дева, как можно было ожидать, а Наророки: он разносил пиалы с крепким напитком, похожим на холодную шергу, подслащённую фруктовым соком, и предлагал вяленую рыбу. Я, памятуя об отравлении, ничего так и не попробовала и заработала несколько косых взглядов от деревенских.

Ладно. Лучше показаться невежливой, чем потом свалиться в самый ответственный момент.

— Рассказывайте то, что стоило бы услышать вашему союзнику, — попросил Ригуми Шаа, когда с формальностями было покончено. Затем бросил взгляд поочерёдно на меня и на Лиору и добавил тихо: — Внимайте.

Ага. Значит, надо проверять слова хакка телепатией. Что ж, разумно.

По большей части рассказ совпадал с умозаключениями мастера и с тем, что ранее поведала Диккери. Только взгляды на роль Пайна во всей этой заварушке разнились — и некоторые сроки, что, впрочем, неудивительно. Хакк, оказывается, узнал о том, кто именно ухаживает за его дочерью, ещё полгода назад. Однако не подал виду:

— Я знал, что маг приведёт беду. Сам, если он жаден и жесток, или его враги, если он добр, потому что добрые и одинокие — желанная добыча для тех, кто живёт в горах, — спокойно пояснил хакк и уставился на Диккери: — Но дочь я терять не хотел. Ждал, пока любовь пройдёт, и маг исчезнет. О ребёнке бы мы позаботились.

Она вскинула подбородок, заливаясь румянцем — не от смущения, а от злости.

В тот самый момент я осознала, насколько хакк любил свою дочь.

У шестерых представителей из деревни, приглашённых на импровизированный совет, мысли свернули по проторённой дорожке,

общей на всех. "Позаботиться" для этих людей означало утопить, отравить, уронить из окна, удушить ночью... У любого из них дитя от такой связи не прожило бы и нескольких месяцев. И только хакк под "позаботиться" подразумевал именно "воспитать".

Жаль, Диккери не понимала.

— Продолжайте, — велел Ригуми, слегка сузив глаза.

Вот он-то, похоже, читал между строк даже слишком хорошо.

Дальше воображаемый микрофон перешёл к высокой кудрявой женщине с раскосыми глазами; насколько я помнила, она руководила одной из рыболовных бригад и считалась старшей. По её словам, фальшивые "морские охотники" появились целых шестьдесят дней назад. Тогда их было только двое. В первую встречу они не расспрашивали ни о каком Пайне или Уэкке, наоборот, делились новостями из дальних деревень и, похоже, ожидали в ответ подробного рассказа о том, что происходило в округе. Вероятно, один из молодых рыбаков, влюблённый в Диккери, обмолвился тогда, что-де дочка хакка встречается с кем-то на стороне. И если поначалу сплетня не особенно заинтересовала магов, то затем они отнеслись к ней куда как внимательнее.

— Уэкка, — вздохнул хакк, глядя в сторону. — Они спрашивали о нём, описывали. Но никто из нас не видел любовника Диккери. Мы не лгали, когда отвечали им, что не знаем никакого Уэкки и даже имени его не слышали.

— А я солгала, — быстро сказала Диккери и опустила взгляд. — Пайн научил меня, как лгать, чтобы никто не понял...

— Пустоумная, — прошипела кудрявая рыбачка. — Магов нельзя обмануть!

Диккери скорчила рожу и тут же приняла благонравный вид, слегка наклонив голову и сложив руки на коленях.

— Как раз пустоумная девчонка и могла бы это сделать, — произнесла Лиора с постным лицом. — Тем более влюблённая.

Я поперхнулась смешком. Да уж, только эмпат или телепат оценил бы шутку.

Но доля правды тут была. Во-первых, мало приятного в том, чтобы копаться в любовных фантазиях бесхитростной дикарки. Во-вторых, моя четвёртая ступень по местным меркам считалась достаточно высоким уровнем, и даже мне с ходу непросто делать

глубокое сканирование. В-третьих, далеко не каждый маг в принципе владел искусством внимающих и поющих

Так что Диккери вполне могло повезти, особенно с каким-нибудь простеньким приёмчиком в рукаве, типа отвлечения или мысленного контроля, которому при желании может обучиться и обычный человек.

— Мы надеялись, что они ушли навсегда. Или хотя бы надолго, — спокойно продолжил хакк. — Но четыре дня назад они вернулись, и теперь уже искали Диккери.

— А я сбежала, — вставила девчонка. — Услышала, что ворота открываются, и дёрнула через стену. Спрятала обещание в источнике, ждала две ночи, но Пайн так и не пришёл. Потом вернулась в деревню... Дальше вы знаете.

— Они ловили Диккери втроём, — опять вмешалась кудрявая. — И не могли поймать. Она носилась по деревне, как дикий зверь, пока не кинулась в океан. Маги разрушили два дома на окраине, часть стены пропала... И ничего. Вернулись они злые, наверно, думали, что Диккери утонула. Велели согнать во внутренний двор всех, кто младше пятнадцати и старше одиннадцати. Тех, кто противился, убивали. Но не проверяли, как выполнен приказ. Я спрятала своих дочерей в источнике... маги не искали. А мужа моей сестры растерзали за дерзость невидимыми когтями.

— Маги отбирали детей? Или просто хватали, кого попало? — спросил вдруг Ригуми резко.

Меня отчего-то пробрало холодком.

— Выбирали, но быстро, — ответил хакк и нахмурился. — Думаю, предпочитали самых крепких, здоровых, без увечий и уродств. Девушек и юношей не различали... У меня забрали внука.

Диккери вдруг вскочила, и лицо её побелело. Из горла рвался крик; она стискивала себе шею рефлекторно и едва могла дышать.

— Кого? Отец, кого?

— Даруна, — так же ровно произнёс хакк.

Я невольно рассеяла купол вокруг него — такой болью шарахнуло.

Он ведь уже смирился с потерей. Записал мальчишку в убитые, как и старшего сына. И от этого пережимало дыхание уже у меня... Шрах, куда я лезу! Нельзя бросаться в погоню, нельзя даже Ригуми

просить, потому что я ничего, совершенно ничего не знаю о мире и запросто попаду в ловушку... и других туда заведу.

Можно только ждать.

И надеяться, что мастер ещё не передумал преследовать магов хотя бы ради мести за унижение и страх Итасэ Рана.

— Здоровые, красивые дети, мальчики и девочки, — задумчиво подытожил Ригуми Шаа и машинально провёл пальцем по нижней губе; ало-чёрная краска протянулась на кожу, но почти сразу же вернулась назад, как живая. — Они искали не учеников, а материал. Они поверили в ложь Диккери и не нашли её в океане — значит, внимающих и поющих среди них не было. Возможно, созидающие совершенство... это бы объяснило их интерес к Пайну.

— Возможно, — очень тихо сказал Итасэ. Лицо у него стало невыразительное, ледяное. — Но среди них были и другие. Тот, у скалы...

— Помню, — ответил Ригуми Шаа, глядя сквозь деревенских. — И мастера тварей... Я хочу знать больше, — обратился он к хакку. — Приведите всех, кто был ранен магами, сталкивался или говорил с ними. И ещё. Диккери упоминала, что первой они увели её прабабку, ещё до детей. Старуху.

— Старуху, старуху, — первой откликнулась кудрявая неприязненно, однако с боязливым уважением. Брови у неё смешно выгнулись, точно не могли сдержать наплыв эмоций. — Какая старуха, если она не старела? Выглядела, как я. Её первой забрали. Она ранила одного, ножом, но её всё равно не убили. Поэтому некоторые и пытались защищаться потом... зря.

— Может, не зря, — возразил мастер и неожиданно усмехнулся, а затем обернулся ко мне: — Трикси-кан...

Я была на взводе, почти как Диккери, и поэтому на собственное имя среагировала в лучших традициях истерички-эмпата — шарахнула куполом на два километра вокруг. Опомнилась и свернула почти сразу же, но успела ощутить кое-что. Точнее, кое-кого, и это мгновенно прочистило разум.

Маг. Один из свободных по-прежнему был в деревне, прятался на самом виду и следил за нами.

Тварь.

— Шаа-кан, — перебила я мастера на свой страх и риск. Всё равно ведь пропустила просьбу мимо ушей. — Мне нужно кое-что тебе сказать. Срочно.

Сознание затаившегося мага-чужака пульсировало горячей точкой на самой границе купола; течение мыслей было спокойно, значит, он пока не подозревал, что его обнаружили.

Нельзя выдать себя... а если он подслушивает?

Мастер, наверное, прочитал сомнения по моему лицу, потому что в следующую секунду воздух дрогнул и пошёл рябью, как от сильного жара. Деревенские застыли истуканами, и взгляды их остекленели.

— Говори, — приказал Ригуми.

— Маг. Чужой, незнакомый, телепатией... э-э... искусством внимающих и поющих владеет очень слабо, но как-то гасит свой разум, — затараторила я. Голос был странно высокий — готова спорить, что из-за дрожащего воздуха. — Крупный мужчина, считает себя сильным, умеет прятаться, недавно убивал, сидит на этом, как его... в кроне аламата, того здорового, у входа. Видит нас. Может, слышит. Оставлен старшими, чтобы следить, — выдала я всё, что сумела расслышать, и умолкла.

— Ширбануть? — оживилась Айка, хищно поглядывая в сторону выхода. — Пока он не заскримчал и вообще не улю...

— Заткнись, — вежливо и очень убедительно попросил Тейт; он протянул руку и тихонько сжал мои пальцы, ободряя и благодаря.

Мастер раздумывал над ответом несколько секунд и затем ответил:

— Пока нет. Наблюдай за ним. Не выдавай себя. Нужно проследить за магом, если тот решит вернуться к своим, а с этим немногие справятся... Лиора-кан, сможешь передать приказ Лао? — спросил он блондинку. Та отрицательно вздёрнула подбородок:

— Незаметно — нет.

— Трикси-кан?

Я стиснула зубы. Значит, держать в поле внимания эмпата, пусть и слабого, и одновременно искать неуловимого Лао?..

...перед глазами почему-то всплыло лицо дяди Эрнана. Белёсые ресницы, беспомощная улыбка — и взгляд, прожигающий насквозь.

Справлюсь.

— Да, Шаа-кан.

— Нужна помощь? — быстро спросила Лиора. Она-то в полной мере осознавала сложность задачи.

— Нужно прилечь, — вынужденно признала я. Если отвлекусь и упаду — это точно привлечёт внимание мага. — И чтобы меня не беспокоили хотя бы катов десять.

Ригуми неожиданно улыбнулся:

— Это несложно. Ран-кан, укрой её и сотвори образ, — приказал он. — И вернёмся к разговору. Айка-кан, сиди смирно и не думай.

Я только успела подумать, какое у Айки забавное обиженное лицо, а в следующую секунду Итасэ словно из-под земли вырос — и безжалостно сдёрнул меня с подушки. Ладонь у него была холодная и влажноватая.

— Отойдём назад, Трикси-кан, — ровно произнёс он и прикусил на мгновение губу, гася лишние эмоции: азарт, ярость и жажду крови — не на меня, к счастью, направленные.

Мы добрались до деревянного помоста, окружающего дом изнутри. Там Итасэ присел на край, а меня заставил лечь и положить голову ему на колени, слегка надавливая на грудь.

"Костлявый", — пронеслась дурацкая мысль.

Стиснув зубы, я медленно выдохнула, пытаюсь отрешиться от неловкости. Маги понятия не имеют о личном пространстве эмпата — это давно ясно, ничего нового. Придётся работать с тем, что есть.

А дальше реальность распалась на два слоя.

В одном существовали только мы с Итасэ, отделённые от мира невидимой стеной. В другом — все остальные. Ригуми Шаа и дальше вёл допрос, с помощью Лиоры вытаскивая из местных точные описания магов, случайно услышанные имена, способы убивать и калечить. Мой призрак сидел рядом с ними, подле Тейта — хмурился, вздыхал, гневно заламывал брови.

...неужели я так беспомощно выгляжу со стороны?

Деревня тоже постепенно расслаивалась под напором эмпатического купола — на множество чужих сознаний, на страхи и надежды, на предвкушение и оупляющую усталость, на горе и стыдливую радость выживших, нетронутых бедствием... Свободный, окружённый коконом отрешённости, пока не замечал возрастающее давление вокруг него — и хорошо. Интенсивность купола увеличивалась, и теперь, когда я искала нечто определённое... запах

горячего камня после грозы, лёгкость, иррациональную притягательность... он стал напоминать ловчую сеть.

Отклик пришёл скоро.

Лао был чутким — и тоже почему-то тянулся ко мне, испытывая такую же сверхъестественную симпатию.

"Я нужен?" — подумал он ясно. Ближко, куда ближе, чем я думала — всего в сотне метров, у источника.

Да, да, нужен, да, конечно, всегда нужен... Но не только мне.

"Понял, — откликнулся Лао. Меня словно овеял тёплый ветер с моря, солоноватый и ласковый. — Ригуми хочет, чтобы я проследил за магом, когда тот решит вернуться... Сделаю. Отдыхай, Трикси".

Это его "отдыхай" было как поцелуй в щёку. Я, наверное, странно дёрнулась, потому что Итасэ посильнее нажал мне на грудь, понуждая успокоиться и замереть. Купол начал медленно сворачиваться, и только одно невидимое щупальце продолжало обвиваться вокруг свободного.

Попробует тронуть Лао — горло перетяну. Сейчас почему-то кажется, что сил у меня хватит.

— Готово. Он выполнит просьбу мастера.

— Отдохни, — буднично приказал Итасэ. Забавно — почти такая же реакция, как у Лао. Неужели я выгляжу настолько усталой? — Полежи хотя бы. Я передам Шаа-кану. Держи мага в поле зрения.

— Какой же это отдых будет, — пробормотала я исключительно из чувства противоречия и закрыла глаза. Простая логика — действительно лучше полежать, пока слабость не пройдёт. Тем более что Ригуми помощь явно не требуется...

Всё-таки солидная часть разговора выпала у меня из памяти. Я более-менее пришла в себя, когда мастер уже подводил итоги. Имена некоторых магов оказались ему знакомы — а значит, и о способностях он был в некоторой степени осведомлён. Однако через Лиору он дал понять, что о главном сообщит позднее, когда за нами не будет слежки.

— Похоже, у нас наклюнулся план, — пробормотала я, под прикрытием Итасэ пробираясь на своё место.

Ригуми как раз заканчивал свою туманную речь и подводил к тому, что он-де желает осмотреть дом "старухи" и не откажется от проводника.

— Ты вполне подойдёшь, — произнёс он, глядя на хакка. — Или твоя дочь. Решай сам.

— Я пойду! — вскинулась Диккери. Её всё ещё трясло от злости. — Я пойду, я знаю! Ненавижу... Ох, Дарун, миленький...

— Тише. — Хакк положил ей руку на плечо. — Если желаешь — иди. Я останусь на месте. Но что собираетесь делать вы? — обратился он к Ригуми, глядя без страха в глаза и без сомнения.

Мастер поднялся, вновь переплетая руки на груди и пряча кисти в рукавах. Лицо его выглядело отрешённым, но воздух вокруг едва ли не потрескивал.

— Дети, — произнёс он наконец после долгого молчания. — На побережье вы не считаете их детьми в одиннадцать или двенадцать лет. Ведь они могут работать почти как взрослые... Но я считаю. И мне не нравится, когда из детей делают материал.

Я замерла, постепенно втягивая воздух, ставший вдруг раскалённым. В ушах звучали слова Лао:

"Сын Ригуми Шаа был убит тридцать лет назад. Вместе с той, что произвела дитя на свет".

— Не нравится? — долетел вопрос хакка точно издалека.

Лиора тоже дышала тяжело, словно её тоже мучал жар вокруг и жутковатое давление. А Тейт словно и не замечал ничего... И до меня вдруг дошло: никакое это не изменение реальности вокруг, а всего лишь эмоции Ригуми Шаа.

Но, шраш, какие сильные!

— Да, — ответил мастер, опуская ресницы, словно чернилами очерченные вдоль линии роста. — И я собираюсь сказать об этом свободным, которые увели детей. Так, как маги говорят друг с другом.

Атмосфера неуловимо изменилась.

Люди вокруг вдруг начали подниматься — один за другим, сперва представители, которых отрядили для переговоров, потом другие, подслушивающие за раздвижными дверьми. Слова мастера передавались всё дальше, дальше, их услышал и свободный — и, спрыгнув с дерева, побежал прочь, невидимый для всех, кроме Лао и меня.

А люди вставали, как один — прижав руку к груди и слегка склонив голову к плечу.

— Спасибо, — сказал хакк то, что остальные думали — или шептали.

Ригуми ничего не ответил — развернулся и подал знак, чтобы мы следовали за ним. Я шла, то ли зачарованная, то ли подавленная его эмоциями, и потому не сразу заметила, как соскочил с настила мальчик с повязкой на глазах — тот самый, чьи мысли так сложно было расслышать и распознать в быстром потоке смазанных образов. Он проскользнул под рукой у Кагечи Ро и легко обогнул замешкавшуюся Айку. На какую-то невероятно долгую секунду мне показалось, что он идёт к Ригуми Шаа, потом — ко мне... Но мальчик ухватил Тейта за край одежды, одним движением принуждая опуститься на колени.

И рыжий почему-то послушался — рефлекторно, без раздумий.

— Ты чужой, — сказал мальчишка тихим хрипловатым голосом. Сердце у Тейта зачастило — я ощущала его, как своё собственное. — Совсем чужой, но мир тебя слушает. Я тебя слушаю... Делай то, что ты делаешь. Мне это угодно.

А потом он вдруг повернул ко мне голову — жутким птичьим движением, на такой угол, что у другого ребёнка шея бы сломалась — и произнёс ещё тише:

— Не позволяй его убить. Никогда.

По щекам у меня текли слёзы — горячие, жгучие дорожки. Воздух царапал горло.

— Я бы и так не позволила. И без твоих просьб.

...Последнее, что мне запомнилось перед глубоким обмороком — чёрные зрачки Тейта, расширенные от удивления.

Глава 20. Охота белого мастера

*То, что остаётся от противников Ригуми Шаа;
исходный материал, используемый для воплощения.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Мне снилось, что я — крошечное гладкое семечко, которое пытается выпустить корень и прорасти в скале. Белёсый росток тыкался в камень снова и снова, но ничего, кроме слабой зудящей боли, это не приносило. Что-то было неправильно, категорически неправильно...

А рядом росло огромное, мощное дерево, почему-то ярко-синее и покрытое мелкой чешуёй.

— Рано ещё, — вкрадчиво прошелестело оно и хищно клацнуло белыми колючками. — Всё должно получиться само собой.

— Ну-ну, — скептически откликнулась я. — А если меня птицы раньше склюют?

Как назло, в ясном небе тут же закружили зловещие чёрные птицы — жирные, с иззубренными клювами и хриплыми голосами. Они наворачивали круг за кругом, постепенно спускаясь ниже, пока одна из птичек не уселась нагло на ветку.

— А ты попробуй сделать так, — предложило сине-чешуйчато-колючее дерево.

И — резко сомкнуло колючки.

Птица заверещала.

"А ничего себе такой способ", — подумала я и принялась усердно отращивать шип.

— Можно сделать их ядовитыми, — соблазнительно прошелестело дерево.

От глубокого тембра мурашки побежали по спине... Тут я, собственно, вспомнила, что у меня есть спина — и проснулась.

Надо мной нависал Кагечи Ро, мрачно сдвинув круглые брови к переносице. К счастью, полностью одетый и без фиолетовых светящихся манипуляторов. Как там говорилось в социально-

просветительном ролике? "Избегайте стрессов, и ваша нервная система скажет вам спасибо!".

Ну, вот — спасибо.

— Сколько? — мрачно поинтересовалась я, параллельно выверяя купол. Все слои были на месте, даже неориентируемая поверхность медленно вращалась — что ж, значит, хотя бы за собственный разум можно быть спокойной.

— Двенадцать катов, — ответил Кагечи Ро. Сразу понял, о чём вопрос... Специалист, что скажешь. — Ты не повреждена. Как себя чувствуешь? Можешь встать? Если да, то вставай быстрее, а то этот болван меня сейчас взглядом сожжёт. И я не шучу, с ним такое уже бывало.

Я скосила глаза. "Этот болван" сидел в углу, вывернув ноги как восточный мудрец, и пялился исподлобья. Рыжие волосы стояли торчком и на фоне тёмно-серого камня стены казались живым пламенем.

Больше никого из нашей тёплой компании не видно. Ушли, интересно, или поблизости выжидают? Судя по копошению на границе купола, второе.

— Спасибо за помощь, — произнесла я наконец и начала подниматься. Тейт тут же подскочил и протянул руку. — Слушайте, а тот мальчик...

От Кагечи Ро повеяло кислотоватой неловкостью, и он отвернулся, скрывая выражение лица. Рыжий досадливо цокнул языком:

— Иди первый, скажи, мы сейчас будем.

Его друг склонил белобрысую голову к плечу в знак согласия и поднырнул под занавеску из бусин. Когда шаги стихли, Тейт одной подсечкой повалил меня, втиснул в подстилку всем весом и поцеловал — быстро, сильно, так что заболели губы и дыхание сбилось. Затем снова помог подняться, улыбаясь — самоуверенный до сияющего ореола, наглый до скрежета зубовного.

Я машинально облизнулась; кожу всё ещё покалывало там, где он прикасался.

— Извини, — произнёс рыжий, ни на гран не ощущая вины. — Ты как, голова не кружится?

Кружится, кружится. Только чья это заслуга, интересно?

— Нет, — соврала я спокойно, оглядывая серые стены. Отдыхать меня поместили в каменную коробку с одним-единственным круглым окном под крышей и тоненьким лежаком на полу. — Так что там с мальчишкой? Он тоже маг?

...а теперь надо глубоко вздохнуть и привести в порядок гормоны. Ещё немного — и первой ступени биокинеза явно станет недостаточно.

— Нет, — ответил Тейт, и взгляд у него забежал. Чувство стыда промелькнуло в мысленном фоне и угасло, подавленное волевым усилием — рыжий преодолел какую-то моральную установку, чтобы заговорить, и он сделал это ради меня. Как... тепло. — Для таких, как он, нет специального названия. Они просто существуют. Не обязательно дети — может, старики или молодые люди, мужчины и женщины, кто угодно. В каждом селении есть один такой, неважно, деревня это или город. Рождаются в простых семьях, не у магов. И через некоторое время начинают видеть и слышать мир. Весь сразу. Тогда им прокалывают перепонки в ушах и завязывают глаза.

— Жуть какая, — вырвалось у меня.

— Да нет, — вздохнул Тейт. Он говорил с натугой, то и дело запинаясь, точно слова ему приходилось из себя выталкивать. — Пойми, они другие. Всё равно слышат и видят больше, чем самый крутой маг. О них нельзя говорить, это как, ну... стыдно и страшно одновременно, как на обнажённое сердце смотреть, когда рёбра разворочены. Ты смотришь, а оно сжимается... Видела? Ну, не важно. Они ходят, куда хотят, и берут, что им угодно. Никогда не болят, и тело у них всегда чистое. И... я, в общем, не знаю, как объяснить... мир говорит через них.

Я сощурилась, глядя на кусочек неба в круглом окне. Что-то вертелось на кончике языка, но никак не желало оформляться в слова, и никакая логика не помогала.

— Боги? — предположила я, сопровождая незнакомое слово рядом мысленных образов. — Религия? Жрецы? Святые?

— Не знаю. — Рыжий выглядел измученным. — Ну правда, не знаю. Вроде похоже, но не то. Ты не спрашивай, ладно? Потом ещё в городах насмотришься, сама поймёшь.

Невольно я улыбнулась. "Насмотришься в городах" — по-моему, оптимистично звучит. Значит, по крайней мере из этой переделки мы

выберемся.

Тейт застыл в дверном проёме, сдвинув в сторону блестящие красно-розовые нитки бус у себя над головой. Из-за плеча его бил свет, невыносимо яркий и тёплый, и силуэт казался вырезанным из угольно-чёрной бумаги.

— Трикси? Задумалась о чём-то?

— Да, — улыбнулась я. — О том, что ты хорошо смотришься.

Он ничего не ответил, только хмыкнул, но в мысленном фоне промелькнула вспышка радости и нежности — как пушистый фейерверк, бесшумно распустившийся в ночном небе, призрачный серебристо-голубой цветок. На пороге Тейт замешкался, и мы соприкоснулись руками, потянувшись друг к другу одновременно, полуосознанно и не глядя. И, хотя времени прошло предостаточно, никто не обратил внимания на нашу задержку — кроме Итасэ Рана, который бросил обжигающе сердитый взгляд: идиоты.

Это отрезвило.

"Соберись, Трикси. Вы тут не на курорте. Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего..."

Шрах, будто рядом с рыжим такое вообще возможно!

— Ни о чём не хочешь спросить, Трикси-кан? — спокойно произнёс Ригуми, обменявшись взглядами с подмастерьем и с Кагечи Ро.

Я снова вспомнила мальчишку с завязанными глазами и прикусила язык.

"Делай то, что ты делаешь. Мне это угодно". Ох, как это похоже на какое-нибудь торжественное благословление на царствование... Или приглашение в жертвенные овечки, что, в принципе, практически то же самое.

Услышать более подробный и связный рассказ, конечно, хотелось, но мысль о том, чтобы заставить мастера нарушить табу, вызывала почему-то почти физическое неудобство. Тем более что время не слишком удачное... Да и есть кандидатура получше для обсуждения запретных тем — Оро-Ич. Вот кого нарушение неписаных правил не смутит, а только порадует.

Значит, буду пока держать паузу.

— Ничего, Шаа-кан, — ответила я, опустив глаза. — Прошу прощения, что задержала всех. Готова идти немедленно, если

потребуется.

Ригуми Шаа сузил глаза. Наверное, в других обстоятельствах он бы так или иначе вынудил меня раскрыться и выложить то, что тяжёлой гирей повисло на душе. Но сухой, испепеляющий жар, исходящий от его разума, выдавал сейчас полную сосредоточенность на другой цели — на свободных.

— Хорошо, — ровно сказал мастер и отвернулся. — Повторю снова, когда все рядом и вместе. Охота началась. Это значит, что я запрещаю преследовать кого-либо в одиночку. За Бланш Трикси и Танеси Тейтом смотрит Итасэ Ран. — Подмастерье склонил голову к плечу, хотя и без особенного энтузиазма. — Маронг Игамина, Исэ Лиора и Кагечи Ро держатся только втроём, когда вернётся Ренгиса Лао, он присоединится к ним. Айка-кан!

— Айе! — вытянулась в струнку девчонка. Движения её стали спокойнее, исчезла суетливость, а из мысленного фона пропало любопытство.

— Ты со мной, — с едва заметной улыбкой приказал мастер. — Будь на расстоянии до десяти шагов, не дальше. Дикери-кан, оставайся рядом, но избегай сражения.

Деревня точно вымерла. Я шла, распахнув купол, и не ощущала поблизости никого живого. И лишь в отдалении слышался шёпот чужих разумов, тревожных и рассеянных. Похоже, все, кто мог держаться на ногах, ушли и рассыпались по округе, скрылись в пещерах и гротах. Лежачих и беспмятных не бросали — увозили, уносили на себе, не жалея сил. Тяжёлые каменные ворота остались открытыми, да и от кого их было запирать?

У меня мурашки по спине пробежали.

Широкая дорога — мелкая галька, намертво втоптанная в глинистую землю — вводила вниз к океану. Мимо жутковатых колец из каменных столбов, мимо террас, где рос приземистый мелколистственный кустарник с вытянутыми чёрными ягодами, вдоль белёсого пляжа... У самой кромки берега, на приличном расстоянии от деревни, стояло несколько домов на сваях. Ещё чуть дальше поднимались из волн скалы, облепленные игловатыми панцирями и сизыми водорослями; вода мерно накатывала и отползала, сердито шипела и надувалась пеной, отчего-то красноватой.

— Старуха живёт там, — указала Диккери на дома, остановившись. — Это всё её. Еду и подарки оставляли на пороге, в корзинах. Внутри проходили только те, кому нужен был совет... Ещё отец и я.

— Ты училась у неё пению, я помню, — склонил голову к плечу Ригуми Шаа. Глаза у него странно потемнели, и это был не световой эффект, а реальное изменение цвета, словно багрово-чёрная краска, подобная той, что на губах, стала сочиться из зрачков. — Спой, Диккери-кан. Пой, пока я не скажу замолчать.

Он поднял руку, делая знак остановиться, и дальше пошёл один. Девчонка сперва дёрнулась за ним, но точно лбом на стену налетела и растерянно обернулась — на Лиору, затем на меня. Отступила на шаг, другой... и запела, поначалу очень тихо. Звук был низкий, горловой, вибрирующий, он чем-то напоминал мелодичные голоса сойнаров, только в иной тональности. От него пробирал озноб, и губы пересыхали, и пробуждалось что-то в сердце — тревожное, сладкое, невысказанное.

Ригуми Шаа шёл вперёд; когда до деревянного настила оставалось несколько метров, свет солнца стал меркнуть.

Небо оставалось абсолютно чистым.

Я отшатнулась, проскользнула между Итасэ и рыжим, напрягая купол. Песок вокруг наших ног вздымался змейками, закручивался в знаки бесконечности, в спирали и воронки. Тейт изгибал пальцы, точно в них суставов не было, и шептал что-то под нос, но его голос тонул в пении Диккери — уже не гортанным, а утробным; при одной мысли, что такой низкий звук исходит от изнеженной девчонки с округлыми плечами, накатывала жуть.

...мастер ступил на просоленный настил.

Солнце стало чёрным.

Дома на сваях задрожали, как мираж, потемнели, и скрутились в одну точку, поглощающую свет.

Звуки исчезли, точно кто-то щёлкнул тумблером.

Тёмная точка дрогнула — и извергла из себя всё, что поглотила ранее.

Я вскрикнула, кажется, падая на колени, и песок обнял меня, укрывая мягким щекочущим облаком. У него был привкус мыслей

Итасэ, такой же злой и сосредоточенный, но обещающий защиту. Тейт нависал надо мной, источая суховатый жар и угрозу...

А затем всё закончилось.

Песок осыпался; волна удушающей силы схлынула.

Ригуми Шаа стоял у хрупких, белёсых, изъеденных ядовитым ветром обломков и улыбался.

— Ты замолчала, Диккери-кан. А ведь я просил петь.

— П-простите... — прошептала девчонка, неотрывно глядя на развалины. Ноги у неё подкосились. — Я не...

— Мастер пошутил, — мягко произнесла Лиора, опускаясь рядом с ней на сыроватый песок. — Успокойся, ну... и выпусти оружие, оно сейчас не нужно. Шаа-кан, это была ловушка?

— Да, но не на меня, — ответил мастер, задумчиво глядя на то, как волна перекачивается через сваю, дырявую, как сыр. — Никто и никогда не посмел бы так оскорбить моё мастерство и создать ловушку из воплощённого ничто. Что ж, Диккери-кан, новости хорошие. Твой любовник жив, и свободные его не поймали. Это, — он повёл рукой, обводя развалины, — было создано для него. Отчего-то свободные были уверены, что он вернётся — и придёт к старухе.

— Странно, — нахмурился вдруг рыжий. — На Рана ведь напали другие? Ну, в смысле, растворить скалу — дело испепелителей, скорее всего. Магия незнакомая, но вообще если нужно что-то без следа разрушить — это только к ним. Направляющие удар у них точно есть, как тот, который за нами следил. И мастера тварей — айров помните? Ну, которые Диккери преследовали? Теперь ещё и овецествляющие ничто. Так вот, не многовато ли для одной семьи?

Ригуми опустил глаза:

— Возможно, союз... Или отщепенцы из разных семей.

Он ещё что-то сказал, но дослушать я не смогла.

Меня шарахнуло, словно током ударило. Там, за пределами купола, произошло что-то мерзкое, страшное; горло невидимой удавкой перехватили.

Перед глазами промелькнул размытый образ.

Лао.

— Лао, — прохрипела я, пытаюсь восстановить дыхание. — Далеко. Его... пытались ударить. Сейчас преследуют. Будет... скоро. Шаа-кан, три ката!

В глазах мастера промелькнула тень досады.

— Не говори, покажи!

— А... вы не возражаете? — спросила я автоматически.

На какую-то долю секунды взгляд у Ригуми Шаа стал испепеляющим.

Время, Трикси-кан.

Я сглотнула.

Ой, дура... И мысли не возникло, что можно нарушить чужую приватность и просто-напросто вложить в разум нужный образ. К шраму эти цивилизованные привычки!

Купол оцетинился иглами, впился в чужие сознания — сквозь пелену поверхностных мыслей, как у Айки, сквозь непрочные щиты Лиоры и Ригуми Шаа. Я впечатала всё разом, спутанный комок образов времени и места пополам с собственными чувствами, страхом за Лао и тягой к нему — время, время поджигает, некогда разделять нужное и ненужное. Маронг закашлялся, встряхивая головой — кажется, у него разлетелось несколько ментальных блоков. Рыжий пялился на меня, и во взгляде читалось: "Почему он?"

Я отмечала это — но не обдумывала, не реагировала.

Всё потом.

— Задержите дыхание, — коротко приказал Ригуми Шаа. Я послушалась и ещё отчего-то зажмурилась, вслепую отыскивая руку Тейта.

Звуки снова пропали, как тогда, в первый раз. Во рту появился привкус крови, в солнечное сплетение врезался невидимый кулак — ох, не только мне было не до осторожностей — и вдруг стало холоднее.

Я открыла глаза.

Мы парили над деревней в прозрачном пузыре — все вместе, включая безразличных к происходящему айров. Мир распался на три части: холодное голубое небо, синий океан и зелёная земля — чем дальше к северу, тем более тёмная и пустая, царапающая горизонт островерхими горами; туда мы и летели.

Лао был уже близко, километрах в шести, а за ним двигалось нечто, до неузнаваемости размывающее рельеф, как сбитый фильтр для редактирования фотографий.

Мастеру потребовалось не больше десяти секунд, чтобы принять решение.

— Далеко не отходите, — сказал он — и уронил нас на землю.

Диккери завизжала.

Падать спиной в пустоту, раскинув руки, было страшно, но не страшнее, чем видеть, как Ригуми Шаа с чудовищной скоростью летит наперерез пятну, размывающему ландшафт. Ветер свистел в ушах, визжала Лиора; Тейт как-то умудрился извернуться и сцапать меня в охапку, а потом падение замедлилось, точно сам воздух стал гуще.

Мы с рыжим приземлились на первой террасе, почти на вершине холма, в самую гущу низкорослых деревьев. Одна ветка хлестнула меня по лицу, кажется, до крови. Кагечи Ро досталось сильнее — он угодил в расщелину и повредил ногу; эхо боли раскатилось широко, но угасло быстро.

— Он справится, не бери в голову, — произнёс Тейт, безошибочно угадывая ход моих мыслей. Затем глянул в ту сторону, где был его приятель, и ухмыльнулся: — Интересно, что он такое Рану сделал.

— Думаешь, Итасэ это специально? — мрачно поинтересовалась я, пальцами вычёсывая из волос сухие листья и веточки. Шрах, вот почему у магов поголовно короткие стрижки!

— Ну не промахнулся же он, — фыркнул рыжий и подхватил меня под руку, побуждая карабкаться выше. — И ты не расслабляйся, Ригуми всех не удержит. До нас тоже доберутся. Ты чувствуешь?

— Нет, — нахмурилась я. Купол, растянутый почти на два километра, не улавливал ничего подозрительного. — Хотя... Лао идёт сюда?

— Ага. Ветер, — просто пояснил Тейт и посерьёзnel. — Трикси, я что тебе хочу сказать, пока время есть... Не пытайся убивать. Уклоняйся, беги, мешай им, вреди — я буду рядом и закончу, что надо.

Я застыла. Ветер показался вдруг очень холодным.

— Почему?

— Ты не сможешь, — ответил коротко рыжий и поцеловал меня в уголок губ, тепло и легко, словно извиняясь. Здесь, на вершине, где не было места тени, его глаза казались глубже и синее океана. — А если замешкаешься перед ударом, то можешь подставиться. Так что лучше бей на ту силу, какую себе простишь.

На языке появилась горечь. Не из-за меня — страх, я-то свои пределы знала и спорить не собиралась — а за него. Чтобы дать такой совет, нужно сперва самому побывать в шкуре убийцы-неофита.

И выжить.

"Откуда взялась бездна в твоём сознании, — пронеслось в голове. — Откуда... Не хочу знать".

Я смотрела поверх его плеча, тянула время — непозволительно долго в нашей ситуации. И потому увидела, как сталкиваются над дальним холмом две кошмарные силы — мастер и нечто, размывающее ландшафт. В небе появилась дыра — огромная белая дыра, средоточие небытия, сияющая бездна. А мне стало жутко до тошноты, до золотистых пятен в глазах.

Так, словно кто-то взял и отменил фрагмент мира.

Насовсем.

— Что... это?

— Это Ригуми Шаа, — произнёс кто-то за моей спиной, на террасу ниже. Итасэ? Откуда он взялся? — Его называют Белым мастером, Трикси-кан. Теперь ты понимаешь, почему?

— Догадываюсь.

Язык ворочался с трудом, точно я пчелу прикусила.

"Одно хорошо, — промелькнула мысль. — Тот фотофильтр перестал двигаться".

Действительно, нечто, размывающее пространство, исчезло. След никуда не делся — широкая размазанная полоса, похожая на раздавленного зелёно-коричневого червя. А близ крайней точки, аккуратно под белой бездной, стелились сизоватые дымки, и что-то продолжало двигаться к нам — путь отмечали надломанные верхушки деревьев и упругие хлопки, словно лопались один за другим бумажные пакеты.

Внезапно движение замедлилось. Несколько секунд живой, панической тишины — и череда взрывов, кажется, пять, и пять ярких цветных вспышек — три вместе, две по отдельности, поодаль.

Тейт вскинулся.

— Сигнал! Видели? — обернулся он к нам. — Он отметил тех, кто его преследует. Чётко, как на тренировке... Те, что были светлее — сильнее.

Что Итасэ Ран в совершенстве перенял от своего мастера, кроме приёмов магии, так это умение принимать решения, не колеблясь ни мгновения.

— Слышали? — крикнул он через плечо Маронгу и Лиоре. — Вы спрячьтесь. Добивайте тех, кто подставится. Я атакую. Айка-кан, защищай меня, пока Шаа-кан тебя не призовет. Тейт-кан... — Ран обратился к рыжему, но взглядом смерил меня. — Защищай добычу.

Щёки у меня вспыхнули.

Тейт уставился исподлобья и весь точно вымерз — ни мысли, ни эмоции:

— Вот так? Не ученицу твоего мастера?

Вокруг Итасэ вздыбился серый туман, размывающий фигуру; там, где должно быть лицо, что-то сверкнуло, две искры в облаке пепла.

— Они не увидят в ней ученицу.

Я мысленно залепила себе оплеуху — Итасэ прав, обижаться не на что — но сказать это вслух не сумела. Протянула время по-дурацки, а потом он соскользнул по склону; Айка сиганула следом с протяжным воплем "Фаркан!".

В ту же самую секунду Лао вошёл в зону моего купола. И, с небольшой задержкой, его преследователи — один, второй, третий почти одновременно, затем четвёртый и пятый...

...шестой?!

Тот, последний, держался на расстоянии ста шагов от Лао и ощущал себя победителем. Зачатки интуиции у меня буквально взвыли, как тревожная сирена. Станный разум, незащищённый — но вязкий, с эмоциональным фоном, затягивающим как болото. Он немного напоминал Оро-Ича — не образом мыслей, страх, нет, но их сложностью.

Меня затошнило.

Так. Отставить переживания. Думай, Трикси, думай.

Вариантов два. Либо это слабый эмпат, максимально освоивший низшие ступени, либо очень старый, опытный маг, которого от ментальных атак защищает запредельная инаковость. Мой купол теперь более-менее приспособлен к воздействию на обитателей Лагона... Но чужак — совсем другое дело. Вирусы, написанные для одной операционной системы, не могут поразить другую, основанную на совершенно отличных принципах.

Впрочем, сознание — не программное обеспечение. Общие точки должны быть, надо только нащупать их. Значит, моё дело — искать подход к Шестому.

Но сначала — предупредить остальных.

"Здесь есть сильный маг. Он пока наблюдает. Не суйтесь".

Когда я распространила по куполу своё послание вместе с пояснительным образом, Итасэ резко изменил траекторию — так, чтобы не пересечься сразу с Шестым. Поверил мне, добыче? Ха!

— Успокойся, — фыркнул Тейт мне на ухо и потянул вниз, на широкую террасу.

Мы только и успели скатиться с вершины, как на неё взлетел Лао — мокрый, грязный и обгорелый одновременно, но такой же счастливый и лёгкий. Пахло раскалённым камнем после дождя — и азартом. Он обернулся, без труда угадывая, где рыжий, и взмахнул рукой, по-особому складывая пальцы.

Тейт спихнул меня с террасы — кажется, прямо к Маронгу — и резко скрестил запястья.

Оглушительный треск. Вспышка.

Разбухающий огненный шар...

На чистых рефлексах, пытаюсь уклониться от летящих угольев и смягчить падение, я поймала ощущение творения — и создала нечто скользкое, протяжённое...

Прозрачный жёлоб?!

Импровизированный аттракцион обогнул склон холма, затем иллюзия развеялась, и меня буквально выплюнуло в деревца террасой ниже — аккуратно под ноги какому-то высоченному сутулому мужчине в ярко-оранжевых широких штанах. Грудь у него была перетянута чёрными лентами.

Он уставился на меня.

Я на него... точнее, на лишний глаз у него во лбу и на улыбку с тремя рядами зубов.

— И-и-и-и-йа-а-а-а-а!

Никогда не подозревала, что могу одновременно орать, улепётывать на четвереньках и мысленно призывать страх. Вот и храбрая Трикси, вот и хладнокровный псионик, вот и взрослая самостоятельная женщина!

В мозгах у монстра в оранжевом сначала маячила только моя задница среди кустов, но затем промелькнул осмысленный и пугающий образ-слово — "добыча". И чужое отвратительное веселье сменилось сосредоточенностью. Он шагнул за мной, свистом призывая со всех сторон кого-то...

Что-то?

Я бы не успела. Клянусь, не успела бы собраться и свернуть купол в иглу, но внезапно монстр споткнулся и вскрикнул; его цапнули за голень, и неслабо — острые зубы пропахали плоть почти до кости.

В нижних густых ветках слева промелькнули рыжие хвосты — два рядом.

Меня это отрезвило.

Купол спрессовался в иглу — острую, прочную. Она вонзилась в чужое сознание, сминая и кроша, привнося мой десятикратно усиленный страх и концентрированную фантомную боль. Монстр в оранжевом взвыл — тоненько, по-звериному...И — распластался вдруг по террасе, раздавленный.

Диккери, о которой все забыли, сделала свой ход.

Удерживая врага "ракеткой", она взмахнула левой рукой, в которой что-то было зажато, и его располовинило.

— Один есть, — кровожадно оскалилась нежная дикарская принцесса. Её разум не омрачала даже тень сомнения, убивать или нет. — Твари... Оставьте Пайна в покое!

Ниже по склону деревца вдруг словно ожили — зашатались из стороны в сторону, треща и ломаясь. Что-то несло вверх — невидимое для эмпатии, но определённо живое... Айры? Монстр в оранжевом призывал айров, а теперь, после его смерти, они обезумели?

Похоже на то.

— Диккери, беги! — заорала я, подкрепляя возглас мысленным образом. — Всех не приберёшь!

— А куда бежать? — проорала она в ответ, бешено сверкая глазами. Ткань съехала у неё с плеча, открывая ключицу — какой-то когнитивный диссонанс, не поймёшь, жертва перед тобой или хищный зверёк. — Тут везде полный...

— Фаркан? — весело предположил рыжий, появляясь из зарослей. Он улыбался жутко и счастливо — куда там монстру с

зубами в три ряда! Будто сказочный демон смерти, которому предложили сверхурочно поработать по любимому профилю. — А то... Трикси, сгруппируйся!

...Кажется, я уже начинаю привыкать к тому, что меня швыряют, как не особенно ценный багаж между пересадками в рейсе.

Мы с Диккери покатались по террасе кувырком, сплетаясь руками и ногами. Кажется, я заехала девчонке лбом по зубам — надеюсь, не выбила. Она пискнула, но и только — ни жалоб, ни стонов. А с той стороны, где был Тейт, снова шарахнуло, грохнуло, повеяло жаром...

Когда я сумела сесть и оглянуться, весь склон на тридцать метров вниз превратился в обожжённую, а местами и оплавленную площадку.

— Ты меня пугаешь, — пробормотала я.

Тейт искренне оскорбился.

Но обменяться любезностями нам не дали.

На вершину холма взлетел Лао, огляделся — и крикнул певуче:

— Разбегайтесь!

Я и ахнуть не успела, как меня опять сграбастали в охапку, стиснули вместе с Диккери. Промелькнуло голубое небо, обожжённый склон, серое небо, кошмарная белая бездна, терраса с аккуратными рядами деревцев — и снова небо, теперь уже чёрное. Оно словно бы напряглось, забугрилось облаками, как обнажёнными мышцами, а через какую-то долю секунды что-то ослепительно вспыхнуло — и раздался громopodobный грохот.

Молния?!

Такая громадная, так быстро?

А Лао? Он же оставался на холме...

В голове у меня промелькнула, кажется, целая тысяча мыслей, миллион страхов, а времени прошло всего ничего — чудовищная молния обрушилась на вершину, сконцентрировалась в одной точке. И — отпружинила обратно, похоже, напрямик к тому, кто её создал.

Этой "точкой" был сам Лао.

— Видела? — свистяще прошептал рыжий. В голосе у него сквозило чистое восхищение, на грани с обожанием. — Вот что значит подмастерье направляющих удар... Но тот гад выжил, кажется. А жаль. Значит, пока два за мной, один за Диккери. Ещё парочка — и всё.

— Троечка, — мрачно поправила его я. Адреналиновая волна пока не схлынула, но мышцы уже начали противно ныть. Шрах, как

подумаю, сколько у меня ушибов — тошно становится. — Ты не забыл про Шестого.

Тейт скрипнул зубами.

Видимо, забыл.

— А где он?

Я растерянно ткнулась куполом в одну сторону, затем в другую... М-да, не только Тейт облажался.

— Не знаю. Потеряла. Нужно раскинуть купол пошире.

В висках противно закололо. Плохо... Похоже, начинаю выдыхаться. Не из-за перенапряжения, из-за стресса. Надо успокоиться, вернуть концентрацию, иначе с позором вылечу на скамейку запасных раньше времени... Сколько его прошло, кстати?

Вряд ли больше десяти-пятнадцати минут — а по ощущениям час, не меньше.

Ладно. Соберись, Трикси...

Купол раздвинулся — и тут же сжался, зацепив чужую смерть, мучительную и жуткую. Умирал свободный, совсем молодой, ровесник Айки, наверное — обездвиженный песней Лиоры, надвое разодранный вздыбившейся, бритвенно острой скалой. Кажется, это было дело рук Маронга...

Меня вывернуло — прямо на руках у Тейта, хорошо, что не на него. Во рту поселился противный кислый привкус, обгорелый склон перед глазами закачался...

— Трикси? — уложил меня рыжий на землю и тут же затормошил. Диккери отползла на коленках в сторону, оглядываясь по сторонам и сжимая "ракетку". — Тебя задело? Ранена?

— Задело... — едва смогла выдавить я, утыкаясь лбом в переплетение гладких корней, в суховатый древесный ствол. — Человек... умер. Не успела... отключиться. Больно... пройдёт.

Склон продолжал раскачиваться. Мышцы словно в кисель превратились — не было сил ни подняться, ни даже на локтях привстать. Сквозь пелену я видела, как на оплавленный участок вылетел-выкатился туманный серый ком. Пространство вокруг него постоянно изменялось — то электричеством потрескивало, то становилось фрагментированным, как бракованное изображение.

Итасэ с кем-то сражался.

Его противник, похоже, и не надеялся победить — он отступал ниже, ниже, забирал левее, к уцелевшим террасам, точно хотел затеряться среди зелени. Итасэ удвоил напор, и туманный шар увеличился в диаметре — а потом распался. Свободная, женщина с белыми волосами, лежала на земле, связанная, но, кажется, живая. Итасэ взмахнул рукой и выкрикнул неразборчиво:

— ...последний?

И время остановилось.

Последний — Шестой — возник у него за плечом.

Его заметил Лао — и соскользнул по склону, быстро, легко, и веселье у него впервые трансформировалось в безжалостность. Его заметил Тейт — и, отчаянно рискуя задеть друзей, вскинул руки, выплёскивая чудовищный трескучий жар в Шестого. Я кричала, срывая горло, и тянулась ослабленным куполом, и впервые мысль казалась мне такой мучительно медленной.

Мы не успели... точнее, почти не успели.

Шестой что-то сделал, и часть холма просто исчезла. Лао спасла реакция; нас с Диккери — невероятное чутьё Тейта. Остальные, к счастью, были достаточно далеко. Но пока мы кубарем летели по склону, куда угодно, лишь бы прочь от небытия, я сумела краем купола накрыть... нет, не врага — Итасэ, и намертво вцепиться в него, даже не на пределе сил, а сверх них. И лишь потому сумела ощутить, как расстояние между нами вдруг увеличилось на пять километров, одним махом.

И ещё.

Я выла, скребла ногтями землю, цеплялась за Тейта — но нить не обрывала, постепенно привыкая к тянущей боли. А когда смогла дышать, то сделала одновременно две вещи.

Первое — разомкнула губы и сказала тем, кто склонился надо мною, Лао и рыжему:

— Он жив... Итасэ. Шестой его не убил, просто забрал с собой.

И — послала полный образ Ригуми Шаа.

Мастеру понадобилось ровно три секунды, чтобы закончить бой. Не знаю, что там произошло, но его противник, похоже, просто исчез; белая прореха в небе стала постепенно затягиваться. Ригуми Шаа спустился с высоты — в жгучем сиянии, в холодном гневе, за которым проглядывал простой человеческий страх.

— Ты всё сделала правильно, Трикси-кан, — мягко произнёс мастер, прикасаясь к моему лбу. — Потерпи ещё немного. Ты сможешь идти по следу?

Нить, связывающая меня с Итасэ, напряглась.

— Да.

А что ещё ответить?

Он поднялся, подзывая Кагечи Ро. Я вцепилась пальцами в запястье мастера, транслируя направление уже не напрямую, а через контакт. Откуда-то появились фиолетовые щупальца, и боль в мышцах стала отступать, а за ней и тошнота.

Я стиснула зубы, удерживая контакт с Итасэ.

Не время для слабости — охота только начинается.

Глава 21. Чёрный цвет, алый цвет

*Совершенство, которое имеет плоть, характер,
имя, пару милых привычек и одну необъяснимую привязанность.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Кагечи Ро диагностировал у меня трещины в рёбрах, многочисленные ушибы, нервное перенапряжение и истощение сил. Дома, в родном мире, это означало бы как минимум неделю больничного под наблюдением опытного биокинетика или врача.

Здесь мастер только удостоверился, что я могу стоять на своих двоих, и изрёк:

— Полетишь на айре с Тейтом, Трикси-кан. Постарайся отдохнуть.

Не то чтобы я винила его. Если бы похитили рыжего, наверное, сама бы всех подгоняла... И, честно признаться, судьба Итасэ, несмотря на то что наши отношения были не особенно близкими, беспокоила меня. По тоненькой нити ментальной связи фонило беспомощным ужасом, унижением и безнадёгой. Такого убийственного коктейля не пожелаешь и врагу.

— Ты его слышишь? — шепнул на ухо Тейт, точно угадывая мои мысли.

— Угу. Пока ещё — да.

Шекки летел как-то особенно плавно, словно чувствовал, что один из наездников не в форме. Я сидела ближе к шее химеры, откинувшись спиной на грудь рыжему; он коленями сжимал мне бока и вдобавок рукой удерживал поперёк живота. Если отрешиться от холода и прикрыть глаза, можно представить, что сидишь в самолёте...

Ну да, в самолёте — в бомбардировщике. Который направляется аккурат на поле боя.

Живо вспомнился тот убийственный хаос, который маги метафорически-возвышенно называли боем, и тут же появилось мерзкое тянущее ощущение где-то в районе солнечного сплетения.

— Не хочу драться, — сорвалось с языка.

Рыжий поёрзал, тепло прикоснулся губами к виску.

— Тебе страшно?

— Да.

Не очень героически, зато честно.

Хватка у Тейта стала крепче.

— Мы все вернёмся. Ты ведь не забыла? Я стану лучшим учеником. Веришь мне?

Итасэ был уже не учеником, а подмастерьем, но всё-таки он облажался. Я не стала говорить об этом вслух, но рыжий каким-то невероятным образом догадался — и мстительно укусил меня за ухо.

Зараза.

Но бодрости, как ни странно, прибавилось.

Я рискнула открыть глаза — и дёрнулась от неожиданности. Гребень гор оказался куда ближе, чем мне думалось. Ригуми Шаа на сей раз сделал ставку на скрытное перемещение, а не на скорость, но двигались мы быстро. Вокруг клубился полупрозрачный туман, что-то вроде марева, какое бывает в жаркий день. Не знаю, как это выглядело с земли, но догадываюсь, что если и были у свободных часовые, то они вряд ли нас видели — искусство Белого мастера априори внушало доверие.

Ниточка связи с Итасэ вновь натянулась — расстояние между нами уменьшилось ненамного, и это сбивало с толку.

Кстати, о мастере...

— Шаа-кан, — позвала я негромко. Ригуми тут же отвлёкся от разговора с Лао и скользнул по воздуху почти вплотную к Шекки. — Итасэ переместили под землю. Я могу указать примерное направление, но раз там не открытое пространство, то найти его будет сложно. Укреплять связь не рискну, потому что... — я запнулась.

"Потому что его фактически пытаются".

Разумеется, полнота информирования — залог победы, но что-то мне не хочется сообщать Ригуми такие новости. Интересно, как здесь принято делать с гонцами, приносящими дурные вести?

— Я знаю, что бывает с магами Лагона, которые попадают к свободным, — сузил глаза мастер. — И знаю, что можешь испытывать ты. Искусство внимающих и поющих мне не чуждо. И всё же постарайся слушать столько, сколько выдержишь, Трикси-кан, — добавил он.

Не просьба — приказ.

— Я... постараюсь.

Приближаясь к горам, химера начала забирать ещё вверх. Момент, когда мы перевалили через пики, я не глазами отметила, а в буквальном смысле прочувствовала кожей: резко потеплело и сменился ветер. Теперь он дул снизу — сильный, ровный, точно восходящие потоки в аэротрубе.

Аномалии начинаются?

— Они в той долине. — Лао повёл рукой, вычерчивая невидимую линию между двумя пологими горами. — Отсюда не видно. Я преследовал того мага до расщелины, затем меня заметили. Думаю, их там много, — добавил он задумчиво.

— Ещё что-то заметил? — сдержанно поинтересовался мастер.

Лао задумался. В мысленном фоне у него промелькнула тень сомнения — и впервые за всю мою жизнь это была не метафора: образы действительно стали затемнёнными, смазанными.

— Не готов поручиться за свои слова, Шаа-кан, — осторожно произнёс он. — Однако мне показалось, что там был кто-то знакомый. Кто-то из Лагона, с кем я не сходилась близко, но не единожды встречался прежде.

Я рефлекторно обернулась на Тейта. И у него, и у меня на ум пришло только одно имя — Аринга.

— Там лагерь или логово? — продолжил расспрашивать Ригуми. О чём подумал он, осталось загадкой: расслышать тщательно скрываемые мысли телепата третьей ступени мне сейчас было не под силу.

— Скорее, лагерь... — начал было Лао и вдруг резко наклонился всем телом, припадая к платформе и всматриваясь в быстро мелькающие склоны. — Шаа-кан, позволишь?

Мастеру хватило взгляда, чтобы различить что-то, незримое для обычных глаз.

— Да. Быстро.

Мы замедлили движение, затем остановились. Шекки парил, медленно поворачивал по широкой дуге, то поднимаясь, то опускаясь, но не выходя за границы прозрачного марева. Лао сложил руки — и рыбкой нырнул сквозь летучую платформу. Я почти сразу потеряла его из виду, а Тейт дёрнулся — и рефлекторно проводил глазами.

Склон оставался неизменным — голубоватые скалы с острыми сколами, сизый колючий вьюн, два валуна-близнеца, жмущиеся друг к другу. Но всего через полминуты взметнулась пыль — и Лао птицей взлетел на платформу, прижимая к себе худую женщину с мышисто-русыми волосами. Она была без сознания, однако определённо жива.

— Мика! — выдохнула Диккери и ломанулась к Лао, бесцеремонно расталкивая локтями остальных. Как будто не она минуту назад боязливо жмурилась и боялась даже взгляд опустить ненароком, чтоб не увидеть пустоту под ногами. — Мика, миленькая!

— Вот и ответ на вопрос, кого мы подобрали, — слабо улыбнувшись, заметил мастер. — В сторону, Диккери-кан. Сперва я осматриваю её. Это может быть и ловушка.

Ригуми понадобилось минуты полторы, чтобы убедиться — "сюрприз" нам достался не от свободных. Дальше девушку передали Кагечи Ро, чтобы он привёл её в чувство. Я за следила за приготовлениями вполглаза; нить связи с Итасэ почти физически ощутимо вибрировала от ноющей боли и стыда, и отрешаться от чужих впечатлений было всё сложнее.

...первое, что сделала Мика, когда очнулась — оглушительно заорала.

Дивная традиция, да уж.

А ведь бедняга Ро на сей раз даже фиолетовые манипуляторы выпустить не успел — так, пару лишних глаз открыл на лбу.

Диккери, уже не слушая никаких предостережений, протиснулась к подруге и рухнула на колени. Стиснула в объятьях, забормотала, всхлипнула в плечо...

— Я живая, — удивлённо произнесла Мика, невидящим взглядом обводя нас поочерёдно, и только дойдя до Шекки — вздрогнула и испуганно сжалась.

Хоть какие-то реакции.

Внезапно Диккери перестала всхлипывать, извернулась и уставилась ей в глаза:

— Что произошло?

— Не знаю, — растерянно откликнулась Мика. Сейчас, когда лицо уже не было таким восково-бледным, она казалась куда моложе — действительно, девочка-подросток, только более худая, чем её подруга, и болезненно серьёзная. — В груди закололо что-то...

Диккери! — Мика прерывисто вздохнула, поморщилась, заморгала часто и беспомощно. — Твоя бабка... она...

— Старуха?

— Да, она... Она была с теми людьми, — пробормотала Мика едва слышно. — Как равная. Она положила мне руку на грудь, стало больно, и...

— Похоже, она тебя спасла, пусть и весьма занятным способом, Мика-кан, — мягко произнёс Ригуми и глянул искоса на меня. — Интересно. Что ещё ты помнишь? Расскажи коротко, времени нет.

— Ничего не знаю, — потупилась она. — Я хочу в деревню. Пойдём? Ну пойдём же?

Диккери заколебалась. И неудивительно: с нами она сейчас шла по инерции; после неудачной стычки на холме Ригуми попросту сгрёб всех себе под крылышко и потащил — так, на всякий случай. Да, бойцом девчонка оказалась даже лучшим, чем я... Но лезть в логово к свободным она была психологически не готова.

— Но как же Пайн? — неуверенно протянула Диккери.

И тут Мике словно башку снесло.

Секунду назад передо мной была обычная девушка, худошавая и нервная, а теперь — зверёныш. И этот зверёныш в мгновение ока взвалил Диккери на плечо, взвился в прыжке...

...и мягко опустился обратно.

— Успокой её, — приказал Ригуми, даже не взглянув на Кагечи Ро, но тот словно того и ждал — выдвинулся решительно к барахтающимся девчонкам, не дожидаясь даже, пока мастер договорит. — Какие у тебя стали интересные руки и ноги, Мика-кан. "Жидкий айр"? Где-то я уже видел подобное.

Диккери замерла. Выражение лица у неё стало беспомощным.

— Это Пайн сделал?

Дубль два — Мику подкинуло на месте, и только Айка на пару с Кагечи Ро сумели её успокоить... Конечно, я сейчас соображала медленнее обычного, но не настолько, чтоб не уловить закономерность.

У Тейта мозги тоже работали, впрочем.

— Пайн, — громко произнёс он, глядя на всхлипывающую девчонку, которую удерживала Айка. И — ноль реакции. — Повтори, — обратился рыжий к Диккери.

— Пайн, — послушно произнесла та.

На сей раз рывок Мики удалось пресечь в зародыше.

Лиора, которая до сих пор наблюдала со стороны с видом утомлённой царицы, протянула:

— О, как это работает, теперь, пожалуй, понятно. Непонятно только — зачем, — сощурилась она. — И как Пайн связан с твоей бабкой. Или прабабкой. Как её зовут, к слову?

— Аламат, — откликнулась Диккери придушенно. Я машинально потянулась успокоительным импульсом — именно к ней, а не к Мике, которая уже находилась в полубессознательном состоянии от перенапряжения. Там требовалась помощь не эмпата, а хорошего биокинетика без комплексов.

— Как дерево? — вырвалось у меня.

Диккери невольно улыбнулась.

— Наверно. Я не спрашивала, откуда у неё имя — старуха есть старуха.

— Старая, как дерево аламат. Вечная, как аламат. Способная выживать, как аламат. — Ригуми перебирал версии, кажется, искренне наслаждаясь процессом. Жаль, Шекки летел слишком быстро и сейчас как раз порядочно отделился от мастера — я бы не отказалась получше рассмотреть выражение его лица. Думаю, было бы похоже на то, с каким дорогой братец Тони корпел над очередной статьёй в "Псионик-экстрим" о нестандартном применении пирокинеза. — Такие имена дают не родители, — загадочно добавил он. — Что ж, когда встретимся, я попрошу её назвать полное имя.

Шекки зашёл на новый круг, на сей раз — поверх голов. Я рассеянно оглядела нашу разномастную спасательную команду, стараясь концентрироваться на связи с Итасэ.

...на связи...

И тут у меня словно шестерёнки в мозгах провернулись, зацепились — и заработали.

Свободные искали Пайна в деревне ещё до того, как он там появился — раз.

"Старуха" была единственной, кто не противился связи Диккери и приبلудного мага — два.

Первой свободные забрали "старуху", но не как пленницу — три.

"Старуха" из всех пленников выделила именно Мику, над которой явно поработал Пайн, и сумела убедить свободных избавиться от неё — четыре.

У "старухи" было очень странное имя, "Аламати". Ригуми сказал: "Такие имена дают не родители".

И ещё — Аламати не старела и явно владела какими-то магическими фокусами.

И ещё — вряд ли Пайн случайно наткнулся именно на эту деревню.

И ещё — они наверняка были связаны, давно и неразрывно, однако узы их тяготили.

И...

— Шаа-кан, — наклонилась я, глядя на мастера; Шекки заложил вираж и спустился ниже, словно реагируя на невысказанное желание. — Аламати и Пайн могли учиться у одного мастера?

И тут черты лица у Ригуми Шаа смягчились, брови слегка выгнулись, глаза — такие красивые и молодые сейчас — распахнулись, а с губ сорвался удивлённый выдох, что-то вроде шелестящего "хо-о", оборванного на половине. Наверное, подобное и называют мигом триумфа. Я даже возгордилась собой — до того, как неловко соскользнула боком с химеры и едва не упала.

Тейт вовремя перехватил меня и ругнулся.

— Вполне возможно, — склонил голову к плечу Ригуми, возвращая самообладание. — Ро-кан, я хочу, чтобы ты ещё раз осмотрел Мику и выяснил...

Что там должен был выяснить Кагечи, я так и не узнала, потому что меня скрутило. Точнее, скрутило Итасэ, но и отголосков, долетевших по связи, хватило, чтобы выбить дух.

— Под гору, — прохрипела я, обвисая на руках у рыжего и жмурясь. Летели мы сейчас куда-то или в воздухе зависли — не знаю; чувство направления пропало напрочь. — Быстрее.

Шрах, ещё немного — и я сама, без всякой магии буду кидаться на свободных.

— Ро-кан, усыпи Мику, мы оставим её здесь, — слышался голос Ригуми, приглушённый, словно доносившийся через ватное одеяло. — Хотелось бы посмотреть, куда она собиралась отнести

Диккери; думаю, там мы нашли бы и Пайна. Но времени нет. Вернёмся за ней, когда закончим со свободными.

Кажется, кто-то заспорил, заплакал. Диккери закричала, что не останется, ей вторила Мика...

Спокойно, Трикси. Твоё дело — слушать Итасэ.

Да, вот так...

...Кровь на губах была как настоящая. Переносицу дёргало, тянуло, дышать становилось всё труднее. Ноги и нижнюю часть живота сковало ледяное онемение, физически ощутимая плотная корка бесчувственности. Она медленно поднималась вверх, к рёбрам, и...

"Разберёшь его потом. Они скоро будут здесь..."

"...развлечение..."

— Трикси?

Из чужих чувств я вынырнула, как из гриппозного кошмара, в холодном поту и обессиленная, глотая сыроватый сладкий воздух. Тейт поглаживал меня по голове и плечам. Подушечки пальцев у него были твёрдые, суховатые, горячие, и от этого почему-то дыхание перехватывало. Не так, как от мук Итасэ; иначе, очень хорошо.

— Всё в порядке, — отозвалась я, разлепляя глаза. Справа и слева высились тёмно-серые скалы в красноватых буграх, как в язвах. Свет падал немного сбоку, под углом. — Мы где?

— Уже около долины, — тихо ответил рыжий. — Мику усыпили и спрятали, а Диккери полетела с нами. Она прямо жаждет поговорить с прабабкой, даже Ригуми убедила.

— Убедила... — эхом откликнулась я, мысленно прокручивая воспоминания. Да, весёленькое вышло погружение в чужой разум. — Я слышала... То есть Итасэ услышал, а я — через него... В общем, они знают, что мы идём.

— Это понятно, — фыркнул Тейт мне в затылок. — Такой мастер, как Ригуми, никогда не бросит даже чужого ученика, и тем более своего драгоценного Рана. Ловушка, наверное.

— Опять бежим, — вырвалось у меня против воли. — То от кого-то, то за кем-то... Меня уже тошнит.

— От бега? — с искренним сочувствием поинтересовался он.

Скалы над головой сомкнулись; ущелье превратилось в тоннель, сыроватый и тёмный.

— Оттого, что всё время приходится быть ведомой, — вздохнула я, откидывая голову на плечо Тейту. Он легонько подул мне на веки:

— Ну, мы все идём за миром. А если кто-то думает, что дело обстоит наоборот, то мир ему об этом напоминает. С огромным удовольствием.

В чём-то рыжий был прав.

Своды туннеля распахнулись, как цветочные лепестки, и хлынул беспощадный свет; я рефлекторно сощурилась. Марево, которое окружало нас, вдруг полыхнуло всеми цветами радуги одновременно, от Ригуми дохнуло раздражением, а затем — удовлетворением.

Внизу расстилалась безупречно круглая долина, сизо-багровая из-за красноватых скал, едва укрытых приземистым хвойником. Кое-где высились громадные деревья с пирамидальными кронами. Окружающие скалы были испещрены тоннелями, как высокий песчаный берег над рекой — птичьими норами.

— Это здесь, — негромко, но ясно произнёс Лао.

Мне не требовалось пояснений — я уже знала и сама, потому что чувствовала Итасэ невероятно близко.

Ригуми указал на безопасное место, и впервые за час — а может, и больше — мы ступили на твёрдую почву. Тейт тут же хлопнул свою химеру по огненно-алому боку, отсылая прочь, и та бесшумно побежала к большому валуну; перья выцветали на глазах, пока она окончательно не слилась с пейзажем.

— Подойдите ближе, — приказал мастер, а затем обратился прямо ко мне: — Ты чувствуешь Рана, Трикси-кан? Сумеешь найти его?

Я прислушалась к своим ощущениям и уверенно склонила голову к плечу:

— Да, скорее всего. Его прячут в лабиринтах, но не слишком глубоко. Сейчас попробую передать то, что знаю. Точнее, через минуту, надо сосредоточиться, — поправила я. Да, держать связь и одновременно транслировать информацию не так уж просто... Особенно если учесть, что это первый подобный опыт.

— Прекрасно, — без улыбки ответил мастер. — Тогда не будем медлить и направимся сразу за ним. Я буду первым, со мной Атеки Айка, Кагечи Ро...

— Нет.

Я даже не сразу поняла, что это произнёс рыжий.

Глаза Ригуми слегка потемнели:

— Что такое, Тейт-кан?

— Так не пойдёт, вот что, — спокойно ответил он. — Нас там и ждут. Имя Ригуми Шаа хорошо известно. Они знают, на что вы способны. Мы про них не знаем ничего.

Даже сквозь возведённые барьеры третьей ступени от мастера повеяло едким недовольством. Я думала, что он резко оборвёт Тейта, но ошиблась.

— Итак? — Ригуми выгнул бровь.

Рыжий широко улыбнулся, обнажая белые-белые зубы:

— Будем удивлять.

Стратегия, которую предложил Тейт, неуловимо мне напоминала что-то... Когда я поняла, что именно, то едва сдержала дурацкий смешок.

Дядя Эрнан рассказывал, как ещё на заре карьеры, во время первой практики в полицейском управлении, он поймал банду магазинных воров, состоявшую из пожилой женщины, худой и кудрявой, её мужа и двух студенток, серых мышек. Женщина на кассе закатывала громкий скандал, требуя вызвать менеджера и подать жалобную книгу. Её супруг, который почти не ходил сам и передвигался на колёсах или на костылях, тем временем отвлекал персонал на другом конце павильона: делал вид, что упал и не может встать, задевал коляской стенд или делал что-то в таком же духе. А девушки, пользуясь суматохой, нагло покидали магазин через выход для инвалидов с имплантами, не оборудованный детекторами. Шумную парочку знали в округе уже лет двадцать, поэтому долго не могли связать скандалы в магазинах с кражами... Пока не появился Эрнан Даймонд, разумеется. А самое интересное, что никто из бравой четвёрки в деньгах не нуждался — закон они нарушали исключительно из спортивного интереса.

Мы сейчас готовились провернуть нечто подобное. За сварливую старушку готовился отыграть Ригуми Шаа, за неуклюжего старика — Лиора с Маронгом. Ну, а выкрасть кое-что из кладовой у магов должен был Лао, которого прикрывал Тейт, а вела я.

Мастер дал нам десять минут, точнее, десять катов, чтобы разбежаться по местам под прикрытием его иллюзий, а сам за это время сотворил безупречно реалистичные копии недостающих членов

спасательного отряда, чтоб свободные раньше времени ничего не заподозрили. Честно скажу, идти через равнину в сопровождении рыжего и Лао с их сверхъестественным чутьём на неприятности было не так уж страшно. Настоящие проблемы начнутся, когда мастер сделает первый ход...

Недалеко от туннеля, который уводил к Итасэ, мы втроём затаились. Буквально через несколько секунд Ригуми Шаа сдёрнул, как ветхий плед, самый верхний слой своей иллюзии, милостиво открываясь сторонним наблюдателям. И тут же по пустынной долине раскатился многократно усиленный голос дикарской принцессы, гортанный и низкий от волнения:

— Эй, вы! Я, Диккери, пришла говорить с Сам Нам Аламат. Я знаю про тебя и Пайна, старуха!

Естественно, она ещё договорить не успела, как их попытались убить.

Примитивно и грубо, на мой вкус; и недостаточно быстро — даже я, наверное, смогла бы убежать из зоны поражения, когда нависающая скала невдалеке отломилась, точно сколотая гигантским молотом, и резво подпрыгнула, метя в нарушителей границ. Ригуми даже не пошевелился. Скала до него не долетела и разлетелась пыльным облаком синих и голубых лепестков, источающих дурманящий аромат инлао.

— Красиво, — пробормотала я.

— Ну да, — фыркнул рыжий мне в ухо. — Понимаешь теперь, почему ему лучше не доверять всякие там планы и хитрости?

— М-м-м, — протянула я неопределённо, стараясь уйти от ответа. Будто у меня самой есть хоть какие стратегические способности...

Лао, который залёг под хвойником, беззвучно рассмеялся, уткнувшись лицом в сложенные руки.

— В Ригуми Шаа слишком много от поэта и творца, Трикси, — певуче произнёс он. — Он создаёт живые картины такой красоты, что можно потерять дар речи, и способен овестить то, что этот мир принимает с чистой радостью, как бесценный и редкий дар. Он истинный учитель, что встречается нечасто. Как мастер Ригуми Шаа может убивать множеством способов, однако он не боец. Для этого нужны иные таланты... Или же опыт.

Тем временем Ригуми отразил вторую атаку, из-за которой багровеющие скалы вокруг разжижились и запузырились, исходя дымом, и ударил в ответ огненными потоками, похожими на живые лианы и полураскрытые цветы.

Судя по крикам, кого-то задело.

— Думаешь, у него нет опыта? — мрачно поинтересовалась я. Экранироваться от боли обожжённого мага из свободных и одновременно концентрироваться на Итасэ было всё сложнее. — Мне как-то кажется, что обширный опыт убиения себе подобных налицо.

— Ригуми Шаа не выживал годами, как слабейший среди сильных, как жертва и желанная добыча, — возразил Лао, смягчая жутковатые слова полуулыбкой.

Уточнять, что он имеет в виду, мне отчего-то не хотелось. Как и не хотелось думать о том, почему рыжий всё прекрасно понимал и не нуждался в объяснениях.

— Аламат! Я пришла говорить с тобой! — снова послышался голос Диккери, такой же громкий, но иногда срывающийся от волнения. — И я буду ждать, пока ты не выйдешь!

По самым приблизительным расчётам, Лиора и Маронг сейчас уже должны были достигнуть дальнего края долины и вступить в игру, но почему-то они молчали. Не то чтобы я волновалась за них... Но, может, стоит попробовать дотянуться?

Эмпатический купол развернулся странно легко — и только через целую секунду пришло понимание, почему.

Связь с Итасэ оборвалась.

— Но... как? — выдохнула я, рефлекторно притягивая колени к подбородку, стремясь сжаться в клубок, в комочек. На мгновение стало даже всё равно, заметят ли меня со стороны — все чувства, даже страх, перекрыло острое разочарование в себе. — Не могла же я...

А если это не моя вина?

А если он уже...?

"Нет, — подумала я. Мысль давалась с усилием, точно приходилось вверх катить нагруженную тележку. — Нет, не может быть. Смерть или сильное увечье я бы почувствовала".

— Тейт, у меня проблема, — заставила я себя признаться. Шрах, только обрадовалась, что всё идёт хорошо! — Я не чувствую Итасэ.

Рыжий резко развернулся, спросил отрывисто:

— Он жив?

— Не знаю, — убито ответила я. — Прости... Это единственное, на что я годилась, но и тут ничего не вышло. Попробую ещё установить связь, но вряд ли получится. Не знаю, как вообще это сделала в прошлый раз.

— Сможешь показать, где ты чувствовала его в последний раз? — Лао запрокинул голову. Глаза у него в тени казались не серо-зелёными, как обычно, а непрозрачно-холодными, как будто в надтреснутый лёд вмёрзли стебли травы. — Вдохни и выдохни. Мы всё равно найдём его, Трикси. И ты нужна нам не только потому, что можешь вывести на правильный путь.

— Ты боец, — ухмыльнулся Тейт и тихонько сжал мне руку. — Вот и соберись.

Недоделанный специалист по коммуникации Трикси Бланш — боец, а пугающе могущественный маг Ригуми Шаа — нет. Чудные дела творятся.

Что ж, вот и проверим.

Стиснув зубы, я попыталась ещё раз дотянуться до Итасэ, уже куполом. Готова спорить, что напоролась на кого-то, кто неплохо владел телепатией, и не осталась незамеченной... Да к шраму, всё равно прорываться придётся.

"Так, сосредоточься, Трикси".

Та область, откуда в последний раз долетели отголоски чувств Итасэ, казалась вымершей. Метров на сто вокруг не было ни одного мыслящего существа; бродили отголоски боли, но принадлежала она отнюдь не пленённому подмастерью. Этот "кто-то" удирал оттуда на предельной скорости, немаленькой, к слову.

Я накрыла куполом весь фрагмент пещеры — и увеличила интенсивность. Несколько секунд ощущала только звенящую тишину, но затем промелькнуло что-то... что-то...

Искра?

— Он жив, — вырвалось у меня удивлённое. — Но его сознание как будто мерцает. То есть, то нет.

— Тогда идём прямо сейчас, — решил Лао и одним гибким движением поднялся на ноги.

В тот самый миг на противоположном от нас конце долины громыхнуло — в игру вступила Лиора. Красноватые скалы задрожали

и тяжело обрушились в долину, как клубничное желе, расслаиваясь и распадаясь на лету. Где-то под землёй зародился низкий, до костей пробирающий гул; он становился громче, ширился, точно заволакивая пространство.

Всегда подозревала в ней нежную любовь к взрывам и глобальным разрушениям.

— Аламат! — в третий раз прокричала Диккери. — Ты нужна мне! Выходи и говори!

Наверное, это стало последней каплей.

Из туннелей, как пчёлы из улья, посыпались маги — много, несколько десятков. Один толстяк-великан в оранжевой робе перемахнул прямо через нас, не заметив. Лао лишь слегка отклонился в сторону, я рефлекторно вжалась в скалу — но куда там! Тейт вздёрнул меня на ноги, перекинул через плечо:

— Трикси, где он был?

Отвечать я не стала и аккуратно вложила образ в головы им обоим, косвенно извиняясь за свою грубость у океана. Лао благодарно улыбнулся — точно повеяло ветром с гор — а потом сделал знак рыжему.

...наверное, нести меня как мешок было рационально и правильно, но, шрах, как же это уже надоело!

Почти у самого входа мы столкнулись с магом, больше похожим на живой скелет, чем на человека. Больше я ничего разглядеть и не успела — воздушный, лёгкий Лао мягко ударил его в грудь, и по сводам размазалось кровавое месиво. Хлынула волна тошнотворного запаха.

Рыжий заботливо спустил меня с плеча и прижал к груди, как принцессу.

— Глаза закрой, — посоветовал он.

Я, разумеется, не послушалась.

Туннели были широкими и высокими. Пожалуй, там с лёгкостью проехал бы двухэтажный пригородный поезд. По сводам змеились красновато светящиеся узоры, немного похожие на лампы-гроздьи из Лагона. Иногда по пути попадались следы человеческого присутствия: потухший очаг в пещере, которую мы проскочили на полном ходу, сброшенный балахон, полупустая миска с ягодами в нише... Когда я увидела её, то мне ярко представилось, как какой-нибудь мальчишка из

свободных после сигнала тревоги бросает лакомство и бежит по туннелю, на ходу облизывая пальцы от липкого сока.

А потом попадает под руку Кагечи Ро или Айке.

У развилки, после которой ходы шли практически параллельно, рыжий притормозил.

— Трикси, куда? Выше, ниже?

Отсюда эмоции Итасэ ощущались ярче, но по-прежнему будто бы мерцали. Чужая истерика горчила на языке; я сглотнула, мотнула головой.

Что-то было неправильным... Но вот что?

— Ниже. И лучше притормози, — добавила я неуверенно. Итасэ ощущал пространство вокруг себя опасным, но напрягло меня даже не это, а чувство вины, которое теперь примешивалось к панике и стыду.

Рыжий немного удивился, но послушался. А через некоторое время даже позволил мне идти на своих двоих. Тоннель, который сперва будто бы даже забирал вверх, резко обвалился вниз. Камень и стен, и сводов, и пола стал более гладким, словно оплавленным. Если б не подошвы с шипами-иголками — наверняка бы съехала, как по льду. Света постепенно становилось меньше, пока в один прекрасный момент не пришлось поднапрячься и создать иллюзорные шары-светильники, благо теперь они у меня получались даже лучше, чем у Тейта.

Шаги у Лао сделались совсем невесомыми, точно он вообще не касался подошвами камня.

— Странно, — послышалось за спиной, метрах в четырёх, и только тогда я осознала, что мы с Тейтом идём только вдвоём.

— Что? — обернулся рыжий и нахмурился. Лао, присев на корточки, разглядывал кучу тряпок на полу. — Балахон, да?

— Это бы меня не удивило, — улыбнулся он краешками губ. Мои светильники кружились над его головой, как мотыльки вокруг свечного огонька летней ночью. — Но там ещё и бельё. А от рукавов пахнет Раном. Я чувствую слабые следы, которые идут оттуда, — указал он на спуск. — Но выше нет ничего.

У меня появились дурные предчувствия.

Итасэ был жив, совершенно точно. Но мерцающее сознание, но чувство вины, которое примешивалось к естественной в данной ситуации панике, но пустые туннели... Что тут с ним сделали?

Что он сделал?

Итасэ был где-то близко, буквально в нескольких десятках метров, и я рефлекторно ускорила шаг. И, когда туннель резко нырнул, не успела отреагировать, упала и проехала на лопатках метра полтора, прежде чем Тейт поймал меня и помог встать. От него стрельнуло иррациональным ужасом, как статическим электричеством — приступ сильный, но короткий. Когда светильники нас догнали, стало понятно, почему.

Ниже плескался чёрный туман.

Именно от него исходили эмоции Итасэ.

Рыжий опустился на колени и принялся.

— Что за фаркан? Пахнет Итасэ, вот прямо отсюда. А сам он где?

Тейт поморщился, протянул руку к туману, затем отдёрнул. Кинул в туман камешек — и тот канул в никуда беззвучно, хотя очертания какого-то предмета, прокатившегося вниз, можно было различить сквозь чёрные клубы. Рыжий стиснул зубы — и резко погрузил пальцы в туман.

Я зажмурилась, рефлекторно схлопывая купол, но успела словить отголоски боли, а когда рискнула открыть глаза, то рыжий сидел на пятках, с любопытством разглядывая свою руку, точно обожжённую кислотой. Кожа покрылась пузырями; они постепенно опадали, и жутковатая мёртвая белизна оживала, наливалась цветом.

— Не смотри так, — фыркнул Тейт, скосив на меня взгляд. — Я же не совсем идиот. Ро вживил мне одну ерундовину... Жаль, что пришлось её использовать сейчас. Но зато ясно, что дальше мы не пройдем. Магия на это не действует, — указал он на туман подбородком. — Придётся посылать за Ригуми. Вообще у меня есть дикая мысль, что та чёрная штука...

— ...и есть Итасэ, — мрачно закончила я.

Купол четвёртой ступени, сконцентрированный настолько, что им можно было чужие мозги резать, видел в дурацких чёрных облаках Итасэ Рана — голого, насмерть перепуганного, сжавшегося в комок где-то в воображаемом тёмном углу. Ощущения и эмоции распределялись по туману неоднородно, и самый плотный сгусток находился дальше, за поворотом туннеля, метрах в двадцати. Как огромное сердце, которое пульсировало неровно и слабо — чувства, воспоминания, осознание себя как личности.

— Думаешь, свободные его изувечили? — поинтересовался рыжий, озвучивая и мои опасения. Но Лао только головой покачал:

— Не думаю. Слишком похоже на его собственный чёрный ветер. Помнишь, как Ран в первый раз сбежал от того мага? — Я кивнула, потом, запоздало сообразив, склонила голову к плечу. — Тогда внутри чёрного ветра тоже не было никого. Но Ран вернулся, когда я притронулся к нему. Он вдруг оказался у меня на руках, как если бы поймал его в падении... Наверное, ему нужна была забота. — Лао задумчиво опустил ресницы, а затем вытянул руку.

Туман качнулся навстречу; мы с Тейтом синхронно отползли. Сердце у меня колотилось в горле.

Смысл в том, что сказал Лао, определённо был, но какой-то неприятный.

— Э-э.... попробую позвать Итасэ, — хрипло предложила я и, дождавшись ободряющей улыбки рыжего, потянулась куполом к пульсирующему "сердцу".

...Итасэ ускользал.

Он определённо слышал мой зов, воспринимал образы уюта, защиты и дружеской симпатии, тянулся навстречу, но сконцентрироваться не мог. Туман то сжимался почти до самого поворота, то расплёскивался так, что приходилось отступать. Мысленный контакт обрывался снова и снова, и с каждым разом восстанавливать его было всё труднее. Я словно пыталась удержать за руки над пропастью взрослого мужчину — с ладонями, перемазанными в масле.

Воздуха уже не хватало; по лицу стекал пот. Голову точно обруч обхватил, губы и веки онемели — почти что аура, как перед мигренью. Обрывки воспоминаний, которые удалось перехватить, приятных ощущений не добавляли...

Но хотя бы стало понятно, что стало с Шестым.

— Ну, хватит. — Тейт решительно встряхнул меня и заставил заглянуть ему в лицо. — Ты уже зелёная. Что с ним?

— Он... он, кажется, застрял в таком состоянии, — пролепетала я, с трудом собираясь из амёбы-эмпата в существо, мыслящее самостоятельно. — Итасэ пытали, похоже. Тот, Шестой, который его уволок, хотел снова увидеть "чёрный ветер". Кажется, он считал Итасэ кем-то вроде айра, искусственного существа, и... и Итасэ это почему-

то ранило. И когда мы уже вошли в долину, Шестой заставил часть его внутренних органов исчезнуть. И, в общем, Итасэ сорвался. Шестой, скорее всего, мёртв. Остальные, кто был поблизости, тоже.

— Так им и надо, — кровожадно вставил Тейт. — Круто было бы их размазать, но и так сойдёт.

— Но вернуться Итасэ не может, — продолжила я, с трудом подавив улыбку. Сейчас не до веселья, однако мрачноватое чувство юмора у рыжего казалось на удивление уместным. — И он не хочет, чтобы Ригуми Шаа видел его в таком состоянии, — добавила я и вдруг осознала кое-что пугающее; голос у меня вдруг сел. — Мне кажется, что долго он не выдержит.

Тейт решительно поднялся.

— Я за Ригуми. Лао, присмотришь за Трикси?

— Не успеем, — задумчиво откликнулся тот, глядя на колеблющийся туман. — Ты же слышишь?

Теперь, когда он это сказал, напряглась даже я — и раскинула купол. Пары секунд хватило, чтобы понять: сюда кто-то движется, причём явно не наши.

— Свободные. — На губах у меня появился солоновато-металлический привкус; видимо, прикусила слишком сильно. — Шрах, как не вовремя!

Всё, что я могла сделать — уставиться в стену, едва освещённую огоньками. Вот бы там появилась огненная рука и начертала инструкцию по спасению... Но уж скорее мимо пробежит шрах и издевательски махнёт хвостами.

Кажется, именно такую ситуацию называют тупиком.

— Идите навстречу, — тихо произнёс Лао, почему-то прикасаясь к своей ключице. Лицо у него стало странно отрешённое, и слегка неправильная красота, которая прежде мягко обволакивала сознание, теперь заставляла остановиться и замереть, не дыша. — Я тут справлюсь. Но не в такой форме, нет. Что ж, однажды бы это случилось.

Он потянул за край "липучки", распуская застёжки. Горловина стала шире, соскользнула с плеча...

Я отвернулась быстрее, чем сумела осознать свои действия, и зажмурилась. Самое смешное, что Тейт тоже — мы стояли бок о бок, цепляясь друг за друга, и не решались двинуться с места.

"Инстинкты?" — пронеслось в голове.

Зашелестела ткань, опадая к ногам. Лао почти беззвучно рассмеялся и приблизился к нам; я не слышала шагов, но ощущала движение воздуха и чувствовала запах — свежий и горячий, словно камни, в которые ударила молния в грозу.

— Какие умные дети, — прошептал Лао и ласково встрепал волосы у меня и у Тейта. Потом едва ощутимо прикоснулся мягкими губами к моему виску — и к его. По коже у меня пробежал холодок, и колени приятно ослабели; в голове было легко и щекотно. — Досчитайте до семи — и идите. Мне понадобится немного времени, и дать его можете только вы.

Он отступил; чётко слышались два быстрых человеческих шага, и что-то зашелестело по камням, отдаляясь. Порыв ветра ударил в спину.

До семи я отсчитывала по ударам собственного сердца, и только затем рискнула открыть глаза. Встретилась взглядом с Тейтом, таким же ошеломлённым.

— Свободные, — напомнила тихо.

Рыжий неопределённо дёрнул головой — и мы побежали, не оглядываясь.

О том, что случилось, можно подумать позже.

На развилке Тейт остановился.

— Трикси, а сколько их?

Не нравится мне этот вопрос. Обычно рыжий куда лучше меня чувствует врагов. Ну, ладно...

— Двое, — ответила я через несколько секунд, уплотнив купол. — Мужчина и женщина, считают себя сильными. Метрах в тридцати впереди. Двигаются медленно, о нашем присутствии осведомлены. А почему ты спрашиваешь?

От его ответа меня прошиб холодный пот.

— А я их не чувю. Они вдруг пропали, вот и всё.

Купол издевательски просигнализировал, что вражеские маги никуда не делись — идут себе вперёд неторопливо и, похоже, предвкушают хорошую драку. Туннель сразу показался тесным, своды зловеще нависли...

Колени предательски ослабели.

Соберись, Трикси. Ты не имеешь права даже думать об отступлении, пока Лао не вытащит Итасэ. Нужно всего лишь продержаться, и не одной, а вместе с рыжим. Уж он-то просто так не сдастся.

— Что будем делать? — поинтересовалась я почти беззвучно.

Тейт сощурился; ему не нравилось, что он не чувствует чужаков, но мышление оставалось ясным, не омрачённым ни страхом, ни дурными предчувствиями. Спокойствие с толикой предвкушения — как на тренировке.

— Уведём их подальше от Лао. Но так, чтобы не упускать его из виду. — Рыжий оглянулся, втянул носом воздух. — Когда скажу, побежим вверх по левому туннелю. Но сначала я сделаю одну штуку.

Парочка, которая нас преследовала, остановилась в некотором отдалении — то ли наблюдая, то ли советуясь. Тейт же вернулся к развилке и ощупал стену у входа в правый туннель. Примерился, повертел запястьями — и с размаху впечатал кулак в камень. Вместо ожидаемого хруста костей раздался оглушительный грохот, нарастающий с каждой секундой, и по стене зазмеилась трещина. Когда она достигла сводов, то вход в туннель будто перекосялся — громадная каменная глыба соскользнула вниз, перекрывая путь, а сверху обрушился целый ливень из булыжников поменьше. Я испуганно шарахнулась в сторону, хотя надо мной своды были незыблемы. А Тейт, не успокоившись на этом, махнул рукой, точно отбрасывая от себя невидимый мяч, и на гребне осыпи заплясало весёлое оранжевое пламя.

— Пусть попробуют там пройти, — произнёс он громко и ясно — видимо, не только и не столько для меня. — Удивятся. А я зайду сзади и добавлю. Пойдём, спрячемся повыше, — и он потянул меня в соседний туннель.

— Думаешь, купятся? — с сомнением шепнула я.

Рыжий ухмыльнулся:

— Ну, я бы не рискнул оставлять себя за спиной. Мало ли что.

Туннель резко задрался вверх, и пришлось на время заткнуться: карабкаться на предельной скорости по скользким камням и параллельно болтать я ещё не научилась. Подозреваю, впрочем, что среди магов такие умения не особенно пользуются спросом.

Парочка свободных, ненадолго выпавшая из поля воздействия купола, посомневалась у развилки — и бодро рванула за нами. Что самое мерзкое, они полыхали тем же дурным энтузиазмом без капли страха, что и Тейт, но только крови в их мыслях было побольше. Что ж, хотя бы Лао теперь в безопасности — буду утешаться этим.

Воздуха мне стало не хватать.

— Тейт...

— М-м? — Рыжий скосил взгляд и мгновенно всё понял. — Давай на спину. Ещё недолго бежать, я чувствую движение воздуха. И водой пахнет. Там, наверно, пещера пошире, попробуем отбиться. Ты как, оправилась немного? Сможешь их зацепить по-своему?

Ещё несколько месяцев назад для беспроектной атаки приходилось поддерживать прямой физический контакт. Со свободными нас разделяло около сорока метров — раньше невозможное для меня расстояние, теперь же вполне рабочее. Но одно дело чувствовать и читать, и совсем другое — воздействовать. Для того чтобы сбить эту парочку с толку, пожалуй, можно воспользоваться воспоминаниями о мучениях Итасэ, благо они даже слишком свежие... Вопрос в том, хватил ли сил. Внутренние ресурсы не безграничны.

Не попробую — не узнаю.

— Попытаюсь, — прошептала я, устраиваясь у рыжего на спине, и прикрыла глаза.

Сначала надо сосредоточиться.

Изрядное количество сил оттягивали внутренние слои купола — обманчиво непрочная неориентируемая поверхность и плотная скорлупа под ней. Так, первым делом — отменить и то, и другое. На эмпатов эти двое не похожи, а меня может и не хватить на две попытки, так что размазать их нужно с первой.

Купол перестроился неохотно; похоже на то, как трудно бывает разжать кулак, зажатый несколько часов подряд. Но вроде бы получилось... Отлично. Теперь — захватить в тиски чужое сознание и потихоньку ввинтить туда концентрированные воспоминания о пытках Итасэ. И проблемы начались почти сразу — эмоции и намерения я ощущала, а вот нащупать сознание не могла, словно рыбу ловила голыми руками. Вроде что-то существенное есть, двигается медленно, а удержать невозможно.

— Не могу, — наконец выдохнула я, чувствуя, что ещё немного — и попросту отрублюсь. — Нужно поближе подпустить. И дать мне минуты три в относительном покое, чтобы докопаться до сознания "иглой". Широкий купол их не цепляет.

— Значит, дерусь я, — спокойно откликнулся Тейт. — Если они не атаковали до сих пор, значит, дерутся в ближнем бою. А это всегда быстро, времени, чтоб собраться, не будет.

Щёки у меня вспыхнули.

Отчего-то после осознания собственной беспомощности стало не страшно, а стыдно. Вообще эти двое свободных по ощущениям напоминали мне кое-кого — мастера Таппу. Я, конечно, не копалась у него в сознании, но уж больно знакомо скользкое чувство, когда щита нет, а вместо мыслей наталкиваешься на пустоту. Элементы подобной техники присутствовали и у рыжего, который иногда начинал действовать на чистых инстинктах, и даже у Айки.

Надо будет потом расспросить Лиору поподробнее. Может, она знает больше. Если нет — рискну поинтересоваться у Оро-Ича. Если доживу, конечно.

Внезапно туннель оборвался; мы с разбегу влетели в пещеру, залитую ярким дневным светом — значительная часть свода отсутствовала. Сюда даже долетали отзвуки взрывов и крики; видимо, Ригуми Шаа ещё не закончил свою схватку. Запах сырости, присущий подземельям, трансформировался в пронзительную ледяную свежесть. Стало холодно, словно температура упала ниже нуля, зато сквозняк пропал.

Когда я проморгалась, то не поверила глазам: камень под ногами был покрыт слоем слежавшегося снега, стены на три человечески роста вверх побелели от инея. Аккурат под дырой в сводах находилось озерцо, неширокое, всего пятнадцать или семнадцать метров, но, кажется, весьма глубокое. И, готова спорить, обжигающе холодное.

Рыжий поставил меня на ноги и метнулся к озерцу. Принюхался к воде, попробовал на язык:

— Чистая, — качнул он головой. — Они далеко?

Я прислушалась, прикинула скорость передвижения.

— Будут здесь секунд через двадцать.

— Держись позади меня, — коротко приказал Тейт.

Мы только успели поменяться местами; свободные заявили даже раньше. Я ощущала их — но не видела, слышала.

И рыжий тоже.

Когда они возникли в проёме туннеля, всё, что мне удалось уловить — местоположение. Купол по-прежнему не цеплял сознания свободных.

От Тейта пахло растерянностью:

"Где?.."

Мысль обожгла, как горсть горячей золы в лицо.

Старший из свободных, мужчина, рванулся к нам, и время точно растянулось.

...девять шагов...

Рыжий их не видит. Но я-то — да... почти.

Я не могу зацепить их, но знание — тоже оружие.

Мне придётся стать глазами?

...шесть шагов...

Шрах, надеюсь, этого хватит.

Связь с Тейтом я установила рывком — по уже налаженным каналам, глубокую, на пределе возможностей, спаивая наши разумы в один.

Пусть он простит меня за это потом.

...три шага...

"Смотри".

Атаковать Тейт не успел — но сумел увернуться от удара.

Веером взметнулась каменная крошка, колючий снег и капельки воды. Я перекатилась в бок, рефлекторно проворачивая фокус, который уже опробовала на мастере Оро-Иче: отойти, запустить в стороны свои копии, прикрыться иллюзией и уповать на удачу.

Рыжий не видел врага, не слышал, не ощущал запаха или тепла тела, но даже примерного указания на место в пространстве ему оказалось довольно. Всё, что я могла — это держать купол и связь, дышать в унисон с ним, думать... и чувствовать, как зарождается — в нём или во мне? — жгучая, болезненно-напряжённая энергия, нарастает взрывообразно и вырывается наружу...

...как взрыв.

Громыкнуло так, что уши заложило. Половина снега превратилась в воду, грязную, горячую. Я вскрикнула, выдавая себя — и тут же

атаковала женщина-маг, быстро и жёстко, прямо голыми руками. Увернуться не получалось; где её реакция и где моя!

Но можно ведь защититься.

Сейчас у меня не две руки... а четыре?

Тейт ударил из слепой зоны, когда женщина была уже в полушаге. Меня снова окатило чем-то горячим, но уже не водой. Я — он, мы? — откатилась, ощущая вновь зарождение той самой опасной энергии глубоко внутри. Те, двое, которые враги, были ещё живы. Мужчина — опасен, а женщина обречена, потому что теперь она пахла резко и сильно, а значит до неё стало легко дотянуться.

Энергия вырвалась; взрыв расплескал озеро, иней сошёл со стенок, и они стали красно-чёрными.

Тейт сделал выпад. Женщина-свободная увернулась, зажимая пробитую грудь — и налетела спиной на лезвие, очень тонкое и острое. Такое, какое Тейт пожелал, чтобы я сделала. Оно застряло в позвоночнике, но ещё одного удара хватило, чтобы стало противником меньше.

Снег у меня под коленями хлюпал — тёплый, склизкий.

От мужчины-свободного дохнуло страхом. Это была крошечная зацепка, но её хватило. Купол уплотнился вокруг него, повинувшись не моему желанию; Тейт рванулся к слишком, слишком медлительному противнику, сбитому с толку воспоминаниями о чужой боли и унижении. Попытался ударить в голову — и промахнулся; мужчина отскочил и рванулся ко мне, чтобы добить и получить шанс.

Не успел.

Он напоролся на прозрачный тонкий турник на уровне коленей, распавшийся почти сразу, рухнул, тут же вскочил, но было уже поздно. Тейт учёл ошибку и сделал поправку на рост.

Шея влажно хрястнула; по сырому снегу покати́лась голова и остановилась только у моих коленей.

Стало очень тихо.

Мы с Тейтом замерли друг напротив друга. Сердца колотились в унисон — запредельно быстро для меня, медленно для него. Между нами пульсировало что-то... что-то...

Я испугалась и разорвала связь.

Во рту было кисло и солоно.

— Мы их убили, — прошептала я. На душе скреблись шрахи.

— Убили, — покорно согласился Тейт.

Лицо у него стало наполовину алым. Он набрал горсть влажного, но всё ещё чистого снега, и принялся яростно оттираться — щёки, лоб, даже волосы. Я тряхнула головой, с трудом встала и на одних рефлексах поплелась к озерцу, уже почти успокоившемуся.

Оно было... такое свежее.

По тёмной поверхности всё ещё расходились слабые волны, но отражение оказалось удивительно чётким.

— Красное, — пробормотала я, прикасаясь к щеке. Пальцы липли. — Всё такое красное, Тейт.

— Выберемся — искупаемся, — откликнулся он тихо. — Ты как?

— Живая.

Почему-то мой ответ показался нам обоим жутко смешным. Я хохотала, как сумасшедшая, свернувшись в клубок, вжавшись лицом в повлажневшую, заляпанную кровью ткань. Белые одежды, которые одолжила мне Лиора, стали красными, как драгоценные костюмы, в которые норовил облачить меня мастер, рыжий... да все вокруг, с самого начала. Точно знали, что дело кончится этим.

Если ты слишком слабая, чтобы избежать боя, но достаточно сильная, чтобы не умереть, то твой единственный цвет — красный.

Интересно, Тейт поэтому носит такие шарфы?..

— Чтобы не забывать, — сказал он, отводя взгляд. То ли уловил вопрос через купол, то ли догадался — поди пойми. — Помнить вообще полезно.

Я наскоро поплескала себе в лицо водой, кое-как отёрла руки — и подползла к нему. Рыжий обнял меня и позволил уткнуться ему в плечо. Двигаться не хотелось. Даже когда в туннеле послышались лёгкие шаги, и в проёме появился Лао, я с трудом заставила себя голову повернуть.

— Вижу, вы тут справились, — певуче произнёс он и ободряюще улыбнулся. Итасэ был у него на руках, без сознания, кое-как укутанный в чужое трико, но определённо живой и здоровый. — Трудно пришлось?

— Полегче, чем тебе, — хмыкнул Тейт и вдруг насторожился: — Слушай, а почему так тихо?

Лао запрокинул голову, вглядываясь в голубое небо; солнечные лучи полосами ложились на лицо, точно подсвечивая его изнутри.

— Конечно, я могу ошибаться, — легкомысленно произнёс он. —
Но, думаю, это потому, что Ригуми Шаа закончил. Мы победили.

"Мы победили".

Я выдохнула и улыбнулась Тейту в плечо.

Звучит не так уж плохо.

Глава 22. По касательной

*Совокупность идеальных представлений о маге и ученике;
совершенно невыносим на расстоянии ближе пятнадцати шагов.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Если входили в пещеры мы скрытно, как диверсанты, то выбирались с какой-то ошеломляющей наглостью — неторопливо и шумно, ровно тем же путём, что и пришли.

Самое удивительное, что единственный маг-свободный, который попался на пути, в бой вступать не стал и ретировался прямо в стену.

Я с трудом передвигала ноги, и рыжий буквально тащил меня на себе. Он болтал без умолку и время от времени сносил углы, когда ударом кулака, когда пинком. Лао отставал на несколько шагов — то ли прикрывал от вероятных врагов, то ли развлекался, разглядывая нас. И — сначала показалось даже, что это обман слуха — тихонько мурлыкал под нос песенку о сияющих сокровищах на дне чёрного-чёрного океана.

А вскоре я поймала себя на том, что подпеваю.

Маразм и локальный конец света какой-то...

Но чувство эйфории схлынуло, как только мы вышли в долину. Не знаю, что произошло, но там не осталось камня на камне в самом что ни есть прямом смысле. Относительно ровная прежде "чаша" напоминала теперь заброшенную стройку. Прямо в центре вырос целый лес ноздреватых игл-шпилей высотой в пятидесятиэтажный небоскрёб. Дальний склон приобрёл пологий наклон и покрылся пыльно-зелёной травой, густой настолько, что издали даже похожей на мох. Чуть левее в скалах появились огромные тоннели, в каждом из которых без труда пролетел бы пассажирский лайнер, а прямо у нас под ногами раскинулось льдисто-голубое озеро, на дне которого скользили подозрительные гибкие тени, судя по повадкам — хищные. Мне это казалось даже красивым, пока на глаза не попало тело молодой женщины, плавно покачивающееся на слабых волнах.

Оно тоже было ноздреватым, точно изгрызенным.

Я сглотнула и уткнулась Тейту в плечо.

— Никогда не привыкну...

— И не надо, — произнёс он так же тихо. — К смерти может привыкнуть только мёртвый.

К пейзажам, наверное, лучше не присматриваться. Надеюсь, что из наших никто не пострадал.

Однако долго волноваться не пришлось. Ригуми обнаружился почти сразу — на каменном "грибе" напротив скальной террасы, на которой собралась целая толпа, человек двадцать, все ярко одетые, но на удивление тихие. Около мастера тоже стояли люди, кажется, трое, и ещё кто-то лежал.

Гм... А мы точно победили?

— Интересно, что они делают, — произнесла я вслух растерянно, щурясь против солнца. — Больше похоже на перемирие, чем... — и я осеклась.

Попробовать раскинуть купол? Нет, опасно, и так нагрузки слишком большие.

Если поближе подберусь — ещё можно подумать.

— Разговаривают, — безмятежно ответил Лао откуда-то из-за плеча. — Никому и никогда не нужны войны на уничтожение. Однако враги способны услышать друг друга лишь тогда, когда им в равной мере угрожают потери... те, с которыми не смириться. И все разговоры заканчиваются, когда один способен раздавить другого и уйти невредимым. Улыбнись, Трикси, — сказал он вдруг легко и певуче. — Мы пришли за Итасэ — и вернули его. Какой ещё победы ты хочешь?

— Подумаю об этом, когда мы выберемся отсюда, — слабо улыбнулась я, и Лао музыкально рассмеялся:

— Мудрое решение.

А потом наше копошение на скале наконец-то привлекло внимание мастера. Он вдруг обернулся всем телом, неловко, как подросток, и от каменного гриба вытянулся бледно-розовый мерцающий мост. Переливы цвета завораживали; я, кажется, ненадолго выпала из реальности, пока рыжий не прошипел мне на ухо: "Трикси, шевелись!".

Чем ближе мы подходили, тем яснее становилось, что лёгким испугом команда номер два не отделалась. Рядом с мастером стояли Айка и Маронг — справа и слева, на равном расстоянии, точно стража, напряжённые и готовые в любую секунду атаковать. Точнее, драться до

последней капли крови собиралась только девчонка. А Маронг... С ним было сложнее; на поверхности сознания промелькнуло сложное намерение — защитить и обмануть одновременно.

Лао глубоко вдохнул, глядя на эту троицу, и глаза у него широко распахнулись:

"Кровь, алая кровь".

От напевных, ласкающих ментальный слух мыслей меня пробрало ознобом; а на рукаве у Ригуми Шаа действительно темнело какое-то пятно, совсем свежее.

На полшага впереди остальных, на фоне дрожащего марева Диккери приплясывала на месте и говорила эмоционально; к сожалению, издали не получалось разобрать ни слова. Лиора неподвижно лежала на каменной поверхности, окружённая бледно-лиловым куполом, а Кагечи Ро, усевшись между ней и остальными, чудил с какими-то ёмкостями. В тот момент он удивительно напоминал злого колдуна из сказки — такой же мрачный, сосредоточенный, загадочный и творящий какую-то непостижимую ерунду. Фиолетовые манипуляторы колыхались над его плечами, как зачарованные змеи, иногда касаясь спины Ригуми Шаа.

— А это что за фаркан? — пробормотал Тейт, сощурившись; я перевела взгляд на скалу — и споткнулась на ровном месте.

Между Диккери и свободными находился ещё один человек.

Точнее сказать, один человек и добрый десяток химер — неподвижных, полупрозрачных, окраской похожих на Шекки в состоянии полумаскировки. Издали их действительно можно было принять за жаркое марево или игру света и тени.

У меня промелькнула дикая мысль: "Неужели это и есть Пайн?"

Купол я развернула прежде, чем вспомнила о переутомлении и чудной перспективе перегореть к шраму.

— ...предлагаю обменять спорный материал к всеобщему удовольствию.

Среди свободных был телепат, слегка искажающий фон. Агрессивное воздействие или глубокое прослушивание я бы уже не потянула, но вот считывать поверхностные мысли по-прежнему могла... Уже неплохо, здорово облегчает понимание. Диккери как раз умолкла, и слово взял маг, который считал себя лидером. Несколько его приятелей могли бы возразить, но сейчас они помалкивали, потому

что привлекать и так слишком пристальное внимание Ригуми Шаа не хотел никто.

— А ты уверен, что у вас есть нечто, способное возбудить моё любопытство? — вкрадчиво поинтересовался мастер.

Его собеседник ментально дёрнулся, но на физическом плане лицо сумел сохранить.

— У нас было одно интересное приобретение.

Я не видела лица Ригуми Шаа, но легко могла представить, как он растягивает в улыбке чёрные губы, обнажая ряд безупречно ровных зубов.

— Уже нет.

В этот самый момент мы с Тейтом вслед за Лао взобрались на каменный гриб, и воздух вокруг затрещал. Я с запозданием догадалась, что свободные не замечали нас вовсе не потому, что страшно увлеклись переговорами — наверняка мастер держал маскировку. А теперь она исчезла, и мы оказались перед чужими магами как на ладони...

Все четверо, включая Итасэ.

Самозваного лидера свободных перекосило; я искренне пожалела, что в Лагоне пока не додумались до фотоаппаратов или чего-то подобного.

— Ты что-то говорил о спорном материале? — дружелюбно поинтересовался Ригуми Шаа, сцепив руки на груди.

Ну да, мастер не будет мастером, если вежливо не попинает побеждённых.

— Решать вопрос силой не выгодно никому из нас, — послышался из задних рядов голос совсем молодой женщины с короткими золотисто-рыжими волосами. Она поймала мой взгляд и вежливо склонила голову к плечу, улыбаясь. В тот же момент к моему сознанию мягко прикоснулись, точно пёрышком скользнули или сыграли одну нежную долгую ноту на флейте.

Я невольно улыбнулась в ответ, возвращая ментальную волну тепла и симпатии.

Телепат. Кто-нибудь мне объяснит, почему именно телепаты в любой компании — самые вменяемые?

— Не я первым прибегнул к силе, — прохладно ответил Ригуми Шаа.

Лидер не выдержал и обернулся, пронзая рыжую девушку взглядом. Она дёрнула плечом и отступила ещё на шаг дальше, словно умывая руки. Молчание затянулось; пользуясь случаем, я рассматривала группу свободных. Судя по мысленному фону, двадцатка человек на скале были отнюдь не последними бойцами во всех смыслах. Во-первых, когда мы начали шуметь, примерно две трети отступили и затаились, выжидая. Во-вторых, хотя оба настоящих лидера так и не показали во время сражения, некоторые из присутствующих ненамного им уступали — по крайней мере, они сами так считали. И потому хоть драки и не желали, но и не боялись. Злость, опасения, сосредоточенность и готовность атаковать, лёгкое чувство неловкости — эмоции не слишком различались.

На общем фоне выделялась только одна женщина, невидимая отсюда, зажатая между двумя здоровяками в пурпурных костюмах. И именно к ней были обращены разумы Диккери и того незнакомца, окружённого химерами.

От неё веяло паникой и тяжёлой, кислой виной.

— Уходите, — негромко произнёс вдруг незнакомец, взглянув на Ригуми Шаа. — И заберите Диккери. Здесь я разберусь.

Дикарская принцесса рванулась вперёд так резко, что сорвалась бы с края, если бы не Маронг, который своевременно ухватил её за воротник.

— Нет! — горячо выдохнула она. — Я с тобой!

— Ты не понимаешь, что это вообще всё случилось из-за меня? — взрыкнул незнакомец. — Они пришли за мной!

— Только попробуй остаться без меня! — Диккери забила в охапку у Маронга, и тот поморщился. — Глаза выкушу!

— Строптивная дура!

Примерно с полминуты Ригуми Шаа снисходительно терпел страстную сцену, а затем шевельнул пальцами, и с неба посыпались лепестки инлао, источая сладкий дурман. Диккери с незнакомцем по-прежнему ругались, но теперь уже беззвучно.

— Предоставим объясняться детям, или же проявим благоразумие? — поинтересовался мастер в пространство.

Синие лепестки продолжали лететь; правда, свободных они не достигали. Лидер кривился от аромата, явно чувствовал себя не в своей тарелке, но по-прежнему тянул время...

Стоп. Что-то в этом есть.

Я тронула за плечо рыжего, передавая ему образ. Он глубоко вдохнул сладковатый воздух, зажмурился на секунду — и, в свою очередь, посмотрел на Лао.

Тот молча указал взглядом на скалу, нависающую над нами.

Тейта пробрало дрожью. Мне это очень, очень не понравилось. А если аккуратно расширить купол...

— Не надо, — почти беззвучно попросил рыжий, стискивая моё запястье. — Не смотри.

Что-то в его голосе было такое... Я вдруг ощутила призрачную пульсацию в основании шеи и в ямке под большим пальцем — и осознала.

Аринга.

Она здесь.

— Вы давно поняли? — шепнула я, чувствуя, как накатывает паника. Несмотря на выигранный бой и на то, что все мы стали сильнее — несмотря даже на присутствие мастера Ригуми.

Синие лепестки мельтешили даже под сомкнутыми веками.

— Давно. Прости, — выдохнул Лао, и его светлое спокойствие померкло. Он снова подумал о крови — о пятне на рукаве мастера. — Не хотелось тебя пугать.

— А я — только что, — мрачно хмыкнул рыжий.

Наши переглядывания и перешёптывания не остались незамеченными. Лидер свободных несколько воспрянул духом:

— Оставьте тогда спорный материал и уходите. Они всё равно никогда не принадлежали Лагону. И, как уже сказала Амара, никому из нас не выгодно...

— Она не вмешается. — Ригуми заговорил тихо, но свободный сразу умолк. — Та, на кого ты рассчитываешь. Она не вступает в безнадежные сражения — и достаточно хорошо знает меня.

Разум лидера будто бы почернел — и стал очень холодным. Но спокойствием и рассудительностью там и не пахло, как будто замёрзла сама способность к логическому мышлению и расчётам, и осталось только леденящее желание причинить боль.

Я нервно сглотнула.

В похожем состоянии была кузина Лоран, когда разбила нос своему парню. Не то чтобы совсем без причины...

— О, да, достаточно хорошо. Вообще-то именно она подговорила Юмиру забрать твоё создание. Ту куколку, — показал он на Итасэ. — Которую ты слепил вместо сына. Или вместо твоей дев...

"Юмира — Шестой", — успела сообразить я, а потом осознала вдруг, что не чувствую ни рук, ни ног.

И не вижу.

И не слышу.

Мир исчез; осталась только жуткая белая пустота, где нечем было дышать.

Рядом со мной выгнулся в судороге Тейт, и его разум тоже охватила паника. Наверное, именно это и напугало меня больше всего. А потом ужас потёк со всех сторон, как кипятки, который наливают в слишком узкий стакан. Лишь Лао оставался почти безмятежным — озеро, огромная неподвижная масса ледяной воды с легчайшей рябью на поверхности. И именно он прошептал кому-то:

"Проснись, сокровище моё".

У меня за плечом нечто открыло глаза, пронзая взглядом белую пустоту. И в ней — очень медленно и слабо — начал отпечатываться реальный мир. Сизым туманом, тенью, намёком на движение.

— Хорошо держись, Трикси-кан, — шепнул Итасэ Ран — и проскользнул мимо, отдавая меня и Тейта шлейфом из чёрной дымки.

Он сделал четыре шага, а на пятом обхватил со спины мастера Ригуми и произнёс отчётливо:

— Успокойся, Шаа-кан. Я бы понял, если бы так отчаянно за женщиной тянулся Тейт, но ты?

Интонации у Итасэ били рекорды по саркастичности. Наверное, на месте мастера я бы не выдержала и в челюсть ему двинула, но Ригуми ограничился резким выдохом через нос — и изящно сложил белый ужас вокруг в тонкую полосу, как веер, а затем убрал его в рукав.

Тот самый, запятнанный.

— Ты забываешься, Ран-кан, — скучным голосом произнёс мастер.

Итасэ посмотрел на него, сощурившись, без капли раскаяния:

— Не я, — а затем повернул голову и в упор уставился на так называемого лидера свободных, сейчас распластанного по скале,

тяжело дышащего. Выдержал секунд десять, после небрежно отвернулся и поправил чужое трико, обёрнутое вокруг бёдер.

Всё это — с достоинством императора вселенной.

Им с Лиорой самомнение, что ли, из одного источника отсыпали?
...ох, Лиора!

Я вывернулась из объятий Тейта и, заплетаясь, подбежала к фиолетовому куполу, под которым лежала девушка. Белее простыни — про неё, определённо... Сознание было точно заключено в кокон. Со стороны могло показаться, что она в глубоком обмороке, но в ментальном плане звучала песня — едва слышная, дисгармоничная.

Мне в голову закралась дикая мысль: а что, если телепатический фон искажает не та, рыжая, а Лиора? Но зачем тогда купол? И почему Кагечи Ро так встревожен?

Я снова пригляделась к блондинке. Внешних повреждений вроде бы нет, кроме разорванной штанины. Моё трико, залитое кровью от горла до штанин, и то выглядит страшнее.

— Что с ней? — тихо спросила я Кагечи Ро.

Он был целиком сосредоточен на своих горшочках и прозрачных кубиках с густой сероватой массой — собирал и расставлял, помогая себе щупальцами, да ещё и костерил негромко каких-то сильномогучих шленделей, мозги у которых выжрали риизы. Однако и для меня пару ласковых нашёл:

— Свали отсюда, я занят. Тут кое у кого половины лёгкого нет и дыра под рёбрами размером в детскую голову, и с этим надо что-то делать, а я даже не подмастерье. Мне нужно хотя бы двадцать катов без лишних помех, а этот подопытный материал идиота снова... — Кагечи Ро прикусил язык, стрельнул взглядом в сторону Ригуми и, выпустив ещё пару щупалец, принялся за работу вдвое усерднее. Часть из них склонилась к Лиоре, а другие, почти прозрачные — к мастеру, но, не дотянувшись до него, словно в тумане растворились.

Рыжий обвёл взглядом всех троих, молча помог мне подняться и заставил отойти в сторону.

— Какого шраха здесь вообще произошло? — прошипела я.

Прекрасно понимаю, что Тейт ни при чём, но... У меня самой под рёбрами саднит, стоит только подумать о Лиоре.

— Она пострадала из-за меня, — ответил вместо него Маронг. Свой пост рядом с мастером он покинул; его место занял Итасэ. —

Сейчас сказать не могу... Чуть позже.

И снова — подозрительный взгляд в сторону Ригуми Шаа. Сначала Кагечи Ро, теперь вот эта обычно покорная овечка.

— Хоть какие-то хорошие новости есть? — со вздохом сдалась я, утыкаясь виском рыжему в плечо.

— Есть, — неожиданно улыбнулся Маронг и, отбрасывая повлажневшую прядь волос с лица, кивнул в сторону огромных сквозных туннелей в горном склоне: — Как ты думаешь, кто это сделал?

Я только неопределённо качнула головой.

— Лиора, — проникновенно ответил он. — Вот той штукой, — и указал на что-то, зажатое у неё в руке.

Мы с Тейтом одновременно повернулись, всматриваясь...

Там был шар — переплетение тоненьких то ли косточек, то ли палочек, ажурное и хрупкое на вид. Как этим можно пробурить скалу насквозь — загадка из загадок.

Между тем, пока мы бродили вокруг Лиоры, переговоры благополучно завершились. Не знаю, что произвело на свободных более сильное впечатление — маленький срыв Ригуми Шаа или триумфальное пробуждение Итасэ, но дело решилось миром. Мастеру без споров передали "старуху" — женщину по имени Аламат, лет тридцати на вид. Диккери тут же бросилась ей на шею, рыдая с подвываниями. Похищенных подростков нам вернули уже не столь охотно; троих не досчитались, и рыжеволосая девушка-телепат, Амара, несколько смущённо пояснила, что их, вероятно, "забрали старшие", которые ушли первыми.

Ригуми Шаа стиснул зубы. Я чувствовала кожей, как он желал броситься в погоню и уже даже почти отдал приказ, но Лао вдруг взял его за рукав и обвёл пальцем по контуру тёмное пятно.

— Благоразумие — это добродетель, — пропел он и отступил.

— Я понимаю.

Таким голосом хорошо фрукты для десерта замораживать, о да.

Заботу о перемещении полусотни испуганных подростков из гор к морю взял на себя Итасэ, несмотря тошнотворную слабость. Свежесотворённое мешковатое трико сидело на нём кривовато, словно было не по размеру, но его это нисколько не смущало. И, что было ещё удивительнее, он подозвал меня и попросил о помощи.

— Детей нужно успокоить, — пояснил Итасэ, и уголок губ у него дёрнулся. — Я прекрасно понимаю, что они чувствуют. Но всем нам станет гораздо легче, если они перестанут визжать, как риизы, и начнут слушаться меня. И думаю, что ты будешь более убедительна, чем я, Трикси-кан.

Я захлопала ресницами в стиле дорогой кузины Лоран и смогла выдавить из себя только:

— Постараюсь... — и добавила осторожно: — Ты немного изменился, Ран-кан.

Итасэ улыбнулся — саркастически, но всё-таки улыбнулся. Аж мурашки по спине пробежали. Он что, пытается быть дружелюбным?

— Думаю, я понял кое-что.

— Да?

— Двое сильнее, чем один, — туманно ответил он и свернул в туннель к пещере, где свободные держали подростков.

Вспоминая школьные автобусные экскурсии, я боялась, что придётся полдня грохнуть на то, чтобы вернуть всех похищенных обратно в деревню. Но немного эмпатии, с десятков средней злобности взглядов, несколько успокаивающих улыбок — и совместными усилиями мы с Итасэ и Лао сумели заключить подростков в летающие пузыри. Ригуми Шаа с Лиорой и с Кагечи Ро отправились отдельно, чуть позже, но прибыли на место даже раньше.

Жители к тому времени в дома не вернулись. Они прятались неподалёку, в пещерах, и, если б не "старуха" Амати, то вряд ли вышли бы сразу. Однако эта женщина, похоже, имела непререкаемый авторитет в деревне. Понадобилось всего несколько минут, чтобы убедить перепуганных людей покинуть убежище.

А затем они увидели возвращённых подростков.

Атмосфера переменилась так резко, что у меня даже закружилась голова. Я смотрела на Ригуми Шаа глазами жителей — матерей и отцов, которые уже отчаялись увидеть своих детей; молодых людей, которые мысленно похоронили младших братьев и сестёр; стариков, смирившихся было с тем, что линия их крови прервана...

...и внезапно обретающих потерянное.

Ригуми Шаа утратил смертную природу; в чужих глазах он стал светом милосердным, сияющей надеждой. К нему тянули руки, стремясь прикоснуться, заполучить частичку этого света и сохранить в

памяти, как святыню. А он стоял и терпел, когда его трогали — плечи, грудь, лицо — и старался дышать ровно, улыбаясь.

Ему было жутко.

— Ступайте к своим семьям, — произнёс он наконец. — Мы остановимся на пляже, к востоку от деревни. Говорить будем завтра, а сегодня возвращайтесь и не бойтесь ничего.

Никто сперва не услышал. Но затем в ментальном фоне прокатилась почти беззвучная волна-песня, и жители начали отступать. А мы всё той же маленькой процессией, но уже без Диккери и Пайна, выступили к пляжу. На месте Итасэ возвёл несколько шатров, а вокруг них купол, и произнёс:

— Теперь можно. — Голос звучал хриловато. — Никто не видит и не слышит. Четыре сета у нас есть.

Стоило ему договорить, как одновременно произошло сразу несколько событий.

Во-первых, Маронг покачнулся, и колени у него подогнулись от выматывающей, тошнотворной усталости.

Во-вторых, Лиора резко подскочила, живее всех живых — и ринулась к нему; раздражающее телепатическое искажение исчезло.

В-третьих, на боку у Ригуми Шаа проступило тёмно-красное пятно, и запахло кровью. Меня по касательной задело чужой болью, ошеломляюще острой. Чёрная краска сходила с губ, оставляя их почти бесцветными и сухими.

И я поняла всё — с огромным опозданием.

— Это был блеф, — сорвалось с языка.

— Это был полный фаркан, — с неожиданной серьёзностью ответила Айка и плюхнулась на песок, подворачивая ноги под себя. — Чуть не слуксились. Жрать хочу страшно, Тейт, принеси, а?

— Сейчас. — Взгляд у рыжего стал сосредоточенным. — Трикси, не отходи далеко!

Он махнул рукой и, пробежав по пляжу, нырнул в воду. Мастер, очевидно, был уже не в состоянии стоять, и потому обвис на Итасэ; Кагечи Ро увёл в шатёр их обоих, не прекращая ругаться под нос.

— Всё-таки выбрались, — прошептала Лиора, помогая Маронгу улечься; под голову ему она подложила свёрнутый шарф. — Трикси, нужно обустроить лагерь. Ты не ранена?

— Нет, — выдохнула я, машинально касаясь висков. Голова раскалывалась, конечно, но вот чья это боль?

— Тогда делай, что я говорю. И, кстати... — Блондинка смерила меня задумчивым взглядом. — Костюм можешь оставить себе.

Я согнула руку; подсохшая ткань похрустывала и царапала кожу. Сменная одежда осталась в старом лагере, как и припасы, так что приходилось пока терпеть.

— Даже ни о чём не спросишь?

Лиора опустила взгляд и немного помедлила с ответом.

— Видишь ли, я тоже предпочитаю белое.

Пока мы разговаривали, Лао исчез — то ли патрулировать отправился, то ли рыжему помогать с припасами. А я наконец узнала из первых уст, что произошло со второй командой.

Пусть Ригуми Шаа и не был хорошим бойцом, однако его подавляющее превосходство в силе какое-то время искупало это. Пока Лиора с Маронгом "шумели" на своей стороне долины, имитируя жутко неумелое скрытное проникновение, а мы вытаскивали Итасэ, мастер играючи отражал чужие атаки. Он подчинил агрессивных химер и выпустил их против создателя, а затем успокоил; вывернул наизнанку огненные провалы в земле, обращая их в каменные шпильки; ядовитую нассову траву приручил и заставил расцвести...

Не агрессия, но высокое искусство обращения смертоносного в живое, гармоничное и прекрасное.

Заминка произошла, когда на поле боя появилось новое действующее лицо — тот самый Пайн, который почувствовал, что с экспериментальными айрами, вживлёнными в Мику, происходит что-то странное. Коротко допросив девушку, он бросился на выручку своей ненаглядной дикарской принцессе — и заодно помог Ригуми Шаа разделаться с очередным противником. Преимущество совершенно очевидно было на нашей стороне, но случилось кое-что непредвиденное.

— Видишь ли, Трикси, — глухо произнесла Лиора, помешивая закипающую шергу. — Эта стерва, оказывается, умеет учиться. Она использовала то, что едва не убило её, против мастера. Помнишь, как мы с ней справились? Так вот, она раздобыла такое же оружие.

Что за "стерва", уточнять не пришлось.

В тот короткий промежуток между атаками, пока Ригуми объяснялся с Пайном, буквально из-под земли выскочила молодая женщина и понеслась к мастеру. Он не стал причинять ей вреда и попытался смести в сторону воздушным потоком...

И не смог.

— А у Игамины стало такое страшное лицо... — Лиора уже почти шептала. — Никогда не видела его таким. Сразу вспомнила, что он тоже из свободных, причём из семьи, которая не отличается милосердием. Он перекинул меня через плечо и рванул к мастеру. Только вот немного не успел.

Незнакомка разорвала защиту Ригуми, как бумажную ширму... и ударила. Его спасла Айка: она сумела немного отклонить удар, а затем отбросила женщину в сторону. Чуть правее и выше — и рана стала бы смертельной.

Всё-таки Аринга не зря славилась как одна из сильнейших мастеров. Побороть болевой шок, заместить часть своего тела воплощённым ничто и снова встать в строй — на это не каждый способен. Ригуми сумел только остановить распространение яда и частично — кровотечение, но поддержание иллюзии оттянуло на себя большую часть сил.

— В запасе было несколько секунд. Если бы свободные поняли, что он серьёзно ранен, то растоптали бы нас. Игамина придумал план, я пропела его для остальных, мастер согласился, — слабо улыбнулась Лиора. — Как видишь, свободных удалось обмануть. Я затуманила пространство вокруг и заставила их поверить, что удар пришёлся на меня. Это оправдало запах крови. Игамина помогал мастеру с иллюзиями — прикрывал Кагечи Ро, меня. Вырастил ту каменную штуку, где мы стояли, — нервно усмехнулась она и снова уткнулась взглядом в землю. — А ещё показал себя той женщине, которая едва нас не погубила. Она сразу сбежала. Похоже... похоже, это была его сестра. Он ничего не сказал, конечно, но полностью мысли спрятать не сумел.

— И никто не догадался? Не насчёт Маронга, а насчёт мастера, — уточнила я, потому что лицо у Лиоры тут же стало встревоженным.

Ну да, конечно. Если в Лагоне станет известно, откуда пришёл Маронг, то ему не поздоровится.

— У свободных не было времени, чтобы задуматься, — царственно ответила блондинка. Надо же, быстро справилась с замешательством. — Я использовала это, — и она вытащила из поясной сумки тот самый ажурный шар из косточек. — Его невозможно остановить и очень сложно разрушить. Есть, правда, один маленький недостаток.

Перед ментальным взором у меня развернулся образ: хрупкие, тонкие "косточки" раздаются в стороны, сфера увеличивается и становится более воздушной, а в промежутках между "рёбрами" трещат синеватые молнии; движение руки — и сфера взмывает в воздух, а затем начинает метаться из стороны в сторону, прошивая скалу, как пуля — масло. Свободные разбегаются в стороны, кто-то пытается остановить эту смертоносную красоту, но тщетно...

Я кашлянула, выплывая из омута чужих воспоминаний.

— И какой же?

— Пока я не придумала, как его контролировать, — негромко призналась Лиора. — Кстати, Аринга показалась именно тогда. Она попыталась сделать воздух стеклянным, как в прошлый раз, но с этой игрушкой такая небрежная работа не проходит. Жаль, что шар упал немного в стороне, — добавила она кровожадно. — Стало бы одной проблемой меньше... А потом он покатился на нас, и пришлось его свернуть. Свободные решили, что это сделал мастер, и когда он предложил поговорить, то некоторые согласились. А другие предпочли промолчать или сбежать... И вот мы здесь.

— И вот мы здесь, — эхом откликнулась я.

Солнце зависло над самым горизонтом, в той точке, где океан соединялся со скальным мысом — точно огонёк на длинной-длинной ложке.

Невозможно долгий день подходил к концу.

Вскоре вернулся Тейт со связкой водорослей и жутковатой бугристой рыбиной почти с человека величиной. Я вызвалась было её почистить, но быстро поняла, что с моими навыками провожусь до следующего утра. Скорее, себе палец оттяпаю, чем оторву хоть одну чёрную пластинку. Рыжий быстро понял это и забрал у меня нож:

— Иди, промой водоросли лучше. Источник под деревьями. Только за купол не выходи, — улыбнулся он.

За этим занятием меня и застал Лао.

— У тебя сейчас половина уплывёт, — рассмеялся он, подцепляя размочаленную сизо-коричневую плетть. — Давай, лучше я. А ты пока умойся и переоденься.

— Так ведь не во что, — вздохнула я, вылезая из воды. Руки онемели от холода.

— Уже есть. Мне показалось, что нам всем пригодятся вещи из старого лагеря, — шепнул он мне, склонившись к уху.

— Я тебя люблю, — честно призналась я.

— Тейту не говори, — весело попросил Лао и склонился над источником, вылавливая водоросли.

Меня ещё хватило на то, чтобы дождаться, пока рыба допечётся, и проглотить свою порцию, почти не чувствуя вкуса. Но потом сон одержал верх, и даже беспокойство за мастера Ригуми как-то поугасло. Я отставила пиалу с шергой и привалилась боком к рыжему, отключаясь.

Когда сознание снова вернулось, была уже глубокая ночь. Вокруг плескалась чернильно-чёрная темнота; издали доносился шелест волн. Немного хотелось пить — пожалуй, именно это лучше всего говорило о том, сколько времени прошло. Я не чувствовала себя ни усталой, ни больной, а воспоминания о сумасшедшем дне словно оказались за прозрачной стеной. Правую руку придавливала тёплая тяжесть... впрочем, и дураку ясно, кто там устроился.

— Ты не спишь?

Ну да, стоило пошевелиться, и подозрения подтвердились.

Ёжась и придерживая сползающее с груди покрывало, я села и зажгла огоньки над головой. Они разогнали тьму и взмыли под купол шатра. Мы с Тейтом были наедине; моя одежда, аккуратно сложенная — судя по ощущениям, вся — лежала в изножье постели, и рядом — его. Он перекатился на спину, щурясь от света, и замер, заложив руки за голову.

— Нет, — ответила я, чувствуя, что краснею ни с того ни с сего. Губы у Тейта влажно поблёскивали, точно он только что облизнулся. — Слушай, а воды нет? Пить хочется, — добавила я просто чтобы не молчать.

Он посмотрел на меня так, словно ждал совершенно другого вопроса. Но потом улыбнулся вдруг, разряжая напряжение, и выбрался

из-под покрывала.

— Есть. Подожди, я сейчас.

...разумеется, на нём ни нитки не было.

В горле у меня пересохло. И воду из пиалы я глотала уже взахлёб. А рыжий, как нарочно, сидел напротив, подогнув ноги, и смотрел в упор.

— Как там Ригуми? — Я неловко отставила пиалу.

— Отдыхает.

А... понятно.

И снова — странный долгий взгляд.

Да что же это такое!

Ощущая, что лицо у меня уже горит, я попыталась лечь и накрыться, но не тут-то было. Тейт перехватил меня за руку и развернул к себе. И попросил тихо:

— Не убегай, ладно?

Наверное, стоило обратить всё в шутку, как обычно, однако я не смогла. И вместо этого притянула его к себе, обнимая. В точности как в первый день в Лагоне, тогда, в купальне, только роли поменялись. Сердце у Тейта колотилось слишком громко, и он был напряжён до предела.

— Что случилось?

— Ничего. — Он поёрзал. — Но сегодня я испугался. А не боялся я очень давно. И в то же время — я никогда не был так уверен в своих силах, как сегодня. А что чувствовала ты?

В таких ситуациях можно отвечать только честно, даже если это звучит ужасно глупо.

— Тебя.

У него была тёплая кожа, слегка влажная и пахнувшая морем, точно он долго-долго плавал перед тем как лечь спать. Волосы на затылке топорщились — мягкие, но страшно непослушные. Я не хотела отпускать Тейта, и когда он слегка отстранился, то ощутила смутное недовольство.

Губы зудели невыносимо.

— Мы станем сильнее вместе, да? — Глаза его, того же цвета, что и мои, блестели в темноте.

— Да.

— И ты всегда будешь со мной.

Он не спрашивал, а утверждал.

Ответа не требовалось, и потому я подалась вперёд и поцеловала Тейта — прекрасно осознавая, что за этим последует.

И к шраму логическое и рациональное.

...казалось, что из нас двоих телепат — это он. Тейт угадывал желания до того, как я успевала их осознать. Выцеловывал шею по линии волос, гладил выгнутую поясницу, переплетал пальцы, вжимался — кожа к коже, сердце к сердцу.

Я слышала своё дыхание, точно со стороны — шумное, сбитое.

Было жарко и очень, очень хорошо.

Покрывало спеленало ноги; светильники раскачивались под куполом шатра и мерцали.

Я узнавала новое. Что у Тейта солоноватые губы и горячий язык; что дрожать могу не только я; что если слегка потянуть за волосы — он прерывисто вздохнёт; что он гибкий, отзывчивый и совершенно бесстыжий...

...впрочем, это мне было известно давно.

Но в какой-то момент всё изменилось.

Откуда-то доносился то ли звон, то ли гул; он постепенно нарастал. Я попыталась свернуть эмпатический купол — и не смогла. Жар сделался невыносимым. Между нами словно раскачивался огромный раскалённый маятник, задевая то Тейта, то меня.

Стало больно.

"Резонанс", — успела подумать я, и это знание эхом отозвалось у рыжего в голове... А потом воображаемый маятник накрыл меня ошеломляющей болью. Тейт успел оттолкнуть меня, разрывая контакт.

Мы раскатились по разным краям постели, тяжело дыша. Кожа всё ещё горела от прикосновений, и хотелось ещё больше, но инстинкт самосохранения заставил меня попятиться, цепляясь за покрывало.

Тейт неразборчиво выругался и впечатал кулак в пол.

— Резонанс.

— Я поняла, — тихо ответила я и сглотнула.

Шрах, ну почему всё так!

А рыжий вдруг откинулся на постель и расхохотался, правда, весёлого в этом было немного.

— Резонанс, — повторил он. — Я думал, что смогу удержать силу, и мы обойдёмся без всяких резонансов. Я хочу тебя, а не силу. — Тейт

закрыв глаза ладонью и медленно выдохнул; он до сих пор был возбуждён и пытался успокоиться во всех смыслах, но получалось плохо. — Зато теперь понятно, почему Оро-Ич смеялся.

— А он смеялся?

Я ощутила настойчивое желание прибить кое-кого синего и чешуйчатого.

— Ну да... — вздохнул Тейт, перекатываясь на бок. Я подползла к нему и вытянулась рядом, в любую секунду ожидая, что невидимый маятник снова начнёт раскачиваться. Безумно хотелось прикоснуться к Тейту хотя бы кончиками пальцев... может, можно? — Ещё в тот, самый первый день. Оро-Ич сказал, что или сегодня, или никогда. Но ты была такая потерянная... А я почти не контролирую свою силу, поэтому знаю, каким станет резонанс.

— Вот таким.

— Ага, — мрачно откликнулся Тейт.

Воцарилось молчание. Светильники кружились под потолком — один за другим, как в вечных салочках, где никто никого никогда не догонит.

Вот шрах.

— И что нам теперь делать?

— Ну... Вариантов не так много. — Тейт незаметно оказался совсем рядом, почти вплотную, но всё же не касаясь меня — точнее, касаясь лишь дыханием. — Позволить кому-то ещё привязать тебя к этому миру. Обратиться к кому-нибудь за помощью и надеяться, что он не станет настаивать на первом варианте. Или ждать, пока всё не утрясётся как-нибудь само.

Да уж, выбор. Кому я доверяю настолько, чтобы допустить в нашу с Тейтом очень личную жизнь? Пожалуй, только Лао... Но если обращусь к нему, то сгорю со стыда.

— А если закончить резонанс, и уже потом...

Я осеклась. По спине пробежала дрожь от одних только воспоминаний.

— Нет, — ответил рыжий спокойно и твёрдо. Интересно, у меня стали такие же тёмные глаза? Ох... — Я ведь уже сказал, Трикси, что хочу не какую-то глупую силу, а тебя. И чтобы тебе было хорошо не когда-то потом, а сейчас и всегда.

Он умолк; дыхание у него опять сбилось, и не только у него. Мы смотрели друг на друга. Чувствительность обострилась настолько, что я, кажется, ощущала, как скользят по коже тени от вращающихся под куполом светильников.

Как во сне, я медленно прикоснулась к его плечу, затем повела ниже, кончиками пальцев пересчитывая рёбра, и ещё ниже...

Тейт хрипло выдохнул — и прикусил губу.

— Трикси, — сказал он едва слышно, и у меня от звука его голоса волной прокатились мурашки. — А можно... одолжить твою руку?

...похоже, я сошла с ума.

И почему от этого так хорошо?

Солнце ещё не поднялось, однако небо посветлело. Океан казался белёсым — и очень спокойным. Вдоль кромки воды, уже за куполом, была широкая полоса тёмного сырого песка. Там сидел человек, которого я менее всего ожидала увидеть.

Лиора.

— Не спится?

— Смотрю, тебе тоже, — усмехнулась она и снова отвернулась к океану. Её светлые волосы топорщились так, словно их нарочно торчком поставили. — Ничего не хочешь сказать?

О, да, хочу. Например, что Тейт невероятный. И что я никогда и ни с кем так не целовалась. И что он...

Так, не думать об этом.

— Мы завтра уйдём в другую бухту, — произнесла внезапно Лиора. — Мастер собирался поговорить с Пайном и пригласить его в Лагон. Похоже, что Пайн и Аламатти обучались у одного мага, который прежде бывал в Лагоне, но затем переметнулся к свободным. А ещё нужно заготовить провизию перед тем, как возвращаться. И как-то выяснить, зачем свободные из разных кланов собрались вместе. И причём там Аринга...

— Тебя правда беспокоит так много вопросов? — перебила я её.

Накатила особенно длинная волна и захлестнула ноги.

Надо же, тепло.

— Нет, — грустно улыбнулась Лиора. — Просто не хочу возвращаться в Лагон. Есть причины.

— Мне не спрашивать?

— Нет, — ответила она резковато и поднялась. — Извини. Я вернусь в лагерь. Ты тоже особенно не засиживайся.

Лиора шла по песку, точно выступая по невидимой линии — след в след, оставляя ровные отпечатки босых ног. С океана дул ветер — солёный, тёплый, и где-то далеко звучала нежная песня сойнаров.

Я закрыла глаза.

Как же всё сложно, страх...

Мне почудилось внезапно, будто я гляжу сквозь огромную толщу воды, но не с поверхности, а точно из глубины. И там, на дне, куда не проникает ни единый луч света, лежит Итасэ, и кожа его сияет, как белый жемчуг, а глаза слепо распахнуты. А над ним выписывает широкую спираль гибкий дракон, хрустальный и зеленоокий, столь огромный, что он мог бы обогнуть все моря — и укусить себя за хвост, замыкаясь в символ бесконечности.

И дракон поёт, оберегая покой своего сокровища.

А моё сокровище, моя проблема несётся вниз с горы, сквозь заросли — и это тоже способ обрести покой. Вчера смерть задела нас по касательной — ну и пусть. Уже не страшно.

...Я буду хранить его, как умею — даже если мир прикажет обратное.

Глава 23. Удар в спину

*Действует чужими руками, неразборчив в средствах,
регулярно ворует чужих учеников. В шраха не верит. А зря.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Мы вернулись в Лагон спустя почти два месяца, аккуратно к лету. Но если на побережье смена сезонов принесла жару днём и регулярные дожди ночью, а значит, постоянную духоту, то в горах всё осталось почти по-прежнему. Немного потеплело, воздух повлажнел, но и только. Люди — и то, кажется, больше изменились. Шарфы на плечах учеников стали тонкими, почти прозрачными. На смену плотным трико, к которым я почти привыкла, пришли несуразные костюмы с куцыми рукавами и штанинами. Единственный, на ком это смотрелось неплохо, был Лао...

И Тейт. Впрочем, сейчас мне казалось, что он даже в лохмотьях неотразим.

— Что, любишь? — оглянулся рыжий, точно почувствовал, что мой взгляд слишком задержался на его голых ногах.

Я поспешно отвела глаза в сторону.

Отсюда, с кромки кольца, опоясывающего внутренние территории, вид открывался сюрреалистический: похожий на лоскутное одеяло пейзаж по одну сторону и одичалая долина по другую. Я не понимала, почему Тейт так хочет показать мне окрестности с этой точки, пока не поднялась сама. Здесь болезненно явной становилась обманчивая природа Лагона, обнажалась фундаментальная истина, на которой он стоял: внутри всегда сокрыто больше, чем видишь снаружи. Если посмотришь направо — увидишь, как постепенно закругляется склон фальшивого холма; повернёшь голову налево — и обнаружишь, что внутренняя его сторона тянется почти до самого горизонта, лишь едва загибаясь.

Одна долина внутри другой, и внутренняя — больше внешней.

Парадокс.

— Да. Видом, — широко повела я рукой, обводя панораму: цветные луга, заросли сизоватой травы, каверны, рощи, хаотические

нагромождения камней и ручьи — яркую крышу Лагона, под которой кипела настоящая жизнь. — Как ты думаешь, мастер Ригуми бы одобрил?

— Нет, ему женщины нравятся, — бесстыже ухмыльнулся Тейт.

— Вообще-то я о пейзаже.

— Вообще-то ты обо мне, — ответил он в тон. И вдруг посерьёзней: — Когда вернёшься в мастерскую? Сегодня пойдёшь?

— Даже не знаю... — я задумалась. — С одной стороны, долгие получились каникулы. С другой — я и в дороге много занималась. Вообще хочу сначала навестить кофейное деревце и посоветоваться с Итасэ, что делать дальше, а уже потом решать. А почему ты спрашиваешь? Что-то запланировал на сегодня?

В мысленном фоне проскользнул размытый тревожный образ; казалось, Тейт сам не может его ухватить.

— Не знаю, — прозвучал ответ наконец. — Тебя Лиора искала, кстати. Хотела перекинуться словечком или что-то типа того.

Это меня удивило. В последний раз мы виделись несколько дней назад, когда только-только вернулись в Лагон... Но именно что виделись, а не разговаривали. И в целом за последние два месяца полноценные беседы можно было пересчитать по пальцам одной руки. Лиора отстранилась; не превратилась снова в снисходительную, надменную блондинку, а словно бы спряталась, как улитка в раковину. И вот ещё что странно. Когда мы делили добытые на берегу припасы, сдавая их в общие кладовые Лагона, она записала свою долю на меня.

— Твоей доли хватит лишь на сто пятьдесят дней, — бросила через плечо Лиора. — А я обеспечена на два года вперёд.

Будь на моём месте другой человек, который обедал бы исключительно в бесплатных столовых для учеников, объяснение прозвучало бы логично. Однако у рыжего были огромные личные подвалы, которые он наполнял самостоятельно, делая вылазки в горы, когда ему заблагорассудится. Так что правильнее было бы переписать долю на Маронга, если уж Лиоре она не нужна.

— Странно, — вздохнула я, подводя итог размышлениям.

— Странно, — согласился Тейт неожиданно серьёзно. — Ты тоже заметила, что она в последнее время какая-то, ну, виноватая?

Вот как. Значит, не одной мне кажется, что с нашей очаровательной блондинкой что-то не так.

— Вроде того. Попробую выяснить, что именно.

Рыжий уселся на самый край обрыва, подгибая под себя ноги.

— Давай. Она будет ждать у Митчи после заката. Сама найдёшь дорогу? Я сегодня хочу послушать странника. К Таппе вернулся ученик, десять лет путешествовал. Говорят, все острова обошёл.

— Конечно, найду, — склонила я голову к плечу, прикидывая, как удобнее будет отсюда спуститься. Горки наподобие водных у меня получались неплохо, но съезжать с такой высоты... Небезопасно, пожалуй, тормозить-то нечем. Значит, сделаю ступени и поручень для подстраховки — медленно, зато надёжно. — Только тогда пойду домой прямо сейчас, нужно переодеться и захватить деньги. Сначала всё-таки загляну в мастерскую, Итасэ должен быть там... А ты позволишь мне вечером посмотреть твои воспоминания? Я бы тоже хотела послушать рассказы путешественника.

— Не вопрос, — хмыкнул Тейт. — А ты изменилась, Трикси.

— В каком смысле? Не понимаю.

Вместо того чтобы нормально ответить, эта рыжая чума расхохоталась — и прицельным пинком спихнула меня с обрыва. Защититься я не успела, куда там рефлексам среднего во всех отношениях псионика против мага из ложи направляющих удар! Зато отыскала самый быстрый и наименее энергозатратный способ спуститься с обрыва — тонкая труба от верха до низа. Воплощаешь из ничто, хватаешься и скользишь... Ну что же, экстремальный опыт — лучший учитель.

Кажется, я начинаю проникаться местными образовательными традициями.

Кратчайший путь домой пролегал мимо зарослей хотты — высокой травы, которая весной цвела красивыми лиловатыми метёлками. Сейчас на ней появились усыпанные семечками голубые шары величиной с детскую голову. Судя по учебным свиткам, одолженным у Кагечи Ро, из созревших прокалённых зёрен готовили каши и похлёбки. А вот молодые, сладковатые на вкус початки можно запечь целиком — неплохой десерт выйдет. Съедобный для "добычи" из другого мира, что немаловажно.

После путешествия воплотить из ничто прямо на ходу две-три ступеньки для меня было делом ерундовым, как для дорогой кузины Лоран — накрасить губы за рулём любимого красного "Трэвела". Уже

даже не навык, а привычка. Щурясь от солнца, я забралась повыше, чтобы выбрать початок понежнее; сладковатый травяной запах стал сильнее. Метрах в пятнадцати отсюда, в глубине зарослей, послышался отзвук чужого сознания — девушка, похоже, из мастерской Ригуми Шаа. Имени я не помнила, но ярко-розовые, как жвачка, волосы трудно было не признать. Они издали просвечивали сквозь целлофаново шелестящую листву. Девушка увидела меня и крутанула запястьем над головой в приветственном жесте, я ответила тем же и снова нырнула в заросли — в полумрак и прохладу.

Забавно... Сама не заметила, как обросла знакомыми.

Дома я забросила початки в кладовую, наскоро переоделась в новый костюм — работы Нэккен, но созданный по моему собственному эскизу. На оплату ушли почти все деликатесы, добытые на побережье: моллюски, редкие пряные травы и цветы, фрукты и ягоды, рыба... Набрать припасов — полдела, вот доставить их — настоящая проблема. Не представляю, как бы мы выкручивались без Итасэ, который милостиво согласился помочь и сотворил иллюзию, внутри которой царил холод. Подозреваю, что именно из-за трудностей с транспортировкой вкусная и редкая еда считалась в Лагоне настоящей ценностью. И если обыкновенные продукты полагалось сдавать в общие кладовые, то деликатесы было принято либо обменивать на перламутровые лепестки, местные деньги, либо сразу расплачиваться ими за услуги. Как я с Нэккен, например. Не в последнюю очередь потому, что прекрасно понимала — костюм за деньги мне не по карману, но если при виде сочных, сладких фруктов и нежнейшей рыбы, переложенной горьковато-пряными цветами у портнихи потекут слюнки, то можно рассчитывать на значительную скидку.

Тейт очень смеялся — не отрицая, впрочем, что я права.

— Ты уверена насчёт цветов? — задумчиво спросила тогда Нэккен, крутанув образ кончиками пальцев. — С покроем-то я согласна, для лета достаточно коротких рукавов, штанины можно оставить длинными, только сделать посвободнее. Но вот цвета... Светлое носят обычно мастера. Скучно же. Может, что-нибудь поярче? Вот оттенок пояса мне понравился, такой тёмно-красный... — она прикоснулась к тоненькой ленте, перетягивающей талию иллюзорной модели. — Как запёкшаяся кровь.

Я сама не ожидала, что от трёх слов нахлынет такой поток чувств, совершенно разных, едва ли не противоречащих друг другу: и стыд, и сожаление, и яростная гордость, и сострадание к Нэккен, не понимающей чего-то очень важного и простого одновременно... И зависть к ней же из-за этого самого непонимания.

Сразу после сражения нелегко было задавать вопросы, но через несколько недель я решилась. И ответы перекликались с чем-то, спрятанным глубоко внутри меня, с некой неочевидной истиной. Итасэ сказал, что носит серое, потому что так не пристаёт грязь. Лао таинственно обронил, проводя пальцем по ткани цвета неотбелённого льна: "Вроде бы чистая, однако не совсем... Точно необработанная". Об алых шарфах Тейта я знала даже больше, чем хотела бы, а Лиора... Лиора произнесла, глядя на меня: "Я тоже ношу белое".

Она действительно понимала — и так же боялась говорить о некоторых вещах вслух, предпочитая иносказания.

— Как-то разлюбила яркие цвета, — выдавила я из себя наконец.

Нэккен удивлённо уставилась снизу вверх:

— А пояс? — упрямо повторила она.

— Напоминание.

Больше вопросов не последовало.

Костюм портниха сотворила за несколько часов. И пусть теперь я выделялась на фоне ярко одетых учеников так же, как Лиора или Кагечи Ро, жалеть было не о чем. Пропуская холодный, шелковистый пояс сквозь пальцы, я, как никогда ясно, ощущала, что хочу для себя путь без крови. И просто силы будет недостаточно, даже всей силы в мире...

И ещё — что мастер Оро-Ич знает об этом пути больше, чем показывает.

— Ну что, Трикси Бланш, — пробормотала я, пытаясь кое-как оглядеть себя без зеркала. — Теперь ты почти соответствуешь своей фамилии.

Дурацкая шутка показалась ужасно смешной.

Выход из дома загораживал Шекки — лежал прямо поперёк дыры. Здорово, конечно, враг не пройдёт, но бедным жильцам куда деваться? Пришлось потыкать его в бок воплощённой из ничто палкой. Он отреагировал то ли на знакомую магию, то ли на запах, и наконец-то сдвинулся вбок. И — не в первый раз, кстати — мне почудилось,

что у крылатой химеры есть сознание, запрятанное глубоко под слоями вязкой защиты, глушащей любые мысли.

Интересно, все айры на самом деле такие, или Шекки особенный?

Оказавшись снаружи, я с удивлением поняла, что пробыла дома куда дольше, чем рассчитывала. Солнце склонилось стене, окружающей внутренние территории Лагона, ещё немного — и чиркнет по кромке, разломится, угаснет. Если хочу добраться без проблем и до мастерской, и до Митчи, нужно поторопиться...

На границе сознания появилось чувство тревоги. Лёгкое, естественное — даже не сразу стало ясно, что оно принадлежит не мне. И, лишь расширив купол до двухсот шагов против привычных ста, я зацепила незнакомку, которая шла следом, держась на значительном расстоянии. Разум её был немного затуманен — вторая ступень, не выше, но в сочетании с местными уникальными техниками, которые позволяли словно бы остановить течение мыслей. Второй навык, похоже, развит не настолько сильно, как у Тейта, при желании способного вообще превратиться в невидимку для телепата, однако прилично. Значит, незаметно зацепиться и проникнуть в её разум не получится, а сразу атаковать, не разобравшись, глупо вдвойне.

Не выдержав, я оглянулась; лучи заходящего солнца скользнули по лицу, и по контрасту с остывающим воздухом показались не только тёплыми, но и мягкими, ласковыми, точно большие художественные кисти из нежного ворса, нагретые у огня. Кислая, холодная тревога моей преследовательницы вспыхнула чуть ярче, и расстояние до чужого сознания увеличилось.

Она огибает меня по широкой дуге? Любопытно. Но угрозы вроде бы нет. Что ж, буду выжидать — и оставаться настороже.

В мастерскую таинственная незнакомка спускаться не стала, но не вернулась восвояси, а осталась снаружи. Некоторое время я ощущала её, но вскоре углубилась в подземные туннели, и она выскользнула из купола.

Итасэ, как и обещал, немного задержался, поджидая меня у самого входа в главную пещеру. Ригуми Шаа пока отдыхал после путешествия и, подозреваю, отчитывался перед Оро-Ичем, а потому учеников было намного меньше, чем обычно. С ними занимались

подмастерья — никого из них, кроме высокой женщины, стриженной почти налысо, я не знала.

— Ты не торопилась, Трикси-кан, — прохладно встретил меня Итасэ. После того как мы с Лао и с рыжим вытащили его от свободных, он немного смягчился, но только в поступках. Манера общения у него оставалась столь же отстранённой и жёсткой. — Надеюсь, хотя бы провела это время с пользой.

— Тейт показывал мне вид с края стены, — пояснила я в шутку. Итасэ серьёзно склонил голову к плечу, принимая объяснение, развернулся и направился вглубь пещеры, серый и незаметный, как тень. Пришлось поторопиться за ним. — Внутренние территории куда больше, чем я думала. Лагон — как коробка. Со стороны кажется, что в ней поместится только семечко, а там на самом деле целое дерево.

— И не одно, — усмехнулся Итасэ. Сравнение ему явно понравилось. — К слову, о деревьях... Я не ожидал такого результата. Готов спорить, что Шаа тоже.

Мы как раз остановились у ярко освещённой ниши. Солнечные лучи не только изливались со свода, но и сочились из стен, и в облаке света нежилось дерево с глянцевыми листьями, раскидистое и высокое.

Семь метров, восемь? Или все девять?

Но меня поразили даже не размеры, а то, что ветви дерева были густо-густо усыпаны тёмно-красными ягодами — так, что кое-где и коры не видно.

— Надеюсь, они не ядовитые? — невозмутимо осведомился Итасэ. — Принимая за аксиому, что создание перенимает черты создателя, я опасаюсь за мастерскую.

— Один мудрец пас в горах коз. И вот однажды он заметил, что некоторые козы бодры не только днём, но и половину ночи, — произнесла я нараспев, прикасаясь к ягодам на ветке. Тяжёлые, твёрдые... Никогда не видела живого кофе, только готовые зёрна. — Мудрец стал наблюдать за козами и выяснил, что они жевали ягоды некоего растения, и таким образом обнаружили бодрящие свойства кофейных плодов. Но вот вкус его не устраивал... Мудрец пробовал вымачивать ягоды, настаивать, сушить — всё было не то. Однажды он в ярости бросил ветку в огонь. Мякоть высохла и обгорела, а тлеющие семена начали источать божественный аромат. Мудрец собрал их,

измельчил, залил горячей водой — и вот тогда вкус ему понравился. Вот так был изобретён кофе.

Я, как могла, иллюстрировала рассказ иллюзиями. Но разве Итасэ этим проймёшь!

— О, значит, это съедобно, — ответил он равнодушно. — Приглашу кого-нибудь созидающих совершенство, нужно проверить. Наконец-то хоть какая-то польза.

— Мне другое интереснее, — произнесла я, скосив глаза на Итасэ. Он сорвал одну ягоду и теперь вертел её в пальцах, явно подумывая о том, чтобы попробовать на зуб. — Почему оно так быстро выросло? До первого урожая проходит три-четыре года. И дерево такой высоты — в принципе редкость.

Мимо нас проскользнул ученик. Остановился в отдалении, поглядывая в сторону ниши, но так и не решился влезть в разговор подмастерья с чужой добычей — и ретировался.

М-да, добыча... Я надеялась, что избавилась от этого клейма.

— Обычно творение, воплощённое из ничто, откликается на желание создателя. Но тут другой случай. Творением была ягода, а дерево живёт само по себе. — Итасэ говорил несколько отстранённо, точно имел в виду не кофе, а что-то большее... что-то очень личное. Обычно гладкие, прямые серые волосы колыхались вокруг его головы, как густой дым, превращая бледный профиль в потустороннее, готическое видение. — Дерево связано с тобой. Возможно, здесь и кроется разгадка. Оно принесло плоды, много и неожиданно. А что там с твоим обучением, Трикси-кан? — спросил он вдруг, и уголки губ у него дрогнули.

От неожиданности я несколько раз моргнула.

Это что, была дружеская острота? В исполнении Итасэ?

Не верю.

— С обучением у меня пока, к сожалению, только цветочки, — вздохнула я. — Скоро начну снова приходить в мастерскую.

— Не торопись, — неопределённо качнул головой он. — Позволь новым умениям войти в твою кровь и в мысли, — добавил Итасэ и вдруг прикусил ягоду кофе. Вздёрнул брови, поморщился — и потом выражение лица стало растерянным. — Надо же. Снаружи горько, а внутри — сладко. Действительно, создание многое перенимает от создателя.

Сказал — и ускользнул, развеялся, как клочок тумана на ветру. Я только и успела, что развернуться и захватить его краем купола.

— Подожди! Мне ещё кое-что надо спросить, чуть не забыла... Из мастерской есть другой выход?

От Итасэ ощутимо повеяло недовольством. Но тут же в своде ниши разверзлось отверстие — сквозное, до самой поверхности.

— Один кат, — прошелестела чёрная дымка.

Я почти успела, попутно поставив новый рекорд по воплощению из ничто ступеней и бегу по винтовой лестнице. Но проход всё-таки схлопнулся слишком рано, и нога увязла по колено в земле.

Кажется, некоторые люди просто не способны меняться слишком сильно.

Туннель, открытый Итасэ, вывел меня в заросли хотты почти в полукилометре от основного входа. Загадочной преследовательницы и след простыл. Возможно, она следила за главным спуском в мастерские, поджидая на расстоянии, но тем хуже для неё. Купол, раскрытый на триста метров, не выявил ничего и никого подозрительного, и я, успокоенная, отправилась к Митчи.

"Надо было захватить к ней кофейных ягод", промелькнула запоздалая мысль.

Перламутровых лепестков для обмена у меня осталось не так много, однако новый уникальный напиток — в любом случае деликатес, независимо от того, понравится он магам или нет. Всегда можно сыграть на новизне... Ладно, сначала покажу ягоды Кагечи Ро, пусть протестирует их. Если окажутся безопасными для местных — тогда и попробую обменять рецепт кофе на два-три ужина у Митчи. Конечно, она и сама неплохо разбирается в редких растениях и способна оценить риски, но созидающий совершенство определённо справится лучше.

Заросли внезапно закончились, но светлее не стало: солнце окончательно перевалило за кромку. Температура ощутимо опустилась — в пору пожалеть о коротких рукавах летнего костюма. Плечи покрылись гусиной кожей, но не только от холода. В сумерках звуки разносились дальше и слышались яснее; за холмом кто-то истерически смеялся, и звук изредка переходил в захлёбывающиеся стоны и странный металлический скрежет.

Мне хотелось верить, что это голосит потерявшийся айр.

Пока я выбралась с внутренних территорий Лагона, совсем стемнело. Розоватые светильники разгоняли темноту — то кружились над самой головой, то улетали вперёд, то отставали. Точь-в-точь мои мысли, которые перескакивали от туманных намёков Итасэ — позволить умениям впитаться в кровь и в разум, как так? — к вымахавшему кофейному дереву... Если б только циклиться на подобных пустяках. О ком совершенно не хотелось думать, так это о Лиоре, однако именно на ней я и застряла.

Тогда, у побережья, она сказала, что не хочет возвращаться в Лагон. Однако странности начались куда раньше, в горах. Дурные сны, слабость... После экстремальных водных горок Маронга защита у нашей непроницаемой обычно блондинки расстроилась, и в какой-то момент наружу прорвалось вязкое, мучительное беспокойство. Оно было напрямую связано со мной, и ещё — с Тейтом, но больше уловить не получилось. Лиора снова закрылась, плотнее, чем прежде, и причина её тревог так и осталась тайной.

Может, обида?

Нет, не похоже. Привкус от эмоций совершенно иной, и Тейт говорил скорее о чувстве вины. Да и вообще, насколько я знаю Лиору, мучиться из-за обид она не станет — скорее, придёт в ярость, изощённо отомстит и отстранится.

Ладно. О мотивах можно гадать бесконечно — и бесплодно. Лучше последовать принципам дяди Эрнана: "Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего". Точка отсчёта, переломный момент — вот то единственное, что я могу определить, глядя со стороны.

С этого и начнём.

Сразу после самой первой стычки с Арингой и возвращения в Лагон мы почти не общались. Но в те редкие встречи она выглядела спокойной. Да, утомлённой путешествием, немного растерянной из-за новых отношений с Маронгом — но не более того. Потом был суд, где Маронга подловили на лжи, и он оказался в опасности. Затем сумасшедшие по темпу занятия в мастерской Ригуми Шаа и прорыв. После — приглашение провести несколько недель у океана, сборы, переход через горы...

Нет, раньше.

Шаги у меня замедлились; тропинка вилась под ногами, но сознание едва-едва отмечало нужные ориентиры — так, словно автопилот включился.

Раньше, да... И такое чувство, точно я уже рассуждала на эту тему. Лиора изменилась после суда, но до перехода в горах. Какой она была, когда мы только собирались? Спокойной — или уже встревоженной? Не могу вспомнить... А если дело в Маронге, в проблемах, которые возникли у него из-за искажённых свидетельских указаний? Нет, его вроде бы отбил Ригуми Шаа. Да и когда Тейт предложил позвать к океану Лиору с её проблемным кавалером...

Стоп.

Вот оно.

Мы с рыжим пригласили Лиору и Маронга не только из дружеских чувств. Я хотела временно утащить подругу подальше от Эфанги. Она занималась именно в его мастерской, а Эфанга слишком заинтересовался моими способностями на суде. И Ригуми Шаа предупреждал меня о том же: такие люди ничего не забывают и никогда не отступаются от цели.

Мог ли мастер использовать свою ученицу, чтобы перетащить меня в свою команду?

Запросто.

Смирилась ли бы с этим Лиора?

Никогда.

Отважилась бы она противостоять своему мастеру открыто?

Судя по обычаям Лагона — вряд ли.

Ещё одна важная деталь — моё двойственное положение. И ученица, и добыча; первый статус даёт защиту, второй — подставляет под удар. Ригуми Шаа прямо говорил, что Эфанга не упустит такой удобный шанс. Ученицу со свободной волей сложно заставить сменить мастерскую, не нарушая местных традиций, но можно ведь просто украсть добычу. А значит, под ударом оказывается уже Тейт.

Вот и один из вероятных вариантов.

Второй — примитивный шантаж. В любом мире этот грязный способ добиться желаемого пользуется неизменной популярностью. И если Эфанга как-то втянул Лиору в такие игры... Неудивительно, что она плохо спит и мучается чувством вины. И тогда даже идиотский эпизод с припасами встраивается в схему до противного ловко.

Мне стало тошно. И только потому я едва не пропустила атаку, которая пришла со стороны.

Сначала пришла агрессия — как пустынный ветер, горячий и наполненный песком. Отпрыгнуть, перекатиться, отползти как можно дальше, одновременно создавая свою точную копию на прежнем месте и прикрываясь иллюзией неподвижных зарослей — инстинкты диктовали порядок действий. Рассудок включился много позже, когда следом за обжигающей агрессией пришёл настоящий жар. Листва захрустела, скрючиваясь и темнея; светильники заметались над тропинкой и погасли. Мой двойник пал на колени и закричал, запахло жжёным волосом.

А моя преследовательница вдруг развернулась и дала дёру.

Ну уж нет, не уйдёшь.

Купол сжался — и выстрелил, сжимаясь в длинную плотную иглу. Теоретически даже со второй ступенью на таком расстоянии можно было защититься, но девушка то ли имела слишком скудный опыт, то ли перепугалась до смерти. Одного удара хватило, чтобы разум её парализовало. На всякий случай я просветила окрестности, раскинув купол на полкилометра, но засекала только парочку у реки и поднялась, развеивая иллюзию.

Сказать, что девчонка удивилась, увидев меня, значит сильно преуменьшить.

— Живая, — пробормотала она. В мыслях у неё царил паника — что там внешнее воздействие, сейчас это дрожащее существо само по себе не способно ни на какие осмысленные поступки. — Ожогов нет... Почему?

— А должны быть? — вздохнула я. На вид моей пленнице было лет пятнадцать, не больше, и потому принимать жёсткие меры сразу расхотелось. — Для начала скажи, как тебя зовут.

Волосы у неё были бледно-рыжие, глаза — ярко-зелёные, лицо сердечком, точно у старинной куклы. Наверное, она могла бы показаться даже красивой, если б не покрасневший, хлюпающий нос и обильная испарина.

— Оrsa...

— А полностью?

— Ширамару Оrsa, ложа испепелителей, мастерская Чирерори, — пролепетала она, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Я села, подогнув под себя ноги, чтобы быть на одном уровне с собеседницей, и убрала эмпатическое давление. Она слабо пошевелилась и затем тоже попыталась сесть, опираясь на руки, но локти у неё подламывались от пережитого стресса.

— И зачем же ты напала на меня, Орса? — Ещё один вздох. Кажется, начинаю понимать, как Лиора приобрела свою уникальную манеру общения.

Девчонка уткнулась взглядом в ободранные коленки.

— Хочу помочь брату.

Ну дивно, просто изумительно. Если б у неё ещё мысли немного прояснились, я могла бы напрямую считать ответ. Но вылавливать крохи смысла из панических образов... увольте. Может, успокоительным импульсом пройтись?

— А твой брат?.. — и я многозначительно умолкла.

Орса поёрзала.

— Соул.

— Ширамару Соул?

— Просто Соул, — вжала голову в плечи девчонка и, похоже, приготовилась к мучительной смерти во имя родственных уз.

Шрах, терпения мне, терпения.

— И чем твоему брату Соулу поможет нападение на меня?

Орса прикусила губу, явно не собираясь ничего отвечать, и даже залатала кое-как свою слабенькую ментальную защиту. Но я уловила образ, который мне очень не понравился: Тейт, поверженный и униженно умоляющий о пощаде. Самое скверное, что девчонка, скорее всего, и сама не знала подробностей. Брат её не посылал и почти наверняка не подозревал, что она ему "помогает".

Больше из этой Орсы ничего не вытянуть, разве что глубоким сканированием. А это головная боль для нас обеих. В другой раз я бы, наверное, попыталась... Но мне ещё предстоит разговор с Лиорой, и что-то подсказывает, что лучше бы поберечь силы.

— Можешь идти.

— Что?..

Кажется, девчонка не поверила своим ушам.

— Можешь идти, — повторила я терпеливо. — Помогать брату — это, конечно, похвальное желание, но постарайся в следующий раз обойтись без поджаривания незнакомых учеников. Насколько я знаю,

мастера подобное не одобряют. И, на всякий случай, если ты с Тейтом собираешься проверить что-то такое... Чутьё у него невероятное. И он действительно дурак — сначала бьёт, потом думает. Поняла?

Орса отползла, не выпуская меня из поля зрения, затем поднялась и отошла ещё немного, пока не оказалась по пояс в шелестящей траве.

— Ты странная, — изрекла девчонка. И добавила: — И я тебе не благодарна!

— И не надо. Кстати, странности — штука заразная. Смотри, если подышишь ещё одним воздухом со мной — за последствия не отвечаю.

Самое смешное, что Орса действительно испугалась. Свежая порция страха прочистила мозги, и включились боевые рефлексy. Напоследок девчонка одарила меня ещё одним тепловым ударом, благо при раскрытом куполе предугадать направление атаки и уклониться было несложно. И — рванула через пустырь, путаясь в траве, падая через каждые десять шагов и проваливаясь в ямы.

Начинаю понимать, почему молодых магов в первые два года не выпускают из Лагона.

Впрочем, кое-что полезное из этой дурацкой ситуации я вынесла. Во-первых, имя — Соул. Вероятно, парень — один из испепелителей, и у него зуб на Тейта. Сегодня же вечером расспрошу рыжего, на чьи мозоли он в последнее время наступал — может, что-нибудь и прояснится. Во-вторых, если бы атака девчонки достигла цели, то сейчас я бы лежала с ожогами второй степени минимум. В лучшем случае сумела бы докричаться до Кагечи Ро и отделалась бы двумя-тремя неделями восстановления... Похоже, Орса пыталась выиграть для своего брата время и сделать Тейта более уязвимым.

Придётся теперь быть начеку, пока не выясню, что за игра идёт. С другой стороны, когда это после прибытия в Лагон мне удавалось расслабиться?

А теперь нужно поторопиться на встречу. Лиора наверняка заждалась.

Во второй, а тем более в третий раз подземные чертоги Митчи уже не производили такого эффектного впечатления. Наоборот, по контрасту с ночным ароматным воздухом казалось, что запахи еды слишком сильные, и в помещении душно, несмотря на сквозняки. Посетителей было куда больше обычного, заняты оказались все нижние ветки дерева. Кое-где через толпу приходилось

протискиваться; светловолосых учеников хватало, но свою блондинку я отыскала почти сразу, причём без купола — в неверном свете её белый наряд сиял, точно флуоресцентная краска, одновременно потусторонне и футуристически.

— Ты хотела поговорить, — с места в карьер начала я и поморщилась. Да, Орса меня всё-таки сбила с мысли.

Лиора скосила взгляд и подвинула ко мне поднос со сладостями. От маленьких комочков неприглядного вида исходил густой аромат сливочной выпечки и орехов, такой, что рот мгновенно наполнился слюной.

"Вот к этому наверняка подошёл бы кофе", — промелькнуло в голове.

— Нет, — ответила наконец Лиора, умудряясь выделять голосом каждое слово. — Мне не о чем с тобой говорить.

Я немного растерялась и отложила крошечное лакомство, которое подцепила с подноса незаметно для себя.

— Но ты же передала Тейту, что хочешь встретиться?

— Мне совершенно нечего тебе сообщить, — с нажимом повторила она, слегка изменив формулировку.

В памяти шевельнулся какой-то образ, давно и надёжно похороненный. Я принялась разматывать цепочку ассоциаций... дядя Эрнан, кажется, это связано с ним...

Слитный шум множества голосов накатывал, как океанский прилив.

— Но зачем ты тогда меня пригласила?

— Нам не о чем говорить, — произнесла Лиора, и в голосе её проскользнуло раздражение. — Ничего нового, никаких новостей. Меня ничего не беспокоит. Сообщить совершенно нечего.

...дядя Эрнан, обучение в школе псиоников, выездные лекции...

В голове точно щёлкнул невидимый переключатель, и обрывки информации выстроились в правильном порядке. Я осознала, что мне напоминают механические, неестественные фразы Лиоры.

Ментальный блок — невероятно сильный, почти неодолимый. И, к счастью, установленный человеку, который прекрасно разбирается в природе подобных конструкций.

На губах появился солоноватый привкус. Выводы есть, замечательно, однако что теперь-то делать? Вариант напрашивается

один, и он мне не нравится...

— Ужасно хочется что-нибудь сломать, — сказала я хрипло. Слова буквально царапали гортань.

Лиора прикрыла глаза, точно давая разрешение.

— Если хочется, то ломай. Как можно себе отказывать?

Значит, я не ошиблась.

По силе мы с Лиорой примерно равны, это ясно с первой встречи. Защитные механизмы магов более совершенны по сравнению с приёмами псиоников — мой минус. Но есть у меня козырь, аналогии которому у внимающих и поющих нет.

Физический контакт.

В каждом человеке есть энергетические потоки. У кого-то полноводные, у кого-то ослабленные, но точки выхода у всех общие. Первое, чему учат эмпатов и телепатов в псионической школе — разгонять собственные потоки, совмещая эти точки.

Но есть и ещё один приём — синхронизация с другим эмпатом.

Даже у неударённых людей работают простые приёмчики, которые помогают вызвать доверие, как бы настроиться на волну собеседника. Достаточно привести дыхание к общему ритму, незаметно отзеркалить позу и идеале — выровнять сердцебиение. С псиониками примерно то же самое, но добавляются энергетические потоки. Потому эмпаты и телепаты в повседневной жизни и избегают прикосновений.

Но сейчас мне это как раз понадобится.

Сглотнув, я решительно сжала руку Лиоры и переплела свои пальцы — с её. Наши запястья соприкасались. Постепенно начали синхронизироваться и энергетические потоки. Нет, они не были замкнуты в одну систему, но и слабого отклика хватало, чтобы появилась некая общность.

Я сама не заметила, как начала дышать в том же ритме, что и Лиора. Сердца у нас бились размеренно, в унисон. Оставалось только сжать купол в очень прочную иглу — и со всей силы вонзить её в чужое сознание. Прочные верхние слои она преодолела легко, в вязких нижних — замедлилась... Но мне нужно было другое.

Блоки.

...о, да, их ставил мастер. Безупречные — мощные и незаметные. Легко принять их за подавленные детские воспоминания, этакий

скучный спрессованный кирпичик образов в чередё себе подобных. Если бы не посильная помощь Лиоры, я бы прошла мимо, не заметив.

А так — почувствовала и прошла насквозь.

Мы вскрикнули одновременно. она — от боли, я от шока. Блоки уже сомкнулись, но увиденного хватило, чтобы осознать масштаб катастрофы.

Мои выкладки оказались верными, ошибки были только в деталях. Проблема крылась в мастерской Эфанги. Вскоре после суда Лиора обнаружила кое-что, не предназначенное для чужих ушей, а именно — приказ, отданный подмастерью. Вызывать на бой Тейта, убить, а меня передать в мастерскую. Но самое страшное — другое.

Эфанга не просто поставил блоки в сознание Лиоры, чтобы не позволить ей предупредить нас с рыжим. Он принудил её сразаться в поединке против Тейта.

— Шрах, так скоро... — прошептала я, рефлекторно отдернув руку.

Лиора спрятала лицо в ладонях. Плечи у неё содрогались.

— Прости.

До катастрофы оставалось три дня.

Глава 24. Беги или гори

*Стимулирует мыслительные процессы, повышает выносливость, укрепляет боевой дух. Если облажаешься — убивает.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Не знаю, сколько мы просидели так с Лиорой — обнявшись, молча, неподвижно. Кажется, не меньше часа. И не знаю, кто из нас больше нуждался в поддержке, в том, чтобы ощущать рядом кого-то живого, близкого... Митчи дважды проходила мимо. На третий раз она оставила между нами кувшин с очень крепкой, почти что чёрной шергой:

— Платы не надо, — сказала она и исчезла быстрее, чем я сумела ответить.

Шерга оказалась отменно горькая, и пульс от неё зачастил.

— Ступай, — наконец произнесла Лиора, отстраняясь. — У вас слишком мало времени.

— А ты как же?

— Вернусь к Игамине. Он ждёт, — улыбнулась она уголками губ и показалась в этот момент зрелой и мудрой — гораздо старше меня самой.

И я ни секунды не сомневалась, что Маронг обо всём знает, хотя ломать блоки — не по его части. Просто существуют такие прочные связи, для которых не нужны псионические способности или магия... Вернее сказать, это и есть магия, непостижимая и могущественная.

Только вряд ли она поможет нам с Тейтом.

Пальцы что-то резануло, и это привело меня в чувство. Я моргнула раз, другой — глаза были сухие. Розоватые сияющие шары медленно вращались над головой, как спутники, и свет выхватывал из мрака то шелестящие заросли хотты, то обрыв, то хлипкий мостик. Вдали на фоне бледнеющего неба виднелись знакомые очертания холма, скрывающего внутренние долины Лагона.

Куда, шрап побери, меня занесло?

Смутно помнилось, как я пробкой выскочила из подземелий Митчи, как застыла у спуска, глотая прохладный ночной воздух, и —

ринулась куда-то вбок. Хорошо, что не через заросли, а поверху, прямо на ходу воплощая из ничто ступени и мосты. Потом, кажется, выдохлась и свалилась, цепляясь за что попало; ещё повезло, что под руку подвернулась хотга, а не ослабленный лагонский вариант гаюса, которым окружил свои лаборатории Оро-Ич.

— Спокойно, Трикси, — пробормотала я, спиной сползая по жёсткому стеблю. Сквозь плотную ткань костюма это ощущалось скорее как приятный массаж. — Отставить панику, рассуждать логически. Если будешь носиться как курица с отрубленной головой, проблему не решишь.

Вдохнуть, выдохнуть, задействовать биокинез... Да, и светильники погасить — мало ли кто увидит.

Минуты через полторы в голове прояснилось. Вообще такая бессмысленная беготня для меня несвойственна. Может, снова вмешательство извне?

Я сосредоточилась на ощущениях.

Нет, не похоже. Гормоны относительно в норме, сознание тоже. Самочувствие, правда, ни к шраму — нервная дрожь, озноб, пить хочется. Если задуматься, типичная реакция на опасность, "бей или беги"; сперва мобилизация ресурсов, затем истощение. Вот только раньше мне удавалось сохранять спокойствие и в ситуациях похуже. Даже когда я прямо со свадьбы Лоран попала в лапы агрессивных магов, толком не понимая, что со мной происходит. Объясниться на языке аборигенов — и то не могла. А теперь познакомилась с миром и... и в полной мере прочувствовала на своей шкуре, каким неласковым он может быть. В этом, похоже, и дело.

Получается, раньше я не боялась, потому что не осознавала в полной мере, что мне грозит? Ох...

Некстати вспомнилось, что дорогая кузина Лоран в детстве всегда первой неслась к аттракционам вроде "свободного падения" или "экстремальных горок". А когда выросла — не то чтобы стала бояться, но начала обходить их стороной. "Скажем так, мне это не доставляет удовольствия", — обтекаемо заметила она, когда братец Тони принялся над ней подтрунивать.

Понимаю теперь, что она имела в виду.

На границе купола промелькнуло чужое сознание. Я сперва напряглась, но потом едва в желе не превратилась от облегчения: это

был Тейт. Он приближался довольно быстро — шёл по моему следу, как собака, закладывая петли по долине.

"Иди сюда", — передала я ему мысленный образ обрыва и колышущейся хотты. И, подумав, добавила: "Со мной всё хорошо".

Рыжий засиял чистой золотой радостью — куда там светлеющему на востоке небу!

— Ты не вернулась ночевать, — сходу заявил он, выдираясь из высоких зарослей травы, и завалился рядом со мной.

— Бегала. И размышляла.

Шрах, как же хорошо, что такое объяснение для Лагона звучит вполне естественно!

— О чём?

— О проблемах, — у меня вырвался вздох. — Что ты думаешь об Эфанге?

— Ну, он охрененно сильный мастер, хитрый только и вообще... — начал рыжий, и я слила ему образ-выжимку из разговора с Лиорой и собственных мыслей. — ...и вообще шлендель мутный, чтоб он сдох. Ты это всё серьёзно?

— К сожалению. Что будем делать?

Рыжий зашевелился, сползая на землю, и сдёрнул меня за собой. Крепко обнял, прикусил за ухо и улыбнулся куда-то в затылок:

— Сейчас — однозначно спать. Когда проснёмся — искупаемся и съедим что-нибудь. Как тебе такой план?

Слабость отступила; стало тепло и спокойно, и заслуги биокинеза в этом не было ни на гран.

— Замечательный, — пробормотала я и отрубилась.

Говорят, что после сильного стресса лучше сразу не засыпать, нужно его чем-то перебить, потому что именно во время сна впечатления из кратковременной памяти переписываются в долговременную. По правде говоря, механизм работает немного не так, но в целом утверждение верно. Однако мне отдых пошёл на пользу. Наверное, благодаря Тейту — он успокоил, отвлек и согрел; проблема, конечно, никуда не исчезла, и мерещилось до утра всякое, но пробудилась я с чётким планом — что, когда и в каком порядке делать.

Рыжий, что интересно, тоже.

— Я тут завалился в приют к Митчи, — невнятно произнёс он, выныривая из росистых зарослей. Солнце едва поднялось над горизонтом и не успело толком просушить долину. Похоже, мы проспали не больше двух-трёх часов, а день обещает быть жарким. Причём в самых разных смыслах. — Разжился едой... мм, вкусно, кстати, лови, — и он кинул мне надкусанный шарик из сухофруктов, спрессованных с вяленным мясом. — И потрепался немного...

— Да, кстати, — вскинулась я. — Надо сначала узнать, с кем ты будешь драться. Лиора — понятно, а второй кто? У неё такие блоки, что подробностей не вытащить. Но не трясисти же Эфангу.

Рыжий ухмыльнулся, пристраивая на земле коробку с едой; судя по запахам, доносившимся из-под крышки, там был суп и свежие лепёшки. Недурно. Ну-ка, посмотрим, что приготовила Митчи...

— А что, неплохая идея. Я даже знаю, кто мог бы такое проверить, — он, казалось, всерьёз задумался — на секунду, не дольше. — Но не понадобится. Я же сказал, что потрепался кое с кем кое о чём? Митчи усвистела спать, за неё Котарэ, а Котарэ знает вообще всех в Лагоне. И не только по именам, прикинь, — хмыкнул он. — В общем, у Эфанги не так много подмастерьев, всего-то восемь. Яраси Тэн, Патачи Ласса, Майна Миора, Соул, Тичедори...

Крышка от коробки выпала у меня из рук и едва не расколотила круглую флягу с супом.

— Стоп. Повтори, пожалуйста, предпоследнее имя, — хриловато попросила я. В горле першило.

— Соул.

— И всё?

— Ну да, — склонил голову к плечу Тейт. — У него короткое имя. Так бывает.

— А сестры у него случайно нет?

— Ты про Орсу, что ли? Ну, вообще-то она ему не сестра, вот чтобы прям так по крови, — протянул рыжий, глядя в сторону. — Тёмная история. Я слышал, что Соул как-то ушёл к океану, но вместо припасов приволок с собой трёхлетнюю девчонку. Он говорит, что это его сестра, но вот Ро её лечил и сказал, что они не родственники. Я так думаю, что девчонку выбросили в океан. Так часто делают, если узнают, что ребёнок — маг. Ну, или дитя мага.

В груди отчего-то потеплело. Нет, обычай, конечно, жуткий, но ведь этот Соул не прошёл мимо. Значит, он неплохой парень?..

Да какая разница. К сожалению, в Лагоне и неплохие парни, как показывает опыт Маронга, могут раскатать тебя на молекулы без особого повода.

— А ты бы подобрал чужого ребёнка?

Тейт скорчил злодейскую рожу:

— Я не такой придурок... Я ещё хуже, потому что влюбился в свою законную добычу.

— Как самокритично, — ответила я в духе кузины Лоран, но не выдержала — тут же обняла его, уткнулась лбом в висок. На бледной коже шеи ржавчиной рассыпались веснушки — редкие и какие-то нелепые; хотелось пересчитать их языком... но тогда мы отсюда никуда не уйдём до заката. — Я тоже тебя люблю. Может, убежим? Проболтаемся на побережье полгода, а потом, может, Эфанга вообще забудет, чего хотел.

Рыжий пошевелился — судя по звукам, осторожно сдвинул коробку с едой, чтобы случайно не опрокинуть — и обнял меня, пальцами поглаживая вдоль позвоночника. Вверх-вниз — две тёплые дорожки.

— Не получится, — глухо произнёс он. — Не забудет. И я не потащу тебя к океану один. Слишком опасно. В Лагоне Эфанга хотя бы будет действовать честно. Поединок — это поединок. Есть правила, зрители, в конце концов, созидающие совершенство неподалёку ошибаются. А если кто-то из его мастерской ну типа случайно наткнётся на меня у океана... Ты поняла, да?

Меня продрало мерзким таким холодком.

— Вполне.

— И ещё Аринга. Сначала мы её потрепали, потом Ригуми добавил. Вот и представь, какая она сейчас.

— Гм... Уязвлённая? — осторожно предположила я.

— Бешеная, — усмехнулся он. — И, Трикси... Когда я говорю, что люблю тебя, это значит, что я тебе верю. А ты — мне? Ты веришь, что я могу отбить тебя у кого угодно?

Во рту стало горько. Хотела бы я просто сказать "да"...

— Очень стараюсь.

— Вот и хорошо, — потрепал он меня по голове, отстранившись, и довольно улыбнулся — рыжий, нахальный, самоуверенный до мелких страхов в синих глазах. Или это солнце отражается? — Тогда для начала объясни, чего ты к Соулу прицепилась.

Я вспомнила Орсу, и бровь тут же задёргалась. Да-а, только нервного тика и не хватало.

— Его сестричка вчера пыталась меня поджарить. Не то чтобы у неё получилось, но впечатления не из самых приятных. По её словам, она хотела помочь брату.

— А чего ты мне сразу не сказала? — возмутился рыжий.

— Из-за Лиоры... Из головы вылетело.

Больше пояснений не потребовалось. Даже паталогически жизнерадостный Тейт помрачнел. Всё-таки в любом мире боевое братство — это нечто особенное. Вместе с Лиорой мы прошли огонь и воду — выжили в подземельях, сумели отбиться от Аринги и выцарапать победу в сражении со свободными. Я по-прежнему звала её про себя блондинкой, как в первый день, но воспринимала теперь... как кузину Лоран, пожалуй, с которой постоянно вела холодную войну — и за которую ввязалась бы в драку даже в нашем стерильном, цивилизованном мире.

Верю, что Тейт может победить в поединке. Но вот какой ценой?

— Я могу уничтожить Лиору, — сказал он вдруг с вымораживающим спокойствием. — Поэтому Эфанга её и впутал. Она не сумеет защититься от огня, значит, мне надо будет использовать это, — и он перевернул руки ладонями вверх; твёрдые, намозоленные пальцы со стороны казались гладкими. Я хорошо помнила, какая убийственная сила в них заключена. — Надо подбежать, ударить её и вытащить со сцены. Но пока я буду возиться с Лиорой, Соул меня размажет. Он подмастерье — значит, быстрый, и просто пустой головой его не обманешь. Сейчас я выигрываю почти все поединки. Знаешь, как? — Тейт уставился исподлобья.

— Догадываюсь.

— Бью сразу по всей сцене. Очень быстро и очень сильно, обычно остаётся яма. Помнишь, как было с Боззой? — спросил он, и я склонила голову, мысленно возвращаясь в первый свой день в Лагоне. О, да, такое забудешь, пожалуй... — Вот примерно так же. Только больше и горячее раз в десять. Могу и сильнее, но тогда выйду за

сцену, а это уже проигрыш. Даже если враг сдох, — оскалился рыжий. — Лао не горит и умеет исчезать, он бы и победить мог. Итасэ, наверно, успеет что-то такое создать, чтобы выжить, ну, или опять превратит себя в чёрный ветер. У созидающих совершенство есть такая техника... — Тейт неопределённо пошевелил пальцами, закатив глаза. — Ну, они как бы оборачивают магию вокруг себя, но это мало у кого получается. Кокон Кагечи Ро я пробиваю, значит, пробиваю почти всё.

Я растянулась на влажной земле, щурясь на яркое синее небо. Облака неслись высоко-высоко, как горсть перьев, подхваченных ветром.

Голод куда-то пропал.

— Впечатляет. Но тогда Лиоре точно конец.

— Во-во, — вздохнул рыжий и загремел крышками. Вот у кого аппетит неуничтожимый! — Так что проблемы две. Нужно узнать, что умеет Соул, и придумать, как бы не убить Лиору. Я, конечно, самый сильный ученик в Лагоне... Но этого мало. Надо уметь этим управлять.

— В смысле? — приподнялась я на локте. Тейт оставил наполовину опустевшую пиалу с супом и снова показал мне руку:

— Видишь? Это инструмент. Можно что-то написать, взять, создать, разобрать, приласкать... — понизил он голос, а потом сжал руку в кулак. — И представь, что им можно только бить. Очень сильно. Хочешь взять пиалу — и сразу вдребезги, срываешь кичу — и в кашу, в затылке чешешь — раз, и дыра. Вот это моя сила.

Мне ярко, как наяву, вспомнилась драка со свободными в пещере, когда мы с Тейтом были связаны сознаниями и все ощущения и мысли делили на двоих. Вот это жгучее, напряжённое, что рвалось из глубины его существа — и есть магия испепелителей? Если да, то не представляю, как таким можно "приласкать". Мощь воистину убийственная — и неконтролируемая, как истинная стихия.

Но если включить логику...

Тейт ведь умеет разжигать костёр магией. И даже больше того — дрова горят всю ночь, медленно и равномерно отдавая тепло. Светящиеся шары у него не иллюзия, в отличие от моих, в их основе какой-то странный процесс, почти не связанный с выделением тепла. Выходит, разрушениями способности Тейта не ограничиваются?

Шрах, сюда бы Тони! Это дома он милый братец-зануда, а вообще-то его знают как крупного специалиста по пирокинезу, профессора Энтони Бланша. Старшего и, так, на минуточку, самого успешного сына доктора Дейдры Даймонд-Бланш. У него одних публикаций в серьёзных изданиях полсотни, не говоря уже о статейках в "Псионик-экстрим". То, что делал рыжий, по ощущениям очень похоже на пирокинез, значит, и методы работы и исследований наверняка в чём-то совпадают... Впрочем, я могу и ошибаться. Результат действий внимающих и поющих — точь-в-точь как у телепатов и эмпатов. Но вот методы в корне другие.

Логика моего мира, боюсь, не поможет.

— А другие испепелители, получается, могут действовать тоньше? — спросила я наконец.

— Угу. Мягко сказано, — кисло откликнулся он и скосил на меня взгляд. — Слушай, ты поешь всё-таки, а потом завалимся в мастерскую Чирерори. Посмотришь на испепелителей и сама поймёшь, в чём разница. Ну, заодно и я спрошу совета.

Я уже было протянула руку к ополовиненной пиале с супом... да так и застыла:

— Ты знаешь мастера Чирерори? Того пижона в голубом?

Тейт оживился:

— Ну, да, он круто одевается. Я поэтому к нему и пошёл... Ну у тебя и глазищи, да щучу я. Шмотки не то чтобы ни при чём, но важнее, что он очень сильный, а берёт всех. Хотя вот прям с ним я не занимался, даже до подмастерьев не дошёл. Мне помогали старшие ученики. У него хорошая мастерская — большая, но все друг друга знают.

— И они не будут возражать, если ты приведёшь к ним постороннего? Секреты ремесла и всё такое...

Рыжий уставился на меня, как на слабоумное, но милое существо:

— Это Лагон, Трикси. Сюда приходят учиться. И здесь учат всех. Какие ещё секреты? Если знания таить друг от друга, то магия застынет, новое перестанет появляться, а старое забудется.

Я поспешно уткнулась в пиалу с супом. Мне стало стыдно.

Нет, не за себя — за свой мир. Я вспомнила университет, где работала мама. У нас исследования — значит, гранты, а гранты — это деньги. Государственные структуры, естественно, публиковали

результаты, но сам процесс, так сказать, проходил в закрытом режиме. Учёные, работающие над личными проектами, предпочитали помалкивать; нередко получалось так, что в двух соседних университетах проводились независимые исследования по одному и тому же вопросу, а информацией никто особенно не обменивался. Как же, уведут идею, раньше добьются успеха — и прощай, очередной грант!

И это в государственной сфере. А в коммерческой... Развёрнутые итоги экспериментов никто не публиковал. Компании продавали готовый продукт, не больше. Лет пятнадцать назад разразился жуткий скандал. Некая фармацевтическая фирма разработала лекарство от лихорадки Астона, запустила его на рынок — и взвинтила цены. В разгар эпидемии! Право монополиста... И неизвестно, сколько бы в итоге людей погибло, если бы одна не слишком щепетильная северная держава не исследовала лекарство — а потом улучшила его и на условно законных правах обнародовала технологию производства.

Мама всегда говорила, что знания нельзя делать товаром. Удовольствие, роскошь, комфорт — да. Развлечения — пожалуйста. Поэтому роман "Убитые в скворечнике" можно продавать втридорога и бороться против распространения нелегальных копий, а учебники и научные работы должны находиться в свободном доступе, иначе это путь к деградации.

Кстати, о деградации...

— Слушай, — позвала я рыжего, отставляя пустую пиалу. — Но ведь свободные вроде бы не делятся знаниями? Даже с членами семьи?

— Ну да, — недобро улыбнулся Тейт. — Поэтому они и проиграют в итоге.

— Любопытно, — протянула я. — И что, в Лагоне всегда были такие порядки?

— Не, — вздёрнул он подбородок. — Оро-Ич много чего поменял, но это когда было... В общем, настоящий Лагон и начался с Оро-Ича, а до этого был просто очень большой и сильный клан, куда принимали всех способных магов.

Меня что-то царапнуло, некая неправильность... Кажется, для жестокого и кровавого постапокалиптического мира логичнее подход свободных. А нововведение Оро-Ича слишком цивилизованное, словно привнесённое из другой культуры. Как и многие его идеи,

впрочем. Представление о резонансе, например — не думаю, что многие разделяют подход мастера Лагона.

Хотела бы я ещё спокойно поразмышлять на эту тему, разложить всё по полочкам, но Тейт не позволил. Он подгонял меня, пока не опустела коробка из приюта Митчи, и, что самое интересное, ничего не объяснял. В мысленном фоне у него мелькали разрозненные образы — что-то насчёт зрелищ и тренировок. После завтрака мы сорвались как на пожар.

— И куда? — успела я спросить на бегу.

Рыжий молча указал на кольцо деревьев правее холма, скрывавшего внутреннюю долину Лагона. Над верхушками поднимался сизоватый дымок.

— Там... поляна? — уточнила я с трудом. Дыхание уже сбилось. — Мастерская Чирерори?

— Тренировочный кратер, — ответил Тейт так мечтательно, что мне стало не по себе. — Взрывы, разрушения, хаос!

— Лучше не придумаешь.

— Ну да! — горячо подтвердил он, приняв сарказм за чистую монету.

Это... настораживало. Надеюсь, не все в ложе испепелителей разделяют страсть моей рыжей проблемы к разрушениям?

Бежать пришлось дольше, чем я рассчитывала — на открытых пространствах расстояния обманчивы. Но чем ближе к кратеру, тем сильнее менялась атмосфера. Казалось, что мы незаметно вышли за пределы Лагона и попали в одну из тех долин, где каждый камень несёт смертельную угрозу. Свежий воздух просолился и прогорк. Лицо у меня зачесалось; я машинально провела рукой по щеке и с удивлением уставилась на собственную ладонь: она была сплошь в сероватых разводах. Постепенно исчезли мелкие травы и мхи; плотную, слежавшуюся землю укрывали теперь цепкие колючие лозы с металлическим отливом и жёсткий сизовато-зелёный лишайник.

Деревья, которые и издали смотрелись внушительно, вблизи превратились в настоящих исполинов. Думаю, что верхушки у них шли примерно вровень с холмом, укрывавшим внутренние долины Лагона. Толстенные стволы, выщербленные и пористые, напоминали колоннаду, грубо высеченную из вулканической породы. Где-то на высоте пятнадцати метров начинались ветви — мощные, кривые, и от

них спускались воздушные корни, не доставая до земли примерно полтора человеческих роста. Листья были крупные, вытянутые, сантиметров семьдесят в диаметре. Больше всего они походили на пластины из полированного зелёного камня. Я сощурилась, приглядываясь. Станный какой-то узор на поверхности, почти как пчелиные соты...

— Стой, — скомандовал вдруг Тейт и сам замер, как вкопанный.

Я подчинилась, не размышляя, и развернула купол на максимальную мощность — рефлексы. И вовремя — впереди, шагах в десяти, начиналась полоса абсолютно голой почвы, покрытой белёсым налётом, вроде извести или мелкого-мелкого инея. Колючие плети, которые выросли слишком близко от неё, высохли и скрючились.

Издали доносились странные звуки, нечто среднее между взрывом и ударом молота по кожаной подушке.

— Это опасно?

— Не очень, если двигаться быстро, — уклончиво ответил рыжий и принялся. — Вообще летом они обычно не такие буйные, тепло же... Это хокорны. Мастер Оро-Ич их принёс из гор и сам вырастил. Хокорны могут жить только около лавовых рек, они тепло едят.

— Только тепло от лавы, надеюсь? — голос у меня предательски дрогнул.

Ну да, как же.

— И от человека тоже. Но ты не бойся, чтоб тебя до костей проморозило, нужно там простоять почти сет. Ну, чтобы слегка замёрзнуть, и двух катов хватит, — неубедительно успокоил он меня. — А вот огонь под хокорном развести не получится. И взрывы он жрёт обалденно. Листья впитывают жар и светятся. Очень красиво, — добавил рыжий соблазнительным тоном.

— Что-то не горю желанием посмотреть на это, — вздохнула я. — И что, мы просто пробежим мимо них?

— Я — да, — ответил он, не моргнув. — А ты лучше сделай мост. И нос себе чем-нибудь закрой.

Совет пришёлся весьма кстати. Температура под деревьями была в районе минус двадцати градусов, может, и ниже. Если быстро пройти насквозь — ничего страшного, тем более что воздух сухой, но вот дыхание лучше побережь. Подумав, я отступила обратно в тепло и сделала себе меховой плащ с капюшоном, почему-то красный. Да-а,

теперь только серого волка осталось встретить... Ладно, к страху, это же иллюзия — пройду круг хокорнов и развею.

— Тебе идёт! — проорал рыжий с другого края выстуженного кольца и замахал руками. — Прямо огонь!

Я сбилась с шага и прикусила губу, сдерживая неуместную улыбку. Если когда-нибудь увижу кузину Лоран, обязательно спрошу: а её тоже делают счастливой дурацкие комплименты мужа? Сердце кольнуло, и я привычно загнала воспоминания о доме и семье на безопасный уровень, за эмпатические блоки: вроде и помнишь, но боли не чувствуешь...

Почти.

За кольцом хокорнов ещё шагов пятьдесят тянулась мёртвая, выжженная земля; кое-где виднелись опавшие тёмно-зелёные листья, не высохшие, но растрескавшиеся — точь-в-точь каменные пластины. А дальше — обрыв.

Тренировочный кратер определённо производил впечатление.

Не столько размерами — к масштабам Лагона я уже привыкла, но температурным контрастом. В лицо ударил порыв горячего ветра, тугий и плотный, точно искусственно сформированный. После холода хокорнов — настоящий шок. Я часто заморгала и закашлялась, а потому не сразу осознала, что странные звуки раздаются уже совсем близко.

Взрывы распускались в кратере, как диковинные цветы — много-много, безумно красиво. Вот только пахли они горечью и солью. Рои трескучих искр передвигались так, словно обладали собственным разумом. Пламенные потоки закручивались двойной спиралью, взмывали к небу, опадали и рассыпались на множество слепящих ручейков. В глубине серых дымных клубов багровели огни... И среди этого хаоса по выщербленному чёрному камню металась крохотные человеческие фигурки — на первый взгляд, без всякой системы, но со временем начинали проступать в чаду ниточки маршрутов и очаги безопасности, где можно отдохнуть и получить помощь.

— Они... сражаются? — хрипло спросила я, прикрывая шарфом губы. Во рту пересохло.

Рыжий отрицательно вздёрнул подбородок:

— Делают задания. Видишь? Кратер поделён на участки, на каждом участке подмастерье показывает способ обращения с

пламенем. По стенкам кратера — ниши, там старшие ученики учат совсем ещё слабых. Ну, или таких идиотов, как я, — покаянно опустил он голову. — Ученики двигаются от подмастерья к подмастерью. Выполнил задание — и вперёд. Это овеществляющие ничто подолгу работают над одним и тем же приёмом. У вас главное — тщательность. А у испепелителей — натиск и ярость. Беги или гори.

— Почти как направляющие удар, — не удержалась я от замечания. И зря, потому что попала впросак:

— Совсем нет. Направляющие удар чувствуют. А испепелители — думают. — Тейт мрачно вздохнул и уселся на край обрыва, подогнув под себя ноги. — У них не так много методик, по-моему, полсотни всего. Они их комбинируют, чтобы создавать что-то новое.

— Поэтому отдельные элементы должны научиться выполнять автоматически, чтоб оставалось время подумать над чем-то более сложным, — понятиливо склонила я голову к плечу.

— Угу, — нахохлился Тейт и обвёл взглядом жутковатую панораму взрывов. — Смотри. Если бы я умел хотя бы десятую часть этого, то смог бы победить Лиору и не убить.

Внутри его разума снова приоткрылась та тёмная бездна, которая меня так пугала. Всего на секунду; но я сумела найти в себе смелость — и не отшатнуться, а заглянуть туда.

... Там был кратер — такой же огромный, как этот, и раскалённый докрасна.

И обожжённые мальчишеские ладони.

Я сглотнула и отвернулась.

"Смотри". Легко сказать. Конечно, вполне реально подключиться к восприятию рыжего и в подробностях разглядеть каждую искру, зафиксировать в памяти каждый прихотливый извив огненной реки. Но что это даст? Как поможет спасти Лиору от поединка, в котором она не желает участвовать? Мастер Оро-Ич приказал мне решить проблему Тейта и вытянуть его на новый уровень. Интересно, как это сделать, если у меня самой познания в области магии если не нулевые, то близко к тому.

Стоп.

А что, если...

Моя сильная сторона — не конструирование и моделирование — точнее, не овеществление ничто, сколько бы времени я ни провела в

мастерской Ригуми Шаа. Разве что лет через пятьдесят расклад изменится. Зато телепатия и эмпатия естественны, как дыхание. Конечно, возможности Оро-Ича неизмеримо выше, однако его багаж знаний и опыта не включает в себя мой целиком. Можно представить пересекающиеся круги — огромный у него, крошечный у меня. Большая часть из того, что умеет мастер Лагона, мне пока недоступна по определению. Но есть и небольшой участок, который в свою очередь находится вне зоны понимания Оро-Ича. Набор подавленных воспоминаний, эмоционального опыта и специфических знаний, которые я сама не замечаю.

Но "не замечаю" — не значит "не использую".

В конце концов, не зря же мастер Лагона верит в связь между добычей и магом, который ею обладает. Добыча делает мага сильнее; значит, есть во мне нечто, из-за чего я попала в этот мир и что является ключом к способностям Тейта.

Горло точно спазм прошил; пить хотелось до одури.

— Ты в порядке? — встревоженно обернулся рыжий.

Я улыбнулась:

— Вполне. Собираюсь вот... посмотреть.

Вообще-то у меня уже было одно предположение. Необучаемость Тейта с самого начала напоминала мои собственные трудности с местной магией. Биокинез, эмпатия и телепатия, конструирование и моделирование — из трёх областей Оро-Ич выбрал для адаптирования под лагонскую школу ту, что поможет мне выжить — и, что немаловажно, наиболее похожую на магию. И то без возможности видеть иной слой мира, энергию, используемую для колдовства, перестроиться у меня получилось далеко не сразу. А телепатия? Учитывая разницу в подходах, не уверена, что я вообще смогла бы освоить местные приёмы. Разве что грубо сымитировать...

Было и ещё кое-что, объединяющее меня и рыжего — скорость.

Псионические способности позволяли черпать энергию изнутри, потому-то я и уставала намного раньше магов. Зато действовала почти мгновенно. Быстрее реагировал только сам мастер Оро-Ич, однако он находился на совершенно ином уровне, несопоставимом. В остальном же псионика давала мне фору по сравнению с магами. Иллюзии я воплощала почти так же быстро, как мастер Ригуми, только вот мои творения были куда более хрупкими и простыми, несравнимо ниже по

уровню. И я сумела отразить телепатическую атаку Эфанги! Конечно, не только за счёт скорости — сработал фактор удивления. Неориентируемая поверхность оказалась для мастера сюрпризом; в настоящем бою, где некому сказать "стоп" и осадить противника, щиты дали бы мне всего лишь незначительную отсрочку.

Неважно.

Главное, что Тейт действовал так же — очень-очень быстро, грубо и сильно. И его сила — это я запомнила после сражения очень точно — шла изнутри. Нечто жгучее, болезненное, мощное...

А у испепелителей?

— Беги или гори, — прошептала я и облизнула губы; горько, солоно, шершаво.

Кто сказал, что "гори" значит именно "сдохни"? Сердце тоже может гореть. А вдохновение — сжигать.

Рыжий покосился на меня, но не произнёс ни слова. А я глубоко вдохнула жаркий воздух, отбросила с лица прилипшую прядь и села так, чтобы щиколотки соприкасались. Для глубокого анализа обычной степени сосредоточенности могло бы и не хватить. Нужен купол километров на пять, причём плотный.

Что ж, начнём.

...один из самых сильных страхов любого телепата — раствориться в чужом разуме. Чем больше контактов устанавливаешь одновременно, тем сложнее держать концентрацию. Причём опасна не агрессия, лупить по врагам можно, не понимая их; опасно познание. Чтобы в буквальном смысле встать на место другого человека, нужно отказаться от части себя, позволить чужому видению мира заместить твоё.

Некоторые ученики чувствовали моё прикосновение; одни отмахивались от него, другие наоборот, приглашающе раскрывались, когда осознавали желание понять. Легче всего было с подмастерьями. Один из них, обладающий примерно третьей ступенью эмпатии, даже любезно пояснял свои действия, моделируя мысленные образы.

...мир он воспринимал как пылающую пропасть. Жуткий, испепеляющий жар всегда был рядом — только ладонь протяни, зачерпни полной горстью, сомни, измени сообразно своим желаниям и пользуйся. На жар можно воздействовать голосом и движением; тело мага постепенно трансформируется в идеальный инструмент.

Если пламя — это дыхание, то испепелители творят музыку. Слабые ученики дуют в дудочки, каждый в меру сил; у подмастерьев — валторны, органы, саксофоны.

А мастер Чирерори, который сидит на возвышенности с того края кратера — прекрасное место, кстати, замечательный вид открывается, — целый духовой оркестр.

— Тейт, — тихо позвала я, с трудом разлепив губы. — А можешь ты сейчас показать, что умеешь? Что-нибудь сильное?

Мрачную задумчивость у рыжего точно ветром сдуло. Он заулыбался:

— Ага, сейчас! — и сиганул было в кратер, но на полпути передумал и запрыгнул обратно ко мне. — Отсюда только никуда не уходи. Опасно.

Забавно, что при этом он явно имел в виду вовсе не тот пламенный хаос, который бушевал в кратере сейчас.

Тейт прошил тренировочное пространство, как игла. Некоторые ученики в шутку метили в него, но ни один удар не достиг цели. Примерно посередине рыжий забрал правее и выскочил прямо к тому любезному подмастерью, который открыл мне свой разум — это оказалась молодая женщина — и что-то сказал ей. После этого женщина оставила участок и почему-то побежала ко мне, по дороге собирая вокруг себя небольшую толпу. А Тейт ловко вскарабкался по стенке кратера и подскочил к Чирерори, жестикулируя так активно, что даже мне видно было.

От мастера повеяло мучительным предвкушением вкупе с раздражением и злостью на самого себя — так обычно чувствуют себя девушки на диете, которые не могут отказаться от ещё одного пирожного из той новой модной кондитерской. Тейт усилил напор; мастер... нет, не сломался — от ломки такого удовольствия не испытывают. Он позволил себе каприз.

Рыжего от избытка чувств на месте подкинуло. А Чирерори вдруг раскинул в стороны руки — взметнулись, как крылья, ткани цвета ультрамарина — и выпустил в небо столб багровых искр, точно кровь из разверстой груди.

Взрывы прихотливые переливы пламени бушевали в кратере ещё несколько секунд, а потом ученики ринулись прочь оттуда — все двести с лишним человек, или сколько их там было. Буйство огня

утихло. Женщина-подмастерье, высокая, с коротко остриженными красными волосами, перебралась через край и села рядом со мной на одно колено, лицом к обрыву.

— Танеси Тейт попросил за тобой присмотреть, — сосредоточенно ответила она, не глядя на меня. Глаза у неё были яркими, голубыми, но из-за жирной красной подводки казались воспалёнными, как у больной крольчихи. — Я сомневалась, что мастер Чирерори разрешит, но он согласился.

Из кратера выскочили другие ученики, шестеро, которые следовали за ней, но отстали; они сели за мной и принялись быстро делать жесты руками и монотонно гудеть на одной ноте.

Стало не по себе.

— А почему были сомнения? Гм... Я Трикси, Трикси Бланш.

— Знаю, — краешками губ улыбнулась она, скосив на меня круглые кроличьи глаза. — Аламарон. Но меня обычно зовут Лэм. Танеси Тейт интересуется многих мастеров, — добавила она ни с того ни с сего.

Я сделала зарубку на память, но спрашивать ничего не стала. Кратер наконец опустел; рыжий как раз сбежал на самое дно и махнул рукой. И шрах меня дёрнул в этот самый момент скосить взгляд — и заметить, как пижон Чирерори на внушительной скорости дезертирует к кольцу хокорнов.

"Это точно безопасно?" — успела подумать я, а потом рыжий что-то сделал. Уши мгновенно заложило, глаза заслезились...

...Моё психическое здоровье, как ни странно, спас мощный эмпатический купол. Я слишком пристально следила за малейшими изменениями в разуме Тейта и не сразу осознала, что вокруг творится. Это даже не было похоже на взрыв. Мы вдруг очутились в эпицентре пожара, посреди оглушительно ревущего бесцветного пламени.

Лэм сидела, скрестив руки перед грудью, взмокшая и побелевшая от напряжения. Губы её были разомкнуты; кажется, она кричала, но я не слышала ни звука — рёв пламени поглощал всё. Вокруг нас оставалось небольшое пространство, куда жар не проникал. Но за его пределами камень, выдерживающий бесконечные взрывы, испарялся — так, словно невидимый скальпель срезал слой за слоем. Обнажались, как скелет, более прочные и жаростойкие вкрапления — хрупкое кружево, которое в свою очередь постепенно рассыпалось...

Но страшнее всего было давление. Меня словно стиснуло подушками со всех сторон одновременно — ни шевельнуться, ни вздохнуть.

Кошмар закончился так же внезапно, как и начался. Тейт, целый и невредимый, стоял на дне кратера, теперь безупречно гладкого, отполированного до стерильной частоты. Воздух дрожал от остаточного жара; камень вокруг был горячим, но терпимо — босиком не походишь, но руку приложить можно.

А у рыжего даже одежда не была опалена.

И он улыбался.

— Красиво, — выдохнула Лэм зачарованно и провела ладонью по лицу, стирая пот.

От неё фонило восхищением на грани экстатического удовольствия — и не только от неё. Нечто подобное ощущали и ученики за моей спиной, и даже мастер Чирерори, который так и не успел добежать до кольца хокорнов, сыто звенящих листьями.

Испепелители? Ха! Чокнутые пироманьяки — все, включая деревья.

Я ощутила резь в груди — и поняла, что уже долго не могу сделать вдох. Меня била крупная дрожь.

Да, ошибка вышла. Точнее, колоссальный провал. Рыжий не маг, но и не псионик. Если маги — безупречно настроенные инструменты, то псионики — оперные певцы; если подумать, у них тоже есть "инструмент", только встроенный. Танеси Тейт с этой точки зрения — чистая музыка, обладающая собственной волей и проблемным характером.

Стихия, по недоразумению воплощённая в теле... неплохом, надо сказать, очень привлекательном.

И что, шрах побери, делать мне теперь с этим знанием?

Глава 25. Дрессировка

Весьма полезное свойство характера, которое позволяет превратить мировую катастрофу в безопасное развлечение. Увы, отсутствует у большинства магов. (Из свитка "Загадки Лагона")

Дядя Эрнан однажды сказал: "Не знаешь, за что держаться — хотя бы держи себя в руках".

Судя по всему, это поучение отложилось у меня глубоко в недрах подсознания, потому что через некоторое время я обнаружила, что бездумно пялюсь в кратер, зябко обхватив себя руками за плечи. Кроны хокорнов излучали тёплое красновато-золотистое сияние — действительно, изумительное по красоте зрелище. Как-нибудь вернусь и оценю в полной мере... если доживу.

— Чирерори полагает, что ещё несколько ударов — и хокорны зацветут, — донёсся издали смешной высокий голос. — Все целы?

Ученики откликнулись вразнобой; никто, к счастью, не пострадал, не считая одного впечатлительного лысого мужчины, который от восторга хлопнулся в обморок. Пока Чирерори осторожно пихал его сапогом в бок, над краем обрыва показалась лохматая рыжая башка и коварно осведомилась:

— Ещё несколько? А можно?

Со своего места я могла видеть только огневеющие вихры надо лбом и пару синих глаз, но, готова спорить, Тейт скалился, как истинный маньяк.

— Нет, — с сожалением откликнулся Чирерори и, в последний раз ткнув мыском в грузное тело, добавил. — Здоровые ученики унесут вот это и очень постараются не уронить. Аламарон проследит.

Задание мастера явно не вызвало у Лэм особого воодушевления, однако спорить она не стала. Под её руководством дюжие ученики перекатали своего бессознательного приятеля на растянутые шарфы и на таких немудрёных носилках шустро понесли его к хокорнам. Чирерори, тщательно скрывая неподобающее его статусу восхищение, присел у обрыва и заглянул в кратер. Затем цокнул языком:

— Танеси Тейт по-прежнему использует только грубую силу. Как неязьно. Учить пока не буду.

Мне показалось, что последние слова мастер произнёс с сожалением, и я невольно потянулась вглубь его разума. Подобно другим могущественным магам Лагона, Чирерори владел эмпатией и телепатией примерно на уровне третьей ступени, но, в отличие от прочих, практически не закрывался. Тогда, на суде, с перепугу он показался мне излишне высокомерным и чопорным, но теперь представлял человеком, который просто очень старается следовать правилам, чтобы не навредить. Ошеломляющая сила Тейта его влекла; было в этом что-то адреналиновое, страстное — не стремление учёного разгадать сложнейшую загадку, а, скорее, желание укротителя подчинить дикого монстра.

Останавливало мастера лишь одно. Он прекрасно понимал, как можно раскрыть потенциал рыжего, но не представлял, как его контролировать.

— Ну и не надо, — пробурчал Тейт, искоса поглядывая в кратер. Соврал, конечно. — И так справлюсь. А вообще спасибо, что разрешили воспользоваться этой штукой. Я хотел показать Трикси свою силу, но в Лагоне особо негде. Тесновато.

Я поперхнулась на вдохе. "Тесновато!" Да уж, глобальное мышление.

А настроение мастера вдруг странно изменилось — упоение чистой стихией уступило место тихой печали порядочно уже пожившего человека.

— Магия есть способ изменять мир, — произнёс он негромко, явно кого-то цитируя. — Когда-то Чирерори был очень молод и считал, что лучший способ изменить мир — очистить его от всего лишнего. И ещё он думал, что производит неизгладимое впечатление только разрушительная магия... Однако он ошибался. Огромное пламя не изменяет мир, а делает его пустым. А принести что-то новое может и маленькая искра. Вот здесь.

Чирерори легонько, почти беззвучно прищёлкнул пальцами, стряхивая с ногтей крохотный лепесток белого огня. Стоило только моргнуть — и пламя исчезло, но через секунду под рёбрами, в самом сердце стало жарко, больно и хорошо. Не выдержав, я согнулась, а потом и сжалась в комок. К глазам отчего-то подкатили слёзы.

— Что... вы сделали? — хрипло спросила я. Чуждый, пугающий жар так хотелось выцарапать из груди, что пришлось сцепить пальцы в замок.

Спокойно, Трикси. Спокойно.

— Возможно, ошибку, — непонятно ответил Чирерори и отвернулся, окутанный ворохом синих и голубых тканей. — Танеси Тейт что-нибудь понял?

— Нет, — честно ответил рыжий и скосил на меня взгляд. — Мы пойдём, наверно. А это у неё скоро пройдёт?

— Никогда, — фыркнул мастер и воспарил к облакам. Но затем передумал и опустил на свой любимый насест на другом краю кратера.

Я переглянулась с Тейтом, по-прежнему ничего не понимая, но потом с трудом поднялась и, опираясь на его руку, заковыляла к кольцу хокорнов. Ученики начали потихоньку стекаться обратно. Они горланили, как стая тропических птиц, и по-прежнему пребывали в каком-то полуоглушённом, восторженном состоянии.

— И что это было? — мрачно поинтересовалась я, когда мы проходили под деревьями.

Чирерори солгал — неприятные ощущения отступили минуты через три, осталось только ощущение призрачного тепла. Зато идти под хокорнами было совсем не холодно.

— Без понятия, — дёрнул плечом рыжий. — Но вообще на него находит иногда какая-то хрень, и он становится прям как Оро-Ич. Сегодня вот не хотел пускать меня в кратер, но когда я сказал, что у меня скоро поединок, то разрешил.

— Что, так легко? — Мне это показалось сомнительным. Нет, конечно, Чирерори — тот ещё пироманьяк, но простые и понятные мастера в Лагоне, которые в своих поступках руководствуются лишь одной причиной — чистая утопия.

Тейт задумался, припоминая.

— Ты знаешь, нет. Но потом увидел тебя и спросил, буду ли я тренироваться один. Ну, я такой сказал, что да. А он: "Ну-ну".

Я споткнулась о растрескавшийся лист хокорна. Вот шрах! Неужели Чирерори умудрился залезть мне в голову, с его-то третьей ступенью? Вроде бы нет... Тогда как угадал-то?

— Слушай... Он не так уж ошибся.

Рыжий недоверчиво заглянул мне в лицо:

— Чего-чего? Хочешь побыть со мной на тренировках? Плохо разглядела, что ли? Или не дошло? — Тёмная бездна его разума приоткрылась, и оттуда плеснуло злостью. — Я вообще-то не собирался выходить за кратер, но плеснуло до хокорнов...

У меня во рту появился кислый привкус. Я сглотнула. Нет, конечно, страшновато, но, с другой стороны, интересно — до подкашивающихся коленок...

И кто здесь теперь адреналиновый маньяк?

— Я понимаю, что это опасно. Но, во-первых, надеюсь, что мы обойдёмся без таких масштабов. А во-вторых, у меня есть идея, как тебе помочь.

Тейт резко развернулся и схватил меня за плечи. Разум у него опустел, словно мысли шрамами разбежались по углам и затаились.

— Так. У тебя есть — что?

— Идея, — послушно повторила я, машинально отводя взгляд. Смотреть сейчас рыжему в глаза было слишком сложно... Наверное, потому что я боялась увидеть там надежду. — Помнишь, я тебе давно ещё говорила, что в моём мире нет магов? Когда мы только встретились?

Рыжий наконец отмер и отцепился от меня. Мы побежали дальше; сияние хокорнов за нашими спинами постепенно угасало, оставляя только слабые красноватые отсветы. После душной гари над кратером воздух Лагона казался сладким и сырым, как между морем и цветущим садом.

— Ну, а ты кто тогда?

— Псионик, — я запнулась, не зная, как получше объяснить. Раньше мне элементарно не хватило бы слов, теперь не доставало уверенности в своей правоте... А, ладно. Скажу, как вижу. — В моём мире считается, что человек со сверхспособностями не черпает силу снаружи, из мира, а берёт изнутри...

— А внутри у него что, не мир, что ли? — перебил меня рыжий.

Самое смешное, что он на самом деле не видел разницы.

— У нас разделяют внешний и внутренний мир, — терпеливо пояснила я. — А значит, внешнюю и внутреннюю силу...

— Очень странно, — задумчиво резюмировал Тейт.

Ну да, конечно. Вообще-то как раз в нашем мире всё понятно, логично и упорядоченно. Это в Лагоне — странно, дико и хаотично. Но не спорить же из-за мелочей?

— Дело не в этом, — неопределённо качнула я головой. — А в том, что разный подход предполагает и различия в методах. Существуют псионики, которые очень похожи на ваших испепелителей. У нас они называются пирокинетиками — как бы "передвижателями огня". Но это не совсем верно... — Я задумалась, как бы попроще объяснить дикому аборигену про атомы, кинетическую и потенциальную энергии, про быстрое и медленное горение, про окислительно-восстановительные реакции и про распад, но затем плюнула. — Вообще среди псиоников есть несколько видов "кинетиков". Биокинетики, телекинетики, пирокинетики... Объединяет их одно: используя свою силу как катализатор, они инициируют какое-либо "движение". Буквально — например, перемещают по воздуху каменный блок, или фигурально, когда, э-э... Ускоряют движение частиц внутри какого-либо объекта, и от этого начинается... э-э... в общем, он загорается.

— Предположим, понял, — склонил голову к плечу Тейт, благоразумно не уточняя, что за частицы такие и с чего вдруг вещь загорается.

— Хорошо. На самом деле, не все кинетики понимают, что именно они делают и как, — улыбнулась я невольно. — А способности проявляются едва ли не с рождения, и порой очень опасные. Но именно поэтому в основе любых тренировок псиоников лежит жесточайший контроль. Не только у "кинетиков", кстати — все псионики начинают с медитаций и с упражнений на концентрацию, в чём бы ни заключались способности. Вот моя сила, например, не предполагает движения...

— А по-моему, ты много двигаешься, — фыркнул Тейт, дурачась. — Ну и правильно. Будешь в драке стоять на месте — тебя размажут.

Он что, пытается увести разговор в сторону? Я недоверчиво потянулась к разуму рыжего — и отпрянула, как ментально, так и физически.

Тейт и правда оттягивал момент, когда разговоры закончатся и начнётся тренировка, потому что... опасался? Но кого или чего?

— Это другое, — возразила я вслух. — Речь идёт о способностях.

— Да ну? А как же эта, как её, штука с одной стороны, ну, про которую ты рассказывала, что Эфанга через неё не сунулся?

Надо признать, вопрос резонный — но слишком сложный даже для учёных из моего мира. Сложно ответить так, чтобы не скатиться в дурацкую мистику, наукообразные теории и одновременно не упереться рогом в такие удобные, привычные, но далеко не всё объясняющие версии.

— Кое в чём ты прав, — вздохнула я. — Всё дело в традиционном подходе. Ну, как в биокинезе, когда пару веков назад всякие "одарённые" лечили пациента, представляя, что изгоняют из него злого духа. Болезнь действительно отступала, но никакого духа ведь не было. А врач его видел, представь, порой даже осязал. Сохранилось даже несколько монографий, описывающих этих духов. Такой вот парадокс.

— Духи, духи, — проворчал Тейт в сторону. — Про шраха ты тоже говорила, что его не бывает. А Оро-Ич вот сказал, что видел кого-то рыжего с двумя хвостами в своей лаборатории. Вроде бы что-то ценное разбилось...

Исключительно ради сохранения своего душевного здоровья я сделала вид, что ничего не услышала, и продолжила:

— Так вот, про эмпатию. Для удобства восприятия я представляю себе условный "купол", который перемещается в пространстве, но на самом деле для восприятия чужих мыслей и эмоций я как бы делаю свой разум более чувствительным. Когда купол вытягивается в какую-либо сторону, я на самом деле просто туда мысленно поворачиваюсь — и слушаю, концентрируюсь на одном направлении.

— Типа такого? — Рыжий, ухмыляясь, приложил к ушам ладони, как локаторы, и завертелся на месте.

Я прикусила губу, чтобы не засмеяться.

— Почти. В общем, эмоции и мысли невозможно заглушить полностью, если человек в сознании. Они просачиваются сквозь любые установки и щиты, и чем более восприимчив разум эмпата и телепата — тем больше он улавливает. Что же касается воздействия... — Я снова сделала паузу. Да-а, вот попробуй-ка объяснить то, что сама с трудом осознаёшь! — Есть теория, что разумы всех мыслящих существ образуют некое поле. Эгрегор,

ноосфера... Это сложно, в общем, какого-то определённого термина пока нет, область слишком мало исследована. Да и непонятно, как её применять на практике — метод условного купола куда удобнее. Но, в общем, согласно этой теории, телепат или эмпат постоянно воздействует на поле, как бы в фоновом режиме. И когда я врываюсь в чужой разум, то фактически влияю не непосредственно на него, а на всё поле, только более интенсивно, чем обычно. Это объясняет, почему псионики шестой и седьмой ступени фактически не ограничены никаким расстоянием. То есть эмпат или телепат каждый раз изменяет не окружающую среду, а себя — и, являясь частью этой среды, провоцирует необходимые ему изменения других отдельных фрагментов этой среды...

И тут я осеклась.

Меня наконец осенило.

Так вот о чём говорил Оро-Ич! Теперь ясно, почему я, не являясь магом, могла помочь Тейту. Скорее всего... конечно, никто не гарантирует результата, ведь это пока лишь теория... Скорее всего, ответ на его вопросы лежал на стыке методик пирокинетиков, "передвигателей огня", и эмпатов, которые воспринимали свою силу не только как нечто сугубо внутреннее, но и как часть чего-то большего.

Маги действовали, ориентируясь на результат, грубо говоря, превалировал эмпирический метод. Главное для них — "что".

Псионики под всякое действие подвели обширную теоретическую базу. Главное — "как".

Мои эмпатические способности сейчас работали как бы на стыке методик двух миров. От родного мира я взяла теоретическую базу, от нового — нацеленность на принципиально новый результат, даже если вначале он кажется пока невозможным. Раз получилось у меня, может, получится и у рыжего?..

— Трикси, ты чего? — позвал он тихонько, выдёргивая меня из размышлений.

Ноги затекли; незаметно для самой себя я села на землю, сжимаясь в комок, и уткнулась в колени лицом.

— Всё в порядке. — В горле пересохло, и голос слегка осип. — Я, наверное, знаю, как тебе помочь.

— Ты уже говорила. Катов десять назад, мм?

— Тогда у меня была абстрактная идея. — Я запрокинула голову и уставилась рыжему в лицо. Он был напряжён, даже пальцы подрагивали. — А сейчас — конкретный план. У тебя есть на примете укромное место, где можно потренироваться в одиночестве?

— В Лагоне — нет, тут слишком тесно, говорил же. Поэтому и пришлось к Чирерори напрашиваться, — задумался он. — А вообще... Подожди, а?

Прежде чем я успела ответить, Тейт нырнул в заросли. У края высокая трава ещё покачивалась, но дальше ни одна верхушка не шелохнулась — попробуй-ка угадай, куда он побежал. Впрочем, мне это было только на руку — после эффектной демонстрации силы в кратере ужасно не хватало хотя бы небольшой передышки. Я свернула с тропинки и заползла под колючий полог дерева кижу. Бледно-розовые веретенца незрелых плодов болтались над самой головой, источая слабый цитрусовый аромат. Вроде бы Аринга упоминала, что он перебивает другие запахи... Надеюсь, не обманывала, хоть какая-то польза от путешествия с ней.

Купол куполом, а лишних предосторожностей не бывает.

Я собиралась только немного привести себя в порядок биокинезом, сделать дыхательную гимнастику и разогнать энергетические потоки, чтоб легче было воздействовать на рыжего, но вместо этого уснула — самое нелепое, что могло случиться. И очнулась почти через сет, когда негибкие колючие ветки затрещали, и сквозь заросли просунулась рыже-алая морда химеры.

— Шекки? — осторожно предположила я, протирая глаза.

Ну, да, кто же ещё, чужой айр бы уже, наверное, атаковал.

— Хорошо спряталась, — одобрил невидимый Тейт и дёрнул повод, заставляя Шекки попятиться. Птичий глаз хитро сощурился. — Мы даже тебя не сразу нашли. Давай, вылезай — будем правила нарушать.

— В каком смысле? — осторожно поинтересовалась я, проползая под ветками, и зажмурилась. После недолгого сна солнце ослепило — будто на лицо положили сияющую тёплую подушку.

— Тут есть одна долина рядом с Лагоном, — голосом заправского искусителя ответил рыжий и за шиворот вздёрнул меня на спину Шекки. Химера довольно заклекотала; не в первый раз мне почудились слабые эмоции там, где их не могло быть — у айра. — Лететь-то всего

катов двадцать. Но ты же понимаешь, что я у мастеров не отпрашивался на выход, а вообще так нельзя. Если поймают...

Он многозначительно умолк. В мысленном фоне промелькнуло несколько смазанных образов. Искренне надеюсь, что рыжий просто вспомнил последний визит на кухню Митчи. Все эти подозрительного вида пюре, инструменты...

Гм.

— Не поймают.

— Я тоже так думаю, — повеселел рыжий — и резко направил химеру в небо.

Стоило нам вылететь из долины, как Лагон исчез. Но если в прошлый раз на его месте был склон горы — сплошь в острых камнях, то теперь появилась бездонная пропасть, над которой бушевала чёрная гроза. Мне даже стало не по себе. Молнии непрерывно змеились вокруг, словно электрические змеи играли в салочки, гром взрывал то небо, то бездну у нас под ногами, струи воды хлестали так, что, кажется, оставляли синяки на плечах... но и только. Ни один разряд не попал в нас; Тейт совсем не боялся, и мне передалось его отношение. Когда мы выскользнули из грозового фронта, я на секунду ощутила тень сожаления.

Но, честное слово, не дольше.

— Да, громыхает сегодня, — сощурился Тейт, оглядываясь на грозу. Он похлопал Шекки по мощной шее и присвистнул; тут же невидимый щит ослабел, и в лицо ударил поток воздуха. — Видимо, посторонние рядом.

— Кхе-кхе... — От сильного ветра першило в горле, зато одежда сохла быстрее. — А что, маскировка изменяется, когда поблизости кто-то чужой?

— Не всегда, — неопределённо дёрнул плечом он. — Вообще в горах часто целые долины пропадают, потому к океану обычно и ходят с мастером или подмастерьем — безопасные пути слишком быстро исчезают. Но Оро-Ич, ну, редко меняет Лагон вот так резко. Значит, кого-то срочно надо сбить с толку.

Я похолодела.

— Свободные?

— Ну, наверно, кто ж ещё, — откликнулся Тейт и, скосив на меня взгляд, ободрительно улыбнулся: — Но ты не переживай. Туда, куда я

тебя веду, ни один маг в здравом уме не сунется.

— Лучше б ты промолчал! — простионала я, зажмуриваясь, и рыжий послушно заткнулся.

Лететь действительно оказалось недалеко. Интенсивный купол за всё это время ничьё присутствие не уловил, и мне стало поспокойнее. Действительно, мало ли кто шатался поблизости — может, они уже ушли... Или затаились и подстерегают нас.

М-да, иногда привычка ожидать худшего изрядно портит нервы. Тем более что опасность была совсем не там, где я её старательно высматривала, потому что во втором пункте своей программы-минимум Тейт тоже не солгал.

— Мы на месте, — провозгласил он, когда Шекки завис над узкой расщелиной в скале — аккурат два человека разойдутся. — Слушай, а понюхай вот эту штуку — не тошнит? — и рыжий сунул мне под нос объёмистый пузырьёк с красной жидкостью.

Я послушно втянула воздух. Пахло весьма противно, то ли гниловатыми переспелыми фруктами, то ли сладким мясом, то ли какими-то выделениями насекомых... Определённо нечто органическое. Уже неплохо, потому что химическую вонь я переносила куда хуже.

— Вроде нет.

— Вот и хорошо, потому что придётся этим намазаться и так просидеть сета два, — с довольной физиономией заявил Тейт и тут же щедро накапал жидкости себе на ладонь. — Не вертись и глаза закрой. И рот. Оно горькое.

— Хотя бы не ядовитое?

— Э-э... Знаешь, Трикси, яды — не главная опасность.

Всё любопытство у меня разом куда-то подевалось.

По свойствам жидкость изрядно напоминала эфирное масло — такая же скользкая, немного жгучая, от тепла тела запах становится интенсивнее. Достаточно одной капли, чтоб волосы провоняли. Жидкость оставляла странные следы — бархатистые, объёмные и, похоже, разрастающиеся. Тейт основательно облапал меня, не пропустил, кажется, ни одного участка, везде насажал пятен — и как, спрашивается, потом костюм отстирывать? Себя он тоже перемазал с головы до ног. Глядя на уродливые красные разводы у него на щеках, похожие то ли на ожоги, то ли на лишай, я мрачно поинтересовалась:

— Надеюсь, у меня вид не такой дурацкий?

Рыжий засопел, потом признался неохотно:

— Ещё хуже. Но целоваться всё равно хочется... Но я серьёзно, постарайся, чтоб оно в рот не попало. Это вообще-то типа плесени, она растёт, но не вглубь, а на поверхности.

Мне стало дурно.

— И зачем же понадобились такие, гм, крайности? — с языка рвалось другое словечко, но я сдержалась.

Тейт указал на расщелину.

— Нассова трава. Внизу её полно. Ты не бойся, я тебя пронесу. Главное, не вертись и ничего не трогай. Но идти вообще недолго, в конце большая пещера, там уже ничего не растёт.

— Да? И почему?

Про насову траву я помнила только, что это из-за неё у Аринги не хватало половины туловища. Что-то опасное, почти как гаюс, только ещё и способное передвигаться. Небольшие пещеры она вроде бы заполняла целиком.

— Я там тренируюсь, — довольно заявил Тейт. — Мой огонь сжигает даже её, но вообще-то воплощённое ничто и другую магию насова трава проходит насквозь. Не ломает, просачивается просто. Единственное, что её берёт — вот эта плесень. Правда, сначала плесень и людей жрала, но Кагечи Ро её переделал.

Перед тем, как ответить, я мысленно досчитала до десяти.

— Постепенно прихожу к выводу, что меньше знаешь — крепче спишь.

— Это новое пугает, — возразил Тейт неожиданно. — А когда привыкаешь, то вроде ничего. Если подумать, то Оро-Ич или там Ригуми Шаа гораздо страшнее какой-то там плесени, но ты же от них не шарахаешься. Ну, пойдём?

Возразить было нечего, и я склонила голову к плечу. Он подхватил меня на руки и спрыгнул на скалу.

Несмотря на все уверения Тейта, мне было не по себе. Чем глубже мы спускались в расщелину, тем сильнее становился солоноватый металлический запах. Отвратительный или приятный — так сразу и не поймёшь. Чудилось в нём нечто противоестественное; словно разламываешь свежий, ароматный пирог с хрустящей корочкой, а вместо начинки из него вываливается едкая полимерная пыль, как из

картриджа для многомерной печати. Свет бил в спину, превращая меня в полуслепую калеку. В полумраке я могла различить лишь движение — со всех сторон разом, и вдоль стен, и по потоку, и даже у ног.

Нассова трава шевелилась.

Не так, как водоросли колышутся в воде или как по степи от ветра идёт волна. И даже не как хищник, подстерегающий жертву. Позапрошлым летом в кинотеатрах крутили третьесортный фильм ужасов про вторжение инопланетных роевых насекомых вроде пчёл. Мы ходили вместе с Лоран — и обе ощутили иррациональный страх. Не из-за фонтанов томатного соуса в сценах, где инопланетяне обгладывали бедных горожан, конечно. А из-за непредсказуемой и непостижимой логики перемещения колоссальных масс живых существ, каждое из которых вроде бы автономно и обладает собственным разумом, но при этом движутся они как нечто единое, монолитное, неделимое — некая бесконечно изменчивая тварь.

Тейт быстрым шагом углублялся в пещеру, крепко прижимая меня к груди. А нассова трава заботливо раздвигала густой полог на нашем пути, расползалась из-под ног, отводила от лица отдельные плети, покрытые мелкими цепкими шипами — и смыкалась позади, отрезая от выхода и от света.

Вскоре меня уже колотило; рыжий понятливо хмыкнул и зажёл два крошечных шарика у себя надо лбом, точь-в-точь как рожки. Темнота отступила; нассова трава потянулась к свету, но затем прянула назад.

Она была разумной; тень хищного, бесконечно чужого сознания маячила на самой границе, отделяющей эмпатическое восприятие от большого воображения.

— Помнит, — шепнул Тейт. — Раньше мы, ну, враждовали. Я выжигал всё вплоть до выхода. Она пыталась меня усыпить и сожрать... Видишь, вон, шишечки такие? Там пыльца. Нассова трава выпускает облака сонного тумана. Он впитывается даже через кожу. Отрубашься очень быстро. Противоядие есть, но действует не сразу. Ну, мне не особо страшно, я-то изменённый, Кагечи Ро постарался, но мало кто решается на сильную переделку, чтоб и кожа, и мышцы, и органы. Такие психи обычно болтаются в ложе созидующих совершенство. В общем, мы с нассовой травой немного пободались, а потом у нас появилось что-то типа уговора. Она меня не трогает,

пещеру не забивает. Но иногда меня преследуют свободные, и я иду сюда. И тогда трава цветёт.

К горлу подкатила тошнота.

— Почему?

Тейт жутковато ухмыльнулся:

— Сытая потому что. Знаешь, когда она добирается до чего-то живого, то втягивает его под землю. Маги особенно вкусные, они ведь колдуют. И потом на поверхности распускаются такие красивые-красивые жёлтые гроздья. Я несколько раз видел. А когда рассказал Оро-Ичу, то он очень смеялся и хвалил меня, ну, что я её приручил. Но думаю, что если хоть раз приду сюда без плесени, то трава расцветёт.

Где-то внутри пышного травяного полога зародилась дрожь предвкушения — и раскатилась по верхушкам мелкой рябью. Я сжала пальцы на плечах у рыжего так, что больно стало даже ему.

Метров через пятнадцать туннель кончился — точнее, раздался в стороны и ввысь, превращаясь в огромную, идеально круглую пещеру. Она очень напоминала огромный мяч изнутри. Да уж, явно не естественная природная форма, но способности Тейта прекрасно всё объясняют.

Едва мы оказались внутри, как он с удовольствием выдохнул и развесил под сводом несколько зеленоватых гирлянд из шаров-светильников. В противоположной от входа стороне виднелось несколько щелей, которые уходили далеко вглубь горы; из одних тянуло сухим жаром, из других — сыростью и холодом. Сквозняки тут бродили такие, что рукава и штанины хлопали, но поэтому и дышалось легко, не то что в туннеле.

Рыжий соскользнул на дно пещеры и уставился на меня, замершую на полпути:

— Ну, что, подойдёт для этих твоих тренировок?

Даже в слепой зеленоватой полутьме глаза у него оставались тёмно-синими, точно источали слабый свет. Красно-рыжие волосы приобрели грязноватый бурый оттенок; на лице цвели пятна плесени...

Я сглотнула, давая позорное желание отвести взгляд.

Слишком много надежды. Не только на то, что можно всё-таки выиграть поединок без жертв и оставить Эфангу в дураках; в глубине сознания Тейта, в той самой жуткой чёрной бездне, проклюнулся слабый росток веры: "Я могу быть нормальным".

"Я могу быть".

Так, словно раньше Тейт не имел на это права.

— Да, вполне, — заставила я себя улыбнуться и, неловко балансируя руками, сбегала на дно. — Начнём с техники сосредоточения. Знаю, у магов Лагона есть что-то подобное, но попробуем псионические методики. Я покажу.

Тейт напрягся.

— Этим? — Он выразительно постучал пальцем по виску. — Оро-Ич пробовал, если что. Дело не том, что до меня не доходит, как творить заклинания. Всё доходит, я вижу другой слой мира и прикасаюсь к нему. Просто у меня такое чувство, что я...

— ...в ватных перчатках с гидроусилителем пытаюсь продеть слишком толстую нитку в хрустальную иголку? — понятиво улыбнулась я и перекинула ему мысленный образ. Рыжий фыркнул — оценил юмор. — Я понимаю, правда. С мастером Лагона, конечно, никто не сравнится, однако у меня тоже есть сильные стороны... Точнее, они есть в культуре, в которой я выросла. А теперь садись. Будем делать простейшие упражнения для трёхлетних детей.

— Мне двадцать, — оскорбился Тейт.

— Вот и молодец, — пробормотала я, сосредотачивая купол вокруг нас двоих — так густо, что даже рыжий что-то почувствовал и поёжился. — Сядь, согни ноги, чтобы щиколотки перекрещивались, руки положи на колени. И ни о чём не думай, я буду тебя направлять.

Он подчинился — настолько быстро, бездумно и легко, что мне не по себе стало. В марионетках и то больше индивидуальности и бунтарского духа... Ладно, это даже хорошо: дисциплина — залог успеха, как говорил дядя Эрнан. Правда, вряд ли он подразумевал, что азы самоконтроля вот так сразу превратят неуправляемую разрушительную стихию в безупречный инструмент. Но почему бы не попробовать?

Я села за спиной у Тейта и прижалась к нему, обхватывая руками и ногами. Он дёрнулся, мгновенно выпадая из состояния едва-едва обрётённого равновесия, и беспокойно заёрзал.

— Сиди смирно, — прошипела я, вонзая ему в виски пару ментальных иглок. — У тебя что, гормональный подростковый бунт?

Рыжий тщательно проанализировал мысленный образ и уверенно ответил:

— Вот очень похоже. Особенно рядом с тобой.

Дохнуло жаром.

Ох...

Только дисциплинированный разум эмпата четвёртой ступени и некоторые тайные семейные приёмы биокинеза позволили мне вернуть самообладание.

— Я тоже тебя люблю, — пробормотала бы я и медленно выдохнула. — Иначе бы мне и в голову не пришло попробовать... так.

"Как — так?" — подумал Тейт, но спросить, конечно, не успел.

Я нырнула в его разум, практически растворяясь в нём — и подчиняя.

Это было почти табу. Ещё полгода назад подобное вмешательство казалось мне насилием — и над собой тоже. И только сейчас, погружаясь в сознание Тейта, ощущая каждую его мысль и чувство как свои, разделяя все физиологические неудобства, подстраиваясь под ритмы, я осознавала, что уже долго воспринимала его частью себя.

...жар за спиной — у кого?

...болезненно напряжённые мысли — чьи?

...сладковато-гнилостный запах плесени, неумолчный шёпот полуразумной нассовой травы, мурашки по коже, толща камня над головой, электрические разряды к западу — кто ощущал это, а кто просто прислушивался к чужим чувствам?

Я не знала.

Мне было всё равно.

Пульс — наш общий — постепенно выравнивался. Мой вдох — его выдох. Мы — две условные точки, две связанные частицы; изменится одна — и изменится другая, невзирая на расстояние... и даже в другом мире.

— Хорошо. А теперь разожги огонь.

Его сила находила отклик во мне, а моя — в нём. Раскачивался невидимый маятник, и с каждым махом нарастала гудящая фоновая боль. Наверное, резонанс; но сейчас он не имел значения.

Тейт изменялся.

Из глубины, из самой его сути, из чёрной бездны разума рождалось нечто жаркое, неуправляемое — сила, сжатая до одной точки и стремительно разворачивающаяся, как пружина. Тейт пытался

её удержать, придать ей нужную форму, но ему мешало что-то... что-то...

...страх? У рыжего? Не верю.

Огонь погас.

Шок был так силён, что меня едва не выкинуло из чужого сознания. Хорошо, что железная дисциплина разума эмпата оказалась сильнее; умение даже не отключать ненужные эмоции — неуверенность, страх, рефлексивное избегание опасности, а действовать помимо них. Это как прыгнуть с парашютом — в первый раз нереально, инстинкт самосохранения парализует. Но потом знание становится сильнее страха.

"Я могу" — самое могущественное заклинание.

— Попробуй ещё раз.

Теперь я уже знала, откуда ждать подвоха, потому стала действовать в сознании Тейта так же, как в своём — и погасила чужой страх зародыше, не позволяя ему вырасти в эмоциональный блок, сделать разум неуклюжим, беспомощным, способным только на неконтролируемую защитную реакцию. Перед мысленным взором снова замелькали образы — кратер, полный бесцветного огня, обожжённые ладони, узкое лицо, светло-голубые глаза — "Я тебе верю, Танеси Тейт, пожалуйста, прости" — осыпающийся пеплом череп и... и...

— Я тебе верю, Танеси Тейт, — произнесла я вслух — тем же голосом, с теми же интонациями, что и тот, из воспоминания.

Чёрная бездна в разуме была распахнута; страх, опьянение мощью, напряжение — всё оставалось неизменным, но теперь Тейт действовал так, словно ничего этого не существовало. И я медленно, очень осторожно начала вливать в него воспоминания о тренировках своего брата — приёмы опытного пирокинетика, которые никогда не могла бы применить на практике сама; ощущение гибкого, послушного жара в своих-чужих руках — как атласная лента, которая повинуется гимнасту. Затем — безмятежность разума Эрнана, псионика шестой ступени, который испытывал чувства лишь тогда, когда позволял себе это.

Конечно, я не могла прописать в Тейта новые навыки — учиться всегда нужно самостоятельно и только самостоятельно. Но показать идеал и направить к нему — вполне в моих силах.

— А теперь открой глаза.

Он послушался — и забыл, как дышать.

Вокруг нас шага на три, не больше, дрожало то самое бесцветное пламя. Оно касалось камня, однако не прожигало его — послушное, смиренное. Пламя льнуло к моей одежде; испарялась грязь, исчезала плесень, ввевшаяся в переплетение нитей. Оно с каждым вдохом проникало в мои лёгкие, но я всё ещё была жива.

— Вот видишь, Тейт. — Голос мне изменил; из горла вырвался какой-то едва слышный шёпот, нежный до интимности. — Ты можешь.

По ощущениям прошло уже несколько часов; я оставалась в сознании лишь потому, что между нами мерно раскачивался маятник резонанса; каждый мах — прилив сил и слабая фоновая боль-напоминание.

Рыжий встал, выпутываясь из моих объятий. Он всё ещё пребывал в точке безмятежности — над эмоциональными блоками, сдавливающими его естественную силу до чего-то густо замешанного на инстинктах, неуправляемого и непредсказуемого. Повинуясь осознанному желанию, бесцветный жар сжался, окружая нас ореолом не больше ладони в ширину. Тейт наклонился и взял меня на руки, а затем побежал, окружённый пламенем — вверх по скату пещеры, затем через туннель. Нассова трава притихла, прикидываясь мёртвой, и с шелестением прильнула к камню так, словно хотела в него впитаться.

Кажется, она боялась.

Если честно, я тоже.

А снаружи было сыро — по скале стекали целые ручьи, точно недавно прошёл ливень. Солнце уже почти опустилось за линию гор. Закатное небо расцветилось всеми оттенками оранжевого и красного, и парящий в вышине Шекки сливался с ним без всякой маскировки. По краям от расщелины нассова трава распушилась, как на клумбе, и выбросила несколько изумительно красивых ажурных кистей сливочно-жёлтого цвета — крупных, в человеческий рост величиной. Цветочные лепестки трепетали на ветру.

Пахло мёдом и смертью.

Тейт помог мне встать на ноги. Пламя вокруг нас угасло, и я разорвала связь, ощутив противную, тянущую пустоту там, где ещё секунду назад его чувства дополняли мои. Маятник резонанса

рассыпался невидимой пылью, и колени подогнулись. Навалилась страшная, невыносимая усталость.

— У нас что, получилось? — недоверчиво прошептал Тейт, разглядывая свои ладони так, словно он в первый раз их видел.

— Получилось, — слабо улыбнулась я, прикрывая глаза. Последние отсветы заката проникали даже сквозь сомкнутые веки — тепло, больно. — По крайней мере, сейчас. И не факт, что ты сможешь повторить это один, сам... Надо возвращаться. И, Тейт... Как ты думаешь, теперь у нас... у Лиоры... есть шанс?

— Да. Трикси, обещаю, я справлюсь. Просто верь мне.

— Конечно.

"Конечно"... Что ещё я могла ответить, в такой-то момент? Но оставалась одна тревожная мысль; она зудела над ухом, как надоедливое насекомое. Эфанга ведь не дурак. Он мастер, с которым считается даже Оро-Ич. И если настолько сильный маг и опытный интриган для сражения с неуправляемой мощью Тейта выбирает кого-то и явно не сомневается в победе даже без Лиоры...

На что же способен этот Соул?

Глава 26. Идиотская ситуация

Приобретённое умение находить общий язык в конфликтной ситуации.

*Абсолютно бесполезно, если ущемлена гордость.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Насколько несовершенны ещё его навыки, Тейт понял лишь тогда, когда едва не спалил собственный дом — и меня заодно.

— Я смогу, — упрямо повторил рыжий, сверля глазами остывающую пещеру, которая образовалась на месте двух смежных комнат. Порода запекалась до гладкой стекловидной корки; не спору, красиво, но несколько непрактично — поскользнуться легче лёгкого. — Справлюсь.

— Разумеется, — вздохнула я в который раз и села на пол, утыкаясь лицом в колени. Голова болела второй день — не от нагрузок, а от тонкого запаха гари, который сопровождал нас повсюду. — Тебе нужно время, только и всего.

— Да нет времени!

Внутри у Тейта прозрачным огнём полыхало воспоминание о том, что случилось в пещере — ощущение послушного жара на ладонях, невесомое тело, спокойный разум. И потому собственная неуклюжесть теперь мучила его больше прежнего.

— Есть, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Немного, но есть. Пойми, пожалуйста, что первая удача — это...

"...на девяносто процентов — моя заслуга".

Я вовремя прикусила язык.

— Это что? — насупился рыжий.

— Образец. Ты увидел, на что ты способен, и понял, к чему надо стремиться. Примерно как... — Я задумалась. Можно бы привести в пример дядю Эрнана, но Тейт, к сожалению, не оценит изящество аналогии. — Примерно как у меня и мастера Оро-Ича. Я прикасалась к его разуму и видела его потрясающие сионические... э-э... его умения как внимающего и поющего. Я даже примерно понимаю, что должна делать. Но мне элементарно не хватает опыта и навыков.

— Ну, ты сравнила себя и Оро-Ича.

Так, оскорбления опустим. Вдох-выдох, Трикси, вдох-выдох.

— Ты тоже сравнил — себя и моего брата Энтони. Он вообще не маг, а пирокинетик, ему легче. То, что мы достигли хоть какого-то результата — само по себе потрясающе, — в который раз повторила я. — И, уверена, если мы вернёмся в ту пещеру и попробуем снова...

— Потом, — упрямо перебил меня Тейт, глядя в сторону. — Мне нужно научиться делать это одному. Я же не могу драться, когда ты у меня на спине висишь?

— Может, будем тогда сражаться вместе? — осторожно закинула я удочки.

Тщетно.

— Нет. — Рыжий склонил голову, задумчиво таращась на остывающую пещеру. — Мне и так нужно думать, как не задеть Лиору, а ещё и ты прибавишься. Я справлюсь, честно, — улыбнулся он вдруг беспечно. — Не в первый раз. Просто поверь мне.

— Ты ужасный человек, Танеси Тейт, — призналась я и с некоторым трудом поднялась. Меня до сих пор пошатывало из-за взрыва. Хорошо хоть, что рыжий догадался проводить свои эксперименты в другой комнате... впрочем, и рухнувшей стены с избытком хватило для моей нервной системы избалованного эмпата из гуманистической цивилизации. — Хорошо. Но давай договоримся, что дома ты больше опыты ставить не будешь. Я прогуляюсь немного, часа полтора, затем вернусь и мы где-нибудь в безопасном месте попробуем повторить вчерашний успех.

— Ладно, — согласился он неожиданно легко и ковырнул ногтём гладкую корку запечённой породы. — А я пока попробую, ну, как вчера, успокоиться и сосредоточиться, как ты показывала. Только не здесь, а около хокорнов, вдруг опять рванёт.

— Прекрасно... Кстати, а сейчас что ты сделал-то? — запоздало спохватилась я.

Тейт ответил мне чистым невинным взглядом новорождённого шраха:

— Я чихнул.

— А-а, — поняливо склонила я голову к плечу, будто так и надо, и с достоинством выбралась на свет, протиснувшись мимо Шекки.

Милый дядя Эрнан, если для телепатов высочайшего ранга расстояние действительно не имеет значения — пришли, пожалуйста, немного своего пофи... Умиротворения. Очень надо.

Химера осторожно боднула меня клювом в плечо, а потом ещё раз, точно подбадривая.

— Ты же ничего не чувствуешь, — в сотый раз за утро вздохнула я. — Как ты можешь меня жалеть?

Шекки ответил подозрительно разумным взглядом и, свернувшись клубком, сделал вид, что спит. Земля под ногами мелко задрожала; не дожидаясь, пока снова что-нибудь рванёт, я продралась сквозь заросли и выскочила на дорожку.

Вообще день выдался прекрасный — жаркий, ясный, ленивый. Самое то, чтобы вскарабкаться на гребень холма и там задремать, не думая ни о чём. Ни об опасностях, ни об учёбе, ни о том, как устраивать свою жизнь. Так, чтобы солнце прогревало до костей, а травинки лицо щекотали.

Но не получится.

Если дома, в родном мире, можно было ещё распланировать время и устроить себе каникулы в середине лета, то Лагон такой роскоши не позволял. Может, лет через пять, когда Тейт станет лучше управляться со своими способностями, мы разберёмся с этим шраховым резонансом, а ко мне привыкнут... Сомнительно, впрочем. Судя по тому, какие испытания выпали на долю Ригуми Шаа в последнем путешествии, даже мастера здесь не застрахованы от проблем.

Под ноги подвернулся камень; я перепрыгнула его на ходу и только тогда осознала, что уже несколько минут назад машинально перешла на бег. Забавная привычка. И не единственная, кстати. Вот говорят же, что в мегаполисах люди меняются — начинают спешить, даже когда не опаздывают, обгоняют друг друга, пялятся в коммуникатор, постоянно проверяя сообщения, лавируют в толпе. Лагон тоже переделал меня по-своему: приучил к тому, что бег — самый естественный способ передвижения, что незнакомцев лучше избегать и что купол нужно всегда держать наготове.

Последняя привычка, надо заметить, исключительно полезная.

На границе сознания мелькнула полужнакомая тень. Дома бы я отмахнулась, а в Лагоне инстинктивно потянулась к ней, прощупывая — и не зря.

Орса. Ну конечно, эта заноза просто так не отвяжется.

Не подавая виду, что заметила преследование, я свернула с дорожки в заросли хотты. За ними, если мне память не изменяет, есть роща с жутковатыми кривыми деревьями, где растёт ослабленный вариант гаюса, без спор и не слишком жгучий. Пройду насквозь и выберусь к лугам для самостоятельных занятий, а оттуда — двадцать минут бегом до мастерской Ригуми. Навещу его, поблагодарю ещё раз за чудесную прогулку к океану — и, может, задам пару вопросов насчёт кофейного дерева. Дел на полтора часа хватит с лихвой, а если девчонка за это время не отвяжется — её трудности.

Естественно, мои прекрасные, логичные и продуманные планы тут же полетели кувырком.

В роще пришлось немного поплутать. Аккурат на середине условно-безопасной тропы какие-то экстремалы устроили пикник; судя по мысленным образам, любители острых ощущений были из ложи направляющих удар — одного я, кажется, встречала прежде. Ну, ничего удивительного — братья Тейта по разуму. Моих способностей вполне хватило, чтоб надстроить мосты и обойти самые опасные участки поверху. Уже на границе лугов я заложила ещё одну петлю, огибая компанию подозрительно весёлых учеников. По-моему, спиртного в Лагоне нет в принципе, но лёгкие дурманящие вещества и стимуляторы в ходу. Не замечала, к счастью, чтоб ими кто-либо злоупотреблял, но местным магам много не надо — они и так не слишком адекватные, на мой скромный взгляд.

Внезапно купол уловил позади подозрительное шевеление. Я замерла, прислушиваясь...

Вот шрах!

Интересно, почему у меня, новичка в Лагоне, хватило мозгов выбрать безопасный маршрут, а эта дурная девчонка, коренной житель, полезла напрямую? Вопрос риторический.

Судя по мысленному фону, в подозрительно весёлой компании Орсу знали. И не с лучшей стороны, а потому отпускать просто так не собирались. Пятеро на одну — не слишком честный расклад. Разумеется, это не моё дело...

Да кого я обманываю.

Обратный путь занял втрое меньше времени.

Никогда не думала, что полюблю экстремальные горки, особенно по версии Маронга, но пока статичные объекты у меня получались намного лучше динамических, так что выбирать было не из чего. "Хвост" от горки я вывела в безопасные с виду кусты на границе леса, сконцентрировала купол на максимум, отряхнулась — да, приземление ещё надо тренировать, но храбрые псионики трудностей не боятся — и, тщательно копируя слегка развязанную походку Тейта, направилась к развесёлой компании.

Успела вовремя.

Орса сидела, вжавшись лопатками в обломок скалы, и грозно поглядывала по сторонам. Пафос ситуации несколько снижало то, что модное кислотно-зелёное трико с модным узким шарфом приобрело уже грязно-землистый оттенок, рыхлый тюрбан валялся в кострище и выразительно дымился, а сама девчонка периодически хлюпала покрасневшим носом. На щеках цвели алые пятна, светло-рыжие волосы встали дыбом, эмоциональный фон ощутимо отдавал паникой — загнанный зверёк в клетке, не иначе.

— Гхм, — негромко кашлянула я, привлекая внимание. Зря вмешиваюсь, конечно. Но, если подходить к вопросу взвешенно и логически — разве у меня есть выбор? — Прошу прощения. Вероятно, у вас свои дела с Орсой, но сегодня я первая начала её преследовать. Так что буду вам очень благодарна, если вы мне её уступите.

Ответом мне было четыре весьма недружелюбных взгляда и один умеренно любопытный. Так, как говорил дядя Эрнан, сначала — анализируем. Что у нас есть?

Я сосредоточилась на куполе.

Мужчина, примерно тридцать лет, худой, подвижный — испепелитель, но не из мастерской Чирерори. Вспыльчивый, эмоциональный, злопамятный. И, похоже, Орса ему кое-что в буквальном смысле подпалила, так что на переговоры рассчитывать не приходится.

Молодая скуластая женщина в красном трико с оголёнными плечами, руки до локтей в шрамах — эта, кажется, намерена поразвлечься, всё равно, за чей счёт. Специализация не ясна, но ментальная защита примерно на уровне второй ступени.

Угловатая громоздкая дамочка помоложе — вероятно, её сестра, испепелитель — почти наверняка поддержит родственницу.

Бритый парень с татуировками на висках — испепелитель, тоже имеет зуб на Орсу, и, судя по всему, не дурак подражаться.

Так, а лидер... Лидер, похоже, та загорелая женщина с коротким светло-русый каре. Мы встретились взглядами, и она неопределённо качнула головой, показывая, что вмешиваться до определённого момента не собирается. Не испепелитель, а созидающая совершенство; не знаю, радоваться этому или огорчаться — Кагечи Ро, между прочим, опасный боец. Эта вряд ли менее умелая...

Я влезла поглубже в её мысли и едва не подавилась. Она всерьёз размышляла о том, что, если сейчас кто-то серьёзно пострадает, у неё появится удобный материал для работы.

Материал.

В горле пересохло.

— Потом разберёшься, — нелюбезно ответила скуластая и едва слышно присвистнула. Не нравится мне это, от скуки в Лагоне не свистят. — Свали отсюда.

Орса, которая ещё пять минут назад преследовала меня явно не для того, чтобы на ужин пригласить, уставилась с таким отчаянием, что я почувствовала себя загнанной в угол.

Ладно. Как там рыжий ухмылялся, предвкушая драку? Вроде бы так... Хорошо, что есть такая полезная штука — биокинез, иначе дрожание колени всю психологическую атаку испортили бы.

— Свалю с ней, — спокойно возразила я и указала пальцем на девчонку. — Ссориться незачем. Не знаю, чем вам насолила Орса...

Первый мужчина, подпалённый, взорвался в буквальном смысле:

— Насолила? — Искры фонтаном брызнули у него из волос. Наверное, это выглядело смешно, но только не для меня — и не сейчас. — Да к фаркану! Удавлю! Да пол-Лагона...

— Насолила половине Лагона? — искренне удивилась я. Хороший размах! И обернулась к девчонке: — Тебе надо обязательно познакомиться с Айкой, Атекки Айкой из мастерской Таппы. Думаю, вы легко найдёте общий язык.

Продолжая нести чушь, я переориентировала купол на атаку. Главное, не упустить момент. Вроде эмпатов среди них нет, значит, попробую оглушить, потом запущу оружие иллюзии к роце, а сама подцеплю девчонку за шиворот — и попробую удрать. В драке шансов у меня немного, но вот побег может и прокатить.

Главное — держаться уверенно.

— Да плевала я на эту Айку, — перебила меня скуластая. Мужчина тут же замолк, но странно изогнул руку — наверное, приготовился бить, испепелители работают жестом и словом. — Ты вообще кто?

Представиться или нет? Хуже не будет. А если повезёт, дурная репутация Тейта сыграет мне на руку...

— Трикси Бланш.

Не сыграла.

Воздух прошило напряжение — осязаемое, как электричество. Женщина-лидер привстала с травы, наматывая шарф на руку; праздное любопытство сменилось деятельным, агрессивным.

Кажется, это и называется "дипломатический прокол".

— Добыча, — задумчиво произнесла созидаящая совершенство и переглянулась с приятелями. — Айе, с добычей интересно поработать. Стой смирно, Трикси Бланш. Я слышала, как ты справилась с Маронгом Игаминой. Но с ними это не пройдёт, — и она указала мне под ноги.

Земля вспучилась горкой — достаточно, чтоб разглядеть проблеск чешуи. Скуластая женщина снова присвистнула, и с запозданием до меня дошло, в какой ложе она обучалась.

Мастера тварей.

Плохо. На айров телепатия не действует, а атаковать они способны и без приказа хозяина. Шрах, вот почему внимающие и поющие не считаются в Лагоне сильной ложей! Скорее, просто полезное умение, вроде знания иностранных языков... Неудивительно, если у магов столько возможностей уклониться от ментального воздействия — бездушные айры, изощрённые техники самоконтроля, возможность программировать собственное поведение на случай, если мозги отключатся. Выбирай — не хочу.

А я слишком привыкла полагаться на силу своей эмпатии, и вот результат.

Замечательный, логически выверенный план побега вряд ли сработает, а в прямом столкновении преимущество отнюдь не на моей стороне. Может, привлечь Орсу? Договорюсь с ней телепатически, она возьмёт на себя айра, я — магов... Нет, слишком рискованно.

Позвать Тейта?

Дозваться-то наверняка получится, а дожждаться — нет. Значит, не выход.

Договориться?

Вряд ли выйдет.

Думай, Трикси, думай. Сама себя загнала в ловушку — сама и...

— Ну, и на пырта, а?

Оборачиваться в такой ситуации — верх идиотизма, но я всё-таки обернулась, потому что через купол ощутила присутствие новенького на две секунды раньше остальных — и успела сообразить, кто явился. Да и даже без эмпатии... Рост под два метра, сложение а-ля металлический сейф, узкое загорелое лицо со шрамом поперёк, золотистые волосы торчком и, конечно, "брезентовые штаны" — такое хоть раз увидишь и на всю жизнь запомнишь.

— Худама, — сказала я негромко, скорее, для самой себя, но он широко ухмыльнулся, точно на приветствие ответил, и пробасил:

— Ага, Трикси. Ты-то тут откуда? Шлендель твой где?

— Вероятно, сеет хаос и разрушения, — честно ответила я. По границе сжатого, плотного купола появились ещё люди — двое, трое, четверо... Одиннадцать? Похоже, вся компания с пикника экстремалов сюда заявила. — А я собиралась немного поговорить вот с этой девчонкой, думаю, они бы с Айкой неплохо сошлись. Но нам помешали.

— Да уж вижу, не совсем фаркан. Вы, это, давайте, расходитесь, — сощурился он недобро. В голове у него, будто кадры киноплёнки на ускоренной промотке, мелькали образы. Худама по запахам, по примятой траве, по выражениям лиц и позам реконструировал картину произошедшего — и небезуспешно. Мне хотелось выругаться вслух от досады на собственную глупость: из-за его дурацких брезентовых штанов и простоватой физиономии я совершенно забыла о том, насколько умён этот человек — и о том, что с Тейтом в рукопашной он был как минимум на равных.

Женщина-лидер, кажется, замешкалась. Ширамару Орса приободрилась, утёрла нос и пискнула:

— А мой брат — Соул! Он вам задницы надерёт! Он круче всех!

— Заткнись, деточка, — ласково улыбнулась женщина-лидер и перевела взгляд на Худаму. — Айе, а ты кто?

Ухмылка у громилы стала ещё шире.

— А я никто. У Таппы учусь. И вот про неё, — он ткнул в меня пальцем, — Ренгиса Лао хорошо говорил. А про кого Лао хорошо говорит... — и Худаме выразительно умолк. А потом сделал маленький шагок вперёд, даже полшажка, и в ту же секунду словно бы вырос раза в два, а воздух вокруг него сгустился и потемнел. Весёлые глаза стали точно угли в золе; напряжение сгустилось до такой степени, что стало трудно дышать.

И те, одиннадцать, что стояли по периметру, тоже проявили себя — не так ярко, но достаточно, чтобы их заметила даже ошалевшая Орса.

Лидер оценила ситуацию мгновенно.

— Уходим, — негромко сказала она. Мужчина, которого я прозвала подпалённым, заколебался, и созидающая совершенство повторила уже с нажимом, опасно понизив голос: — А-Сэй, я сказала, уходим.

Они собрались секунд за десять — скатали подстилки, на которых лежали, затушили костёр, сгребли фрукты и вяленое мясо в сумки. Скуластая женщина походя швырнула Орсе в лицо обгорелый шарф-тюрбан; та всхлипнула и напаялила его, не особенно соображая, что именно делает.

Через минуту лишь обгорелое пятно на траве напоминало о том, что здесь когда-то развлекалась чересчур весёлая компания.

— Сдулись, — разочарованно протянул Худаме и поскрёб подбородок. Потом искоса глянул на меня. — Слышь, а она правда на Айку похожа?

Мне стало смешно.

— Судя её репутации — да.

— Ну, знакомь тогда, — разрешил Худаме и добавил с сомнением: — А Лагон-то хоть устоит?

Ответа он не дождался — исчез вместе со своими приятелями так же резко, как появился. А я дала себе волю и расхохоталась. Если задуматься, получается, что выручил нас обоих Лао — причём заочно, даже издали не показавшись.

Вот это настоящее мастерство!

— Ты надо мной глумишься, да? — с вызовом спросила Орса, глядя снизу вверх. Обгорелый оранжевый тюрбан съехал почти до самых бровей.

Вот ведь ходячая беда.

— Нет, это отложенная реакция на стресс, — объяснила я. Глаза у девчонки на лоб полезли — да-а, некоторым даже купол не помогает воспринимать информацию. — Если коротко — можешь считать, что я так по-особенному боюсь, но только когда уже нет опасности.

— А-а, — с умным видом протянула она, так ничего и не поняв, и уткнулась лбом в собственные колени. — Ты меня не спасла и я тебе не благодарна, вот.

— Я тебя не спасала и ты мне не благодарна, — подтвердила я с удовольствием — приятно говорить правду. А что? Мы обе влипли, и если б не Худамы и его ребята... Да-а, надо обзаводиться оружием. — Но кое-какие выводы не мешало бы сделать.

— Ну и?

Орса справедливо предполагала, что ей сейчас будут читать нотации. Видимо, не в первый раз попадалась.

— Во-первых, очень многое зависит от репутации, — менторским тоном произнесла я — и поёжилась, вспомнив, как отреагировала на моё имя женщина-лидер. Урок мне на будущее — иногда лучше сказать про себя "так, никто, из мастерской Ригуми Шаа", чем подставиться, рассчитывая, что имя Тейта послужит достаточной защитой. — А во-вторых, кто бы ни стоял за тобой, безопасность это не гарантирует. Потому что защитник где-то там, далеко, а ты, вся такая беспомощная — как на ладони.

Девчонка шумно засопела — ещё немного, и пар из носа повалит от натуги:

— Ничего ты не понимаешь! Мой брат круче всех! И они тоже ничего не понимали, а то...

И тут мне в голову пришла замечательная идея.

— Ты права, — снова легко согласилась я. — Не понимаю, потому что не знаю его. Может, познакомишь нас?

— Тебя и Соула? — Орса захлопала ресницами часто-часто. Сердце у неё застучало в висках от беспокойства, и я поморщилась, отсекая чужие ощущения. — Ты что, на меня пожаловаться хочешь?

— И в мыслях не было.

Девчонка подозрительно принялась, точно могла различить ложь по запаху, и вдруг склонила голову к плечу:

— Ладно.

Неожиданно. Я-то думала, что придётся ещё долго уговаривать... Но не упускать же удобный случай!

Вообще чем дальше мы уходили от условно безопасных лугов, тем выше поднимала голову змея сомнения, которая к магии никакого отношения не имела. Спонтанное решение поближе познакомиться с Соулом никак не тянуло на разумную инициативу. Скорее, похоже на авантюру в духе Тейта — видимо, тяга к риску заразительна. С другой стороны, крепло ощущение, что ничего дурного мне не грозит. О Соуле я знала не то чтобы много, но информация обнадеживала. Спас и "удочерил" девчонку с побережья — раз, балует её — два, достиг уровня подмастерья — три, весьма силен — четыре, при этом не бахвалится, и потому знают о нём немногие — пять.

И шестое, самое главное: Соул — из логи внимающих и поющих. А эмпатия и телепатия сильно меняют характер, привычки и даже сам образ мышления. Если есть возможность избежать открытого конфликта — телепат ею воспользуется. Мне было легко найти общий язык с Лиорой именно из-за этой открытости, готовности к диалогу. Разумеется, и жизнь в Лагоне накладывает ощутимый отпечаток, но что-то мне подсказывает — вреда Соул не причинит. По крайней мере, сейчас.

Тем временем с тропы, и так едва различимой, Орса свернула в непролазные заросли. В кои-то веки трава в Лагоне и выглядела, как правильная трава: высокие, почти до горла, тоненькие стержни-стебли, на верхушке — метёлочки, много длинных-длинных узких листьев. И всё это, кроме золотистых пушистых соцветий, насыщенно-зелёное, того идеального оттенка, который бывает только весной после дождя. На ощупь трава напоминала нечто среднее между влажным шёлком и желе. Стебли не ломались от прикосновений, но на поверхности выступали крошечные капли сока. Вскоре уже вся одежда едва ли не насквозь пропиталась, но я не жаловалась: аромат здесь стоял головокружительный, сладко-свежий, с едва ощутимой смолистой ноткой. Единственное, что омрачало удовольствие — обилие тонкой паутины. К счастью, она быстро растворялась в травяном соке, не оставляя и следа.

— Иди быстрее, — буркнула вдруг Орса. Я действительно отстала от неё на несколько шагов. — Тут леххи водятся.

Я осторожно сняла с рукава тающую на глазах паутинку. Что-то у меня нехорошее предчувствие...

— А что за леххи такие?

Орса довольно засопела — очевидно, ей приятно было узнать, что в чём-то я гораздо невежественнее её самой.

— Такие мелкие твари, круглые, с ножками, панцирь зелёный, блестящий. Красивый. Из задницы нитки тянутся.

Ага, ясно — местный аналог пауков. Не то чтобы я их боялась — так, недолюбливала.

Заросли ароматной травы теперь казались мне не таким уж симпатичным местом; пришлось ускорить шаг.

— Опасные?

— Противные, — поморщила нос Орса. — Вообще они соком питаются. И по одному ещё ничего, говорю же, красивые. Но я один раз здесь заснула, а проснулась под вот таким слоем! — и она развела большой и указательный палец сантиметров на десять.

Под ложечкой у меня засосало.

— Слойем чего?

— Леххи, конечно. А у них из задницы нитки тянутся...

— Спасибо, можно и без подробностей, — произнесла я твёрдым голосом.

Орса скосила на меня взгляд и принялась раздумывать о том, как бы подкинуть мне за шиворот горсть этих самых леххи. Прелесть, а не девочка.

К счастью, вскоре заросли травы остались позади, а вместе с ними и паутина. Мы выскочили к подножью невысокого холма, поросшего приземистыми раскидистыми деревьями — кожистые красновато-зелёные листья, белые и оранжевые шарики плодов. Пожалуй, даже красиво, хотя и несколько экзотично, особенно для Лагона, где если среднестатистические деревья подпирают небо, обладают шипами в ладонь величиной и скрючены, как столетние ведьмы. Причём, как правило, всё сразу.

Ближе к плоской вершине роца почти сошла на нет, а редкие травинки сменил густой бледно-салатовый мох с малахитовыми прожилками. Идти такой пружинистой подушке — суцая мука, а вот лежать — самое то. Особенно в жару — мох источает ментоловую

прохладу, деревья дают столь желанную тень. Но только я задумалась на эту тему, как мы перевалили за край холма и увидели...

Наверное, Соула.

Впрочем, заметила я его не сразу — тёмно-зелёное трико без рукавов и серебристый шарф вполне гармонировали по цвету с пейзажем. А затем меня отвлек, страшно признаться, бардак. С узловатого корня, выпирающего из-под мшистой перины, свисал длиннющий свиток, ещё несколько валялись поблизости, как конспекты вокруг нерадивого студента, который решил подготовиться к экзамену за одну ночь. А сколько было раскидано тубусов, открытых и закрытых, с наполовину вытащенными свитками и совершенно пустых! Между тубусами сиротливо ютились пиалы из-под шерги. Мне стало куда спокойнее — забавно, однако где-то в глубине моего подсознания засело твёрдое убеждение, что человек, способный развести вокруг себя ту редкую разновидность неуправляемого хаоса, которая произрастает из неутолимой страсти к книгам и остывшему чаю, просто не может оказаться злодеем.

Глупость, разумеется, но страшно прилипчивая.

Сам же Соул воплотил мою мимолётную мечту — разлёгся под особенно раскидистым деревом, болтая босыми пятками в воздухе. Рассеяно прикладывался к пиале с шергой, кажется, половину проливая в густой ментоловый мох, и свободной рукой неторопливо прокручивал вниз свиток, что-то бормоча себе под нос.

Застыв в десяти шагах от брата, Орса судорожно вдохнула, цепляясь руками за собственный пояс, и очень тихим голосом сказала:

— Ну... Я вроде как пришла.

Пиала с шергой дрогнула и едва не вывернулась из пальцев — кое-кто явно не ожидал, что его блаженное уединение со свитками так скоро нарушат.

— Лагон там ещё цел? — повернул голову Соул, обречённо улыбаясь. Глаза у него оказались тёмно-зелёные, того же цвета, что и одежда.

— Я даже не подралась ни с кем! — обиженно запыхтела Орса, но умудрённый опытом брат ей, похоже, не поверил.

У него было очень приятное лицо человека, блистательно игнорирующего пошлый быт, но зато увлечённого чем-то непонятным, ужасно интересным. То ли молодой профессор, то ли вечный аспирант

на полставки, завсегда́тай библиотек — таких, как бы они ни маскировались, выдаёт умный, слегка расфокусированный взгляд и искусанные губы. Я много таких уникамов перевидала в мамином институте — непрактичных исследователей тайн природы, мечтателей, кому вечно не достаётся грантов. От них Соула отличал только здоровый сёрфингистский загар, тренированное тело и пижонски подстриженные седые волосы, на висках покороче, на затылке подлиннее.

А ещё — он ощущался как провал в мире, некая абсолютная пустота. Действительно, телепат и эмпат, но гораздо сильнее Лиоры — и сильнее меня, причём намного. Даже не пятая ступень, а шестая, ближе к дяде Эрнану.

Шрах, кажется, мы с рыжим влипли...

В груди у меня начал разрастаться мерзкий очаг онемения — оцепенение от паники. Усилием воли я погасила неуместные эмоции; надеюсь, со стороны мгновение слабости осталось незамеченным.

— Подойди сюда, Орса, — вздохнул Соул и устало зажмурился, массируя переносицу. В уголках глаз обозначились морщины. — Сядь.

Девчонка послушалась беспрекословно — резво подбежала и плюхнулась перед ним на мох, подбирая под себя ноги. Соул не глядя приложил ей два пальца ко лбу и замер на несколько секунд. Потом его брови, забавно взъерошенные и седые, дрогнули:

— И правда, до драки не дошло. Удивительно. Нотации тебе прочитали и без меня, так что расслабься. Ругать не буду.

— А вечером? — подозрительно осведомилась она и недоверчиво покосилась на меня: неужели такое странное беспокойное существо — и вдруг принесло ей, Орсе, удачу?

— И вечером не буду, — улыбнулся Соул снова. — Беги гулять... А, нет, сначала принеси мне что-нибудь попить. И перекусить. Давай, быстрее.

Орса вздохнула, немного разочарованно — поняла, что на время переговоров взрослые дяди и тётки её выставляют, но спорить не стала. Она вприпрыжку спустилась с холма и нырнула в заросли ароматной травы. Соул проводил сестру взглядом и только тогда обернулся ко мне:

— Спасибо.

Честно говоря, я даже растерялась. Если он телепат, то наверняка считал ситуацию и должен был понять, что моих заслуг там нет.

— В общем, не за что.

— Есть, — спокойно ответил Соул и уткнулся в свиток, как ни в чём не бывало. — Если бы ты не вмешалась, то и тот громила с приятелями остался бы в стороне... Ты присядь, разговор будет неприятный. Хочешь глотнуть шерги? Она, правда, холодная, но из той пиалы я почти не пил.

"Неприятный"... В горле мгновенно пересохло, и холодная шерга пришлась весьма кстати, пусть даже и чужая, недопитая.

— Вы ведь знаете, кто я?

— Трикси Бланш из мастерской Ригуми Шаа, ученица в весьма затруднительном положении, формально всё ещё добыча Танеси Тейта, которого я завтра вызову на поединок и с большой долей вероятности убью, — рассеянно откликнулся Соул, прокручивая свиток. — Идиотская ситуация, на самом деле. Я не в восторге. Но, надеюсь, ты понимаешь, что я не буду ничего отменять только потому, что ты вытащила Орсу из неприятностей?

В ногах у меня появилась мерзкая слабость. Хорошо, что я сидела.

— Стыдно признаться, но я и не рассчитывала ни на какую выгоду.

— Поэтому мы и разговариваем, — склонил голову к плечу Соул и постучал себя по виску. — Я посмотрел глазами Орсы. У тех, кто ищет выгоду, не бывает такого отчаянного лица. Да и уже одно то, что ты сошлась с Тейтом характерами, очень о многом говорит... Кстати, как ты относишься к древней поэзии? Эфанга одолжил мне десяток редких свитков из своей библиотеки, но только до завтра. Хочешь, поделюсь? В каком-то смысле, это благодаря тебе я добрался до них.

Стало смешно. Я пригубила горькую шергу и отвернулась; внизу, у подножья холма, ветер полоскал мягкую, ароматную траву, выжимая сладкий сок. Одежда у меня до сих не просохла и теперь слегка липла к телу.

— Только не говори...те, что мастер Эфанга дал вам взятку за участие в поединке.

— Подкупил, совершенно верно, — так же отрешённо согласился Соул, шелестя свитком. — И можно на "ты", не напрягайся так. Подкупил, я согласился, но завтра мне придётся это ему вернуть,

потому что я суну ему знатного фаркана за шиворот. Очень удачно, что ты пришла сама, иначе пришлось бы искать вас с Тейтом вечером, и тогда бы я точно не успел дочитать. Знаешь, Трикси, древняя поэзия вполне стоит того, чтобы убить за неё.

От неожиданности я всё-таки повернулась к нему и уткнулась взглядом в серебристо-седую стриженую макушку. Соул, словно почувствовав мой взгляд, поскрёб голову пальцами и зябко передёрнул плечами.

— Боюсь, я не смогу оценить. — Голос у меня прозвучал суховато.

Вся эта ситуация начинала меня нервировать. Непроницаемость Соула, его очевидная дружелюбность — и непреклонность в то же время, его непоколебимая уверенность в своих силах и в том, что он способен убить Тейта...

Я ничего не понимала — вот что меня раздражало сильнее всего.

— Не сможешь, — согласился он легко. — Вообще я считаю, что поэзия, живопись и сложение историй — разновидности магии. Бродячий поэт на побережье воздействует на разум так же легко, как и я, но его песни проникают глубже, чем мои самые сильные внушения. Что-то меняется в самом человеке, в самой-самой глубине, раз и навсегда, и никогда не знаешь, чем это потом отзовется. Поэтому я считаю: всё, что может быть сказано о магии, может быть сказано и о поэзии. Или о живописи. Или о музыке. И магу стоит обращать внимание и на другие искусства. Эфанга со мной не согласен, однако он учитывает мою маленькую слабость и с удовольствием пользуется ей. Идиотская ситуация, — с чувством повторил он и наконец отложил свиток. — Так, хватит, что оттягивать-то...

Соул с сожалением свернул свиток и уселся напротив меня, подвернув ноги. Я заставила себя выпрямить спину и посмотреть прямо в тёмно-зелёные глаза:

— Ты говорил, что собираешься сунуть фаркана за шиворот мастеру Эфанге. И что завтра он отберёт у тебя свитки. Почему?

Он рассеянно прикусил губу, вздохнул — и потом вдруг мягко улыбнулся.

— Мне семьдесят четыре года, Трикси. — Признание прозвучало шокирующе, но я постаралась не подать вида. Но одно дело знать, что маги не стареют и учатся минимум лет по двадцать, и другое —

наткнуться на такого вот уникама. Не на непостижимое существо, вроде Оро-Ича, Ригуми Шаа или Чирерори, а на обычного парня... Ладно, не на обычного, на подмастерье. — В Лагон я попал в четырнадцать, итого — шестьдесят лет учёбы. Мне нравится, уходить никуда не собираюсь, стану мастером, наверное — если сумею воспитать Орсу. Так вот, из этих шестидесяти я с Эфангой только двадцать лет. Он не был моим первым мастером, скорее, я тогда попал к нему случайно. От отчаяния подался в первую подвернувшуюся мастерскую. Но мы сработались, — снова улыбнулся Соул, так же успокоительно и мирно, как и раньше. — У меня нет к нему особенной сердечной привязанности.

Я не выдержала — и подалась вперёд. В груди точно лава кипела:

— Тогда почему не отменить этот глупый поединок?

— Он подкупил меня свитками — и дал плату вперёд, — поморщился Соул. — Говорю ж, что идиотская ситуация. В общем-то, я и не собирался отдавать тебя ему с самого начала. С моей точки зрения, ты не добыча. Я смотрел на Танеси Тейта и слушал его — нет, к добыче так не относятся, а отбирать кого-то, кто вроде Орсы для меня... Но выиграть у Тейта я не против. Это было бы забавно... то есть было забавно до того, как сюда впутали Лиору. Она мне нравится, очень способный маг. Рисковать ей я не готов, и если дойдёт всё-таки до настоящего поединка, то между ней и Тейтом выберу, разумеется, её. Надеюсь, ты понимаешь, почему.

— Понимаю.

Несмотря почти на целую пиалу шерги, во рту было сухо.

— Но выход есть, — Соул немного наклонился ко мне, так, что наши глаза оказались на одном уровне. — Дипломатия, переговоры, называй, как хочешь. Я предлагаю вам с Танеси Тейтом союз. Завтра я всё-таки вызову Тейта, но он должен признать поражение до поединка. Я заберу тебя как законную добычу, но Эфанге не отдам. В твоей жизни формально ничего не изменится, обещаю. Полагаю, Эфанга будет немного разочарован, — глаза у Соула вспыхнули. — Но поделом ему. Я просил не впутывать Лиору. Пострадает только гордость Тейта, но и то, по сравнению с тем, что испытает мастер Эфанга. Мне кажется, это выгодное предложение.

Я откинулась назад.

Вот страх! Если бы дело касалось только меня, и раздумывать бы не пришлось. Но Тейт... Я слишком хорошо его знала, чтобы надеяться — он не согласится. Только не сейчас, когда появился шанс победить по-настоящему, прежде всего себя самого.

— Нам надо посоветоваться.

Губы у меня едва шевелились, и Соул это явно заметил.

— Посоветуйтесь, — с искренней доброжелательностью произнёс он и протянул руку — кажется, по голове меня хотел погладить, но я машинально ускользнула от прикосновения. Не из-за вьёвшихся в плоть и кровь привычек псионика, а потому что мне не хотелось, чтобы ко мне прикасался кто-то кроме Тейта. Соул не обиделся, наоборот, немного приоткрыл свой разум, позволяя ощутить мимолётное сожаление. — И я немного помогу вам определиться с выбором. Я ведь говорил, что с Эфангой провёл всего лет двадцать? Ну, точно, говорил же... Так вот, сорок лет я провёл у мастера Сайны.

— Да, спасибо, обязательно передам Тейту, — склонила я голову к плечу и начала подниматься.

Быстрее, быстрее отсюда. Найду рыжего, поговорю с ним — может, удастся как-то договориться. Вдруг он придумает, что можно сделать на таких условиях. Или, чем страх не шутит, согласится... Стоп, Трикси. Самообман — это очень плохо, обманчивые надежды парализуют рассудок. Надо думать, думать...

Соул поймал меня за руку — и хватка у него оказалась стальная.

— Постой, — улыбка у него исчезла, а в уголках глаз опять появились эти усталые морщинки, которые делали его лет на десять старше. — Ты опять не поняла, наверное. А я-то хорош, столько лет прошло, сейчас и подмастерья не все помнят Сайну... Я учился у мастера Юн Сайны, Трикси. Когда-то учеником Юн Сайны был Чирерори. Это имя ты ведь знаешь?

— Да.

Голос у меня всё-таки сел. А Соул открыл свой разум сильнее — так, что я не смогла противиться приглашению и рухнула в чужие воспоминания. Точнее, в одно воспоминание почти полувековой давности. Там был он сам, куда моложе по ощущениям — более быстрый, порывистый, земной, страстный. Была женщина, окутанная ореолом его всепоглощающего восторга, едва ли не преклонения.

И ещё — хокорны, их я узнала не сразу. Некоторые из них цвели, а другие... другие выглядели растрескавшимися, точно иссушёнными.

"Сайна! — прозвучал в моём сознании далёкий голос Соула. — Сайна, прости! Кажется, я перестарался".

Соул-из-настоящего отдёрнул руку. Судя по тому, какое он излучал раскаяние, видок у меня был не очень.

— Прости, — повторил он негромко, очень похоже на себя-из-прошлого, и отвёл взгляд. — Зато теперь ты понимаешь, почему во всё это влип именно я. Идиотская ситуация. Совершенно идиотская...

И, честно говоря, в глубине души я была с ним полностью согласна.

Глава 27. Катастрофа

Может принимать вид протянутой руки, пиалы с шергой или даже крепкого слова.

К сожалению, лишь единицы среди лагонских магов способны этим воспользоваться.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Далеко уйти от Соула я не смогла — сделала несколько шагов и привалилась спиной к стволу, смежая веки. Сочувственный взгляд ощущался как софит — назойливый свет и тепло, от которого мурашки по коже.

— Тебе помочь? — спросил Соул через несколько минут. Видимо, устал созерцать моё почти безжизненное и мало что соображающее тело... Да и мне самой порядком поднадоело ощущать себя паникующим куском мяса. — Конечно, я понимаю, ты шокирована, потому что я оказался сильнее твоего...

Стало смешно. Он умолк на полуслове; моему сдавленному хихиканью он внимал, затаив дыхание, как священному пророчеству.

— Ты не сильнее, — ответила я наконец, когда сумела взять себя в руки. Страх из сознания вытеснить удалось, но физиологические проявления задавленной истерики всё ещё аукались. И ничего удивительного — биокинез тоже требует сосредоточенности, а с этим у меня сейчас не очень. — Ты более умелый. По чистой мощи Тейт превосходит даже мастера Чирерори, насколько я могу судить по обрывкам мыслей.

"Но тем хуже", — про себя добавила я наконец решила открыть глаза. Солнце едва просачивалось сквозь густую крону — далёкое, равнодушное, по-летнему жаркое.

— Тем хуже, — эхом откликнулся Соул, в точности повторяя мои мысли. Забавно, что он не использовал магию, а просто сам пришёл к тем же выводам. У нас, вероятно, больше общего, чем кажется на первый взгляд. — Если бы у одного из нас было подавляющее преимущество, поединок удалось бы закончить бескровно.

— Лучше его вообще не начинать, — возразила я.

Соул скептически задрал брови — точь-в-точь как Энтони, и меня передёрнуло. Аринга тоже напоминала милую тётю Глэм, и во что это вылилось, спрашивается. Интуиция ни к страху — значит, доверять можно только фактам, которые отнюдь не на стороне симпатичного мага с профессорскими замашками. Он пока — враг.

— Я тебя не понимаю, — признался вдруг Соул, прищурившись. От уголков глаз снова разбежались морщины. — Что ты чувствуешь? Два ката назад мне показалось, что ты напугана, а теперь даже не знаю, что думать. Я ещё не говорил, нет?.. Да, точно, не говорил... Обычно мне и не надо ни говорить, ни догадываться, я ведь слышу. Но ты — какое-то пустое место, правда, я настолько закрытых людей ещё не видел. В твоём мире все такие?

От неожиданности я улыбнулась. "Пустое место"? Интересно... Получается, у нас с Соулом разница не так уж велика. Неудивительно, если учитывать, сколько мне пришлось тренироваться в последние месяцы. Больше, чем за всю предыдущую жизнь, если честно. И, кстати, ту же Лиору я стала слышать намного лучше, чем раньше, но до определённого момента списывала это на близкие отношения...

Так. Стоп. Вот оно.

Слабое место противника — и мой шанс.

— Псионики инстинктивно охраняют личное пространство, — ответила я вежливо. Всё-таки Соул хронически начинал вызывать у меня симпатию, стоило только подзабыть, что он собирается уничтожить Тейта. — Причём эмпаты — особенно тщательно. Это не имеет отношения к доверию, уважению и прочим этически-духовным категориям. Скажи, на побережье есть народы, которые носят закрытую одежду или прячут лицо?

Удивительно, однако Соул всерьёз задумался.

— На побережье — нет. Но на северных островах надевают куртки с очень длинными рукавами и перчатки. Считается, что демонстрировать кисти рук так же неприлично, как, например, обнажать грудь, — выдал он наконец. И пришёл к парадоксальному итогу: — А, так ты стесняешься?

— Что-то вроде того, — не стала я тратить время на споры. Голова больше не кружилась, ноги не подгибались, сердцебиение пришло в норму... И лишь страх, глубоко загнанный в подсознание, чесался, как нарыв. Но псионики ведь умеют работать, игнорируя чувства,

верно? — И спасибо, Соул. Вряд ли Тейт примет твоё предложение, но я благодарна, поверь. И за то, что ты попытался решить всё миром, и за то, что не видишь во мне добычу. Если честно, мне это уже надоело.

Он усмехнулся:

— Догадываюсь. Не ты первая, не ты последняя. В Лагон давно не забредали странники из других миров, вот мы и отвыкли. Ты заметила, что за тобой в основном охотятся ученики? Причём младшие?

Ну да, ну да. И ещё пара мастеров — Аринга, Эфанга... А впрочем, Соул не так уж неправ. Эфангу заинтересовали псионические техники, ему нужна ученица, а не модная игрушка для увеличения магического потенциала. А что касается Аринги, то через меня она пыталась добраться до Тейта, а через него уже дотянуться до Оро-Ича.

— Заметила.

— Молодость падка на дармовую силу, — задумчиво откликнулся Соул, глядя куда-то за моё плечо — то ли вдаль, то ли в собственное прошлое. — Когда находишь своё призвание, сила как таковая перестаёт тянуть как магнитом. Зато вдруг обнаруживаешь, что в мире множество страшно интересных вещей. Например, можно отыскать предел своих возможностей, если повезёт... Точнее, если не повезёт. А ещё есть странствия, тайны материка смерти, едва уловимый шёпот мира и дети. Дети, особенно вроде Орсы, — это вообще нечто непостижимое, — улыбнулся он, потерянно и светло.

— И древние стихи.

— Древние стихи — явление неисчерпаемое и всеобъемлющее, — со знанием дела согласился Соул. — Жаль, мало кто сейчас разбирается в поэзии.

У меня смешок вырвался:

— Радуйся — у тебя меньше конкурентов в охоте за раритетными свитками. И ещё... — Я нервно облизнула пересохшие губы. Откуда-то взялось дурацкое смущение. — Если завтра не случится ничего непоправимого, и все останутся живы... Мы ещё поговорим как-нибудь?

Соул распрямил плечи и посмотрел на меня в упор — как рентгеном просветил.

— А вот сейчас я удивился, — сообщил он доверительным тоном. — Не могу ничего обещать, Трикси Бланш. Но если дней через

десять ты готова будешь повторить свои слова — значит, поговорим. И, кстати, ты ведь обещала Орсе подружку? Не забудь.

Отвечать я не стала — махнула рукой в знак прощания и сбежала с холма. Ещё пять минут в том же духе — и я или размякну окончательно, или вспомню о своём страхе. И поди пойми, что хуже.

У подножья навстречу мне выскочила Орса с коробкой, источающей ароматы крепкой шерги и ореховых лепёшек. Лицо у девчонки тут же сделалось ужасно виноватое и независимое одновременно.

— Я не подслушивала, — заявила она громко. — И Соул что-то сделал, чтобы я ничего не услышала. И по губам я не читала. И вообще у тебя половина слов были какие-то не наши. И я не спрашивала у Соула, что они означают.

Честное слово, я уже начинала привыкать к её манере изъясняться. И как потом отвыкать-то?

— Вот и молодец. А теперь беги, твой брат без свежей шерги изнывает. Видимо, стихи в него всухомятку не лезут.

Девчонка пригвоздила меня ревнивым взглядом — и прыжками понеслась вверх по холму. А я потрусилась через духовитую траву, мысленно готовясь к разговору.

Перехватить Тейта удалось у самого дома. И то — чудом: рыжий заскочил буквально на минуту и явно намеревался рвануть куда-то по делам. Он разве что не приплясывал на месте от нетерпения, тем не менее, выслушал меня и даже не поспешил потратить некоторую часть своей жизни на то, чтобы обдумать предложение Соула...

Примерно полторы секунды.

— Нет.

Это было спокойное, ясное и всеобъемлющее "Нет", романтическое и возвышенное, как небо в горах Арраски летней ночью. И без эмпатии понятно: человек, который способен говорить с таким упрямым и одновременно одухотворённым выражением лица, ни за что не передумает, какие бы ты аргументы ни привела. Вероятно, эмпатия высоких ступеней могла бы исправить положение, но не уверена. Или бесчеловечные пытки. Или вмешательство мастера Лагона. Или десять лет наедине с древней поэзией... Нет, последнее — пожалуй, слишком жестоко.

Но, так или иначе, сдаваться я не собиралась.

— Почему? Это хороший план.

— Плохой, — возразил рыжий, уставившись исподлобья. Химерическая птица положила ему голову на плечо и тоже замерла изваянием. — Я тебя не отдам.

Закатное солнце докатилось до кромки каменной чаши. В висках застучали тревожные молоточки: "время-время-время". Я сглотнула и мысленно отодвинула страх, но он тут же снова ткнулся в сердце. Точь-в-точь надоедливый, отвратительно грязный и больной пёс, который отчаянно любит хозяйку и не понимает, что может свести её в могилу.

— Но не навсегда же, — ответила я, стараясь говорить столь же спокойно и убеждённо. Куда мне до самоуверенности фанатика, впрочем... — Это понарошку. Такая игра против Эфанги. Он навязывает нам свои правила, а мы ему — свои.

Рыжий не дал договорить — решительно отпихнул Шекки, подполз ко мне и схватил за плечи:

— Твоя жизнь — не игра. Нет никакого "понарошку", Трикси. Всё по-настоящему! — Глаза у него пылали — тусклым, холодным синеватым огнём, от которого в груди становилось больно и тесно. И попробуй-ка докажи себе, что это просто оптический эффект. — Я мог бы поверить Лао, ну, ещё кому-то из нашей мастерской. Девочкам своим, — ровно, без вызова произнёс Тейт, но пояснять, что за "девочки" такие, ему не пришлось. Правда, сейчас мне это было до фонаря, если честно. — Из чужих — Ригуми Шаа или Итасэ, для них ты ученица. Но даже Кагечи Ро — не поверил бы, хотя знаю его десять лет! Вот потому, что знаю, и не поверил бы! И тем более — Соулу, ну! Очнись!

Плечи онемели от крепкой хватки. Я заставила себя дышать размеренно, выравнивая сердцебиение.

— Когда-то я поверила тебе, хотя не знала вообще ничего. Ни о Лагоне, ни о замечательных способах использования "добычи", ни о твоей одержимости силой. Но, знаешь, мне повезло.

Тейт проутюжил взглядом моё лицо, словно попытался отыскать что-то — и не нашёл, и на локтях откинулся на землю, запрокинув голову к небу.

— Повезло, ага. Я вообще-то собирался тебя обмануть. Но как-то закрутилось всё... А потом не смог. Но ты всегда была моей, Трикси, — скосил он на меня глаза. — С самого начала. Я тебя украл, мы связаны. А Соул тебе — никто. Да пусть он хочет нос утереть Эфанге, ну, или ты ему нравишься. Всё равно он может тебя обмануть, если решит, что так лучше для всех. Вот подумает вдруг, что хватит тебе быть добычей, если есть такой простой способ это исправить. Или что лет десять у Эфанги в учениках — не срок, да и вообще тебе поучиться полезно. И знаешь, что? Ты ему никак не сможешь ответить.

Я прикусила губу. Вообще-то мне в голову приходили схожие мысли, но интуиция твердила обратное. А дядя Эрнан обмолвился однажды, что интуиции эмпатов в отношении людей вполне можно доверять. И мистические предчувствия ни при чём. Ни один псионик не способен целиком контролировать свои способности — и полностью отключать: даже "перегоревший" телекинетик, не вспотев, поднимет стокилограммовый чемодан и забросит его на верхнюю полку, а латентный биокинетик никогда не заболит дурацкой простудой. И каждый будет считать, что ему просто повезло с организмом, и сверхспособности ни при чём. А любой эмпат, хочет он того или нет, чувствует собеседника — даже превосходящего по силе, даже полностью закрытого.

Соул мне понравился. Иррационально, вопреки всему.

— Он не причинит мне вреда, — произнесла я твёрдо. — Он действительно хочет помочь.

Тейт отвернулся.

— Если бы хотел, то вот прямо сейчас пошёл бы и швырнул свои драные свитки в морду Эфанге. А он в них вцепился, как рииз в жратву... Я должен победить, Трикси, — вдруг сказал он с такой ошеломляющей тоской, что у меня из лёгких воздух разом вышибло. — Я должен победить сам, целиком и полностью. И я могу, честно. Не знаю, как, но могу. Поверь мне. Если тебе страшно, то давай, я тебе дам мазь? Натрёшь виски, уснёшь до завтрашнего вечера, а проснёшься, когда всё давно закончится. Я у Оро-Ича узнавал, тебе можно, не отравишься, — закончил он виноватой скороговоркой.

Я улыбнулась через силу. На душе было погано.

— Не надо никаких мазей. Хорошо, если ты так хочешь, попробуем победить. Нам, наверно, нужно вместе потренироваться...

— Я сам, — остервенело повторил он — и распластался на земле. — Ладно. Извини. Слушай, сходи, что ли, к Лао, он вроде собирался у озера поваляться, которое за кольцом холмов. Мы вот потрепались, и я даже кое-чему научился... ну, и вообще, расслабился как-то. У озера вообще много наших, Таппа отдыхает, ну, и все тоже оттягиваются. Мм?

— Хорошая идея, — неискренне согласилась я, надеясь, что рыжий не почует лукавство. — Наверно, так и сделаю. А ты тренироваться?

— Ага, в пещеру, — оживился Тейт. — Слушай, там нассова трава до сих пор по стенкам жмётся, круто же!

Мы поболтали ещё минут двадцать — непозволительная роскошь. Потом рыжий умчался на тренировку. Я сперва действительно шла в сторону озера, но затем свернула к холмам: где-то там было подземное обиталище Лиоры. Вряд ли она после всего, что на неё навалилось, проводила много времени в мастерской, да и людные места, судя по тому, что мне довелось увидеть у Митчи, теперь её скорее тяготили.

Точное место я не помнила, но вскоре отыскала сама. Сперва почувствовала Маронга, ещё более виноватого и измотанного, чем обычно, затем уже Лиору. Прикоснувшись к куполу, она считала моё желание встретиться и дала понять, что не возражает. Я оглянулась, выглядывая какие-нибудь удобные и укромные заросли, и заметила неподалёку верхушку дерева кижу за стеной шелестящей на ветру хотты.

Лиора выбралась наружу только через четверть часа — я как раз успела обследовать окрестности и убедиться, что поблизости никого нет. Тянуть мы не стали, благо дурацкие блоки Эфанги не запрещали обдумывать, как его можно обмануть.

Весьма опасное упущение, к слову.

— Как тебе? — спросила я, не выдержав.

Лиора уже минуты полторы крутила в голове мысленный образ моего рискованного плана, а настроение у неё было такое паршивое, что новые впечатления попросту тонули в болоте негативных эмоций.

— Очень в духе старого Лагона, — непонятно ответила она наконец и опустила взгляд. Мы сидели рядом, обе в светлых одеждах и с непокрытой головой — ни дать ни взять, призраки девиц, утопившихся от несчастной любви. Или, скорее, повесившихся — до

озера отсюда шлёпать далековато, а подходящее дерево как раз под боком. — И нет, это не унижает моё достоинство, если ты этого боялась.

— Опасалась, — призналась я смущённо. — У нас, в моём мире то есть, не принято промывать мозги подругам.

— А в Лагоне это знак высочайшего доверия, — хищно усмехнулась блондинка, на мгновение став такой же высокомерной и отстранённой, как в нашу первую встречу. — Если ты сумеешь — действуй.

"Помочь я тебе не смогу — блоки", — читалось в её взгляде.

— Спасибо, — улыбнулась я. — А насчёт второй части плана... Я почти уверена, что ради меня Тейт сможет сдержать свою силу. Вопрос в том, не нарушит ли моё появление регламент поединка.

Лиора нахмурилась, пытаясь сформулировать ответ так, чтоб блоки Эфанги не отреагировали.

— Помнишь Хатани Тикку? — заговорила она наконец.

По спине пробежал гадкий холодок. Ту удачливую стервозину я почти не помнила, а вот бронзовокожего мага-"овоща" — даже слишком ярко.

— Женщина, которая владеет добычей-мужчиной?

— Именно. Так вот, её добыча — неплохой боец, и Хатани всегда выходит на поединки вместе с ним. Потому что он не считается человеком. Так, дополнительная рука, — светски передёрнула плечами Лиора. — И это общее правило, Трикси.

Бинго.

Вот она, моя лазейка на крайний случай. Оставалось уточнить кое-что напоследок — и можно приступать.

— А если Хатани начнёт поединок одна, а добыча присоединится к ней позднее?

Уголки губ у Лиоры дрогнули.

— Не противоречит правилам, — сказала она и поморщилась, как от головной боли. — Единственное условие: добыча должна находиться на сцене.

Значит, чтобы помочь Тейту, мне придётся сигануть прямиком в гущу событий. Если точнее — на арену, где разбираются, кто круче, два пирокинетика, каждый из которых по-своему сумасшедший. Какая дивная перспектива!

Впрочем, это действительно — на крайний случай.

— Спасибо, Лиора, — улыбнулась я, вкладывая в мысленный образ всё то тепло и симпатию, которые испытывала. — Начнём?

Она молча склонила голову набок. Дальше откладывать смысла не было — время и так поджимало. Кроме всего прочего, Маронг мог подняться и поинтересоваться, какого шраха я творю с его возлюбленной... Ничего хорошего, на самом деле.

Начальный этап прошёл как по маслу. Восстанавливать связь легче, нежели создавать её впервые, с нуля. К тому же Лиора помогала мне, и очень здорово. Пожалуй, если бы мне понадобилось проверить что-то подобное с обычным человеком или, тем более, с сопротивляющимся псиоником, ничего бы не получилось. Я более-менее представляла, как внедрить в сознание программу действий и спрятать концы в воду, но лишь в теории, а в таких делах важнее практика. Дядя Эрнан показывал нам, как работать с внушением, но, скорее, для того, чтобы научить приёмам защиты. Две лекции, три практикума — совсем немного, но, как выяснилось, достаточно.

Программа, которую я собиралась подсадить Лиоре, относилась к так называемым вариативным внушениям. В отличие от конкретного, вариативное внушение подразумевало, что загипнотизированный сам разберётся, как лучше выполнить приказ. Человек — не машина, он обладает разумом и способен проявлять инициативу. Удобное свойство, особенно если толком не знаешь, что умеет твоя "жертва". Достаточно определить отправные точки. Для Лиоры достаточно было трёх приказов.

Первый, базовый — "Защищать себя". Подставлять свою жертвенную блондинку я не собиралась, собственно, всё это и затевалось ради того, чтобы обезопасить её.

Второй, приоритетный — "Защищать Тейта". Обеспечит свою безопасность — и убережёт рыжего от вражеских внушений. Получится выиграть хотя бы пару секунд — можно считать, что мы победили.

И третий, дополнительный — "Навредить Соулу, если атака не помешает исполнению первого приказа". Сомневаюсь, что до него дойдёт, но если подвернётся удобный момент — почему нет?

Установить связь и внедрить программу оказалось не так уж и сложно. Но на завершающий этап я угробила почти час. Нужно было,

чтоб Лиора полностью забыла о нашей с ней маленькой военной хитрости, иначе Соул раскусит её с одного взгляда. Да и Эфангу упускать из виду не стоит: если он однажды уже покопался в мозгах своей ученицы и шантажом отправил её сражаться с другом, то наивно думать, что второй раз ничего подобного не случится.

Кстати, о шантаже. Лиора так и не созналась, как мастер заставил её не только замолчать, но и принять самое активное участие в его интригах, но я догадывалась. Слабая точка у неё сейчас была только одна — Маронг. Точнее, его происхождение. Свободных в Лагоне не очень-то любят, и можно понять, почему.

Что ж, остаётся надеяться, что Эфанга не станет разглашать подробности личной жизни своей ученицы, если увидит, что она честно выполнила все условия сделки. В конце концов, Лиора действительно мне ничего не рассказала и даже не попросила снять блоки, а если я сумела проникнуть через них и кое-чем ответить — его проблемы. Надо было работать тщательнее...

Впрочем, пока проблемы, скорее, были у нас.

— Ничего не выходит, — прохрипела я, развалившись на траве. Грудная клетка у меня ходуном ходила, а пот катился градом, как после марафона. — Если прятать программу где-то на поверхности, то даже я её вижу. А если заглубить, то есть вероятность, что она потом не активируется... Замкнутый круг. Не лезть же тебе в голову во время поединка.

— Воздействие из-за пределов сцены запрещено, — пробормотала Лиора, сворачиваясь клубочком. Она была вымотана ещё сильнее меня. — Но вот однажды... я не видела, Игамина рассказывал... Однажды два молодых идиота почти десять катов топтались... Боялись драться. И кто-то кинул на сценудохлого инципа... это такой пещерный слизень, с глазами.

Из горла у меня вырвался смешок.

— Знаю. Когда я только начинала учиться, Ригуми Шаа почему-то выбрал эту мерзость, чтобы тренировать воплощение из ничто. Логично, в общем-то: научишься создавать отвратительное и ненужное, не возникнет никаких трудностей с желанным и приятным... А чем кончилась занимательная история о метателе тухлятины?

— Ничем, — равнодушно ответила Лиора. — Никого не наказали. Он же не попал по тем, кто дрался.

И тут меня озарило.

— Нужен триггер. Нечто, заметное даже со сцены, однако не вызывающее подозрений у других зрителей. Может, шарф? — Я представила, как размахиваю шарфом и скачу по трибунам, и отказалась от этой идеи. Внимание-то я привлеку, не вопрос, но заметит меня не только Лиора. — Нужно что-то выделяющееся, но привычное. Например... например... Слушай, а я сильно выделяюсь в толпе? — дошло вдруг до меня.

Лиора попыталась снисходительно фыркнуть, но звук, который она издала, напоминал, скорее, жалобный вздох.

Нам обеим давно пора отдохнуть.

— Белые одежды, длинные чёрные волосы — как ты сама думаешь, многие ученики похожи на тебя?

Вот и ответ.

Я в последний раз модифицировала программу, внося одно крохотное изменение, и спрятала её так глубоко, как смогла. Снаружи остался маленький крючок, настолько естественный, что, наверное, даже дядя Эрнан его бы не заметил. Потом Лиора уснула — и правильно, нам теперь нельзя было видеться до поединка. Маронг поднялся за ней почти сразу, словно чувствовал. Он не задал ни одного вопроса, даже не поздоровался — только посмотрел виновато, занавесив пол-лица косой чёлкой.

— Я её подстрахую, — вырвалось у меня.

— Спасибо, — криво улыбнулся Маронг. И добавил вдруг: — Я просил её пойти к мастеру Лагона. Она отказалась. И я... В общем, я отправил ему послание. Ничего не сказал, но намекнул на поединок. Как думаешь, Лиора сильно рассердится?

— Пусть лучше будет сердитая, но живая.

— Я тоже так решил, — серьёзно ответил он.

Сердце у меня скрутило от дурных предчувствий — не из-за Лиоры, как ни странно. Всплыла в памяти неизвестно почему фраза Соула: "Если дней через десять ты готова будешь повторить свои слова"...

Я стиснула зубы и нырнула в заросли. С трудом продралась через хотту, сплошь покрытую холодной липкой росой — как испарина

умирающего — и побежала по тропе, всё быстрее и быстрее.

Завтра это закончится, так или иначе.

Тейт вернулся глубоко за полночь. Потоптался вокруг моей постели, излучая сожаление и мучительную нежность, и отправился спать в соседнюю комнату. А вскоре после рассвета уже засобирался снова. Выходил тихо — ни единого шороха, но когда это тишиной можно было обмануть встревоженного донельзя эмпата?

Небо над Лагоном стало молочно-белым от облаков. Солнце яростно прорывалось сквозь пелену — слепяще-ярким, но размытым пятном. Затылок у меня ломило, вращать глазами было немного больно; видимо, вчера перенапряглась. Завтрак в горло не лез, но я добросовестно запихнула в себя пару зачерствевших лепёшек с пастой из запечённых овощей и стружкой фуубе, запивая крепкой до горечи шергой. Шрах, сейчас бы чашку самого обычного кофе с зефиром...

Краем глаза я уловила у лестницы что-то рыжее, подвижное — и рассмеялась. Дражайшая кухня Лоран, если бы увидела меня, наверняка бы горестно заломила брови и заметила вскользь, что если человек слишком часто поминает нечисть, то рискует с ней встретиться.

Почему бы и нет.

— Милый шрах, — прочувствованно произнесла я, сверля взглядом несчастную лестницу. — Ты ведь любишь хаос и разрушения? Тогда заглядывай сегодня на поединок. Я постараюсь тебя не разочаровать. Попкорна, правда, нет, но, надеюсь, стружка фуубе сойдёт, — и я, сохраняя торжественно-идиотское выражение лица, поставила перед лестницей пиалу с сушёным мясом, а затем быстро, пока не успела осознать и устыдиться, выбралась наверх.

Какой только дурью не маются люди, чтобы отогнать неприятные мысли!

Тейта я нашла быстро. Видимо, он решил не создавать Соулу лишних трудностей и предпочёл немного послоняться по людным местам, чтобы нарваться на поединок. И правильно — нечего затягивать эту канитель. То есть неплохо было бы затянуть её на пару лет, но вряд ли мастер Эфанга согласится...

Часа два мы играли в занимательную игру. Рыжий старательно делал вид, что не замечает откровенно дилетантской слежки, а я не приближалась больше чем на полтора километра. Вполне достаточно,

чтобы заранее почувствовать Соула, но зато меньше риск, что откуда-нибудь некстати выскочит Лиора, и программа запустится раньше времени. Нацепить поверх своей физиономии чужую личину я додумалась далеко не сразу. А когда дошла до этого несложного фокуса, то ненадолго ослабила купол, выпуская Тейта из виду.

Две минуты. Клянусь, не дольше двух минут! Но в Лагоне явно не любили оттягивать неизбежное.

Соул возник точно ниоткуда. Я проморгала момент, когда они с рыжим договорились о поединке. Хорошо ещё, что обошлось без взаимных оскорблений. Хватило обмена относительно невинными фразами: "В нашей мастерской твоя добыча будет смотреться лучше..." — "Ну, попробуй отними!". Соул великодушно предложил Тейту выбрать напарника, дабы уравновесить силы, получил в ответ заносчивое: "Если надо уравновесить — сам зови третьего!".

Предсказуемо — и очень, очень глупо.

А потом вся честная компания бодро драпанула куда-то за пределы внутренних долин Лагона. Новости о предстоящем поединке распространялись неконтролируемо и быстро, как пожар в степи. К тому времени, как я сумела добраться до "сцены", там уже собралось человек триста — активные болельщики, любопытствующие зеваки и жадные до чужой крови идиоты. И почти каждый третий думал о том, что Тейт наконец-то нарвался — кто-то с сочувствием, кто-то со злорадством. А я слушала их и запоминала имена и лица недоброжелателей с удивившим меня самую остервенением. Во рту появился гнусный металлический привкус.

Если мы сумеем пережить сегодняшний день — полжизни потрачу, но вызову каждого алчного до зрелищ трусливого придурка и лично покажу, где страхи роют норы.

— ...кто переступил за черту — проиграл. Кто умер — проиграл. Кто нарушил правила — проиграл, — выкрикивала ритуальные фразы дрожащим голосом девчонка.

"Орса? Она-то здесь откуда? — пронеслось в голове. — Что, такая пигалица будет судить поединок?"

Звук разносился далеко. Сцена располагалась на дне каменного кратера — широченного, немногим меньше, чем тренировочный полигон мастерской Чирерори. Кроме, собственно, круга, где должен был проходить поединок, здесь имелось некое подобие трибун —

склоны кратера, изрезанные так, что они теперь, скорее, напоминали ступени лестницы для великанов. А внизу, у самой черты, высился камень с плоской вершиной. Там сидела Орса, бледная в прозелень и испуганная до полной потери инстинкта самосохранения, а рядом с ней...

— ...я, Ренгиса Лао, буду вместе с Ширамару Орсой следить за соблюдением правил и назову победителя. — Его голос звучал мягко, вкрадчиво — нечто среднее между песней и шёпотом — и заполнял кратер целиком. — Если у кого-то есть возражения — скажите сейчас, — выдержав паузу, предложил Лао великодушно.

Идиотов не нашлось.

Что ж, если Ренгиса Лао участвует в этом безумии — ещё не всё потеряно.

Между тем, зрители всё прибывали. Я заметила нескольких знакомых подмастерьев — недоброй памяти Хатани Тикку с её безвольной добычей, пироманьячку Лэм, сумрачного Итасэ Рана, вокруг которого как по волшебству образовалось свободное пространство. Промелькнули воздушные голубые одежды — мастер Чирерори решил насладиться зрелищем. Прекрасная луноликая мастер Сафира Акка села, скрестив ноги, у самой сцены. Эфанга явился одним из последних, в окружении целого гарема. Дамочки, судя по уровню силы, были его подмастерьями, но их скудная одежда и яркий раскрас на лицах наводили на немного иные мысли. Оро-Ич так и не явился во плоти. Однако его присутствие ощущалось в воздухе, как прохладный морской ветер — приятный, но способный в одно мгновение обернуться разрушительным тайфуном.

Однако вскоре не осталось времени пялиться по сторонам. Я с трудом продралась через зрителей и заняла место в первом ряду, аккурат напротив Лиоры. Справа от неё, примерно в пятнадцати метрах вверх по трибунам, устроился мастер Эфанга; он удовлетворённо улыбался — аккурат до того момента, когда заметил меня. Волна холодного любопытства обрушилась на моё сознание, сминая щиты. Я стиснула зубы, выстраивая новые уровни так скоро, как только могла. Ничего, терпеть недолго, скоро всё решится... Судя по моему опыту, бои магов редко тянутся дольше нескольких минут, особенно если противники сильны. Это слабаки могут часами кружить друг вокруг друга, обмениваясь ударами.

Шрах, хоть бы мы все выжили!

— Поединок начнётся по моему сигналу! — ошарив от собственной смелости, прокричала Орс, высоко подняв руку. Зрители — единая волна, смятённый зверь, голодная многоглазая бездна — выжидающе замерли.

Всё, что случилось дальше, произошло почти одновременно.

Из вздетой руки Орсы в небо ударил сноп искр.

Мастер Эфанга всё-таки продрался сквозь мой купол, но просветить память не сумел — он попытался встать и вдруг с несолидным хриплым воплем задёргал ногой, на которой болталось что-то пронзительно рыжее.

Я скинула искусственную личину; Лиора натолкнулась на меня взглядом — и спусковой крючок сработал.

Тейт выгнулся, как в судороге, и сцену целиком захлестнуло море прозрачного огня; лишь два островка остались нетронутыми — там, где стояла оцепеневшая от ужаса Лиора...

...и вокруг Соула.

Грудную клетку у меня сдавило обручем от дурного предчувствия.

Соул растерянно моргнул, словно пытаюсь сообразить, как он умудрился попасть в такое неприятное место, и мягко повёл рукой, оставляя в воздухе огненный след. Сияющая косая линия задрожала — а затем разошлась, как чудовищная застёжка-молния. Прозрачное пламя устремилось в щель, словно его пылесосом втягивало внутрь.

Тейт вспышкой метнулся вперёд — глазами я за ним не успевала, только разумом.

Соул беспомощно улыбнулся — и всё вокруг внезапно заполнил звон. Тысячи, миллионы звонкоголосых колокольчиков. Тейт запнулся и рухнул на полпути, плечом врезавшись в землю. Соул прикрыл глаза, концентрируя силу для атаки...

...и схватился за голову.

Лиора, о которой все успели забыть, танцевала.

Тонкая и прекрасная, она изгибалась, и кости сюрреалистически просвечивали сквозь полупрозрачную кожу и плоть — прекрасное, розовато-серебристое сияние, тёплое и неземное одновременно. И кости пели, и песня сплеталась со звоном колокольчиков, умолкающих один за другим.

Тейт вскочил на ноги — комок инстинктов, ни следа разумной мысли.

"Сейчас".

Я поняла, что он ударит во всю силу — не телепатически уловила, а будто бы получила сигнал через неощутимую, но прочную связь резонанса. И — автоматически, инстинктивно откликнулась...

Рывок — и алая линия вокруг сцены осталась у меня за спиной.

Маятник резонанса качнулся — раз, другой, третий, увеличивая амплитуду.

Лиора выгнулась в последний раз — и рухнула на истоптанную землю без чувств. Соул выдохнул сквозь зубы, собирая всю свою мощь в кулак для смертельного удара...

...Тейт успел первым.

В нём, в его контроле что-то нарушилось из-за резонанса. Время точно остановилось; я видела, как прозрачное пламя пожирает сцену сантиметр за сантиметром, и сумела сделать только одно — рвануться, накрывая Лиору собой, и надеяться на чудо.

В груди у меня стало невыносимо жарко — как в тот миг, когда под рёбра скользнула искра Чирерори.

А потом всё кончилось.

Я с трудом разлепила веки. Соул стоял на другом краю площадки, переступив граничную линию одной ногой. Бесцветное пламя прожгло землю на полтора метра вглубь и остановилось за шаг до заветной черты. Мы с Лиорой покоились теперь на возвышении; к нам пламя так и не подступилось. По моей одежде разочарованно разбегались искры чужой магии — кажется, они обладали подобием разума и всерьёз надеялись на схватку, а теперь им только и оставалось, что уснуть.

— А, интересно, — отстранённо улыбнулся Соул и мыском ковырнул красную линию. — Похоже, я проиграл. Ладно, оставь её себе, вы хорошая команда, — и затем обернулся ко мне: — Отложенная песня? Ловко, Трикси. Прими мои комплименты. Я не говорил, что уважаю качественные ловушки? Да, точно, не говорил... Нет, правда ведь, ловко.

Лиора застонала и села, держась за голову. Встретилась со мной взглядом — где-то в бездонных светлых глазах промелькнула

благодарность — и запрокинула голову, дерзко уставившись на Эфангу.

— Всё, как договорились, — произнесла она почти беззвучно, едва шевеля губами. — Отпустите меня уже.

Мастер Эфанга поднялся — словно гора воздвиглась. Девочки-подмастерья брызнули в стороны.

— Это было вмешательство, Трикси Бланш, — веско произнёс он. — Танеси Тейт отказался от напарника.

Мне стало жутко. На то, чтобы вежливо оскалиться, ушли последние силы. Сердце стучало где-то в висках.

— Напарник? Определитесь, пожалуйста, мастер, кто я. Бесправная добыча, которую можно делать ставкой, как какую-то вещь? Или ученица, которая сама отвечает за свои действия, человек, наделённый волей? Так кто?

Он ничего не ответил — развернулся и начал подниматься по трибунам, перескакивая с одной чудовищной ступени на другую, как растолстевший, но всё ещё ловкий и грациозный кот. Но пафосно удалиться ему не позволили.

Мастер Оро-Ич наконец-то явил себя.

Синее щупальце захлестнуло щиколотку Эфанги; тот едва устоял на ногах — пришлось ухватиться за верхний уступ. А Оро-Ич, златоокое чудовище, ласково улыбнулся, скрестив руки на груди:

— Здравствуй, Эфанга. У меня есть вопрос, весьма простой... Ответь мне, все ли ученики участвовали в этом поединке по собственному желанию?

Последние слова он не произнёс — пропел так сладко, что у меня дыхание от ужаса перехватило. Мастер Эфанга, наверное, тоже что-то почувствовал, потому что ответил тихо:

— Я объясню.

— Объяснишь, — миролюбиво согласился единственный и неповторимый лагонский инкуб и обернулся ко мне: — Очень хорошо продумано, Трикси Бланш. Тебе осталось справиться со своей победой.

Синие кольца щупалец развернулись, босые ступни мастера коснулись трибун — и камень разверзся. Оро-Ич и Эфанга беззвучно рухнули в пропасть. Через мгновение жадные челюсти бездны

сомкнулись, и о ней теперь напоминала только тонкая-тонкая трещина — наискосок, через две ступени.

А маятник резонанса вдруг исчез, словно с размаху влетел в вязкую кислоту — и растворился. Ощущая странную пустоту в том месте, где раньше было сердце, я посмотрела на Тейта.

"Худший ученик"... Он был кем угодно, только не дураком. И понял, что сейчас произошло, так же полно, как Соул, Эфанга или изворотливый мастер Лагона.

— Зачем? — негромко, но очень ясно спросил Тейт, не сводя с меня убийственно тяжёлого взгляда.

"Ты обещала мне поверить".

"Я справился сам, ты же видишь, пламя остановилось".

"Ты обманула меня".

"Ты ничего мне не сказала".

"Я верил тебе".

Если бы он произнёс хоть что-то, я бы, наверное, сумела ответить, объяснить. Но Тейт рефлекторно прижал руку к собственному горлу, точно воздух стал непригодным для дыхания, и отступил на шаг, другой, больше не глядя на меня...

Не глядя на меня.

Ему было слишком больно.

Он взвился над краем кратера в прыжке, не устоял на ногах, перекатился — и побежал, пока не исчез из виду. А я всё смотрела и смотрела ему вслед, и никак не могла вдохнуть.

Между нами что-то сломалось. Что-то было непоправимо нарушено, что-то очень важное, наверное самое важное...

Я виновата.

Перед глазами возникла чёрная горячая пелена. Я рухнула в неё и за секунду до обморока ощутила прохладные объятия, и запах камня, обожжённого грозой.

— Победил Танеси Тейт, — донёсся откуда-то с той стороны певучий голос. — Я, Ренгиса Лао, буду хранить его добычу. Если кто-то желает оспорить моё решение — скажите сейчас.

Идиотов, разумеется, не нашлось.

А жаль.

Я была совершенно не против, чтобы меня сейчас кто-нибудь убил бы.

Слишком больно.

Глава 28. Вопрос жизни

*Восхитительные, непостижимые незнакомцы;
находиться рядом с ними — не самый плохой способ скоротать
вечность.*

*Нелепое заблуждение: мы часто считаем, что знаем о них всё.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

"Приходить в себя" — кто и когда придумал такое дурацкое, неправильное, бесконечно далеко отстоящее от правды выражение? Гораздо вернее будет "возвращаться к себе". Забавно, однако я осознала это лишь теперь, когда сама проделала немислимо долгий и трудный путь к забавной девочке по имени Трикси Бланш...

Точнее, попыталась.

На месте её не оказалось, к сожалению. Пришлось довольствоваться тем звенящим от остывающей боли существом, которое заняло пустующую вакансию, благо оно носило то же имя.

Я открыла глаза поздним вечером. Солнце давно закатилось, и даже пожар на западе успел померкнуть. Где-то совсем близко пресная вода с жадным шорохом облизывала песчаный берег, подсыхала, делаясь хрупкой и хрусткой, срезанная трава, лениво шелестел длинный свиток, а пальцы, что держали его, источали слабый аромат кофейных ягод...

Какая прекрасная иллюзия.

— Ты здесь, Трикси, — пропело самое невероятное во всём Лагоне — простите, мастер Оро-Ич! — существо. — Наконец-то. Мы почти начали беспокоиться, — лукаво добавило оно.

Ага, как же, будто такое способно на глупые чувства вроде беспокойства.

Переборов приступ слабости, я попыталась перевернуться — и обнаружила, что ничего мне не померещилось — и впрямь, лежу на охапке мягкой травы близ небольшого, но явно глубокого озера с песчаным берегом. А вместо подушки под головой — колени Лао.

— Ох...

Лао провёл пальцами по моему лицу, очерчивая линию скул, и отвёл в сторону растрепавшиеся волосы. Звонящая ясность восприятия, способность читать мир через запахи и звуки, постепенно отступала, и я начинала понимать, что она — не часть меня, а случайный подарок. Так сказать, побочный эффект от лекарства. А лекарством был сам Лао — одновременно спокойный и полный той прозрачной, певучей, нечеловеческой радости, которую не то что перенять надолго — почувствовать нелегко, даже эмпату.

— Лучше и не скажешь, — мелодично согласился Лао и улыбнулся. — Не спеши вставать, Трикси. Дай себе немного привыкнуть к миру. Тебя долго не было.

Я послушно замерла. Лежать так лежать, почему бы и нет. Всё равно Тейт...

Изнутри поднялась горькая, жгучая волна. Я резко выдохнула, запрещая себе чувствовать.

Не сейчас.

— Мне казалось... — язык слушался с трудом. — Мне раньше казалось, что истории об эмпатах, умирающих от горя — это просто сказки. Но в них чуть больше правды, чем я... чем я могу пока вынести.

— Неправда. Можешь, — мягко возразил Лао и сощурился. Сквозь тёмные ресницы, сквозь бледные веки просвечивали вспышки нездешнего, невозможного света — электрические разряды в чёрном небе чужого мира, сила настолько огромная, что её нельзя поместить в рамки добра или зла. Я инстинктивно зажмурилась, а когда рискнула снова посмотреть, то глаза у него вновь стали человеческие. Почти человеческие — зеркало, хотя бы раз отразившее вечность, помнит её всегда. — У тебя в груди сначала разбилось сердце Тейта, а потом и твоё собственное. А ты всё ещё жива. Радуйся, Трикси.

— Жива? Говоришь, как будто это её заслуга, — с изысканным сарказмом заметил кто-то справа. — Впрочем, радуйся, Трикси-кан, разрешаю. Лао не может провести резонанс, но зато может кое-что другое: вновь сделать тебя чистой. А разорвать связь с Тейтом — это для тебя сейчас вопрос жизни и смерти.

Я ушам своим не поверила. Не потому, что услышала что-то особенное — нет, знание о единственном способе выжить с самого начала болталось в подсознании, оставалось только вытащить нужный

фрагмент на поверхность и озвучить, вот вам и лучшая инструкция по возвращению из царства сдохших от горя идиотов, разве что подписи и печати дяди Эрнана не хватает, но не беда...

Но, шрах побери, откуда здесь взялся Итасэ? И с какой радости он заботится обо мне?

От удивления я забыла о безусловно полезных рекомендациях Лао и рывком села, дико озираясь. В глазах тут же потемнело, к горлу подкатила тошнота, а Итасэ — в тёмно-сером свободном костюме без рукавов, с тонким серебристым шарфом на острых, как у подростка, плечах, с длиннющим свитком в руках, живой и настоящий — недовольно поморщился, точно до него долетело эхо моих дивных ощущений.

Впрочем, почти наверняка так и было.

— Ты откуда здесь? — Не самый разумный вопрос, но сформулировать точнее я пока не могла, хоть убей. — И... зачем?

— Я здесь отсюда. Читаю поэму, — достаточно вежливо, но непонятно ответил Итасэ и ещё немного прокрутил свиток. — Редкая дрянь. Но исключительно древняя, надо заметить. Полагаю, в глазах ценителя последнее свойство гораздо важнее каких-то там литературных качеств. Но убивать ради этого? Увольте.

На то, чтобы мысленно прокрутить его слова заново, осознать, сопоставить и сделать выводы, ушло не больше трёх секунд, но ответила я почти через минуту — только потому, что не могла себе поверить:

— Неужели Соул отдал тебе один из свитков, которые достались ему от Эфанги за... за Тейта?

На сей раз удушливую чёрную волну удалось пригасить в самом начале — в немалой степени благодаря тому, что Лао сочувственно положил руку мне на плечо.

— Не совсем. Я его украл, — с убийственным спокойствием признался Итасэ. — Правда, Соул не возражал. Он действительно весьма недоволен Эфангой, Трикси-кан. Я считаю дурным тоном хвалить своего мастера, однако Шаа никогда не делал таких ошибок.

— Лишь потому что мастер Ригуми Шаа — прирождённый наставник, — рассмеялся Лао и обнял меня со спины, притягивая к себе. Я не возражала — держаться прямо всё ещё было нелегко. — В том нет его заслуги. Он просто рождён таким. Как ты рождён

правителем, Танеси Тейт — чистой силой, а Трикси — тем прекрасным сосудом, который придаст форму этой силе.

— А ты, видимо, всеведущим мудрецом.

— Не мудрецом, а тем, кто тебе нужен, — загадочно возразил ему Лао и опять засмеялся. — И раз сейчас тебе правда нужен советчик, и я им буду. Пока ты хочешь... Но хватит о нас. Нельзя утомлять Трикси непонятными разговорами.

Тут я испугалась по-настоящему:

— Не вздумайте вот теперь замолчать! Лучше объясните наконец по-нормальному, причём тут Соул, древние поэмы... И как вы вообще влипли в эту историю, кстати?

Итасэ, видимо, надоело изображать искушённого литературного критика, и он попросту отшвырнул свиток в сырую от росы траву, нисколько не заботясь о его сохранности, а затем обернулся ко мне. Тёмно-серые волосы, лёгкие, как туман, плавно колебались, словно в невесомости.

— Я всегда думал, что ты немного наивна, Трикси-кан, — произнёс он спустя почти полминуты и, кажется, попытался даже смягчить интонации — из милосердия. — Но не догадывался, что настолько. Неужели ты считала, что Соул одной тебе намекнул на грядущие неприятности?

Я нахмурилась:

— Намекнул? Когда мы с ним разговаривали, он выражался более чем ясно...

Полагаю, выражение лица в тот момент у меня было не самое интеллектуальное. Но Итасэ, несмотря на источаемые потоки сарказма и скепсиса, похоже, всё-таки верил в безграничные возможности человеческого разума больше, чем хотел продемонстрировать.

— А ты подумай, Трикси-кан, — очень-очень ласково попросил он. — Хорошо подумай.

Слабость и дурнота никуда не делись; выворачивающая наизнанку боль тоже постоянно маячила на горизонте. Но если б я, родная племянница Эрнана Даймонда, не ответила бы на столь откровенный вызов своим аналитическим способностям, то сгорела бы от стыда — перед собой так точно.

"Вот и посмотри заодно, куда завели тебя логика и рациональность", — шепнул противный голосок, подозрительно

похожий на мой собственный. Горло тут же перехватило. Я глубоко вдохнула, отгоняя тоскливые мысли.

Решать проблемы надо поэтапно. Сперва — задачка Итасэ.

Когда мы с Соулом встретились в первый раз, я была слишком взвинчена, чтобы адекватно оценивать обстановку. Но теперь, по прошествии времени, многое показалось мне странным. Во-первых, реакция: он был ничуть не удивлён, когда его шкодливая "сестричка" заявила в компании подозрительной незнакомки. Ну, предположим, заочно Соул меня знал, поскольку успел уже понаблюдать издали — и даже сделать кое-какие выводы. Спокойствие можно вообще списать на миролюбивый характер и некоторую рассеянность. Но, так или иначе, визит вежливости потенциальной "добычи" к "охотнику" — отнюдь не рядовое явление. И если Соул был к нему готов... получается, он ожидал чего-то подобного? А уверенно ожидать некое невероятное событие можно только в одном случае — если заранее приложить руку к его осуществлению.

Хорошо, предположим.

Но напрямую он на меня не влиял, это совершенно точно. Никаких внушений — я бы почувствовала. Защититься, возможно, не смогла бы, но совсем не заметить — вряд ли. Значит, действовал косвенно, через кого-то...

Ну, конечно, Орса! Как я сразу не поняла!

— Соул подослал ко мне свою сестру, — вслух подвела я итог размышлениям. Итасэ демонстративно поморщился, пробормотав что-то вроде "ещё немного, и мы бы тут заночевали", но глаза у него вспыхнули — он был доволен. — Зная её характер, он не мог не понимать, что одной оговорки про поединок хватит, чтобы Орса по уши влезла в неприятности. Нас с Тейтом он к тому времени изучил и понял, что девчонке мы вреда не причиним, но нужные выводы сделаем. Правда, мои дедуктивные способности Соул переоценил, — неохотно признала я. — Орсу я отпустила, толком не допросив. И даже после разговора с Лиорой не сразу вспомнила про загадочного "братца" мелкой хулиганки, который намеревался устроить Тейту хорошую трёпку. Догадалась сопоставить две детали головоломки, только когда услышала имя подмастерья Эфанги.

Итасэ со скучающим видом согнул одну ногу и пристроил подбородок на колене. Дослушал меня, выдержал садитскую паузу и

лишь потом ответил:

— Неплохо. Но можно было бы понять, что Лиоре он тоже помог выговориться. Сама она за целых семьдесят дней не сумела найти способ предупредить тебя.

На подначивающие интонации я не обратила ни малейшего внимания по двум причинам.

Во-первых, у меня не было ни единой возможности докопаться до того, что Лиора обошла блоки лишь после великодушной подсказки со стороны. Лично я оценивала её способности и умения очень высоко... Хотя дело, скорее всего, было не только и не столько в блоках, сколько в шантаже. Ей нелегко пришлось. Не каждый сможет рискнуть и пойти против воли собственного мастера, поставив на карту жизнь другого близкого человека.

Во-вторых, Итасэ не настолько хорошо контролировал свои мысли и чувства, чтобы скрыть их даже от ослабевшего эмбата. И я прекрасно ощущала, насколько он хочет выложить мне подробности этой "идиотской", по определению Соула, истории. Значит, и мне вполне можно потянуть паузу. Не выдержит — сам расскажет, спрашивать не стану.

Борьба гордости в союзе с мелочной страстью к мучительству против всепоглощающего желания покрасоваться продолжалась недолго, минут восемь. Я даже не успела задремать на плече у Лао, тем более что пока мы говорили, совсем стемнело, и свет теперь исходил лишь от далёких звёзд — и от крошечных золотистых птиц, которые парили над гладью озера.

Красиво...

— Как я уже упоминал, ты была не единственной, кому Соул сделал многозначительный намёк, — произнёс наконец Итасэ с таким лицом, точно делал мне величайшее одолжение. — Пять дней назад он посетил мастерскую Шаа и долго говорил с ним о тебе. Точнее, о твоих способностях и о том, что тебе следовало бы присоединиться к внимающим и поющим. Этого хватило, чтобы догадаться об остальном. Шаа давно предполагал, что мастер Эфанга способен на подлость. Такое уже... случалось, — скривился Итасэ.

Вот так поворот!

Если б Лао не удерживал меня поперёк груди, я бы вскочила:

— Эфанга не в первый раз уводит ученика у Ригуми Шаа?

Итасэ передёрнуло от отвращения, однако он промолчал. Ответил вместо него Лао:

— Не только у него. Эфанга любит одарённых красивых женщин и редкости. Он радуется, когда заполучает то или другое, а ты одновременно и сильный маг, и диковинка, Трикси. Все его подмастерья — краденые. Тичедори училась у мастеров тварей, Яраси Тэн он увёл из мастерской Таппы, там она считалась одной из лучших. Патачи Ласса когда-то была любимицей мастера Сафиры Акки, Таннэн — искусница.

— А Соул — гениальный испепелитель, и он тоже перешёл к Эфанге от другого мастера, — вздохнула я. — Правда, он не красивая женщина, но кого это волнует... Можешь не продолжать, принцип я уяснила.

— История Соула сложнее и печальней, — возразил вдруг Лао — и умолк, явно не желая развивать тему.

Настаивать я не стала, благо вопросов у меня ещё оставалось предостаточно.

— Значит, Соул намекнул Ригуми Шаа на слишком активный интерес Эфанги к нам с Тейтом. Допускаю, хорошо. Интересно только, как после такого предупреждения поединок вообще состоялся.

Итасэ протянул руку; несколько золотистых сияющих птиц, что кувыркались над тёмной гладью воды свернули и закружились над ним. И одна, самая маленькая, села на запястье. Острые коготки проткнули кожу, и выступили капли крови — тягучие, остро пахнущие железом, тёмные, солоноватые...

Я прерывисто выдохнула и отсекала себя от восприятия Лао.

Хватит с меня чудес, пожалуй.

— Шаа никогда не вмешивается грубо, — внезапно заговорил Итасэ, и выражение его лица смягчилось, стало мечтательным. — Он считает, что ученики взрослеют только тогда, когда сами справляются с бедами. Учитель не должен бесконечно оберегать их от всякой боли, от любых трудностей. Но обман и подлость Шаа презирает. Если бы ты ушла к Эфанге сама, он бы тебя отпустил. Если бы ты хоть раз подумала об этом... Однако ты желала остаться с Шаа, и он не мог бы позволить никому обращаться с тобой как с игрушкой. Это было бы... некрасиво. Поэтому он послал меня. Если бы Тейт проиграл, Трикси-кан... — Итасэ искоса взглянул на меня; в его тёмных, как ночное

озеро, глазах жили тысячи пылающих золотистых птиц. — Я бы вызвал Соула. Не из-за добычи. А потому что он оскорбил ученицу Ригуми Шаа, и я, подмастерье, не смог оставаться в стороне... Потому что он оскорбил моего друга Трикси Бланш.

В горле образовался комок.

— Спа... спасибо.

— Не стоит, — дёрнул он плечом неопределённо. Птица испугалась и вспорхнула с запястья, оставив на память глубокие царапины. — Ты и сама справилась не хуже.

Вот это был удар в самое сердце.

— Не справилась.

— Справилась, — шёпотом возразил Лао, обжигая дыханием. Загибаться от боли, когда нечто непостижимое в прямом смысле дышит тебе в затылок — непростая задача. Наверное, только поэтому я и сумела взять себя в руки — в который раз за вечер. — Потому что вы выжили. Это главное. Смерть — единственная непоправимая ошибка. Но ты жива, и он жив, а значит, всё можно исправить.

С ответом я замешкалась — никак не могла выровнять дыхание. И лишь спустя полминуты вспомнила о биокинезе.

Вскоре стало значительно легче. Всё-таки непостижимое непостижимым, магия магией, а правят примитивным человеческим организмом гормоны.

— Я не понимаю, — вырвалось у меня, хотя начинать с жалоб я не собиралась. — Что вообще произошло? Почему моё вмешательство причинило ему такую боль? Я эмпат, я чувствую, что он не лгал и не преувеличивал, его это действительно подкосило... Разбило ему сердце, да простит меня кузина Лоран за такую романтическую пошлость. Но почему?

Итасэ вытянул ноги; теперь волны с энтузиазмом вылизывали не только прибрежную полосу, но и его пятки.

— Если тебя это успокоит, я тоже не понимаю, — задумчиво произнёс он наконец. — Танеси Тейт всегда был одержим силой. Но он не похож на человека, который совершенно не способен принять чужую помощь.

— Тейт всегда ищет союзников, — согласился Лао. — Но кое в чём ты ошибаешься, Ран. Он не одержим силой. Он и есть сила.

— Если ты знаешь ответ, то просто скажи. Многозначительные намёки хороши только для...

Для кого хороши многозначительные намёки, я так и не узнала, потому что меня внезапно осенило.

"Только верь мне".

"Я тебе верю".

— Доверие, — хрипло произнесла я. Итасэ замолчал на полуслове. — Нет, я и раньше видела, что у него пунктик на доверии. Один раз он меня чуть не утопил, чтобы я прониклась...

— А что, утопление способствует зарождению доверия? — сдержанно удивился Итасэ. — Не знал. Надо как-нибудь попробовать.

Ирония и вежливый интерес в его интонациях были замешаны в таких совершенных пропорциях, что даже я оценила — не выдержала и улыбнулась, несмотря на то, что на душе по-прежнему страхи скребли.

— Самое смешное, что это правда. Но есть тонкости, конечно, и в основе там лежит один несложный психологический приём... Неважно. Важно, что Тейт никогда от меня ничего не требовал, кроме одного — доверия. Он повторял это с нашей первой встречи, когда только вытащил меня из логова свободных, и мы даже не были толком знакомы. Собственно, мы и сейчас толком не знакомы, — добавила я с горечью. — И я начинаю понимать это лишь теперь. Шрах, а ведь всё случилось именно поэтому: я совершенно не знаю Тейта, а он — меня. Мы до сих пор довольствовались теми жалкими огрызками друг друга, которые называются "сейчас". А у нас есть прошлое, и оно определяет многое... Больше, чем хотелось бы.

Кажется, я не сказала ничего особенного — банальности, очевидные вещи. Итасэ половину пропустил мимо ушей, пытаюсь вновь подманить сияющую крохотную птицу. Но Лао вдруг вспыхнул от радости — резко, жутко и ослепительно, как молния.

— Хорошо, что ты об этом задумалась, Трикси, — безмятежно рассмеялся он и подул мне в затылок; стало щекотно, и дурные мысли отступили. — Вы действительно пока ещё незнакомцы... Но твоей вины в том нет. Тейт никого не пускает в своё прошлое, а тех обрывков, что известны всем, слишком мало. Даже я не знаю ничего наверняка. Много чувствую, да... Но не знаю. И подсказать могу немного. Только одно имя — Ингиза.

С озера налетел порыв холодного ветра, и я поёжилась. То ли от неожиданности, то ли от озноба...

— Я уже слышала его.

— Ингиза — ученик мастера Лагона, — вмешался внезапно Итасэ. — Вблизи я видел его однажды, когда только... когда только пришёл в Лагон. Ингиза был не подмастерьем, но чем-то большим. Самый сильный, самый талантливый, лучший — так о нём говорили. А потом вдруг начали говорить как о предателе.

— Говорили? — эхом откликнулась я. — Он что, умер?

Идиотский вопрос. Собственно, ответ я уже знала, но почему-то очень боялась, что его озвучат — и одновременно хотела этого.

— Можно сказать и так. — Впервые на моей памяти Итасэ испытывал неловкость. — Но ходили слухи... Тебе лучше спросить у кого-нибудь, кто знает лучше. Девять лет назад я мало интересовался кем-то, кроме себя.

Лао просто промолчал; но мне не нужны были подсказки. А я вспомнила Тейта — и обжигающие образы, которые таились в бездне его разума.

Океан бесцветного огня.

Череп, осыпающийся пеплом.

Обожжённые мальчишеские ладони.

"Верь мне"...

Фрагменты головоломки никак не желали складываться в цельную картину, но часть истории я уже могла прочитать.

— Тейт убил его, верно?

— Так говорили, — ответил Лао очень-очень мягко, словно боялся спугнуть правду. — Я не знаю, так ли это. Но многие верят. Сперва те, кто силен, но неразумен и горд, испытывали его. Тейт был вынужден сражаться и убивать — тогда, когда нуждался в помощи и в близости сильнее всего. Он выжил. И потому теперь одни его боятся, а другие верят глупой игре.

— "Худший ученик"? — предположила я со вздохом.

— Да, — подтвердил Лао тихо.

Так вот зачем ломать комедию... Если выбирать между "чудовищем" и "посмешищем", то предпочтительней второе. Гордое звание могущественного клоуна по крайней мере не обрекает на одиночество и ненависть.

Но, шраах, это всё началось девять лет назад!.. Сколько тогда было Тейту, одиннадцать? Сущий ребёнок. Ясно одно: жуткая бездна в разуме Тейта появилась именно тогда. И с тех пор росла, постепенно пожирая его.

— Мне нужно поговорить с Тейтом. Извиниться и... и узнать, что случилось с Ингизой, — я сглотнула. Опять навалилась болезненная слабость.

А что, если он не станет со мной разговаривать? Отвернётся, как от кучи мусора, и уйдёт? А что, если мы теперь никогда...

— Не получится, Трикси-кан, — с редким для него искренним сочувствием посмотрел на меня Итасэ. — Танеси Тейт два дня назад покинул Лагон.

— Так, стоп. — Мозг у меня отказывался обрабатывать информацию. — Два дня? Но ведь поединок был вчера?

— Ты три дня лежала как мёртвая, Трикси.

Объяснять никто ничего не стал, но этого и не требовалось. Три дня я провалялась без чувств, а Тейт... Тейт не пришёл ко мне. Он просто сбежал.

И надо бы разозлиться, но почему так больно?

— Саара Ан Локен решила покинуть своего мастера, Фарангет, — продолжил тем временем Итасэ. — Фарангет поставила условие: совершить трёхлетнее странствие по горам, добраться до севера и вернуться живой. Локен отправилась не одна, с ней ушли не меньше десятка сильных учеников. Я не представляю, о чём с ней говорил Танеси Тейт, но она позволила ему присоединиться. Я мог бы догнать их, если бы знал, куда идти... Но не знаю.

Он говорил ещё что-то, но я не слушала — просто не могла слышать.

Три года!.. И Тейт может вообще не вернуться... Из-за меня? Это я виновата? Что же теперь делать?

Кажется, последний вопрос я произнесла вслух, потому что Лао сказал:

— Сейчас — спать. Ты ещё слаба, Трикси.

Ещё несколько месяцев назад подобный совет почти наверняка вывел бы меня из себя, но в Лагоне я научилась многому. В том числе — правильно оценивать свои силы. Мне действительно отчаянно

требовался отдых — не полное боли забытьё, а покой. И не где-то в тёмном пустом доме, где нет Тейта, а здесь, рядом... с друзьями?

Пожалуй, так.

Я не сдамся. И сломить себя не позволю. Лао прав: необратима только смерть. А значит, я ещё поборюсь.

— Спасибо... — Благодарно улыбнуться было сложнее, чем поднять любимую штангу Тони, но я как-то справилась. — Мне правда это нужно. И здесь хорошее место. Вы тут часто бываете, да?

Лао рассмеялся, мелодично и необидно. Итасэ тоже, чуть погодя, словно выдержав суровую битву с чувством собственного достоинства. Я что, села в лужу?..

— Это "хорошее место" — мой дом, Трикси, — объяснил Лао наконец и обвёл рукой тёмное озеро, сияющих крохотных птиц, песчаный берег, высокие травы.

Я так растерялась, что на целую секунду даже забыла о Тейте.

— Прямо здесь? А если идёт дождь?

— Если идёт дождь, то я мокну, — серьёзно ответил Лао. А Итасэ добавил ворчливо:

— Живёт Лао действительно здесь, о, да. Скромно, дико и со вкусом. Но под озером есть огромная пещера с сокровищами. И с горячими источниками, если тебя это интересует, Трикси-кан.

От удивления я не нашла ничего лучше, чем спросить Лао:

— А зачем тебе сокровища?

— Так положено, — фыркнул он и взъерошил мне волосы на затылке. — А теперь спи.

И я послушно уснула.

Хорошая штука — биокинез.

Мне снилось, что я — огненная птица, попавшая в силки. Нити прочные, разорвать не выйдет, и к тому же одно неосторожное движение — и явится по мою душу охотник, и тогда свисти не свисти — всё пропало. Распутывать ловушку следовало аккуратно, не торопясь. Жаль, что клюв и крылья мало для этого подходили...

Но потом, откуда не возьмись, налетели стаи таких же огненных птиц — и стали мне помогать. И минуты не прошло, как силки растянулись и спали. Птицы же взмыли в изумрудное небо, и одна из них, самая большая, шестикрылая, была ужасно похожа на Шекки.

— Какой абсурд, — пробормотала я и проснулась.

За ночь озеро никуда не делось. А вот красивые золотистые птицы то ли разлетелись, то ли попрятались с рассветом. Задержалась одна-единственная: спрятав голову под крыло, она задремала на плече Итасэ, который безмятежно спал, окунув босые ноги в озеро. Тонкий серебристый шарф укрывал его, как чудовищная перепутанная паутина. Лао сидел чуть поодаль и смотрел на него... нет, не как брат, а, скорее, как сестра, которая настолько старше, что может сойти за мать.

— Так ты мужчина или женщина? — вырвалось у меня. Сразу же накатило стыд, но было поздно: Лао, конечно, всё услышал.

Но не рассердился.

— Не знаю, — беспечно ответил он. — Мне всё равно, а Ран ещё не определился. Если хочешь, спустись вниз, Трикси, — и он указал на темнеющий в земле проём под развесистым деревом кижу. — Там правда есть горячие источники.

Приглашение я приняла с радостью — и второе, позавтракать вместе, тоже. Чувство страшной потери никуда не делось, но притупилось; можно было думать о Тейте — и не сходить с ума. И даже, страшно признаться, строить планы на будущее.

— Что собираешься делать, Трикси-кан? — поинтересовался Итасэ с деланным равнодушием, когда пиалы с шергой опустели.

— Навещу Соула и поговорю, — ответила я, не задумываясь, благо план действий составила загодя. — И не смотри так, я не сошла с ума. Во-первых, найти Тейта — полдела. Я пока не знаю, что ему говорить. А во-вторых, история Ингизы... У меня такое чувство, что я должна обязательно узнать, что там случилось. Хотя бы общепринятую версию, а уж её-то Соул знать должен, хотя бы в силу возраста. Вот разберусь — и брошусь в погоню.

— Полагаешь, что в твоих силах найти Танеси Тейта в горах? — спросил Итасэ откровенно скептически.

Что ж, спасибо хотя бы за честность.

— У меня есть идеи, скажем так. Кстати, а вон тот свиток тебе точно не нужен?

— О, если бы я придумал, куда приспособить эту в высшей степени бесполезную вещь, то, разумеется, тут же поделился с тобой радостью открытия.

На том и разошлись.

Самое интересное, что насчёт идеи я почти не слукавила. Давешний сон действительно навёл меня на мысль... Если Шекки остался в Лагоне — может и выгореть.

Разыскать Соула оказалось куда проще, чем можно было предположить. Практически наудачу я сунулась к тому холму, где мы впервые встретились — и не прогадала. Зияющая и отчётливо любопытная пустота в ментальном пространстве ясно говорила о том, что хозяин дома. И что он бодрствует — немаловажное дополнение, потому что ни один разговор, начинающийся с несвоевременного пробуждения, к добру не приводит.

— Ты ничего не потерял? — взмахнула я свитком вместо приветствия.

Соул вскинулся, резво разгребая бардак вокруг себя — тубусы, пустые пиалы, огрызки лепёшек — и улыбнулся:

— Кое-кого потерял. Но не ожидал увидеть тебя так скоро.

— Ты же обещал мне разговор, — пожалала я плечами.

— Да, точно... Рад, что ты цела.

Это было очень искреннее и отвратительно понимающее "рад, что ты цела". Он видел, что произошло с Тейтом — и со мной, но разбрасываться обвинениями и нотациями не собирался. А жаль... Может, после десятка-другого упрёков я бы взбодрилась, начала бы огрызаться, а после сотни вообще догадалась бы свалить вину на Эфангу.

— Всё относительно, — философски ответила я и села рядом с ним, подогнув под себя ноги. — Тебе не сильно досталось от мастера?

Соул прилёг, опираясь на локоть, и выражение лица у него стало... сложное.

— Мы поговорили. И определили некоторые границы, раз и навсегда. Мастер Эфанга помнит старые времена, иногда ему непросто, и я это понимаю. Свитки, к сожалению, всё же пришлось вернуть, но не беда — я успел дочитать.

— Хорошо, — произнесла я, просто чтобы не молчать. Задать вопрос было нелегко. — Слушай... Ты знаешь, кто такой Ингиза?

Окончание фразы утонуло в шорохе и шелесте — налетел ветер, положил траву у подножья холма, растрепал листья, сдул белый шарф

у меня с головы и бросил его на колени к Соулу. Небо потемнело, и стало холоднее. И некстати вспомнился наш дурацкий диалог с Лао.

"А если идёт дождь?"

"Если идёт дождь, то я мокну".

Действительно, чего уж проще...

— Я много чего знаю об Ингизе, — наконец произнёс Соул, когда пауза уже неприлично затянулась. — В основном потому, что мы почти ровесники. Точнее, были ровесниками. Молодые ученики с неохотой о нём говорят — наверно, оттого, что лучше помнят его конец, а умер Ингиза очень скверно. Правда, такие смерти в чести у хороших поэтов, но он-то был далёк от искусства, как никто иной. Ингиза любил жизнь, и она отвечала ему взаимностью... Что ты хочешь знать?

Я растерялась. Соул меланхолично скатывал мой шарф, словно важнее занятия на свете не существовало, и не понукал меня даже взглядом. Из ополовиненной пиалы с шергой пялилась черноглазая девчонка, на которую свалилось несколько больше, чем она могла вынести — и сохранить при этом ясную голову.

— Боюсь, тебе неприятно будет это услышать, но меня интересует именно его смерть.

— Догадываюсь, почему, — вздохнул Соул и отложил наполовину свёрнутый шарф. — Но от небольшой предыстории ты не отвертись. Это важно. Просто для того, чтобы понять, почему сначала он был кумиром, а потом стал тем, чьё имя даже произносить — то неловко... Если коротко, Ингиза родился в одном из свободных кланов.

— Погоди, — я нахмурилась, припоминая. — Но вроде бы вы с ними воюете? Я так поняла, что за связь со свободными по головке не поглядят даже уважаемого мастера? Аринга, например... — тут я запоздало прикусила язык. Мало ли, вдруг это секрет? С нас, конечно, никто не брал подписку о неразглашении...

— Я знаю о мастере Аринге Китассе, — положил конец моим волнениям Соул. — Такие новости обычно доводят до сведения всех учеников и подмастерьев, желают они того или нет. И мастера, разумеется, тоже в курсе. Но самое страшное преступление Аринги — не связь со свободными, а убийство доверившихся. Она предала собственных учеников. А вообще свободные время от времени появляются в Лагоне — обычно дети побочных ветвей. Бегут сюда от

отчаяния, самые умные и талантливые, а значит, хорошо осознающие, что ждёт их дома. Конечно, они предпочитают не распространяться о своём происхождении, потому что слишком много вокруг желающих отыграться за свои потери и за страх на условно беззащитной жертве... Но Ингиза был особенным. Его растили как наследника, надежду клана. И в Лагон он вошёл с гордо задранном носом, уверенный в своём праве быть здесь. С порога Ингиза заявил, что желает говорить с "самым главным в этой дыре" и передать ему знания — якобы именно те, которых не хватает Лагону для полного счастья и процветания.

Только угодив коленом в пиалу с шергой, я поняла, насколько увлеклась рассказом.

— И что дальше?

— Ну, ты же видела Оро-Ича, Трикси. — усмехнулся Соул, — Он, как ни в чём ни бывало, вылез из какой-то щели, приобнял Ингизу щупальцем и сообщил, что будет очень рад, прямо-таки счастлив научиться чему-то новому. А с мастером Лагона обычно не спорят. Так Ингиза остался среди нас. И за пятьдесят лет его успели полюбить — из бывших врагов и чудовищ выходят самые лучшие кумиры. Официально он считался гостем, неофициально... Поговаривали, что он был личным учеником мастера Оро-Ича. Большая редкость — последним, кого он действительно учил, был Ригуми Шаа. Но Ригуми — гений совершенно особого рода, творец невозможного, великий художник. А Ингиза... у него был иной талант. Ему всё давалось легко. И, что важнее, Оро-Ич многое ему доверял — и возню с трудными учениками, и таинственные задания на побережье, всю эту дурную политику. Естественно, когда у мастера Оро-Ича появился Танеси Тейт, рядом тут же возник Ингиза.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Появился у Оро-Ича? Ты же не имеешь в виду...

В голове крутились дичайшие версии — от внебрачного ребёнка до воплощённой из ничто мечты, бродящей по Лагону, легенду о которой ученики пересказывали друг другу тысячу раз.

Соул выглядел позабавленным. Похоже, кое-что из моих мыслей долетело и до него.

— Нет, всё проще, — улыбнулся он. — Танеси Тейт — добыча мастера Лагона. Прямо ничего такого никто, конечно, не заявлял, но

опытный маг сразу видит "чистого". Так вот, Оро-Ич привёл Тейта в Лагон уже семилетним мальчишкой — настолько чистым, насколько бывают лишь странники между мирами. И таким он оставался до одиннадцати лет.

В изнеможении я откинулась на траву. Высоко над древесными кронами, усеянными оранжевыми шариками плодов, неслись облака — серые, сизые, зеленоватые; пахло надвигающейся грозой.

Тейт — сам чужак в Лагоне, добыча... Семь лет — вполне сознательный возраст, значит, свою настоящую семью он помнит. Мне, взрослой женщине, эмпату с почти безупречным контролем над собой, нелегко было смириться с мыслью, что я вряд ли увижу мать с отцом, братьев и сестру, кузину Лоран, дядю Эрнана, тётю Глэм... Весь мой мир, который наполовину — близкие люди, а на другую половину — прекрасная неизвестность и блестящие перспективы. Каково же было ребёнку?

— На Танеси Тейта никто не покушался, — продолжал между тем Соул, беспечно разглядывая облака, летящие высоко в небе. — Во-первых, потому что нет идиотов — связываться с Оро-Ичем. Во-вторых, Тейт всегда мог за себя постоять. Огромная сила — и совершенно неконтролируемая. Кое-как с ним справлялся только Ингиза — учил, баловал, всюду таскал за собой. А потом, девять лет назад, Ингиза забрал его из Лагона и увёл к свободным. Никто достоверно не знает, что там произошло, но через несколько дней Танеси Тейт вернулся один — уже не чистый, но ещё более сильный, чем прежде. Он спокойно сообщил, что убил Ингизу. Я не был тогда рядом, но другие внимающие и поющие, кому довелось его услышать, говорили, что Танеси Тейт звучал тогда, как совершенный безумец. Мастер Оро-Ич увёл его, а вскоре появились новые слухи. О том, что Ингиза решил вернуться в свой клан и приготовил особый подарок — маленького любимца мастера Лагона. И никто и никогда не опроверг эту версию — даже друзья Ингизы... даже Оро-Ич. Я не знаю правды, Трикси, но хорошо помню Ингизу, и потому не могу поверить. До сих пор.

Я тоже не хотела верить, потому что тогда выходило, что Тейт пережил слишком много. Но это объясняло слишком многое. Чёрную бездну в глубинах его сознания, заикленность на доверии, желание доказать, что он лучший... или же занять место Ингизы?

Что ж, возможно.

Наиболее полную правду знал только один человек — Танеси Тейт. И теперь я хотела с ним поговорить сильнее, чем прежде — уже не ради себя.

Ради него.

Глава 29. Невозможное

*Образная, богатая, ритмически организованная речь.
В приличном обществе обычно не употребляется, но,
использованная к месту, украсит скучный диалог.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

В родном мире у меня не было вредных привычек. Не моя заслуга, в общем-то. Три кита, на которых зиждутся пагубные пристрастия — отсутствие элементарной выдержки, жадность до удовольствий и бездумность. А любой эмпат, который достаточно много времени проводит в компании такого человека, как Эрнан Даймонд, рано постигает азы самоконтроля и приучается к умеренности и осторожности. Я не особенно страдала без шоколада, никогда не испытывала желания закурить или завернуть в казино, даже кофе — и то пила не больше двух чашек в день, больше и не хотелось.

Здесь с меня быстро слетела шелуха цивилизованности, и я обзавелась по крайней мере одной скверной привычкой — регулярно, не реже двух раз в неделю совать голову в пасть какому-нибудь чудовищу. Сегодня на очереди был Эфанга... Шрах, сказал бы мне кто-нибудь четыре дня назад, что я наведуясь к нему по собственной воле! Но теперь стою под террасой наблюдения, люблюсь на закат и жду знака.

А виноват во всём Соул.

Расставаться сразу после того, как он рассказал историю Ингизы, мы не стали — слишком уж тяжёлый осадок остался. В одном из сосудов плескалась ещё горячая шерга, а на деревянном блюде высилась горка неровных разноцветных шариков, похожих на морскую гальку. Не слишком привлекательное с виду угощение, но вкусное: вяленые фрукты, вымоченные в сиропе или растворе соли, спрессованные с ореховой крошкой, сверху — что-то вроде подкрашенной глазури нейтрально-молочного вкуса, в сердцевине — желе, сладкое или острое. Жаль даже, что дома ничего подобного не было, сестрице Нэсс такое явно пришлось бы по вкусу — она вечно чередовала пирожные с маринованными томатами, пока пила чай...

Когда мы уже прощались, Соул вдруг спросил:

— А ты не говорила с Эфангой после поединка?

Меня передёрнуло, и вовне плеснули эмоции — раздражение, гнев, страх. Реакция, недостойная эмпата, но вполне объяснимая для человека, недавно перенесшего сильный стресс.

— Нет, — сухо ответила я. — И не собираюсь.

Соул рассеянно крутанул на блюде продолговатый свиток в тубусе — тот самый, который "украл" Итасэ.

— Не то чтобы я тебя не понимал... Но ты всё-таки попробуй. Нет, я серьёзно, — ободряюще улыбнулся Соул. — Эфанга не враг тебе. Он один из старейших мастеров, и нет никого более преданного Лагону... Разве что мастер Оро-Ич, но тут вернее будет сказать, что он и есть Лагон.

— Лагону мастер Эфанга, может быть, и не враг. Но мне он ничего хорошего не сделал, скорее наоборот, — терпеливо объяснила я. Но Соул только отмахнулся:

— Это как раз неважно. Я ведь не говорил, что тоже попал к нему не совсем по своей воле? Нет, вроде не говорил... Вот говорю. Но и это неважно, на самом деле. Ты ведь не злопамятная и не мстительная, Трикси, — серьёзно взглянул он на меня снизу вверх и постучал себе по виску: — Я слышу. Вот и не учись плохому. Многие молодые маги поддаются искушению и начинают поклоняться силе, и вернуться к себе потом нелегко.

Я не сдержала улыбку — слишком он напомнил мне Энтони.

— Хочешь сказать, что тебя беспокоит мой моральный облик?

— Именно, — подтвердил Соул и вдруг фыркнул прямо в пиалу с шергой: — И аргумент второй, обычная житейская мудрость: не стоит оставлять за спиной недоразумение, тем более — потенциальную катастрофу. Лучше поговорить и расстаться по-доброму. Вот, держи, — и он кинул мне злополучный свиток с поэмой.

— Зачем?

— Строго на западе внутренней долины Лагона, у холма, есть песчаное поле. Оно красивое и безопасное, — предусмотрительно уточнил Соул, видимо, заметив, как я начала мысленно перебирать всё, что знаю о пустынях и зыбучих песках. — Вроде пляжа, только океана нет. Но океанский шум слышится. Высоко на склоне холма — терраса наблюдения, сделанная из камня. Погуляй там немного, и тебя

пригласят подняться, вот увидишь. Мастеру Эфанге встреча нужна не меньше, чем тебе, но он хотя бы это осознаёт. Поднимешься и вернёшь ему свиток.

Не оставлять за спиной опасное недоразумение... Соул говорил разумные вещи, и, честно говоря, я склонялась к тому, чтобы послушаться его совета. Но кое-какие сомнения оставались.

— Прийти я смогу, убедил. А обратно-то меня выпустят?

С ответом Соул замешкался, всего на секунду, но внутренности успели скрутиться в комок от недобрых предчувствий.

— Выпустят, разумеется, — уверенно заявил Соул, глядя на меня безупречно честными глазами. Догадываюсь, у кого Айка подцепила свой фирменный взгляд. — Мастер Эфанга — разумный человек.

Собственно, уже этого хватило бы, чтобы отвратить меня от дружеского визита на террасу наблюдения. Однако на полпути домой я вдруг со всей ясностью осознала, что меня там ждёт: пустые комнаты, где всё дышит недавним присутствием Тейта, дурацкие красные шарфы в неположенных местах, разворошённая постель, где подушки хранят ещё запах его волос...

Под ребром стало больно; я взглянула на небо, провела мысленную черту по своду — и потрусила вдоль неё строго на запад. А спустя всего полтора часа поисков оказалась у стены, по щиколотку утопая в мелком песке. Снежно-белый на ярком солнце, в полумраке он приобретал насыщенный винный оттенок, а на границе между светом и тенью переплетались завитки всех оттенков красного — бесконечно изменчивый узор. Откуда-то поблизости доносился мерный шум волн, одинаково громкий, если стоять на песке. Но стоит сделать шаг в сторону — и невидимый океан исчезнет.

Эта дивная экзотическая красота приелась мне примерно через четверть часа. Даже голова заболела немного, словно что-то постоянно и незаметно давило на купол. Но когда я утвердилась в мысли, что не стоит будить лихо — пусть себе спит хоть весь день, песок вдруг вздыбился лестницей. Дрожащие белые ступени вели на двадцать метров вверх, прямо к террасе наблюдения, издали похожей на гигантское осиное гнездо, прилепившееся к холму.

— Спасибо за приглашение, — пробормотала я и, дважды обозвав себя доверчивой душой, шагнула на ступени.

Первый этаж террасы наблюдения представлял собой каменный мешок. К счастью, гостеприимный хозяин не бросил меня, а любезно указал стружкой алого песка путь наверх, через череду люков и арок. Уже за два этажа я почувствовала головокружительный запах запечённого мяса, истекающего острым соком и ещё чего-то незнакомого, но тоже очень приятного — почти как в приюте у Митчи.

Похоже, я вломила к мастеру аккуратно во время трапезы.

— Присоединяйся, Трикси Бланш, — послышался хриплый отклик, стоило моей макушке показаться над краем люка.

В домашних условиях Эфанга выглядел ещё более впечатляюще, чем на суде. Или, вернее сказать, подавляюще. В его присутствии действительно было трудно дышать; он полностью заполнял собой пространство. Некстати вспомнился анекдот про жидких и газообразных котов, которые в расслабленном состоянии занимают всю предложенную поверхность кровати, а в беспокойном — весь объём машины или квартиры. И дело было не в комплекции Эфанги — да, высокий, но с Оро-Ичем не сравнится, а Худама даже навскидку пошире в плечах и помускулистей. Тем не менее, ощущение присутствия оглушало. Не может же быть, что...

Нет ничего невозможного.

Медленно выдохнув, я постепенно выключила чувства — обоняние, осязание, вкус, слух, самым последним — зрение. И только в сенсорном вакууме поняла с чудовищным опозданием, что уже некоторое время нахожусь внутри чужого сознания. Пожалуй, с того самого момента, как ступила на ало-белый песок и услышала ворчание призрачного океана. Похоже, что мастер Эфанга давно уже существовал в иной форме, чем все мы, и физическая оболочка — сильное, плотно сбитое тело, круглая голова, жгуты соломенно-светлых волос над висками — была чем-то вроде легко узнаваемой иконки в блоге, трёхмерного аватара, обозначающего место собеседника в пространстве. И, подозреваю, имела не больше значения, чем густая подводка по векам, рыхлый ворох разноцветных шарфов на плечах и неряшливый яркий тюрбан, на который пошло метров пятнадцать лёгкой лиловой и жёлтой ткани.

Неудивительно, что в нашу первую встречу мне стало жутко. Я и тогда ощущала колоссальное давление чуждого сознания, но не могла в полной мере оценить, с чем столкнулась. А сейчас — кое-как

разглядела и даже поневоле начала испытывать признательность к этому монстру за то, что он даёт себе труд оставаться в более-менее приемлемой оболочке. Всё же гораздо комфортнее беседовать с кем-то, глядя в глаза, а не пытаясь охватить вниманием участок пространства метров сорок в диаметре, где, подобно газовому облаку, рассеяно сознание.

А если постараться и сконцентрироваться на визуальном образе, то можно даже поверить, что перед тобой обычный человек. Просто очень сильный псионик... то есть маг. И тогда получится сделать несколько очень сложных шагов и сесть напротив него, как ни в чём не бывало.

— Надо же, подросла, — одобрительно усмехнулся Эфанга и одним движением ободрал зубами мясо с полуметровой кости — так же непринуждённо, как кузина Лоран слизывала облако сливок с крошечной, на один глоток, порции кофе, увлётшись книжкой. — Ну, бери, не стесняйся.

Я со здравым сомнением оглядела изобильный стол — особенно впечатлял какой-то полутораметровый глубоководный монстр с выпученными глазами и с чешуёй, зажаренный целиком в каменном тазу... или ванне? — и поняла, что даже из вежливости не сумею проглотить ни кусочка.

— Благодарю, мастер Эфанга, — почтительно произнесла я и поспешила вытащить из-за пояса свиток в тубусе. — Мне сказали, что это принадлежит вам.

Эфанга отложил кость и потёр руки друг о друга — жир и грязь скатались, как одноразовые медицинские перчатки, обнажая загорелую, но безупречно чистую кожу. Целых полминуты он меня утешил взглядом, спасибо, что хотя бы в голову не лез. И лишь затем перегнулся через жареного монстра и забрал свиток.

— Сама-то читала? — осведомился мастер, распечатав тубус и мельком посмотрев внутрь.

— К сожалению, нет, — честно ответила я. — Даже если бы захотела, то не смогла бы. Письменную речь я знаю пока недостаточно хорошо.

Эфанга сграбастал с ближайшей тарелки здоровенный, с кулак, синий фрукт в остро пахнущем сиропе — и заглотив разом, только и хлопнула пропечённая мякоть. Взгляда он с меня не сводил, и светло-

голубые, немного мутные глаза казались выточенными из многовекового льда.

...Однажды утром проснувшись, В лютую полночь, когда увязает взгляд в непроглядном небе, Под солнцем в зените, тепло пожирающим с жадностью старых хокорнов, Проснувшись в закате немом —

Поймёшь обнажившимся сердцем, Что смерти

Нет.

И станет больше одной каплей росы

На ладонях мира.

— Что?.. — выдохнула я. Пульс так бился в висках, что казалось — вот-вот, и голова лопнет. — Что вы сейчас?..

Глаза у Эфанги меняли цвет как зеркало, в котором попеременно отражались рассвет над морем, полдень в пустыне, полночь в горах и закат над северными лесами. И то, что мне позволено было увидеть и услышать, превращалось в обещание: ты тоже сможешь так, я научу.

Шрах, начинаю понимать, как он переманивал чужих учеников!

— Это всего лишь стихи, Трикси Бланш, — наконец заговорил мастер Эфанга. Наваждение почти рассеялось; радужки вновь стали серо-голубыми, мутноватыми. — Старые стихи полагалось читать, не размыкая уст, и поэтому многое зависело от того, кто читает. И лучшие поэты были сильнейшими магами... Давно, очень давно, когда один юный восторженный мастер откликнулся на глупое прозвище — Орочи, а обращался к ученикам только на "кан". А я тогда был слишком мал, чтобы учиться чему-либо, но изредка приходил послушать стихи.

Эфанга замолчал. И на какую-то долю секунды я захотела, чтобы он продолжил рассказ — любой ценой, но почти сразу задавила это желание на корню. Разум тренированного эмпата тем и хорош, что опасные порывы не успевают толком оформиться. А мне сейчас нельзя было давать слабину — я ведь пришла договориться с мастером на своих условиях, а не позволить ему меня убедить.

— Спа... Благодарю за оказанную честь. — Выдать связанную фразу получилось со второй попытки, улыбнуться — с третьей, но к тому времени я была уже практически спокойна. До радостной безмятежности Лао далековато, но для деловой беседы с чудовищем сойдёт. — Я не ценитель поэзии, но эти строки произвели на меня

неизгладимое впечатление. Боюсь, мне придётся осмысливать его несколько лет, прежде чем я отважусь услышать другие стихи.

Вот так — правда, правда и ничего, кроме правды. И жирный намёк на то, что в ближайшее время я не собираюсь принимать никакие предложения со стороны, даже самые соблазнительные.

Эфанга явно расшифровал знаки правильно — и отнюдь не обрадовался. Воздух точно сгустился.

— Бросай Ригуми Шаа и переходи ко мне. Не только читать научишься, но и узнаешь о себе кое-что любопытное.

Язык к нёбу разом присох.

Вот этих слов я и боялась с самого начала... Что ж, придётся и дальше говорить правду — и надеяться, что меня за неё не прибьют. Ни на месте, ни чуть погодя.

— Спасибо за щедрое предложение, но вынуждена оказаться.

Пространство вокруг ощутимо помрачнело. В буквальном смысле темнее не стало, разумеется, но разглядеть, что творится в дальних углах, уже не выходило — так, словно они вообще исчезли.

— И кто же тебя вынуждает? — хрипло поинтересовался мастер.

Вдох-выдох, Трикси. Логика, рациональность и... и... что же там было третье?

— Вы ведь знаете, что это всего лишь формулировка, — улыбнулась я, стараясь не показывать зубов, в то время как меня так и подмывало оскалиться в стиле Тейта — просто от страха. — Мой мастер — Ригуми Шаа. Я хочу учиться у него, это мой выбор, осмысленный и разумный... идущий от всего сердца, — вырвалось вдруг.

Я запоздало прикусила язык — и внезапно осознала со всей ясностью, что именно последние слова и были той сокровенной правдой. И от этого знания стало легко и совсем не страшно — даже если Эфанга сейчас разгневается и смешает меня с песком внизу, делая его ещё более красным, ничего не изменится.

Ригуми Шаа — мой мастер, и я выбрала его сердцем; почти как любовь, но немного по-другому. Ни с кем иным так не получится, будь он хоть в сто раз сильнее и опытнее. Извините, не обсуждается. И не продаётся. Даже за стихи. Точка.

— Надо же, — усмехнулся Эфанга, и в ту же секунду пропало ощущение пристального недовольного взгляда со всех сторон разом, а

тьма по углам рассеялась. Сгустившийся было воздух вновь стал пригодным для дыхания, хотя запах острого соуса по-прежнему неприятно щекотал ноздри. — Так решительно меня ещё не отвергали. Что ж, спрошу позже, лет через пятьдесят. Я терпеливый.

У меня будто камень с души свалился.

— Могу ли я расценивать ваши слова как обещание пока оставить меня в покое? И Тейта тоже? — быстро спросила я, пока ко мне не вернулась способность рационально мыслить — а значит, бояться тех, кто сильнее. — Или, по крайней мере, действовать, минуя Тейта и не причиняя ему вреда?

На сей раз Эфанга смотрел на меня не меньше минуты, вдумчиво хрустя синими фруктами в сиропе, а потом досадливо поморщился:

— Высоко же ты ценишь своего любовника, если готова ради него дерзить.

Обычно я не особенно чувствительна к неточным формулировкам, но сейчас мне наступили на большую мозоль.

Нет, ну какого шраха?

— Танеси Тейт, к сожалению, пока ещё не мой любовник, — нейтральным тоном проинформировала я мастера. — Но мы работаем в этом направлении.

Эфанга недоверчиво посмотрел на меня — и расхохотался. Жёлто-лиловый шарф съехал до самых бровей, точнее, до того места, где они растут у нормальных людей. Пространство вокруг хохотало тоже — каждой песчинкой, алой и белой, каждым камешком в кладке стен, каждым иллюзорным плеском волн.

— Ступай, Трикси Бланш, — произнёс мастер, отсмеявшись. — Я не трону Тейта, слово мастера. Более того, я даю тебе разрешение на выход из Лагона — беги, ищи своего мальчишку, как собиралась. Это будет мне хорошим напоминанием о безумии юности.

И только теперь я поняла, что дело с поединком закрыто. Не будет больше атак исподтишка, нападений на Тейта; не будет больше отношения ко мне, как к бесправной добыче. Накатило колоссальное, почти болезненное облегчение. Стало даже плевать на то, что Эфанга каким-то образом умудрился пробраться мне в голову и вытащил оттуда гениальный план побега.

— Спа... спасибо.

Как деревянная, я благодарно склонила голову к плечу и драпанула к люку — быстрее, пока мастер не передумал. И оклик настиг меня уже на полпути:

— Последний вопрос, Трикси Бланш. Та рыжая штука, которая помешала мне во время поединка — что это?

Я запнулась на бегу о собственную ногу и чудом шею не свернула, ухнув вниз головой в люк. Инстинктивно сотворила что-то мягкое — то ли воздушную подушку, то ли мат — и испуганно замерла.

Шрах! То есть, Эфанга обратил внимание на шраха, и это — полный шрах!

— Жду ответа, Трикси. — На сей раз голос прозвучал ближе, буквально над ухом, хотя мастер, готова спорить, и с места не тронулся.

Гм... Как говорил дядя Эрнан, один из лучших способов отвечать на неудобные вопросы — это говорить правду в максимально неприемлемой для восприятия форме.

— Мастер Эфанга, — прочувствованно произнесла я, приняв более-менее достойную позу: ноги на ширине плеч, подбородок задран, руки воздеты к безжалостному небу. — В моём мире вот уже три тысячи лет, а именно таким сроком датируются самые ранние упоминания о шрахе, множество специалистов, в том числе филологи, экологи, маркетологи, лингвисты, историки, квантовые физики, биологи, врачи, теологи, литературоведы, взрывотехники, нерадивые студенты и радеющие за новое поколение профессора, инженеры, фольклористы, поэты и сантехники пытаются ответить на этот вопрос. Если вы желаете, чтобы я внятно сформулировала, что такое шрах, откуда он берётся и, главное, за что... Боюсь, вы просите о невозможном.

Выбираясь из террасы наблюдения Эфанги, я, вероятно, нарушила не только все на свете правила этикета, но и парочку законов физики, особенно те из них, что касаются максимальной скорости передвижения в пространстве и преодоления материальных препятствий. По крайней мере, терраса осталась в полукилометре позади прежде, чем сердце у меня стукнулось в рёбра хотя бы с десяток раз, а сквозь последнюю стену я, кажется, вообще просочилась... Эфанга, к счастью, преследовать меня не стал — то ли

решил не отрываться от трапезы, то ли подумал, что я всего лишь несмешно и глупо пошутила.

Его проблемы, впрочем. Не верить в шраха — большая ошибка.

Особенно после того, как он тяпнул тебя за ногу.

Самое смешное, что через полчаса я вообще с трудом понимала, чего так испугалась. Ну, мастер задал неудобный вопрос — получил туманный ответ. Не говорить же, что чересчур своевольная иллюзия от меня удрала и теперь наводит свои порядки в Лагоне. Да и иллюзия ли?..

Нет, правда, всё, к чему прикасается шрах, быстро приходит в состояние хаоса.

— Надеюсь, ты доволен? — почти нежно спросила я ближайшие кусты. Узкие серебристо-лиловые листья зашелестели — то ли ветер налетел, то ли мелкий айр прошмыгнул. — Можешь порадоваться — в ближайшее время развлечения точно не закончатся.

Кусты восторженно притихли.

Первая часть моего фантастического плана побега из Лагона дремала прямо над спуском в наше с Тейтом обиталище — огненно-оранжевая химерическая птица с двумя парами мощных крыльев. Бок, покрытый то ли мелкими жёсткими перьями, то ли вытянутой чешуёй, нагрелся на солнце; я осторожно прикоснулась к нему ладонью, и Шекки, реагируя на прикосновение, послушно сдвинулся в сторону, открывая вход.

Прекрасно — своего айра рыжий оставил дома. Значит, у меня хотя бы есть шанс.

Не заглядывая в спальни, я сразу прошла на самый нижний уровень, в кладовые. Вообще первоначально у меня был иной план: завернуть к Митчи и на остаток своего "кредита" набрать всякой долгоиграющей еды — высушенных фруктов, лепёшек, чего-нибудь сладкого. Но в итоге я передумала; самое необходимое, типа муки и вяленого мяса можно было захватить из дома. И не прогадала ведь — свёрток получился компактный, лёгкий, самое то для путешествия, а вдобавок в кладовой обнаружили две большие мягкие фляги, каждая литров на пять. Таких немудрёных запасов хватит дней на пять, а больше мне и не понадобится: либо найду Тейта, либо... гм.

Вряд ли дилетант вроде меня сможет протянуть в горах больше недели, с провизией или без.

Сунув напоследок в сумку смену одежды, пузырёк с мылом и сухое масло для волос, я выбралась наружу. Солнце уже клонилось к закату — надо же, целый день потратила... Значит, Тейт теперь в трёх сутках пути от Лагона. Одна надежда на Шекки: летает химера гораздо быстрее, чем передвигается самый мобильный отряд магов. В любом случае, нельзя терять время — во всех смыслах.

Нервно сглотнув, я подошла к рыжему айру и села перед ним, скрестив ноги: во-первых, именно такая поза считается здесь подходящей для задушевной беседы, а во-вторых, мне так легче сконцентрироваться на эмпатии. А он открыл один прозрачный глаз — и отвернулся, бессмысленно уставившись на линию горизонта.

— Шекки, — позвала я негромко, тщательно отслеживая реакцию. И — почти мгновенно ощутила слабый отклик. О, нет, неразумные биороботы так на своё имя не реагируют. — Мне нужно найти Тейта. И помочь можешь только ты.

Химера не шевельнулась, но на затылке у неё встопорчились мелкие твёрдые перья. Будем считать, что это хороший знак.

— Мы с тобой никогда не летали вдвоём, — тщательно формулируя мысленные образы, продолжила я. Первое правило эмпата — если ты способен воспринять движения чужого сознания, то и оно может тебя ощутить. И даже понять, если очень-очень повезёт. — И я не знаю, что держит тебя рядом с Тейтом. Но в одном уверена: ты желаешь ему добра. И он тебе тоже... А сейчас Тейт в опасности.

Стоило мне договорить и, готова поклясться, та тень разума Шекки, которую я сумела почувствовать, отчётливо окрасилась насмешкой... или сарказмом?

Поразительно.

Как там шутила кузина Лоран? Где сарказм, там и интеллект, только шрах ты с носителем того интеллекта полюбовно договоришься? Что ж, попробую опровергнуть её теорему. День у меня сегодня начался с Лао — а значит, хорошо подходит для сказочных подвигов.

— Да, знаю, — улыбнулась я и машинально протянула руку, чтоб погладить тёплый бок химеры. — Тейт и опасность — практически синонимы. Он не особенно задумывается о рисках... Но у него

действительно проблемы. Произошла кошмарная ошибка — и я виновата не меньше него, может, и больше. А он взял и удрал на край света, навстречу всем бедам, какие есть, только бы не успеть остановиться и задуматься. И я его понимаю. Сама бы убежала с радостью, но не могу. Голова на плечах мешает.

Шекки издал странный гортанный звук и заинтересованно скосил прозрачный глаз; я отразилась, как в выпуклом зеркале — искажённо, смешно и жутковато одновременно.

— Мне нужно к нему. Очень нужно, правда, — тихо произнесла я, вкладывая всю свою страсть, боль и тоску — то, что было надёжно запрятано в тёмных подвалах сознания. — Отвези меня к нему. Пожалуйста. Я прошу тебя, как... как друга.

Глаза Шекки резко потемнели; отражённое солнце дробилось в них и пылало, точно появилось сразу с десятков огненных зрачков. А потом он встал, потянулся, подскочил к спуску в дом — и встряхнулся, как собака, облитая из шланга. Пёрышки-чешуйки хлынули дождём и равномерно распределились над зияющей дырой входа, словно роса на паутине. А потом вся эта неземная красота мигнула — и исчезла.

Вместе с входом.

Если не ошибаюсь, Шекки демонстративно запер дверь на замок, сунул ключ в карман и теперь ждёт у такси, нетерпеливо притопывая. Весьма точная метафора, кстати — за тем исключением, что химера и есть "такси".

— Спасибо, — улыбнулась я — и влезла в седло. На то место, которое раньше занимал Тейт. — Ну, что, полетели?

И Шекки взмыл в небо, стремительно и беззвучно. И подумалось, что хорошо бы в такие моменты иметь не одно, а два сердца: первое станет сжиматься от ужаса, трепетать от восторга, дрожать от предвкушения и заниматься прочей мистической ерундой, а второе — выполнять примитивные физиологические функции. А иначе и сдохнуть недолго.

Наверное, это было бы страшно красиво и пафосно — на столь возвышенной ноте покинуть Лагон. Но мне, разумеется, просто не могло так повезти. Пока Шекки по плавной спирали поднимался выше и выше, постепенно приближаясь к невидимому своду над долиной, я раскинула купол на всю ширину — километров на пять, если быть

точной. Рассеянный до предела, он скорее напоминал сеть птицелова, чем обычное рабочее пространство эмпата. Присутствие кого-то опытного, вроде Соула или Лиоры, не засечёшь, но зато менее искушённых визитёров почувствуешь издали. А сильные чувства уловить ещё легче — например, страсть, как вон в той симпатичной рожице, бурное веселье под землёй, в мастерской, или агрессию...

Ох. Знакомых рассеянный купол тоже цепляет замечательно.

Орса — и впрямь какая-то ходячая беда. Как её до сих пор не пристукнули-то, с таким потрясающим везением?

— Шекки, прости, — виновато прикоснулась я к шее химеры. — Нам придётся спуститься. Вон туда, к холму.

Возражений не последовало. Шекки послушно нырнул ко дну долины; видимо, если посчитал, что раз уж взял на себя обязательства помогать мне, то будет нечестно уваливать по мелочам. И лишь у самой земли он решил то ли преподать урок неопытной наезднице, то ли отдать дань привычкам Тейта — и, заложив безумную мёртвую петлю, буквально рухнул на вершину холма — с такой силой, что дёрн брызнул в стороны дождём.

Впрочем, вышло эффектно — а мне дешёвые, но зрелищные жесты в данный момент были только на руку. По крайней мере, внимание к себе я сразу привлекла.

У подножья холма, в ложбине, просто и со вкусом подсвеченной ревушим пламенем, собралась знакомая компания: главный мститель — "подпалённый" А-Сэй, его подружка — заклинательница тварей, её сестра-испепелитель и молчун с задатками пиромана-садиста, который и устроил дивную иллюминацию по краям. Не хватало только женщины-лидера, создающей совершенство, а жаль. Кажется, в прошлый раз она единственная правильно восприняла прозрачные намёки Гу Худамы и сообразила, что Орса теперь под защитой ребят из мастерской Таппы — ни за какие особые заслуги, просто за компанию со мной. Увы, остальным то ли не хватило мозгов, то ли обидчивость пересилила доводы разума. И теперь Орса попала в крупные неприятности — если ты одна против четверых, значительно более сильных, то скалься не скалься, а трёпки не избежать...

Если, разумеется, с неба вдруг не свалится одуревший от собственной смелости эмпат, полный добрых намерений.

— Не люблю насилия, — скромно сообщила я. Голос меня подвёл, но не сомневаюсь, что те, внизу, расслышали каждое слово. — Поэтому мы не будем драться. Орса, иди сюда, живо.

Девчонка дёрнулась было, но А-Сэй обернулся и рыкнул:

— А ну, рвань! — и она снова брякнулась на колени.

По лицу у неё стекала кровь и капала с кончика носа — выглядело это жутко и смешно одновременно.

— Патовая ситуация, — пробормотала я. Женщина-испепелительница вздрогнула — похоже, приняла незнакомые слова за заклинания. — Ладно, попробуем снова. Орса, иди сюда. А ты успокойся! — рывкнула я на А-Сэя прежде, чем он успел рот открыть, и подкрепила императив мощным эмпатическим импульсом.

— Смелая какая, — оскалилась скуластая мстительница — та, что училась у мастеров тварей. — Думаешь, справишься?

Склон холма пошёл трещинами, и в разрывах дёрна блеснула чешуя. Земля шевелилась, точно дышала, неровно и нервно. Сколько там тварей? Одна, две, десяток?

Шекки затвердел, как камень, и ощутимо потеплел. Внутри него зародилась вибрация, которая постепенно нарастала...

"Спокойно, — произнесла я мысленно. — Я их тоже вижу".

А вслух сказала:

— Справлюсь. Два аргумента. Во-первых, у меня сегодня крылья. Не знаю, что там у вас за айры, но они вряд ли сравнятся с творением мастера Оро-Ича, поэтому если вы откажетесь цивилизованно разговаривать, то я просто поднимусь на пару километров. Поверьте, для меня никакой разницы нет, откуда атаковать... А во-вторых, я недавно приняла очень важное решение.

— И какое же? — А-Сэй, уже оправившийся от внушения, сплюнул себе под ноги. Я деликатно сделала вид, что не заметила искр, нырнувших под землю. Ещё одна ловушка? Ну и пусть. Сегодня и только сегодня это действительно неважно.

И вообще, Орсе осталось всего с десятков шагов. Доберётся до Шекки — и мне тоже можно будет плюнуть на дурацкую силовую дипломатию.

— Я позволила себе ошибаться. И запретила умирать, пока не найду Тейта и не поговорю с ним. — Я сама удивилась, насколько нежно и задумчиво прозвучал мой голос. — Сами понимаете, что

сочетание двух обещаний даёт весьма неприятный для вас результат. Честно говоря, я понятия не имею, что сделаю, если начну отбиваться всерьёз. Но в одном уверена: и станет больше одной каплей росы на ладонях мира.

— Что за хрень?! — взвился А-Сэй, встряхнув головой. Мысленный образ, которым сопровождалась строка, ему явно не понравился, но впечатление определённо произвёл.

А Орса, которой оставалось до меня всего четыре шага, замерла и недоверчиво уставилась, точно призрака увидела. Не удивлюсь, если Соул регулярно декламирует ей любимые стихи на ночь — вместо сказок.

— Это цитата, — вежливо пояснила я. — Один мастер был так любезен, что прочитал мне пару сетов назад занимательную лекцию о древней поэзии.

— Какую ещё к фаркану ле...

Договорить он не успел. Молчун с садистскими замашками шагнул вперёд и предупредительно положил ему руку на плечо.

— Друг, не надо. Я её вспомнил. Это она была на поединке. Три дня назад.

— И как? — мрачно уставился на него А-Сэй исподлобья. Молчун пожал плечами:

— Плохо, друг.

Они засомневались. А любое сомнение в конфликтной ситуации — плюс сто очков эмпату, потому что его легко переплавить в слабость. Я сгустила купол, нагнетая чувство неуверенности — и одновременно подстегнула Орсу. Девчонка птицей взлетела на спину химеры и вцепилась в меня.

— Вот и хорошо, — вздохнула я с облегчением и обернулась к ней: — Всех спасли, драка отменяется. А теперь просто извинись за то, что натворила.

Она обиженно засопела, помялась... и выдала:

— Ну, извините. Больше не буду. И А-Сэй совсем не вонючий рииз с палёным задом. И Мика не сопля, не пещерная слизь, и ей не надо платить, чтоб с ней целовались. И она почти не тупая. То есть совсем не тупая, вонючая риизка, — поправилась Орса. — И...

Я, к счастью, переварила этот шедевр быстрее, чем ошастливленная извинениями компания.

— Шекки, давай!

И мы взлетели — десять оранжевых крылатых химер на десять сторон, каждая — с двумя перепуганными визжащими наездницами. Все ненастоящие, разумеется — Шекки очень вовремя стал невидимым, прикрывая и нас.

А-Сэй запоздало спохватился и фонтаном искр из-под земли храбро сжёг целую одну иллюзию, дрессированные твари его подружки заели ещё две. А к тому времени, как мстители сообразили, что их провели, мы уже были примерно в трёхстах метрах от них — и удалялись всё быстрее.

Орсу я отпустила через четверть часа, в безопасном месте. Весь полёт она восторженно пялилась по сторонам, забыв даже про присохшую к носу кровь, и, даже оказавшись на земле, не сразу пришла в себя. По крайней мере, мои ценные указания — поскорее вернуться к Соулу, заручиться его поддержкой и хотя бы пару дней держаться поосторожнее — выслушала с несвойственным для неё почтительным вниманием. А когда я договорила, девчонка вдумчиво поскребла окровавленный лоб и спросила:

— А ты правда-правда полетишь искать этого, ну... Танеси Тейта?

— Правда, — вздохнула я, машинально погладив мощную шею Шекки. Вот кто герой, вот без кого мы бы пропали. Хороший мой, красивый...

Айр довольно встопорщил жёсткие перья и утробно заурчал.

— А это, ну... разве возможно?

— Вряд ли, — улыбнулась я. — Но, думаю, сегодня хорошая ночь для невозможного.

Когда Шекки поднялся высоко над Лагоном, почти до самого незримого свода, отделяющего цитадель магов от смертельно опасных гор, полных дикого волшебства, я подумала, что прощальная фраза получилась ничего так.

Осталось только подтвердить её делом.

Глава 30. Учимся говорить

*Разновидность стихийного бедствия.
Подкрадывается незаметно, глядит виновато,
рушит планы с непринуждённостью землетрясения.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Ночное небо в горах — это нечто особенное. Оно прозрачное, как хрусталь, тёмное, как чернила, а от колючего света звёзд временами становится больно глазам. Глядя ввысь, хорошо думать о любви — или о вечности, а лучше всего — о вечной любви, потому что именно тогда легко поверить, что она существует.

Ночное небо в диких горах за Лагоном — смертельная ловушка. Зачастую оно мутно-чёрное, как смола, и столь же вязкое. И тогда ни звёзд, ни луны не видно, а дышать получается через раз. Области испепеляющего жара сменяются без всякой системы ледяными ветрами, высота то не чувствуется совсем, то начинает страшно давить на барабанные перепонки. Облака лёгких серебристых искр разъедают кожу быстрее кислоты, а грозовые фронты налетают неожиданно, и нет такой магии, которая позволила бы укрыться от них.

Всё это я знала давно, из рассказов Тейта. А теперь — постигала заново, уже на своей шкуре.

— Вниз? Устроим привал? — спросила я, когда Шекки начал кружить над очередной долиной. — Хорошо, давай. Выбирай место.

Химерическая птица издала короткий клекочущий звук — и начала снижаться.

Мне-то, разумеется, хотелось продолжить путь. Восточный край неба начал светлеть — похоже, в пути мы были около десяти часов. Усталость почти не ощущалась из-за постоянного нервного напряжения, но я знала, это иллюзия: расслабишься немного — и в кашу растечёшься, а мне пока нельзя в кашу, надо спешить — Тейт далеко впереди, и каждая минута промедления уменьшает шансы на встречу.

С другой стороны, если вымотаюсь до предела и свалюсь с химеры, к рыжему это меня не приблизит. В сериалах, фильмах и

книгах, особенно подростковых, часто встречается идея, что якобы не важен результат — важно старание. Вроде как если действуешь на пределе — ты молодец, и тебе непременно воздастся за усилия. Полезная установка, конечно... Но только для детей, которым зачастую не хватает ни возможностей, не терпения, чтобы добиться настоящей победы; это что-то вроде утешительного приза. Мне же всегда ближе была позиция дяди Эрнана: максимальный результат с наименьшими усилиями... Но самый важный аргумент в пользу неожиданного привала заключался в том, что вёл нас Шекки. Тейт удалился уже на такое расстояние, что ни одна известная мне псионическая методика не позволяла до него дотянуться. Я знала это, и именно потому с самого начала рассчитывала на химеру.

Во время путешествия к океану рыжий частенько отпускал Шекки порезвиться. Случалось, что крылатый айр догонял нас через три-четыре дня, причём без посторонней помощи — без сигнальных залпов и магических маячков. Когда он находился близко, Тейт управлял им с помощью свиста, хлопков или резких жестов, но это скорее напоминало разговор с человеком, не владеющим речью, чем команды для биоробота. А когда нас вела Аринга, и Тейт отпустил Шекки, тот не только сумел найти обратную дорогу в Лагон, но и войти. Сильно сомневаюсь, что созданный Оро-Ичем купол над долиной пропускал неодушевлённых существ, будь они хоть трижды "своими". Именно тогда я впервые заподозрила, что Шекки разумен, и потом подсознательно искала подтверждения своей теории. А после успешных переговоров с химерой, кажется, поняла, как Тейт умудрился выкрасть у мастера Лагона его творение.

Всё дело было в харизме.

Когда говорили о достоинствах рыжего, то обычно упоминали силу или ловкость. Более близкие знакомые говорили об уме и хитрости. Но лично я самым убойным оружием Тейта считала обаяние. Порывистый, искренний, с мрачной бездной в душе — воистину убийственное сочетание. Одна солнечная улыбка — и прекрасные женщины падают к ногам, многоопытные мастера снисходительно внимают дерзким речам, а домашние животные доверчиво подставляют шеи... Проблема в том, что в Лагоне не принято держать питомцев: слишком хлопотно, да и хозяин в любое время может умереть или отправиться в дальнейшее путешествие. Но для

Оро-Ича, разумеется, правила не писаны. Так почему бы ему не создать разумную, одушевлённую химеру — и не отдать её потом мальчишке, который умудрился раскрыть тайну необычного айра и подружиться с ним?

Вот вам и "воровство".

Но сейчас к моему путешествию всё это имело опосредованное отношение. Главное, что, во-первых, Шекки обладал разумом, во-вторых, был привязан к Тейту, и, в-третьих, мог его отыскать. Значит, мне оставалось только довериться чутью химеры. И если Шекки намекал, что нам надо спуститься — значит, так и следовало поступить.

Местечко для передышки он, правда, выбрал на редкость негостеприимное — голый камень, целая уйма подозрительных нор всех форм и размеров, ни былинки, ни ручейка. Стоило мне спрыгнуть на склон, как Шекки начал носиться по всей долине, засовывая голову то в одну нору, то в другую. Долго это не продлилось, впрочем. Я ненадолго отлучилась, чтобы привести себя в порядок после длительного перелёта, а когда вновь выглянула из-за камня, химера пропала. Восточный край неба же потемнел, и горы словно стали выше. Где-то я уже это видела...

Ох, шрах! Неужели гроза? Только стихийного бедствия мне не хватало для полного счастья!

Так, спокойно, Трикси. Рано паниковать. Шекки вовремя почувал опасность и наверняка успел забиться в какую-нибудь подходящую дыру, пока я решала свои маленькие бытовые трудности. Значит, надо всего лишь найти его — и, в свою очередь, спрятаться к нему под крылышко.

Я подняла взгляд. Фантасмагорические облачные горы на востоке разрослись уже на половину неба. Край грозового фронта подсвечивался тонкой, с волосок, золотисто-алой линией — это пробивались непослушные солнечные лучи. Белых молний пока не было видно — значит, у меня оставалось ещё несколько минут в безопасности. Найти по следам химеру смог бы разве что сам Тейт — ну, или Лао, но и у меня есть козырь — эмпатический купол. Сначала раскрою его максимально широко, а затем сконцентрирую всё внимание на небольшой области и попробую засечь Шекки.

Первая часть плана едва не полетела под откос.

Купол, который теперь легко расширился до пяти километров, зацепил что-то живое почти на самой границе; более того, что-то очень знакомое. Одно, два, три, четыре сознания... Или всё-таки два? Ту, вторую пару почти накрыла гроза, ослепительно полыхнула молния — и исчезли даже призрачные следы чужого присутствия. Может, показалось? Или фронт облаков блокирует не только магию, но и эмпатию? Сомнительно. Может, попробовать направленный поиск?

Додумать мысль я не успела — громыкнуло так, что уши заложило, а во рту появился металлический привкус. Под дых словно ледяной кулак ударил, дышать стало тяжело.

Шрах! Гроза уже совсем близко!

Чёрные тучи не просто летели в небе с колоссальной скоростью и, кажется, даже против ветра — они ползли по земле, и синеватые молнии закипали во мраке, как ведьмино зелье. Сконцентрированный купол накрыл небольшую область, метров в тридцать, но я почти сразу же засекала отзвук сознания Шекки, точнее, страх — знакомый, но определённо не человеческий. Источник находился под скалой, примерно на пятнадцать метров вглубь, справа от меня.

Так, а где вход в пещеру?

Громыкнуло снова — уже прямо над головой. На щёку шлёпнулась здоровенная капля, пузырящаяся, как плевок. Кожу обожгло холодом. Собственная паника ощущалась как сгусток сжатого воздуха где-то в районе солнечного сплетения; я медленно выдохнула, избавляясь от напряжения, и огляделась.

Подходящих по размеру дыр в скале — две. Исследовать обе не успею точно. Значит, надо выбирать наудачу.

Справа или слева?

Я склонилась над большей дырой и собралась было уже спрыгнуть, когда ощутила вдруг знакомый запах — солоноватый, металлический, одновременно искусственный, как заправка для картриджей трёхмерной печати и... Вспомнила, шрах! Нассова трава!

Не рассуждая больше, я опрометью кинулась во вторую дыру, значительно уже. Человек бы прошёл без труда, даже не склоняя головы, а вот крупный айр, вроде Шекки, наверняка бы все бока ободрал...

Да он и ободрал.

Шар-светильник выхватил из темноты рыжеватый отблеск. Предмет оказался маленьким, плоским, почти прозрачным; он напоминал тонкую полимерную пластину вытянутой формы, примерно с палец длиной. Перо Шекки? Хоть бы так!

Над головой гроыхало непрерывно, точно на поверхности вдруг началась война, и со всех сторон зарядили ракетные установки. Я погасила светильник — магия могла притянуть разряд молнии — и на ощупь полезла глубже в пещеру. Дважды упала, кажется, расквасила колено, но под конец уткнулась в бок кому-то тёплому — и, похоже, перепуганному. В темноте послышался утробный и одновременно клекочущий звук; меня пихнули в бок чем-то твёрдым, я упала — и сверху тут же опустилось нечто большое, шероховатое... Крыло?

По крайней мере, похоже на перья Шекки.

— Спасибо, — пробормотала я еле слышно и тут же получила клювом по лбу — нечего высовываться.

Забавно — айр вёл себя так, точно он был настоящей птицей, а я — его птенцом. Дождаться меня снаружи Шекки не стал, но стоило мне оказаться поблизости, как у него сработали инстинкты, и он начал меня защищать. Значит, опасность пока не грозит?..

...как здесь тепло.

От полудрёмы я очнулась резко, словно мне залепили пощёчину. А в следующую секунду Шекки вытряхнул меня на каменный пол и пополз вверх по пещере. Гроыхания стихли, но под ногами текли ручьи — видимо, долину основательно затопило. Повезло, что мы лежали на проходе, в относительно широком месте, а не на дне пещеры, иначе могли бы оказаться в водяной ловушке. Не сомневаюсь, что Шекки может не дышать, сколько угодно, но он-то химера, существо приспособленное.

А вот я — нет.

Вскоре стало значительно светлее — показался выход из пещеры. Айр уже выбрался наружу; судя по звукам, он энергично встряхивался — как собака после купания. В скудном свете камни выглядели пугающе — осклизлые, красноватые, кое-где — бритвенно острые сколы. Да уж, если б не гроза — ни за что бы сюда не сунулась... Я осторожно приложила ладонь к одной из стенок — и поспешно отёрнула, ощутив тепло и едва заметную пульсацию.

Оно... живое?

Когда выход был совсем близко, Шекки просунул голову в дыру — и цапнул меня клювом за шиворот. Я и взвизгнуть не успела, как оказалась в седле. Почти сразу же химера взмыла в небо. Пальцы у меня до боли вцепились в перья, мышцы от напряжения свело аж до плеча. Сглотнув, я посмотрела вниз, на быстро отдаляющуюся долину — и до крови прикусила губу.

Каменная чаша, вчера голая, сегодня была целиком покрыта плотным слоем колеблющихся нитей, как толстенным ковром. Лишь кое-где, около покрытых красным налётом скал и некоторых пещер, оставалось пустое место.

Нассова трава... Похоже, если бы мы ещё немного промедлили, то она бы расцвела.

— Какой ты умный, — вздохнула я и погладила Шекки по мощной шее. Он резко взбил крыльями воздух, поднимаясь выше, а потом заложил широкую дугу. Купол уловил слабую тень удовольствия — Шекки вряд ли понимал, что его хвалят, и уж тем более не осознавал, за что, но ощущал мою благодарность и отвечал, как умел. — А теперь ищем Тейта. Где Тейт? Ты знаешь?

Сейчас мы летели не слишком высоко. Самые высокие скалы нависали над нами — до пиков ещё километров семь, если не больше; долина с нассовой травой прикрепилась к одному из склонов, и издали она казалась совсем крохотной. Солнце перевалило за точку зенита и начало спускаться к горизонту — значит, гроза бушевала долго, да и меня в тепле разморило сильнее, чем я полагала. Мы потеряли не меньше семи часов. Если Тейт всё это время продолжал двигаться вперёд...

Я отвлеклась на размышления и не сразу поняла, что Шекки продолжил подниматься. За соседней, пологой горой, покрытой жёлтыми и алыми спиральями, показалась протяжённая, узкая долина, укрытая туманом. В разрывах мелькали сизо-зелёные участки. Дальше высились ещё две горы, узкие и высокие, с плоскими вершинами — колоссальные конусовидные столбы, слегка накрённые друг к другу. До половины они выглядели примерно как обычные пики — полоса лугов и рощ у подножья, полускрытая розоватой дымкой, выше леса, затем полоса снегов... А потом чёрный камень, окружённый сетью из синеватых молний.

Горло у меня перехватило.

Что-то мне подсказывает, если мы попытаемся пролететь между двумя этими "столбами" — от нас даже пепла не останется.

Шекки в нерешительности замер, потом рухнул вниз, заложил петлю — и вышел на прежнюю высоту. Сердце подпрыгнуло да так и осталось где-то в горле. Я рефлексивно стиснула кулаки:

— Ты же... ты же не потерял их?

Айр издал змеиный, шипящий звук — и снова зашёл на широкую дугу.

А ведь Тейт что-то такое говорил, когда мы спасались от Аринги... Или не это был Маронг? Гроза реагирует на магию и стирает все следы. Так что если Шекки ориентировался на чутьё...

Так, отставить панику.

— Шекки, — произнесла я, усилив купол. Химера встрепенулась. — Ты помнишь вчерашнее направление? Куда шёл Тейт вчера? Попробуй добраться туда, где ты его чувствовал в последний раз. Так быстро, как можешь.

Я говорила без задней мысли, но от этой просьбы у Шекки точно крышу сорвало.

Прозрачные перья-чешуйки встопорщились так, что приподняли седло, а затем засияли нестерпимо ярко — сильнее солнце, но при этом холодно, мерцающе, как электросварка. Передние крылья резко вывернулись, накрывая меня и вжимая в спину айра. Я ещё успела испугаться, что вот сейчас мы рухнем, но это была последняя разумная мысль. А потом свет из-под чешуек рванулся назад, Шекки швырнуло вперёд — и в голове у меня осталось одно сплошное "а-а-а-а!".

Крылья сомкнулись над моей головой. Если б не они, меня бы содрало из седла в первые же секунды. Или, если б я удержалась чудом, то встречный поток воздуха растерзал бы меня в клочья. Или я бы просто сгорела?

Не знаю. Не хочу знать.

Теперь я верила, что Шекки создал мастер Оро-Ич. Придумать нечто настолько невероятное — и безумное — способен только он.

...Разум псионика-менталиста, эмпата или телепата — удивительная штука. В ситуациях, когда обычный человек давно бы потерял сознание или свихнулся, у нас включаются защитные механизмы. Вот и сейчас, через несколько минут кошмара я

приспособилась. Эмоции выключились начисто, физические ощущения притупились, как под наркозом. Скорость по-прежнему чувствовалась, но не пугала; купол раскинулся на невероятную площадь, причём куда более концентрированный, чем прежде — похоже, стресс сорвал все ограничители со способностей. Я воспринимала куда больше, чем могла раньше... но ничего не осмысливала.

Впечатления утекали через меня, как вода через решето. Ничего, того, что осталось, хватит потом, чтобы проанализировать — и сделать выводы и подумать...

О том, что я выудила из сознания Шекки — образ смуглого, желтоглазого мужчины, с облаком белых волос, топорщащихся, как пух одуванчика; мужчины, так похожего на мастера Оро-Ича — за исключением синей чешуи и щупалец.

О том, что я ощутила далеко в горах — разум существа, настолько непостижимого и прекрасного, что дыхание перехватывало, и рядом с ним другой — человеческий, похожий на нераспустившийся бутон самого благоуханного и красивого цветка, способного принести гармонию и покой даже в этот искалеченный мир.

О холодном, словно межзвёздное пространство, мужчине, который преследовал меня, пряча в ладони чистое, ясное, сияющее сознание ребёнка.

О подземных городах, наполненных страхом множества людей.

О напряжённом ожидании, пронизывающем эти города.

О том, кто страстно хотел, чтобы его догнали...

"Не позволяй его убить. Никогда".

Не знаю, почему вспомнились вдруг слова, сказанные слепым мальчишкой, чьими устами говорил мир. Но именно это и стало триггером, который выбросил меня из транса. И вовремя — полёт замедлился. Шекки спланировал на площадку, покрытую сизовой травой, и распластался, вытягивая крылья. Перья-чешуйки теперь выглядели тёмными, помутневшими; ярко-рыжий оттенок превратился в тусклый коричневый. Я скатилась по крылу и огляделась.

Вокруг высились скалы — слегка пористые, тёмные. Они напоминали какую-то вулканическую породу, и мягкие наплывы вниз по склону только укрепляли меня в этой мысли. Сама площадка оказалась небольшой. С трёх сторон её защищали каменные выступы,

а на самом краю, у обрыва, росло огромное дерево — чёрные, словно обгорелые листья, крона в виде почти плоского купола, красноватый ствол...

"Инлао, — вспомнила я синие цветы, источающие слабый запах вымоченных в ликёре экзотических фруктов. — Распускается в холодный сезон, так говорил мастер Ригуми".

Синие лепестки давно осыпались, высохли или сгнили. Под куполом кроны болтались гроздьё чёрных, сморщенных стручков. А на изогнутом корне, нависающем над обрывом, лежал веночек — алые восковые чашечки цветов, мелкие оранжевые звёздочки в промежутках.

Этому плетению научила Тейта я. Он побывал здесь. Провёл ночь, наполовину в дурных снах, наполовину в полузабытьи, над пропастью.

Наблюдал за тем, как поднимается солнце над горизонтом.

Думал обо мне.

Я яростно растёрла глаза рукавом; грязная ткань царапала веки, но так было даже лучше. Лицо теперь горело, но зато исчезла пелена, застилающая взгляд. Стащив со спины Шекки сумку, я вытянула флягу с водой и мешочки с припасами. Голод, который уснул почти на сутки, наконец-то проявился — и хорошо, мне понадобятся физические силы, чтобы использовать телепатию.

— Хочешь? — протянула я химере кусок вяленого мяса.

Шекки скосил на меня прозрачный глаз — и снова зажмурился, недвижимый. За четверть часа перья у него немного посветлели и стали ярче... он что, от солнца подзаряжается? Вот и славно, не придётся думать о его пропитании.

Машинально, не размышляя, я перебралась на корень и положила веночек на колени. Огромные горы-столбы, окутанные паутиной молний, отсюда казались маленькими; их едва можно было разглядеть вдали, за причудливыми скальными хребтами.

Далеко же ты убежал, рыжий...

Инстинктивно сжав кулак, я вздрогнула: руку прошила боль. Пальцы, касавшиеся алых восковых лепестков, пошли мелкими волдырями. Значит, ядовитые цветы... Как это похоже на Тейта.

Выбросить веночек я так и не смогла, хотя и удержалась от того, чтобы снова притрагиваться к нему. Так и просидела почти два часа,

глядя то на долину, то на него, пока Шекки не зашевелился и не подошёл ко мне.

— Уже можешь лететь? — Мощный клюв стукнул по плечу. — А можешь отсюда почувствовать Тейта?

Шекки издал клекочущий звук и загрёб мощной лапой землю вперемешку с каменной крошкой. Всё-таки потерял направление? Или слишком ослаб после безумного полёта?

Я глубоко вздохнула и прижалась лбом к его боку.

— Попробуй. Ты единственный, кто способен найти Тейта. Хотя бы возьми правильное направление. Можешь?

На мысленный образ, связанный с "направлением", Шекки отреагировал недвусмысленно — подцепил меня клювом, зашвырнул себе на спину, в седло, и спрыгнул со скалы. Сумка с большой флягой и частью провизии так и осталась лежать под инлао — я и пискнуть не успела, а когда пришла в себя и продышалась, то мы были уже далеко.

Сегодня Шекки летел медленнее, ниже спускался к долинам. Сначала я нервничала, особенно когда пару раз заметила всего в полукилометре внизу каменные чаши, заполненные чем-то подозрительно синим. Но потом расслабилась — опасные места Шекки огибал по дуге, немного отклоняясь от маршрута. Я раскинула купол на четыре километра — так, чтобы и территорию побольше охватить, и суметь, если понадобится, почти мгновенно сконцентрировать силы в любой точке для атаки. Ресурсов на поддержание этого состояния полутранса уходило порядочно. Потому некоторое время я не обращала внимания на пейзажи, а когда наконец решила оглядеться, то заметила кое-что странное.

Далеко впереди по склону горы ползло облако. Удивительно разумно ползло — к одной из расщелин, испещрённых опасно синими пятнами, оно подобралось весьма близко, но вскоре отступило. А Шекки почти через час повторил его маршрут, немного покружив над скалами...

В общем-то, ничего необычного для Лагона — в местных горах тучки и не такие фокусы откальвают. Но Тейт-то путешествовал не один, а с командой какой-то дамочки, как её... Саара Ан Локен, кажется, старший подмастерье некой Фарангет, так сказал Итасэ. А эта Фарангет, если не ошибаюсь, мастер из ложи низвергающих небо.

Я, конечно, могу заблуждаться, но вроде бы облака и прочие атмосферные явления — по их части?

Любопытно.

— Эй, друг, — тронула я шею айра. — Попробуй-ка догнать вон то облако.

Шекки ненадолго завис на месте, точно примериваясь — и устремился в указанном направлении. Долины и скалы замелькали внизу с утроенной скоростью. Облако начало быстро приближаться. И не удивительно — раньше нам приходилось время от времени спускаться, искать след, возвращаться назад, кружить над долинами, а теперь мы летели по прямой. Лишь однажды пришлось отклониться от курса, огибая зловещую багровую гору, до самой вершины покрытую странными деревьями — толстые стволы, воздушные корни, чёрно-зелёные, стеклянно блестящие листья...

"Хокорны, что ли?" — подумала я, и тут вершина горы раскололась. На склон выплеснулась светящаяся ало-золотистая масса; Шекки зашипел и резко ушёл влево, огибая опасную скалу с наветренной стороны.

Я оглянулась; там, где протянулся язык лавы, деревья покрылись сияющими цветами.

Наконец мы вынырнули из-за горы. Шекки закружился, выискивая облако, а затем я чётко ощутила вдали знакомый разум. За пределами всех возможностей купола, но...

Это точно Тейт.

— Туда! — рывкнула я, впиваясь пальцами в перья.

Шекки полетел, как выпущенная стрела. Когда облако попало в зону действия купола, я почувствовала сразу с десятков чужих сознаний. Некоторые из них излучали откровенную враждебность и подозрительность. Те люди ощущали, что их кто-то преследует, но не могли разглядеть Шекки, чьи перья-чешуйки вновь сделались прозрачными — и я вместе с ним.

— Вниз!

Но химерическая птица больше и не нуждалась ни в командах, ни в подсказках.

Наверное, Тейт тоже что-то ощутил, потому что в последний момент он рванул из-под прикрытия облака по долине, к скалам. Я зацепила синеватую дымку по касательной — тут же вымокла насквозь

и продрогла. Мы с Шекки рухнули в лес, обламывая сухие ветки, я скатилась с крыла химеры — и рванулась через чащу, не разбирая дороги.

— Да стой ты, рыжий придурок! Я тебя поймала!

Позади клубился синеватый туман, Шекки с хрустом ломал сучья. По лицу хлестали прутья, солнце обжигало светом то слева, то справа, плечо горело — кажется, оно было разодрано в кровь. Но я видела Тейта, чувствовала его совсем рядом... и поэтому не заметила, когда земля ушла из-под ног.

Обрыв? Склон?

Кажется, склон.

В щиколотке что-то противно хрустнуло. В больное колено врезался камень. Я вскрикнула — и кубарем покатила вниз, хряснулась спиной о дерево и... и... и очутилась в его руках.

Тейт стоял у обрыва, прижимая меня к себе, как сказочную принцессу. Поперёк расщелины были перетянуты трепещущие, мохнатые канаты — чудовищная паутина; лес вверх по склону хрустел и стонал — похоже, Шекки то ли удирал от кого-то, то ли наоборот, гнался. Ясное голубое небо постепенно заволакивала облачная дымка...

А я только и могла, что смотреть на Тейта, в его распахнутые глаза — одни зрачки, сплошная чернота — и ощущать дрожь в его руках.

Он очень хотел убежать, но это значило бы — выпустить меня.

— Поймала, — хрипло сказала я.

Рыжая бровь дёрнулась.

— Сама ты дура. — Голос у Тейта был похлеще моего — осипший до шёпота. — Ты ничего не понимаешь. И зря пришла.

Наверное, это бы прозвучало убедительно... Если бы у него не дрожали губы, а радужки от ужаса не превратились в тонкие-тонкие синие ободки. И если бы он не цеплялся в мои плечи и бёдра до синяков.

— Не понимаю, — зачарованно согласилась я, на ощупь изучая его лицо кончиками пальцев — губы, скулы, непослушные пряди волос, прилипшие ко лбу. Ресницы у Тейта слиплись. — Я эмпат, но ничего не понимаю. Никаких псионических талантов не хватит, чтобы

познать человека издалека. Поэтому будь рядом. И говори. Пожалуйста, говори.

Последние слова я прошептала ему в шею — и всё-таки разревелась. Потому что догнала, поймала — и ясно осознала, что не смогу удержать его, если он захочет уйти.

Пожалуйста, пожелай остаться со мной, Тейт.

Пожалуйста, пожелай.

— Трикси, у тебя руки... обожжённые?

— Нашла твой венчик.

— Он ядовитый был, ты, балда!

— Я догадывалась.

Маятник резонанса раскачивался между нами, но почему-то не задевал; нити связей, из милосердия разорванные Лао, срастались. Тейт не двигался с места, прижимая меня к себе; я ощущала, как прорастаю невидимыми корнями в него, а он — в меня. Не из-за дурацкой магии этого мира, нет...

Наверное, это и называется близость.

— Трикси?

— Мм?

— Посмотри на меня.

Всхлипнув, я вытерла запястьем глаза и запрокинула голову. Всё вокруг расплывалось, и его черты — тоже. Тейт помог мне встать на ноги, мягко и глубоко поцеловал, а потом обнял, пряча лицо на моём плече.

— Я очень люблю тебя. И боюсь потерять, — всхлипнула я и опять зажмурилась. — Не убегай, пожалуйста. Я думала, что умру. Тейт, я...

— Я тоже, — прерывисто выдохнул он мне в шею. — И люблю, и боюсь, и умру — всё тоже. Мы с тобой какие-то удивительные придурки, ага?

Очередной всхлип у меня перешёл в смех; я обняла Тейта крепко-крепко, почти не обращая внимания на пульсирующую боль в плече и ноющую щиколотку.

— Да уж, — рассеянно произнесла я, пялясь поверх его плеча на лес, затянутый туманом. — Удивительные придурки — это определённо про нас.

Дымка стала ближе и гуще. Там, скрытый от чужих взглядов, кто-то терпеливо выжидал, рассматривая нас издали. Я знала это всё время, но вздрогнула, когда краем глаза уловила движение в тумане. Тейт заметил сразу — и крикнул, не оборачиваясь:

— Это свои, Локен!

И почти сразу же на склоне появилась рослая белокожая женщина с волосами, точно сотканными из тумана. Концы прядей поднимались высоко-высоко, как столб дыма, и терялись в облаке. Глаза у неё были пронзительно голубые, очень светлые, как вспышка молнии.

Та самая Саара Ан Локен? Подмастерье Фарангет, низвергающей небо?

Я рефлекторно напряглась, вцепляясь ногтями в Тейта. Он успокаивающе погладил меня по спине.

— Твоя добыча? — голос у Локен оказался низкий и гортанный, неприятный на слух.

— Моё сердце, — спокойно ответил Тейт и вдруг закаменел. Через купол я чувствовала, что он собирается принять некое решение — и никак не может. — Локен, я... В общем, извини, — произнёс он очень тихо. — Идите без меня. Я...

— У тебя дела, я вижу, — усмехнулась она и скосила взгляд на меня. Я с трудом подавила желание зажмуриться, чтобы не ослепнуть. — Хорошо, Танеси Тейт. Два дня мы будем идти медленно. Передумаешь — догонишь. Лекарства для девочки я оставила.

— Спасибо! — быстро откликнулся Тейт, но Локен уже проскользнула мимо.

Она передвигалась, не касаясь земли — быстро, легко. Пятнадцатиметровую расщелину, затянутую мохнатыми верёвками паутины, Локен преодолела в один длинный шаг. А следом шли другие — все, как один, похожие на привидения, с головами, окутанными белесовато-голубым туманом, и с нестерпимо яркими глазами. На мгновение я представила среди них Тейта, такого же бледного и потустороннего — и поёжилась.

А потом они исчезли — и туман вместе с ними.

Лучи заходящего солнца окрашивали склон, лес и даже паутину в красновато-оранжевый цвет. Что-то поскрипывало вдали — то ли ветер колебал сухие ветви, то ли какая-нибудь хищная тварь подкрадывалась по мохнатым верёвкам в расщелине. Шекки,

растопырив крылья и вцепившись когтями в толстый древесный ствол, по-кошачьи любопытно пялился на нас. Пахло мокрой землёй, хищным зверем и прелыми листьями.

Мы простояли так, наверное, полчаса. Может, и дольше протянули бы, но у меня не выдержала щиколотка — подломилась вдруг, и я повисла на Тейте. Он охнул, выругался, взвалил меня на плечо и длинными прыжками поднялся по склону, подцепив на ходу оставленную Саарой Ан Локен сумку.

— Здесь опасно, — сообщил на бегу рыжий. — Но надо обработать твои раны. Тут недалеко есть хорошее место...

До этого "недалеко" ему пришлось бежать целый час. Полагаю, верхом на Шекки мы добрались бы раз в пять быстрее, но Тейт не хотел выпускать меня из рук.

А я не возражала.

Всю дорогу и потом, пока рыжий обрабатывал мои травмы, обустроивал лагерь в низине между пузатыми деревьями и готовил ужин, мы молчали. Шекки дремал, свернувшись клубком, на границе светового круга от костра. Ночь обступала нас — настороженная, опасная, наполненная незнакомыми ароматами...

Шрах, когда-то мне придётся заговорить!

— Тейт, — позвала я, и в горле пересохло, несмотря на только что опустошённую пиалу шерги. — Тейт, кем был для тебя Ингиза?

Не знаю, кому из нас было страшнее — мне, когда я задала вопрос, или Тейту, когда он осознал смысл сказанного.

— От кого ты о нём узнала? — пробормотал рыжий, глядя в огонь. Прогоревшая ветка треснула — и выпустила в небо сноп искр.

— От всех понемногу, — призналась я. — Понимаешь, я пыталась... пыталась разобраться, почему тебе стало так больно. Тогда, после поединка. Но мне не было известно о тебе ничего, кроме нескольких образов, которые я случайно считала из твоей памяти.

— Но имя ты откуда-то взяла.

Я помедлила с ответом.

— Итасэ подсказал. Теперь-то я вспоминаю, что первым об Ингизе упомянул Лао, давно, когда стало известно, что Аринга связалась со свободными.

Тейт обхватил колени, подтягивая их к подбородку, и произнёс глухо:

— Ингиза отличался от неё. Он вообще был другим.

— Каким?

— Лучшим во всём. — Тейт произнёс это с такой болью, что я инстинктивно свернула купол, отгораживаясь от его эмоций. — Добрым. Очень хорошим. У меня тогда здесь никого не было... Вообще никого. Я его очень любил.

— А... твои родители? — я сглотнула.

Рыжий взглянул на меня исподлобья:

— Ты знаешь, что я не отсюда? — Я согласно склонила голову набок. — Ну, да, это ж не секрет. Многие знают, кто поумней. Я попал сюда вместе с мамой. Кажется... С женщиной, которая обо мне заботилась. Но у неё в ухе была какая-то штука, чтобы слышать на расстоянии.

Он захлебнулся словами — зажмурился, пытаясь задавить воспоминания. Но мне не надо было заглядывать в его память, что иметь представление о том, что он, семилетний мальчишка, увидел сразу после перемещения в другой мир. Высокотехнологичные устройства взрываются при переносе — это, наверное, было едва ли не первым, что я узнала, попав в Лагон. И если такое устройство находилось в ухе у матери Тейта, значит, она...

Крепкая шерга показалась мне почти безвкусной.

— Это было страшно, — просто сознался Тейт. Из костра к небу взмыла ещё стайка искр — и отразилась в его глазах. — Так страшно, что я даже это почти забыл. Хорошо, да? Мне и Оро-Ича хватило, у нас дома таких не водилось, с щупальцами и прочим. Наверное. Я не помню. Мы с мамой держались за руки, когда всё случилось, поэтому никто не знает, кто из нас должен был стать добычей Оро-Ича, она или я. Мастер тоже не знал, ну, и он вообще не любит с маленькими детьми возиться, они скучные. А Ингиза любил, он говорил, что у него было много сестёр, а братьев — ни одного. Ну, вот зато появился я.

Мне не хотелось слушать дальше. А ему — рассказывать. Но почему-то мы продолжили.

— Получается, Ингиза тебя... э-э, воспитывал?

Тейт неожиданно улыбнулся:

— Ингиза меня всё. Кормил, баловал, учил, ругал, держал за руку вначале, когда я спать не мог, лечил. И воспитывал тоже, — длинно выдохнул он и пальцами поворошил багровеющие угли. Потом задумчиво уставился на собственную ладонь: — Но вот этому не учил, кстати, я всегда это умел. Ну, а остальное у меня почти ничего не получалось. Ингиза говорил, что просто не время. Вроде как до пятнадцати лет почти никто магией заниматься не может, сил мало, но у меня-то было завались! И рядом ещё Ингиза, у которого всё вообще выходит с первого раза. Представляешь, ага? Посмотрит на чужой фокус — раз, и уже сам делает. Мне уже в голову всякое дурное лезло тогда, что я какой-то испорченный, может, потому что не отсюда... Слушай, а ты знаешь, что было потом? Тебе рассказали?

По спине словно кубик льда скатился. Я зябко передёрнула плечами.

— Про его смерть? Только в общих чертах. Что он якобы выкрал тебя, увёл к свободным, а потом ты вернулся один. Причём резонанс у тебя произошёл.

Наверное, я произнесла это как-то странно. Тейт встрепенулся и подозрительно посмотрел на меня, затем ползком обогнул костёр и сел рядом:

— Трикси, — позвал он тихо. — Вот прям сейчас обернись и внимательно посмотри на меня. Скажи, я вообще похож на жертву?

— Ну...

— Как думаешь, меня можно заставить что-то сделать силой? — спросил Тейт и улыбнулся краешками губ. В глазах у него полыхало пламя — отражённое, но от этого не менее пугающее. У меня вырвался нервный смешок. — Ну, вот, сама же понимаешь, что это ерундень полная. Не было никакого резонанса. Просто я... понимаешь, я убил Ингизу.

— Которого сильно любил.

— Да, — вздохнул Тейт, опуская ресницы. — Которого любил. Наверно, поэтому я изменился. Ну, и вообще со временем мир берёт своё, а я тогда пробыл тут уже четыре года. Нельзя вечно быть добычей. А Ингиза... — Тейт рвано выдохнул и обхватил колени руками, пряча лицо. Теперь его голос звучал невнятно. — Я не знаю, что тогда произошло. Ингиза взял меня в горы. Он и раньше так делал, много раз, но тут мы пошли очень, очень далеко, и почему-то вышли к

свободным. Ингиза совсем не испугался. Он сказал "Верь мне и делай, что прикажу". Улыбался всё время... А его окружили, кто-то ругался, кто-то смеялся от радости. И мы вдвоём пошли вниз, в пещеры, там нас ждал какой-то важный дядька. Меня все называли "добычей молодого господина", то есть Ингизы, и я испугался. Разговоры становились всё страшнее. Куда меня спрятать, когда использовать, можно ли через меня дотянуться до мастера Оро-Ича... И вообще много мерзкого. Ты не смотришь мне память? — спросил он вдруг.

— Нет, — ответила я честно.

Пожалуй, мне сейчас попросту не хватило бы на это сил. Пиала с шергой, которая стояла на коленях, накренилась, и на штанах появилось пятно, но я даже поправить её не могла.

— Хорошо... В общем, они больше говорили. Но и трогали тоже, как вещь. И я... Понимаешь, Трикси, я засомневался, — произнёс он едва слышно. — И подумал, что, может, Ингиза предал Лагон. Что он правда предал. И что со мной сделают что-то плохое. А потом Ингиза вдруг стал спорить с тем важным дядькой, я не понял, почему, и отступил ко мне. И тихо сказал: "Сожги всех". Я ему ответил, что не могу, ну, потому что я это не контролирую, а он... знаешь, что он сказал?

Я облизнула пересохшие губы, ощущая противный солоноватый привкус.

Конечно, я знала.

— "Я тебе верю, Танеси Тейт, пожалуйста, прости".

— Ага, — дёрнул плечом рыжий, не распрямляясь. — Вот зачем было это дурацкое "прости"? Я не понял, почему он так сказал, до сих пор не понимаю. А потом на нас вдруг кинулись со всех сторон, и Ингиза положил мне на плечо руку. И я спустил эту силу, — наконец поднял голову он. Глаза у него стали чёрные и жуткие. — На всех. И на Ингизу тоже. На месте пещер появился кратер, в кратере был только огонь и я. И больше никого. Понимаешь? Совсем никого. И его тоже. И я всё думаю, Трикси, — наклонился ко мне Тейт, шепча почти беззвучно. — Что тогда произошло? Ингиза меня использовал, он хотел убить Оро-Ича через меня, через его добычу? Или нет? Или всё случайность, глупые обстоятельства?

— Не знаю, — вырвалось у меня. Тейт отвернулся и нахохлился:

— И я тоже. И Оро-Ич, представь себе. Он мне так и сказал: "Сам решай". И когда в Лагоне стали говорить, что Ингиза предатель, я почему-то не стал возражать, хотя ничего не знал. И столько лет уже прошло... — Рыжий начал машинально загибать пальцы, потом сухо, по-старчески рассмеялся и встряхнул головой. — Почти девять, да. А у меня до сих пор из головы не идёт одна мысль: а что, если бы я правда тогда поверил ему?

Тейт замолчал и начал так яростно ворошить угли, что искры полетели во все стороны. Я рефлекторно отодвинулась от костра и не придумала ничего лучше, как ответить:

— Спасибо.

— За что? — искренне удивился рыжий, обтирая грязные ладони о штаны. Я невольно улыбнулась:

— За рассказ. Теперь я, по крайней мере, лучше понимаю, что ты такое... Но если думаешь, что я теперь стану ходить вокруг тебя на цыпочках и дышать через раз, чтобы случайно не задеть больное место, то ты ошибаешься.

Тейт моргнул — и расхохотался:

— Вот уж чего мне ни к фаркану не надо! Вообще, если честно, — понизил он голос, — я почти сразу пожалел, что ушёл. Ну, со сцены, где был поединок. Знал же ты, что ты ничего плохого не хотела, может, я бы сам на твоём месте так же поступил. Но меня тогда так скрутило... Мне потом сказали, что ты прямо там отключилась, и тебя забрал Лао. Я сутки бегал вокруг его озера, думал всякое, а потом наткнулся на Локен — и меня как будто дёрнуло что-то. Три года — это ведь прорва времени, я за этот срок точно разберусь, а ты и без меня проживёшь. Если Лао берётся кого-то опекать, то дело на полпути не бросает. Пока не встанешь на ноги — ты под защитой... Дурак я, да? — виновато глянул он искоса.

— Дурак, — согласилась я и, притянув его к себе, поцеловала в висок.

И — через прикосновение — слила ему всё, что видела и чувствовала в последние дни. С того самого момента, как вскрыла разум Лиоры, подвинув блоки Эфанги. Целую минуту Тейт сидел, мелко и поверхностно дыша, и пытался переварить обрушившийся на него массив информации. А потом — молча сграбастал меня в охапку и замер.

"Не отпустит", — ясно осознала я наконец и успокоилась. И собиралась уже было потянуться к нему за поцелуем, когда Тейт внезапно поднял голову и уставился во мрак за пределами светового круга от костра.

— Ну и? Вы ещё долго на нас пялиться будете?

Несмотря на более чем грубоватую лексику, голос у него при этом был миролюбивый, а эмоции — дружелюбными. Я запоздало распахнула купол — и подскочила на месте, позабыв о повреждённой лодыжке:

— Итасэ?! Лао?! А вы что здесь делаете?

Шрах, так вот кого я чувствовала всю дорогу! Они что, преследовали меня с самого начала?

Темнота рассмеялась мягко и серебристо, выкатила язык до самого костра. А когда этот сгусток развеялся, то на его месте обнаружили двое: высокий, гибкий андрогин и сумрачный парень, с ног до головы закутанный в чёрное. Они, как ни в чём не бывало, скинули заплечные сумки и уселись у костра. Итасэ протянул руки к пламени, грея озябшие пальцы, и лишь потом заговорил — скучающим и вредным голосом:

— Как подмастерье, я не могу проигнорировать неосторожный поступок ученицы из моей мастерской. А как друг, уже почти сутки хочу спросить, — интонации у него пугающе смягчились. — У тебя всё в порядке с головой, Трикси-кан? Почему ты сбежала из Лагона одна?

В первые несколько секунд у меня действительно слов не нашлось.

— Э-э... Чисто технически я удрала не одна. Со мной был Шекки.

Химера, услышав своё имя, довольно заклекотала, Итасэ скривился, а Лао вновь рассмеялся:

— Боюсь, Трикси, что только Тейт с тобой согласится. То, что ты преодолела такое расстояние в горах в одиночку, пусть и по воздуху, настоящее чудо. И, поверь, не только мы беспокоились о тебе... — загадочно добавил он и обернулся к рыжему: — Остальных ты тоже заметил?

Тейт склонил голову к плечу, но с неохотой:

— Ну, не сразу. Далеко держались, я на таком расстоянии не чую. Но они уже почти сет рядом болтаются, сложно не заметить. Ну, и

вообще, кем надо быть, чтоб не узнать запах того, кто недавно пытался тебя убить. А что?

— Раздумываю, пригласить их к очагу — или подержать ещё на холоде, — лукаво ответил Лао и сощурился. — Девочку жаль. Она, кажется, привязалась к Трикси.

Не спорю, после всех передраг сознание у меня немного помутилось, но логика, к счастью, отказывать пока не начала. Тот, кто недавно пытался убить Тейта, и девочка...

У меня вырвался обречённый вздох:

— Только не говорите, что следом за мной увязалась ещё и Орса вместе с любимым братцем.

— Не буду, — смиренно пообещал Соул, выступая из темноты, и шлепком по плечу подтолкнул сестру вперёд: — Ну же, давай. Говори, что хотела. Или мы зря просили у мастера айра?

Орса, даже более встрёпанная, чем обычно, стянула с головы шарф и шагнула к костру. Глаза у неё были разумные-разумные, и на целую долю секунды я поверила, что она сможет ясно, по-человечески, выразить свои чувства.

Трагическое заблуждение с моей стороны.

— Я... — пафосно начала Орса, вздохнула — и надулась, как обычно. — Я тебе вообще не благодарна. И я за тебя не волновалась, что ты там в гаюс упадёшь или к каким-нибудь вонючим риизам. И ничего я у Соула не просила, и вообще... ну... мы же просто гуляем, да? — виновато оглянулась она на брата.

Соул только руками развёл, улыбаясь краешками губ.

А я на собственной шкуре убедилась: если упадёшь с обрыва и стукнешься об дерево спиной, то хохотать больше минуты — это весьма болезненный опыт. Но иногда удержаться совершенно не возможно.

Глава 31. К истоку

*Цель жизни для романтически настроенных магов,
причём идеал одного может стать кошмаром для многих и
многих других.*

*Обретая плоть, как правило, обзаводится скверным характером.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Вечером я хотела задать множество вопросов — Лао, Итасэ, Соулу... и, конечно, Тейту, но меня подкосила самая тривиальная усталость. Видимо, сказалось нервное и физическое напряжение последних дней. Помню, как я протянула руку, чтобы долить себе шерги, затем — провал.

Состояние блаженного покоя продлилось почти до утра, а потом началось форменное безобразие.

Эмпаты обычно контролируют свои сны достаточно хорошо. Меня редко посещают кошмары, только если я совершенно выматываюсь, а вот "пророческие" видения приходят частенько. Причём в этом нет никакой мистики: накопленная за день информация обрабатывается в подсознании, и, когда человек засыпает, оно выдаёт фантазмагорические образы, где и содержатся выводы с предупреждениями. Некоторые сны, впрочем, ничего не значат — сюр он и есть сюр, даже образцовый эмпат раз в неделю имеет право немного расслабиться и включить личный кинотеатр.

Сейчас же я совершенно чётко осознавала три факта: во-первых, я сплю, во-вторых, совершенно не контролирую происходящее в моей дурной голове, и, в-третьих и в-главных, это не просто бессмысленная фантазмагория.

Мне снился дядя Эрнан.

Выглядел он, прямо скажем, сильно моложе обычного, лет на двадцать минимум. Вообще в славном семействе Даймонд старшей была именно моя мать, Дейдра, однако она, как все женщины, старательно пыталась казаться юной, а невысокий и худощавый Эрнан, напротив, старался придать своему облику солидности. Но в этом дурацком сне дядя тянул разве что на моего ровесника.

Сосредоточенно выкрикивая "Трикси, Трикси!", он брёл сквозь космическую вьюгу, одетый, как студент-прогульщик — в растоптанных кедах, в джинсовых шортах и в майке с оскаленным черепом. Несуразный образ довершала оранжевая бандана, сильно сдвинутая на лоб. Я удивилась донельзя, даже на какое-то мгновение совершенно позабыла, что сплю, и мысленно потянулась к Эрнану.

И — сумела коснуться его разума. По-настоящему, без шуток.

Дядя развернулся, как пружина, и уставился на меня сияющими глазами:

— Нашёл! Лоран, я её нашёл! — проорал он и заулыбался.

А я наконец вспомнила, что сплю — и, разумеется, тут же проснулась.

Голова гудела, как после фуршета в международном бизнес-центре, когда полночи приходится торчать в компании хитроумных дельцов, изображая мебель с глазами, слушать грязные мысли и одновременно создавать непринуждённый ментальный фон, гасить зарождающиеся конфликты, сглаживать застарелые противоречия и ни в коем случае в рот не брать ни капли спиртного, пусть и очень хочется.

Что-то не слишком похоже на ожидаемые последствия нервного перенапряжения...

Внутренний хронометр подсказывал, что после рассвета прошло примерно два с половиной часа. Вполне достаточно для отдыха, учитывая, как рано меня вчера вырубил. Почему же ощущения такие, словно я вообще не ложилась?

...и почему глаза на мокром месте?

Я перевернулась с боку на бок, пытаюсь поймать ускользающий сон, и вскоре с сожалением убедилась, что ловить нечего. Как в переносном смысле — голова, конечно, гудела, но оставалась ясной, так и в прямом — дядя Эрнан в дурацких шортах растворился во мраке, оставив после себя лишь смутное воспоминание.

Похоже, придётся вставать.

Лагерь за ночь дивно преобразился. Тейт всегда оборудовал стоянку с минимумом комфорта — костёр и какие-нибудь вонючие капли по периметру, отгоняющие опасную живность. Ради меня рыжий готов был добавить навес или — в холодную погоду — подстилку из травы или листьев. Но Итасэ такая суровая обстановка,

ясное дело, не устраивала. И если мастер Ригуми ещё кое-как сдерживал его сибаритские порывы, то сейчас сказать твёрдо: "Нет, это лишнее", увы, было некому. Потому глаза я открыла на роскошном, мягчайшем ложе в шатре с полупрозрачным куполом примерно пятнадцать метров в диаметре. По центру общей комнаты бездымно пылал очаг, над которым величественно парили решётки и штыри для запекания, а аккуратно по центру виднелся пузатый гибрид кувшина и кастрюли. Пространство шатра дробилось на несколько секторов с помощью занавесей из бус, причём наглухо был закрыт только один угол, откуда доносилось многозначительное журчание воды.

— Там купальня с горячей и холодной водой, — охотно пояснил Соул, раздвигая нитки хрустальных бус в стороны, и бесцеремонно уселся на край моей постели. — Итасэ разделил ручей на два рукава, и один я согрел. Можешь воспользоваться, если хочешь... Но сначала объясни: что это было сейчас, Трикси Бланш?

Я открыла рот, чтобы выдать лучшую отговорку всех времён и народов, сакраментальное "не знаю" — да так и захлопнула.

Ну, конечно.

Дядя Эрнан.

Похоже, мой сон оказался вовсе не сном, а экспериментальным полигоном могущественного эмпата. Это объяснило бы, почему я сейчас себя чувствую, как выжатый лимон: при ментальном контакте обычный человек является всего лишь объектом воздействия, однако если у него есть хотя бы минимальные псионические способности, то он волей-неволей начинает "отвечать". То есть тратит ресурсы, хочет того или нет... Стоп, о чём я вообще думаю? Неужели признаю, что Эрнан действительно сумел дотянуться до меня... в другом мире?

Что, серьёзно?

— Ты кого-то почувствовал, — предположила я вслух, не глядя на Соула.

— Художественное преуменьшение, — ласково, точно с Орсой разговаривая, ответил он. — В Лагоне есть лишь два мастера, чья песня настолько сильна — Оро-Ич и Эфанга. Но этот... Этот не похож ни на кого из них. Строго говоря, он вообще ни на кого не похож. Ты его знаешь?

Беспокойство Соула я ощутила всей кожей — и отругала себя. Ну, разумеется, если маг из Лагона встретит кого-то незнакомого и

сильного, то сразу предположит худшее — например, что это один из свободных. Или, того хуже, гость с загадочного континента, где свирепствует болезнь, которая передаётся через взгляды.

Здесь неизвестное — не удача для исследователя, а опасность для путника, нужно это учитывать.

— Можно сказать и так, — вздохнула я наконец. Выдавать личные тайны не хотелось, но отмалчиваться и лгать было бы неразумно. — Это был мой дядя, Эрнан Даймонд. И, нет, я не думаю, что он тоже переместился в ваш мир.

— В наш мир, — механически поправил меня Соул — и вскинулся: — погоди, он что, дозвался тебя оттуда? Невозможно!

— Теоретически — да. — Я так растерялась, что даже кивнула вместо того, чтоб склонить голову к плечу, но он даже этого не заметил. — А вот практически... Сам видишь. И воздержись пока от вопросов, если можно. Знаешь ли, не так легко переварить факт, что Эрнан сумел докричаться до меня из другого мира.

— Докричаться?

— Да. Он меня звал в буквальном смысле. А потом, когда увидел, заорал: "Лоран, я её нашёл".

— Лоран? — с вежливым любопытством произнёс Соул. — Какое странное имя.

— Моя кузина. Его дочь.

— У тебя есть кузина? Это ты про неё всё время вспоминаешь, когда ругаешься? — встрял Тейт, едва нарисовавшись на пороге. За плечом у него маячила мрачная тень Итасэ. Фоном ощущалось лёгкое и радостное присутствие Лао и Орсэ, которая наконец-то немного успокоилась.

Я с трудом подавила вздох.

Кажется, придётся повторять всё с самого начала. Ещё бы и самой поверить в то, что произошло...

Начала я сухо и, пожалуй, немного скомкано. Но мало-помалу атмосфера совершенно переменилась. Итасэ неожиданно заинтересовался тем, как был одет мой дядя, и я, пытаюсь объяснить, почему такой наряд показался мне смешным, пустилась в долгие объяснения. Говорила про моду, затем про группу Эрнана, про практику в дипломатических и финансовых кругах, про маму и её лабораторию, про институт, про Лоран, про моих братьев и сестру,

опять про моду — и снова про Лоран, потому что одно было накрепко связано с другим. Замолчала лишь тогда, когда горло пересохло, и язык стал ворочаться с трудом. Тейт молча протянул мне тёплую, сильно разведённую шергу. А Лао, который на животе возлежал у очага, болтая в воздухе босыми ногами и сощурившись, вдруг приподнялся по-змеиному гибко на вытянутых руках — и спросил:

— Ты очень скучаешь по ним, Трикси?

Пиала накренилась, и шерга потекла у меня по пальцам.

Запретные слова, табу.

Купол шатра потемнел, точно дымом затянулся.

— Нет. Я умею... могу не думать об определённых вещах, — с трудом выговорила я.

Дыхание перехватило; до сих пор у меня была только одна истерика — в самый первый день в Лагоне, в тёмной купальне, когда осознание всей чудовищности моего положения навалилось разом — и едва не раздавило. Сейчас, кажется, приближалась вторая... Нет, надо просто глубоко вдохнуть — и медленно, очень медленно выдохнуть.

— И как, получается? — продолжил пытки Лао.

Странно, но сейчас я не ощущала в нём той завораживающей, нечеловеческой радости бытия; её место заняло непостижимое, ранящее внимание, сочувственное, но оттого даже более тяжёлое. Тейт прикоснулся к моему плечу и предупреждающе качнул головой: промолчи, если так проще.

Тем не менее, я ответила.

— Нечто, уже существующее — печаль, ярость, боль, эйфорию, убийственную тоску — отключить изнутри нельзя, ни один эмпат не справится. Это всё равно что пытаться загасить торфяной пожар ведром воды. Но есть крошечный промежуток времени... едва уловимый, когда чувство только зарождается. Его фактически ещё нет — есть предчувствие. И вот на эту искру, зародыш пожара, хватит и одной капли. Сначала мне было очень тяжело, — призналась я и улыбнулась, смягчая сказанное. — Сейчас легче. У меня появилось кое-что важное здесь, в Лагоне. Возможно, равноценное тому, что я оставила дома.

Договаривая, я не прикоснулась к Тейту, не обернулась к нему, не потянулась — ни взглядом, ни мыслью. Однако он откликнулся —

вспыхнул ошеломляющей, чистой радостью, такой, что заметил даже не слишком внимательный Итасэ.

Лао опустил ресницы; под его полусомкнутыми веками мне почудился белёсый сполох, как молния.

— Но твоя семья ищет тебя. Они пока не потеряли надежду. Скажи, Трикси, ты хотела бы вернуться?

Ох, шрах...

Тейт был рядом со мной — тёплый, живой, любящий, отчаянно нуждающийся во мне — пожалуй столь же, сколь я нуждалась в нём. Нужно было или промолчать, или солгать, или придумать какую-нибудь полуправду, которая...

Я не смогла.

— Да. Очень. — Слова прозвучали нейтрально, без эмоций. Откуда же дурацкое чувство, что я предаю рыжего? Он же не подумает, что я готова сразу бросить его здесь, как только появится возможность сбежать в мою обычную жизнь? — Но не думаю, что это возможно. Мастер Оро-Ич, конечно, обнадежил меня, но, скорее всего, он просто хотел, чтобы у меня появился стимул учиться. Главное условие возвращения — найти всех магов, которые участвовали в обряде, и принудить их провести его в обратном порядке. То есть надо учиться, накапливать силу и обзаводиться союзниками... — тут я едва не прикусила язык, потому что вдруг увидела ещё одну причину, из-за которой Оро-Ич мог намекнуть, что у меня всё-таки есть шанс вернуться. — Проблема в том, что это и означает — привязаться к новому миру. Лучшие... нет, единственно возможные союзники в Лагоне — друзья или новая семья. Про учёбу молчу — к своему мастеру привязываешься, как... как... — Другие бы сказали "как к отцу", но у меня вертелось на языке имя Эрнана. — В общем, очень сильно привязываешься. И новые связи не разорвать. Волей-неволей задумываешься: а стоит ли оно того, это возвращение? Ждут ли меня там вообще? Сколько времени уже прошло в родном мире?

— Но тебя-то явно ждут, — буркнул Тейт в сторону.

— Похоже на то, — согласилась я. — В любом случае, это бесполезный разговор. Чтобы получить хотя бы мизерный шанс на возвращение, сначала нужно найти свободных, которые меня призвали. А прорывались мы с боем, так что, скорее всего, некоторые

из тех магов уже мертвы, — закончила я с несколько натянутой жизнерадостностью.

Считается, что надежда придаёт сил и укрепляет волю. Но почему никто и никогда не говорил мне, что это такое... болезненное чувство?

Ещё немного, и я начну думать, что дядя Эрнан появился не вовремя.

— Хм, — кашлянул Тейт многозначительно, слегка откинув голову. Выражение лица у него сделалось сложное. — Вообще стыдно признаваться, но я тогда никого не убил. Спешил очень.

Я так резко развернулась к нему всем телом, что в спине что-то хрустнуло:

— Уверен? Мне казалось, что тогда по крайней мере трое попали под взрыв.

Рыжий поморщился. Вот теперь ему совершенно определённо было неловко.

— Только двое. Не, подпалились они ничего так, бежать за нами не смогли. Но не умерли точно. А если маг сразу не сдох — считай его живым. Ты Арингу вспомни, мм?

Крыть было нечем.

— Значит, они живы, — задумчиво проговорил-пропел Лао и вытянулся у костра, подложив локоть под щеку. — Сможешь найти их, Тейт?

— Запах помню.

— Хорошо. Что до второй твоей маленькой сложности, Трикси... — Лао бросил на меня лукавый взгляд из-под ресниц. — Не волнуйся ни о чём. Главное — отыскать свободных, с этим Тейт справится. А я умею убеждать.

Мысленно я прокрутила его слова. Потом снова.

Мир перевернулся.

Звучало это так, словно они готовы были помочь. Найти свободных, призвавших меня; заставить их провести ритуал...

Вернуть меня домой.

Это звучало так, словно непрекращающийся кошмар последних месяцев действительно мог закончиться, а я получила бы шанс не выживать — жить. Там, где осталось всё, что было мне дорого. Дома. С семьёй.

Без Тейта.

Я с силой втиснула пальцы в виски, точно хотела выдавить из себя последнюю мысль.

— Слушай, ты же не имеешь в виду, что...

Лао ответил загадочной полуулыбкой; его сознание вновь наполнилось звенящей, лёгкой радостью, но теперь с предвкушением. А Тейт разбойнически ухмыльнулся и боднул меня лбом в плечо:

— Эй, ну ты чего? Так уставилась, как будто мы тебя выгоняем. Но знаешь, что? Должен быть выбор. Чтоб перед тобой положили, ну, Лагон — и твой мир. И чтобы ты решила сама, где твоё место.

Он сказал что-то ещё — я не уже слушала. Разум точно помутился; страхи, задавленные желания, надежды — всё разом вышло из-под контроля, снесло хлипкие телепатические установки, как сносит сель плетёную оградку в пасторальной деревушке у подножья горы.

В груди образовался тугой комок.

Никогда мне и в голову не приходило скрывать, что возвращение — моя страстная мечта, двигатель развития, лекарство от безумия. И только два месяца назад я бы приняла любую помощь, не раздумывая. Шрах, да обе ноги отдала бы за возможность вернуться, потому что легче было представить себя калекой в инвалидном кресле там, чем здоровым и счастливым магом здесь!

Обе ноги... Но не сердце, как выяснилось.

А дома меня ждали, надеялись. На свадьбу к Лоран мама прилететь не смогла — не получилось перенести выступление на конференции в Арраске. Но отец всё видел, наверное, и Тони с Кевином, и Нэсс, и дядя Эрнан... Это кому-то из них потом пришлось набрать десятизначный номер и сказать: "Дейдра, присядь, пожалуйста, у меня плохие новости".

Что мама тогда почувствовала? Поверила сразу? Решила, что её разыгрывают? Бросилась поднимать старые связи в правительстве и в научных кругах?

А Лоран? Мы никогда особенно не ладили, но почему-то всё время были вдвоём. С кухней я проводила даже больше времени, чем с Нэсс и с братьями. Хотелось верить, что Лоран сумела выгнуть бровь уголком, как обычно, сморщиться и сказать, стряхивая остатки торта со свадебного платья: "Эта идиотка не могла не испортить лучший

день в моей жизни!"... Но я отчего-то не могла. Воображение отказывало.

И, наконец, дядя Эрнан. Один из сильнейших псиоников на планете, он сидел в пяти метрах от меня — и ничего не успел сделать. И мне казалось, что именно он — не мой отец, почтенный профессор Филипп Бланш — позвонил тогда маме. И, когда поиски по горячим следам не принесли никакого результата — будто они могли! — именно Эрнан не сдался и начал искать меня своими методами.

Я прожила в здесь меньше полугода.

А сколько времени прошло для него?

— Эй, Трикси! — Тейт осторожно окликнул меня, не дождался ответа — и требовательно встряхнул за плечи, а потом раздвинул упавшие на лицо волосы. Я протестующе мотнула головой, отказываясь смотреть на кого-либо. — Ты что? Плачешь, что ли? Эй, почему? Извини, пожалуйста, ну, слушай, а? — Кажется, он уже сам начинал паниковать.

— С ней всё нормально, — отстранённо заметил Соул.

Рыжий вскинулся так яростно, что по коже у него искры пробежали:

— Какого фаркана это "нормально"?! Эй, ну, Трикси... Ну что я сказал-то такого, а? — взвыл он, не выдержав.

У меня вырвался смешок, больше похожий на всхлип. Я отстранилась — и хлопнула себя по щекам, чтобы прийти в чувство. Истерики — отставить. Ничего фатального не произошло, просто дядя Эрнан напомнил о том, что было похоронено под судорожными попытками выжить и не свихнуться в Лагоне. И ещё в очередной раз подтвердилась бессмертная истина: когда мечта исполняется не в срок, она становится катастрофой.

Этот мир был чудовищным. Но выбирать между тем, чтобы остаться здесь навсегда — или так же необратимо вычеркнуть его из своей жизни с Тейтом заодно...

"Какой глаз тебе выколоть, деточка? Правый или левый?"

— Ты сказал кое-что очень важное, — заставила я себя ответить, вытерев рукавом лицо. Рыжий глядел встревоженно, не моргая, и чёрная бездна в его сознании напряжённо дышала, готовая разлиться — и затопить всё вокруг. — Просто я вдруг поняла, что не могу выбирать.

Тейт моргнул раз, другой — и внезапно успокоился. Выглядело это так, словно на море выключили шторм. Щёлк — и смертоносный хаос превратился в безмятежную лазурь.

— Глупая, — улыбнулся рыжий и погладил меня по щеке. — Это тебе так кажется, что не можешь. Когда всё случилось... ну, с Ингизой, я думал, что ненавижу Лагон. Что легче сдохнуть, чем тут быть. Но Оро-Ич пришёл и сказал, что если я хочу, он может отправить меня назад, в мой мир.

— И... что ты сказал?

Вопрос был идиотский, но промолчать я не смогла.

— Ничего. Я его укусил.

Он произнёс это так мрачно, что я даже рассмеяться не могла — совесть не позволила. А Лао приподнялся на локте, сдувая прядку с лица:

— Поняла наконец, Трикси? — ласково пропел он. — Тебе предлагали не путь домой, а путь к себе.

— Долго же придётся идти, — дрогнули у меня уголки губ.

Тейт нахмурился:

— Нет, ну, если на Шекки лететь, то отсюда дня три, наверно, он ведь быстрый...

— Прекрасно, договорились, — невежливо перебил его Итасэ. — Если с формальностями покончено, то мы можем, наконец, позавтракать... И не смотри, так, Трикси-кан. Разумеется, я тоже в деле, — властно произнёс он и добавил, поморщившись: — Соул-кан, отпусти уже девочку, она же задохнётся.

Она... что? Я недоверчиво скосила взгляд — и едва не поперхнулась.

Как и в начале разговора, Соул спокойно сидел, скрестив ноги. Но только теперь он одной рукой непринуждённо удерживал Орсу, ладонью зажимая ей рот, а другой — неспешно выкручивал свиток и, похоже, был полностью поглощён чтением. Девчонка трепыхалась, лицо у неё покраснело; глазами она вращала, как сумасшедшая, и явно изнывала от желания донести до мира своё ценное мнение. Но наружу не прорывалось ни слова, ни мысли — Соул что, не только рот ей прикрыл, но и поток мыслей обрезал ментальным щитом, щадя мои чувства?

"Что ж, — ошарашенно продумала я. — Зато понятно, почему за последние минуты не прозвучало ни одного дурацкого комментария".

— А вы уже точно закончили? — несколько рассеянно произнёс он. — Да, наверно, закончили, раз никто рыдает... Нет, Орсю не задохнётся, вы её недооцениваете. Дети вообще очень живучие, — добавил он мечтательно и наконец убрал руку.

Орсу резко качнулась вперёд, хватая ртом воздух, и с восторгом уставилась на рыжего:

— Ты правда-правда укусил Оро-Ичу? И тебе что, прямо ничего за это не было?

Тейт многозначительно потупился:

— Не, не было. Может, он тогда уже просто привык?

Воцарилась тишина. Орсу хлопала глазищами и кусала губы, отчаянно пытаясь сообразить, чтобы ещё спросить у новоявленного кумира. Лао улыбался, как сфинкс, и щурился на огонь. Соул шелестел свитком.

Итасэ медитативно перевёл дыхание и закутался в дымчатый шарф:

— Ни слова больше. У меня вполне сложилась целостная картина мира, Тейт-кан, и она мне нравится, поэтому обойдёмся сегодня без шокирующих новых подробностей.

Лао звонко рассмеялся и, перекатившись, ткнул его пальцем в бок:

— Правителю нужно иногда перетряхивать не только картину мира, но и сам мир. Это будет на пользу и ему, и тебе, Ран.

— ...в задницу болотной рыбы пусть катится такая польза.

— Куда-куда? — с интересом потянулся к нему андрогин, но Итасэ отмахнулся и выскользнул из шатра.

По-моему, именно это и называется — "уходить от ответа".

Завтракали мы на открытом воздухе. Через полчаса я успела в полной мере оценить пассаж Соула насчёт живучих детей, потому что Орсу, шныряя в шатёр и обратно, умудрилась дважды свалиться в очаг, непостижимым образом поломала парящие над огнём решётки, расколотила кувшин с шергой, едва не окатив Итасэ кипятком, а напоследок столкнула нас с Тейтом лбами. Причём рыжий даже уклониться не успел — с его-то реакцией!

Орса же обзавелась парой ожогов на ладонях и царапиной на щеке — и только-то.

— Ты вроде бы говорил, что до места, куда призвали Трикси свободные, можно добраться за три-четыре дня, да? — вернулся к серьёзному разговору Соул, кое-как уgomонив сестру. Тейт склонил голову к плечу. — Не знаю, где это, но все вместе мы в такой срок точно не уложимся. У тебя слишком быстрый айр.

— У вообще меня всё самое-самое, — фыркнул Тейт. Позёр. — Кстати, а ты как нас догнал? Лао понятно, он крут, ну, и Итасэ с ним, а он тоже не посвистеть вышел. Но на тебе-то ещё эта мелкая висела.

— Я не мелкая! — оскорбилась Орса. — И я вырасту. И буду выше тебя. И выше Соула. Сами вы маленькие.

Замечание вполне в её духе, но Соула оно отчего-то задело. Настолько, что вместо привычной уже пустоты, провала в ментальном фоне я ощутила нечто вроде невероятно плотной защиты, сквозь которую проступил эмоционально окрашенный образ: взгляд снизу вверх, яркое солнце — и непроглядно тёмный на его фоне женский силуэт, тонкая рука, треплющая по волосам...

Я, уже готовая поддержать шутку Орсы, прикусила язык. Конечно, по лагонским меркам, где в среднем взрослый человек был выше меня на голову-полторы, эти двое выглядели настоящими коротышками. Рыжего такой расклад ничуть не смущал, но вот Соула... О какой женщине он сейчас вспоминал? Почему дурацкая колкость всколыхнула даже его холодное, как северное море, сознание?

— Зрелость измеряется не ростом, — снисходительно заметил Итасэ, который даже без парящих над головой шарфов был выше всех присутствующих. Да уж, кто бы говорил... — Но вопрос действительно интересный. Как ты передвигался, Соул-кан?

— На айре. Я ведь говорил? Наверняка же говорил, — вздохнул он, искоса взглянув на меня. Заметил, что я случайно сунула нос в его тайны? Надеюсь, нет, только внутренних конфликтов нам не хватало. — Он не особенно быстрый, зато не нуждается в отдыхе и очень чувствителен к музыке внимающих и поющих.

— Ого! — искренне восхитился рыжий. — И откуда такой?

— Его сотворила для мастера Эфанги одна из подмастерьев, Тиччи, — улыбнулся Соул. — Это был её вступительный подарок.

— Тичедори? — теперь вмешался Итасэ, и в голосе его звучали уважительные нотки. — Та, что сбежала от Габоры Гаро?

Ну, замечательно. Куча полужнакомых имён — и, естественно, клубок интриг в придачу. Сбежавшие ученики, переметнувшиеся подмастерья... Надо на всякий случай запомнить, что у этого Гаро может быть зуб на Эфангу.

— Сбежала — громкое слово. Я бы сказал, что она прельстилась поэзией, — спокойно заметил Соул и вновь посмотрел на меня, теперь уже с явным намёком. Я сделала вид, что ничего не заметила — откровенничать о своих впечатлениях от мастера мне не хотелось. Достаточно того, что Тейт все знает. — Но сейчас важно другое. Песня помогла мне последовать за Трикси, но только потому, что я слышу чужую мелодию на расстоянии трёх дневных переходов, если она мне знакома. Потому днём мы отставали, а по ночам навёрстывали упущенное. Такая тактика хороша для погони, но не для того, чтобы идти куда-то вместе. Было бы неразумно дробить силы, направляясь к свободным, да?

— А мы идём вместе, мм? — насмешливо протянул рыжий. — Орса ведь сказала, что хотела, ну и возвращайтесь в Лагон.

— Ты мне не доверяешь?

— Не только он, — произнёс Итасэ прохладно. — Я благодарен тебе за то, что ты предупредил нас о поединке, Соул-кан. Но всё же ты подмастерье Эфанги, а он никогда не отступает от своего. Пока я не понимаю, зачем тебе понадобилось идти с нами, я буду считать, что ты блюдёшь его выгоду.

— Я ему не слуга, — так же дружелюбно возразил Соул, ничуть не смущённый ситуацией. — А Трикси дважды выручила мою сестру, и теперь помочь ей...

— Лао, — не глядя на андрогинна, позвал Итасэ. Тот сощурился:

— Это ложь.

— Гм, фактически — нет. Зачем же сразу разбрасываться обвинениями? Кроме того, как подмастерье, я просто не могу допустить...

— О, Ран, снова ложь! — Лао засмеялся.

— Я хочу развлечься? Засиделся в Лагоне, соскучился по горам? Или собираюсь научить чему-нибудь Орсу на практике? Действую из тёплых дружеских чувств к Трикси?

Честно говоря, я начала терять нить разговора. Тейт заметил это и со вздохом поднялся, протягивая мне руку:

— Пойдём. Ну их, пусть развлекаются. Захотят — догонят, — заключил он и свистнул, подзывая Шекки.

— А ничего, что решать они будут без нас? — засомневалась я, но всё же метнулась в шатёр за вещами. Рыжий за это время успел не только навьючить химеру, но и забраться в седло.

— Ничего, — оглянулся он на компанию, оставшуюся на поляне; Соул продолжал меланхолично перебирать возможные причины, Итасэ хмурился, Орса ошалело вертелась на месте, не зная, бежать за мной — или оставаться с обожаемым братом, и только Лао, кажется, искренне наслаждался происходящим. — Соул вообще сильный, если соваться к свободным — помощь не повредит. Ну, и не думаю, что он какую-то гадость устроит. Лао вон тоже так не считает, иначе бы он по-другому себя вёл.

— Тогда почему ты сразу не согласился? — полюбопытствовала я, взбираясь в седло и устраиваясь перед Тейтом.

Он обнял меня поперёк груди и прижался губами к уху:

— Потому что не хочу, чтобы вокруг тебя было слишком много мужчин.

Шекки взбил крыльями воздух, взмывая в небо. Я охнула, рефлекторно вжимаясь спиной в рыжего. Лицу стало жарко.

Он что, серьёзно? Этот... пижон, у которого восемнадцать любовниц? Не верю!

Я мысленно потянулась к нему, но его разум полнился обжигающим пламенем — азарт, предвкушение драки, тяга ко мне, счастье обретения, надежда. Если где-то там в глубине и клубилась ревность, то до неё я не докопалась. Зато уловила нечто иное:

"Оставайся со мной, Трикси, оставайся со мной всегда".

Ветер бил в лицо; земля быстро отдалялась — маленькая долина, ощетинившаяся серо-коричневыми лесами, затерянная среди головокруглительно огромных гор. Химерическая птица торжествующе клетотала, я задыхалась от скорости, а рыжий, бессовестный, мой — хохотал.

— Не повезло тебе, Трикси. — зашептал он, когда мы поднырнули под чёрную скалу — резко, точно в пропасть ухнули. Сердце у меня колотилось как сумасшедшее. — Ты щедрая, добрая, и любовь у тебя

щедрая. А я жадный, мне нужно всё, сразу, побольше. Ты ещё со мной намучаешься.

— Не стоит беспокойства, — с достоинством ответила я. — Если это единственная проблема, то с ней я, пожалуй, готова смириться.

Шекки молотил крыльями так, словно уходил от погони; горы расстилались под нами, нависали над нами — колоссальные хребты, изрезанные ущельями, белые пики — и алые, точно облитые кровью, утопающие в пурпурных облаках. Внизу проплывали долины — подёрнутые туманом, который даже полуденное солнце не могло пробить, манящие обманчиво прекрасной синевой, заросшие лесом и сверкающие обнажённым камнем. Где-то в невообразимой дали Лагон терпеливо ждал блудных учеников...

Всё было почти так же, как тогда, когда мы только-только вырвались от призвавших меня свободных.

Всё было совершенно иначе.

Я возвращалась к истоку — но даже не надеялась предугадать, что там найду.

Глава 32. Пространственный лабиринт

Заранее подготовленное устройство либо пространство для поимки мага.

Вряд ли сработает против дракона, сердитой мечты или стихии с характером.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Соул в конце концов увязался за нами.

Впрочем, как раз это было ясно с самого начала, поэтому я не особенно возражала. К тому же соваться к свободным вчетвером — дурацкая идея. Впрочем, и вшестером — немногим лучше, если призадуматься, но то ли присутствие ещё одного подмастерья придавало уверенности, то ли Орса своими глупыми выходками отвлекала от неприятных мыслей... Поначалу наше путешествие описывалось одним словом — весело.

Нет, честное слово, давно я столько не смеялась.

Над девчонкой, которая носилась восторженным щенком, умудряясь даже в полёте путаться у всех под ногами; над саркастическими и меткими замечаниями Итасэ; над изысканными, наполненными многозначительным подтекстом перепалками Соула и Лао... над собой, потому что и мои взгляды, и мысли так или иначе возвращались к рыжему. Эмпат, потерявший голову — забавно, ничего не скажешь.

Наверное, я отвлеклась. И потому не сразу осознала, что мы вляпались по самые уши.

Это произошло во второй половине дня. Орса как раз более-менее угомонила и прикорнула прямо в седле, примостив голову братцу на плечо. Небо подёрнулось лёгкой белесоватой дымкой, а ветер стих; от духоты слегка клонило в сон. Пейзаж был на редкость однообразным. Бесконечно тянулись пологие мирные горы — тёмно-коричневый камень с зеленоватыми прожилками, изредка попадались глубокие туманные долины, рассечённые реками, почти невидимыми под густым покровом сизоватых лесов... Издали долетал запах солёной воды и тропических цветов, обычный для диких лагонских пустошей.

Звуки голосов доносились как сквозь толстое стекло. Айры бежали бесшумно и плавно, и размеренное движение тоже вносило свою лепту в сонную, расслабляющую атмосферу.

— ...на редкость утомительный день, — деликатно зевнул Итасэ, прикрыв рот рукавом. — Думаю, можно разбить лагерь ненадолго.

— Где? — мрачно поинтересовался Тейт у меня над ухом. — Прямо на плато, что ли? Мы здесь как на ладони. Хоть бы какая-нибудь терраса попалась, всё ровное, аж противно.

— Зато долины не выглядят опасными, и мы могли бы... — мелодично откликнулся Лао, но вдруг резко умолк.

И — стрелой взмыл в небо. Прямо с места, с полушага — слегка присел, оттолкнулся ногами и почти мгновенно скрылся из вида, серебристым росчерком растворяясь в воздухе. Итасэ коротко выругался и задрал голову, высматривая андрогина; Соул потянул своего айра за рога, принуждая остановиться, и тоже заозирался.

— Что происходит? — Я заворочалась, пытаюсь сесть ровнее, и едва не свалилась с Шекки.

Рыжий побледнел так, что на носу у него явственно проступили веснушки.

— А ты не поняла? — Взгляд его потемнел и стал сосредоточенным.

Я напряглась, расширяя купол, но не уловила не то что ничего подозрительного — никого живого в принципе. В том числе — ни следа Лао.

А вот это уже тревожит.

— Нет. Объясни.

— Да до меня тоже только что дошло, — поморщился Тейт — и, заметив моё беспокойство, успокаивающе положил мне руку на плечо. — Похоже, мы ходим по кругу. Я сразу не заметил, потому что запах постоянно меняется и пейзаж.

— А что тогда не меняется, скажи не милость? — спросила я резче, чем хотела.

— Наши следы, — ответил он рассеянно. — Сам камень. Ощущения. Странно, что я раньше не понял. И вот ещё что: в самом начале вдаль виднелась здоровенная такая скала, чёрная. Где она? Мы сто раз уже должны были до неё дойти... А, смотри, возвращается!

"Скала?" — хотела спросить я, но прикусила язык.

Сперва послышался странный звук — гул, но очень высокий, металлический, музыкальный. Потом сверху нахлынула упругая воздушная волна — такая, что меня чуть из седла не выбросило. Что-то врезалось в склон, веером брызнул в стороны раскрошенный камень...

В опалённом кратере сидел, согнув одну ногу в колене, Лао, целый и невредимый. Выглядел он скорее задумчивым, чем сердитым, но, будь я врагом — сунуться ему сейчас не решилась бы.

— Заперто, — произнёс он. — И сверху тоже. Даже от меня, и это уже интересно.

— Я б слетал туда-сюда на Шекки, — протянул Тейт, прищурившись. — Но лучше не разделяться. Мало ли что.

— Мало ли кто, — согласился Итасэ и переглянулся с Соулом. Орса как раз продрала глаза и попыталась слинять от заботливого братца; он удерживал её одной рукой, осторожно прощупывая окрестности ментально. — Кто следующий?

Возникла заминка. Рыжий погрузился в размышления — стратегию обдумывал, что ли? — и не особенно рвался в бой. Орсе никто слова не давал в принципе... Оставались двое.

— Предположим, я, — вздохнул Соул и скатился по кожистому боку своего айра. Девчонка тут же перестала вертеться и замерла настороженным изваянием. — Трикси, поможешь? — неожиданно обратился он ко мне. — Широко слушать не обязательно, этим я займусь. А вот тщательно изучить всё, что поблизости...

Мысль здравая. Псионические методики на небольшом расстоянии могут быть даже более эффективны, чем магия.

— Хорошо, — склонила я голову к плечу. — Есть только одна проблема. Вам тоже достанется.

— Лучше так, чем пропустить врага, — философски откликнулся Итасэ, хотя перспектива явить кому-то, даже и другу, свои сокровенные мысли не вызвала у него бурного энтузиазма.

Поначалу я беспокоилась, что мы с Соулом станем мешать друг другу. Но его магия оказалась настолько нежной, ненавязчивой, словно существовала на принципиально ином уровне. Дрожь натянутых шёлковых ниток и прозрачных капель росы, расходящаяся от центра паутины; перезвон тысяч разноголосых бронзовых колокольчиков, от

крохотных, трепещущих, до солидных и басовитых — вот что это было такое.

А ещё он танцевал.

Наверное, каждый из ложи внимающих и поющих вырабатывал свой собственный стиль магии, больше всего подходящий к темпераменту и сложению. Гибкая, порывистая Лиора двигалась резко, широко, и её ментальная музыка звучала с надрывом, страстно, на грани боли. А Соул и звучал, и двигался гармонично... и очень технологически, пожалуй. Так, словно его окружали сенсорные экраны, и он невесомо прикасался к контрольным точкам — кончиками пальцев, босой ступнёй, плечом, затылком.

Рядом с этой лёгкостью мои собственные техники выглядели особенно неуклюжими и грубыми — зато мощными.

Я сузила купол до полукилометра в диаметре — и резко усилила. В музыке Соула тут же появилась брешь, зона тишины, где превалировало моё влияние... Или нет?

Обычно для эмпатического воздействия физических преград не существует. Но здесь воздух сопротивлялся, а скалы пытались вытолкнуть купол, вытеснить его — так, словно сама эта странная долина была полуразумным хтоническим существом.

"Ну уж нет".

Я стиснула зубы, усиливая напор. Тейт ощутил давление, но инстинктивно потянулся навстречу, раскрываясь и безмолвно обещая поддержку. Орса замерла перепуганным мышонком, не рискуя даже моргать. Итасэ рефлекторно сопротивлялся, но его ментальных способностей не хватало... Так, а это что?

— Ран... Ран-кан, — хрипло выговорила я, только в последний момент вспомнив про суффикс вежливости. — Может, мне кажется, но, похоже, тебе кто-то туманит голову. Ты позволишь?

Итасэ с подозрением прищурился, оборачиваясь:

— Позволю — что?

Договорить он не успел.

Я почувствовала, как встроенная в его разум ментальная программа меняется, и ударила по ней — грубо, примитивно, выжигая напрочь связи между Итасэ — и тем, вторым, который сумел дотянуться до него незаметно для нас. И, пока ощущение мерзкого

чужого присутствия было ярким, как привкус лука в чае — прошлась по Лао и Тейту, выкорчёвывая запрятанные программы внушения.

Наверное, если бы не дивный опыт с блоками Лиоры — и теми, что установил Эфанга, и с моими — я бы не справилась. Мне и сейчас удалось проскользнуть по самому-самому краю между успехом — и провалом.

...всё-таки успела.

Виски заломило.

— Соул, с сестрой сам разбирайся, — вяло окликнула я мага и прикрыла глаза.

Хорошо бы теперь отдохнуть и на время отказаться от эмпатии. Но, учитывая, что нас всех едва незаметно не заколдовали — не самое лучшее решение.

— Что это было? — дружелюбно поинтересовался Лао.

Кажется, он один не обиделся из-за такого неделикатного вмешательства. От остальных фонило глухим раздражением, где — завуалированным, где — не особенно.

— Это я вас немного спасла, — откликнулась я резко и устыдилась. Ну вот, сорвалась на единственном адекватном человеке... ну, условно человеку. — Извини. Мне нехорошо теперь, вот ворчу. Какая-то мразь исподтишка влияла на всех нас. Довольно долго, думаю, часа четыре, как минимум. Программу... Ну, то есть, что именно нам внушали, я так и не разобрала, но вряд ли что-то хорошее.

— Я даже знаю, что именно, — неожиданно произнёс Итасэ. — Трикси-кан, оглядись. И, да, я раздражён. Но не из-за тебя, так что хватит дрожать и прижиматься к Тейту.

— Она не прижимается, — с сожалением возразил рыжий. — Она просто дрожит.

Говорят, что от смеха головная боль проходит, но это явно не мой случай. Мне гораздо лучше помогает хорошая такая порция удивления — например, когда зажмуриваешься в реальной, пусть и немного странноватой долине, а открываешь глаза в какой-то гигантской банке.

— Что здесь происходит? — спросила я, рефлекторно поджимая ноги.

Нет, со скалами всё было в порядке — почти. Тот же серо-коричневый камень, зеленоватые прожилки, только рельеф сгладился, словно его утюгом разровняли. Самая жуть начиналась дальше,

примерно в полутора километрах. Там высилась глянцевая стена, похожая на мутное стекло; она плавно загибалась, очерчивая круговой периметр. Небо пластмассово побелело и опустилось — крышка, ни дать ни взять. Одно радовало: вдали, за полупрозрачной преградой, виднелась колоссальная чёрная гора.

Надеюсь, та самая, которую мы вначале потеряли.

— А то, что мы целый день слонялись по дурацкому пустырю, — весело и зло ответил Тейт, сверля взглядом психоделическую стену. Наверное, на её месте я бы уже сама куда-нибудь в сторону сдвинулась и пропустила это рыжее горе, лишь бы целой остаться. — Какой фаркан додумался такое устроить, интересно.

— Скоро узнаем, — пугающе добрым голосом пообещал Итасэ и очень аккуратно расправил шарф у себя на плечах. Похожая на туман серая ткань строптиво вздымалась, точно от невидимого ветра; при взгляде на неё хотелось зябко поёжиться, хотя в долине было по-прежнему жарко и душно. — Твоя сестра в порядке, Соул-кан?

Только сейчас я заметила, что спокойная ментальная мелодия смолкла. Сеть-паутинка, впрочем, никуда не делась — она словно просела, стала едва ощутимой; отдельные нити по-прежнему тянулись к Соулу.

— Как видишь, — рассеянно произнёс он, мимоходом погладив щиколотку Орсы. Девчонка строптиво дрыгнула ногой и грозно уставилась вдаль, явно подражая рыжему. — Не знаю, что за маг это сделал, но справился он неплохо. Я уже говорил, нет? По-моему, не говорил... Когда маг понял, что его тайная песня обнаружена, он избавился от неё. До последнего звука. Очень ловко, да...

— И ты его не сумел отследить? — Итасэ потёр между пальцами краешек шарфа и задумчиво перекинул его через плечо.

— Ту песню, что была в разуме моей сестры? Конечно, нет. Мне ещё многому предстоит научиться, — улыбнулся одними губами Соул. — Но когда Трикси разбила песню, предназначенную тебе, я кое-что услышал, и это меня удивило. Тот маг... мои чувства говорят, что он везде. В воздухе, в скалах.

Я моргнула. Дежавю? Слишком похоже на мастера Эфангу... Правда, сомневаюсь, что даже он стал бы размазывать своё сознание на несколько квадратных километров. Значит, здесь что-то другое.

— Везде? — вдруг усмехнулся Итасэ. — Очень хорошо.

И — резко подкинул шарф.

Туманная ткань, как живая, рванулась во все стороны разом, распадаясь на клочки. Они взвились серыми мотыльками и беспорядочно заметались вокруг. Некоторые падали на скалы — и тут же впитывались, как вода в песок, и тогда зелёные прожилки чернели.

А потом камень забурлил и потёк.

Дикая, тёмная пещера; решётчатый павильон, похожий на те, что возводили жители побережья; заросли сизой травы; дерево со сводчатой кроной, ветвями подметающее землю... Декорации сменялись так быстро, что голова начала кружиться. По сложенным крыльям Шекки пробежала рябь — золотистая, зелёная, лиловая... Длинный и цепкий росток обвил мою ногу и вскарабкался вверх — по бедру, вокруг талии, захлестнул шею — и покрылся бледными восковыми цветками. Тейт до синяков вцепился мне пальцами в плечи и резко выдохнул.

И тут всё закончилось.

Мы оказались на гладкой, точно отполированной площадке из чёрного стекла — диаметром сорок шагов, не больше. Итасэ стоял, слегка опустив плечи; лёгкие пряди волос прилипли к вискам, а глаза немного запали.

— До Шаа мне далеко, разумеется, — произнёс он негромко, глядя исподлобья. — Но кое-что я умею. Вся долина — большая ловушка, иллюзия, созданная песней разума и частично воплощённая из ничто. Кто бы ни был её хозяином, тут он всемогущ. Кроме этого места, — Итасэ постучал мыском по чёрному стеклу. — Если понадобится — сделаю дорогу до самого края долины. Но хотелось бы сначала перекинуться с хозяином словом-другим. Мне есть что сказать.

Я невольно опустила взгляд. Из гладкого чёрного зеркала на меня уставилось какое-то мрачное чудовище с цветочным ожерельем на плечах и лепестками в волосах.

Ну и картинка — то ли с похорон, то ли экзотического курорта.

— Мысль хорошая, но есть проблема, — вздохнула я, стараясь не думать о плохом. Например, о том, что потенциал у творца долины явно побольше, чем у Итасэ. — Сначала его надо найти.

— Может, выследить? — вскинул брови Лао.

Его тоже осыпало цветками, кстати, только тёмными — интересно, почему?

— Вызвать на переговоры? — неуверенно предложил Соул.

— Выкурить! — радостно вклинилась Орс и саданула айра пятками по бокам. Тот крутанулся на месте, едва не оттоптав лапы Шекки; шипастый хвост с мерзким скрежетом проехался по стеклу и оставил длинную глубокую борозду. — Шарахнуть! Настучать по голове!

— Шарахнуть? — оживился Тейт. — Это я могу, надо было сразу сказать!

— В другое время я бы много рассказал тебе о дипломатии и творческом подходе, — выдохнул Итасэ и обессиленно склонился, упираясь в собственные колени, как бегун после марафона. И — глянул исподлобья: — Но я не в духе. Поэтому — да, Тейт-кан, будь любезен, сделай это. Как там говорится... Долбани?

— Слова не покорной пылинки под ногами у мира, но правителя, — рассмеялся Лао, обхватывая его за плечи и помогая выпрямиться. — Утомлённого правителя.

— Я ещё не согласился, — загадочно ответил Итасэ и поморщился.

Интересно. Ворчит и огрызается, но помощь принимает как должное. Похоже, этих двоих связывает нечто большее, чем просто дружба.

— О, согласишься, — пропел Лао и светло улыбнулся: — Мне нельзя отказать.

В его сознании промелькнул образ... такой одновременно знакомый по мифам — и совершенно чуждый: крылатый змей, обвивающий гору, и крошечный человек, указывающий ему на что-то внизу. Я почти ухватила смысл, почти выцепила самую соль из намёков и оговорок — но в последний момент рыжий дёрнул меня за прядь волос:

— Трикси, смотри на меня, не на них.

На долю мгновения мне почудились нотки глухой, неконтролируемой обиды, но почти тут же их затопило яростное, дрожащее марево предвкушения. Я рефлекторно обернулась — не столько на слова, сколько на чувства; Тейт же в полтора прыжка пересёк платформу и замер на краю.

И явилось пламя.

Сначала — отразилось в чёрном стекле дрожащим ореолом; потом — вспыхнуло на кончиках встопорщенных рыжих прядей, осыпалось на плечи, на спину и бёдра, испятнало трико. Живой лозой обвило протянутую руку, цветком распустилось на ладони... и упало в долину.

По камню разошлись круги, как от брошенной в озеро гальки. А ещё через мгновение — пламя встало жадной, трескучей, гудящей стеной до самого горизонта.

В лицо ударила волна тугого жара — не воздуха, не энергии, чего-то иного, реального и в то же время ускользающего, как мысль. Орс свалилась с застывшего айра, и Соул рефлекторно, не отводя от пламени взгляда, обнял её и накрыл своим шарфом. Лао подался вперёд, с восторгом открываясь чужой силе. А я... я просто смотрела.

Изнутри Тейт пылал ярче и страшней обезумевшего солнца, и это было непереносимо прекрасно.

Словно услышав меня, он обернулся через плечо, улыбнулся — и плавно опустил руку, вдавливая чудовищное пламя в скалы. Гул сделался ниже, пробирая до костей; далёкие стены ловушки выгнулись, готовые лопнуть в любую минуту под напором. На долю секунды всё застыло в хрупком равновесии — и через долину, наискосок, пробежала трещина.

Скалы хрупнули, как яичная скорлупа.

— Хватит, — странным высоким голосом попросил Соул. — Кажется, нас приглашают войти.

— Ну, ладно, — протянул Тейт несколько разочарованно, опуская ресницы, и резко сжал кулак. Пламя погасло. — Трикси, и как тебе?

Слов я не нашла. Но, наверное, лицо у меня было даже слишком выразительное, потому что Итасэ закашлялся, а потом заявил бескомпромиссным тоном:

— Нет, ты никуда его не потащишь. Во-первых, некуда, во-вторых, смотрит ребёнок, в-третьих, смотрю я.

— Да и мы не собирались, — проворчал Тейт, весьма польщённый.

Я покраснела, деревянной походкой прошествовала по чёрному стеклу и первой спрыгнула с помоста, по щиколотку утонув в мягком, тёплом ещё пепле. А в спину мне донеслось задумчивое бормотание Соула:

— Орса, конечно, чудесная, да... Но я смотрю на этих двоих и думаю: может, стоило завести детей более традиционным способом?

Щёки вспыхнули, никакой биокинез не помог.

Спокойно, Трикси. Если рассуждать логически и ожидать худшего не получается, то хотя бы действуй рационально.

Уже спускаясь по грубому туннелю, я в полной мере осознала, насколько мы рисковали. Там, наверху, даже в колоссальной "стеклянной банке", оставалась иллюзия свободы. Здесь же, в замкнутом пространстве, серый камень с зелёными прожилками давил физически ощутимо, словно нам приходилось нести его на собственных плечах. Но ещё сильнее тяготило постоянное ожидание атаки. Памятуя о мастерски вживлённых ментальных программах, я держала неширокий, но чрезвычайно плотный купол — это примерно как сжать кулаки так, чтоб ногти в ладонь впились, и не расслаблять. Несколько минут потерпеть несложно, а если придётся дольше?

— Ты не одна, — произнёс вдруг Тейт мне в затылок, и я вздрогнула от неожиданности.

Рыжий шёл последним, замыкая цепочку — удачное решение, с его-то феноменальным чутьём. Хотя бы за собственную спину можно было не опасаться.

— В каком смысле?

— В прямом, — хмыкнул он. — Трикси, я, конечно, самый сильный и крутой, но вообще-то не самый опасный в нашей компании.

— Да, разумеется, напустим Орсу на монстра, который соорудил эту шрахову ловушку, и все проблемы решатся.

Кто-то хихикнул — явно не Тейт. Я быстро оглядела остальных, но так и не смогла понять, кто нас подслушивал. Даже мысли у магов были на удивление спокойны.

— Орсу? А что, мысль, — коварно протянул рыжий. — Детей часто недооценивают. А на слабых детей — вообще внимания не обращают. Представляешь, что можно натворить, когда на тебя не смотрят, мм?

Наверно, я была слишком напряжена, чтобы оценить шутку, потому что вместо улыбки выдала жалобную сентенцию:

— Но мы все так устали! Если одна попытка выбраться из ловушки выпила столько сил, — я невольно скосила взгляд на Итасэ,

который держал спину подозрительно ровно, — то сколько их понадобится для хозяина долины?

— Ну, мы ж не драться идём, а разговаривать, — неискренне заметил Тейт. — И ловушку он делал не в один приём, а, может, несколько лет. И вообще, кто сказал, что мы устали?

Я хотела было возразить, но тут мне в лоб толкнулся серый клочок тумана, оставляя ощущение сдержанной насмешки. Пришлось заткнуться. Тем более что бесконечный спуск наконец-то закончился, и мы оказались...

...под открытым небом? После часового бодрого марша вниз?

Налетел солёный океанский ветер, парусами раздувая шарфы и пересчитывая мириады нежных разноцветных травинок под ногами. Чуть дальше фантасмагорический луг тонул в песке, сверкающем, как алмазная пыль. На бесконечный пустынный пляж накатывали чёрно-синие волны с пенными шапками; низко-низко над водой носились длинноклювые птицы, перекликаясь тонкими голосами. У самой линии прибоя оборонительными башнями высились огромные деревья — с тёмной бугристой корой, почти без веток, с длинными тонкими метёлочками вместо листьев.

Пахло свежестью — пронзительной, острой, так, что лёгкие леденели.

— Красивая работа, достойная настоящего мастера, — негромко произнёс Итасэ.

От дерева отделился силуэт, незаполненный контур. Я невольно сглотнула и отступила на полшага — лишь бы очутиться подальше от этого жутковатого бага реальности.

— Кхе, хе... Я давно уже не мастер, — прошелестел контур и приблизился ещё немного, наливаясь объёмом, цветом, жизнью...

Мне стало дурно.

У долины был не хозяин — хозяйка. Женщина, изуродованная временем, как выветренный до дыр столб известняка. Её кожа сморщилась, огрубела и потемнела, волосы выцвели, глаза глубоко запали и побелели; узлы суставов были вдвое шире самих пальцев, длинные ногти скрючились и растрескались. Наверное, когда-то она могла похвастаться примечательным даже для Лагона ростом, но теперь согнулась едва ли не вдвое.

Концентрированного купола хватило, чтобы понять: это настоящая плоть, не пугающий образ для чужаков и не маска скучающего мага со своеобразным чувством юмора. Преодолевая инстинкт самосохранения, я потянулась глубже, осторожно касаясь сознания — и почти сразу отпрянула.

Хозяйка долины пугала не потому, что её облик соответствовал возрасту — не одна и не две сотни лет, старше Ригуми Шаа и Аринги вместе взятых. А потому, что старость была неестественной, как результат неизлечимой болезни, особенно жуткой потому, что она искорежила только тело, оставив разум кристально ясным.

— Тем не менее, вы не из свободных, — продолжил Итасэ.

Он выступил вперёд, легко и непринуждённо принимая роль лидера. Лао безмолвно стоял за его плечом — светлый и радостный дух-хранитель.

— С чего ты так решил? — сощурилась старуха, проутюживая нас взглядом по очереди. Когда подошла моя пора, я рефлекторно улыбнулась и, не глядя, нащупала руку Тейта.

— Ваше искусство, — повёл рукой Итасэ. — Песня разума и материя, воплощённая из пустоты. Соединённые вместе, они способны обмануть даже чувства мага. В таком лабиринте можно блуждать годами, не осознавая течения времени, и наконец забыть самого себя... Я знаю того, кто изобрёл это страшное искусство; мой мастер был его учеником.

Старуха расхохоталась, цепляясь за собственные широкие рукава.

— А ещё прежде его учеником была я. Что, это чудовище до сих пор держит власть? Такие, как он, просто её не отдают... — она закашлялась, потом шагнула ближе и посмотрела на Итасэ в упор. — И куда ты идёшь? Туда, куда он послал? Идёшь послушно, как айр... Посмотри на меня — хороша, а? Я ему тоже верила...

К чести Итасэ, он даже не вздрогнул, когда изуродованные ладони обхватили его лицо, заставляя повернуться.

— Куда бы мы ни шли, мы делаем это по своей воле, — мягко возразил он и отвёл её руки. Старуха неприязненно цокнула языком. — А теперь — ваша очередь отвечать. Зачем вы напали на нас?

— Напала? — вздёрнула подбородок старуха. — Никому вреда не было. Побегали по моей долине? Велика беда.

— Мы потеряли время.

— Время? — почти беззвучно рассмеялась она и развела руками: — Посмотри на меня. Вот оно, твоё время. Вот его предел. Дальше оно бессильно. Что тебе несколько дней? Что тебе даже год? Ты, маг, ты изменяешь мир, тебе ли бояться времени. Или Оро-Ич не объяснял тебе?

— Я ещё не настолько хорош, чтобы мастер Лагона говорил со мной о времени, — улыбнулся Итасэ неожиданно тепло, чарующе, и хозяйка долины дёрнулась. — Но я стану даже лучше. Спрошу снова: зачем вы пытались нас задержать?

Она угрюмо уставилась исподлобья:

— Разве скука и одиночество — недостаточные причины?

— Для женщины, которая старше моего мастера? Которая создала всё это? — усмехнулся Итасэ. — Если бы вы пожелали, то собрали столько учеников, сколько может вместить долина. И основали бы свой собственный клан, где вас славили бы как прекраснейшую и мудрейшую. Но вы здесь, глубоко в горах, одна... и настоящая, — тихо добавил он, и в этот момент почему-то посмотрел не на измождённую временем женщину перед собой, а на океан, над которым парили птицы.

Старуха обернулась, проследив за его взглядом.

— Да, — задумчиво произнесла она. — Пожалуй, ты понимаешь, что важно. Кто ты такой?

— Мечта одного поэтически настроенного мастера о сыне, — склонил голову к плечу Итасэ. — Или, может быть, о себе самом — только лучше и правильнее.

— Каждый ученик может сказать о себе подобное, — резко ответила старуха. — А мне нужна правда.

— Итасэ Ран, подмастерье Ригуми Шаа из ложи овеществляющих ничто.

— Ригуми Шаа... Не помню такого мальчишки, — поджала губы она. — Наверное, он позже пришёл. Я отвечу на твой вопрос, но сперва скажи: ты ведёшь их за океан?

Кого "их" — уточнять не потребовалось. Я зябко передёрнула плечами и, уже не скрываясь, сделала шаг назад, спиной прижимаясь к Тейту. В словах старухи было двойное дно; кажется, зла она нам не желала, но и отпускать не хотела... почему?

— На материк смерти нельзя никого увести, каждый сам принимает решение, — уклончиво ответил Итасэ, однако почти сразу добавил, смягчаясь: — Скорее, наоборот. Мы идём вглубь гор, ищем кое-кого. И собираемся вернуться в Лагон как можно скорее.

Хозяйка долины, похоже, не слишком-то поверила ему; от неё веяло состраданием и одновременно — разъедающей злостью, и если первое чувство относилось к нам, то второе — к кому-то сильному и недостижимому. Неужели к мастеру Лагона?

Приятно знать, что не всем нравится этот синий инкуб. Интересно только, что он ей такого сделал.

— Дело твоё, — проскрипела старуха и, отвернувшись, шагнула к побережью. — Сколько вас таких было, глупых. Слушаете дурных советов... Я такая же была. Одной из первых ушла за океан, да вот не дошла. К счастью, — вздохнула она протяжно, сжимая и разжимая изуродованную руку. — С годами их становилось больше, тех, кто исчезал за океаном. А этому властолюбивому мерзавцу, — старуха стиснула кулак, и суставы хрупнули, — всё мало. Он посылает новых и новых. Что ж, время расплаты близко. Потому что они стали возвращаться. Те, другие, более сильные, чем я. Те, кто дошёл до конца.

— Она говорит правду, — произнёс вдруг Тейт ясным, удивлённым голосом. — Трикси, помнишь, я хотел послушать путешественника? Ну, до того, как вся эта ерунда с Лиорой началась, — неопределённо крутанул он запястьем. — Так вот, я послушал. И он, точнее, она, путешественница, говорила, что на островах встречала женщину. И та женщина, ну, сказала, что она вернулась оттуда. Из-за океана.

— Женщина? — с непонятной, тянуще-болезненной надеждой откликнулся Соул, на мгновение упустив Орсу.

— Из-за океана? — с восторгом взывала девчонка, вытягиваясь на мысках. — Хочу!

— Путешественница? — несколько разочарованно вздохнул Лао. — Надо было послушать. Люблю хорошие истории.

— Да не знаю я больше ничего, — буркнул Тейт, оказавшись под прицелом любопытных взглядов. Только Итасэ сохранял видимость безразличия, но и ему было досадно, что он ничего не слышал о людях, побывавших за океаном. — Успеем — вернёмся в Лагон и

застанем ещё её... Или вообще махнём на острова, где эту женщину видели, ну. Но сначала — дела, — и он решительно хлопнул меня по плечу.

— Действительно, — ровно произнёс Итасэ и снова повернулся к хозяйке долины. — Я благодарю вас за то, что вы позволили мне увидеть ваше искусство. Надеюсь однажды вернуться сюда вновь.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Дивный образчик дипломатии. Иными словами, "Мы не сердимся, но нам, пожалуй, пора. Давайте разойдёмся мирно".

— А я рада была увидеть твоё искусство, молодой подмастерье, — неохотно ответила старуха, опускаясь на песок у корней жутковатого дерева. Нахлынула волна, промочив её широкие рукава — и с шипением откатилась. — Но позволь сказать на прощание: Лагон — не единственное место, где можно жить. И не лучшее. Вы уходите из моего лабиринта — и погружаетесь в иной, откуда выхода уже нет.

Итасэ, казалось, не собирался отвечать. Но, когда мы все уже очутились в туннеле, вдруг сбежал вниз на несколько ступеней и выглянул в пещеру. Влажный океанский ветер разметал его волосы и подхватил край шарфа — как хвост у воздушного змея.

— Позвольте тогда сказать и мне: мастер Лагона не забывает своих учеников, никогда. Никаких, слышите?

Старуха ничего не ответила, но свет, исходящий из пещеры, немного померк.

Когда мы выбрались наружу, в долине шёл дождь, тёплый и солоноватый.

Глава 33. Изнанка

Освящённая временем последовательность действий и слов, которая теоретически должна приводить к определённым результатам.

*К сожалению, в действительности чаще приводит к проблемам.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Эрнан лежал, подложив руку под затылок, и курил здоровенную пиратскую сигару. Клубы дыма поднимались высоко под купол цирка и там смешивались с облаками.

Всё это ужасно напоминало сюрреалистический сон, но, к счастью, сном в полном смысле слова не являлось. Однако и бодрствованием назвать это было нельзя; мы зависли в том полуреальном пространстве, которое возникает, когда соприкасаются разумы сильных псиоников, и никто не хочет — или не может — впускать другого на свою территорию. Казалось, что время здесь замерло; опасная иллюзия, ведь в реальном мире оно продолжало идти.

Я ощущала смутное беспокойство. Возможно, потому что снаружи разразилась очередная маленькая лагонская катастрофа, или из-за странного облика, который принял Эрнан... Точнее, из-за новообретённых дядиных привычек.

Очередной клуб дыма вздулся парусом — и накрыл меня.

Тепло.

— Успокаивающий ритуал. — Эрнан крутанул сигару пальцами, как автоматический карандаш. — Всё хочу попробовать наяву, но боюсь привыкнуть. Придётся тогда обращаться к Дейдре, а она не упустит случая сделать из меня подопытного кролика. Ты к этому как относишься, кстати?

— К курению или маминым опытам?

— К тому, чтобы стать лабораторным материалом.

— Как сказать, — вздохнула я. Сигара Эрнана отчего-то пахла горьким шоколадом, да так сильно, что под ложечкой тянуло. — Я ещё

до рождения была главным маминым экспериментом. Она целую диссертацию защитила.

— И не одну. Может, это и объясняет, почему у тебя такая гибкая психика, — заключил дядя парадоксально. — На твоём месте я бы не смог настолько спокойно принять то, что мной манипулируют.

Тут я действительно удивилась.

— А мной манипулируют?

— Если то, что ты мне рассказала, правда, то несомненно, — жизнеутверждающе заявил Эрнан и исчез.

А я проснулась.

За прозрачным куполом походного шатра всё ещё царила предрассветная полутьма. Тейт, полностью одетый, нависал надо мной, тревожно хмурясь. Когда он понял, что я очнулась, то осторожно прикоснулся к щеке горячими-горячими пальцами.

— Что случилось, мм?

— Ничего, — буркнула я, отворачиваясь. Эрнан снился отнюдь не каждую ночь, и всякий раз мне хотелось задать ему кучу вопросов — о маме, о том, сколько прошло времени, о Лоран, в конце-то концов. Но вместо этого мы просто трепались о ерунде. — Хочу шоколада.

— Так в чём проблема? — подскочил рыжий, готовый вершить подвиги прямо с утра. — Найду, догоню и поймаю! Я любую океанскую рыбу могу голыми руками поймать, не то что какой-то шоколад.

— Вряд ли. К сожалению, шоколад здесь не водится, — фыркнула я и сбросила одеяло. Настроение, испорченное было неурочным пробуждением, стремительно подскочило к отметке "прекрасно". — Кстати, а почему ты-то вскочил в такую рань? Твоя очередь сторожить?

— Лао кое-кого выследил. Они с Орсой теперь охотятся.

Остатки сна у меня как сдуло.

— А почему с Орсой-то?

— Она учится, — живо ответил Тейт и вдруг повернулся всем телом к выходу. — О, вернулись. Интересно, кого поймали.

Рыжий выскочил из шатра. Оставшись в одиночестве, я вновь прокрутила в голове короткий диалог с Эрнаном. Значит, мной манипулируют... Интересный вывод. Не сомневаюсь, что дядя прав, он в принципе, кажется, ошибаться не умеет. Остаётся один вопрос:

кто именно? Жаль, что начало разговора начисто выпало из памяти, можно было бы попытаться восстановить логическую цепочку. Когда упоминают о манипулировании, впрочем, на ум сразу приходит одна кандидатура — мастер Лагона, гибрид улыбчивого языческого идола и демона-инкуба из кошмаров средневековой крестьянки.

Я невольно вздохнула. Ну, конечно, кто ещё.

Вообще подобные мысли и без намёков дяди Эрнана преследовали меня уже вторую неделю — с тех пор, как мы распрощались с хозяйкой долины-ловушки. Та старуха ненавидела его нежно и собственнически, а любила так яростно, что становилась отвратительна самой себе. Она не простила его — за своё уродство, за фиаско с путешествием на материк смерти... Шрах знает, за что ещё, так глубоко я не копала. Самое жуткое, что в поверхностных воспоминаниях, которые старуха рефлекторно перебирала, как чётки, решение отправиться за океан она принимала сама. И — одновременно была абсолютно уверена, что Оро-Ич её вынудил.

Парадокс.

Давным-давно Лиора рассказывала о том, куда уходят из Лагона маги, закончившие обучение. Некоторые тайно возвращаются к семьям на побережье — если ещё есть к кому, другие путешествуют, третьи остаются и набирают учеников. Кто-то аккуратно вмешивается в политику, следуя указаниям Оро-Ича, кто-то живёт уединённо в горах, однако не примыкая к свободным, а некоторые стремятся испытать себя — и отправляются в место, где почти невозможно выжить. На материк смерти за океаном; в земли, где безумие войны настолько завладело магами, что они изобрели оружие, которое сами уже не могли контролировать. Например, болезни, передающиеся через взгляд.

Меня пробрало мерзким холодком.

Лиора говорила, что живых там не осталось... А если она ошибалась? Что ожидало путешественников там, за океаном? Если кто и знал ответ на этот вопрос, то только один человек — мастер Лагона. Судя по воспоминаниям старухи из долины, традиция отправляться в странствие на материк смерти просуществовала по крайней мере несколько веков. Тех, кто возвращался, можно было пересчитать по пальцам, и всё же маги продолжали уходить. Даже звучит

бессмысленно... если только не предположить, что некто могущественный негласно поддерживает безумный обычай.

Оро-Ич? Легко поверю. Вопрос — зачем.

Так, хватит. Я сейчас уйду в такие дебри, где даже мастера чувствуют себя неуютно. Кажется, местные маги уже оставили надежду просчитать мотивы мастера Лагона и сохранить при этом свой разум в целости, надо бы взять с них пример. Важнее сейчас понять, что имел в виду Эрнан, когда говорил, что мной манипулируют, и имеют ли его слова какое-либо отношение к моему спонтанному путешествию...

Шрах, я вернулась к самому началу. Похоже, выход один — дожждаться новой встречи во сне и спросить прямо. А до тех пор — наблюдать и размышлять.

Заплутав в дебрях дедукции и самоанализа, я едва не пропустила самое интересное, а именно — триумфальное возвращение Орсы с пленником.

— ...Я его сама схватила! Честное слово, сама! — донёсся издали восторженный писк.

У меня брови поползли вверх. Что, Орса разговаривает нормально? Без этих своих: "И вовсе я не хотела этого делать. А если и хотела, то всё равно не получилось, и вообще Соул меня не ругал. А правда, что мелкие надоеды когда-нибудь получают? А что они получают?"

Чудеса.

Впрочем, удивительное терапевтическое воздействие Лао на неуправляемых шkodниц мне уже доводилось наблюдать, привет Айке. Стоило ему ласково улыбнуться, как это непоседливое чудовище тут же строило умильные глазки и послушно выполняло даже скучные бытовые обязанности, не брезгуя ни уборкой лагеря, ни стиркой. Орса же зашла ещё дальше.

— А потом он выскочил на меня. И я его хлоп! Ну, воздухом, которым дышать нельзя. Он упал, а я его подобрала и тащу!

Не в силах и дальше мучиться от любопытства, я завернулась в одеяло и выскочила из шатра. Вся компания уже была в сборе. Итасэ сонно зевал у костра, потягивая крепкую шергу, Тейт восторженно приплясывал вокруг Орсы, Лао и их общего трофея. Соул, удивительно

бодрый, словно он и вовсе ещё не ложился, с умилением глядел на сестру.

— Она что, правда связно излагает свои мысли, не хвастаясь и не привирая? — недоверчиво поинтересовалась я, коснувшись разума девчонки эмпатическим куполом.

Соул склонил голову к плечу:

— Удивительно, но факт, да. У этой Лао поразительный педагогический талант.

Душевного спокойствия ради пропустив мимо ушей возмутительное "этой", я подобралась поближе, благо Орса зашла на второй круг, живописуя свои приключения. Выходило, что первым неладное почуял всё-таки Тейт — как раз была его очередь сторожить лагерь. Вообще он и раньше уже замечал по ночам чужаков поблизости, но обычно игнорировал их, пока они не приближались к границам камуфляжной иллюзии Итасэ. Сегодня же, памятуя о том, что до конечной точки путешествия остаётся всего ничего, Тейт решил, что свеженький информатор к завтраку нам не помешает.

Лао, очевидно, разделял его взгляды, поэтому поднял заспанную Орсу и исчез с ней во тьме, оставив лагерь на рыжего. Результат этой спонтанной вылазки валялся теперь у очага — молодой бритый мужчина, сперва хорошенько оглушённый воздухом, очищенным от кислорода, а затем ещё и обработанный секретными приёмчиками направляющих удар — для верности.

Искренне сочувствую бедняге.

— Я и не догадывался, что моя сестра способна скрутить взрослого мага, — задумчиво протянул Соул, дослушав до конца.

— Все дети с чего-то начинают, — таинственно ответил Лао, почёсывая довольную девчонку за ухом. — А что же до этого человека... Такой маг вполне ей по зубам. Нужно только сначала немного его напугать, запутать, ослабить и загнать в нужное место.

Соул оживился:

— Я слышал, что сойнары обучают своих детёнышей подобным образом. Мать догоняет молодого фуубе, надкусывает ему плавники, а после направляет молодняк.

Не знаю, что поразило меня больше — сравнение Лао с сойнарами, дивными хозяевами океана, или тот факт, что они оказались отнюдь не вегетарианцами.

— А сойнары что, хищники? — осторожно спросила я. — Такие красивые... И поют изумительно.

— О, таковы законы любого мира, — светло и мечтательно улыбнулся Лао. — Всё прекрасное имеет клыки и когти. И чем совершенней красота, тем они острее.

Соул сделал шаг в сторону. Маленький, но вполне заметный.

— Кхм... Ты ведь мне сейчас не угрожаешь, нет?

В ответ прекраснейшее существо во всём Лагоне загадочно рассмеялось.

Нет, я, разумеется, не думала, что Лао когда-нибудь причинит кому-то из нас вред, но мурашки у меня по спине пробежали.

— Видимо, древняя поэзия постепенно развращает разум. Как будто глупые комплименты помогут обольстить совершенство, — пробормотал Итасэ — достаточно громко, однако, чтобы Соул расслышал. — А теперь к делу. Тейт-кан, этот человек имеет отношение к свободному клану, который мы ищем?

— А то сложно догадаться, — хмыкнул рыжий и, присев на корточки, выразительно подцепил ногтем край неопрятного тёмного балахона. — Больше никто в такие жуткие тряпки не рядится.

— Не слишком надёжный признак. Ты тоже равнодушен к чёрному цвету, — заметил Итасэ с неуловимым налётом сарказма в голосе. — Ещё что-нибудь?

Рыжий раздумывал не больше секунды.

— Запах. Причём не тех магов, которые проводили ритуал, а самих пещер.

— Значит, он там по крайней мере побывал, — подытожил Итасэ. Недобрый прищур не сулил пленнику ничего хорошего. — Соул-кан, будь любезен, послушай его.

Почти сразу возникла небольшая заминка. Соул не отказывался выполнить просьбу, но просил какой-нибудь образец, чтобы понимать, кого или что искать в лабиринте сознания. Запах и облик магов, которые призвали меня в этот мир, место действия примерный маршрут... Лучше всего подошёл бы крупный фрагмент воспоминаний о нашем с рыжим побеге от свободных, но Тейт упёрся намертво, не желая впускать в свой разум посторонних. Понятное решение, конечно, однако ненадолго мы оказались в тупике. В итоге сошлись на

компромиссе: Соул спокойно работает, а я слежу за тем, чтобы он не залез дальше, чем необходимо.

За секунду до того как в ментальном пространстве зазвенели тысячи разноголосых колокольчиков, Тейт ухватился за мою руку — рефлекторно, не раздумывая. В груди поднялась жаркая, щекочущая волна.

Вдруг ясно вспомнилось, что рыжий никогда, даже в самом начале, не пытался закрыться от меня.

Присутствовать при телепатическом допросе оказалось неприятнее, чем самой вытягивать информацию. Было что-то противоестественно в том, как Соул плавно обходил пленника по кругу, словно выписывая босыми ступнями по земле узор заклинания, и в том, как с каждым шажком сознание мага, по-прежнему погружённого в беспмятство, раскрывалось слой за слоем. Как луковица или цветок — с той разницей, что нас интересовала не сердцевина, а один из тех полупрозрачных, эфемерных лепестков, что облетали всё быстрее.

— Кажется, нашёл, — произнёс вдруг Соул рассеянно. — Подождите немного, я покажу.

Когда он аккуратно передал нам очищенный от всего лишнего образ, я прикусила губу, сдерживая вздох разочарования. Нет, конечно, глупо было рассчитывать, что, бесцельно шатаясь вокруг убежища свободного клана, мы сразу наткнёмся на большую шишку — или, что ещё лучше, на одного из тех, кто проводил ритуал призыва. Но пленник, молодой мужчина с вытянутым, налысо бритым черепом оказался совсем мелкой сошкой. Он происходил из побочной семейной ветви, не владел ни тайными знаниями, ни техниками. Более того, он даже не знал никого из правящей верхушки. Из всех магов, которых сумел вспомнить Тейт, пленник был знаком только с одним — с неудачником, которому достался самый первый и самый сильный удар. Этого человека звали Дорм, он был весьма искусным мастером тварей. Бонусом нам досталась сносная мысленная "карта" подземелий и несколько тайных ходов — те, которыми пользовался захваченный маг.

— Слишком надеяться на его знания не стоит, — отстранённо резюмировал Итасэ. Мысли его словно бы разделились на несколько потоков, которые текли, не пересекаясь — слишком быстро и сложно, чтобы вникнуть сходу. — Вряд ли его пускали дальше внешнего круга

укреплений. Младшие дети побочных ветвей — всего лишь расходный материал. Нам повезло в одном: лаборатории Дорма не в глубине подземелий, а во внешнем контуре. И неудивительно, — усмехнулся он вдруг. — Люди, обладающие властью и силой, не станут ввязываться в авантюру и проводить ритуал с непредсказуемыми последствиями втайне от остального клана.

— В какой такой тайне? — встряла Орса. Ей к тому времени надоело вертеться вокруг пленника, который не спешил проявлять признаки жизни. Вполне разумно с его стороны. — Почему непредсказуемые? А это плохо?

Соул в последний момент ловко подхватил сестру, которая подобралась на опасно близкое расстояние к Итасэ, и усадил рядом с собой.

— Если бы ритуал проводился с согласия верхушки клана, то о провале знали бы даже дети. Свободные не упускают возможности продемонстрировать силу своей власти, а потому провинившихся магов, которые позволили добыче сбежать, да ещё с чужаком, наверняка бы прилюдно казнили. В назидание другим, — пояснил он, смягчая певучими интонациями жутковатый смысл. — А пленник ничего не слышал о ритуале. Что же до непредсказуемых последствий... Иногда добыча оказывается намного сильнее того глупца, который на неё замахнулся, да. Представь, что кто-то в другом мире случайно призвал мастера Оро-Ича. Как полагаешь, что будет?

Орса всерьёз задумалась, а потом выдала:

— Ну вот если прямо Оро-Ич — тогда не знаю. Он ведь такой, ну... пошутить может, что ли, дохлым риизом прикинуться. Но потом, конечно, всё равно всех отлупит, — добавила она быстро.

— О, мудрость простодушных, — в сторону произнёс Итасэ. И продолжил скучным голосом, обменявшись взглядами с Лао: — Лет двадцать назад ходили слухи о небольшом клане свободных, возжелавших небывалого могущества и славы. Они все вместе провели ритуал — и успешно, но не сумели удержать то, что явилось на зов. Или, может, не проявили достаточно почтения... Говорят, что в той долине до сих пор текут реки из света и молний. А те немногие из магов, кто выжил, рассказывают об ослепительной силе, смертоносной и наделённой собственной волей.

Я отчего-то снова вспомнила обвивающего гору крылатого змея и поёжилась — не от страха, а от чувства полной беспомощности перед чем-то огромным и непостижимым. А Орса, поражённая до глубины души, насухо сглотнула и притихла. Лао провёл ладонью по её волосам и улыбнулся ласково:

— Не стоит бояться, ребёнок. Это всего лишь слухи. Но если когда-нибудь ты захочешь подставить ладони для падающей звезды — будь готова к тому, что она сожжёт тебе руки.

— Да не хочу я ловить звезду, — буркнула Орса, отвернувшись, и помидорно покраснела. — Пусть себе летает, где хочет.

— Весьма разумный подход, — без намёка на иронию похвалил Итасэ.

Пленник застонал в беспамятстве и пошевелился. Я рефлекторно оглянулась и с удивлением поняла, что теперь могу различить и тонкий рваный шрам у него под скулой, и слипшиеся ресницы: пока мы обсуждали положение дел, уже совершенно рассвело. Сна, естественно, не было ни в одном глазу.

— Что делать будем? — вырвалось у меня.

— Что, что... завтракать, — хулигански боднул меня Тейт головой в плечо и замер. — Трикси, ты ведь понимаешь? Мы сейчас перекусим, а потом пойдём искать этих, как их, приятелей Дорма. Ну, которые тебя призвали. И, может, найдём их, а может, сдохнем по дороге.

"Ты ведь выберешь меня? Останешься со мной?" — хотел спросить он, но промолчал.

Наверное, это глупо, но я не верила, что Лао может умереть. А Тейт — проиграть. И поэтому видела сейчас перед собой только одну дорогу. Ту, что кончалась развилкой: в Лагон — или обратно в мой мир.

Я обняла рыжего — так крепко, насколько хватило сил. Поцеловала его в щёку и поверх плеча уставилась на Итасэ, сумрачного и, кажется, немного смущённого. Ну, давай, скажи, что не надо никуда тащить это сокровище, потому что все смотрят.

Да к шраму.

— Хочу шергу, ту хрустящую лепёшку, как вчера, и фуубе с кислыми фиолетовыми ягодами, забыла, как называются, — с вызовом

заявила я. Тейт щекотно хмыкнул мне в шею. — А на десерт, пожалуйста, какую-нибудь сумасшедшую атаку на свободный клан.

Напряжение развеялось — почти.

— Похвальная смелость, Трикси-кан, — усмехнулся Итасэ, опустив ресницы, хотя глаза его и так напоминали непроницаемые тёмные зеркала. — И она должна быть вознаграждена. Отправляемся после завтрака. Пройдём напрямую в лаборатории Дорма, узнаем, кто ещё участвовал в ритуале, а дальше... Дальше как мир подскажет.

— Импровизация, — мечтательно зажмурился Соул. — Да, магия удивительно похожа на поэзию. Есть такой жанр — спонтанное сложение песни, который очень... — Тут он наконец заметил взгляд Итасэ — недовольный, мягко говоря, и быстро закруглился: — ... Который очень похож на то, чем мы собираемся заняться. Да, пока не забыл, а что с пленником будем делать?

— Возьмём домой? — робко заикнулась Орса, заискивающе глядя на брата. — Я его буду кормить, учить всяким вещам, ругать, когда скучно... Можно?

— Нет, — решительно заявил Соул. — Люди не питомцы. И это жестоко. И он будет разбрасывать мои свитки.

— А можно...

— Мы отнесём его к границам долины, в безопасное место, — вмешался Итасэ, и слова его прозвучали неожиданно мягко, без привычных саркастических интонаций. — И мы... мы оставим ему знаки. Если он правда хочет жить и готов что-то ради этого сделать — он найдёт Лагон и войдёт туда. Да, и приготовьте кто-нибудь шергу, не сам же я должен утруждаться, — добавил он ворчливо и сел на траву у костра, кутаясь в туманный шарф.

Думаю, и Соул, и Орса, и даже Тейт могли многое сказать о свободных и том, что неразумно указывать потенциальному врагу дорогу к твоему дому. Но каждый нашёл себе дело получше. А я почему-то смотрела на этого нелепого молодого мужчину со шрамом на щеке и вспоминала Маронга. Вот у кого несгибаемая воля и бешеное упрямство.

Да, конечно, терпеливость и умение существовать в согласии с миром — добродетели. Но иногда, чтобы выжить, нужно уметь действовать вопреки всему, даже здравому смыслу, который шепчет: кто ищет лучшего, то теряет всё, оставайся, смиришься, довольствуйся

бездной вокруг, ведь другим бывает ещё хуже. И тогда есть только один выход... или нет?

Пульс внезапно зачастил.

Я с трудом моргнула — на веки точно пролился тёплый воск — и медленно вдохнула. Шрах, как странно... Такое чувство, будто я сейчас не абстрактно размышляю о нелёгкой судьбе младших ветвей свободных кланов, а решаю жизненно важный вопрос. И ответ определит не только моё дальнейшее существование, но и нечто много большее.

— Выглядишь усталой, — послышался вдруг мягкий, певучий голос совсем близко.

— Лао, — рефлексивно улыбнулась я, оборачиваясь к андрогину. Всё-таки его — или её — присутствие действовало на меня удивительным образом, успокаивая и придавая сил одновременно. — Нет, не устала. Это другое.

Орса вскрикнула и шарахнулась от костра; покотился пустой котелок из-под шерги, ветки зашипели и огонь с одного края погас. Итасэ выразительно цокнул языком — прозвучало это хуже площадной брани, а Соул начал мягко выговаривать сестре вполголоса. Лао то ли шелестяще выдохнул, то ли просто очень тихо рассмеялся — и взял меня за руку, увлекая прочь от суеты.

— И всё же тебе лучше отдохнуть, Трикси.

Мы совсем немного прошли, огибая шатёр по дуге, но лишние звуки как обрезало. Здесь было так тихо, что даже мой неискущённый слух различал суховатый шелест длинных узких листьев и шорох песка, когда налетал ветер. Пахло океаном и душистыми цветами, слабее, чем обычно в горах, но вполне ощутимо. Небо, кобальтово-чёрное ночью, расколосось на две части: лихорадочный оранжевый восток и молочно-белый запад с узкой тёмной полосой по горизонту, где вздымались горы.

Лао свернулся клубком под деревом, прямо на песке, и похлопал рядом с собой, искушающе поглядывая из-под ресниц. Секунды три я честно игнорировала приглашение, памятуя о пылающих очах Тейта, а потом всё же улеглась, подложив руки под голову.

Пульс постепенно начал приходить в норму, без всякого биокинеза.

— И что тебя так напугало, Трикси?

— Собственные мысли, — призналась я немного смущённо. — Глупо, да?

— Почему же, — ответил он тихо и немелодично, совершенно не похоже на себя, а потому жутко. — Самые страшные твари живут в голове.

Волосы у Лао закрывали половину лица; не видно было, как шевелятся губы, но зато из-за тёплого дыхания усилился исходящий от прядей аромат — тревожный и приятный одновременно; яростная зимняя гроза, ледяной ливень — и раскалённый камень, надвое расколотый молнией...

— И у тебя тоже?

— О, особенно у меня, — улыбнулся Лао и умолк, не отводя от меня пристального взгляда.

Так, словно приглашал выговориться.

— Да ерунда на самом деле, — пробормотала я. Мысли у Лао были — чистый свет, вроде бы открыто настезь, но не прочесть ни образа. И даже смотреть больно. — Просто подумалось... Вот представь, что ты находишься в месте, которое тебя пугает. Много жестокости вокруг, всё такое нестерпимо яркое, чуждое до оторопи, и надо бороться за каждый следующий день. И иногда не за жизнь даже, а за то, чтобы проснуться собой. И ты чувствуешь... беспомощность, что ли. Бессилие. Но всё же, когда оглядываешься по сторонам, понимаешь, что любишь это место. Оно в тебя вцепилось, и отдавать никому не хочет. Надо вырывать его с корнями, оставляя половину себя, а это ужасно страшно. Ведь знаешь наверняка, что даже если там, в конечном пункте, можно зализать раны, что там спокойно и хорошо — сожаления останутся навсегда. И самое полное, безусловное счастье они отравят. И вот в таком положении... Как ты думаешь, что будет трусостью — уйти или остаться?

Когда я начинала говорить, то всё ещё размышляла о том мужчине, пленнике Орсы. А закончила чем-то настолько личным, что щёки загорелись, как от пригоршни снега.

А Лао протянул руку, отводя пряди с моего лица, и улыбнулся:

— Это слова человека, Трикси. Тебе ведь говорили, что значит быть магом?

— Маг — тот, кто изменяет мир вокруг себя, — откликнулась я рефлексивно и прикусила губу. — Красивая философия. Но

фактически я никакой не маг, я псионик.

Неуловимым змеиным движением Лао развернулся и придвинулся близко-близко, так, что мы едва не столкнулись носами.

— Открою тебе тайну, — прошептал он. В расширенных зрачках отражалась фантастическая гроза — разветвлённые разряды молний, бурлящие чёрные тучи. — Только никому не говори. Той магии, которой учат в мастерских Лагона, во мне нет ни на каплю. Но, как и ты, я маг. Я изменяю мир... как и ты, Трикси.

— Но...

— Тише. — Лао невесомо прикоснулся пальцем к моим губам, точно налагая печать молчания. — Не спорь. Такая смешная — задала мне вопрос, но уже сама знаешь ответ. Ты не сбежишь, чтобы вечно сожалеть, и не останешься, чтобы вечно бояться. Ты маг.

Я резко выдохнула и перекатилась на спину, уходя от прикосновения. Он был прав, конечно. Не нравится ни один из двух выходов — пробей стену и сделай третий, как говорит мама.

Ага, а пока не можешь пробить — тренируй удар.

...Дышать было как-то удивительно легко. Дул сильный ветер, перегоняя тонкие белёсые облака, а небосвод менял цвет на глазах: оранжевое сияние концентрировалось в одной точке у горизонта, разгоралось ярче и ярче.

Мир не статичен. И, пожалуй, одно это уже придаёт уверенности в своих силах. Невероятно сложно сдвинуть с места мёртвую глыбу, но для того, чтобы изменить траекторию движения, нужно иногда совсем немного.

— Маг, да... Слишком высокая оценка, — улыбнулась я прозрачно-акварельной высоте. — Сомневаюсь, что смогу пройти по правильной дороге до конца, даже если увижу её. Но я благодарна за разговор, правда, — добавила я. И неожиданно призналась: — Знаешь, рядом с тобой мне почему-то очень хорошо.

— Это взаимно, — рассмеялся Лао тихо, шелестяще. Потом замолчал ненадолго, а когда заговорил вновь, то его голос звучал едва слышно, точно внутри моей головы. И всё же это был голос, не мысленный образ.

...Два странника в чужом краю друг другу кажутся роднее.

Как будто кровь у них одна — иного цвета, чем в мире, приютившем их.

Как будто в воздухе развеяна печаль, и непривычен он на вкус, но ни на ближнем, ни на дальнем берегу не отыскать того, кто этот вкус бы ощутил.

И я, как в зеркало, смотрюсь в тебя — и вижу череду зеркал, прозрачных, как вода, и чистых, словно небо.

И ты смотришь в меня, как доказательство — я есть.

Я здесь.

Я замерла, не решаясь даже вдохнуть. Страшно было спугнуть момент озарения... и единства?

Почти как в тот раз, когда Эфанга показал мне древнюю поэзию.

Слепящий гребень солнца показался над горизонтом.

— Ты... ты тоже не отсюда?

Сказать о нём унизительно-беспомощное "добыча" даже в мыслях было невозможно.

— Я издалека, — очень мягко ответил Лао. Сейчас он казался не просто бесполом — бестелесным, как дух.

У меня закружилась голова. Я зажмурилась, пытаюсь представить себе иной народ — таких, как он, но рассудок пасовал; под веками вспыхивали и гасли гроззовые разряды.

Сон накатило незаметно.

Тейт безжалостно растолкал меня всего через час. Лао к тому времени успел исчезнуть — ему поручили отнести пленника подальше и оставить в безопасном месте. Итасэ же, пока готовился завтрак, умудрился составить толковый план атаки на свободный клан, и за пиалой шерги изложил свои соображения.

Начал, разумеется, с самого неприятного.

— Айров придётся оставить в горах, под землёй им не место. С Шекки проблем не возникнет, я полагаю, он сумеет потом найти хозяина или даже вернуться в Лагон самостоятельно, если понадобится. А что с твоим айром, Соул-кан?

— К песне он чуток. Если понадобится — сумею вызвать его с расстояния даже в день пути, но добираться он будет всё тот же день, — протянул тот задумчиво. — А что касается возвращения в Лагон... Это ведь не просто праздное любопытство, да?

Итасэ склонил голову к плечу, соглашаясь.

— Мы вряд ли вернёмся тем же путём, что и войдём. Танеси Тейт любезно рассказал о своей безумной вылазке... то есть, разумеется, о своей блестящей импровизации. Спрятать уникального айра у края долины, скрытно пробраться по территории клана, затаиться в пещерах, выбрать момент и сбежать с добычей — хороший вариант для одного мага, но не для группы. Хотя бы потому, что вывезти всех разом Шекки неспособен, а значит, у нас нет возможности отойти быстро и скрытно.

— А летающие платформы? Маронг создал одну такую, она передвигалась очень быстро, — спросила я осторожно.

— Время, — коротко возразил Итасэ. — Я могу создать нечто подобное, собственно, так мы с Лао и догнали тебя, Трикси-кан, но на это нужно время. Запрыгнуть на спину айру — куда быстрее, уверяю. Даже два ката могут значить очень много.

Я вспомнила, как мы с Тейтом убегали от свободных, и вынужденно согласилась. Тогда всё решали не минуты — секунды. А если не приходилось рассчитывать на сверхскоростное отступление из чётко определённого места, то наилучшим выходом было бы сделать план максимально гибким. Поэтому Итасэ добросовестно описал не один десяток вариантов, причём некоторые из них не подразумевали, что мы все выживем. Маршруты, время, расписанное буквально по секундам, многочисленные развилки: а если Дорма не окажется в лаборатории? А если он засядет там с компанией? А в финале мрачно подытожил:

— Всё равно всё выйдет не так. Просто помните: мы идём не для того, чтобы превратить гору в равнину, а чтобы захватить несколько пленников. Поэтому — никаких смертельных сражений. Тихо забираем нужное и уходим.

Смотрел он в это время исключительно на рыжего.

Поначалу всё шло по плану. Мы оставили айров ещё в горах. Шекки кружил высоко в небе, невидимый и недостижимый для врагов, ожидая сигнала. Массивная химера Соула окопалась прямо в склоне — мы не рассчитывали на неё при отступлении, но и тащить за собой в подземелья не собирались. Итасэ окутал нас облаком дыма, которое при взгляде со стороны абсолютно сливалось с местностью, Соул провернул нечто подобное на ментальном плане. Оставалось только неторопливо пересечь долину и спуститься под гору.

— Боишься? — свистящим шёпотом спросил Тейт, когда под сенью мрачных иглистых деревьев разверзся жадный зев пещеры, и я... нет, не попятилась, конечно, а только приостановилась на секунду.

Всего-то.

— Нет. Подумаешь, в первый раз, что ли.

В горле пересохло.

— Не бойся. В первый раз наоборот не страшно, ты ж не знаешь ещё ничего, — уверенно ответил рыжий, игнорируя слова, зато чётко вычлняя самую суть. — Но этих я ещё тогда изучил, так что всё получится. Там клан маленький, человек сто — сто пятьдесят, а территория огромная. Мы, может, и не встретим никого. Кто на охоте, кто в лабораториях. Ну, и дети не в счёт.

Пока он говорил, мы успели немного углубиться в пещеры, и пришлось понизить голос. Маскировка маскировкой, но и об элементарной осторожности забывать не стоило. Шаги стали легче, тише, словно каждый инстинктивно хотел спрятаться, движения — экономней и медленнее. Только рыжий держался так же свободно, как и на поверхности — ну, неудивительно, он здесь, можно считать, постоянный посетитель, может просить чашку кофе за счёт заведения...

Внезапно в голове у меня что-то щёлкнуло.

— А откуда ты вообще узнал о них?

— О свободных? Ну, следил... — Тейт непонятливо нахмурился.

Я отмахнулась:

— Нет, про слезку всё понятно. Но как ты вообще узнал, что они обитают здесь? Что собираются проводить ритуал? Сначала я вообще не задумывалась об этом, потому что ничего не знала о Лагоне. Но теперь-то понимаю, что вероятность случайно натолкнуться в горах на слабый свободный клан, в котором собираются проводить ритуал, стремится к нулю. И только не говори, что просто пробежал мимо.

— Я не пробежал мимо, — ответил Тейт странным, напряжённым голосом.

Белесоватое пятно выхода осталось далеко позади. Низкие каменные своды влажно поблёскивали; нас окутывало облако слабого, мертвенного света, но всё, что дальше, оставалось погружённым во тьму.

А к нашему диалогу не прислушивалась уже только Орс, кажется.

— Это секрет, что ли? — спросила я шёпотом.

Рыжий фыркнул.

— Да ну, какой секрет. Ну, да, я правила нарушил. Вообще я не собирался, — быстро уточнил он. — Так вышло. Я в Лагоне какую-то ерунду сломал, то ли сцену, то ли дом чей-то, ну, не помню, за дело, наверное. И Оро-Ич назначал мне наказание, а ещё поучал, как всегда. Ну, что большая сила — не всегда благо. И я такой ему: ну да, а чего тогда все за добычей охотятся? Он мне сразу про то, что назначение у добычи другое, ну и всё в таком духе. И ещё сказал, что мало тех, кто может правильно распорядиться сокровищем, и многие дурью маются. Ну, как Итасэ недавно рассказывал, я это уже слышал. От Оро-Ича.

Я споткнулась и с трудом удержалась на ногах. Шрах, похоже, дядя Эрнан был прав!

— То есть об этом клане ты узнал от мастера Лагона?

— Ну... вроде того, — признался он нехотя.

Купол всё ещё был раскрыт, и поэтому я успела выхватить из потока мыслей одно крохотное воспоминание, фрагмент без контекста. Терраса наблюдения, звёздное небо, чудовищный силуэт у окна — Оро-Ич.

" — ...чужие ошибки ничему не учат. Так сейчас один маленький свободный клан собирается призвать то, в чём на самом деле не нуждается.

— Что, вот прямо сейчас?

Усмешка.

— О, полагаю, у них уйдёт почти тридцать дней, чтобы дозреть до своей ошибки..."

Образы налипли, как паутина на лицо; я рефлекторно встряхнула головой, не сразу осознавая, что Тейт продолжает говорить.

— Где там они точно живут — не сказал, конечно. Но проговорился, что далеко, даже на Шекки бы пришлось целый день лететь, а уж пешком... Ну, и заметил ещё, что там вообще места опасные, долина с гаусом, белая ледяная гора и всякое такое. А я что? Мне же интересно. Стал искать, а дальше ты знаешь.

— Думаешь, это была случайность, а Оро-Ич действительно всего лишь приводил пример? — спросила я. Получилось резковато.

— Да нет, конечно... — Тейт вздохнул. — Он меня часто на такой ерунде испытывает. С Шекки так же было — а вот такой айр, а никто с ним не может справиться. Я всегда ведусь. Глупо, да? Но я не жалею. Ведь иначе, ну, я бы тебя не нашёл, — закончил он совсем тихо.

Рефлекторно, почти не осознавая своих действий, я нашла его руку — и сжала.

Тоже ритуал, успокаивающий ничуть не хуже воображаемых сигар Эрнана.

— Надо торопиться, — произнёс Итасэ едва слышно. Всё это время он следил за нами — вполглаза, вполуха, и сейчас ощутил... нет, не раздражение, как раньше, а смутное, будоражащее желание: я тоже так хочу. — Ещё слишком долго идти.

Впрочем, в одном он оказался прав. Мы плутали по подземным лабиринтам больше часа, прежде чем вышли к лабораториям Дорма. Изредка мне чудилось, что из недр горы пышет глухая, жаркая тревога; там что-то происходило, но куполом тянуться вглубь я опасалась, чтобы не потревожить какого-нибудь не в меру чуткого эмпата. Тейту тоже было неудобно. Он теперь передвигался совершенно беззвучно, инстинктивно стремясь слиться с фоном.

"Шрах, что мы творим?" — пронеслось у меня в голове, и запоздало накатил страх.

И именно тогда Итасэ подал знак рукой остановиться и выжидающе посмотрел на Соула. Тот глубоко вздохнул и медленно поднял вверх руку — незаконченное танцевальное движение, едва обозначенный перезвон призрачных колокольчиков.

— Он там. С помощницей, девочкой.

— Хорошо, — одними губами улыбнулся Итасэ. Глаза у него оставались холодными, как тёмное стекло.

Белёсый туман почернел — и выплеснулся в туннель, заполняя его целиком, затем потёк дальше, быстрее и быстрее, заполняя всё пространство лабораторий. Я осторожно расширила купол, рассеянный, почти неощутимый, и едва успела заметить, как гаснут два сознания внизу, за толщей камня. Что бы ни запустил Итасэ в убежище магов, дышать этим было невозможно.

— А теперь быстро, — жёстко произнёс он. — Я открою проход прямо в лабораторию. Не выступайте за границу белого облака, ни к чему не прикасайтесь.

— Айры, — понятно откликнулся Тейт. Черты лица у него заострились, а глаза потемнели. — Хороший мастер держит своих тварей под боком.

— Встречаться с ними мы не собираемся. Зачем? — Итасэ сухо рассмеялся — и резко повёл рукой, словно отбрасывая что-то от себя.

Белёсый язык тумана выстрелил в стык между стеной и полом. Камень с тихим, призрачным скрежетом раздался в стороны, открывая проход. Первым туда нырнул Лао.

— Наша очередь, — прошептал Тейт и подтолкнул меня в спину.

В дыру я сиганула, честно стараясь не закрывать глаза. Получалось не очень.

Пока приходила в себя после скоростного спуска, из дыры вынырнул Соул с Орсой и углубился в недра лаборатории. Мы с рыжим дождались Итасэ и только тогда пошли следом. Если честно, пещеры нисколько не напоминали прибежище мага-исследователя: огромные пространства, тёмные и дикие, сталактиты и сталагмиты, множество углублений в камне — от небольших каверн до бассейнов, заполненных опалесцирующей жидкостью.

"А где же обещанные твари?" — хотела спросить я, но тут одна из каверн затянулась кожистым веком... а потом часть скалы отделилась, открывая проход колоссальную пещеру с озером на дне размером в три стадиона, выбросила по кромке двенадцать когтистых лап и бесшумно сползла в воду. Дохнуло сильным запахом йода.

Меня замутило.

Ну, зато теперь ясно, почему этот поселился на отшибе. И места для экспериментов хватает, и соседи не беспокоятся.

— Трикси, — позвал Соул. Я не заметила его из-за тумана, и потому шарахнулась от неожиданности. — Иди сюда. Ты обязательно должна взглянуть на него. И послушать.

Обогнув длинный каменный стол — наконец хоть что-то похожее на лабораторное оборудование! — я плюхнулась на колени рядом с Соулом. Он держал руку на лбу у долговязого светловолосого мужчины с сильно зачернёнными веками. Наверное, это и был Дорм. Его сознание распахнуло створки, как устричная раковина, и где-то в глубине мерцали уязвимые, податливые воспоминания.

Купол трансформировался в иглу и выстрелил. Мир раздвоился — где реальность, где лабиринты чужого разума? Я ухватила за плечо

Тейта, чтобы устоять.

Так, что там у нас...

— Вот шрах! — вырвалось у меня. Соул вопросительно посмотрел, и я склонила голову к плечу, разрешая слить информацию всем остальным. — Кажется, у нас проблемы.

— Какая потрясающая новость, — философски заметил Итасэ. — Ничего никогда не идёт по плану... — начал он и осёкся.

Потому что проблемы на самом деле были.

Этот человек, Дорм, действительно возжелал добычу, странника из иного мира. Но ни он, ни его приятели, которым показалась соблазнительной идея разом стать сильнее, не обладали достаточными знаниями и умениями, чтобы провести ритуал. Поэтому они пригласили чужака со стороны, отшельника из диких гор.

Дорм его не знал.

В воспоминаниях задержался только зыбкий образ — высокий рост, вкрадчивый, певучий голос, умеренная бледность, светлые волосы и глаза... Шрах, да таких здесь — полмира! Отшельник, похоже, использовал какую-то ментальную технику, потому что разговоры с ним начисто стёрлись из головы Дорма. Осталось только странное чувство симпатии, а ещё волнение, учащённый пульс...

Так. Вот это почему-то кажется знакомым. Надо подумать позднее.

— Что теперь? — хрипло поинтересовался Соул, глядя почему-то не на Итасэ, а на меня.

— Найдём хотя бы двух других. Тех, которые живут ближе, — ответила я, не колеблясь. — Пойдём двумя группами, в каждой — телепат... То есть маг из ложи внимающих и поющих. В общем, мы с Тейтом и кто-то с тобой. Перетрясём воспоминания, потом сольём информацию вместе — может, что-то и прояснится. Даже если он прочистил им мозги, на каждом человеке внушение работает особенным образом. А из упущенных деталей можно составить внятную картину.

— Разумно, — улыбнулся Соул, поднимаясь. — Тогда не будем терять время. Орсу я возьму с собой. Да, и ещё... Ты ведь заметила, что он встревожен?

Я сразу напряглась. Слишком неприятное совпадение. Неужели в клане действительно что-то происходит?

— Поясни.

— К старшим кто-то приехал. Из других кланов, похоже, — задумчиво откликнулся Соул. — Интересно, о чём они договариваются.

— Вот уж не наше дело, — резко возразил Итасэ. — Так, если ты берёшь Орсу, то мы с Лао идём с тобой.

Соул непонятливо моргнул.

— Зачем?

— Силы уравновесить, — усмехнулся Итасэ. — Надо же кому-то заниматься делом, пока ты, гм, сдерживаешь эту разрушительную стихию. Трикси-кан, вы вдвоём справитесь?

— С Тейтом? Да, — ответила я уверенно.

Наверное, зря, потому что дальше начался какой-то хаос.

Рыжий для скорости подхватил меня на руки и выскочил из лаборатории через воронку, заполненную белым туманом. Под ногами мелькали опалесцирующие бассейны, переплетения каменных стеблей, пылающие камни-кабошоны — надеюсь, просто элементы декора, а не фрагменты очередных спящих монстров. Мы очутились в туннеле, который задирался вверх под углом почти в сорок пять градусов. Скала под ногами была влажной, но не скользкой. Я автоматически выстраивала ступеньки под ногами, а Тейт бежал просто так. Без видимых усилий.

Минут через пятнадцать что-то грохнуло в той стороне, где оставались лаборатории.

— Орса. — Рыжий хмыкнул. — Вот на что хочешь спорим — Орса. Ну, надеюсь, на шум остальные свободные не сбегутся. На фаркана они нам нужны?

...приятель Дорма, чьё имя я так и не запомнила, обитал неподалёку, примерно в двух километрах. Я так сосредоточилась на том, чтобы не сбиться с пути, что в какой-то момент непозволительно сузила прикрывающий нас купол всего до трёхсот метров в диаметре — и потому слишком поздно заметила аномалию.

Передвигающаяся пустота, провал в ментальном пространстве.

— Тейт, стой, — свистящим шёпотом попросила я. — Тут какой-то мощный телепат... То есть маг, внимающий-поющий.

Рыжий замер, как будто в стену врезавшись — как и был, посреди огромной сводчатой пещеры, на три шага впереди меня. Над его

головой беспорядочно заметались светильники. Где-то поблизости с рокотом низвергалась вода с высоты, невидимая в густой темноте подземелий, и пахло морем.

— Далеко? — спросил Тейт и вдруг повёл носом, принюхиваясь.

— Шагов двести до него было... Упустила, кажется, — растерялась я.

— Тогда уже поздно, — произнёс он со смертельным спокойствием.

Вот дура!

Наверное, постоянная близость могущественных подмастерьев как-то повлияла на мою способность рассуждать, потому что я сделала непростительную ошибку. В тот самый момент, когда мне померещилась пустота, я должна была уплотнить купол до предела, чтобы если не атаковать, то хотя бы защитить Тейта и выиграть ему секунду на первый удар.

Но не успела.

Счёт пошёл на доли секунды.

Купол сгустился, уплотнился, распался на слои — вязкая топь, неориентируемая поверхность, подвижный хаос.

И — одновременно — со всех сторон нахлынула музыка, оглушающая, рокочущая, дисгармоничная, скрежещущая. Я вскрикнула, зажимая уши руками, хоть и понимала, что это — телепатическая атака, грубая, не очень сильная, преодолимая, нужно только сосредоточиться, и...

Тейт застыл соляным истуканом — с опустевшим сознанием. Зеленоватые светильники угасли.

— Они здесь, близко, совсем рядом, — загремел мужской бас на другом конце пещеры, прорываясь сквозь ментальную какофонию, и эхо раздвоило звуки. — Чужаки. Я покажу мощь нашего клана. Мы стоим союза.

— Достойны вы или нет — решать не мне, — возразил из тьмы женский голос.

И, шрах, он был мне знаком.

Я замерла, парализованная от шока.

Над нашими головами вспыхнули огоньки — один, два, три... целый десяток. И в красноватом свете проявились, как на фотоплёнке, два образа. Высокая женщина с сильно подведёнными глазами, так

похожая на тётю Глэм, и коренастый мужчина в чёрных одеждах. Но на него мне было плевать, а вот она...

— Мастер Аринга Китасса, — прошептала я.

Онемевшие губы едва шевелились.

— Чужаки тебя знают? — пробасил мужчина.

Он, похоже, сильно удивился, потому что даже бешеная телепатическая какофония немного утихла. А Аринга — ни на гран не изменившаяся, всё тот же серебристый ёжик волос, тёмные чувственные губы с застывшей полуулыбкой — посмотрела сперва на него, затем на меня.

Вздохнула.

Приложила ладонь к лицу, кончиками пальцев массируя брови, точно пытаюсь изгнать к шраховой матери головную боль... и резко отвела руку в сторону.

Голова мужчины-телепата покатила вниз по наклонному полу пещеры к нашим ногам. Тело ещё несколько секунд стояло вертикально, а затем тяжело рухнуло. Из ровного-ровного среза шеи слабо сочилась тёмная кровь.

— И куда вы всё время лезете? — Аринга вздохнула, не глядя на нас, и потёрла висок. Затем тронула мыском тело неудачливого союзника и добавила: — Понятия не имею, как я буду всё это объяснять, — и, не оглядываясь, шагнула в стену.

Холодный камень принял её охотно, как зыбкий мираж — усталого путника. Она удалялась очень быстро и вскоре вышла за пределы моего купола. Тейт задыхался тяжело и часто, приходя в себя.

А мой мир — весь мой опыт, устремления, страхи, всё что я знала о Лагоне — вывернулся наизнанку.

И что теперь с этим делать?

Глава 34. Опасно заинтересованный наблюдатель

Тонкий процесс настройки чрезмерно одарённых юных умов, требующий неприличного количества материальных ресурсов и терпения.

*Приятный бонус — скучать некогда. Да, и умам тоже.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Первым в себя пришёл Тейт.

В первые мгновения он тоже увяз в густом потоке вопросов: почему она здесь, зачем отпустила нас, кто стоит за ней, что значит "союзники, когда это началось, каким ветром её занесло сюда, почему-почему-почему... Но потом задержал дыхание на выдохе, на секунду зажмурился и запретил себе думать вообще. А когда вновь открыл глаза, то его разум был ясным и спокойным, как небо над горным озером. Фрагменты размышлений вставали на нужные места так чётко, что мне мерещился даже характерный звук щелчка, с которым в пазы входят детали металлической головоломки.

— Нельзя никому рассказывать про Арингу, — напряжённым голосом произнёс Тейт внезапно. — Даже Лао.

Я не успела проследить за его логическими выкладками, поэтому реплика застала меня врасплох.

— Это почему ещё?

Взгляд у него остекленел, а разум... Я не могла объяснить происходящее с точки зрения известных ментальных техник, но всё выглядело так, словно Тейт вытеснял последние воспоминания и выкладки в область неосознанного. То есть новый опыт учитывался в картине мира, но в то же время будто бы... не существовал?

Парадокс.

— Потому что я так чувствую, — наконец выговорил рыжий с усилием и встряхнул головой. — Но не понимаю. Это часть чего-то огромного, ну, Аринга, та старуха из заколдованной долины, союз между свободными кланами и маги, которые вернулись из-за океана. И

это тайна для всех, даже для мастеров в Лагоне. И если мы что-то поймём... не вовремя поймём... мы можем всё испортить.

"Тут замешан Оро-Ич?" — хотела спросить я, но прикусила язык.

Тейт был прав.

Премемерзкое ощущение, что мы оказались в центре сложной многоходовки, не покидало меня с того самого кошмарного путешествия под предводительством Аринги. До какого-то момента всё происходящее действительно можно было принять за цепочку случайностей, но сейчас нас точно швыряло от одной контрольной точки к другой. Казалось бы непредсказуемые события слишком хорошо укладывались в схемы — запутанные, но подчинённые некой системе.

Какова вероятность, что группа магов-недоучек из Лагона, путешествуя по горам, наткнётся на полубезумную старуху, прекрасно осведомлённую о счастливицах, которые сумели выжить за океаном?

Насколько реально дважды столкнуться лбами с самым страшным своим врагом, беглым мастером — и выжить?

"Тобой манипулируют, Трикси", — сочувственно шепнула память голосом дяди Эрнана.

Голова резко заболела.

Если бы манипулировали только мной!

Такое количество невероятных происшествий и встреч без явных следов внешнего влияния возможно в одном случае: если плотность событий сама по себе невероятно велика.

— Что-то скоро случится, — выдохнула я сипло. В горле пересохло.

Рыжий уставился на меня исподлобья:

— А я о чём? Пора бы заныкаться в тихое место, а оттуда уже смотреть, как мир шатает туда-сюда.

— И ты что, долго вытерпишь? — недоверчиво моргнула я. — В тихом местечке?

Тейт глубоко задумался.

— Ну, катов десять, наверное, да. Надо же выбрать место для самого крутого появления, чтоб все обалдели?

В груди у меня что-то заклокотало, засвистело... Честно признаться, я сперва перепугалась, а только потом осознала, что это всего лишь смех, только нервный и неуместный.

— Да уж, представляю. — Я выдохнула, стараясь успокоиться. — Слушай, Тейт, а ты не думаешь, что моё появление тоже... неслучайно?

Он прищурился на секунду, изучая выражение моего лица, а потом фыркнул и хлопнул меня по плечу:

— Да ну, ерунда. Даже Оро-Ич говорит, что нельзя угадать, кто придёт оттуда. Поэтому нельзя рассчитывать, что будет, опираясь на одного человека, ещё и не пойми какого. Если бы я чего-нибудь такое задумал, то все люди у меня были бы заменяемые. Даже я сам, — добавил он, подумав.

— Логично, — вздохнула я, соглашаясь.

Не самая оптимистическая точка зрения, но на удивление успокаивающая.

— Вот ещё, кстати! — оживился Тейт. — Я тут подумал, можно ли Оро-Ича...

Что там такое интригующее можно сделать с мастером Лагона, он не договорил — осёкся. Из глубины скал, откуда-то из-под горы, накатила тревожная, до костей пробирающая волна — то ли низкий звук, то ли едва ощутимая вибрация, то ли тяжёлая, чуждая всему живому энергия. Гора стронулась, как поезд, отходящий от перрона, и я с трудом сумела удержаться на ногах. Свод разодрали узкие, извилистые трещины, и потом всё вновь затихло.

— Бежим, — почти без звука шевельнула я губами, механически счёсывая с волос каменную крошку и пыль. — Время... То есть нет, постой, — спохватилась я. — Мне сначала надо исправить одну ошибку.

Взгляд у меня, как намагниченный, метнулся безголовому трупу. Наверное, это было достаточно красноречиво, потому что Тейт сразу вскинулся:

— Ты не виновата! — выдохнул он, схватив меня за руки. Ладони у него пылали — сухие, жёсткие, очень сильные. — Я тоже слишком поздно их почувал. Наверное, они внутри стены шли.

— Спасибо, — улыбнулась я кисло. Хотелось бы поблагодарить его нормально, но меня всё ещё потряхивало после эпического появления Аринги и не менее эпического исчезновения. — Собственно, это и напоминает о том, насколько мы уязвимы. Особенно поодиночке.

Сказала — и сжала его руки, сильные, жёсткие... и надёжные.

— Ты хочешь попробовать вместе? Как тогда? — уставился на меня исподлобья Тейт. Выглядел он мрачноватым, но мысленно подрагивал в предвкушении, и не потому, что ему не терпелось получить больше силы.

"Хочу быть с тобой одним целым. Пусть бы пока и так".

Меня накрыло жаром.

— Да.

Рыжий закрыл глаза. Уголки губ у него приподнялись — не улыбка, лишь намёк на неё. Я плавно, длинно выдохнула, мысленно концентрируюсь, и трансформировала купол...

...кажется, мы подходили друг другу безупречно, как детали часового механизма. Каждый удар его сердца эхом отдавался во мне, вдох начинался в его груди — а заканчивался в моей. Мысли и желания перевились тесно, неразрывно, и не понять было, что и кому принадлежит.

Да и не важно это было.

Несокрушимый каркас внутренней дисциплины псионика облёк негасимое пламя Тейта латной перчаткой — не сковывая, но придавая форму. Маятник резонанса раскачивался всё сильнее и быстрее, увеличивая амплитуду, а затем вдруг исчез, потому что не стало разницы между нами. И тогда мы сорвались с места единым существом — телепатом, который ощущал ментальное пространство на пять километров вокруг как часть себя; живой, страстной стихией, которая прожигала дорогу сквозь скалу.

Наверное, так чувствует себя пущенная в цель стрела, когда она одновременно является и луком, и стрелком.

Приятелю Дорма мы в прямом смысле свалились на голову. Он был не один, а с женщиной; люди, как правило, в такие моменты потрясающе беспечны и беспомощны — маги, как выяснилось, тоже. Я вырубил его вместе с подружкой ещё на подлёте, не встретив ни малейшего сопротивления, и только потом огляделась. Наша с Тейтом синхронизация ослабла, но не исчезла, и его восприятие жутковато преломляло мои собственные чувства — зрение, обоняние, слух. Просторная пещера, в которой лишь на другом конце торчали из стены крест-накрест две сияющие палки, красная и синяя, казалась светлой, как открытая всем ветрам вершина горы ясным полднем. Сотни ярких,

объёмных запахов нашёптывали историю о маге, который вернулся из лаборатории после не слишком удачного дня, забросил в угол перепачканную едкой слизью одежду, разругался с женщиной — о, этот узнаваемый аромат гнева! — и демонстративно удалился в купальню, но, спускаясь, поскользнулся, разбил затылок и наконец получил свою дозу утешения и ласк...

Похоже, мы вломились в самый разгар сцены примирения. Мне было его почти жалко, честное слово.

— Мне тоже, — беспечно согласился Тейт, обходя пещеру по периметру и выискивая опасности — к счастью, пока безрезультатно. — Вот поэтому у меня над домом спит Шекки. Незаметно не проскользнёшь, будь ты хоть кто, — заключил он и, не особо церемонясь, растащил невезучую парочку по разным углам.

Женщина, полноватая, с копной мелких белесоватых кудряшек, выглядела неприлично молодо, лет на восемнадцать, не больше. Рыжий заботливо прикрыл её тонким одеялом — и надавил пальцами где-то в районе горла, погружая в глубокое беспамятство. Самого мага он выволок на середину пещеры и присел рядом на корточки, разглядывая.

— Он там живой? — поинтересовалась я в шутку — слишком слабым было дыхание у пленника.

— Да вроде, — хмыкнул рыжий. В глубине его сознания промелькнуло нечто вроде зависти, но в ту же секунду трансформировалось в чувство превосходства. — Хм...

— Что?

— Давно заметил, что среди таких вот высоченных и охрененно красивых — до фаркана неудачников, — заключил Тейт, поглядывая на меня искоса и наблюдая за реакцией, хотя в этом не было нужды: мои мысли по-прежнему отдавались эхом в его сознании. — Хорошо, что я мелкий, мм?

— Ты охрененно красивый, а рост тут ни при чём, — искренне ответила я, глядя в бесстыжие синие глаза, прямо на собственное краснеющее отражение.

Тейт фыркнул — довольный, как набедокуривший шрах.

Вообще-то он был прав. Пленённый маг действительно выглядел потрясающе. В Лагоне, насколько я понимала, ценились гармонично развитые, сильные, но при этом компактные тела — никаких

бугрящихся мышц, фигуры скорее жилистые, чем атлетичные. Приятель Дорма вполне укладывался в рамки местных стандартов. Да и в моём родном мире за него, пожалуй, дрались бы все модельные агентства — внушительный рост, широкие плечи, одухотворённое лицо художника и пальцы музыканта, просто мечта суровых женщин от четырнадцати до семнадцати. Правда, сейчас мне сложно было испытывать к нему что-либо, кроме жалости — и чувства вины за предстоящее ментальное насилие.

— Надо, Трикси, — вздохнул Тейт, ткнув ему в бок пальцем. — И чем быстрее, тем лучше. Не понравился мне тот взрыв, знаешь ли.

Я хотела спросить, какой взрыв, но вспомнила низкий гул из недр горы — и вздрогнула. Время действительно играло не на нашей стороне. Если Аринга наткнётся ещё и на Итасэ с компанией... Пожалуй, эти трое сумеют одолеть даже мастера, особенно если Лао достанет наконец козыри из рукавов, но шум поднимется такой, что легче будет снести гору целиком, чем скрыть следы нашего пребывания здесь.

Не разрывая связей с Тейтом, я сконцентрировала купол — и вонзила ментальную иглу аккуратно посередине лба нашего прекрасного и жалкого пленника.

...шрах, как же он ненавидел весь мир!

Пожалуй, такая концентрация мерзости — даже большая редкость, чем подлинная добродетельность. Всё-таки человек изначально стремится к тому, чтоб стать хорошим, и не только из-за общественной морали или кем-то установленных правил. Почти у любого есть внутри стержень, голос, пылающий огонь — каждый эмпат, впервые ощущая это в чужом сознании, даёт собственное название. Нечто, заставляющее испытывать стыд не только за неприглядные поступки, но и за мысли; нечто, направляющее к развитию, к новым горизонтам, радость и вдохновение — и одновременно нравственный страж.

Так вот, у пленного мага оно отсутствовало напрочь — зато была иссушающая жажда признания и силы. Он ни мгновения не сомневался в своей исключительности, в праве на особое место — и ненавидел шваль, отребье, грязных уродов вокруг себя, которые смели не признавать его...

Я моргнула, отстраняясь. Сознание мага поглощало меня, как болото — жирное, гниущее. Но зато становилось ясно, почему он решился на опасный ритуал под началом подозрительного незнакомца: та самая неизбежная жажда и толкнула. Если Дорму сила требовалась исключительно для практических целей, и он относился к ней как к редкому и ценному ингредиенту, то его приятель просто искал шанса отыграться.

В том числе и на своём благодетеле Дорме.

— Не вини его, — Тейт осторожно прикоснулся к моему плечу. Я резко выдохнула, выныривая из затянувшегося кошмара; воздух казался невыносимо сладким и свежим. — Детям из побочных ветвей тяжело. Так что это такая попытка защититься: типа не мне мощно не повезло от рождения, а вы, слепые придурки, не цените крутого меня.

— Но Маронг другой.

— Именно потому он и в Лагоне, — улыбнулся рыжий светло. — А что с магом-отшельником? Что-то есть?

— Сейчас посмотрю, — нахмурилась я.

Снова нырять в гниущее сознание пленника не хотелось, но другого выхода не было.

Воспоминания оказались густыми и вязкими, сильно искажёнными от негативных эмоций. Маг страстно желал забыть о своём фиаско с ритуалом, но невольно возвращался к нему мысленно вновь и вновь. Дорм представал в его глазах попеременно то глупцом, который подбил хороших людей участвовать в заведомо провальном деле, то интриганом, что втайне присвоил общую добычу...

Я наткнулась на нечто забавное и вновь вынырнула в реальность.

— Тейт, слушай, а он ведь даже не понял, что ты — человек. Принял за какого-то айра.

— За одну из тварей Дорма? — развеселился рыжий. — Ну-ну. Никто не создаёт айров, похожих на людей.

— Табу? — насторожилась я.

— Практичность, — хмыкнул он. — Легче взять готового человека и переделать, как надо, этим созидающие совершенство и занимаются. Почему, считаешь, их так зовут?

Я задумалась — и меня передёрнуло. Сейчас-то маги из этой ложи были, скорее, врачами, пусть и с жутковатыми наклонностями. Но представляю, что они творили во время той древней войны,

изменившей облик мира... У нас когда-то, лет сто пятьдесят назад, когда псионики только-только вышли из подполья, тоже предпринимались попытки создать идеального солдата, но их пресекли почти сразу, слишком пугающими и непредсказуемыми получались результаты. Биокинетические эксперименты попали под тотальный запрет; остались редкие исключения вроде меня.

Наверное, из-за эмпатической связи к Тейту просочились не только мои размытые мысленные образы, но и воспоминания, потому что он вдруг обернулся с чувством странного, недоверчивого осознания — и на целое мгновение стал моим отражением. Пришелец из другого мира, добыча... человек с глазами того редкого синего оттенка, какого не бывает у рождённых естественным способом.

Тейт не знал, являлась ли его матерью та, что погибла при переходе. А если она...

Я крепко зажмурилась, отгоняя навязчивый образ — высокая черноволосая женщина в облегающем светлом костюме, так непохожая на тощего, рыжего мальчишку рядом с ней — и вновь юркнула в сознание пленного мага.

На сей раз мне повезло больше.

Он хорошо запомнил отшельника — походку, фигуру, черты лица, даже манеру речи. Если Дорм невольно поддался флёру очарования, в котором магии было столько же, сколько и естественного, с ног сбивающего обаяния, и потому стал лёгкой жертвой для промывки мозгов, то его приятелю врождённое чувство ненависти ко всему живому послужило неплохим щитом. Отшельник, похоже, заметил это — я выловила в сумбурном мысленном потоке образ насмешливо прищуренных жёлтых глаз, — но ничего не предпринял, чтобы исправить положение. Точно поддразнивал: ну, что ж, попробуй, отыщи меня, юноша, если сможешь, и задай вопросы, если сумеешь.

Попробуй, Трикси.

Вкрадчивый, певучий голос прозвучал ясно — и совсем близко, затылка словно коснулось тёплое дыхание. Я вскрикнула, разрывая связь с пленником; Тейт сидел рядом, сосредоточенный и ни капли не испуганный.

— Ты слышал это? — спросила я, и голос позорно сорвался в конце.

Рыжий склонил голову к плечу так резко, словно она у него отвалилась:

— Угу. Но мне он сказал: "Попробуй, Танеси Тейт". И чего-то я знаю только одного монстра, который может повернуть такую штуковину.

Я невольно сглотнула. К сожалению, мне тоже прекрасно было известно, что это за "монстр". А как безупречно сложилась головоломка!

"...Можно вернуться в свой мир?"

"Можно. Если соберёшь воедино тех, кто тебя призвал, и заставишь выполнить обряд в обратном порядке... О, как ярко загорелись твои глаза, как горячо. Мне нравится, Трикси Бланш".

Конечно, отыскать в горах каких-то там свободных и заставить сплясать под свою дудку — нереально. И даже мастер Лагона не мог знать, живы ли все участники и каковы пределы их сил, однако он ответил на мой вопрос со спокойной уверенностью. И почему? Да потому что сам же и призвал меня. И, естественно, мог в любой момент провести этот шрахов ритуал... Если пожелал бы.

В чём я искренне сомневаюсь.

— Значит, Оро-Ич мне так типа случайно проговорился про свободный клан, когда они вообще ещё знать не знали, что будут проводить ритуал, — меланхолично пробормотал Тейт и заложил руки за спину, вытягиваясь в струну. — То есть я только начал спорить, а он уже всё продумал. А потом усвистел в горы, втёрся этим придуркам в доверие, провёл ритуал и смылся до моего прихода. А может, и не смылся — сидел там где-нибудь рядом, невидимый, и смеялся. А что, я бы тоже над собой посмеялся... Я тебя ему не отдам, — заключил он неожиданно.

— Он и не попросит. Подарки обратно не требуют, — буркнула я в ответ.

Дуться на всемогущего мастера Лагона было бы инфантильно и непродуктивно, злиться ещё и глупо... Но поди-ка, попробуй совладать с эмоциями. Будь ты хоть трижды эмпат — сразу не получится.

Знала бы, как часто в жизни дают сбой установки на логику и рациональность — попросила б дядю Эрнана научить меня чему-

нибудь другому.

— Не сердись, — попросил Тейт и боднул меня лбом в плечо, подставляясь под ласку. — Я рад, что ты у меня есть, очень. И без разницы, как ты тут оказалась. Если б я знал, какая ты, то сам бы тебя украл, честное слово.

Я рефлексивно погладила его по встопорщенным волосам и глубоко вздохнула.

— Я тоже рада, что ты у меня есть. Но гадко понимать, что со мной обошлись, как с вещью. Захотелось — взяли и подарили.

Рыжий щекотно фыркнул мне в плечо.

— Не-а. Как с детёнышем сойнара. Он, когда мелкий, не знает, куда плыть, и старшие его толкают носами. Вот и считай, что Оро-Ич тоже тебя подтолкнул.

— Носом?

— Этими своими синими штуками.

Больше ловить в пещере было нечего. Впрочем, я и так оттяпала кусок информации, который нескоро смогу переварить. Убедить мастера Лагона отправить меня в родной мир — задача даже посложней, чем собрать в одном месте кучку враждебно настроенных магов и уговорить их посодействовать. С магами, по крайней мере, Лао сойдёт за убедительный аргумент, а с Оро-Ичем — вряд ли.

Тейт потянул меня за руку, и я, не рассуждая, перешла на бег. Мага и его подружку мы оставили лежать в разных концах пещеры, как можно дальше друг от друга. Надеюсь, сойдёт за внятный намёк... Хотя сомнительно — влюблённые женщины во всех мирах одинаково слепы, когда дело касается их драгоценных мерзавцев.

— Ну и хорошо, — пробормотал рыжий себе под нос.

Я предпочла сделать вид, что не услышала.

А между тем, дела у второй половины нашей бравой компании продвигались куда хуже. Ещё на подходах к условленному месту встречи воздух стал горячим и сухим, как в пустыне; в толще камня раздавались мощные неритмичные удары, да такие, что остаточная вибрация откликалась аж в костях. Со сводов непрерывно стекали ручейки песка и каменной крошки. В какой-то момент я оступилась, не успев подложить под ноги воздушную ступеньку, и едва не съехала в трещину; Тейт вовремя притормозил, забросил меня за спину и понёсся дальше — как в день нашей первой встречи.

Вскоре купол захватил краем несколько человек — Итасэ, Соула и с полдесятка незнакомцев. Голова у меня тут же заболела, резко и сильно. Ментальный фон буквально разрывало неслышным воем; похоже среди противников нашёлся неплохой эмпат, способный противостоять Соулу. Ни Лао, ни Орсы я не слышала, и это не внушало оптимизма.

"Пахнет кровью", — громко подумал Тейт.

Несмотря на удушающую жару, меня продрало холодком.

Ещё через двести метров купол пришлось уплотнить до предела и свернуть — иначе противостоять ментальной какофонии было уже невозможно. Я только и успела, что отправить смазанные образы: мы рядом, совсем близко.

Отклик пришёл только от Соула.

Что ж, надеюсь, по нам не ударят свои же.

— Держись, — предупредил рыжий сквозь зубы — и с разбега нырнул прямо в скалу.

Я знала, что он собирается делать, но всё равно инстинктивно зажмурилась. На секунду, не больше, честное слово... А потом оглушительно, как истребитель на взлёте, взревело бесцветное пламя.

...камень вокруг нас испарялся.

Совсем как тогда, в тренировочном кратере испепелителей — сантиметр за сантиметром, слой за слоем, как тлеет сухой лист на углях, но куда быстрее — в десять раз, в двадцать. Оставался только хрупкий каркас, причудливое кружево из стойких пород, которое беззвучно рассыпалось, стоило к нему прикоснуться. Если бы Тейт потерял контроль хоть на мгновение, я бы исчезла прежде, чем успела бы ощутить боль.

Но он справился.

В пещеру мы ворвались, незамеченные. Видимо, даже маги не ожидают нападения из толщи скалы — и напрасно, потому что уже дважды за сегодня монолитный камень показал себя не более надёжной преградой, чем обычный воздух. Я мгновенно отыскала среди беспорядочно мечущихся теней одну, ту самую, которая была источником ментальных искажений, и скинула образ рыжему:

— Давай!

Купол сделал нас невидимыми, но вряд ли надолго.

Тейт взвился в прыжке, оттолкнулся от стены, меняя направление — и обрушился на мага-телепата; это оказалась женщина, длинноносая и бритая налысо. Стоило ей упасть, и через несколько секунд всё было кончено. Плеснуло по кругу чёрным туманом, зазвенели тысячи колокольчиков — и свободные повалились куклами, сломанными и целыми.

Наступила душная предгрозовая тишина.

Итасэ стоял ровно посередине пещеры — обнажённый выше пояса и босой; волосы у него дыбом стояли, как шерсть у обозлённой дымчатой кошки, а щёки немного порозовели. Ключья тумана сползались к нему со всех сторон и шарфом обвивали плечи.

— Ты получила, что хотела, Трикси-кан? — поинтересовался Итасэ, проутюживая нас по очереди взглядом.

Я поспешила сползти со спины Тейта и разорвать эмпатическую связь. В душе тут же словно дыра образовалась; рыжий поморщился — похоже, по нему это тоже ударило.

— Более-менее. Скажем так, я узнала кое-что важное, но лучше бы не узнавала. И здесь нам делать больше нечего.

— Хорошо, — откликнулся он тоном, не обещающим ничего хорошего. — Тогда отступаем.

— А где Орса? — рискнула я спросить.

— С Лао, — отозвался Соул из глубины пещеры и с некоторым трудом продрался между двумя здоровенными валунами. — Она ранена, не уберёт, да... В клан наведались гости, и немного посильнее, чем рассчитывал лично я.

— Аринга? — вырвалось у меня.

Тейт аккуратно двинул локтем и заехал мне точно в бок. Я ойкнула и прикусила язык.

— Нет, не Аринга, — задумчиво ответил Итасэ, опуская ресницы. — Но об этом мы поговорим снаружи.

Ретироваться пришлось без промедления. Рыжий приложил руку к скале и изрёк веское: "Айры". Мне тут же вспомнились чудовищные химеры из мастерской Дорма — игольчатые зубы длинной в человеческую руку, непредсказуемые и бесшумные движения; колени позорно ослабли. Итасэ на ходу соорудил летающую платформу. У одной из развилок мы вскочили на неё, а наши безликие двойники —

моё творение и гордость — метнулись в соседний туннель, шумно топоча.

— Я расскажу о твоих успехах Шаа, — улыбнулся краешками губ Итасэ.

И подумал, быстро и смазанно: "Может, тогда мне не очень влетит".

— Слушай, а разве он не получил разрешение у мастера? — почти беззвучно шепнула я, задевая губами ухо Тейта и, поколебавшись, скинула ему образ. В конце концов, Ригуми Шаа был и моим мастером, и если Итасэ грозили неприятности, лучше бы заранее уточнить, какие именно.

Если терпение у Ригуми Шаа действительно рванёт — взрывом заденет и меня.

— Выйти из Лагона и позаботиться о тебе? Да запросто, — отмахнулся рыжий. И добавил спустя пару секунд: — А вот атаковать свободный клан — вряд ли.

Я вспомнила, какими холодными и жуткими становились светлые глаза мастера, когда он по-настоящему сердился, и невольно сглотнула. Ладно, если что — свалю всё на Эфангу, всё-таки он дал добро на мою маленькую авантюру. А если не прокатит и это... Ну не убьёт же меня Ригуми?

Впереди показался свет в конце туннеля, только почему-то красный и зловещий. Стало холоднее, повеяло озоном. Выход был затянут трескучей сеткой электрических разрядов. Итасэ, не меняя выражения лица, трансформировал платформу в пузырь и ощутило прибавил скорости.

— Тейт, — тихонько позвала я. Он, не глядя, нашёл мои пальцы и сжал ободряюще. — А какие наказания бывают в Лагоне?

Рыжий поспешно отпустил руку, сглотнул и вытер ладонь о штанину.

— Э-э... Болезненные, — уклончиво ответил он. — Такие, гм... Разнообразные.

Уточнять у меня желания не возникло.

Сквозь сетку из молний мы продрались без видимых потерь, хотя в какой-то момент почудилось, что пузырь застрял намертво. Но Итасэ просто растянул его, жестом заставил нас перейти в свободную часть — и небрежным движением отсёк заклинивший в ловушке край.

— Наконец-то свобода, — выдохнула я... и заткнулась.

Небо действительно полыхало — неестественным, густым, однотонным цветом, как венозная кровь на просвет. Ветер полностью стих, и воздух будто бы сделался густым. Запах листвы и влажной почвы стал затхлым, резким; в горле запершило.

— Что за ерунда? — восторженно поинтересовался Тейт.

Да уж, если вот такая непонятная хрень вдохновляет человека больше, чем разговоры о привычных вроде как наказаниях в Лагоне — это повод задуматься о том, стоит ли нарушать правила.

— Проблемы, — рассеянно ответил Соул. — Я ведь уже говорил, что в клан прибыли гости, да? Так вот, видимо, это не просто дальние родственники или торговцы. И даже не мастера крови, которые решили обменять пару своих подростков из побочных ветвей на чужих и немного разнообразить наследственную линию. Это настоящие дипломаты.

И замолчал, ожидая реакции. Судя по тому, как рыжий заулыбался, проблемы наши утроились, но я не совсем понимала, почему.

— Поясни.

Соул посмотрел на меня недоумённо, но почти сразу смягчился:

— Ах, да, ты же недавно в Лагоне. Дипломаты представляют обычно целый клан, поэтому это самые сильные, умные, агрессивные и жестокие маги. А как иначе добиться соглашения на своих условиях?

Я поперхнулась.

— Мм... У нас к этому подходят несколько иначе. Ценится гибкость, умение договариваться. Ну, и ум, разумеется. Тебя сильно удивит, если я скажу, что дома принадлежала к дипломатическим кругам? — осторожно добавила я, не уточняя, что стандартные обязанности переводчика-эмпата входила только поддержка миссий — сглаживание культурных противоречий и всё такое.

Формально-то по договору группу Эрнана обычно включали в списки лиц с дипломатической неприкосновенностью.

— Вообще-то не очень, — вежливо ответил Соул, опустив взгляд. — Лет через пятьдесят из тебя действительно может получиться неплохой дипломат, особенно под руководством Белого мастера. Но сейчас важнее другое. Посланцы, которые заявились сюда, представляют не отдельный клан, а союз. И они очень, очень сильны,

судя по тому, что я сумел услышать. А этот клан маленький, слабый... Любой союз строится на выгоде. Зачем посланники прибыли сюда, если здесь им не могут предложить ничего взамен?

— Если уж посланники здесь — значит, всё же могут, видимо, — откликнулась я рефлекторно, погружаясь в размышления. Политические интриги — не мой конёк, но учёба, а затем и работа сформировали определённые привычки. — Вполне вероятно, что это "сделка по неведению", и тогда клан обладает неким сокровищем, цены которому не знает. Это может быть человек, информация, вещь — да что угодно. Или они блефуют, что маловероятно, потому что у магов свои способы проверять интересные предложения. Или... Или...

— Или? — мрачно поинтересовался Итасэ, скосив на меня глаза.

Летающая платформа резко снизилась и нырнула в заросли. Ветви хлестали по невидимому щиту, но внутрь не проникали даже звуки.

В голове мелькали обрывки информации из той, страшно далёкой прошлой жизни: газетные статьи про корпорации, которые шантажировали владельцев частных домов, оказавшихся в центре огромной стройки; главы из учебника, посвящённые эпохе великих завоеваний; биография Александра Покорителя; инцидент в Чакаре с телепатом-психом...

— Или это попытка создать империю. То есть клан нужен им не сам по себе, а потому что они не делают исключения ни для кого. Все горы должны оказаться под их влиянием, никаких белых пятен, никаких свободных зон, — выдала я на одном дыхании и спроецировала перед собой корявую, весьма условную объёмную карту.

Высокая чёрная гора на периферии вспухла, поднатужилась — и выплонула комок серовато-бурого месива. Сперва оно растеклось по окрестностям, затем на мгновение замерло, точно раздумывая, и поползло дальше, сантиметр за сантиметром пожирая пространство, одновременно и к побережью, где накатывали микроскопические волны, и к белой полосе условного севера... Когда незанятым осталось одно крошечное пятно, Соул не выдержал и отвернулся.

— Убери эту гадость, Трикси-кан, — сдержанно приказал Итасэ и нахмурился.

Я послушно развеяла карту. А Тейт поймал мой взгляд и очень точно повторил скупой жест Аринги, после которого голова её

несостоявшегося союзника шмякнулась о камень.

Если... если только предположить, что такой союз действительно существует, то вряд ли Оро-Ич остался бы в стороне. Разрозненные свободные кланы — досадная помеха, а вот новое агрессивное объединение, которое жаждет стереть с лица земли и "низшую расу", обычных людей, и конкурентов из Лагона — реальная угроза. Окажись на месте мастера кто-то молодой и порывистый, он бы, скорее всего, попытался нанести упреждающий удар и избавиться от лидеров новорождённого союза.

Но не таким был Оро-Ич, этот чудовищный инкуб со своеобразным чувством юмора.

Не порывистый дурак — слишком много прожил; не агрессор — слишком умён; и тем более — не замшелый консерватор, чья осторожность граничит с трусостью... Пожалуй, я бы назвала его опасно заинтересованным наблюдателем.

Грубой силой переломить хребет союзу — не в его стиле. А вот аккуратно, в течение нескольких лет, если не десятилетий, внедрять своих агентов, постепенно заменяя верхушку — такая злая шутка вполне вписывается в рамки того, что мне известно о мастере Лагона. Ведь даже действуя напрямую, он умудрялся оставаться в тени, как в случае с этим кланом. Загадочный отшельник из диких гор, так вовремя явившийся ниоткуда и любезно согласившийся провести самый сложный ритуал для группки отщепенцев? Ну да, конечно, очень смешно... и так на него похоже.

А как он поступил с Тейтом?

Не сам разобрался с его блоками и комплексами, ни в коем случае, нет, а вытащил из другого мира меня — испуганную, растерянную — и поручил невыполнимое на первый взгляд задание. Провёл Тейта через сложную моральную дилемму, через целый лабиринт непростых решений, и между делом помог обрести самое желанное для рыжего, самое драгоценное на свете: доверие. Сломал к шраму все мои представления о мире — и обо мне самой, запугал, обнадёжил, задурил голову и аккуратно подтолкнул на верную дорожку, на которой, впрочем, запросто можно ноги переломать, зато идти так интересно!

Наверное, это и называется воспитание. И вот ведь забавная штука: даже теперь я была искренне благодарна мастеру Лагона за всё,

что он мне дал. За знания, за новую вселенную, за Тейта, в конце концов.

— Нас ищут, — процедил сквозь зубы Итасэ, окружая летучую платформу сизоватым пологом. — Надо торопиться. Не сомневаюсь, что в крайнем случае Лао и в одиночку вырвется из окружения, и девчонку вытащит, но вот мы можем и застрять тут.

— Ничего, Лао уже близко, я её чувствую, — рассеянно откликнулся Соул. — А вот Орсу — нет. Надеюсь, она просто хорошо спрятана.

Я ущипнула себя за локоть, выныривая из вязкого болота размышлений. Не время ударяться в философию, когда мы ещё не выбрались из долины. Если не сумеем, то любые рассуждения, будь они сто раз верными, окажутся бесполезны.

Трикси, соберись.

Однако несмотря на все попытки сосредоточиться на реальности, мягко говоря, недружелюбной, меня не отпускала одна мысль. Точнее жутковатое ощущение, что Оро-Ич вознамерился перевоспитать целый мир... и вполне мог в этом преуспеть.

Глава 35. Подобен дракону

Безжалостная, разрушительная стихия. Причина цветения — и увядания.

Для того, кто сумеет её приручить, станет источником величайшей силы.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Лес закончился резко. Полумрак сменился безжалостным красным светом — здесь, вблизи от стены, от него было уже не скрыться. Промелькнула под ногами полоса топкой даже с виду почвы, а дальше раскинулось огромное поле — густая высокая трава, источающая резкий озоновый запах.

— Да где же... — пробормотал Итасэ. Летящая платформа зависла, потом заложила круг и вернулась в исходную точку на границе с болотистой полосой. — Лао, покажись!

Мы спустились совсем низко. Не отставая от остальных, я старательно вертела головой по сторонам и вслушивалась в ментальный фон. Лао был где-то близко, буквально в нескольких шагах, но его присутствие казалось размытым, как отражение в запотевшем зеркале...

Из травяного моря вынырнула рука и обхватила Итасэ за щиколотку.

Я не заорала только потому, что это сделал он сам, смешным тоненьким голосом, а потом процедил сквозь зубы:

— Сдохни! Я же просил так не делать! — На Итасэ смотреть было жутко, но Лао только безмятежно улыбнулся, выныривая из травы. — Какого фаркана?

— Не могу удержаться, — фыркнул тот и, подтянувшись, запрыгнул на платформу. Под мышкой у него, как тряпичная кукла, болталась Орсэ. — Вас преследуют. Надо спрыгнуть, я покажу, где. А платформу пустить своим ходом в другую сторону.

— Думаешь, их это обманет? — скептически произнёс Итасэ, однако изменил курс, ориентируясь на указания Лао.

— Время выиграем — уже хорошо, — последовал неопределённый ответ.

Выражение его лица мне очень не понравилось. Слишком уж он напоминал Тейта перед серьёзной дракой — полная сосредоточенность в сочетании с сияющей улыбкой.

Платформа снизилась, срезая верхушки травы; резкий озоновый запах усилился почти до горечи и стал отдавать металлом.

— Что с Орсой? — спросил вдруг Соул тихо и невнятно, глядя в сторону, на всё приближающийся край поля — и пульсирующий алый купол, закрывающий выходы из долины.

— Жива, — мягко ответил Лао и свободной рукой отвёл волосы с лица девчонки, открывая восково-белый лоб и запавшие глаза. — Мы доберёмся до Лагона и попросим помощи у созидających совершенство. Пока я рядом, ни один ребёнок не умрёт.

Соул резко выдохнул в ладони, сложенные лодочкой, точно пытаюсь задержать ускользящее спокойствие, и с усилием помассировал пальцами виски.

— Ты даже не знаешь, что с ней.

— Смертью она не пахнет.

Соул стиснул кулаки.

Ох... Не слишком обстоятельный ответ. По крайней мере, не тот, что нужен любящему брату, который с ума сходит от беспокойства. И, как назло, медиков среди нас нет... Ну, почти.

Я рефлекторно облизнула губы, потом всё-таки решилась:

— У меня... Соул, я биокинетик, очень-очень слабый, но на первичную диагностику меня хватит, наверное. Хочешь, я посмотрю, что с ней?

Он моргнул, приходя в себя. На поверхности сознания промелькнуло нечто вроде стыда: негоже старшему показывать беспокойство и пугать младших, соберись.

— Всех подмастерьев понемножку учат созидające совершенство. Мы ведь сопровождаем учеников за пределами Лагона, я не говорил, нет? Кажется, не говорил... Но если ты думаешь, что можешь помочь — действуй.

Промедлить или сдать назад мне не позволил Тейт — ткнул мне кулаком в спину, то ли подбадривая, то ли подгоняя. Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться случайно, и взяла Орсу за руку.

Биокинез первой ступени — в общем-то, бесполезная штука для окружающих. Да, я могла затянуть на себе неглубокие царапины, при доле везения "размассировать" небольшие синяки, вернуть в норму гормональный фон и так далее, но вот залечить даже поверхностную ссадину или "слепить" края чистого и ровного пореза на ком-то другом было мне уже не под силу. Сюда бы маму, биокинетик пятой ступени способен пациента даже с того света вытащить, если прошло не слишком много времени...

Ладно. На простенькую диагностику моих сил должно хватить, учитывая обширную практику последних месяцев, спасибо бодрящему темпу лагонской жизни. Я крепче сжала безвольную, мягкую ладонь девчонки и сосредоточилась на своих ощущениях.

...биокинез низких ступеней немного напоминал эмпатию.

Разница заключалась в том, что эмпатическая диагностика работала, если человек был в сознании и понимал, что с ним происходит. Грубо говоря, можно заметить головную боль у человека, даже если он делает вид, что чувствует себя великолепно. А вот биокинетик пойдёт чуть дальше и разберётся, в повышенном или в пониженном давлении дело... Ну, это если очень грубо.

Орса была в относительном порядке — и с эмпатической, и с биокинетической точки зрения. Неглубокая рана на бедре не представляла опасности — крупные сосуды не задеты, если зараза не попадёт, можно несколько дней протянуть и без врачебной помощи. Рассечённая кожа на затылке — неприятно, но тоже не страшно; наверное, Орса ударилась, когда падала. Больше вроде бы никаких повреждений, но текущее состояние нормальным не назовёшь...

— Она сейчас как будто под общим наркозом, — с удивлением произнесла я вслух, выпуская руку девчонки. — Сознание не фиксируется, функции организма подавлены, но при этом система... самоподдерживающаяся. Если не будет серьёзной встряски, Орса спокойно протянет ещё несколько дней на внутренних ресурсах. Но кое-что ставит меня в тупик. Совокупность эндокринных и метаболических процессов, уровень стресс-гормонов, в том числе "вещества Р", указывает на взрывное развитие стресс-ответа...

Соул поморщился.

— Трикси. Хоть я и подмастерье из ложи внимающих и поющих, а мой мастер — сам Эфанга, я сейчас не очень-то понимаю, чему,

собственно, внимаю.

Щёки у меня вспыхнули.

— Если упростить, то какое-то время назад Орсе было очень больно. Так невыносимо больно, что от этого свихнуться можно, но никаких повреждений нет. Словно кто-то заставил её болевые рецепторы свихнуться...

В горле у меня пересохло, и пришлось замолчать. Наверное, я слишком ярко представила, что с ней происходило.

— Мы шли через пещеру. Маги подобрались неслышно, они могли бы застать нас врасплох, но нам повезло. Орса не слушалась брата, носилась из стороны в сторону и случайно задела одного из магов. И закричала, — тихо произнёс Лао и, улучив момент, успокаивающе погладил меня по волосам. — Я заставил её уснуть. Она жива, и это хорошо. И мы живы тоже.

Как ни странно, Соул успокоился. Возможно, конечно, что подействовали мои слова, но, скорее всего, даже подмастерью было не под силу паниковать в присутствии Лао.

А потом стало не до Орсы, как бы цинично это ни звучало.

Платформа-приманка, всё увеличивая скорость, понеслась на другой край долины и, по примерным прикидкам, должна была врезаться в алый барьер через четверть часа. Призраки на борту носили наши ботинки и шарфы: даже если на создание полноценных двойников времени не хватило, запах и материя могли бы сбить преследователей с толку... при определённой доле везения. Точнее, при значительной доле, учитывая, что враг явно обладал колоссальной силой неизвестной природы, а у нас на руках была раненая девчонка, отчаянно нуждающаяся если не в срочном лечении, то хотя бы в покое.

Я оглянулась назад.

Там, вдали, лес потрескивал, точно что-то огромное металось из стороны в стороны, ломая ветви, чёрные и багровые... мёртвые. В абсолютном, удушающем безветрии трава слегка колыхалась, как живая, и сухой шелест отдавался озоновым холодком где-то внутри. Отпечатки босых ног в топкой почве быстро наполнялись водой, отражающей сюрреалистически красное небо. Останавливаться нельзя; замедлишься немного — и увязнешь, как в болоте. Условно-безопасное плато начиналось чуть дальше, всего в каких-то ста метрах — за алым барьером.

Вблизи он вызывал тошноту.

Казалось бы, ничего особенно жуткого: стена изменчивого, колеблющегося света, внутри которой всё становится красным. Не окрашивается в этот цвет, а точно лишается всех других — и земля, и бочажки с водой, и изъеденные, обветренные валуны, точно фрагмент пространства грубо обработали в графическом редакторе. И там, в пределах монохромной территории, не было ничего живого — ни лозы, ни травинки, ни даже вспученного древесного корня.

Откуда-то сильно несло мертвечиной.

— Есть идеи, что это может быть? — ровным голосом спросил Итасэ, и я поняла, что у нас проблемы.

Если даже любимый ученик Ригуми Шаа не в курсе...

— Без понятия! — откликнулся Тейт жизнерадостно. — Но если кто-то до этой хрени дотронется, то её создатель сразу примчится. Ну, я б именно такую ловушку и делал.

— Сейчас узнаем, — коротко ответил Итасэ и сощурился, выглядывая что-то за моим плечом. — Моя платформа с обманкой вот-вот достигнет другого края долины... А, вот и она.

С моей точки зрения ничего не произошло: красный барьер никак не изменился, может, дрогнул немного. Но Итасэ выругался сквозь зубы, а Тейт восхищённо присвистнул.

— Круто, да. На что стена взбрыкнула? На магию?

— На кровь, — буркнул Итасэ и уставился на барьер, как на своего личного врага, и разочарованно цокнул языком. — Видимо, они предполагали, что мы додумаемся до отвлекающего жеста, поэтому магию исключили. Ненавижу хитрецов.

— Ну, лучше хитрецы, чем старательные дураки, — оптимистически возразил рыжий. — Дураки бы сделали барьер, который откликается на всё подряд, а не только на кровь и плоть. А эти вон захотели себе жизнь облегчить, чтоб не скакать лишний раз туда-сюда, ну, значит, в барьер можно тыкать магией.

Итасэ отступил на полшага, так, чтобы не стоять между Тейтом и стеной, и любезно предложил:

— Тыкай. А я посмотрю.

У меня появилось чувство дежавю. Всё это было совсем недавно: долина-ловушка, непроницаемый барьер... Но сейчас что-то казалось неправильным.

— Ран-кан, а как отреагировала стена? — шепнула я, не поворачивая головы.

Тейт сосредоточился, готовясь к атаке; воздух вокруг него задрожал — и словно очистился от гнилостных красных отсветов.

— Она захлопнулась, — так же тихо ответил Итасэ. Он зябко обхватил себя руками, бессознательно защищаясь, но почти сразу же совладал с чувствами и с деланой уверенностью расправил плечи. — Как коробка. Красный свет откликается на кровь и, скорее всего, на плоть. Дотронешься — и окажешься в ловушке.

— Значит, единственный выход — пробиться наружу магией?

— Или создать своё пространство, как Шаа. — Итасэ не произнёс — выдохнул имя учителя, и болезненно скривился. — Я умею. Но медленно. Мы не успеем, а если начнётся бой...

Он не договорил — просто перевёл взгляд на Орсу. Мне этого было достаточно.

Тейт ударил без предупреждения. Бесцветное пламя выплеснулось перед ним, с гудением пожирая почву и камни, облизнуло языком подножье скалы — и угасло. Я вглядывалась до боли в алый барьер, но он оставался неизменным: яркий, сюрреалистический, тошнотворный.

— Не действует, — подытожил рыжий с необычной для него задумчивостью. — А если так?

Он гибко наклонился, подцепил комок грязи и швырнул в алую стену. Ошмётки пролетел только до середины и рассыпался, истлевая прямо в воздухе. За грязью последовал камень — и удачно, преодолев препятствие, ударился о выступ скалы и раскололся. Наклонённая травинка, попав в зону действия света, сначала неожиданно выпустила метёлку-соцветие, затем покрылась мелкими белёсыми зёрнами — и истлела, причём всё заняло чуть больше секунды.

— Живое и то, что сделано из живого, разрушается быстрее, — коротко подытожил Тейт.

— А если прокопать ход? — спросил Соул.

Итасэ протянул руку и загнал под землю несколько серых ключев тумана, выждал и ответил:

— Оно распространяется и в глубине. Сам свет я не чувствую, но мёртвую полосу — да. В обход пройти не получится.

Глаза у Соула стали стеклянными.

— Хм... Могу ошибаться, но я читал о чём-то подобном...

— В свитке о магических таинствах? — почти безнадежно уточнил Итасэ.

— В трактате о древней поэзии.

Тейт уткнулся мне в плечо и затрясся. Взглядом Итасэ можно было рыбу морозить. Соула, впрочем, этонисколько не смутило, и он продолжил так же рассеянно и отстранённо:

— Но я пока не уверен. Если бы можно было понаблюдать за тем, как свет воздействует на живое существо...

Рыжий отлепился от моего плеча и сверкнул глазами:

— Айр сгодится?

— Вполне.

— Только быстро, — предупредил Итасэ, но Тейт уже юркнул в траву.

Несколько минут у алого барьера тянулись и тянулись, как несколько часов. Наконец заросли зашевелились, и явился рыжий — встрепанный, перемазанный в грязи и с какой-то здоровенной змеюкой под мышкой.

— Шпион, — пояснил он. — Их тут тьма, я ещё в прошлый раз заметил, когда Трикси вытаскивал. Подойдёт?

Змеюка слабо трепыхнулась и попыталась растопырить на голове полупрозрачный плёночный веер.

— Судя по виду, этот айр нуждается в пище, — непонятно чему обрадовался Соул и широким жестом обвёл барьер: — Кидай.

Рыжий перехватил айра за хвост, крутанул — и швырнул в барьер так же легко, как горстку грязи чуть раньше. Змеюка шлёпнулась на землю, извернулась и обмякла, а веер из розоватой плёнки бессильно сложился. С каждой секундой кожа всё плотнее облекала кости, точно плоть истаивала на глазах... В какой-то момент айр перестал дёргаться.

"Издых, что ли?" — пронеслось у меня в голове.

Кожа расползлась, истлевая; показались частые тонкие рёбра.

К горлу подкатила тошнота, и я отвернулась.

Позади выросла такая же алая стена.

И сбоку.

Везде.

Ох, шрах...

— Значит, на плоть айров стена тоже реагирует, — удивительно спокойно произнёс Соул и улыбнулся. — Ошибка вышла, гм... Похоже, мы в ловушке. И, да, я понял, с чем мы имеем дело. Это время. Вот только ни маги Лагона, ни свободные кланы не умеют его укрощать, так что я не знаю, как выбраться.

А я похолодела.

Мне удивительно чётко представилась старуха из долины — сморщенная, иссохшая, сгорбленная, невысказанно дряхлая для Лагона. Старуха, которая отправилась за океан, едва не погибла там и вернулась.

Кажется, я знала, откуда явилась магия, повелевающая временем.

— Материк смерти, — язык у меня заплетался. — Материк смерти, понимаете, они же пришли оттуда. Та отшельница, она же не просто так постарела...

Соул, который поначалу внимательно слушал, вдруг отвернулся, глядя поверх моего плеча. И Лао, и затем Итасэ, и последним — Тейт. В его зрачках, расширенных, похожих на ониксовые зеркала, плескался красный свет, и нечто надвигалось, неторопливое, источающее ленивую уверенность пресыщенного хищника.

Мы в ловушке, из которой невозможно выбраться без потерь.

От внезапного осознания кости стали какими-то резиновыми, и выступила холодная испарина на спине. А потом Тейт вдруг улыбнулся.

— Я сейчас ударю, — сказал он спокойно. Алые отсветы в его глазах колыхались, как паруса, раздуваемые inferнальным ветром. — Так сильно и далеко, как смогу. По хозяину этой штуки. Может, нам повезёт, и она не схлопнется после его смерти. А Итасэ использует время, чтобы пробиться наружу. Ты же сказал, что можешь, да? — Уголки губ у него поползли выше, выше, превращая полуулыбку в оскал. — Вот и попробуй.

Мне хотелось зажмуриться и зажать уши, потому что я уже видела, как наяву, вспыхнувшее поле, слышала треск пожара. Резкий озоновый запах прогорк от иллюзорного дыма, и в горле запершило.

Соул медленно опустился на колени рядом с сестрой и очень, очень нежно подтянул девочку к себе, обнимая пристраивая её голову на своём плече.

— Предлагаешь рискнуть? — спросил он отрешённо. — Ты изменён у созидающих совершенство и менее уязвим. Я тоже. У нас больше шансов, да... Орса ничего в себе не меняла.

У Тейта проступила голубоватая венка на виске.

— Нельзя просто ждать.

— Танеси Тейт, скажи, а Трикси изменяла себя у созидающих совершенство? Она сумеет пройти сквозь время?

— Нельзя просто ждать!

На дальнем краю поля поднялась волна, точно что-то плавно перетекало под травой. Алые световые стены накренились, с шипением пожирая пространство. Мои ноги погрузились в топь уже до щиколотки; даже попытка шагнуть требовала чудовищного напряжения сил. Соул сидел, прижимая к себе сестру, и его лицо с каждой секундой всё больше напоминало гипсовую маску. А взгляд у Тейта пылал, и воздух вокруг обернулся дрожащим, жарким маревом...

Лао проскользнул между этими двумя, как серебряный ветер, как перо невесомой сказочной птицы, которую видят только поэты и дети.

— Я же сказал, что никто не умрёт, — улыбнулся он краешками губ — и шагнул прямо в алый барьер.

Нет-нет-нет-нет-нет!

Я захлебнулась вскриком, вздохом, зажала себе рот руками, ринулась следом — и упала на колени, увязнув в болотистой почве.

Лао не изменился ни на йоту.

Он словно существовал вне злого алого света, оставался незапятнанным им — светлые одежды, заляпанные грязью понизу; лишь немного тронутая загаром кожа; пепельно-русые волосы; глаза неуловимого, нездешнего оттенка — ясно-серые, серебряные, с тонким зелёным ободком.

А в глубине зрачков билась гроза.

— Ты был прав, Соул, — певуче произнёс Лао и поднял руку, рассматривая собственную кисть точно впервые. — Это время. Оно имеет власть над всем — материей, чувством, над живым и неживым... Но над тем, чего ещё нет, над самой возможностью быть, оно власти не имеет. А я — возможность.

Трико на коленях промокло от болотной жижи, плечи свело напряжением, в висках поселилась мерзкая колющая боль —

предупреждение о том, что враги всё ближе, и мысли их полны крови.

А я рассмеялась, потому что наконец поняла, кого он напоминал.

— "Известно, как птица может летать, рыба плыть, а зверь бежать. Но тот, кто бежит, может попасть в западню, тот, кто плывёт — угодить на крючок, а тот, кто летает, может быть застрелен в воздухе. Но как дракон устремляется по ветру и облакам и подымается в небеса, я не постигаю", — процитировала я нараспев. Мне стало спокойно. — Ты дракон, да?

Лао склонил голову к плечу, лукаво улыбаясь.

— Скорее, тот, кто подобен дракону.

— Кто-то собирался хранить секреты, а? — проворчал Итасэ. Несмотря на тон и насупленные брови, лицо у него посветлело. — Вытащи уже нас отсюда. Если тебе под силу было вернуть меня... гм, оттуда, куда я сам себя загнал, то какое-то там время — вообще ерунда.

Лао сощурился, глядя поверх наших голов то ли на поле, то ли на незримого, но неотвратимо наступающего врага.

— Не в этом теле.

И — исчез.

Я заозиралась по сторонам.

Алые барьеры теперь сдвигались быстрее; наша клетка с каждым ударом сердца становилась меньше на шаг. Соул поднялся, шатаясь, и крепче прижал к себе сестру. Тейт прикрыл глаза, чтобы слух обострился, и настороженно ловил каждый звук. Итасэ... Итасэ выглядел как человек, который размышляет, стоя на бортике пиратского корабля, кто дружелюбнее: акулы внизу или те милые невымытые джентльмены, которые тыкают ему саблями в спину.

А потом с абсолютно ясного неба ударила молния, с треском раскалывая барьер.

Нет, не так.

Пролился поток молний — и расплескался о землю. Голову повело от ароматов, давно знакомых, но в такой концентрации почти наркотических: раскалённый камень, грозная свежесть, ливень и снег. Как в замедленной съёмке, я видела, что молнии закручиваются в спираль, сливаются плотно, обращаясь в сияющую реку, в ярость столь светлую, лёгкую и нежную, что её можно принять за благословение; в

силу столь огромную, что её легко перепутать с гневом просто потому, что всё большое пугает... И этот поток хлынул, накрывая нас.

В последнюю секунду мне померещились глаза, насмешливо прищуренные — серебряные зеркала с тёмно-зелёной каймой.

И пасть с тысячью кинжально острых зубов.

"А он правда мог бы обернуться вокруг земли. Или проглотить солнце", — подумала я.

"Нас сожрут!" — с восторгом подумал Тейт.

"Всё-таки потрясающая женщина", — подумал Соул.

У Итасэ в голове промелькнул какой-то непере译имый лексический парадокс, а потом нас всех действительно съели.

И времени не стало.

Наверное, если бы не купол, это показалось бы мне коротким мигом забытья. Но эмпатия протянула призрачный мостик между моим разумом — и тем невообразимым существом, которым был Лао. Если он назвал себя подобием дракона, то я стала тенью подобия, отражением в мутном стекле.

Возможность быть...

Времени действительно не существовало. Будущее — то, чего ещё нет; прошлое — то, что уже ушло. Настоящее — множество путей, разбегающихся от твоих ног, призрачных перспектив, иллюзий и противоречий.

Калейдоскоп возможностей, который изменяет воля.

"Наверное, с этой точки зрения, — промелькнуло у меня в голове, — вопрос о гендерной принадлежности действительно кажется Лао смешным. Трудновато решить, мужчина ты или всё-таки женщина, если ты на самом деле — поток молний".

А потом я отключилась.

Мне привиделся дядя Эрнан.

— Кажется, — мечтательно протянул он, — я пропустил нечто потрясающее.

Судя по тому, что отголоски головной боли проникали даже в наше общее пространство сна, пробуждение предстояло весёленькое. Всё-таки контакт с принципиально чуждым сознанием — не лучшее развлечение для телепата средней руки. Сколько идиотов загремело в

больницу, попытавшись наладить ментальную связь с обожаемой кошечкой или собачкой — не сосчитать. А тут даже не домашний питомец, в общем понятный, а целый дракон.

— Я бы обошлась без потрясений, честно говоря.

— Это всё возраст, — улыбнулся бессовестно молодой Эрнан и поправил сползающую на лоб бандану с жизнерадостно оскаленными черепами. — Вот станешь постарше — научишься ценить события и явления, которые способны тебя удивить.

Пространство сна, реагируя на моё эмоциональное состояние, поросло кислотно-синим гаюсом и наполнилось многозначительно ухмыляющимся призраками Оро-Ича. Где-то далеко на периферии интригуяще подмигивали взрывы.

Я оглядела изменчивые пейзажи, усилием воли развеяла половину идолоподобных инкубов и мрачно посулила:

— Вот спорим на шоколадку, что, окажись ты на моём месте, резко изменишь мнение?

— Спор бессмысленный, поскольку носит сугубо теоретический характер, — легкомысленно отмахнулся Эрнан. И вдруг посерьёзnel: — Не думай, что мы бросили тебя. Все ищут способ пробиться в этот твой Лагон — и Дейдра, и Фил, и мальчики, и Нэсс.

Конечно, у чистого сознания нет ни лёгких, ни горла, но внезапно мне стало трудно дышать. Если человек исчезал при неустановленных обстоятельствах с применением псионических или иных сверхчеловеческих способностей, по закону через три года его признавали мёртвым. Судя по дядиным оговоркам, время в моём родном мире шло немного быстрее, так что час икс был уже не за горами.

И всё же мать с отцом ещё не сдались. И Тони, и Кевин, и даже сестра! Хотя, честно говоря, сложно представить, какая польза, к примеру, от пирокинетка, когда речь заходит о путешествиях между мирами.

— Передавай им, что я в порядке, — мне с трудом удалось закончить фразу. — А как там Лоран?

Улыбка у дяди Эрнана стала разбойничьей.

— Собиралась назвать в честь тебя дочь, но внезапно родился мальчик. Теперь думает, как переименовать имя "Трикси" для мальчишки, чтобы звучало посерьёзней. Впрочем, если судить по первым

псионическим тестам, и так найдётся немного желающих дразнить телекинетика и телепата.

Я мысленно прокрутила сказанное ещё раз — и оторопела.

— Погоди. Ты же не хочешь сказать, что Лоран...

От переизбытка шокирующей информации общее ментальное пространство пошло разноцветными пикселями, а затем распалось. Меня, как в воронку водоворота, затянуло в обычный сон, а затем выплюнуло в реальность — с чудовищной головной болью.

Расстилающийся вокруг горный пейзаж красноречиво намекал на то, что наше спешное бегство кончилось в лучшем случае на полпути к Лагону, а мягкое гнездо из одеял на голой сырой скале подсказывало, что Итасэ пережил путешествие гораздо лучше некоторых не в меру любопытных эмпатов... Так, замечательно, дедукция вроде работает — значит, опрометчивая попытка познать принципиально чуждый разум непоправимого вреда моей голове не нанесла.

Тейт навис надо мной, закрывая половину закатного неба.

— Ты как?

— Прикидываю, какая новость более удивительная: что в нашу тёплую компанию затесался дракон из другого мира, игнорирующий концепцию времени, или что я стала тётей.

— Конечно, про Лао! Лао крут! — с энтузиазмом откликнулся рыжий, заставляя меня поморщиться: громкие звуки спровоцировали очередную волну тошнотворной слабости и колотья в висках. — Я тоже так хочу, как думаешь, научусь?

Я с трудом села, опираясь на его руку. Пейзаж вокруг расстилался безрадостный — горы, горы, горы, красные, чёрные, белые, причудливо изрезанные склоны, фантазмагорически накрённые пики. Словом, однообразнее некуда — по лагонским меркам.

— "Так" — это как? Существовать вне времени, стать живым парадоксом? — уточнила я со вздохом.

Тейт ослабился, как идиот:

— Это нестись через горы, чтобы всё вокруг трещало, молнии там, вспышки везде, враги — по канавам, а мне весело!

Ну, кто бы сомневался.

— Если наличие молний — вопрос не принципиальный, то ты и сейчас уже запросто можешь устроить нечто подобное, — уверила я

его.

Рыжий сначала сделал вид, что страшно польщён, потом засмеялся и шутливо боднул меня в плечо. И тут послышалось вкрадчивое:

— Говорить то, что твой друг желает услышать, и в то же время не лукавить — желанный талант.

Это был Лао.

Сейчас, после всего, что случилось, смотреть на него было неловко. Как в дурацком фильме, где парень на первом свидании старательно распускает хвост и хвастается тем, что якобы имеет отношение к кино и даже где-то сыграл в массовке, а потом выясняется, что его девушка вообще-то мега-звезда, только инкогнито. Нет, разумеется, я не бахвалилась и чушь не несла, но всё равно оказалась этакой скучной мешанкой, не разглядевшей чудо.

— В тебе говорит гордость, — улыбнулся Лао, по-птичьему склонив голову к плечу. — Но ты умнее её. Это пройдёт.

Я машинально нашла руку Тейта и стиснула.

— Читаешь мысли?

— Нет. Просто у Рана было такое же выражение лица, когда он узнал мою тайну.

— Мы настолько похожи? — ужаснулась я.

И рыжий, предатель, уставился на меня круглыми глазами — и расхохотался. В первую секунду мне стало ещё хуже, и захотелось ему врезать, но затем парадоксальным образом полегчало. Смех вообще обладает чудесным свойством — снимать любую неловкость, особенно такой, искренний и наполненный странным чувством почти родственного обожания: вот же, радость моя, какую фигню ты сморозила. А если одновременно тебя гладит по волосам самое невероятное существо в мире, по крайней мере, в этом, то у хандры вообще не остаётся никаких шансов.

— Лао, а если серьёзно... Кто ты? — спросила я тихо, надеясь отчасти, что он не услышит.

Ответ, тем не менее, последовал не сразу. Лао сел, подогнув под себя одну ногу, и зачерпнул горстку мелких камешков, а потом начал медленно-медленно высыпать — тоненьким шелестящим ручейком. Я следила, как зачарованная, хотя чего уж там — руки как руки,

красивые, но обветренные, на указательном пальце ноготь сломан, на запястье царапина, будто ворсистая нитка кругом обвязана...

Обычная человеческая рука, если забыть, конечно, что кусок скалы она только что зачерпнула, как сухой песок на берегу, походя размалывая на мелкие камешки.

— Мы же вроде бы остановились на драконе, — словно бы с сомнением произнёс Лао. Уголки губ у него подрагивали.

Тейт обнял меня, безмолвно обещая поддержку, и пристроил подбородок на моём плече. Я глубоко вздохнула и переформулировала вопрос:

— Откуда ты здесь? И к чему стремишься?

— Меня призвали, — ответил Лао без улыбки. — Так же, как и тебя. С той разницей, что меня тогда даже нельзя было назвать существом, осознающим собственное "я". Такие, как я... Мой народ? — задумчиво протянул он, словно пробуя слова на вкус. — Словом, мы не подвластны времени. Взрослее нас делает только опыт, а его не так уж легко получить, когда мир баюкает тебя на ладонях, любит тебя и шепчет: "Спи, мне нравятся твои сны". Но вот мой сон был прерван грубо и глупо. Моим первым чувством был гнев — наверное, он сродни плачу или крику у новорождённого человеческого младенца. Меня призвали, навязали мне человеческое тело — неслыханная наглость! — он рассмеялся, суховато, непохоже на самого себя. — Затем пришли другие чувства. Сожаление об убийстве, радость бытия и осознание: я есть, и я себе нравлюсь, быть мной — хорошо. И ещё — желание принести этому миру подарок равноценный тому, что он сделал для меня.

— Подарок тебе — гнев? — недоверчиво переспросила я.

Ладонь его разжалась; на скалу просыпались уже не мелкие камешки — пыль.

— Нет. Волю... и понимание своей природы. Быть самой возможностью — значит выбирать любую дорогу из бесконечного множества вариантов. Власть над временем — как власть над высотой, — вдруг прищурился он насмешливо, точно подначивая меня. — Ты не игнорируешь само понятие высоты — ты не можешь упасть и летишь, куда пожелаешь. Нет страха, есть свобода, а значит — счастье. Вот это счастье мне и захотелось вернуть.

Хотя солнце к этому моменту уже скрылось за горизонтом, скалы вокруг были залиты светом; он не исходил ниоткуда — просто был. Я дышала полной грудью; головная боль отступила, и сознание даже не зафиксировало, когда это произошло.

Чудился запах грозы.

— Счастье — хорошая цель, особенно когда его даришь кому-то, — авторитетно заявил Тейт и добавил требовательно: — А дальше? Интересно же!

— А дальше пришлось выбрать имя, — мечтательно улыбнулся Лао. — Первое, Ренгиса, раньше принадлежало человеку, который призвал меня. Вместе с самим именем пришли желанные дары, заключённые в нём: умение помнить и принадлежность этому миру. Но и нежеланные тоже — скрытность, честолюбие, жестокость. Нужно было что-то, уравновешивающее первое имя. Мой народ... Мы решаем такие вопросы очень просто: надо окинуть взглядом бесконечное множество путей и выбрать. И мне понравилось имя, которое дала мне ты.

В первую секунду я даже не поняла, что он имеет в виду.

— Но я же не...

— Ты — да, — спокойно возразил Лао. — Когда время поймало нас в ловушку, ты вспомнила о древнем философе, подобном дракону. Мне это понравилось: он любил парадоксы, а возможность быть — и есть парадокс. Так я стал Ренгисой Лао.

Голову повело.

Он взял имя, которое я дала ему, ещё до встречи со мной?

Ох...

— Так, секунду, — я подняла руки, прося пощады. — Кажется, я только что осознала, что значит быть существом, над которым не властно время. И это немного слишком для меня, хотя, конечно, большое спасибо, опыт не помешает... Так что насчёт подарка миру? — попыталась я сменить тему ради сохранности собственного рассудка.

Лао оглянулся и вдруг подался к нам с заговорщическим видом, шепча:

— О, а вот здесь начинается кое-что интересное. Этот мир очень добр — даже после всего, что маги сотворили, он заботится о них. Этот мир деятелен — его не слушали, и тогда он научился говорить

напрямую, через людей. И мне показалось, что такому миру очень не хватает друга, равного — так почему бы не подарить ему идеального правителя? О, мои поиски были нелёгкими... Они привели в Лагон. А кто может стать лучшим правителем и другом мира, чем мечта о счастье, воплощённая поэтом?

Он многозначительно умолк и из-под ресниц посмотрел на обрыв. И через один, два, три, четыре... через пять мучительно медленных ударов сердца над краем скалы показалась голова явно недовольной чем-то мечты; мягкие серые волосы окружали лицо колышущимся ореолом, точно у русалки на дне морском.

Или у прекрасного колдуна-утопленника.

— А вы не торопитесь. Видимо, слишком уютно, — произнёс Итасэ Ран с убийственной иронией. Один взгляд искоса — и гнездо из одеял подо мной испарилось, и я с ойканьем шлёпнулась на камень. — Я закончил с платформой. Можем возвращаться в Лагон, и чем быстрее, тем лучше. Орсе нужна помощь. Тейт-кан, твой айр ещё не вернулся?

— Шекки нас нагонит, — уверенно откликнулся рыжий и, ползком добравшись до края скалы, свесился, разглядывая что-то внизу. — Ух ты! Крутая платформа. Можно, я буду спать на той красной штуке? Она мягкая?

Итасэ закатил глаза, видимо, не отыскав слов, в полной мере выражающих его чувства, и скрылся под обрывом. Через мгновение туда же легко спрыгнул и Лао.

Я замешкалась; уголки губ саднило, так хотелось улыбаться. Не к месту, совершенно не к месту... Из множества сказок о принце, драконе и принцессе мне всегда нравилась та, в которой принцесса подружилась с драконом.

Вот уж никогда не думала, что сказки сбываются.

Глава 36. Сделка по неведению

*Желанный гость, который задержался против собственной воли,
но к вящему удовольствию хозяина.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Признаюсь, история Лагона мне известна не слишком хорошо. Но вряд ли так уж много было учеников, которых по возвращении встречали бы сразу четверо мастеров во главе с самим Оро-Ичем.

Честно говоря, не самое приятное ощущение.

— Может, не будем спускаться? — на удивление тихо и задумчиво предложил Тейт, перевесившись через край.

Зеваки, которые обычно как на представление в цирке приходили встречать вернувшихся с вылазки учеников, рассредоточились на дальнем радиусе — у холма, за густыми зарослями хотты, под деревьями. Видимо, не рисковали приближаться к мастерам.

Что ж, разумно.

Я невольно залюбовалась на живописную компанию внизу: Чирерори носился из стороны в сторону, окутанный целыми облаками голубых тканей; Эфанга смачно откусывал от зелёного стебля в девичью руку толщиной, поглядывая в небо; Таппа хлопал Ригуми Шаа по плечу и выговаривал что-то примирительным, опасливым тоном — издали, разумеется, ни звука не доносилось, но ментальный фон звучал более чем красноречиво.

Центром этой восхитительной композиции был сам мастер Лагона, раскинувшийся во мхах, как огромная синяя звезда о восьми лучах...

"Вроде бы раньше у него щупалец было меньше?" — засомневалась я. Но вслух спросила другое:

— Ты же, кажется, любишь экстрим?

Рыжий мрачно засопел.

— Я люблю ввязываться во что-то опасное и побеждать, чтоб меня все считали крутым. А не сидеть целый сет на пятках и слушать, какой я тупой фаркан, и потом ещё работу какую-нибудь дурацкую делать.

— Как хорошо живётся тем, кого страшит нудная, глупая работа, — пробормотал Итасэ, цветом лица сравниваясь с призраками усопших. — Получить в наказание скуку — не худший вариант.

— Может, тогда развернёмся и обратно дёрнем, а? — вскинулся Тейт с надеждой, обретая неожиданного единомышленника.

— Поздно, — вздохнул Итасэ и принял подозрительно смелый и независимый вид. — Я уже три ката не управляю платформой. А Шаа явно желает, чтобы мы поскорее опустились на землю.

Тейт глубоко вздохнул, зажмурился на секунду... а потом улыбнулся так светло и радостно, что солнце, посрамлённое, скрылось за тучей.

— Ну, ладно, — жизнерадостно заявил он. — Все помнят, что я дурак, да? Нет? Значит, напомню!

Платформа слегка замедлила скорость, снижаясь. И, когда до поверхности оставалось метров пятнадцать, Тейт лихо перемахнул через край, с грохотом приземлился в языках огня, оставив небольшой выжженный кратер, в три длинных прыжка преодолел расстояние до мастера Лагона — и прыгнул ему на грудь с воплем:

— Я сделал что-то охрененно крутое!

Не допрыгнул, конечно.

Оро-Ич привстал ему навстречу — совсем чуть-чуть, лениво и не особенно торопясь — и перехватил его щупальцем прямо в воздухе. Тейта это, впрочем, ничуть не смутило. Он продолжал взахлёб вещать о пламени, взрывах и драках, и болтаясь подвешенным за ногу.

— Танеси Тейт, твои приключения мне... — вкрадчиво пропел мастер Лагона — но закончить не смог. Рыжий затараторил ещё громче и быстрее:

— ...а потом я побежал прямо в стену, и пламя слушалось, прямо такое — у-у-у, и камень — всё, в прах, а я туда, а потом в пещеру, а там... м-м-м!

Щупальце свернулось, закатывая Тейта в синий кокон — азартно мычащий и дрыгающий свободной ногой. Оро-Ич, впрочем, не сердился — он уже откровенно веселился.

— Достаточно, Танеси Тейт. Считай, что ты сумел заинтересовать меня — мы поговорим, о, да... Соул, ты ступай к созидающим совершенство, в мастерскую Аноры Лэккен, подмастерья займутся твоей сестрой. — Не говоря ни слова, Соул спрыгнул с платформы,

прижимая Орсу к груди, и нырнул в заросли — кажется, он хорошо знал дорогу к нужной мастерской. — И, Трикси Бланш, тебя я тоже ожидаю — на закате.

Мной овладели дурные предчувствия, но хватило одного взгляда на Ригуми Шаа, чтобы они превратились в ещё более дурную надежду.

Что ж, хотя бы до вечера я доживу с гарантией. Не станет же мой мастер расстраивать Оро-Ича?

— Трикси Бланш цела и невредима! — пропел у меня над ухом знакомый тонкий голос.

— Ох...

Я рефлекторно шарахнулась в сторону, как если бы от удара уходила, но Чирерори — и как не запутался в этих своих тряпках? — успел оббежать меня вокруг и зайти с другой стороны.

— И подарок Чирерори тоже цел, — продолжил он как ни в чём не бывало и ткнул мне пальцем в грудь, между пятым и шестым ребром. Сердце отозвалось жгучей болью — короткой, но едва переносимой. — Не довелось использовать? Скажи... — Чирерори склонился ко мне и понизил голос до еле слышного шёпота. — Танеси Тейт обуздал свою силу? Я уже могу его обучать?

Он надавил сильнее, и мне показалось, что ещё немного — и палец войдёт между рёбрами.

— Почти... У него есть определённые... определённые успехи.

Чирерори отпрянул. От него фонило разочарованием и предвкушением праздника одновременно. Я раскашлялась, вспоминая, как люди дышат нормально.

— Ну, что же... Тогда Чирерори, пожалуй, не станет забирать свой подарок.

— Не станет, он же не жадина, — грубовато рассмеялся Таппа и окинул меня внимательным взглядом. — А Тейт-то не промах, дело до ума довёл... А ты, смотрю, шкуру наконец сбросила, — обернулся он к Лао. — Рассказать ничего не хочешь, а?

Андрогин рассмеялся — почти беззвучно, но так, словно вдруг подул тёплый, щекочущий, смертельно опасный ветер.

— Нет, — спокойно произнёс Лао, резко оборвав смех; в груди тут же появилось ощущение зияющей дыры, опустошённости — краткое и острое. — Вот победителю в поединке, может быть, открою тайну. Или даже две.

Таппа ухмыльнулся и хлопнул его по спине — точнее, попытался, потому что Лао ускользнул от него с лёгкостью воспоминания о смутном сне.

— Обойдусь без драк, пожалуй. Но про путешествие всё-таки расскажи. Вы, говорят, со свободными в лоб столкнулись?

— Вернее, мы бежали сперва за ними, а затем от них. Но узнали, что хотели, — качнул головой Лао неопределённо и бросил на Итасэ острый взгляд: — Ты справишься один, моё сердце?

Тот ничего не ответил, но только сжал губы так, что они побелели. Лао ободряюще улыбнулся и походя провёл рукой по его волосам — тем жестом, которым обычно успокаивают нервных кошек. А затем ретировался вместе с Таппой; кажется, на бегу эти двое умудрялись обмениваться шутками, но вскоре я перестала их различать из-за расстояния. Тогда же и выяснилось — внезапно, как бывает только в Лагоне, — что куда-то подевались и Оро-Ич с Тейтом, и Чирерори. Эфанга, видимо, узнал, что хотел, и без расспросов — и буквально в воздухе растворился; о нём сейчас напоминал только надкусанный зелёный стебель у ямы, которая осталась после феерического приземления Тейта.

Мы с Итасэ остались наедине с мастером Ригуми Шаа, сейчас больше всего ментально похожим на айсберг — если бы существовали, разумеется, глыбы льда с классом взрывоопасности "щрахова пороха". Говорят, что совместно пережитые опасности сближают... Признаюсь откровенно, мне в данный момент отношения с Итасэ показались уже достаточно близкими. Пожалуй, даже чересчур.

Я и сама не заметила, как по полшага, полшага тихонько отступила ему за спину.

— Здесь разговаривать мы не будем, слишком много лишних ушей, — звенящим от напряжения голосом произнёс Ригуми. — Пройдём в мастерскую.

"А там лишних ушей нет, получается?" — язвительно подумала я. Наверное, слишком громко, потому что мастер, у которого была, самое большое, третья ступень, ошпарил меня взглядом:

— А учеников я сегодня отпустил. Это хорошо, Трикси-кан, что ты можешь ещё шутить.

На какой-то миг у меня проскользнула мысль, что, может, мы лучше пойдём пешком — и тогда аккурат к вечеру до места доберёмся, но Ригуми, не оборачиваясь, сотворил иссиня-чёрный пузырь, и нас с Итасэ втянуло туда, как пылесосом. Мы стукнулись головами, перепутались руками и ногами, синхронно выругались — он помянул фаркана, я осталась культурологически верна шраму. Времени полёта как раз хватило, чтобы разобраться где чья конечность... Впрочем, мы не особенно спешили. Итасэ явно пребывал в подавленном состоянии, но храбрился — удивительное состояние для него, обычно самоуверенного едва ли не до мегаломании. Мне отчасти передалось его настроение, пусть я толком и не понимала, что нам грозит.

Путь через подземелья мы срезали — чёрный пузырь напрямиком с небес провалился прямо в мастерскую и лопнул. Я не устояла на ногах — каменная крошка под пятками поехала. Меня дёрнуло назад, под ложечкой засосало, как бывает, когда оступаешься на лестнице, и...

— Шрах!

Я взмахнула руками, пытаюсь удержать равновесие, и рефлекторно создала у себя что-то за спиной. "Что-то" спружинило и отшвырнуло меня на несколько шагов вперёд, аккурат к Ригуми Шаа. Он осторожно поддержал меня под локоть, помогая выровняться.

— Что ж, хотя бы я вижу, что путешествие пошло на пользу твоему искусству, Трикси-кан. Но не думай, что оправдывает тебя... точнее, вас.

Мастер повёл рукой, создавая на полу подушку для сидения, и опустился на неё. Его жесты были утрированно плавными, почти как в танце, а мысли бурлили так, что даже эмпат моего уровня с трудом мог вычленить доминирующее настроение.

Он рад, что мы целы? Злится? Гордится нами? Боится чего-то?

Виски заломило, и я невольно отстранилась. Тем временем Итасэ тоже сел — напротив Ригуми, но без всяких подушек, на голые камни. Мне оставалось только последовать его примеру — принять смиренный вид и затихнуть. Где-то со сводов капала вода, неравномерно и раздражающе; понизу тянуло сквозняком; сияющий потолок потемнел и покраснел, как небо на закате перед грозой.

Мастер выдержал жутковатую паузу и лишь потом заговорил.

— Лагон нельзя назвать хрупкой системой, готовой рухнуть от малейшего шага в сторону от равновесия, — произнёс он негромко. —

Однако есть некие правила, и правила эти написаны кровью. Одно из них гласит, что подмастерье никогда не станет тянуть за собой в опасное место учеников, а напротив, уведёт их прочь. Свободный клан, каким бы маленьким и слабым он ни казался — это опасность и тайна. Ведь любой клан собирается вокруг мастера, а подмастерье, даже самый талантливый, отстоит от мастера столь же далеко, сколь ученик — от подмастерья. Я не буду вдаваться в политику, оставлю это мастеру Лагона... Да и сделать отношения со свободными кланами хуже, чем есть сейчас, попросту невозможно. Однако поощрять самоубийственные выходки я не намерен. Зачем я отправил тебя в горы, Ран-кан? — спросил он вдруг подчёркнуто мягким голосом.

На скулах у Итасэ желваки заходили.

— Догнать Трикси, убедиться, что она в безопасности, помочь ей встретиться с Танеси Тейтом и сопроводить их обратно в Лагон.

— И что ты сделал вместо этого?

— Выступил против свободного клана, пределов силы которого не знал.

— Ты ведь понимал, что доверенная тебе ученица могла погибнуть? Трикси Бланш могла не вполне понимать, что ей угрожает, но ты знаешь достаточно, чтобы сознавать — вам просто повезло.

Я не знала тонкостей культурного подтекста происходящего и не имела полного представления о правилах, но зато уже поняла кое-что о характере Ригуми Шаа и о диковатой жестокости порядков в Лагоне. Самым разумным было бы сидеть тихо и помалкивать, особенно когда Итасэ всем своим покорным видом сигнализирует — включи инстинкт самосохранения, потерпи, я прикрою, я всё возьму на себя...

Но это было несправедливо.

Лагон научил меня выживать любой ценой, да; но ещё он научил тому, что есть вещи, которыми нельзя жертвовать, даже ради собственной безопасности... нет, особенно ради собственной безопасности и комфорта.

— Но я осталась жива — и не пострадала.

Ригуми перестал утюжить Итасэ взглядом и обернулся ко мне. Мир вокруг дрогнул, словно смещаясь на долю градуса.

— И что ещё ты хочешь сказать?

В горле у меня пересохло.

— Хочу... извиниться. Я ещё не очень хорошо понимаю, какое поведение в Лагоне допустимо, а какое — нет, но сейчас догадываюсь, что мне следовало бы молчать, — начала я. Ладно, честность — не худшая политика, возможно, стоит сразу дать понять, что я не нахальничаю, как Тейт, а просто не вполне хорошо чувствую рамки дозволенного. — Разрешение выйти из Лагона мне дал мастер Эфанга. Полагаю, мне следовало обратиться к вам, мастер Ригуми...

Он сузил глаза.

— Шаа-кан. Мы ведь здесь почти семья.

Ох-хо... Похоже, мы бродим по минному полю. Я думала, что Ригуми просто подражает в обращении с учениками Оро-Ичу, который, как намекал Эфанга, раньше имел привычку общаться с младшими исключительно на "ты вежливое". А оказывается, там в основе довольно опасные воспоминания о погибшей жене и о сыне, а мастерская — в значительной степени компенсация семьи, замещение...

Нет, сейчас об этом размышлять нельзя. Не время.

— Полагаю, мне следовало обратиться за разрешением к тебе, Шаа-кан, — поправила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но в тот момент для меня важнее всего было догнать Тейта. Я собиралась уйти вовсе без разрешения и хорошо понимала, что мои шансы выжить в горах невелики.

— И всё же ты ушла, Трикси-кан. Несмотря на все риски.

Я сглотнула. Ригуми слушает меня, но он по-прежнему зациклен на своих чувствах, на уже принятом решении, которое явно не нравится ни ему самому, ни Итасэ... Значит, надо бить в уязвимую точку.

— Тейт для меня сейчас — всё, — спокойно сказала я, распахивая разум и вспышкой выбрасывая вовне воспоминания о моих чувствах после поединка, об одиночестве, о страхе потери, о непереносимой боли... о любви, которая давала силы и уверенность, чтобы к шраму свернуть все эти смертельно опасные горы. Ригуми Шаа захлебнулся вздохом, а потом задышал мелко и часто. — Я до сих пор не могу понять, что для меня важнее: родной мир, семья, прежние узы — или Танеси Тейт. Наверное, я смогла бы выжить и без него, как живу теперь вне своего мира. Наверное, даже смогла бы стать счастливой — однажды. Но я бы себе никогда не простила, если бы потеряла Тейта

из одного только страха нарушить правила. Вы должны... ты должен меня понимать, Шаа-кан, потому что знаешь и что такое любить, что такое терять. И как больно бывает от единственного упущенного шанса.

Он резко побелел; алая краска на губах выцвела, точно они покрылись инеем.

— Уходите немедленно. Трикси-кан, я не желаю тебя видеть в мастерской десять дней. Тебя тоже, Ран-кан.

Итасэ, который последние несколько минут больше напоминал статую из тумана, ожил:

— Это наказание?

— Да. Уходите.

Реальность причудливо извернулась — и выплюнула нас из мастерской, прямо на тёплую, прогретую к полудню землю. Вокруг шелестела хогга; листья бликовали, как пластмассовые. Итасэ ощущал себя — скулы, ключицы, рёбра, подрагивающие колени — и обессиленно растянулся между стеблями травы.

— Надо же, пронесло, — зажмурился он. — Что ты сделала?

Лицо у меня вспыхнуло. Я едва сдержала стон и закрыла глаза ладонями.

— Что, что... Совершила один крайне неэтичный поступок. Нельзя сначала вытаскивать из чужого сознания болезненные воспоминания и комплексы, а потом использовать их как инструмент для манипуляции. Если это не враги, разумеется, а ситуация — не критическая.

Он скосил на меня взгляд. Сейчас, в полутени, его глаза странным образом отражали свет и казались тёмно-тёмно-зелёными, а не чёрно-серыми.

— Для тебя, может, особенной опасности и не было, Трикси-кан, а я ходил по грани.

От него потянуло ментальным холодком.

— Мастер Ригуми склонен к жестоким наказаниям, что ли?

— Вообще-то Шаа весьма терпелив, — откликнулся Итасэ задумчиво. — Но для подмастерьев и старших учеников подвергать младших опасности — табу. И обманывать своего мастера, обещая ему одно, а делая другое — тоже. Ты помнишь каменные столбы в мастерской?

— Сталактиты и сталагмиты? — уточнила я машинально, перекинув ему визуальный образ.

— Да, вот это, — выдохнул он, сомкнув веки. — Знаешь, там внутри каждого пятого камня — человек. Он думает, чувствует, испытывает жажду и голод, страх, не может уснуть — и перестать существовать тоже. Некоторые выходят, спустя годы, и становятся гораздо сильнее прежнего. Но некоторые остаются. Знаешь, что такое быть камнем? Это когда пытаешься двинуться каждой частичкой себя, но даже моргнуть не можешь. И постоянно хочется... дышать, просто дышать.

Я задержала дыхание, но не выдержала и полминуты, запаниковала. Голова кружилась, и перед глазами плыла золотая пелена.

— Ты... уже был там? В камне?

— Один раз, — уклончиво ответил Итасэ, переворачиваясь на бок. — Стало интересно. Шаа вытащил меня через четыре сета. Обрато я не хочу, пусть даже и знаю, что теперь сумею выбраться сам.

— Да уж... — Меня передёрнуло. — Отлучение от мастерской кажется действительно не очень строгим наказанием. И я совершенно точно не хочу сердить Ригуми Шаа впредь.

— Иногда я завидую созидающим совершенство, — признался Итасэ неожиданно. — У них там простые нравы. Если навредил пациенту, ошибся — попросишься с кожей. С пальца, с ладони, с руки, смотря насколько велик вред. До заката лечить себя нельзя, но потом считается, что вина искуплена.

Я представила — и мне стало дурно. Хотя вообще-то, если задуматься, в сравнении небытием в камне такая боль — не худший выбор. К слову, о созидающих совершенство...

— А ты не знаешь, где находится мастерская Аноры Лэккен? Вроде бы Оро-Ич велел Соулу идти туда.

— Хочешь навестить Орсу? — заинтересованно приподнялся на локте Итасэ. Он по-прежнему был бледен, но не смертельно, а в обычной своей призрачной тональности. То ли сгусток тумана, то ли человек, то ли видение — нормальное для него состояние. — Я покажу дорогу. Недурная мысль. Через несколько сетов Орса наверняка уже будет здорова, и я бы тоже хотел увидеть её и убедиться, что всё в

порядке. Если перед кем я и виноват, то перед ней, пусть и считается, что за неё отвечал брат.

Невольно я улыбнулась.

Мне нравились перемены в Итасэ. Его раковина-язвительность никуда не исчезла, но иногда створки приоткрывались, и тогда становилась видна жемчужина, прекрасная, сияющая. Такую хочется спрятать на дне морском от чужих глаз, сохранить для себя — пусть даже в воспоминаниях.

— Почему бы и нет? Но сначала надо зайти домой, перекусить, переодеться, искупаться... Ах, да, может, и Айку ещё отыскать, я давно хочу познакомить эти две микрокатастрофы.

Итасэ посмотрел на меня с вежливым интересом.

— Ты всё-таки затаила зло на мастера, Трикси-кан? Хочешь разрушить Лагон, и так отомстить ему? О, безжалостность обиженной женщины не знает пределов.

Я рассмеялась, поднимаясь.

— Да ну, не стоит преувеличивать разрушительную силу всего лишь двух девчонок...

— погоди. — Итасэ гибко извернулся и поймал меня за локоть в последний момент. Тёмные глаза были предельно серьёзными. — Спасибо. За то, что не промолчала, хотя могла бы.

"На самом деле — не могла".

Слова застряли у меня в горле, мысли — увязли в куполе. Но, думаю, Итасэ понял всё правильно, потому что внезапно он улыбнулся. Это было... это было так, словно засыпаешь сумрачным, промозглым ноябрьским вечером, когда на дорогах чёрная грязь вперемешку со льдом, и лес точно ободраный, а утром распахиваешь окна — и в лицо выплёскивается тёплый, ясный, головокружительный май в дымке нежной листвы, в ореоле медовых цветов.

— Кажется, Лао не прогадал с подарком, — пробормотала я.

Итасэ удивлённо вздёрнул брови:

— Что?

Магия уже ушла; он снова напоминал скорее зимнее грозное облако, чем человека из плоти и крови.

Мы разбежались, договорившись через пару сетов встретиться у приметного синего дерева на полпути к мастерской Аноры. Дом встретил меня удивительной тишиной и покоем. Перья Шекки кольцом

разошлись, открывая вход, стоило только к ним прикоснуться, розоватые гроздьи светильников приветственно вспыхнули. Запасы в кладовке, разворошенные постели, ярко-алый шарф Тейта, свисающий с лестницы — всё выглядело так, словно мы отлучились ненадолго и совсем недавно.

Обманчивое впечатление.

Возвращаются всегда другие...

В родном мире я не ощущала это настолько остро. Наверное, потому что и не уходила никуда по-настоящему, одной ногой оставалась дома, одной рукой держалась за край пиджака дяди Эрнана — или за мамин лабораторный халат. А здесь нужно было принимать решения, рисковать не только своей репутацией, но и жизнью. От моих действий часто зависело благополучие других людей, и не потому, что я занимала какое-то особенное положение, нет; просто связи тут, в Лагоне, были прочнее, теснее. Не ученики и подмастерья, но близкие друзья; сложная система, где перемены даже в маленьком узелке затрагивают весь смысловой узор.

Тейт ещё не вернулся. Впрочем, за него я и не беспокоилась — верила подспудно, что Оро-Ич не причинит вреда любимому ученику, да и к тому же помнила о золотом правиле: вернулся с победой — значит, наказания не будет. Сейчас, по прошествии времени, мне казалось уже, что это оптимальный подход, учитывая характер Тейта и отчаянную жажду постоянно что-то кому-то доказывать. Удержать такую живую бомбу всё равно не получится, а первая же его ошибка почти наверняка станет фатальной...

Меня пробрало холодком.

Нет уж, пожалуй, обойдёмся без ошибок.

К месту встречи я немного опоздала — заблудилась самым позорным образом. Итасэ пришлось прождать меня почти полчаса... Однако скучать ему явно не пришлось.

— ...а потом оно как ширбанёт! Я такая не улю, куда бежать, вообще заскримчала даже, а потом смотрю — а, баштар-моштар, а это рииз, только здоровый прямо вообще, как полгоры, нет, целая гора, а я... Трикси!

Айка, остриженная ещё короче прежнего, врезалась в меня с разбегу, повалила, покатила по земле, уделывая относительно чистый

костюм, запуталась в моём шарфе, распуталась — и это не переставая болтать без умолку на загадочном языке, расшифровать который не помогал и плотный купол четвёртой ступени.

— Ты не торопилась, Трикси-кан.

В поле зрения возникло лицо Итасэ, измученное и злорадное одновременно.

— Торопилась, честное слово... Ох!

Девчонка, расстроенная тем, что я отвлеклась от её поразительного монолога, слегка надавила мне руками на грудную клетку — так, что рёбра, кажется, хрустнули.

— А правда, что ты мне подругу нашла? Или я не пырчу?

Я не сумела сдержать улыбку.

— Пырчишь-пырчишь. И сейчас мы как раз идём знакомиться.

Айка задрала голову к небу и восторженно взывала. Пока мы шли к мастерским созидающих совершенство, она так и носилась вокруг с воплями. Вот посмотришь со стороны — невоспитанная, неуравновешенная, наглая, словом, общаться с такой особой — удовольствие сомнительное. А если задуматься... В походе она, конечно, развлекалась вовсю, умудрилась даже Ригуми Шаа довести до белого каления, но при первых же признаках опасности мгновенно переключилась в другой режим. Хитрая, осторожная, изворотливая и способная на разумный риск — честно признаться, гораздо более опасный противник, чем я сама. И в первый раз, когда Аринга бросила свою группу в горах, Айка оказалась в числе немногих, кто сумел отбиться и выжить, а затем добраться до Лагона.

Тейт когда-то говорил, что направляющие удар не любят интриги, действуют обычно просто, напрямую. Мне довелось узнать немногих из этой логи: Лао, Худама, Айка, сам рыжий, но среди них не нашлось ни одного наивного простака, даже самая младшая проблемная ученица — и та с двойным дном.

Пожалуй, коварства в них даже побольше, чем в выходцах из логи внимающих и поющих, которым по определению выгодней добиваться цели уловками, чем вступать в прямое противостояние.

— Дети ужасны, — прервал мои философские размышления Итасэ. К нему Айка слишком уж нахально не совалась — видимо, понимала, что может нарваться на что-то посерьёзнее оплеухи, если перейдёт грань. — Не представляю, как их можно выносить подолгу.

Я невольно улыбнулась:

— Мне кажется, мы все когда-то такими были.

— Только не я, — поморщился он. — Спасибо Шаа, я появился уже тринадцатилетним. И с тех пор не сильно изменился.

— Ну, это не значит, что ты родился сразу взрослым, — ответила я машинально, заглядываясь на Айку, которая подобрала камень размером с великанью голову и принялась пальцами вертеть в нём дыры. — Скорее всего, ты просто ещё не повзрослел.

Итасэ закашлялся; до самой мастерской он больше ни слова не проронил.

В обитель Аноры Лэккэн — кстати, это оказалась женщина, очень красивая, с аккуратным фиолетовым каре и глазами цвета аметиста — нас не допустили. Я только издали полюбовалась на лаборатории: огромная прозрачная линза в земле, размером с небольшой стадион, а в глубине — множество уровней и отсеков, свет неровными вспышками, "технические" запахи и чудовищно разнообразная боль в ментальном фоне. Если честно, находиться здесь было жутковато и даже промелькнула мысль: "Хорошо, что нам туда не надо".

Орсу уже вылечили, и она отдыхала в так называемой "сфере наблюдения", местном аналоге карантина. Половину помещения, небольшой подземной комнаты с хрустальным потолком, занимало простое ложе, слегка похожее на стол для препарирования, только чуть помягче и значительно побольше. Вторую половину Соул успел захлупить свитками, пиалами с шергой и сладостями. В дальнем углу сидела подмастерье создающих совершенство, невысокая полноватая женщина в жёлтых одеждах, обритая налысо. Она словно бы дремала — по крайней мере, на наше появление не отреагировала ни вслух, ни ментально.

— Вы пришли! — вскинулась Орса. Видок у неё был бледноватый, но в пределах нормы. — Я вас не ждала и совсем не рада! И я не спрашивала Соула, когда к вам можно! И я совсем не благодарна, а эти вкусные шарики для себя оставила, и шергу тоже, а пиалы я не знаю, кто принёс, вот.

— Спасибо, Орса, — растроганно произнесла я. — Я тоже очень рада тебя видеть.

Подмастерье в углу открыла один глаз, чёрный, без белка и радужки, но промолчала. Видимо, посчитала, что пока мы не

беспокойм больную сверх допустимого.

— Сестра здорова, как видите, — сказал Соул, не отвлекаясь от свитка. — Хорошо... А ты привела обещанную подругу для неё, да?

Орса заинтересованно засопела и ползком перебралась на край ложа. Айка на одной ноге пропрыгала через всё помещение, ловко лавируя между разбросанными свитками, и остановилась напротив неё, приподнявшись на мыске и закинув руки за голову. Лично я бы в такой позе долго не устояла, но куда мне против вундеркиндов из числа направляющих удар!

— А на пырта ты так говоришь? Смешно, — фыркнула Айка.

— Я не говорю. — Орса заморгала, глядя исподлобья.

— Совсем скуксилась? Думаешь, я не улю?

— Я не это самое и я не думаю! И мне не интересно, что за пырта, вот вообще.

Орса демонстративно отвернулась. И одновременно — вслепую протянула Айке кулёк с маленькими невзрачными комочками, сладкими и острыми; Соул в своё время тоже угощал меня чем-то подобным.

Айка высыпала себе на ладонь сразу половину.

— А ничего так, фыртачит. Тебя кто того? — и она выразительно похлопала свободной рукой по краю ложа.

— Свободные! — гордо надулась Орса. — Я иду такая, никого не трогаю, а потом раз в сторону, два и ка-ак врежусь в кого-то! А там никого! Я искрами туда, огнём сюда, и тут они ка-ак появятся! Ну, а потом меня раз и убили.

— Что, прямо совсем? — поразилась Айка. Надкушенный шарик, ярко-малиновый и мягкий, выпал у неё из руки.

— Ну вот прям, — ответила Орса и сделала большие глаза. — Меня и тут убивают-убивают, но никак не убьют.

— А на пырта? То есть за что?

Айка, похоже, действительно заинтересовалась, если сделала попытку говорить по-человечески. Орса только скорчила трагическую физиономию и очень грустно вздохнула, а потом огляделась — и прошептала заговорщически:

— Ну я правда не знаю, за что, я просто такая!

Айка задумалась, потом сказала:

— Ух ты!

Потом ещё немного поразмышляла и добавила:

— Я тоже так хочу! А расскажи, а?

Через полминуты они обе забрались уже на дальний край ложа, возвели пограничную линию из пиал с шергой и рассыпанных лакомств и защебетали на таинственном девчачьем языке, перемежая пыртов и "не улю" с бесконечными "не хотела, не думала, не рада". Я мысленно перевела дух: надо же, и впрямь подружились.

Прости, Лагон.

— Солнце садится, — деликатно заметил Итасэ некоторое время спустя. Я зевнула:

— Что, уже пора возвращаться?

— Мне — пока нет, — улыбнулся он тонко. — Лао, скорее всего, ещё развлекается на свой лад, мастерская для меня закрыта на некоторое время. А вот у тебя есть дела, которые лучше бы не откладывать.

Я прокрутила его слова в голове, и меня словно током ударило.

— Мастер Лагона!

— Его приглашения, как правило, не игнорируют. — Итасэ демонстративно заинтересовался своими ногтями. — И не потому, что он обидчив. Просто если ты не придёшь к нему, Трикси-кан, то придёт он. И сам выберет время и место.

Усилием воли я отогнала рой ужасающих образов, последовавших за его предположением, и поднялась.

— Нет, спасибо... Надеюсь, к опозданию он отнесётся лояльно.

— У тебя есть прекрасная возможность выяснить это на собственном опыте, — с невинным лицом сказал Итасэ.

Взрослый человек, эмпат со строжайшей внутренней дисциплиной на провокации не ведётся, разумеется. А то, что я поставила очередной рекорд в беге по пересечённой местности — чистой воды совпадение. Цепочка иллюзорных мостов вывела меня к террасе наблюдения Оро-Ича akurat в тот момент, когда солнце окончательно опустилось за горизонт. В сумерках "гнездо", прилепившееся к отвесному склону, мягко переливалось оттенками синего и сиреневого, указывая путь, подобно маяку.

Или блуждающему огню, который заводит корабли к рифам.

Присутствие Тейта поблизости не ощущалось, как и вообще ничьё, впрочем; если у мастера Лагона и были сегодня посетители, то они уже разошлись. Ох-хо, не нравятся мне поздние визиты к хитроумным инкубам... с одной стороны. А с другой — я сама хочу задать ему несколько вопросов, если выдастся удобный случай.

Дилемма.

Пока я размышляла, из террасы выкатилась улиткой лестница, сияющая, как праздничная гирлянда. Более чем красноречивый намёк, гм. Ладно, купол — на полную мощность, сознание успокоить, биокинез задействовать, шнуровку на воротнике затянуть потуже — и вперёд.

Оро-Ич ожидал меня на верхнем ярусе, слабо освещённом лиловыми и голубыми полумесяцами на потолке. За окнами виднелся край неба и тёмная долина Лагона, подёрнутая дымкой. На полу были разбросаны подушки и покрывала, в таком изобилии, что и ступить некуда. В воздухе плыл сладковатый дымный аромат, от которого одновременно накатывала сонливость и появлялось постыдно-приятное чувство, как от объятий сногшибательно красивого незнакомца. Обстановка скорее напоминала старинный будуар, чем деловой кабинет, и хороших предчувствий мне это не добавляло...

— Я пришла, как вы говорили, мастер, — напомнила я о себе спустя несколько минут, когда синий инкуб так и не пошевелился. — И готова выслушать всё, что вы скажете. Или рассказать что-нибудь сама, если вы вызвали меня именно поэтому.

С тихим "вш-ш" щупальце развернулось и пребольно щёлкнуло меня по коленке. Уловив намёк, я послушно села на месте — аккуратно на горку подушек. Как правильно подворачивать под себя ноги не вспомнила, но вряд ли мастера сейчас интересовал этикет.

— Ты держисься настороже, но не боисься, — пропел Оро-Ич негромко и наконец обернулся. Жёлтые глаза сияли ярче ламп. — Несмотря даже на всё, что ты узнала в последнем путешествии... Научилась дерзости у Танеси Тейта?

— Возможно, я переняла у него кое-какой опыт, но по большей части дело в другом, — призналась я, прикинув, что хуже от честного ответа не будет. — Интриги, манипулирование, использование других в своих целях — всё это, разумеется, пугает. Но при такой

подавляющей разнице в силе, информированности и опыте, как у меня и у вас, мастер, бояться следует не исполнения ваших планов.

— А чего же тогда? — заинтересованно склонил он голову к плечу.

— Вашего чувства юмора.

Я рисковала, конечно. Хотя если судить по предыдущему опыту общения, Оро-Ич не имел привычки раскатывать учеников за неудачные шутки.

— Мне не нравится неумелая лесть и шутки, которые происходят от гордыни, злости и глупости, — улыбнулся он, присаживаясь напротив. Щупальце петлёй свернулось вокруг, подпирая мне под поясницу — то ли удерживало от побега, то ли обнимая. В голове слегка зазвенело: как и прежде, одно только прикосновение обращало и без того утомительное обаяние инкуба в настоящее оружие. — С другой стороны, мне нравится то, что возбуждает моё любопытство.

И он интригуяюще умолк. Я сглотнула и осторожно осведомилась:

— А я?..

— Возбуждаешь.

Ох, страх...

Несмотря на биокинез и ментальный самогипноз, я покраснела так, что лицу стало жарко. И ведь готовилась же мысленно к каверзным вопросам и замечаниям, а всё равно попала по полной программе в первые же минуты.

— Ну, наверное, это хорошо, — произнесла я максимально нейтральным голосом, хотя, разумеется, все мои реакции были у мастера как на ладони. — Но тогда, наверное, я могу задать некоторые вопросы?

— Ты можешь.

Щупальце слегка двинулось, щекоча поясницу; на оголённых выше локтей руках выступили мурашки.

— Я... Мне ведь не померещилось то, что я увидела в разумах у свободных, участвовавших в ритуале призыва?

Глаза у него сузились.

— Задавать глупые вопросы я не разрешал, Трикси Бланш.

Я с усилием моргнула, сгоняя пелену с глаз. Сладковато-дымный аромат, кажется, уже тёк по венам. Сейчас бы кофе... или шерги

покрепче. Хотя, наверное, неразумно пить что-либо в гостях у инкуба, да...

Так. Собраться. И мысленно попросить у Тейта наглости, что ли — пригодится.

— Тогда скажу прямо. Вы отправите меня домой, мастер?

Лампы медленно гасли одна за другой, пока наконец не осталось только две — тонкий пурпурный полумесяц над лестницей и электрически голубой над окном. Небо потемнело и слилось с долиной Лагона.

— Да. Но не сейчас. И не без платы. И только если ты всё ещё будешь этого хотеть.

Нравное, подсознательно я готовилась к отказу — или по крайней мере к новому витку интриги. И потому недвусмысленное согласие, пусть и отягощённое дополнительными условиями, выбило меня из колеи. Дыхание неприлично участилось, накатила слабость.

— А... когда? И что я должна сделать?

— Когда придёт время, — лукаво ответил мастер и подцепил пальцами меня за подбородок, заставляя посмотреть вверх, ему в глаза. — Но ждать придётся не слишком долго, о нетерпеливая. Ожидание пойдёт тебе на пользу; оно будет приятным, о, да... — Ногти слегка царапнули по коже; я чувствовала себя зверьком, которого чешут под горлом. — Что же до платы, она одновременно станет и необходимым условием. Я не настолько жесток, Трикси Бланш, чтобы вышвырнуть тебя из этого мира, не оставив обратного пути. Для того чтобы призвать не случайного странника, но кого-то определённого, нужна точка опоры. Кровь или дух.

— Кровь или?..

Веки отяжелели. В голове промелькнули невероятные подозрения. Конечно, Оро-Ич наверняка знает о наших приключениях даже больше, чем мы сами... но не мог же он проникнуть в мои сны?

Не мог ведь?

— Твоя семья. Дитя, брат или сестра, далёкий предок — кто угодно, лишь бы он был связан с тобою по рождению. Кто угодно, лишь бы я мог через него дотянуться до тебя — а через тебя до него. Нужна нить между мирами, Трикси. — Его голос походил на тихую колдовскую музыку, звон струны зачарованной арфы; его пальцы

ласково скользили от виска к уголку рта, и сознание угасало. — Ты сделаешь мне такой подарок?

В дымно-сладком запахе определённо было что-то дурманное.

"Купол исчез", — подумала я.

"Меня контролируют", — подумала я.

"В таком состоянии можно даже почку пообещать", — подумала я.

Не помогло.

Я сказала:

— Да... забирайте.

Мастер рассмеялся еле слышно и шепнул:

— Спи.

И я уснула, послушно, как примерный ребёнок, свернувшись на покрывалах и примостив голову ему на колени.

Мне снился родной мир. Сияющие хрустальные спирали небоскрёбов, которые пронзали ночное небо над городами; кофейни, выдыхающие кофейный и ванильный пар в осенний воздух; цепочки фонарей, оранжевых и розовых, как ожерелья из янтаря; парк, где на бортике у поющего фонтана парочки назначают свидания, где так приятно греть зябнувшие руки о бумажный стаканчик с горячим шоколадом и вглядываться в редяющий перед рассветом сумрак...

Мне снился дом за городом, на берегу озера, и заросли элирий у воды — сейчас высохших, пергаментно шелестящих, с чёрными коробочками семян; и дом с огромной террасой; мягкий свет на мансарде, раскрытое окно, полы синего халата, кувшин с подогретым горящим вином, открытая коробка шоколадных конфет...

Я улыбнулась во сне, потому что знала только одного человека с такими странными вкусами.

"Дядя Эрнан!" — окликнула я его. Он вздрогнул, едва не выронил кружку с вином, а потом... потом я проснулась с совершенно ясной головой.

Уже рассвело, окончательно и бесповоротно. За окном раздавались вопли сбрендившего айра. Я приподнялась, сбрасывая с себя лишний груз — подушку, четыре покрывала, щупальце Оро-Ича — и застыла на половине движения.

Дядя Эрнан был здесь, в Лагоне. Живой, настоящий, в любимом ярко-синем халате с птицами и в бандане. Светлые волосы торчали

дыбом, как после удара током. Кружка в правой руке наклонилась, и вино закапало на пол.

— Рассуждай логически, — пробормотал Эрнан и беспомощно моргнул. — Действуй рационально. Ожидай худшего.

"И только не паникуй", — продолжила я мысленно.

М-да, сейчас знаменитый дядин афоризм звучал, скорее, как самоуспокоение... а предназначался ли он вообще изначально для посторонних ушей, интересно?

— Как чувствовала, что этим всё кончится, — вырвалось у меня. — Привет, дядя. Добро пожаловать в Лагон.

Оро-Ич распрямился во весь свой немалый рост, развернул щупальца — шесть штук, я специально пересчитала — и пропел:

— Здравствуй, новая добыча!

Лицо у Эрнана стало задумчивым. Он покосился на свою кружку, затем осушил её в три глотка, потом решительно шагнул ко мне — и вложил в мою руку что-то тёплое и липкое.

Шоколадная конфета.

— Кажется, я это проспорил тебе, Трикси, — сказал он проникновенным голосом. — Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

Когда-то выражение лица у мастера Оро-Ича казалось непроницаемым, точно у древнего идола. Но сейчас я более чем ясно понимала, что, во-первых, он объяснит; во-вторых, объяснение доставит ему массу удовольствия; в-третьих, оно не понравится ни Эрнану, ни мне.

А я, похоже, совершила классическую сделку по неведению и продала собственного дядю улыбчивому инкубу в синей чешуе.

Глава 37. Простые удовольствия мастера лагона

*Легче всего эти узы связывают детей — или монстров,
причём дети в процессе могут снести полмира.
Монстры, как правило, аккуратнее.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга — искоса, исподтишка. А затем я ощутила, как из глубин сознания поднимается неудержимое чувство, бурлящее, как игристое вино... и позволила ему себя захлестнуть.

Но не до конца.

Мир послушно раздвоился. И пока "внешняя Трикси" всхлипывала, давась безвкусной шоколадной конфетой, и висела на шее у новообретённого родственника, "внутренняя" аккуратно компоновала информацию по традициям и обычаям Лагона, формировала досье на все относительно значимые персоналии — и тихонько сливала её по замаскированному каналу. Эрнан жадно впитывал новые сведения, не забывая гладить меня по голове и шептать что-то успокоительное.

Разумеется, долго это не продлилось.

— Довольно, — нежно пропел Оро-Ич, оттаскивая нас щупальцами друг от друга. Я поспешно вытерла перемазанные шоколадом губы и замерла в ожидании: отругает, посмеётся, выставит вон? — Мне угодно, чтобы мой гость пока оставался чистым листом, Трикси Бланш. Наблюдать, как медленно рассеивается чужое неведение — особое удовольствие.

Мне пришлось всё-таки присесть — самоконтроль самоконтролем, но потрясение оказалось слишком сильным. Да уж, давно не случалось таких ошеломляющих пробуждений...

— Но я не могла не помочь... Или хотя бы не попытаться. Боюсь, у нас разные представления об удовольствиях, — призналась я, опустив голову.

Руки немного дрожали.

— Тем интереснее, — усмехнулся мастер Лагона. Синее щупальце скользнуло мне по спине, потом царапнуло чешуёй шею и плечо; накатила чувственный дурман, и я слегка ослабила эмпатические и биокинетические тиски, поддаваясь иррациональному очарованию инкуба — всё лучше, чем невротическая дрожь и клацающие зубы. — Улыбнись, Трикси. В нашу первую встречу ты боялась гораздо меньше.

Я прикусила язык, чтоб не ляпнуть что-нибудь весьма неуважительное.

Меньше... Естественно. Во-первых, страх за близких людей — всегда сильнее. Во-вторых, невежество порождает отвагу.

— Иногда разумнее оставаться наивным дураком, — прошептал Эрнан — то ли на мысли мои откликнулся, то ли случайно попал в яблочко. — И безопаснее, — добавил он вдруг и подмигнул мне.

В тот же момент синее щупальце обвилось вокруг его колена — и резко дёрнуло вверх.

— Шрах!

Что ж, хотя бы ругались мы с дядей абсолютно одинаково.

Оро-Ич повертел его, разглядывая со всех сторон — кузина Лоран в детстве так возилась с новой куклой, прежде чем оторвать ей голову и посмотреть, как та устроена внутри, — и под конец приподнял так, что их лица оказались примерно на одном уровне.

А потом — застыл почти на минуту.

Эрнан, надо отдать ему должное, пока сохранял достоинство — конечно, насколько это возможно в задравшемся халате да ещё в положении повешенного, как на карте из колоды для предсказаний. Но вот воздух на террасе разве что не искрил.

— Да, так со мной ещё не знакомились, — рассмеялся внезапно Эрнан и протянул руку, кончиками пальцев касаясь щеки Оро-Ича. Золотисто-жёлтые глаза потемнели от расширившихся зрачков. — Но вот в чём проблема... Понимаете, в отличие от моей сдержанной и уравновешенной племянницы, я паникёр. Хуже того, деятельный паникёр... даже, скорее, так: паникёр, который знает, что делать. И может — так, так, а ещё вот так. Чувствуете масштабы катастрофы?

Эрнан отвёл руку. И только тогда пришло осознание, что всё это время он говорил на наречии магов Лагона, хотя слить ему языковые особенности я не успела.

— Я чувствую, что мне не будет скучно с тобой, — мелодично откликнулся мастер Лагона, склоняя голову к плечу. Естественно, изъяснялся он на нашем языке — причём без малейшего акцента, даже на терминах не спотыкаясь. — Особенно если учесть, что ты выучил высокое наречие менее чем за минуту, используя как референс разум эмпата на несколько ступеней выше.

— Ступеней всего семь, — весело и бесшабашно возразил Эрнан. — Год назад я был на шестой, но поиски Трикси, похоже, слегка подтолкнули меня вперёд. Или не слегка.

— Всего семь... — тихим, проникновенным голосом повторил мастер Лагона. — О, тебя ждёт много прекрасных открытий, мой гость. Ты желаешь насладиться ими наедине со мною или вместе с твоей родной кровью?

Дядя рефлекторно оглянулся на меня — и ругнулся сквозь зубы, кое-как перекидывая край скользкого халата через ногу. Я поспешно уткнулась взглядом в пол.

— Наедине, — твёрдо сказал Эрнан. — Извини, Трикси.

— Ступай, — то ли разрешил, то ли приказал Оро-Ич и щёлкнул меня щупальцем по щиколотке. — Кое-кто провёл беспокойную ночь, ожидая тебя.

Тейт!

Дядины гипотетические проблемы и шокирующие открытия так быстро вылетели у меня из головы, что впору устыдиться. Я спрыгнула с лестницы на уровень ниже; вслед мне донеслось невнятное:

— И не волнуйся за меня! Это просто переговоры! Дипломатия, да!

Почти одновременно эмпатический купол пронизало теплом: "Я так рад, что всё-таки нашёл тебя, Трикси!". Я натянута улыбнулась, стараясь задавить подлые сомнения.

Боюсь, Эрнан разочаруется в лагонских методах ведения переговоров.

На террасе наблюдения купол я не разворачивала — не хватало только услышать случайно то, что для моих ушей не предназначается. Нет, разумеется, мастер Лагона вряд ли меня накажет за своеволие. Но почти наверняка он придумает, как повернуть ситуацию в свою пользу — а это пугает даже больше. Да и соваться в беседу двух монстров...

Дядя, при всей моей любви к нему, далеко превосходит обычного человека. И если там, дома, его сдерживали законы, традиции, этика, правила приличия наконец, то здесь все условные ограничения исчезли. А эмпат шестой-седьмой ступени, свободно использующий свой дар... Тут даже никаких ужасов воображать не надо — перед глазами щедрая на примеры реальность, взять того же Эфангу. Или самого мастера Лагона.

Тут я невольно усмехнулась.

Нет, бесспорно, Оро-Ич — существо непостижимое. Но даже ему Эрнан может подкинуть пару-тройку сюрпризов, так что переговоры наверняка завершатся к обоюдному удовольствию.

Единственное, что меня беспокоило — грубые лагонские методы. Я изначально считала себя слабой, уязвимой, а потому подсознательно готова была к определённым жертвам. Если не к насилию в прямом смысле, хотя статус добычи практически обрекал меня на такой исход, то беспощадному подавлению воли. Там, где могла — я боролась, например, против Тейта или с Маронгом поначалу, но очевидной силе покорялась без колебаний. Дядя Эрнан же, похоже, считал пока, что с Оро-Ичем они примерно равны.

Надеюсь, что в сферу простых маленьких радостей мастера Лагона не входит дрессировка самоуверенных эмпатов. Ну, или что хотя бы дрессировка будет взаимной.

— Куир-р-р?

В ноги мне ткнулось что-то мягкое, и я резко отпрыгнула в сторону, едва не угодив в кусты. На тропинке сидел огненно-рыжий зверёк или айр — страшно лохматый, с ушами-локаторами, как у пустынной лисицы, с крохотными рожками и с тремя хвостами. Передние лапки у него напоминали детские ладони, только шершавые, когтистые, грубые.

— Шрах? — тихо выдохнула я.

Да быть не может. Иллюзия бы сто раз уже развеялась. Нет, мне приходилось его видеть прежде — во время боя Соула с Тейтом хотя бы, но вот так, рядом, на расстоянии шага...

— Куир-р, — согласился он гордо и юркнул ко мне.

Маленькая лапка — ручка? — легла на моё колено. Шрах преданно заглянул мне в глаза и выжидающе замер; зрачки у него были по-змеиному вытянутые и синеватые.

— Что? Ты чего-то хочешь? — спросила я, чувствуя себя донельзя глупо, рефлекторно огляделась — и осеклась, заметив на белой ткани на груди прилипшую крошку. Ковырнула её — и шрах зачарованно качнулся, провожая руку взглядом.

Пальцы пахли шоколадом.

Острые коготки красноречиво сжались на колене.

— Ты это хочешь? — не поверила я глазам своим, но всё же протянула шоколадную крошку зверьку. — Ну, возьми. Если б я знала, оставила бы тебе конфету целиком... Ай!

Шрах, оправдывая своё звание самого непредсказуемого мелкого пакостника после Орсы и Айки, цапнул меня за палец до крови, попутно слизав шоколад, и стреканул в заросли.

Прямо какое-то невольное языческое жертвоприношение — только на современный манер.

Смех смехом, а шрах напомнил об одном важном для мага правиле: всегда быть начеку, даже если ты всего два шага сделал от самого безопасного — или наоборот, самого опасного, это с чьей точки зрения посмотреть — места в Лагоне. Я осторожно развернула купол, заново выстраивая слои. И меньше чем через минуту в сознание мне толкнулся нежный, мелодичный перезвон:

"...можно?"

Лиора.

Дыхание отчего-то перехватило. Вместо ответа я подала ментальный сигнал, обозначая своё положение, и обессиленно привалилась спиной к колючему, точно игловатой чешуёй покрытому стволу дерева. Надеюсь, не ядовитого...

Они появились из-за поворота очень скоро — высокая блондинка в белом и молодой мужчина в травянисто-зелёном, с длиннющей косой чёлкой, закрывающей половину лица.

Маронг и Лиора.

Мы не виделись с того самого боя, когда общими усилиями сумели переломить хребет чудовищной интриге мастера Эфанги. Бросаясь в погоню за Тейтом, я и не подумала о том, чтобы забежать к ним на прощание, но оно и понятно: тогда было не до визитов вежливости, хватило и знания, что Лиора жива и относительно цела. А потом, как это всегда случается в Лагоне, события закрутились такие, что впору собственное имя забыть.

И вот теперь можно было наконец сказать: да, мы справились, выжили.

— Я тут подумала, — произнесла Лиора, улыбнувшись краешками губ. — Надо отпраздновать наше спасение. С возвращением, Трикси Бланш.

— Лучше поздно, чем никогда, — пробормотала я, делая шаг от дерева, моргнула — и вдруг поняла, что стою уже в совершенно другом месте и крепко-крепко обнимаю их обоих.

Щека у Лиоры была холодной и мокрой; Маронг гладил нас по головам и выглядел ещё более виновато, чем обычно.

— Вы... как?

— Нормально, — выдохнула Лиора. — Даже лучше, чем я боялась. Ушла от Эфанги на время, перебралась в мастерскую Наоки, к искусникам. Решила, что так спокойнее.

— А Маронг?

Они переглянулись.

— Игамина в порядке, — сказала она неуверенно. — Эфанга так ничего и не сделал, но...

— Пошли слухи, — договорил Маронг за неё. — Что я на самом деле из свободных. Некоторые ученики начали задавать вопросы, даже в нашей мастерской. Ригуми Шаа терпел это два дня, а потом забрал у них языки.

У меня вырвался нервный смешок.

— Это как?

Маронг неопределённо дёрнул плечом.

— Буквально.

— Зато сплетни прекратились, — хищно улыбнулась Лиора. — А ты где пропадала? Поговаривают, что вы впятером разгромили какой-то свободный клан.

— Не какой-то, а тот, который меня призвал, — ответила я, благоразумно умолчав о том, кто на самом деле выдернул меня из родного мира. — И нас было шестеро, не забывайте про Орсу... Кстати, а где Тейт? Вы его не видели?

Лиора наморщила лоб; ментальный звон на мгновение усилился.

— Рядом я никого не слышу... А должна?

— Мастер Оро-Ич сказал, что он меня ждёт, и я думала, что Тейт где-то поблизости, — пояснила я. Змея тревоги подняла голову. — Ещё

мастер упоминал, что ночь якобы выдалась беспокойная. Я тогда решила, что это фигура речи, но теперь, честно говоря, сомневаюсь.

— Про ночь не знаю, но вообще с утра вся долина стоит на ушах, — признался Маронг. — Мы поэтому и отправились тебя искать. Ригуми Шаа говорил, что ты, скорее всего, проведёшь ночь на террасе наблюдения у мастера Лагона, но пояснять ничего не стал. Он вообще вчера был задумчивым.

Я ощутила слабый укол совести. Сильно же повлияли мои слова на Ригуми, если он не сумел скрыть своё состояние от учеников... Если не хочу усугубить ситуацию — нельзя заострять внимание на состоянии мастера, пусть лучше все думают, что у него просто приступ хандры.

— Думаю, в первую очередь нужно разыскать Тейта, — предложила я быстро. Лиора согласно склонила голову к плечу. — Во-первых, подозрительно, что он первым меня не встретил, а во-вторых... — Я хотела сказать что-то типа "этот бардак с утра — неспроста, где Тейт, там и хаос", но затем распахнула купол шире — и осеклась. В ментальном фоне стоял такой гам, что скулы сводило. — Слушайте, а правда, какого шраха тут происходит? По-моему, сумбура многовато даже по лагонским меркам, — и я скинула образ Лиоре.

Она удивлённо вздрогнула брови и заморгала.

— Действительно... Ещё сет назад было гораздо тише. Полагаешь, здесь замешан Танеси Тейт?

У меня только вздох вырвался. Я вспомнила шраха, шмыгнувшего в кусты, машинально потёрла друг о друга пальцы — ранка от укуса уже затянулось, спасибо биокинезу — и усилием воли подавила приступ беспокойства.

— Тейт — синоним весёлой неразберихи, конечно. Уверена, что, если начнётся что-то интересное, в стороне он не отсидится. Но выводы делать рановато.

Мы переглянулись; потом Маронг молча создал парящую платформу и помог нам взобраться на неё. Минута — и мы на всех парах полетели к эпицентру ментальной какофонии. Забавно, что какое-то время назад я считала, что лучшая тактика — держаться подальше от любых проблем; увы, опыт показывает, что даже если обходить их по широкой дуге, не факт, что немного позже они не

постучатся в дверь, причём незадолго до рассвета — с улыбкой до ушей и с коробкой пирожных под мышкой.

Встречайте, дорогие хозяева, и привыкайте — мы к вам надолго.

Ещё издали я заметила облако дыма; эмпатический фон пронизали ручейки паники с изрядной примесью растерянности и злости. Как-то раз в лаборатории по соседству с маминым исследовательским комплексом случился пожар, и тогда от института за два квартала разило такой же сложной гаммой чувств — учёные могут быть весьма несдержанными, когда результаты их многолетней работы под угрозой... Но чтобы то же самое творилось в Лагоне, где катастрофы разного масштаба — явление обыденное, если не сказать повседневное?

Внезапно Лиора побледнела.

— Там работает Наоки.

Я не сразу сообразила, о ком она говорит и почему это вызывает такой ужас.

— Твой новый мастер?

— Да, — отозвалась блондинка, внутренне собираясь, как перед битвой. — Мастер Наоки — самая молодая из ложи, у неё очень смелые изобретения, и в то же время она неплохо разбирается в искусстве внимающих и поющих, а ещё она двадцать лет провела среди мастеров тварей. А мой... гм, кое-кто из моей семьи, — Лиора скосила взгляд на меня с таким многозначительным выражением лица, что я мгновенно вспомнила, кому именно она приходится родственницей. — Словом, мне посоветовали не ограничиваться только ложей внимающих и поющих, если я желаю защищать себя. Наоки — лучший выбор, но у неё есть одна особенность...

И блондинка замолчала, скривившись, точно от целого лимона откусила.

— Мастер Наоки легко впадает в печаль, если что-то идёт не так, — пояснил Маронг без тени улыбки. — Её даже прозвали Рыдающей Девой. Ты представь, Трикси-кан, насколько это тяжёлый случай, если мастер Наоки знаменита именно своими, э-э, приступами неудержимых слёз, а не изобретениями, хотя говорят, что со времён Оро-Ича более талантливого искусника в Лагоне не было.

Не то чтобы я раньше жаловалась на проблемы с воображением, но последние несколько месяцев добавили столько красок в палитру

моего жизненного опыта, что сейчас мгновенно нарисовалась более чем яркая картина.

А потом мы увидели дыру в земле.

— Э-э... — Я скосила взгляд на Лиору, оценила убийственно кислое выражение лица и сделала выводы. — Этого здесь быть не должно, как я понимаю?

Вместо ответа блондинка положила руку Маронгу на плечо, и он резко направил платформу прямо в зияющий провал. Вблизи дыра напоминала воронку от бомбы, плавно переходящую в огромный туннель с осыпающимися стенами. Света не хватало; отчаянно воняло чем-то палёным и одновременно органическим, словно зажигательный снаряд угодил на животноводческую ферму — аккуратно когда все коровы отправились на прогулку. Всюду виднелись обломки, ошметки, трудноопределимые фрагменты чего-то большого и сложного. Сначала я пыталась вглядываться в них, чтобы определить, что передо мной, но потом заметила красивый человеческий глаз размером с кулак, выбегающий из темноты на тонких паучьих ножках, за которым волочилась электрически потрескивающая сеть — и резко передумала.

Нервы дороже.

— Я думала, что искусники больше по механизмам, — шёпотом спросила я.

Маронг нервно сдул чёлку с лица и так же тихо ответил:

— Как правило, так и есть. Мастера тварей исследуют живое, искусники — неживое, а создающие совершенство работают на стыке. Но мастер Наоки другая, — он задумчиво проводил взглядом одинокий глаз, исчезающий во мраке. — Например, шкура некоторых айров гораздо устойчивее к едким веществам, чем обшивка механизма, потому что шкура нарастает изнутри и восстанавливается, пока у айра есть ресурс. И Наоки считает, что надо использовать лучшее из существующего, чтобы потом с уже достигнутых высот сделать ещё один шаг вверх.

— Поэтому обивка её подушек для сидения зарастает сама, если их покормить, — добавила Лиора с кривой усмешкой. — И поэтому Наоки так близко к сердцу принимает аварии своих механизмов. Ведь для неё это не просто изобретения, а её обожаемые маленькие милашки.

Я бы, наверное, прониклась симпатией к прелестным изобретениям Наоки, если б в тот самый момент мы не пролетели мимо гостеприимно распахнутой челюсти, примерно метров пятнадцать в диаметре. Она судорожно дёргалась, пытаюсь захлопнуться, но заклинившие поршни не позволяли; острые жёлтые зубы — несколько тысяч, кажется — беспрестанно шевелились, точно вращались на невидимых шарнирах.

"Интересно, а для чего служил этот механизм?" — пронеслось у меня в голове.

И почти одновременно издали донёлся надрывный, хриплый, залиvistый плач:

— Мои сладкие кро-о-о-ошки!

Со сводов рухнуло что-то огромное, рассыпаясь на мелкие фрагменты с сухим костяным треском. Я рефлекторно вскинула руки и закрылась зеленоватым полукуполом, но первая же попавшая на него деталь вонзилась — и принялась вкручиваться с визгом, как нервный самостоятельный штопор. Маронг бросил нашу платформу влево, уходя из-под шелестящего потока, и выстроил поверх моей иллюзии ещё один слой — из условной "жидкости" с очень быстрым течением.

Орущий штопор выбросило в стену. Секунду он размышлял — а потом снова принялся ввинчиваться, теперь уже камень.

— Надеюсь, они далеко от лаборатории не убегут, — задумчиво произнесла Лиора, и по её тону было ясно, что она мало в это верит. — Но теперь хотя бы ясно, почему все так обеспокоены.

От острого приступа сарказма у меня даже дыхание перехватило.

— Обеспокоены? — Я немного свернула купол, чтобы отгородиться от ментальной какофонии. — Мне всегда казалось, что это называется истерикой, а не беспокойством.

Ответить Лиора не успела — мы вылетели на полной скорости в пещеру с полупрозрачным потолком. Кажется, именно здесь когда-то и располагались мастерские Наоки. По крайней мере, её саму я узнала сразу.

Она рыдала взахлёб, обессиленно опустившись на колени — двухметровая женщина с потрясающей фигурой, облачённая в алое с макушки до пят. Рыжевато-золотистые волосы торчали вокруг головы, словно иглы у дикобраза. И, хотя в пещере хватало народу, человек пятьдесят, по крайней мере, вокруг Наоки образовался солидный

пустой круг — условно пустой, потому что в его пределах щёлкали зубами трёхногие табуретки, увенчанные линзами и коробками, бегали крохотные разноцветные диски с десятками тоненьких ножек, летали глаза с крылышками и нервно подпрыгивали подушки для сидения, отделанные под кожу — похоже, те самые, разрекламированные Лиорой...

...нет, один человек не струсил. Он стоял рядом с мастером, бережно обнимая её за плечи, поглаживая по волосам и нащёптывая что-то успокоительное — весь в чёрном, за исключением красного шарфа на плечах.

— Тейт?! — недоверчиво выдохнула я — и потянулась к нему всем куполом.

Это действительно оказался именно Тейт — рыжий, бессовестный, внутренне дрожащий от азарта.

— Привет, Трикси, — беспечно откликнулся он и махнул рукой. — Тут Наоки немного расстроили, пришлось заглянуть к ней. Ну, я всё равно хотел вас когда-нибудь познакомить.

Перед моим мысленным взором вспыхнуло проклятое число восемнадцать, и лишь колоссальным напряжением я заставила его померкнуть. Было бы крайне глупо считать, что жизнь Тейта началась исключительно после моего появления. Но сейчас он со мной, а я с ним, и это единственное, что важно.

Может, кроме пары тысяч плотоядных механизмов, сбежавших из лаборатории безумной изобретательницы.

— Рыженький, миленький, — пресловутая изобретательница отвлеклась от рыданий и повернула голову, разглядывая меня через плечо Тейта. Глаза у неё оказались зелёные, кошачьи — совершенно круглые с узкими зрачками. — А это кто?

Он не промедлил ни полсекунды.

— Трикси Бланш, моё сердце, — улыбнулся рыжий и дёрнул Наоки за ухо. — Она хорошая, очень, тебе понравится.

— Да-а? — заинтересованно протянула мастер. — Ну, тогда садитесь. Нет, миленький, не уходи... А вы — кыш, — небрежно махнула она рукой в сторону толпы, и маги прыснули в стороны, растворяясь в тёмном лабиринте, как сахар — в горячей воде.

И тут я заметила несоответствие: глаза у Наоки были заплаканными, внешний слой сознания — нечто среднее между

депрессивным состоянием и истерическим, но из глубины шло ощущение такой целостной, уравновешенной силы, что дух захватывало.

— Приветствую, мастер, — Лиора первой опомнилась и выполнила приказ. Правда, села она не на услужливо подбежавшую подушку, а прямо на камни. — Прошу прощения за вторжение без приглашения, однако я была сильно обеспокоена, когда поняла, что шум исходит из ваших лабораторий. Что здесь произошло?

"Шрах, как врёт!" — пронеслось у меня в голове восхищённое.

Наоки заморгала часто-часто, и на кончиках ресниц у неё повисли жемчужины слёз. Честное слово, на мгновение я испугалась, что она снова разрыдается, но мастер только застыла в задумчивости. Тейт на пробу осторожно отвёл её руку в сторону, убедился, что реакции не последовало, и подскочил ко мне, на ходу отлавливая подушку.

— Не стой — ноги отстоишь, — весело шепнул он — и сам плюхнулся на живое кожаное сиденье.

Я опасливо покосилась на незаметно подобравшуюся ко мне подушку.

— А она не укусит, если сесть на неё... в слишком тонких штанах?

— Нет, если не сядешь на то место, в которое её кормят, — прыснул рыжий и ткнул мне пальцем под коленку. Ноги подогнулись, и я сама не поняла, как оседлала злополучную подушку. — Да не бойся ты, она фрукты жрёт. А ты, конечно, сладкая, но всё-таки не фрукт.

Наоки издала странный звук, подозрительно похожий на смешок.

— Действительно, хорошая... Рассказывать особенно и нечего, — вздохнула она, и глаза у неё печально потемнели. — Пришли две такие милые девочки, сказали, что хотят посмотреть на моих замечательных малышей. Я обрадовалась — малышки любят внимание и восхищение. Я провела девочек по лаборатории туда-сюда — показала, как выращивается универсальное условно живое покрытие, показала лапу-хваталку, которую можно переделать в ширму-убийцу или в платформу-летучку. А потом отвлеклась на что-то. И прямо не знаю, как это получилось, но девочки разозлили моего жора. А это, знаете, не шутки. Жор вырвался, прогрыз ход наружу, побушевал и рассыпался, такая беда.

Я вспомнила пятнадцатиметровую челюсть в коридоре — так вот, как называлась так штука! — и вдруг похолодела, осознавая, почему Тейт оказался именно здесь, хотя наверняка он собирался меня встречать у террасы Оро-Ича.

— Скажите... — в горле у меня пересохло, и я сглотнула. — Скажите, а те две девочки — это случайно не Атекки Айка и Ширамару Орса?

— Ну, имён я не знаю, — протянула Наоки, но Тейт не дал ей договорить — расхохотался:

— Да они это, они! Айка с новой подружкой с утра уже Таппу довела, он аж кулаком по скале врезал — и в крошку, мы потом полсета убирались. Таппа потом опомнился, попросил меня, чтоб я Айку назад привёл, ну, уши ей надрать и научить паре крутых приёмов, чтоб делом занялась. И подружку её тоже научить. Но я что-то заболтался, — тут рыжий смутился, случай на моей памяти редчайший. — С Лао пара слов, с Худамой... В общем, эти две беды рванули мстить обидчикам. Орсиным, наверное, потому что своих Айка давно уже проучила.

У меня закружилась голова от перспектив. Я судорожно вцепилась ногтями в подушку — слышался слабый писк, и хотелось бы верить, что его издала именно живая обивка.

— Нет. Погоди, мне уже не хочется слушать.

Краем глаза я заметила, как Маронг наклонился к Лиоре и тихонько шепнул: "Чего это она?". Блондинка состроила скорбную физиономию: "Кто, как думаешь, додумался их подружить?".

И на меня уставились с немым укором сразу две пары светлых глаз.

— Там слушать нечего, — фыркнул Тейт. — Они отловили какого-то придурка по имени А-Сэй, из испепеляющих, довели его до сопливых воплей. И решили, наверно, что мстить скучно.

— Прекрасно их понимаю! — неожиданно вмешалась Наоки. — Мои милашки гораздо интереснее!

— Ага, только Айка с Орсой сначала не к тебе пошли, а к Митчи. Проголодались после мести, наверное, — невинно заметил Тейт. — Не знаю, что и кому они там наболтали, но когда я по следу добрался до приюта, там была самая крутая драка, ну... лет за пять, с тех пор, как я завалил Уно с его шайкой. Я даже не удержался, застрял там, заодно и

порядок навёл, — расплылся он в блаженной улыбке. — Митчи меня накормила за помощь, ещё с собой дала всякого, очень много, её девочки мне помогли всё донести. Ну, а потом след привёл сюда.

Воцарилась тишина, только Наоки напевала себе под нос, нянча в объятиях усатую доску на ножках. И потому особенно ясно прозвучал дрогнувший голос Лиоры:

— Я всегда считала себя добрым человеком. Но сейчас почему-то мне захотелось собственноручно раскопать завалы и обнаружить в какой-нибудь небольшой каверне эти две... две проблемы. Желательно без сознания, тихие и безвредные.

— Вряд ли, — откликнулась Наоки сосредоточенно, запустив пальцы вглубь "доски", вблизи скорее похожей на губку. — Насколько я помню, они всё-таки убежали, когда жор впал в ночное буйство посреди дня. И та, которая повыше, светленькая, говорила, что знает, где есть звери поинтереснее.

Мы синхронно переглянулись; похоже, всех одновременно посетила одна и та же ужасающая мысль.

— Мастера тварей, — озвучил её Маронг преисполненным вины тоном, как только он и умел. — Если по Лагону разбегутся ещё и айры... — и он многозначительно умолк.

Тейт задумался на целую секунду, выискивая положительные стороны.

— Ну, тогда мастеру Оро-Ичу точно будет не скучно?

Я представила дядю Эрнана посреди этого парка развлечений для адренилиновых маньяков — и резко мотнула головой:

— Не аргумент. Если уж праздновать благополучный исход нашего безумного приключения, то в относительном покое. Так что чем скорее мы остановим разрушительную парочку — тем лучше. — Я задумалась. — Может, Соулу намекнуть, что сестрёнка разбушевалась?

Выражение лица у Лиоры стало кислее, чем обычно:

— О, замечательная идея, Трикси. Он с удовольствием тебя выслушает, посочувствует, потом заметит, что дети всегда шумные и не стоит попусту волноваться, ведь как говорил один древний поэт... — передразнила она слегка рассеянную манеру говорить Соула и зловеще умолкла.

— Не надо поэтов, — взмолилась я. — Мне и так пришлось уже слишком много пережить сегодня: визиты близких родственников,

ожившие иллюзии, наконец бегающие глаза на ножках, — вырвалось у меня в сердцах.

Фатальная ошибка. Я поздно заметила, что Наоки отвлеклась от своей загадочной губчатой доски и начала с интересом прислушиваться к диалогу; последняя реплика возмутила её до глубины души.

— Эй! А что не так с моими прелестными крошками? — надулась мастер — и вдруг, не меняясь в лице, издала странный переливчатый свист.

Тейт подорвался с места так резко, словно подушка всё-таки цапнула его через штаны.

— Мотаем, — тихим хриплым голосом произнёс он. — Живо!

Маронг тут же дёрнул Лиору на себя, буквально роняя её на платформу, и взмыл к своду пещеры. В голове у меня пронеслось паническое: "А как же мы?". Но испугаться я толком не успела — Тейт перекинул меня через плечо, взвился в прыжке и свободной рукой зацепился за край.

— Замкни со всех сторон! — рявкнул он, рывком подтягиваясь и сваливая меня рядом с Лиорой.

И вовремя.

Пещера мелко задрожала; из боковых туннелей послышался слабый шум — шорох, писк, скрежет, скрип, топанье и цоканье. А затем из всех дыр хлынули, как плотоядные насекомые в фильме ужасов, мелкие твари — сплошным потоком. Глаза на ножках, зубастые шестигранники, летающие конструкции, больше похожие на кое-как сваренные друг с другом каркасы, суставчатые многоножки, точно собранные из сапфиров и изумрудов, игольчатые диски, сияющие кляксы...

Всё это вздымалось единой слитной волной — и грозило нас захлестнуть, как цунами.

Мы с Лиорой завизжали. Маронг, кажется, тоже.

Тейт хохотал в голос, мерзавец, и кричал:

— Наоки! Ты крутая, правда! Круче всех!

Отдышаться я смогла только в километре от мастерских, когда от тварей нас отделял непроходимый лес с фальшивым гайюсом, бездонная пропасть шириной пятнадцать метров и огненная стена.

— Уверена, что сделала правильный выбор, когда ушла от Эфанги? — не удержалась я от шпильки, хотя после безумного полёта едва стояла на ногах.

Лиора, обессиленно свернувшись в клубок посреди кроваво-алой цветочной поляны, усмехнулась:

— Ты ещё мою лабораторию не видела.

Колени у меня подогнулись.

Нет, со слишком богатым воображением определённо надо что-то делать.

— Кстати, — ничуть не смущаясь, потрепал меня по волосам Тейт. — Я кое-что придумал насчёт Айки и Орсы. В смысле, чтобы и поймать их, и воспитать на месте, и на пару дней обезвредить. Вы идите вперёд и постарайтесь их догнать, а я кое-кого приведу, ладно?

И, не дождавшись ответа, он лизнул меня в щёку — и юркнул в заросли, мгновенно исчезая не только из поля зрения, но и из области действия купола.

— Э-э... Ну, предположим, — пробормотала я ошарашенно. Пора бы привыкнуть уже к его манерам... Шрах, и я не успела ничего рассказать про Эрнана, а ведь им скоро придётся познакомиться! Не так я представляла себе встречу избранника с дорогим семейством. Впрочем, это как раз не проблема. — Есть версии, куда понесло Айку с Орсой?

Лиора нехотя заворочалась и приняла более-менее приличное положение.

— Я могла бы, пожалуй, поискать их песней...

— Не понадобится, — убитым голосом произнёс Маронг и указал пальцем на восток. Над рощицей поднимался отчётливый столб дыма. — Если не ошибаюсь, именно в той стороне мастер тварей Габора Гаро построил свой лабиринт айров.

Образ, который в этот момент промелькнул у него в голове, подозрительно напоминал зоопарк снов в исполнении пациента психиатрической клиники. Инстинкт самосохранения слабо трепыхнулся; пришлось напомнить себе, что я не только благоразумный, уравновешенный и осторожный эмпат, но и с некоторых пор — маг Лагона.

— За ними, — твёрдо произнесла я. — И как можно скорее.

Источник дыма располагался довольно близко — причудливые пространственные парадоксы внутренних долин вновь сыграли шутку с восприятием. Полыхали заросли шипастых разветвлённых деревьев, в развилках которых красовались жёлто-рыжие гнёзда плодов. Земля пропиталась зеленоватой прозрачной жидкостью, как выяснилось позднее, "кровью" айров-ящеров. Двух растерзанных тварей мы увидели сразу, ещё одну — чуть поодаль, а потом я едва не поперхнулась, заметив под деревом тело женщины.

— И что? — поинтересовался Маронг, пока Лиора плясала между кладбищем и пожарищем, разыскивая виновниц бардака. — Надо звать созидающих совершенство, или уже поздно?

— Живая, — констатировала я с облегчением, наскоро проверив женщину биокинезом. Скуластое лицо показалось мне отдалённо знакомым: не она ли ошивалась в одной компании с А-Сэйем? — Похоже, это очередная обидчица Орсы. Девочкам везёт... И их врагам пока тоже, — добавила я. — Сильных повреждений нет, она просто без сознания. У неё явно были какие-то серьёзные модификации организма, регенерация идёт бешеными темпами. Думаю, лучшее, что мы можем сделать — убраться отсюда, потому что вряд ли несчастная жертва очнётся в хорошем настроении. А девочки-то где?

Лиора внезапно застыла, как вкопанная.

— В лабиринте, — выдохнула она с ужасом. — Пока Айка отвлекает подмастерье, Орска пытается открыть клетки. И у неё получается. Я предупредила подмастерье, но, похоже, уже поздно.

Зверинец мастера Габоры Гаро трудно было пропустить: на сей раз мои подозрения не оправдались, и лабиринт выглядел как нормальный лабиринт, разве что хрустальный и уходящий под землю. Свет радугой дробился в прозрачных гранях, а в паутине переходов беспорядочно металась тусклые голубоватые и лиловые светильники.

У меня дыхание перехватило.

Вот бы... вот бы вернуться сюда в другое время, спокойное, не ради того, чтобы предотвратить катастрофу континентального масштаба, а просто для развлечения.

— Опоздали, — грустно констатировал Маронг, разрушая иллюзию очарования.

А в следующий момент сказочный хрустальный лабиринт пошёл трещинами — и лопнул. В небо взмыли осколки, дивный радужный

фейерверк, и следом — крылатые айры, несколько десятков, большие и маленькие, похожие на пернатых стрекоз, на чешуйчатых бабочек, на сдвоенных змей с белыми птичьими крыльями...

Это было потрясающе красиво — и столь же жутко.

— Ловите их! — прокричал снизу долговязый мужчина. Его синий шарф был столь широк, что больше походил на плащ, а золотистые татуировки сверкали ярче осколков лабиринта. — Меня же мастер убьёт!

Я среагировала первой — слишком свежи были ещё воспоминания о наказаниях в мастерской Ригуми Шаа — и закрыла небо зеркальным куполом. Он получился слабым, нестойким, исчезающим на глазах, что естественно при таких-то размерах, но функцию свою выполнил.

Большая часть айров среагировала на препятствие. Стая, ещё секунду назад монолитная, рассыпалась, и часть летунов рухнула вниз, к лабиринту. Другие пошли на таран, но купол не поддался — Маронг воспользовался тем временем, что я дала ему, на всю катушку. Он перехватил контроль над моей иллюзией и укрепил её — всё меньше чем за минуту. Похоже, прав был мастер Оро-Ич, который считал, что лучшее обучение — в экстремальной ситуации.

Маг внизу вскинул руки, и шарф взметнулся следом, увеличиваясь на глазах, пока не превратился в парящую сеть. В неё попали сразу несколько айров. Край сети свернулся, запечатывая их, и они затихли.

А потом я даже не увидела — почувствовала, как внизу, прямо под нами, крадутся двое.

— Птички на тебе, — бросила я Маронгу — и спрыгнула с платформы, лишь после осознав, что до земли метров сорок.

"Дура", — с чувством сказала я себе и шагнула на воздушную ступеньку. Затем на вторую, третью — и так сбежала до самого низа, оскальзываясь, хватаясь за невидимые поручни, то исчезающие, то возникающие. Зеркальный купол треснул — видимо, то, что в нём ещё оставалось от моей иллюзии, развеялось, всё-таки сил и внимания на несколько масштабных творений мне ещё не хватало.

Девчонки почувствовали, что вот-вот веселье окончится самым бесславным образом — и драпанули со всех ног, по-прежнему невидимые.

— А ну стоять! — крикнула я, почти наугад вытягивая струну у них под ногами.

Айка успела среагировать — перескочила и сначала побежала дальше, но не тут-то было. Орса запнулась — и, падая, дёрнула на себя маскировочное полотно, которым прикрывались они обе.

Если честно, я ожидала, что девчонки попытаются смыться — поодиночке или вместе. Или что Айка удерёт, а Орса останется обиженно сопеть. Или что они послушаются меня и остановятся, наконец, чего угодно...

...но только не слаженной синхронной атаки!

От иссушающего ветра я уклонилась — провалилась на два метра вниз, но тут же едва не попала под мощный удар с ноги. Иллюзия, мой двойник, захрипел и развалился на аккуратные составные части, как конструктор, и исчез.

Да, Айка явно не жалела бывших сокомандников.

Спокойно, Трикси, спокойно. Злиться на детей, даже уже почти взрослых и сильных, как взвод коммандос, недостойно эмпата...

— Да вы охренели?! — заорала я, когда следующий удар едва не разможил мне руку, а бирюзовый шарф, между прочим, подарок Тейта, вспыхнул и рассыпался пеплом.

— Мы ширбанутые! — радостно завопила Айка, не снижая темпа.

— Не сцимтнём! — вторила ей Орса.

Лиора пыталась донгом, боевой "ракеткой", сбить наседающего на платформу ярко-малинового айра; Маронг из последних сил удерживал зеркальный купол, не выпуская крылатую мелочь; маг внизу вместе с девушкой-помощницей запихивал сбежавших тварей обратно в лабиринт. Я начинала терять самообладание, Айка бессовестно ржала, а Орса была в ментальном плане совершенно пьяная от счастья.

Не знаю, чем бы всё это кончилось, если бы с неба вдруг не скатилась сияющая звезда — аккурат в осколки лабиринта — и не попросила музыкальным голосом Лао:

— Пожалуйста, уймись!

Айка замерла на середине замаха, прямо в воздухе — вот что значит рефлекс. Орса присела на месте. Лиора наконец-то засадила донгом айру по макушке и скинула его вниз.

— Идите ко мне, девочки, — пропел Лао и улыбнулся.

И они пошли, виновато понурясь. А на плечо ему вспорхнул самый маленький и самый красивый айр — ало-золотой, похожий на крохотного Шекки, но в пухе, а не в чешуе. Тейт стоял рядом и довольно ухмылялся, словно происходящее было исключительно его заслугой.

Не знаю, как, но постепенно всё утряслось.

Айров отловили, детали изобретений собрали. Девочки поочерёдно извинились перед мастерами — перед хохочущим Габорой и перед Наоки, которая вновь закатила истерику. Я лично проследила за тем, чтобы Айка и Орса в меру сил поучаствовали в уборке у Митчи, хоть девчонки и уверяли, что ничего не сделали, а драка случилась "сама по себе и просто так". Потом Лиора закатила глаза и сообщила, что ещё один шаг на голодный желудок — и она рухнет замертво либо всех вокруг поубивает.

И мы устроили пикник — прямо на поляне над приютом Митчи, впятером, потому что Лао тоже оказался не прочь перекусить. Потом Тейт изъявил желание искупаться, а вода в озерце неподалёку была прозрачной и тёплой, и если на глубине и водилось что-то страшное, то тревожить компанию отдыхающих магов оно не решилось.

Правильно сделало, собственно.

Потом мы подремали, и снова перекусили, и отправились на долгую кружную прогулку по Лагону, провожая Лиору и Маронга. Лао по пути деликатно исчез, на прощание махнув рукой. И к дому я уже подходила вдвоём с Тейтом, аккуратно когда солнце краем коснулось горизонта. Кажется, мы целовались на ходу, и весьма увлечённо; эмпатический купол развеялся за ненадобностью, и потому появление практически у нашего порога невысокого по лагонским меркам светловолосого мужчины в синем стало для меня полнейшей неожиданностью. Шекки на него почти не обращал внимания, позволяя, впрочем, снисходительно почёсывать себя под челюстью.

— Дядя Эрнан!

Я не сразу узнала его — в серебристом трико без рукавов, с шарфом цвета индиго на плечах. Потом осознала, где до сих пор непринуждённо лежат мои ладони, отшатнулась от Тейта, заливаясь краской, одёрнула зачем-то собственный шарф, но это, разумеется, от неловкости не избавило.

— Давно не виделись, Трикси, — улыбнулся Эрнан приветливо. — Мне кажется, целую жизнь тому назад... Представишь мне своего питомца? — спросил он и погладил Шекки по голове.

И дураку было ясно, что дядя имеет в виду вовсе не химеру.

Ох, не так я представляла себе знакомство с семьёй...

Глава 38. Адаптация

*Предлагать нечто взамен, чтобы если и вляпаться в неизбежное, то хотя бы на своих условиях. Многие пытаются проделать это с судьбой и даже со смертью. Забавно, что некоторым это удаётся.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Уверена, что даже в моём мире Тейт бы без заработка не остался. Пошёл бы, например, в частные детективы и зашибал бы такие деньги, которые нам, честным переговорщикам, и не снились.

— Говорит непонятно, — произнёс рыжий, искоса глянув на Эрнана. — Двигается, как ты. Добыча. И вроде ничей, но шарф ему Оро-Ич отдал свой, — приняхался он заинтересованно. — А! Это твой дядя, который тебе снился, да, Трикси?

Я совершенно точно помнила, что ничего не рассказывала сегодня Тейту о появлении Эрнана — ну, кроме вскользь брошенной фразы о том, что-де ко мне нагрянули дальние родственники, причём совершенно неожиданно. Сомневаюсь, что кто-либо мог бы обратить внимание на такую ерунду, когда со всех сторон летят, ползут и шкандыбают зловещие изобретения мастера Наоки...

Рыжий, похоже, смог. А ещё вспомнил, сопоставил все оговорки, дополнил новыми наблюдениями и сделал совершенно правильный вывод.

Глубоко вздохнув, я собралась с силами.

— Дядя, это Танеси Тейт. Мой... моё сердце, — вырвалось вдруг у меня. Неосознанно я повторила то, что рыжий чуть раньше сам ответил на вопрос Наоки, и это было так легко и естественно, что оторопь брала. — Прими, пойми и смирись. Тейт, это мой дядя и мой первый и неповторимый учитель, Эрнан Даймонд, дипломат высшего ранга и один из самых талантливых псиоников моего мира.

И воцарилось молчание. Честное слово, оно могло бы претендовать на титул "Неловкий момент года", если бы Тейт не улыбался как умалишённый, а дядя Эрнан не выглаживал огненную химеру, словно огромную ласковую кошку.

— Значит, ты его любишь, — первым заговорил Эрнан и застыл на половине движения. Потом вздохнул: — Трикси, на пару слов.

Тейт, выключенный из нашего диалога мощнейшим эмпатическим куполом, повертел головой, затем понятливо хмыкнул.

— Я сделаю поесть что-нибудь, — махнул он рукой, просачиваясь мимо химеры. — Спускайтесь тогда.

Рыжий тихо, почти беззвучно присвистнул уже из глубины подземелья. Шекки гибко выгнул шею, прислушиваясь, а потом расправил крылья, взлетел и пропал из виду. Небо к тому времени изрядно потемнело, и только на западе огневела полоса — над краем туч, и ещё одна пониже — между грозовым фронтом и горами. Воздух точно загустел; ночь предстояла напряжённая.

Как и разговор.

Прежде чем нарушить молчание, Эрнан скользнул взглядом по округе, полуосознанно выискивая любимое кресло — раньше все задушевные, смыслообразующие для моей жизни беседы проходили у него в кабинете или на террасе загородного дома. На мгновение у меня возник соблазн прямо сейчас, у дяди на глазах воссоздать злополучный предмет интерьера, но я сдержалась: глупо начинать переговоры с откровенной демонстрации силы, потому что это сродни агрессии. А агрессия в сложных родственных отношениях, в отличие от высокой политики — тупиковый путь.

Эрнан улыбнулся краешком губ — прочитал мои намерения, наверное — и непринуждённо присел на выгнутый корень, перебросив хвост серебристо-синего шарфа на колени.

— Ты поменялась больше, чем я думал. И в то же время ты осталась моей лучшей воспитанницей, Трикси. Сейчас мы, пожалуй, ближе, чем были до твоего исчезновения.

— Потому что перестала смотреть на тебя снизу вверх? — отшутилась я, присаживаясь подле него. — Всё это сложно... Конечно, я здесь многому научилась. Но рассудок мне удалось сохранить только благодаря твоим урокам.

Он усмехнулся и потрепал меня по волосам, привлекая к плечу. Я прикрыла глаза. От дядиной одежды пахло знакомо и тревожно — ароматическими курениями Оро-Ича. И нагретой тканью. И ночной грозой, которая пока только подкатывала из-за горизонта.

— Тогда поверишь мне ещё раз?

Я слабо кивнула — шрах, как же приятно возвращаться к привычным с рождения жестам! Не контролировать дотошно каждое своё движение и просто знать — тебя обязательно поймут правильно...

Но некоторые коммуникативные проблемы никуда не делись. Рыжие, бессовестные.

— Ты назвал Тейта моим питомцем.

— Только потому что он — не человек.

И хотя я очень, очень давно подспудно знала эту правду, мне стало нехорошо.

— Дядя, мне...

— Я испугался, — перебил он меня спокойно, и хватка на моём плече стала жёстче. — Хотя заранее сопоставил твои наблюдения и те кусочки информации, которые любезно подбросил мне мой хо... мастер Лагона, мой хороший друг, — быстро поправился дядя, заметив, как я напряглась. — Тс-с, Трикси, тише, о моём положении поговорим потом.

Я прикусила губу на секунду.

— Поговорим. Но сначала — в каком смысле "не человек"? Если ты имеешь в виду "искусственно созданный" — для меня это не новость. Я сама в некотором роде — продукт генной инженерии и вдохновенного полёта мысли своей собственной матери... Ай!

Эрнан пребольно щёлкнул меня по лбу.

— Дейдра, между прочим, выносила тебя положенные девять месяцев. А что до некоторых модификаций на ранней стадии внутриутробного развития — так женщины с древности этим бредили, просто возможностей у них было меньше. Белая, как снег, румяная, как кровь...

— ...с волосами чёрными, как эбеновое дерево, — хмыкнула я.

— Вот-вот. И Танеси Тейт также несёт явные маркеры генетического проектирования — как в фенотипе, так и в ментальном плане. Например, цвет волос и глаз — красно-оранжевый и синий такой насыщенности в природе у людей не встречается. И удивительная адаптивность сознания — тренировками такого не достичь, это врождённое.

Рдеющие полосы на закате затянуло чернотой — точно рваные раны срослись наконец. Небо разрежала вспышка молнии, слишком далёкая, а потому пока беззвучная. Ни намёка на вечернюю свежесть,

только влажная духота, особенно тяжёлая в полумраке... Конечно, Лагону не страшны чудовищные грозы, которые откликаются на магию — долина хорошо защищена.

Но отчего-то всё равно жутко.

И ещё: когда напряжена природа вокруг, то внутри эмоции тоже собираются в какой-то тугой комок, готовый в любую секунду взорваться.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — ответила я наконец, когда более-менее справилась с неуместным раздражением. — Хорошо, Тейт — искусственно созданный человек. Но ведь и я тоже — частично! И что?

Дядя наклонился и в пыли у своих ног небрежно прочертил два отрезка под углом друг к другу.

— Они равны?

Я нахмурилась, прикидывая на глаз длину.

— Примерно.

— А так? — Эрнан осторожно дополнил рисунок стрелками.

Отрезки превратились в векторы.

— Э-э... — Несколько секунд во мне боролись изворотливый дипломат и упёртый математик. — Нет. Разные направления.

— Именно, Трикси, — вздохнул дядя, мыском затирая рисунок. — Направление... К сожалению, зачастую условия и цель определяют больше, чем само действие. Помнишь инцидент в Грейме?

— Когда посол Истельгии оттолкнул президента Аррасканских Штатов во время передачи верительных грамот, потому что заметил, что в того целится один из охранников?

Эрнан мечтательно улыбнулся, но почти сразу взял себя в руки. Я прикинула по датам и сообразила, что в то время он вполне уже мог быть в составе иностранной делегации и лично присутствовать при историческом покушении на президента Арраски.

— Верно. И был ещё один случай, едва не положивший начало военному конфликту, когда арраскийский военный министр позволил себе оттолкнуть эмира Меравии. Вроде бы действие одно и то же, но посла приставили к государственным наградам, а военного министра после этого сняли с должности. А почему?

Как на уроке, честное слово...

— Потому что отличались цели: спасти от выстрела и оскорбить. И обстоятельства были иные.

— Вот-вот. Разные направления, разные системы координат, — задумчиво опустил взгляд Эрнан. — Дейдра занималась генным программированием, не спору. Более того, она применяла методы, официально запрещённые почти полвека назад... И всё-таки она просто мечтала о дочери. Ты дитя любви, Трикси. А этот Танеси Тейт? Ради чего он был создан?

Самое неприятное, что дядя даже не предлагал готовый ответ. Он не запугивал — всего лишь давал пищу к размышлению. А исходных данных мне было достаточно, чтобы сделать единственно верный вывод, тем более что подозрения давно варились в подсознании.

Во-первых, та самая запредельная гибкость сознания... ладно, само по себе это ничего не значит.

Во-вторых, умение беспрекословно и бездумно подчиняться, если того требуют обстоятельства. Помнится, меня оно напугало ещё в тот раз, когда мы тренировались перед дуэлью с Соулом. Тейт ведь не просто доверял мне: он признал меня более компетентной в некой области, назначил ведущей — и тогда стал послушным... нет, хуже. Он превратился в идеальный инструмент.

В-третьих, инстинкты убийцы. Все маги Лагона сражались безжалостно, однако и у Лиоры, и у Маронга, и даже у Итасэ с его мизантропическим складом ума насилие над себе подобными оставляло глубокий след в душе. Пожалуй, только Лао убивал столь же легко и без сожалений, однако он ведь и не человек... Тейт не мучился сомнениями ни до, ни после, хотя полностью осознавал содеянное. Несчастный случай с Ингизой выбивался из ряда, однако и тогда Тейта больше поразило то, что он не оправдал доверия друга, чем то, что он его уничтожил. Не зря ведь пунтик у рыжего образовался именно на доверии-предательстве, а не на убийстве.

В-четвёртых... В-четвёртых — оглушающая, невероятная, немислимая сила.

Я слушала его; я видела его изнутри — и потому отчётливо сознавала, что по скрытому потенциалу Танеси Тейт превосходит и Соула, и мастера Чирерори, и всех известных мне пирокинетиков. Просто оттого что он не пользовался силой, а был ею.

Сила без границ...

Внезапно громыхнуло прямо над головой, и я вздрогнула. Чёрные непроглядные тучи клубились совсем низко, однако же не могли проникнуть через невидимый купол, накрывавший долину. Они бесновались там, в высоте, сквернословили и швырялись молниями, но нам здесь грозил разве что дождь. Так и безграничная в перспективе мощь Тейта сейчас пока была заперта в рамках не-умения, не-искущённости — не-зрелости.

Но ведь не навсегда.

Если бы рыжий был рождён естественным путём, я бы сказала, что он безупречное творение природы, новая ступень эволюции. Но у природы нет конкретных мотивов; мы все — её любимые дети.

А у создателей Тейта цели определённы были. И, исходя из результата, можно с уверенностью утверждать, что отнюдь не мирные.

— Оружие, — наконец произнесла я тяжело. — Они изобрели абсолютное оружие.

Эрнан ничего не ответил. Он прикоснулся кончиками пальцев к моему виску, устанавливая контакт, и показал мне то, что увидел сам — при первой встрече с Тейтом.

Это было как удар в солнечное сплетение.

...Много, много оборудования; люди в комфортной, не сковывающей движений одежде, цветом напоминающей хромированную сталь; футуристические здания-станции, парящие над растрескавшейся землёй... Все предметы — большие, а люди — высокие; так видят мир дети.

Тейта всегда окружали взрослые. Его ни на минуту не оставляли в одиночестве, но — парадокс — держали при этом в полной изоляции. Никто и никогда не прикасался к нему голой рукой, без перчатки; никто и никогда не обращался к нему по имени, потому что имени ему не давали.

У взрослых были тёмные волосы блёклых оттенков. У детей, которых он изредка видел — яркие, такие же красно-рыжие, или ультрамариновые, или белые, или соломенно-жёлтые, а глаза у всех — чёрно-синие, невыразительные, стеклянные... послушные. Впрочем, с детьми он не общался, только изредка встречал их длинных коридорах-кишках — в таких же хромированно-блестящих, как взрослые одежды.

Я видела огонь.

Всегда, сколько Тейт себя помнил, от него требовали только огня — больше, ярче, сильнее. Так, чтобы уничтожить без следа странную металлическую конструкцию — изнутри доносился жутковатый звук, то ли дыхание, то ли плач, но взрослые вели себя так, словно это в порядке вещей. Испепелить дом-станцию, полуразрушенную, что медленно опускается к земле, словно тонет в пучине; и ещё одну, вдвое крупнее. И...

Я никогда не была в космосе, но сразу поняла — это он, там, за огромным прозрачным экраном. И что вон то, красно-зелёно-голубое, заслоняющее полнеба, — планета. Тейт не запомнил, почему он вдруг осознал свои действия, почему упёрся, закрылся, перестал воспринимать приказы людей в блестящих одеждах. Может, потому что ему понравились переливы цветов, там, внизу; может, в какой-то момент точка циклона за экраном напомнила подмигивающий глаз. Однако подсознание отчётливо сохранило фразу женщины, которая в первый и в последний раз наклонилась к нему и взяла за руку:

"Этого пора утилизировать".

Если бы в ту самую секунду мир вокруг не изменился разительно, если бы внезапно станция не исчезла — Тейт бы уничтожил её сам. Вместе с собой и с той женщиной, что держала его за руку.

Меня скрючило от слёз; горло свело. Я уткнулась Эрнану в плечо, позволяя обнимать себя, и даже не сразу осознала, что с неба льёт как из ведра.

— Он это помнит, твой Танеси Тейт, — тихо произнёс дядя, поглаживая меня по волосам. — Задвинул в самый дальний угол сознания, но не выкинул. Это будет влиять на него — всегда.

— Я...

Мне необходимо было сказать что-то в ответ, возразить, хотя бы перебить... Но знание присушило язык к нёбу, сковало горло немотой.

— Он уже принял однажды самое важное решение в своей жизни, Трикси. И если когда-либо возникнет другая ситуация, безнадежная или невыносимая, он доведёт задуманное до конца. С другим местом, с другими людьми... И больше всего я боюсь, что ты в тот момент окажешься рядом с ним.

Эрнану не требовалось ничего объяснять. Я и сама прекрасно всё понимала. Шрах, да если бы кто-то из моих близких связался бы вот с такой живой бомбой, я бы употребила все силы, чтобы растащить их по противоположным точкам планеты. Или вообще по разным вселенным. Даже если бы это значило обречь себя на вечную ненависть со стороны спасаемых...

Но Тейта я оставить не могла. Даже сейчас.

— Ну-ну, — мстительно ущипнул меня за мочку уха Эрнан. — Не надо делать из меня злодея. Я не собираюсь разлучать вас. Я знаю, что такое любовь. Но любить — не значит закрывать глаза. Если ты хочешь быть рядом с ним, то будь правильно.

Правильно, значит...

Дыхание у меня выровнялось.

— То есть питомец...

— Детские дразнилки — не мой конёк, Трикси, — усмехнулся Эрнан. — А тебе пора привыкать новой роли. Хозяин чудовища — как звучит?

— Отвратительно.

— Вот поэтому остановимся лучше на "трудном питомце".

Честное слово, я не хотела — но расхохоталась.

— У тебя кошмарное чувство юмора.

— Я бы сказал, что моё чувство юмора для понимания требует идентичного с носителем культурного контекста, — занудным профессорским тоном отозвался дядя Эрнан. — А при малейших расхождениях с аудиторией — приводит к катастрофе. Я тебе не рассказывал, почему женился в семнадцать лет? Нет? Как-нибудь мы вернёмся к этой поучительной истории. А до тех пор просто запомни: никогда не используй сарказм, когда со вспылчивой блондинкой-телекинетиком обсуждаешь планы на вечер.

Наверное, я бы всё-таки задала сакраментальный вопрос, и Эрнан бы через некоторое время поведал страшную тайну: как невзрачный коротышка охмурил Глэм Арман, "королеву университета", красотку на два года старше. Не позволил рыжий — он вынырнул из подземелья, сграбастал нас, уже до нитки промокших, за воротники и молча поволок в купальни.

— Трикси в первый день в Лагоне съела пищу, которая для неё оказалась ядовитая, и потом три дня умирала, — жизнерадостно

пояснил он, запихивая Эрнана в бочку с нагретой водой прямо в одежде. — Кагечи Ро мне сказал, что это было очень глупо. А ты хочешь заболеть даже без ядовитой еды? Чтоб ещё глупее?

— У меня иммуни... — возмутился Эрнан, хватаясь руками за края бочки, но рыжий мстительно надавил ему на голову, заставляя нырнуть, и закончил речь с откровенным злорадством:

— Не выйдет. Дурак здесь я.

Готова спорить, что пусть он и не знал, что такое "питомец", но прекрасно всё понял по интонациям и слегка обиделся.

Ну, или сделал вид, что обиделся — это более вероятно, учитывая его характер.

В любом случае, получилось смешно.

Потом мы поужинали втроём. Я намеревалась расспросить Эрнана о маме, об отце, о Лоран... Меня обуревали двойственные чувства: хотелось наверняка знать, что там, дома, всё хорошо, никто не заболел с горя после моего исчезновения и не свихнулся, что они погоревали — но пережили. И одновременно узнать об этом было бы... обидно, пожалуй. Ведь человек всегда кажется себе самому центром мира, единственным зрителем, перед которым разыгрывается увлекательное представление. Выйдешь за дверь — и актёры застынут.

А потом выясняется, что жизнь продолжается и без тебя.

Прежде я уже думала об этом, но, похоже, так и не сумела смириться с выводами. Наверное, мудрости пока не хватало — той, которая со временем превращает самых могущественных людей из деятелей в наблюдателей. Поэтому разговор каким-то немыслимым образом свалился в обсуждение двух последних частей "Хранителей Подземелья". Оказалось, я пропустила целых два фильма и вдобавок сериал-приквел на ночном канале о безбашенных родителях главной героини. Мы перемалывали косточки персонажам с таким жаром, что Тейт даже поинтересовался осторожно, не о моих ли родичах речь.

Кино, сериал, продолжение знакомого сюжета с обожаемыми героями... Это был привет из прошлой жизни. Как шоколад: фантастически вкусный, но ненужный уже, ценный только из-за ностальгических чувств.

Я совершенно точно помнила, что сморило нас там же, за столом, на мягких подушках. Но очнулась уже под утром рядом с Тейтом — от

собственного шёпота:

— Только не умирай, пожалуйста...

Щёки стягивало — кажется, я плакала во сне. Сонно прищурившись, рыжий перевернулся и обнял меня так крепко, что стало больно дышать, и дурные мысли постепенно отступили.

Да, прошлое — это важно, без сомнений. Оно во многом определяет дальнейшую жизнь. Но в конце концов, мне ведь всего лишь надо сделать так, чтоб у Тейта и мысли не возникло уничтожить мир, где есть я.

Где есть мы.

Не так уж сложно...

— Ты сегодня странная, — задумчиво произнёс Тейт, приподнявшись на локте.

Рыжие волосы дыбом стояли, тёмные глаза отсвечивали позвериному, уходя в красноту. Скорее жилистый, чем мускулистый; среднего роста по стандартам моего мира и коротышка в Лагоне... Он был очень, очень сильным. Нашёлся бы внешний враг, способный его уничтожить? Вряд ли. Но вот изнутри... Взрывчатка была вшита в него уже на этапе сборки — в гены, в психику, и никакая магия не смогла бы её изъять.

Я глубоко вздохнула — и снова уткнулась ему в плечо. В такие моменты, когда уныние кусает за пятки, здорово помогает физическая близость, но...

— Шрахов резонанс, — вздохнула я и дунула ему в шею. — Я тебя люблю.

Тейт мрачно засопел.

— Резонанс... А может, он того? Сам установился, ну?

Губы у меня пересохли; я рефлекторно облизнулась — и медленно откинулась на подушки и покрывала, утягивая за собой рыжего. Кажется, мы собирались поцеловаться, возможно, даже успели... Раз двадцать. А потом в ментальном плане раздалось слабое, но отчётливое вяканье о помощи.

Романический флёр как ветром сдуло. Мы с Тейтом ошалело уставились друг на друга.

— Дядя Эрнан. Ему плохо, — прошептала я.

Взгляд у рыжего сделался виноватым.

— Наверное, не надо было в шергу листья с побережья добавлять. И ягоды сушёные заворачивать в лепёшку... Но ты-то их ела, и ничего!

Мы оделись и спустились быстро, как по тревожной сирене в пожарной части, однако Эрнан всё равно успел отключиться. Чудо, что он вообще нас дозвался — температура зашкаливала, горло опухло так, что едва можно было дышать. Пока я лихорадочно пыталась сделать хоть что-то своей крохотной ступенью биокинеза, Тейт помчался за помощью, и меньше чем через час вернулся в сопровождении Кагечи Ро и ещё какой-то девчонки, видимо, ученицы из той же мастерской. Диагноз они поставили почти сразу: жесточайшая простуда, осложнённая бактериальным заражением. Болезнь считалась не особенно тяжёлой, местных магов лекарства ставили на ноги уже к вечеру.

Проблема заключалась в том, что на традиционные лагонские препараты организм Эрнана отреагировал как на отборный яд.

Через несколько часов в тесной комнатке заседали четверо подмастерьев из разных мастерских и сообща решали, как спасти моего дядю. Оттёртый в угол Кагечи Ро меланхолично смешивал целебную микстуру. Из шеи у Эрнана торчали розоватые трубки, облегчающие дыхание.

— Может, Оро-Ича позвать? — шёпотом спросила я рыжего. Тот резко дёрнул головой:

— Нет, пока рано. Он и не придёт. Вот если его добыча умирать будет...

Я прикусила язык, сдерживая ругательства. Обнадёживало лишь то, что дядино состояние уже хотя бы не ухудшалось, а временами жар даже спадал. Тейт сидел рядом со мной и травил жуткие байки про то, как добыча из другого мира частенько не доживала до прибытия, собственно, в Лагон — незнакомая пища, айры, болезни... Станным образом это действовало успокаивающе, наверное, потому что нельзя бояться слишком много — устаёшь. И ещё я задумалась над тем, что в своё время мне повезло: благодаря начальной ступени биокинеза организм худо-бедно отторгал вирусы и бактерии. Впрочем, я и дома почти никогда не болела, а вот Эрнан регулярно сваливался с простудой. Мама неизменно тогда срывалась из лаборатории, за пару часов возвращала его в социум, хоть и изрядно побледневшего и осунувшегося, и с торжеством заявляла, что теперь от этого штамма у

него-де иммунитет... что никак не мешало Эрнану через несколько месяцев снова слечь.

Лагонские бактерии, видимо, оказались особо злыми и упорными, потому что на сей раз он полностью выздоровел только через восемь дней. Полтора десятка незнакомцев из ложи созидających совершенство, которые провели у нас больше недели, наконец-то разошлись. На выходе некоторые из них передавали другим перламутровые стекловидные лепестки, считающиеся здесь за деньги.

— Они спорили, — довольно сообщил Тейт, наклонившись к моему уху. — Вообще подмастерья дорого берут за свою работу, ну, если у тебя с ними заранее договора нет. Типа ты как пособие к ним ходишь, или едой делишься, или ещё как помогаешь, а они лечат. Но вот если слух пустить, что есть тут, в Лагоне, один трудный случай, и никто справиться не может, всем типа слабо... Смекаешь?

Я прыснула со смеху.

— Ты прирождённый манипулятор.

— Не-е, — протянул он со вздохом. — Это меня Ингиза научил. Точнее, я смотрел, как все делали, что он хотел, даже когда он вот так прямо не просил. И тоже так захотел уметь.

Сказал — и бросил на меня взгляд искоса, проверяя реакцию. Точно болотистую почву прощупывал...

— Тебе легче стало о нём говорить? Об Ингизе?

Тейт неопределённо дёрнул плечом и уставился вдаль. День только начинался, и он обещал быть жарким: небо, ясное, ярко-синее, словно излучало тепло, и воздух над влажными после дождей зарослями дрожал — клубилось марево. В вышине беззвучно носились айры с зеленовато-прозрачными крыльями, похожие на птиц. Рваные, аритмичные движения завораживали взгляд; начинало постепенно клонить в сон. Сильно пахло океаном, так, что, кажется, обогнёшь холм — и выскочишь к побережью... Ольфакторные галлюцинации, или я просто успела соскучиться по океану?

— Наверное, потому что у меня будто появилась семья, — произнёс вдруг рыжий, когда я уже не ждала ответа. — Сначала ты. Потом этот твой Эрнан Даймонд. Он твой дядя, ну, но всё время смотрит и говорит так, будто знает меня до костей. Он тогда рассказывал про эти ваши... фильмы, да? А я слушал даже спрашивать не хотелось, что за фильмы такие, потому что — да какая разница? И

Маронг с Лиорой, и Лао, и Итасэ даже... У меня всегда друзей было полно. Но как-то не так. Понимаешь?

Не глядя, я нашла его руку и сжала.

Айры в вышине маневрировали слитно, в стае, как рыбы в океане, точно превращаясь в единое существо.

— Наверное, да.

Мне хотелось сказать, что дело не в них, а в нём — это он открылся, пустил к себе. Но я промолчала.

Говорят, цветы быстрее растут, когда на них не смотрят. Может, и доверие тоже?

Ещё два дня дядя Эрнан ходил, пошатываясь, и общался исключительно ментально — горло берёт. Мы с рыжим исправно выгуливали его по очереди: показывали Лагон, знакомили с местными правилами. Из общих друзей познакомили его только с Митчи. Разум Лао, боюсь, оказался бы чрезмерно мощным впечатлением для ослабленного болезнью эмпата, а Лиора была слишком похожа на Лоран. И, хотя дядя и держался бодро, не упоминая о родном мире, я-то прекрасно помнила своё эмоциональное состояние в первое время в Лагоне. Лишние напоминания о той, потерянной жизни пользы не принесут.

— А если его с Айкой и с Орсой свести? — с деланой задумчивостью предложил Тейт, когда Эрнан отправился на первую самостоятельную прогулку. — Они его живо впутают во все неприятности, в какие можно. Зато потом не страшно будет.

Мы сидели на гребне холма, окружающего внутренние долины Лагона: рыжий остывал после тренировки в мастерской Таппы, я отходила от изнурительных индивидуальных занятий с Итасэ, который взялся меня поднатаскать, пока действовал запрет на посещение уроков Ригуми Шаа. Считалось, что у нас обед на свежем воздухе, что-то типа пикника, но кусок в горло не лез. Ужасно хотелось проследить за дядей — пусть краешком купола, тенью мысли. Но я сдерживалась: во-первых, Эрнан наверняка заметит и засмеёт, во-вторых, глупо строить из себя наседку, когда "цыплёнок" вдвое старше и на порядок сильнее.

— Шоковая терапия? — усмехнулась я, представив результат такого знакомства. — Можно попробовать. Говорят, девочки

присмирели после нагоняя от мастеров...

— Успокоились? Да ну, — с сомнением протянул Тейт. — Они вчера Лао попытались украсть, пока он спал.

— И как? — искренне заинтересовалась я.

Рыжий оживился:

— О, ну там интересно было. Он вроде как на месте лежал, но они его даже потрогать не смогли. Руки тянут — и промахиваются. А Лао потом так открывает глаза и говорит: "Когда я сплю, я есть, но меня нет. Даже не пытайтесь".

Я рассмеялась:

— У нас завёлся свой квантовый дракон.

— Кто-кто? — с любопытством обернулся Тейт.

Наверное, попытка объяснить достоинства и недостатки квантовой теории на пальцах заняла бы порядочно времени и сил, но я даже начать лекцию не успела.

"Простите, что прерываю свидание, — толкнулся в виски мысленный голос дяди Эрнана, ясный настолько, словно мы плечом к плечу стояли. — Но у меня возникла небольшая загвоздка. Срочно нужна подробная справка насчёт тонкостей и нюансов проведения дуэлей в Лагоне..."

Меня аж на месте подбросило.

— Каких к шраму дуэлей?! — заорала я с перепугу. Тейт напряжённо притих, а потом начал быстро-быстро подьедать наш обед — орешки, ягоды, копчёное мясо. — Ты во что вляпался?

"Тут какая-то женщина, неплохой эмпат, что-то говорит о правах на добычу и о том, чтобы отомстить мастеру Лагона... Она созвала целую толпу магов, и меня тащат к месту, называемому сценой. Полагаю, что смысла сопротивляться на данном этапе нет".

Мы с рыжим переглянулись; он быстро склонил голову к плечу и показал пальцем вниз.

— Постарайся потянуть время, — попросила я Эрнана, параллельно создавая трубу-спуск. — Мы сейчас придём.

Тейт подхватил меня на руки и сиганул в трубу — так было быстрее. Ветер засвистел в ушах.

"Я постараюсь. Но они уже зачитывают правила. Боюсь, я понимаю не все нюансы..."

— Не успеем, — шепнул Тейт, стиснув зубы. — Ну, ничего. Убить его не убьют, а я потом вызову её и заберу твоего дядю. Трикси, слышишь? Не дрожи.

— Это гневная дрожь, — мрачно пошутила я.

Труба кончилась, и мы покатались по земле, увязая во вьюнках. М-да, посадка вышла жёсткая...

"Да, кстати, эта женщина, похоже, не только эмпат, но и неплохой конструктор, — добавил Эрнан с энтузиазмом. Ситуация его, конечно, тревожила, но, похоже, не слишком. — В Лагон она вернулась недавно, её правила здесь многим кажутся старомодными..."

Тейт, который взвалил меня на плечо и приготовился бежать, вдруг замер, точно в стену врезался.

— Покажи мне её, — потребовал он. — Трикси, пусть твой дядя её покажет. Запах, глаза, как двигается.

"Гм, вот запах я не гарантирую. Хотя у одной девушки на трибуне весьма тонкое обоняние..."

Ментальное пространство напряглось; я ощутила, как Эрнан устанавливает прямой контакт с Тейтом, но не сумела расшифровать переданные образы, слишком сосредоточившись на собственных ощущениях. Рыжий бежал напролом, продираясь сквозь заросли, перепрыгивая через расщелины... Вовремя сотворённые перемычки здорово сэкономили время — всем нам.

— Не переживай, Трикси! — выпалил Тейт на бегу. — Если получится, твой дядя справится сам. Правда, если не получится, она теперь его точно убьёт.

— Спасибо, успокоил!

Уровень сарказма в крови подскочил вместе с кортизолом и адреналином.

Рыжий, впрочем, припустил быстрее. Я разворачивала перед ним маршрут, как волшебный клубок из сказки, и в какой-то момент возникающие под ногами дорожки тронулись вперёд — сами. Ещё не обожаемые здешними магами летающие платформы, но уже близко; мастер Ригуми Шаа мог бы гордиться мною, если б не отстранение от занятий... Рыжий реагировал на изменения едва ли не прежде, чем они появлялись; наши разумы были сплетены теснее, чем два перевитых жгута. Подсознательно я искала маятник резонанса, неизбежный в такой близости — но отчего-то не находила.

Мы вылетели к сцене через несколько секунд после окончания поединка. Трибуны были полупустые в сравнении с тем, сколько зрителей явилось поглазеть на сражение Тейта с Соулом. И, в отличие от прошлого раза, царила мёртвая тишина, и в ментальном плане тоже.

Дядя Эрнан улыбался, слегка запрокинув голову, и демонстрировал неприлично много зубов по лагонским меркам. У его ног, сердито кусая губы, сидела женщина — удивительно красивая, высокая, худощавая, с волнистыми голубыми волосами до плеч. Ледяные глаза, острые скулы... Я была уверена, что никогда прежде не видела её — попробуй-ка, забудь такое диво! — однако почему-то она казалась мне знакомой.

— Спасибо за дельный совет, — отчётливо сказал Эрнан, обращаясь к Тейту. — Честно признаться, я даже не рассчитывал на такой исход... — Он вдруг повернулся к пустому сектору трибун и громко спросил: — Как ты считаешь, адаптация завершена?

Коренные обитатели Лагона, вероятно, благодаря горькому опыту быстрее меня сообразили, что к чему, и бросились врассыпную. Кто сумел — упорхнул в небо или зарылся под землю, остальные примитивно драпали в разные стороны. Я же поняла, к кому обращался дядя, только когда пустота соблазнительно, по-инкубьи, рассмеялась и растеклась щупальцами по камням. Мастер Оро-Ич проявился, как сказочный кот, частями и постепенно.

Он соскользнул вниз, как огромный спрут, широкой ладонью взъерошил волосы Эрнану, как мальчишке:

— Ты хорошо показал себя. Можешь покинуть Лагон, — певуче произнёс он. И обратился к женщине: — А тебе рано набирать учеников, Йонра. Ступай в подмастерья к Шаа, он обучит тебя.

Нас с Тейтом Оро-Ич удостоил лишь мимолётного взгляда — тяжёлого, как пятипалубный авианосец. Но, кажется, одобрительного... Что ж, неплохо.

Женщина ушла, не оглядываясь, сразу за мастером. Я выждала, пока сцена опустеет окончательно, и только тогда набросилась на дядю с вопросами:

— Покинуть Лагон? Ты собрался в горы? С ума сошёл? — Мне самой было стыдно за панические нотки, но остановиться я не могла. — Ты до приюта Митчи не сумел дойти так, чтоб не вляпаться! Какое ещё "покинуть Лагон"?

Эрнан поднял руку, точно прося милости, и опустился на каменные плиты; стало ясно, что ноги его едва держали.

— Полегче, Трикси, — вздохнул он и с усилием потёр переносицу. — Мне это далось сложнее, чем ты думаешь, хотя поединка как такового не было.

Я насторожилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой партнёр любезно подсказал мне, что... — начал было Эрнан, но Тейт быстро приложил ему пальцы к губам:

— Или не здесь, или не так. Слушают же.

Дядя стрельнул глазами по сторонам, хмыкнул — я, к слову, посторонних не заметила — и поднялся:

— Не здесь — так не здесь.

Но, разумеется, объяснять он начал гораздо раньше — на ходу и ментально. Речь его при этом звучала чётко, словно он вслух говорил... Мне, к сожалению, далеко до такой безупречной концентрации, несмотря на большой прогресс как в телепатии, так и в эмпатии. Передавать мыслеобразы — пожалуйста, но создавать иллюзию разговора — это удел гораздо более сильных псиоников.

Впрочем, там и рассказывать-то особо не о чем было.

"Во-первых, Тейт предположил, что вы уже встречались с той женщиной прежде, — бодро излагал Эрнан, пока мы карабкались по склону к скоплению тонких ало-золотых деревьев, больше похожих на переросший тростник. — Совокупность особых примет убедила его в правильности догадки..."

— Что-что за совокупность? — не выдержала я.

Из-под ног у нас разбегались мелкие пушистые зверьки с десятком тонких гибких хвостов каждый, но рыжий не обращал на них ни малейшего внимания — значит, беспокоиться не о чем. Дядя начал потихоньку выдыхаться; я же подъёма не замечала, и это грело душу.

— Запах и движения, — коротко пояснил Тейт. — Можно внешность поменять и всё такое. Но запах и движения люди забывают. А зря.

"Вот-вот, — подтвердил Эрнан и выругался вслух, оступившись. Я молча подставила ему локоть, предлагая опору. — Спасибо, Трикси. Н-да, надо мне заняться своей физической формой... Он также предположил, что женщина будет отнюдь не рада, если то, при каких

обстоятельствах вы встречались, станет известно широкой публике. Так что я оценил количество зрителей — и прямо перед началом поединка предложил ей честную сделку".

— Значит, примитивный шантаж? — развеселилась я.

— Но-но! — Эрнан поучающе воздел палец к небу. — Шантаж — один из самых эффективных способов вести переговоры. А примитивный или сложный... это уже зависит от конкретной ситуации. Можно по-разному действовать, знаешь ли.

Он запнулся, и я едва сумела удержать его от падения.

— Сдаюсь, сдаюсь, дядя. Так что за женщина была? — добавила я, понизив голос.

Вместо ответа Эрнан сбросил мне образ — знакомый, безусловно, знакомый, но дополненный столькими оттенками чувств, что почти неузнаваемый.

Под ногами — шёлково-нежная разноцветная трава. Чуть дальше — песок, сверкающий, как алмазная пыль. На одичалый пляж накатывают чёрно-синие волны; низко-низко над водой носятся длинноклювые птицы, перекликаясь тонкими голосами, а у линии прибоя выстроились древние деревья.

Но женщина рядом с ними, кажется, ещё древней.

Она как выветренный до дыр камень; её кожа сморщена, груба и темна, волосы бесцветны, глаза провалились и побелели, как у слепой; узлы суставов — как разбухшие орехи, ногти скрюченные и растресканные, как прошлогодние листья.

— Хозяйка долины, — выдохнула я. Перед глазами встало другое видение — прозрачно-серые глаза, похожие на гневное ледяное море, голубые локоны... — Значит, она вернулась.

— Вроде того, — хмыкнул Тейт. — И она явно навестила созидающих совершенство. Лицо как новое.

— То есть она не хотела, чтобы о её прошлом узнали, — подхватил Эрнан. — Однако тут шантаж мог и не сработать. Она вполне могла подумать, что быстрее и надёжнее меня убить. И вот здесь мы подходим к "во-вторых", — и он обернулся к рыжему, точно предлагая ему продолжить.

Тейт легко взбежал на вершину, обгоняя нас на десяток шагов, и привалился спиной к деревцу в огненных цветах-колокольчиках с хищно распахнутыми лепестками.

— Эта, как её, Йонра, на самом деле по уши втрескалась в Оро-Ича, — безмятежно произнёс он, глядя в пространство. — Я ещё тогда понял. К мастеру не страшно вернуться изуродованной. А к любовнику — страшно.

— И поэтому, во-вторых, я дал ей понять, что мастер Лагона рядом и наблюдает за нами, — спокойно признался дядя — и опустил прямо на землю. — Фух... Давайте передохнём. Не могу больше. Н-да, пожалуй, я переоценил свои силы...

— В общем, ты даже не соврал, — продолжил Тейт. — Оро-Ич ведь наверняка следил за тобой. Ну, а если не следил, то потом появился. Он всегда появляется, когда все себя ведут так, будто он рядом. Нарочно, наверное. А может, привычка уже.

Если б не ситуация в целом, пожалуй, я бы рассмеялась. А так — жаль было эту Йонру, которая подвернулась двум хитрецам под горячую руку.

— Сама виновата, — прикрыл глаза Эрнан, подставляя лицо ветру. — Зачем пытаться убить или поработить такого прекрасного меня? И, да, я же не договорил, насчёт отбытия из Лагона. Помнишь, я упоминал уже, что шантаж — весьма эффективный способ достигнуть соглашения? Так вот, есть более надёжный, а, главное, безопасный метод — торг. Говорят, сторговаться можно даже с судьбой... Словом, когда ты ушла, мы с моим, гм, новым мастером Оро-Ичем, э-э... Скажем так, пообщались по душам. И выяснилось, что у меня даже более гибкая психика и, кхм... более широкие горизонты, чем он предполагал. — Эрнан явно что-то скрывал, потому что разум у него стал вдруг совершенно непроницаемым. — А раз шокировать и дезориентировать меня не выходит — надо договариваться. Мы заключили своего рода пакт: я доказываю свою состоятельность как дипломата высокого класса даже в этом мире, а Оро-Ич начинает рассматривать меня как полноценного союзника.

Тейт беззвучно затрясся, сползая вдоль деревца. Я со стоном уткнулась лицом в собственные колени. Ветер легкомысленно колыхал огненные цветы, а дядя Эрнан, по уши и по собственной инициативе влипший в неприятности, не менее легкомысленно созерцал пейзаж.

— Дядя... — голос у меня позорно сорвался. — Но ты же понимаешь, что ты всё равно сейчас будешь делать именно то, что он задумал? Причём с самого начала задумал?

— Ну, естественно, — невозмутимо кивнул Эрнан и мечтательно улыбнулся. — Знаешь, Трикси, чем приключения отличаются от проблем? Исключительно твоей собственной точкой зрения. Проблемы тебе навязывают, а в приключения ты сама бросаешься с головой... Хотя, разумеется, я сейчас в панике. И смиренно алчу твоей помощи. Дело в том, что по соглашению с Оро-Ичем, мне нужно отправиться на острова, отыскать там неких двух магов в определённом месте и сделать их союзниками Лагона. Как полагаешь, с чего лучше начать?

"Лучше начать с того, чтобы вообще всё это не начинать", — пронеслось у меня в голове. Но вслух я, разумеется, этого не сказала.

Тейт хохотал, как чокнутый.

Шраховы хвосты жизнерадостно торчали из кустов.

Идиллия.

Глава 39. Острова

Люди, с которыми ты объединяешь силы для достижения общей цели.

Однако доверять им при этом, впрочем, не обязательно — и даже глупо.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Надо сказать, что после судьбоносного дядиного заявления Тейт собрался с мыслями гораздо быстрее меня.

— Тебе нужна карта, — сказал он, отсмеявшись. — А ещё проводник, припасы, команда и новости с побережья. Ладно, ждите.

Сказал — и юркнул в высокую траву.

Эрнан недоумённо моргнул. Похоже, что он потерял рыжего так же быстро, как я. И купол размером с пол-лагона ему не помог.

У меня вырвался вздох.

— Я тоже не понимаю, как они это периодически делают, если что, Тейт и Лао.

— Ну и прекрасно, — рефлекторно среагировал дядя. — Просто чудесно, что в мире полным-полно вещей, которые мы с тобой совершенно не понимаем. Иначе жить было бы смертельно скучно, не находишь?

— Гм... А как же "Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего"?

— А ты прибавь к этому ещё и "постоянно удивляйся" — ничего не потеряешь, наоборот, много приобретёшь, — подмигнул Эрнан. — Но меня сейчас другое беспокоит. Нам что, ждать его здесь?

Второй мой вздох был ещё горше и печальнее. Раз в авантюру решил ввязаться рыжий генератор неприятностей, то отвертеться точно не получится. А ведь день так хорошо начинался! Солнце, освежающий ветерок, пикник на холме над коллективным пристанищем безумных магов...

— Думаю, не обязательно. Когда понадобится, он нас сам найдёт. Нет — его проблемы.

— Злюка, — усмехнулся Эрнан. Он потрепал меня по волосам и бодро потрусил вниз по склону, поскальзываясь на гладких листьях вьюнов.

Мне бы его оптимизм и уверенность...

В одном дядя был прав — настроение у меня испортилось капитально. И, когда нас на полпути к дому попытались зажать на поляне двое заносчивых магов из мастерской Сафиры Акки, я с удовольствием на них отыгралась. Охотитесь за добычей? Ну так получите.

Дезориентирующая волна паники в ментальном пространстве; невидимая планка-подножка в нужный момент; атака иллюзорного айра — точной копии одного из отвратительных монстров, на которых мы наткнулись в последнем рейде на свободный клан; а в довершение всему — несколько тяжёлых ударов битой по рёбрам.

— Что это было, Трикси? — осторожно поинтересовался Эрнан, кутаясь в пышный шарф, словно от холода.

— Лагонская дипломатия, — ответила я, взвесив битую в руке. Маги драпали к зарослям, потирая бока; иллюзия вышла на совесть, крепкая. Мастер Ригуми Шаа, наверное, остался бы доволен. — Привыкай.

Он сглотнул, но ничего не сказал — ни о моих новых навыках, ни о местных методах ведения переговоров.

Тейт вернулся через восемь дней — пропахший дымом, весёлый, одичавший и с солидным мешком за спиной.

— Хорошие новости! — жизнерадостно заявил он, вываливая содержимое мешка прямо на продолговатый поднос с ножками, который был у нас за обеденный стол.

Я едва успела отставить в сторону кувшин с шергой и блюдо с вяленным мясом фуубе. Какие-то металлические инструменты — или оружие? — свёртки, свитки, непрозрачные флаконы... Да уж, к подготовке нашей спонтанной экспедиции он подошёл серьёзно.

— Ты нашёл команду?

— Нет, — оскалился рыжий. — Но я пришёл сам, значит, проводник у вас уже есть. А ещё я поспрашивал там-сям, так что представляю, что на островах и на побережье нового. И у меня карта свежая, — и он выудил из хлама на столе длинную, почти метровую

узкую тубу. — Ты уже слышал что-нибудь про острова? — повернулся он к Эрнану.

— Немного, — уклончиво ответил тот. — В принципе, в моём положении никакая информация лишней не будет.

Тейт улыбнулся торжествующе — и раскатал карту прямо по рассыпанному снаряжению и пиалам. Она была изготовлена из незнакомого материала — не кожа, не ткань, отдельных волокон не разглядеть, рельефа почти нет. Тонкий, прочный и словно выплавленный из цельного куска... металла? Смолы? Впрочем, гадать бессмысленно: если карта — работа мага, то она может быть просто воплощена из ничто.

— Нэккен сделала, — охотно просветил меня Тейт, заметив любопытный взгляд. — Я к ней одного путешественника привёл и Лиору, ну, они втроем и работали... Такой подробной и новой в Лагоне ни у кого нет, — и он провёл ладонью над горами, к океану на юге, затем вернулся назад и очертил ногтем кружок. — Вот мы примерно тут. Пока не выйдем из Лагона — точно не узнаем, где.

Мы склонились над картой. Я примерно представляла себе географическое устройство мира, но именно что примерно — настолько детальная схема мне ещё не попадалась. Обозначения были интуитивно понятны, например, в долине с гаюсом барахтался нарисованный человечек, обглоданный наполовину. И такие же фигурки — полурастворившиеся, обугленные, переломанные, растерзанные — были разбросаны по всей карте. Мучения на крохотных лицах Нэккен изобразила до дурноты правдоподобно.

Весь центр занимали горы. Некоторые фрагменты я даже узнавала, потому что уже видела их прежде, с высоты полёта химеры, например, два чудовищных столба, между которыми плясало электричество. Чем ближе к северу и востоку — тем больше появлялось серых пятен — участков, словно бы подёрнутых туманом. К югу хребты становились всё более пологими, скалы переходили в побережье. Обитаемая полоса оказалась довольно узкой, и её почти сплошняком покрывали кляксы-поселения.

Тейт перехватил мою руку, блуждающую над картой, и остановил её над крошечным зелёным пятнышком.

— Здесь — деревня Диккери, — тепло улыбнулся он. — Помнишь? А вот тут, — он указал повыше, — долина, где мы

сражались со свободным кланом за украденных детей. Вот тут пещера, где Итасэ держали... — Тейт осёкся.

Там же, в глубине гор, я впервые осознала, что такое резонанс... что значит — делать друг друга сильнее и полностью доверять.

Мы с тех пор сильно продвинулись вперёд, но отчего-то почти ничего не поменялось. Как поднялись на новую ступень, так с тех пор и бежали по ней вперёд — по широкой, как сама жизнь... Будет ли ещё рывок наверх?

— В пещеру, пожалуй, не пойдём. — Голос у меня звучал хрипло — я с трудом вернулась к реальности.

Эрнан странно посмотрел, словно ему вдруг стало больно, но снова промолчал.

— И не надо, — согласился Тейт. — Нам нужно сюда, — и он развернул свиток до конца, открывая нижнюю часть карты полностью.

Острова... Раньше мне казалось, что это что-то вроде побережья — узкая обитаемая полоса между опасными горами и не менее смертоносным океаном, за которым находятся земли, искалеченные древней войной. Но, если верить карте, оказывалось, что острова по размеру занимают площадь, сопоставимую с горами. Их очертания наводили на мысль, что некогда целый континент был расколот на мелкие части — и разбросан по бескрайним водам.

— Чем дальше на юг, тем более жестокие нравы, — спокойно заметил Тейт. — Я там не был. Магов на Крайних островах, которые по кромке, совсем не любят, есть даже такие люди, "голодные"... В общем, это тоже маги, но они жрут других магов. И они совсем дикие. И там все острова друг с другом воюют, еды-то маловато, рыба то кусачая, то ядовитая, полгода ветры — посева сдувает. Но нам ведь туда ни к чему, да?

Эрнан, как ни странно, не выглядел шокированным информацией. Видимо, действительно успел навести справки — своими методами... А я хороша! Уже столько времени здесь обретаюсь — и до сих пор не знаю многих основополагающих вещей.

— Ты выживала, Трикси, — мягко заметил дядя, скосив на меня взгляд, и вернулся к созерцанию карты. — И становилась сильнее. Настолько сильной, чтобы теперь я мог себе позволить не тратить время на выживание — и сразу пойти дальше.

Я застыла.

Впервые после своего появления Эрнан заговорил о моём прогрессе в таком тоне — хоть между делом, но весомо, что ли... Словно сообщал невербально, в подтексте: я увидел, оценил, проникся, но обсуждать это пока не готов.

— Нам нужен остров Аленго, — продолжил дядя тем временем, уже обращаясь к Тейту. — Насколько я понимаю, это где-то здесь? — и он приласкал кончиками пальцев рассыпанные к западу от побережья острова.

— Вот он, — безошибочно ткнул рыжий в кляксу, похожую на отпечаток тощей ладони. — Каждый остров — это как бы государство, а название — имя правящей семьи. Деревни на побережье — они, ну, ничьи, поэтому часто никак не называются. Или там "Деревня-у-Мыса", "Деревня-на-Песке". Остров Аленго — значит, там правит семья Аленго. Я там рядом бывал, но давно и не один, — Тейт нервно облизнул губы, и разум у него потемнел — приоткрылась жутковатая бездна, которая почти не давала о себе знать в последнее время. — В общем, знаю не так много... Слушайте.

Его "немного" обернулось получасовым монологом, который изрядно походил на инструктаж для офицеров по безопасности, вновь прибывающих в страну.

В общем-то, остров Аленго был неплохим местечком для жизни — если ты, конечно, не маг. Дальше к западу на тысячи километров не существовало ни одного населённого клочка земли, только бескрайний океан, тем более негостеприимный, чем ближе к материку смерти. В тёмных водах обитало множество диковинных монстров, не айров и не животных в полном понимании этого слова. Рыбы весом в полтонны каждая, глубинные змеи длиной в четыреста шагов, звери, вооружённые целым арсеналом шипов, клыков и когтей... Они жили долго, больше столетия, детёнышей заводили ближе к концу этого срока — и иногда почему-то выбирали хозяином одного человека, не обязательно мага или представителя правящей семьи. И тогда какой-нибудь безвестный юный рыбак или охотник получал невиданную власть и поднимался почти на самый верх иерархии Аленго.

На данный момент во главе острова стояла группа почти из тысячи человек, так или иначе связанных родственными узами. Большинство — врачеватели или воины, две сотни управленцев — судей и старост, уважаемые ремесленники, несколько торговцев. Но

особый интерес, конечно, представляли "пастыри" — хозяева океанских тварей. У Аленго было восемнадцать таких, причём половина — чужаки, принятые в семью на почётных условиях.

— Тридцать-сорок тысяч человек, — пробормотал Эрнан. — Учитывая, что остров почти двести километров в длину и сто в ширину, плотность населения не так уж велика. У нас было бы полтора-два миллиона человек минимум. За счёт чего они живут?

— Ну, в центре острова есть несколько долин, вокруг горы. Туда ветры не достают. — Тейт прикусил губу, припоминая; эти сведения он явно не услышал от другого человека, а сам добыл когда-то. Возможно, даже видел те самые долины издали. — Там растят еду. Охотятся, рыбу разводят в заливе, на склонах собирают прядильный мох. Вот тут, — он ногтем отчеркнул часть острова, — добывают плавкие камни и горючие камни. У Аленго много лодок, они торгуют с другими островами, грузы перевозят, охотятся за сокровищами, правда, своих ныряльщиков у них почти нет... Ну, и воюют. Мелкие острова вокруг тоже вроде их, но Аленго там не любят. Хотя вот этих, например, давно завоевали, — и он обвёл пальцем группу мелких островков к северу.

Взгляд у Эрнана стал задумчивым.

— Раз не любят — значит, Аленго не слишком заботятся о присоединённых территориях. Занимаются не ассимиляцией населения, а эксплуатацией. Ресурсы отбирают, например...

— Отбирают мальчиков и девочек, — фыркнул Тейт. — Плаванье за сокровищами — штука опасная, своих детей в обучение корабельщикам отдавать жалко... Ну, если только это не семейное дело.

Меня передёрнуло, дядю тоже. Нет, я, конечно, уже знала о диких порядках в свободных кланах и имела представление о том, насколько далеко это общество от гуманности... Но до сих пор люди без магического дара представлялись, скорее, невинными жертвами, овечками на убой, как в деревне Диккери.

А оказалось, что они могут быть не менее жестоки, только по-своему.

— Ты идеалистка, Трикси, — вздохнул Эрнан и заглянул мне в глаза, убирая пряди с лица. — Думаешь, у нас всё чисто и гладко? Кое-где всё ещё процветает работоторговля, в бедных районах и в крутых

клубах толкают наркотики, корпорации устраивают сговоры, многие районы — на грани экологической катастрофы, более развитые страны используют менее развитые для размещения вредных производств — рабочая сила там дешёвая, а о правах человека не слышали... — Взгляд у него стал невыносимо тяжёлым, глаза точно потемнели, хотя цвета не изменили. — Не решена окончательно проблема оружия массового поражения, а в последние годы всё чаще говорят об угрозе ядерного и бактериологического терроризма.

— И что, ничего нельзя сделать? — не выдержала я, забыв на секунду, что действительно нельзя.

Мы теперь в другом мире, и призрачная перспектива возвращения — целиком и полностью в руках, точнее, в щупальцах Оро-Ича.

— Ну почему же. — Эрнан задумчиво откинулся назад, опираясь на руки, и запрокинул голову. — Я делал много... Мы делали. Международный псионический корпус, Лига независимых консультантов, Совет по примирению. Названия разные — суть одна: высокоорганизованные псионики пытаются решить мировые проблемы. Я заметил, что чем мощнее псионические способности — тем больше и ответственность, тем меньше эгоизма, жажды власти. Не у всех, конечно, бывают и исключения... Может, мы близки к новой ступени эволюции?

Я уткнулась лицом себе в колени.

— Не знаю, что там с биокинетиками и пирокинетиками, — пробурчала неразборчиво. — Но вот с телепатами и эмпатами всё понятно. Как причинить боль другому человеку, если чувствуешь её, как свою?

— Не все так думают, Трикси, — обжёг мне ухо шёпот; я отшатнулась.

Тейт сидел совсем рядом и пялился в упор.

— Что?..

— Ничего, — отклонился он и вновь занялся картой. — В общем, я ещё много всякого могу рассказать, но лучше по дороге. Если короче: ну, не жрите там что попало, болтайте меньше, ходите, где людей нету. А, и вот с Аленго, с самой семьёй, не связываться. А ты каких магов-то ищешь? — обратился он к Эрнану.

Тот неопределённо качнул головой:

— Пока сказать не могу. Но представляю, где примерно их найти и как узнать.

— Ага, Оро-Ич запретил говорить, — разочарованно протянул рыжий. — Ну, ладно. Доберёмся до Аленго, а там решим. Еду я соберу, но пойдём пешком, так что много взять не получится. Оружие нужно добыть, хоть простое, к людям же идём. И мало нас как-то. Надо ещё кого-то позвать... — Он задумался, и я ощутила промелькнувшую в его сознании тень сомнения.

— Есть идеи? — спросила я осторожно.

— Ну, Кагечи Ро вроде хочет прогуляться, — нахмурился Тейт. — Он мне вчера сказал, когда я к нему за штуками от айров и от нассовой травы приходил. Но он вообще больше в Лагоне сидит, зачем ему? И он недавно выходил.

— Берём, — без колебаний произнёс Эрнан и поёжился. — Без медика нам никак.

Тейт состроил уморительную рожу и доверительно зашептал:

— Помереть боишься? А говорят, что если ты добыча, а призвал тебя мастер Лагона, то нужно всего лишь громко-громко поорать — и он на помощь придёт. Мм?

Дядю ощутимо передёрнуло от такой перспективы. И не то чтоб я его плохо понимала...

В итоге решили, что Кагечи Ро идёт с нами. Рыжий повесил на меня благородную задачу отыскать ещё союзников и опять сбежал из дома. Сутки я мучилась размышлениями — в конце концов, выбор был невелик — и наметила несколько перспективных вариантов. Проблема заключалась лишь в том, согласится ли хоть кто-то из "избранных" на чудесное предложение прогуляться с неизвестной целью далеко и надолго.

Честно говоря, сама я бы попыталась найти какую-нибудь благопристойную отмазку, но близких родственников и их проблемы не выбирают.

Кандидатуру Соула я отмела сразу.

Конечно, мне ужасно импонировала его спокойная, ироническая и слегка рассеянная манера изъясняться, а знание культурных реалий и значительная огневая мощь явно оказались бы не лишними на островах. Проблема в том, что я ему не доверяла. Да, он подыграл нам на дуэли, сдавшись при первой возможности, а затем помог с

нападением на свободный клан... Но вот зачем? Только ради сестры? Не похоже.

Лао говорил, что Соул много лжёт. Если б только я знала, в чём именно...

Что до других кандидатов — Айка, думаю, мгновенно сорвалась бы с места,хватило б и намёка на приглашение. Но присматривать за шкодливой девчонкой — то ещё удовольствие, к тому же следом может увязаться новая подружка, Орса, за которой, без сомнений, пойдёт и брат.

Лиора и Маронг — верные друзья, на которых можно рассчитывать во всех смыслах. И как эмпат, и как человек, в конце концов, я уверена: они не предадут, не оставят. Есть узы, которые завязываются неожиданно, но вскоре становятся прочнее родственных; мы вместе в буквальном смысле сумели убежать от смерти. А если отбросить лирику... Лиора владеет не только техниками внимающих и поющих, но и искусников, лишним это не будет. Маронг гораздо лучше меня работает с овеществлением ничто, изнутри знает многое о жизни свободных кланов и, кроме того, способен полностью заблокировать любую магию. В сочетании с псионическими техниками Эрнана такая способность становится воистину убийственной.

Конечно, оптимальный вариант — утащить с собой Итасэ и Лао. Но, учитывая проблемы в мастерской Ригуми Шаа, это маловероятно. Хотелось бы ошибиться...

— Что вздыхаешь? — Эрнан взъерошил мне волосы — почти как в детстве. В последние годы он обращался со мной, как с взрослой, и, в общем, избавился от этой привычки, но после перемещения в Лагон точно десять лет сбросил. И со своих плеч, и с моих. — Я готов идти и знакомиться, скажи только — куда и с кем.

Я точно очнулась.

Было за полдень. Мы позавтракали, перебрали ящики с одеждой, решая, что можно взять в поход, помедитировали над картой, но из дома так и не высунулись. Наверное, жила где-то в глубинах подсознания надежда, что вот-вот вернётся рыжий — с готовой командой надёжных до печёнок, сильных ребят, которые не прочь окунуться с головой в приключения.

— Некоторые решения нужно принимать самостоятельно, — пробормотала я, собираясь с силами. В комнате посветлело: Шекки,

точно почувствовав мои намерения, сдвинулся от входа. — Так. Начнём с самого сложного. Сейчас я представлю тебя двум, э-э... — неожиданно для себя запнулась я; не людьми же их называть? — В общем, моим друзьям. Но на одном условии: ты не будешь их читать. Поверхностно слушать — пожалуйста, но вглубь не лезь, никаких эмпатических штучек.

Эрнан усмехнулся, лихо сдвигая шарф-тюрбан набок:

— Ты кого защищаешь, меня или своих приятелей?

— Тебя, — не колебалась я ни секунды. — Они в защите не нуждаются, поверь.

Ригуми Шаа отлучил нас с Итасэ от своей сиятельной особы на десять дней. Срок вроде бы уже истёк, но в мастерскую я пока ещё не совалась. Сначала на меня в буквальном смысле свалился родной дядя, потом он же осчастливил вестью о том, что мы идём на острова. Резко стало не до учёбы, хотя Итасэ давал мне "частные уроки" — занимался со мной как подмастерье у озера, где обитал Лао.

Вот туда-то мы с Эрнаном и направились.

— Если вкратце, то кто твои друзья? — Не сказать, что дядя изнывал от любопытства, но интерес определённо проявлял. — Когда ты рассказывала о жизни в Лагоне, то больше концентрировалась на событиях, а не на персоналиях. Исключая, разумеется, Танеси Тейта и мастера Оро-Ича.

Впереди показалась ядовитая рощица, пересечённая множеством глубоких расщелин; где-то за ней и раскинулось искомое озеро. Проложить мост поверху или обойти?

Лучше, пожалуй, второе — приберегу пару сюрпризов для дяди на путешествие.

— Вообще-то, мастер Лагона — скорее, событие планетарного масштаба, а не скромная персона, — хмыкнула я. — А Тейт — вообще ходячая рыжая катастрофа, так что от принципа я не отступила. Что же до Итасэ и Лао... Один из них — воплощённая из бездушной пустоты мечта одинокого поэта, а второй — дракон, который не определился ещё с принципами своего физического бытия.

— Шутишь?

— Я смертельно серьёзна. И, дядя, помни — ты обещал не лезть к ним в сознание.

Видимо, Эрнан получил достаточно пищи для размышления, потому что он замолчал аж до самого озера. И купол уплотнил вокруг себя так, что хоть ножом режь.

Подготовился к встрече не только он.

Последние метров пятьдесят мы продирались сквозь заросли душистой травы, вроде той, что росла у подножья холма, где обитал Соул. Тающая паутина липла к рукам, лицо повлажнело от росы... Дядя отфыркивался и всё больше походил на пловца, наглотавшегося воды. А потом поле неожиданно закончилось.

Мы оказались на открытом пространстве — и потеряли способность дышать.

Навстречу порхнула стая крошечных птиц — золотых, сияющих. Нежные, как прохладный шёлк, крылья задевали нас, прочерчивали быстрые штрихи по щекам, по голым рукам. Сладковатый аромат травяных дебрей сменился вдруг солоноватым, остро-свежим, точно у океана зимой, а потом дохнуло вдруг жаром, как от камня, в который угодила молния во время грозы. И за мельтешением птичьих тел проступила вдруг подвижная, живая вспышка, точно звезда металась над озером, проявляясь то там, то тут. А потом она коснулась простёртой к небесам человеческой ладони...

Итасэ, босой, стоял посреди озера, и по водной глади разбегались от его ступней концентрические круги. Чёрный туман стелился вокруг, поднимался кверху, окутывая его, как плащом; серый, белёсый — на фоне синего озера и быстрых золотых птиц Итасэ казался нереальным, точно сотканным из оттенков предрассветного мрака. А его руки легко касался Лао, парящий над водой — пятки выше затылка, — и смеялся.

— Здравствуй, Трикси, — пропел он. В зрачках его билась гроза — и не находила выхода. — Я никак не могу решить, упасть или взлететь.

Я сглотнула; горло совершенно пересохло.

— Мне кажется, Итасэ уже за тебя всё решил.

Лао прикрыл глаза — и плавно опустился на озеро.

— И то верно.

У меня даже на долю мгновения не возникло сомнения в том, что они это устроили нарочно. Итасэ-то всегда был склонен к эффектным жестам, а Лао... В конце концов, что я знаю о драконах кроме того, что иногда они внезапно решают сделать миру подарок?

— Спасибо, — шепнул Эрнан, когда мы шли к берегу, чтобы дополнить пиалу шерги изысканной компанией, по выражению Итасэ.

— За что?

— За предупреждение. Боюсь, что если бы я сходу решил прочитать это... такое... — Он замялся. — То я перестал бы уже быть собой. И стал бы кем-то другим.

— А разве это плохо? — сузил дивные глаза Лао, обернувшись через плечо, и улыбнулся. — Не надо бояться. Я не враг вам.

— Замечательная новость. Может, теперь мы все и выживем, — пробормотал дядя Эрнан, и я так и не поняла, пошутил он или нет.

На том хорошие новости и закончились, увы.

— Я не смогу пойти с тобой к островам, Трикси-кан, — сходу заявил Итасэ, когда мы ещё разливали шергу по пиалам. — Хотел бы, но не могу. Я только что вернулся в мастерскую, а Шаа до сих пор дуется, сразу уходить нельзя. Всё-таки я старший подмастерье.

Мне хотелось цокнуть языком с досады, но я только склонила голову.

— Понимаю и не могу настаивать... Постой, а откуда ты знаешь про острова?

Он бросил на меня странный взгляд исподлобья, словно хотел сказать многое, но что-то ему мешало. Потом очень, очень медленно наполнил шергой последнюю пиалу, ярко-синюю, как гаюс, и передал мне.

— В Лагоне сейчас беспокойно, Трикси-кан. Ходят странные слухи, шныряют странные люди. Твоё появление, предательство Аринги, потом то, что мы видели в горах — и в логове свободного клана... Всё это неслучайно. Силы сходятся в одной точке, кто-то двигает их.

— Оро-Ич?

— Надеюсь, — откликнулся он рассеянно. Потом вдруг забрал у меня пиалу, сделал глоток — и вернул, глядя прямо в глаза: — Будь осторожна. Очень осторожна. Если почувствуешь, что нужна помощь — зови на помощь, не молчи. Танеси Тейт никогда не сделает этого, значит — ты должна.

Стало горько — шерга оказалась слишком крепкой. Может, даже слишком для непривыкшего к местным традициям Эрнана; впрочем,

он и не торопился пробовать напитков, молча наблюдая за нашим диалогом.

— Я не понимаю, — вырвалось у меня наконец.

Итасэ фыркнул, и выражение лица у него сделалось привычно-надменным.

— Это потому что голова у тебя, как у айра — красивая, но внутри лишь то, что вложено другими, — едко произнёс он. У меня от сердца отлегло: раз язвит опять, значит, всё не так плохо. — Не думай слишком много. Возможно, мне просто мерещится, и ничего особенного не происходит.

— Ну, ладно, — вздохнула я и обернулась к Лао, не особенно надеясь уже: — И ты не пойдёшь?

Он гибко перегнулся через пиалы и погладил меня по щеке. Скользнул пальцами по плечу, выпутал из волос тонкий золотистый лепесток, сжал его в кулаке, а когда раскрыл ладонь — она была пустой.

— Нет. Останусь с Итасэ. Над Лагоном поют дурные ветра, голоса их полны отчаяния. В такие времена глупо бросать то, что желаешь сохранить. А ты иди и не бойся, Трикси. — Глаза у него вдруг стали бездонными и невыносимо яркими, как сполох молнии, растянутый на вечность. — Твоя смерть не в человеческих руках лежит. Она начинается там, где кончается доверие. Ран говорит тебе: будь осторожна, и он прав. Но я скажу так: если тебя предадут — ты станешь сильнее, предашь сама — погибнешь.

Перед глазами у меня промелькнул образ Тейта — и чужой далёкий шёпот.

"Верь мне".

— Пстой, что ты...

— Тс-с, — Лао приложил мне палец к губам со смехом. — Не спрашивай. Я не знаю будущего, потому что будущего нет. Сделай такое, какое мне понравится. Сделаешь, Трикси?

Вот ведь шрах.

Интересно, есть ли хоть один человек в мире, нет, во всех мирах, который бы на такую просьбу гордо ответил "Нет"? Наверное, только тот, кто не знает Лао, а потому слабо себе представляет, кому отказывает.

По-хорошему, нам пора было идти, но Эрнан выглядел так, словно он умрёт на месте, если сейчас его утащить прочь. Я, к сожалению, не бессердечная злодейка, чтоб вот так угрожать собственному дядю, а потому пришлось оставить его в компании Итасэ и Лао, а самой идти дальше. Тем более что следующим пунктом программы стояло нисхождение под землю, в логово обиженного чудовища.

Если проще, то я собиралась заручиться разрешением к Ригуми Шаа. Если он не согласится — придётся апеллировать к вышестоящим, точнее, к вышестоящему. Но хотелось бы обойтись без сложностей.

Общаться со мной один на один мастер не захотел. То есть в саму пещеру меня пропустили беспрепятственно, позволили прогуляться среди учеников. Вспыхнувшая гроздь светильников на столбе у стенной ниши красноречиво намекнула, что тут-то и есть моё место — на отшибе от прочих. Некоторые маги сочувственно косились, от других веяло злорадством, а равнодушными оставались только старшие, пожалуй, которые многое повидали на своём веку.

И все благие намерения относительно переговоров непременно провалились бы к шраму, но тут явилось моё спасение — с кукольными голубыми волосами, дивной красоты раскосыми глазами и с завышенной самооценкой, которой разило за девять метров, как плохим одеколоном.

Честное слово, печальной старухой далеко в горах эта Йонра была куда милее.

— Эй, кто здесь мастер? — крикнула она, влетая в пещеру, окутанная облаком иллюзий. Реальность вокруг натужно закрипела, изменяясь; повеяло океаном, зашелестели волны где-то вдали. — Выходи! Я быстро тебя уничтожу и отберу твою мастерскую! В Лагоне место найдётся лишь для сильнейших!

Под шумок я выбралась из ниши, потому что оттуда видно было только голубую макушку поближе и напряжённое плечо Ригуми Шаа чуть подалее, и спряталась за причудливым столбом, наверняка вылепленным из нерадивого ученика.

— Если кто-то пожелает сменить мастера, сделать это можно и без схватки и разрушения мастерской, — последовал предельно вежливый ответ. — Да, и океан здесь лишний. Отвлекает юные умы.

Шипение волн прекратилось. Стены пещеры сомкнулись и будто бы сдвинулись; самые сообразительные маги потянулись к выходу. Да-а, инстинкты у местных работают что надо.

Впрочем, кому катастрофа, а кому — шанс.

— Тот не достоин быть мастером, кто боится сражений!

Дальняя стена рухнула, открывая вид на пустынный пляж.

— Достоинство мастера — в его учениках!

Аккуратно крадущиеся к выходу маги кисло переглянулись и поплелись к линии прибоя, вращая руками. Пропавшая стена начала воскресать из небытия.

— Ты унижаешь себя, полагаясь на других!

Другая стена, напротив, начала заваливаться, открывая дивный вид на поле, заросшее разноцветной травой. Глаз у Ригуми Шаа нервно дёрнулся, и трава исчезла.

— Той ли говорить об унижениях, которая, прикрываясь высокими целями, вознамерилась... Так, я же сказал — достоинство в учениках!

Маги, которые решили было, что на них уже никто не обращает внимания, драпанули к выходу, но вынужденно вернулись. Йонра глубоко вдохнула, набираясь сил и голоса для следующей тирады. У столба промелькнули рыжие хвосты, и я поняла, что пора.

— Здравствуйте, Йонра! — улыбаясь, выскочила я перед прекрасной захватчицей. — Рада видеть, что вы здоровы и полны сил!

Вместо выдоха у неё из горла вырвался писк. Стены пещеры воздвиглись из небытия. О, меня определённо узнали — это успех!

— Ты...

— Вы, наверное, уже встречали недавно моего дядю, — продолжила я невозмутимо и воссоздала рядом копию дяди Эрнана — чуть более высокую и мускулистую, чем оригинал, но более чем узнаваемую. — Он сделал вам выгодное предложение. И я просто оскорбляю наши родственные и духовные узы, если не повторю его.

Намёк, пожалуй, вышел излишне витиеватый, но Йонра прекрасно всё поняла. Окутавшись бирюзовыми облаками, она воспарила к своду пещеры и исчезла в тёплом свете.

А что, недурной способ сохранить достоинство.

Я же повернулась и решительно направилась к Ригуми Шаа. Скрываться ему было некуда, разве что так же развеяться по воздуху.

Поэтому он сделал вялое движение кистью, отсылая окруживших его учеников, и встретил меня предельно холодным взглядом.

— Если ты считаешь, что это искупает твой проступок, Трикси-кан, то ты заблуждаешься.

— Не искупает, — покаянно склонила я голову. — Более того, я сейчас ещё раз ужасно провинюсь. Мне нужно к океану. Срочно.

Ригуми Шаа глубоко вздохнул, нахмурил подведённые брови — и с усилием потёр пальцем переносицу.

— Ты хотя бы осознаёшь, Трикси-кан, в который раз мешаешь учению? Прочь, — быстро обвёл он взглядом пещеру, и маги с облегчением потрусили к выходам. — Нет, Игамина-кан, ты останься.

Маронг! А я и не заметила, что он здесь.

Мы инстинктивно отыскивали друг друга в редющей толпе, обменялись улыбками, и я снова обратилась к Ригуми Шаа — уже ободрённая. Не скажу, что преисполненная сил и уверенности, правда... Когда на тебя смотрят с убийственным холодом в глазах, сложно сохранить нормальную самооценку.

— Рассказывай, — приказал мастер.

Сесть он не предложил.

Пожалуй, и к лучшему — история у меня получилась вызывающе короткая. О появлении в Лагоне нового действующего лица Ригуми был наслышан, потому что Эрнан успел получить некоторую известность после поединка с Йонрой. Но вот о том, что Оро-Ич направил свеженькую, не адаптировавшуюся толком добычу на острова, Ригуми ничего не знал.

И новая информация ему не понравилась.

— Скажу откровенно. Мне претит мысль о том, чтобы отпустить тебя, Трикси-кан, — произнёс он после долгой паузы и жестом предложил мне садиться. Я мгновенно послушалась: когда кто-то могущественный сменяет гнев на милость, главное — не разозлить его вновь. — Но прекрасно понимаю, что выхода у меня нет. Ты уйдёшь, так или иначе, и не только потому, что нельзя бросать кровного родича. Сейчас ты похожа на цветок инлао, влекомый течением. Понимаешь, что это значит?

— Нет, Шаа-кан.

Он неприятно сузил глаза. Повеяло издали сладким, пьяным ароматом, знакомым и неуловимым одновременно.

— Яд из одного цветка способен отравить целую реку. Даже слабый, тысячекратно разведённый, он убьёт всех панцирных инципов, которые прикоснутся к воде. Для людей инлао, впрочем, не опасен. — Ригуми Шаа склонил голову к плечу. — К устью цветок придёт истрёпанный, лишённый всех лепестков, однако середина его с зачатками семян будет цела. Сохрани сердцевину, Трикси-кан. Вернись. Те, кто вырастил своих детей, — голос у него стал странно высоким, дыхание пресеклось на мгновение. — Они говорят, что крепче любишь того, кто причиняет беспокойство и боль. Ты не лучшая ученица, Трикси-кан, но я желаю видеть тебя в своей мастерской. Отчего-то.

Теперь дыхание перехватило и у меня. Глаза затянуло пеленой.

— Да... Шаа-кан, я обещаю вернуться.

— Если бы ты выступала к океану на сто дней позже, то смог бы пойти и я, — продолжил тем временем мастер. — Но ждать так долго ты не можешь, верно?

— К сожалению.

— Тогда с тобой отправится Игамина-кан. Ты ведь и так его хотела позвать? — Ригуми растянул ярко-алые губы в улыбке.

— Вы знаете меня даже лучше, чем я сама, — совершенно искренне ответила я.

Он отвернулся и принялся созерцать стену; видимо, это означало, что разрешение получено, а аудиенция окончена. Мы с Маронгом покинули пещеру. Снаружи я объяснила ему, какой дивный сюрприз свалился на наши головы благодаря Эрнану, ожидая чего угодно, кроме одобрения. И промахнулась. Маронг воспринял идею прогуляться на острова с неожиданным энтузиазмом: выяснилось, что некоторые ученики, не только из нашей мастерской, слишком серьёзно отнеслись к слухам о том, что он из свободного клана. Некоторые вознамерились даже устранить "промах" мастеров — в прямом смысле, устранив персону нон грата.

— Мы с Лиорой собирались уйти куда-нибудь дней через двадцать, если ничего не изменится, — признался он. И виновато глянул из-под чёлки: — Честно говоря, только сейчас начинаю понимать, как ты чувствовала себя в первое время здесь, Трикси-кан.

— Ну, меня же не пытались убить. Всего лишь поработить, — мрачно отшутилась я. — Что ж, тогда я попозже сообщу, когда

выходим. Думаю, через пару дней, как только Тейт зайвится домой. Знать бы, где его носит.

Вскоре мы попрощались, и я перешла на бег. Уже темнело, а мне надо было ещё вытащить Эрнана из компании самых удивительных лагонских чудес — задача почти невыполнимая, если, разумеется, чудеса не помогут по-дружески. Памятуя об инциденте с Йонрой, я держала купол развёрнутым, и только потому вовремя заметила опасность.

Соул появился словно ниоткуда; прятался он хорошо, даже слишком — до ощущения абсолютной пустоты, дырки в пространстве. Это-то его и сдало.

— Трикси, — рассеянно и по-доброму улыбнулся он, преграждая мне путь. Воздух за его плечами дрожал от жара. — Я удивлён, что ты не обратилась за помощью ко мне, да.

Сердце ухнуло в пятки.

— Не... не понимаю, к чему ты клонишь.

— Понимаешь, — всё с теми же интонациями ответил Соул и шагнул ко мне. Ощутимо потеплело, точно перед открытой печью. На висках выступила испарина. — Вы идёте на острова, чтобы встретиться там с магами. И ты возьмёшь меня с собой.

С вариантами ответа, судя по красноватым отблескам в его зрачках, у меня было не густо. Но всё же я попыталась.

— А как же Тейт?..

— Тейт не станет спорить, если ты так решишь, — мягко отмёл мои возражения Соул. — Не упрямясь, Трикси. Друзья так не поступают.

— А так, как ты? — вырвалось у меня.

Он улыбнулся снова, словно знал наперёд всё, что я могу ему сказать. И вдруг оглушило пониманием: ему ведь далеко за семьдесят лет. Даже по сравнению с Эрнаном, Соул — старик.

— Когда очень нужно. Ты не пожалеешь об этом, Трикси, правда, — добавил он и прошёл мимо, обдав жаром напоследок.

Я осталась одна, под темнеющим небом. Где-то вдалеке хлопали крылья, но не было видно ни айров, ни магов. Лагон точно опустел. В голове крутились слова Лао про предательство, а ещё то, что сказал на прощание Ригуми Шаа.

Сделать шаг по тропинке оказалось отчего-то трудно, практически невозможно.

Соул не угрожал мне и не выдвигал условий. Но я знала наверняка, что отказать не смогу.

Глава 40. Мимикрия

*Человек, который умело втирается в доверие,
буквально влезает под кожу — и всё ради того,
чтобы в нужный момент вонзить нож в спину.
(Из свитка "Загадки Лагона")*

Два дня я промучилась сомнениями, с трудом представляя, как скрывать от рыжего правду о Соуле. Эрнана мне удалось не то чтобы обмануть... Нет, конечно, ни о каком дурацком вранье и речи не было, просто дядя по привычке придерживался высоких принципов закулисных интриг и весьма лояльно относился к недомолвкам. "Не хочешь выкладывать правду — пожалуйста, я сам узнаю", — говорил его сочувственный взгляд. Вот за это и люблю дипломатов старой школы: они создают самые комфортные условия, чтобы и солгать, но без всякого ущерба для собственной информированности. Никаких обвинений, наоборот, ободрение мягким сквозняком по мыслям — прямо бальзам на больную совесть.

С Тейтом бы такое не прокатило.

К счастью, беседу на сложную тему он завёл сам, почти сразу после того, как вернулся домой с двумя тюками крайне необходимого в походе барахла. Я как раз предавалась чёрной меланхолии, валяясь в тёмной спальне и созерцая вращающиеся звёзды на потолке. Сияющий узор там появился недавно, я опробовала новый подцепленный у Итасэ приём, и теперь мне было интересно, сколько продержится иллюзия.

— А где Эрнан? — с любопытством повертел он головой по сторонам, приняхиваясь, и сгрузил свою ношу на пол.

Я вздохнула:

— До заката будет пропадать у озера, с Лао. И с Итасэ, если, конечно, его мастер отпустит. Вот ведь на свою голову познакомила дядю с местными чудесами... Он теперь перед долгой разлукой не наговорится, словно потом шанса уже не будет.

— Ничего, Лао на всех хорошо влияет, — успокоил меня Тейт. И добавил, уже менее уверенно: — Даже на меня. Ну, иногда. Очень

редко. Слушай, "не наговорится" — в смысле, Лао не пойдёт?

— Увы. Он что-то говорил о дурных ветрах, которые веют над Лагоном, так что он будет, наверное, за Итасэ присматривать, — уныло подтвердила я и подавила желание свернуться в жалкий клубок. — Если не считать Кагечи Ро, то к нам присоединятся всего трое: Маронг, Лиора и Соул.

Тейт просиял — в буквальном смысле, глаза вспыхнули, а по волосам пробежались негаснущие искры.

— Круто! У Лиоры наверняка есть карманный корабль, значит, на острова поплывём, как обычные люди. Это хорошо. А Соул чего хотел? Ему просто по пути, что ли? — Тут я всё-таки поддалась низменным инстинктам и скрючилась, как эмбрион. — Эй, Трикси? Что случилось-то?

Он неуловимым движением переместился — я ничего не услышала, даже не ощутила колебаний воздуха, только сухой жар тела — и лёг у меня за спиной, вытянувшись, как струна. Чувство защищённости окутало нас, словно кокон. По стенам разбежались отсветы красноватого пламени, ласкового, приручённого.

— Я не знаю, зачем Соул пошёл с нами, — призналась я чистосердечно. И — словно камень с плеч свалился. — Однако напросился он очень грубо. Напрямую не угрожал, но силой и агрессией от него так и фонило... Представляешь? Соул — и агрессия?

Тейт фыркнул, и его дыхание пощекотало мне шею.

— А чего, хорошо так представляю. Это он сейчас подмастерье у Эфанги, который скользкий, ну, как дохлый инцип. И ядовитый ещё, — подумав, добавил рыжий. — А раньше Соул учился у мастера Юн Сайны. Испепелители всегда-то без башки, а те вообще были до одного яростные, весёлые и отчаянные. Так рассказывают.

Он произнёс это так, словно за его словами стояло нечто огромное, какая-то некрасивая тайна.

Сайна...

Имя было мне знакомо. Соул сам упоминал его не единожды, с затаённой печалью, с любовью — иссушённой, выхолощенной за годы до чистой отравы. Иногда я видела в его мыслях образ высокой смеющейся женщины.

— Ты что-то знаешь о его прошлом? — спросила я осторожно.

Тейт неразборчиво хмыкнул — и ме-е-едленно провёл пальцем вдоль позвоночника. Дыхание перехватило, иллюзия на потолке закрутилась быстрее — и распалась. В комнате стало совершенно темно, не считая редких красноватых сполохов.

— Да так, — наконец ответил рыжий. — Ты не думай, я ничего такого не скрываю, просто никто и не знает, что там случилось, а придумывать такие штуки я не люблю. В общем, Юн Сайна вроде как была великим мастером, но потом стала набирать всё меньше учеников. Вот Чирерори однажды сказал: "Она была больна и нуждалась в лекарстве", а Оро-Ич, когда я его спросил, засмеялся. "Тоска — не болезнь", — вот что он ответил. Старые ученики ничего не говорят, и их, в общем, мало осталось. Юн Сайна пропала внезапно — ушла к побережью и не вернулась. Ученики её долго искали, многие погибли. Но не Соул. Соул никогда не ходил за ней.

Я сразу и не нашлась, что сказать.

История вырисовывалась... странная. Соул, судя по обрывкам его мыслей, был уверен, что его мастер — мертва, окончательно и бесповоротно. При этом его постоянно что-то грызло... Сначала мне казалось, что неразделённая любовь, но что, если я ошибалась? Когда-то определённо он был влюблён в Сайну, но что осталось от чувства на момент её исчезновения? И почему Соул, который много лет держался незаметно в Лагоне, так, что о его силе знали единицы, вдруг начал действовать именно сейчас, когда началось странное брожение в свободных кланах?

— Эй, не думай слишком много, — вдруг боднул Тейт меня в плечо. — Я ж тебе не для того рассказал. Ну, да, Соул может быть страшным, так он испепелитель. Просто привычка такая: испепелители пыжятся, когда чего-то сильно хотят, внимающие и поющие делают вид, что ни к фаркану им это не сдалось. Ну, а Лао, например, весело хохочет, а потом отрывает тебе голову. Но он же не всякий раз голову отрывает, когда ржёт!

От неожиданности я сама рассмеялась — и наконец обернулась к рыжему.

Глаза у него были хитрющие и внимательные.

— Хочешь сказать, что даже если Соул продемонстрировал силу, не факт, что он обратит её против нас?

— Ну вроде того, — хмыкнул Тейт. И вдруг посерьёзnel: — Ты не бойся, Трикси. Я услышал, я теперь присмотрю за Соулом, не совсем дурак же. Меня другое беспокоит: почему столько народу знает про то, что мы идём на острова? Как будто кто-то нарочно слух пустил. Вон, свободных рядом с Лагоном видели...

Варианта напрашивалось три.

Первый, самый напрашивающийся, но нелогичный: зачем-то слухи нужны самому хитровывернутому инкубу двух миров, единственному в своём роде. Второй — у нас завёлся шпион. Звучит не намного правдоподобнее, конечно, как его никто до сих пор не засёк? Третий... третий вертелся у меня в голове с самого побережья, доварился во время последней вылазки: это не мы такие везучие, что влипаем на каждом шагу, это просто свободные носятся по всем горам, как в зад ужаленные, и трудно на них не наткнуться. То есть слухи в Лагоне — отдельно, а шныряющие по округе подозрительные личности — отдельно, налить, не смешивать, подавать слегка подогретым.

Тейту не понравилась ни одна версия. Впрочем, и мне тоже.

— Ну, Соула обсудили, свободных, проблемы всякие... Что ещё? Или выбираться будем? — спросил он, прижавшись мне лбом между лопаток.

Мы уже давно лежали так, на расстоянии невинного детского прикосновения. Притом, что полыхали — что он, что я. Маятник резонанса, удовлетворённый нашей осторожностью, дремал где-то, свернувшись по-змеиному. Давненько он не показывался, кстати...

— Вся наша любовь — разговоры в темноте, — вырвалось у меня.

Внутри всё похолодело. Сказала — и сама испугалась, потому что хоть и не соврала, и он это знал, но какой толк вот так растравливать душу, если иначе пока нельзя...

— А может, так оно и бывает по-серьёзному, — вдруг подал Тейт голос, не спрашивая и не утверждая, а что-то посерединке. — В разговорах, в темноте, во всём вот этом, как будто ненужном. Потому что когда просто кувыркаешься с кем-то — её там нет. Я знаю, я искал.

В тот момент мне, наверное, полагалось умереть от разрыва сердца. Но, видимо, испытания пошли ему на пользу, и я как-то выжила. Расплакалась только, а рыжий... рыжий ничего больше не сказал.

Спасибо ему огромное.

Затягивать с отбытием мы не стали — команда готова, припасы и снаряжение лежат в кладовой, а от всех бед заранее не уберёжешься. Знакомство Эрнана с Лиорой прошло гладко. Они осторожно кружили друг вокруг друга, присматривались, разве что не принохивались, но сошлись быстро. Только дядя пробормотал однажды: "Вылитая Лоран, надо же", а Лиора потом призналась мне, что он напоминает ей одного родственника.

— Не отца, надеюсь? — полушутя шепнула я, улучив момент. Она отрицательно вздёрнула подбородок и ответила таким же тихим, деланно страшным голосом:

— Младшего брата.

Дядю я благоразумно от этой шокирующей информации уберегла.

Да и скоро стало не до того: за пределами Лагона бушевал классический первозданный хаос: небо смешалось с землёй, дождь хлестал наотмашь, как из брандспойта, а темно было, как полярной ночью. Пахло йодом и солью, словно прямо над нами ворочался океан.

— Напрямую идти не получится! — проорал Тейт. Мы кое-как сгрудились под щитами Маронга, но вряд ли бы их хватило надолго. Не на несколько часов — точно. — Раз такое творится — рядом много чужаков. Или кто-то один, но зашибись какой опасный!

Меня заранее продрало холодком от ужаса. Но Эрнан выглядел умиротворённым, словно он мысленно приготовился ко всему, и потому был ни капли не удивлён... Возможно, так и есть: в конце концов, чего бояться после триумфального приземления в ласковые щупальца Оро-Ича.

— И что теперь делать? — негромко поинтересовался дядя, но все услышали — спасибо телепатии.

Улыбка Тейта сделалась особенно широкой и шкодливой.

— Идти по-моему!

Каким-то немислимым чудом мы прошарашили под прикрытием Маронга ещё целый час, пока не добрались до спуска в пещеру. Потягивало из неё подозрительно — смесью несвежей органики с заправкой для картриджей, яркий запах, и захочешь, а не забудешь.

Нассова трава.

— Нет, — очень твёрдо сказала я. — Ни за что. Ладно вдвоём, но группой — это самоубийство!

— Вот именно! — радостно подтвердил Тейт.

— Если там правда нассова трава, то пытаться пройти через лабиринты — безумие! — поддержала меня Лиора.

На ныряющий вглубь скалы туннель она косилась недоверчиво — вдруг померещилось? Но нет, характерные шевелящиеся копны издали видела даже я. В нашу сторону они ползти не торопились, и на том спасибо.

— Ну да!

— Магия не поможет, — вступил на путь разума Кагечи Ро. Вот уж от кого не ожидала, думала, он всегда поддержит любой бредовый план рыжего. — И даже моя плесень — ненадолго, ты же знаешь! И от сонных спор она не спасёт. Слушай, я уже знаю, что у тебя... — он поморщился, выбирая словцо попрличнее — ...между ушей — выжженная пустыня вместо мозга, как старый друг понимаю и принимаю, но давай ты хотя бы не будешь других собой запугивать, а?

Тейт невозмутимо потрошил сумки.

— Я и не запугиваю. И вообще, это ведь нам и надо, правильно? — уточнил он. — Дорога, по которой никто не пройдёт. То есть не проследует.

Он не обернулся на Соула, даже не подумал в его сторону, фигурально выражаясь, но до меня наконец дошло, зачем понадобилось это представление.

Вернее, испытание.

Предатель, если только он не упёртый фанатик, даже ради новой информации не станет бросаться в авантюру, откровенно смердящую суицидом. Здешние маги, конечно, рискованные на грани психического расстройства, но одновременно они страшные эгоисты. Никто не будет во имя туманных целей спускаться в долину с гаюсом, когда её можно обойти, а лабиринты, заполненные нассовой травой, пожалуй, даже поопаснее.

Ситуация настолько абсурдного выбора — всегда стресс, в той или иной степени. А стресс приоткрывает двери к тайнам. Любая мимикрия небезупречна, потому что она есть подражание; если даже дурацкая выходка Тейта и не заставит вероятного "шпиона" сбросить

маскировку, то хотя бы пошатнёт её. И уплотнённый эмпатический купол сможет засечь скрытые мотивы...

В теории.

— ...и вообще, вы что, перетрусили? Не доверяете, что ли? — закончил Тейт прочувствованную тираду.

Кажется, я упускаю один важный аспект: вполне возможно, что никакого хитроумного замысла нет, а кое-кто здесь просто шрамом укушенный.

— Мой огонь может и не справиться с нассовой травой, да, — произнёс вдруг Соул задумчиво. И добавил, ломая все мои мысленные построения: — Но, как говорил один древний поэт, не дойдёт до желанной цели за горизонтом тот, кто ходит лишь проторёнными путями. Да и избавиться от наблюдения было бы неплохо... Я не говорил, нет? Наверное, не говорил — не знаю, кто смотрит нам вслед, но я слышу их слишком отчётливо, чтобы посчитать это случайностью... Как пользоваться этой вещью, Танеси Тейт? Просто натереть лицо и руки?

— И по одежде распределить, — добавила я механически, наблюдая, как Соул размазывает по коже остро пахнущую гадость. — Смотри, чтоб не попало на слизистые... В глаза и в рот, в общем. Всё-таки это не всеисцеляющий эликсир, а кое-как усмирённая хищная плесень.

Тут поплохело дяде Эрнану.

— Плесень? — дурным голосом произнёс он, разглядывая красноватый сосуд на просвет. — Немного неудобно спрашивать, но насколько она, гм, безопасна?

На долю секунды на поверхности мыслей Кагечи Ро промелькнуло что-то жутко неприятное, словно приоткрыло глаз пещерное чудовище. Творческая обида художника или нечто иное? Что ж здесь у каждого задрипанного мага даже не двойное, а тройное дно...

— Жизни она сейчас не угрожает, — ответил Кагечи Ро, впрочем, вполне дружелюбно. — Используй её без страха.

— А как эта плесень потом выводится?

Эрнан был дотошен настолько, насколько может быть только младший брат биокинетика. Трудное у него детство выдалось, похоже... Да и юность не легче.

— Смывается водой. — Кагечи скупно улыбнулся и протянул руку: — Давай сюда. Я первый воспользуюсь ей, чтобы развеять твои сомнения.

Ну, с "первым" он изрядно загнул — Соул уже весь перепачкался в красноватой дряни и теперь на пробу расхаживал около чернеющего проёма в скале; нассова трава то показывалась оттуда, то скрывалась вновь, однако нападать не спешила.

Плохой пример заразителен: скоро мы все перемазались условно усмирённой плесенью. Затем оставалось только подождать с четверть часа, пока Тейт с остервенелым азартом до камня выжигает туннель впереди — "договаривается с травой", по его собственному выражению, абсурд и сюр — по моему мнению. И — тронуться в путь. Шли компактной группой, впереди рыжий, окружённый ореолом пламени, а замыкающим Соул. И почти в самом начале Эрнан, которому было откровенно не по себе, незаметно прикоснулся к моему запястью.

— Мне тоже, если честно, жутковато, — призналась я тихо. Пятна света то скользили по хищным волнам травы, то проваливались в скалящиеся острыми камнями провалы и расщелины. — Вроде бы и растение, но оно же ведь почти разумное.

— Не почти, — сдавленно откликнулся Эрнан. Зрачки у него были расширены и блестели, как у наркомана. — Коллективный разум с главным телом очень-очень глубоко под землёй. Отчётливо негуманоидный, я бы сказал. Называется, отпустите тараканов погулять по радиоактивной свалке, а потом побеседуйте с ними об эсхатологических мотивах в жанре ужасов, страшно интересный выйдет разговор... Но я не о том.

"Тебе не показалось странным, что он солгал?" — дядя перешёл на мысленную речь легко и непринуждённо.

— Кто? — едва слышно спросила я и указала взглядом на Соула.

Он или не он?

Эрнан мотнул головой.

"Кагечи Ро. Сказал, что плесень можно будет просто смыть... Но ведь он точно знает, что водой она так не смывается. Это нормально?"

...ожидать худшего.

Правило, которое никогда не подводит.

— Нет, — почти не размыкая губ, произнесла я. — Не бойся. У Тейта есть способ.

То, что способ неотработанный, рискованный и имеет примерно тридцать процентов вероятности, что мы все к шраму сгорим, уточнять я не стала. Нервы дяде ещё понадобятся, дорога долгая.

Через пещеры мы тащились почти трое суток. Называется, срезали путь!

Угодья нассовой травы протянулись, как выяснилось, почти на пятнадцать километров, по самым приблизительным оценкам. Ночевать вблизи этого кошмара не отважился даже больной на всю голову Тейт, и потому в первый день пришлось шпарить без остановки около двадцати часов. Эрнан выдохся ещё на половине маршрута, и часть времени Маронг буксировал его на своей летучей платформе. А когда устал и он — рыжий невозмутимо взвалил дядю на плечи и потрусил вперёд, не снижая скорости.

Проблема заключалась в том, что Тейт один был такой — двужильный и со встроенным реактивным двигателем, а нас-то, простых смертных, целых шестеро. К финалу изматывающего броска лично я плелась уже на чистом упрямстве и чхала на всех предателей, свободных и хищную плесень, вместе и по отдельности. Когда мы наконец добрались до относительно пригодных для лагеря пещер, где протекала подземная река и стелился по стенам мох, откуда ни возмись пригарцевала целая стая айров, полуящеров-полунасекомых по виду. Наверное, они планировали нас растерзать — или что там полагается... Не знаю, проверить это предположение я не успела: Соул очень-очень усталым голосом отчётливо произнёс: "Задолбали", — а потом воздел руки, и вокруг стало ярко и жарко.

Мох и реку он великодушно оставил, остальное исчезло без следа.

На фоне такого экстрима оставшиеся два дня подземных скитаний лично мне показались увеселительной прогулкой. Периодически кто-то откуда-то выпрыгивал с недобрыми намерениями, под ногами разверзались пропасти, наполненные огнём. Плесень потихоньку отвалилась сама, пока мы форсировали вплавь подземные озёра и продирались через узкие расщелины. Уже почти у самой поверхности

я наступила на горло своей подозрительности и в лоб спросила Кагечи Ро, почему он солгал Эрнану.

— Не хотел сознаваться, что на сей раз совершенство у меня не получилось, — после паузы ответил Кагечи. Правду сказал, судя по ощущениям. — Остатки невидимы, неосязаемы, они проникают в кожу и спустя два-три поколения вырождаются. Наверное, их можно было бы использовать как оружие. Ну, или для контроля над телом. Но я ещё не придумал, как это провернуть.

Вот так, запросто, он сознался, что не прочь был бы контролировать своих попутчиков или даже иметь возможность убить их в любой момент.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты монстр? — сощурилась я.

Не слишком дипломатично, но откровенничать так откровенничать.

Кагечи Ро не обиделся, только смешно вздёрнул брови-кружочки, становясь похожим на печального мима:

— Мой мастер. И ещё некоторые подопытные, но они постоянно жалуются. Будешь теперь меня бояться, Трикси?

— Ну, Тейт доверяет тебе, — ответила я уклончиво. — Хотя, с другой стороны, одно другому не мешает...

Он странно дёрнул уголками губ, точно решил улыбнуться, но передумал, и демонстративно медленно протянул руку, прикасаясь к моим волосам. Сначала легко, неосязаемо, затем взял — и накрыл макушку пятернёй. Пальцы у него оказались чудовищно сильные, хотя заметно было, что он вовсе не пытается меня напугать.

Но сердце всё равно ухнуло в пятки. Вроде бы дружеский жест, Аринга, червь сомнения... Ассоциации слишком однозначные, чтобы их игнорировать.

— Тейт, конечно, придурок, — почти нежно произнёс Кагечи Ро. — Но отнюдь не наивный. И цену мне он знает. Я буду любим, даже самым безнравственным способом добиваться своей цели, а затем не почувствую никакой вины. Вот несколько.

Он отстранился и прибавил шагу. Я наоборот приотстала, пытаюсь на ходу просканировать себя биокинезом и понять, вживили мне какую-нибудь дрянь или нет. Но внутреннее напряжение ослабло: пропало ожидание удара. Такая откровенность, на грани

саморазоблачения, обескураживала и заставляла чувствовать себя... пристыженно?

Удивительное дело.

Чем ближе к поверхности, тем свежей становился воздух, чище, прозрачней, вкуснее. Наверху погромыхивало — не яростно, а лениво и разнеженно, точно мурлыкала огромная кошка; сначала почти неслышно, и звуки улавливал только чуткий слух рыжего, а затем более отчётливо. Под ногами заструились ручейки, с потолка тоже закапало.

Я почти физически ощущала, как всё тоньше становится скала, отделяющая нас от простора, света, свободы. Тянувшая фоновая боль наконец-то отпустила перенапрягшиеся мышцы; ужасно хотелось встать на цыпочки и потянуться, чувствуя, что ещё немного — и воспаришь.

— Мы выйдем прямо к закату, — невпопад произнёс Маронг и мечтательно улыбнулся.

Отросшие до неприличия волосы, обычно тщательно зачёсанные на одну сторону, прилипли к мокрой щеке, к скуле, к подбородку — словно карнавальной маской половину лица закрыли. На виду остался один глаз, кажется, посветлевший и позеленевший, как весенний лист.

— Неприлично выглядеть настолько счастливым на ровном месте.

Лиора обернулась на мой голос и прыснула:

— Это ты ещё себя не видела.

Вдали показалось светлое пятно — выход из пещер. Тейт, который шёл шагов на двадцать впереди, обернулся и прокричал:

— Ну что вы тащитесь, а? За мной! — и вдруг вприпрыжку понёсся наверх.

Дядя Эрнан простонал, рефлекторно обняв себя руками:

— Снова бежать? Нет, ни за что! — и, конечно, тут же подорвался за ним.

И Соул. И Кагечи Ро. И даже я. Только Маронг с Лиорой поотстали, самозабвенно целуясь у стены.

...мы выскочили под дождь — мелкий, ледяной, перемешанный с золотом заката. Небо оказалось ясным, хрустальным; оно куполом обнимало широкую зелёную долину, расчерченную неровными арками радуг. Из пышных зарослей взмывали ажурные стелы, похожие на

каменные фонтаны; спиральями и петлями извивались белые лестницы, ведущие в никуда — лишившиеся части пролётов, обглоданные временем, они парили над землёй, вопреки законам физики. Мосты, точно сплетённые из алых металлических нитей, протягивались в пустоте, без всякой опоры, и только кое-где высились ещё остовы чёрных башен.

— Это не дождь, — удивлённо выдохнул Соул и — невиданная для Лагона беспечность — лизнул собственную ладонь, пробуя брызги на вкус. — Это водопады.

— Ручьи, — тихо поправил его Тейт, не оборачиваясь. Мокрые волосы потемнели до цвета спекшейся крови и облепили его шею. — Обычные ручьи, только они здесь текут по воздуху. Старый город, Трикси, очень-очень старый, он, наверное, ещё до гор был здесь, — обратился он ко мне доверительно, точно мы стояли одни. — Я тебе давно хотел его показать.

— Спа... спасибо.

Это дурацкое слово не выдавало и сотой доли моих чувств, но он должен был понять — кто, если не он, в конце концов.

— Почему я никогда не слышал о таком месте? — Соул медленно провёл ладонями по лицу, словно умываясь.

Глаза он закрыть не смог, жадно впитывая красоту, даже сквозь решётку пальцев.

— Так мало кто знает. — Рыжий сладко потянулся, заведя руки за голову. — Дорога сюда, сам видишь, не особо приятная, сунется только полный придурок. Ну, или человек, который думает, что он того, бессмертный. Мне это место показал Ингиза. После... ну, всего, я потом сюда ни разу не совался.

Он говорил расслабленно, словно примирившись с прошлым, но распахнутая настежь бездна в его разуме дышала мраком; другое дело, что Тейт теперь, кажется, сам её совсем не боялся.

— А почему передумал? — спросила я.

— Да так, — дёрнул плечом Тейт. — Пришло вот в голову, что он мог вообще не успеть меня сюда привести. На сто дней позже — и всё, привет, кто же знал, что дальше случится. И как-то тупо будет, если я тоже никому не покажу, и оно потом останется, ну... забытое.

Солнце коснулось горизонта, и часть радуг окрасилась в алое.

Мне стало трудно дышать; лёгкие точно окаменели от дурных предчувствий.

— Пойду... присяду, что ли. Устала.

— Ага, — откликнулся Тейт, залитый красным светом. — Тут один недостаток, мокрица страшная. Везде вода, так что для лагеря нужно делать навес и всё под ним сушить.

— Я помогу, — с охотой откликнулся Соул.

...Купол у меня держался отменно. Никто ничего не заподозрил, кроме, возможно, Эрнана, но ему самому приходилось несладко — непосильные физические нагрузки, нервное напряжение, переизбыток новых впечатлений. Какой бы крепкой ни была психика, ресурс адаптивности не бесконечен.

"Я не знаю будущего, потому что будущего нет. Сделай такое, какое мне понравится", — всплыл вдруг из подсознания певучий голос Лао.

Губы свело улыбкой.

О, да. Спасибо за напоминание. Я сделаю — и себе по вкусу, и тебе, и Тейту, и всем хорошим людям, а нехорошие пусть катятся к шраму, с дурными предчувствиями вместе.

В долине древнего города мы задержались на несколько дней.

Сначала от усталости слёг Эрнан. Кагечи Ро с любезным предложением помощи он к себе не подпустил, мягко, но непреклонно. Соул неожиданно поддержал идею небольшой передышки и принялся с энтузиазмом обследовать развалины. Разыскал какой-то свиток на неизвестном языке — и, кажется, тихо помешался от счастья. Лиора с Маронгом устроили себе медовый месяц в миниатюре, который я им, правда, немного испортила. Мне был знаком только один способ унять повышенную тревожность — усиленные тренировки или учёба, а в одиночку с этим не клеилось.

— В общем-то, Шаа-кан и просил последить, чтобы ты себя не запускала, — ответил Маронг на мою осторожную просьбу, виновато косясь на Лиору, которая старательно делала вид, что вовсе не хочет сгрести его в охапку и откочевать на другой край долины. — Да и мне это будет полезно.

Так к ежедневной рутине добавились ещё и занятия, с утра и до обеда.

Вообще в последнее время я откровенно гордилась своими достижениями. Овеществлять нечто из ничего у меня получалось всё лучше, даже сложные творения держались уже втрое дольше прежнего. Созданная для шраха подружка, чернобурая, кокетливая, с тремя длинными хвостами, обвела заинтересованным взглядом лагерь — и принялась носиться как угорелая. Исчезла потом, конечно, судя по фонтану белых искр в зарослях, но пару минут веселья всем обеспечила.

Но всё это было развитием уже достигнутого; взять новую высоту никак не выходило.

Одежда промокала от воплощённой из ничто воды, так же, как от обычной, но стоило иллюзии развеяться — и ткань мгновенно высыхала. Воплотить механизм сложнее колеса на оси казалось нереальным: детали заедали, шестерни не прокручивались. Образ человека или айра оставался именно образом: звучащим, движущимся, даже пахнущим, но не более того. Как многомерное изображение, эдакое кино в реальности.

— Честно говоря, сделать живое и невозможно, — вздохнул как-то Маронг, утешая меня. — Настоящие айры тоже получают только у самых сильных, и не на пустом же месте — они их обычно вместе с мастерами тварей делают. Но мёртвое тело почти любой создать может. Хоть на два сета! Очень полезное умение — подбросить врагам собственный труп, чтобы погоня отстала. Такую магию может разоблачить только мастер, который сильнее.

— Или ты, — добавила я, намекая на его способность уничтожать любую магию в радиусе пятнадцати шагов.

— Или я, — согласился он. — Поэтому за утраченными частями тела лучше обращаться к созидающим совершенство. Но сейчас о другом речь. Я ведь видел твоё кофейное зерно, Трикси-кан, и дерево видел. Значит, хотя бы растения ты воплощать можешь.

У меня вырвался вздох.

— Теоретически. А на практике ничего настолько же сложного и стабильного не выходит.

Маронг окинул меня задумчивым, незнакомым прежде взглядом. Долго молчал, только потом сказал:

— Ты очень хорошо притворяешься, Трикси-кан. Сливаешься с окружением. Я ещё тогда заметил, когда ты была добычей Тейта, и я

собирался тебя забрать. Вроде бы волосы чёрные, длинные, черты лица странные, но когда ты идёшь по Лагону — тебя не отличить от других учеников. Ты как будто прячешься, подстраиваешься под всех разом.

— Мимикрирую, — пошутила я мрачно.

Маронг не разобрался в сопроводительном образе — бабочка, притворяющаяся цветком, и цветок, похожий на бабочку — и потому даже не улыбнулся.

— А в магии так нельзя. Нужно быть ярче всех, понимаешь? Хотя бы для себя самой, — добавил он, подумав. — Посмотри на Тейта, на Лиору. Они и половины своих способностей не показывают. Но с собой они не притворяются кем-то слабее, чем они есть.

Я некоторое время всматривалась в его мысли, пытаюсь найти там подсказку, но затем сдалась.

— Ладно. — Я откинулась назад на руках, глядя в синее-синее небо, расчерченное перьями облаков. — Всему своё время. Пока для меня это безумно сложно. Чтобы достоверно воссоздать даже свой труп, необходимо в точности знать, как всё устроено внутри. Иначе получается ерунда.

Маронг растянулся на земле, совершенно сырой, хотя и тёплой; его тоже порядком утомило затянувшееся занятие.

— Тейт же рассказывал, как Аринга заново сделала себе тело — живое и настоящее, — сказал он, прикрыв глаза. — Думаешь, она знала, как работают органы, из чего состоит кожа и так далее? Вряд ли. Мастер Ригуми Шаа ведь говорил: мы не создаём, мы приглашаем быть. И ты зовёшь только знакомое и простое, потому что уверена, что больше никто и ничто на твой зов не откликнется... Ну, кроме этих твоих страхов.

— В страхе как раз очень легко поверить, — на полном серьёзе возразила я. — Ладно. Спасибо за совет. Попробую что-нибудь сделать, а то стыд и позор, как жить-то без запасного трупа в кладовке? Вдруг враги нагрянут, а мне им даже показать нечего.

— Покажи им меня, — охотно подсказал Тейт, высовываясь из зарослей по пояс. — Они сразу сбегут. А чего вы тут сидите, если там еда готова, кстати?

На минуту мне показалось, что на самом деле среди нас именно рыжий — самый здравомыслящий и рациональный. Но потом он

рассказал о втором выходе из долины, единственном, кроме того, что вёл к Лагону, и это заблуждение развеялось, как дым.

— Ну, сидеть тут дальше уже скучно, — заявил он после обеда, вытянувшись у огня и сыто щурясь. — Надо выдвигаться. Но у меня две новости...

— ...хорошая и плохая! — в унисон закончили за него мы с Эрнаном и, переглянувшись, расхохотались.

Шрах, как же хорошо, когда есть кто-то, воспитанный в том же культурном контексте! Не надо ни шутки объяснять, ни ментальные образы лепить — всё и так ясно.

— Обе хорошие, — ответил Тейт подозрительно вдохновлённым тоном. Я подобралась; Кагечи Ро тоже изрядно напрягся. — Во-первых, из долины просто так не уйдёшь, но я знаю ещё один выход. Во-вторых, пройти там сложновато, но, думаю, я справлюсь. Наверное, — добавил он, подумав.

Тут начала бледнеть даже невозмутимая Лиора, а Маронг спрятал лицо в ладонях и пробормотал что-то непереводаемо эмоциональное. Соул выпрямил спину, и взгляд его, обычно рассеянный, прояснился.

И лишь дядя Эрнан, увы, на сей раз совершенно не знакомый с культурным контекстом, беспечно поинтересовался:

— Да? А в чём дело? Неужели может быть что-то поганей той разумной травы?

Рыжий радостно заулыбался:

— Может. И я там ни разу один не ходил, но принцип представляю... В общем, в небе над долиной — ловушка ветра, поверху пролететь нельзя. Значит, надо идти по скалам, через гаус. Но его не прям чтоб совсем много, честное слово!

Тейт, безусловно, умел удивлять.

Вот не отнимешь.

Глава 41. Перераспределение ролей

Помогает вознестись над землёй и отправиться в полёт. В отличие от трамплина, не предмет, а действие. В отличие от прыжка, требует дополнительной пары чужих ног, дабы задать верное направление.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Эмпатом Тейт не был. Но взгляды, направленные на него, он истолковал быстро, точно и совершенно правильно.

— Не надо меня убивать. И бить тоже не надо, — добавил он, слегка привставая, чтоб драпать было удобнее. — Шансы пройти вместе со мной гораздо больше, чем без меня, правда-правда!

— Он не врёт, — поддакнула я угрюмо. Не то чтобы из страха, что рыжему наваяют, такого ещё поймай... Так, из солидарности. И продолжила примирительным тоном: — Больше оптимизма! Слушайте, мы буквально на днях преодолели эти шраховы лабиринты с нассовой травой, которая передвигается со скоростью тропической прыгучей змеи, жрёт всё живое, проникает сквозь магические заслоны и выпускает сонную пыльцу, чтоб уж точно жизнь мёдом не казалась. Деяние не то чтобы невероятное, но вполне себе героическое. Может, не всё так безнадёжно?

— Следует хотя бы взглянуть на препятствие прежде, чем обсуждать его, — поддержал меня Эрнан, с трудом поднимаясь на ноги — от долгого сидения в непривычной позе, видимо, у него затекли мышцы. — Но, справедливости ради, я бы хотел продолжить начатый ранее разговор о тонких семантических отличиях, Трикси. Знаешь, в чём разница между глупым деянием и героическим? — Я мотнула головой. — В результате. Если ты, не умея плавать, нырнул в озеро за тонущей девой и вытащил её — ты герой, если вы пошли на дно вдвоём — дурак.

Соул покосился на него с интересом:

— Ты поэт?

— Поэты изобретают новое или хотя бы романтизируют старое. А у меня просто хорошее классическое образование, — не моргнув

глазом, ответил Эрнан.

"И сорок лет ритуальных дипломатических плясок за плечами", — продолжила я за него мысленно, округлив срок.

Перед тем как отправиться к кромке долины, Тейт, ничего не объясняя, набил объёмистый мешок листьями, щепками и мелкими камнями. Вверх он его пёр с такой целеустремлённостью, что даже пораженчески настроенный Маронг несколько приободрился и позволил себе немного, самую каплю поверить в благополучный исход — ровно до тех пор, пока мы не взобрались по магической лестнице на гребень скалы и не увидели расстилающийся вокруг пейзаж.

Долина располагалась в чаше на вершине огромной горы. Метров триста от кромки тянулась полоса голых камней, светло-сиреневых, прозрачных и скользких даже с виду. А затем начинался сущий кошмар — синий горб вздыбленной, издырявленной губки, кольцом опоясывающий вершину.

— Полкилометра, — пробормотал Эрнан, прикидывая ширину препятствия. — А теперь объясните мне, пожалуйста, в деталях, чем эта штука опасна.

— Объясню, — весело пообещал Тейт. — Но сначала — маленькое предупреждение. Прыгать здесь нельзя, точнее, можно, только не очень высоко... Игамина, а сделай заслонку прямо у нас над головами, ладно? — и с этими словами он достал из мешка горсть сора и подкинул.

Всё остальное заняло какие-то доли секунды, как выстрел — уследить невозможно, можно только различить последствия.

Раз — на высоте двух с половиной метров камни и щепки точно языком смело.

Два — воздух слегка помутнел и загудел.

Три — что-то на колоссальной скорости врезалось в скалу с грохотом, искрами и волнами каменной крошки. Прямо рядом со мной.

Рядом. Со мной.

Я запоздало вскрикнула, заваливаясь набок, и рыжий едва успел меня подхватить. Эрнан ругнулся, остальные... остальные выглядели так, словно приготовились к бою.

— Так, одна щепка всё-таки свалилась на нас, — поморщился Тейт досадливо. — Их вообще обычно далеко разносит, но иногда они

падают обратно. Игамина, ну я же просил какую-нибудь хрень у нас над головами сделать!

— Я сделал, — очень-очень нейтрально ответил тот. — Оно прошло насквозь. Щепка, говоришь?

— Ну да, если я правильно разглядел... Да не трясись, я б её поймал, если бы она не туда полетела! — он поддёрнул меня за локоть, помогая встать.

— Знаю, — тихо ответила я и улыбнулась специально для Эрнана. — Всё хорошо.

Дядя вернул мне взгляд — но уже сумрачный и серьёзный.

— Всё плохо, Трикси. Ветряная ловушка, говоришь... — он обернулся к Тейту. — Больше похоже на гравитационную аномалию.

— Чего?

— Я не физик, знания у меня достаточно общие, — несколько смутился Эрнан. Потом вздохнул, потёр виски пальцами и мягко окутал нас всех куполом. А когда заговорил снова, то уже сопровождал каждый термин плотным пакетом информации. — Я хочу сказать, что не похоже, чтоб у нас над головами бушевали ветра. Это какой силы должен быть ветер, чтобы так разогнать простую щепку? Причём так, чтобы она осталась похожей на щепку, а не в месиво превратилась... Кстати, ты правда собирался её остановить? — спросил вдруг дядя как бы между прочим, но взгляд у него стал неожиданно тяжёлым, давящим.

Воздух точно сгустился... или это давление эмпатического купола увеличилось?

В ответ Тейт посмотрел исподлобья — рыжий в чёрном, на фоне гаюса, дышащего смертью.

— Я учусь у Таппы, в ложе направляющих удар. И мы не только свои удары направляем, если надо, мм?

Он улыбнулся, слегка наклонив голову; часть лица оказалась в тени. Не знаю, что творилось сейчас в его ненормальной рыжей башке, я не смотрела, правда; но этого хватило, чтобы Эрнан побледнел и сглотнул.

Соул присел и меланхолично потрогал пальцем край мини-кратера, оставшегося от злосчастной щепки.

— Интересно, — произнёс он негромко, — я буду выглядеть так же, когда Орса приведёт домой какое-нибудь юное лохматое чудовище

и скажет, что это её мужчина?

Эрнан кашлянул, зачем-то отряхнул рукава по очереди, расправил шарф — и продолжил, как ни в чём не бывало:

— В общем, сильно сомневаюсь, что это ветер. Мысль о гравитационной аномалии пришла мне в голову ещё в древнем городе, когда я увидел мосты. Они парят без опоры — поразительно. Причём фрагменты наполовину разрушенного пролёта остаются на месте и не падают вниз. Дома я бы сказал: это невозможно. Для нашего с Трикси мира даже гравитационно-волновая связь — и то чистая фантастика. Но кто знает, что было реализовано здесь? Ваша магия далеко обогнала нашу технику.

"О, да, ты не представляешь, насколько", — хотела я сказать, но сдержалась.

— И вот ещё какие соображения есть. — Эрнан посмотрел на меня со значением, но импровизированную лекцию не прервал. — Нарушив границы аномалии, щепка начала двигаться с колоссальным ускорением: она набрала немыслимую скорость, пройдя небольшой путь. Но осталась при этом неповреждённой, вот что странно. Если бы сила, приложенная к ней, действовала бы с одного края — как на снаряд, или даже была бы приложена ко всей поверхности, или ещё как-то неравномерно — щепка бы разрушилась из-за внутренних напряжений. Вывод: сила была приложена к каждой её частице, причём пропорционально массе этой частицы. А именно так и действует гравитация.

Тейт, который некоторое время наблюдал за ним настороженно, вдруг фыркнул, повеселев:

— Смотри-ка, разобрался. Может, ты даже знаешь, как эта штука устроена и как её раздолбать?

— Нет, — с неохотой признался Эрнан. — Говорю же, в физике я разбираюсь поверхностно. Просто описываю, что вижу: гравитационную аномалию, причём чётко ограниченную. Наверняка существуют уравнения, способные описать всё это математически — с точки зрения струн, бран, петлевой квантовой гравитации. Вот последнее, кстати, особенно интересно — фрагментированность пространства-времени, точнее, дискретность, что не совсем одно и то же... Так, я скоро уже сам запутаюсь, — улыбнулся он. — В общем, я хотел сказать, что если сквозь ураганы ещё можно было бы

продраться, я верю в эту вашу магию, то соваться в гравитационную аномалию не стоит. Слишком мощные силы, непредсказуемые и опасные.

— Вот! — горячо откликнулся Тейт и обвёл нас взглядом, в котором светилось торжество. — Вот! Круто, что ты сам до этого допёр. Я к тому и клоню. Гаюс, конечно, жутко смертоносный, но над долиной — вообще какая-то непроходимая дрянь. Так что давайте лучше через гаюс.

Лиора изящно промокнула краешком шарфа лоб. Пристальным взглядом проутюжила пространство у нас над головами, затем посмотрела на синий кошмар ниже по склону. Глубоко вздохнула.

— Никогда не думала, что скажу нечто подобное. — Голос её звучал предельно нейтрально. — Но предложение Тейта кажется мне весьма разумным.

После того как она это озвучила, обсуждать другие варианты было уже бессмысленно: Лиору в любой ситуации однозначно поддерживал Маронг; если учесть мой голос и Эрнана, условно одобряющего задуманную авантюру, выходило, что у Тейта — абсолютное большинство. И если Соул выглядел так, словно мысли его витали где-то далеко и на всё земное и тленное ему было наплевать, то Кагечи Ро на мгновение точно обдал ментальное пространство закипающей кислотой — едким раздражением вкупе с гневом. Вслух ограничился одним словом:

— Придунок.

— Сам виноват, — не смутился рыжий. — Ты же меня знаешь, и всё равно попросился с нами.

Кагечи Ро хватило пары секунд, чтобы справиться с обуревавшими его эмоциями.

— Знаю, да, — согласился он уже примирительным тоном. — Но надеялся, что любовь сделает тебя более осторожным.

— Миры-то разные, а заблуждения общие, — искренне умилился Эрнан. — Точно так же трепетная выпускница Высших литературных курсов верит, что любовь сделает её отвязного парня из ночного клуба более целомудренным. И, разумеется, отучит курить.

Обстановку он разрядил — у меня лично как гора с плеч свалилась. Но тут же вскарабкалась обратно, когда Тейт обрисовал свой план в подробностях.

В общем, проблемы у нас были, да ещё какие.

Гравитационная аномалия не просто зависла над самой долиной, она окутывала склоны горы, почти вплотную прижимаясь к "горбу" гаюса, а дальше почти сразу сходила на нет. Зазор между смертоносной синей ловушкой и даже более чудовищной невидимой составлял не больше ладони — это стало ясно, когда рыжий вытряхнул по ветру мешок с сором и проследил за тем, где затянуло и куда выкинуло щепки с камешками. Причём даже его обострённого восприятия было недостаточно, чтобы чётко провести границы, поэтому мы решили перестраховаться и считать, что гравитационная аномалия располагается ниже.

— В общем, перелететь гаюс нельзя, — подытожил Тейт. — Как вариант, можно спуститься в долину и прорезать туннель через скалу. Наверное, сил у меня хватит на это, но лично я б туда сунулся в последнюю очередь. Камень ведь насквозь не видно, далеко ли ещё прожигать, куда сворачивать — не поймёшь. Ну, и раз наверху столько гаюса, то он может быть и в пещерах под землёй. Ну, или нассова трава, внезапно так. В общем, непредсказуемо. Наверху я со всех сторон в выигрыше: я знаю, в какую сторону идти, сколько идти и что будет за полосой гаюса.

— Нам надо всего лишь преодолеть эту полосу, — безмятежно улыбнулся Соул. — Гаюс, который одним прикосновением растворяет живую плоть, да. Гаюс, споры которого не может остановить даже преграда из воплощённого ничто. Гаюс, чьи ловчие нити простреливают любую магию насквозь, подобно нассовой траве, и впиваются в человеческие кости так цепко, что легче отрубить руку, чем отцепить нить.

Если бы я немного уже не зала Соула, то решила бы, что он издевается.

— Да, он самый, — согласился Тейт. И вдруг оскалился: — Я недавно обнаружил, что гаюс хорошо горит.

Наступила полная ментальная тишина, такая, что голова закружилась. О, да, маги Лагона прекрасно умели слушать, если считали, что чьи-то слова этого стоят.

— Поясни, — коротко попросил Соул. Его лицо утратило обычную мягкость, словно взгляд, прежде обращённый вовнутрь, на свитки, тайны и древнюю поэзию, наконец обратился ко внешнему

миру. — Я всегда считал, что мой огонь очень хорош, возможно, лишь немного хуже, чем у мастеров, но гаюсу он не вредил, как и любая магия. Первое, чему учат испепелителей: огонь не всесилен.

Рыжий не сразу ответил. Он поднялся, сделал шаг назад, ещё и ещё, пока не оказался на расстоянии почти в пятнадцать метров, у кромки долины. Протянул руку в сторону, ладонью вниз — и её окутало пламя до самого плеча, прозрачное, больше похожее на марево.

Дохнуло жаром, как из печи.

У Соула расширились зрачки.

— Я не знаю, что это такое, — произнёс Тейт. — Но Трикси научила меня другому огню, не такому, какой у Чирерори. Моему собственному. Я мог бы взять её за руку, облечь им и провести сквозь гаюс. И ни одна спора бы до нас не долетела. Но только Трикси может быть рядом со мной и дышать моим огнём, остальные... Не уверен, что смогу его удержать.

Он сжал кулак, и пламя угасло. А я рефлексивно села, обнимая колени, и спрятала пылающее лицо. Из-за того, что говорил рыжий, как он говорил — спокойно, без привычных своих шуток, слов-паразитов, намеренной несерьёзности — я чувствовала себя так, словно мы занялись любовью прямо у всех на глазах.

Дядя Эрнан раскашлялся.

— Я, э-э, кажется, уловил суть, — с деланой непринуждённостью сказал он. Я с трудом заставила себя поднять голову. — Значит, ты можешь расчистить дорогу?

— Не совсем, — признался Тейт. — Препятствие очень широкое. Прожгу дыру насквозь, ну, примерно двадцать-сорок шагов шириной. Ну, такой жёлоб получится, даже без камней, гладенький.

Маронг точно очнулся, включаясь в обсуждение.

— И проскочить его надо будет как можно скорее. Когда гаюса так много, он быстро затягивает разрывы, именно поэтому заражённые долины невозможно расчистить постепенно. И не стоит забывать о спорах и ловчих нитях.

— Нам нужна будет твоя летучая платформа, — склонил голову к плечу рыжий. — Самая-самая скоростная, как тогда, когда мы от Аринги бежали. И ещё эта фигня наверху...

— Гравитационная аномалия, — с готовностью подсказал Эрнан.

— Ага, она. Надо, чтоб платформа как бы в трубе летела, так точно не заденем аномалию. Тронем хоть краем — втянет.

В обсуждении всплыло ещё несколько мерзких деталей. Например, можно загодя воплотить летучую платформу, но нельзя заранее проложить жёлоб через гаюс, потому что он точно так же будет уничтожен огнём Тейта. Канителиться, когда пламя проложит дорогу, тоже опасно — через полторы-две минуты пространство заполнят споры и ловчие нити. А за гаюсом путь преграждала скала, и надо было немного загнуть направляющую "трубу" вверх, чтобы разогнавшаяся платформа перелетела над гребнем, потому что "вручную" пилотировать своё творение Маронг на такой скорости не способен.

— Значит, предельный срок — полтора ката, — пробормотала я. — Учитывая протяжённость участка, мне понадобится примерно десятая часть ката, чтобы создать трубу. Стационарные объекты у меня получаются хорошо. Мы в это время уже будем находиться на твоей платформе, да? — обернулась я к Маронгу.

— Я не так быстро овеществляю ничто, лучше подготовить платформу заранее, — согласился он. — Что насчёт спор и нитей?

— Отдельные я срежу, — пообещал Тейт. И ухмыльнулся: — Ты только не копошись там, а то путь зарастёт. Ну, начинаем?

Собственно, тут же разошлись и начали.

Дядя Эрнан выглядел потерянным. К лагонскому принципу "подумал — сразу сделал, чего тянуть" он так и не привык, несмотря на всю свою хвалёную адаптивность. Ничего, ещё два-три месяца — и пообтешется, вдумчивость и взвешенный подход здесь обходятся дорого.

— Дело другом, — мягко возразил он, присаживаясь рядом.

Рыжий пока прилаживался, чтобы половчее изничтожить гаюс, Маронг сосредоточенно пыхтел, в буквальном смысле вылепляя из пустоты, я чертила в воздухе схемы своей трубы-трамплина, основываясь на последних дополнениях. Остальные делали вид, что ведут светскую беседу — в сторонке, чтоб не отвлекать. Над гравитационной аномалией высоко-высоко светило жаркое солнце, дул лёгкий ветерок, отчего-то пропитанный ароматами тропических цветов и океана...

Благодать.

— И в чём тогда? — откликнулась я с запозданием. Так, материал для трубы нужно ещё подобрать — скользкий, гладкий, твёрдый, но с некоторым запасом пружинистости, что ли...

— Меня застало врасплох вот это. — Эрнан щёлкнул ногтем по модельке у меня на ладони.

Звук получился хороший — звонкий, стеклянный.

Наверное, если мне по голове постучать, такой же будет.

— Оу, — выдала я крайне содержательную реплику.

Модель благополучно растворилась в воздухе.

— Задумался невольно, почему ты это от меня скрывала, — признался он и откинулся назад на локтях; глаза, распахнутые в небо, казались теперь электрически голубыми, а в зрачках отражались белые перья облаков. — Не доверяешь?

Слова у меня благополучно куда-то подевались.

— Я... то есть... Да нет же, Эрнан! Просто сначала не до того было, когда Оро-Ич тебя только выдернул. А потом хотелось не банально похвастаться, вот, смотри, как я теперь умею, — понизила я голос. Мда, неловко как... И глупо. — А чтобы это естественно вышло — и зрелищно. Что мы идём, вдруг откуда ни возьмись выскакивают айры, а я их насаживаю на копыта или размазываю. Стою, заляпанная кровью и гордая, а ты: "Браво!"

Дядя размышлял несколько секунд — подозрительно долго для него — и потом от души расхохотался.

— То есть ты хотела меня превзойти? — озвучил он парадоксальный вывод. — Смотри, дорогой учитель, как высоко я забралась?

— Ну, не совсем, — смутилась ещё больше. — Но, наверное, в глубине души рассчитывала на то, что ты меня похвалишь. И удивишься.

— О, поверь, меня ещё бита в твоих руках поразила в самое сердце, — усмехнулся Эрнан. — Такая правильная девочка — и вдруг столько агрессии. Трикси, может, ты и не заметила, но я больше не твой наставник, — посерьёзnel вдруг он и повернулся на бок, чтобы меня видеть. Под его взглядом стало немного неуютно. — Прежние социальные роли ушли в прошлое, как только я здесь появился — честно признаюсь, практически беспомощный и порядком напуганный. Нелегко оставаться на пьедестале в облаке славы и

почтения, если тебя хватают за ногу и трясут вниз головой, пока халат не свалится.

— Знаешь ли, моё уважение не от халата зависит.

— И даже не от того, что под ним, — мрачно пошутил он. — Но ты тогда что-то могла сделать. И делала. А я барахтался, пытаюсь разобраться в ситуации, и очень рассчитывал на твою помощь. Я искал опору в тебе, Трикси. Мы квиты.

Я нахохлилась, подтягивая колени к подбородку. Эрнан был прав — как всегда, впрочем. Никакие путешествия между мирами и новые роли этого не меняли.

— Значит, хвалить не будешь?

— Ну, почему же, — развеселился он. И сделал круглые, восхищённые глаза, словно на рок-звезду смотрел: — Ты уже делаешь поразительные вещи, это даже не конструирование и моделирование, а нечто более удивительное. Дома бы к тебе на открытые семинары выстраивались многокилометровые очереди, а запись на курс лекций была бы года за три, наверное. И, кроме того, ты неплохо освоилась на четвёртой ступени эмпатии и телепатии.

Меня аж подкинуло:

— Четвёртой? Не пятой?

Эрнан поднялся и щёлкнул меня по лбу:

— Не зазнавайся пока. Вот научишься дотягиваться куполом примерно от Лагона до побережья, не падая в обморок, тогда и поговорим о пятой. И над контролем эмоций надо поработать. И способы ментальной защиты у тебя, конечно, креативные, но. Трикси, твой купол и пальцем пробить можно при желании! Что ты привязалась к конкретным моделям, зачем себя ограничивать? Ну как маленькая. Показали в детстве мысленную кирпичную стенку — значит, строим стенки. Неужели нельзя просто изменить среду вокруг себя, чтобы там не было места чужому разуму? А страхи! Зачем ты тычешь всем в нос своими страхами, это же такое пространство для манипулирования, стыдно так подставляться во враждебной среде. И вообще...

Тут я не выдержала — свернулась в клубок, закрывая лицо ладонями, и бессовестно заржала.

— Дядя, хватит, — простонала я, с трудом восстановив дыхание. — Отключай учителя, мы же вроде теперь договорились

быть на равных.

— Один — один, — шепнул Эрнан мне на ухо, задиристо, как мальчишка. — Пойдём, Трикси. Твой рыжий так старательно держит всех на расстоянии, чтоб мы наговорились по-родственному — аж стыдно становится, что я ещё проверяю столь достойного отрока на вшивость.

Я поспешно выпрямилась, отбрасывая посторонние мысли.

Маронг действительно закончил с платформой. Значит, дольше тянуть уже было нельзя.

— Трикси, готова? — радостно подхватил меня под локоть Тейт, вдёргивая сходу в сплюснутый полупрозрачный пузырь — очевидно, наше средство передвижения. — Тогда начинаю. Слушай меня, как поймёшь, что я уже всё — делай трубу. Против солнца, чтоб тень лежала за спиной.

— Помню, — прикусила я губу.

По спине пробежали мурашки. Нет, есть что-то успокоительное в горячке боя, когда не успеваешь осознать опасность. А высчитывать траекторию потенциально самоубийственного прыжка — мазохизм.

— Сорок шагов от гаюса — и задираешь её вверх. Вот так, — он приподнял ладонь под углом в тридцать градусов. И вдруг улыбнулся: — А потом всё будет хорошо!

— Оптимист, — не пойми чему обрадовался Эрнан.

— Идиот, — простонал сквозь зубы Кагечи Ро.

Как самая разумная из нас, Лиора только крепко зажмурилась на секунд и, кажется, мысленно обратилась к миру с прочувствованной просьбой.

Тейт встал к переднему краю платформы, едва не вываливаясь за границы защитного пузыря. Воздух вокруг нас тут же уплотнился, обнимая невидимой подушкой — и хорошо, потому что ускорение на старте будет неслабое, мягкая фиксация позвоночника и конечностей не повредит. Пространство точно напряглось; Эрнан ничего особенного, кажется, не ощущал, но маги Лагона — очень чётко.

И, что удивительно, я тоже.

Волосы у рыжего на затылке топорщились так, словно к солнцу тянулись, как трава. В какой-то момент почудились даже капли перламутровой росы, дрожащие и исходящие на марево, но почти сразу стало ясно, что это пламя. Внезапно оно, как живое, тронулось с

места и плавно потекло к протянутой вперёд руке, словно в спину ему дул сильный ветер, а потом — сорвалось с кончиков пальцев, к гаюсу.

Уши заложило от низкого гула.

Мне уже приходилось видеть, как по слоям выгорает камень, но то, что творилось сейчас, было страшнее, быстрее и яростней. Гаюс, пропитанный смертью, как брошенная в раковину губка — водой, сопротивлялся давлению; не сгорал — истончался, делался почти двумерным, словно был не физическим объектом, а некой силой, которую иная сила, более мощная, выдавливала за пределы мира. Гниловатый запах мертвенного моря сменялся обжигающей свежестью, не стерильной, но будто бы перевозданной.

А затем волна пламени докатилась до границы гаюса — и прорвала её, жадно впиваясь в камни, вгрызаясь в них, вылизывая до зеркальной гладкости...

— Сейчас! — крикнул Тейт. По виску у него скатилась капля пота.

Полтора десятка моделек спустя, я представляла задачу так чётко, словно она была выжжена у меня в подкорке. Труба даже не развернулась — возникла целиком, уселась, как влитая, в желобе. Стоило пузырю качнуться к ней — и его втянуло внутрь с чпоканьем, точно мячик-желе, всё тело вдавило в невидимую подушку — и головы не повернуть, желудок скрутило.

...треть пути.

Трубу наискосок прострелили ловчие нити — наискосок, на опережение, будто гаюс обладал если не сознанием, то рефлексам. Охнуло-дохнуло бесцветное пламя; нас обдало жаром, и Соул вскрикнул.

...половина.

Выжженный проём сузился вдвое. Два чавкающих, влажных синих горба стремились друг к другу — чудовищный великан смыкал полные ноздреватые губы, ужасающе медленно и слишком быстро в то же время. От Маронга потянуло болью, и меня опять швырнуло в "подушку безопасности" — платформа рванула быстрее.

...последние метры мы проскочили чудом.

Вывернув шею, я успела разглядеть, как, сжирая трубу, стискиваются, вминаются друг в друга синие горбы, обращаясь в монолит. Вслед нам выстрелили нити — и бессильно опали. Пузырь со

свистом вылетел из трубы, взмыл над грядой; отсюда долина выглядела отталкивающей — гаус, прикрытый шапкой бурой мути.

Резко стало холоднее, градусов на десять.

А впереди расстиралось бесконечное, серо-голубое; сверху — сплошные облака с редкими просветами чистого неба, снизу — мелкая, почти неразличимая с высоты рябь волн, белые росчерки пены, ещё дальше — скрытые в тумане острова. Оранжевый пляж выглядел неправдоподобно узким и ярким; буйные тропические заросли вились вдоль него, забираясь на склоны, однако быстро истощали свои силы, вырождались до редких зелёных пятен среди скал.

— Я забыл сказать! — крикнул Тейт, не оборачиваясь. — Этот путь — короткий!

Маронг вдруг как-то по-особенному вскрипнул — и обмяк.

Пузырь ещё несколько секунд пролетел по инерции, а затем стал неумолимо заваливаться, распадаясь на куски. Платформа под ногами просуществовала дольше, но ненадолго. Исчезла опора — и мы начали падать.

Сердце точно пополам перекрутилось и рванулось к горлу.

"...ну что ты привязалась к конкретным моделям?"

Пульс колотился под веками.

"...мы не создаём — мы приглашаем быть".

Тело точно и не весило ничего; океан летел навстречу.

"...показали в детстве кирпичную стенку — значит, строим стенки. Неужели нельзя просто изменить среду вокруг себя?"

Вот оно.

Среда. Среда, в которой невозможно рухнуть и разбиться.

Я представила, что океан уже вокруг. Вода плотнее воздуха; даже с гирей на ноге ты не падаешь на дно, а плавно опускаешься. Пространство вокруг потеплело, исчез свист ветра в ушах... Горло тут же свело — ни вдохнуть, ни выдохнуть, точно его забило пластилином, но падение замедлилось.

Замедлилось!

Хватило меня ненадолго. Но рухнуть в воду с высоты триста метров и три — большая разница. Глубина здесь оказалась небольшая, по пояс от силы. Мы с Лиорой в четыре руки подхватили Маронга, не давая ему захлебнуться.

— Жив и цел, это не гаус, — констатировал Кагечи Ро, мельком ощупав его. И сдвинул брови к переносице: — Но он практически истощён. Нужен отдых. И спасибо, Трикси, — добавил он, внезапно улыбнувшись, тепло и открыто.

Лиора взвалила Маронга себе на плечо и медленно побрела к берегу.

— Да уж, спасибо, — пробормотала она — мрачно, однако я чувствовала её искреннюю благодарность. — Едва не подошли, и так по-дурацки.

Дядя Эрнан вынырнул у меня под боком, отплёвываясь — видимо, падение в воду его ненадолго ошеломило, и он даже на небольшой глубине умудрился нахлебаться. Тейт сумел перевернуться в воздухе и войти в воду ногами, даже верхняя часть одежды у него осталась сухой. А вот Соула отнесло дальше прочих — подсознательно я ему не доверяла и, похоже, хотела отделить от нас. Он плёлся, опустив голову, разгребая воду перед собой руками — дырка в ментальном пространстве, сбой системы. А когда добрался до нас, то молча съездил Тейту по физиономии.

— Ублюдок, — тихо сказал Соул. — Если бы не Трикси...

Рыжий задумчиво потёр щёку, затем посмотрел на свою ладонь.

— Ну-у, это я Маронга вырубил, что ли? Он сам.

Воздух затрещал от обжигающей ярости. Ох, сейчас бы нырнуть с головой в океан...

— Я говорил сейчас не о Маронге, Танеси Тейт. Но в следующий раз потрудись предупредить об опасности заранее. А не тогда, когда уже другого выхода не будет, — отчётливо произнёс Соул и, припадая на одну ногу, заковылял за Лиорой к берегу. Остановился, плеснул в лицо водой. — Ты не один. И отвечаешь не только за себя.

Тейт обернулся ко мне — инстинктивно... ощупывая взглядом, ловя взгляд. А я опустила глаза. Концы шарфа медленно колыхались под водой; слишком тяжёлый, чтобы всплыть, но недостаточно, чтобы утонуть.

Я не могла смотреть прямо, потому что в глубине души знала: Соул прав.

Дядя Эрнан старательно делал вид, что страшно занят: отряхивался от налипших там и сям водорослей, ругался, отжимал

рукава и снова мочил их... Как он умудрился незаметно пнуть меня в голень — загадка.

Мозги прочистило мгновенно.

Шаг, второй, третий — и я крепко обняла Тейта.

— Ты безответственный идиот, — прошептала я ему в шею. Накатила очередная волна и едва не захлестнула нас; ухо теперь гудело, а во рту был солёный привкус. — И никак не можешь понять простой штуки: ты ведь правда не один. Тебе доверяют, хотя ты иногда этого не стоишь, засранец. За тобой идут — даже на невозможное. Что, кто-то попросил предварительных доказательств, что твой огонь может провести нас сквозь гаус? Тебе верят, Тейт, — отстранилась я и поймала его взгляд. В тёмных зрачках дрожали алые огоньки. — Может, и ты уже прекратишь испытывать всех вокруг на прочность и примешь наконец как данность, что у тебя есть друзья?

Он прикусил губу, потом открыл и закрыл рот, словно воздуха не хватало.

— Я... пойду. Надо узнать, что с Маронгом. Ты...

Он так и не договорил, что — "ты". Просто посмотрел невозможными глазами, чмокнул в щёку и умчался, чуть из воды не выпрыгивая. Мне хотелось догнать его, но Эрнан не позволил — поймал за край шарфа и вполголоса попросил:

— Задержись. Это важно.

Ещё бы. Таким тоном неважные вещи не говорят.

Накатившая волна толкнула в плечо. Прядь волос перекинуло поперёк лица; я ощущала её, как маску.

— Что случилось?

— Помнишь, около Лагона за нами наблюдали? — осторожно произнёс Эрнан, понизив голос. Я кивнула. — В пещерах ощущение чужого присутствия исчезло. Кем бы они ни были, наблюдатели, нассова трава оказалась для них достаточно серьёзным препятствием. В древнем городе мне однажды померещилось что-то, но сразу пропало. Я не понял, что это было, но стал более внимательным... И вот теперь. Когда мы начали падать, и даже твоя хладнокровная подруга запаниковала, я снова почувствовал, и оно было уже отчётливей. Это зов, Трикси. Кто-то подавал сигнал нашим преследователям.

У меня внутри всё перевернулось. Наверное, волны окатывали нас опять и опять, но я не чувствовала. Лицо у дяди было странным; прежде мне не доводилось видеть такого выражения — морщинка между бровями, побледневшие и словно более тонкие губы, а глаза тёмные и блестящие.

— Это был...

— Нет, не Соул, — мягко перебил меня Эрнан. — Его сразу отшвырнуло в сторону, а источник ментального крика был совсем рядом. И знаешь, что самое отвратительное, Трикси? Я не смог его локализовать. Я не знаю, кто предатель, Трикси... Ты понимаешь? Он сумел обмануть меня.

...И только тогда я осознала резко, вспышкой, что значило выражение его лица.

Эрнан был в ярости.

Глава 42. Убийственная токсичность сомнений

Свойство человеческой природы ожидать худшего — от незнакомцев, от друзей, от себя самого. Иногда является проявлением не болезни, а обострённой интуиции.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Я проснулась от всепоглощающего ощущения скорой катастрофы. И вроде бы никаких предпосылок... Раскинувшийся на два километра купол не фиксировал в округе ничего живого, кроме ночного зверья, но даже оно сторонилось нашего лагеря: мы, маги, были самыми опасными тварями на побережье. Сильно пахло морем, солоновато-сладкими ночными цветами, немного слабее — дымом, шергой, сохнувшей одеждой. Небо к востоку уже посветлело; над океаном вдалеке парила большая птица, а где-то ужасно далеко звенела песня сойнаров, и от неё внутри становилось легко и тревожно, как от гудков поезда в ночи.

Звук, который я вряд ли когда-нибудь ещё услышу...

Тейт обнимал меня во сне поверх одеяла, горячий, бледный, сильный и какой-то сосредоточенный. Я приподнялась на локте, разглядывая его; отвела с лица пряди волос, поцеловала влажноватый лоб и попыталась встать.

— Ты куда? — спросил рыжий абсолютно бодрым голосом, поймав меня за руку.

— У костра посижу, — ответила я рефлексивно и подумала, что, да, как ни странно, именно этого мне сейчас и хочется — к огню. — Спи пока, скоро вернусь.

Он сонно завозился, стискивая ногами одеяло. Хватка на моём запястье ослабла.

— Угу... А ты не исчезнешь?

Я даже растерялась на секунду.

— Да вроде не собираюсь... А ты?

Он глянул на меня из-под ресниц — рассеянный свет выхватил только белизну белков — и сказал:

— Не знаю.

А затем отключился, переходя из состояния бодрствования к забытию быстро, как машина. Я то ли перекатилась, то ли отползла в сторону — под ногти тут же набился мелкий песок — и наконец вспомнила, что же мне такое муторное приснилось.

Тот вчерашний эпизод с гаюсом.

Только во сне всё закончилось по-другому. Тейт протянул руку, отпуская пламя, оно докатилось до границы — а затем вдруг пошла обратная волна густой синей пены, и время точно остановилось. Я очнулась до того, как началась самая жуть, но успела увидеть, как опадает пустой рукав.

Взгляд у меня, как намагниченный, потянулся к рыжему. В реальности он носил одежду без рукавов...

— Бред какой-то, — пробормотала я, растирая щёки. — Эмпат и ночные кошмары, кому рассказать — не поверят.

Костёр в центре лагеря горел ровным низким пламенем. Дрова за целую ночь немного почернели, одно полено треснуло вдоль, и там, в глубине, бродили зеленоватые отсветы. В песок были наполовину врыты два кувшина, побольше — с водой, поменьше — с шергой, и я налила себе в пиалу сильно разбавленного настоя. Под фрукты и тонкие, почти прозрачные полоски вяленого мяса — самое то.

Когда кучка водорослей у береговой линии заинтересованно пошевелилась, меня это даже не удивило.

— Вылезайте, — ласково позвала я. — Здесь на всех хватит.

Два зверька — один огненно-рыжий, а другой чёрный — засеменяли к костру, заинтересованно поводя хвостами, по три штуки на каждого. Передвигались они как призраки: следов на песке не оставляли ни задние, лисьи лапы, ни передние, больше похожие на ладошки, но снесь исчезала в прожорливых пастьях вполне реально. Интересно, влетит ли мне завтра за трату припасов...

До чего докатилась — кормить с руки собственные иллюзии.

У рыжего шраха шерсть оказалась жёсткой, у его чернобурой подружки — мягкая и немного скользкая, как стекло. Уши они топорщили одинаково смешно и инстинктивно жались друг к другу; два представителя чуждой мифологической диаспоры во враждебной среде, культурологические эмигранты.

— Вы держитесь друг за друга, ладно? — шёпотом попросила я.

А они вдруг ощерились — и драпанули в темноту.

— Не спится, да? — поинтересовался Соул дружелюбно, присаживаясь напротив, по ту сторону огня. — Мне тоже. Даже не хочется будить Кагечи Ро, хотя моя очередь сторожить уже прошла... Древние поэты, наверное, сказали бы — океан дышит тревогой. — Он помолчал. — Мне кажется, что вокруг очень много людей, и каждый пристально смотрит на меня, но, сколько не вслушиваюсь — не могу уловить ни ноты из чужой песни, словно я оглох.

Треснувшее полено хрупнуло — и вдруг рассыпалось облаком тончайшей пылицы, быстро гаснущих искр. Так вот куда деваются дрова, когда исчерпывают ресурс горения...

— Я тоже во сне тянулась куполом во все стороны, — призналась я. И зачем-то добавила: — Мне снился кошмар.

— А мне — мастер Сайна, — рассеянно откликнулся Соул и с усилием потёр виски. — Сон был приятен, кошмар начался, когда я проснулся... Почему ты молчишь, Трикси? Может, я рассказываю затем, чтобы ты спросила?

Он так прямо и бесхитростно меня упрекнул, с той особенной растерянностью молодых аспирантов, что я едва не рассмеялась. Хороша была бы: человек передо мной душу распахивает, можно сказать, а я по ней с размаху луплю своим чувством комического.

Ветер слегка усилился, перемешивая и освежая ночные ароматы.

— Я знаю, что она была твоим учителем, а потом исчезла. Ты её искал?

— Нет. Потому что знал, куда она ушла. Оттуда не возвращаются, да... — вздохнул он, подтягивая колени к подбородку. Штанины смешно задрались, обнажая щиколотки. — Наверное, я мог бы уговорить её остаться или рассказать другим ученикам из нашей мастерской, чтобы они попробовали это сделать. Но я не стал. Она меня отвергла, точнее, согласилась, но только на один раз, словно ей было всё равно, и я подумал, что лучше ничья, чем не моя.

— И долго?

— Что?

— Долго так думал?

— Два дня, — мягко улыбнулся Соул. — А ты правильно поняла, Трикси, да.

Не то чтобы я хорошо чувствовала момент, но сейчас поняла — можно.

И спросила:

— Зачем ты напросился с нами?

Не "заставил нас тебя взять с собой, угрожая расправой", а всего лишь "напросился". Верх дипломатии, да уж. Но Соул, как ни странно, не обиделся.

— Слухи. Сначала мой покой смутил рассказ уродливой старухи из долины, помнишь её? Я понял, что она пыталась прорваться к материку смерти, но не справилась и в какой-то момент повернула... Но ведь были те, кто дошёл до конца. Кто-то ведь принёс в горы алый барьер, кто-то овладел тайной времени? Маги не стареют, — странным голосом произнёс он. — А ведь та женщина состарилась, и не где-то, а именно по пути к материку смерти... Потом Танеси Тейт рассказал о путешественнице, которая на островах повстречала женщину, вернувшуюся из-за океана. А теперь и мастер Лагона посылает свою добычу договариваться с магами именно на острова. С магами, о которых никто ничего не слышал... Кроме добычи Оро-Ича и Танеси Тейта, который тоже добыча, если задуматься. И что я должен был думать, Трикси?

— Что надо отсидеться где-то в тихом месте, — мрачно ответила я.

Он глухо раскашлялся, стараясь на меня не глядеть. Я поняла, что поэтом мне не быть — ни в каком смысле.

— Некоторые ответы нельзя просто получить, — вдруг сказал Соул. — Их можно только вырвать силой у мира. Особенно если когда-то тебе их уже предлагали на раскрытой ладони, а ты из гордости отказался.

"Мы с Тейтом — не абстрактный мир, который отобрал у тебя мастера Сайну", — пронеслось в голове.

В горле у меня пересохло. Но от необходимости что-то говорить, к счастью, избавил Эрнан. Он застонал во сне, неразборчиво выбранился — и резко сел, натягивая одеяло на плечи. Взгляд у него был очумевший.

— Даже не спрашивайте, — хриплым шёпотом предупредил дядя — почувствовал наше любопытство. — Вот шрах, мне такого лет с четырнадцати не снилось... Я с вами посижу, ничего? — уже более

осмысленно поинтересовался он. — Носится в воздухе что-то такое тревожное, и на паранойю уже не спишешь.

— Мне тоже приснился кошмар, — сообщила я на всякий случай.

— И мне беспокойно, точно надвигается шторм, — подтвердил Соул.

Мы втроём переглянулись.

— Плохо, — резюмировал Эрнан и подсел к костру, кутаясь в одеяло. — Если одному эмпату что-то почудилось, это можно списать на случайность. Но сразу три, да ещё не самых слабых...

Он не договорил, но этого, собственно, и не требовалось.

Я едва осознала, когда меня вновь начало клонить в сон. На голых инстинктах добралась до края лагеря, забралась в разворошенную постель, обняла Тейта поперёк спины — и вырубилась.

Побелевшее небо сияло даже сквозь сомкнутые веки.

"Меня усыпил родной дядя".

Проснувшись я перед самым завтраком, зато с потрясающе ясным рассудком, давно такого не было. И уже только по этому признаку поняла, что без вмешательства Эрнана дело явно не обошлось. Тейт подтвердил подозрения, что Соул с моим дядей так и сторожили лагерь вдвоём до утра и не стали будить Кагечи Ро. Ну, а сложить два и два было не так трудно.

— Ты его взломал, — прошептала я, улучив минуту, когда мы с Эрнаном остались наедине — на дальнем конце пляжа обнаружили заросли хотты со спелыми плодами, и я предложила собрать немного в дорогу. — А сначала устранил меня.

"...как ты мог!" — не добавила, хвала моему терпению и бесконечной выдержке. А так хотелось! И злило не то, что дядя, не колеблясь, избавился от меня — вполне логичный ход, когда имеешь дело с мощным эмпатом и телепатом вроде Соула, ведь я могу стать каналом утечки информации, с моей-то несовершенной защитой. А то, с какой лёгкостью он перешагнул с детства впаянные в мозг табу цивилизованного псионика.

Мне в своё время пришлось в буквальном смысле ломать себя, а ему... Или это и есть пресловутая гибкость мышления?

— Дело не в гибкости, — и не подумал отпираться Эрнан и сощурился на голубое небо, точно искал опору в переменчивом узоре

облаков. — Мне уже доводилось пачкать руки... от чего я надеялся уберечь тебя, и там, в нашем мире, даже преуспел в этом.

Ветер пробежался по пляжу и швырнул в лицо мелкий песок. Я закашлялась, вытрясла из волос грязь — и постепенно взяла чувства под контроль. Злиться правда было ужасно глупо и незрело; дядя не сделал ничего плохого, а мои собственные проблемы с адаптацией... Они давно позади.

Сейчас гораздо важнее найти предателя, который послал сигнал. И выяснить, что это был за сигнал и для кого он предназначался.

— И как результаты?

— Соул чист, — коротко ответил Эрнан и рефлекторно оглянулся. Впрочем, подслушивать нас было некому — мы забрели довольно далеко от лагеря. Слева шипели волны, вылизывая пляж, справа — шумел ветер в ветвях, идиллия. — Романтичная ерунда, которую он тебе втирал на рассвете, конечно, далека от истины, но и враньём в полной мере не является.

То, что рассказал, многое объясняло.

Соул уже давно пытался выйти на своего потерянного мастера и, по совместительству, первую любовь. Но не везло ему отчаянно. Единственная вылазка на острова не увенчалась успехом — вместо Сайны Юн он вернулся домой с ребёнком, с девочкой, которую назвал своей сестрой. Вторая волна интереса поднялась совсем недавно, буквально в последние несколько лет, когда Тейт повзрослел и начал привлекать внимание всего Лагона.

— Твоё рыжее чудо много общается с путешественниками, больше других, — сообщил дядя, посматривая на меня искоса, точно реакцию проверяя. — Это не осуждается здесь, насколько я понял, даже наоборот, поощряется. Проблема в том, что иногда Тейт описывает людей, которых никто, кроме него, не видел. Или вскользь упоминает истории, которые путешественники больше никому не излагали. А Соул наблюдательнее, чем кажется со стороны.

Чего-то подобного я, пожалуй, ожидала — от них обоих.

— А Тейт — умнее, — вырвался у меня вздох. — И если он сливает некую секретную информацию — девяносто девять из ста, что он это делает сознательно. Кто дирижирует процессом, думаю, уточнять не нужно.

— Мой хозяин, — с каким-то мазохистским удовольствием подтвердил Эрнан, и я впервые подумала, что Оро-Ич тоже влип — и даже пока не подозревает, насколько. — Почти наверняка не только ради Соула. Но побочным и, не сомневаюсь, приятным эффектом интриги стало то, что талантливый подмастерье, который много лет провёл в самоизоляции, начал проявлять активный интерес к политике Лагона.

В предысторию с Сайной Юн дядя вдаваться не стал, я только поняла, что Соул тогда повёл себя куда как менее красиво, чем он мне расписывал у костра. Но в глубине его сознания отыскалась ещё одна деталь, гораздо более важная для нашего нынешнего положения.

Источник последних, не подтверждённых пока новостей о магах, вернувшихся с материка смерти, находился не в Лагоне.

Тейт, оказывается, изрядно потрудился, то здесь, то там упоминая о том, что-де он болтал с путешественниками, которые-де видели этих магов — такая вот сложная схема. И некоторые собеседники попадались на крючок и подтверждали, что да, тоже слышали нечто подобное. Отсеяв тех, кто набрался слухов уже из третьих уст, рыжий получил любопытную выборку: все, кто имел отношения к свежей информации о странниках с материка смерти, так или иначе покидали Лагон в последнее время.

— Соул бы, может, ничего и не заметил, — размышлял вслух Эрнан, пока я откручивала плоды хотты с верхушек — не пропадать же добру, в конце концов, да и алиби нам не помешает. — Но ведь и он сам собирал те же самые обрывки информации, искал те же зацепки — и тоже наткнулся на то, что сведения сливает кто-то за пределами Лагона. Потому Соул-то быстро уловил суть, когда Тейт стал прощупывать почву вокруг него и задавать наводящие вопросы.

— И поэтому так уцепился за возможность отправиться с нами к побережью, — закончила я за него. — Слушай, а ведь получается, что Сайна Юн из тёплой и уютной лагонской гавани отчалила на материк смерти? И Соул это знал?

Дядя многозначительно улыбнулся — не хватало только транспаранта с надписью: "Я здесь самый информированный, я!"

— И не только она, что важнее для Тейта.

— Но ты, разумеется, деталями не поделишься, — предположила я. Эрнан развёл руками; я швырнула в него початком хотты — прямо в

лоб. Попала, конечно — дядя охнул и потёр ушибленное место. — Это эгоистично, знаешь ли.

— Техника безопасности, — проворчал он, подбирая голубоватый початок. Ковырнул ногтем — в стороны брызнул белёсый сок, мутные склизкие капли осели на щеке. — Мы пока не знаем, кто предатель. А ментальная защита у тебя...

— Тогда и не намекал бы.

— Не намекал! Ты хоть представляешь, как меня распирает? — искренне возмутился Эрнан, и мы одновременно расхохотались.

Хотя, если задуматься, было не до смеха. Во-первых, выяснилось, что Оро-Ич не всё держит под контролем — кто-то пытается воздействовать на Лагон снаружи; во-вторых, Тейт был как-то связан с магами, вернувшимися с материка, но сам об этом не знал. Дурной расклад, как ни посмотри.

Единственное, что обрадовало — Соул не имел отношения к свободным. Минус один кандидат в предатели. А Эрнан всерьёз опробовал псионические способности на маге, и не на каком-то захудалом ученике, а на подмастерье самого Эфанги. И упомянутый подмастерье, похоже, ничего не заподозрил.

Значит, дядя сумеет пробиться почти сквозь любые блоки... Лишь бы успеть вовремя.

Небо над океаном чернело и прогибалось к волнам.

Перед отплытием Эрнан проверил ещё и Тейта. Не то чтобы кто-то из нас действительно верил, что рыжий шпионил на врагов, но уж слишком удобная выдалась возможность: он обнаружил в океане, под выступающей скалой, колонию разноцветных живых шаров и звал всех полюбоваться. Откликнулась только я — и, разумеется, дядя, который не мог упустить такой шанс.

Заодно впервые понаблюдала, как агрессивно может работать эмпат и телепат высочайшего класса.

Тейт разлёгся на краю скалы и ткнул пальцем вниз, в воду. Едва успел произнести: "Смотри, вот..." — и Эрнан, словно невзначай, положил ему руку на затылок. А дальше оба они застыли минуты на четыре, как стоп-кадр из трёхмерного фильма.

— ...там они и сидели, — внезапно заговорил рыжий, начав с того самого момента, где остановился. Недоверчиво моргнул: — И куда-то

уплыли. Ведь только что были тут!

— Не судьба, — развёл руками Эрнан с невинным видом.

И добавил мысленно, так, что только я услышала: "Настоящая чёрная дыра комплексов, Трикси, я тебе не завидую! Но предатель — не он".

— Ещё бы ты завидовал, — фыркнула я.

Тейт подозрительно на меня покосился, но ничего не сказал.

Мы проторчали на побережье полдня в надежде, что погода хоть немного улучшится. Тщетно — ветер только усиливался, температура упала градусов на пять. Наконец ожидание стало невыносимым, и тогда мы, великие маги, все сплошь зрелые и умудрённые жизнью индивидуумы, приняли решение отправляться в путь немедленно.

Правильно, чего медлить — скука гораздо страшнее какого-то там шторма!

— Думай потише, Трикси, — шепнул дядя украдкой. — У меня от твоего сарказма мозг сводит.

— Если я вообще ни до кого не донесу своё сверхценное мнение, то попросту лопну, — пессимистически пообещала я. — Так что терпи.

Он хмыкнул. Его весь этот бардак явно забавлял. Дурного оптимизма, правда, поубавилось, когда Лиора достала из заплечной сумки двадцатисантиметровый клубок чёрно-белых нитей и гордо заявила, что на нём-то мы и поплывём.

— Но нужно дерево... — Лиора устремила задумчивый взгляд на тропические леса, карабкающиеся вверх по склонам. — Вот такая горка примерно, — и она задрала руку, привстав на мысках. — Шагов десять в длину.

— О, ну это быстро! — живенько откликнулся Тейт — Кто со мной?

В итоге на берегу остались только мы с Эрнаном и с Лиорой. Чёрно-белый клубок, хоть и катался сам по себе вдоль линии прибоя, за живое и разумное существо не считался. Мы с дядей машинально обменялись взглядами; я уже хорошо представляла, что сейчас произойдёт, но зачем-то брякнула вслух:

— А может, приоткроешь карты хотя бы ей? Она поймёт.

Лиора душой не была. А ещё она прекрасно владела эмпатическими и телепатическими техниками, пусть и на местный манер. Сопоставить факты с моими словами ей труда не составило.

— Сначала Соул, — протянула-пропела она и прикусила на мгновение губу. — Затем, вероятно, Танеси Тейт. Теперь я. Ты проверяешь нас по очереди, Эрнан Даймонд?

Уж что-что, а приспособливаться к изменившимся условиям дядя умел безупречно.

— Проверяю, — по-лагонски склонил он голову к плечу. — И на то есть причины. Кто-то из нас отправил сигнал вовне, как только мы вырвались из долины. Учитывая, что до спуска в подземелье за нами следили чужаки, ничего хорошего в голову не приходит.

Лиора присела прямо на песок. Чёрно-белый шар принялся носиться вокруг неё кругами, подскакивая.

— Что ж, справедливо, — наконец произнесла она. — Если даже Тейта подозревали... Но я должна сказать, прежде чем ты начнёшь. После того, как в мой разум вмешался мастер Эфанга, я обратилась к тому, кто сильнее его, чтобы очиститься.

Эрнан цокнул языком — а по ощущениям словно выругался.

— Оро-Ич. Почему ты именно к нему обратилась?

— Во мне течёт его кровь, — туманно пояснила Лиора, не вдаваясь в детали, и пригладила ладонью песок перед собой. — Раньше я избегала просить его о помощи, но затем поняла, что иногда это неверно... Ты будешь слушать меня?

Дядя не сомневался ни секунды.

— Буду. Можно же ведь не только искать предателя... Точнее, можно искать его не только своими глазами и ушами, фигурально выражаясь. Понимаешь? Ты наблюдала с другой точки и могла тоже заметить зов. Найдём зоны пересечения — сузим круг подозреваемых.

Лиора согласилась — идея пришлась ей по вкусу. Но даже несмотря на это усилий Эрнан затратил на порядок больше. Я не была включена в схему и как бы стояла на страже, с одной стороны высматривала посторонних, с другой — следила за тем, чтобы наши не вернулись раньше времени. Единственное направление, откуда не приходилось ждать опасности — океан: волны уже не ласкались к берегу, а обрушивались на него с яростью, швырялись клочьями пены, ревели, вгрызались в песок, разбрызгивали себя... Накрапывал дождь,

и одежда липла к телу. Волосы, даже стянутые в жгут, мотались от ветра, отросшие пряди у лица забивались в глаза и рот, и воздух пах уже не водорослями и йодом, а ржавчиной... Но все погодные катаклизмы померкли рядом с псионическими.

В какой-то момент эмпатическое и телепатическое давление стало таким, что восприятие странно изменилось. Мир фрагментировался: изображение не согласовывалось со звуком, с тактильными ощущениями. Ветер швырял песчинки с грохотом, как многотонные скалы, волны со скрежетом протаскивали сор по дну; в груди что-то шумело, как сопла у самолёта; молнии раскалывали небо совершенно беззвучно, вода обрушивалась на берег с нежным шелестом книжных страниц...

Чужие чувства перемешивались с моими.

Губы у Лиоры были солёными и болели, словно разбитые в кровь.

Кожа Эрнана источала аромат тех странных благовоний, которыми в день его прибытия мастер Лагона окуривал свою террасу наблюдения — и я ощущала это с пугающей ясностью, почти что видела, как проникает аромат вглубь в тело Эрнана, встраивается в него на глубинном уровне, вплоть до генного кода, и то было...

...то было весьма унижительное чувство — понимать, что кто-то другой, более сильный, пропитал тебя собой, извратил твою суть, даже усилий особых не прикладывая, но мы ещё поживём, да-да-да, мы ещё повоюем...

"Что за бред", — пронеслось в голове.

И вдруг всё закончилось.

Океан ярился — но далеко не так сильно, как мне казалось минуту назад. Да, волны, да, молнии вдалеке, дождь накапывает и ветер хлещет — но терпимо.

— Получилось, — прохрипел Эрнан и растянулся на мокром песке, тяжело дыша. — Довольно сложно продраться через такую систему блоков, ничего не нарушив. Оро-Ич, как ни прискорбно сознавать... действительно великий мастер. Мне повезло, что система защиты была выстроена как временная, не особенно тщательно. Он явно рассчитывал на кого-то послабее себя... Шестая ступень, пожалуй, не выше.

Лиора выглядела получше — всего лишь как человек, которому по лицу едва не съездили шипованной битой и промазали на два

миллиметра.

— Ты действуешь грубее него, — только и сказала она.

Дядя прикрыл глаза рукой.

— Чисто теоретически я должен быть уязвлён этим замечанием. Но, во-первых, ломать — не строить... А, шрах, я же и не ломал ничего... В общем, было бы у меня часа три вместо пятнадцати минут — ты бы вмешательства не заметила, поверь.

Лиора нахмурилась.

— Чего?

— За два сета он бы справился лучше, — механически перевела я. И недоверчиво обернулась к Эрнану: — Дядя?

— Забыл про купол, — повинился он. — Не смотри так, мне нужна была перезагрузка и хотя бы короткий отдых от эмпатии. Через пару минут... катов то есть — восстановлюсь. А пока взгляните лучше на улов.

Он перевернулся на бок и тщательно разровнял рукой песок. Затем нарисовал семь странных загогулин: шесть — кучкой, а одна на отшибе.

— Вот тут был Соул в момент падения, — постучал Эрнан пальцем по запятой-сепаратистке. — Здесь, на острие — Тейт. Потом я, дальше Кагечи Ро, затем сильно правее — Трикси, перед ней Маронг, левее него — Лиора. Вот зона, в которой я ощутил исходящий сигнал, — и он обвёл большую часть рисунка дугой. — Как видите, негусто — попадают почти все, кроме Соула. У Трикси положение было хорошее, но, увы, она ничего не услышала.

К лицу кровь прилила.

— И не могла, — нейтральным тоном заметила я. — Мне, к сожалению, тогда пришлось сосредоточиться на прыжках выше головы. Не мой любимый вид спорта, но если б я не практиковала его в Лагоне регулярно, то мы бы с высокой долей вероятности разбились о воду.

— И не соревновались бы сейчас в остроумии, — в тон мне ответил Эрнан. И устало глянул исподлобья: — Отбой, Трикси. Я не собирался тебя укорять. Если мне уж кого и винить за невнимательность и халатное отношение, то себя самого. Но нам, можно сказать, повезло.

Лиора подползла к нему, походя стерев коленкой запятую-Соула, и уселась перед рисунком.

— Я тоже не услышала сигнала, — спокойно призналась она, отводя со лба мокрые пряди волос. — Да и не могла его различить — слишком тиха была песня. Но ощутила некоторое нарушение гармонии — вот в этой стороне, — и она размашисто провела дугу, отрезая ещё часть рисунка.

Область пересечения двух полукругов захватывала двух человек. Меня и ещё...

Глаза точно обожгло. Я не сразу поняла, что это Лиора транслирует в пространство свои ощущения, начисто потеряв контроль; на слипшихся белёсых ресницах дрожали капли горячей влаги...

Не дождь.

— Без паники. — Эрнан решительно накрыл её ладонь своей, повёл из стороны в сторону, стирая половину рисунка. — Выводы делать рано. Сомнения — штука весьма токсичная, жизнь отравляет только так. Подождём с решениями, пока не доберёмся до островов. Я наблюдаю. Хорошо?

Лиора сглотнула насухо, потом яростно кивнула — не полагонски, по-нашему. Это было весьма... красноречиво.

И, что самое интересное, имя вероятного предателя никто не произнёс даже мысленно.

Наши мальчики вернулись с древесиной довольно быстро. И, кто бы сомневался, превратили элементарную бытовую задачу по добыче ресурсов в соревнование. Выиграл, причём безоговорочно, Игамина Маронг: он соорудил нечто вроде летающего контейнера и под завязку нагрузил упавшими деревьями и обломанными бурей толстыми ветками. Второе место занял Тейт — он приволок два исполинских ствола, выбеленных солёной океанской водой и очень крепких. Кагечи Ро притащил солидную охапку хвороста, которую по-хорошему разве что на грузовом прицепе увезти можно было.

Соул единственный вернулся налегке.

— А зачем? — вздохнул он огорчённо. — Я как увидел, сколько принесли эти двое, так сразу понял, что моё уже будет лишнее. А жаль — я нашёл хороший материал.

Дальше дело было за Лиорой — и она с головой погрузилась в работу; наверное, хотела ненадолго забыть о шокирующих результатах нашего расследования. Да и к тому же создание корабля, как выяснилось, требовало внимания, усердия и ловкости.

Клубок, который должен был стать основой корабля, состоял из двух типов нитей: весьма жёстких и шершавых чёрных — и белых, гладких и вытягивающихся, кажется, до бесконечности. Чёрные, следуя за движениями руки, вгрызались в древесину, нашинковывая её пластинами. Белые образовывали многослойный липкий каркас, к которому и крепился материал. Когда первая стадия строительства завершилась, и будущее средство передвижения стало напоминать настоящий корабль, пусть и слепленный из папье-маше, Лиора достала из вещевого мешка ещё два рулона ткани — и тщательно обернула ею всю конструкцию, включая палубу. Тонкий до прозрачности материал на воздухе быстро разбух и стал напоминать рельефом самые обыкновенные доски, только замазанные сверху чем-то.

Так в нашем распоряжении оказалась симпатичная лодка метров восемь в длину, с навесом, но без паруса. В финале Лиора торжественно установила на днище, под нос и под корму, два небольших "яйца", каждое примерно с ладонь в диаметре. И заявила:

— Теперь готово. Осталось только спихнуть его в воду.

Тейт только того и ждал.

Наблюдая за тем, как новорождённый корабль натужно сползает в океан, дядя Эрнан наконец-то проникся ситуацией.

— Чувствую себя дикарём из затерянного в джунглях племени, которому предлагают прокатиться на двухместном частном самолёте, — шёпотом сознался он. — Слушай, ты думаешь, эта штука правда поплывёт?

— Ты сомневаешься, потому что ещё не видел оружие Лиоры, — поспешила я успокоить его. — Оно сначала выглядит как небольшой шар из косточек, а потом превращается в такую огромную штуковину, которая носится по долине и всё крушит на своём пути. И никто её не может остановить, даже сама Лиора.

Дядя почему-то мой благородный порыв не оценил и выразительно позеленел.

Впрочем, скоро хреново стало всем.

Нет, наша лодка — катер, корабль? — плыла очень резко. Ни ветер, ни волны не могли сбить её с верного направления. Навес защищал от дождя, воздушные "подушки" Маронга — от резких движений, но эти бесконечные колебания... Биокинез помогал мне справиться с новоприобретённой морской болезнью, но больше ни на что сил не оставалось, даже на сочувствие. Тейт, единственный из всех не потерявший ни грамма жизнерадостности, носился везде, то и дело вопя: "Ух ты, сойнары! О, круто, там чудовище! А вы видели эту молнию, а?". Лиору порядочно мутило, а ведь ей к тому же приходилось управлять судном; Маронг следил за тем, чтобы никто не разбил себе голову. Соул притулился у борта и, глядя в небо, про себя декламировал стихи.

Но больше всех натерпелся, конечно, Эрнан — как наименее приспособленный. Скрюченный, как старик, он лихорадочно цеплялся за поручень и мелко-мелко дышал, и облегчить его страдания не мог ни воплощённый вокруг него упругий "кокон", ни мои вялые биокинетические потуги. Но когда Кагечи Ро подошёл к нему и предложил помощь, дядя неожиданно огрызнулся:

— Убери руки!

Кагечи Ро отступил, потерял равновесие и чувствительно врезался плечом в опору навеса.

— Но я просто...

— Спасибо, не надо, — уже спокойнее ответил Эрнан. Глаза у него были чернящие. — Я... я против вмешательства в организм без особой необходимости.

Инцидент вроде был исчерпан, однако осадок остался. Похоже, не только меня точили сомнения.

Шторм закончился через несколько часов. Плаванье длилось ещё около суток с перерывами; на ночь мы пристали к небольшому необитаемому острову. Голая скала метров тридцать в диаметре, пещера да пара искривлённых, почти безлистных деревьев, на ощупь больше напоминающих металл — ничего особенного, но ощущение твёрдой почвы под ногами показалось мне необыкновенно приятным.

На рассвете я проснулась от ощущения пустоты. Тейта рядом не было. Небо на востоке горело и словно бы трескалось от жара — ало-золотистое пламя восхода рассекали чёрные верёвки. Как

зачарованная, я подобралась к краю скалы, свесила ноги — волны внизу плескались слабо, почти неощутимо — и уставилась на это зарево, прикрыв ладонью глаза.

— Ураганы, — тихо произнёс Эрнан и присел рядом на корточки. Я пригляделась: чёрные верёвки и впрямь двигались. — Тейт сказал, что они не опасны — пляшут практически на одном месте, их можно издали обойти... Очередная аномалия.

Две "верёвки" вдали сплелись в одну — и рассеялись. Я моргнула. Ощущение пустоты не уходило, точно тянуло что-то под ложечкой.

— А Тейт где?

— Нырять, — покосился на меня Эрнан. — Сказал, хочет добыть к завтраку рыбу и каких-то моллюсков из тех, что ты уже ела и не отравилась. Звучит неплохо.

Я потянула его за руку, принуждая сесть рядом со мной, а потом положила ему голову на плечо — как в детстве. Тогда, правда, он мне казался ужасно высоким, и приходилось тянуться вверх.

А теперь — склоняться.

— Почему ты не спишь?

Дядя не отвечал довольно долго. Мне стало жутко: а если он скажет сейчас, что уверен теперь, кто предатель, и нам надо от него избавиться...

— На западе нет зарева, — внезапно произнёс Эрнан.

Я растерялась.

— Что?..

— На западе, куда мы плывём, нет зарева, — повторил он ещё тише. — Но оттуда... Там... Трикси, я почувствовал, что где-то там одновременно погибли люди, несколько сотен. И ещё человек четыреста — в течение трёх часов. Сейчас всё тихо, — добавил он.

"Вернёмся?" — крутилось у меня на языке. У него, кажется, тоже.

Но никто из нас не произнёс ни слова.

Глава 43. Чужаки

Спешное перемещение простых людей из мест, где маги разбираются между собой. От эвакуации отличается полным отсутствием порядка.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Под конец плаванье начало приносить удовольствие — почти, если б не перманентно зудящая мысль о том, что мы движемся навстречу катастрофе. Эрнан, впрочем, не подавал виду, что его это беспокоит, и до крайности натурально изображал туриста на затянувшейся экскурсии: пялился по сторонам, вёл себя шумно, излучал в пространство беспечность и оптимизм. В паре с Тейтом они смотрелись великолепно, что ни говори — двойной удар весёлого идиотизма в челюсть угрюмой реальности.

Если бы я так хорошо не знала его... не знала их обоих, то, наверное, поверила бы.

Их выдавали детали. Эрнан дважды ответил на вопрос не только не заданный, но даже ещё и толком не сформулированный про себя; рядом с рыжим, примерно в радиусе полушага, стало теплее градусов на десять. Да и сама я держала рассеянный купол на километр вокруг, готовая в любой момент уплотнить его до максимума, обратить в тысячу игл, атаковать — прежде, чем ударят меня.

Но и в таком состоянии нельзя было не заметить, что остров Аленго удивительно красив. Как я успела уже отвыкнуть от такого нехищного, робкого, точно развеженного очарования природы! Красноватые пески дикого пляжа, деревья — невысокие, курчавые, с мелкой глянцевитой листвой, цветы приглушённых оттенков — бледно-розовые, пыльно-красные в зеленоватых прожилках, белые... За первой полосой деревьев виднелись дома на сваях, на воде покачивались лодки.

— Нас пока не видят, — заметил Соул. Он, закрыв глаза, стоял у борта и то ли наклонялся из стороны в сторону, то ли пританцовывал с закрытыми глазами; движения были механические, завораживающие в своей неестественности, а пространство пронизывал еле слышный

перезвон колокольчиков. — Но пора бы замаскироваться. Пастыря тварей среди нас нет, значит, кораблю нужны паруса.

— Ну, я могу нырнуть за какой-нибудь рыбой и уговорить её проташить корабль, — задумался Тейт.

Я сползла на палубу, закашлявшись от смеха.

Уверяли его, что не стоит утруждаться, с поразительным единодушием.

Маронг, повертев руками, создал весьма достоверную иллюзию мачты и паруса — ткань хлопала на ветру, натягивалась и выглядела, на мой непрофессиональный взгляд, вполне естественно, разве что потрогать её было нельзя. Засновали туда-сюда странно одетые "люди" в красном — видимо, необходимые для обслуживания судна моряки. На бортах проступила затейливая роспись в пурпурных и синих тонах.

— Ага, — протянул рыжий глубокомысленно, свесившись через край. — Значит, мы из Тиррато?

— Почему бы и нет, — неопределённо дёрнул плечом Маронг. — Тиррато далеко, вряд ли кто-то уличит нас во лжи.

— И за счёт чего мы существуем? — сощурился Эрнан. Эмпатическое давление на мгновение стало ощутимым, а потом он улыбнулся: — О, мне нравится. Ткачество, редкие краски, ремёсла, несколько потомственных корабелов. Закрытое общество — хороший выбор, странности в поведении никого не удивят, скрытность тоже. Но, э-э... у них матриархат?

Не знаю, что такого смешного было в переданном образе — культурно-историческая справка показалась мне весьма корректной, но рыжий открыто расхохотался, а остальные заулыбались.

Эрнан терпеливо дожидался объяснений.

— Тонкими работами занимаются женщины и мальчики, а теми, что требуют силы — взрослые мужчины, новичков учат старики и старухи. Ну и как понять, кто главнее? Деньги, конечно, у женщин, потому что женщины чаще продают краски, а еда — у мужчин, потому что мужчины добывают её, — рассказал Тейт охотно, когда навеселился. — Ну, и так вышло, что в семье Тиррато рождается больше дочерей, и оба пастыря — девочки.

— Краски я захватил из Лагона, — добавил Маронг скромно. — Одна шкатулка, зато чистые цвета — ярко-синий, пурпурный, жёлтый, алый, зелёный и даже чёрный. Так что можно даже немного

поторговать. Я ещё тогда подумал, что прикинуться Тиррато — хороший выбор. Эрнан-кан довольно стар и поэтому сойдёт за наставника...

Дядя поперхнулся. Да-а, по меркам моего мира он выглядел очень молодо для своего возраста, но среди вечно юных магов смотрелся и впрямь солидно. Настолько, что даже Маронгу, деликатному до мозга костей, и в голову не пришло, что это его "довольно стар" прозвучало безжалостно.

"Переживу, Трикси, не волнуйся, — скосил на меня взгляд Эрнан. — Но теперь я начинаю думать, что Оро-Ич, возможно, совсем не издевался, когда предлагал переделать моё тело".

Вот так новости!

От неожиданности я отреагировала вслух:

— И ты?

— Сказал, что подумаю, — уклончиво ответил Эрнан. — И что мне пока трудно смириться с мыслью о столь серьёзном вмешательстве в мой организм. Врач имеет над пациентом определённую власть; а уж то, что предлагает мастер Лагона... Впрочем, это к делу не относится, — спохватился он. — Да, Игамина, хорошая идея, я согласен.

Я недоверчиво моргнула. Дядя — и оговорился? Ох, сомневаюсь... Интересно, для кого предназначался этот его монолог. Соул к любым неожиданным высказываниям относится с любопытством, у него реакция стандартная; Кагечи Ро задет, но, кажется, в чисто профессиональном плане — характерная смесь раздражения, уязвлённости и совсем немного беспокойства. Лиора — нечитаемая, Маронг... Маронг запнулся, точно на секунду потерял нить разговора, и затем продолжил:

— Лиора будет как бы вести дела, она умеет держаться с достоинством. Я назовусь её братом. Трикси-кан, ты будешь младшей сестрой и ученицей, это объяснит цвет волос, не придётся его прятать.

— Сойдёт, — сдержанно похвалил Тейт. — А остальные типа охранники?

— Сложно придумать другие подходящие роли для сразу нескольких молодых мужчин, причём явно не родичей, — с виноватой улыбкой ответил Маронг и опустил глаза. Лиора на ощупь нашла его

руку и сжала; мысли у этих двоих были неотчётливые, точно весь эфир забивали шумы. — Есть идеи получше?

Рыжий завёл руки за голову и сладко потянулся.

— Ну-у... Можно прикинуться жителями прибрежной деревни, которую маги разорили. С одеждой выпендриваться не надо, волосы под рваными платками спрятать, рожи испачкать — никто не придерётся. Да, и никаких вопросов — нам типа рассказывать пока страшно, а им и слушать неохота, а то ещё навлечёшь на себя какую-нибудь жуть.

Вот так, просто.

На этом фоне старый план сразу показался напыщенным, сложным и перегруженным деталями. Думаю, не только мне, потому что атмосфера стала слегка неловкой. Кагечи Ро принуждённо рассмеялся и потрепал Маронга по волосам, пробормотав что-то вроде: "А у тебя всё очень красиво", но утешение прозвучало почти как издевательство, вроде: "Ты у меня, конечно, дурак, но зато посмотреть приятно". Напряжение разрядил Эрнан, который задумчиво поинтересовался:

— Да, вопрос одежды я как-то не учёл.

Соврал, естественно — я и без всякой телепатии это поняла. И легенду для нас он наверняка придумал заранее, что-нибудь незамысловатое, труднопроверяемое и элегантное, вроде варианта с беженцами. Но пока Тейт с энтузиазмом расписывал особенности островной моды, неловкость ушла. Корабль сбавил скорость и плавно обогнул мыс.

Мы оказались в порту.

Некоторые вещи мало меняются от мира к миру, от цивилизации к цивилизации. Например, чашка, рог и плоская пиала на первый взгляд отличаются, но суть одна — ёмкость, из которой пьют. Одеждой, если она предусмотрена местными обычаями, прикрывают тело; обувь защищает ноги. Так и с портом: я с первого взгляда определила, где причал и мол, а в странной конструкции несколько в отдалении опознала нечто вроде ремонтных доков. Над крышами кое-где вились дымки; сушилась одежда между сваями домов первой полосы; низко над водой летали птицы.

Стояла удивительная тишина.

— А где все люди? — негромко спросил Соул.

...я и сама не поняла, в какой момент трусливо поджала купол, как хвост, страшись задеть краем чью-то боль или смерть. Очнулась только когда заметила движение на самой кромке берега: у полосы прибоя сидел на песке немолодой мужчина, до колен закатав штаны и распахнув накидку-халат; с одного плеча ткань съехала вообще, на другом держалась лишь чудом. Верхнюю часть лица скрывала плотная чёрная повязка.

Мужчина поднял руку над головой и медленно повёл из стороны в сторону.

— Давай к нему, — коротко приказал Эрнан Лиоре. — Да, и убирайте маскарад: нас никто не видит. Этот тоже, но он почему-то прекрасно знает, кто мы. Он... странный.

Странный — даже по меркам Эрнана... Кажется, я поняла, кем был тот мужчина на берегу. Разум, наполненный быстро сменяющимися образами, читать которые — всё равно что пытаться различить написанное на сухих листьях, размётанных осенним ветром; завязанные глаза и уши...

Тот, через кого мир говорит с людьми. Напрямую, чтоб уж точно услышали.

С корабля исчезло всё лишнее — паруса, мачты, иллюзорные моряки. Глубина океана уменьшалась на глазах, вода становилась прозрачней, прозрачней... А потом днище заскрежетало по песку, и меня едва не вышвырнуло в волну — так резко мы остановились, хорошо хоть Тейт был начеку...

Лиора толкнула борт, и он разложился пологой лестницей до самого пляжа.

Мы спускались медленно, один за другим, и корабль за нашими спинами проседал, распадался на изношенные деревянные пластины, хворост и отсыревший холст. Когда Лиора, которая шла последней, ступила на берег, в ладонь ей прыгнул клубок, сплетённый из белых и чёрных нитей.

Недолгое плаванье закончилось — как-то жалко, бессмысленно и бездарно.

"Интересно, что Маронг будет делать теперь с красками?" — промелькнуло в голове, и я проглотила нервный смешок.

Эрнан, замешкавшийся было, прибавил шагу и обогнал остальных, но приблизиться к мужчине-слепцу так и не сумел. А тот

словно почувствовал — и молча указал пальцем на юго-запад.

Кажется, именно туда, откуда докатилось эхо множественных смертей.

— Спа... Грхм, благодарю, — с трудом вытолкнул из себя слова дядя и коротко поклонился, а затем поплёлся вдоль берега, на запад.

Ноги у него явственно заплетались.

Я хотела догнать его, но точно в песок вросла.

Слепой мужчина указал на Маронга, затем на меня, на Тейта — одним плавным жестом. Лиора отчего-то всхлипнула, зажимая рот руками. Маронг, спотыкаясь, подошёл к мужчине; тот заставил его склонить голову и на секунду положил ему руку на лоб, а затем, так ничего и не сказав, оттолкнул.

Следующим приблизился рыжий. Мужчина прикоснулся к его груди, между пятым и шестым ребром, точно вслушался во что-то — и вдруг рассмеялся беззвучно:

— Какой живучий.

Голос у него был самый обычный, низкий и хрипловатый, но меня замутило от ужаса. И что, я теперь должна подойти... к этому? Вот ни за что.

Ноги двигались точно сами по себе. Расстояние сокращалось, и в горле kloкотало влажное, нездоровое дыхание. Но стоило очутиться рядом со слепцом — и страх исчез.

— Все боятся неизбежного, — сказал мужчина, и у меня появилось чувство, что слышу его на сей раз только я. — Неизбежное — то, от чего не убежать. Убежать нельзя и от себя... Ты себя боишься?

— Нет, — выдохнула я.

Шрах, соврала. Иногда боюсь.

— Больше доверяй себе. Мне нечего тебе сказать. Всё, что необходимо для наилучшего исхода, у тебя уже есть.

Наверное, это должно было меня подбодрить, но я почувствовала себя совершенно разбитой. И одновременно — невероятно лёгкой. Однажды, ещё в детстве, мне пришлось отстричь волосы коротко-коротко, с толстенной косы по бёдра — до солдатского ёжика. Спасибо Лоран, которая устроила нам обеим короткое незапланированное купание в тропической реке, и всеядным марандонским пиявкам; кузине-то повезло, она нацепляла паразитов на ноги, а я умудрилась

пригреть парочку за ушами и на затылке... Местный врач церемониться не стал — и, чтоб обработать ранки, оболванил меня быстрее, чем экскурсионную группу догнала мама на водном скутере.

Тогда, усевшись на причале и отрешённо поглаживая стриженную макушку, я чувствовала себя примерно так же.

— Трикси, пойдём, — требовательно потянул меня за руку Тейт. Взгляд у него был без смешинки, и оттого рыжий казался взрослым, куда старше меня самой. — Отстанем.

Я растерянно осмотрелась: пляж действительно уже опустел. Эрнан скрылся за рядом первых домов; Маронг спиной подпирал свая, запрокинув голову, а Лиора обнимала его и прятала лицо у него на плече; Соул на ходу что-то втолковывал Кагечи Ро, жестикулируя едва ли не активнее собственной младшей сестры...

Мужчина с чёрной повязкой на глазах исчез, даже отпечатка на песке не оставив.

"Сюда, Трикси, — прошелестел вдруг ветер дядиным голосом. — Кажется, тут кое-что интересное".

Скорее всего, именно послание получила не одна я, потому что беседы вдруг прекратились, а Лиора подняла голову, наконец отстраняясь от Маронга. В памяти отпечатался путаный маршрут, и тонким росчерком поверх лёг короткий путь. Мы с Тейтом, не сговариваясь, на секунду взяли за руки, настроились друг на друга ментально — и рванули через деревню. Поверх крыш, сквозь узкие проулки между домами, петляя между сваями... Как придётся, лишь бы быстрее. Не то чтобы я испугалась, страха в сообщении не было даже фоном, однако опустевшие жилища и явно впопыхах брошенные вещи на позитивные мысли отнюдь не наводили.

— О, рядом с ним кто-то есть! — крикнул на бегу Тейт. И уточнил, весело оскалившись: — Кто-то живой!

И почти в тот же самый момент я сама ощутила рядом с Эрнаном присутствие чужого разума. Человек... да, похоже, обычный человек, не маг, причём немолодой уже. Свидетель? Вполне возможно.

До крепкого дома, почти невидимого за валом разбитых и разошедшихся лодок, мы с рыжим добрались первыми. Дядя к тому времени успел не только завоевать симпатии аборигена, но и разговорить его — точнее, её, потому что единственным обитателем в панике брошенной деревни оказалась женщина. Косматая, седая, с

почти квадратным лицом, точно вытесанным из ноздреватого известняка. Левый глаз у неё побелел; он постоянно смотрел вбок, словно застрял в таком положении. Левая рука едва шевелилась и выглядела суховатой, закостенелой, и нога тоже. Правая половина тела — без явных патологий... Что это, интересно, инсульт? Или последствия травмы? Нищенку женщина ничем, кроме нечёсанных патл, не напоминала: чистая одежда из яркой бирюзовой ткани явно неплохого качества, вышивка белым и зелёным по рукавам, на предплечье металлический браслет с инкрустацией. Говорила невнятно, скорее всего — из-за частичного паралича, но когда это скверная дикция была проблемой для телепата?

Главное, чтоб информация оказалась стоящей.

— ...на взгорье, куда опускается солнце, — бормотала женщина, не отводя взгляда от Эрнана. Тот внимательно слушал, сидя рядом с ней на плетённом из сухих стеблей коврике. — Там живут водяные пастухи и водят фуубе, на склонах ткачи растят волоконницу и там же сушат её, и чешут, и сучат нитки. Всего числом девятнадцать семей, обильных детьми... Прошлой луной зыбь океанская туда исторгла человека; у него изо рта и глаз текла пена, цветом красная, а кожа была как земля в засуху. Врачеватель спустился к нему в накидке, пропитанной соком тайвы, с укрытым лицом, но только откинул ткань с глаз — и, не прошло и четверти сета, как он стал страшно кричать, и никто не решился к нему подойти. К утру из облаков явились нечистые нелюди, женщины и мужчины, сожгли врачевателя и человека из океана, а после огородили берег от белого камня до острой скалы алой стеной, через которую нельзя перебраться, и велели сквозь неё не смотреть. К ним приходила пастырь Ола Аленго, что владеет птицей глубин и высот, и говорила с ними, а позже вернулась и говорила нам слушаться тех чужаков и не бояться. Но вчера к ночи явились иные чужаки; земля тряслась, изрыгала пламя и секущий ветер, и вдруг стена стала расти, и охватила всё взгорье и деревню на высоте, и кто оказался за ней, кричал. Люди побросали скарб и побежали на восток. Сыновья погрузили меня в телегу, готовясь увезти, но пришёл тот, чьими устами говорит мир, и повелел остаться. "Твоя смерть не здесь, Улари, но здесь твой глаз, рука и нога". Так он сказал, — закончила она — и уставилась в пол.

Эрнан побарабанил пальцами по доскам пола, а затем посмотрел поверх моего плеча, на вход в комнату — там, в арке, стоял Кагечи Ро, вздёрнув смешные круглые брови едва ли не до середины лба.

— Полагаю, что за глазом, рукой и ногой — это к тебе, — заметил дядя, и Кагечи Ро, на удивление, даже возражать не стал — прошёл в комнату, скинул с плеча сумку и принялся раскладывать кульки и склянки странного вида. — Мы подождём снаружи. Суть происходящего, к счастью, проясняется; к несчастью, она немного не такая, как я рассчитывал. Ну, что же — ожидай худшего...

Уже за валом из лодок мы столкнулись со второй половиной нашей компании. Эрнан, не замедляя шага, скинул им через ментальные каналы рассказ женщины-калеки и направился к окраине деревни, на юго-запад. Больше по пути нам не встретилось ничего живого — ни людей, ни скотины. Видимо, даже на Аленго катастрофы случались достаточно часто, чтобы у обитателей острова сформировался рефлекс: в случае опасности немедленно бежать прочь и брать с собой лишь самое необходимое.

И было отчего-то очень тепло на душе оттого, что в категорию этого самого "необходимого" местные включали стариков и калек — умирать они не оставили никого.

— Взгорье, о котором говорила Улари, расположено в трёх часах ходьбы отсюда, — внезапно нарушил молчание Эрнан, когда мы уже покинули селение и ступили под сень деревьев с толстыми стволами и приплюснутыми кронами. С развилок ветвей свисали гроздья зеленоватых ягод, источающих резкий железистый запах. — Я бы предложил обсудить ситуацию, но сейчас в этом смысла мало. Ясно, что хорошего ничего нет... Суммирую результаты коротко. На берег выбросило заражённого человека, скорее всего, мага, раз он двигался даже в полумёртвом состоянии. Болезнь развивается очень быстро, в считанные минуты, э-э, каты, но передаётся не через воздух и не через воду, иначе бы вся деревня слегла ещё до прибытия "чужаков" — группы магов. Маги купировали зарождающуюся эпидемию и оградили заражённую территорию. Затем прибыла вторая группа магов, вряд ли с мирными целями; была стычка и хорошие ребята победили, но, боюсь, ценой жизней нескольких сотен мирных жителей, которым не повезло оказаться внутри новых границ заражённой территории. Предположу, что вторая группа магов

стремится завладеть источником болезни, а первые... — Эрнан запнулся, скосив глаза на Маронга. — А первые — наши союзники, осталось только их в этом убедить. И вот ещё что. Плохие ребята могут быть ещё поблизости, да и вообще разведка не помешает.

Соул понятливо склонил голову к плечу:

— Схожу огляжусь по-своему. Какая неопишимо дурацкая ситуация, да... — пробормотал он и неторопливо завернул за трёхметровое в объёме дерево, кончиками пальцев оглаживая желтоватую растрескавшуюся кору.

— А древние поэты ничего такого разве не описывали? — фыркнул Тейт, разминаясь, как перед забегом.

— О, вот поэты — да! — с энтузиазмом высунулся Соул из-за ствола. — Орсе, правда, рановато читать бранные стихи, поэтому я их оттащил в мастерскую на пару лет. Ты хочешь взглянуть? Там есть весьма одна примечательная подборка, "О поношении рыжих"... — и он предусмотрительно спрятался за деревом.

В другой ситуации, наверное, я бы посмеялась, да и Тейт тоже, но сейчас отчего-то даже и мысли такой не было. Тейт то ли выдохнул резко, то ли кашлянул — и обернулся ко мне, упираясь в лоб лбом.

— Скоро вернусь, — прошептал едва слышно. Зрачки у него расширились так, что от радужки остался лишь тоненький синий ободок. — Поосторожнее здесь. Если рядом свободные...

Он не договорил, сорвался с места и исчез среди деревьев, как в воздухе растворился. Но я и так прекрасно поняла, что Тейт имел в виду: если в дело замешаны свободные кланы, то где-то поблизости может бродить и Аринга. А к встрече с ней, пожалуй, не готов никто из нас, особенно теперь, когда на кон поставлено слишком многое — не союз со слабой, но гонористой семьёй, а, возможно, сверхоружие, которое может изменить ход противостояния с Лагоном.

А в том, что мы наткнулись на нечто экстраординарное, в лучшем случае — аномалию, в худшем — биологическое оружие, сомневаться не приходилось.

Вряд ли жители Аленго просто столкнулись с неизвестной инфекцией. Будь это обычная болезнь, во-первых, она не привлекла бы столько внимания со стороны магов, а во-вторых, для защиты от неё не понадобилась бы "непроходимая алая стена". Звучит, кстати, до ужаса знакомо — не о временном барьере ли речь? Вполне возможно... И

если допустить, что мои предположения верны, то следующий неутешительный вывод напрашивается сам собой: где одна дрянь из-за океана, там и другая, и если "алая стена" создана по технологиям с материка смерти, то и болезнь может быть оттуда.

Вот шрах...

— А вы на разведку не собираетесь? — прервал мои размышления Эрнан.

Обращался он, правда, не ко мне.

— Тех двоих хватит, — с мертвенным спокойствием, граничащим с холодом зачоченелого трупа, ответила Лиора. Лицо её было таким бледным, что под глазами залегла синева. — Игамина... Он хочет кое-что сказать.

Маронг закусил губу — у меня во рту появился призрачный кровавый привкус, и я ослабила купол — и шагнул к нам, как на эшафот. Длинные белёсые пряди липли к повлажневшему лицу; зелёные глаза казались почти чёрными.

— Думаю... — начал он, и голос у него сорвался. Маронг огладил лицо руками, убирая мешающиеся пряди, сглотнул и продолжил: — Лиора рассказала о том, что случилось на побережье, когда мы падали, я имею в виду зов... И я думаю... Скорее всего, я предатель.

Как удар под дых.

Я старалась не думать об этом уже несколько дней — с переменным успехом. Внутренне сжимаясь в комок, ждала развязки — и вот она наступила, но что теперь делать?

Эрнан, впрочем, потрясённым не выглядел.

— Садись, — коротко приказал он и тут же сел сам, прямо на выпуклый древесный корень. — Садись и успокойся, я не медик, голая физиология вне моей компетенции, если отхватишь инсульт или инфаркт на нервной почве — ничем тебе помочь не смогу. Что тебя навело на мысль о том, что ты предатель? Лиора рассказала о нашем опыте?

У меня перед глазами, как вживую, стала схема, нарисованная на песке.

Маронг прерывисто вздохнул — и опустился на землю, подгибая под себя ноги. Лиора, подумав, последовала его примеру. Я осталась стоять — наверное, потому, что боялась шевельнуться и спугнуть надежду, которую вселил в меня дружелюбной настрой Эрнана.

— Она рассказала, — подтвердил Маронг. — Но думал я ещё раньше. Просто на выходе из долины с городом, после гаюса, когда я потерял сознание... В общем, этого не должно было случиться. У меня хватило бы сил на три таких перелёта, потому что труба, которую сделала Трикси, очень облегчила задачу. Но я отключился, а очнулся вымотанным. Значит, сделал что-то бессознательно... И ещё. Трикси и Лиора знают, что я...

— Родился в горах, в семье с нехорошей репутацией, — кивнул Эрнан непринуждённо. — И теоретически ты в Лагоне — персона нон грата. Теоретически. Да, мой, гм, мастер упоминал об этом.

Маронг побледнел ещё больше, хотя казалось бы — куда уж, но, тем не менее, нашёл в себе силы склонить голову к плечу в знак согласия.

— Да, я из свободных. Бежал, когда понял, что следующую войну с другим кланом не переживу — почти все мои старшие братья и сёстры были уже мертвы, с детьми из побочных линий не церемонятся. А я был... пограничный. Мать из побочной ветви, отец из основной, поэтому кое-чему меня научили. Так я считал последние три года. А потом я встретил Лиору.

Блондинка подняла ладонь, словно прося его замолчать, и затем заговорила сама.

— Мне хотелось помочь, очень. И после того случая, когда мастер Эфанга угрожал, что расскажет о происхождении Игамины, я задумалась о том, как лучше сохранить секрет. Долго размышляла, пела, творила отложенные песни... — она осеклась.

— ...потом вкладывала их между моими мыслями, — глухо продолжил Маронг, пряча взгляд. — И тогда началось странное. Я начал задумываться о том, что всегда виделось мне естественным. Как мне в голову вообще пришла идея бежать в Лагон? Почему меня толком не учили отрицанию, но я владею им? Почему я никогда не бывал в сражении, хотя почти все мои братья и сёстры погибли, защищая клан? Кто был моим наставником? Кто... — повторил он тихо. — Сначала мне казалось, что отец. Потом — что брат отца. Наконец я понял, что не знаю, кем приходился мне этот человек, не помню, как выглядело его лицо, даже как его звали. Дорогу по горам до Лагона помню хорошо, а всё, что прежде, похоже на сон, который

ускользает. И теперь этот зов, который прозвучал, когда я был без сознания...

— И прозвучал с твоей стороны, — вздохнул Эрнан. — Мда, история премерзкая. Похоже на ложную личность и ложную память, мощные внушения, которые начали разрушаться из-за воздействия другого неординарного эмпата и телепата, мои комплименты, — и он улыбнулся Лиоре. — Однако паниковать рано. Предлагаю покопаться в твоей многострадальной голове, не нарушая баланса, раз уж так удачно сложилось, что нам никто не мешает. Ты согласен? — спросил он, и Маронг так резко склонил голову к плечу, словно у него шея сломалась. — А вы последите за округой. Трикси?

— Сделаю, — отчеканила я.

— А я вернусь на берег, вдруг мы что-то упустили, — произнесла Лиора таким же твёрдым голосом, а затем вдруг метнулась к Маронгу, обняла его крепко-крепко, расцеловала в губы, в щёки, в шею, оттолкнула — и бросилась бежать опрометью.

Пожалуй, я понимаю её — трудно было бы просто стоять рядом и наблюдать, как кто-то ковыряется в мозгах у того, кто тебе дороже собственной жизни. Но это означало, что окрестности полностью на мне... Надо выстроить сложный купол, который бы огибал Эрнана и не мешал ему работать, но в то же время засекал посторонних. И своих, кстати, тоже — если Тейту доверять можно, то Соула и Кагечи Ро лучше бы держать на расстоянии, пока ситуация не прояснится окончательно.

Да и потом тоже.

Поначалу у меня была мысль опробовать дядин совет и вместо условного купола просто изменить среду вокруг, чтобы она реагировала на вторжение. Но, подумав, я решила, что глупо обкатывать новые технологии в условиях, когда от тебя во многом зависит успех или неуспех серьёзного дела... А если попробовать просто слегка поменять форму? Пусть будет не сплошное поле, а много-много натянутых сигнальных нитей, что-то вроде паутины.

Та-ак...

Я села, где стояла. Результат неожиданно превзошёл ожидания: сил на поддержание такой ловчей "сети" уходило на порядок меньше, заметить её, полагаю, было гораздо труднее, чем сплошной купол, а что касается чувствительности — она возросла в несколько раз.

Естественно — нити-то более "концентрированные", по сути это нечто вроде ментальных игл, которыми я раньше пробивала чужую защиту. Если б до меня раньше дошло, что купол можно использовать и так!.. Хотя, наверное, голая идея мало что изменила бы: нужно иметь определённые навыки, чтобы воплотить задуманное. Ещё полгода назад я с трудом удерживала даже концентрированный купол шагов на пятнадцать вокруг себя, а когда вырубил Тейта "иглой" — сама едва не потеряла сознание.

Для всякого знания — своё время.

Если поразмыслить, то становится очевидно, что все мы шагнули далеко вперёд. Лиора, которая раньше сама признавала свои умения непригодными для боя, на дуэли смогла противостоять Соулу, пусть и недолго; Маронг, который прежде толком и походную купальню не мог обустроить, превратился в человека, способного замаскировать корабль и даже создать иллюзии живых моряков. Дальше всех, конечно, шагнул Тейт — он, которого раньше пламя слушалось с трудом, превратился в чистую огненную стихию, неудержимую и ужасающую в своей мощи...

Внезапно моя "паутина" разом завибрировала, загудела, да так, что гул в костях отдавался. Я подскочила, озираясь, выискивая вторженца не столько глазами, сколько всей своей ловчей сетью одновременно — и едва не ослепла.

Там, где раньше стоял дядя Эрнан, поднялся над деревьями великан, сотканный из плотного, густого, нестерпимо горячего света, как кипящее золото; на месте глаз и сердца — пульсирующие тёмные звёзды, точно втягивающие в себя неосторожный взгляд, да что взгляд — внимание; пожирающие всё, как чёрные дыры, и...

Трикси, мягко попросил великан, отвернись. Тебе рано.

Я послушно закрыла глаза — и ментальные, и настоящие. Но успела заметить у него на ладони крошечную человеческую фигурку — Маронга. Распластанного, с разметавшимися волосами, не осознающего ни-че-го.

Шрах, а я, кажется, плохо знаю собственного дядю...

Он снова позвал нас через четверть часа. Тейт в это время шатался где-то далеко за пределами моей "паутины", Соул бродил между побережьем и грядой, а Кагечи Ро всё ещё возился с женщиной-

калекой — пришивал ей новую ногу, если я ничего не перепутала. Эрнана мы застали на том же пяточке между роцей и деревней, где и оставили его; он выглядел изрядно потасканным, весёлым и злым. Маронг, бледный и осунувшийся, улыбался — и это позволяло верить в лучшее.

— Фиаско, — издали объявил дядя. И прежде чем у Лиоры сердце остановилось, а у меня завелась первая седина, добавил: — К счастью, не у меня, а у того изверга, который пытался вылепить из нашего общего друга оружие против Лагона. Да, Лиора, поздравляю, твоему парню и пяти лет не исполнилось — точнее, четыре с половиной года назад родился Игамина Маронг. Кем он был раньше — мы, боюсь, никогда не узнаем, да и сам он не горит желанием возвращать туманное прошлое, так что всё к лучшему. Хотите узнать подробности?

Мы, разумеется, хотели.

Воспоминания о семье и детских годах действительно оказались ложными. Игамина Маронг появился в тот момент, когда открыл глаза на столе для опытов чуть меньше пяти лет назад. Тогда же он получил имя, статус, обязанности — и прочее, что прилагается к условному ребёнку из побочной ветви в свободном клане; кем он был прежде, что происходило до того — всё это оказалось стёрто самым надёжным способом на свете.

— Кто-то вмешался в его мозг, буквально — в нервную ткань. Область воспоминаний была полностью уничтожена, а затем воссоздана заново с ювелирной точностью — естественно, пустой, как чистый лист, — вздохнул Эрнан. — С псионическим воздействием я бы мог справиться, но тут чистая биология... А я не биокинетик, к сожалению. Сюда бы Дейдру, мы бы живо разобрались с этой головоломкой! — посетовал он. — Но к делу. Лицо создателя и учителя Игамины Маронга также подчищено физически, он был весьма осторожен. Однако есть и хорошая новость: дальнейшими внушениями занималась какая-то женщина из местного клуба песен и плясок...

— Внимающих и поющих, — слабо возмутилась Лиора.

Дядя только отмахнулся.

— Да хоть мимов и канатоходцев, мне-то что. Самое главное, что следы её вмешательства я полностью уничтожил. Все шпионские

функции вроде регулярной отправки отчётов в родной клан, все программы самоуничтожения, триггеры и контроллеры. Словом, парень чист, — и Эрнан ободряюще похлопал Маронга по плечу. — Пусть по возвращении сходит и покается к мастеру Оро-Ичу, тот проверит физиологию на всякий случай, но до конца путешествия нам опасаться нечего. Мы накрыли шпиона, не диверсанта, — заулыбался он. Только между бровей залегла складка. — Есть, правда, одно "но". Не все вшитые функции были автоматическими, так сказать. Некоторые требовали кодового слова или действия — в общем, в Лагоне есть кто-то, регулярно нажимающий на спусковой крючок, если вы понимаете, о чём я говорю. Но это пока не наша забота, — заключил дядя с исключительной бодростью.

Угу. В переводе на нормальный язык — проблемы Маронга решены временно и не до конца, в Лагоне затаился враг, но ничего больше сейчас сделать нельзя, поэтому паниковать и истерить запрещается. Радуйтесь, дети, пока есть возможность.

Вполне разумный подход.

— Самое плохое во всём этом — даже не то, что к нам запросто внедрился шпион поневоле, до ушей напичканный ментальными программами, — сощурился Эрнан. — А то, что у вас здесь существуют технологии, способные стирать и блокировать воспоминания на биологическом уровне. Мозг, увы, не сознание, в него незаметно для проверки не влезешь... Впрочем, надеюсь, что у ваших мастеров свои методы, более действенные. А теперь закругляемся.

Сначала я не поняла, что он имеет в виду, а затем, секунд через десять, ощутила, как в мою паутину на полном ходу врезалась пустота — очевидно, Соул вернулся с разведки. Чуть погодя закончил работу и выдвинулся из деревни Кагечи Ро. Оставалось дожидаться лишь Тейта, но он, как назло, задерживался. Лиора, глядя на шатающегося и бледного Маронга, предложила отдохнуть и перекусить. Мы разбили временный лагерь, развели костёр — долго ли, с испепелителем в команде — и успели даже запечь пласт позаимствованного из чьей-то брошенной кладовой мяса фуубе, когда меня на месте подкинуло.

Чувство тревоги прошло от макушки до пяток, как электрический разряд.

— Что? — мгновенно отреагировал Эрнан, собираясь. — Враги? Я ничего не...

— Тейт, — перебила я его, прислушиваясь к внутреннему компасу. — Шрах, ну, наконец-то!

— Где? — изумился дядя, но быстро взял себя в руки. — Ага... так, теперь вижу. Интересно, что ты заметила его раньше меня.

Но я даже не дослушала — сорвалась с места, рванулась навстречу рыжему.

Моему рыжему.

Который был очень-очень взволнован.

— Тише, тише. — Тейт перехватил меня за руки на середине роши, не позволяя с ходу обнять, и рассмеялся. — Я грязный, погоди, — и он, отстранившись, наскоро отряхнулся ладонями, одетыми в пламя; масляно-липкие пятна исчезали с одежды бесследно, только запах оставался в воздухе — характерный, солоновато-железный. — Ты не переживай, это не моя кровь, я ж торопился просто... Вот, а теперь можно.

Я буквально повисла на нём, обвивая руками и ногами, ещё немного — и за ухо бы цапнула для надёжности. Тейт обнял в ответ крепко, до синяков, так, чтоб стук его сердца и моего слились в один звук; чувство тревоги отступило.

— Прости, — произнесла я, нехотя отлипая от него. Было некогда; время словно неслось, как сумасшедшее, и нас тащило волоком на аркане. — Испугалась не пойми чего.

Он нахмурился, отвернулся, пряча взгляд.

— Я тоже перепугался. И вот как раз было чего... — Тейт вздохнул и боднул меня лбом в плечо. — Пойдём, а? Я тогда всем сразу расскажу. И, это, тут сидеть нельзя, нас типа пригласили.

— В смысле? — насторожилась я.

Он только плечом дёрнул, полностью закрываясь. Я всё-таки укусила его за ухо — пусть знает, как скрытничать и трепать мне нервы.

— М-м-м?

— Откусишь, — хмыкнул он и, вывернувшись, поцеловал меня в бровь. — Я вообще не уверен, что всё правильно понял... — и, поколебавшись, добавил. — Не могу решить один. Мне, это... нужна помощь.

Даже так?

Я удивилась, но виду не подала. Интересно, это на него так подействовал мой обличительный монолог на пляже? Или со временем дошло, само? Как бы то ни было, решать, что делать дальше, мы действительно должны сообща. Включая Соула с его туманными мотивами, Кагечи Ро, которому лично я инстинктивно не доверяю, и Маронга, который, как выяснилось, у нас шпион.

— Там два лагеря, — сразу сообщил Тейт, едва подсев к костру. — О, мясо, круто... мф... — Он вытер губы тыльной стороной ладони и продолжил: — Один вон там, — и Тейт указал на юго-запад. — У алой стены, мы такую уже видели, в общем, без Лао там не пролезешь. Шесть или семь магов, может, и другие есть, но они в дозоре или прячутся. Другой лагерь вон там, — и он ткнул пальцем чётко на запад. — Человек тридцать, сильные все. Похоже, что союз свободных кланов.

— Почему так думаешь? — сощурился Кагечи Ро. И закатил глаза: — Вот только не говори, что ты к ним один сунулся, балбес!

Рыжий ответил преисполненным наивности взглядом новорождённого шраха:

— Это их дозорный ко мне сунулся. Точнее, я почувал знакомый запах... — замялся он, но затем ущипнул себя за руку и договорил. — Короче, я несколько их стражей заметил, вот, а от одного пахло Арингой. Может, они сексом занимались, может, дрались, но вот прямо недавно, а ополоснуться он не допёр. Мне стало интересно, я подобрался поближе, ну, и понял, что тихо я его не завалю, если что. Стал уходить, а он за мной как дёрнул! В общем, я там петлял по взгорью, увёл его подальше от своих и хотел по-тихому убить. Но тут меня заметил маг, который из первого лагеря, и позвал в гости.

Тейт явно что-то скрывал, это чувствовалось... да и не сообщил он пока ничего такого, о чём сам не был бы не в состоянии судить непредвзято, чтоб ему требовалась чужая помощь. "Не могу решить один" — о чём это он?

Соул, который до сих пор слушал, по обыкновению, рассеянно, заинтересовался:

— Позвал? О, и как именно?

— Отфигачил голову тому, который был с Арингой, — спокойно признался Тейт. — Меня забрызгало, жуть. А он рукой помахал и того,

исчез. Появился подальше, потом опять исчез. Я ближе подошёл — там ветка оррана. Если это не приглашение, то я пещерный инцип.

Я переглянулась с Эрнаном, сбрасывая ему дополнительную информацию. Если память меня не подводит, то орран — кустарник с прямыми суставчатыми стеблями, ягоды мелкие, жёлтые, с лёгким психотропным эффектом; вроде как символ мира, правды и добрых намерений.

Случайно такое не оставляют, да.

— Выступаем немедленно, — поднялся Эрнан. Взъерошил себе волосы, поморщился. — Не лучший момент, конечно, я несколько не в форме, но что поделывать... А, пока не забыл. Как там Улари? — обратился он к Кагечи Ро.

— Я её исцелил, — пожал тот плечами.

— Ну, хоть одно хорошее дело, — двусмысленно заметил Эрнан.

Соул тушил костёр и заметал следы; Лиора с Маронгом собирали остатки еды, которых было довольно много, и заворачивали в тонкую полупрозрачную ткань, похожую на плёнку или гибкую слюду. Улучив момент, рыжий оттащил меня в сторону и, вцепившись мне в запястья, прошептал:

— Тот человек, который убил моего врага и оставил ветку оррана... Мне кажется, что я его знаю. Но только это не может быть он.

"Не могу решить один"... Так вот в чём дело. Да вот беда — я до сих пор не понимаю, что именно его беспокоит, кого он боится встретить, а рыжий... рыжий не может озвучить свои опасения даже мысленно.

И правда, балбес. Такой хороший, но всё-таки балбес.

От Тейта так фонило неверием и надеждой, что голову у меня вело. Я не могла ему ничем помочь прямо сейчас — только обещать быть рядом...

И надеяться, что этого будет достаточно.

Глава 44. Всего лишь смерть

Известен под именами "Брат Пламени", "Мастер Коварства", "Неистребимый", а также

"Этот, с Рыжим", "Не Трынди" и "Что, Опять?!".

Слухи о своём родстве с мастером Лагона отрицает.

Слухи о своей исключительности охотно подтверждает.

Где-то определённо врёт.

(Из свитка "Загадки Лагона")

Солнце прожигало затылок. Одежда липла к телу.

Уже с полчаса мы тащились по живописнейшим местам — фантазмагорически разноцветные сады в скальных террасах, возделанные поля, оплетённые сетью причудливых каналов, стройные вертикали сторожевых башен... И ни следа присутствия человека. Да уж, убежать местные жители научились качественно: оперативно, далеко и надолго. Вражеских магов, впрочем, тоже не было видно, что не могло не радовать. Что же до дружеских...

— Ещё немного осталось, я уверен, — убеждённо заявил Тейт, в очередной раз ныряя в сторону от тропинки и выуживая из щели между камнями огрызок оррана в палец длиной.

Соул, которому явно надоело бесцельно шататься по жаре, осторожно поинтересовался:

— А ты уверен, что не понял сигналы превратно? Или, быть может, над тобой просто... — Тейт зыркнул на него так, что тот задымился и рефлекторно отступил на пару шагов, поднимая руки для защиты. — Хорошо-хорошо, я молчу, веди нас дальше.

А потом подумал отчётливо:

"Эти дети меня с ума сведут, да..."

Мысли, видимо, оскорблением не считались, потому что этот выпад рыжий проигнорировал. Лилово-оранжевый сад упёрся в скалу, измельчал и усох до курчавой жёлтой поросли, еле заметная тропа обернулась высокими грубыми ступенями, а они в свою очередь вывели к туннелю. Похоже, что недавно проплавленному, потому что

сизоватая паутинка травы обрывалась у самого входа чёрным палёным кругом, совсем свежим.

Интересно, это нас так горячо ждут? Или короткий ход через гряды маги проделали для себя?

Сперва мы бежали почти в полной темноте; я ориентировалась на восприятие Тейта, остальным света хватало аккурат на то, чтобы не спотыкаться и не отставать. Ближе к концу туннеля впереди стало разгораться алое сияние, а вместе с ним — и мои дурные предчувствия, которые, к сожалению, оправдались. Бесконечная стена, полупрозрачная, красная — точь-в-точь, как во владениях свободного клана. Концентрированная временная аномалия, условно непроходимое препятствие, а когда под рукой нет заботливого дракона — реально непроходимое.

Глаза начало щипать и печь, словно даже на расстоянии тусклый алый свет обжигал роговицу.

— Не смотри, — шелестящим шёпотом попросил Тейт, оглаживая мне ладонью щеку и заставляя отвернуться. — Я чувствую, что так не надо. За ней какая-то дрянь... А нам туда, — и он указал вниз, туда, где у подножья скалы ютилась хижина на сваях.

Здесь, вдали от воды, она выглядела нелепо и неуместно; тем не менее, близ неё курился дымок, а спуск был выложен листьями и ягодами оррана — как в сказке. Не собьётесь, детки, ступайте спокойно... и берегитесь хозяев кукольного домика на перекрёстке.

Скорее всего, они голодные.

— Это и есть цель путешествия? — внезапно спросил Кагечи Ро. — Те маги внизу?

На мгновение у меня заложило уши, как под водой, и наступило состояние дезориентации — где верх, где низ, стоим мы или падаем. Я рефлекторно сглотнула и потрянула головой, но странное чувство уже прошло. Больше никто ничего вроде бы и не заметил, только у Эрнана глаза потемнели из-за расширенных зрачков, а губы наоборот побелели. Тем не менее, голос у него остался спокойным.

— Скорее всего. Поэтому теперь я иду первым, не обессудьте, — и дядя, как ни в чём не бывало, принялся спускаться, держась за камни.

Слева стена обдавала его алым светом, справа тот же свет отражался от скал, но более рассеянный, как разведённая в воде кровь.

Эрнан будто плыл в аквариуме, наполненном токсичной жидкостью... Наверное, мы все выглядели примерно так же, но в тени, наполовину под сводами пещеры, краснота немного приглушалась и не казалась такой злобещей; сделать последний шаг и окрасить себя алым было непросто, приходилось бороться с собственным инстинктом самосохранения. И не я одна чувствовала нечто подобное: по дороге Тейт взял меня за руку и незаметно перетянул в самый хвост нашей маленькой колонны, пропустив вперёд даже Маронга, который после всех испытаний еле плёлся.

Потом начались странности.

Дом на сваях пах родным домом, и чем ближе, тем яснее это становилось. Сперва повеяло озёрной сыростью, отцветающими элириями, топким берегом; шагов через десять — свежим ремонтом в старом доме, молотым кофе, тыквенным супом в микроволновке; затем добавилось что-то неопределимое, но знакомое до боли и совершенно, совершенно невозможное здесь, на берегу океана другого мира.

— Хорошенькое приветствие, — пробормотал Эрнан. И оглянулся, в упор уставившись на меня: — Будь осторожна, Трикси. Через пару часов всё закончится.

Судя по контексту, его предупреждение должно было относиться к обитателям дома на сваях, но интуиция эмпата, давние родственные связи, опыт, невербальные знаки... да шрах знает что, но оно буквально вопило: опасность в чём-то другом, близко, очень близко.

И ещё: не подавай виду, за тобой следят.

Я рефлекторно замкнулась в куполе, задвигая подозрения в самый дальний угол, туда, где до них бы добрался разве что кто-то уровня Оро-Ича или Эфанги. Тело же на примитивном уровне пришло в полную боевую готовность; включились биокинетические программы, произошёл каскад реакций — обострились зрение и слух, мысли стали спокойными и чистыми, как вода в глубоком подземном озере, сомнения исчезли — осталась готовность действовать.

Ощущение близкой опасности несколько притупилось — так, словно я, сама того не зная, сделала единственно верный шаг.

— Ты в порядке? — тревожно поинтересовался Кагечи Ро, протягивая руку. — Слушай, если хочешь, я могу тебе помо...

На чистых рефлексах я шлёпнула ему по ладони упругим потоком воздуха и уклонилась от прикосновения. Так, как не смогла в своё

время избежать Аринги... И — вонзила ему в мозги крошечную, неощутимую иголку-маячок.

— Нет, не в порядке! — рявкнула я — и тут же сама испугалась. Но только на поверхности. — Слушай, извини, я не хотела... Я правда на нервах, но — нет, спасибо, справлюсь.

— Как знаешь, — откликнулся он немного обиженно и прибавил шагу, чтобы догнать Эрнана.

Эпизод занял какие-то секунды; никто ничего не заметил, а потом стало не до того.

Стоило приблизиться к дому на расстояние в пятнадцать метров — и он заскрипел, разворачиваясь прямо на сваях, как на гигантских неуклюжих ногах. С противоположной, прежде скрытой от нас стороны, была просторная деревянная терраса. Там, как в бунгало на курорте, с комфортом делили трапезу шесть человек, четыре женщины и двое мужчин.

Один из них поднялся нам навстречу, сияя улыбкой — и мне на чистых рефлексах захотелось сощуриться. Или прикрыть глаза рукой. Или попросить автограф.

Незнакомец был высокий, с волосами цвета солнца на закате, убранными в длинную сложную косу, в плотном чёрном комбинезоне без рукавов и с тонким золотистым шарфом — та разновидность одежды, которая сидит идеально, а потому выглядит очень дорогой, даже если ты совершенно не разбираешься в местной моде. Словом, с первого взгляда создаётся нужное впечатление. А уж со второго... Эти чистейшей бирюзы глаза, открытая улыбка, наконец, эта печать гениальности на челе! Такая бывает у фантастически обаятельных немолодых актёров или спортсменов с добрым десятком мировых рекордов за плечами. Вдобавок вокруг него точно горел незримый ореол, каким, наверно, в легендах обладали истинные короли или посланники богов.

Самое смешное, что незнакомец вообще не рисовался. Наоборот, старался как-то приглушить свою исключительность, но всё равно выглядел ослепительно.

А потом произошло сразу два события.

Во-первых, Соул недоверчиво моргнул и рассеянно спросил:

— Что, опять?

А Тейт попытался съездить незнакомцу по сияющей физиономии... но не особо преуспел.

— Но-но! А как же объятья?

Я вообще не различала, что там происходит — вот рыжий был здесь, буквально источал намерение разорвать кого-нибудь на куски, а вот он уже беспомощно трепыхается, перехваченный поперёк туловища, и стреляет взглядами, как из винтовки.

Паф-паф, прощай, дядя Эрнан. Бабах, покойся с миром, Кагечи Ро... Меня Тейт милостиво пристреливать не стал, словно в себя пришёл наконец, и вид у него стал сконфуженный. Тем не менее, никто пока с места не двигался, чтоб не привлекать лишнего внимания; Лиора и высоченная женщина в накидке с капюшоном справа вообще не дышали, как самые предусмотрительные.

— Я думал, что ты умер, — глухо произнёс рыжий, уставившись в землю. — Очень долго думал.

Выражение лица у незнакомца стало сложным, даже сияние слегка поугасло. Он осторожно поставил Тейта на ноги и принялся отряхивать, как ребёнка.

— Чисто технически ты меня сжёг заживо. Поздравляю, это до тебя никому не удавалось, — кривовато ухмыльнулся он и подцепил Тейта под подбородок пальцем, заставляя смотреть на себя. — Но воля к жизни — та ещё магия, иногда она творит удивительные вещи. Скажем так, я познал некоторые прелести бестелесного существования, а когда снова обрёл плоть, то понял, что возвращаться рано. То, что случилось с моим кланом, имело причины — и должно было повлечь следствия.

— И они тебе не нравились, что ли? — ещё более тихо и сухо спросил Тейт.

— Что ли, — передразнил его незнакомец и безжалостно ущипнул за щёки. — Хватит кукситься, рыжий. Я же знаю, что ты рад... ох!

Тейт стиснул его — треск рёбер слышала даже я — и уткнулся носом куда-то под ключицу, выше не доставал. Незнакомец отчётливо побледнел, затравленно выдохнул и обнял его в ответ, осторожно поглаживая по рыжим вихрам.

А потом перевёл взгляд на меня — и я как под лучами софитов оказалась.

Шрах, помощи, миленький...

— Гм, полагаю, Ингиза? — предположила я, сопоставив факты. Это было нетрудно, даже если учесть, что у рыжего в голове царил первозданный хаос, и выудить оттуда что-нибудь внятное не сумел бы даже мастер Лагона. — Счастлива познакомиться.

— Счастье взаимно, Трикси Бланш, о избранница моего рыжего наказания, — озарил меня улыбкой Ингиза — словно солнце обласкало теплом. — Ты гораздо красивее, чем слухи о тебе... ай! Не кусайся!

Тейт, отстранившись, нелюбезно посмотрел на него исподлобья и демонстративно сплюнул клочок чёрной ткани. Ингиза с сожалением цокнул языком, пригладил прореху под ключицей — и ткань перетекла, восстанавливая целостность, как густое масло.

— А ты к ней не лезь.

Ингиза закатил глаза:

— Я воспитал чудовище! Так не честно... Я-то с тобой делился, мм? — провокационно добавил он, поглядывая на нас поочерёдно, и если мне было смешно, то Тейту — вряд ли. — Ладно, уймись, рыжий. Честно говоря, я не ожидал тебя увидеть так скоро. Кого мне благодарить за этот подарок? — спросил он, и то самое незримое сияние стало капельку опасным.

Эрнан кашлянул, привлекая внимание.

— Полагаю, меня. Мм, познакомимся? — выгнул он брови.

Я деликатно отвела взгляд. Ага, началось.

Метод, которым Эрнан располагал к себе людей, был древен, как сам мир. Зеркало — просто и элегантно. А так как сейчас он отражал Ингизу, то смотреть на этих двоих было всё равно что наблюдать за столкновением галактик: безумно красиво, познавательно с научной точки зрения, но держаться от них лучше всё-таки подальше.

— Ну, моё имя ты слышал, — воссиял в пространство обаянием Ингиза. — А ты кто?

— Эрнан Даймонд. Трикси я прихожусь дядей.

— По линии отца или матери?

— Одновременно и так, и так, — с удовольствием ответил Эрнан, точно случайная женитьба на папиной сводной сестре была главным достижением его жизни. — Но здесь я, скорее, присутствую в качестве посланника от мастера Лагона.

Ингиза почти неощутимо посерьёзnel; спутники его напряглись куда сильнее — женщина в накидке даже отставила свою пиалу.

— И что же привело тебя сюда? — спросил он и одновременно положил руку Тейту на плечо в защитном и, кажется, бессознательном жесте, что говорило о характере Ингизы куда больше, чем дурацкое сияние и улыбка кинодивы.

Эрнан ответил, не меняясь в лице:

— Всего лишь смерть.

Ингиза этого явно не ожидал — и не очень понял, на что ему намекают; растерялся, разозлился и задумался, что он мог упустить из виду — и всё за какие-то секунды. Что ж, один-ноль в нашу пользу. Дядя ни на гран не изменил своей манере вести переговоры, а его навыки и модели остались на удивление полезными даже в условиях другого мира и радикально иной культуры.

Следовало ожидать, в общем-то.

Собственно, главный критерий эффективности того или иного дипломатического приёма — уместность. Не существует универсального ключа, который отпирает любые двери, но в определённых условиях таким ключом может стать практически любая фраза. Даже в нашем мире, где в большой политике практически нет полностью самостоятельных фигур, где короли, премьеры и президенты связаны по рукам и ногам интересами мощных групп внутри страны, а послы и вовсе могут принимать решения лишь в весьма узких заданных рамках — словом, и у нас личное обаяние, связи и умение настоять на своём по-прежнему много значат. Только цепочка удлинилась. Сперва надо, предположим, убедить делегатов от власти, что необходима встреча "в верхах", либо склонить их на свою сторону, затем то же самое проверить на уровне глав государства и правительства, чтобы уже те в свою очередь нажали на нужные рычаги и донесли до условных "элит", выразителями чьего мнения они, собственно, и являются, что в сложившейся ситуации возможен только один выход.

Тот, за который ратуете вы.

Звучит сложно; в реальности же для дипломатов уровня Эрнана Даймонда и его "Консультирующего агентства", или как мы там сейчас называемся — скорее, занудно. В Лагоне же цепочка сократилась, и

появился замечательный шанс первым же ходом выйти на людей, которые принимают реальные решения.

А значит — Эрнан мог сразу развернуть свою излюбленную схему ведения переговоров. Фактически он уже начал — оглушил, изумил партнёра и перехватил инициативу. На втором этапе, насколько я помню, нужно было продемонстрировать податливость и открытость. Обычно это означало, что приходилось отвечать на вопросы. Причём достаточно подробно и охотно, чтобы не провоцировать ответной агрессии, но и не скатываться в угодливость, чтобы не терять инициативу.

...даже сейчас, в состоянии кристально ясного сознания, с обострёнными инстинктами я бы, пожалуй, не справилась. А Эрнан смог, компенсируя отсутствие опыта жизни в Лагоне прекрасными аналитическими способностями и умением подбирать правильные слова-ключи.

— Чья смерть? — спросила женщина в накидке гортанным голосом; Соул прерывисто выдохнул и привалился к свае. — Это угроза?

Ингиза дёрнул уголком рта — понял, что слишком замешкался и ослабил свою лидерскую позицию, позволив заговорить кому-то ещё из его группы. Эрнан проявил вежливость: отвечая, он обращался по-прежнему к нему, а не к женщине, которая задала вопрос.

— Ни в коем случае, никаких угроз. Голая правда, увы. Я говорю о смерти каждых семи из десяти человек, причём у одного из трёх выживших исчезнут любые желания и ещё один лишится здорового тела, — любезно пояснил дядя.

И — выразительно посмотрел в сторону алой стены света.

— Вижу, ты хорошо осведомлён о беде, которая пришла из-за океана, — задумчиво протянул Ингиза.

Выражение лица у Эрнана стало очень-очень вежливым и заинтересованным:

— Разве из-за океана?

— Когда-то, — уточнил Ингиза.

Только состояние хрустальной сосредоточенности не позволило мне рассмеяться. Готова спорить, что Эрнан не знал почти ничего, он вытягивал информацию сейчас, прямо во время разговора, создавая иллюзию широкой осведомлённости. Одних псионических

способностей здесь мало; недостаточно получить обрывки информации — необходимо правильно их истолковать и соединить. Всё равно что посмотреть на рассыпанный по столу паззл на десять тысяч кусочков, в котором примерно половины фрагментов не хватает, и мысленно восстановить картину хотя бы в общих чертах.

Именно этому я начала учиться дома... до того, как ритуал выдержнул меня в дикий мир магического постапокалипсиса.

— Я здесь, чтобы предложить помощь, — сделал очередной ход дядя Эрнан. — Мастер Лагона без колебаний разделит вашу нелёгкую ношу и примет ответственность, если для вас она непосильна.

В переводе на человеческий: "Возвращайтесь к Оро-Ичу, признавайте его главенство, и он вытащит вас из дерьма, в которое вы себя загнали". Для реального предложения пока рановато, значит, это максимально оптимистичный вариант, который озвучивают лишь для того, чтобы на его фоне следующие опции смотрелись выгоднее. С вероятностью в девяносто пять процентов сейчас последует отказ, и по тому, насколько он жёсткий и какую паузу выдержала вторая сторона, судят о том, на что мы вообще можем рассчитывать по итогу.

— Мм, какой он добрый! — восхитился Ингиза, промешкав секунды три. Довольно долго, надо сказать; похоже, что у них и впрямь затруднительное положение. — Вот честно скажу, помощь нам не помешает. Например, моего рыжего безобразия, или его подружки, или даже твоя. Но не хитреца, который почему-то решил, что он может управлять миром.

У меня брови поехали вверх.

Значит, эта компания — в оппозиции к Лагону? Интересные дела.

Дядя сделал два небольших плавных шага к дому на сваях и к Ингизе, задирая голову; открытая шея, невыгодная с боевой точки зрения позиция — элементы, которые должны продемонстрировать честность и доверие с нашей стороны.

— Оро-Ич, конечно, тот ещё хитрец, — признал Эрнан слегка наивно — и, похоже, совершенно сознательно сместил акцент со второй части обвинений, что-то там про мировое господство. — Но разве это может смутить человека, которого прозвали Мастером Коварства?

Не знаю, из чьего сознания он вытащил это дурацкое имечко, но удар попал в цель и изрядно разрядил напряжение; один из спутников

Ингизы беззвучно рассмеялся, женщина в накидке тоже отвернулась, скрывая улыбку. А Тейт вывернулся из-под защищающей его руки, отступая ко мне, и пробурчал:

— Ну да, коварства. Вообще-то остальные его по-другому звали.

— Мелкий предатель, — фыркнул Ингиза. Тейта он отпустил с сожалением. — Вредничаешь, поэтому и не растёшь... Мы славно посмеялись и вспомнили прошлое, Эрнан Даймонд, но мой ответ не изменится. Я не доверяю мастеру Лагона. Мы не примем его руки.

Эрнан задумчиво опустил глаза. По логике, сейчас он должен был немного отступить и сделать другое предложение, более мягкое и выгодное; по всем дипломатическим канонам — пора дать партнёрам виртуальную "конфетку". Я прямо предвкушала её.

И ошиблась.

— Не позволяй гордости и обиде ослепить тебя, — неприятно улыбнулся он. — Да, Оро-Ич не рассказывал тебе всей правды, как не рассказывает и мне. Да, его игру можно принять за желание получить власть... Но у него есть на то причины. И, поверь, альтернатива его контролю тебе понравится гораздо меньше. Ваша маленькая ошибка, — повысил он голос, обращаясь уже ко всем сразу, — едва не стоила жизни обитателям этого острова. И гроза ещё не миновала, кстати. Вы уверены, что клетка для эпидемии достаточно прочная?

Одна из женщин, лет тридцати пяти на вид, вскинулась на последнюю фразу и прыгнула с террасы:

— Ты говорил, что мой народ не пострадает! Вы все говорили! Что нужно только пожертвовать берегом!

Язык тела — самый честный. Женщина встала поодаль от Ингизы и Эрнана, всё ещё ближе к первому — но спиной ко второму. Сразу понятно, от кого она не ожидает удара, кому доверяет, а от кого — требует ответа; одежда у неё значительно отличалась от других и больше напоминала наряд старухи-калеки с побережья, только более роскошный и функциональный.

"Ола Аленго, пастырь морской птицы?" — предположила я, вспомнив рассказ.

Угадала.

— Тише, Ола. — Ингиза обратился к ней без улыбки, но его аура обаяния, то самое незримое сияние, стала ярче. — Никто тебя не

обманывал. Стену непослушного времени может преодолеть лишь тот, кто её воздвигнул.

Выражение лица у Эрнана стало сочувственным, очень-очень добрым — так врачи сообщают родственникам больного смертельный диагноз.

— Твоя информация устарела, к сожалению. Ты упустил из виду три опасности. Во-первых, твою хваленую непроходимую стену может преодолеть тот, над кем время не властно, и твоё счастье, что это существо почему-то печётся о людях... Нет, я не о мастере Лагона сейчас говорю. Во-вторых, секретом стены овладели в свободных кланах, точнее, им владеет союз, с которым вы столкнулись здесь, на острове.

Теперь повскакивали и загалдели уже все.

Ингиза, надо отдать ему должное, не потерял самообладания в этом бардаке. Более того, быстро взял ситуацию под контроль — просто обернулся, обвёл соратников особенным взглядом, давящим и светлым одновременно...

"Солнце — большая звезда, тяжёлая и горячая", — пронеслось у меня в голове.

...буквально выжигая желание сопротивляться. Последней сдалась женщина в накидке, и, кажется, не потому, что проиграла в силовом противостоянии, а по своей воле. И только тогда, в полной тишине, нарушаемой только неровным дыханием Олы Аленго, снова заговорил с Эрнаном:

— У тебя есть доказательства, посланник?

Игры закончились.

Я сначала подумала об этом, затем ощутила, эмпатическое дуновение, тень мысли с дядиной стороны: Трикси, прости. Конечно же, он не чувствовал себя виноватым, всего лишь проявлял вежливость...

— У меня есть свидетели, — спокойно ответил Эрнан. — Соул, Трикси, подойдите.

И тогда мне стало жутко.

Если в дипломатической игре приходится заходить сразу с козырей — с людей, а не с фактов, то дело плохо. Либо у нас катастрофически мало времени, либо ситуация уже практически безвыходная, значит, партия предстоит грязная. И, самое страшное,

понижать ставки нельзя, только повышать, а начал он с одного из неприкосновенных источников, с собственной семьи... с меня.

Что же будет дальше?

Соул послушался первым — кажется, ему досталась приличная доля эмпатического воздействия. Вряд ли внушение, скорее, демонстрация силы, но, в любом случае, не лучший знак, ещё один пункт в пользу того, что мы очень спешим.

— Два заинтересованных свидетеля? — сделал выпад Ингиза, ласково улыбаясь.

— Нет. Всего лишь подмастерье, которому одна из твоих спутниц препоручила своего ребёнка, и женщина, которой твой обожаемый названный брат доверил свою жизнь — и даже больше, — спокойно поправил дядя. — И, кстати, если бы ты не умел отличать правду от лжи, я бы вообще не начал этот разговор, потому что нам всем сейчас не до ритуальных плясок. Так что давайте-ка перейдём к делу... Трикси?

Ну да.

Земля вызывает Трикси. Трикси, где вы?

Вас слышу, земля. Я в ступоре.

Плохо слышно, повторите, что с вами?

Я охреневаю, как слышите? Охреневаю.

Эрнан, кажется, окликнул меня снова, но я только переводила взгляд с бледного в прозелень Соула на женщину в накидке, зябко обхватившую себя руками, и обратно. И осознавала, почему в первый раз он вернулся с побережья с маленькой девочкой и воспитывал её, как собственную сестру... и почему сейчас так жёстко напросился с нами в экспедицию.

Так. Логика, рациональность и дальше по списку, эмоции — отставить.

— Не знаю, об одной и той же стене вы говорите или нет, судите сами. Но с чем-то подобным мы сталкивались в свободном клане, который меня призвал, — предупредила я — и сбросила через купол фрагмент воспоминаний.

— Подтверждаю, что это правда, — успел вставить своё слово Соул и вновь устоял себе под ноги.

Он, кажется, чувствовал сейчас несколько больше, чем мог выразить словами, и потому молчал... Молчала и Сайна Юн. Впрочем,

и тот, и другая уже давно вышли из того возраста, когда чувства превалируют над разумом. Сейчас были дела много, много важнее — и все это прекрасно понимали.

Даже отредактированный, без феерического прорыва Лао, фрагмент произвёл мощное впечатление. Нет, никто не голосил и не метался, но общая атмосфера стала ощутимо более прохладной. И одновременно — открытой, словно ход Эрнана пробил невидимую стену. Спутники Ингизы теперь не скрывали тревоги и не изображали хозяев ситуации, и стало очевидно, что некоторые из них, в том числе Ола Алэнго и Сайна, не на шутку встревожены.

А вот с нашей стороны я ощутила вспышку злости — короткую, еле-еле определимую. Кагечи Ро? У него мысли спокойные, так быстро скрыть сильные эмоции невозможно, если ты не эмпат шестой-седьмой ступени. Но столь высокоорганизованный разум сложно не заметить...

— Не только лучшие мастера и подмастерья Лагона отправлялись на материк смерти, — тихо произнёс Эрнан и скупым жестом приказал нам с Соулом отступить. — Свободные кланы тоже. Ты знаешь, что это правда, не так ли? — и он выжидающе посмотрел на Ингизу.

Тот поразмыслил немного, обменялся кивками к плечу с Сайной — и ответил:

— Свободные действительно уже давно пытались перебраться через океан. Моя собственная семья тоже искала там губительную магию — безуспешно. Жажда власти любой ценой мне всегда казалась неправильной, и поэтому я и ушёл в Лагон. Впервые выходцы из кланов, как говорят, достигли запретного берега двенадцать лет назад. Это погубило... многих, — понизил он голос и осторожно погладил Сайну по руке. — И некоторых заставило вернуться на побережье. Но, в отличие от магов Лагона, исследователи от свободных слишком одержимы властью, а значит, у них нет и шанса пережить заражение. Та болезнь, что передаётся через взгляды, — продолжил он ещё тише, но каждое слово отдавалось у меня в голове гулом. — Она заставляет магию внутри тебя сходить с ума. Лёгкую жажду превращает в невыносимую, раздражение — в убийственный зуд, ярость — во всепожирающее пламя. Она остаётся в земле, в воде и в воздухе, и достаточно лишь один раз посмотреть на проклятые земли — и она проникает в тебя. Я испытал её и... и узнал о себе много нового.

Он замолчал и словно померк; но теперь я воспринимала незримый свет, исходящий от него, иначе: то была не показная самоуверенность и самовлюблённость, а удивительная внутренняя гармония, сродни той, которой обладал Лао, только человеческая, и именно она являлась источником силы Ингизы.

— Ты унижаешь себя, — с удивительной нежностью обратилась к нему Сайна Юн. — Ты оправился быстрее всех, кого мы видели. И ты объединил нас, как не мог бы никто иной. Меня печалит весть о том, что кто-то овладел секретом времени и использовал его против детей, — повысила голос она, обращаясь уже к нам. — Но вряд ли таких магов много, и уж точно они не явятся за зачатками эпидемии... Впрочем, ты говорил о трёх упущенных из виду опасностях, Эрнан Даймонд, а назвал только две.

И тогда Эрнан выложил на стол следующий козырь:

— Игамина Маронг, подойди.

Лиора зажала себе рот руками, чтобы не закричать — она поняла, что сейчас произойдёт. Первым ходом дядя сдал меня и мои воспоминания; вторым — тайну происхождения и особых способностей Маронга, за которую его могли убить, не в Лагоне, так в кланах. Учитывая, что он был всего лишь марионеткой, а до кукловодов мы не добрались, и то, что за нами постоянно следили... Шансы выжить у него сводились к нулю.

"Или убрать лишних свидетелей".

Мысль была чёткой, энергичной — и не моей. Тейт дёрнул уголком губ и ободряюще сжал мне пальцы.

— Справимся, — выдохнула я почти беззвучно.

Он склонил голову к плечу.

А Эрнан вывел Маронга вперёд, напряжённого, как перед дракой, всё ещё пришибленного после ментального препарирования, и похлопал его по плечу:

— Вот и таран, который может обрушить вашу безупречную защиту. Что бы ни лежало в её основе, форму стене придаёт магия. А если магия исчезнет?

— Невозможно, — решительно сказала Сайна Юн.

Ингиза поджал губы — видимо, он-то как раз слышал о тайных способностях, культивируемых в свободных кланах. Рассказы об "отрицании", особом навыке, который отменяет любую магию в

заданном пространстве на ограниченное время, бродили среди обитателей Лагона — но, скорее, как страшные легенды, что-то вроде историй о проклятиях и колдовстве в нашем мире. Немногие приближённые к верхам, как Тейт, знали правду.

— Кто-то хочет проверить? — спросил Эрнан весело.

Маронг топтался рядом, упрямым взглядом из-под чёлки демонстрируя готовность разрушить не только чужую магию, но и враждебного мага заодно, если он на слово не поверит. К сожалению, до истинных мастеров запугивать аудиторию ему было далеко.

— А давайте я, — с энтузиазмом потирая руки, спрыгнул с террасы смуглый мужчина с молочно-белыми волосами. — Молния подойдёт?

— Только в течение четверти ката после того, как я подниму руку, — пересилив себя, подтвердил Маронг. Вязываться в демонстрации ему не хотелось, и это явно чувствовалось. — Не дольше. Я... не завершил обучение.

Маг дёрнул головой к плечу, принимая условия. Потом глаза у него сделались пронзительно-голубыми, как грозовой разряд в ночном небе, а волосы вдруг всколыхнулись — и вытянулись вверх клоком тумана.

"Прямо как у учеников Фарангет, — пронеслось у меня в голове. — Значит, он из низвергающих небо".

Потемнело; над нами закрубились тучи. Маронг с обречённым выражением лица поднял руку, сверху хлынул поток света, уши заложило от грохота... и ничего.

— Я старался, — немного обиженно вздохнул маг, ладонью прибивая волосы к голове, пока они снова не приобрели человеческий вид. — А ты силён, — добавил он, обратившись к Маронгу.

Тот только и смог, что виновато улыбнуться, прячась за чёлкой.

Эрнан, впрочем, был более чем доволен.

— Обратите внимание: магия призвала молнию и направила к нам, но когда Маронг использовал отрицание, электричество мгновенно рассеялось. Точнее, оно вернулось к естественному для этой точки пространства состоянию, — поправился он, подумав. — Можно, конечно, провести ещё один эксперимент и проверить, произойдёт ли то же самое с временем, из которого состоит стена, но мне что-то не хочется. А вдруг она обрушится целиком, и мы окажемся

прямо перед заражёнными территориями? Но свободным кланам, знаешь ли, мои колебания откровенно чужды. Ведь цель — убрать стену любой ценой и завладеть тем, что внутри.

— Резонно, — вздохнул Ингиза. И поднял взгляд, уверенный и ясный: — Я признаю, что стена не так уж непреодолима. Но это не единственное, что защищает заражённый участок. Здесь я, Сайна, Вараса, — кивком указал он на низвергающего небо. — Скоро придут и другие. Мы справимся. Ты убедил меня, что опасность велика, Эрнан Даймонд. Но куда опаснее тот, кому ты просишь нас подчиниться.

Дядя ответил не сразу. Он выглядел так, словно мысленно взвешивал две возможности, и обе ему не нравились.

— Почему ты так предубеждён против Оро-Ича? — спросил он наконец, и вдоль позвоночника у меня пробежал холодок.

Ингиза неопределённо развёл руками:

— Не то чтобы я был ему врагом... Но мне не нравится и то, что он делает нас врагами свободных кланов, перекладывая всю вину на них. А между тем самые страшные тени далёкой войны родом из Лагона. Оро-Ич не рассказывал тебе, откуда взялась та болезнь? — и он большим пальцем указал себе за спину, на алую стену. — Нет? И мне тоже. А на проклятом материке я нашёл свитки, а в них — рассказ о молодом мастере, Орочи, который создал некое "дыхание", преображающее мысли и чувства человека. И передавалось оно, что интересно, через взгляд.

Эрнан сузил глаза. Значит, Ингиза сделал опасный ход, который мог вновь сместить чаши весов в переговорах — и не в нашу пользу.

— И о чём это говорит?

— Я не слепой... и не дурак, — усмехнулся Ингиза. — Я вижу, что происходит с магами, которые живут и учатся в Лагоне достаточно долго. Они меняются — и меняются необратимо. Исчезает жажда власти ради власти, разрушения ради разрушения, мы со временем все становимся похожи на него. Наверно, старый хитрец доработал своё "дыхание", но кто может пообещать, что однажды он не сочтёт нас всех недостойными и не превратит его в такую же болезнь?

— Нет доказательств, что эпидемию древности, погубившую материк, вызывал Оро-Ич, — возразил дядя.

— Как нет и доказательств обратного. Я и не пытаюсь приписать ему все катастрофы прошлого и будущего, честно. Но после того, что я

слышал в свободных кланах, что видел на материке... — Ингиза покачал головой, точно не мог подобрать правильных слов. — Я думаю, что тот, кто любыми средствами пытается изменить мир к лучшему, как он это видит, ничуть не менее опасен того, кто пытается мир уничтожить.

— Все маги меняют мир, — перебил его рыжий тихо и зло. — А тот, кто сидит в стороне, весь в белом, руки чистые, просто трусит. Делайте за меня, дохните за меня, а я, такой добрый и просветлённый, подожду. Бесит.

Ингиза дёрнулся, как от пощёчины; слова Тейта причинили ему реальную боль. Мне кажется, скажи то же самое кто-то другой, спор только вышел бы на новый виток... Но у каждого человека есть близкие люди, и их слова доходят сразу до сердца, мистическим образом минуя все преграды.

Заметила это не только я, впрочем.

— Хорошо, — задумчиво произнёс Эрнан. — Я услышал. Ты считаешь, что Лагон и свободные кланы равно опасны, а потому нельзя выбирать чью-то одну сторону. Мне думается иначе, но пока отложим споры. Я предлагаю временный союз. И для вас, и для нас наихудший исход — если стена времени рухнет до того, как придёт ваше подкрепление, поэтому я предлагаю объединиться и отбросить свободных, которые обосновались за грядой.

Уж чего-чего, а такого Ингиза явно не ожидал.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас, — подтвердил дядя спокойно. — У меня есть основания думать, что один человек из нашей группы невольно передал сообщение вовне, скорее всего, союзу свободных кланов. Это произошло два дня назад — вполне достаточно, чтобы добраться до побережья, а значит, подкрепление может прийти не только к вам.

Маги переглянулись опасливо — сообщение о том, что к группе свободных идёт подмога, их насторожило. Меня же беспокоило другое: я не могла понять, к чему клонит Эрнан. После такой жёсткой атаки с привлечением всех козырей — и вдруг отступить, взять паузу на неопределённый срок?

Невозможно.

— Хорошо, — согласился наконец Ингиза. — Твоё предложение не лишено смысла. Но всем уходить нельзя, кто-то должен остаться и

защищать стену.

— От нас — Танеси Тейт, он достаточно силён, и ты ему доверяешь, — не задумываясь, предложил дядя. — И Трикси, разумеется. Эти двое друг друга не бросят. Среди вас есть врачи, целители? — Дождавшись отрицательного ответа, он продолжил: — Тогда ещё и Кагечи Ро останется, он из созидующих совершенство. Глупо бросать в бой единственного мага, который мог бы исцелить раны.

— Разумно, — улыбнулся Ингиза — похоже, он был искренне рад, что хоть в чём-то может безусловно согласиться с Эрнаном. — Дождись, мелочь, мы ещё с тобой поболтаем, — и он с тёплой улыбкой потрепал рыжего по волосам. — Ола, в небо — будешь приглядывать сверху, если что, подашь знак. Вараса, ты останешься с ними.

Он создал несколько летучих платформ, вычурных и узорных, как расписные ладьи и жестом пригласил магов, своих и чужих, на борт, и вскоре маленький воздушный флот тронулся с места и исчез над гребнем скалы. Ола Аленго почти беззвучно свистнула, подманивая огромную чешуйчатую птицу, больше похожую на ящера, и, оседлав её, взмыла в небо.

Я и глазом моргнуть не успела, как у дома на сваях мы остались вчетвером... и тут до меня дошло кое-что жуткое.

Маронг — слишком ценный ресурс, чтобы использовать его как простого шпиона. Бедолагу подкинули Оро-Ичу как наживку, мол, вот тебе на блюдечке обладатель редчайшего таланта, жри, смотри не подавись... и недооценили этого синего инкуба. Он не стал приближать "приблудного котёнка" к себе, как поступил в своё время с Ингизой и с Тейтом, а препоручил его одному из мастеров. Грубо говоря, проигнорировал ценный ресурс, и наверняка сознательно. Теперь, когда Маронг стал постепенно приобретать всё большую самостоятельность, хозяева решили использовать его на полную катушку, а чтобы использовать, надо находиться поблизости. И, как выяснилось недавно, наловчиться творить мерзкие фокусы, вроде прямого воздействия на мозг.

Подходящую кандидатуру я знала только одну — Кагечи Ро. И вряд ли дядя не дошёл до той же простой мысли. Значит — оставил его в тылу сознательно. Но зачем?

...сердцебиение замедлилось...

Маронга он увёл из зоны влияния Кагечи Ро. И не случайно. Во-первых, отрицание угрожает целостности стены; во-вторых, смерть парня сейчас не даст никаких преимуществ, наоборот, мы лишимся мощного козыря.

...разум заработал чётко, как часовой механизм...

Эрнан не мог прервать партию. Только не теперь. Он остро нуждался в рычаге влияния на Ингизу, и Ингиза сам его продемонстрировал — с безалаберностью слишком уверенного в собственных силах человека.

...я, как наяву, увидела рассыпанный передо мной паззл — и мысленно сложила картинку.

Ингиза считал, что свободные кланы и Лагон — равное зло. Значит, надо было дать ему повод ненавидеть кланы. Эрнан не мог прервать партию — он и не прерывал, а сделал новый ход. Игра на повышение, грязная игра... Он открыл брешь в защите, увёл от стены почти всех магов, фактически расчистил путь предателю. Если Кагечи Ро правда играет за свободных, если он действительно готов сбросить маску, то лучше момента и не придумаешь. А Тейт встанет на его пути — и неминуемо пострадает, а Ингизе придётся наконец определиться с предпочтениями. Месть за близкого человека — один из самых сильных мотивов.

Если события будут развиваться по худшему сценарию...

Так, стоп. Эрнан не станет жертвовать моей жизнью. Наоборот, то, что он оставил нас с Тейтом — знак, потому что Тейт не позволит умереть мне, а я — ему. Возможно, мои логические построения вообще ложны, и тогда...

Нет.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: я не ошиблась.

Кагечи Ро стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, и смотрел на алую стену. Мой купол накрывал его, но я не могла прочесть ни единой мысли, потому что этот разум принадлежал человеку гораздо старше, сильнее, умнее и в целом давно уже... слишком другому.

— Мне вот уже некоторое время интересно, — слегка рассеянно произнёс он. — Если стена — порождение магии, а твоё пламя, Тейт, это не нечто иное, то может ли оно сжечь магию?

Рыжий скрипнул зубами; похоже, тоже всё понял.

— Вот так и знал, что ты не просто так напросился, — глухо сказал он и сместился в сторону, закрывая меня. — Неа, магию оно не жрёт. Пока. Думаю, научусь.

— А болезнь? — всё тем же странным голосом продолжил Кагечи Ро.

Тейт оскалился:

— Могу попробовать.

— Значит, очистить с помощью неё Лагон не получится, — заключил тот. И добавил: — А жаль. Но попробовать стоит.

И — неторопливо зашагал к стене. Вараса, маг с туманными волосами, почесал в затылке:

— Что делает ваш друг?

— Он нам не друг, — ответила я, концентрируя купол для атаки. — По крайней мере, сейчас... И что-то мне подсказывает, что у него есть пара идей насчёт того, как преодолеть стену.

Туман над головой Варасы резко вытянулся вверх — воронкой до самого неба, и меня швырнуло в сторону потоком ветра. Если б не Тейт — размазало бы по ближайшей свае; похоже, маг решил не церемониться и потом уже разобраться, кто из трупов был его союзником, а кто — врагом. Гроыхнуло, полыхнуло...

Ветер улёгся.

Один-ноль, теперь уже не в нашу пользу.

Вараса валялся на земле, и его конечности были изогнуты под дикими углами. Живой или нет — непонятно, но сознание угасло полностью. Над ним стоял Кагечи Ро, окутанный лиловым сиянием... точнее, тот, кого я привыкла так называть: сейчас его личность не имела ничего общего с прежней, кроме части воспоминаний.

— Надеюсь, ты не будешь мне мешать? — дружелюбно обратился он к Тейту. — Ты, конечно, балбес, но я вложил в тебя очень много сил. Не люблю ломать собственные творения.

— Вот и не ломай, — буркнул рыжий. Скривился, сплюнул на землю — видимо наглотался пыли во время урагана. — Ты что, за свободных?

— Я за себя, — вздёрнул круглые брови Кагечи. — А что такого? Просто сейчас Лагон мешает мне немного больше, чем союз кланов. Вообще-то мы сначала хотели устранить только Оро-Ича, но он

слишком осторожен, к нему не подобрёшься... Мы пробовали. Кое-кто считал, он выползет на зов, если убить кого-то из его учеников.

Улыбка Тейта стала жутковатой.

— Зря надеешься. Учеников много, а он один. И он научил нас важной штуке: никто не придёт на помощь, когда действительно надо.

— Я это понял после случая с Ингизой, — задумчиво подтвердил Кагечи Ро. — Поэтому эпидемия надёжнее. Без мастеров и учеников он не так уж опасен... Уходи, дурень. Я правда тебя ценю — по-своему, а тебе против меня не выстоять никогда. Даже с твоим новым пламенем.

До меня медленно начал доходить кошмар ситуации. Тело стало непослушным.

— Тейт, — прошептала я. — Он не врёт.

— Чего? — недоумённо моргнул рыжий. — Сожгу к фаркану. Думаешь, не смогу?

— Не сможешь, — любезно ответит тот. — Как верно заметил проницательный Эрнан Даймонд, создатель имеет определённую власть над созданием. А я создал тебя — в определённом смысле. Кожу, мышцы, частично кости. И мне понравилось, что получилось, знаешь ли. Так что давай мы мирно...

Он не договорил — Тейт атаковал. Быстро, но недостаточно, потому что если уж ему Кагечи Ро сделал тело с острыми реакциями, то и себя не обделил.

Удар пришёлся в пустоту...

...а в следующий момент Тейт повалился на колени, и кожа на щеке у него начала расползаться. В алом свете над ним дрожало марево, словно ткани испарялись, а разум парализовало болью.

Во мне словно сломалось что-то.

— Чтоб тебя шрах сожрал, — отчётливо произнесла я, глядя на Кагечи Ро, и сконцентрировала на нём эмпатический купол.

Тщетно.

Я не могла напрямую воздействовать на него, как в тот самый грёбаный первый день в этом мире — слишком чуждый разум, по-другому устроенные мозги, и вот уже даже простенькая ментальная защита становится непробиваемой. Нужно время, чтобы привыкнуть и настроиться, а времени нет, и...

— Проблема, — вздохнул Кагечи Ро. — Ты потерпи, Трикси, — и он шагнул ко мне, как-то чудовищно быстро.

Рыжая тень оказалась ещё быстрее. Мелькнули три хвоста, сверкнули зубы — и Кагечи зашатался, зажимая разорванное горло. Он растерялся всего на секунду, но мне хватило. Раз — я нанесла удар со всей эмпатической силы, ориентируясь на собственную метку; два — враг застыл; три — я обрушила сверху что-то тяжёлое, острое, напоминающее расколотый бетонный блок.

Даже самые удивительные мозги перестанут функционировать, если размазать их в кашу.

Я осталась наедине с двумя трупами... с тремя.

Тейт ещё был жив, но стремительно умирал. Сейчас он был похож на сахарного человечка, которого бросили в кипяток. Правая рука уже превратилась в тонкую ниточку, левая ещё держалась. Лицо выглядело освежёванным; комбинезон просел, сложился, точно шарик, из которого медленно выпускали воздух. Боли уже не было — нечему болеть.

Трикси.

Он не сказал это, подумал — уже не слыша меня, не видя, не чувствуя, просто зная, что я рядом. Я, кажется, взвыла; по лицу у меня потекло что-то горячее. Но самое ужасное, что сознание оставалось ясным.

Не дай ему умереть, шептал ветер. У тебя уже есть всё, что нужно.

Аринга восстановила себе половину тела. Сама, без посторонней помощи, истекая кровью и корчась от боли. Значит, смогу и я.

— На помощь, — пробормотала я, помещая ладони к Тейту на грудь, сплетая воедино биокинез, воплощение из ничто и веру в чудо. — На помощь, хоть кто-нибудь! Мастер!

Крик шёл изнутри, ширился, заполняя, кажется, весь мир; росла и сила. Она утекала из меня, точно в бездонный колодец, образы ускользали, и таяла надежда. А потом, в ослепительно яркий момент, я ощутила, как под рукой у меня снова шевельнулось, оживая, сердце.

...его новое сердце.

Глава 45. Обитель странников

Изобретение людей и их излюбленное развлечение. Опустошает континенты, вносит раздор между народами на долгие годы. Гэворят, что двигает прогресс, но на самом деле низводит человека до дикости. Неустребима, пока люди не изменятся.

(Из свитка «Загадки Лагона»)

Чудом пи, по случайности я сумела удержать Тейта на грани, но вернуть его к жизни было выше моих сил. Он ускользал от меня, утекал сквозь пальцы — как самый счастливый летний день, как первое детское воспоминание, как светлая надежда... Неотвратимо и неудержимо.

Я плакала навзрыд, боролась и продолжала звать.

Где-то вдали умирали люди; мне было всё равно — ценность имел только Тейт, только его слабый ток сознания, щекочущий кожу, как крылья мотылька, хрупкие и почти бесцветные. Собственное сбитое дыхание я слышала точно со стороны... А потом поверх моих ладоней, дрожащих и мокрых, легли чужие руки.

Резковатое красивое лицо, как у тёти Глэм, сильно зачернённые глаза и одежда, пропитанная кровью.

Аринга.

— Айе, тише, — прошептала она. — Поверь, я тебе не враг. Ты почти справилась. Нам надо продержаться, пока не придёт он.

Смешно. Аринга уговаривала меня не атаковать её. Словно я бы смогла — сейчас, когда все мои ресурсы, вплоть до самых глубинных, были направлены на то, чтоб остановить Тейта по эту сторону черты.

— Кто придёт? — едва сумела ответить я.

Она что-то сделала, и тело под нашими распротёртыми руками обрело чуть больше объёма, как если бы надули слипшийся, перекрученный воздушный шар; и тогда обломок, обмылок, ошмёток Тейта слегка шевельнулся.

...шрах, только не поверить в счастливый исход, не начать надеяться, я не выдержу, лучше вообще не думать.

— Тот, кого ты звала.

Небо над нами выгнулось, складываясь вовнутрь, втягиваясь в условную точку; странно, что этого не замечал никто, кроме меня. От земли вверх потёк тёплый воздух, волосы хлестнули по лицу. Красный свет померк, посерел; скальная гряда закрутилась улиточной раковиной; сгустился и хлынул с берега молочно-серый туман...

Мир точно рушился.

Они появились одновременно с разных сторон — маги, потрёпанные сражением, и Оро-Ич. Я увидела Эрнана, в пыли и крови, с рассечённой бровью и повисшей, неестественно удлинённой рукой, и промолчала; увидела Ингизу, беспомощно застывшего, хватающего воздух ртом — и, кажется, сказала: «Всё из-за тебя». Имела в виду: «Если бы ты не оставил Тейта тогда, он бы не доверился Кагечи Ро, и ничего этого бы не произошло».

Конечно, он понял всё по-другому.

Конечно, это было жестоко с моей стороны.

На-пле-вать.

Оро-Ич мягко отстранил нас с Арингой — втёк, вплыл между нами, окутал Тейта своей силой и бережно поднял, не касаясь руками. Я поняла, что сейчас он исчезнет — они оба — и вцепилась непослушными, точно судорогой сведёнными пальцами в грубую блекло-синюю ткань; мастер не возражал.

Он сделал шаг — я за ним.

Мы шли по колено в ярко-алой траве с белыми колосками; в чёрной пустыне под небом с тремя лунами, выщербленными до узких серпов; в воде по пояс, золотистой и тягучей, как мёд, и столь же сладкой на вкус; по гребню горы, в перехлёстывающихся потоках света — маджента, ультрамарин, снова маджента...

Путь завершился в просторной комнате без окон, в каменном мешке, лишь слегка задрапированном серой тканью.

— Дальше тебе нельзя, — мягко произнёс-пропел мастер.

Я сглотнула и с усилием расслабила сведённые пальцы, выпуская край одежды. Оро-Ич со своей ношей — такой лёгкой, такой ужасающе, страшно лёгкой — шагнул в стену, как в зыбкую дымку. Я шарахнулась следом, налетела на шершавый камень — да так и сползла на пол, обнимая себя, баюкая, точно у меня была разворочена грудная клетка, а сердце стекало сквозь рёбра горячим дождём.

В плечо с протяжным жалобным воркотанием ткнулись два меховых комка. Я, не глядя, подгрребла их себе под бок, спрятала лицо в жёсткой рыжей шерсти, в мягкой черно-бурой, и застыла. Не заснула — здорово было бы отключиться, наверное — а словно замёрзла. Время стало вязким, как смола, и каким-то гадким, и его течение причиняло почти физический дискомфорт.

«Интересно, так чувствуют себя змеи, когда меняют кожу?» — мелькало в голове.

И тут же: «Не желаю ничего менять. Пусть остаётся по-прежнему».

Но и в таком состоянии было ясно — нет, как раньше ничего уже не будет. Это неотвратно, как взросление, и нельзя впасть обратно в детство- можно утратить разум, что для эмпата невыносимо, равносильно смерти или ещё хуже... Я постоянно видела Тейта, хоть с закрытыми, хоть с открытыми глазами. Его губы, разомкнутые на свистящем вдохе, обветренные; кисти рук — напряжённые, жилистые во время драки, расслабленные во сне; оголённое плечо, изгиб шеи, встопорщенные вихры — всё фрагментами, осколками разбитого витража.

Даже если собрать, склеить, память останется; я никогда не смогу смотреть на него и не замечать бесконечной уязвимости.

Смертности.

Наверное, свою собственную смертность осознавать было легче и проще.

Оро-Ич вернулся через четыре с половиной часа.

В таких ситуациях принято говорить- «спустя целую вечность», но я точно знала, сколько времени прошло, каждую минуту пропустила через себя. Стена подёрнулась туманом, выкатились кольца щупалец, и меня буквально швырнуло навстречу. Шрахи отскочили пружинистыми хвостатыми мячиками и устали на Оро-Ича дружелюбно и слегка заискивающе, точно ожидая привычной подачи.

— Что с Тейтом?

Ох-хо, а голос-то какой хриплый. И горло, как наждак... впрочем, без разницы.

— Ты сохранила ему жизнь, Трикси Бланш, — по обыкновению мелодично ответил мастер, но в эмпатическом фоне мне почудилась

усталость. — Я вернул Тейту его тело. Сейчас он слаб и нуждается в отдыхе, но через два дня немногие в Лагоне сумеют выдержать бой с ним.

Тейт всегда утверждал, что жаждал силы, — добавил Оро-Ич, минуя меня с шелестящим змеиным звуком; серые занавеси взметнулись за щупальцами, словно от ветра. — И вот теперь он один из сильнейших, пусть и сам пока не осознаёт этого... Но ему нужен отдых, — повторил он и остановился на другой стороне комнаты, издали глядя на меня. — И тебе тоже, Трикси Бланш.

— Хорошо, — деревянно согласилась я, опускаясь на пол прямо там, где стояла. — Подожду здесь.

После того, как его кости таяли под моими пальцами, распадалась кожа, обнажая мышцы, и только из сознания волнами накатывало тихое и уверенное «Трикси», я не могла поверить, что он жив. Сознание оставалось ясным и замутнённым одновременно, точнее, суженным до чётко очерченной области — как туннельное зрение, но в ментальном плане.

Необходимое условие нормального функционирования — увидеть, дотронуться, убедиться. А до тех пор — ждать. Столько, сколько потребуется.

Мастер Лагона посмотрел на меня долго и странно, скрестив руки на груди.

— Отдохнуть, Трикси — значит, уснуть и отпустить тревоги, дать покой разуму и телу, — произнёс он осторожно, точно проверяя реакцию.

...интересно, сколько часов Тейту нужно, чтобы слабость ушла? И почему нельзя видеть его сейчас?

Не думать о плохом.

Дышать.

— Вы правы, — покладисто согласилась я, опуская взгляд. И немного схитрила: — Я подожду его здесь, а потом отдохну.

Кажется, получилось хорошо, значит, мастер уйдёт. Тогда можно будет пробить стену и пройти к Тейту. Ведь если он жив, то я ему не помешаю. Он звал меня.

— Трикси Бланш. — Тон стал вкрадчивым, обволакивающим. — Ты неадекватна. Посмотри на меня.

Я механически подчинилась.

Оро-Ич поймал мой взгляд, усмехнулся... а потом тоненько и смешно присвистнул.

Щупальца — семь штук, ни туда ни сюда — соскользнули с его боков и поясницы и деловито расползлись по углам. Синие чешуйки с тихим шелестом стекли на камень и просочились сквозь щели, точно рой экзотических насекомых.

Мастер Лагона — чудовище, псевдоинкуб — стоял передо мной босым, в простых пыльно-синих одеждах. Белые волосы одуванчиковым пухом топорщились вокруг головы на добрую ладонь, золотистые глаза были насмешливо сощурены, кожа без чешуи выглядела мягкой и уязвимой. Обычный человек, только очень высокий и красивый.

Не знаю, что меня поразило больше, отскочившие щупальца или ожившая чешуя, но в первые несколько секунд я от удивления онемела и могла лишь хлопать глазами, прямо как дорогая кузина Лоран — на экзамене по истории в средней школе.

— Это что? — наконец выдавила я из себя высокоинтеллектуальный вопрос.

— Айры, — ласково улыбнулся мастер. — Если притяжение нельзя приглушить или скрыть, то можно сделать облик настолько экзотическим, чтобы страх перевешивал желание.

Я представила его помоложе и с той же оглушающей инкубьей аурой. Прониклась. Сглотнула.

Разродилась новым образчиком логического мышления.

— А... язык? Он тоже, ну?..

Оро-Ич фыркнул и подразнил меня — чёрным змеиным раздвоенным языком. Определённо настоящим, его собственным.

— А как же речевой аппарат? — совершенно растерялась я. И вдруг поняла, что снова по щекам у меня текут слёзы. Прижала к лицу ладони, вздохнула прерывисто. — Ой... Простите, я...

— Это правильные чувства, Трикси. Не мешай им, — ответил мастер Лагона.

И, непостижимым образом очутившись совсем-совсем близко, вдруг обнял меня и погладил по голове. А я не ощущала ни обольстительных чар, ни неловкости, ничего — только колоссальное облегчение оттого, что осознала наконец: Тейт жив.

Всё будет хорошо.

— Не всё и не всегда, — вспух успокоил мастер. — Но сейчас вы уцелели. Радуйся.

— У-у, — согласилась я невнятно. И не удержалась, опять вернулась мыслями к щупальцам и чешуе: — А кто-то ещё знает?..

— Из живых — Эфанга. И несколько старых друзей и учеников.

Из груди вырвался дурацкий звук, нечто среднее между всхлипом и смешком, и промелькнула забавная идея: а ведь неплохой способ выбрал Оро-Ич, чтобы привести меня в чувство. Не по башке двинул ментально, не аурой своей обжигающей задавил — а удивил, поделился страшным секретом и сказал правду вместо глупой упоительной лжи.

А потом я вспомнила ещё кое-что важное — и опять задёргалась.

— Там, на побережье, свободные. Они хотят добраться до источника болезни, — затараторила я, запрокинув лицо. Отцепиться от мастера пока не рискнула — ноги держали плохо. — И Эрнан, кажется, он сильно ранен, и к врагам может подойти подкрепление, и...

— Тс-с, — насмешливо просвистел он, прикладывая палец к моим губам. — Не думай об этом. Не только твоё тело должно отдохнуть, но и разум.

Я заткнулась.

Естественно, Оро-Ич был прав. Мне требовался глубокий, спокойный сон — часов пять хотя бы, а лучше девять. Но не в меньшей степени, а то и в большей — долгая успокоительная беседа. Я отдавала себе отчёт в том, что веду и чувствую себя ненормально, но пока физически не могла просто развернуться и уйти, оставляя Тейта здесь.

Неразрешимая дилемма.

А если использовать биокинез? Нет, вряд ли сейчас получится, для этого нужно полное сосредоточение и контроль над своими способностями. А у меня ни того, ни другого. Побродить по Лагону в поисках того, кто поможет? Нет, только не после Кагечи Ро... Разве что к

Лао обратиться...

В висках снова застучало; мысли начало затягивать паникой, как патиной.

Мастер смерил меня долгим взглядом, потом сильно, с нажимом погладил обеими руками по волосам; я ощущала, как сор и песок

царапают чувствительную кожу его ладоней, обычно защищённую, как перчатками, айром-симбионтом — и застыла, зачарованная.

— Хорошо, Трикси Бланш, — напевно произнёс он. — Мы поговорим.

И, отстранившись, опустился на поп, подгибая под себя ноги. Я последовала его примеру, благо холодные камни оказались укрыты подушками для сидения. Туман сгустился, принимая форму низкой подставки с двумя пиалами и изогнутым глиняным сосудом.

Мимо прошелестело синее щупальце; шрахи проводили его настороженными взглядами.

Сюрреализм.

Оро-Ич улыбнулся и наполнил мою пиалу из сосуда. Жидкость была красноватой и пахла кисленько, затхло, как болотные ягоды.

— Попробуй, — искушающе предложил он и вложил пиалу мне в руку.

Я пригубила. Нёбо и язык защипало, защекотало — чудом удалось не раскашляться, но вообще-то вкус оказался приятный, согревающий и пряный.

— Похоже на подогретую газировку, — вырвалось у меня. И тут же накатило смущение: — Газированные напитки, они, то есть... это...

М-да, красноречие сегодня — явно не мой конёк. К счастью, мастера Лагона ситуация явно забавляла.

— Мне известно, как делают газированные напитки в твоём мире, Трикси, — сощурил он медовые глаза — и с видимым наслаждением сделал глоток. — Но этот напиток — результат брожения незрелых орехов. О, не надо бояться, он не настолько крепок, чтобы опьянеть, — рассмеялся мастер. Кажется, выражение лица у меня в тот момент было на редкость дурацкое. — Мне повезло наткнуться на него случайно — в одном месте очень далеко отсюда. В Лагоне, да и на побережье ничего подобного не делают, а я иногда испытываю... пожалуй, ностальгию.

Прежде чем пришло осознание, что Оро-Ич снова перехитрил меня и подкинул ребус, чтобы отвлечь от навязчивых мыслей о Тейте, я включилась в игру. Значит, «ностальгия»? «Не делают ни в Лагоне, ни на побережье»? Вывод напрашивается сам собой, но слишком уж невероятный.

— Если мне можно задать вопрос...

— Говори свободно.

Так. Хорошо. В конце концов, не так уж часто я не чувствую себя наедине с мастером Лагона околдованной пастушкой перед змеиным духом или шоколадной мышкой перед страхом.

Можно сказать, уникальный случай.

— Мы ведь добирались сюда через несколько разных миров?

С одной стороны, идиотское предположение, но с другой — единственно возможное; чудес здесь, конечно, много, но три луны — явный перебор, равно как и закат, наступающий аккурат после непроглядной ночи.

— Верно, — подтвердил Оро-Ич, и в голосе его почудилось одобрение. — Нельзя мгновенно исчезнуть где-то и оказаться в другом месте, но это справедливо лишь для одного мира. Мне известно не много исключений из правила, — добавил он, и шрахи, затеявшие было возню за серыми драпировками, настороженно притихли. — Но если пересечь границу между мирами, то само понятие времени исчезнет. Немного опыта — и можно выбирать место и время для возвращения.

Оу. Любопытная информация для размышления.

Я отпила ещё немного красноватой жидкости; высокий там был градус или нет — не знаю, но в теле уже появилась приятная тёплая расслабленность, характерная для лёгкого опьянения... Впрочем, захмелеть можно и от ощущения безопасности после острого напряжения.

— То есть вы могли бы вернуть меня домой в любое время?

Он склонил голову к плечу.

— Если выполнить несколько условий. Однако я назову их лишь тогда, когда ты раз и навсегда решишь, где желаешь быть.

Что ж, разумно. Сейчас оставить Тейта...

Сердце резануло.

Я поспешила запить боль новым глотком и заставила себя мыслями вернуться к разговору. Точнее, к невероятному предположению, из-за которого вообще всплыла тема иных миров.

— Мастер, скажите... вы ведь не отсюда?

Его взгляд затуманился, точно обратился вовнутрь — на очень, очень давние времена. Оро-Ич отставил наполовину полную пиалу и пальцем провёл себе по нижней губе тем жестом, каким мама иногда

ощупывала тоненький шрамик на ключице, единственный, который не трогала ни биокинезом, ни хирургией.

— Лагон — земля странников, — наконец произнёс мастер после долгой паузы. — Так было уже в те времена, когда здесь появился я. Скажи откровенно, Трикси Бланш, что ты думала об этом мире в первые дни? Каким он показался тебе?

Я задумалась, вспоминая; потом призналась слегка неловко:

— Жестоким и диким. И агрессивным, пожалуй.

Оро-Ич прикрыл глаза, соглашаясь. На сей раз молчание тянулось почти неприлично долго.

— Мой мир, — заговорил он потом, — отличался довольно сильно. Тысячи планет, миллиарды судеб... Мы успели изжить войны, голод и болезни; насилие над разумом, а тем более над телом давно отошло в прошлое. По крайней мере, так говорили, — добавил он с едва ощутимой иронией. — И вот я, не закончив обучения и не вступив даже в пору зрелости, оказался в Лагоне, попал в жерло очередной бойни, когда не успели остыть кости прежней цивилизации. Да, все три материка были ещё населены, однако везде правили три мастера: жестокость, дикость и алчность.

Я представила его юным, воспитанным бесконечно более высокой цивилизацией и столь же влекущим, как сейчас, и по спине у меня пробежал холодок.

— И как же вы?.. — Я снова осеклась, не договорив.

Из-под белёсых ресниц плеснуло расплавленным золотом, и купол вокруг меня рефлекторно сомкнулся, не впуская чужие воспоминания — даже теперь, спустя немыслимое количество лет причиняющие боль.

— Призвавшая меня искала не столько силы и удовольствий, сколько утоляла любопытство, — мягко-мягко ответил мастер, будто боялся повредить мне словами. — Сперва мы долго, очень долго беседовали; мои размышления удивляли и развлекали её. Я же медленно осознавал, сколько внутри меня самого алчности до жизни, сколько дикости и жестокости.

Ох... Это многое объясняло.

Всё-таки не зря мне казалось, что идеи и принципы, которые Оро-Ич постепенно прививал в Лагоне, сильно обогнали в гуманитарном

плане не только этот мир, но и мой родной. Взять хотя бы свободный обмен научной информацией — нам до такого ещё расти и расти.

Мастер искоса посматривал меня; из его пиалы, отставленной и забытой, азартно и совершенно бесшумно лакали шрахи, сталкиваясь носами.

— Ты думаешь обо мне слишком хорошо, Трикси Бланш, — качнул головой Оро-Ич. — Я совершил достаточно ошибок и продолжаю их совершать.

— Например, как с той болезнью, которая передаётся через взгляды?

Он сощурился, явно считывая мои воспоминания; мысли на мгновение спутались.

— Ингиза часто делает поспешные выводы. Я не создавал болезнь, точнее, создавал не болезнь; однако, признаюсь, в те времена я был ещё слишком неопытен и упустил из своих рук опасную магию. Её извратили, использовали, и целый материк опустел. А ведь мне казалось, что я сотворил нечто прекрасное, что приблизит этот мир к моему... — Мастер ненадолго умолк. — Сейчас моей силы хватит, чтобы очистить горы от свободных кланов или поднять со дна океана затонувшие земли. Но будет ли это благом? Я силён, Трикси Бланш, но не всеведущ; я не могу принять на себя эту тяжесть — решать за всех. И ещё... — понизил он голос, и меня пробрало дрожью. — Я долго искал свой истинный мир. И однажды нашёл его — десятки планет, выжженных и остывших, миллиарды оборвавшихся судеб. Что погубило его, мне неизвестно.

Никаких выводов вслух мастер не сделал, но этого и не требовалось — мораль лежала на поверхности. Долгое время он изменял Лагон по образу и подобию родного мира, а затем увидел, к чему может привести такой путь.

Наверное, кто угодно мог отчаяться и опустить руки. Или ожесточиться. Или сойти с ума.

А он продолжал действовать.

— Женщина, которая вас призвала... — медленно проговорила я, не зная, как вернуться к разговору, с чего заново начать.

— Мертва.

— А...

Я осеклась.

«А другие?»

«Ваши друзья?»

«Семья?»

«Вы кого-то любили тогда?»

Нет Язык не повернётся спросить — слишком личное, слишком выстраданное. Мне, эмпату, и раньше было почти болезненно ясно, какая бездна возраста и опыта лежит между нами, но сейчас я прочувствовала её иначе. Точно ступила наугад во мрак — и ухнула в пустоту, и лечу, кувыркаясь, вниз, а дна всё нет Сколько потерь и смертей он перенёс, сколько раз наблюдал, как рушится мир...

Немыслимо, буквально невысказано — пытаешься представить, а разум отказывает

— Что тебя удивляет, Трикси Бланш?

Хороший вопрос.

— Неравнодушие, наверное, — честно попыталась я облечь в слова смутное ощущение, поднимающееся изнутри. — Вы можете делать... ну, что угодно. Но почему-то заботитесь о Тейте. И обо мне. И о многих других тоже. Почему?

Мастер не сразу ответил. Он глухо постучал пальцем по полу, подманивая шрахов; рыжий наглец тут же подбежал и поднырнул под большую ладонь, а его чернобурая подружка настороженно косила глазом, продолжая облизывать пустую уже пиалу. Тишина давила на уши, и подумалось вдруг, что этому миру ужасно не хватает часов.

Не ради определения времени, а чтоб тикало что-то в такие тягостные, давящие минуты.

— Иногда мне снится сон, всегда один и тот же, — заговорил он наконец. — Там я бессмертен — так, словно смерти нет, как нет времени для твоего друга Лао. И новые миры ждут меня за каждой открытой дверью, и не нужно никаких усилий, чтобы перейти грань, только намерение.

Мне снится бесконечное странствие, и я знаю, что настанет срок — и сон сбудется, но это случится не раньше, чем я покину Лагон навсегда. На это меня обрекает моя суть — неугасающая жажда жизни. Но я никогда не вижу того же пламени у других.

Взгляд его вдруг потемнел и наполнился... нет, не жалостью, а иным чувством, в основе которого была любовь — незнакомого мне свойства, всеохватывающая и глубокая, словно океан. Я захлебнулась

вдохом; стало ясно, отчего Ингиза боялся встретиться с мастером лицом к лицу, а ещё — из чего рождалась та сумасшедшая, непреодолимая привлекательность.

Самые убийственные приворотные чары сплетаются из такой бесцельной и бескорыстной, похожей на сострадание любви.

— Вы другие, — продолжил мастер. — Вы цепляетесь за жизнь отчаянно, однако совершенно не цените её и готовы жертвовать ею. Полны страха — и удивительно отважны. Ваши миры жестоки; ни рождение, ни воспитание не обязывают вас ни к милосердию, ни к справедливости, однако вы являете и то, и другое... Я не могу наглядеться, Трикси Бланш, сколько бы ни смотрел, и не могу отвернуться. Спроси о чём-то другом.

В горле почему-то стоял комок, а глаза пекло. Я с трудом вздохнула; мантры про логику и рациональность давно не помогали.

По ноге мне мазанул пушистый хвост — чёрный.

— Шрахи вас совсем не боятся.

Нормальный вопрос напоминает мало, ну и ладно.

— Они пакостники и лакомки, — улыбнулся Оро-Ич. — Я позволяю им и то, и другое, и потому они доверяют мне. Однако их чувство к той, что позволила им быть в этом мире, гораздо глубже.

Ох... Если перефразировать — ко мне прониклось искренней любовью воплощение хаоса и внезапных неприятностей. Впрочем, после рыжего не привыкать.

Скорей бы его увидеть...

Пиала выпала из моей руки и покатилась, дребезжа. Я вздрогнула от неожиданности — надо же, не заметила и едва не отключилась. Впору порадоваться, что терапевтическая беседа возымела действие, но, как назло, столько всего ещё хочется узнать!..

— Мастер, а вы знали про Кагечи Ро?

Уголки тёмных губ дёрнулись.

— Я уже говорил, Трикси Бланш, что я не всеведущ. Вина за то, что произошло, лежит на мне. Я нуждался в Ингизе, в том, чем он обладает теперь, и желал вернуть своих учеников... даже тех, что уже стали мастерами, — скупно и ровно ответил он, и эта сдержанность заставляла верить каждому слову. — Но не ценой жизни Танеси Тейта — или любого из вас.

И опять ребус.

Сонливость накатывала волнами. Я почти бессознательно согнула ноги и уткнулась лбом в колени, чтобы не отключиться прямо сейчас, но, кажется, только усугубила положение. Однако кое до чего всё же успела додуматься.

— Насчёт Ингизы... Вы ведь не стену времени имели в виду, да? — спросила я. В памяти всплыли слова Сайны Юн: «Ты оправился быстрее всех, кого я видела». — Дело в его устойчивости, да?

По ментальному фону прокатилось эхом ощущение тепла, одобрения, довольства — похоже, мастеру пришлось по вкусу моя догадливость.

— Верно. Он один из тех, кто способен изменить этот мир к лучшему, хотя и не знает об этом. — Оро-Ич повёл пальцами, и его пиала исчезла, затем моя, потом столик... И вот мы уже просто сидели друг напротив друга, а подушки на полу раздались в длину и в ширину. — Ингиза считал, что пребывание в Лагоне связывает волю мага и насильно выводит его на путь, угодный мне, однако он ошибался. Уже очень давно я оставил мысль о том, чтобы исподволь изменять разум и чувства человека магией, гораздо важней оказалось подобрать правильных воспитателей. Таких, как Ригуми Шаа; таких, каким станет когда-то Ингиза. Впрочем, — он усмехнулся, — не скрою, что в Лагоне есть подобие болезни, что обезлюдила в давние времена земли за океаном. Она так же передаётся через взгляды и раздувает страсти, и имя ей — безнаказанность. И переболевшие ею в юности выживают и в зрелости на проклятом материке.

Я едва не рассмеялась.

Выходит, Ингиза думал, что им здесь всем промывают мозги — а на самом деле в Лагоне проводили вакцинацию. Ну, образно говоря.

...веки уже казались невообразимо тяжёлыми.

— Мастер... будет война, да?

Не знаю, почему я спросила об этом — о свободных вспомнила, что пи... И уже подумала, что Оро-Ич не ответит, когда он заговорил:

— Войны я не дозволю, ибо довольно разрушений для здешних земель. Один мой друг... Его зовут Джильдо Леоне, и он издалека... — «...из иного мира» — ясно послышалось мне в особенных, слегка рассеянных интонациях. — Джильдо считает, что всякая цивилизация должна пережить три всеохватные войны. Войну Железа, что породит смертоносные механизмы и научит одного человека убивать многих,

тех, кого он даже не видит; Войну Огня, которая явит новый ужас, и целые города и народы будут обращены в пепел единым движением пальца; наконец, Войну Небес, когда цивилизация уничтожит свою колыбель и, осиротев, обретёт мудрость и милосердие. И лишь одна из трёх прахом всё развеет.

Последняя фраза прозвучала несколько иначе, как цитата из пророчества или выдержка из старинного философского трактата. Меня пробрало дрожью, хотя я не представляла ничего, просто слушала, откладывая осмысление на потом.

— Это иносказание?

— Для одних миров — да, для других — нет, — ответил Оро-Ич неопределённо. — Лагон не знает механизмов из металла, а сила магов такова, что любой из них, если пожелает, сможет осушить океаны и небо низвергнуть на землю. И мне неведомо, сколько войн пережил мир, сколько ещё впереди, и достанет ли нам разума, чтобы не уничтожить друг друга. И потому я вижу лишь один путь: не допустить ни одной войны. В свободных кланах созрела злоба и недовольство, которых не изжить; но убивать даже тех, кто называет меня своим врагом, я не желаю.

Свободные кланы объединятся, восстанут, затем падут и рассеются; не будет для них возвращения к прежним целям и вождям, и тогда явятся иные предводители, которые исподволь направят их в Лагон.

Он замолчал, однако я почувствовала недосказанность.

— Но?..

— Но волна уже поднялась, — ровно произнёс мастер. — И она больше, чем мне думалось, и её надо опрокинуть... но то не твои заботы, Трикси Бланш — пока не твои. Тебе нужно отдохнуть.

Оро-Ич был прав, целиком и полностью. Да я и не собиралась возражать, теперь-то... честно говоря, все силы уже уходили только на то, чтобы держать спину и не заваливаться постепенно на подушки, которые стали что-то слишком большими и мягкими просто для сидения. В голове крутились обрывки фраз долгого, кое-где чересчур честного разговора; мастера не хотелось отпускать, потому что подспудно я знала — нескоро вновь появится шанс вот так легко задавать вопросы и получать ответы, дарующие не успокоение, но духовную наполненность... может быть, даже цель.

«Как рыцарские доспехи на вырост», — подумалось вдруг, и Оро-Ич почти беззвучно рассмеялся.

Ну, что ж, повеселила высшее существо — уже хорошо...

И тут сполохом мелькнула странная мысль.

— Мастер, скажите... — Я с трудом ворочала языком, но сидела по-прежнему прямо, ай да я. — Вы вот говорили про свой народ... что не было ни голода, ни войн, ни болезней. То есть... то есть вы изжили алчность... и жестокость... и избыточное потребление там всякое, да? — Он слушал, не перебивая. — Но ведь что-то осталось. Ну, пороки... или вроде того. В чём вы боялись... ну, погрязнуть?

Оро-Ич застыл, точно заледенел — а затем посмотрел на меня по-иному, с новым интересом.

А может, мне просто так показалось.

— Мы страшились недеяния, — выговорил-выпел он тихо, точно боялся, что слово его укусит. — Когда не желаешь причинять зла никому и ничему, когда видишь, сколь далеко простираются последствия одного-единственного поступка — великим становится соблазн не делать ничего, чтобы не нарушать равновесия. Поэтому я приветствую в Лагоне странников из иных земель и миров. Ингизу, который не боится судить и ошибаться; Эрнана Даймонда, жертвующего без колебаний и умеющего побеждать; ТанесиТейта, который действует без оглядки... тебя, Трикси Бланш, способную на любовь без сомнений, не теряющую разума и не ищущую выгоды. О, да, вам страх недеяния не знаком.

Мастер Лагона говорил всё тише, а я инстинктивно наклонялась, тянулась к нему, чтобы расслышать — и эмпатически, и физически, почти бессознательно. В какой-то момент он придержал меня за плечо, не давая совсем завалиться на пол, и внезапно поцеловал.

...учитывая чёрный раздвоенный язык, это был самый откровенный поцелуй в моей жизни — и одновременно самый целомудренный. А потом я закопалась в разросшиеся подушки, сгребла в охапку шрахов, одуревших от такого бесстрашия, и вырубилась.

Разбудил меня громовой чих прямо над ухом и хвост, мазанувший по лицу.

Декорации вокруг не изменились — тот же каменный мешок без единого окна, мягкие серые драпировки, раскиданные подушки для

сидения. Шрахов нигде не было видно; наверное, отоспались и удрали пакостить с новыми силами.

Хорошо бы к врагам.

Внутренний хронометр показывал, что выключило меня часов на двенадцать по самым скромным прикидкам, и не сказать, чтоб отдых вернул ясность суждений. Осоловело моргая, я обошла свою импровизированную темницу — раз, другой, третий... На четвёртом, кажется, круге почувствовала, что по ногам дует, раздвинула драпировки и обнаружила туннель, резко ныряющий вниз. Вёл он в смутно знакомую комнату с бассейном; на потолке там вращались абстрактные световые узоры, а сбоку — ещё один длинный извилистый ход к крохотному закутку с удобствами.

Весьма своевременно, надо заметить.

Потом я, всё ещё медленно соображая, кое-как привела себя в порядок: с опаской напилась из бьющего из стены источника, искупалась в тёплой воде и как следует выполоскала волосы — песка в них было на целый пляж, спасибо урагану Варасы. А когда вылезла из бассейна, то с удивлением обнаружила, что мои лохмотья исчезли. Затона ступенях лежали два комплекта одежды — белый с тёмно-красным шарфом, явно по моим меркам сделанный, а второй мужской, чёрный...

— Тейт, — выдохнула я шелестяще — и понеслась вверх по туннелю.

Пытаться на ходу влезть в костюм оказалось дурной идеей. Руки стали неловкими, как чужими, и путались в рукавах; ноги скользили по наклонному полу. В серые драпировки на выходе я влетела, как в паутину, забарахталась, кое-как выползла на четвереньках — и почти сразу увидела арку проёма в противоположной стене, обрамлённой живописными складками рыжей ткани.

Даже не намёк — громогласное приглашение.

Чем дальше, тем больше становилось драпировок; постепенно они светлели, выцветали, делались нежнее, и вот вскоре уже я точно плыла среди шёлковых, ласкающих кожу облаков, а наступать на них и вовсе казалось кощунственным. Свет сочился со всех сторон — и одновременно ниоткуда, как будто сам воздух порождал сияние, и из-за этого всё выглядело нереальным. Тревожил чувства дурманный запах чистоты — холодная роса на рассвете, сухое дерево на свежем,

расходящемся ещё расколе, обжигающая стерильность раскалённого металла... А потом стены вдруг раздались, распустились, как лепестки цветка, потолок рванулся вверх, пол накренился, и я кубарем покатила вниз.

Тейт, обнажённый, спал на самом дне, свернувшись калачиком в ворохе бледно-серых суфлейных облаков. Он сначала поймал меня — и только потом, кажется, очнулся.

— Я живой, — хрипло и немного удивлённо проговорил он. На фоне туманных драпировок, в рассеянном свете его ало-рыжие волосы точно пылали. — Я живой, и ты тоже живая, — повторил он, с нажимом проводя ладонью мне по щеке.

Прикосновение было почти невесомым; мозоли, трещинки, огрубелости — всё пропало, кожа у него стала нежная и влажноватая.

— Тейт... — выдохнула я и сглотнула беспомощно. Горло перехватило.

— Мне такой дурацкий сон снился, Трикси, как будто я исчез до конца и превратился в огонь, — сказал он растерянно. — И подумал ещё: ну и глупо же бояться, это ведь и есть я настоящий... А потом вспомнил про тебя, и очень захотел назад. И никак не мог.

Я не выдержала.

Обняла его, с придушенным всхлипом уткнулась в шею. Сидела так долго-долго, чувствуя, как он перебирает пальцами мои мокрые волосы, вслушивалась в сердечный ритм, синхронный — у него под рёбрами и у меня. Тот пугающий запах чистоты исходил от Тейта; холод росы, хрупкая сухость дерева, стерильность огня. Самая суть, нетронутая миром снаружи, не запятнанная ничьими взглядами и мыслями...

От моих ногтей у него на спине оставались красноватые полосы.

Внутри закипал жар.

— Зря одевалась, — прошептала я.

Тейт стиснул кулак, сгребая пряди у меня на затылке.

— Руки слабые. Не слушаются совсем.

Нуда, как же...

Из одежды я вывернулась, отпихала пятками куда-то вглубь шёлковых облаков, чтобы грубые ткани не царапали Тейта. Заехала ему в бок коленом, перепугалась, засмеялась, задохнулась, а потом вдруг поняла, что мы целуемся — минуту уже, наверное. Гладила его

ладонями, куда дотягивалась, думала: жаль, не могу, как Итасэ, стать туманом и обернуться вокруг, чтобы одновременно быть везде, чувствовать всё.

Рыжий, кажется, думал о том же самом.

В какой-то момент в воздухе заплясали огоньки; крохотные язычки пламени множились, пока сомкнулись, окутывая нас гудящим коконом.

А потом пламя сдвинулось.

Огненные ручейки текли вверх, оплетали ноги — ступни, щиколотки, выше и выше, вылизывая кожу до фантомной боли, и ныло, ныло что-то внутри, отдаваясь в костях

...руки Тейта, стёртые и нарисованные заново, набело, гладили мне поясницу, понуждали гнуться...

...шея горела от прикосновений, поцелуев-почти-укусов.

Я дышала огнём, я горела огнём, я была огнём.

А ещё я была отражением.

Чувствовала, пропускала через себя и возвращала — каждое движение и ощущение. Откликалась на каждое желание, следовала за ним, как лента, или вела, стискивала коленями бока, сплетала разумы — и пела, впервые понимая, почему именно внимающие и поющие:

...люблю-люблю-люблю...

И ещё:

...хорошо...

А потом мы долго валялись в гнезде из нежных, воздушных покрывал — в обнимку, потому что никак нельзя было оторваться друг от друга. Тело почему-то ломило... хотя чего удивительного, не все люди приспособлены, чтобы так гнуться. Повыше локтя у меня виднелся чёткий отпечаток руки.

Я не удержалась и фыркнула:

— Кто-то, кажется, жаловался на слабость.

— А кто-то царапался, как фаркан, — передразнил меня рыжий и снова поцеловал в висок, тепло и разморенно. — А ты заметила, кстати?

Резонанс.

Думать мне было отчаянно лень. Вот водить пальцами ему по плечу...

— Что резонанс?

— Его не было. В смысле, сейчас.

И всё-таки есть привычки, которые неискоренимы. Например, шевелить мозгами. Ты уговариваешь себя расслабиться, отключиться, но куда там.

— Так, — пробормотала я, не без труда принимая сидячее положение, и закуталась в одно из покрывал — не от холода, а потому что производить детективные изыскания голышом было как-то глупо. — Немного неправильно формулируешь. Резонанс определённо произошёл, но вот вопрос — когда? И почему сейчас не было никаких проблем? — Я задумалась, прокручивая в памяти последние дни. — Похоже, что исчез какой-то сбой во взаимной настройке, то, что мешало изначально. А вообще когда ты в последний раз чувствовал это резонанса, ну, неприятное возрастающее напряжение между нами? Мне вот вспоминается что-то такое только во время поединка с Соулом. Потом мы несколько раз объединяли силы, но никакого «маятника» не было.

— Маятника? — теперь переспросил уже Тейт. Я молча скинула ему ментальный образ. — А-а, отдача. Ну да, наверное. Тогда, наверное, и случилось это в последний раз. Потом я сбежал, и ты меня догнала... Может, мы бы раньше поняли, но нас же вдвоём не оставляли.

Лицо у меня вспыхнуло, дыхание перехватило. Я машинально облизнула губы, искусанные и гудящие. Никогда не имела привычки жалеть об упущенных возможностях, но тут... Сколько мы потеряли, месяц?

Кажется, балбес здесь не только рыжий.

— Ты совсем ничего не чувствовал тогда?

Тейт растянулся на покрывалах, прикрывая глаза.

— Ну-у... Огонь. Если подумать, то по-настоящему он стал меня слушаться с тех пор, как ты меня догнала. Помнишь, в клане свободных мы сражались вдвоём? Вот тогда ещё что-то мерещилось, но не резонанс, а как будто я пытаюсь из вот такой чаши, — и он развёл руками, — по капле отметить, сколько надо. А оно то переливается, то недоливается.

Я помолчала.

— А теперь?

Он повернул голову и уставился на меня тёмными-тёмными глазищами. Так, что снова жаром обдало.

— Ну я же рассказывал, Трикси. Про сон. Я понял, что я настоящий — и есть огонь.

Была б у меня подушка, я бы его стукнула, честное слово.

— А раньше, когда я тебе то же самое говорила, до тебя не доходило?

Он засмеялся — и опять сграбастал меня в объятия, перекатываясь по покрывалам.

...Наверное, мы бы долго ещё так барахтались — то говорили, то целовались, то дремали в обнимку. Лично я готова была оттянуть возвращение в реальный мир на маленькую вечность, но, увы, медовый месяц пришлось прервать по самой прозаической причине.

Тейт проголодался.

Ну, что ж, следовало этого ожидать: любой огонь требует пищи.

Глава 46. Проявление любви

Великий сеет, который рано или поздно развеивает любую тьму, что рождается из непонимания, ненависти, жестокости и алчности.

Этот свет исходит из сердца — и достигает сердца, а для глаз незрим.

(Из свитка «Загадки Лагона»)

Возвращение из подземных чертогов Оро-Ича было сродни маленькой смерти и рождению заново. Для Тейта — в более буквальном смысле, для меня — в переносном; рыжий двигался осторожно, неловко даже, точно привыкал к собственному телу а я... я только начинала осознавать, что самое страшное позади. Казалось, что вот-вот разверзнутся каменные своды, и на наши головы обрушатся бедствия, мыслимые и немыслимые.

Такова человеческая природа: мы можем приспособиться к воистину кошмарным условиям, но потом едва ли в состоянии сразу вернуться к нормальной жизни.

Обиталище Оро-Ича выводило нас вверх по расширяющейся спирали, приучая заново к внешнему миру: к вкусу воздуха, к запахам и звукам. На одном из витков мягкое рассеянное освещение сменилось дневным, на другом — комфортная, стерильная прохлада уступила душноватой летней жаре. В такие моменты мы немного притормаживали, свыкаясь с изменившимися условиями. Особенно долгая остановка была где-то ближе к концу пути, когда в большой пещере, немного похожей на мастерскую Ригуми Шаа, рыжий почувал запах еды и, как зачарованный, порысил к потайной нише в стене.

Судя по аппетиту, на здоровье он не жаловался.

Я тоже прихлёбывала из миски то ли жидкую кашу, то ли густой суп, но вкуса почти не ощущала. До сих пор происходящее казалось зыбким, скорее, напоминающим фрагмент сна, чем реальность. Иногда мелькала даже мысль: а вдруг там, на берегу, задело и меня, и всё это — предсмертные галлюцинации? И путешествие за мастером Лагона сквозь фантасмагорические миры, и долгий разговор по душам, и Тейт,

живой и невредимый... И когда я готова была уже пожаловаться вслух, то заметила вдруг нечто странное: в дальней части пещеры стена будто бы сделалась прозрачной.

— Похоже на приглашение, — пробормотала я.

Рыжий проследил за моим взглядом и хмыкнул:

— Ну, давай проверим. Подраться охота... — Он повёл носом и закончил разочарованно: — Но тут не с кем, угу.

Сначала можно было различить издали только размытое алое пятно, но вскоре оно приобрело человеческие очертания. Послышался мерный рокот волн и шипение, точно вода каталась по крупному колючему песку, и влажные волосы отбросило у меня с лица порывом йодистого ветра. Там, в крохотной пещерке, больше похожей на коробку из-под рабочего стола, сидела, согнув ноги в коленях, женщина, со спины выглядевшая ужасно юной. Впечатление изменилось, когда она обернулась на звук шагов.

— Мастер Аринга Китасса, — вырвалось у меня.

— Уже не мастер, — дёрнула она плечом и вновь уткнулась взглядом в океан.

Теперь, когда её веки не покрывала чёрная краска, черты лица смотрелись мягче, и Аринга не напоминала уже тётю Глэм.

«Как чужая», — пронеслось в голове у Тейта.

Я бы согласилась с ним... Но, пожалуй, только он имел сейчас полное право удивляться. У них с этой женщиной были общие воспоминания — яркие и живые, даже после всего, что произошло; и особые отношения, как бы мне ни хотелось о них не думать. Для меня Аринга и вправду была чужой — всегда, но теперь я не узнавала её и как эмпат.

— Почему вы здесь? — спросила я.

Последнего шага мы так и не сделали — стояли вдвоём с рыжим, отделённые от неё полупрозрачной каменной стеной, дышали океанским бризом и оставались бесконечно далеко, словно в разных мирах... Впрочем, не удивлюсь, если так оно и было.

Аринга едва заметно усмехнулась, скосив на меня глаза. На ресницах, коротких и белёсых, дрожали капли воды, повлажнили и алые одежды — брызги от разбивающихся о берег волн долетали даже в пещеру.

— Увязалась следом за вами. Во-первых, иначе мне вряд ли позволили бы уйти с побережья живой — что свободные, что маги Лагона.

Во-вторых, я нуждалась в спокойном месте, чтобы подумать. И нуждаюсь до сих пор... Орочи был очень добр и отвёл мне угол.

«Каменный гроб с видом на океан», — подумала я и вдруг перепугалась до жути.

Мы поднимались к реальному миру; она же добровольно заперла себя глубоко под землёй. Тейт затих, предоставляя вести разговор мне — он тоже ощущал тень иррационального ужаса и опасался нарушить равновесие.

— Подумать о чём?

Это был не столько вопрос, сколько предложение выговориться. Аринга снова усмехнулась, на сей раз с горечью.

— О своём поведении. — Она обернулась к океану; я не видела её лица, но отчётливо представляла, как в глазах отражаются серые-серые волны. — Орочи... Мастер Лагона часто и многим говорил: делай, что считаешь нужным, никто тебя не осудит, пока ты побеждаешь. Вы наверняка тоже слышали это хоть раз... Но вот я проиграла, потеряла всё — доверие мастеров Лагона и жизни многих своих учеников. А добиться цели не сумела, не стала одной из предводителей свободных кланов, чтобы потом вести их за собой в правильную сторону, когда другие вожди и вдохновители падут. И впервые мне ясно, что имел в виду мастер Лагона. Не о наказании он говорил, а о понимании: ощутить всю тяжесть уплаченной цены можно лишь тогда, когда ничего не получаешь взамен, когда всё втуне, и радость от победы не затмевает горечи потерь. И я думаю: стоили ли жизни моих учеников того, чтобы убедить свободных? Если бы мне удалось задуманное, если бы я возвысилась среди врагов и бескровно увела их под сень Лагона, не показалась ли бы мне плата соразмерной? И теперь я думаю: нет, не любая цена стоит цели. И ещё: правда ли я делала то, что нужно? И победа кажется мне страшнее поражения, потому что, победив, я продолжила бы поступать по-прежнему.

Наверное, это была самая длинная её речь за всё время нашего знакомства. Я вслушивалась в её мысли и чувства — и понимала едва ли треть. Всё-таки некоторые вещи нельзя выучить на чужом опыте, сколь старателен ни был бы ученик. Тейт всё так же хранил молчание,

но чёрная бездна в глубине его сознания, до сих пор непостижимая, хоть и не пугающая уже, внимала Аринге — с состраданием.

А потом он вдруг отпустил мою ладонь и шагнул сквозь камень, дрожащий полупрозрачным маревом. Наклонился резко, поцеловал Арингу в щёку и выпрямился, скрестив руки на груди.

— Лично я на тебя не злюсь, — сказал Тейт громко и улыбнулся широко и солнечно, по-идиотски. — Если бы сдох, это мои проблемы были бы. Вот как-то так.

Я и опомниться не успела, как он развернулся и, подцепив меня под локоть, потащил сначала из пещеры, а потом вверх по туннелю, не позволяя оборачиваться. Купол не мог зацепить сознание Аринги, но отчего-то казалось, что она смотрит нам вслед.

И, может, думает теперь о чём-то другом.

— Какая дурацкая ситуация, — пробормотала я.

Тейт сбился с шага, и выражение лица у него стало наконец нормальное, не упёртое.

— Чего?

— Соул бы так сказал, — пояснила я. — «Какая редкостно дурацкая ситуация». Или что-нибудь про древних поэтов.

Мы пялились друг на друга секунды две, а потом расхохотались почти одновременно, он первым, а я чуть погодя. И так, продолжая улыбаться, преодолели ещё виток спирали и вышли на белый свет — действительно белый.

Лагон словно очутился внутри яичной скорлупы. Он стал ощутимо меньше — кольцо холмов сжалось, и от одного края легко прослеживался другой, противоположный. Обычно пустынные тропы, рощи и поляны буквально кишели людьми, создавая впечатление разворошённого муравьиного гнезда... или осинового, потому что в воздухе тоже кто-то носился. Жарко и душно было по-прежнему — пето медленно карабкалось к пику; солнце исчезло с небосвода, и в вышине клубился белый, равномерно сияющий туман, от которого появлялось знакомое жутковатое ощущение.

«Вот она, долгожданная гадость. Ведь не могло всё просто закончиться хорошо».

Если честно, я даже почувствовала облегчение.

— А ученики-то в основном старшие, — заметил Тейт, подавшись вперёд и разглядывая окрестности; мы очень удачно выползли из

подземелий прямо на склоне холма, рядом с террасой наблюдения Оро-Ича, и панорама отсюда открывалась широкая. — И подмастерья.

Мастеров тоже особо не видно, хотя... — и он принялся. — О, знакомый дым. Там Чирерори, — небрежно ткнул Тейт пальцем в сторону сизоватой рощицы метрах в трёхстах от нас. — Узнаем у него, что творится?

Я протянула до самой земли скользкий жёлоб; Тейт подхватил меня на руки- и сиганул по нему, умудряясь не только съезжать на полусогнутых ногах, но временами и пробегать некоторые участки.

— А почему не к кому-то из учеников? — крикнула я, заглушая шум ветра в ушах.

— Мастера больше знают! — весело ответил Тейт-и спрыгнул на землю. Жёлоб, послушный моей воле, распался на пятна-пиксели и исчез.

— И нос так не дерут, как подмастерья.

Я вспомнила Итасэ в начале нашего знакомства и хмыкнула. Ну, что есть, то есть...

То, что происходило в Лагоне, напоминало одновременно военные учения, эвакуацию и пожар в консерватории. Маги носились туда-сюда беспорядочно, на первый взгляд, но у каждого была чётко определённая задача. В углах воображаемых квадратов полкилометра на полкилометра располагались мини-базы внимающих и поющих; как правило, один ученик постарше или подмастерье, создающий мелодию, и несколько менее опытных магов, поддерживающие её. Таким образом Лагон постоянно накрывала живая, изменчивая ментальная сеть, через которую даже очень сильный враг вряд ли сумел бы прорваться в одиночку. Работа внимающих и поющих была на виду, по крайней мере, для меня, эмпата; маги из других лож тоже работали по системе, но я её улавливала с трудом. Так Чирерори со своими ребятами, кажется, занимался обычной тренировкой — создавал огненные мячики и бросал ученикам, те ловили их и, по ходу дела отщипывая по кусочку, передавали дальше по эстафете, пока пламя не истаивало.

— Мастер! — заорал Тейт и замахал руками, стоило нам приблизиться на более-менее приличное расстояние. — Мастер! Какого фаркана здесь творится? Почему небо белое? Кого бить?

Заметив нас, Чирерори тут же покинул цепочку, поставив на своё место одного из подмастерьев, женщину со слегка безумными глазами, Пэм, вроде бы.

— О, Чирерори очень смешно — многих надо бить, прямо рук не хватает, — комически тонким голосом произнёс он. Впервые я подумала, что мастер, возможно, и не манерничает — просто ему от рождения такой тембр достался. — Свободные кланы, объединившись, напали на Лагон.

— Давно? — отрывисто спросил Тейт И потребовал: — Расскажите всё!

Чирерори рассказал.

Приятного, надо сказать, мы услышали мало.

Выяснилось, что свободные кланы появились в окрестностях примерно пять-шесть дней назад, то есть примерно в то же время, когда наша группа во главе с Эрнаном покинула Лагон. То есть шпионы и заинтересованные взгляды нам тогда не померещились... Сперва враждебные маги просто наблюдали, изредка нападая на тех, кто имел неосторожность высунуться из укрытия — или на тех, кто тогда по несчастливой случайности возвращался из рейдов. Давление всё возрастало; большая группа свободных обрушила часть горы в двух километрах от настоящего Лагона, видимо, пытаясь отыскать вход. От решительного наступления их удерживало только присутствие Оро-Ича, который непринуждённо отводил угрозу в сторону, причудливо выворачивая пространство, но всё изменилось, когда два дня назад он вдруг исчез, доверив оборону другим мастерам.

Это и было началом конца.

— Среди нас были предатели, сокрытые глубоко, — печально вздохнул Чирерори. — Стоило нам ослабеть — и они явили себя. Эфанга быстро разыскал их и заставил умолкнуть, в смерти или во сне, однако было поздно. Завеса, укрывающая Лагон, пала. Многих и многих жертв удалось избежать лишь потому, что Ригуми Шаа обернул своей волей наши земли, а одолеть белое ничто не сумели и лучшие из свободных.

Чирерори теперь уважает его вдвое больше... Но Ригуми Шаа не ест и не спит уже два дня, и вряд ли сил мастера, пусть и великого, хватит ещё и на третий.

В висках застучал пульс.

Похоже, что Лагон едва не рухнул из-за одного просчёта небольшой группы крайне самонадеянных магов на побережье. Шрах, но кто же знал! Сомневаюсь, что даже Эрнан мог предположить, что именно теперь свободные пойдут в атаку. Возможно, догадывался Оро-Ич... но он, похоже, полагался на защиту, выстроенную им вокруг этого места.

— Сейчас-то мастер Лагона здесь, ну? — спросил Тейт и незаметно сжал мне пальцы — видимо, ощутил мою тревогу. — Чего не закроет всё обратно?

Чирерори только плечом дёрнул:

— Глухой мальчик. Защита Лагона — в неведении. Но теперь враг нас познал; чтобы спрятаться вновь, нужно сперва отбросить его.

Оро-Ич сказал: «Мне потребен всего один кат, когда никто не будет смотреть на Лагон».

Мда. И что-то мне подсказывает, что «смотреть» — не в прямом смысле. Звучит прямо как описание умозрительного опыта с котом и смертоносной машиной, что-то вроде «Лагон в суперпозиции»... Тейт странно, диковато улыбнулся и задумался о чём-то жутко опасном — и крайне привлекательном. Чирерори тем временем продолжил:

— Маги Лагона дадут мастеру Оро-Ичу этот кат. Мы укрыли слабых; сильные же встретят врага — и отбросят его либо истребят. Чирерори обещает... — он сощурился. — Если вы сильные, то ступайте к Итасэ Рану, ибо он теперь старший среди мастерской Ригуми Шаа и направляет своих соучеников. Вы найдёте его у чёрных столбов.

Рыжий коротко махнул рукой в знак благодарности и побежал к тропинке, прямо через лес, вероятно, представляя, где могут находиться упомянутые столбы; я тоже хотела двинуться следом, но встретила взглядами с Чирерори — и замерла.

— Вы... — я сглотнула. Почему-то дышать стало больно, и в груди поселилась сухость и пустота. — Вы что-то хотели мне сказать? Лично мне?

Он качнул головой, точно в задумчивости.

— Чирерори хотел. Или, быть может, нет... Трикси Бланш, Чирерори видит, что ты воспользовалась его даром. Но когда и где? — спросил он и замер, кажется, по-настоящему растерянный.

Дар? О чём он говорит?

Сперва я не нашлась, что ответить. А затем вспомнила старый-старый разговор, близ хокорнов, ещё до тренировок с Тейтом — и маленькую колючую искру, соскользнувшую с пальцев Чирерори и проникшую прямо мне под рёбра, в самое сердце. И ещё — странное тепло, которое шло изнутри, когда я отчаянно пыталась удержать рыжего от смерти, по эту сторону черты...

Так вот откуда взялась тогда сила.

— День... Нет, два дня назад, — поправилась я, сообразив, что спала гораздо дольше, чем мне подсказал внутренний хронометр, — На побережье. Тейт умирал, а я...

Чирерори недоверчиво хлопнул длинными ресницами — а затем высоко рассмеялся.

— Ты забавная, Трикси Бланш, — сказал он потом без улыбки. — Чирерори даровал тебе частичку своей силы, чтобы ты противопоставила её дикой мощи Танеси Тейта во время поединка либо после — и сумела защитить себя, когда в том возникнет нужда. Ты же отдала её Тейту, присовокупив к его собственной силе. Это правда забавно. Не жалеешь теперь, что осталась без щита?

Щёки у меня вспыхнули невесть отчего.

— Нет, — отвела я взгляд, отступая на шаг назад. — Спасибо, конечно, вы очень выручили... Но, честное слово, я не думаю, что мне когда-нибудь понадобится защита от Тейта. И никогда так не думала, даже когда он... В общем, спасибо.

Договаривала я уже пустоте — Чирерори не стал дослушивать и вернулся в свою чудо-эстафету, на ходу вылепливая очередной огненный шар. Только теперь смысл этого действия стал для меня чуть прозрачнее: мастер, когда пришла нужда, делился с учениками тем, что имел.

Не только знаниями, но и силой.

Издали шесть тонких, близко расположенных чёрных столбов напоминали пучок неровных каменных игл, вонзающихся в белёсый туман на головокружительной высоте. Существовали эти причудливые образования прежде или возникли из небытия в один из последних дней, по прихоти какого-то мага — неизвестно, но сейчас они почти идеально дополняли апокалиптический пейзаж: казалось, что размытое, бесцветное небо держится лишь чудом на тонких, ненадёжных подпорках и кренится всё сильнее. Тейт заметил их ещё

у выхода из подземелий, наряду с множеством других изменений в окрестностях, и теперь уверенно стремился к цели.

Нас многие узнавали — и меня, и его. Некоторые из тех, кто пару месяцев назад охотился за мной как за добычей, сегодня коротко приветствовал взмахом руки или отрывистым кивком, как равную, другие отводили взгляд, словно не замечая. Неизменным оставалось одно: когда появилась общая опасность, никто не ждал удара в спину от «своих», а своими были все маги Лагона, без исключения.

— Э-эй, Тейт! — заорал кто-то с вершины холма. Я прищурилась — и опознала незабываемые «брезентовые» штаны... Худама, значит. — Ты к нам, впереди всех драться?

Рыжий немного сбавил скорость — слишком соблазнительным было предложение. А потом прокричал в ответ:

— Не, я с Трикси! А она со своими!

— Ну, Лао тоже там, мелочь прикрывает! — громоподобно откликнулся Худама — чёрный несоразмерный силуэт на фоне белой дымки. — Удачи, что ли! Трикси! Твой мастер силён!

— Очень!

Где-то внутри у меня стало тепло, словно комплимент отвесили мне. Мы свернули в долину, утыканную помостами разной высоты, на которых топтались крылатые айры самых феерических раскрасок, когтистые, с мощными клювами или звериными челюстями, с шипастыми хвостами и острыми гребнями на спинах. Завидев нас, мужчина с резкими, точно из камня вырубленными чертами лица, коротко бросил:

— Я тут! Я тоже сражаюсь на вашей стороне! Диккери в подземельях, с младшими!

— Хорошей драки! — от души пожелал Тейт, а я улыбнулась: значит, принцесса-утопленница с побережья и её жених, маг-одиночка Пайн, всё-таки добрались до Лагона.

Котарэ и Карон, водрузив за спину корзины, разносили еду для всех желающих. Митчи, по их заверениям, занималась тем же самым в компании младших сестёр в другой части долины. Мы набрали по целой пригоршне сладких орехов и вяленых фруктов, но уже через несколько минут отдали их Айке, которая выскочила из-за деревьев, как шрах из шкафа.

— Вообще я не пырчу, чего меня к этим фарканам не пускают? Ух, я бы их заскримчала, — пожаловалась она, набивая сладостями плечную сумку. — Соула не видели, не? Его сеструха ждёт.

Мы с Тейтом переглянулись. Орса Ширамару ещё не знала, что вскоре её маленькая семья увеличится на одного человека... И что-то мне подсказывало, что Сайне Юн придётся постараться, чтобы занять положенное место в сердце оставленной когда-то дочери.

— Он немного задержался на побережье. Там вроде бы безопасно, мы встретили, э-э, друзей.

— Во, баштар-моштар! — просияла девчонка. — Скримтану в подземелья, Орсе скажу, а то она чего-то совсем скуксилась. Не подохните тут, ага?

— Ага! — пообещал рыжий.

Пересекая Лагон из края в край, мы встретили и многих, многих других. Мастер Сафира Акка, луноликая красавица, походя наказала нам беречь Ригуми Шаа, когда он спустится с небес; Нэккен подгоняла фиолетовые доспехи на незнакомой женщине, явно из ложи направляющих удар, но, завидев нас, прервалась и выудила из горки материалов два лёгких огненно-алых шарфа, точно светящихся даже под нынешним жутким туманным небом.

— Эй, держите! — заполошно улыбнулась она, всучив нам шарфы, и махнула рукой, возвращаясь к работе. — Даже в драке надо красивыми быть... Вы вместе очень красивые!

Тейт ловко намотал на нас шарфы, смеясь, как классический счастливый идиот, и поцеловал меня быстрой горячо. Сомневаюсь, впрочем, что в тот момент я выглядела более интеллектуально. Наверняка — так же радостно и глупо... Мы ощущали себя какими-то ужасно лёгкими; мы не бежали — нас нёс по Лагону ветер, не существующий, придуманный, сквозняк реальности, родившийся в узком просвете между «было» и «будет».

И это казалось правильным.

Луг, полный высоких цветов-колокольчиков опасного синего цвета; заросли высокой ароматной травы, сладковатый сок которой пропитывал даже плотную ткань приспособленных для боя костюмов; каменные пороги, меж которых струилось лимонно-жёлтое пламя...

Впервые подумалось, что Оро-Ич, обустроивая Лагон, создавал его по образу и подобию своего мира, составленного из многих и

многих миров, границей между которыми был один-единственный шаг.

Точнее, намерение его сделать — и выйти за привычные рамки.

Чёрные столбы воздвиглись на пути внезапно, только что маячили далеко впереди — и вдруг точно из-под земли выросли, огромные, изломанные. И стало видно, что снизу доверху их увивают крутые лестницы, а там, где ступени достаточно широки, сидят маги — в основном, овеществляющие ничто из мастерской Ригуми Шаа. Но встречались и бойцы из направляющих удар, азартные и предвкушающие бой; и созидающие совершенство — эти либо разворачивали походные пункты медицинской помощи, или помогали другим подготовиться к сражению; внимающие и поющие — их я узнавала по лёгким, словно танцевальным движениям и ощущению льющейся ниоткуда мелодии.

Лао ворвался между нами сполохом света — вот его не было, и вот он возник; схватил меня за левую руку, Тейта — за правую и потянул в сторону от столбов.

— Сперва повидайте Рана, он скажет, куда идти, — напевно объяснил он. И улыбнулся легко и светло, как делал всё: — Вы стали так похожи на меня... Как будто неродные по крови, вместе воспитанные, близкие, пусть чужие братья-сёстры.

Лао произнёс это быстро, в одно слово, с непривычной для себя запинкой. И я поняла, что впервые, пожалуй, он пытается говорить с нами на своём родном языке изменчивых образов, обёрнутых в неподатливую человеческую речь.

— А разве Тейт не всегда был таким? — спросила я, слегка задыхаясь от бега. Лао скептически фыркнул, как-то удивительно похоже на Итасэ:

— Почти. Желание свободы и свободу легко перепутать.

Секунда — и мы влетели по колено в чёрный туман. Холодный, непроглядный — но при этом завораживающий, парадоксально уютный, как летний вечер на берегу беспокойного моря. Он вовлекал в себя, как волны утаскивают неосторожного пловца от берега на глубину. А в центре притяжения был Итасэ Ран, одновременно похожий и непохожий на себя: босой, в свободных светлых одеждах, многослойных, из очень-очень тонкой ткани, с длинными и широкими рукавами, почти до кончиков пальцев.

Лао отступил, скрываясь в тумане — отправился по своим таинственным и, без сомнения, срочным делам.

— Трикси, Тейт! — обернулся Итасэ к нам порывисто и неуловимо, как свет, как порыв ветра. — Шаа-кан подал мне знак, что вы вернулись, и я вас ждал. Он скоро уже упадёт, и тогда начнётся бой. Где вы хотите быть? — скользнул-подлетел он ближе и положил нам руки на плечи... он, который всегда избегал прикосновений. — На первой линии, среди бойцов? Или среди тех, кто прикрывает?

Я сглотнула, чувствуя, как спина покрывается мурашками. Вообще по-хорошему мне место среди слабых, в подземелье...

Если действовать в одиночку.

— Мы будем на передовой, — улыбнулась я, кажется, как чокнутая. И обернулась к Тейту, сжимая его ладонь. — На самой-самой передовой, да?

Итасэ воздел палец к небу:

— Тогда вам туда. На самый верх самой высокой лестницы, — передразнил он меня. — Готовы?

Готова я не была, но почему-то яростно склонила голову к плечу. Губы подрагивали. Станный какой-то страх. Тейт хмыкнул, утягивая меня за собой, и шепнул проходя, то ли угадывая, то ли разделяя мои мысли:

— А это не страх, Трикси. Это предвкушение.

У основания столба он подхватил меня на руки — и понёсся по лестнице длинными прыжками, перескакивая и встречных магов, и целые секции ступеней. Итасэ остался внизу — центр водоворота, отправная точка, бьющееся, живое сердце мастерской. Белое туманное небо падало нам навстречу хлопьями белой пустоты, ужасно напоминающими тёплый сухой снег, исчезающий при первом прикосновении — или наполняющийся бытием? Пахло подступающей грозой и немного железом, но не ржавым, влажным, а сухим, раскалённым. Тейт болтал без умолку:

— ...Ну, ты ведь дралась уже? Вот представь, что это такая же драка, только побольше. У магов короткие бои. Помнишь дуэль с Соулом?

Вот здесь так же. Покружить, пощипать друг друга, найти слабое место — и ка-а-ак двинуть! Вот те, кто впереди — они ищут, куда двинуть, ну, и стараются не помереть. А те, кто позади — защищают.

За очередным оборотом лестницы промелькнуло что-то рыжее и чёрное, ужасно напоминающее пушистые хвосты. Гм, показалось?

— Звучит просто.

— Да чего там сложного... — начал Тейт и вдруг осёкся, посерьёзнев. — Смотри!

Но мне уже и указывать не требовалось.

Белый туман в вышине загустел, остекленел — и пошёл трещинами, за которыми проступило безжалостно голубое небо. С вершины самого большого из чёрных столбов сорвалась крошечная человеческая фигурка в синих одеждах, и навстречу ей с земли рванулась туманная волна.

Она бережно обняла падающего человека и спустила вниз, на руки к Итасэ; сразу стало ужасно тихо, и слышно было, как сыплются с мертвенным шелестом осколки белого кокона с небес.

— Ригуми Шаа всё, — пробормотал Тейт, прибавляя шаг. Пролёты лестниц замелькали, как на ускоренном воспроизведении. — Теперь начнётся. Жаль, не успели взобраться.

Стычка между двумя небольшими группами магов представляло собой череду хаотических, независимых друг от друга дуэлей; масштабное сражение больше напоминало перетягивание канатов — кто первым сумеет настолько изменить окружающий мир, чтобы противник не мог даже теоретически существовать в новых условиях? И мы едва не проиграли в первые же секунды.

Раз — и небо в ширящихся трещинах стало болезненно алым.

Два — и алая волна рухнула вниз, распространяя перед собой мощный, низкий звук, парализующий волю.

Тейт пошатнулся и неловко ткнулся плечом в ступени, чудом уберегая меня от удара. Кто-то выше вскрикнул, но почти сразу же затих; верхушка столба уже крошилась под напором чужой магии, когда вся долина заполнилась оглушительным голосом Эфанги:

— Это время! Это всего лишь время! Кто неподвластен времени — в бой!

Глубоко внутри я ждала Лао и верила в него. И он явился в обличье урагана, пронизанного молниями, но пришёл не один. Вслед за ним взмыли навстречу угрозе искристые стрелы, фонтаны разноцветного огня, распустились фантасмагорические сияющие цветы — десяток, два, три? Я сбилась со счёта. И внутри каждого из

них был разум, человеческий, однако непостижимый. Оглядываясь заворожённо, Тейт ссадил меня на ступени и медленно поднял руку вверх. Из его воздетых пальцев вырвался огонь, жаркий, почти бесцветный, и ринулся ввысь, обгоняя других — даже Лао. Облизал алую стену, расплескался по ней...

...и прожёт дыру.

— Получилось, — прошептал Тейт, неверяще распахнув глаза. Прореха ширилась, и остальные снаряды тоже постепенно достигали цели, разрывали на части само время, воплощённое в чудовищном оружии с материка смерти. — Оно горит... Ну, конечно! Если всё заканчивается, то и время, наверно, тоже?

А я поняла, что это наш шанс — не просто победить, но закончить битву бескровно, сделать дурацкие красные шарфы не только напоминанием о чужих смертях, которые мы не сумели предотвратить, но и символом победы.

— Тейт, послушай, — позвала я хрипло, поднимаясь. Ноги подламывались. — Ты сможешь сжечь магию? Лишь магию, не задев людей?

Он взял меня за руки, притянул к себе, утыкаясь лбом в лоб; дыхание было неровным, сорванным, глаза — тёмными.

— Ты обещаешь, что все будут смотреть на меня?

— Обещаю.

— Надо подняться повыше. — Тейт отступил на полшага, сощурившись. — Поможешь?

— Ну, если ты сделаешь так, чтоб нас не убили по пути.

...Наверное, если бы Кагечи Ро предполагал, каким однажды станет рыжий, то не стал бы плести хитроумные планы, а уничтожил бы его с самого начала. Или наоборот, отказался бы от личных амбиций и переметнулся бы на сторону Лагона. Ведь нельзя, невозможно оставаться холодным и неизменным рядом с огнём такой силы — и такой харизмы.

Нас провожали взглядами на пути к вершине, перед нами расступались, словно чувствовали обжигающую мощь. А я всё никак не могла понять — кто ведущий, кто ведомый? Тейт тянул меня вверх, но я хранила его огонёк от ледяного ветра враждебной ментальной магии, прикрывала куполом, точно заслоняла свечу ладонью; Тейт

отражал атаки, он был оружием — а я двигателем. Без него нас давно бы убили, без меня мы не сдвинулись бы с места.

Алая пелена, золотая пелена, рои синих колючих айров, серебристые грозовые облака — преграды расплзались в бесцветном пламени.

Грохотали взрывы — где-то бесконечно далеко.

Тысячи мелодий спивались в неразделимую какофонию — везде и нигде.

Мы двигались вверх, по призрачным ступеням, истаявающим, стоит лишь отнять от них ногу.

— Смотри, Трикси! — вдруг крикнул Тейт счастливо. — Ужасно красиво, да?

С головокругительной высоты долина Лагона походила на круглую шкатулку, напичканную нитками, иглками и напёрстками — или на букет экзотических цветов. В стороны от неё складками лоскутного одеяла расходились горные цепи: зелёные, жёлтые, серые, чёрные, красные и голубые. К северу скалы задирались на невообразимую высоту; к югу — сходили на нет, скатывались в гостеприимный океан, даже отсюда огромный настолько, что захватывало дух...

Мир был бескрайним; когда-то давно рыжий показал мне его впервые, а теперь я словно вернула долг.

— Очень красиво, — согласилась я, а потом прикрыла глаза, соединяя свой разум с разумом Тейта. И одновременно — отпустила купол, позволяя ему накрыть тех, кто остался внизу, прочувствовать их, ощутить равную ценность всех сознаний и жизней, — А теперь давай.

Ориентируйся на моё восприятие.

Он смотрел вниз — и в его глазах земля отражалась от горизонта до горизонта.

— Ты мне веришь?

Вместо ответа я отпустила руку Тейта и спиной вниз упала в пустоту, не отрывая от него взгляда.

— Давай! — крикнула я, чувствуя, что ещё секунда — и слишком много враждебных ветров будет между нами, а жадная чужая магия рванётся мне навстречу. И Тейт выпустил пламя.

Оно хлынуло сквозь меня, сквозь кожу и кости, не задевая, но согревая; наверное, если и существовала какая-нибудь энергия жизни, текущая через всё и вся, то именно так она и ощущалась. Время почти остановилось, и я точно зависла в воздухе; бесцветное пламя выплеснулось в долину, перехлестнуло через кольцо холмов, растеклось по горам, неостановимое, неистребимое, жадное и щедрое.

Там, где оно проходило, магия исчезала — ненадолго, буквально на минуту, как раз чтобы недоверчиво оглядеть собственные руки, пустые и беспомощные, и поднять глаза к небу, где сияла невозможно яркая звезда, второе солнце. Танеси Тейт Самый сильный маг Лагона — ну, по крайней мере, сейчас.

После этого великая битва предсказуемо закончилась. Мы победили всех, но едва не разбились в лепёшку, потому что я как-то не учла, что и моей магии тоже не станет. Если б не Лао, чья крылатая природа ни к псионике, ни к колдовству отношения не имела... Впрочем, не будем о грустном. Как там говорил наш незабвенный инкуб, синий и чешуйчатый? «Можешь дерзить и дурить, но только пока побеждаешь»?

Собственно, этим я и собиралась заниматься в ближайшие годы, благо охотников трагически поразмышлять над своими ляпами хватало и без меня. Взять хотя бы того же дядю Эрнана, который вернулся в Лагон примерно через неделю, задумчивый и изрядно побитый — команде с побережья тоже неслабо досталось, хотя основные силы свободных и были стянуты в другом месте. Вместе с ним возвратились и другие: и Ингиза, и Сайна Юн, и ещё с полтора десятка мастеров, в разное время пропавших без вести.

— Сердишься на меня? — спросил Эрнан с похоронной серьёзностью, когда мы остались наедине... ну как наедине — рыжий отсыпался в соседней комнате, потому что новое тело после нагрузок требовало двойной дозы отдыха.

Я внимательно прислушалась к себе. Желание поделиться новообретённой мудростью было, а устроить безобразную истерику — отсутствовало, из чего напрашивался вывод, что нет, наверное, не сержусь.

— Знаешь... — начала я проникновенно, а потом представила, сколько всего надо будет высказать, если уж начну, и сама себя

оборвала. — Ладно. Сойдёмся на том, что мы квиты. Ведь изначально ты вообще оказался здесь из-за меня.

— Ты же этого не планировала, — возразил он раздражающим спокойствием.

— А ты планировал, чтоб нас обоих едва не угрохали? Вопрос риторический, — вздохнула я. — Кстати, я тут собираюсь через некоторое время нанести тебе ещё один удар, а именно — оставить тебя здесь в качестве добровольного заложника и выпросить у мастера Лагона тур в родной мир на пару месяцев. Что-нибудь передать тёте Гпэм?

Спросила-то я в шутку, но Эрнан с четверть часа подробно описывал, какое ему надгробие установить на семейном кладбище: простое, чёрное, без идиотских каменных детишек в венчиках и трагически-торжественных надписей.

— Ты что, не шутишь? Это не какой-то извращённый сарказм? — не выдержала я в конце концов.

У дяди вырвался вздох, исполненный самой искренней боли:

— Ты плохо знаешь Гпэм. Это за тебя родители будут цепляться до последнего и ждать годы, а она похоронит меня при первом же удобном случае хотя бы для того, чтоб заказать шикарное траурное платье с вуалью и чёрным харрийским жемчугом. Ну, и памятник закажет такой, чтоб все её подружки, светские хищницы, удавились от зависти.

— Звучит так, будто ты вообще возвращаться не желаешь.

Эрнан очень выразительно раскашлялся, а затем ловко свернул на другую тему.

Собственно, этот разговор и стал последней соломинкой. Я остро осознала, что раз с внутренними шрамами Тейта мы разобрались, пора бы навестить и моих. Откладывать дальше было чревато сомнениями и колебаниями: скоро наши разгонят остатки свободных, хозяйничающих в окрестностях, в Лагоне окончательно наведут порядок, возобновятся занятия в мастерских — а там рукой подать до очередного приключения... Так и застряну.

Ну уж нет.

Я заглянула в комнату, полюбовалась на своё рыжее счастье. Хотела поцеловать, но не рискнула: разбужу ведь, потом не отвяжусь.

Любопытно, конечно, было бы взглянуть на лица моей дивной родни при виде новообретённого спутника жизни, дикаря-аборигена, разумеется, совершенно не подходящего для девушки из хорошей семьи, с прекрасным образованием и связями... Но страх с ними, перебьются.

Мастер Лагона обнаружился на верхнем этаже своей террасы наблюдения. Забавно, что не так давно я тряслась, поднимаясь сюда, а теперь шла уверенно, как домой. Впрочем, почему «как»? Так оно и было — в некотором смысле.

Ещё издали мне почудился полужнакомый бодрящий аромат, сладкий, орехово-плотный и терпкий одновременно.

«Галлюцинации», — подумала я и решительно преодолела последний пролёт выбираясь на террасу.

— Я ждал тебя Трикси Бланш, — певуче поприветствовал меня Оро-Ич. И протянул синим щупальцем крошечную пиалу, до краёв наполненную чёрным напитком. — Здесь плоды твоих усилий. Вкусишь перед долгой разлукой?

— А она что, будет долгой? — осторожно спросила я, принимая пиалу. Пригубила — горько. И невероятно, невозможно, блаженно — наверное, такова на вкус сбывшаяся мечта. — Я думала, что исчезну на день или два...

Мастер Лагона наблюдал за мной с непонятным удовольствием. Солнечный свет падал через узкие длинные окна наискосок; пиала в моих ладонях постепенно пустела, и по костям растекалось тепло. Невыносимо клонило в сон.

— День, два... Если не идти самому, а прибегать к ритуалам, то течение времени становится непредсказуемым, — наконец произнёс Оро-Ич. — Могу обещать лишь, что в твоём мире пройдёт не больше месяца. Не носи это время механизмов ни на себе, ни в себе, иначе обратный переход может причинить боль или смерть. Гарантией же твоего возвращения будет кровь родича, Эрнана Даймонда.

— Он не возражает, — усмехнулась я, отставляя пиалу. — В конце концов, дядя мне должен — за побережье. Когда начнём?

Мастер склонился ко мне — и вдруг щёлкнул ногтем по лбу.

— Уже, Трикси Бланш.

Это было странное ощущение.

Я словно размазалась по всему Лагону, находясь везде и нигде. Видела, как глубоко под землёй, в своей мастерской Ригуми Шаа что-то напряжённо объясняет женщине с голубыми волосами, а она смотрит на него сердито и с обожанием; как две девчонки пытаются завернуть в блестящую сеть дракона, дремлющего у озера, а Итасэ смеётся так, что разогнуться не может; как дремлет Лиора, склонив голову на плечо Игамины Марона, впервые за долгие годы не ощущающего никакой вины за само своё существование; как прекрасное златовласое видение, Ингиза, растерянно оглядывает Лагон с самого высокого холма, точно пытаюсь найти своё место в изменившемся доме; как бредёт Аринга по горам, не разбирая пути — на север, к преграде, что прежде считалась неодолимой...

Мир поплыл.

И в самый-самый последний момент перед тем, как он исчез, на террасу наблюдения метнулась вдруг огненная комета, оплела меня руками и ногами — и мы рухнули в пустоту вместе.

...Испортить свадьбу обожаемой кузине — святое дело. Но испоганить собственные похороны — уже признак дурного вкуса.

Сияло солнце, веял освежающий ветерок, цвели каштаны. Кладбище было безмолвно. Я стояла на гробу- моём, судя по надписям, выгравированным на памятнике по соседству, и, разумеется, пустом — в обнимку с Тейтом. Соседний монумент принадлежал дяде Эрнану — весь в каменных розочках, умильных завитушках и с проникновенной надписью, что-то вроде: «Ушёл ты из жизни безвременно, оставив неизбывную боль». Вокруг на приличном расстоянии полукругом выстроились родственники, начиная с отца, беспомощно и заплаканного, и заканчивая Лоран. Она единственная, кстати, пришла на траурную церемонию в возмутительном красном платье, словно так и не желала признавать мою смерть. Мальчик рядом, видимо, сын, белобрысой шевелюрой пошёл в Даймондов, а характером — определённно в семейство Бланш, так как сейчас он занимался ничем иным, как потрошением похоронного букета из элирий. Роскошного, кстати, никто из почивших родичей такого прежде не достаивался...

Сомнительный повод для радости, но в текущей ситуации сойдёт и такой.

— Вот! — в полной тишине воздела палец Лоран и злодейски расхохоталась. — Я же говорила, что она не умерла! Я же предупреждала! Мы её оплакиваем тут, а она, а она... упражняется в разврате! Трикси-младший, а ну, заткни уши, я буду ругаться.

Мальчик послушно закрыл уши ладошками.

Лоран бранилась — грязно, как профессор филологии; папа рыдал в собственный галстук; мама смеялась, как ненормальная и хлопала в ладоши.

Меня это, впрочем, ничуть не беспокоило.

— Познакомься, — серьёзно обернулась я к Тейту. — Моя семья. Они немного странные, но наверняка тебе понравятся... А если и нет, то мы всё равно здесь ненадолго. Ох, Тейт, а как же нам теперь вернуться вместе? — запоздало испугалась я. — Неизвестно, когда Оро-Ич нас вытащит, и вообще...

Он обнял меня и просиял беспечно, глядя в глаза:

— Ну, подумаешь! Сюда-то вместе попали, потому что держались друг за друга. Значит, всего лишь надо не отпускать тебя.

Нас тянуло друг к другу, как магнитом. Ответ я прошептала ему в губы:

— Долго?

— Всегда.

Честно говоря, мне это показалось неплохим предложением.

Нет.

Лучшим из возможных.